

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ТРИДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ I

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 2-я линія, № 7.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1889

1887, Jan. 28 – Feb. 26.

(1554)

ПОШЕХОНСКАЯ СТАРИНА

Жизнь и приключенія Никанора Затрапезнаго *).

XXVI.—Помѣщичья среда.

Помѣщиковъ въ нашемъ краю было много, но матеріа. ихъ положеніе представлялось не особенно завиднымъ. Каж наше семейство считалось самымъ зажиточнымъ; богаче былъ только владѣлецъ села Отрады, о которомъ я однажды миналъ; но такъ какъ онъ въ имѣніи живалъ лишь наѣз то о немъ въ помѣщичьемъ кругу не было и рѣчи [1]). За можно было указать на три-четыре среднихъ состоянія отъ сотъ до тысячи душъ (въ разныхъ губерніяхъ), а за ними довала мелкота отъ полутораста душъ и ниже, спускаясь д сятковъ и единицъ.

Были мѣстности, гдѣ въ одномъ селѣ скучивалось до шести господскихъ усадебъ, и вслѣдствіе этого существо безтолковѣйшая черезполосица. Но споры между совладѣль возникали рѣдко. Во-первыхъ, всякій отлично зналъ свой чокъ, а во-вторыхъ, опытъ доказывалъ, что ссоры между та близкими сосѣдями невыгодны: порождаютъ безконечныя д и мѣшаютъ общежитію. А такъ какъ послѣднее составляло ственный рессурсъ, который сколько-нибудь смягчалъ скуку, разлучную съ безвыѣзднымъ житьемъ въ захолустьѣ, то б разумное большинство предпочитало смотрѣть сквозь пальцы

*) См. дек., 481 стр.

[1]) Я не говорю о немногихъ владѣльцахъ болѣе или менѣе значител оброчныхъ имѣній, которые имѣли усадьби въ другихъ губерніяхъ, а въ наше рогѣ даже наѣздомъ не показывались.

земельную неурядицу, лишь бы не ссориться. Поэтому, и вопросъ о размежеваніи черезполосныхъ владѣній, несмотря на настоянія начальства, оставался нетронутымъ: всѣ знали, что какъ только приступлено будетъ къ его практическому осуществленію—общей свалки не миновать.

Но иногда случалось, что въ подобной плотно замкнувшейся помѣщичьей мурьѣ появлялся кляузникъ, или просто наглый человѣкъ, который затѣвалъ судьбища, и при содѣйствіи сутягъ-подъячихъ распространялъ кругомъ отраву. Подъ вліяніемъ этой отравы, мурья приходила въ движеніе; всякій начиналъ отыскивать *свое*; возникали разбирательства и постепенно втягивали въ себя всѣхъ сосѣдей. Споръ о клочкѣ въ нѣсколько десятковъ квадратныхъ саженъ переходилъ въ личную ссору, а наконецъ и въ открытую вражду. Вражда обострялась, дѣлалась неумолимою. Бывали случаи, что сосѣди-односельцы, всѣ поголовно, не только не посѣщали другъ друга, но избѣгали встрѣчъ на улицѣ, и даже въ церкви устраивали взаимные скандалы. Разумѣется, одолѣвалъ тотъ, кто былъ посильнѣе и помогутнѣе; слабымъ же и захудалымъ и судиться было не на что. Послѣдніе по неволѣ смирялись и, кругомъ обездоленные, являлись просить пощады. Тогда въ мурьѣ вновь возстановлялась тишь да гладь, да божья благодать.

Помѣщики, владѣвшіе особняками, конечно, были избавлены отъ сутолоки, составляющей неизбѣжную принадлежность слишкомъ близкаго сосѣдства, но зато они жили скучнѣе. Въ люди ѣздили рѣдко, охотой занимались только осенью, а хозяйство представляло слишкомъ слабый рессурсъ, чтобы наполнить жизнь. Страстные хозяева встрѣчались въ видѣ исключенія; большинство довольствовалось заведенными порядками, которые обезпечивали насущный кусокъ и давали достаточно досуга, чтобы имѣть право называться бариномъ или барыней. Не мѣшаетъ замѣтить при этомъ, что помѣщики, которые хоть сколько-нибудь возвышались надъ матеріальнымъ уровнемъ мелкоты, смотрѣли свысока̀ на своихъ захудалыхъ собратій и вообще черезчуръ легко заражались чванствомъ.

Помѣщичьи усадьбы были крайне невзрачны. Задумавши строиться, ставили продолговатый срубъ, въ родѣ казармъ, раздѣляли его внутри перегородками на каморки, проконопачивали стѣны мхомъ, покрывали тесовой крышей и въ этомъ неприхотливомъ помѣщеніи ютились, какъ могли. Подъ вліяніемъ атмосферическихъ измѣненій, срубъ разсыхался и темнѣлъ, крыша пропускала течь. Въ окна дуло; сырость проникала безпрепятственно

всюду; полы ходили ходуномъ, потолки покрывались пятнами, и домъ, за отсутствіемъ ремонта, вросталъ въ землю и ветшалъ. На зиму стѣны окутывали соломой, которую прикрѣпляли жердями; но это плохо защищало отъ холода, такъ что зимой приходилось топить и утромъ, и на ночь. Само собой разумѣется, что у помѣщиковъ побогаче дома строились обширнѣе и прочнѣе, но общій типъ построекъ былъ одинаковъ.

Объ удобствахъ жизни, а тѣмъ менѣе о живописной мѣстности не было и рѣчи. Усадьба ставилась преимущественно въ низинкѣ, чтобы отъ вѣтра обиды не было. Съ боковъ выстраивали хозяйственныя службы, сзади разводили огородъ, спереди—крохотный палисадникъ. Ни парковъ, ни даже фруктовыхъ садовъ, хоть бы въ качествѣ доходной статьи, не существовало. Рѣдкорѣдко гдѣ можно было встрѣтить натуральную рощицу или обсаженный березками прудокъ. Сейчасъ за огородомъ и службами начинались господскія поля, на которыхъ съ ранней весны до поздней осени безостановочно шла работа. Помѣщикъ имѣлъ полную возможность изъ оконъ дома наблюдать за процессомъ ея и радоваться или печалиться, смотря по тому, что̀ ожидало впереди, урожай или безкормица. А это было въ жизни самое существенное и всѣ прочіе интересы отодвигало далеко на задній планъ.

Несмотря, однакожъ, на недостаточныя матеріальныя средства, особенной нужды не чувствовалось. Развѣ ужъ самые мелкотравчатые не успѣвали сводить концы съ концами и искали подспорья въ томъ, что перекочевывали съ дѣтьми отъ однихъ сосѣдей къ другимъ, играя незавидную роль буфоновъ и приживальцевъ. Причина такого сравнительнаго довольства заключалась отчасти въ общей дешевизнѣ жизни, но преимущественно въ крайней неприхотливости требованій. Ограничивались исключительно своимъ, некупленнымъ. Денежныхъ издержекъ требовала только одежда, водка и въ рѣдкихъ случаяхъ бакалейные товары. Въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ семьяхъ (даже не изъ самыхъ бѣдныхъ) и чай пили только по большимъ праздникамъ, а о виноградномъ винѣ совсѣмъ было не слышно [1]). Настойки, наливки, квасъ, медъ—вотъ напитки, которые были въ ходу, а домашнія соленья и маринады фигурировали въ качествѣ заку-

---

[1]) Виноградное вино всѣхъ наименованій выдѣлывалось въ Кашинѣ купцомъ Терликовымъ. Не знаю, насколько эта смѣсь была безвредна, но во всякомъ случаѣ она стоила недорого. Впослѣдствіи, кромѣ Терликовыхъ, поддѣлкою винъ занялись Зизикины (въ Кашинѣ же) и Соболевы (въ Ярославлѣ). Кажется, и по сю пору ихъ вина въ ходу.

сокъ. За столомъ подавали все свое, за исключеніемъ говядины, которая, вслѣдствіе этого, употреблялась рѣдко. Домочадцы, не имѣя понятія о такъ-называемыхъ разносолахъ, удовлетворялись этимъ обиходомъ вполнѣ, да и гости претензій не заявляли. Было бы жирно и всего вдоволь—вотъ мѣрило, которымъ руководилось тогдашнее помѣщичье гостепріимство.

Сто, двѣсти рублей (ассигнаціями) считались въ то время большими деньгами. И вотъ, когда они случайно скоплялись въ рукахъ, то для семьи устраивалось что-нибудь прочное. Покупали сукна, ситцевъ и проч., и съ помощью домашнихъ мастеровъ и мастерицъ члены семьи обшивались. Дома продолжали ходить въ старенькомъ; новое берегли для гостей. Завидятъ, что гости ѣдутъ — и бѣгутъ переодѣваться, чтобы гости думали, что гостепріимные хозяева *всегда* такъ ходятъ. Зимой, когда продавался залишній хлѣбъ и разный деревенскій продуктъ, денегъ въ обращеніи было больше, и ихъ „транжирили“; лѣтомъ—дрожали надъ каждой копѣйкой, потому что въ рукахъ оставалась только слѣпая мелочь. „Лѣто — припасуха, зима — прибируха“, гласила пословица, и вполнѣ оправдывала свое содержаніе на практикѣ. Поэтому, зимы ждали съ нетерпѣніемъ, а лѣтомъ уединялись и пристально слѣдили изъ оконъ за процессомъ созиданія предстоящаго зимняго раздолья.

Во всякомъ случаѣ, на судьбу рѣдко роптали. Устраивались насколько кто могъ, и на лишніе куски не зарились. Сальныя свѣчи (тоже покупной товаръ) берегли какъ зѣницу ока, и когда въ домѣ не было гостей, то по зимамъ долго сумерничали и рано ложились спать. Съ наступленіемъ вечера, помѣщичья семья скучивалась въ комнатѣ потеплѣе; ставили на столъ сальный огарокъ, присаживались поближе къ свѣту, вели немудреные разговоры, рукодѣльничали, ужинали и расходились не поздно. Если въ семьѣ было много барышенъ, то веселая ихъ бесѣда зá полночь раздавалась по дому, но вѣдь разговаривать и безъ свѣчей можно.

Тѣмъ не менѣе, въ какой мѣрѣ это относительно безнуждное житіе отражалось на крѣпостной спинѣ — это вопросъ особый, который я оставляю открытымъ.

Образовательный уровень помѣщичьей среды былъ еще менѣе высокъ, нежели матеріальный. Только одинъ помѣщикъ могъ похвалиться университетскимъ образованіемъ, да двое (мой отецъ и полковникъ Туслицынъ) получили довольно сносное домашнее воспитаніе и имѣли средніе чины. Остальную массу составляли недоросли изъ дворянъ и отставные прáпоры. Въ нашей мѣст-

ности изстари такъ повелось, что выйдетъ молодой человѣкъ изъ кадетскаго корпуса, прослужитъ годикъ-другой и пріѣдетъ въ деревню на хлѣбá къ отцу съ матерью. Тамъ, сошьетъ себѣ архалукъ, начнетъ по сосѣдямъ ѣздить, дѣвицу присмотритъ, женится, а когда умрутъ старики, то и самъ на хозяйство сядетъ. Нечего грѣха таить, не честолюбивый, смирный народъ былъ, ни въ высь, ни въ ширь, ни по сторонамъ не заглядывался. Рылся около себя, какъ кротъ, причины причинъ не доискивался, ничѣмъ, что̀ происходило за деревенской околицей, не интересовался, и ежели жилось тепло да сытно, то былъ доволенъ и собой, и своимъ жребіемъ.

Печатное дѣло успѣхомъ не пользовалось. Изъ газетъ (ихъ и всего-то на цѣлую Россію было три) получались только „Московскія Вѣдомости", да и тѣ не болѣе какъ въ трехъ или четырехъ домахъ. О книгахъ и рѣчи не было, исключая академическаго календаря, который выписывался почти вездѣ; сверхъ того, попадались пѣсенники и другія дешевыя произведенія рыночной литературы, которыя вымѣнивали у разносчиковъ барышни. Онѣ однѣ любили отъ скуки почитать. Журналовъ не получалось вовсе, но съ 1834 года матушка начала выписывать „Библіотеку для Чтенія", и надо сказать правду, что отъ просьбъ прислать почитать книжку отбоя не было. Всего больше нравились: „Оленька, или вся женская жизнь въ нѣсколькихъ часахъ" и „Висячій гость", принадлежавшіе перу барона Брамбеуса. Послѣдній сразу сдѣлался популярнымъ, и даже его не совсѣмъ опрятною „Литературною лѣтописью" зачитывались до упоенья. Сверхъ того, барышни были большія любительницы стиховъ, и не было дома (съ барышнями), въ которомъ не существовало бы объемистаго рукописнаго сборника, или альбома, наполненныхъ произведеніями отечественной поэзіи, начиная отъ оды „Богъ" и кончая нелѣпымъ стихотвореніемъ: „На послѣднемъ я листочкѣ". Геній Пушкина достигъ въ то время апогея своей зрѣлости, и слава его гремѣла по всей Россіи. Проникла она и въ наше захолустье и въ особенности въ средѣ барышенъ нашла себѣ восторженныхъ поклонницъ. Но не мѣшаетъ прибавить, что слабѣйшія вещи, въ родѣ „Талисмана", „Черной шали" и проч., нравились больше, нежели произведенія зрѣлыя. Изъ послѣднихъ наибольшее впечатлѣніе производилъ „Евгеній Онѣгинъ", по причинѣ легкости стиха, но истинный смыслъ поэмы едва ли былъ кому доступенъ.

Лишенная прочной образовательной подготовки, почти непричастная умственному и литературному движенію большихъ цен-

тровъ, помѣщичья среда погрязала въ предразсудкахъ и въ полномъ невѣденіи природы вещей. Даже къ сельскому хозяйству, которое, казалось бы, должно было затрогивать существеннѣйшіе ея интересы, она относилась совершенно рутинно, не выказывая ни малѣйшихъ попытокъ въ смыслѣ улучшенія системы или пріемовъ. Однажды заведенные порядки служили закономъ, а представленіе о безконечной растяжимости мужицкаго труда лежало въ основаніи всѣхъ разсчетовъ. Считалось выгоднымъ распахивать какъ можно больше земли подъ хлѣбъ, хотя, благодаря отсутствію удобренія, урожаи были скудные и давали не больше зерна на зерно. Все-таки это зерно составляло излишекъ, который можно было продать, а о томъ, какою цѣною доставался тотъ излишекъ мужичьему хребту, и думать надобности не было.

Къ этой общей системѣ, въ качествѣ подспорья, прибавлялись молебны о ниспосланіи вёдра или дождя; но такъ какъ пути Провидѣнія для смертныхъ закрыты, то самыя жаркія мольбы не всегда помогали. Сельско-хозяйственной литературы въ то время почти не существовало, а ежели въ „Библіотекѣ для Чтенія“ и появлялись ежемѣсячно компиляціи Шелихова, то онѣ составлялись поверхностно, по руководству Тэера, совершенно непригодному для нашего захолустья. Подъ ихъ наитіемъ выискались двѣ-три личности—изъ молодыхъ да раннія—которыя пробовали дѣлать опыты, но изъ нихъ ничего путнаго не вышло. Причина неудачъ, конечно, прежде всего заключалась въ кругломъ невѣжествѣ экспериментаторовъ, но отчасти и въ отсутствіи терпѣнія и устойчивости, составляющемъ характеристическую черту полуобразованности. Представлялось, что результатъ долженъ придти сейчасъ же, немедленно; а такъ какъ онъ не приходилъ по желанію, то неудача сопровождалась потокомъ ничего не стоющихъ ругательствъ, и охота къ производству опытовъ столь же легко пропадала, какъ и приходила.

Нѣчто подобное повторилось впослѣдствіи, при освобожденіи крестьянъ, когда чуть не поголовно всѣ помѣщики возмнили себя сельскими хозяевами и, растративши пóпусту выкупныя ссуды, кончили тѣмъ, что стремительно бѣжали изъ насиженныхъ отцами гнѣздъ. Кáкъ стоитъ это дѣло въ настоящее время—сказать не могу, но уже изъ того одного, что землевладѣніе, даже крупное, не сосредоточивается болѣе въ одномъ сословіи, а испестрилось всевозможными сторонними примѣсями,—достаточно ясно, что старинный помѣстный элементъ оказался не настолько сильнымъ и приготовленнымъ, чтобы удержать за собой главенство даже въ такомъ существенномъ для него вопросѣ, какъ аграрный.

Вопросы внѣшней политики были совсѣмъ неизвѣстны. Только въ немногихъ домахъ, гдѣ получались „Московскія Вѣдомости", выступали на арену, при гостяхъ, кое-какія скудныя новости, въ родѣ того, что такая-то принцесса родила сына или дочь, а такой-то принцъ, будучи на охотѣ, упалъ съ лошади и повредилъ себѣ ногу. Но такъ какъ новости были запоздалыя, то обыкновенно при этомъ прибавляли: „теперь ужъ, поди, нога зажила!"—и переходили къ другому, столь же запоздалому извѣстію. Нѣсколько дольше останавливались на кровавой путаницѣ, происходившей въ то время въ Испаніи между карлистами и христиносами, но, не зная началъ ея, тщетно усиливались разгадать ея смыслъ. Францію считали очагомъ безнравственности и были убѣждены, что французы питаются лягушками. Англичанъ называли купцами и чудаками, и разсказывали анекдоты, какъ нѣкоторый англичанинъ бился объ закладъ, что будетъ цѣлый годъ питаться однимъ сахаромъ и т. д. Къ нѣмцамъ относились снисходительнѣе, прибавляя, однако, въ видѣ поправки: „что̀ русскому здорово, то̀ нѣмцу смерть". Этими краткими росказнями и характеристиками исчерпывался весь внѣшній политическій горизонтъ.

О Россіи говорили, что это государство пространное и могущественное, но идея объ отечествѣ, какъ о чемъ-то кровномъ, живущемъ одною жизнію и дышущемъ однимъ дыханіемъ съ каждымъ изъ сыновъ своихъ, едва ли была достаточно ясна. Скорѣе всего, смѣшивали любовь къ отечеству съ выполненіемъ распоряженій правительства и даже просто начальства. Никакихъ „критикъ", въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, не допускалось, даже на лихоимство не смотрѣли какъ на зло, а видѣли въ немъ глухой фактъ, которымъ надлежало умѣючи пользоваться. Всѣ споры и недоразумѣнія разрѣшались при посредствѣ этого фактора, такъ что еслибъ его не существовало, то еще, Богъ знаетъ, не пришлось ли бы пожалѣть о немъ. Затѣмъ, относительно всего остального, не выходящаго за предѣлы приказаній и предписаній, царствовало полное равнодушіе. Бытовая сторона жизни, съ ея обрядами, преданіями и разлитою во всѣхъ ея подробностяхъ поэзіей, не только не интересовала, но представлялась низменною, „неблагородною". Старались истреблять признаки этой жизни даже среди крѣпостной массы, потому что считали ихъ вредными, подрывающими систему безмолвнаго повиновенія, которая одна признавалась пригодною въ интересахъ помѣщичьяго авторитета. Въ барщинскихъ имѣніяхъ праздникъ ничѣмъ не отличался отъ будней, а у „образцовыхъ" помѣщиковъ пѣсни настойчиво изгонялись изъ среды дворовыхъ. Случались, конечно, исключенія, но

они уже составляли любительское дѣло, въ родѣ домашнихъ оркестровъ, пѣвчихъ и т. п.

Я знаю, мнѣ могутъ сказать, что бывали историческіе моменты, когда идея отечества вспыхивала очень ярко и, проникая въ самыя глубокія захолустья, заставляла биться сердца. Я отнюдь и не думаю отрицать этого. Какъ бы ни были мало развиты люди, все же они не деревянные, и общее бѣдствіе способно пробудить въ нихъ такія струны, которыя, при обычномъ теченіи дѣлъ, совсѣмъ перестаютъ звучать. Я еще засталъ людей, у которыхъ въ живой памяти были событія 1812-го года, и которые разсказами своими глубоко волновали мое молодое чувство. То была година великаго испытанія, и только усиліе всего русскаго народа могло принести и принесло спасеніе. Но не о такихъ торжественныхъ моментахъ я здѣсь говорю, а именно о тѣхъ будняхъ, когда для усиленнаго чувства нѣтъ повода. По моему мнѣнію, и въ торжественныя годины, и въ будни, идея отечества одинаково должна быть присуща сынамъ его, ибо только при ясномъ ея сознаніи человѣкъ пріобрѣтаетъ право назвать себя гражданиномъ.

Двѣнадцатый годъ—это народная эпопея, память о которой перейдетъ въ вѣка и не умретъ, покуда будетъ жить русскій народъ. Но я былъ личнымъ свидѣтелемъ другого историческаго момента (войны 1853—1856 г.), близко напоминавшаго собой двѣнадцатый годъ, и могу сказать утвердительно, что въ сорокалѣтній промежутокъ времени патріотическое чувство, за недостаткомъ питанія и жизненной разработки, въ значительной мѣрѣ потускнѣло. У всѣхъ въ памяти кремневыя ружья съ выкрашенными деревянными курками вмѣсто кремней, картонныя подошвы въ ратническихъ сапогахъ, гнилое сукно, изъ котораго строилась ратническая одежда, гнилые ратническіе полушубки и проч. Наконецъ, памятенъ процессъ замѣстительства ополченскихъ офицеровъ, а по заключеніи мира торговля ратническими квитанціями. Мнѣ возразятъ, конечно, что всѣ эти постыдныя дѣла были совершены отдѣльными личностями, и ни помѣщичья среда (которая, впрочемъ, была главною распорядительницей въ устройствѣ ополченія), ни народъ не причастны имъ. Охотно допускаю, что во всемъ этомъ настроеніи преимущественными виновниками являются отдѣльныя личности, но вѣдь масса присутствовала при этихъ дѣяніяхъ—и не ахнула. Смѣхъ раздавался, смѣхъ!—и никому не приходило въ голову, что смѣются мертвецы...

Во всякомъ случаѣ, при такомъ смутномъ представленіи объ отечествѣ не могло быть и рѣчи объ общественномъ дѣлѣ.

Къ похвалѣ помѣщиковъ того времени я долженъ сказать,

что, несмотря на невысокій образовательный уровень, они заботливо относились къ воспитанію дѣтей,—преимущественно, впрочемъ, сыновей,—и дѣлали все, что̀ было въ силахъ, чтобы дать имъ порядочное образованіе. Даже самые бѣдные всѣ усилія напрягали, чтобы достичь благопріятнаго результата въ этомъ смыслѣ. Не доѣдали куска, въ лишнемъ платьѣ домочадцамъ отказывали, хлопотали, кланялись, обивали у сильныхъ міра пороги... Разумѣется, всѣ взоры были обращены на казенныя заведенія и на казенный кошель, и потому кадетскіе корпуса все еще продолжали стоять на первомъ планѣ (туда легче было на казенный счетъ поступить); но какъ только мало-мальски позволяли средства, такъ уже мечтался университетъ, предшествуемый гимназическимъ курсомъ. И надо сказать правду: молодежь, пришедшая на смѣну старымъ недорослямъ и пра́порамъ, оказалась нѣсколько иною. Къ сожалѣнію, помѣщичьи дочери играли въ этихъ воспитательныхъ заботахъ крайне второстепенную роль, такъ что даже и вопроса о сколько-нибудь сносномъ женскомъ образованіи не возникало. Женскихъ гимназій не существовало, а институтовъ было мало, и доступъ въ нихъ сопрягался съ немаловажными затрудненіями. Но главное, все-таки повторяю, самой потребности въ женскомъ образованіи не чувствовалось.

Что касается до нравственнаго смысла помѣщичьей среды нашей мѣстности въ описываемое время, то отношенія ея къ этому вопросу ближе всего можно назвать страдательными. Атмосфера крѣпостного права, тяготѣвшая надъ нею, была настолько въѣдчива, что отдѣльные индивидуумы утопали въ ней, утрачивая личные признаки, на основаніи которыхъ можно было бы произнести надъ ними правильный судъ. Рамки были для всѣхъ одинаково обязательныя, а въ этихъ общихъ рамкахъ обязательно же вырисовывались контуры личностей, почти ничѣмъ не отличавшихся одна отъ другой. Разумѣется, можно было указать на подробности, но онѣ зависѣли отъ случайно сложившейся обстановки, и притомъ носили родственныя черты, на основаніи которыхъ можно было легко добраться до общаго источника. Впрочемъ, изъ всей настоящей хроники довольно явственно выступаетъ неприглядная сторона нравственнаго состоянія тогдашняго культурнаго общества, и потому я не имѣю надобности возвращаться къ этому предмету. Прибавлю одно: крайне возмутительнымъ фактомъ являлась гаремная жизнь и вообще неопрятные взгляды на взаимныя отношенія половъ. Язва эта была достаточно-таки распространена и нерѣдко служила поводомъ для трагическихъ развязокъ.

Остается сказать нѣсколько словъ о религіозномъ настроеніи. Въ этомъ отношеніи я могу свидѣтельствовать, что сосѣди наши были вообще набожны; если же изрѣдка и случалось слышать праздное слово, то оно вырывалось безъ намѣренія, именно только ради краснаго словца, и всѣхъ такихъ празднословов безъ церемоніи называли пустомелями. Сверхъ того, довольно часто встрѣчались личности, которыя, очевидно, не понимали истиннаго смысла самыхъ простыхъ молитвъ; но и это слѣдуетъ отнести не къ недостатку религіозности, а къ умственной неразвитости и низкому образовательному уровню.

Переходя отъ общей характеристики помѣщичьей среды, которая была свидѣтельницей моего дѣтства, къ портретной галлереѣ отдѣльныхъ личностей, уцѣлѣвшихъ въ моей памяти, я считаю нелишнимъ прибавить, что все сказанное выше написано мною вполнѣ искренно, безъ всякой предвзятой мысли во что бы то ни стало унизить или подорвать. На склонѣ лѣтъ, охота къ преувеличеніямъ пропадаетъ, и является непреодолимое желаніе высказать правду, одну только правду. Рѣшившись возстановить картину прошлаго, еще столь недалекаго, но уже съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе утопающаго въ пучинѣ забвенія, я взялся за перо не съ тѣмъ, чтобы полемизировать, а съ тѣмъ, чтобы свидѣтельствовать истину. Да и нѣтъ никакой цѣли подрывать то, что̀ уже само, въ силу общаго историческаго закона, подорвано.

Бытописателей изображаемаго мною времени являлось въ нашей литературѣ довольно много; но я могу утверждать смѣло, что воспоминанія ихъ приводятъ къ тѣмъ же выводамъ, какъ и мои. Быть можетъ, окраска иная, но факты и существо ихъ одни и тѣ же, а фактовъ вѣдь ничѣмъ не закрасишь.

Покойный Аксаковъ своею „Семейной Хроникой“ несомнѣнно обогатилъ русскую литературу драгоцѣннымъ вкладомъ. Но, несмотря на слегка идиллическій оттѣнокъ, который разлитъ въ этомъ произведеніи, только близорукіе могутъ увидѣть въ немъ апологію прошлаго. Одного Куролесова вполнѣ достаточно, чтобы снять пелену съ самыхъ предубѣжденныхъ глазъ. Но поскоблите немного и самого старика Багрова, и вы убѣдитесь, что это совсѣмъ не такой самостоятельный человѣкъ, какимъ онъ кажется съ перваго взгляда. Напротивъ, на всѣхъ его намѣреніяхъ и поступкахъ лежитъ покровъ фаталистической зависимости, и весь онъ съ головы до пятокъ не болѣе, какъ игралище, безпрекословно подчиняющееся указаніямъ крѣпостныхъ порядковъ.

Во всякомъ случаѣ, я позволю себѣ думать, что въ ряду прочихъ матеріаловъ, которыми воспользуются будущіе историки русской общественности, моя хроника не окажется лишнею.

XXVII.—Предводитель Струнниковъ.

Нашъ уѣздъ не пользовался хорошей репутаціей въ губерніи, и на сословныхъ выборахъ игралъ очень незавидную роль. Не было примѣра, чтобъ изъ среды нашихъ помѣщиковъ избирались губернскіе предводители дворянства, да и на должность уѣзднаго предводителя охотниковъ отыскивалось мало. Равнодушіе къ общественному дѣлу было всеобщее; на выборы ѣздили очень немногіе, потому что это требовало расходовъ, а у нашихъ помѣщиковъ лишнихъ денегъ не было. Поэтому, дѣйствующими лицами на сословныхъ торжествахъ являлись преимущественно представители такъ-называемыхъ „складныхъ душъ“ (ихъ обыкновенно возилъ предводитель на свой счетъ) да помѣщики, которые сами намѣревались баллотироваться на должностныя мѣста.

Благодаря этимъ условіямъ, Өедоръ Васильичъ Струнниковъ много трехлѣтій сряду былъ избираемъ въ уѣздные предводители, не зная конкуррентовъ. Каждые три года онъ ѣздилъ въ веселой компаніи въ губернскій городъ, наблюдая, чтобъ было на-лицо требуемое закономъ число голосовъ (кажется, не меньше семи; въ противномъ случаѣ, уѣздъ объявлялся несамостоятельнымъ и присоединялся къ сосѣднему уѣзду), и члены компаніи, подѣливъ между собою должностныя мѣста, возвращались домой княжить и володѣть. Это до такой степени вошло въ обычай, что никому и на умъ не приходило, что могъ существовать иной предводитель, кромѣ Струнникова, иной судья, кромѣ Глазатова, и иной исправникъ, кромѣ Метальникова.

Струнниковъ воспитывался въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, но отличался такимъ замѣчательнымъ тупоуміемъ и такою непреоборимою лѣностью, что начальство не разъ порывалось возвратить его родителямъ. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ уже на старшемъ курсѣ, когда умеръ его отецъ (мать умерла раньше). Не долго думая, молодой человѣкъ оставилъ заведеніе, не кончивъ курса, поступилъ юнкеромъ въ квартировавшій въ нашемъ городѣ драгунскій полкъ, дослужился до корнетскаго чина и вышелъ въ отставку. А двадцати-двухъ лѣтъ онъ женился на одной изъ помѣщицъ нашего уѣзда, и вслѣдъ затѣмъ былъ выбранъ въ предводители.

Онъ имѣлъ изрядное состояніе, но собственныя его имѣнія находились въ другихъ губерніяхъ, а у насъ онъ пользовался цензомъ жены. Въ ея усадьбѣ онъ и жилъ на краю большого села, въ которомъ скучилось нѣсколько мелкопомѣстныхъ семей. Двухъ-этажный его домъ, выстроенный на пригоркѣ, господствовалъ надъ селомъ и держалъ въ решпектѣ живущихъ въ немъ. Домъ былъ обширный, но построенный на старинный ладъ и обезображенный множествомъ пристроекъ, которыя совсѣмъ были ненужны, потому что владѣлецъ жилъ въ немъ самъ-другъ съ женой и дѣтей не имѣлъ. Между прочимъ, въ домѣ существовала большая зала въ два свѣта, которою Струнниковъ очень гордился. По зимамъ онъ задавалъ въ ней пиры, на которыхъ гремѣлъ домашній оркестръ и пѣли доморощенные пѣвчіе. Но ни парка, ни даже порядочнаго сада при усадьбѣ, какъ водится, не было.

Жилъ онъ на-распашку, не по состоянію. Имѣлъ отличныхъ поваровъ, выписывалъ изъ Москвы настоящее виноградное вино и всякую бакалею, держалъ открытый столъ для господъ дворянъ, а псовая охота его даже составляла гордость цѣлой губерніи, хотя собачій лай и визгъ, немолчно раздававшіеся на псарномъ дворѣ, положительно отравляли существованіе сосѣдей. Словомъ сказать, даже въ то льготное время онъ съумѣлъ такъ устроиться, что, не выѣзжая изъ захолустья, не только проживалъ свой собственный доходъ, но и не выходилъ изъ долговъ, дѣлать которые былъ великій искусникъ.

Въ то время отъ предводителя ничего иного и не требовалось. Уже гораздо позднѣе пошли въ ходъ всякіе „принципіи", а тогда спрашивалось только исправное и достаточно вмѣстительное чрево. Ежели при хорошемъ желудкѣ были на-лицо соотвѣтствующія матеріальныя средства и извѣстная доза тароватости, то на такого предводителя всѣ смотрѣли съ упованіемъ. Помѣщики говорили: „у насъ только и попить, и поѣсть, что у предводителя", —и безъ всякой совѣсти злоупотребляли гостепріимствомъ своего излюбленнаго человѣка, который проматывалъ сотни душъ и вылѣзалъ изъ кожи, чтобъ заслужить отъ господъ дворянъ похвалу.

Внѣшнимъ видомъ Струнниковъ похвалиться не могъ. Ростъ ниже средняго, ноги короткія, животъ обширный, на-тощакъ отвислый, а по принятіи пищи выдающійся впередъ и тугой, какъ барабанъ. Жиру и сбоку, и спереди, и сзади — безъ конца. Голова маленькая, круглая, безъ малѣйшихъ неровностей, словно на токарномъ станкѣ выточенная, что̀ въ особенности ярко вы-

ступало вслѣдствіе того, что онъ стригъ волосы подъ гребенку. „Зеркало души“ (лицо)—вылитый мопсъ. Выраженіе лица измѣнчивое: на-тощакъ—огрызающееся, по принятіи пищи—ласковое. Съ перваго взгляда на него можно сказать: вотъ человѣкъ, который отъ рожденія осужденъ на безпрерывную ѣду! И онъ, дѣйствительно, ѣлъ часто и много, и когда наѣдался, то все существо его наполнялось тихимъ мурлыканьемъ. Тогда проси у него чего хочешь—ни въ чемъ отказа не будетъ.

Насколько онъ былъ неблагообразенъ, настолько же пригожа была его жена. Это была въ полномъ смыслѣ слова писанная русская красавица, высокая, стройная, полногрудая, съ прекраснымъ оваломъ лица, большими сѣрыми глазами на выкатѣ и густой темнорусой косой. Она тоже любила покушать, и эта общая черта сближала ихъ настолько, что, несмотря на фатальную наружность мужа, супруги жили довольно согласно. Некогда было любоваться другъ другомъ; днемъ—передъ глазами тарелки; наступитъ ночь—темно, не видать. Одно только яблоко раздора существовало—это безплодіе Александры Гавриловны, на которое Ѳедоръ Васильичъ горько жаловался.

— Чтожъ ты не рожаешь!—то и дѣло укорялъ онъ жену:—срамъ сказать, сколько лѣтъ вмѣстѣ живемъ, а хоть бы дочку ты принесла!

На что она совершенно резонно возражала:

— И хорошо дѣлаю, что не рожаю. Дочка-то, пожалуй, вышла бы въ тебя—кто бы ее тогда, мопса такого, замужъ взялъ!

— Ну-ну, ѣшь-ка, ѣшь! Мопсъ да мопсъ, заладила одно! Ныньче мопсы-то въ модѣ, втридорога за нихъ даютъ!.. А котлетка-то, кажется, пригорѣла... Эй! кто тамъ! позвать сюда Сысойку повара!

Этимъ инцидентъ и заканчивался.

Глупымъ, въ грубомъ значеніи этого слова, Струнникова назвать было нельзя, но и уменъ онъ былъ лишь настолько, чтобы, какъ говорится, сальныхъ свѣчей не ѣсть и стекломъ не утираться. Вообще, обладалъ тѣмъ ординарнымъ смысломъ, который не удивляетъ громкими дѣлами, но совершенно достаточенъ для обезпеченія личной безопасности. Не чувствуя ни малѣйшей потребности устремляться въ неизвѣданныя сферы, и даже не имѣя понятія о подобныхъ сферахъ, онъ легко избѣгалъ ошибокъ, свойственныхъ выспреннимъ умамъ, и всегда имѣлъ подъ руками готовый афоризмъ, подъ сѣнію котораго и укрывался, въ полной увѣренности, что никто его тамъ не найдетъ. Онъ могъ даже вести разговоръ въ обществѣ—разумѣется, не трудный—но гово-

рилъ столь своеобразно, такъ сказать, очертя голову, что многіе его изреченій вмѣстить не могли.

— Есть когда мнѣ разговоры обдумывать!—оправдывался онъ передъ тѣми, которые оскорблялись неожиданными оборотами его рѣчей:—у меня дѣла по горло, а тутъ еще разговоры обдумывать изволь! Сказалъ чтó нужно—и будетъ!

Несмотря на несомнѣнное простодушіе, онъ, какъ я уже упомянулъ, былъ великій дока заключать займы, и остряки-помѣщики не безъ основанія говаривали о немъ: „вотъ бы кого министромъ финансовъ назначить!" Прежде всего, къ нему располагало его безграничное гостепріимство: совѣстно было отказать человѣку, у котораго во всякое время попить и поѣсть можно. Но, кромѣ того, такъ какъ онъ ни о чемъ другомъ серьезно не думалъ, то, вслѣдствіе долговременной практики, въ немъ образовалась своего рода прозорливость на этотъ счетъ. Верхнимъ чутьемъ угадывалъ онъ заимодавца и опытной рукой накидывалъ на него петлю. На однихъ дѣйствовалъ посуломъ значительныхъ процентовъ, на другихъ — ласкою и мелкими одолженіями. Или назовется окрестить новорожденнаго, или на свадьбѣ, въ качествѣ посаженаго отца, фигурируетъ. Пріѣдетъ въ мундирѣ, въ бѣлыхъ перчаткахъ—картина!—какъ тутъ отказать! Неудачъ не бывало; всѣмъ окрестнымъ помѣщикамъ онъ былъ долженъ, даже такимъ, которые сами были по уши въ долгахъ. Но не брезговалъ и богатенькими мужичками, и ежели гдѣ крупной суммы не дадутъ, то удовольствуется и малой, а остальное въ другомъ мѣстѣ выпроситъ. Заслышитъ, что у какого-нибудь мужика-крѣпыша кубышка завелась, заѣдетъ и начнетъ петлю закидывать.

— Ѣхалъ мимо,—скажетъ,—думаю, дай заѣду на кума посмотрѣть. Здорово, куманекъ! Чайку-то дашь, что ли?

— Помилуйте, сударь! чего другого... Эй, вы! поворачивайтесь проворнѣе!

— Чтò, какъ дѣла?

— Дѣла какъ сажа бѣла! Похвалить нельзя.

— Ну, это ты врешь, кумъ. Кубышка-то въ подпольѣ непочатая лежитъ.

— Какая у насъ, сударь, кубышка!

— Извѣстно, какія кубышки бываютъ. Ну чтó, какъ крестный сынокъ? дочка посаженая какъ?

— Все слава Богу.

— Слава Богу—лучше всего. Я, братъ, простыня-человѣкъ, старыхъ пріятелей не забываю. Вотъ ты такъ спѣсивъ сталъ; и не заглянешь, даромъ что кумъ!

— Помилуйте! смѣю ли я!

— Чего „смѣю ли“! Всякаго, кто ни придетъ—всѣхъ милости просимъ! а для благопріятеля и подавно кусокъ найдется!

Выпьетъ чашку, выпьетъ другую, а потомъ шуточкой да смѣшкомъ и поведетъ настоящую рѣчь.

— Ну такъ какъ же, другъ, намъ съ кубышкой твоей быть! Такъ безъ пользы у тебя деньги лежатъ, а я бы тебѣ хорошій процентъ далъ.

При этомъ вступленіи, кумъ начинаетъ безпокойно шевелить лопатками.

— Право! мнѣ, братъ, немного и нужно. Рубликовъ двѣсти, триста на недѣльку перехватить.

— Чтò вы, сударь! гдѣ же мнѣ эко мѣсто денегъ взять!

— А много, такъ три полсотни дай. Я тебѣ ихъ черезъ недѣлю возвращу, да бѣленькую за благодарность прибавлю... пользуйся!

— Чтò вы! бѣленькую! словно ужъ много!

— Нѣтъ, я таковъ. Всякое дѣло по справедливости люблю дѣлать. Ты меня одолжишь, а я тебя за это благодарить буду.

И будетъ сидѣть и шутить до тѣхъ поръ, пока кумъ хоть двѣ полсотни не выложитъ на столъ.

Словомъ сказать, ужъ на что была туга на деньги матушка, но и она нé могла устоять противъ льстивыхъ рѣчей Струнникова, и хоть изрѣдка, но ссужала-таки его небольшими суммами. Разумѣется, всякій разъ послѣ подобной выдачи слѣдовало раскаяніе и клятвы никогда впередъ не попадать въ просакъ; но это не помогало дѣлу, и то, чтò ужъ однажды попадало въ карманъ добрѣйшаго Ѳедора Васильича, исчезало тамъ, какъ въ бездонной пропасти.

Зато, Струнниковъ не получалъ жалованья и велъ себя „благородно“, то-есть взятокъ не бралъ; зато, онъ кормилъ и поилъ весь уѣздъ.

Надобно, впрочемъ, отдать справедливость Струнникову: обращеніе его съ крестьянами и дворовыми было очень миролюбивое. Всѣ выработанныя крѣпостной легальностью ограниченія, дававшія подневольному люду возможность вздохнуть, соблюдались имъ безусловно. Мужики жили исправно и черезъ мѣру барщиной не отягощались; дворовые смотрѣли весело, несмотря на то, что въ домѣ царствовала вѣчная сутолока, по случаю безпрерывно смѣнявшихъ другъ друга гостей. Одно въ немъ было скверно: ни одного лакея онъ не звалъ по имени, но для каждаго имѣлъ свой свистъ. Съ утра начинали раздаваться по дому разнообраз-

нѣйшіе свисты, то короткіе, то протяжные, то тихіе, то рѣзкіе, то напоминавшіе какой-нибудь пѣсенный мотивъ. И бѣда „хаму“, который опрометью не прибѣгалъ на присвоенный ему свистъ: Өедоръ Васильичъ все готовъ былъ простить, кромѣ этого преступленія.

Но этимъ, такъ сказать, домашнимъ мягкосердечіемъ и исчерпывались добродѣтели Струнникова. Какъ предводитель, обязанный наблюдать за своими собратіями, онъ просто никуда не годился. И это было совершенно понятно, потому что кругомъ жили все заимодавцы, на дѣйствія которыхъ по неволѣ приходилось смотрѣть сквозь пальцы.

Впрочемъ, для того, чтобы еще яснѣе обрисовать личность нашего предводителя, я считаю не лишнимъ описать его будничный день.

Лѣтнее утро; девятый часъ въ началѣ. Өедоръ Васильичъ въ синемъ шолковомъ халатѣ появляется изъ общей спальни и черезъ цѣлую анфиладу комнатъ проходитъ въ кабинетъ. Лицо у него покрыто маслянистымъ глянцемъ; глаза влажны, слипаются; въ углахъ губъ запеклась слюна. Онъ останавливается по дорогѣ передъ каждымъ зеркаломъ, и припоминаетъ, что вчера съ вечера у него чесался носъ.

— Такъ и есть! — ворчитъ онъ: — вскочилъ-таки прыщъ... анаѳема!

Изъ устъ его вылетаетъ короткій свистъ, на который опрометью вбѣгаетъ камердинеръ Прокофій.

— Умываться готово! — докладываетъ онъ.

— Безъ тебя знаю. Погода какова?

— Съ утра дождичекъ шелъ небольшой, а теперь повеселѣло.

— Повеселѣло, такъ тѣмъ лучше. Сѣно сушить будемъ. Староста пришелъ?

— Въ лакейской дожидается.

— Умываться! живо!

Въ одну минуту, Струнниковъ ужъ умытъ. Раздается новый свистъ, другого фасона, на который вбѣгаетъ буфетчикъ Тимоѳей и докладываетъ, что въ столовой накрытъ чай.

— Безъ тебя знаю. Скажи старостѣ, чтобъ дожидался. Какъ отопью чай, позову.

Въ столовой, на кругломъ столѣ, кипитъ самоваръ; на подносѣ лежитъ цѣлая груда домашняго печенья; сбоку стоитъ нарѣзанный ломтями холодный ростбифъ. Александра Гавриловна разливаетъ чай.

Она въ утреннемъ бѣломъ капотѣ и въ кружевной головной накидкѣ, придерживающей косу. Лицо у нея чистое, свѣжее, точно вымытое росой и только-что обсохшее подъ лучами утренняго солнца; сквозь тонкій батистъ капота отчетливо обрисовываются контуры наливныхъ плечей и груди. Но Өедоръ Васильичъ не засматривается на нее и кратко произноситъ:

— Сахару больше клади.

— Пей-ка, пей, нечего учить!

Струнниковъ выпиваетъ вмѣстительную чашку чая съ густыми сливками и съѣдаетъ, одну за другой, нѣсколько булокъ. Утоливши первый голодъ, онъ протягиваетъ женѣ чашку за новымъ чаемъ и взглядываетъ на нее.

— Всѣмъ бы ты хороша,—начинаетъ онъ шутки шутить,— и лицомъ взяла, и плечи у тебя... только вотъ дѣтей не родишь!

— Слышала. Надоѣлъ. Еще бабушка на-двое сказала, кто виноватъ, что у меня дѣтей нѣтъ.

— Ужъ не я ли? Да въ здѣшней во всей округѣ ни одной деревни нѣтъ, въ которой бы у меня дѣтей не было. Это хоть у кого хочешь спроси.

— Говорятъ тебѣ: надоѣлъ. Молчи, коли другого разговора нѣтъ.

— У меня-то нѣтъ разговора! Да я о чемъ угодно, чтò угодно... сейчасъ!

Өедоръ Васильичъ пьетъ другую чашку и каждый глотокъ заѣдаетъ кускомъ ростбифа, который жадно разрываетъ зубами. Александра Гавриловна тоже кушаетъ аппетитно.

— Вотъ мы утромъ чай пьемъ,—начинаетъ онъ „разговоръ“,—а нѣмцы, тѣ кофей пьютъ. И Петербургъ отъ нихъ заразился, тоже кофей пьетъ.

Александра Гавриловна молчитъ.

— Что-жъ ты молчишь? Сама же другого разговора просила, а теперь молчишь! Я говорю: мы по утрамъ чай пьемъ, а нѣмцы кофей. Чай-то, сказываютъ, въ ихней сторонѣ въ аптекахъ продается, все равно, какъ у насъ шалфей. А все оттого, что мы не даемъ...

— Чего не даемъ?

— Чаю... Какая ты безтолковая! Къ намъ чай прямо изъ Китая идетъ, а кромѣ насъ китайцы никому не даютъ. Такой ужъ уговоръ: вы намъ чай давайте, а мы вамъ ситцы да миткали, да сукна... да все гнилые!

— Ишь вретъ! Свисти-ка, да зови старосту. Только понапрасну человѣка задерживаешь.

— Не великъ баринъ—подождетъ!

— Да вѣдь для тебя же...

— Знаю, что для меня. А то для кого же? Ну-ну, не хорохорься! сейчасъ позову.

Раздается свистъ.

— Зови старосту! чтò онъ тамъ торчитъ!

Входитъ староста Терентій, здоровый и коренастый мужикъ съ смышленою физіономіей. Онъ знаетъ барина, какъ свои пять пальцевъ, умѣетъ угадывать малѣйшія его думы, и взялъ себѣ за правило никогда не прекословить. Смотритъ не робко.

— Кàкъ дѣла?

— Дѣла середнія, Ѳедоръ Васильичъ; похвалить нельзя. Дожди почесть каждый день льютъ. Двѣ недѣли съ сѣномъ хороводимся—совсѣмъ потемнѣло.

— Ничего, съѣдятъ.

— Съѣсть—отчего не съѣсть; даже въ охотку съѣдятъ.

— А коли съѣдятъ, стало быть, и разговаривать не объ чемъ. Намъ не продавать.

— Зачѣмъ продавать! у насъ своей скотины довольно.

— А ты говоришь: потемнѣло! Коли съѣдятъ, такъ чего-жъ тутъ! Не люблю я, когда пустяки говорятъ. Въ поляхъ каково?

— Слава Богу. Рожь налила, подсыхать скоро начнетъ. И овесъ выкидывается.

— Ладно. У меня чтобы всего, и ржи, и овса—всего чтобы самъ-сёмъ было. Какъ хочешь, такъ и распоряжайся, я знать ничего не хочу.

— Чтой-то, Ѳедоръ Васильичъ, овса-то будто ужъ и многонько. По здѣшнему мѣсту и слыхомъ о такихъ урожаяхъ не слыхивали.

— Ну не самъ-сёмъ, такъ самъ-пять. Съ Богомъ; ступай!

Староста удаляется. Во время хозяйственнаго совѣщанія, Александра Гавриловна тоже снялась съ мѣста и удалилась восвояси. Раздается короткій свистъ.

— Одѣваться готово!—провозглашаетъ Прокофій.

— И безъ тебя знаю. Пошли на конный дворъ сказать, чтобъ ждали меня. Буду сегодня выводку смотрѣть. А оттуда на псарный дворъ пройду. Иванъ Ѳомичъ здѣсь?

— Въ кабинетѣ дожидается.

Иванъ Ѳомичъ Синегубовъ—письмоводитель Струнникова. Это старый подъячій, котораго даже въ то лихоимное время нашли неудобнымъ держать на коронной службѣ. Но Ѳедоръ Васильичъ именно за это и возлюбилъ его.

— Ужъ коли тебя изъ уѣзднаго суда за кляузы выгнали, значитъ, ты дока!—сказалъ онъ.—Переходи на службу ко мнѣ, въ убыткѣ не будешь.

Синегубовъ послѣдовалъ приглашенію, но, по временамъ, роптал, что предводитель жалованья ему не платитъ, а ежели и отдастъ разомъ порядочный кушъ, то сейчасъ же его взаймы выпроситъ. Такимъ образомъ долгъ росъ, и вопреки здравому смыслу, запутывалъ не должника, а невольнаго кредитора. Неоднократно Иванъ Ѳомичъ сбирался бѣжать отъ своего патрона, но всякій разъ его удерживала мысль, что, въ такомъ случаѣ, долгъ, доросшій до значительной цифры, пожалуй, пропадетъ безвозвратно. Напротивъ, Струнниковъ, воздерживаясь отъ уплатъ, разомъ достигалъ двухъ цѣлей: и отъ лишнихъ денежныхъ тратъ освобождался, и „доку" на привязи держалъ.

Ѳедоръ Васильичъ приходитъ въ кабинетъ и начинаетъ безъ церемоніи одѣваться передъ письмоводителемъ.

— Много дѣловъ?—спрашиваетъ онъ.

— Бумажка отъ губернатора пришла. Мудреная. Спрашиваетъ, какой у насъ духъ въ уѣздѣ.

— Какой такой духъ?

— Я и самъ, признаться... Мыслей, что ли, какихъ ищутъ.

— А я почемъ знаю! Не жареное—не пахнетъ. Мыслей! Отроду не бывало, и вдругъ вздумалось!

— По поводу, говоритъ, недавнихъ событій... французъ, стало быть... Да вотъ извольте сами прочесть.

— Экъ ихъ! Французъ бунтуетъ, а у насъ—духъ! Не стану я читать; пиши прямо: никакого у насъ духу нѣтъ.

— Слушаю-съ.

— А теперь съ Богомъ. У меня своего дѣла по горло. На конный иду, да и на псарню давно не заглядывалъ. Скажите на милость... „духъ" нашли!

Но Синегубовъ переминается съ ноги на ногу и не спѣшитъ уйти.

— Должку бы мнѣ, Ѳедоръ Васильичъ... хоть чàсточку! — произноситъ онъ нерѣшительно.

— На что тебѣ?

— Помилуйте! какъ же на что! своихъ денегъ прошу, не чужихъ!

— Я тебя спрашиваю, на что̀ тебѣ деньги понадобились, а ты чепуху городишь. Русскимъ языкомъ тебѣ говорятъ: зачѣмъ тебѣ деньги?

— Все-таки... какъ же возможно!

— Одинъ ты, какъ перстъ, ни жены, ни дѣтей нѣтъ; квартира готовая, столъ готовый; одѣтъ, обутъ... Жаденъ ты—вотъ что!

— Өедоръ Васильичъ!..

— На табакъ ежели, такъ я давно тебѣ говорю: перестань проклятымъ зельемъ носъ набивать. А если и нужно на табакъ, такъ вотъ тебѣ двугривенный—и будетъ. Это ужъ я отъ себя, въ родѣ какъ подарокъ... Нюхай!

Струнниковъ отпираетъ бюро, достаетъ изъ кошелька двугривенный и подаетъ его письмоводителю.

— Съ Богомъ. А на бумагу такъ и отвѣчай: никакого, молъ, духу у насъ въ уѣздѣ нѣтъ и не бывало. Живемъ тихо, французу не подражаемъ... А насчетъ долга не опасайся: деньги твои у меня словно въ ломбартѣ лежатъ. Ступай.

Покончивши съ письмоводителемъ, Өедоръ Васильичъ отправляется на конный дворъ, но, пришедши туда, взглядываетъ на часы... Скоро одиннадцать, а ровно въ полдень его ждетъ завтракъ.

— Сегодня я недолго у васъ буду: дѣла задержали,—объявляетъ онъ:—выведите „Модницу"!

„Модница"—молодая кобылка, на которую Струнниковъ возлагаетъ большія надежды. Конюха́ знаютъ это, и заранѣе ее настегали, чтобъ она взвивалась на дыбы и „шалила" передъ бариномъ.

— Зачѣмъ на дыбы становиться даете?—командуетъ баринъ, видимо, однако, довольный, что любимица его „шалитъ".—Отпустите поводья, пусть смирно идетъ... вотъ такъ! Арапникъ дайте!

Старшій конюхъ становится посрединѣ площадки съ длинной кордой въ рукахъ; рядомъ съ нимъ помѣщается баринъ съ арапникомъ. „Модницу" заставляютъ дѣлать круги всевозможными аллюрами: и тихимъ шагомъ, и рысью, и въ галопъ, и во весь карьеръ. Струнниковъ весело попугиваетъ кобылу, и сердце въ немъ начинаетъ играть.

— Ишь селезенкой хлопаетъ... да, изъ этой кобылы будетъ прокъ!—восклицаетъ онъ, натѣшившись минутъ двадцать.

— Какого еще коня нужно!—раздаются кругомъ льстивые голоса.

— Вывести „Илью Муромца"!

Выводятъ статнаго жеребца, который считается главнымъ производителемъ небольшого Струнниковскаго завода. Почуявъ кобылу, онъ тоже взвивается на дыбы и громко ржетъ.

— Ишь гогочетъ, подлецъ! знаетъ, чѣмъ пахнетъ!—восторгается баринъ, и ни съ того ни съ сего, вспомнивши недавній

докладъ Синегубова, прибавляетъ:—а тутъ еще духòвъ какихъ-то разыскиваютъ!—вотъ это такъ духъ!

„Илью Муромца" тоже заставляютъ всякіе аллюры выдѣлывать; но Струнниковъ уже не съ прежнимъ вниманіемъ слѣдитъ за его работой. Онъ то-и-дѣло вынимаетъ изъ кармана часы, и, наконецъ, убѣждается, что стрѣлка уже переходитъ за половину двѣнадцатаго.

— Будетъ; усталъ. Скажите на псарной, что зайду позавтракавши, а если дѣла задержатъ, такъ завтра въ это же время. А ты у меня, Артемій, смотри! пуще глаза „Модницу" береги! Ежели чтò случится—ты въ отвѣтѣ!

— Чему случиться... оборони Богъ!

— То-то. Съ Богомъ; ведите жеребца назадъ.

Струнниковъ не торопясь возвращается домой, и для возбужденія аппетита заглядываетъ въ встрѣчающіяся по пути хозяйственныя постройки. Зайдетъ на погребъ — тамъ дѣвчонки подъ навѣсомъ сидятъ, горшки со сметаной между колѣнами держатъ, чухонское масло мутовками бьютъ.

— Это вы чухонское масло для стола бьете?—молвитъ онъ: — бейте! Повару много масла нужно.

Или въ мучнòй лабазъ завернетъ; тамъ ключникъ муку пекарю отпускаетъ.

— Муку, что ли, для стола выдаешь? — выдавай! Только смотри: выдавай вѣсомъ и записывай, чтò отпустилъ. А то вѣдь я васъ знаю!

— Мы, кажется, Өедоръ Васильичъ...

— Ладно. Знаю я, что я Өедоръ Васильичъ, а не Сидоръ Карпычъ...

Стрѣлка показываетъ безъ пяти минутъ двѣнадцать; Струнниковъ начинаетъ спѣшить. Онъ почти бѣгомъ бѣжитъ домой и какъ разъ поспѣваетъ въ ту минуту, когда на столѣ ужъ дымится полное блюдо горячихъ телячьихъ котлетъ.

— Карнѣичъ не приходилъ?—спрашиваетъ онъ, усаживаясь въ креслѣ за столъ, противъ Александры Гавриловны, и завѣшивая грудь салфеткой.

— Не приходилъ-съ.

— Черезъ часъ послать за нимъ. Сказать, что къ спѣху.

Өедоръ Васильичъ съѣдаетъ котлету за котлетой. Онъ рветъ мясо зубами, и когда жуетъ, то смотритъ вдаль, словно о чемъ-то думаетъ. Отъ наслажденія, лицо его принимаетъ почти страдальческое выраженіе. Съѣвши три котлеты и запивши ихъ квасомъ (вина онъ совсѣмъ никакого не пьетъ), онъ въ недоумѣніи смо-

тритъ на жаренаго цыпленка, какъ будто не можетъ дать себѣ отчета, сытъ онъ или не сытъ. Наконецъ, рѣшаетъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ, захватываетъ добычу вилкой и тащитъ на тарелку. Покончивши съ цыпленкомъ, приступаетъ къ суфлé изъ грецкихъ орѣховъ, и столь же исправно дѣйствуетъ ложкой, какъ дѣйствовалъ вилкой и ножемъ. Наконецъ, наѣлся и утомился, словно пять верстъ пробѣжалъ. По комнатѣ раздается тяжкій и продолжительный вздохъ.

— О, Господи Іисусе Христе!—стонетъ Струнниковъ, закрывая глаза, и тутъ же за столомъ впадаетъ въ забытье.

Во снѣ онъ видитъ цѣлую эпопею. Снится ему тотъ самый бычокъ, котлеты изъ котораго онъ только-что ѣлъ. Бычокъ родился ровно шесть недѣль тому назадъ отъ коровы Красавки и подобно родительницѣ своей имѣлъ пеструю одежду. Съ первыхъ же шаговъ своего вступленія въ свѣтъ, онъ обнаружилъ недюжинныя телячьи способности, обѣщая со временемъ сдѣлаться умнымъ и степеннымъ быкомъ, надежнымъ руководителемъ ввѣреннаго ему стада. Но еще въ то время, когда онъ былъ въ утробѣ матери, въ сердцѣ Струнникова созрѣлъ уже умыселъ, рѣшившій его участь совсѣмъ по иному. Рѣшено было дать теленку солидное домашнее воспитаніе, то-есть отпаивать. Сначала поили его молокомъ матери, потомъ стали поить отъ двухъ коровъ. Ѳедоръ Васильичъ ежедневно заходилъ на скотный дворъ и радовался, видя, какъ онъ постепенно глупѣетъ. Глупѣлъ-глупѣлъ, наконецъ легъ и сталъ приходить въ дремотное состояніе. Это былъ признакъ, что домашнее воспитаніе кончилось, и что отнынѣ предстояло лишь пользоваться плодами его. Однимъ утромъ, Струнниковъ пришелъ въ хлѣвъ, въ которомъ неподвижно былъ распростертъ обреченный бычокъ, приказалъ поднять его, собственными руками прощупалъ тушу, и сдѣлалъ ребромъ ладони промѣръ частей, приговаривая: „задняя нога, другая нога, котлеты, грудина, печенка“ и т. д. А въ заключеніе, пришелъ въ такое восхищеніе, что поцѣловалъ теленка въ слюнявую морду, такъ сказать, „простился“ съ нимъ.

— Будетъ! завтра же колоть! а то, оборони Богъ, еще подохнетъ!—слетѣлъ съ его языка жестокій приговоръ.

Теленокъ вышелъ на славу. Четвертый ужъ день подаютъ его, въ разнообразнѣйшихъ видахъ за столъ, а все ему конца не видать. Покуда, ѣсть еще въ охотку, но вѣдь и здѣсь, какъ и во всѣхъ человѣческихъ желаніяхъ и стремленіяхъ, предѣлъ положенъ. То-то вотъ горе, что жена дѣтей не рожаетъ, а кажется, еслибъ у него, подобно Іакову, двѣнадцать сыновъ было,

онъ всѣхъ бы телятиной накормилъ, да еще осталось бы! А кромѣ того, какъ на грѣхъ, съ наступленіемъ рабочей страды и гости перемежились. Не минучее дѣло, придется съ сосѣдями дѣлиться. Карнѣичу ужъ снесли переднюю ногу,—не послать ли другую Псу Васильичу? Да, ему, именно ему, больше нéкому. Пускай старый песъ жретъ!

— А печенку сами съѣдимъ!—мелькаетъ въ его головѣ: — велю я ее въ сливочномъ маслѣ зажарить, да за завтракомъ и подать. Жирная должна быть печенка... аграмадная!

Многіе печенку въ сметанѣ жарятъ, но онъ этой манеры не придерживается. Сметана все-таки сметана, какъ ее ни прожаривай. А ежели она чуточку сыра, такъ хоть совсѣмъ не ѣшь. Печенка да въ сливочномъ маслѣ—вотъ это такъ именно царская ѣда! Жевать не нужно; стóитъ языкомъ присосаться — она и проскочила!

Струнниковъ дѣлаетъ губами движеніе, словно присасывается. Онъ сладко вздыхаетъ и хочетъ повернуться на бокъ, чтобы ловчѣе уснуть, но въ эту минуту въ передней происходитъ движеніе, которое пробуждаетъ его.

— Степанъ Карнѣичъ пришелъ,—докладываетъ Прокофій.

— Пришелъ? а? кто посылалъ?—спрашиваетъ баринъ, съ трудомъ приходя въ себя.

— Сами изволили посылать.

— Безъ тебя знаю. Зови.

Степанъ Карнѣичъ Пеструшкинъ—мелкопомѣстный дворянинъ, владѣющій въ одномъ селѣ съ предводителемъ пятнадцатью душами крестьянъ. Это пьяненькій и совсѣмъ согнутый старикъ, плѣшивый, съ краснымъ, обросшимъ окладистой бородой лицомъ, надъ которымъ господствуетъ сизый, громадныхъ размѣровъ носъ. Дома онъ почти не живетъ: съ утра бродитъ по сосѣдямъ; въ одномъ мѣстѣ пообѣдаетъ, въ другомъ поужинаетъ, а къ ночи, ежели ноги таскаютъ, возвращается домой. Въ особенности часто бываетъ онъ у Струнникова, при которомъ состоитъ въ качествѣ домашняго шута. Хозяйствомъ у него заправляетъ старуха жена да пожилая дочь, у которой одинъ глазъ вытекъ. Четверо сыновей находятся въ разбродѣ и не только не помогаютъ родителямъ, но очень рѣдко шлютъ извѣстія о себѣ. Бѣдность, какъ говорится, непокрытая, такъ что даже Струнникову никогда не приходило на мысль занять у Карнѣича денегъ.

— А! Карнѣичъ! какъ поживаешь? каково прижимаешь? — шутливо привѣтствуетъ старика Θедоръ Васильичъ:—зачѣмъ пожаловалъ?

— Присылали, значитъ.

— Кто присылалъ? съ роду не присылалъ! Эй! водки, да вчерашней телятины на закуску нарѣжьте. Садись, гость будешь. Какъ дѣла?

— Дѣла какъ слѣдуетъ. Вотъ теперь лѣто, запасаемся всякаго нѣта, а зимой будемъ жить богато, со двора покато.

— Ври больше. У самого сусѣки отъ зерна ломятся, а онъ аллилуію поетъ! А я, братъ, распорядился: приказалъ старостѣ, чтобъ было у меня всего самъ-сёмъ—и шабашъ!

— Чтò вамъ безпокоиться, благодѣтель! Ежели бы вы и самъ-десять заказали, такъ и то какъ разъ въ самую пору было бы! Чтò захотите, тò и будетъ.

— А чтò ты думаешь! и то дуракъ, что не заказалъ. Ну, да еще успѣется. Какъ Прасковья Ивановна? У Аринушки новый глазъ не выросъ ли, вмѣсто стараго?

— Все-то вы, сударь, шутите!

— Нисколько не шучу. Намеднись въ городѣ судья мнѣ разсказывалъ: проявился въ Парижѣ фокусникъ, который новые глаза дѣлаетъ. Не понравились, напримѣръ, тебѣ твои глаза, сейчасъ къ нему: пожалуйста, мусье, севуплей! Живымъ манеромъ онъ тебѣ старые глаза выковыряетъ, а новые вставитъ.

— И видятъ?

— За сто верстъ видятъ. Хочешь, голубые, хочешь, черные — какіе вздумаешь. Ну, да тебѣ въ Парижъ пѣшкомъ далеко ходить; сказывай, гдѣ былъ, побывалъ?

— Ахъ, благодѣтель! бѣднякъ, чтó муха: гдѣ заборъ, тамъ и дворъ, гдѣ щель, тамъ и постель. Брожу, покуда ноги носятъ; у Затрапезныхъ побывалъ.

— Экъ тебя нелегкая за семь верстъ киселя ѣсть носила!

— И то сказать... Анна Павловна съ тѣмъ и встрѣтила:— безъ тебя, говоритъ, какъ безъ рукъ, и плюнуть не на что! Людямъ, говоритъ, дыхнуть некогда, а онъ по гостямъ шляется! А мнѣ, признаться, одолжиться хотѣлось. Думалъ, не дастъ ли богатая барыня хоть четвертачекъ на бѣдность. Куда тебѣ! разсердилась, ногами затопала!—Сиди, говоритъ, одинъ, коли пришелъ! —заниматься съ тобой некому. А четвертаковъ про тебя у меня не припасено.

— Обѣдать-то дала ли?

— Покормили. Супцу третьеводнишняго дала, да полотòчка солененькаго съ душкомъ... Поѣлъ, отдохнулъ часокъ, другой, да и побрелъ въ обратную.

— Ишь вѣдь! по горло въ деньгахъ зарылась, а четвертака пожалѣла! Да развѣ тебѣ очень нужно?

— Ужъ такъ нужно, такъ нужно...

— Дѣлать нечего, придется, видно, для милаго дружка раскошеливаться. Приходи на-дняхъ—дамъ.

— По намеднишнему, небось, сдѣлаете! Мнѣ бы теперь...

— Теперь — не могу: за деньгами ходить далеко. А развѣ я намеднись обѣщалъ? Ну, позабылъ, братецъ, извини! Зато разомъ полтинничекъ дамъ. Я, братъ, не Анна Павловна; я... Да ты что-жъ на водку-то смотришь—пей!

Карнѣичъ выпиваетъ одну рюмку, потомъ другую; хочетъ третью налить, но Струнниковъ останавливаетъ его.

— Будетъ. Сразу ошалѣть, видно, хочешь! пьетъ рюмку за рюмкой, словно нутро у него просмоленое!

Пеструшкинъ выпилъ и начинаетъ ѣсть. Онъ голоденъ, и сразу уничтожаетъ всю принесенную телятину; но все-таки видно, что еще не сытъ.

— Тебѣ икры не хочется ли?

— Кабы...

— Ладно. Приходи черезъ недѣлю—дамъ. А теперь, выпей еще рюмку. и давай „комедіи“ разыгрывать.

„Комедіи“ —любимое развлеченіе Струнникова, ради котораго, собственно говоря, онъ и прикармливаетъ Карнѣича. Собесѣдники удаляются въ кабинетъ; Өедоръ Васильичъ усаживается въ покойное кресло; Карнѣичъ становится противъ него въ позитуру. Обязанность его заключается въ томъ, чтобы отвѣчать на вопросы, предлагаемые гостепріимнымъ хозяиномъ. Собесѣдованія эти повторяются изо дня въ день въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ, съ однимъ и тѣмъ же содержаніемъ, но незамѣтно, чтобы частое ихъ повтореніе прискучило участникамъ.

— Сказывай, каковъ ты есь человѣкъ?—вопрошаетъ Струнниковъ.

— Человѣкъ божій, обшитъ кожей, покрытъ рогожей. Издали ни то, ни сё, а что ближе, то гаже.

— Правду сказалъ. Отчего у тебя такой носъ, что смотрѣть тошно?

— Мой носъ для двухъ росъ,—одному достался. А равнымъ образомъ и отъ пьянства.

— И это правда. Зачѣмъ ты бороду отростилъ?

— Борода глазамъ замѣна: кто бы плюнулъ въ глаза —плюнетъ въ бороду.

— Хорошо. Сказалъ ты, что человѣкъ есь; а кромѣ того, еще чтò?

— Кромѣ сего, государя моего пошехонскій дворянинъ. Имѣю въ селѣ Словущенскомъ пятнадцать душъ крестьянъ, изъ коихъ двѣ находятся въ бѣгахъ, а прочія въ потѣ лица снискиваютъ для господина своего скудное пропитаніе.

— Чтò такое есть русскій дворянинъ?

— Дворянинъ есть имя общее, знаменитое. Дворяниномъ называется всякій потомственный слуга Престолъ-Отечества, начиная съ Өедора Васильича Струнникова и кончая Степаномъ Карнѣевымъ Пеструшкинымъ и Марьей Маревной Золотухиной.

— Что скажешь объ обязанностяхъ дворянина?

— Дворянинъ долженъ подавать примѣръ прочимъ. Онъ обязанъ быть почтителенъ къ старшимъ, вѣжливъ съ равными и снисходителенъ къ низшимъ. Отсутствіе гордости, забвеніе обидъ и великодушіе къ врагамъ составляютъ лучшее украшеніе, которымъ гордится русскій дворянинъ.

Слѣдуетъ еще нѣсколько вопросовъ и отвѣтовъ непечатнаго свойства, и собесѣдники переходятъ уже къ настоящимъ „комедіямъ". Карнѣичъ представляетъ разнообразные эпизоды изъ житейской практики сосѣднихъ помѣщиковъ. Какъ Анна Павловна Затрапезная повару обѣдъ заказываетъ; какъ Пѣсъ (Петръ) Васильичъ крестьянскіе огороды по ночамъ грабитъ; какъ овсецовская барыня мужа по щекамъ бьетъ и т. д. Все это Карнѣичъ продѣлываетъ такъ живо и òбразно, что Струнниковъ захлебывается отъ наслажденія.

Наконецъ, репертуаръ истощился. Өедоръ Васильичъ начинаетъ потирать животъ и посматриваетъ на часы. Половина второго, а обѣдать подаютъ въ три.

— Хоть бы ты новенькое что-нибудь придумалъ, а то все одно да одно, — обращается онъ къ Карнѣичу: — еще полтора часа до обѣда остается—пропадешь со скуки. Пляши.

— Радъ бы, да не могу, благодѣтель: ноги не служатъ. Было время, плясывалъ я. Плясалъ, плясалъ, да и доплясался.

— Чего „доплясался"! все-то ты, старый песъ, канючишь! какого еще тебѣ рожна нужно!

— Оно, конечно... Чужую бѣду руками разведу... Да вѣдь гая пословица на этотъ предметъ есть: бѣда не дудá; стадуть—слезы идутъ. Вòтъ оно, сударь, чтò!

- А ты привыкай. Дуй себѣ да дуй. На меня смотри: слыразвѣ когда-нибудь, чтобъ я на бѣду пожаловался? А у

меня однихъ дѣловъ столько, что въ сутки не передѣлаешь. Вотъ это такъ бѣда!

— Какая это бѣда! плюнуть да растереть...

— Попробуй! Давеча губернаторъ съ бумагой взошелъ; спрашиваетъ, какой у насъ въ уѣздѣ духъ?—А я почемъ знаю!

— Тсс...

— Ему-то съ полгоря: бросилъ камень въ воду, а я его вытаскивай оттолѣ! Чу! никакъ кто-то пріѣхалъ?

Струнниковъ прислушивается и ждетъ. Черезъ минуту, въ передней слышится движеніе.

— Федулъ Ермолаевъ пріѣхалъ!—докладываетъ лакей.

Струнникова слегка передергиваетъ. Федулъ Ермолаевъ—капитальный экономическій мужичокъ, которому Ѳедоръ Васильичъ долженъ изрядный кушъ. Навѣрное, онъ денегъ просить пріѣхалъ; будетъ разговаривать, надоѣдать. Кабы заранѣе предвидѣть его визитъ, можно было бы къ сосѣдямъ уйти, или дома не сказаться. Но теперь ужъ поздно; хочешь не хочешь, а приходится принимать гостя... нелегкая его принесла!

— Дожидайся! такъ я и отдалъ!—свирѣпо ворчитъ онъ сквозь зубы:—Зови!

Входитъ высокій и статный мужикъ въ синемъ суконномъ армякѣ, подпоясанномъ краснымъ кушакомъ. Это, въ полномъ смыслѣ слова, русскій молодецъ, съ веселыми глазами, румянымъ лицомъ, обрамленнымъ русыми волосами и шелковистой бородой. Отъ него такъ и пышетъ здоровьемъ и бодростью.

— Федулъ Ермолаичъ! сколько лѣтъ, сколько зимъ! Садись, братъ, гость будешь!—привѣтствуетъ его Струнниковъ:—Эй! кто тамъ! водки и закуски!

— Не извольте безпокоиться—не стану,—отказывается гость, присаживаясь:—на минуточку я... дѣла въ вашей сторонѣ нашлись...

— Не успѣлъ взойти, а ужъ и „на минуточку“! Куда путь-дорогу держишь?

— Раидина Надежда Савельевна звала. Пустошоночка у нея залишняя оказалась, продать охотится. А мы отъ добрыхъ дѣловъ не прочь.

— Когда же ты отъ добрыхъ дѣловъ отказываешься! Скоро всѣ пустошá по округѣ скупишь; столько земли наберешь, что всѣхъ помѣщиковъ перещеголяешь.

— Гдѣ намъ! Оно точно, что вáлошами [1]), по малости, тор-

---

[1]) „Вáлошами“ называются въ нашей мѣстности волы.

гуемъ, такъ скотинку въ пустошахъ нагуливаемъ. Ну, а около скотины и хлѣбопашествомъ тоже по малости занимаемся.

— Сказывай: „по малости"! Куры денегъ не клюютъ, а онъ смиренникомъ прикидывается!

— Зачѣмъ прикидываться! Мы свое дѣло въ открытую ведемъ; слава Богу, довольны, не жалуемся. А я вотъ о чемъ васъ хотѣлъ, Ѳедоръ Васильичъ, просить: не пожалуете ли мнѣ сколько-нибудь должку?

— А я развѣ тебѣ долженъ?—шутитъ Струнниковъ.

— Да тысячекъ съ семь побольше будетъ.

— А я думалъ, только три. И когда вы, чортъ васъ знаетъ, накапливаете!

— Помилуйте! я и записочки ваши захватилъ. Половину бы мнѣ... съ Раидиной разсчитался бы.

— Половинку! чудакъ, братецъ, ты! зачѣмъ же третьяго-дня не пріѣзжалъ? Я бы тебѣ въ ту пору хоть всѣ съ удовольствіемъ отдалъ!

— Какъ же это, сударь, такъ?

— Да такъ вотъ; третьяго-дня были деньги, а теперь ихъ нѣтъ... ау!

— Сколько ужъ времени, Ѳедоръ Васильичъ, прошло!

— И больше пройдетъ — ничего не подѣлаешь. Приходи, когда деньги будутъ—слова не скажу, отдамъ. Даже самъ взаймы дамъ, коли попросишь. Я, братъ, простыня-человѣкъ; есть у меня деньги — бери; нѣтъ — не взыщи. И закона такого нѣтъ, чтобы деньги отдавать, когда ихъ нѣтъ. Это хоть у кого хочешь спроси. Карнѣичъ! ты законы знаешь—есть такой законъ, чтобы деньги платить, когда ихъ нѣтъ?

— Не слыхалъ. Много есть законовъ, а о такомъ не слыхалъ.

— Вотъ видишь! ужъ если Карнѣичъ не слыхалъ—значитъ, и разговаривать нечего!

Ермолаевъ слегка мнется, какъ будто у него въ головѣ сложилась какая-то комбинація, и, наконецъ, произноситъ:

— Вотъ что̀, сударь, а вамъ предложить хочу. Пустошоночка у васъ есть, „Голубиное Гнѣздо" называется. Вамъ она не къ рукамъ, а я бы въ ней пользу нашелъ.

— Какъ тебѣ пользы не найти. Ты и самого меня заглотаешь—пользу найдешь.

— На что же-съ! Въ ней, въ пустошоночкѣ-то, и всего десятинъ семьдесятъ врядъ ли найдется, такъ я бы на кругъ по двадцати рубликовъ заплатилъ. Ча̀сточку долга и скостили бы, а остальное я бы подождалъ.

— Нельзя.

— Отчего же-съ? Цѣна, кажется, настоящая.

— Хоть разнастоящая, да нельзя.

— Помилуйте! что̀ же такое?

— А то и „такое", что земля не моя, а женина, а она на этотъ счетъ строга. Кабы моя земля была, я слова бы не сказалъ; вотъ у меня въ Чухломѣ болота тысяча десятинъ — бери! Даже еслибъ и женину землю можно было полегоньку, безъ купчей, продать — и тутъ бы я слова не сказалъ...

— Уговорить Александру Гавриловну можно.

— Попробуй!

Наступаетъ минута молчанія. Ермолаевъ испускаетъ тяжкій и продолжительный вздохъ.

— А я, было, понадѣялся,—произноситъ онъ,—и въ Раидинымъ на-двое выѣхалъ; думалъ: ежели не сладится дѣло съ вами—поѣду, а сладится, такъ и ѣхать безъ нужды не для чего.

— Стало быть, ѣхать нужно.

— И то, видно, ѣхать. Какъ же, сударь, должокъ?

— Присталъ! Русскимъ языкомъ говорятъ: когда будутъ деньги—все до копѣйки отдамъ!

Федулъ Ермолаичъ снова вздыхаетъ, но, наконецъ, рѣшается сняться съ мѣста.

— Нечего, видно, съ вами дѣлать, Өедоръ Васильичъ,—говоритъ онъ:—а я, было, думалъ... Простите, что побезпокоилъ напрасно.

Онъ ужъ совсѣмъ собрался уходить, какъ Струнникову внезапно приходитъ въ голову счастливая мысль.

— Стой!—восклицаетъ онъ:—лѣсу на срубъ купить хочешь?

— Не занимаемся мы лѣсами-то. По здѣшнему мѣсту дѣвать ихъ некуда. Выгоды мало.

— А ты займись. Я бы тебѣ Красный-Рогъ на срубъ продалъ; въ немъ сто десятинъ будетъ. Лѣсъ-то какой! соснякъ! Любое дерево на мельничный валъ продавай.

— Ничего лѣсокъ. Не занимаемся мы — вотъ только что̀. Да опять и лѣсъ не вашъ, а Александры Гавриловны.

— Ничего; на срубъ она согласится. Она, братъ, насчетъ лѣсовъ глупа. Намеднись еще говорила: „только доро́ги эти лѣса портятъ, вырубить бы ихъ".

— Это точно, что въ лѣсу дороги...

— Ну, вотъ; скажу ей, что нашелся простофиля, который согласился вырубить Красный-Рогъ, да еще деньги за это даетъ

—она даже рада будетъ. Только я, другъ, этотъ лѣсъ дешево не продамъ!

— А какъ по вашему?

— Да по сту рублей за десятину—вотъ какъ!

Сказавши это, Струнниковъ широко раскрываетъ глаза, словно и самъ своимъ ушамъ не вѣритъ, какая такая цифра слетѣла у него съ языка. Ермолаевъ, въ свою очередь, вскочилъ и начинаетъ креститься.

— За всю-то угоду, значитъ, десять тысячъ? — вопрошаетъ онъ въ изумленіи: — прощенья просимъ! извините, что обезпокоилъ васъ.

— Чего? куда бѣжишь? Ты послушай! Я тебѣ чтò говорю! Я говорю: десять тысячъ, а ежели это тебѣ дорого кажется, такъ я и на семь согласенъ.

— И семь тысячъ — много денегъ.

— Заладила сорока Якова: много денегъ! Вспомни, лѣсъ-то какой! деревья одно къ одному, словно солдаты, стоятъ! Сколько же по твоему?

— По моему, тысячки бы три съ половиной.

Торгъ возобновился. Наконецъ, устанавливается цифра въ пять тысячъ ассигнаціонныхъ рублей, на которую обѣ стороны согласны.

— Только вотъ чтò. Уговоръ пуще денегъ. Продаю я тебѣ сто десятинъ, а женѣ скажемъ, что всего семьдесятъ-пять. Это чтобы ей въ носъ бросилось!

— Какъ же такъ? чай, условіе писать будемъ?

— И условіе такъ напишемъ: семьдесятъ-пять десятинъ, *или болѣе или менѣе*... Карнѣичъ? такъ можно?

— И завсегда такъ условія пишутъ.

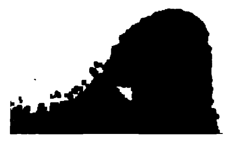
— Видишь, и Карнѣичъ говоритъ, что можно. Я, братъ, человѣкъ справедливый: коли дѣлать дѣлà, такъ чтобъ было по чести. А второе—вотъ что. Продаю я тебѣ лѣсъ за пять тысячъ, а женѣ скажемъ, что за четыре. Три тысячи ты долгу скостишь, тысячу женѣ отдашь, а тысячу — мнѣ. До зарѣзу мнѣ деньги нужны.

— А я, было, думалъ—всѣ пять тысячъ изъ долгу вычесть.

— Шутишь. Я, братъ, и самъ съ усамъ. Какая же мнѣ выгода задаромъ лѣсъ отдавать, коли я и такъ могу денегъ тебѣ не платить.

Ермолаевъ съ минуту колеблется, но, наконецъ, рѣшается.

— Чтò съ вами дѣлать! Только для васъ... — произноситъ

онъ съ усиліемъ.—Долгу-то много еще останется: слишкомъ четыре тысячи.

— Я ихъ тебѣ на томъ свѣтѣ калеными орѣхами отдамъ. Къ Раидинымъ поѣдешь?

— Какъ же-съ; пустошоночка-то все-таки нужна.

— Ну, счастливо. Дорого не давай—ей деньги нужны. Прощай! Да и ты, Карнѣичъ, домой ступай. У меня для тебя обѣда не припасено; а вотъ когда я съ него деньги получу—синенькую тебѣ подарю. Ермолаичъ! ужъ и ты расшибись! выброси ему синенькую на бѣдность!

Ермолаевъ вынимаетъ изъ-за пазухи бумажникъ и выдаетъ просимую сумму.

Карнѣичъ уходитъ домой, обрадованный и ободренный. Грубо выпроводилъ его отъ себя Струнниковъ, но онъ не обижается: знаетъ, что самъ виноватъ. Прежде, онъ часто у патрона своего обѣдывалъ, но однажды случился съ нимъ грѣхъ: не удержался, въ салфетку высморкался. Разумѣется, патронъ разсвирѣпѣлъ.

— Коли ты, свинтусъ, въ салфетки сморкаться выдумалъ, такъ ступай изъ-за стола вонъ!—крикнулъ онъ на него—и не смѣй на глаза мнѣ показываться!

И съ тѣхъ поръ, какъ только наступаетъ обѣденный часъ, такъ Струнниковъ безпощадно гонитъ Карнѣича домой.

Обѣдать приходится самъ-другъ; но на этотъ разъ Ѳедоръ Васильичъ даже доволенъ, что нѣтъ постороннихъ: надо объ „дѣлѣ“ съ женой переговорить. Начинается сцена обольщенія. Къ удовольствію Струнникова, Александра Гавриловна даже не задумывается.

— Гдѣ же это... Красный-Рогъ?—спрашиваетъ она совершенно равнодушно.

— А тамъ... не доходя, прошедши,—шутитъ онъ въ отвѣтъ.

— Много ли же Ермолаевъ даетъ?

— Четыре тысячи. Три тысячи долга похерить, а тысячу—тебѣ... чистоганомъ.

— Стало быть, за тысячу рублей?

— Говорятъ: за четыре. Долгъ-то вѣдь тоже когда-нибудь платить придется.

— Все равно, денегъ только тысяча рублей будетъ.

Струнниковъ начинаетъ безпокоиться. Съ Александрой Гавриловной это бываетъ: завернетъ совсѣмъ неожиданно въ сторону, и не вытащишь ее оттуда. Поэтому, онъ не доказываетъ, что долгъ тѣ же деньги, а пытается какъ-нибудь замять встрѣтившееся препятствіе, чтобъ жена забыла о немъ.

— Ну, да,—говоритъ онъ, — всѣ тысячу рублей разомъ и получишь. Накупишь въ Москвѣ тòковъ [1]) и будешь здѣсь зимой на балахъ щеголять.

— Ужъ, конечно, ни копѣйки тебѣ не отдамъ.

— Мнѣ на чтò, у меня своихъ денегъ дѣвать некуда.

Препятствіе устранилось. Мысли Александры Гавриловны разбрелись въ разныхъ направленіяхъ.

— Однако, дуракъ онъ!—произноситъ она, аппетитно свертывая тоненькій ломтикъ ветчины.

— Кто дуракъ?

— Да Ермолаевъ твой. Всѣ его умнымъ человѣкомъ прославили, а по моему онъ просто дуракъ. Даетъ тысячу рублей за лѣсъ, а кому онъ нуженъ?

— И на старуху бываетъ поруха. Вотъ про меня говорятъ, что я простыня, а я, между прочимъ, умнаго-то человѣка въ лучшемъ видѣ обвелъ. Такъ какъ же, Сашенька,—по рукамъ?

— Мнѣ что-жъ! только ежели условіе будемъ писать, такъ чтобъ онъ какъ можно скорѣе лѣсъ срубилъ.

— Это ужъ само собой.

Супруги выходятъ изъ-за стола довольные другъ другомъ. Александра Гавриловна мечтаетъ, что, получивши деньги, она на пять-сотъ рублей закажетъ у Сихлерши два платья. Въ одномъ появится 31-го декабря у себя на балу, когда сосѣди съѣдутся къ нимъ Новый годъ встрѣчать, въ другомъ — въ субботу на масляницѣ, когда у нихъ назначается folle journée. Первое будетъ свѣтло-лиловое, атласное, второе—изъ синяго гроденапля. Платья будутъ стоить не больше пяти-сотъ рублей, а на остальные пять-сотъ она брильянтиковъ купитъ. Надо же парюры освѣжить. Кстати: взглянуть, каковы-то у нея цвѣты? Она вынимаетъ изъ шифоньерки нѣсколько коробокъ съ искусственными цвѣтами, и разсматриваетъ, можно ли будетъ употребить ихъ въ дѣло. Оказывается, что цвѣты еще совсѣмъ свѣжи, точно сейчасъ изъ магазина вышли. Она считаетъ себя экономною, и находка очень ее радуетъ. Она подходитъ къ зеркалу и заранѣе отыскиваетъ мѣсто для цвѣтовъ. Вотъ этотъ букетъ она приколетъ къ корсажу; вотъ эту гирлянду—по юбкѣ пуститъ. Хорошо, что она сохранила цвѣты, а то, пожалуй, на два платья пятисотъ рублей и не хватило бы. Рѣшено. Осенью она ѣдетъ въ Москву и все устроитъ. А Ѳедору Васильичу ни копѣйки не

[1]) Токъ—головной уборъ.

дастъ. Будетъ. Пускай откуда хочетъ, оттуда и достаетъ — ей что̀ за дѣло!

Струнниковъ, съ своей стороны, тоже доволенъ. Но онъ не мечтаетъ, во-первыхъ, потому, что отяжелѣлъ послѣ обѣда и едва можетъ добрести до кабинета, и, во-вторыхъ, потому, что мечтанія вообще не входятъ въ его жизненный обиходъ, и онъ предпочитаетъ проживать деньги какъ придется, безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія. Придя въ кабинетъ, онъ снимаетъ платье, надѣваетъ халатъ и бросается на диванъ. Черезъ минуту, громкій храпъ возвѣщаетъ, что излюбленный человѣкъ въ полной мѣрѣ воспользовался послѣобѣденнымъ отдыхомъ.

Въ шесть часовъ онъ проснулся, и изъ кабинета раздается протяжный свистъ. Вбѣгаетъ буфетчикъ, неся на подносѣ графинъ съ холоднымъ квасомъ. Ѳедоръ Васильичъ выпиваетъ сряду три стакана, отфыркивается и отдувается. До чаю еще остается цѣлый часъ.

— Каково на дворѣ?

— Солнышко. Тепло-съ.

— У васъ всегда тепло. Шкура толста, не проймешь. Никто не пріѣзжалъ?

— Никого не было-съ.

— Ахъ, пёсъ ихъ возьми! Именно, какъ псы, по конурамъ попрятались. Ступай. Сегодня я одѣваться не стану; и такъ похожу. Хоть бы чай поскорѣе!

Струнниковъ начинаетъ расхаживать взадъ и впередъ по анфиладѣ комнатъ. Онъ заложилъ руки назадъ; халатъ распахнулся и раскрылъ нижнее бѣлье. Ходитъ онъ и ни о чемъ не думаетъ. Пропоетъ: „Спаси, Господи, люди Твоя", потомъ „Слава Отцу", потомъ вспомнитъ, какъ протодіаконъ въ Успенскомъ соборѣ, въ Москвѣ, многолѣтіе возглашаетъ, оттопыритъ губы и старается подражать. По временамъ, заглянетъ въ зеркало, увидитъ: вылитый мопсъ! Проходя по залѣ, посмотритъ на часы и обругаетъ стрѣлку.

— Ишь вѣдь, бредетъ не бредетъ! какъ стояла на четверть седьмомъ, такъ и теперь четверть седьмого показываетъ. А та бестія, часовая, и совсѣмъ не двигается.

Но вотъ уже близко. Раздается свистъ.

— Неужто никто не пріѣзжалъ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Да вы, вороны, не просмотрѣли ли? Позвать Синегубова.

— Они, Ѳедоръ Васильичъ, лыка не вяжутъ-съ.

— Пьянъ?—ну, чортъ съ нимъ!.. О-о-охъ!

Бьетъ семь. Приходится пить чай самъ-другъ.

Самоваръ поданъ. На столѣ цѣлая груда чищеной клубники, печенье, масло, сливки и окорокъ ветчины. Струнниковъ съѣдаетъ глубокую тарелку ягодъ со сливками и выпиваетъ двѣ большихъ чашки чая, заѣдая каждый глотокъ ветчиной съ масломъ.

— А я ужъ распорядилась съ деньгами,—сообщаетъ Александра Гавриловна.

— Ну, и слава Богу.

— Осенью въ Москву поѣду и закажу у мадамъ Сихлеръ два платья. Это будетъ рублей пять-сотъ стоить, а на остальныя брильянтиковъ куплю.

— Отлично.

— Только если этихъ денегъ не достанетъ, такъ ты ужъ доплати.

— Непремѣнно... послѣ дождичка въ четвергъ. Вотъ, коли родишь мнѣ сына, тогда и еще тысячу рублей дамъ.

— Опять ты за свои глупости принялся!

— Ей-Богу, дамъ. А дочь родишь—бѣленькую дамъ. Такой ужъ уговоръ. Такъ ты, говоришь, въ Москву поѣдешь?

— Разумѣется. Не дома же платья шить.

— Ладно; и я съ тобою поѣду... О-о-охъ! чтой-то мнѣ словно душно!

— Еще бы! хоть бы ты на воздухъ вышелъ.

— Это куда?

— Въ садъ, что ли. Походилъ бы.

— Чтò я тамъ позабылъ!

Чай выпитъ; дѣлать рѣшительно нечего.

— Эй, кто тамъ? староста не приходилъ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Хороводится тамъ... Саша! давай въ дураки играть!

— Давай.

Начинается игра. Струнниковъ играетъ равнодушно; Александра Гавриловна, напротивъ, кипятится и на каждомъ шагу уличаетъ мужа въ плутняхъ.

— Это что за мода такая! началъ ужъ разомъ съ шести картъ ходить!

— Ну-ну, не важность. Вотъ ты мнѣ тройку подвалила— развѣ такія тройки бываютъ! Десятка съ девяткой—ахъ ты, сдѣлай милость! Отставь назадъ.

Но именно потому, что Александра Гавриловна горячится, она проигрываетъ чаще, нежели мужъ. Оставшись нѣсколько разъ

сряду дурой, она съ сердцемъ бросаетъ карты и уходитъ изъ комнаты, говоря:

— Вотъ ужъ правду пословица говоритъ: дуракъ спитъ, а счастье у него въ головахъ стоитъ. Не хочу играть.

— И не надо; для тебя же вѣдь я... О-о-охъ, что-то мнѣ нынче съ утра душно!

„Динь-динь-динь!“ раздается вдругъ колокольчикъ. Струнниковъ стремительно вскакиваетъ и прислушивается.

— Девятый часъ. Кого это нелегкая въ такую пору принесла!—ворчитъ онъ.

— Становой пріѣхалъ, — докладываетъ лакей: — одѣваться изволите?

— И такъ хорошъ. Зови.

Должность станового тогда была еще вновѣ; но ужъ съ самаго начала никто на этотъ новый институтъ упованій не возлагалъ. Такое ужъ было неуповательное время, что какъ, бывало, ни переименовываютъ — все проку нѣтъ. Были дворянскіе засѣдатели—ихъ куроцапами звали; вмѣсто нихъ, становыхъ приставовъ завели—тоже куроцапами зовутъ. Ничего не подѣлаешь.

Входитъ становой, пожилой человѣкъ довольно жалкаго вида. На немъ вицъ-мундиръ, который онъ, повидимому, надѣлъ, въѣзжая въ околицу села. Ведетъ онъ себя передъ предводителемъ смиренно, даже робко.

— А! господинъ становой! тебя только недоставало! Сейчасъ будемъ ужинать,— куда Богъ несетъ?

— Господинъ исправникъ на завтра въ городъ вызываютъ.

— Зачѣмъ?

— И самъ, признаться, не знаю. Не объясняютъ.

— А коли вызываетъ да не объясняетъ, зачѣмъ — значитъ, пиши пропало. Это ужъ вѣрно.

— За что бы, кажется...

— За пакостныя дѣла—больше не за что. За хорошія дѣла не вызовутъ, потому не за чѣмъ. Вотъ, напримѣръ, я: сижу смирно, свое дѣло дѣлаю — зачѣмъ меня вызывать! Курица мнѣ въ супъ понадобилась, молока горшокъ, яйца—я за все деньги плачу. О чемъ со мной разговаривать! чего на меня смотрѣть! Лицо у меня чистое, безъ отмѣтинъ — ничего на немъ не прочтешь. А у тебя на лицѣ узоры написаны.

— Чтой-то ужъ, Ѳедоръ Васильичъ!

— Нечего „чтой-то“! Я, братъ, насквозь вижу. У меня, что ли, ночевать будешь?

— Никакъ не возможно-съ. Въ Кувшинниково еще заѣхать

нужно. Палъ слухъ, будто мертвое тѣло тамъ открылось. А завтра, чуть свѣтъ, въ городъ поспѣвать.

— Вотъ хоть бы мертвое тѣло. Кому горе, а тебѣ радость. Умеръ человѣкъ; поди, плачутъ по немъ, а ты веселишься. Пріѣдешь, всѣхъ куръ по дворамъ перешаришь, въ лоскъ деревню-то разоришь... за что, про что!

— Помилуйте! неужто же я злодѣй!

— И не злодѣй, а привычка у тебя пакостная: не можешь видѣть, гдѣ плохо лежитъ. Ну, да будетъ. Жаль, братъ, мнѣ тебя, а попадешь ты подъ судъ—вѣрное слово говорю. Эй! кто тамъ! накрывайте живѣе на столъ!

Покуда накрываютъ ужинать, разговоръ продолжается въ томъ же тонѣ и духѣ. Безсвязный, безтолковый, грубо-назойливый.

Ужинъ представляетъ собой подобіе обѣда, начиная съ супа и кончая пирожнымъ. Ѳедоръ Васильичъ безпрестанно потчуетъ гостя, но такъ потчуетъ, что у того коломъ въ горлѣ кусокъ становится.

— Ѣшь, братъ!—говоритъ онъ:—у меня свое, не краденое! Я не то, что другіе-прочіе: я за все чистыми денежками плачу. Коли своихъ куръ не случится—покупаю; коли яицъ нѣтъ—покупаю! Меня, братъ, въ городъ не вызовутъ.

Или:

— Пей водку. Самъ я не пью, а для пьяницъ—держу. И за водку деньги плачу. Ты отъ откупщика даромъ ее получаешь, а я покупаю. Дворянинъ я—оттого и веду себя благородно. А еслибы я приказной строкой былъ, можетъ быть и я водку бы жралъ да по кабакамъ бы христараднichалъ.

Словомъ сказать, насилу несчастный земскій чинъ конца дождался. Но и на прощанье Струнниковъ не удержался и пустилъ ему въ догонку:

— Провожать я тебя не выйду—это ужъ, братъ, ау! А ежели со службы тебя выгонятъ — синенькую на бѣдность пожертвую. Прощай.

Пора спать. Ѳедоръ Васильичъ съ трудомъ вылѣзаетъ изъ кресла и, пошатываясь, направляется въ общую спальню.

— Староста дожидается,—напоминаетъ лакей.

— Некогда. Скажи, чтобъ завтра пришелъ.

Я могъ бы привести еще нѣсколько примѣрныхъ дней—пріѣздъ гостей, званые обѣды, балы и т. д. — но полагаю, что изложеннаго выше вполнѣ достаточно, чтобы обрисовать моего героя. Сосѣди ѣзжали къ Струнниковымъ часто и охотно, особенно по зимамъ, такъ какъ усадьба ихъ, можно сказать, пред-

ставляла собой въѣзжій домъ, въ которомъ всякій ѣлъ, пилъ и жилъ сколько угодно. Ѣздили и въ одиночку, но больше сговаривались компаніей, потому что хозяинъ на народѣ просить деньги взаймы совѣстился. Наѣзды эти производили въ домѣ невообразимую суматоху; но послѣдняя уже сдѣлалась какъ бы потребностью праздной жизни, такъ что не она дѣйствовала угнетающимъ образомъ на нервы, а порядокъ и тишина.

Самъ Ѳедоръ Васильичъ очень рѣдко ѣзжалъ къ сосѣдямъ, да, признаться сказать, никто особенно и не жаждалъ его посѣщеній. Во-первыхъ, пріемъ такого избалованнаго идола требовалъ издержекъ, которыя не всякому были по карману, а во-вторыхъ, пріѣдетъ онъ, да пожалуй еще нагрубитъ. А не нагрубитъ, такъ денегъ выпроситъ,—а это ужъ упаси Богъ!

Шли годы; Струнниковъ изъ трехлѣтія въ трехлѣтіе переходилъ въ званіи предводителя, словно оно приросло къ нему. Явился-было, однажды, конкуррентъ, въ лицѣ обрусѣлаго француза Галопена, владѣльца—тоже по женѣ—довольно большого оброчнаго имѣнія, который вознамѣрился „освѣжить“ нашъ край, возложивъ на себя бремя его представительства. Но успѣха „поджарый французъ“ не имѣлъ, а только денегъ понапрасну цѣлую уйму извелъ. Пріѣхалъ онъ въ уѣздный городъ (устроенной усадьбы у него въ имѣніи не было) мѣсяца за два до выборовъ, нанялъ просторный домъ, убралъ его коврами и объявилъ открытый столъ для господъ дворянъ. И съѣли и выпили у него за это время съ три пропасти, но когда наступилъ срокъ выборовъ, то въ губернскій городъ отправились все тѣ же выборные элементы, какъ и всегда, и поднесли Ѳедору Васильичу на блюдѣ бѣлые шары. Это до того умилило Струнникова, что онъ прослезился и всѣхъ заслюнявилъ, цѣлуясь. А Галопенъ такъ съ пустомъ и уѣхалъ во свояси.

Въ 1848 году показалось, однако, чуть замѣтное движеніе, которое возвѣстило Струнникову, что и для излюбленныхъ людей проходитъ пора безпечальнаго житія. Въ губернію пріѣхалъ новый губернаторъ и погрозилъ оттолѣ. Помѣщику Григорію Александровичу Перхунову, о которомъ дошло до свѣденія, что онъ шумаркастъ, велѣно было внушить, чтобы сидѣлъ смирно. А въ заключеніе, предводитель получилъ бумагу съ надписью: „весьма секретно“, въ которой уже настойчиво требовались свѣденія о духѣ, господствующемъ въ уѣздѣ, и впервые упоминалась кличка: „соціалистъ“.

— Скажи ты мнѣ, что за специалисты такіе проявились?— тоскливо допытывался Ѳедоръ Васильичъ у Синегубова.

— Не знаю-съ. Стало быть, „специями“ занимаются,—отвѣтилъ Иванъ Ѳомичъ.

Однако, спустя короткое время, пронесся разъяснительный слухъ, что въ Петербургѣ накрыли тайное общество злонамѣренныхъ молодыхъ людей, которые въ карты не играютъ, по трактирамъ не ходятъ, шпицбаловъ не посѣщаютъ, а только книжки читаютъ и промежду себя разговариваютъ. Струнниковъ серьезно обезпокоился, и самолично полетѣлъ къ Перхунову, который, какъ объ этомъ упомянуто выше, уже былъ однажды заподозрѣнъ въ вольнодумствѣ.

— Брось ты это, сдѣлай милость!—приступилъ онъ къ вольнодумцу.

— Что такое „это“?

— Книжки брось!

— У меня и книжекъ въ заводѣ нѣтъ. Купить—не на что; выпросить—не у кого.

— Ну, разговаривать брось.

— Неужто и разговаривать нельзя?

— Стало быть, нельзя. Вотъ я тебя до сихъ поръ умнымъ человѣкомъ считалъ, а выходитъ, что ни капельки въ тебѣ ума нѣтъ. Говорятъ, нельзя—ну, и нельзя.

Однако, кутерьма кой-какъ улеглась, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что хотя опасность грозила не малая, но начальственная бдительность задушила гидру въ самомъ зародышѣ. Струнниковъ уже снова впалъ-было въ забытье, какъ вдругъ зашумѣлъ турка, а вслѣдъ за тѣмъ открылась англо-французская кампанія. Прогремѣлъ Синопъ; за нимъ Альма, Севастополь...

Рекрутскіе наборы слѣдовали одинъ за другимъ; раздался призывъ къ ополченію; предводители получали бумаги о необходимости поднятія народнаго духа вообще и дворянскаго въ особенности; помѣщики оживились, откупщики жертвовали винныя порціи... Каждому уѣзду предстояло выставить почти цѣлую армію, одѣтую, обутую, снабженную продовольствіемъ.

Я не говорю, чтобы Струнниковъ воспользовался чѣмъ-нибудь отъ всѣхъ этихъ снабженій, но на глазахъ у него происходило самое наглое воровство, въ которомъ принималъ дѣятельное участіе и Синегубовъ, а онъ между тѣмъ считался главнымъ распорядителемъ дѣла. Воры дѣйствовали такъ нагло, что чуть не въ глаза называли его колпакомъ (въ нынѣшнее время сказали бы, что онъ стоитъ не на высотѣ своего призванія). Ему, впро-

чемъ, и самому нерѣдко казалось, что кругомъ происходитъ что-то неладное.

— Неразбериха пошла! въ отставку подавать пора!—твердилъ онъ, уныло поникая головой.

Но, разумѣется, въ отставку не подалъ, да и помѣщики наши не допустили бы его до этого, хотя Галопенъ, по случаю ополченія, опять посѣтилъ нашъ край, предлагая свои услуги.

Но все на свѣтѣ кончается; наступилъ конецъ и тревожному времени. Въ 1856 году, Ѳедоръ Васильичъ съѣздилъ въ Москву. Тамъ уже носились слухи о предстоящихъ реформахъ, но онъ, конечно, не повѣрилъ имъ. Цѣлый годъ послѣ этого просидѣлъ онъ спокойно въ Словущенскомъ, упитывая свое тѣло, прикармливая сосѣдей и строго наблюдая, чтобы никто „объ этомъ" даже заикнуться не смѣлъ. Какъ вдругъ пришло достовѣрное извѣстіе, что „оно" уже рѣшено и подписано.

Первый сообщилъ ему эту вѣсть вольнодумецъ Перхуновъ.

— Слышали?—произнесъ онъ шопотомъ, чуть не на цыпочкахъ входя въ кабинетъ.

— Чего слышать! всѣхъ глупостей не переслушаешь!—отрѣзалъ Струнниковъ совершенно увѣренно.

— Волю даютъ!

— А ты знаешь ли, что я тебя за эти слова къ исправнику отправлю, да напишу, чтобы онъ хорошенько тебя поучилъ!—пригрозилъ Ѳедоръ Васильичъ, не теряя самообладанія.

— Мнѣ что жъ... отправляй, пожалуй! Я собственными глазами, два часа тому назадъ, въ „Вѣдомостяхъ" читалъ.

— И это совралъ. Не могъ ты читать, потому что *этого* нѣтъ. А чего нѣтъ, такъ и въ „Вѣдомостяхъ" того не можетъ быть.

— Да говорятъ же тебѣ...

— Нѣтъ этого... и быть не можетъ—вотъ тебѣ и сказъ. Я тебя умнымъ человѣкомъ считалъ, а теперь вижу, что ни капельки въ тебѣ ума нѣтъ. Не можетъ этого быть, потому ненатурально.

— Напечатано, тебѣ говорятъ.

— И напечатано, а я не вѣрю. Коли напечатано, такъ всему и вѣрить? Всегда были рабы, и всегда будутъ. Это щелкоперы французы выдумали: перметте-бонжуръ да команъ ву порте ву— имъ это позволительно. Бѣгаютъ, куцые, да лягушатину жрутъ. А у насъ государство основательное, настоящее. У насъ, братъ, за такія слова и въ кутузкѣ посидѣть недолго.

Но не прошло и четверти часа, какъ прикатилъ Петръ Васильичъ Кутяпинъ. И онъ вошелъ на цыпочкахъ, словно осте-

регался, чтобы даже шаги его не были услышаны кому вѣдать о семъ не надлежитъ.

— Волю... волю дали!—началъ онъ, притаивъ дыханіе.

— Да что вы, взбѣленились, что ли?—прикрикнулъ Струнниковъ, наступая на Кутяпина, такъ что тотъ попятился.

— Въ газетахъ... помилуйте!

За Кутяпинымъ съ села прибѣжали: Карнѣичъ, два брата Безкормицыны, Анна Ивановна Зацѣпова. Эти не читали въ газетахъ, но тоже слышали.

— Что жъ это такое, Өедоръ Васильичъ, съ нами будетъ? —приставала госпожа Зацѣпова.

— Что будетъ, то и будетъ—только и всего! Отстаньте, безъ васъ тошно!

Струнниковъ продолжалъ стоять на своемъ, но вѣстникамъ гибели все-таки удалось настолько его разбудить, что онъ взволновался.

— Эй, кто тамъ! водки и закусить. Гоните верхового къ старику Бурмакину! Сказать, что Өедоръ Васильичъ, молъ, кланяется и проситъ газету почитать.

Увы! „оно“ было дѣйствительно напечатано. Хотя, повидимому, дѣло касалось только западныхъ губерній, а все-таки... Однако, Струнниковъ и тутъ не убѣдился.

— Ну что жъ, такъ и есть! на мое и вышло!—торжествовалъ онъ:—тамъ поляки; они бунтовщики, имъ такъ и нужно. А мы сидимъ смирно, властямъ повинуемся—насъ обижать не за что.

— Ладно; надѣйся!—поддразнивалъ Перхуновъ:—ты же все твердилъ: молчи да не разсуждай!—вотъ и домолчались.

— А по моему, за то что мы болтали да вкривь и вкось разсуждали—за это насъ Богъ и наказываетъ!

— За то ли, за другое ли, а теперь дожидайся отъ губернатора бумаги. Ужъ не объ томъ будутъ спрашивать, зачѣмъ ты вольный духъ распускаешь, а объ томъ, отчего у тебя въ уѣздѣ его нѣтъ. Да изъ предводителей-то тебя за это—по шапкѣ!

И дѣйствительно, не прошло недѣли, какъ Өедоръ Васильичъ получилъ оффиціальное приглашеніе пожаловать въ губернію. Вспомнились ему въ ту пору его же вѣщія слова, которыми онъ нѣкогда напутствовалъ станового пристава: за хорошими дѣлами вызывать не будутъ.

Когда онъ пріѣхалъ въ губернскій городъ, всѣ предводители были уже на-лицо. Губернаторъ (изъ военныхъ) принялъ ихъ сдержанно, но учтиво; изложилъ *непремѣнныя* намѣренія правительства,

и изъявилъ надежду, и даже увѣренность, что господа предводители поспѣшать пойти на встрѣчу этимъ намѣреніямъ. Случай для этого представлялся отличный; черезъ мѣсяцъ должно состояться губернское собраніе, на которомъ и предоставлено будетъ господамъ дворянамъ высказать одушевляющія ихъ чувства.

— А теперь, господа, возвратитесь въ свои уѣзды,—сказалъ губернаторъ въ заключеніе:—и подготовьте вашихъ достойныхъ собратій. Прощайте, господа! Богъ да благословитъ ваши начинанія!

— Вы бы, вашество, заступились за насъ!—молвилъ Струнниковъ среди общаго молчанія.

— Чего-съ?

— Попросили бы, вашество, за насъ!

— Ахъ, Өедоръ Васильичъ, Өедоръ Васильичъ!—сообразилъ, наконецъ, губернаторъ:—я самъ дворянинъ, самъ помѣщикъ—неужто же я не понимаю! Н-н-н-о!

Онъ поднялъ указательный палецъ, развелъ руками и удалился. Совѣщаніе кончилось.

Въ половинѣ декабря состоялось губернское собраніе, которое на этотъ разъ было особенно людно. Даже нашъ уѣздъ, на что былъ лѣнивъ, и тотъ почти поголовно поднялся, не исключая и матушки, которая, несмотря на слабѣющія силы, отправилась въ губернскій городъ, чтобы хоть съ хоръ послушать, какъ будутъ „судить“ дворянъ. Она все еще надѣялась, что господа дворяне очнутся, что начальство прозрѣетъ и что „злодѣйство“ пройдетъ мимо.

Послѣдовалъ церемоніалъ открытія собранія. Очередныя дѣла, а въ томъ числѣ и баллотировку, обработали живо. Черезъ трое сутокъ наступилъ судный день. Всѣ съѣхавшіеся были къ полудню на-лицо въ залѣ собранія, такъ что яблоку было упасть негдѣ. Гулъ отъ множества голосовъ волнами ходилъ по обширной залѣ, тотъ смутный гулъ, въ которомъ ни одного членораздѣльнаго звука различить нельзя. Изъ буфета доносились соблазнительные звуки приготовляемой закуски. Наконецъ, изъ общей толпы выдѣлился почтенный старичокъ, губернскій предводитель, и мѣрными шагами началъ всходить на возвышеніе, къ губернскому столу. Въ залѣ мгновенно воцарилась мертвая тишина.

— Господа! я имѣю предложить на ваше обсужденіе очень важное сообщеніе,—началъ губернскій предводитель взволнованнымъ голосомъ:—прикажете прочитать?

— Читайте! читайте!

Предводитель медленно, съ разстановкой, прочиталъ бумагу, въ которой присутствующіе приглашались къ принесенію очень

важной жертвы, и высказывалась надежда, что они и на этотъ разъ, какъ всегда, явятъ похвальный примѣръ единодушія и содѣйствія.

— Господа! безъ преній!—провозгласилъ предсѣдатель собранія:—пусть каждый поступитъ, какъ ему Богъ на сердце положитъ!

И прослезился.

— Безъ преній! безъ преній!—загудѣло собраніе.

Предводитель прочиталъ другую бумагу—то былъ проектъ адреса. Въ немъ говорилось о прекрасной зарѣ будущаго и о могущественной длани, указывающей на эту зарю. Первую привѣтствовали съ восторгомъ, передъ второю—преклонялись и благоговѣли. И вдругъ кто-то въ дальнемъ углу зала пропѣлъ:

Заря утрення взошла,
Съ собой радость принесла...

— Кто тамъ поетъ! стыдно-съ!—разсердился старичокъ-предводитель, и продолжалъ:—господа! кому угодно? Милости просимъ къ столу! подписывать!

Всѣ какъ одинъ снялись съ мѣстъ и устремились впередъ, перебѣгая другъ у друга дорогу. Вокругъ стола образовалась давка. Въ какихъ-нибудь полчаса, вопросъ былъ рѣшенъ. На хорахъ не ждали такой быстрой развязки, и съ нѣкоторыми дамами сдѣлалось дурно.

— Ай да голубчики! въ одночасье продали! — раздался съ хоръ чей-то голосъ.

Но излюбленные люди уже не обращали вниманія ни на что. Они торопливо подписывались и скрывались въ буфетъ, гдѣ черезъ нѣсколько минутъ уже гудѣла цѣлая толпа и стоялъ дымъ коромысломъ.

— А какую мнѣ икру зернистую сегодня изъ Москвы привезли!—хвастался содержатель буфета:—балыкъ! семга! словомъ сказать, отдай все да и мало!

Дѣйствительно, икра оказалась такая, что хоть какое угодно горе за ней забыть было можно. Струнниковъ одинъ цѣлый фунтъ съѣлъ.

Зала опустѣла. Только немногіе старички бродили по опустѣлому пространству и уныло между собой переговаривались.

— Бѣжали?—укоризненно говорилъ одинъ, указывая на буфетъ:—то-то вотъ и есть! Водка да закуска—только на это насъ и хватаетъ!

— Похоже на то!

— Позвольте! — убѣждалъ другой: — если ужъ безъ того нельзя... ну, положимъ! Пристроили крестьянъ—надо же и господъ пристроить! Неужто-жъ мы такъ останемся? Рабамъ—права, и намъ—права!

— Это ужъ опосля!

-- То-то вотъ „опосля"! Опосля да опосля—смотришь, и такъ изморомъ изноетъ!

— Нѣтъ, вы мнѣ вотъ что̀ скажите!—ораторствовалъ третій: —Слышалъ я, что вознагражденіе дадутъ... положимъ! Дадутъ мнѣ теперича цѣлый ворохъ бумажекъ—не долго ихъ напечатать! Что̀ я съ ними дѣлать стану? Сѣсть на нихъ да сидѣть, что ли?

— Въ ломбардъ положите...

— А ломбардъ что̀ съ ними будетъ дѣлать?

— Ну, ломбардъ найдетъ мѣсто...

— Вѣдь намъ теперича въ усадьбы свои носа показать нельзя, —безпокоился четвертый:—ну, какъ я туда явлюсь? ни панъ, ни хлопъ, ни въ городѣ Иванъ, ни въ селѣ Селифанъ. Покуда вверху трутъ да мнутъ, а насъ „вольные"-то люди въ лоскъ положатъ! Еще когда-то дѣло сдѣлается, а они сразу вѣдь ошалѣютъ!

— Ну, въ случаѣ чего и станового позвать можно!

— Дожидайтесь! пріѣдетъ онъ къ вамъ! да онъ ихъ же науськивать будетъ—вотъ увидите...

И такъ далѣе.

Вечеромъ того же дня, въ залѣ собранія состоялся балъ. Со всѣхъ концовъ губерніи съѣхались дамы и дѣвицы, такъ что образовался очаровательный цвѣтникъ. Съѣхались и офицеры расквартированной въ губерніи кавалерійской дивизіи; стало быть, и въ кавалерахъ недостатка не было. Туалеты были прелестные, совсѣмъ свѣжіе, такъ что и въ столицѣ не стыдно въ такихъ щегольнуть. Попечительныя маменьки разсчитывали на сбытъ дочерей, а потому послѣдняя копѣйка ставилась ребромъ. На хорахъ игралъ бальный оркестръ одного изъ полковъ; въ залѣ было шумно, весело, точно утромъ ничего не произошло. Разумѣется, и Струнниковы присутствовали на балѣ. Александра Гавриловна, все еще замѣчательно красивая, затмѣвала всѣхъ и заставляла биться сердца.

Но Ѳедоръ Васильичъ, по обыкновенію, не воздержался отъ нахальныхъ привычекъ. Не будучи пьянъ, онъ прислонился къ одной изъ колоннъ и громогласно твердилъ:

— Рубашку сняли! шкуру содрали!

Ну, разъ сказалъ, другой сказалъ—можно бы и остепениться,

а онъ куда тебѣ! заладилъ одно, да и кричитъ во всеуслышаніе, не переставаючи:—содрали!

На его несчастіе, тутъ же по близости стоялъ „имѣющій уши да слышитъ" (должность такая въ старину была); стоялъ, стоялъ, да и привязался.

— Вы это объ комъ изволите говорить?—полюбопытствовалъ онъ.

Струнниковъ вытаращилъ глаза, но не струсилъ. Побѣжалъ къ губернскому предводителю и пожаловался. Губернскій предводитель побѣжалъ къ губернатору.

— Помилуйте, вашество! — роптаъ излюбленный человѣкъ всей губерніи:—мы жертвуемъ достояніемъ... на призывъ стремимся... Наконецъ, это наша зала, нашъ балъ...

— Успокойтесь! я все устрою! Өедоръ Васильичъ! прошу васъ! тутъ вкралось какое-нибудь недоразумѣніе!

— Какое недоразумѣніе! Я объ заимодавцѣ объ одномъ говорилъ, что онъ шкуру съ меня содралъ, а „онъ" скандалы мнѣ дѣлаетъ!—солгалъ Струнниковъ.

Губернаторъ поманилъ пальцемъ „имѣющаго уши да слышитъ" и пошептался съ нимъ. Затѣмъ, послѣдній съ минуту какъ бы колебался, и вдругъ исчезъ безъ остатка.

— Такъ-то, братъ, лучше, впередъ умнѣе будешь!—процѣдилъ ему въ догонку Струнниковъ.

Справедливость требуетъ сказать, что Өедоръ Васильичъ восторжествовалъ и въ высшей инстанціи. Неизвѣстно, не записали ли его за эту продѣлку въ книгу живота, но во всякомъ случаѣ, черезъ недѣлю, „имѣющій уши да слышитъ" былъ переведенъ въ другую губернію, а къ намъ прислали другого такого же.

Однако, мрачныя предчувствія помѣщиковъ не сбылись. И крестьяне, и дворовые, точно сговорились вести себя благородно. Возвратившись домой, матушка даже удивилась, что „дѣвки" еще усерднѣе стараются услуживать ей. Разумѣется, она нашла этому явленію вполнѣ основательное, по ея мнѣнію, толкованіе.

— Остались у меня все старыя да хворыя,—говорила она: —хоть сейчасъ имъ волю объяви—куда онѣ пойдутъ! Повиснутъ у меня на шеѣ—пои да корми ихъ!

Тѣмъ не менѣе, нельзя было отрицать, что черная кошка ужъ пробѣжала. Какъ ни притихли рабы, а все-таки возникали отдѣльные случаи, которые убѣждали, что тишина эта выжидательная. Помѣщики приподнимали завѣсу будущаго и, стараясь оградить себя отъ предстоящихъ столкновеній, охотно прибѣгали къ покровительству закона, разрѣшавшаго ссылать строптивыхъ въ

Сибирь. Но этому скоро былъ положенъ предѣлъ. Закона не отмѣнили, а распорядились административно, чтобы каждый подобный случай сопровождался предварительнымъ изслѣдованіемъ.

Лѣтомъ 1858 года произошли по уѣздамъ выборы въ крестьянскій комитетъ. Струнникова выбрали единогласно, а вторымъ членомъ, въ качествѣ „занозы", послали Перхунова. Өедоръ Васильичъ, надо отдать ему справедливость, настоятельно отпрашивался.

— Увольте, господа! —взывалъ онъ: —усталъ, мочи моей нѣтъ! Шутка сказать, осьмое трехлѣтіе въ предводителяхъ служу! Не гожусь я для нынѣшнихъ кляузныхъ дѣлъ. Все жилъ благородно, и вдругъ теперь кляузничать начну!

— Просимъ! просимъ!—раздался въ отвѣтъ общій голосъ:— у кого же намъ и заступы искать, какъ не у васъ! А ежели трудно вамъ будетъ, такъ Григорій Александрычъ пособитъ.

— Радъ стараться!—отозвался Перхуновъ, которому улыбалась перспектива всегда готоваго стола у патрона.

Кончилось, разумѣется, тѣмъ, что Струнниковъ прослезился. Съ лѣтами, онъ пріобрѣлъ слезный даръ и частенько-таки поплакивалъ. Иногда, просто присядетъ къ окошку и въ одиночку всплакнетъ, иногда позоветъ камердинера Прокофья и поведетъ съ нимъ разговоръ:

— Радъ, Прокошка?

— Чему, сударь, радоваться!

— По глазамъ вижу, что радъ. Дашь ты стречка отъ меня!

— Неужто, сударь, вы такъ обо мнѣ полагаете? Кажется, я...

И такъ далѣе.

Поговоривъ немного, Өедоръ Васильичъ отошлетъ Прокофья и всплакнетъ:

— Добрый онъ! добрые-то и всѣ такъ... А вотъ Петрушка... этотъ какъ разъ... Что̀ тогда дѣлать? Сбѣжитъ Петрушка, сбѣжитъ ключница Степанида, сбѣжитъ поваръ... Кто будетъ кушанье готовить? полы мыть, самоваръ подавать? Поваръ-то сбѣжитъ, да и поваренка сманитъ...

Посидитъ, потужитъ—и опять всплакнетъ.

Струнниковъ еще не старъ—ему сорокъ лѣтъ съ небольшимъ, но онъ преждевременно обрюзгъ и отяжелѣлъ. Отъ чрезмѣрной ли ѣды это съ нимъ сталось, или отъ того, что реформа застигла — сказать трудно, но во всякомъ случаѣ онъ не только наружно, но и внутренно измѣнился. Никогда въ жизни онъ ничѣмъ не тревожился, и вдругъ почувствовалъ, что все его существо переполнилось тревогой. Всего больше его мучило то,

что долги стало труднѣе дѣлать. Сосѣди говорятъ: такое ли теперь время, чтобы деньги въ долги распускать! Богатѣи изъ крестьянъ тоже развязнѣе сдѣлались. Отказываютъ безъ разговоровъ, точно и не понимаютъ, что ему до-зарѣза деньги нужны. А нѣкоторые, которымъ онъ долженъ былъ по простымъ запискамъ, даже потребовали, чтобы расписки были замѣнены настоящими документами. Намеднись, сунулся онъ къ Ермолаичу, а тотъ ему:

— Нѣтъ, Өедоръ Васильичъ, вы и безъ того мнѣ десять тысячъ серебрецомъ должны. Будетъ.

Такъ и не далъ. Насилу даже всталъ, такой-сякой, какъ онъ къ нему въ избу вошелъ. Забылъ, подлая душа, что когда ополченіе устраивалось, онъ ему поставку портянокъ предоставилъ...

Благо еще, что ко взысканію не подаютъ, а только документы изъ года въ годъ переписываютъ. Но что̀, ежели вдругъ взбѣленятся, да потребуютъ: плати! А по нынѣшнимъ временамъ только этого и жди. Никто и не вспомнитъ, что ежели онъ и занималъ деньги, такъ за это двери его дома были для званаго и незванаго настежъ открыты. И самъ онъ жилъ, и другимъ давалъ жить... Все позабудется: и пиры, и банкеты, и оркестръ, и пѣвчіе; одно не позабудется—жестокое слово: „плати!“

Чѣмъ жить? — этотъ вопросъ становился ребромъ. И безъ этого онъ кругомъ обрѣзалъ себя: псарный дворъ уничтожилъ, оркестръ и пѣвчихъ распустилъ,—не жить же ему, какъ какой-нибудь Карнѣичъ живетъ! И никто ему не поставитъ въ заслугу, что онъ, напримѣръ, на масляницѣ, ради экономіи, folle journée у себя отмѣнилъ; никто не скажетъ: вотъ какъ Өедоръ Васильичъ нынче себя благоразумно ведетъ—надо ему за это вздохнуть дать! Нѣтъ, прямо такъ-таки въ судъ и полѣзутъ. Хорошо, что еще судья свой братъ—дворянинъ, не сразу въ обиду дастъ, а что̀ ежели его шарахнутъ? Ахъ, жестокія нынче времена, немилостивыя!

Чѣмъ жить?—Въ Чухломѣ что̀ было залишняго — все продано; въ Арзамасѣ деревнюшка была—тоже продали. И продавать больше нечего. Александра Гавриловна, правда, еще крѣпится, не позволяетъ пустоша̀ продавать, да какая же корысть въ этихъ пустошахъ! Рыжикъ да бѣлоусъ на нихъ ростутъ—только слава, что земля! Да и она крѣпится единственно потому, что не знаетъ дѣйствительнаго положенія вещей. Вѣдь она почти по всѣмъ обязательствамъ поручительницей подписалась—будьте покойны, потянутъ и ее! И его чухломскіе мужики, и ея Словущенская усадьба—все въ одну прорву пойдетъ. Вотъ теперь крестьянъ освобождать вздумали—можетъ быть, деньги за нихъ выдадутъ...

Да и тутъ опять: выдадутъ изъ казны деньги, а ихъ тутъ же по рукамъ расхватаютъ. И теперь ужъ, поди, сторожатъ.

Да, всплакнешь, ой-ой-ой, какъ всплакнешь, коли голова съ утра до ночи только такими мыслями и полна!

Между тѣмъ, дѣло освобожденія ужъ началось. Съ изнурительною медленностью тянулось межеумочное положеніе вещей, испытуя терпѣніе заинтересованныхъ сторонъ. Шли пререканія; ходили по рукамъ анекдоты; отъ дѣла не бѣгали и дѣла не дѣлали. Вся несостоятельность русскаго культурнаго общества того времени выступила съ поразительною яркостью. Несмотря на то, что вопросъ поставленъ былъ безповоротно и угрожалъ въ корнѣ измѣнить весь строй русской жизни, всѣ продолжали жить спустя рукава, за исключеніемъ немногихъ; но и эти немногіе сосредоточили свои заботы лишь на томъ, что подъ шумокъ переселяли крестьянъ на неудобныя земли, и тѣмъ уготовали себѣ въ будущемъ репрессаліи. Хорошо еще, что программу для собесѣдованій заранѣе сверху прислали, а то, кажется, въ губерніяхъ пошелъ бы такой разбродъ, что и не выбраться оттуда.

Наконецъ, однако, наступилъ вожделѣнный день 19-го февраля 1861 года.

„Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, русскій народъ!" —раздалось въ церквахъ, и вслѣдъ за этими словами по всей Россіи пронесся вздохъ облегченія.

Пріѣхали на мѣста мировые посредники, дѣти отцовъ своихъ, и привезли съ собой старыя пререканія, на новый ладъ выстроенныя. Открылись судьбища, на которыхъ ежедневно возникали совсѣмъ неожиданныя подробности. Въ особенности помѣщиковъ волновалъ вопросъ о дворовыхъ людяхъ, къ которому, въ теченіе предшествовавшихъ трехъ лѣтъ, никто не приготовился. Сроки службы, установленные „Положеніемъ", оказались обязательными только на бумагѣ, а на дѣлѣ заинтересованныя стороны толковали ихъ каждая по своему. Бывали случаи, когда посредники разомъ увольняли въ какомъ-нибудь помѣщичьемъ домѣ всѣхъ дворовыхъ, такъ что домъ внезапно превращался въ пустыню. Но всего больше возмущало то, что посредники говорили „хамамъ" *вы*, и во время разбирательствъ сажали ихъ рядомъ съ бывшими господами.

Струнниковъ притихъ. Отсидѣвъ положенный срокъ въ губернскомъ комитетѣ, онъ воротился въ Словущенское, но жизнь его уже потекла по иному. Предчувствія не обманули его: Прокофій остался, но главнаго повара посредникъ отсудилъ раньше обяза-

тельнаго срока, за то что Ѳедоръ Васильичъ погорячился и далъ ему *одну* плюху (а поваръ на судьбищѣ солгалъ и показалъ *три* плюхи).

— Это за плюху!—негодовалъ Струнниковъ:—да еслибы и всѣ три, что же такое!

Онъ, впрочемъ, и на судьбище не явился, такъ что приговоръ состоялся заочный. Вообще онъ сразу сталъ съ посредникомъ въ контры и, по обыкновенію, во всеуслышаніе городилъ о немъ всякую чепуху. А тотъ, въ отместку, повара у него отнялъ, а у Митрофана Столбнякова не отнялъ, хотя послѣдній *навѣрное* далъ три плюхи, а не одну. Не мѣшаетъ, однакожъ, прибавить, что Струнниковъ отчасти былъ даже радъ этой невзгодѣ, потому что она освобождала его отъ обязанности дѣлать пріемы, которые были ему уже не подъ силу. Приходилось ограничиться поваренкомъ, который умѣлъ готовить одни битки.

— Надо объ этомъ подумать, — говаривалъ онъ, по временамъ женѣ: - битки да битки—развѣ это ѣда! Да и Арсюшка, того гляди, стречка дастъ.

— Ничего! Мнѣ сестра пишетъ, что у нея въ Москвѣ кухарка на примѣтѣ есть отличнѣйшая!

— Кухарка-то?—не вѣрю! Скажите на милость! жилъ-жилъ, поваровъ да кондитеровъ держалъ — и вдругъ кухарка! Несогласенъ.

— А несогласенъ, такъ ѣшь Арсюшкины битки.

Скучно становилось, тоскливо. Помѣщики, написавши уставныя грамоты, покидали родныя гнѣзда и устремлялись на поиски за чѣмъ-то невѣдомымъ. Только мелкота крѣпко засѣла, потому что идти было некуда, да Струнниковъ не уѣзжалъ, потому что несъ службу, да и кредиторы слѣдили за нимъ. На новое трехлѣтіе его опять выбрали *всѣми* шарами, но на слѣдующее выбрали уже не его, а Митрофана Столбнякова. Наступившая судебная реформа начала оказывать свое дѣйствіе.

Вслѣдъ за окружнымъ судомъ, губернія покрылась цѣлою сѣтью мировыхъ учрежденій. Хотя неудача на выборахъ не особенно взволновала Ѳедора Васильича, но, сопоставляя ее съ прочими обстоятельствами, онъ почувствовалъ, что она предвѣщаетъ ему скорый и немилостивый конецъ.

Кредиторы зашевелились. Только немногіе согласились переписать заемныя обязательства, а главная масса прямо подала ко взысканію. На первыхъ порахъ, дѣлъ въ новыхъ судахъ было немного, и на Струнниковѣ почти на первомъ имъ пришлось выказать быстроту и правильность своихъ рѣшеній. Лично онъ въ

алъ довѣренность Синегубову, словно и
ончательно пропалъ. Дѣла ускоренным
ю за другимъ въ пользу истцовъ, и с
ѣздилъ въ Словущенское съ исполнит
сроки для описи, оцѣнки и т. д.
ата, Θедоръ Васильичъ бродилъ съ
ымъ комнатамъ и весь міръ обвинялъ
особенности негодовалъ онъ на Ер
имымъ безсердечіемъ его преслѣдовалъ,
рвой же встрѣчѣ, избить ему морду
еще не отняли!" утѣшалъ онъ себя); н
алъ и отъ встрѣчъ уклонялся.
акія моды пошли!—громко роптал С
шенность: — пили-ѣли, и вдругъ всѣ
обака забѣжала! Хоть бы одна хрис
ѣ сказать: вотъ вамъ, Θедоръ Васил
ъ вами девяти трехлѣтій и временныхъ
испытываете—извольте получить заим
ивто! Получаютъ-себѣ выкупныя ссуды
придетъ предложить! Помилуйте! раз
ня нѣтъ имѣній! Стоитъ только на вык
капиталомъ! Бери сколько хочешь;
олучай!
, однакожъ, не шелъ: боялся, что вы
. Долговъ-то, пожалуй, не покроютъ
пишатъ, да еще несостоятельнымъ об
нашелся. Ждали-ждали кредиторы, д
тельнаго выкупа. Получивши это
ялся. Бездна разоренья, темная и з
нимъ во всемъ ужасѣ нищеты. Онъ
ъ неподвижными глазами, и шепталъ

былъ переполохъ, застигнувшій Θед
ніе Александры Гавриловны было пр
ю. Разумѣется, ей было извѣстно, ч
въ долгахъ, но она и въ подозрѣніи н
отвѣчать за эти долги. Послѣдовалъ р
ценъ, но справедливость требуетъ сказ
жена оказалась неизмѣримо выше му
овладѣть собой, но и рѣшилась всец
ть. Въ домѣ настала мертвая тишина,
роптал и малодушествовалъ, Алексан

риловна дѣятельно приготовлялась. Ждать было нечего. Покуда производились описи да оцѣнки, Струнниковы припрятали кой-какія цѣнности, безъ шума переправили ихъ въ Москву, а вслѣдъ затѣмъ и сами туда же уѣхали. Проводовъ, разумѣется, не было; хорошо, что хоть кредиторы не задержали. Только Ермолаевъ (тогда ужъ первой гильдіи купецъ), притаившись въ одномъ изъ флигелей господской усадьбы, въ догонку крикнулъ:

— Ни ложки, ни плошки не оставили! Полонъ домъ серебра былъ, самоваръ серебряный былъ, сколько брильянтовъ, окромя всего прочаго, — все припрятали! Плакали наши денежки! дай Богъ двадцать копѣекъ за рубль получить!

Словомъ сказать, супруги ободрились. Какъ будто давившій ихъ столько лѣтъ кошмаръ внезапно разсѣялся, и передъ глазами ихъ открылся совсѣмъ новый просвѣтъ.

— Вотъ ты мнѣ говорилъ иногда, что я на браслеты да на фермуары деньги мотаю—анъ и пригодились!—весело припоминала дорогой Александра Гавриловна: — въ чемъ бы мы теперь уѣхали, кабы ихъ не было?

— Умница ты у меня! умница!—отзывался Ѳедоръ Васильичъ, любовно цѣлуя ручки жены и прижимаясь головой къ ея плечу.

Но угрозы еще не кончились. Нашлись безсердечные кредиторы, которые заговорили объ утайкѣ вещей и возбудили вопросъ о злостномъ банкротствѣ.

Какъ вдругъ разнесся слухъ, что Струнниковы исчезли изъ Москвы.

Года черезъ четыре послѣ Струнниковскаго погрома, мнѣ случилось прожить нѣсколько дней въ Швейцаріи на берегу Женевскаго озера. По временамъ, мы цѣлой компаніей дѣлали экскурсіи по окрестностямъ и однажды посѣтили небольшой городокъ Эвіанъ, стоящій на французскомъ берегу. Войдя въ садъ гостинницы, мы, по обыкновенію, были встрѣчены цѣлой толпой гарсоновъ, и безпредѣльно было мое удивленіе, когда, всмотрѣвшись пристально въ гарсона, шедшаго впереди всѣхъ, я узналъ въ немъ... Струнникова!

Да, это былъ онъ. По прежнему, онъ смотрѣлъ мопсомъ, но мопсомъ веселымъ, дѣятельнымъ и бодрымъ. Не только онъ не постарѣлъ, но даже словно лѣтъ десять у него съ плечъ скинули. Брюшко выдавалось впередъ и было натянуто какъ барабанъ: значитъ, онъ былъ сытъ; глаза смотрѣли расторопно; круглая, остриженная подъ гребенку голова, какъ и въ прежніе годы, казалась только-что вышедшею съ токарнаго станка. Съ удиви-

тельной ловкостью игралъ онъ салфеткой, перебрасывая ее съ руки на руку; черный, съ чужого плеча и потертый по швамъ фракъ, съ нумеромъ въ петлицѣ, вмѣсто ордена, какъ нельзя больше шелъ ему къ лицу.

Я, впрочемъ, не повѣрилъ бы глазамъ своимъ, еслибы онъ самъ не убѣдилъ меня, что съ моей стороны нѣтъ ошибки—воскликнувъ на чистѣйшемъ русскомъ діалектѣ:

— Узнали, небось! да, онъ самый и есть!

— Батюшка! Өедоръ Васильичъ! неужто вы?!—воскликнулъ я, въ свою очередь.

— Онъ самый. Господа! милости просимъ кушать ко мнѣ! вотъ мое отдѣленіе—тамъ!—пригласилъ онъ насъ, указывая на довольно отдаленный уголъ сада.

Разумѣется, мы послѣдовали за нимъ.

— Да разскажите же... — началъ-было я, но онъ не далъ мнѣ продолжать и заспѣшилъ.

— Некогда, некогда—послѣ! Теперь я вамъ, господа, ménu raisonné составлю. Вамъ какой обѣдъ? въ среднихъ цѣнахъ?

— Да, средній.

— Можно. Potage Julienne... идетъ?

— Өедоръ Васильичъ! Жюльенъ да жюльенъ... Кабы вы насъ разсольничкомъ побаловали, да съ цыпленочкомъ!

— Мало чего нѣтъ! Чтò было, тò прошло!—молвилъ онъ и поникъ головой. Очевидно, воспоминанія роями хлынули и пронеслись передъ его глазами.—Здѣсь супъ только для проформы подаютъ. На второе чтò? Хотите pièce de résistance, или съ рыбы начать?

— Лучше съ рыбы, не такъ обременительно.

— Ну, sole au gratin. „Соль“ свѣжая, сегодня только изъ Парижа привезли. А на жаркое — canard de Dijon, или пуле́?..

— Утку! утку!

— На пирожное—разумѣется, мороженое. Вино какое будете пить? Понтé-Канé... рекомендую! Ну, а теперь спѣшу!

— Да постойте! Александра Гавриловна... здѣсь?

— Со мной; въ кастеляншахъ здѣсь служитъ,—отвѣтилъ онъ ужъ на ходу.

Живо мы пообѣдали. Онъ служилъ расторопно, и, несмотря на тучность и немолодыя лѣта, какъ муха леталъ изъ сада въ ресторанъ и обратно, ничего не уронивъ. Когда подали кофе, мы усадили его съ собой, и, разумѣется, приступили съ разспросами.

— Все обошлось какъ по писаному,—повѣдалъ онъ намъ.

—Прослышалъ я, что судить меня хотятъ, думаю: нѣтъ, братъ, это ужъ дудки! этакъ и въ Сибирь угодить не трудно!—и задумалъ планъ кампаніи. Продали мы серебро да Сашины брильянтики, выправили заграничный паспортъ — и удрали. Денегъ въ рукахъ собралось около двадцати тысячъ франковъ. Разумѣется, первымъ дѣломъ въ Парижъ. Остановились въ Grand-Hôtel'ѣ — куда обѣдать идти? Дней пять за табльдотъ ходили: сервируютъ чисто, порядокъ образцовый, столовая богатая, не хуже, чѣмъ во дворцѣ; но ѣда не важная. Встанемъ изъ-за стола впроголодь, купимъ у ротиссёра пулé и съѣдимъ на ночь.—Нѣтъ, говорю, Александра Гавриловна, ежели ты хочешь настоящую парижскую ѣду узнать, такъ надо по ресторанамъ походить. Взяли Бедекера, увидѣли, гдѣ звѣздочка поставлена — туда и идемъ. И у Бребана, и у Фуа, и у Маньи, и въ Maison d'Or— вездѣ побывали. Надо чести французамъ приписать—хорошо кормятъ. Только ходили мы такимъ манеромъ по ресторанамъ да по театрамъ мѣсяца три — смотримъ, а у насъ ужъ денегъ на донышкѣ осталось. Стали мы себя сокращать, изъ Грандъ-Отеля къ „Мадленѣ" въ chambres meublées перебрались; вмѣсто Café Anglais, начали къ Дюрану ходить: тоже недурной ресторанъ, и тѣмъ выгоденъ, что тамъ за пять франковъ можно цѣлый обѣдъ получить. Ходимъ каждый день, платимъ исправно; я, съ своей стороны, стараюсь вниманіе хозяина на себя обратить. Подойду послѣ обѣда, и начну разсказывать, какія у насъ въ Россіи кушанья готовятъ. Вижу, что человѣкъ съ толкомъ, даже ботвинью понялъ: можно бы, говоритъ, вмѣсто осетрины, тюрбо въ дѣло употребить, только вотъ квасу никакимъ манеромъ добыть нельзя. Пожуировали такимъ родомъ еще съ мѣсяцъ — видимъ, совсѣмъ матъ. Тогда я рѣшился. Собрался утромъ пораньше, когда еще публики мало, и, не говоря худого слова, прямо къ Дюрану. Такъ и такъ, говорю, не можете ли вы меня въ ресторанъ гарсономъ опредѣлить? Онъ, знаете, глаза на меня выпучилъ, думалъ, что я съ ума спятилъ. Какъ, говоритъ, un boyard russe! Да, говорю, былъ boyard russe, да весь вышелъ. Разсказалъ я тутъ, ка́къ насъ начальство обидѣло, ка́къ я въ Словущенскомъ открытый столъ держалъ, поилъ-кормилъ, и ка̀къ меня за это отблагодарили. А теперь, говорю, пропадать приходится. И еслибы не Дюранъ — истинно бы пропалъ! Выслушалъ онъ меня, видитъ, что я дѣло смыслю, толкъ изъ меня будетъ — и принялъ участіе. „У себя,—говоритъ,—я вамъ ничего предоставить не могу, а есть у меня родственникъ, который въ Ниццѣ ресторанъ содержитъ, такъ я съ нимъ спишусь". И точно, дня

чается изъ Ниццы резолюція: ѣхать мнѣ туда
, а женѣ—кастеляншей. „Богъ да благосло-
жизнь!—сказалъ мнѣ мой благодѣтель:—не-
вашими способностями скоро привыкнете!"
... скитаюсь. Зимой—на Ривьеру, лѣтомъ—въ Германію, либо сюда, на озеро. Цѣлой артелью съ мѣста на ѣсто переѣзжаемъ.

— Ахъ, Өедоръ Васильичъ! точно волшебную сказку вы амъ разсказали!

— И то сказка. Да ничего, привыкли. По началу, дѣйстви-ельно, совѣстно было... Ну, да вѣдь не въ нигилисты же, въ вкомъ дѣлѣ, идти!

— Это ужъ упаси Богъ! А помните, какъ вы, бывало, по-вистывали?

— Было время, и всѣ посвистывали. А теперь самъ держу хо востро, не послышится ли гдѣ: pst! pst!

— Но что же вамъ за охота въ такую трущобу, какъ Эвіанъ, абираться?

— Недурно и тутъ. Русскихъ вездѣ много, а съ тѣхъ поръ, акъ узнали, что соотечественникъ въ гарсонахъ здѣсь служитъ, акъ нарочно смотрѣть ѣздить начали. Даже англичане любо-ытствуютъ.

— Положеніе у васъ хорошее?

— Положеніе среднее. Жалованье маленькое, за битую по-уду больше заплатишь. Пурбуарами живемъ. Дай Богъ здоровья, усскіе господа не забываютъ. Только разъ одна русская дама, ъ Эмсѣ, повадилась ко мнѣ въ отдѣленіе утромъ кофе пить, а ринкгельду два пфеннига даетъ. Я было ей назадъ: возьмите, огъ, на бѣдность себѣ!—такъ хозяину, шельма, нажаловалась. Іуть-было меня не выгнали.

— А насчетъ ѣды какъ?

— И насчетъ ѣды... Разумѣется, остатками питаемся. Вотъ ы давеча крылышко утки оставили, другой — ножку пулé на арелкѣ сдастъ; это ужъ мое. Посхлынетъ публика—я сяду въголку и поѣмъ.

— Не безпокоятъ васъ кредиторы?

— Первое время тревожили. Пыталъ я бѣгать отъ нихъ, да жъ губернатору написалъ. Я, говорю, все, что у меня осталось — все кредиторамъ предоставилъ, теперь трудомъ себѣ хлѣбъ добываю, неужто-жъ и это отнимать! Стало быть, усовѣстилъ: теперь затихло...

— Вотъ и прекрасно... Батюшка! да вѣдь у васъ ордена были!—вдругъ вспомнилось мнѣ.

— Какъ же!..

— Надѣваете вы ихъ когда-нибудь?

— Надѣваю... Вотъ на будущей недѣлѣ хозяинъ гулять отпуститъ, поѣдемъ съ женой на ту сторону, я и надѣну. Только обидно, что на шеѣ здѣсь ордена носить не въ обычаѣ: въ петличку... ленточки однѣ!

Словомъ сказать, мы цѣлый часъ провели, и не замѣтили, какъ время прошло. Къ сожалѣнію, раздалось призывное: pst!— и Струнниковъ стремительно вскочилъ и исчезъ. Мы, съ своей стороны, покинули Эвіанъ и, переѣзжая на пароходѣ, разсуждали о томъ, какъ пріятно встрѣтить на чужбинѣ соотечественника.

Прошло и еще нѣсколько лѣтъ. Выдержавши курсъ водъ въ Эмсѣ, я пріѣхалъ въ Баденъ-Баденъ. И вдругъ, однажды утромъ, прогуливаясь по Лихтенталевой аллеѣ, очутился лицомъ къ лицу... съ Александрой Гавриловной!

Она еще была очень свѣжа; лицо ея, по прежнему, было красиво, только волосы совсѣмъ посѣдѣли. Въ рукахъ она держала большую корзину и, завидѣвъ меня, повернула-было въ сторону, но я не выдержалъ и остановилъ ее.

— Какъ вы устроились?—спросилъ я послѣ короткихъ взаимныхъ привѣтствій.

— Устроилась, слава Богу. Вотъ здѣсь у князя М. М. въ экономкахъ служу.—Она указала на великолѣпную виллу, въ глубинѣ сада, обнесеннаго каменнымъ заборомъ.—По крайней мѣрѣ мѣсто постоянное. Переѣзжать не надо.

— И Ѳедоръ Васильичъ съ вами?

— Ахъ, нѣтъ... да откуда же, впрочемъ, вамъ знать?—онъ прошлой весной скончался. Годъ тому назадъ мы здѣсь въ Hôtel d'Angleterre служили, а съ осени онъ заболѣлъ. Такъ на зиму въ Ниццу и не попали. Кой-какъ мѣсяца съ четыре здѣсь пробились, а въ мартѣ я его въ Гейдельбергъ, въ тамошнюю клинику свезла. Тамъ онъ и померъ.

— Ну, а вы ка́къ? въ Россію возвратиться не разсчитываете?

— Что̀ я тамъ забыла... срамъ одинъ! Здѣсь-то я хоть и въ экономкахъ служу, никому до меня дѣла нѣтъ, а тамъ... Нѣтъ, видно, пословица правду говоритъ: кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ!

Н. Щедринъ.

ВЪ ГЛУШИ
АМЕРИКИ

Бытовые очерки.

I. — Въ дорогѣ.

На одной изъ филадельфійскихъ пристаней суетился народъ —обыкновенное зрѣлище передъ уходомъ пассажирскаго парохода. По длинному, узкому дощатому помосту, какъ муравьи, торопливо взбирались пассажиры съ саквояжами и узелками, и портеры съ чемоданами. Пароходная прислуга, то-и-дѣло покрикивая: „готово! тяни!“, ловко подхватывала блокомъ тяжеловѣсные ящики и сундуки и спускала ихъ въ трюмъ. Кареты, одна за другой, подъѣзжали и высаживали все новыхъ и новыхъ пассажировъ.

Тутъ же суетились продавцы. Юноша проворно подскакивалъ къ каждому пассажиру и предлагалъ послѣдніе журналы, газеты и повѣсти, „пріятное чтеніе на дорогу“. Дѣвушка продавала букеты „на память“. Старуха убѣждала пассажировъ запастись на дорогу свѣжими плодами; у нея на лоткѣ красовались пирамидками яблоки, лимоны, апельсины и бананы. Другая рядомъ продавала тягучія конфекты, до которыхъ американки великія охотницы; онѣ такъ же часто, за дѣломъ и безъ дѣла, дома и на улицѣ, жуютъ конфекты, какъ янки-мужчины жуютъ табакъ.

Всѣ суетились: пассажирамъ хотѣлось поскорѣе добраться до своихъ каютъ; продавцы старались побольше распродать своего товару; пароходная прислуга торопилась покончить свою спѣшную работу.

Раздался пронзительный свистокъ: это сигналъ; еще нѣсколько минутъ—и пароходъ тронется въ путь.

Быстро подъѣхала еще одна карета; изъ нея вышелъ блѣдный, худой, средняго роста, молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-пяти, въ сопровожденіи солиднаго пожилого джентльмена; оба они медленно направились вверхъ по помосту, какъ люди, вполнѣ увѣренные, что они еще не опоздали; они вошли въ общую залу.

Молодой человѣкъ, докторъ Парсонъ, былъ врачемъ въ филадельфійскомъ госпиталѣ; схвативъ тифъ, онъ самъ чуть было не отправился къ праотцамъ, и теперь, по настоянію своего друга и учителя, доктора Говарда, профессора въ пенсильванскомъ университетѣ, онъ отправлялся на югъ для полнаго возстановленія здоровья.

— Смотрите-жъ, докторъ, — говорилъ профессоръ своему юному коллегѣ:—не забывайте вести исторію своего поправленія и ежемѣсячно присылайте мнѣ свои замѣтки. Вы этакъ дадите мнѣ прекрасный матеріалъ на нѣсколько лекцій. Да не лечите сами...

— Кого? аллигаторовъ?—спросилъ съ улыбкой докторъ Парсонъ:—вѣдь я ѣду въ такую глушь, гдѣ нужно охотиться за людьми, чтобы посмотрѣть на нихъ.

— Только, смотрите, не охотьтесь за флоридскими сиренами, —подшутилъ профессоръ:—тогда не видать намъ васъ болѣе въ нашемъ „городѣ братской любви".

Еще разъ раздался пронзительный свистокъ. Пассажиры наскоро простились съ своими родными и друзьями, д-ръ Говардъ крѣпко пожалъ руку д-ру Парсону. Черезъ минуту дощатый помостъ былъ убранъ, канаты сняты—и пароходъ, пыхтя и оглашая воздухъ свистомъ, двинулся въ путь. Лэди на палубѣ махали платками, а джентльмены шляпами; имъ отвѣчали тѣмъ же съ берега.

Это было въ началѣ декабря юбилейнаго 1876 года: тогда американцы справляли столѣтній юбилей своей республики.

На зимніе мѣсяцы многіе состоятельные американцы, больные и выздоравливающіе, обыкновенно отправляются въ свою „Италію"; такъ называютъ они Флориду, „страну цвѣтовъ", которая почти вовсе не знаетъ ни снѣга, ни морозовъ. Флорида лежитъ на одной широтѣ съ Египтомъ, но зной полу-тропическихъ лучей умѣряется въ ней „бризами", постоянными морскими вѣтрами.

Дулъ холодный вѣтеръ; въ воздухѣ носились рѣдкія мелкія хлопья снѣга; берега Делауэра уже окаймлялись тонкимъ слоемъ льда.

Четыре дня шелъ пароходъ на югъ, по Атлантическому океану, въ виду материка. Десятки пассажировъ, скученныхъ на небольшомъ пароходѣ, по-неволѣ перезнакомились между собою. Въ залѣ иногда происходили у нихъ общія бесѣды. Чаще всего темой разговоровъ была всемірная выставка, устроенная въ томъ году въ Филадельфіи, по случаю юбилея. На своей выставкѣ янки имѣли прекрасный случай, путемъ сравненія, получше оцѣнить и другимъ показать успѣхи, сдѣланные ими въ теченіе первыхъ ста лѣтъ въ развитіи гражданской жизни, а также въ различныхъ отрасляхъ промышленности, наукъ и искусствъ.

— Я пришелъ къ тому убѣжденію,—говорилъ д-ръ Парсонъ своимъ спутникамъ,—что наша юная республика вообще догнала и во многомъ перегнала даже старѣйшія страны Стараго Свѣта. Но вотъ любопытный вопросъ, на который, признаюсь, я еще не могу дать себѣ вполнѣ удовлетворительнаго отвѣта: чему собственно наша страна, справляющая свой первый столѣтній юбилей, обязана тѣмъ, что достигла болѣе высокой степени цивилизаціи, чѣмъ нѣкоторыя европейскія страны, успѣвшія уже отпраздновать свой тысячелѣтній юбилей?

— Мы обязаны своимъ благосостояніемъ всего болѣе республиканскимъ учрежденіямъ,—отвѣчалъ адвокатъ.—Въ республикѣ, по необходимости, каждый долженъ думать и работать, насколько хватаетъ силъ.

— Конечно, политическія учрежденія—великое дѣло,—возразилъ престарѣлый торговецъ,—но изъ ничего не сдѣлаешь ничего даже при самой широкой свободѣ. Необыкновенныя природныя богатства—вотъ гдѣ ключъ къ вашей загадкѣ, докторъ Парсонъ. Укажите мнѣ другую страну въ мірѣ, которая по своимъ естественнымъ богатствамъ могла бы сравняться съ нашей благословенной республикой!

— Мнѣ кажется,—замѣтила одна лэди,—что тутъ дѣло не столько въ учрежденіяхъ и натуральныхъ богатствахъ, сколько въ самихъ людяхъ. Въ составъ нашего народа вошли и еще входятъ самые энергичные и свободолюбивые выходцы изъ различныхъ странъ. Англичане, нѣмцы, французы, голландцы, испанцы, шведы—всѣ они платили и платятъ нашей юной странѣ самую драгоцѣнную контрибуцію, отдаютъ намъ своихъ лучшихъ сыновъ и дочерей. Натурально, что такой отборный и сложный народъ долженъ отличаться особенными успѣхами.

— Лэди и джентльмены!—началъ капитанъ парохода, мистеръ Питерсъ, до сихъ поръ хранившій молчаніе.—Безъ всякаго сомнѣнія, всѣ высказанные сейчасъ взгляды дышутъ прав-

дой и взаимно пополняютъ другъ друга; но еслибы мнѣ предложено было дать короткій отвѣтъ на вопросъ, заданный докторомъ Парсономъ, я бы сказалъ: у насъ каждый гражданинъ думаетъ, работаетъ—словомъ, живетъ, главнымъ образомъ, *для себя*, а въ Старомъ Свѣтѣ большинство людей живетъ для кого-нибудь другого; вотъ въ чемъ, по моему, суть дѣла.

Оживленный разговоръ на эту тему еще долго продолжался; нѣкоторые изъ собесѣдниковъ горячо спорили, отстаивая свои взгляды. Изъ всѣхъ предложенныхъ рѣшеній д-ру Парсону понравилось всего болѣе рѣшеніе капитана.

„Да, американцы живутъ для себя, въ этомъ дѣйствительно вся суть дѣла", думалъ онъ про себя...

На четвертый день пароходъ присталъ къ берегу въ Джаксонвиллѣ, гдѣ и остановилась большая часть пассажировъ. Но д-ръ Парсонъ въ тотъ же день отправился далѣе на югъ. Онъ перебрался на одинъ изъ рѣчныхъ пароходовъ, дѣлающихъ рейсы по рѣкѣ Сентъ-Джонсъ въ самую глубь флоридскаго полуострова.

Длина рѣки Сентъ-Джонсъ простирается до шести сотъ верстъ; на протяженіи двухъ сотъ верстъ, къ устью, ширина ея достигаетъ двухъ верстъ; на своемъ пути эта рѣка проходитъ многочисленныя озера, изъ которыхъ самое большое, озеро Георгія— 18 верстъ въ ширину и 27 верстъ въ длину. Словомъ, рѣчнымъ пароходамъ тамъ есть гдѣ развернуться.

Погода стояла тихая, теплая, какъ бы весенняя. Д-ръ Парсонъ вышелъ на палубу, сѣлъ въ удобное деревянное кресло и погрузился въ созерцаніе новой для него природы.

Тихія мутныя воды рѣки обрамлялись низкими берегами, покрытыми вѣчно зеленѣющей растительностью. Въ ея зеркальной поверхности ясно отражались многолѣтнія сосны, красиво убранныя гирляндами мха, извѣстнаго подъ именемъ „испанской бороды", стройныя пальмы съ громадной, вѣчно зеленой короной, кипарисъ, роскошная магнолія, бѣлый и красный лавръ, южныя породы дубовъ и другія деревья, и все это прихотливо переплеталось многочисленными спиралями цвѣтущихъ ліанъ. При поворотахъ, когда пароходъ проходилъ близко къ берегу, д-ръ Парсонъ успѣвалъ замѣчать нѣкоторыхъ птицъ, прелестныхъ колибри, бѣлоснѣжныхъ журавлей, розовыхъ ибисовъ, пурпурныхъ кардинальчиковъ, зеленыхъ попугаевъ, американскихъ дроздовъ и т. д. Но всего болѣе его занимали аллигаторы: когда пароходъ былъ далеко отъ нихъ, они лежали въ водѣ неподвижно, какъ чурбаны; но какъ только пароходъ приближался къ нимъ, они исчезали съ ловкостью и быстротою ящерицы.

Природа была удивительно богата, даже роскошна. Несмотря на это, на протяженіи цѣлыхъ десятковъ верстъ не было замѣтно никакихъ слѣдовъ человѣческаго существованія. Только изрѣдка виднѣлись поселенія, утопавшія въ густой зелени. Нерѣдко эти поселенія носили громкое названіе городовъ, хотя въ нихъ трудно было бы насчитать десятка два домовъ сряду.

Капитанъ парохода, мистеръ Юнгъ, уже пожилой джентльменъ, медленно приблизился къ доктору и занялъ кресло рядомъ съ нимъ. У нихъ сейчасъ же завязалась бесѣда.

— Какая чудная природа!—съ восторгомъ замѣтилъ д-ръ Парсонъ:—но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какая невообразимая глушь!

— Да, тихо здѣсь, очень тихо,—отвѣчалъ капитанъ и, помолчавъ съ минуту, продолжалъ:—а было время, когда эта сонная рѣка со своею зеркальною поверхностью, эти вѣчно цвѣтущія равнины были свидѣтелями бурныхъ, трагическихъ сценъ... Много лѣтъ тому назадъ, когда я впервые началъ плавать здѣсь, я не могъ смотрѣть на эти деревья безъ мысли о томъ, что на нихъ когда-то висѣли трупы французовъ, испанцевъ, индѣйцевъ... Вамъ извѣстно, конечно, что въ XVI-мъ вѣкѣ французы-гугеноты поселились при устьѣ этой рѣки и мирно жили здѣсь. Но испанцы, считавшіе этотъ полуостровъ своимъ, напали на нихъ нечаянно и истребили всѣхъ до послѣдней души. Надъ тѣлами повѣшенныхъ они прибили надпись: „Убиты не за то, что были французы, а за то, что были еретиками и врагами Бога". Этотъ варварскій поступокъ вызвалъ месть со стороны французовъ. Три года спустя, гугеноты пріѣхали сюда изъ Франціи, осадили Сентъ-Августинъ, метрополію нашихъ городовъ, и взяли его; испанцы были истреблены, нѣкоторые изъ нихъ были привезены на мѣсто варварскаго избіенія французовъ,—недалеко отсюда, говорятъ,—и повѣшены на тѣхъ самыхъ деревьяхъ, на которыхъ были повѣшены гугеноты. Французы также прибили надпись надъ тѣлами своихъ враговъ: „Убиты не за то, что были испанцы, а за то, что были измѣнниками, грабителями и убійцами". Вотъ какія сцены бывали здѣсь!.. Потомъ здѣсь велись продолжительныя войны между испанцами и англичанами за обладаніе этой „страною цвѣтовъ"... Здѣшніе туземцы, краснокожіе, боролись вѣка равно противъ всѣхъ европейцевъ, пока, наконецъ, наши войска истребили ихъ почти всѣхъ. А во время гражданской войны развѣ мало лилось здѣсь крови?.. Да, эта „страна цвѣтовъ" не разъ обагрялась людскою кровью. Эти тихія воды разсѣкались кораблями и лодками разныхъ націй. Пріѣзжали сюда испанскіе рыцари, искавшіе то источника, возвращающаго юность старцамъ,

то золота. Были здѣсь англичане, жадные до захвата земель. Гугеноты искали здѣсь тихаго уголка, чтобы молиться по своей совѣсти. Тихо скользили здѣсь мелкія ладьи краснокожихъ, настоящихъ хозяевъ этой земли. А теперь вотъ плаваемъ мы на нашихъ пароходахъ. Кто будетъ послѣ насъ?..

Исторія Флориды была хорошо извѣстна д-ру Парсону, но, какъ вѣжливый гость, онъ не хотѣлъ перебивать словоохотливаго хозяина парохода, тѣмъ болѣе, что въ одушевленномъ разсказѣ капитана ему слышалось нѣчто новое, чего не было въ его школьныхъ воспоминаніяхъ.

II.—На мѣстѣ.

Прошло болѣе сутокъ послѣ того, какъ пароходъ отплылъ изъ Джаксонвилля. Пристали къ берегу.

— Послѣдняя остановка, докторъ!—говорилъ капитанъ.—Теперь вы въ такой глуши, какой трудно сыскать въ иномъ штатѣ.

Д-ръ Парсонъ осмотрѣлся кругомъ. Пароходъ остановился у берега озера Монро, черезъ которое протекаетъ Сентъ-Джонсъ. На самомъ берегу стояли стройныя красавицы-пальмы, какъ бы любуясь своимъ отраженіемъ въ зеркальной поверхности озера. А дальше виднѣлся сосновый лѣсъ, сквозь чащу котораго тамъ и сямъ выглядывали крыши домовъ.

— Быть можетъ, эта страна дѣйствительно изобилуетъ апельсинами и аллигаторами,—сказалъ докторъ капитану:—но, повидимому, людей здѣсь очень мало. Впрочемъ эта мѣстность какъ разъ соотвѣтствуетъ рецепту, прописанному мнѣ моимъ почтеннымъ докторомъ: тепло и глухо,—чего же больше?

— Да, тутъ вы можете жить настоящимъ отшельникомъ,—замѣтилъ капитанъ:—но если это наскучитъ вамъ, то тутъ же вы можете найти всѣ интересы городской жизни. Впрочемъ практика лучше покажетъ вамъ все это.

На пристани замѣтно было нѣкоторое оживленіе, если, впрочемъ, можно назвать оживленіемъ появленіе съ полъ-дюжины лицъ и одной легонькой коляски.

— Посовѣтуйте, пожалуйста, въ какомъ „бордингъ-гаузѣ“ мнѣ лучше остановиться?—обратился докторъ къ капитану.

— Ахъ вы, неисправимый горожанинъ!—шутилъ капитанъ:—да вы спросите лучше—есть ли тутъ какой-нибудь выборъ? Впрочемъ, вотъ здѣсь, въ томъ большомъ отелѣ (капитанъ указалъ по одному направленію) вы найдете чисто городское помѣщеніе,

ику,—словомъ, все въ городскомъ стилѣ, да
зая... А въ трехъ миляхъ отсюда, въ лѣсу,
на полянкѣ, есть скромный „бордингъ-гаузъ", и въ немъ чистота, простота и умѣренность. Выбирайте!

— Давайте мнѣ чистоту, простоту и умѣренность, въ лѣсу, на полянкѣ!—отвѣчалъ, улыбаясь, докторъ Парсонъ.

— Эй, Бобъ! ты что тамъ мѣшкаешь?—закричалъ капитанъ дюжему негру, съ чѣмъ-то возившемуся у берега.

Негръ мигомъ прибѣжалъ на зовъ капитана, держа большую мокрую губку въ рукѣ.

— Жарко, вотъ губку мочилъ, лошади на голову,—весело объяснялъ Бобъ, показывая при этомъ два ряда бѣлыхъ блестящихъ зубовъ. Полотняная рубашка, вобранная въ полотняные же штаны, и шляпа изъ пальметто съ широкими полями—таковъ былъ костюмъ Боба.

— Вотъ джентльменъ хочетъ остановиться въ вашемъ „бордингъ-гаузѣ". Возьми его вещи. Живо!—командовалъ капитанъ.

Бобъ ловко взвалилъ себѣ на спину тяжеловѣсный сундукъ доктора и бѣгомъ снесъ его въ коляску; бѣгомъ же возвратился къ пароходу, схватилъ саквояжъ, картонку съ высокой шляпой, зонтикъ и, сказавъ доктору: „готово, сэръ!"—быстро зашагалъ къ коляскѣ.

Докторъ Парсонъ простился съ капитаномъ, вручивъ ему при этомъ нѣсколько писемъ для доставленія на почту въ Джаксонвилль. Чрезъ минуту коляска уже тихо катилась по ровной, пыльной, песчаной дорогѣ. Не успѣлъ докторъ оглянуться кругомъ, какъ жилья уже не было видно; они ѣхали какъ будто въ дикомъ лѣсу. Кругомъ стояли сосны, увѣшенныя „испанской бородой". На полянкахъ густо росли пальметто, привольно раскинувъ свои пальчатые листья; д-ръ Парсонъ ими залюбовался; въ Филадельфіи, въ нѣкоторыхъ домахъ, онъ видалъ только жалкіе образцы этого тропическаго растенія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, у самой дороги, встрѣчались громадные кусты олеандры въ цвѣту. Жужжали букашки, порхали бабочки, пѣли птички... и это въ декабрѣ, передъ Рождествомъ!

Дорога замѣтно поднималась; черезъ нѣкоторое время наши путники выѣхали на открытое, холмистое мѣсто. Вдали, у озера, виднѣлся обширный домъ.

— Вотъ и нашъ „бордингъ-гаузъ",—указалъ Бобъ.—Мы какъ разъ къ обѣду,—добавилъ онъ.

Бобъ подвезъ д-ра Парсона къ самому крыльцу дома.

— Добро пожаловать, сэръ, добро пожаловать!—встрѣтила

гостя хозяйка, приличная дама среднихъ лѣтъ, въ черномъ шолковомъ платьѣ съ бѣлымъ чистымъ передникомъ.

Вслѣдъ за хозяйкой докторъ вошелъ въ просторный, прохладный залъ.

— Мы подождемъ васъ къ обѣду,—сказала хозяйка,—позвольте мнѣ указать вамъ вашу комнату.

Докторъ вручилъ дамѣ свою карточку и спросилъ ея имя. Затѣмъ онъ быстро умылся въ своей комнатѣ и нѣсколько переодѣлся. Причесывая себѣ волосы, докторъ внимательно разсматривалъ свое лицо въ зеркалѣ.

— Блѣденъ, худъ, усталъ, — говорилъ онъ самъ себѣ, — а впрочемъ благо, что остался живъ. А теперь, нужно поскорѣе поправляться. Въ эти полгода надобно добыть ровно тридцать фунтовъ вѣсу.

Парсонъ самъ разсмѣялся надъ своимъ монологомъ и отправился въ столовую.

Бобъ, завидя доктора въ корридорѣ, сталъ усердно трясти колокольчикомъ, приглашая тѣмъ всѣхъ жильцовъ къ обѣду.

„У этого малаго хроническая улыбка на лицѣ“, подумалъ докторъ, проходя мимо негра, который сладко улыбался ему, какъ своему старинному пріятелю.

Въ минуту въ столовой собрались всѣ жильцы. Тутъ были: дама съ чахоточнымъ сыномъ, хозяйка съ дочерью, дѣвушкою двадцати-двухъ лѣтъ, пасторъ, журналистъ, адвокатъ, торговецъ. Послѣдніе трое были въ дорожномъ костюмѣ; они странствовали вмѣстѣ и теперь собрались ѣхать далѣе, въ глубь полуострова. Хозяйка представила доктора своимъ гостямъ.

Анни, кухарка-негритянка, и Бобъ быстро поставили весь обѣдъ на столъ. Гости заняли свои мѣста. Хозяйка, указавъ доктору мѣсто, пригласила пастора призвать благословеніе свыше. Не поднимаясь съ мѣста, пасторъ сказалъ, устремивъ глаза вверхъ:

— „Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь, о Боже, податель всякихъ благъ!“

Послѣ этихъ словъ публика энергично принялась за обѣдъ. Съ истою американскою любезностью гости прислуживали другъ другу и хозяйкѣ съ дочерью, предлагая то жаркого, то хлѣба и масла, то зелени. Глядя со стороны, трудно было бы сказать, кто тутъ хозяева и кто гости. Даже чахоточный и тотъ не отставалъ отъ другихъ въ любезности. Доктора, какъ новичка, гости разспрашивали о самыхъ свѣжихъ новостяхъ. Обѣдъ прошелъ очень весело и оживленно. Парсонъ на минуту забылъ, что онъ не въ Филадельфіи, а въ далекой глуши.

Послѣ обѣда Бобъ отвезъ трехъ гостей къ озеру Монро, гдѣ ихъ уже поджидалъ одинъ американецъ въ большой лодкѣ съ парусомъ. Пасторъ отправился бродить въ сосновый лѣсъ, а дама съ больнымъ сыномъ усѣлись подъ тѣнистымъ деревомъ дочитывать послѣднюю повѣсть Бретъ-Гарта.

— Миссисъ Блюмъ, могу васъ побезпокоить на минуту? — обратился Парсонъ къ хозяйкѣ.

— Я къ вашимъ услугамъ, сэръ, — отвѣчала та.

Они прошли въ залъ. Докторъ спросилъ объ условіяхъ.

— Я беру, сэръ, — заговорила хозяйка дѣловымъ тономъ, — два съ половиною доллара въ день, если гости останавливаются на нѣсколько дней; плата понедѣльно — 15 долларовъ, помѣсячно — 50 долларовъ и, конечно, впередъ. За стирку бѣлья особая, обыкновенная плата. Вино и пиво — на счетъ гостей. Особыя блюда, по заказу, на счетъ гостей. Я даю лошадь съ сѣдломъ или съ коляской за малую плату. Вотъ и все. Разумѣется, я считаю своимъ долгомъ заботиться о томъ, чтобы жизнь моихъ жильцовъ была насколько возможно пріятной.

Парсонъ заплатилъ хозяйкѣ 50 долларовъ.

— Прошу васъ считать меня своимъ жильцомъ на мѣсяцъ, — сказалъ онъ: — если мы понравимся другъ другу, то я проживу у васъ полгода. Мой докторъ запретилъ мнѣ возвращаться домой раньше полгода.

На слѣдующее утро, послѣ завтрака, миссисъ Блюмъ пригласила д-ра Парсона осмотрѣть ея домъ и выбрать себѣ комнату.

— Вы — мѣсячный жилецъ, а потому имѣете право на выборъ комнаты, — замѣтила она.

Домъ былъ трехъ-этажный. Внизу помѣщались столовая, кухня и двѣ комнаты для прислуги; во второмъ этажѣ были обширный залъ или, по-американски, „парлёръ", и четыре небольшихъ комнаты; въ верхнемъ этажѣ было восемь равныхъ комнатъ, раздѣленныхъ длиннымъ и свѣтлымъ корридоромъ. Во второмъ этажѣ, кругомъ всего дома шла веранда, обвитая различнымъ плющемъ. Полы во всѣхъ комнатахъ были покрыты ковромъ, въ столовой — плетенкой, а въ кухнѣ — толстой клеенкой.

Докторъ выбралъ себѣ угловую комнату на сѣверо-востокъ.

— Утромъ — восходящее солнце, въ полдень — сѣверная прохлада; кромѣ того, прекрасный видъ на озеро и сосѣдство роскошной пахучей сосны, — объяснилъ онъ.

— Вотъ и Мэри по тѣмъ же резонамъ выбрала себѣ комнату какъ разъ подъ вами.

— Значитъ, у насъ съ миссъ Блюмъ вкусы сходятся. Очень пріятно...

Хозяйка пошла распорядиться, чтобы вещи д-ра Парсона были перенесены въ его новую комнату.

III.—Какъ глубока глушь?

Жизнь д-ра Парсона потекла тихо, плавно. Пробовалъ онъ спать болѣе обыкновеннаго, но не спалось. По часамъ онъ сидѣлъ подъ тѣнистыми деревьями и созерцалъ роскошную зелень кругомъ и синеву южнаго неба; по часамъ онъ прислушивался къ мертвенной, какъ ему казалось, тишинѣ, улавливая слухомъ малѣйшій шорохъ въ вѣтвяхъ, слабѣйшее жужжаніе насѣкомыхъ. Нѣсколько разъ онъ слушалъ игру миссъ Блюмъ на піанò, но онъ болѣе любилъ играть самъ, чѣмъ слушать другихъ; теперь онъ досадовалъ, что не взялъ съ собой своей скрипки. „Мы бы могли устраивать маленькіе концерты съ миссъ Блюмъ", думалъ онъ. Раза два онъ пускался спорить съ пасторомъ Джонсономъ, жильцомъ, на тему: улучшается ли человѣчество въ нравственномъ отношеніи съ теченіемъ вѣковъ?

Такъ прошло нѣсколько дней. Докторъ начиналъ уже скучать. Разъ, утромъ, онъ бесѣдовалъ съ миссисъ Блюмъ, разспрашивая ее объ окрестныхъ жителяхъ.

— Могу войти?—раздался у дверей свѣжій, звонкій женскій голосъ.

— Конечно!—отвѣчала хозяйка.

Въ комнату вошла миссъ Мэри, дочь хозяйки. На ней было легкое бѣлое платье, свободно обхватывавшее ея изящную фигуру, соломенная шляпа съ широчайшими полями и замшевыя перчатки.

— Мама, хочешь кататься? Я устрою пологъ, мы будемъ въ тѣни. Хочешь?

— Благодарю, моя милая, но ты знаешь—я люблю кататься только вечеромъ. Вотъ развѣ д-ръ Парсонъ, — обратилась къ жильцу миссисъ Блюмъ съ веселой улыбкой:—лодка всегда къ услугамъ гостей.

— Только не всегда съ вашей покорной слугой въ качествѣ гребца,—добавила дочь съ улыбкой и поклономъ.

Парсонъ досталъ свою панамскую шляпу и отправился съ миссъ Мэри къ озеру.

— Надѣюсь, миссъ Блюмъ, у васъ здѣсь тихо и глухо,—

заговорилъ онъ:—не бываетъ никакихъ трагедій, никакихъ треволненій, никакихъ бурныхъ удовольствій и неудовольствій?

— А вы боитесь бурной жизни?—съ интересомъ спросила дѣвушка.

— Нѣтъ, я-то не боюсь, да мой докторъ прописалъ мнѣ большую дозу тихой жизни...

— Такъ вы докторъ-паціентъ?—съ живостью спросила дѣвушка, на этотъ разъ бывшая въ самомъ веселомъ настроеніи.— Это очень интересно! Мнѣ съ мамой часто приходится ухаживать за разными больными, но у насъ никогда еще не было доктора-больного. Беру васъ подъ свою личную команду. Вашему докторскому авторитету теперь конецъ! Слышите? вы должны мнѣ во всемъ повиноваться... Это, право, интересно—лечить доктора!

И дѣвушка залилась серебристымъ смѣхомъ.

— А моего доктора вы, что же, въ отставку? — спросилъ Парсонъ, улыбаясь.

— Да онъ самъ подалъ въ отставку, если отпустилъ васъ одного. Впрочемъ я готова на компромиссъ: вы сообщите мнѣ подробно его совѣтъ, а я уже позабочусь выполнить его.

Они подошли къ берегу. Тутъ стояла маленькая купальня; къ ней привязана была лодка; Мэри отвязала ее. Докторъ хотѣлъ помочь дамѣ сѣсть въ лодку, но она съ легкостью серны спрыгнула съ помоста прямо къ декламъ, а затѣмъ съ шутливою бережливостью приняла доктора и посадила его къ рулю. Дѣвушка ловко ударила веслами, и лодка, мѣрно покачиваясь, пошла впередъ, посылая круги мелкихъ волнъ по всѣмъ направленіямъ.

— Вы можете, мистеръ паціентъ, спокойно созерцать природу; можете тихо разспрашивать меня о нашей глуши.

Послушный паціентъ созерцалъ природу, останавливаясь, впрочемъ, всего чаще на своемъ неожиданномъ менторѣ. Мэри Блюмъ дышала молодостью, здоровьемъ, красотою. У нея были правильныя черты лица, удивительно нѣжная кожа. Ея роскошная русая коса была заложена „à la Гигія“, какъ думалъ про себя Парсонъ; въ ея простомъ платьѣ ему видѣлись складки классическаго костюма.

— А знаете что̀, миссъ Мэри: ужъ если вы взялись быть моимъ эскулапомъ, то позвольте называть васъ миссъ Гигіей. Это совершенно кстати, да къ тому же ваша классическая фигура удивительно напоминаетъ мнѣ „богиню здоровья“.

— Ой, ой, мистеръ... докторъ... мой паціентъ!—бормотала сконфуженная дѣвушка, вся зардѣвшись отъ удовольствія.—Какой

же вы ужасный паціентъ! Вамъ приказано было созерцать окружающую природу, а вы...

— Такъ разрѣшается, миссъ Гигія?—настаивалъ врачъ, любуясь непритворно смущеннымъ, розовымъ личикомъ молодой флоридянки.

— Ужъ если вы уступили моей просьбѣ,—говорила весело Мэри,—отказались отъ своихъ докторскихъ правъ и привилегій, то и я должна сдѣлать вамъ удовольствіе: такъ и быть, для васъ отнынѣ я перестаю быть простой смертной и становлюсь неземнымъ существомъ. Но, о смертный! смотрите, боги требуютъ, чтобы люди относились къ нимъ съ величайшимъ почтеніемъ.

Докторъ понялъ ея замѣчаніе, выраженное въ послѣднихъ словахъ, и далъ себѣ слово быть осторожнѣе.

Настало короткое молчаніе. Мэри оглянулась и попросила доктора править лодку къ плакучей ивѣ, стоявшей какъ разъ у воды. Добравшись до тѣнистаго мѣста, она положила весла и начала обмахиваться громаднымъ вѣеромъ изъ пальметто.

— Меня очень интересуетъ эта мѣстность,—заговорилъ докторъ;—я бы хотѣлъ поскорѣе съ ней ознакомиться.

— О, это очень легко сдѣлать!—отвѣчала Мэри:—стоитъ только прогуляться кругомъ. Я напередъ могу вамъ пересчитать всѣхъ окрестныхъ жителей.

Миссъ Блюмъ приготовилась считать по пальцамъ.

— Только всего здѣсь жителей?—улыбаясь, спросилъ Парсонъ.

— О, нѣтъ,—отвѣчала Мэри, смѣясь:—мнѣ пожалуй придется для этого занять у васъ одну, если не обѣ руки.

Она начала пересчитывать и насчитала всего семнадцать семействъ.

— Каково! семнадцать дворовъ! — разсмѣялся Парсонъ.— Какъ хотите, но это уже нельзя назвать глушью. Положительно я сдѣлалъ ошибку, остановившись здѣсь.

— Полно смѣяться, мистеръ филадельфіецъ: мы даже собираемся объявить свое поселеніе городомъ.

— Городомъ? Городъ въ семнадцать дворовъ?—добродушно смѣялся докторъ.

— Да вы не дали мнѣ досказать исторію,—продолжала дѣвушка:—дѣло въ томъ, что если соединить вмѣстѣ всѣхъ здѣшнихъ жителей на десяти квадратныхъ миляхъ, то...

— О, тогда навѣрно получится мѣсто величиною съ Филадельфію,—смѣясь, перебилъ ее Парсонъ.

— Да оставьте вашу Филадельфію! У насъ наберется до

двухъ сотъ жителей, а этого совершенно достаточно для начала города.

— По истинѣ, ничего нѣтъ невозможнаго! Возможно, что и эти озера съ своими аллигаторами, эти сосны, ивы, пальмы и пальметто съ случайными избушками будутъ извѣстны подъ громкимъ именемъ города,—подшучивалъ докторъ.—Но тогда, увы! навѣрно мнѣ придется уѣхать отсюда, отъ этого городского шума. Прислушайтесь!

Молодые люди притаили дыханіе. Сначала была мертвая тишина, даже ива не шелестила своими листьями. Затѣмъ гдѣ-то вдали чирикнула птичка, запилилъ кузнечикъ.

— Слышите?—въ голосъ вскрикнули Мэри и Парсонъ, и оба залились звонкимъ смѣхомъ, какъ смѣется только молодежь, особенно люди разнаго пола и притомъ нравящіеся другъ другу.

— Положимъ, мнѣ скоро придется покинуть этотъ знаменитый, но шумный городъ; но все-таки интересно справиться о его публичныхъ учрежденіяхъ. Сколько здѣсь школъ?

— Одна, и та еще въ проектѣ,—смѣялась Мэри.—Мнѣ предлагаютъ въ науку двухъ дѣвочекъ и трехъ мальчиковъ.

— Науки, значитъ, здѣсь процвѣтаютъ... Ну, а что скажете насчетъ библіотекъ?

— Имѣется въ дѣйствительности одна, — отвѣчала миссъ Блюмъ:—ваша покорнѣйшая слуга имѣетъ честь быть основательницей и директрисой летучей библіотеки. А васъ я приглашаю къ себѣ въ помощники.

— Вы, что же, снабжаете аллигаторовъ печатной бумагой?.. И знаете что̀: я изучу вліяніе печатной бумаги на физическое и умственное состояніе аллигаторовъ и напишу диссертацію на эту тему.

Молодые люди смѣялись отъ души.

— Ну, а сколько у васъ больницъ?—спросилъ докторъ.

— Полноте, здѣсь люди не болѣютъ.

— Да, это вѣрно. Это зеркальное озеро—ужъ не это ли тотъ самый завѣтный источникъ, что̀ возвращаетъ старикамъ юность и что̀ безплодно отыскивали здѣсь испанскіе рыцари? Вотъ вѣрно почему и я чувствую себя здѣсь такъ легко и пріятно.

— О, вѣроломный смертный!—воскликнула Мэри трагически: —еще нѣсколько минутъ тому назадъ онъ возлагалъ всѣ свои надежды на Гигію, а теперь? Теперь онъ уже забылъ ее и устремляетъ свой благодарный взоръ на это безчувственое озеро!

— О, богиня Гигія! перемѣни свой гнѣвъ на милость!—декламировалъ шутя докторъ:—не однимъ же своимъ взглядомъ ты

врачуешь недуги смертныхъ; ты прибѣгаешь къ кристальной водѣ цѣлительныхъ источниковъ, извѣстныхъ тебѣ одной!

— Такъ вотъ же вамъ, вотъ!—весело воскликнула дѣвушка, плеснувъ водой на доктора своимъ вѣеромъ.

Докторъ быстро зачерпнулъ воды своей шляпой и хотѣлъ тоже плеснуть на дѣвушку.

— Не смѣть!—повелительно воскликнула та.

— Повинуюсь, богиня!—отвѣчалъ докторъ; выливъ воду, онъ надѣлъ влажную шляпу и продолжалъ свой допросъ.—А сколько у васъ церквей?

— Церквей у насъ пока нѣтъ, но есть молитвенный домъ, да и то, впрочемъ, собственно лавка, но по воскресеньямъ тамъ совершается служба.

— Домъ торговли становится домомъ молитвы—это не совсѣмъ-то хорошо, впрочемъ сойдетъ для города аллигаторовъ.— Есть мелочныя лавки?

— Одна, полковника Додда.

— Лавки съ моднымъ товаромъ?

— Все это у полковника Додда.

— Можно найти здѣсь сапоги? желѣзный товаръ? Есть банки? аптеки?—засыпалъ вопросами докторъ.

— Все, все это у полковника Додда.

— Какъ! и лекарства, и сапоги, и лопаты, и ситецъ, и посуда—все это въ одной и той же лавкѣ?—съ удивленіемъ спросилъ Парсонъ.

— Разумѣется!—серьезно отвѣчала дѣвушка. — Полковникъ Доддъ держитъ сельскую лавку. Онъ и банкиръ, и почтмейстеръ, и агентъ. Землю купить, продать апельсины, достать рабочихъ— все это и многое другое дѣлаетъ полковникъ Доддъ. Развѣ вы не знаете, чтò такое сельская лавка (country store)?

— Слыхалъ, но видѣть не случалось.

— Совѣтую вамъ познакомиться съ полковникомъ Доддомъ и его учрежденіемъ.

— Непремѣнно постараюсь изучить универсальное заведеніе полковника Додда. А кто у васъ подковываетъ лошадей? все тотъ же полковникъ Доддъ?

— Нѣтъ, онъ самъ лошадей не подковываетъ, хотя кузница принадлежитъ ему. Говорятъ, впрочемъ, мистеръ Смитсъ—его наемный кузнецъ—собирается купить у Додда кузницу и вести дѣло за свой счетъ.

— А! значитъ, уже замѣтно дифференцированіе отдѣльныхъ органовъ въ этомъ простомъ организмѣ!

мѣялась, хотя и не совсѣмъ ясно поняла своего
ка.

пистеръ Доддъ состоитъ также вашимъ врачемъ,
юромъ?

іасъ есть настоящій докторъ, да онъ больше
ѣлемъ... за недостаткомъ паціентовъ, конечно.
е?

бывало; вотъ сами увидите... Газеты и типо-
,е не имѣется; что же касается должности па-
зы, полковникъ Доддъ читаетъ намъ молитвы,
ромъ.

ь Гигія, оказывается, тоже въ своемъ родѣ
пикъ Доддъ.

!—грозила она своимъ пальчикомъ:—мы и васъ
ь разные лады; и вы покажете намъ свои разно-
Деревня вѣдь не знаетъ городского „раздѣленія

ь извините! Во-первыхъ, вы забыли о приказа-
, а, во-вторыхъ, развѣ не довольно съ васъ
согласился быть помощникомъ библіотекаря?

ѣъ же вы будете считаться больнымъ?

е думаю вѣкъ оставаться въ очаровательномъ
...

позабыла объ этомъ...

откровенной дѣвушки зазвучала непритворно
Ей самой казалось страннымъ: за эти семь лѣтъ,
,ѣсь, ей часто приходилось встрѣчаться съ моло-
ичныхъ профессій; многіе изъ нихъ ухаживали
одились съ нею на пріятельскую ногу, но она
при прощаньѣ съ ними почти такъ же, какъ
еперь сразу сильно понравился ей этотъ моло-
торъ; онъ сразу пріобрѣлъ ея теплое располо-
язаны бываютъ только испытанные друзья. Ей
е при мысли о разлукѣ съ нимъ.

онъ между тѣмъ поздравлялъ себя съ счастливой

омыслящая и приличная дама,—думалъ онъ,—
илая и интересная дѣвушка: значитъ, не умру

и намъ домой?—прервала молчаніе Мэри.

дно,—отвѣчалъ Парсонъ. — Да не пустите ли

— Нѣтъ, не сегодня и не завтра (докторъ поклонился ей), а послѣ, когда выздоровѣете, тогда сочтемся; а если нѣтъ, то во всякомъ случаѣ пріятнѣе оказывать благодѣяніе, чѣмъ принимать его.

— Ахъ вы, гордая Гигія!—воскликнулъ докторъ.—Впрочемъ я человѣкъ добрый; я дамъ вамъ возможность оказывать благодѣянія.

Привязавъ лодку на прежнемъ мѣстѣ, молодые люди медленно направились къ дому.

IV.—„Клубъ зеленыхъ попугаевъ“.

— Сегодня четвергъ, докторъ,—однажды послѣ ужина Мэри обратилась къ Парсону.

— Соберется знаменитый „клубъ зеленыхъ попугаевъ“,—перебилъ ее тотъ весело:—я знаю это, какъ знаю и то, что почтенный президентъ клуба нѣсколько обижается на меня за мое будто бы невниманіе къ этому учрежденію самозванныхъ пернатыхъ. Шутка сказать, прошло уже два четверга, было два собранія, а я еще не являлся. Въ свое оправданіе я долженъ сказать, что еще мало видалъ вашихъ зеленыхъ попугаевъ, не познакомился съ ихъ нравами и обычаями,—словомъ, я самъ еще не превратился въ попугая.

— Какой же вы странный!—возразила дѣвушка, смѣясь.—Вы только удостойте насъ своимъ посѣщеніемъ, и мы сразу посвятимъ васъ во всѣ тайны попугайской жизни. Мы вѣдь старыя птицы. Кстати позвольте передать вамъ формальное приглашеніе всего клуба.

— Буду!—отвѣчалъ докторъ съ поклономъ; затѣмъ онъ заговорилъ серьезно:—Скажите, Гигія, какъ образовался вашъ клубъ?

— Да очень просто. Насъ здѣсь немного; проводить все время врозь—скучно; вотъ и стала молодежь собираться у насъ; сначала собирались не регулярно, потомъ выбрали четвергъ. Что касается названія, то это случилось такъ: я попробовала заставить всѣхъ пѣть вмѣстѣ, — о, какой диссонансъ это былъ! вы представить себѣ не можете. „Стойте!—говорю я въ отчаяніи:—вы кричите, какъ зеленые попугаи“.—„Вотъ прекрасно сказано!“—отвѣчалъ Бутлеръ (одинъ изъ бывшихъ членовъ) и окрестилъ наши собранія въ „клубъ зеленыхъ попугаевъ“. Такъ и окрестили. Вотъ вамъ происхожденіе клуба. Послѣ, когда мы привыкли пѣть вмѣстѣ, мы стали пѣть и на церковной службѣ.

— Есть у васъ какія-нибудь правила?

— Есть клятва, да и то больше для потѣхи... Мы поемъ, играемъ, танцуемъ, иногда забавляемся играми, часто бесѣдуемъ о пустякахъ, а иногда горячо споримъ о разныхъ интересующихъ насъ вопросахъ—политическихъ, общественныхъ и т. д. Словомъ, это „social club“. И знаете что? нашъ клубъ сталъ ядромъ общественнаго мнѣнія здѣсь. Одинъ изъ нашихъ членовъ сталъ вести себя... не какъ джентльменъ; мы тихо, чинно указали ему на порогъ. Это наказаніе ему было хуже, чѣмъ... чѣмъ еслибы всѣ его апельсины превратились въ дикіе. Но мнѣ пора одѣваться.

Мэри убѣжала. Черезъ полчаса до Парсона уже доносился громкій смѣхъ и говоръ „попугаевъ“. Докторъ сошелъ въ парлёръ. Кромѣ обитателей бордингъ-гауза тамъ было шесть гостей: мистеръ Гринъ съ двумя дочерьми—Лиззи 18-ти и Бетти 16-ти лѣтъ, миссисъ Эмма Кларкъ, Джонни Лиліенквистъ, шведъ 18-ти лѣтъ, и мистеръ Кукъ, зять Додда. Всѣ эти лица имѣли на груди зеленые бантики. Мэри представила доктора гостямъ.

Публика сейчасъ же забросала Парсона вопросами о филадельфійской выставкѣ.

Когда послѣ его разсказовъ водворилось молчаніе, вдругъ поднялся хоръ попугаевъ. Это молодежь сговорилась угостить доктора попугайскимъ концертомъ. Они подражали прекрасно.

— Вотъ такихъ концертовъ не давали на выставкѣ,—замѣтилъ докторъ, улыбаясь.

— Да вы были ли въ балаганахъ?—спросила миссисъ Блюмъ.

— Какъ же! Я ходилъ смотрѣть лошадь на двухъ ногахъ, теленка на трехъ и барана о пяти ногахъ, ну, а хора зеленыхъ попугаевъ не замѣтилъ.

— Господа!—сказалъ Гринъ:—намъ нужно привлечь доктора въ нашъ клубъ, тогда пусть его смѣется надъ самимъ же собою.

— Пусть будетъ попугаемъ! Пусть будетъ попугаемъ! — запѣли дамы хоромъ.

Джонни куда-то исчезъ и чрезъ минуту вернулся съ чучеломъ зеленаго попугая, которое онъ поставилъ на круглый столикъ предъ Мэри Блюмъ, президентомъ клуба. Остальные члены образовали процессію и увлекли съ собою и доктора. „Попугаи“ ходили по комнатѣ гуськомъ, воспѣвая „счастье жизни попугайской“, а Мэри между тѣмъ продѣлывала какіе-то „таинственные“ знаки въ подражаніе американскимъ тайнымъ обществамъ. Затѣмъ маршалы — Лиззи и Эмма — подвели доктора къ президенту для принятія присяги.

— Вѣришь ли ты, — спрашивала Мэри,—что нѣтъ птицы лучше попугая и нѣтъ жизни счастливѣе попугайской? Клянешься

ли сохранять свои чудныя зеленыя перья отъ всякихъ пятенъ? Клянешься ли никогда не злословить, не кусать и не царапать своего собрата? Клянешься ли подражать только тому, что̀ достойно подражанія?

При каждомъ вопросѣ члены клуба твердили на-распѣвъ: „вѣрь, о, вѣрь!“ или: „клянись! о, клянись!“

Затѣмъ президентъ собственноручно прикололь къ груди новопосвященнаго зеленый бантикъ. Публика горячо поздравляла доктора съ возведеніемъ въ высокое достоинство „зеленаго попугая“.

— А знаете что̀, собратья?—сказалъ онъ:—въ вашей—виноватъ!—въ нашей клятвѣ есть одно мѣткое выраженіе. Дѣйствительно, попугаемъ легко жить на свѣтѣ; но попробуйте пооригинальничать, и васъ заклюютъ! Что же касается совѣта—подражать только хорошему, то здѣсь требуется отъ попугая то, чѣмъ природа не надѣлила его—умъ; да тогда попугай пересталъ бы быть попугаемъ, а слѣдовательно и не былъ бы счастливѣйшей птицей. Нѣтъ, господа попугаи, будьте сами собою и живите счастливо!

— Мы и живемъ счастливо и весело,—отвѣчала Мэри; она сѣла къ піано и бойко заиграла: „Yankee Doodle“.

Джонни не утерпѣлъ, вскочилъ и началъ выбивать джигъ; Бетти послѣдовала его примѣру; она кокетливо придерживала юбку, желая показать свое умѣнье выдѣлывать самыя прихотливыя фигуры.

— А вы, собратъ, въ какихъ искусствахъ сильны?—приставали дамы къ доктору.

— Въ искусствѣ очаровывать дамъ!—отвѣчалъ тотъ.

— Ахъ!—и дамы бросились отъ него въ разсыпную, но сейчасъ же вернулись и стали тормошить его еще болѣе.

— Умѣю пилить на скрипкѣ,—продолжалъ онъ,—да скрипки нѣтъ со мною. Прежде я пѣвалъ, когда былъ молодъ.

— Спойте! спойте что-нибудь!—приставали дамы.

Парсонъ попросилъ Мэри сыграть одну изъ любимѣйшихъ американскихъ пѣсенъ: „Darling, I am growing old“, и запѣлъ, подражая старческому голосу:

Моя милая, я начинаю старѣться,
Мои волосы золотые уже серебрятся;
Но ты, моя милая, милая,
Всегда будешь мнѣ юной, прекрасной!..

Докторъ пѣлъ и изрѣдка посматривалъ на свою Гигію; его голосъ дрожалъ, только неизвѣстно—отъ желанія ли только по-

дрожать старцу, или также и отъ внутренняго волненія; какъ бы то ни было, но отъ этихъ теплыхъ взглядовъ, отъ этого дрожащаго голоса сердце Мэри радостно трепетало и по ея лицу разлилась ровная краска.

Публика шумно одобрила пѣніе доктора, а у Лиззи шевельнулось въ сердцѣ что-то въ родѣ зависти къ Мэри,—она была соперницей Мэри во многомъ.

Около половины одиннадцатаго „попугаи" разбрелись по своимъ гнѣздамъ. Мэри долго не могла заснуть. Въ первый разъ въ жизни у нея въ головѣ являлся опредѣленно вопросъ, отъ котораго она горѣла, словно въ лихорадкѣ.

„Это онъ только шутилъ... О, какая я глупая! Неужели онъ не могъ бы найти себѣ лучше въ Филадельфіи?.. Право, нѣтъ никакого основанія думать объ этомъ"...

Но напрасно увѣряла себя Мэри, что ничего особеннаго не произошло,—сердце ея чуяло, что для нея начиналась новая жизнь.

Въ то же время, въ комнатѣ какъ разъ надъ нею, молодой докторъ, раздѣвшись спокойно, откололъ отъ сюртука бантикъ, пристально посмотрѣлъ на него и — вдругъ поцѣловалъ его, но сейчасъ же поймалъ себя на мѣстѣ преступленія.

„Ай, ай! докторъ Генри Парсонъ!—говорилъ онъ про себя укоризненно:—не стыдно ли вамъ заниматься такимъ сентиментальнымъ дѣломъ!.. А вотъ мы сейчасъ справимся"...

Докторъ взялъ свои золотые часы и началъ считать свой пульсъ; онъ насчиталъ на десять ударовъ болѣе обыкновеннаго.

— Вздоръ! — воскликнулъ онъ:—просто жара да нѣкоторое возбужденіе отъ излишней болтовни...

Онъ легъ въ постель и сейчасъ же заснулъ, но и во снѣ онъ видѣлъ свою Гигію, только не съ русыми, а совсѣмъ съ сѣдыми волосами; но ея глаза блестѣли, какъ всегда, и на ея щекахъ игралъ нѣжный румянецъ.—„Всегда будешь мнѣ юной, прекрасной!"—твердилъ онъ, крѣпко сжимая ея ручки...

V.—Путешествіе по глуши.

— Докторъ Парсонъ!—заговорила однажды хозяйка дѣловымъ тономъ:—сегодня утромъ приходила къ намъ одна дама, наша сосѣдка, и спрашивала, будете ли вы практиковать здѣсь; ей очень хотѣлось бы посовѣтоваться съ вами. Что мнѣ сказать ей да и другимъ, кто будетъ обращаться сюда по тому же дѣлу? Здѣсь есть докторъ, да...

— Да онъ картофелемъ занимается,—весело перебилъ ее докторъ.

— А вы уже знаете? Вѣрно Мэри успѣла уже разболтать вамъ. Д-ръ Бинкъ — такъ зовутъ нашего врача — не пользуется здѣсь особеннымъ довѣріемъ, быть можетъ именно потому, что онъ, между прочимъ, занимается разведеніемъ и продажей овощей.

— Какъ, и продажей?—спросилъ Парсонъ удивленно.

— Да, и продажей: наложитъ въ свою повозочку картофеля, капусты, разной зелени и развозитъ по дворамъ. Случается иногда, что, вмѣсто овоща, у него покупаютъ разныя пилюли и капли вмѣстѣ съ докторскимъ совѣтомъ. Говорятъ, огородомъ онъ зарабатываетъ болѣе, чѣмъ медициной.

— Бѣдный коллега! стоило же добиваться диплома!..

— При такихъ условіяхъ, докторъ, своей профессіей вы, пожалуй, легко покроете всѣ расходы своей тропической поѣздки?— При этомъ хозяйка внимательно смотрѣла въ глаза своему жильцу, какъ еслибы тутъ дѣло шло и о ея интересахъ; а впрочемъ это дѣло дѣйствительно касалось ея интересовъ: вѣдь еслибы Парсонъ оказался искуснымъ врачемъ,—въ чемъ она не сомнѣвалась,—тогда ея бордингъ-гаузъ былъ бы полонъ.

— Нѣтъ, миссисъ Блюмъ, объ этомъ нечего и думать: я пріѣхалъ сюда отдохнуть, оправиться отъ тяжкой болѣзни, а не лечить.

— Очень хорошо, сэръ,—сухо отвѣчала хозяйка, едва скрывая свое разочарованіе.

— Только въ рѣдкихъ, трудныхъ случаяхъ я, пожалуй, готовъ подать совѣтъ, но и тогда лечить не возьмусь, — добавилъ докторъ въ утѣшеніе хозяйки.

— Очень хорошо, сэръ, очень хорошо!—замѣтила та, просіявъ. Какъ опытная женщина, она отлично понимала, что каждый больной склоненъ считать свою болѣзнь „рѣдкой и трудной". „Я готова, докторъ Парсонъ, угождать вамъ не въ примѣръ другимъ, но и вы не должны ограничиваться только вашей регулярной платой". Эту мысль миссисъ Блюмъ не только не высказала вслухъ, но даже не формулировала словами, тѣмъ не менѣе она отчетливо проскользнула у нея въ мозгу. Впрочемъ миссисъ Блюмъ поступала тутъ по излюбленному практическому правилу американцевъ: „live and let others live" (самъ живи и давай другимъ жить).

Докторъ отправился въ залъ и засталъ тамъ Мэри; она стояла передъ зеркаломъ и поправляла свой костюмъ... На ней было легкое желтое платье изъ китайскаго шолка; на соломенной

шляпкѣ, вмѣсто всякой отдѣлки, былъ завязанъ громадный бантъ изъ барежа сливочнаго цвѣта; она держала въ рукахъ замшевыя перчатки и зонтикъ изъ китайскаго же шолка.

— Куда это собираетесь, миссъ Гигія? на почту? въ банкъ? въ модный магазинъ или въ аптеку?—спрашивалъ докторъ шутя.

— Въ разныя заведенія и учрежденія. Не хотите ли прокатиться со мной? Кстати я покажу вамъ будущій Аллигаторъ-сити.

— Вы безконечно любезны, миссъ Гигія. Ѣдемъ!—Они вышли на дворъ.—А гдѣ же Бобъ?—спросилъ Парсонъ.

— Зачѣмъ намъ Бобъ? Справимся и безъ него. — Сказавъ это, Мэри какъ бы впорхнула въ коляску. Парсонъ послѣдовалъ за ней, и коляска медленно покатилась со двора.

— Мы сдѣлаемъ маленькое кругосвѣтное путешествіе,—замѣтила Мэри, — и я остановлю ваше благосклонное вниманіе на нашихъ достопримѣчательностяхъ.

— Вонъ домъ среди апельсиновой плантаціи, видите?—заговорила чрезъ минуту Мэри:—тутъ живетъ нашъ собратъ Гринъ; онъ—бывшій инженеръ; врачи Чикаго послали его сюда умирать, а онъ, видите ли, прельстился нашимъ раемъ и не хочетъ умирать; вотъ уже десять лѣтъ живетъ здѣсь со всѣмъ семействомъ; зато его чахотка, говорятъ, замерла, если совсѣмъ не умерла,—впрочемъ это по вашей части...

— Вонъ подъ той сосной, въ крохотной избушкѣ, живетъ французъ Ландо съ женой и кучею дѣтей,—продолжала Мэри: — мосье — прекрасный садовникъ, а мадамъ — искусная швея; вмѣстѣ они зарабатываютъ довольно, а тѣмъ временемъ у нихъ ростетъ прекрасный апельсиновый садъ. О, они будутъ богаты!

— Вонъ въ томъ чистенькомъ домикѣ живетъ мистеръ Смитсъ съ семьей, кузнецъ, — я говорила вамъ о немъ, а рядомъ съ нимъ и преинтересный экземпляръ янки, мистеръ Стонъ: у него осталась вся его кипучая энергія, но его физическія силы какъ будто разслабли здѣсь. Смотрите, какія вещи продѣлываетъ онъ. Прежде у насъ тутъ трудно было достать свѣжаго мяса, никто этимъ регулярно не занимался, говорили: невыгодно. — „Вздоръ! —говоритъ м-ръ Стонъ:—все лѣнь да неумѣнье разсчитать". И что же? онъ завелъ мясную: накупилъ скота, нанялъ пастуха и мясника. Ежедневно онъ сталъ посылать свѣжее мясо по дворамъ на повозкѣ и въ два-три года нажилъ до двухъ тысячъ долларовъ барыша. Затѣмъ ему это дѣло наскучило, и онъ продалъ свое заведеніе своему же мяснику.—„На арбузахъ здѣсь можно сдѣлать состояніе",—разъ замѣтилъ онъ; его осмѣяли. Онъ принялся за дѣло, завелъ огородъ, получилъ ранніе арбузы, спла-

вилъ ихъ въ Нью-Іоркъ и „сдѣлалъ" на этомъ пятьсотъ долларовъ въ одинъ сезонъ. Теперь онъ уже состоитъ здѣсь безспорнымъ авторитетомъ.

Затѣмъ миссъ Блюмъ круто повернула лошадь и поѣхала по пустой мѣстности. Проѣхавъ съ полмили, она указала на рядъ грязныхъ лачугъ, большею частію безъ огорожи.

— Здѣсь живутъ негры, семействъ двадцать... опредѣленно, впрочемъ, нельзя сказать, потому что здѣсь еженедѣльно устраиваются, разстраиваются и перестраиваются семьи. Большая часть этихъ негровъ недѣлю работаютъ, а двѣ сидятъ безъ дѣла.

— Празднуютъ свадьбы, вѣроятно... — замѣтилъ докторъ. — Это тоже будущіе граждане Аллигаторъ-сити?

— Разумѣется.

Еще проѣхали съ полмили.

— А теперь мы проѣдемъ мимо лучшей въ нашей мѣстности апельсиновой и лимонной рощи. Покойный Бутлеръ насадилъ деревья собственноручно и цѣлыхъ десять лѣтъ ждалъ плода. Въ то время онъ жилъ на кукурузной кашѣ, пышкахъ на салѣ и черномъ кофе безъ сахару; ни мяса, ни хлѣба онъ не видалъ. Между тѣмъ его роща росла да росла понемножку, наконецъ стала приносить плодъ, и теперь она представляетъ собою капиталъ въ шестьдесятъ тысячъ долларовъ. Его сынъ теперь пробуетъ прожить эту рощу, да не такъ-то это легко...

— Ну, не говорите,—замѣтилъ докторъ:—подъ гору далеко легче бѣжать, чѣмъ на гору.

Далѣе дѣвушка указала на нѣсколько богатыхъ, широко раскинувшихся помѣстій.

— Тутъ проживаютъ зиму богатые сѣверяне,—замѣтила она.

Потомъ открылась холмистая мѣстность съ маленькими тѣнистыми рощицами и миніатюрными озерками.

— Здѣсь — шведская колонія; прекрасный, работящій народъ, семействъ тридцать. Тутъ же обитаетъ нашъ докторъ Бинкъ.

— Дайте, пожалуйста, поближе взглянуть на шведскую колонію,—просилъ докторъ.

— Если хотите, мы даже заѣдемъ въ домъ одного хорошо намъ знакомаго семейства—Линдквистовъ. Кстати, вотъ въ этомъ домикѣ, окруженномъ небольшими рѣдкими деревьями, живетъ молодой шведъ съ кучею дѣтей; вонъ они, какъ букашки, грѣются на солнцѣ; я даже сомнѣваюсь, имѣютъ ли они вдоволь пищи; это—бѣднѣйшая семья изъ всей колоніи, за однимъ печальнымъ исключеніемъ; а лѣтъ черезъ 6—8, пожалуй, заведутъ піано, и эти черномазыя дѣвочки будутъ одѣваться въ шолкъ. Вотъ, что

значитъ усердно работать и каждый заработанный центъ тратить только на себя.

Доктора поразила послѣдняя фраза: она сразу напомнила ему бесѣду на пароходѣ и мысль капитана, что „американцы живутъ для себя". Онъ пристально посмотрѣлъ на Мэри, какъ бы желая проникнуть, — что̀ это, сказала ли она сознательную мысль, или ей только случайно подвернулась счастливое выраженіе. Дѣвушка замѣтила его взглядъ.

— Не вѣрите? — спросила она: — а вотъ поживете, увидите. Мы, народъ деревенскій, хотя и мало зарабатываемъ, зато и мало проживаемъ, а главное — умѣемъ беречь центы.

Мэри хотѣла-было сказать болѣе, но воздержалась. У нея было на языкѣ признаніе, что и она вѣдь работаетъ, получаетъ отъ матери жалованье и имѣетъ маленькій банковый счетъ на свое собственное имя.

— Вы, я вижу, привыкли смотрѣть на жизнь только съ свѣтлой стороны, — замѣтилъ докторъ съ грустью, — а вотъ мнѣ въ больницѣ пришлось больше знакомиться съ людскимъ несчастіемъ... Сколько счастливыхъ семей разрушается, чуть не ежедневно, болѣзнями и несчастными случаями! — И предъ его умственнымъ взоромъ длинной вереницей понеслись больные со своими грустными исторіями, не разъ надрывавшими его доброе сердце. На выразительномъ лицѣ доктора виднѣлась глубокая грусть.

— Но вѣдь это только исключенія! — мягко протестовала она. — Бываютъ и здѣсь такіе случаи. Вонъ въ томъ домикѣ подъ гигантскимъ тополемъ живетъ несчастный шведъ, у котораго оба колѣна сведены ревматизмомъ... Графство помогаетъ ему... Но вѣдь это единственный здѣсь случай.

Мэри остановилась передъ одноэтажнымъ красивымъ домомъ, окруженнымъ тѣнистой верандой; передъ самымъ домомъ былъ хорошенькій цвѣтникъ съ олеандрой въ полномъ цвѣту. Краснощекая женщина съ засученными рукавами вышла на встрѣчу гостямъ.

— Милости просимъ, миссъ Блюмъ; давненько вы у насъ не были, — привѣтствовала ее миссисъ Линдквистъ.

— Надѣюсь, всѣ въ вашей семьѣ здоровы? — освѣдомлялась Мэри, представивъ хозяйкѣ доктора.

— Благодареніе Богу, всѣ здоровы. Эй, Ольга, Марта, Адольфъ, подите сюда! — закричала миссисъ Линдквистъ.

Изъ-за дома выскочили здоровыя и веселыя дѣти, десяти, восьми и четырехъ лѣтъ, но, увидавъ постороннихъ людей, они сразу потупились.

- Подите-же сюда! — понукала ихъ мать.—Пожмите руку Мэри!

ѣти застѣнчиво подошли къ Мэри, поглядывая исподлобья ктора.

- Пожалуйте въ домъ!—приглашала хозяйка; она отворила въ комнаты и пропустила гостей. Парлёръ былъ очень чный: коверъ, орѣховые стулья, органъ, большое зеркало, ѣсы,—все какъ и слѣдъ быть въ парлёрѣ.

- Какъ Ольга и Марта успѣваютъ въ музыкѣ? — спраши- Мэри.

- Да какъ имъ успѣвать-то? У мужа вѣдь нѣтъ времени ься съ ними правильно; мы вотъ хотѣли попросить васъ...

- Споемъ-ка, дѣти, „Отче нашъ", — командовала Мэри, ь къ органу и запѣвая молитву.

- Мужъ будетъ очень радъ...—проговорила хозяйка, и ис- безъ дальнѣйшихъ церемоній. Чрезъ нѣсколько минутъ я бѣлокурый рослый шведъ съ окладистой бородой, въ рабо- костюмѣ; онъ успѣлъ только помыть руки. Поздоровавшись стями, мистеръ Линдквистъ не замедлилъ присоединиться къ Онъ былъ страстный охотникъ до церковнаго пѣнія. Докторъ пѣлъ. Хоръ вышелъ очень удачный. Шведъ былъ въ восторгѣ.

- Вотъ пріятный сюрпризъ!—восклицалъ онъ.—Жена, чѣмъ ı угостишь гостей? Достань-ка той апельсиновки!

Іэри протестовала противъ всякаго угощенія, но хозяева и ıть не хотѣли объ отказѣ. Черезъ нѣсколько минутъ мис- Линдквистъ явилась съ бутылкой янтарной жидкости и рюм- на подносѣ, а Ольга принесла большую тарелку апельсиновъ іе бисквиты.

- Какой чудный, ароматный ликеръ! — замѣтилъ докторъ, ожно пробуя напитокъ.

- Собственнаго приготовленія, — отвѣчала польщенная хо- .

Іэри тоже попробовала янтарной жидкости, но закашлялась ıпитокъ оказался слишкомъ крѣпкимъ для нея. Покушавъ ьсиновъ и спѣвъ еще одинъ гимнъ, гости раскланялись.

— Я какъ-нибудь заѣду къ вамъ насчетъ этихъ,—сказалъ квистъ, указывая Мэри на своихъ дѣвочекъ. — Пора имъ ь учиться играть и пѣть.

- Извините, что мы помѣшали вамъ работать, — замѣтила , садясь въ коляску.

- Помилуйте, вы доставили намъ величайшее удовольствіе,— алъ мужъ.

ıасъ—всегда желанный гость,—прибавила жена.
рсонъ уѣхали.
ıая была бы парочка!—сказалъ мужъ, провожая щихся гостей.
гъ!—увѣренно подтвердила жена.
же успѣла пронюхать кое-что? О, женщины, женщалъ мужъ, широко улыбаясь и отправляясь на

весело смотрѣть на эту семью! — говорила между сону:—оба трудолюбивы и бережливы. Линдквистъ тутъ за большимъ имѣніемъ одного сѣверянина, а ттъ больше своихъ сосѣдей. Впрочемъ и другіе отъ него.
иественники круто повернули и ѣхали съ полчаса гѣсистой мѣстности. Передъ ними сразу открылось

ıя мѣстность! — воскликнулъ Парсонъ.
сь вы пристали къ берегу. Вонъ пристань и больже „универсальное заведеніе" полковника Додда. іеля — собственный домъ Додда. Въ другихъ доıерки и другія лица, находящіяся подъ командой ь же наполовину владѣетъ большимъ отелемъ. Но -что купить здѣсь.
ıали къ лавкѣ. Дѣвушка выпрыгнула изъ коляски тора одного изучать подробнѣе владѣнія Додда. ıамѣтилъ, что поселеніе Додда строилось по плану. самомъ берегу, былъ объемистый складъ. Отъ шировая дорога: „это будетъ Доддъ-авеню", по-. На одной сторонѣ этой авеню стоялъ отель, на Додда. На нѣкоторомъ разстояніи отъ озера, авеню улицей подъ прямымъ угломъ, гдѣ стояло четыре ковыхъ дачки, устроенныхъ Доддомъ. На „вторго былъ только одинъ домъ.
резъ десять возвратилась миссъ Мэри въ сопрошго клерка, несшаго въ корзинѣ разныя закупки. что скажете, докторъ, о нашемъ будущемъ гоıала дѣвушка, когда они тронулись домой.
вы; здѣсь будетъ городъ, хотя и не такъ скоро, те. Лѣтъ десять потребуется... Но уже теперь детъ „Доддъ-авеню" и гдѣ „первая", „вторая",

ите! вы угадали названія улицъ. Значитъ, нашъ

городъ—не миѳъ, а дѣйствительность, если даже вы, новичокъ, и то замѣтили планъ и угадали названія улицъ.

— О, я большой мастеръ угадывать!—смѣясь замѣтилъ докторъ: — напримѣръ, держу пари, я знаю, что у васъ въ этомъ красивенькомъ пакетикѣ, который вы хотите открыть, но все не рѣшаетесь.

— Держу пари, ошибетесь!—отвѣчала дѣвушка.

Они порѣшили: если докторъ угадаетъ, то Мэри будетъ въ распоряженіи доктора цѣлый слѣдующій день; если же онъ ошибется, тогда онъ будетъ въ распоряженіи Мэри также цѣлый день.

— Конфекты!—объявилъ докторъ торжественно и со смѣхомъ.

— О, злодѣй! что-то будетъ завтра со мною?—краснѣя, сказала дѣвушка.

— Вольно же вамъ было держать пари,—смѣялся Парсонъ. —Кому же не извѣстна слабость американокъ? Впрочемъ я вовсе не желаю мѣшать вашему аппетиту,—кушайте на здоровье!

— А вы? развѣ не составите мнѣ компанію?

— О, моя Гигія! Что это стало съ вами? вы хотите испортить мой аппетитъ какъ разъ передъ обѣдомъ, а еще взялись лечить меня!

Докторъ сталъ объяснять вліяніе конфектъ на выдѣленіе пищеварительнаго сока.

— О, докторъ, смилуйтесь! вѣдь сегодня еще не завтра; завтра я буду слушать безропотно какія угодно лекціи... Но вы испортили мнѣ аппетитъ къ конфектамъ.—Говоря это, дѣвушка бросила пакетикъ въ общую кучу покупокъ. Они ѣхали по сосновому лѣсу.

О, Мэри, Мэри, не сердись!
Прости! ко мнѣ ты воротись!..

запѣлъ докторъ извѣстную комическую пѣсенку.

— Вы не совсѣмъ вѣрно поете. Вотъ какъ нужно.—И дѣвушка громко запѣла ту же пѣсню звучнымъ, чистымъ сопрано.

— Теперь и я пропою вѣрно,—сказалъ Парсонъ.—Будемъ пѣть вмѣстѣ.—Они громко пропѣли одинъ куплетъ. Дуэтъ вышелъ очень удачный.

Молодымъ людямъ было очень весело; они шутили, пѣли, смѣялись отъ души, хотя по отношенію другъ къ другу они были очень осторожны и деликатны, какъ истые благовоспитанные американцы. Они уже были недалеко отъ дома, когда докторъ спросилъ серьезно:

— Скажите, миссъ Гигія, въ чемъ собственно выражается связь этого поселенія съ вашимъ графствомъ и штатомъ?

— Мы платимъ ежегодно налогъ за землю и за всякую собственность, движимую и недвижимую. Я, напримѣръ, плачу налогъ даже за свою постель, піано и книги. За это штатъ держитъ для нашего графства судъ и полицію. Въ первомъ мы, конечно, судимся, а ко второй обращаемся въ случаѣ какихъ-либо безпорядковъ,—что̀ случается, впрочемъ, очень рѣдко. Само собою разумѣется, что мы участвуемъ во всѣхъ выборахъ... Есть шансы на то, что нашего мистера Додда слѣдующею осенью выберутъ въ конгрессъ или даже въ губернаторы. Онъ жилъ въ разныхъ мѣстахъ штата и вездѣ оставилъ по себѣ хорошую память... Живемъ мы чинно, тихо, по годамъ никакого начальства не видимъ, да и не нуждаемся въ немъ. Сами себѣ господа, живемъ для себя... сами умѣемъ оберегать порядокъ и защищать свои интересы... Зарабатываемъ хлѣбъ, какъ умѣемъ; проживаемъ деньги, какъ хотимъ...

— А городъ со всякими властями все-таки собираетесь завести?—замѣтилъ докторъ.

— Ну, это только изъ амбиціи... чтобы не подтрунивали надъ нами такіе заѣзжіе господа, какъ, напримѣръ, докторъ Генри Парсонъ изъ Филадельфіи.

Коляска остановилась у крыльца дома.

VI. — „Самоваръ-пикникъ".

На слѣдующее утро, по звонку, всѣ жители бордингъ-гауза поспѣшили къ завтраку; всѣ они знали о вчерашнемъ пари, и имъ хотѣлось посмотрѣть, какъ докторъ будетъ распоряжаться Мэри. Парсонъ явился въ столовую послѣднимъ. Мэри подошла къ нему въ невольномъ смущеніи.

— Что угодно моему повелителю?—робко спросила она.

Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали отвѣта; но Бобъ, съ величайшимъ вниманіемъ слѣдившій за происходившимъ, не выдержалъ, громко прыснулъ и залился самымъ отчаяннымъ хохотомъ. Анни усердно вторила ему. Миссисъ Блюмъ сначала была расположена сурово остановить прислугу, но когда замѣтила, что и гости едва удерживались отъ смѣха, она только махнула прислугѣ рукой по направленію къ кухнѣ.

— Садитесь и кушайте пока!—отвѣчалъ докторъ.

Мэри хотѣла-было занять свое обычное мѣсто.

— Я протестую! — смѣялась миссисъ Блюмъ: — я не хочу ѣсть за однимъ столомъ съ рабыней.

— И я тоже!—подтвердила миссисъ Джаксонъ, мать чахоточнаго.

Но молодой Джаксонъ и пасторъ заступились за Мэри.

— Только докторъ Парсонъ имѣетъ право, по условію, распоряжаться миссъ Мэри, а не кто другой,—твердили оба.

На этомъ и порѣшили. За завтракомъ публика много шутила насчетъ бѣдной Мэри.

— Вотъ моя воля,—объявилъ докторъ Мэри послѣ завтрака: —садитесь на лошадь и поѣзжайте пригласить, по своему выбору, трехъ мужчинъ и трехъ дамъ. Скажите имъ: „мой сегодняшній господинъ шлетъ почтеніе и приглашаетъ на „самоваръ-пикникъ“, имѣющій быть въ домѣ миссисъ Блюмъ сегодня съ полудня до полуночи“. Вы знаете, „tea party“ у насъ теперь входитъ въ моду.

Чрезъ полчаса дѣвушка показалась, одѣтая амазонкой, съ хлыстикомъ въ рукѣ. Бобъ подвелъ лошадь съ дамскимъ сѣдломъ.

— Будьте осторожнѣй!—нѣжно шепнулъ докторъ Мэри, помогая ей сѣсть на лошадь.

— Вѣрно жаль потерять рабыню? — спросила та лукаво.— Она хлестнула лошадь и поскакала прочь лѣнивой рысцой.

Докторъ рѣшилъ нѣсколько развлечься, и вотъ онъ придумалъ маленькій праздникъ.

— Будьте добры, — обратился онъ къ миссисъ Блюмъ, подавая ей нѣсколько ассигнацій: — достаньте легкаго вина, конфектъ, фруктовъ и нѣсколько цыплятъ. Нельзя ли устроить ужинъ подъ открытымъ небомъ, напримѣръ подъ ивой у озера?

— Будьте покойны, докторъ, я устрою это дѣло. У меня есть просторный шатеръ, и я велю Бобу раскинуть его подъ ивой.

Черезъ часъ Мэри возвратилась домой. Парсонъ вышелъ встрѣтить ее.

— Это что у васъ за ящикъ въ рукахъ?—спрашивалъ онъ. —Клянусь Юпитеромъ, это моя скрипка! Уже пришла изъ Филадельфіи? Вотъ праздникъ у меня сегодня! И какъ вы добры, миссъ Гигія: сами привезли!

— Нельзя же не угодить своему господину,—отвѣчала она, спрыгивая съ лошади.

Докторъ поспѣшилъ открыть ящикъ. Чрезъ нѣсколько минутъ, стоя въ парлёрѣ, онъ уже съ увлеченіемъ игралъ на скрипкѣ. Музыкальный критикъ нашелъ бы много недостатковъ въ игрѣ доктора, но нельзя было не признать, что онъ игралъ съ душой. Онъ и не замѣтилъ, какъ Мэри, переодѣвшись, уже

и жадно слушала его игру. Тутъ же собрались,
тимъ, всѣ жильцы бордингъ-гауза. Замѣтивъ пуб-
пригласилъ Мэри къ піано, и они вмѣстѣ сыграли
ь. Пасторъ Джонсонъ стоялъ, ударяя ногой тактъ.
ъ Блюмъ, подкравшись сзади, схватила его и за-
нимъ по залу, къ общему удовольствію.
Блюмъ скоро уѣхала за покупками для пикника.
жите мнѣ, пожалуйста, миссъ Гигія, какъ возникла
ѣтаетъ ваша летучая библіотека?—спрашивалъ док-
ни остались наединѣ.
было вотъ какъ. Мы пріѣхали сюда семь лѣтъ тому
Сентъ-Луиса послали моего отца сюда умирать, и
льно умеръ...
быстро отерла выступившія у нея слезы. Докторъ
пожалъ ей руку.
ніе у отца было небольшое,—продолжала она послѣ
лчанія,—да и то пришлось прожить за время бо-
рѣшила остаться здѣсь и попробовать свое счастье
аузѣ, хотя наши родные предлагали ей помощь.—
не замѣчала, какъ она, вопреки обычаю амери-
а въ откровенный тонъ съ постороннимъ лицомъ.
нушалъ ей такое довѣріе и выказывалъ такую ис-
атію, что она не стѣснялась разсказать ему о сво-
ь дѣлахъ. Послѣ нѣкоторой паузы она продолжала:
мя жить здѣсь было страшно скучно, знакомыхъ у
е было. Я и пристрастилась тогда къ чтенію. Сво-
насъ было немного, приходилось занимать у дру-
знаете, у насъ не принято. Тогда счастливая
меня. Я составила списокъ своихъ книгъ и от-
сосѣдямъ, предлагая имъ образовать летучую биб-
какъ меня еще мало знали, то я предложила имъ
дома, а меня снабдить только каталогомъ и по-
ылать къ нимъ членовъ нашей библіотеки. Дѣло
ъ. Съ незнакомыхъ иногда мы брали залогъ. Мало-
сосредоточились въ моихъ рукахъ. Ко мнѣ, какъ
ю, обыкновенно обращаются за книгами.
азала доктору общій каталогъ и также журналъ,
ись, какія у кого на рукахъ были книги. Парсонъ
я. Оказалось, что у сорока-восьми членовъ летучей
ло всего свыше пяти-сотъ книгъ. Романы и по-
дали, но были ученыя и спеціальныя сочиненія.
та библіотека представляла собою невообразимый

литературный винигретъ. Тутъ были, между прочимъ, переводы
ковъ, англійскіе и американскіе романы, нѣсколько фран-
къ и нѣмецкихъ книгъ, даже была одна книжка на рус-
языкѣ — „Отцы и Дѣти".

ждые три мѣсяца у членовъ библіотеки было нѣчто въ
итературныхъ собраній, когда они обмѣнивались взглядами
ичныхъ авторовъ и на разные литературные сюжеты. На од-
въ такихъ собраній кто-то предложилъ выписывать въ склад-
журналы и еженедѣльныя изданія. Правда, это предложе-
къ несогласное съ американскимъ духомъ, не прошло, но
гда же нѣкоторые члены рѣшили подписаться на лучшіе
анскіе журналы и предоставить ихъ, по прочтеніи, въ
аніе членамъ.

У насъ здѣсь такъ мало общихъ интересовъ, — объяс-
Іэри, — что все, что приводитъ насъ въ общеніе, очень
Церковная служба, клубъ, выборы, балы изрѣдка—вотъ
о объединяетъ насъ. Конечно, при такихъ условіяхъ, наша
ека— не послѣднее дѣло: у насъ есть нѣсколько членовъ,
ихъ въ сорока миляхъ отсюда. Значитъ, есть интересъ къ
екѣ.

Честь и хвала вамъ, миссъ Блюмъ, за вашу блистатель-
ысль и за хорошее дѣло!—сказалъ докторъ съ одушевле-
—Вы какъ будто рождены быть иниціаторомъ... Что бы вы
ı, живя въ большомъ городѣ!

Я въ большомъ городѣ?—спросила дѣвушка въ смущеніи,
ѣмъ, оправившись, она сказала: — Не пора ли вамъ, мой
інъ, позаботиться о пріемѣ гостей? Кстати, какое платье
ете мнѣ надѣть?

Разумѣется, то бѣлое, простенькое, въ которомъ вы такъ
льно походите на Гигію, — отвѣчалъ докторъ, ласково
ивая ее.

ри вспыхнула и убѣжала.

12 часовъ, за легкимъ обѣдомъ, Мэри, по приказанію
а, пригласила каждаго обитателя бордингъ-гауза, не исклю-
ба и Анни, на „самоваръ-пикникъ".

кторъ отправился взглянуть на мѣсто пикника. Подъ боль-
шатромъ, раскинутымъ на берегу озера, стояли стулья и
покрытый бѣлой скатертью. Тамъ же, на особомъ столикѣ,
свѣтло вычищенный самоваръ и машинка для мороженаго.
угъ раздались звуки кларнета: Парсонъ обернулся. На
въѣзжали двѣ коляски—это приглашенные гости. Миссисъ
и Мэри вышли имъ на встрѣчу, но гости прямо проѣхали

къ шатру. Жильцы бордингъ-гауза послѣдовали туда же. Миссисъ Блюмъ представила доктора еще незнакомымъ ему гостямъ. Тутъ были: мистеръ Гринъ съ Лиззи и Бетти, мистеръ Стонъ и мистеръ Кларкъ, управляющій большого отеля, съ молодою женой.

— Скажите, докторъ, что значитъ „самоваръ-пикникъ“? — приставали къ Парсону сестры Гринъ и, не дождавшись отвѣта, спросили въ голосъ, указывая на самоваръ: — Это что такое? Вѣрно новый музыкальный инструментъ? съ выставки?

— Вы правы,—отвѣчалъ докторъ серьезно:—это новый музыкальный инструментъ... русское изобрѣтеніе... первую золотую медаль получило.

— Да какъ же играть-то? сыграйте что-нибудь!—приставали дѣвушки.

— Подождите, Мэри потомъ сыграетъ на немъ что-нибудь, а теперь милости прошу въ домъ! — приглашалъ докторъ: — мы устроимъ маленькій концертъ.

— Рейсъ! рейсъ!—кричалъ мистеръ Стонъ:—дамы въ линію! кто изъ васъ первой прибѣжитъ къ крыльцу, той быть царицею пикника. Согласны, лэди и джентльмены?

Послѣдовало шумное одобреніе. Отъ озера до дому было около ста саженъ. Всѣхъ дамъ поставили въ рядъ, не исключая миссисъ Блюмъ и миссисъ Джаксонъ.

— Разъ, два, три! — скомандовалъ Стонъ. Дамы ринулись взапуски. Миссисъ Джаксонъ и Блюмъ, впрочемъ, сейчасъ же остановились, смѣясь, но остальныя дамы неслись, насколько хватало силъ. Мужчины громко подзадоривали то ту, то другую. Особенно энергично понукалъ Кларкъ свою молодую жену, полную, красивую даму.

Сестры Гринъ замѣтно отстали; теперь состязаніе было между Мэри и миссисъ Кларкъ.

До дому оставалось саженъ десять; дамы бѣжали рядомъ; но вотъ Эмма запуталась въ кружевной юбкѣ и свалилась; Мэри взяла призъ. Мистеръ Кларкъ протестовалъ, но другіе мужчины и дамы утверждали, что Мэри несомнѣнно заслужила призъ.

— Мэри, конечно, выиграла, — сказала раскраснѣвшаяся Эмма, тяжело дыша, — хотя я увѣрена, что побѣдила бы ее, еслибы не упала.

— Ты, Эмма, будешь вицъ-царицей пикника,—сказала Мэри, обнимая талію своей бывшей подруги; а затѣмъ прибавила ей тихо: - зачѣмъ ты сегодня такъ ужасно затянулась въ корсетъ?

— Чтобы прельстить твоего доктора, — отвѣчала та тоже на ушко.

— Ахъ ты несносная!—воскликнула Мэри, ущипнувъ Эмму.
Отдохнувши на прохладномъ крыльцѣ, публика вошла въ ь. Мэри сѣла къ піано, поставивъ передъ собою Эмму, Лиззи Бетти. Докторъ со скрипкой сталъ съ одной стороны, а ми-ръ Стонъ съ кларнетомъ—съ другой. Мэри дала тонъ, и вотъ дался американскій національный гимнъ, который ни одинъ риканецъ и ни одна американка не можетъ слышать безъ тренняго волненія. Остальная публика присоединилась къ хору:

O, Columbia, the gem of the ocean,
The home of the brave and the free:
The shrine of each patriot's devotion,
A world offers homage to thee see.

(О, Колумбія, перлъ океана, жилище храбрыхъ и свободныхъ! Каждому ріоту ты—алтарь для поклоненія! Весь свѣтъ воздаетъ тебѣ почести.)

Затѣмъ Мэри и Парсонъ заиграли веселый вальсъ. Кларкъ ружился съ своей женой; Стонъ съ Бетти и Гринъ съ Лиззи лѣдовали ихъ примѣру. Чрезъ нѣсколько минутъ Эмма замѣ-а Мэри у піано, и Кларкъ помчался съ Мэри по мягкому ру.

— Я предлагаю въ шатеръ! — объявилъ Парсонъ, когда лика напѣлась и натанцовалась.

— Я поддерживаю предложеніе доктора,—закричалъ Стонъ: і предлагаю свое дополненіе—идти туда торжественной про-сіей.

Сейчасъ же образовалась процессія „индѣйской шеренгой", попросту, гуськомъ. Стонъ съ кларнетомъ былъ во главѣ, Бобъ съ небольшимъ барабаномъ въ хвостѣ. Подъ звуки аме-анскаго марша публика отправилась къ шатру. Тамъ неме-нно явились на столѣ конфекты, содовая вода и лимонадъ.

— А вѣдь ледъ у насъ вашъ, филадельфійскій; его при-ятъ сюда на пароходахъ,—замѣтила доктору миссисъ Блюмъ, кладывая кусочки льду по стаканамъ.

Стонъ и Гринъ образовали партію въ крокетъ, раздѣливъ между ою по жребію четырехъ молодыхъ дамъ, доктора и пастора. ссисъ Блюмъ сѣла играть въ шахматы съ молодымъ Джексо-ъ, а миссисъ Джексонъ принялась дѣлать вѣнокъ изъ ивы и ихъ цвѣтовъ для царицы пикника. Когда вѣнокъ былъ готовъ артія крокетъ сыграна, публика шумно короновала Мэри. Въ омъ простенькомъ платьицѣ, съ раскраснѣвшимся лицомъ, осѣ-нымъ зеленымъ вѣнкомъ—Мэри была чрезвычайно мила.

„Нѣтъ, моя Гигія далеко изящнѣе и милѣе всѣхъ", думалъ

докторъ про себя; онъ не замѣчалъ того, что уже начиналъ смотрѣть на свою Гигію нѣсколько субъективно...

Впрочемъ Мэри не долго пришлось царствовать.

— Миссъ Мэри, угостите публику мороженымъ собственноручнаго приготовленія!—командовалъ Парсонъ.

Мэри сняла съ себя вѣнокъ, надѣла его на Эмму и принялась за приготовленіе мороженаго. Молодыя дамы бросились помогать ей. Но такъ какъ добродушная Анни позаботилась напередъ о томъ, чтобы мороженое было наполовину готово, то его приготовленіе не стоило Мэри большого труда. Публика продолжала веселиться, и когда солнце уже было на закатѣ, на столѣ подъ шатромъ явился обильный холодный ужинъ.

— Миссъ Мэри!—снова командовалъ докторъ:—приготовьте чай по-русски, и мы сядемъ закусить.

Дѣвушка, въ сопровожденіи публики, въ недоумѣніи подошла къ самовару; но, благодаря наставленіямъ м-ра Грина, поняла, какъ нужно его поставить.

Запылалъ огонь, понесся дымъ клубомъ, скоро самоваръ зашумѣлъ и кипятокъ былъ готовъ. Мэри заварила чай.

— Да это просто большой чайникъ, а не музыкальный инструментъ!—воскликнула разочарованная Бетти.

По приглашенію доктора гости сѣли за столъ и шумно принялись за ужинъ.

Вдругъ вся публика стихла, потому что самоваръ запѣлъ свою монотонную, грустную пѣсенку; онъ вѣрно вспомнилъ о своей далекой родинѣ, и ему взгрустнулось. Самоваръ былъ тульскій и попалъ въ Америку, во Флориду — шутка сказать!.. Пропѣвъ свою пѣсню, онъ замолкъ.

— Такъ вотъ какъ играетъ самоваръ!—воскликнули вмѣстѣ сестры Гринъ.

— Я читалъ въ путешествіяхъ по Россіи, что самоваръ поетъ,—сказалъ Стонъ, но мнѣ никогда не приходилось самому слышать.

— У насъ въ Филадельфіи,—сказалъ докторъ,—самыя аристократическія семьи теперь завели самовары и даютъ „чайныя партіи“ на русскій манеръ.

— Поздравляю, лэди и джентльмены! — вскричала Мэри, смѣясь:—значитъ, и мы всѣ принадлежимъ къ самоновѣйшимъ аристократамъ.

Публика долго веселилась. Американцы—народъ очень серьезный; но, разъ порѣшивъ повеселиться, они забавляются какъ дѣти.

Когда совсѣмъ стемнѣло, всѣ они перебрались въ залъ. Снова составился оркестръ и хоръ, и снова раздались звуки пѣсенъ.

На дворѣ послышался конскій топотъ. Въ залу быстро вошелъ полковникъ Доддъ. На немъ, какъ говорится, лица не было. Ни съ кѣмъ не здороваясь, онъ спросилъ доктора.

VII.—Универсальная лавка.

— Спасите мою дочь, докторъ, ради Бога спасите! — умолялъ Доддъ со слезами на глазахъ, входя за Парсономъ въ комнату послѣдняго.

Онъ наскоро сообщилъ Парсону, что его дочь мучилась тяжелыми родами и что докторъ Бинкъ уже отчаявался за ея жизнь.

— Ѣдемъ скорѣе!—торопился докторъ, взявъ въ руки тяжеловѣсный ящикъ съ инструментами.

Чрезъ нѣсколько минутъ Доддъ уже подвозилъ къ своему дому Парсона и миссисъ Блюмъ; послѣдняя сама вызвалась въ сидѣлки на ночь. На порогѣ ихъ встрѣтилъ д-ръ Бинкъ. Обращаясь къ Парсону, онъ проговорилъ отрывисто:

— Трудный случай, а у меня нѣтъ инструментовъ...

Дѣло кончилось благополучно, при помощи доктора, и когда раздался крикъ новорожденнаго ребенка, Доддъ, обезумѣвъ отъ радости, ворвался въ комнату: онъ цѣловалъ и ребенка, и свою дочь, и д-ра Парсона.

— Вы, докторъ, спасли мнѣ мою единственную дочь. Въ жизнь свою я этого не забуду!—Доддъ плакалъ и улыбался сквозь слезы.

Черезъ часъ Парсонъ съ легкимъ сердцемъ вошелъ въ залъ, гдѣ онъ засталъ Додда, его зятя мистера Кука и д-ра Бинка. Только теперь онъ хорошо разсмотрѣлъ своего деревенскаго коллегу. Бинкъ былъ лѣтъ 50; съ небритымъ загорѣлымъ лицомъ, мозолистыми руками, въ поношенномъ и не совсѣмъ чистомъ платьѣ—онъ скорѣе казался простымъ фермеромъ, чѣмъ врачемъ. Бинкъ медленно вынулъ изъ кармана пачку табаку, заложилъ себѣ добрую щепоть за щеку и справился о томъ, откуда пріѣхалъ Парсонъ. Услыхавъ названіе Филадельфіи, онъ оживленно заговорилъ:

— Изъ Филадельфіи? И я учился въ филадельфійскомъ университетѣ, кончилъ курсъ въ 48 году.

— Такъ вы были товарищемъ профессору Говарду?—спросилъ Парсонъ.

— Какъ же! мы вмѣстѣ получили дипломы. Онъ былъ однимъ изъ лучшихъ студентовъ. Слышалъ я, что онъ профессорствуетъ... Вотъ судьба: Говардъ въ Филадельфіи, пользуется почетомъ и богатствомъ, а я прозябаю въ глуши, своей медициной даже прокормиться не могу...

Бинкъ махнулъ рукою, какъ бы желая прогнать напрасныя, докучливыя думы.

Между тѣмъ Доддъ невольно сравнивалъ Парсона и Бинка: одинъ смотрѣлъ настоящимъ джентльменомъ, а другой — бѣднымъ фермеромъ; одинъ пріѣхалъ поправляться, а все-таки захватилъ съ собой цѣлый арсеналъ дорогихъ инструментовъ; другой практикуетъ, и кромѣ стариннаго ланцета едва ли имѣетъ какіе другіе инструменты.

— Я полагаю, я вамъ болѣе ненуженъ, — грустно сказалъ Бинкъ, обращаясь къ Додду.

— Да, ужъ извините, докторъ, но я буду умолять доктора Парсона поставить мою дочь на ноги, — отвѣчалъ Доддъ сухо.

— Извините, пожалуйста, мистеръ Доддъ, — вмѣшался Парсонъ, — но ваша дочь еще нуждается въ услугахъ д-ра Бинка.

— Въ такомъ случаѣ, прошу посѣщать по прежнему,—пригласилъ Доддъ Бинка не безъ удивленія.

Парсонъ остался ночевать у Додда. Съ этого дня цѣлыхъ три недѣли Парсонъ ежедневно проводилъ въ домѣ Додда по нѣскольку часовъ; онъ пріѣзжалъ навѣстить больную, а затѣмъ оставался побесѣдовать или пообѣдать.

Д-ръ Бинкъ, конечно, понялъ, что Парсонъ только по профессіональной деликатности настоялъ на томъ, чтобы и онъ, Бинкъ, продолжалъ смотрѣть за больной. Впрочемъ, спустя девять обычныхъ дней, онъ самъ прекратилъ свои визиты. По своему счету онъ получилъ съ Додда 25 долларовъ. За это время Парсонъ успѣлъ нѣсколько познакомиться съ Бинкомъ. Бинкъ по самой своей натурѣ принадлежалъ къ числу „неудачниковъ". Онъ не умѣлъ да и не хотѣлъ приспособляться къ сложившимся условіямъ деревенскаго или городского врача.

— Практиковать въ большомъ городѣ,—объяснялъ онъ Парсону,—я не могъ, потому что у меня не было средствъ на хорошую квартиру и обстановку; вотъ и сталъ я пробовать счастье въ малыхъ поселеніяхъ. Я бывалъ во многихъ мѣстахъ; въ нѣкоторыхъ мнѣ везло, да потомъ болѣе разбитные коллеги перебивали практику... Нѣтъ у меня этой ловкости на всѣ руки: устраивать вечера съ танцами да съ картами — это не по мнѣ, да и жена моя на это дѣло не годится; играть въ политику —

противно; возиться съ пасторами—тоже не хочется; вотъ и вынужденъ я былъ заняться огородничествомъ...

Но дѣятельный Доддъ далеко болѣе заинтересовалъ собою Парсона, чѣмъ своеобразный врачъ-фермеръ. Доддъ былъ типичнымъ янки и крайне интереснымъ собесѣдникомъ. Онъ многое видалъ на своемъ вѣку.

— Ваше появленіе здѣсь открыло мнѣ глаза на Бинка, — говорилъ однажды Доддъ Парсону.— Какъ мужчина, я могу выносить запахъ табаку и конюшни, но дамы?.. Какъ хотите, но это должно быть имъ очень непріятно... Не могу себѣ простить, что до сихъ поръ не перетянулъ сюда доктора Флэнэгана, — онъ живетъ въ 12 миляхъ отсюда: джентльменъ и знающій врачъ. Кстати, отчего бы вамъ, докторъ, не поселиться у насъ?

— И поступить въ ассистенты къ д-ру Бинку? — смѣялся Парсонъ.

Доддъ тоже разсмѣялся, но затѣмъ заговорилъ серьезно:

— У Бинка нѣтъ практическаго смысла, въ этомъ его несчастіе. Еслибы онъ оставался только докторомъ и джентльменомъ, то навѣрно жилъ бы хорошо. А онъ что̀ дѣлаетъ?— пробуетъ конкуррировать съ настоящими фермерами!.. Теперь онъ навѣрно отсталъ въ медицинѣ, многое позабылъ, что̀ зналъ... А смотрите, что̀ вы могли бы здѣсь устроить. Въ красивой, здоровой мѣстности, напримѣръ въ домѣ миссисъ Блюмъ, вы открываете „Sanitarium“. Мы публикуемъ объ этомъ въ большихъ газетахъ Нью-Іорка, Филадельфіи, Бостона, Чикаго. Каждый зимній сезонъ у васъ будутъ жить и лечиться сотни паціентовъ. Навѣрно вы сдѣлаете деньги. А надоѣстъ вамъ наша глушь, продадите свой санитарій и уѣдете въ свою Филадельфію. Между тѣмъ нашему поселенію вы дадите тѣмъ значительное подспорье. Наше мѣсто новое; оно нуждается въ энергичныхъ людяхъ, способныхъ пробивать новые пути. Вы могли бы открыть здѣсь также аптеку, газету... да мало ли что̀ можно здѣсь дѣлать? Тутъ между прочимъ вы увидали бы, какъ въ годъ, въ два выростетъ городъ.

— Вы правы,—отвѣчалъ докторъ, подумавъ:—для молодого, способнаго, предпріимчиваго врача здѣсь есть широкое поле дѣятельности; но моя карьера уже опредѣленно намѣчена, и было бы безуміемъ съ моей стороны пробовать что-либо другое.

— Жаль, очень жаль, — проговорилъ Доддъ. — По крайней мѣрѣ, пришлите намъ подходящаго человѣка.

— Съ удовольствіемъ, если представится случай; а теперь,

мистеръ Доддъ, если у васъ есть время, я бы очень желалъ познакомиться съ вашей универсальной лавкой.

— Пойдемте хоть сейчасъ же.

— Моя лавка, - говорилъ Доддъ по дорогѣ, - служитъ средоточіемъ всей окрестности на пятнадцать миль. Здѣсь жители не только покупаютъ все, что имъ нужно, но также, при моемъ посредствѣ, обмѣниваются своими продуктами, дѣлаютъ сдѣлки, занимаютъ деньги... Словомъ, это не просто лавка, а также биржа, банкъ, ссудо-сберегательная касса. Впрочемъ все это я вамъ сейчасъ же покажу на дѣлѣ.

Они вошли въ лавку. Это было длинное двухъ-этажное деревянное зданіе, нѣчто въ родѣ казармы. Доктору представился цѣлый базаръ. Осмотрѣвшись, онъ замѣтилъ, что тамъ было нѣсколько самостоятельныхъ отдѣленій. Три человѣка завѣдывали лавкой: зять Додда сидѣлъ въ отгороженной конторѣ; другіе два клерка сидѣли за прилавками; въ лавкѣ было два-три покупателя.

— Вотъ собственно мелочная лавка, - указывалъ Доддъ:— тутъ вы найдете все по съѣдобной части. Вотъ посудное отдѣленіе - чашки, тарелки, лампы и т. д. Далѣе, вотъ желѣзная лавка: тутъ вы найдете все, начиная съ гвоздей и кончая плугами. Вотъ, —продолжалъ Доддъ, повернувъ на другую сторону лавки,—готовое платье, шляпы, сапоги; вотъ табакъ; духи, мыло и лекарства.

— Какія лекарства? — съ любопытствомъ спросилъ докторъ.

— Всего болѣе патентованныя пилюли, капсюли; есть хининъ и проч. Вотъ вина, ликеры и разные напитки. Вотъ и все. Наверху мы держимъ запасной товаръ; тамъ же есть двѣ комнаты для клерковъ. Теперь пойдемъ въ контору, и я объясню вамъ самую механику дѣла.

Они вошли въ контору и сѣли. Доддъ вынулъ изъ несгараемаго шкафа нѣсколько толстыхъ книгъ.

— Еслибы у меня была цѣль сдѣлать сто, полтораста, даже двѣсти процентовъ на свой капиталъ, то мое дѣло было бы очень просто и выгодно только для меня одного. Но у меня есть нѣсколько цѣлей: во-первыхъ, разумѣется, вести дѣло себѣ не въ убытокъ; во-вторыхъ, доставить товаръ здѣшнимъ жителямъ по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ; въ-третьихъ, привлечь сюда поселенцевъ и, такимъ образомъ, образовать здѣсь хорошенькій городокъ. Если я добьюсь послѣдняго, въ чемъ я ни мало не сомнѣваюсь, то моя репутація, какъ опытнаго дѣятеля, сильно увеличится, не говоря уже о томъ, что я получу хорошій барышъ отъ продажи земли,—у меня ея здѣсь много. По всѣмъ этимъ при-

чинамъ я удовлетворился бы десятью процентами чистаго дохода, хотя на нѣкоторыхъ товарахъ легко получается до двадцати-пяти, вслѣдствіе частаго оборота. Въ этой лавкѣ товару теперь тысячъ на пятнадцать. Если интересуетесь, вотъ по этой книгѣ вы можете прослѣдить, когда, на какую сумму и какіе товары у насъ были выписаны.

— А вотъ въ этой книгѣ вы найдете навѣрно новость для себя,—продолжалъ Доддъ, раскрывъ другую книгу.—Тутъ ведется, такъ сказать, мѣновая торговля между жителями при моемъ посредствѣ. Смотрите, напримѣръ: „В. Даркъ купилъ мула у П. Госта за 75 долларовъ. Кредитъ П. Госту на полную сумму, за счетъ В. Дарка, который уплатитъ апельсинами въ слѣдующій сезонъ". Вы понимаете это условіе?

— Разумѣется, но гдѣ же ваше вознагражденіе за одолженіе и рискъ?—спросилъ докторъ.

— Вы попали прямо въ центръ: простой дѣлецъ на моемъ мѣстѣ взялъ бы процентъ и съ Госта, и съ Дарка, да, пожалуй, потребовалъ бы еще залогъ; я же удовлетворяюсь только процентомъ на товарахъ и продуктахъ.

— Вотъ примѣръ другого характера, — продолжалъ Доддъ, роясь въ книгѣ:—Линдквистъ внесъ 500 долларовъ на 4%. Полный кредитъ. Тутъ я оказываюсь банкиромъ; а такъ какъ мнѣ извѣстно, что у Линдквиста есть деньги, то, значитъ, и кредитъ ему полный товаромъ и малыми суммами денегъ. Разумѣется, въ концѣ концовъ, я останусь въ барышѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и Линдквистъ пользуется всѣми удобствами банка и выгодами моей лавки.

— Что вы дѣлаете съ деньгами, которыя приносятъ вамъ на проценты?—спросилъ Парсонъ.

— Иногда я самъ пускаю ихъ въ оборотъ и получаю, какъ я уже объяснилъ вамъ, не менѣе десяти процентовъ; когда же я не имѣю въ нихъ нужды, то я отсылаю ихъ одному изъ своихъ банкировъ; у меня ихъ три: въ Джаксонвиллѣ, Филадельфіи и Нью-Іоркѣ. Кстати я напишу сейчасъ чекъ на филадельфійскій банкъ.

Доддъ приготовилъ чекъ и подалъ Парсону. Тотъ съ удивленіемъ увидалъ, что Доддъ выдаетъ ему триста долларовъ. Онъ вопросительно взглянулъ на Додда, но тотъ схватилъ его руку и съ жаромъ проговорилъ:

— Благодарю васъ, докторъ, благодарю... Никогда васъ не забуду.

— Слишкомъ много!—протестовалъ-было докторъ.

— Напротивъ, ничтожная плата за великую услугу,—перебилъ его Доддъ.

Затѣмъ, чтобы перемѣнить тему разговора, Доддъ замѣтилъ:

— Если васъ интересуетъ моя лавка, то она и мои книги къ вашимъ услугамъ.

— Да, это дѣло меня очень интересуетъ. Вѣдь такія лавки играютъ важную роль во всѣхъ нашихъ малыхъ поселеніяхъ, какъ мнѣ передавали.

— Какъ же! Ростъ поселенія много зависитъ отъ хозяина сельской лавки: если онъ умѣетъ самъ жить и не забываетъ давать и другимъ жить, то поселеніе правильно и быстро ростетъ; если же онъ узкій, грубый эгоистъ, не придерживающійся золотого правила: „live and let others live" (живи и давай другимъ жить), то плохо приходится его бѣднымъ и часто невольнымъ патронамъ.

Парсонъ распрощался съ Доддомъ и направился къ выходу. Проходя мимо отдѣленія готоваго платья, онъ остановился передъ объявленіемъ Ванамейкера, самаго большого торговца по части платья въ Филадельфіи. На толстой папкѣ, повѣшенной на стѣнѣ, были наклеены образцы разныхъ матерій съ обозначеніемъ цѣнъ; тутъ же висѣли правила, какъ снимать мѣрку. Клеркъ объяснилъ доктору, что при посредствѣ этихъ образчиковъ можно по почтѣ заказывать платье: стоитъ только послать мѣрку Ванамейкеру и обозначить нумеръ матеріи; черезъ двѣ-три недѣли платье готово.

— Вы занимаетесь коммиссіей и по другимъ отраслямъ торговли?—спросилъ Парсонъ.

— О, по всевозможнымъ. У насъ имѣются каталоги ювелирныхъ издѣлій, желѣзныхъ товаровъ, каретъ, разныхъ машинъ и т. д. При нашемъ посредствѣ вы можете имѣть любые товары прямо изъ Нью-Іорка и почти по нью-іоркскимъ цѣнамъ.

— И ваше вознагражденіе?

— Чистые пустяки, всего два процента и то съ торговцевъ. Мистеръ Доддъ занимается этимъ дѣломъ только изъ одолженія здѣшнимъ жителямъ.

— Кстати,—сказалъ докторъ,—вотъ вамъ маленькое дѣльце: выпишите для меня изъ Филадельфіи вотъ по этому адресу (онъ подалъ карточку) полдюжину резиновыхъ патентованныхъ пеленокъ. Я бы могъ выписать ихъ самъ по почтѣ, да хочу попробовать вашу фирму,—закончилъ докторъ, улыбаясь.

— По почтѣ? да мы же держимъ и почту,—возразилъ клеркъ съ улыбкой.

— Ахъ, да, я все забываю, что ваша лавка—какая-то своеобразная энциклопедія,—проговорилъ докторъ, уходя.

„Ловкій этотъ человѣкъ Доддъ!—думалъ Парсонъ по дорогѣ: —навѣрно онъ выстроитъ здѣсь городъ, сдѣлаетъ деньги и попадетъ въ конгрессъ, и все это по заслугамъ. Онъ представляетъ собою тысяча-первое доказательство того, что „honesty is the best policy" (честность—лучшая политика). А впрочемъ съ одною честностью, безъ ума и энергіи, далеко не уйдешь".

VIII.—Святое дѣло.

Возвратившись домой, докторъ отправился на свое любимое уединенное мѣсто. На нѣкоторомъ разстояніи отъ дома, на холмѣ, стояла группа сосенъ; подъ этими соснами, на скамейкѣ, онъ часто просиживалъ цѣлые часы. Оттуда открывался хорошенькій видъ: озеро было видно какъ на ладони, а за озеромъ зеленѣлась банановая плантація; недалеко отъ озера стоялъ бордингъ-гаузъ, подъ тѣнью роскошныхъ сосенъ.

Уединенное мѣсто на этотъ разъ, однако, было занято: тамъ, усѣвшись на скамейкѣ съ ногами и прислонившись къ соснѣ, сидѣла Мэри; она читала тяжеловѣсную книгу.

— Здравствуйте!—весело встрѣтила его дѣвушка.—Пришли, по обыкновенію, помечтать?

— Да, но радъ, что нашелъ васъ здѣсь. Вѣдь я васъ, кажется, цѣлое столѣтіе не видалъ.

— Еще бы! вы такъ увлеклись своимъ паціентомъ, что и забыли свою Гигію.

— Нѣтъ, не забылъ, — озабоченно проговорилъ Парсонъ и сейчасъ перешелъ въ серьезный тонъ, какъ это часто случалось съ нимъ.

— Такова уже доля врача: если взялся лечить, отдайся весь этому дѣлу; да и какъ не отдаться? На тебя возлагаютъ всѣ надежды, точно на какое божество. До себя ли тутъ?

— Вы добрый,—съ большимъ чувствомъ сказала дѣвушка и замолкла, а между тѣмъ какой-то внутренній голосъ продолжалъ ея рѣчь: „вы славный, дорогой, милый, и я крѣпко люблю васъ". Но Мэри не посмѣла громко повторить эти слова.

— Я-то сдѣлалъ свое дѣло,—заговорилъ докторъ весело:— я поставилъ своего паціента на ноги; а вотъ вы, моя Гигія, вы такъ совсѣмъ оплошали, совсѣмъ оставили меня безъ присмотра, а потому я не только не поправляюсь, но едва-ли не становлюсь слабѣе.

Дѣвушка посмотрѣла на него съ безпокойствомъ.

— Вы шутите?—робко спросила она.

— Нѣтъ, не шучу: въ послѣднія двѣ недѣли я потерялъ въ вѣсѣ, за что профессоръ Говардъ ужасно выбранилъ меня; грозится вытребовать меня въ Филадельфію раньше срока. Впрочемъ какъ нибудь поправимъ дѣло. Вотъ Доддъ оставилъ мнѣ цѣлую кучу денегъ—значитъ, теперь можно и побаловать себя. Что это? Физіологія Дольтона? — спросилъ съ удивленіемъ докторъ, беря книгу изъ рукъ Мэри. — Хотите проштудировать физіологію?

— О, нѣтъ,—отвѣчала Мэри, краснѣя:—это я только такъ, отъ скуки...

— Отъ скуки читаете скучную книгу?

— Ну, положимъ, что я приняла въ соображеніе замѣчаніе одного заѣзжаго философа, который какъ-то удивлялся тому, что люди, по непостижимой глупости, меньше всего изучаютъ то, что̀ слѣдовало бы имъ знать больше всего — собственный организмъ.

— Да, сѣятель иногда и не подозрѣваетъ, гдѣ посѣваемое имъ сѣмя падаетъ на добрую почву,—проговорилъ шутя докторъ.—А позвольте узнать, миссъ Блюмъ: что это, по гордости или по другимъ резонамъ, вы не просили моей помощи?

— Вамъ было бы не до того,—отвѣчала просто дѣвушка.

— Ну, положимъ, для васъ у меня нашлось бы время. Итакъ, начнемъ!

— Да, начнемъ, но не штудировать физіологію, а собираться на чрезвычайный митингъ гражданъ будущаго Аллигаторъ-сити. Сегодня въ лавкѣ Додда наши граждане будутъ обсуждать вопросъ о построеніи церкви. Вы, конечно, пойдете со мной?

— Съ большимъ удовольствіемъ.

Докторъ вздохнулъ полною грудью, сѣлъ поудобнѣе и проговорилъ:

— Въ вашей компаніи я чувствую себя легче, отдыхаю, всякія заботы исчезаютъ...

Внутренній голосъ еще что-то нашептывалъ ему, но и докторъ былъ не храбрѣе Мэри.

То былъ субботній день. Въ пятомъ часу вечера, въ извѣстной уже намъ лавкѣ, во второмъ этажѣ, собралось около ста человѣкъ; въ томъ числѣ было съ десятокъ женщинъ. По порядку всѣхъ митинговъ, сначала былъ выбранъ предсѣдатель (Доддъ), вице-предсѣдатель (Гринъ) и секретарь (Кларкъ).

Занявъ свое мѣсто, предсѣдатель сказалъ:

— Вамъ, мои друзья и сосѣди, уже извѣстенъ предметъ

нашего митинга. Намъ нужна церковь — объ этомъ я слыхалъ чуть не отъ каждаго изъ васъ; ѣздить намъ въ церковь за 12 миль отсюда—трудно, а собираться на молитву здѣсь, въ этой комнатѣ, не совсѣмъ удобно, хотя я радъ продолжать служить доброму дѣлу. Намъ церковь нужна, но гдѣ взять средства для ея построенія—вотъ вопросъ. Чтобы упростить дѣло, я, съ своей стороны, предлагаю безвозмездно лѣсъ и землю (раздались громкія одобренія). Но за всѣмъ тѣмъ потребуется не малая сумма денегъ. Вотъ это-то намъ и нужно обсудить.

Доддъ сѣлъ. Послѣ него поднялся Гринъ.

— Прежде всего предлагаю вамъ, лэди и господа, поблагодарить мистера Додда за его щедрое пожертвованіе въ пользу церкви. Кто за благодарность, скажи—да!

— Да!—закричала толпа единодушно.

— Кто нѣтъ, скажи—нѣтъ.

— Нѣтъ!—отвѣчалъ громко Доддъ.

Публика разсмѣялась.

— Съ своей стороны, какъ бывшій инженеръ, я предлагаю безвозмездно составить планъ церкви, сдѣлать смѣту издержекъ и надзирать за постройкой.

Раздались шумные крики одобренія. Гринъ поклонился и сѣлъ.

— Итакъ, друзья, — заговорилъ Доддъ, — у насъ есть уже мѣсто, матеріалъ и архитекторъ. — Что̀ скажете насчетъ рабочихъ и другихъ расходовъ на украшеніе храма?

— Лэди и джентльмены!—началъ свою рѣчь знакомый намъ мистеръ Линдквистъ:—я полагаю, что всѣ наши сограждане по сосѣдству не откажутся обложить себя нѣкоторой суммой спеціально на церковь; намъ нужно только составить точный списокъ всѣхъ окрестныхъ жителей. Это дѣло, впрочемъ, нужно поручить особому комитету, да и вообще построеніе храма слѣдуетъ поручить нѣсколькимъ отвѣтственнымъ лицамъ. Но я хотѣлъ сказать вотъ о чемъ: намъ требуются плотники. Между моими сосѣдями есть четыре человѣка, занимавшихся столярнымъ дѣломъ на родинѣ. Они могутъ взяться за работу подъ руководствомъ почтеннаго мистера Грина. Конечно, какъ люди бѣдные, они не могутъ работать безплатно; тѣмъ не менѣе, они навѣрно возьмутъ далеко дешевле, чѣмъ рабочіе со стороны, да и деньги наши такимъ образомъ останутся въ нашемъ же поселеніи.

— Хорошо сказано! хорошо сказано! — раздались одобрительные голоса.

— Замѣчанія мистера Линдквиста,—сказалъ Доддъ,—просто драгоцѣнны. Послѣдуемъ его совѣту и сейчасъ же выберемъ комитетъ для составленія списка нашихъ согражданъ.

— А чтобы облегчить и ускорить работу комитета, — замѣтилъ д-ръ Парсонъ, — можно сейчасъ же пустить въ круговую подписной листъ. Вотъ вамъ человѣкъ сто и готово

— Это дѣльно! — раздались голоса.

— Сейчасъ видно филадельфійца, — замѣтилъ одобрительно предсѣдатель.

— Въ комитетъ его, этого джентльмена изъ Филадельфіи! — замѣтилъ кто-то.

— Благодарю, господа, за честь, но я здѣсь кратковременный гость.

— Въ комитетъ его, въ комитетъ! — отвѣчали голоса.

Доктора единогласно назначили въ комитетъ. Кромѣ того, выбрали Линдквиста, доктора Бинка, Кука, Кларка и миссъ Блюмъ. Комитету поручено было, кромѣ составленія списка, совѣщаться съ Гриномъ насчетъ размѣровъ церкви и т. д.

— Итакъ, — закончилъ Доддъ, — соберемся въ это же время въ слѣдующую субботу. Комитетъ представитъ намъ списокъ согражданъ, а нашъ почтенный архитекторъ, можетъ быть, порадуетъ насъ планомъ нашей будущей церкви и дастъ намъ приблизительную смѣту расходовъ. А теперь объявляю митингъ закрытымъ.

На слѣдующемъ митингѣ было объявлено, что всѣхъ желающихъ принять участіе въ построеніи храма было около полутораста семействъ. Около пятидесяти семействъ отказались отъ участія; будучи ярыми баптистами или методистами, они протестовали противъ обще-протестантской службы, которую имѣлось ввести въ новой церкви. Рѣшено было предложить каждой семьѣ внести въ пользу церкви десять долларовъ. Нельзя умолчать, что бѣлые граждане не гласно, но твердо рѣшили отстранить негровъ отъ всякаго участія какъ въ построеніи церкви, такъ и въ пользованіи ею. Это обстоятельство сильно удивило и даже опечалило Парсона. На томъ же митингѣ планъ Грина былъ одобренъ и наняты были плотники — четыре шведа и кузнецъ Смитсъ. Жалованье имъ положено было по 50 долларовъ въ мѣсяцъ. Гринъ назначенъ былъ строителемъ, Кларкъ — казначеемъ, а Доддъ — попечителемъ; послѣднему было предоставлено право, въ случаѣ надобности, созывать гражданъ на миттингъ.

Съ этого времени работа закипѣла и на лѣсопильнѣ Додда, и на мѣстѣ, отведенномъ подъ церковь. На низкомъ кирпичномъ фундаментѣ плотники поставили остовъ храма и начали его обивать досками, сначала снаружи, а потомъ внутри; доски брали, струганныя машиной. По мѣрѣ того, какъ стѣны росли вверхъ,

Смитсъ красилъ ихъ на-черно. Поверхъ досчатой крыши былъ положенъ слой аспидныхъ плитокъ разнаго цвѣта. Такимъ образомъ получился красивый узоръ. Внутри стѣны и потолокъ были покрыты американскимъ лакомъ. Щадя общественныя деньги, Гринъ сильно торопилъ рабочихъ. Въ два мѣсяца церковь была готова! Это было простое, симметрической формы зданіе, разсчитанное на триста мѣстъ; впрочемъ въ проходахъ между скамьями еще могло помѣститься, стоя, человѣкъ сто.

Между тѣмъ какъ церковь строилась, дамы упражнялись въ благочестивомъ соревнованіи. По разсчету оказалось, что на органъ, коверъ, цвѣтныя стекла и каѳедру денегъ не хватало. Дамы раздѣлились на три группы: одна группа, съ миссисъ Кларкъ во главѣ, предприняла собрать денегъ на коверъ; другая группа, предводимая миссисъ Кукъ, дѣлала подписку на артистическое окно въ алтарѣ и каѳедру; третья группа, душою которой была миссъ Блюмъ, рѣшила во что бы то ни стало подарить церкви органъ. Каждой партіи предстояло собрать около 250 долларовъ. Миссисъ Кларкъ устраивала балы въ своемъ отелѣ; миссисъ Кукъ вывѣсила кружку въ лавкѣ своего отца. Мэри, съ помощью Парсона, устраивала вокально-иструментальные вечера въ своемъ бордингъ-гаузѣ. Докторъ увлекся не на шутку „священною войною дамъ", какъ онъ называлъ ихъ усердіе. Конечно, онъ, главнымъ образомъ, заботился объ успѣхѣ своей Гигіи. По правдѣ сказать, онъ сильно опасался, что Мэри не удастся собрать требуемую сумму. Въ сущности, ихъ долгія бесѣды повторялись далеко чаще, чѣмъ того требовало дѣло. Въ этихъ хлопотахъ прошло болѣе мѣсяца. Еще мѣсяцъ — и нужно бы было имѣть органъ на-готовѣ, а денегъ было собрано всего только около 50 долларовъ. Докторъ потерялъ, наконецъ, всякое терпѣніе.

Недѣли за двѣ до открытія церкви, Мэри вынула изъ шкатулки пачку ассигнацій и начала, кажется, въ сотый разъ пересчитывать собранныя ею деньги; она насчитала всего 96 долларовъ.

„Прибавлю своихъ четыре доллара,—думала она,—и куплю органъ въ сто долларовъ; на первое время и такой будетъ хорошъ. Одно досадно—зачѣмъ было обѣщать въ 250 долларовъ?"

Она хотѣла посовѣтоваться по этому поводу съ докторомъ.

— Миссъ Мэри! миссъ Мэри!—раздался со двора необыкновенно громкій голосъ Боба.

Мэри съ испугомъ выбѣжала на крыльцо. Къ своему удивленію, она увидала подвезенный Бобомъ на телѣгѣ къ самому крыльцу громадный ящикъ, на которомъ крупными буквами было

написано ея собственное имя. Бобъ подалъ ей письмо со штемпелемъ Филадельфіи. Разорвавъ конвертъ судорожной рукой, дѣвушка нашла тамъ формальную расписку:

„Фирма органовъ и фортепіано NN.

„Получено отъ миссъ Мэри Блюмъ 250 долларовъ за церковный органъ № 837.859“.

Какъ молнія, двѣ мысли, одна за другой, мелькнули въ головѣ дѣвушки: „Докторъ Парсонъ купилъ органъ. Онъ любитъ меня“. Она услыхала чьи-то шаги, обернулась—докторъ подходилъ къ ней, сіяя удовольствіемъ.

— Это вы сдѣлали!—воскликнула она въ глубокомъ волненіи и протянула къ нему обѣ руки.

— Я, моя милая!—отвѣчалъ тотъ, также въ волненіи.

Хорошенько не сознавая, что̀ онъ дѣлаетъ, онъ крѣпко обнялъ дѣвушку, и ихъ уста слились въ первомъ нервномъ поцѣлуѣ. Какое имъ было дѣло до того, что тутъ стоялъ Бобъ, широко раскрывъ свои громадные глаза и сладко улыбаясь; что миссисъ Блюмъ, миссисъ Джаксонъ и пасторъ Джаксонъ, привлеченные крикомъ Боба, вышли на веранду какъ разъ во̀-время, чтобы быть свидѣтелями поцѣлуя, какимъ молодыя парочки обыкновенно обмѣниваются только наединѣ. Ни до кого и ни до чего не было имъ дѣла; въ этотъ моментъ въ цѣломъ мірѣ они чувствовали только другъ друга. Опомнившись, Мэри высвободилась изъ объятій Парсона и, вся краснѣя—не отъ стыда, конечно, а отъ счастья,—порхнула въ свою комнату. Любовь—чувство эгоистическое. Мэри какъ будто хотѣла насладиться наединѣ съ самой собою сознаніемъ того, что она любима любимымъ человѣкомъ.

Докторъ замѣтилъ окружающихъ. Онъ былъ слишкомъ счастливъ, чтобы смущаться. Протягивая руку миссисъ Блюмъ, онъ сказалъ, улыбаясь:

— Вотъ мы съ Мэри сошлись крѣпко... и на святомъ дѣлѣ.

— Радуюсь, я счастлива; поздравляю отъ всего сердца! — отвѣчала та, горячо цѣлуя своего будущаго зятя.

Миссисъ Джаксонъ поздравила доктора, замѣтивъ:

— О, я давно этого ожидала.

— На двояко-святомъ дѣлѣ вы сошлись съ Мэри,—сказалъ пасторъ, пожимая руку доктору:—на приношеніи въ церковь и на взаимной любви, ибо изъ человѣческихъ чувствъ что̀ можетъ быть святѣе супружеской любви!

Въ другое время докторъ, пожалуй, поспорилъ бы съ пасторомъ насчетъ „святости“, но теперь ему было не до споровъ.

Въ тотъ день миссисъ Блюмъ устроила прекрасный ужинъ,

даже съ шампанскимъ. Докторъ Генри Парсонъ и миссъ Мэри Блюмъ были формально помолвлены.

Черезъ двѣ недѣли, въ воскресенье, состоялось торжественное открытіе церкви въ „поселеніи Доддъ". Пасторъ Джаксонъ былъ приглашенъ на годъ, съ жалованьемъ въ 400 долларовъ, считая въ томъ числѣ церковный сборъ и плату за требы. Всѣ протестанты, живущіе въ окрестности, безъ различія сектъ, собрались въ новомъ храмѣ. Кларкъ и Кукъ разсаживали публику на мѣста. Мэри, вся сіяя, сидѣла у органа. Парсонъ, Лиззи, Эмма, Бетти и другіе дамы и мужчины хора размѣстились кругомъ нея. Вся церковь благоухала цвѣтами. Послѣ короткой молитвы, произнесенной пасторомъ, Мэри дрожащимъ отъ волненія голосомъ запѣла благодарственный гимнъ, подъ аккомпаниментъ органа. Она пропѣла одна первую строфу. Никогда въ жизни она еще не пѣла съ такимъ чувствомъ: она пѣла слова, а въ душѣ благодарила Бога за церковь, за общеніе прихожанъ, за органъ и всего болѣе за свое собственное счастье—за свою любовь. Ея пѣніе наэлектризовало и Парсона, хотя онъ и не былъ религіозенъ. Когда хоръ запѣлъ слѣдующія строфы гимна, то голосъ Парсона звучалъ полнѣе всѣхъ другихъ мужскихъ голосовъ.

Пасторъ сказалъ теплое слово. Онъ хвалилъ энергію строителей и усердіе большихъ и малыхъ жертвователей на святое дѣло; онъ говорилъ, что ничто такъ не объединяетъ людей, какъ церковь, гдѣ люди, забывая свои мірскія несогласія, становятся братьями и сестрами, дѣтьми единаго Бога.

Послѣ службы всѣ прихожане поздравляли другъ друга съ построеніемъ и открытіемъ храма.

Черезъ три дня послѣ радостнаго торжества въ той же церкви пришлось справлять печальную службу — погребеніе. Такова жизнь! За радостью слѣдуетъ горе, а горе смѣняется веселіемъ. Молодой Джаксонъ, наконецъ, тихо погасъ. По печальному звону колокола собрались граждане обоего пола; всѣ дамы были одѣты въ трауръ—въ черныя или бѣлыя платья. Пасторъ Джаксонъ сказалъ теплое надгробное слово. Онъ сказалъ о покойномъ все хорошее, что̀ могъ, хвалилъ его сыновнюю любовь и терпѣніе въ болѣзни; но, главнымъ образомъ, его слово было направлено къ тому, чтобы облегчить горе матери.

Въ отвѣтъ на увѣщаніе пастора, прихожане дѣйствительно окружили мать самымъ теплымъ участіемъ. Они покрыли цвѣтами свѣжую могилу ея сына.

П. Поповъ.

МИРАЖИ

Романъ въ четырехъ книгахъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

Пароходъ летитъ на всѣхъ парахъ.

Широко разлилась весною быстрая, многоводная рѣка. ' ные лѣса, зеленые луга, бѣлые монастыри, сѣрыя деревуі всплываютъ подвижной панорамой надъ гигантской голубой той, чуть-чуть подернутой шелковистой рябью. Милліарды ребряныхъ блёстокъ искрятся по ней на веселомъ майсі солнцѣ. Высоко, высоко въ блѣдномъ и прозрачномъ весені небѣ мчатся нѣжныя облака,—мчатся спѣшно, легко, будто игря и рѣзвятся въ лучезарномъ раздольѣ...

Глухо стучатъ колеса парохода.

Позади его крутится пѣнистый слѣдъ, расходясь волнис правильной зыбью все шире и шире, до самыхъ тростниі обозначающихъ своими темно-зелеными метелками настоящее р рѣки. Бѣлый дымокъ таетъ въ воздухѣ, подхваченный и р рванный вѣтромъ...

Публика перваго класса расположилась на палубѣ, соб венная прелестнымъ днемъ. За выступомъ каюты пріютилась вѣтра, да совсѣмъ невзначай сладко вздремнула, пригрѣтая нышкомъ, маленькая древняя старушка въ допотопномъ ат номъ салопѣ и въ огромной шляпѣ, напоминающей фасоі цвѣточный горшокъ, опрокинутый на бокъ. Ея крошечное с щенное личико привѣтливо улыбалось изъ цѣлаго ореола рі

ватыхъ лентъ, сложенныхъ, по старинному, въ мельчайшія петельки. Старушка сунула подъ голову одинъ изъ своихъ безчисленныхъ узелковъ, скрестила на колѣняхъ морщинистыя ручки и съ наслажденіемъ завела сонные, слезящіеся глаза. Тѣмъ временемъ ея спутники, два маленькіе кадета (должно быть, внуковъ везла на каникулы) блуждали по пароходу, заглядывая всюду своими сіяющими, любопытными рожицами.

Поодаль двѣ нарядныя дамы вели нескончаемый, тягучій разговоръ на французскомъ языкѣ, нагонявшій жестокую скуку на дѣвочку лѣтъ тринадцати, чинно посаженную между ними въ безжизненной позѣ институтки.

Еще дальше—старичокъ въ пальто съ широчайшимъ капюшономъ завтракалъ, просторно расположившись на скамейкѣ со множествомъ свертковъ и мѣшечковъ, изъ которыхъ выглядывала аппетитная домашняя провизія. Онъ снялъ картузъ. Вѣтеръ игралъ жидкими бурыми волосиками или вдругъ подхватывалъ полу коричневаго капюшона и шаловливо набрасывалъ ее ему на голову. Старичокъ выпутывался съ благодушной улыбкой и поворачивался къ обидчику спиною.

Маленькихъ кадетиковъ очень занимали эти проказы вѣтра, а можетъ быть ихъ прельщалъ отчасти и вкусный запахъ ватрушекъ, пирожковъ и бутербродовъ съ бѣлоснѣжной телятиной. Они вертѣлись около интереснаго пассажира, наивно провожая глазами каждый кусокъ, который онъ отправлялъ себѣ въ ротъ. Старичокъ ласково улыбнулся имъ раза два и, наконецъ, радушно предложилъ раздѣлить съ нимъ его непосильный запасъ. Бѣдняги сгорѣли со стыда и въ тотъ же мигъ стушевались, въ своемъ переполохѣ позабывъ даже поблагодарить его.

— Эхъ-хе-хе!.. а вѣдь я-то взялъ бы... по-просту въ мое время... право, взялъ бы!.. Проще было все... Дѣти церемоній этихъ не понимали... У насъ проще было!..—толковалъ долго, ни къ кому не обращаясь, счастливый обладатель прекраснаго аппетита и вкусной провизіи.

Однакожъ съ послѣдней ватрушкой ему таки не удалось справиться; одолѣвалъ онъ ее добросовѣстно, съ длинными промежутками, но все лѣнивѣе и лѣнивѣе, пока, наконецъ, совсѣмъ ужъ по-ребячьи, украдкой перебросилъ остававшійся кусокъ за бортъ, а самъ сконфуженно принялся запихивать обратно жирные свертки въ бархатный дамскій савъ-вояжъ. Въ заключеніе старичокъ съ наслажденіемъ опрокинулъ въ ротъ маленькую серебряную чарочку изъ плоской бутылки, обдѣланной въ плетёнку, и уже окончательно смахнулъ со скамейки хлѣбныя крошки

носовымъ платкомъ. Онъ перекрестился подъ капюшономъ, надѣлъ картузъ и усѣлся поудобнѣе, съ безмятежнымъ видомъ человѣка, котораго не въ чемъ больше уличить. Однакожъ, едва прошло четверть часа, какъ въ рукахъ стараго лакомки неизвѣстно откуда появился апельсинъ... Вотъ этотъ-то апельсинъ неожиданно произвелъ на палубѣ цѣлый переполохъ.

Не одни веселые кадеты—видно порядкомъ проголодавшіеся—слѣдили съ интересомъ за всѣми фазами вкуснаго завтрака старичка въ коричневомъ капюшонѣ; наискосокъ, съ противоположной скамейки, на него устремлена была еще одна пара любопытныхъ и безцеремонныхъ дѣтскихъ глазъ. Это была маленькая дѣвочка лѣтъ четырехъ, худенькая, совсѣмъ прозрачная крошка, укутанная не по погодѣ черезъ-чуръ тепло въ бархатный салопикъ. Она недавно только проснулась и выползла изъ каюты, заспанная и хмурая. Сопровождавшая ее особа съ кислымъ лицомъ напрасно старалась развлечь ее, разсказывая что-то по-нѣмецки и указывая на веселые ландшафты по берегамъ рѣки. Ребенокъ капризно отмалчивался, съ напряженнымъ видомъ, не обѣщавшимъ ничего хорошаго. Отъ времени до времени дѣвочка жаловалась на жару и принималась тащить съ себя бархатное пальто, но ее продолжали держать, укутанную въ вату на майскомъ припекѣ, и угощать еще усерднѣе быстрыми, неразборчивыми нѣмецкими фразами.

Наконецъ, къ немалому облегченію бонны, вниманіе ребенка поглотилъ всецѣло старичокъ, воевавшій съ вѣтромъ. Крошка разглядывала его, какъ умѣютъ разглядывать только одни дѣти. Сердитые глазки съ серьезнымъ, озабоченнымъ выраженіемъ заглядывали ему въ ротъ, пронизывали каждый свертокъ. Но и это случайное развлеченіе кончилось: старичокъ позавтракалъ, усѣлся чинно и сейчасъ же сталъ похожъ на всѣхъ остальныхъ пассажировъ. Дѣвочка опять начала ёрзать на мѣстѣ и жаловаться на жару, какъ вдругъ ей бросился въ глаза апельсинъ, котораго тотъ не начиналъ еще ѣсть, а пока только перекатывалъ въ рукахъ съ спокойнымъ удовольствіемъ сытаго человѣка.

— Апельсинъ!! я тоже хочу апельсина!.. жа-а-арко!!.. дайте апельсинъ!!.. хо-чу-у-у!!..

Дѣвочка прямо начала съ отчаяннаго крика, изъ чего легко было понять, что она заранѣе предвидѣла неминуемый отказъ. Она кричала, насколько только хватало ея голоса. Она билась, топала ножками, для удобства растянулась на скамейкѣ и каталась по ней головой. Свѣтлые волосы прилипали къ мокрымъ щекамъ, лѣзли ей въ глаза... Смоченныя ленты попадали въ

ротъ... толстое пальто топорщилось кверху... Подъ солнечными лучами, падавшими почти отвѣсно, вся горячая, красная, мокрая, эта крошка потрясала воздухъ отчаянными воплями.

Злополучная бонна старалась только, чтобы она не скатилась на полъ.

— Она больная—нельзя, невозможно дать ей апельсина!.. Она ничего почти не ѣла съ самаго утра... капризничаетъ цѣлый день... И какъ будто сама не знаетъ, что̀ ей вредно, что̀ докторъ запретилъ... Какой стыдъ—чужіе смотрятъ, удивляются!.. Сію минуту придетъ па̀па! Вонъ идетъ капитанъ парохода, онъ запретъ ее въ темный люкъ... Вонъ матросъ веревку несетъ—чего добраго, онъ свяжетъ ее... Du, lieber Gott, какое наказаніе! есть ли еще такія дѣти на свѣтѣ?! И кто же кушаетъ апельсины передъ обѣдомъ? вонъ и дядя вовсе не кушаетъ... Они горькіе, гадкіе... пфуй!!—и такъ безъ конца, несносной скороговоркой, точно сыпала горохъ.

Ее никто не слушалъ. Неумолкаемая болтовня съ оханьемъ и вскрикиваніями только напрасно усиливала гвалтъ.

Всѣ книги и газеты опустились на колѣни; пассажиры разглядывали ребенка, кто съ сожалѣніемъ, кто съ негодованіемъ. Возмущенныя дамы сыпали французскими фразами. Сконфуженный старичокъ пряталъ подъ капюшонъ злополучный апельсинъ, не зная, какъ помочь бѣдѣ. Нѣсколько человѣкъ офицеровъ сгруппировались поодаль, наблюдая... Любопытные кадетики придвигались все ближе, заинтересованные, чѣмъ кончится исторія.

Неизвѣстно, впрочемъ, скоро ли бы она кончилась, еслибъ съ палубы второго класса не забрелъ на шумъ молодой человѣкъ съ перекинутой за плечи объемистой папкой, какія бываютъ у художниковъ. По живости характера этотъ молодой человѣкъ сейчасъ же принялъ дѣятельное участіе въ происшествіи.

— Да что-жъ это вы на нее смотрите?! Ахъ, бѣдная!.. О чемъ это она такъ убивается?.. апельсинъ?! Какъ ее зовутъ?.. Шура, а Шурочка, милая, послушай-ка, что̀ я скажу тебѣ; гдѣ этотъ апельсинъ?.. дайте-ка его сюда, сударь, давайте, давайте!.. Вотъ посмотри-ка, Шура, какъ онъ сейчасъ поплыветъ у насъ... Да ты смотри хорошенько, руки-то прочь возьми отъ лица, не то прозѣваешь!.. На̀, на̀, подержи-ка его сама въ рукахъ—видишь, какой тяжелый?..

Не обращая вниманія на сопротивленіе дѣвочки, молодой человѣкъ поднялъ и поставилъ ее на ноги, не смущаясь нимало, что она тутъ же снова сползла на колѣни. Онъ выхватилъ у старичка злополучный апельсинъ, и, прежде чѣмъ кто-нибудь

успѣлъ опомниться, желтый мячъ высоко взвился въ воздухѣ и шлепнулся въ рѣку нѣсколько впереди парохода.

Пораженная дѣвочка замолчала. Единодушный хохотъ раскатился по палубѣ:—Браво!.. браво!!—апплодировали офицеры. Кадеты присѣли на корточки отъ восторга. Ограбленный старичокъ хохоталъ до слезъ.

Юноша съ папкой поставилъ, наконецъ, Шуру на ноги; онъ обнялъ ее одной рукой за плечи, а другой слѣдилъ за апельсиномъ, качавшимся на волнахъ.

— Вонъ онъ гдѣ, вонъ—видишь?.. да ты хорошенько гляди, изъ глазъ выпустишь, такъ ужъ послѣ не найдешь... Сію минуту мы съ нимъ поровняемся—видишь?.. Ишь вѣдь ныряетъ-то какъ знàтно, что твоя утка!..

Казалось, онъ самъ былъ охваченъ неподдѣльнымъ весельемъ и, схвативъ крошечную ручку, побѣдоносно водилъ ею по воздуху.

Публика, такъ долго созерцавшая безучастно отчаяніе Шуры, теперь заволновалась и заговорила. Бонна, мѣшая русскія фразы съ нѣмецкими, раздраженно оправдывалась на всѣ стороны, въ то время, какъ ея неожиданный избавитель вытиралъ дѣвочкѣ лицо своимъ собственнымъ платкомъ и распутывалъ на ея шейкѣ совершенно вымокшій шолковый галстухъ. Онъ дождался, что Шура сама довѣрчиво обняла его за шею.

— Non, vraiment, une mioche comme celle-là et dire que ça vous casse la tête, ça tape à bouleverser le monde!.. Oh, les enfants!..—вопіялъ молодой человѣкъ въ длиннѣйшемъ парусинномъ редингнотѣ, опоясанномъ кушакомъ по бедрамъ, и съ маленькимъ мѣшечкомъ за плечами, позируя передъ цѣлой группой молодыхъ дамъ.

Но дамы не замѣчали ни замысловатаго редингота, ни свѣтлыхъ ботинокъ—фантазія съ кисточками. Онѣ смотрѣли нѣжно на интереснаго героя минуты.

И въ самомъ дѣлѣ онъ былъ очень милъ: хорошо сложенный, цвѣтущій блондинъ, съ подвижнымъ, чисто русскимъ лицомъ. Чудесные бѣлые зубы то-и-дѣло сверкали изъ-за рѣдкой, еще невошедшей въ силу растительности; сѣрые глаза блестѣли весело и задорно. Свѣжая стружковая шляпа съ большими полями, свѣтлый пиджакъ съ выглядывавшимъ изъ-за него шитьемъ малороссійской сорочки, высокіе лакированные сапоги и папка за плечами—все это вмѣстѣ чрезвычайно шло къ нему и придавало непринужденную грацію юношескому облику.

Онъ былъ всецѣло поглощенъ своей задачей и, повидимому, не интересовался тѣмъ, какое впечатлѣніе произвело на публику

его эффектное появленіе изъ мрака второго класса. Когда Шура совершенно развлеклась, а апельсинъ окончательно исчезъ изъ виду, юноша звонко расцѣловалъ дѣвочку въ обѣ щечки и передалъ ее съ рукъ на руки нѣмкѣ.

— А вашъ апельсинъ—за мною!—кинулъ онъ мимоходомъ насмѣшливо старичку.

— За вами!! за вами!!—закатился тотъ снова своимъ тихимъ, беззубымъ смѣхомъ.

У рѣшетки, отдѣляющей первый классъ, молодому человѣку неожиданно перегородила дорогу группа военныхъ въ кителяхъ.

— Браво!.. молодчина вы, Ожогинъ!.. ну, кто бы могъ подозрѣвать за вами еще и педагогическіе таланты?! Жаль, очень жаль, что тутъ не было Анны Владиміровны... Какъ вы это у него—хвать изъ рукъ... да въ воду!.. Ха, ха, ха!..

— О, да! mademoiselle Голубина вполнѣ оцѣнила бы такую оригинальную распорядительность!—протянулъ саркастически военный докторъ въ очкахъ, одинъ изъ всѣхъ въ новенькомъ съ иголочки сюртукѣ.

— Но вѣдь это же изъ рукъ вонъ, господа!.. Ребенокъ надрывается, а эта старая дура гудитъ ему что-то въ уши и топчется на мѣстѣ точно гусыня! Хороши тоже и наши барыни—цѣлая палуба!

— Да, да! всѣ рѣшительно оказались—ни къ чорту! Пришлось вмѣшаться въ дѣло благородному искусству... Молодчина вы, Ожогинъ, честное слово!!..

Высокій, плечистый капитанъ въ фуражкѣ, сдвинутой совсѣмъ на затылокъ съ потнаго лба, обхватилъ художника за плечи и прижималъ къ себѣ въ порывѣ неудержимой нѣжности. Его красное лицо распускалось въ блаженную улыбку, каріе глазки плавали въ маслѣ.

— А-а-а! капитанъ Русовъ, да вы, я вижу,—того... провели не безъ пріятности время?..—засмѣялся Ожогинъ, напрасно пытаясь высвободиться изъ его огромныхъ, раскаленныхъ рукъ.

— Да что жъ... жара! ей Богу, не въ моготу, во рту сохнетъ! Слушайте, милѣйшій художникъ—ну, и куда вы это лѣзете къ мужичью?.. вздоръ, честное слово!.. Пойдемте-ка въ каюту... мы сію минуту пуншикъ первой сортъ соорудимъ, а?.. Мнѣ сегодня съ доктора пари получать—честное слово! хоть разъ да попался, ехидный эскулапъ! Продвигайтесь, братцы, продвигайтесь... видите, дорогу загородили!..

И все не выпуская Ожогина изъ своихъ могучихъ объятій, развеселый капитанъ увлекалъ компанію къ каютной лѣстницѣ.

Двое товарищей шли за нимъ, посмѣиваясь. Докторъ съ кислой миной нерѣшительно протестовалъ, но однако тоже двигался вслѣдъ за другими.

— Слушайте, Ожогинъ,—не умолкалъ капитанъ,—объясните вы мнѣ, ради Христа, за что̀ я питаю къ вамъ эту дурацкую нѣжность? Ни по какимъ статутамъ рыцарскимъ, то бишь, офицерскимъ, отнюдь не полагается миндальничать съ торжествующимъ соперникомъ... кажется, ясно, а?.. не правда ли?.. Бабье мягкосердечіе, честное слово! Ожогинъ, а? вѣдь мнѣ тебя на дуэль вызвать слѣдовало бы, чортъ побери!.. каверзы тебѣ всяческія творить, по мѣрѣ силъ и возможности... голубчикъ ты мой!.. Да впрочемъ... ты не того... не очень... я еще, можетъ быть, и вызову!.. Въ этакій самый надлежащій моментецъ!.. Это ты не очень-то надѣйся, что нѣжность: одно другому не мѣшаетъ... честное слово!..

Среди дружнаго взрыва смѣха ихъ головы проваливались одна за другой въ узкое отверстіе крутѣйшей каютной лѣсенки.

II.

— Фрейлейнъ Элиза!...

Бонна схватила Шуру на руки и поспѣшила съ нею на другую сторону палубы, откуда ее окликнулъ пассажиръ, оторвавшійся въ первый разъ отъ толстаго фоліанта мелкой нѣмецкой печати. Съ самаго начала путешествія этотъ господинъ былъ, повидимому, поглощенъ всецѣло своей книгой. Когда онъ закрылъ ее и поднялся на ноги, то оказался высокаго роста, неопредѣленныхъ лѣтъ, одѣтымъ не по сезону, во все черное. Мягкая шляпа, когда онъ ее снялъ на минуту, открыла большую лысину, сливающуюся съ высокимъ лбомъ, сдавленнымъ у висковъ. Около рта, у глазъ, по лбу пролегли рѣзкія борозды, не мѣшавшія, однако, чувствовать, что на этомъ лицѣ рано быть морщинамъ. Въ особенности одна глубокая вертикальная черточка между бровей усиливала суровое, напряженное выраженіе глазъ. Это было лицо значительное — съ тѣмъ яркимъ, опредѣленнымъ выраженіемъ, которое бросается въ глаза въ толпѣ. Изъ тѣхъ лицъ, въ которыхъ не обсуждаютъ правильности или погрѣшности рисунка, не оцѣниваютъ гармоніи и благородства сочетаній, а просто восклицаютъ безотчетно: „Что за непріятная физіономія!“ или: „Какое выразительное лицо!“

Любопытная дорожная публика сейчасъ же насторожила вни-

маніе: очевидно, это и былъ тотъ самый „папа“, которымъ напрасно пытались припугнуть капризную дѣвочку.

Высокій пассажиръ окинулъ ребенка короткимъ взглядомъ и сталъ что-то гнѣвно выговаривать нянькѣ. Онъ вовсе не старался сдерживаться, но его голосъ былъ странно лишенъ всякой звучности, и ни одна фраза не выдѣлялась явственнѣе, въ утѣшеніе любопытнымъ. Бонна краснѣла и возражала одной мимикой; ея скороговорку онъ каждый разъ останавливалъ повелительнымъ жестомъ, пока, наконецъ, отослалъ ее отъ себя высокомѣрнымъ кивкомъ.

Въ безцвѣтномъ лицѣ проступила краска, борозда между бровей обозначилась рѣзче. Онъ отвернулся къ рѣкѣ и сумрачно уставился взглядомъ на серебристую дорожку, рябившую на солнцѣ узенькой, сверкающей змѣйкой. Змѣйка, блестя и заигрывая, вилась впереди, а пароходъ съ глухимъ ропотомъ летѣлъ за ней по пятамъ, чуть замѣтно колыхаясь, словно силился догнать ее, раздавить, потопить!.. И чѣмъ задорнѣе, чѣмъ шаловливѣе серебряная змѣйка выскальзывала изъ-подъ тяжелаго чудовища, маня его все дальше и дальше за собою — тѣмъ озлобленнѣе, сосредоточеннѣе онъ напрягалъ всѣ силы, тѣмъ быстрѣе плыли мимо зеленые берега и кристальная зыбь, съ опрокинутой въ ней сіяющей синевой, съ клубящимися бѣлыми облаками. А внизу, въ утробѣ разгнѣваннаго великана, крѣпчалъ сердитый ропотъ; по временамъ сдержанный, гнѣвный трепетъ пробѣгалъ изъ конца въ конецъ по его длинному, неуклюжему туловищу.

Онъ одинъ сердился и пыхтѣлъ — все вокругъ улыбалось, сіяло. Высокія облака нырнули въ рѣчную глубь, чтобы лучше слѣдить за неравнымъ поединкомъ. Ласточки съ веселымъ чириканьемъ метались взадъ и впередъ, то описывая торжествующіе широкіе круги, то шныряя тревожно у самыхъ колесъ. Вѣтеръ вился тутъ же, въ самомъ сердцѣ схватки, подбрасывая выше палубы мелкую влажную пыль, и свистѣлъ злорадно всѣмъ въ уши: не догнать... не догнать... не догнать!.. То вдругъ, въ порывѣ буйной отваги, онъ принимался трепать и разстилать по воздуху длинныя шелковистыя бакенбарды мрачнаго пассажира, такого мрачнаго, что только у того безпардоннаго проказника могла явиться охота пошутить надъ нимъ.

Мрачный пассажиръ, одинъ изъ всѣхъ, какъ будто понималъ, въ чемъ дѣло, и вслушивался съ участіемъ въ гнѣвное глухое рокотанье. Онъ понималъ отчаяніе напрасно выбивавшагося изъ

сил великана. Онъ все стоялъ на носу, не отрывая глазъ отъ воды, точно очарованный ея предательскимъ блескомъ...

О чемъ онъ думалъ?..

О чемъ-нибудь очень тяжеломъ, очень горькомъ, что̀ иногда въ самую неподходящую минуту вырвется вдругъ изъ глубины души, среди чужихъ лицъ, въ безучастной обстановкѣ, подъ убаюкивающій, мѣрный ритмъ движенія, подъ аккомпаниментъ монотонныхъ звуковъ, обладающихъ свойствомъ наростать до безконечности и услужливо превращаться во что̀ угодно, по фантазіи слушателя... Глухой, сдержанный рокотъ пароходной машины и хлопотливый, напряженный стукъ несущихся вагоновъ могутъ разсказать со всѣми подробностями, могутъ воспроизвести въ лицахъ, съ отчетливостью галлюцинацій, самую скорбную жизненную драму или же создать очаровательные и причудливые воздушные замки, могутъ въ одинъ часъ времени вознести ихъ выше лѣса стоячаго, выше облака ходячаго, смотря по тому, замечтается ли подъ эти звуки счастливый влюбленный юноша или этотъ мрачный пассажиръ, на лицѣ котораго жизнь отпечатлѣла свои неизгладимые таинственные знаки...

— Сударь, а сударь! извольте собираться, сейчасъ свистокъ даемъ!—обратился къ нему во второй уже разъ молодой матросъ, суетливо сновавшій взадъ и впередъ по палубѣ.

— А? что̀ такое?

— Къ Залѣсью подъѣзжаемъ... Собираться извольте, стоять долго не будемъ!—повторилъ тотъ на бѣгу къ толстому канату, который чьи-то невидимыя руки перетягивали по полу на другой конецъ палубы.

Пассажиръ встряхнулся, поморгалъ усиленно вѣками, чтобы прогнать изъ глазъ назойливое впечатлѣніе водяного блеска, и тогда только сталъ присматриваться къ мѣстности.

По правую руку, на самомъ крутомъ подъемѣ берега, раскинулась густая роща или садъ—пока рѣшить было трудно. Судя по густому колориту зелени да по круглымъ, массивнымъ очертаніямъ, преобладать должны были дубы и липы. Немного въ сторону протянулась, спускаясь къ рѣкѣ, старая, развѣсистая ивовая аллея, рисуясь своими кустообразными, причудливыми стволами и жидкой, безцвѣтной зеленью. Домъ пока скрытъ былъ деревьями. Только стройная шестигранная башенка, увѣнчанная баллюстрадой, царила надъ деревьями; надъ нею на длинномъ шпилѣ взлетѣлъ высоко трехцвѣтный флагъ, и этотъ флагъ одинъ оживилъ все однообразное море зелени и необъятный голубой куполъ, на которомъ весело трепетали его яркія полосы.

Пароходъ далъ протяжный, пронзительный свистокъ. Высокій пассажиръ держалъ за руку маленькую дѣвочку, пока бонна суетилась около вещей. Шура и теперь была не въ лучшемъ настроеніи, нежели часъ тому назадъ.

— Обѣдать!.. Шура хочетъ обѣдать... мы сегодня не обѣдали!—повторяла она однообразной, ноющей интонаціей капризныхъ дѣтей.

— Сейчасъ, душа моя,—минуточку потерпи!.. мы ужъ пріѣхали. Вонъ, видишь, домъ между деревьями, флагъ видишь? Тамъ Шурѣ дадутъ кушать... будь же умница!

Но Шура видѣла только, что пароходъ попрежнему держится середины рѣки. Она помнила, что здѣсь же на палубѣ есть такое мѣсто, откуда приносятъ ѣсть.

— Обѣдать!.. Шура кушать... хочетъ... обѣдать!—тянула она все плаксивѣе.

Отецъ попытался отмолчаться. Однакожъ украдкой высокій мужчина все-таки косился боязливо на крохотное существо у своихъ ногъ. Дѣвочка окончательно расплакалась, растирая себѣ глаза кулакомъ.

— Боже мой... почему же вы не накормили ее во-время?!—крикнулъ онъ съ досадой нѣмкѣ.

— Ach, du lieber Gott, какъ же я не кормила, gnädiger Herr?! Ей дали и супъ, и котлетку. Супу она крошечку только попробовала, а котлетку всю скормила собакѣ... какъ я могу насильно? Ich bin nur immer schuld!.. я всегда виновата!..

— Schon gut!—перебилъ онъ нетерпѣливо и поспѣшилъ передать ей ребенка, видя, что она справилась съ вещами.

Наконецъ домъ, увѣнчанный флагомъ, выглянулъ весь изъ-за разступившихся деревьевъ. Онъ смотрѣлъ на рѣку боковымъ фасадомъ. Садъ, обнесенный зеленой стѣной акаціи, также уходилъ весь въ глубь. На рѣку выходила просторная песчаная площадка, окруженная двумя расходящимися большими дугами высокихъ сиреней. Веселый лужокъ сбѣгалъ къ рѣкѣ; по немъ вилась песчаная дорожка до небольшой пристани, выкрашенной бѣлой краской, съ двумя фонарями по угламъ. Около пристани покачивалась такая же бѣлая лодка.

На скамейкѣ подъ зацвѣтавшими сиренями расположилось маленькое общество: два дамскихъ зонтика, черный и сѣренькій; мужская бѣлая фуражка; нѣсколько подвижныхъ дѣтскихъ фигурокъ, то мелькавшихъ въ зелени яркими пятнышками, то сбѣгавшихъ къ самой рѣкѣ. Вотъ ужъ можно различить съ парохода женскій голосъ, призывающій ихъ назадъ. Черный зонтикъ без-

покойно колышется... Господинъ въ бѣлой фуражкѣ спускается по дорожкѣ... впереди бѣжитъ огромная свѣтло-желтая собака... Ниже по рѣкѣ отчалила лодка и поднялась до бѣлой пристани. Одинъ изъ сидѣвшихъ въ ней людей перескочилъ въ бѣлую лодку и сталъ ее отвязывать...

Высокій пассажиръ такъ засмотрѣлся, что не замѣтилъ, когда появилась изъ каюты компанія военныхъ съ молодымъ художникомъ, такъ великодушно пришедшимъ на помощь его маленькой дочкѣ. Онъ стоялъ на-готовѣ у самаго трапа и не подозрѣвалъ, что служитъ предметомъ ихъ наблюденій.

— Д-да... Это была, во всякомъ случаѣ, престранная фантазія пригласить къ себѣ на цѣлое лѣто чужого человѣка, да еще при подобныхъ обстоятельствахъ!.. Я знаю, Марьѣ Павловнѣ она очень не понутру—говорилъ вполголоса докторъ.

— А вотъ пусть-ка она еще на этого маленькаго бѣсенка полюбуется, что̀-то тогда будетъ!—хихикнулъ веселый капитанъ. За этотъ часъ онъ сдѣлался еще значительно краснѣе и лучезарнѣе.

Художникъ молчалъ и задумчиво разглядывалъ повернутую въ профиль высокую, импозантную фигуру пассажира съ дѣвочкой.

— Этотъ милѣйшій Мишель вѣчно влопается во что-нибудь по добротѣ сердечной, а для его хорошенькой кошечки только лишній поводъ прибрать его покрѣпче къ лапкамъ,—ехидничалъ докторъ:—вонъ, глядите, какъ хлопочетъ!

Господинъ съ собакой стоялъ теперь на бѣлой пристани и, снявъ фуражку, махалъ ею надъ головой. Высокій пассажиръ притронулся раза два къ своей шляпѣ, но это едва ли было замѣтно съ берега. Тогда Ожогинъ пробрался къ борту и сталъ усердно размахивать своей соломенной шляпой. Господинъ на берегу крикнулъ что-то дамамъ, и тѣ тоже стали спускаться къ пристани.

Пароходъ быстро убавлялъ ходъ и рѣдкими, тяжелыми вздохами выбрасывалъ густые клубы чернаго дыма; вѣтромъ ихъ гнало внизъ на публику. Обѣ лодки гребли наискосокъ къ пароходу. Офицеры тоже придвинулись къ борту и обмѣнивались поклонами. Съ берега махали зонтиками. Звонкіе дѣтскіе голоса неслись по водѣ:

— Къ на-а-мъ!.. всѣ!.. къ на-а-мъ!..

Веселый капитанъ приложилъ руку трубкой ко рту и гаркнулъ во всю богатырскую грудь:

— Нѣ-ѣ-ѣтъ!..

Публика, обрадовавшись развлеченію, тѣснилась къ правой сторонѣ. Только двѣ чинныя дамы не выпускали изъ плѣна бѣд-

ненькой институтки и на своемъ пансіонскомъ діалектѣ возставали противъ экстренныхъ остановокъ и производимыхъ ими замедленій.

Наконецъ пароходъ содрогнулся въ послѣдній разъ и сталъ. Лодки занырями въ волнахъ. Ожогинъ пожималъ руки пріятелямъ.

— Охъ, юноша, юноша! Малевать бы вамъ теперь надлежало поусерднѣе гдѣ-нибудь съ натуры!.. подниматься съ солнцемъ вмѣстѣ, а не коптѣть лѣтомъ въ Питерѣ, для того чтобы то-и-дѣло катать въ Залѣсье предательское... То-то я и говорю — папаша съ мамашей далеко!

Капитанъ долго трясъ протянутую руку, и въ его словно разваренномъ лицѣ нежданно промелькнуло серьезное выраженіе.

— Что, видно про дуэль вспомнилъ? ревность точитъ? Самъ-то, небойсь, Аннѣ на глаза показаться не смѣешь!—подзадоривалъ докторъ.

— А съ какихъ это поръ вы, Орестъ Павловичъ, получили право величать г-жу Голубину запросто Анной?—весь вспыхнулъ Ожогинъ. Не дожидаясь отвѣта, онъ протѣснился къ трапу.

Трапъ былъ давно спущенъ; высокій пассажиръ минуты двѣ уже какъ стоялъ въ бѣлой лодкѣ, но на палубѣ новое приключеніе: пассажиры, прислуга пароходная, самъ капитанъ—всякій, кто стоялъ близко, пытался ободрить испуганную Шуру. Дѣвочка въ ужасѣ опрокидывалась назадъ, билась и вопила, когда ее подносили къ вертикальнымъ ступенькамъ, подъ которыми колыхалась маленькая лодочка. Бонна, тоже вся бѣлая отъ страха, кричала, что она выскальзываетъ у нея изъ рукъ, и видимо сама трусила не меньше.

— Да идите же, говорятъ вамъ!.. Это просто невыносимо!!.. Передайте мнѣ Шуру!.. дайте ее мнѣ!—протягивалъ снизу руки отецъ, взбѣшенный и безсильный.

Вторая лодка съ трудомъ удерживалась на одномъ мѣстѣ, выжидая своей очереди получить кладь. Публика волновалась; каждый давалъ совѣтъ, всѣ кричали разомъ. Одурѣвшая бонна ни за что не соглашалась выпустить дѣвочку изъ рукъ.

Наконецъ капитанъ уловилъ случайно французскую воркотню; онъ взглянулъ на часы, разсердился и сталъ торопить, чтобы сію минуту сдавали багажъ. Пароходъ далъ короткій, безпокойный свистокъ.

Тогда еще разъ на сцену выступилъ Ожогинъ. Онъ насильно вырвалъ Шуру и кое-какъ спустился съ нею въ лодку. Кто-то услужливо подсадилъ нѣмку и помогъ ей сползти внизъ, цѣпляясь

за ступеньки. Всѣ съ облегченіемъ перевели духъ, когда злополучная бѣлая лодка тронулась наконецъ въ путь.

Шура больше не кричала. Она протяжно, страдальчески стонала, какъ въ припадкѣ, вытянувшись на колѣняхъ отца; глазки закрылись, губы посинѣли. Но обезумѣвшая нѣмка ни на что не обращала вниманія. Она продолжала нервно рыдать, разсыпаясь въ проклятіяхъ.

Ни за что она не поѣхала бы, еслибъ знала, что ей предстоитъ столько мученій!.. Это и безъ дѣтей сущее безразсудство—ein Unsinn—спускаться съ парохода въ крохотную лодочку по серединѣ огромной рѣки... Точно не могли пристать къ пристани?.. Ни за какія деньги она не станетъ дольше терпѣть съ злымъ, невыносимымъ ребенкомъ. Ее должны отправить на лошадяхъ до желѣзной дороги... Nur nicht auf Wasser! Она совсѣмъ больна отъ этого путешествія. Она завтра же вернется въ городъ...

Положеніе мужчинъ было нестерпимо. Ожогинъ испытывалъ сильнѣйшее искушеніе окатить водой взбѣленившуюся старую дѣву, изъ тѣхъ нахальныхъ и невѣжественныхъ иностранокъ, что̀ цѣлыми толпами являются въ Россію, подчасъ прямо изъ подозрительныхъ семей и отъ сомнительныхъ профессій, чтобы занять довѣренный и отвѣтственный постъ въ благоустроенныхъ домахъ и почтенныхъ семьяхъ.

— Замолчите!!.. вы замолчите, наконецъ?!..—шипѣлъ сквозь зубы злополучный отецъ, примачивая платкомъ голову больной дѣвочки.

— Я могу говорить, когда хочу! Я не ваша крѣпостная—ich bin nicht ihre Leibeigene! ich...

Но когда, для бо̀льшаго удобства, она перешла на родной діалектъ, отчего ея скороговорка посыпалась еще учащеннѣе, художникомъ овладѣлъ мгновенный припадокъ бѣшенства. Онъ схватилъ ее за плечи...

Нѣмка присмирѣла и остальную дорогу просидѣла молча, зеленая отъ злости.

Ожогинъ сейчасъ же остылъ. Ему вдругъ смѣшно стало на нее, на себя и на все ихъ бурное плаваніе. Онъ снялъ шляпу, перекинулся лукавымъ взглядомъ съ гребцомъ и почувствовалъ искреннее желаніе разсѣять мрачную тучу на лицѣ своего удрученнаго спутника.

— Вѣроятно у нея головка кружится отъ качки?—проговорилъ онъ успокоительно, глядя въ страдальческое личико Шуры.

— Извините, я еще не поблагодарилъ васъ за всѣ услуги.

Это настоящая пытка—путешествовать съ больнымъ ребенкомъ безъ женщины!

— Въ особенности если въ помощницы навяжется подобный экземпляръ!

— Развѣ этихъ особъ можно когда-нибудь узнать!

Онъ смотрѣлъ прямо въ лицо юноши своимъ тяжелымъ, особеннымъ взглядомъ. Въ этомъ взглядѣ, о чемъ бы онъ ни говорилъ, стояла какъ будто своя собственная, отдѣльная дума, и такая глубокая, такая важная, что ничто другое, ничто больше совсѣмъ не отражалось въ глазахъ. И тѣ, съ кѣмъ онъ говорилъ и на кого онъ смотрѣлъ, мало-по-малу тоже начинали проникаться важностью этого „чего-то“ и не находили своего мѣста, не умѣли прибрать надлежащаго тона въ неясномъ, тягостномъ положеніи. Такой взглядъ остается навсегда у людей, перенесшихъ какое-нибудь выходящее изъ ряда несчастіе.

— Вы вѣроятно гость Михаила Владиміровича Голубина?—спросилъ онъ, помолчавъ.

— А вы—его жилецъ? Г-нъ Строевъ?—подхватилъ художникъ.—Васъ поджидали еще на прошлой недѣлѣ. Я таки частенько совершаю нашествія на Залѣсье — художникъ Дмитрій Ожогинъ,—слегка прикоснулся онъ до края своей шляпы.

— Надѣюсь, что наше дальнѣйшее знакомство обойдется безъ хлопотъ, какія вамъ принесъ этотъ первый день,—выговорилъ медленно Строевъ, безъ тѣни шутки, любезности или сожалѣнія,—чего-нибудь кромѣ своей обычной, какой-то безотрадной серьезности.

III.

На берегу маленькое общество столпилось у пристани, встревоженное странной проволочкой на пароходѣ. Что могло случиться? Дѣтскіе крики стихли, но по водѣ доносились вскрикиванія пронзительнаго женскаго голоса.

— Нечего сказать, пріятное начало!—протянула иронически красивая молодая дама въ бѣломъ, богато вышитомъ капотѣ. Она стояла поодаль и удерживала за руку маленькую дѣвочку, все порывавшуюся къ рѣкѣ:—Я, право, не пойму, сколько же ихъ тамъ, Мишель?

— Да трое же! Право, Маня, я ужъ, кажется, десять разъ повторилъ тебѣ это! — отозвался высокій полный господинъ въ бѣлой фуражкѣ.

Онъ спустился на самую пристань. Стройная, тоненькая дѣ-

вушка подъ сѣренькимъ зонтикомъ взяла его подъ руку и, пригнувшись къ его плечу, говорила вполголоса:

— Дѣйствительно, странно... Кто это такъ бушуетъ? Хоть бы, по крайней мѣрѣ, не въ первую же минуту!.. И нужно тебѣ было упрашивать Маню встрѣчать! Пусть бы лучше осталась дома и разыгрывала прекрасную châtelaine. Теперь все испорчено—она не въ духѣ.

— Да почемъ же я могъ это знать?—отозвался онъ хмуро.

— Ахъ, Боже мой, они опрокинулись!!..—вскрикнула испуганно Маня, когда лодка вдругъ сильно закачалась.—Это непостижимо!.. Да чтò тамъ у нихъ, наконецъ, Мишель?!..

Мишель выпустилъ руку дѣвушки и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ ея сторону:

— Скажи на милость, Маня, изъ-за чего ты такъ волнуешься? Неужели ты воображаешь, что бываетъ меньше суеты и гвалта, когда ты со своей командой сходишь съ парохода?

— Насъ бываетъ восемь душъ при этомъ,—отвѣтила она холодно.

— Ну и слава Богу, что ихъ только трое.

— О, разумѣется, слава Богу! вѣдь ты какъ нельзя болѣе способенъ пригласить къ намъ даже и восемь человѣкъ.

Мишель хотѣлъ возразить, но удержался, отчего его цвѣтущее лицо покрылось новой волной румянца. Онъ снялъ фуражку и сталъ свистать собаку, забѣжавшую куда-то въ кусты.

На лодкѣ все стихло; она благополучно приближалась къ берегу. Пароходъ ушелъ.

— Мое нижайшее почтеніе!.. Анна Владиміровна!.. Марья Павловна!—вновь принялся раскланиваться Ожогинъ.

Дѣвушка молча отдавала поклонъ одной головой; въ быстромъ, дружелюбномъ кивкѣ было что-то милое, своеобразное. Строевъ съ лодки ужъ видѣлъ, что она похожа на брата — на того прежняго, высокаго и стройнаго юношу, его друга, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, но не на теперешняго добродушнаго атлета Мишеля, съ роскошной бородой и отяжелѣвшей фигурой. Онъ даже не сразу и узналъ его, когда тотъ поразилъ его своимъ внезапнымъ появленіемъ въ Петербургѣ. И еще больше поразилъ, тронулъ этимъ радушнымъ приглашеніемъ въ милое старое Залѣсье... Приближаясь къ берегу, Строевъ испытывалъ новый приливъ недоумѣнія передъ тѣмъ фактомъ, что онъ принялъ подобное приглашеніе. Онъ!!.. Чтò-жъ изъ того, что когда-то онъ живалъ здѣсь цѣлыми мѣсяцами ребенкомъ, потомъ юношей, что эта семья замѣнила ему родную семью, потерянную рано? Чтò

общаго теперь между нимъ и тѣмъ всеобщимъ баловнемъ, Сережей?! Какъ могъ онъ такъ малодушно поддаться на ласку, великодушно брошенную въ память прошлаго?.. Теперь, волей-неволей, приходилось прожить цѣлое лѣто съ чужими людьми. Пріютить больную Шуру въ деревнѣ, въ обществѣ дѣтей, даже и это больше не представлялось ему легкимъ и естественнымъ, послѣ всѣхъ приключеній путешествія. Онъ осмыслилъ вполнѣ свой поступокъ только когда увидалъ передъ собою во очію этихъ чужихъ людей.

Красивая блондинка въ бѣломъ капотѣ собрала вокругъ себя всѣхъ дѣтей, и по мѣрѣ того, какъ лодка приближалась, она все дальше отступала съ ними вверхъ по песчаной дорожкѣ. Ожогинъ своей болтовней удерживалъ на плоту черноволосую дѣвушку.

— Я везу вамъ цѣлую кучу поклоновъ!

— Я видѣла.

— Видѣли, да не всѣхъ! Изъ-за васъ у меня чуть дуэль не произошла тутъ же на пароходѣ.

— Перестаньте дурачиться.

— Честное слово!.. а вы разочарованы, признайтесь?.. Поджидали своего велеумнаго доктора вмѣсто меня грѣшнаго?.. У него, слава Богу, кто-то умираетъ въ городѣ,—то-есть, не то что умираетъ—слава Богу, а то, что именно сегодняшній день кто-то избралъ для перехода въ вѣчность.

Дѣвушка укоризненно качала головой.

— Баринъ, а баринъ! Что же вы багоръ-то позабыли?— окликнулъ гребецъ.

— А-а, въ самомъ дѣлѣ!..

Лодка причаливала. Нѣмка уцѣпилась обѣими руками за бортъ и опять вся помертвѣла отъ страха. Шура открыла-было глазки, но сейчасъ же снова начала стонать.

— Ничего, ничего!.. вѣроятно она никогда не ѣздила въ лодкѣ?.. Это сейчасъ пройдетъ, увѣряю тебя. Ну, радъ,—Богъ знаетъ, какъ радъ тебѣ! давно ужъ поджидалъ васъ, погода вѣдь стоитъ какая!.. Добро пожаловать, старый дружище, въ наше старое, родное Залѣсье!

Владѣлецъ Залѣсья помогъ Строеву выбраться съ дѣвочкой на берегъ, позабывъ при этомъ поздороваться съ художникомъ. Онъ ласкалъ рукою головку бѣдненькой Шуры, и въ то же время его влажные черные глаза ласкали отца.

— Теперь ты, можетъ быть, передашь ее нянюшкѣ, а?.. Тамъ вонъ барыни мои ждутъ познакомиться... нѣтъ?!.. Впрочемъ, нѣтъ, конечно, все это сто разъ еще успѣется!.. Мы лучше

прямо пройдемъ къ тебѣ, не правда ли?.. И самое лучшее!.. разумѣется, какъ тебѣ угодно...

Онъ суетился отъ какого-то напряженнаго безпокойства не угодить, сдѣлать что-нибудь не такъ, „какъ нужно“. По одному движенію Строева онъ въ мигъ понялъ, что тотъ вовсе не стремится теперь же познакомиться съ дамами, а жаждетъ, напротивъ, какъ можно скорѣе укрыться отъ всѣхъ глазъ.

Такъ какъ дамы стояли на дорогѣ, то Мишель свернулъ влѣво и повелъ жильца цѣликомъ по лугу къ ивовой аллеѣ.

— Тутъ дальше немного, но все равно; разумѣется, какъ тебѣ угодно!—бормоталъ хозяинъ, сбитый съ толку тѣмъ, что встрѣча выходила совершенно иначе, чѣмъ онъ заранѣе воображалъ ее себѣ.

— Н-ну?! куда же это они, однако, направляются?.. Убѣгають отъ насъ, кажется?.. ха, ха, ха! вотъ это безподобно!—расхохоталась нисколько не весело красивая Маня:—Здравствуйте, Дмитрій Дмитричъ! А ужъ еслибъ вы только знали, какъ Мишель мой бѣдненькій хлопоталъ! Хотѣлъ даже, чтобы сама grand'maman торжественно встрѣтила г-на Строева, какъ прежняя, знакомая ему хозяйка Залѣсья. Чего только они ни придумывали съ Анной!.. Ну вотъ-съ, теперь ужъ мы съ вами „въ круглыхъ дурахъ“, какъ выражается моя Палаша!

Вся разгорѣвшись отъ негодованія, молодая женщина созвала дѣтей и стала подниматься съ ними къ дому. Ожогинъ сейчасъ же съ комическимъ увлеченіемъ разсказалъ Аннѣ эпизодъ съ апельсиномъ, всѣ собственные подвиги и возмутительное поведеніе нѣмки. Но его юморъ пропалъ даромъ—Анна даже не улыбнулась, слушая его.

— Несчастный!.. А мы еще обижаться станемъ, что онъ не летитъ достаточно скоро раскланиваться передъ нами! Эту дрянь мы сегодня же посадимъ на подводу и отправимъ на станцію—скатертью дорога!.. Шурѣ простую русскую няньку сыщемъ, велика бѣда!.. Я на первый случай Дашу свою упрошу, сію же минуту все это улажу!

И, не слушая возраженій художника, Анна бѣгомъ бросилась догонять жену брата.

— Анна Владиміровна!.. да повремените вы хоть минутку!—взмолился Ожогинъ, но дѣвушка только оглянулась, махнула рукой и побѣжала дальше.

Конечно, теперь всѣ голову потеряли. „И нужно же мнѣ было угодить какъ разъ въ одинъ день съ этимъ несноснымъ жильцомъ!—думалъ взбѣшенный художникъ:—Да нѣтъ, все равно, теперь ужъ это на цѣлое лѣто пойдетъ... Наконецъ-то Аннѣ

будетъ съ чѣмъ няньчиться!.. Теперь откроется пучина цѣлая состраданія и великодушія... Знаю я ее довольно!" У него даже слезы мелькнули въ глазахъ отъ обиды. Летѣлъ, радовался—и вотъ!—слова не сказала, взгляда не кинула.

Дѣйствительно, ему никто даже руки не пожалъ. Голубинъ вовсе не видалъ его; барыни убѣжали безъ всякой церемоніи. Завидная привилегія быть „своимъ человѣкомъ"!..

IV.

Не раньше какъ часа черезъ три общество снова сошлось у обѣденнаго стола, накрытаго въ саду, подъ двумя вѣковыми дубами.

Далеко протянули могучіе старцы свои толстыя, грубыя руки—до самаго балкона. Въ вѣтеръ они стучать и скребутся ими о крышу, точно требуютъ, чтобы и ихъ впустили укрыться отъ непогоды. Съ каждымъ годомъ все шире и гуще раскидывается роскошный зеленый шатеръ, оберегая ревниво „балконную площадку" отъ новыхъ пришельцевъ. И дѣйствительно, никто не запомнитъ, чтобы какой-нибудь новый дерзновенный побѣгъ отважился пробиться на завѣтномъ мѣстѣ. Въ самый сильный дождь здѣсь долго еще сухо; въ палящій зной стоитъ отрадная сплошная тѣнь.

Съ незапамятныхъ временъ по лѣтамъ на балконной площадкѣ, главнымъ образомъ, сосредоточивалась интимная жизнь обитателей Залѣсья; она только измѣняла свой видъ и характеръ, сообразно ихъ нравамъ и возрастамъ. Здѣсь шумѣли нескончаемыя и радостныя дѣтскія игры. Здѣсь заливалась веселая бальная музыка, когда по заламъ кружились нарядныя юныя пары. На площадкѣ гремѣлъ громовыми раскатами грозный голосъ „дѣдушки" и въ ужасѣ пресмыкались передъ нимъ во прахѣ провинившіеся хамы. Здѣсь шептались и переглядывались влюбленныя парочки. Здѣсь выплакивали свои первыя ревнивыя подозрѣнія юныя супруги. Здѣсь ссорились, мирились, веселились или томились тоской мятежные пигмеи, пока могучіе патріархи сада тихонько росли себѣ да росли въ своей вѣчной красѣ.

Все видѣли, все слышали и все схоронили въ своей памяти зеленые великаны. И еслибъ только они не замкнулись такъ гордо въ своемъ уединеніи, еслибъ не оттолкнули отъ себя такъ высокомѣрно все остальное населеніе сада, — о! сколько интересныхъ и поучительныхъ, печальныхъ и комическихъ исторій могли бы они поразсказать всей этой молодежи! Этимъ воздушнымъ берез-

камъ, стройнымъ тополямъ, мохнатыхъ елочкамъ, тихимъ и важнымъ липкамъ, аристократическимъ кленамъ, что такъ жмутся другъ къ дружкѣ, поодаль отъ другихъ—всей этой зеленой толпѣ, которая разбѣжалась далеко во всѣ стороны и перепуталась дружески съ пышными, цвѣтущими кустами, съ душистыми цвѣточными куртинами, съ игривыми песчаными дорожками...

Гордые людскимъ довѣріемъ, зеленые патріархи хранятъ свято чужія тайны. Только между собою старики вѣчно шепчутся, дивясь, какъ быстро проходятъ людскія радости, какъ часто смѣняются людскія печали. Какъ недолговѣчна самая лучезарная красота, непрочна самая пылкая любовь. Какъ быстро и неизбѣжно юношеская отвага смѣняется уныніемъ и разочарованіемъ, безсиліемъ и апатіей...

Хмурые стоятъ старые дубы въ длинную студеную зиму и ждутъ-не дождутся новаго лѣта, спрашивая другъ друга, чѣмъ-то позабавитъ оно ихъ на этотъ разъ? Для нихъ мѣсяцы равняются мгновеніямъ. Людскія существованія мелькаютъ передъ ними, какъ занимательныя страницы фантастической книги. Только отчего же эта книга становится что дальше, то все монотоннѣе и скучнѣе?

Развѣ такъ жили прежде въ Залѣсьѣ?.. Бывало, зимою балконы не забивались безобразными рогожами, площадка не заносилась снѣжными сугробами, а расчищалась и посыпалась песочкомъ для прогулокъ „старой барыни“, которой лекаря предписали ежедневный моціонъ. Высокія ледяныя горы устраивались на прудахъ; тройки звенѣли бубенцами, разукрашенныя цвѣтными лентами, въ низкихъ саночкахъ подъ пестрыми коврами. Окна огромнаго стараго дома и зимою сіяли огнями; повара круглый годъ гремѣли на кухнѣ своими кастрюлями; лакеи и горничныя до поздней ночи шныряли взадъ и впередъ по снѣжному двору. Да! прежде, бывало, старымъ дубамъ не было скучно ждать краснаго лѣта...

И давно ли все это было?.. Они вѣдь и не сравниваютъ съ давнишними временами, когда они были еще слабенькими, кудрявыми побѣгами, когда первый владѣлецъ Залѣсья, заслуженный бригадиръ, задумалъ поставить усадьбу на жалованной землицѣ. Старики перебираютъ свои позднѣйшія воспоминанія; они вопрошаютъ вчерашній день, когда здѣсь царила надменная, властная красавица, которая жива еще и сегодня, и въ хорошую погоду появляется въ своемъ огромномъ креслѣ на колесахъ отобѣдать съ семьей. Удивительно, до чего люди забывчивы! Должно быть, и эта старуха все перезабыла, если она мирится съ новыми порядками, если вмѣсто прежняго почета и самовластія она до-

вольствуется тѣмъ, что „молодые“ не садятся безъ нея за столъ, когда она пришлетъ своего лакея предупредить: „старая, молъ, барыня изволитъ пожаловать откушать за большимъ столомъ“. И столъ-то этотъ она одна, по привычкѣ, продолжаетъ величать „большимъ“—чтò ужъ онъ за большой теперь! Давнымъ-давно ужъ старые дубы не видятъ прежнихъ роскошныхъ пировъ, стараго разливаннаго моря. Давно не происходитъ здѣсь подъ вечеръ длинныхъ любовныхъ совѣщаній съ поварами и ключницами, не заказывается и не съѣдается подъ дубами прежнихъ благословенныхъ обѣдовъ по восьми да по десяти блюдъ. Теперь у людей даже и аппетитъ совсѣмъ другой сталъ...

Ну, да вѣдь за то же и сами они теперь на чтò похожи стали? Вонъ ихъ пресловутая Анночка, что́ недавно еще прыгала здѣсь козой! Старики отлично знаютъ, что ей минулъ ужъ двадцать-третій годъ; по прежнимъ понятіямъ, ей бы ужъ четверню ребятъ народить пора, а она все такая же жидкая да тонкая, какъ была по шестнадцатому году... Ну, кому нужна такая невѣста? Старики все видятъ, замѣчаютъ и запоминаютъ. Имъ давно извѣстно, что Анна одна не питаетъ къ нимъ традиціоннаго уваженія. Она терпѣть не можетъ балконной площадки, и вѣчно бродитъ по дальнимъ аллеямъ или сидитъ въ павильонѣ со своими кавалерами. Вѣдь нынче имъ все позволяется! Чему удивляться, коли этой дѣвочкѣ разрѣшили даже такую непозволительную прихоть, какъ этотъ „павильонъ“ за садомъ, въ той старой рощѣ, которую сто лѣтъ тому назадъ прозвали „Парнасомъ“. Это, изволите ли видѣть, ея „мастерская“!—какъ поддразниваетъ довольно-таки язвительно жена Мишеля... И по дѣломъ! какова фанаберія?!.. Даже у ея дядюшки и благодѣтеля, у знаменитаго художника Голубина, въ деревнѣ не было особой мастерской; писалъ онъ себѣ свои драгоцѣнныя картины наверху, въ башенкѣ, и никогда не жаловался, какъ эта дѣвочка, на то, что ему мѣшаютъ дѣти и хозяйственная возня.

Пусть бы еще только это одно! пусть бы она бѣгала безъ призора и бросала на вѣтеръ денежки, оставленныя ей знаменитымъ дядюшкой... Все равно, какого ужъ добра ждать отъ дѣвочки, выросшей въ столицѣ, въ домѣ холостяка-художника! Нѣтъ, старые дубы простить не могутъ другого—того, что изъ-за нея Залѣсье стоитъ пустое зимою; вся семья переселяется въ губернскій городъ, и это дѣлается, конечно, ради Анны, въ которой братецъ души не чаетъ. Зиму цѣлую онъ безропотно таскается по всевозможнымъ дорогамъ изъ города въ деревню и обратно; онъ даже сознается откровенно, что предпочитаетъ эти разъѣзды

обязанности сопровождать своихъ прелестныхъ дамъ на губернскіе балы и дрянные спектакли. Благоразумная, кроткая Маня не противорѣчитъ, вѣроятно потому, что въ глубинѣ души надѣется, такимъ образомъ, скорѣе сбыть съ рукъ невѣстку.

Однакожъ въ самое послѣднее время старикамъ начинаетъ казаться, что и ихъ добродѣтельная любимица умѣетъ хитрить не хуже другихъ... Похоже на то, что и сама Маня не прочь лучше прожить зиму въ городѣ вмѣсто того, чтобы отсиживать въ деревнѣ, глазъ на глазъ со своимъ добрякомъ Мишелемъ...

Но старикамъ неприлично судить опрометчиво. Столѣтніе дубы еще только нашептываютъ это другъ другу, какъ странное предположеніе. Поживутъ — увидятъ. Ничто, совершающееся въ Залѣсьѣ, не можетъ ускользнуть отъ ихъ вниманія...

V.

День былъ восхитительный. Вѣтеръ, столько проказничавшій на пароходѣ, въ саду почти вовсе не былъ чувствителенъ. Только деревья радостно помахивали жидкими еще верхушками и трепетали глянцовитыми, новорожденными листочками. Птицы заливались восторженными майскими пѣснями; пчелы, какъ угорѣлыя, сновали взадъ и впередъ, вытягивая низкую, мягкую ноту, точно твердя кому-то озабоченно: некогда намъ, некогда, некогда!..

Анна и Ожогинъ, въ ожиданіи остальныхъ, прогуливались взадъ и впередъ по такъ-называемой „большой аллеѣ". Въ знойные лѣтніе дни эта липовая аллея была самымъ прохладнымъ мѣстомъ въ саду—такая сплошная тѣнь держалась подъ густымъ переплетомъ вѣтвей, сцѣпившихся и перепутанныхъ. Но теперь и эта аллея еще вся сквозила и пестрѣла голубыми просвѣтами. Взоръ не упирался въ ближайшіе сучья, чувствуя надъ собою тяжелую крышу,—онъ скользилъ безпрепятственно все выше и выше, путаясь въ волнахъ прозрачной золотистой зелени, не видя ей конца, точно зеленый туманъ клубился надъ головою. Прямая какъ стрѣла, длинная черезъ весь садъ, аллея какъ будто таяла въ зеленой дали...

Анна шла, любуясь и не узнавая старую знакомую. Ожогинъ смотрѣлъ на Анну.

Пойметъ ли онъ когда-нибудь, что̀ есть въ этой дѣвушкѣ такого особеннаго, что̀ всегда и всюду приковываетъ къ ней вниманіе?.. Не въ первый разъ ужъ онъ задавалъ себѣ этотъ вопросъ, пользуясь каждымъ удобнымъ случаемъ изучить ее поближе своимъ

неподкупнымъ и взыскательнымъ взоромъ художника. Совсѣмъ мало опредѣленной, условной красоты—и цѣлая бездна какой-то неуловимой прелести... Ничего другого Ожогинъ не могъ найти и теперь, когда зеленоватый свѣтъ дѣлалъ ее еще блѣднѣе, безцвѣтнѣе. Одно—стройна поразительно! Не грація, а именно стройность, и въ этомъ благородство удивительное... Нѣтъ въ лицѣ ничего картиннаго! Спрашивается: что можно сдѣлать съ сухой, прямо некрасивой линіей рта?.. Все равно, никому въ мірѣ не уловить своеобразной гримаски, которая гнѣздится гдѣ-то въ одномъ уголкѣ, и такъ вотъ и сверлитъ, такъ и впивается въ сердце... мучительная гримаска!.. Лобъ очаровateленъ, оvалъ изященъ, да контуры небольшой головки съ гладко зачесанными черными волосами... Пышный клубокъ на затылкѣ какъ будто гнететъ тонкую шейку,—оттого она всегда немного гнется впередъ... вотъ, вотъ!.. именно!.. Отъ этого наклона и взглядъ снизу получаетъ такую значительность...

— Анна Владиміровна, взгляните, прошу васъ, наверхъ!— воскликнулъ съ неожиданнымъ жаромъ художникъ. Но когда взглядъ дѣвушки испуганно вспорхнулъ вверхъ, и голова на мигъ запрокинулась назадъ, у него вырвался отчаянный жестъ: „опять все навралъ!—никакого такого наклона!"

— Ну?.. что вы тамъ увидали наверху?—оглянулась съ удивленіемъ его спутница.

— Что?.. конечно, васъ! развѣ я способенъ видѣть что-либо кромѣ васъ!!..

Это вырвалось у него съ такимъ неподдѣльнымъ огорченіемъ, что Анна расхохоталась, вмѣсто того, чтобы разсердиться.

— Господи, Ожогинъ... когда вамъ это надоѣстъ?..

Онъ молча шелъ рядомъ съ нею, понуря голову, съ пристыженнымъ видомъ человѣка, не умѣющаго совладать со своей задачей.

— Лучше поглядите-ка, что̀ съ нашей старой аллеей дѣлается! Я каждый день прихожу сюда и не налюбуюсь... Это только весною; потомъ она опять сдѣлается темная и таинственная, романическая... Я, когда влюблюсь, непремѣнно здѣсь буду объясняться въ любви. Впрочемъ... вѣроятно тутъ и безъ меня разыгрывались всѣ залѣскіе романы—вамъ какъ кажется?.. Вы знаете, подражанія я ненавижу!.. Но за одно ручаюсь—это будетъ весной, когда она такая вотъ воздушная... какъ будто вся уносится вверхъ... Надѣюсь, что и сама я тоже буду тогда витать тамъ гдѣ-то!..

Она презабавно помахала рукою надъ головой и продолжала

смотрѣть вверхъ чуть-чуть сощуренными, мечтательными глазами. Ожогинъ зорко вглядѣлся въ ея лицо.

— Зачѣмъ же дѣло стало? теперь весна и на сценѣ новый герой.

— Чтò-о вы ска-за-а-ли?..

— Вы слышали.

— Какая дурацкая шутка!—воскликнула дѣвушка съ прекраснымъ негодующимъ жестомъ:—ради краснаго словца, не пожалѣю и родного отца... Это то, что я отъ глубины души презираю... отъ глубины души!..

Ожогинъ давно зналъ эти слезы въ ея глазахъ въ минуты сильнаго возмущенія... Злая усмѣшка передернула ему губы.

— Вамъ уже кажется, что всѣ должны быть заражены вашимъ пристрастіемъ?

— Я предполагала, что всѣ, то-есть вы, знакомы съ такимъ элементарнымъ приличіемъ, какъ уваженіе къ чужому несчастью.

— Помилосердуйте, Анна Владиміровна! въ чемъ же мое неуваженіе?.. Неужели личность г-на Строева въ такой уже мѣрѣ неприкосновенна, что...

— Да, именно!—запальчиво не дала ему договорить Анна: —въ такой мѣрѣ, что не подлежитъ шуточкамъ и злословію. По крайней мѣрѣ не въ моемъ присутствіи.

— Въ чемъ мое злословіе?!.. Вѣдь я и заикнулся-то о васъ, а совсѣмъ не о немъ!

— О, я васъ понимаю, я васъ насквозь вижу!.. Вижу, какъ вы заранѣе топорщитесь и щетинитесь, еще ничего не видя... Васъ уже обуялъ этотъ ненавистный духъ соперничества. Еслибъ вы подозрѣвали, до какой степени всѣ вы злы и гадки въ такія минуты, вы бы, по крайней мѣрѣ, научились скрывать это!

— По какому старому счету прикажете получить все это?..

Анна взглянула на него исподлобья и нѣсколько смягчилась.

— Можетъ быть... Но есть вещи, которыми нельзя шутить... тѣмъ болѣе вамъ! У васъ все впереди, а у этого человѣка за плечами однѣ развалины...

— И вы не поэтизируете по обыкновенію?

— Надѣюсь, что объ этомъ каждому легко судить самому, —отвѣтила она съ новымъ негодованіемъ.

Ожогинъ холодно пожалъ плечами. Трагическая исторія Строева ему была извѣстна только въ общихъ чертахъ. Онъ твердо помнилъ, что дѣло кончилось благополучно. Уголовный процессъ... Обвиненіе въ отравленіи жены... Низкія, корыстныя цѣли... Тюрьма... Скамья подсудимыхъ... Для посторонняго, равнодуш-

наго человѣка черезъ годъ времени все это звучало примелькавшимися терминами изъ уголовной хроники. Судился и оправданъ. Отъ тюрьмы да отъ сумы не отказывайся... Кто не склоненъ съ истинно-философскимъ безстрастіемъ повторять эту народную мудрость... по поводу чужихъ бѣдъ!

— Г-нъ Строевъ, во всякомъ случаѣ, обладаетъ однимъ благомъ, которое дается далеко не каждому...

Анна молча подняла на него глаза.

— ...Такими преданными друзьями, какъ вы и вашъ братъ.

— А!..—засмѣялась она иронически:—меня нѣсколько мудрено назвать его другомъ, потому что мы только сію минуту возобновили наше знакомство. Что касается Мишеля—они школьные товарищи. Какъ ни вертите, Дмитрій Дмитричъ, а позавидовать рѣшительно нечему! Вмѣсто родной семьи, одна эта дружба Мишеля (на которую не послѣдовало высочайшаго соизволенія Мани!)... Отъ брака по любви—больной ребенокъ и ужасныя воспоминанія... Отъ блестящей карьеры—скандалъ на весь свѣтъ!.. Скажите... что у васъ за каменное сердце, что даже подобная участь не трогаетъ васъ?!..

Анна въ возмущеніи остановилась и всплеснула своими прекрасными руками.

„Зачѣмъ трогаетъ она въ такой мѣрѣ тебя?"—било тревогу юное сердце ея спутника. А между тѣмъ это сердце не было ни тупо, ни безчувственно... Но его словно запечатали заколдованными печатями только для этой одной горестной эпопеи, такъ сильно овладѣвшей воображеніемъ дѣвушки. Ожогинъ давно зналъ, что Строева ждутъ въ Залѣсьѣ. Въ свой послѣдній пріѣздъ онъ съ самымъ искреннимъ усердіемъ помогалъ хозяевамъ убирать для него флигель. Онъ готовъ былъ его жалѣть, сочувствовать... до тѣхъ поръ, пока не увидалъ его своими глазами. Теперь онъ больше не чувствовалъ никакого состраданія, не хотѣлъ его чувствовать...

— Ужасно то, что онъ совсѣмъ одинокъ,—продолжала Анна грустно:—съ Мишелемъ они почти разошлись по выходѣ изъ училища. Строевъ былъ поглощенъ всецѣло своей служебной дѣятельностью, а моему милому братцу, вы знаете, лѣнь тронуться лишній разъ изъ Залѣсья...

— Другими словами, Михаилу Владиміровичу такъ чужды честолюбивыя цѣли, что они перестали понимать другъ друга,—подхватилъ Ожогинъ.

— Честолюбіе не такая ужъ дурная вещь, какъ вамъ ка-

жется. Тотъ, въ комъ его нѣтъ вовсе, всегда останется ничтожествомъ.

— Какое честолюбіе... Во всякомъ случаѣ, кто въ жизни все поставилъ на эту карту, тотъ не долженъ удивляться своему одиночеству.

— Строевъ былъ женатъ.

— По счастливой случайности, его жена была очень богата, и женитьба упрочила его положеніе въ свѣтѣ... Умные люди свои привязанности помѣщаютъ умно.

Опять Анна смотрѣла на него загорѣвшимся взглядомъ.

— Продолжайте, Дмитрій Дмитричъ!

— Я отмѣчаю только факты, Анна Владиміровна.

— Люди познаются всего вѣрнѣе по ихъ невольнымъ душевнымъ движеніямъ!.. Мнѣ пріятно было бы—ужъ не взыщите!—встрѣтить въ васъ больше благородства.

— Каковъ я ни есть,—выговорилъ Ожогинъ, блѣднѣя,—я настолько дорожу вашимъ спокойствіемъ, что не побоюсь даже заслужить вашъ гнѣвъ. Во что бы то ни стало вы добиваетесь создать героя изъ этого человѣка. Я васъ знаю лучше, быть можетъ, чѣмъ вы сами себя знаете...

— Ну еще бы!—вставила Анна.

— Ваша артистическая фантазія жаждетъ пищи и мы всѣ черезъ-чуръ обыкновенные люди для васъ...

— Какъ?!.. даже вы?..

— Я,—выговорилъ художникъ медленно,—я опоздалъ родиться. Черезъ пять лѣтъ,—только черезъ пять лѣтъ, вы бы говорили со мною иначе!

— Ce qui est tardé, n'est pas désespéré!..

— ...Черезъ-чуръ большой срокъ для насъ обоихъ,—договорилъ онъ съ волненіемъ.

Анна нахмурилась. Этого тона она не любила допускать и не могла не замѣчать, что за послѣднее время ея юный другъ возвращался къ нему особенно легко. Вообще онъ замѣтно мужаетъ, становится сдержаннѣе, менѣе обидчивъ, менѣе горячъ... Онъ все чаще принимаетъ по отношенію къ ней покровительственный тонъ сильнаго мужчины... А далеко ли было то время, когда этотъ мальчикъ чистосердечно сознавался, что трепещетъ каждой ея недовольной мины? Теперь въ его юношескомъ лицѣ бывали такія горькія, такія зрѣлыя мины... На Анну это всегда производило грустное впечатлѣніе. Она попыталась еще разъ перейти въ шутливый тонъ, такъ рѣшительно не дававшійся сегодня.

— А вотъ это съ вашей стороны очень похвальная и со-
ъ новая трезвость взгляда! Вы познали, наконецъ, цѣну вре-
? Не такъ давно вѣдь мы распоряжались не иначе, какъ
ностью" и „цѣлой жизнью"! Вашему плѣненію совсѣмъ не
видѣлось конца... Этимъ я утѣшена, мой другъ.

Но и эту выходку ея другу слѣдовало принять иначе, не съ
й безмолвной печалью въ глазахъ. Онъ ничего не отвѣтилъ.
„... Помолчимъ и мы!" — подумала Анна. Она оторвала
ходомъ липовую вѣточку и принялась бережно расправлять
адони нѣжные, почти прозрачные круглые листочки. Ея мысли
асъ же обратились опять къ Строеву.

Утромъ, выслушавъ разсказъ Ожогина, Анна прямо отправи-
во флигель вслѣдъ за пріѣзжими. Какъ умѣла радушнѣе и
знѣе, она предложила въ распоряженіе Строева собственную
ичную, Дашу, до тѣхъ поръ, пока въ городѣ не отыщется
я нянька, на мѣсто взбунтовавшейся нѣмки. Она сдѣлала
подъ первымъ впечатлѣніемъ, и лишь потому, какъ сухо и
ізненно Строевъ принялъ это, Анна увидала, въ какой мѣрѣ
статочно одного ихъ добраго желанія, чтобы „обласкать и прію-
" изстрадавшагося человѣка. Въ ея воображеніи врѣзалось
вое лицо съ его особеннымъ, застывшимъ выраженіемъ, и это
слилось сейчасъ же съ тѣмъ образомъ, который создала за-
ѣе ея фантазія. Ей казалось теперь, что другого лица у
и быть не могло. На все окружающее, на мирную и без-
ую жизнь Залѣсья точно упала меланхолическая тѣнь съ той
уты, какъ чужое горе вошло и поселилось подъ его кровомъ...

VI.

Молодая хозяйка Залѣсья сидѣла, между тѣмъ, за столомъ
едъ миской съ ботвиньей, въ которую оставалось только на-
квасу.

Первымъ побужденіемъ Мани, послѣ того, какъ Строевъ дерз-
енно уклонился отъ чести быть ей представленнымъ, было
ти къ себѣ и переодѣться. Послѣ подобной выходки господинъ
ъ недостоинъ быть принятымъ запросто, на дружеской ногѣ.
ѣвя сердце, Маня сбросила свой обычный лѣтній костюмъ,
орый такъ шелъ къ ней, нравился Мишелю и рѣшительно
мъ; она облеклась въ корсетъ, въ платье, и въ ту же минуту
стало жарко и несносно. Она сидѣла теперь не въ духѣ, по-

ставивъ оба локтя на столъ, потому что такъ ей было все-таки свободнѣе дышать.

Пожалуй, что въ свои двадцать-шесть лѣтъ Маня могла бы быть менѣе роскошной женщиной. Быть можетъ, ей слѣдовало сохранить больше юношеской гибкости и живости, для того, чтобы къ сорока годамъ не растолстѣть сверхъ мѣры, но зато что̀ за чудную парочку представляла она теперь съ молодцомъ Мишелемъ! Ея русая головка съ красивымъ низкимъ лбомъ, съ влажными голубыми глазами, съ пунцовыми губами и миловидными ямками на розовыхъ щекахъ и на мягкомъ бѣломъ, какъ молоко, подбородкѣ, ея роскошныя плечи, бѣлыя руки, ножка съ крутымъ подъемомъ и плавныя движенія—все это было одинаково плѣнительно и напоминало красивую, выхоленную, граціозную кошечку.

— Володя, сбѣгай въ столовую и посмотри, который часъ.

Марья Павловна въ третій разъ уже давала это порученіе своему старшему сыну. Къ ея удивленію, каждый разъ оказывалось, что еще нѣтъ законныхъ четырехъ часовъ; она, тѣмъ не менѣе, твердила, что жилецъ невѣжа и съ перваго же дня заставляетъ себя ждать. Поодаль прохаживалась взадъ и впередъ нянька съ прелестной годовалой дѣвочкой на рукахъ; старшія дѣти шумѣли и спорили. Вдали, въ аллеѣ, то приближалось, то пропадало свѣтлое платье Анны. Манѣ было жарко и скучно.

Мишель тѣмъ временемъ легъ соснуть и просилъ не будить его, пока всѣ не будутъ въ сборѣ. Онъ какъ-то особенно усталъ и раскисъ послѣ часа, проведеннаго съ жильцомъ. Засыпая, Голубинъ со страхомъ подумалъ, какъ бы и въ самомъ дѣлѣ Строевъ не оказался для нихъ черезъ-чуръ тяжелой обузой? Удивительно, что всѣ предсказанія Мани всегда сбываются... въ этомъ просто что-то фатальное! Кажется, поступаешь по совѣсти, по̀ сердцу, но стоитъ ей сдвинуть недовольно бровки и начать своей увѣренной интонаціей предвѣщать всѣ бѣды, какія должны изъ сего воспослѣдовать, стоитъ ему погорячиться и поспорить съ нею—кончено: навѣрное она окажется правой въ концѣ концовъ. Въ немъ шевельнулось почти суевѣрное чувство. Странное дѣло!.. Не можетъ же онъ сдаваться заранѣе и въ каждомъ случаѣ справляться предварительно съ мнѣніемъ своей жены? — „Ну, вотъ я вѣдь говорила тебѣ!“ — „Ну и, разумѣется, все вышло по моему!“ — говоритъ въ такихъ случаяхъ торжествующая Маня. Мишель вертится на широкомъ кожаномъ диванѣ въ своемъ прохладномъ кабинетѣ, и эта фраза какъ будто носится уже въ воздухѣ.

..ть отворяется дверь, и Маня дѣйствительно входитъ красразсерженная. Она накидывается на него, не слушая ;еній, такъ что безполезно перебивать ее, пока она сама ιхнетъ. Ему лѣнь... ему ужасно хочется спать... но, дѣлать , онъ все-таки приподнимается на локтѣ и силится приъ, что онъ можетъ сказать въ свое оправданіе... Опять ваетъ, странно путаясь, памятная сцена, когда ему такъ ю досталось за его „выходку". Маня расплакалась, точно несли личную обиду. Бабушка взяла ея сторону и торжео провозгласила, что онъ не имѣлъ права пригласить чучеловѣка безъ согласія хозяйки. Онъ перестаіъ понимать бо, готовъ уже былъ броситься поправлять свой промахъ. 'отовъ былъ повѣрить, что товарищъ дѣтства ему „чужой", ; что его не знаетъ и имъ не интересуется красотка-Маня. же раскаивался въ собственномъ великодушномъ порывѣ, сестра Анна не сорвалась съ мѣста и не кинулась ему на — „Не вѣрь, не вѣрь, золотой мой! ты — Голубинъ — ты такъ могъ, такъ долженъ былъ поступить! Ты, его сторугъ, мы всѣ—твоя семья—мы честью обязаны протянуть человѣку руку помощи! Иначе, иначе мы тоже присоедиı къ его врагамъ! можешь ты согласиться на это?—Твоя имѣетъ право требовать, чтобы ты сдѣлалъ низость??.." — рыдала отъ волненія, всѣ онѣ рыдали отъ самыхъ разнохъ чувствъ, и онъ, Мишель, почувствовалъ себя спасен-

Но его оставили одного - теперь Анны нѣтъ тутъ, чтобы иться за него. Мишель трусливо перебираетъ въ умѣ, бы вѣрнѣе умилостивить Маню, и, какъ всегда въ этихъ ıхъ, гдѣ-то въ самой сокровенной глубинѣ шевелится смут- ощущеніе стыда. Лобъ его становится совсѣмъ влажный. пристыженно ерошитъ свою густую бороду.

- Папочка!.. да что же это такое?.. папочка, да вставай ı наконецъ!..

казывается, что не онъ самъ, а маленькая Вавочка, садя о на груди, теребитъ его за бороду, а Володька тащитъ ку изъ-подъ головы. Въ комнатѣ никого больше нѣтъ.

ишель, еще не вполнѣ проснувшись, улыбается во весь счастливый, что это только приснилось... ему не нужно ться съ Маней!

овно въ четыре часа Строевъ явился на балконную пло-. Такъ какъ Мишель проспалъ, то ему пришлось самому гавиться хозяйкѣ. Онъ не могъ понять, почему молодая ина покраснѣла такъ сильно, пожимая ему руку. Въ су-

нихъ, банальныхъ выраженіяхъ она заявила свое желаніе, чтобы ему не было черезъ-чуръ неудобно въ ея домѣ, и отъ той чрезвычайной, изысканной предусмотрительности, съ какою жилецъ былъ принятъ во флигелѣ, эти фразы хозяйки прозвучали особенно натянуто и непріятно.

Гость, въ свою очередь, выразилъ сожалѣніе по поводу того обстоятельства, что его появленіе въ Залѣсьѣ съ первыхъ шаговъ ознаменовалось несносной домашней неурядицей. И тутъ же, еще договаривая эти слова, съ внезапнымъ приливомъ благодарности, онъ сталъ отыскивать глазами стройную черноволосую дѣвушку, такъ горячо принявшую къ сердцу его затрудненія.

Часъ тому назадъ, когда Анна, въ порывѣ распорядительности, явилась нежданно во флигель и съ искренней горячностью принялась уговаривать его отослать сейчасъ же дерзкую нѣмку, Строевъ нашелъ это очень страннымъ, неумѣстнымъ и навязчивымъ. Онъ уступилъ единственно потому, что не видѣлъ возможности отстоять свою самостоятельность передъ соединеннымъ усердіемъ брата и сестры; но десять разъ въ продолженіе четверти часа онъ назвалъ себя безумцемъ за то, что попалъ въ нелѣпое положеніе. Теперь, чутко прислушиваясь къ холодному тону хозяйки, онъ уже почувствовалъ, что не всѣ въ Залѣсьѣ одинаково расположены распинаться за его удобства. Не всѣ, быть можетъ, ждутъ его съ распростертыми объятіями. Ему захотѣлось поскорѣе повнимательнѣе взглянуть на Анну, чтобы провѣрить, была ли и она, на самомъ дѣлѣ, такъ искренна, какъ казалась.

— Вотъ и бабушка. Вы, конечно, найдете въ ней большую перемѣну,—проговорила Марья Павловна все тѣмъ же любезно-ледянымъ тономъ.

Она пошла по аллеѣ на встрѣчу большому креслу, которое подталкивалъ сзади старый слуга въ длинномъ коричневомъ сюртукѣ.

Въ памяти Строева уцѣлѣло очень отчетливое представленіе о важной и властной старухѣ, принимавшей радушно товарищей внука, но никогда не снисходившей до какой-либо фамильярности съ чужимъ мальчикомъ. Изъ большого кресла на него глянуло безкровное, вытянувшееся лицо живого мертвеца, съ выкатившимися стеклянными глазами, съ безсознательнымъ выраженіемъ не боли, а какъ будто физическаго гнета всѣхъ восьми десятковъ лѣтъ, тяготѣющихъ надъ бѣлой головой, прикрытой нарядным чепцомъ съ сѣрыми лентами. Лицо бабушки совсѣмъ утратило способность улыбаться, и это лишило его послѣдняго луча жизни, который скрашиваетъ до конца самыя дряхлыя лица.

Оно застыло въ этомъ одномъ выраженіи существа, согбеннаго тяжелой ношей.

— Господинъ Строевъ, grand' maman... — сказала Маня, слегка усиливая голосъ.

Старуха протянула холодную, несгибающуюся руку. По движенію этой руки Строевъ понялъ, что она ожидала, что онъ поцѣлуетъ ее.

— Весьма пріятно... Въ Залѣсьѣ всегда были рады гостямъ... М-r Строевъ немного найдетъ здѣсь прежнихъ порядковъ... Немного...

— Все же, я увѣренъ, въ Залѣсьѣ удержалось старыхъ порядковъ больше, нежели во мнѣ самомъ уцѣлѣло отъ того счастливца, который когда-то пользовался вашими ласками, — отвѣтилъ Строевъ почтительно, безъ всякой натяжки передъ скорбнымъ старческимъ образомъ.

Бабушка недовольно пожевала губами.

— Не знаю... Въ наше время люди еще не отживали въ какія-нибудь двѣнадцать лѣтъ... Такіе юноши, какъ вы, говорили иначе. Не знаю... что̀ ужъ вы скажете, когда до нашихъ лѣтъ доживете...

„Избави, Господи!“ —едва не сорвалось съ устъ Строева, но онъ во̀-время закусилъ губу. Маня кивнула лакею, и кресло покатилось дальше, шурша колесами по песку. Изъ боковой аллеи показалась Анна. Она ускорила шаги на встрѣчу бабушкѣ, а дѣти съ визгомъ и смѣхомъ перегнали ее около самаго кресла.

— Ну, милая... въ твоемъ protégé не вижу ничего такого особеннаго... Интересничаетъ... Поскромнѣй бы, на мой взглядъ...

Строевъ поймалъ первыя слова и по испуганному взгляду Анны въ его сторону понялъ, что приговоръ бабушки не изъ лестныхъ.

За обѣдомъ Голубинъ усадилъ жильца около себя. Анна оказалась напротивъ.

— Когда были вы въ послѣдній разъ въ Залѣсьѣ? — спросила его дѣвушка неожиданно, посреди разговора съ Ожогинымъ, сидѣвшимъ съ нею рядомъ.

Строевъ нѣсколько минутъ уже смотрѣлъ на нее, но онъ не слыхалъ разговора и не замѣтилъ, что вопросъ относился къ нему.

— Каково величественное пренебреженіе! — проворчалъ художникъ.

— Вѣрнѣе—скука въ чужомъ обществѣ, — отозвалась Анна кротко.

„Вотъ такъ это будетъ изо дня въ день!“ —волновалась на

хорошенькая хозяйка:—„Каково созерцать цѣлое
охоронную физіономію!“

і-дѣло должна была наклоняться къ бабушкѣ, чтобы
подробности несносной „Строевской исторіи“ (еще
ь не надоѣла!).—Старуха дурно слышитъ, а когда
ритъ тоскливая тишина, довольно мудрено давать
вѣты такъ, чтобы ихъ не услыхали на другомъ

», однако, невѣжливо!.. И съ чего это ей вздума-
ься?“ размышлялъ плохо выспавшійся Голубинъ.
іто Маня мало ѣстъ, что она становится все крас-
ъ даже, какъ ей должно быть неловко въ корсетѣ
іерезъ столъ, чтобы говорить бабушкѣ на ухо.
себѣ сейчасъ послѣ обѣда, очевидно, совершенно
соображалъ въ это же время уныло гость.
маленькая иллюстрація къ предстоящему вамъ лѣту!
вительно художникъ, отбрасывая стулъ Анны, когда
м.
къ думаете?.. — протянула дѣвушка въ раздумьѣ.

VII.

стоялъ на „Парнасѣ“. Было невеликодушно со
Мишеля такъ насмѣшливо подчеркивать это обстоя-
му что не Анна придумала высокопарное имя. Это
ъ еще съ тѣхъ временъ, когда и все остальное
адьбѣ съ нимъ вполнѣ гармонировало. Въ домѣ
новенныя комнаты, а большіе и малые салоны,
альяжныя и т. п. Въ саду разсыпались павильоны
ія, аллеи Вздоховъ и террасы Любви. Лошади на
бакн на псарнѣ звались Витязями, Маркизами, Аму-
и и пр. Странное время промелькнуло и потонуло
юлнахъ. Русскіе люди съ такимъ же наслажде-
и мудреныя названія, съ какимъ трудомъ выламы-
свой языкъ. Одинъ „Парнассъ“ уцѣлѣлъ и высился
ордомъ величіи, царя надъ окрестностью.
юкъ спасла отъ забвенія связанная съ нимъ рома-
іда: извѣстно, что ничто не удерживается въ па-
тно, какъ всякаго рода легенды. Павильонъ Анны
ъ старой каменной развалины съ давнымъ-давно
шей, вмѣсто которой кудрявыя березки и осинки

поднимались изнутри выше стѣнъ, наполовину обвалившихся и затянутыхъ мохомъ. Старая легенда гласила, что здѣсь была замурована заживо любовница одного изъ сыновей грознаго владѣльца Залѣсья. Молодой человѣкъ поселилъ ее въ заброшенной башнѣ и такъ искусно умѣлъ однихъ подкупить, другихъ застращать, третьихъ обмануть, что только на вторую зиму опасная тайна дошла до его ненавистной богачки-жены. Жена пожаловалась свекру. Въ первый же разъ, когда молодой баринъ пробрался тайкомъ къ своей красавицѣ, онъ нашелъ дверь и окна наглухо заложенными кирпичомъ и закрашенными подъ цвѣтъ стѣнъ.

Легенда эта имѣла нѣсколько варіантовъ: одни говорили, что съ той самой минуты молодой человѣкъ пропалъ безъ вѣсти; другіе—что онъ тутъ же повѣсился въ лѣсу, спускавшемся отъ павильона къ рѣкѣ; утверждали, что онъ покушался зарѣзать свою жену и поджечь усадьбу. Богъ вѣсть, какихъ еще ужасовъ ни приплетала досужая фантазія къ несложной романической были, какая всегда лежитъ въ основѣ подобной легенды. Старой башней стращали маленькихъ дѣтей. Разрѣзвившаяся молодежь въ непроглядныя рождественскія ночи бѣгала по снѣгу слушать жалобные стоны, которые въ это время каждый годъ слышатся въ старыхъ стѣнахъ. При этомъ всегда находились фантазеры, которые съ жаромъ клялись потомъ, что они собственными ушами слышали и эти стоны, и мѣрные удары тяжелаго молота.

Три года тому назадъ Анна вернулась въ Залѣсье, похоронивъ своего пріемнаго отца, извѣстнаго художника Голубина, умершаго скоропостижно отъ разрыва сердца. Ее привезли больную, потрясенную горемъ. Ее такъ долго не удавалось ничѣмъ развлечь, развеселить сколько-нибудь, что Мишель расцвѣлъ отъ удовольствія, когда однажды Анна вернулась изъ лѣса оживленная и восхищенная. Блуждая по лѣсу, дѣвушка забрела на старую развалину, вскорабкалась на уцѣлѣвшую стѣну, и тутъ только впервые поняла, для чего на этомъ мѣстѣ, совсѣмъ ужъ за садомъ, была воздвигнута каменная постройка, и почему этотъ холмъ, заросшій лѣсомъ, получилъ свое громкое названіе. Въ то же лѣто Анна съ увлеченіемъ принялась отстраивать павильонъ, не щадя хлопотъ и издержекъ. Она говорила, что готова уступить брату всю свою долю въ Залѣсьѣ за одну романическую развалину.

Наружный видъ павильона вѣренъ духу старой легенды: это высокая, круглая башня, совершенно глухая; узкая дверь удачно маскирована, и только со стороны, обращенной къ лѣсу, имѣется

одно большое круглое окно, но этого окна нельзя видѣть, когда подходишь съ площадки. Странное, слѣпое зданіе выростаетъ передъ глазами мрачнымъ, безжизненнымъ призракомъ. Сложенное изъ дикаго камня, оно не производитъ впечатлѣнія новой постройки.

Пока шла постройка павильона, всѣ Голубины, и даже ихъ близкіе знакомые, между собою перессорились. Всѣхъ горячѣе возставала Маня, находя, что̀ прекрасная, вновь отстроенная усадьба Залѣсья испорчена безобразной слѣпой башней. Нигдѣ на свѣтѣ не найдется строенія безъ оконъ; ихъ даже рисуютъ тамъ, гдѣ нельзя сдѣлать! Стиль, духъ времени, извѣстный типъ—для Марьи Павловны все это было китайской грамотой; она была твердо увѣрена, что Анна только оригинальничаетъ, стремясь доказать, что она не можетъ походить на обыкновенныхъ смертныхъ, послѣ того, какъ выросла среди художниковъ, музыкантовъ, писателей и всякихъ другихъ „знаменитостей". Мишель хоть и отказывался видѣть въ этомъ заднія мысли, но тоже признавался, что павильонъ нагоняетъ на него тоску. Бабушка считала безуміемъ держать въ башнѣ столько цѣнныхъ вещей, а главное находила неприличнымъ для дѣвушки поселяться отдѣльно отъ семьи.

Анна мужественно отстояла свой планъ. Если все должно кончиться обыкновеннымъ домомъ, то какъ же смѣть было трогать старую развалину? Ужъ не она, конечно, рѣшилась бы нарушить поэзію этого романическаго уголка, для того, чтобы возвести здѣсь кирпичный флигель съ вѣнскими стульями! Единственнымъ вѣрнымъ союзникомъ Анны былъ Ожогинъ. Художникъ называлъ себя ея главнымъ приказчикомъ и леталъ взадъ и впередъ изъ Петербурга въ Залѣсье, выбирая, закупая и пересылая все, что̀ нужно. Онъ на-лету ловилъ ея мысли и умѣлъ оформить то, что̀ она только угадывала инстинктомъ, въ чемъ безотчетно высказывался ея изощренный вкусъ и взыскательный глазъ. Молодые люди сблизились и подружились за это время; онъ былъ ей необходимъ и былъ этимъ вполнѣ счастливъ.

Но если павильонъ Анны и былъ безобразенъ снаружи, то для всѣхъ его порицателей внутри онъ былъ через-чуръ роскошенъ. Въ немъ была всего одна большая, высокая, круглая комната, а надъ нею узорчатый куполъ изъ разноцвѣтныхъ стеколъ: эффектъ цѣлой массы цвѣтныхъ лучей, падающихъ сверху, былъ поразителенъ. Въ потолкѣ заключалась главная цѣнность постройки, и Аннѣ не легко было отстоять передъ „старшими" свою фантазію. Она мечтала вначалѣ, что это бу-

детъ настоящая мозаика—вся знаменитая легенда въ нѣсколькихъ картинахъ. Она по ночамъ набрасывала эскизы этихъ картинъ и знала лично художника, которому можно было поручить исполненіе. Увы, отъ такой роскоши ей пришлось отказаться. Анна долго была безутѣшна и пять разъ заставляла Ожогина передѣлывать тѣ фантастическія арабески, которыми рѣшено было замѣнить картины. Въ яркій солнечный день вторая разноцвѣтная сѣтка, нѣсколько только блѣднѣе, чѣмъ наверху, трепетала и переливалась на полу. Стѣны прятались за старинными тканями и любимыми картинами дяди. Въ одномъ изъ двухъ глубокихъ альковъ, за драгоцѣнной гобеленовой драпировкой, стояла его оттоманка, служившая Аннѣ кроватью. Въ другомъ альковѣ прятались холсты, мольберты, ящики съ красками, комки глины и начатые бюсты.

По срединѣ комнаты, изъ живописной группы растеній, возвышается драгоцѣнная мраморная муза, подарокъ стараго артиста. Повернувъ вдохновенное лицо, приподнявъ тонкую руку, муза смотритъ въ круглое окно, какъ будто чутко прислушивается, о чемъ переговаривается живая зеленая толпа, тѣсно обступившая башню. Эта толпа держитъ въ плѣну, стережетъ ревниво хозяйку павильона. Чего только не слышится Аннѣ въ шорохѣ лѣса, на который она смотритъ сверху! Какихъ картинъ не рисуетъ ей фантазія въ вѣчно колеблющихся очертаніяхъ зеленыхъ фигуръ!.. Это живая толпа, фантастическія существа, которымъ открыта ея душа. Они одни знаютъ все, что̀ въ ней смутно бродитъ и волнуется, чѣмъ она напрасно силится овладѣть. Она боится приговора этой толпы. Она отъ нея ждетъ спасенія. Кажется, съ дуновеніемъ вѣтра, съ порывомъ внезапно налетѣвшей грозы, въ это круглое окно снизойдетъ желанное откровеніе, и она пойметъ, наконецъ, что̀ ей дѣлать съ собой, со своими силами!..

Толпа задорно споритъ и киваетъ головами, машетъ длинными руками и развѣваетъ зелеными мантіями: она споритъ о тѣхъ самыхъ вопросахъ, которые не даютъ покоя дѣвушкѣ за круглымъ окномъ. Толпа бушуетъ, и мечется, и реветъ, защищая павильонъ отъ невидимыхъ злыхъ духовъ. Толпа протяжно, жалобно стонетъ подъ тяжелымъ хмурымъ небомъ. Она безмолвно, уныло замираетъ на мѣстѣ, подставляя покорно понурыя головы подъ струи холоднаго, сердитаго дождя. Она оплакиваетъ ея судьбу, она покоряется неизбѣжному и неотвратимому.

Въ лучахъ сверкающаго солнца, подъ дыханіемъ задорнаго, теплаго вѣтерка тутъ идетъ нескончаемый говоръ и лепетъ. Пред-

сказывается небывалое счастіе, пророчится лучезарная слава—весь блескъ, всѣ радости, всѣ восторги! Изъ конца въ конецъ точно перебѣгаетъ тихій, счастливый смѣхъ, торжествующее восклицаніе, на которое отзываются тамъ, далеко, а еще дальше только выразительно потрясаютъ мохнатыми головами. Толпа гудитъ, волнуется и строитъ планы, планы, планы, безъ конца! Фантастическія существа отказываются только повѣдать, какъ нужно приступить къ осуществленію этихъ чудныхъ и смѣлыхъ плановъ. Это не ихъ дѣло: объ этомъ они ничего не знаютъ...

Въ круглое окно не видно ничего, кромѣ верхушекъ деревьевъ, сбѣгающихъ круто къ рѣкѣ на нѣкоторомъ разстояніи отъ павильона; но и самая рѣка тоже не видна—тамъ, гдѣ кончаются деревья, начинается небо, и въ этомъ заключается вся оригинальная прелесть вида. Тутъ нѣтъ никакого обыденнаго ландшафта, ни земли, ни воды—ничего кромѣ широкой, волнующейся пелены и необъятнаго лазурнаго свода.

Правда, устройство павильона стало не дешево, но того, что онъ давалъ своей молодой хозяйкѣ, нельзя купить на деньги. Возвращаясь къ себѣ, Анна невольно останавливается на нѣсколько мгновеній счастливая, каждый разъ вновь пораженная красотой круглой комнаты съ радужнымъ сводомъ, горящимъ надъ головой чистѣйшими красками. Глядя изъ этого страннаго, горячаго освѣщенія на торжественную картину лѣтняго неба, охваченная меланхолическимъ ропотомъ лѣса, Анна съ трудомъ сознаетъ себя въ томъ же самомъ Залѣсьѣ, гдѣ съ утра и до ночи кипитъ хлопотливая, мелочная суета обширнаго хозяйства и большой малолѣтней семьи. Совершенно помимо сознанія живетъ упорное ощущеніе, будто здѣсь она находится на огромной высотѣ, хоть она прекрасно знаетъ, что высота эта ничтожная. Будь павильонъ выдвинутъ еще на нѣсколько саженей впередъ, и все очарованіе исчезло бы: тогда былъ бы видѣнъ весь скатъ, заросшій лѣсомъ, и рѣка, и поля на противоположномъ берегу—вся красивая, но обыденная картина родного простора. Кто построилъ именно въ этомъ мѣстѣ старый павильонъ? Кто уловилъ ту точку, на которой возможна странная иллюзія?

Романическая легенда переплетается въ воображеніи дѣвушки съ поэтическими и яркими впечатлѣніями недавняго прошлаго. На ея холстахъ набросаны эскизы будущихъ картинъ. Въ тетрадяхъ пестрѣютъ коротенькія строчки стиховъ, воспроизводящихъ на разные лады старое сказаніе. На піанино валяются рукописные листки ея романсовъ и балладъ. Чтó стала бы она дѣлать безъ своего павильона? Все это—начатыя картины, некон-

ченныя поэмы, незамысловатыя мелодіи — все это пока не существуетъ для остального міра; все возможно, имѣетъ значеніе и будущность только здѣсь, въ этомъ особенномъ, фантастическомъ мірѣ, искусственно приподнятомъ надъ обыденной жизнью, кипящей вокругъ.

Но картины всегда остаются въ эскизахъ. На видномъ мѣстѣ красуется недурной гипсовый бюстъ покойнаго Голубина, вылѣпленный Анной въ шестнадцать лѣтъ. За этотъ бюстъ дядя подарилъ ей мраморную Музу. За этотъ бюстъ ее провозгласили „талантомъ", ей устраивали настоящія оваціи въ дружескомъ артистическомъ кружкѣ.

Одно небольшое стихотвореніе было прочитано Анной съ эстрады въ концертѣ, данномъ въ пользу осиротѣвшей семьи. Было сдѣлано множество репетицій; общими силами придуманъ былъ восхитительный, аллегорическій нарядъ. Стихотвореніе было повергнуто на судъ знаменитаго писателя и предварительно прочитано для юнаго автора извѣстнымъ декламаторомъ. Потомъ стихотвореніе было напечатано въ одномъ изъ лучшихъ журналовъ.

Да, это было такъ — Анна начала свою артистическую дѣятельность прямо съ тріумфовъ. Впрочемъ, въ то время это не смущало и не поражало ее. Это была для нея атмосфера вполнѣ привычная и обыденная — атмосфера славы, извѣстности. Тѣ вершины ограниченнаго, избраннаго мірка, откуда подниматься дальше некуда, выше котораго сіяютъ неугасимыми свѣчами только безсмертныя, міровыя имена... Въ кружкѣ знаменитаго Голубина почти не появлялись люди иныхъ профессій. Его друзья, соперники, его ученики, поклонники и враги были только артисты; тѣ, на комъ сосредоточено вниманіе образованнаго общества; въ чьихъ рукахъ мѣра его эстетическихъ наслажденій; кому оно предъявляетъ свои жадныя требованія, съ кого взыскиваетъ безпощадно свои разочарованія.

Но для племянницы Голубина это были не знаменитости, а милѣйшіе Иваны Иванычи и чудаки Петры Матвѣичи. Всѣ ласкали, поощряли и баловали интересную, даровитую дѣвочку. Ей открыта была закулисная сторона этого міра. Она знала о неудачахъ и промахахъ, которые навсегда остаются тайной для непосвященныхъ; она видѣла весь будничный переполохъ предварительныхъ хлопотъ и трудовъ, предшествующій неизбѣжно каждому торжеству; всѣ интриги, ссоры, несчастныя случайности и мучительныя сомнѣнія, всѣ тысячи терзаній, черезъ какія пройдетъ артистъ, прежде чѣмъ броситъ въ толпу плодъ своего ума

и сердца. Прижавшись хорошенькой головкой къ плечу дяди, Анна слушала чтенія по рукописямъ. Въ мастерскихъ и студіяхъ она критиковала картины въ эскизахъ и статуи въ моделяхъ. Она слышала всѣхъ лучшихъ музыкантовъ въ собственной гостиной и передъ всѣми должна была пѣть своимъ небольшимъ, но трогательнымъ голоскомъ любимыя дядины пѣсни. Ей все давалось: она могла рисовать, лѣпить, слагать стихи и мелодіи, у нея былъ тонкій вкусъ и вѣрный глазъ. Бюстъ дяди, виды Залѣсья и напечатанное стихотвореніе были несомнѣнно удачные и многообѣщающіе первые шаги. Но что же было дальше?..

Дальше ни одинъ бюстъ не былъ оконченъ; никто не видалъ готовой картины; оригинальная подпись: „Муза", никогда больше не появлялась въ печати. Странное положеніе занимала эта дѣвочка—пріемное дитя артистической семьи—между законченными и возмужалыми талантами, давно оставившими за плечами скучную школу. Ея учителями были все знаменитости, случайно, урывками дававшія свои указанія. Ее такъ много хвалили, что не только ей самой, но и ея руководителямъ казалось, что учиться ей много нечему; что она умна достаточно чужимъ опытомъ, научена драгоцѣнными примѣрами, щедро разсыпанными вокругъ. Анна черезъ-чуръ рано стала утонченнымъ критикомъ, для того чтобы оставаться смиренной и неунывающей ученицей.

Въ ея лицѣ оказывалось вниманіе почтенному собрату, имѣвшему слабость видѣть въ своей любимицѣ геніальные задатки. Анночка Голубина, „нашъ голубокъ", какъ ее прозвали, была забавой и украшеніемъ кружка. Дядя звалъ ее: „моя Муза". За послѣдніе годы онъ не начиналъ ни одной работы, не подѣлившись съ нею тѣми еще смутными мыслями и образами, которые предшествуютъ творчеству и которыми обыкновенно ни съ кѣмъ не дѣлятся; въ большой, роскошной мастерской, на низкой оттоманкѣ у пылающаго камина Анна подслушивала самыя сокровенныя тайны искусства. Она стала ему необходима. Старый художникъ говорилъ съ нею какъ съ самимъ собой. Ея молодое одушевленіе, ея непочатый пылъ подогрѣвали и въ немъ ослабѣвающую энергію, разжигали увлеченіе, начинавшее остывать.

— А!! мы еще поборемся!!. А!! мы еще поработаемъ не хуже другихъ,—вѣдь такъ, мой голубокъ? такъ, моя Муза? – спрашивалъ старикъ, волнуясь снова блаженнымъ, ни съ чѣмъ несравнимымъ волненіемъ артиста, ради котораго люди выносятъ всѣ муки, всѣ терніи, всѣ разочарованія своего пути.

Анна была какъ будто причастна его трудамъ, успѣхамъ, его славѣ. Частица ея души была въ его твореніяхъ. На ней

обрывалась его досада при неудачахъ; ей было первое восторженное объятіе торжества. Знаменитая мастерская также не могла обойтись безъ своей Музы, какъ не могла Анна вообразить для себя другой жизни.

Эта другая жизнь настала. Все оборвалось мгновенно: художникъ умеръ съ ея именемъ на устахъ. Мишель увезъ въ Залѣсье обезумѣвшую отъ горя Анну.

VIII.

Анна сидѣла у себя въ павильонѣ. Передъ нею стояла горничная Даша, больше недѣли какъ откомандированная во флигель къ Строеву. Импровизированная няня уложила спать маленькую Шуру и воспользовалась свободной минуткой, чтобы сбѣгать въ павильонъ отвести душу. Обѣщанная старуха-нянька все не пріѣзжала изъ города, и Даша теряла послѣднее терпѣніе; она не ожидала, что ей придется такъ продолжительно заслуживать нарядное платье, обѣщанное барышней.

— Нѣтъ, барышня, озолотите вы меня, такъ я у него служить не останусь! Ну, двадцать рублей жалованья на мѣсяцъ положите, и то не надо! Вотъ сейчасъ умереть, не вру.

— Да ты мнѣ объясни... Ну, растолкуй понятнѣе, отчего же это такъ? Для чего ты все клянешься...

— Ахъ, Господи Боже мой!... Ну, одно слово, удавиться впору съ тоски!

— Какого же тебѣ веселья надо? вѣрно съ ребенкомъ возиться скучно?

— Еще бы, съ этакимъ сокровищемъ сладко ли няньчиться? Вѣдь это не то, что наши дѣти... Да наша Вавочка—просто ангелъ, херувимъ передъ этой!

— Она больная.

— Не все и больная, барышня. Капризница, мочи нѣтъ.

— Ты же говорила мнѣ, что она лучше стала?

— Лучше, ужъ это могу сказать. Я, знаете, милая барышня, просто времени ей не даю привередничать. Такъ вотъ колесомъ и хожу передъ нею!

— Ты ее этакъ еще хуже избалуешь, Даша.

— А я думаю, можетъ, она у меня отъучится ревѣть да злиться—забудетъ!..—разсмѣялась дѣвушка, блеснувъ цѣлымъ рядомъ здоровыхъ крупныхъ зубовъ:—Да только скука-то вѣдь не отъ нея... а... ну, словно вотъ покойникъ въ домѣ...

— Баринъ, значитъ?—проговорила задумчиво Анна: — Сердитый?

— Чего ему сердиться на меня? Вѣжливый такой.—„Я, говоритъ, вамъ, Даша, премного обязанъ. Я васъ отблагодарю"... А плевать я хотѣла и на благодарность-то его! кабы только это не для васъ, Анна Владиміровна...

— Какъ это глупо, Даша!—вспылила Анна:—Сама же говоришь: благодаритъ...

— А мнѣ что ли легче съ того? Я вотъ боюсь его и все!.. Ну, не смѣю и не смѣю... Сама на себя дивлюсь. Кажется, я не робкая!..

Анна съ любопытствомъ ловила ея слова.

— Знаете, барышня... блуждаетъ это по комнатамъ, словно мѣста себѣ не найдетъ... Душа тоскуетъ смотрѣть на него. И все-то молчитъ! Ну, какъ не человѣкъ какой!

Даша понизила голосъ, раскрыла круглые глаза и съ видимымъ напряженіемъ пыталась формулировать свое впечатлѣніе.

— Съ кѣмъ же ему разговаривать?—вставила такъ же тихо Анна.

— Правда, что не съ кѣмъ,—а все-таки живой человѣкъ окажется... Ну... пѣсню когда мурлыкалъ бы себѣ подъ носъ, что ли!—досказала дѣвушка, и тутъ же сама надъ собой фыркнула: — Ей Богу, грѣхъ съ нимъ!.. Цѣльный день вотъ и слушаешь: гдѣ онъ да что... Чудное дѣло! отчего же это такъ, барышня?

— Не знаю, Даша.. Что же онъ дѣлаетъ цѣлый день?

— Ничего!—съ убѣжденіемъ тряхнула головой дѣвушка.

— Читаетъ, вѣрно?

— И не читаетъ. Книжку въ рукахъ носитъ, это такъ, а я вижу, что не читаетъ. Нарочно примѣчаю. Думаетъ. Вотъ оттого-то, барышня милая, и нехорошо на него смотрѣть...

— Что думаетъ?.. что же тутъ дурного?!

— Да ужъ о добромъ такъ не думаютъ, это всякій видитъ. Это вамъ какъ угодно, а только выходитъ правда то, что̀ люди говорятъ про него: будто онъ жену свою извелъ. Вотъ спокою ему и нѣту.

— Ты почемъ знаешь?! тебѣ кто сказалъ?! — вскочила въ ужасѣ Анна.

— Вѣдь и мы тоже не глухіе. Слышимъ, поди, что̀ господа между собой толкуютъ.

— Такъ, стало быть, вы должны были слышать и то, что это клевета, безбожная клевета! Понимаешь ты—ложь? Ну, да:

его судили и оправдали. Оправданъ онъ, понимаешь ты? Оправданъ!!.

„Вотъ хороши—услугу оказали!!" проносилось въ смятеніи въ ея умѣ.

— Не всѣхъ обвиняютъ, другихъ и оправдываютъ,—замѣтила уклончиво Даша.

— Правъ, такъ и оправдываютъ.

— У насъ въ деревнѣ мужикъ мельницу сжегъ. Всѣ знали, весь міръ зналъ, что сжегъ. А на судѣ оправили.

— Даша, это глупо и грѣшно такъ разсуждать. Надо вѣрно знать, чтобы подозрѣвать человѣка въ такомъ ужасѣ... Родные жены его оклеветали изъ-за наслѣдства, понимаешь? изъ-за денегъ. Она сама нечаянно отравилась, слышишь ты? нечаянно! сама!

— Что же спокою-то ему нѣту? Это отчего? небось сами видите, какіе глаза у него...

— Глаза какъ глаза. Радоваться тоже нечему... Напраслину терпѣть легко, по твоему? Судъ оправдалъ, а люди вотъ какъ ты же разсуждаютъ... Онъ человѣкъ гордый. Я думала, Даша, что ты добрая дѣвушка...

— Да я-то почемъ знаю! Тетка Анисья говоритъ: ему, должно быть, по ночамъ видится, вотъ онъ потомъ и ходитъ самъ не свой... Ужъ съ кѣмъ хоть разъ такое случится, тому послѣ ни въ жизнь не улыбнуться, это ужъ вѣрно!

Анна всплеснула руками въ безсильномъ отчаяніи. Что̀ можно сдѣлать противъ этого? Противъ толковъ и пересудовъ, которые шепчутъ другъ другу по кухнямъ, по людскимъ... Что̀ придумать, когда совѣсть человѣка становится добычей легковѣрныхъ, темныхъ умовъ?

Даша ушла изъ павильона, ни на волосъ не поколебленная въ своихъ умозаключеніяхъ. Анна всего яснѣе поняла это изъ тѣхъ внезапныхъ поддакиваній и увертокъ, къ которымъ круто перешла ея неподатливая собесѣдница, чтобы только поскорѣе избавиться отъ ея отчитываній.

— Вотъ нанесла нелегкая, прости Господи! Мѣста ему на землѣ не было, окромя что наше Залѣсье! — ворчала дѣвушка, сбѣгая стремглавъ по каменной лѣсенкѣ, чтобы, чего добраго, барышня не вздумала вернуть ее и не принялась бы снова отчитывать съ такимъ жаромъ, точно самой ей нивѣсть какая корысть въ этомъ жильцѣ.

Анна въ волненіи ходила по комнатѣ. Никогда еще странная судьба Строева не вставала передъ нею такъ ярко и

рельефно. Внѣшняя сторона его біографіи была ей извѣстна изъ разсказовъ брата, любившаго вспоминать ихъ общую юность. Семья Голубиныхъ пріютила одинокаго мальчика въ память старой дружбы отцовъ; существовало къ тому же какое-то очень отдаленное родство. Они росли братьями, но Мишель всегда игралъ страдательную и подчиненную роль рядомъ съ способнымъ, смѣлымъ и надменнымъ Сережей. Глядя на нихъ, никто не сказалъ бы, что скромный и великодушный Голубинъ — будущій владѣлецъ Залѣсья и единственный сынъ семьи, а его деспотическій и безцеремонный менторъ — только сирота, принятый въ чужой домъ. Отпечатокъ зависимости и приниженности не могъ пристать къ такой натурѣ. Въ школѣ Строевъ быстро выдѣлился изъ ученической толпы своими успѣхами, но такъ же быстро и безповоротно сталъ ей антипатиченъ безмѣрнымъ тщеславіемъ и самодовольствомъ, своими честолюбивыми мечтами и не-дѣтски разумными цѣлями. Одинъ Мишель попрежнему обожалъ его, какъ иногда порабощенный можетъ обожать давящее его превосходство. Онъ благородно восхищался въ немъ всѣмъ тѣмъ, чего недоставало ему самому; онъ великодушно помнилъ во всѣхъ столкновеніяхъ, что Сережу некому любить, кромѣ него. Онъ привыкъ все прощать ему, онъ имъ любовался, гордился и былъ гораздо больше занятъ его будущностью, чѣмъ своей собственной. Тѣмъ не менѣе, по выходѣ изъ училища, товарищи разошлись очень скоро. Голубинъ, прослуживъ недолго въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ, женился и уѣхалъ хозяйничать въ имѣніи. Строевъ поступилъ на службу въ одно изъ министерствъ и съ первыхъ шаговъ былъ лестно отмѣченъ... Менѣе чѣмъ въ десятокъ лѣтъ онъ сдѣлалъ одну изъ тѣхъ исключительныхъ карьеръ, которыя ставятъ человѣка на виду у всѣхъ. Его назначеніе въ провинцію надѣлало шуму. — „Сережа-то мой! министромъ будетъ, того и гляди!“ — искренно гордился Голубинъ, когда до него доходили вѣсти о новыхъ и новыхъ успѣхахъ. Старые друзья переписывались рѣдко; одинъ — по лѣни, другой — по невозможности передать все то, чѣмъ онъ жилъ. Однакожъ, вскорѣ послѣ отъѣзда въ провинцію, въ Залѣсьѣ получилось письмо, въ которомъ Строевъ сообщалъ о своей женитьбѣ: его жена добра, умна, богата — фортуна по прежнему продолжаетъ осыпать его своими щедротами. Вотъ когда Мишель былъ въ истинномъ восторгѣ! Этого одного Строеву недоставало, по его мнѣнію.

Черезъ годъ съ небольшимъ Голубинъ былъ пораженъ какъ громомъ газетной депешей, разнесшей по свѣту порази-

тельную вѣсть: лицо высокопоставленное, одинъ изъ видныхъ молодыхъ дѣятелей, подававшій самыя блестящія надежды на поприщѣ служенія отечеству, обвинялся въ возмутительномъ преступленіи: въ отравленіи своей жены. Прежняя великодушная, самоотверженная дружба воскресла въ сердцѣ Мишеля. Оно обливалось кровью и пылало гнѣвомъ не за высокопоставленнаго счастливца, ему чужого и неизвѣстнаго, а за прежняго одинокаго, строптиваго мальчика, который заставлялъ его собственное ребяческое сердце переживать и восторги, и обиды, и любовь...

Голубинъ не могъ добиться отвѣта на всѣ свои письма и депеши. Онъ вынужденъ былъ, наравнѣ со всѣми, довольствоваться сухими газетными телеграммами да пространными и фантастическими газетными комментаріями. Въ то время, быть можетъ, въ одномъ только Залѣсьѣ не поколебалась ни на мигъ вѣра въ правоту Строева. Здѣсь переживались съ лихорадочнымъ напряженіемъ всѣ перипетіи борьбы; здѣсь сердца надрывались негодованіемъ передъ возмутительнымъ зрѣлищемъ того, какъ близкое имя, вчера еще окруженное почетомъ, терзалось безпощадно самозванными церберами общественной совѣсти, всегда готовыми накинуться, какъ на желанную добычу, на всякую новую жертву: эффектный процессъ давалъ такую богатую пищу изощренной фантазіи, такую благодарную работу перьямъ! Личность обвиняемаго быстро выросла до фантастическихъ размѣровъ какого-то легендарнаго злодѣя. Въ своемъ авторскомъ размахѣ увлекшіеся корреспонденты ловили на-лету всѣ нелѣпости, распускаемыя противной стороной, забывая второпяхъ (почта не ждетъ) согласовать плоды своего воображенія хотя бы съ самыми элементарными данными дѣйствительности. Они сыпали сарказмами, блестящими догадками и широкими обобщеніями; они взапуски блистали эрудиціей, щеголяли познаніями юридическими, историческими, соціалистическими, экономическими, физіологическими, психіатрическими и всякими иными. Въ распаленныя головы, видимо, вовсе не залетала только одна простая мысль: что всѣ эти драгоцѣнныя, но опасныя блестки вдохновенія падаютъ не только на бѣлые листы истребляемой бумаги, но тамъ, гдѣ-то, внѣ сферы ихъ наблюденій, ложатся страшнымъ грузомъ на живую человѣческую жизнь. Очевидныя нелѣпости никого не поражали, зато хлесткія статьи читались на-расхватъ, остроумныя характеристики запоминались легко, а высокое общественное положеніе обвиняемаго придавало особенную пикантность всему дѣлу.

Коротенькая депеша разнесла по свѣту оправдательный вердиктъ присяжныхъ. Это никого не смутило. Черезъ день никто

больше не интересовался Строевымъ. Органы общественнаго мнѣнія совершили „простой переходъ къ очереднымъ дѣламъ". Вся путаница легкомысленныхъ вымысловъ и голословныхъ выводовъ безъ малѣйшаго затрудненія канула въ Лету, предоставляя памятовать о себѣ лишь тому живому существу, которому предстояло продолжать жить на бѣломъ свѣтѣ и послѣ того, какъ закончилась его роль любопытнаго объекта. Неугасимый вулканъ гражданскаго негодованія и громы олимпійскаго краснорѣчія стирали съ лица земли уже новую случайную жертву, съ той же достовѣрностью, съ той же самоувѣренностью, съ тѣмъ же, разъ навсегда готовымъ паѳосомъ: *довлѣетъ дневи злоба его.*

Въ мирномъ Залѣсьѣ страстно переживали всѣ страхи и надежды загадочнаго процесса; но оправданіе, въ которое вѣрили, о которомъ горячо молились, принесло лишь мгновенную радость. Если надъ человѣкомъ обрушится внезапно крыша его дома, то онъ крестится отъ радости, что успѣлъ выскочить живымъ. Но черезъ минуту онъ же будетъ рвать на себѣ волосы передъ гибелью своего достоянія. Въ результатѣ для каждаго очевидно предстала разбитая жизнь, полное крушеніе всѣхъ блестящихъ надеждъ и начинаній.

Строевъ вторую недѣлю живетъ въ Залѣсьѣ. Аннѣ казалось, что только теперь, узнавъ его лично, встрѣчаясь съ нимъ каждый день, она измѣрила всю глубину несчастія, съ особенной же ясностью, именно въ эту минуту, послѣ легкомысленной болтовни дѣвушки Даши. Кинулась въ глаза непоправимость зла. Сомнѣніе, брошенное разъ въ человѣческую душу, никогда не умираетъ,—въ этомъ отличительное, роковое свойство сомнѣнія.—„Можетъ, такъ это было, а можетъ и нѣтъ!" — подумаетъ невольно иной, почувствовавъ себя неловко и непріятно въ обществѣ мрачнаго человѣка...—„Чтò у тебя на душѣ? кто тебя знаетъ!" — придетъ на умъ и не одной горничной Дашѣ, при встрѣчѣ съ тяжелымъ, ни отъ чего не мѣняющимся взглядомъ оправданнаго убійцы. Одинъ по злобѣ, другой по легкомыслію, третій просто отъ случайной досады. „Да, въ этомъ главное!—думала пылко Анна:—жену забываютъ... новую дѣятельность можно найти, создать... Пережитое отходитъ неизбѣжно дальше и дальше, но вотъ этого—готоваго оружія въ каждой непріязненной рукѣ —этого ни перемѣнить, ни поправить нельзя! Надъ жизнью такого человѣка будетъ вѣчно тяготѣть тайна, зарытая въ могилу". Живо, всѣмъ своимъ существомъ, впечатлительнымъ и чуткимъ, Анна понимала, какъ подъ гнетомъ этого на вѣки непоправимаго, рокового онъ склоняется въ безсиліи. Онъ уходитъ весь въ жадное,

ненасытное созерцаніе поразившаго удара, безучастный ко всему, покончившій разомъ всѣ свои счеты съ жизнью,—старикъ въ свои тридцать-пять лѣтъ...

И въ ея женской душѣ вставала еще не надежда, но жуткая и волнующая рѣшимость побороть невольное стѣсненіе и подойти ближе къ этому разбитому существованію. Принести ему въ даръ весь жаръ пылкаго женскаго сочувствія, надежную опору возвышеннаго и благороднаго ума, всѣ сокровища женской нѣжности, все очарованіе молодости. Можетъ ли все это оказаться безсильнымъ? Неужели мракъ и ужасъ прошлаго пересилятъ живую мощь настоящаго?

Ей это казалось невѣроятнымъ. Непочатыя силы кипѣли ключомъ. Великодушная задача примирить съ жизнью существо, сраженное незаслуженнымъ ударомъ, вставала впереди все настоятельнѣе, полонила душу незнакомымъ, жуткимъ и радостнымъ волненіемъ. Въ первый разъ послѣ смерти дяди Анна перестала тяготиться своимъ существованіемъ; перестала сравнивать ежеминутно невозвратное прошлое, съ его блескомъ и возвышенными интересами, съ окружавшей ее теперь будничной, узко-эгоистической жизнью счастливой семьи, гдѣ царила красивая Маня. Ея безцвѣтная жизнь получила, наконецъ, серьезный смыслъ. .

IX.

Между тѣмъ всѣ усилія Мишеля были направлены на то, чтобы выбиться изъ состоянія виновности, въ какое повергъ его самовластный поступокъ. Виновность передъ Маней въ такой мѣрѣ отравляла существованіе мужу, что онъ терялъ способность жить другими мыслями и ощущеніями, до тѣхъ поръ, пока надъ нимъ тяготѣлъ этотъ гнетъ. Въ полѣ, на работахъ, въ лѣсу или на рѣкѣ, верхомъ на лошади или въ конторѣ съ приказчикомъ Мишель вездѣ помнилъ, что у него „неблагополучно“. Онъ не могъ забыть этого ни на минуту; съ этимъ ощущеніемъ онъ ходилъ, говорилъ, ѣлъ и спалъ. А между тѣмъ гнетъ бывалъ почти неуловимъ, и часто другіе, даже чуткая Анна, вовсе не замѣчали его. Со стороны нельзя было понять, почему послѣ безпричинной, продолжительной апатіи хозяинъ Залѣсья такъ же внезапно и безпричинно расцвѣталъ и вновь сіялъ своей тихой лаской, покорявшей ему всѣ сердца.

Въ сущности, Маня больше ужъ и не пилила мужа; но вся жизнь Залѣсья проходила какъ бы связанная присутствіемъ чужого

человѣка, несмотря на то, что человѣкъ этотъ появлялся только къ завтраку и обѣду, а остальной день проводилъ у себя во флигелѣ или совершалъ одинокія прогулки, никому не попадаясь на глаза. Тѣмъ не менѣе, онъ занималъ всѣ умы. Его каждый шагъ, каждое слово, передавались и комментировались съ жаднымъ любопытствомъ. Всѣ какъ будто ждали отъ него чего-то особеннаго, и это мѣшало имъ съ прежней беззаботностью отдаваться собственнымъ интересамъ.

Марьѣ Павловнѣ то-и-дѣло приходилось водворять миръ среди дѣтей; тамъ возникали нескончаемыя ссоры съ Шурой, требовавшей для себя всего того, чтó ей запрещалось, но чтò было доступно рѣзвымъ и здоровымъ дѣтямъ Голубина. Пока общество дѣтей служило для больной сиротки только источникомъ новыхъ огорченій и зависти; разумѣется, все это наполняло домъ дрязгами и жалобами. Анна, задумчивая и разсѣянная, пропадала у себя въ павильонѣ. Даже Ожогинъ пропустилъ ужъ два срока и не показывался въ Залѣсье.

Несноснѣе всѣхъ приходилось Мишелю. Правда, выдавались такія счастливыя минуты, когда ничто не мѣшало бы супругамъ отвести душу другъ съ другомъ. Повидимому, все было совершенно такъ же, какъ и въ другія, счастливыя времена: такъ же передъ вечернимъ чаемъ старшія дѣти ушли гулять въ поле; grand'maman распрощалась до слѣдующаго дня, и Мишель собственноручно докатилъ ея кресло до ея отдѣльнаго маленькаго домика; крошечная Вавочка только-что заснула. Въ домѣ и въ саду царитъ отрадная тишина. Можно сказать навѣрное, что, обойдя весь домъ, не встрѣтишь нигдѣ живой души; даже нянька, увѣренная, что ея питомица теперь не проснется, махнула туда же, за кухню, гдѣ у досчатаго стола, подъ березками, прислуга распиваетъ чаи, пользуясь коротенькой передышкой въ своихъ назойливыхъ обязанностяхъ. Оттуда по вѣтру порой доносятся веселыя взвизгиванія и звуки гармоники.

Въ такія минуты невозможны никакія самообольщенія: Мишель чувствуетъ, что онъ все еще виноватъ. Онъ не можетъ уловить никакого благопріятнаго признака, который бы свидѣтельствовалъ, что напряженіе этой виновности ослабѣваетъ. Этотъ атлетъ, съ тяжелыми, лѣнивыми движеніями, съ скрытой мощью въ каждомъ фибрѣ своего крупнаго красиваго тѣла, былъ, какъ женщина, чутокъ къ малѣйшимъ оттѣнкамъ настроенія. Онъ давно изучилъ всѣ мельчайшія детали того, чтò коротко называетъ своимъ „несчастіемъ“. Мишель мысленно всегда употребляетъ именно это выраженіе:—„А вѣдь какъ я былъ счаст-

ливъ еще вчера!“ или: „Ну, теперь надолго начнется несчастіе!“ Для него этимъ все сказано.

Не совершенно ли ясно, что несчастіе еще не кончилось, если Маня продолжаетъ сидѣть у окна въ столовой, вмѣсто того, чтобы бросить работу и перебраться къ нему на кожаный диванъ, гдѣ они имѣютъ обыкновеніе сообща обсуждать и рѣшать всѣ свои дѣла. То, что̀ рѣшается на кожаномъ диванѣ, всегда рѣшено просто, ясно и любовно.

Но Маня сидитъ у окна и продолжаетъ шить, хоть солнце садится. Въ это время она работаетъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда недовольна мужемъ. Теперь она также каждый день къ обѣду переодѣвается въ платье и такъ остается до вечера, хоть она знаетъ, что онъ привыкъ и любитъ ее лучше въ капотахъ. Все это безчисленные, микроскопическіе симптомы „несчастія“.

Бѣлая, полная ручка дѣлаетъ равномѣрные и плавные взмахи въ воздухѣ, наперстокъ блеститъ въ лучахъ заката. Теплые, косые лучи золотятъ русую косу, дѣлаютъ прозрачной розовую кожу, отчетливо вырисовываютъ волнистые изгибы пышной фигуры. Мишель молча, издали, разглядываетъ жену печальными глазами. Не потому, чтобы ему не хотѣлось разговаривать, но... стоитъ ли напоминать ей, что пора бросить шитье, когда она дѣлаетъ это намѣренно? Въ періоды несчастія въ поступкахъ Мани все намѣренно; это-то и угнетаетъ Мишеля всего больше.

Мишель молчалъ и думалъ, что когда зло непоправимо, то здравый смыслъ велитъ облегчать его по возможности, но отнюдь не усугублять добровольно. Если у нихъ и безъ того мало покоя, то плохой разсчетъ не пользоваться и этимъ немногимъ. Неопровержимо!—но женщины поступаютъ какъ разъ обратно. Нелѣпо!—но однако этимъ нелѣпымъ способомъ онѣ достигаютъ очень многаго. Онъ невольно протяжно вздохнулъ и всталъ, чтобы закурить новую сигару.

Жена подняла глаза и прослѣдила, какъ онъ шарилъ спички на карнизѣ большой изразцовой печки.

— Спички на столѣ, — указала она концомъ маленькихъ ножницъ, которыя держала въ рукѣ.

— Ты кончишь сегодня шить?—послышалось изъ-за перваго облака дыма.

— Я еще вижу.

Мишель усѣлся въ прежней унылой позѣ. Съ своей стороны онъ предпочиталъ бурныя сцены съ возгласами и жестами—онѣ имѣютъ неоцѣненное преимущество кратковременности. Но бурныя сцены совсѣмъ не въ характерѣ спокойной Мани. У нея

до нихъ доходитъ дѣло лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, и она потомъ вспоминаетъ объ этомъ съ неподдѣльнымъ стыдомъ и раскаяніемъ. Маня—кроткая женщина. Это онъ, при всей своей добротѣ и флегмѣ, всегда готовъ вспылить и нашумѣть изъ-за сущихъ пустяковъ, не испытывая къ тому же ни стыда, ни раскаянія. Не происходитъ ли это оттого именно, что Мишелю близко знакомъ этотъ другой, мирный способъ проявлять свое неудовольствіе, способъ, доставляющій людямъ привлекательную репутацію кротости?

Маня неожиданно поднялась съ своего мѣста, но оживленіе ея мужа оказалось преждевременнымъ: молодая женщина неспѣша разложила свою работу на столѣ, сколола ее булавками, которыя разыскала у себя на груди, нѣсколько секундъ старательно что-то вытягивала и уравнивала, что̀-то обрѣзала ножницами, и потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, сѣла на прежнее мѣсто и вдѣла въ иглу новую нитку.

Голубинъ изо всей силы затянулся сигарой, пунцовый поднялся съ мѣста и принялся ходить взадъ и впередъ, наискосокъ отъ дивана до печки. Маня не имѣла мѣщанской привычки дуться.

— Какое сегодня число?—спросила она любезно, вскинувъ на секунду голубые глаза.

— Число?—повторилъ Мишель, хмурясь:—пятое.

— Неужели только еще пятое!

— Когда меня мальчишкой сажали въ карцеръ, для меня полдня равнялось цѣлой недѣлѣ. Только у самыхъ злыхъ учителей было меньше выдержки, чѣмъ у тебя.

Въ его голосѣ начинала прорываться внезапная хриплость, значеніе которой было хорошо извѣстно имъ обоимъ.

— Что̀ ты хочешь этимъ сказать?—спросила Маня, пригибаясь къ работѣ.

Мишель внезапно измѣнилъ направленіе своей прогулки; онъ подошелъ къ окну и остановился надъ нею:

— Что я хочу этимъ сказать??..

Онъ ошибся, если разсчитывалъ сразить ее единственно интонаціей своего восклицанія. Маня подняла невиннѣйшее въ мірѣ лицо, поморгала учащенно глазами и проговорила съ недоумѣвающей улыбкой:

— Вотъ именно!

Голубинъ помоталъ короткой шеей и оттянулъ рукой воротъ рубашки, который начиналъ безпокоить его. Онъ воздерживался изъ послѣдняго запаса самообладанія. Ему была слишкомъ хорошо извѣстна вся невыгода бурныхъ выходокъ: онъ могъ потомъ

сколько угодно отстаивать свою правоту, изъ глубины совѣсти, знавшей мѣру собственной искренности,—для другихъ человѣкъ, возвышающій голосъ, всегда будетъ виноватъ, если имъ такъ угодно. Мишель не хотѣлъ ухудшать своихъ шансовъ. Онъ снова отправился въ уголъ, нѣсколькими усиленными затяжками докончилъ свою сигару и бросилъ окурокъ въ печку.

Звякнувшая заслонка заставила Маню взглянуть на него. Въ глубинѣ ея глазъ промелькнуло оживленіе; но когда мужъ вернулся къ ней, старательно умѣряя свои шаги, — русая головка попрежнему склонялась внимательно надъ работой.

— Желаешь ты, чтобы я объяснился со Строевымъ и попросилъ его уѣхать?

Вотъ когда онъ достигъ, наконецъ, своего: Маня подпрыгнула на мѣстѣ.

— Ты съ ума сошелъ! (она быстро взглянула въ окно):—ну, еслибъ случайно онъ проходилъ въ эту минуту по саду?

— Онъ бы услыхалъ правду. Что же ты думаешь—онъ настолько тупъ, что не почувствуетъ ее рано или поздно? Я не могу такъ жить! (уже жестикулировалъ Мишель)—ты это прекрасно знаешь—не могу! Прекрасно! потому ты и мучишь меня. Чего ты хочешь? теперь ужъ нельзя передѣлать, это не въ моей власти... Нѣтъ, тебѣ угодно, чтобы я во что бы то ни стало согласился съ тобой, сказалъ тебѣ: „ты была права, мнѣ не слѣдовало приглашать его“. Этого тебѣ хочется?.. этого?!.. Господи Боже мой... я могу сказать, если это тебя утѣшитъ, могу солгать! Но моя совѣсть—совѣсть не позволяетъ мнѣ! У него нѣтъ никого ближе нашей семьи. У каждаго человѣка свои связи, и добрая жена обязана—да, обязана уважать ихъ, если ей даже и не нравится!!!..

Мишель размахивалъ руками; могучій голосъ разносился по безмолвному дому, вырывался въ открытое окно. Первымъ движеніемъ Мани было захлопнуть раму.

— Я тебя прошу...—начала-было она, но Мишель еще не кончилъ, и она замолчала.

— Во всякомъ случаѣ, это такъ! Теперь важно только, чтобы, желая добра, я вмѣсто того не испортилъ цѣлаго лѣта и Строеву, и себѣ, и своей семьѣ... Но это уже зависитъ отъ тебя! —только отъ тебя, Маня!

— Ты кончилъ или мнѣ подождать еще? Я не въ состояніи перекричать тебя...

Голубинъ махнулъ рукой и опустился грузно на старое мѣсто въ углу дивана. Ему было не менѣе горько, только прежней горяч-

ности не хватило бы больше и на одинъ возгласъ. Было что-то парализующее въ манерѣ Мани принимать его вспышки, главнымъ образомъ, потому, что это былъ пріемъ одинъ и тотъ же, выработанный разъ навсегда. Дѣланное спокойствіе ложилось леденящимъ гнетомъ на взволнованную душу. На него вдругъ нападало уныніе,—то уныніе, которое испытываетъ солдатъ, выпустившій съ увлеченіемъ половину своихъ зарядовъ и открывающій внезапно, что оружіе его противника бьетъ гораздо дальше: его заряды не долетаютъ.

— Теперь я попрошу сказать, чѣмъ именно ты недоволенъ мной? — заговорила спокойно Маня, и долго, пространно и неопровержимо доказывала, что причина всему онъ самъ, да еще несносный характеръ Строева, съ которымъ даже и ему не удается до сихъ поръ сойтись дружески. Ужъ не желаетъ ли онъ, чтобы она разсыпáлась въ любезностяхъ передъ этимъ господиномъ, который на нее не обращаетъ никакого вниманія?..

— Ты прекрасно понимаешь, что я говорю вовсе не объ этомъ!—перекричалъ ее Мишель, потерявъ терпѣніе.

— О, въ такомъ случаѣ, о чемъ же мы говоримъ?

Неуловимая игра въ лицѣ Мани доказывала, что это праздный вопросъ съ ея стороны. Выраженіе ея лица смягчалось все больше, въ голубыхъ глазахъ вспыхивали лукавыя искорки.

Мишель подозрительно косился на нее черезъ отдѣлявшую ихъ половину комнаты. Тогда... изъ-за чего же все это? Кто съумѣетъ когда-нибудь примѣниться окончательно къ женщинѣ! Онъ чувствовалъ непріятную разбитость человѣка, порядкомъ натерпѣвшагося, и который начинаетъ подозрѣвать, что, въ сущности, безъ этого можно было обойтись.

— Анна идетъ!—встрепенулась Маня:—сейчасъ, значитъ, и дѣтки вернутся.

Разговоръ супруговъ остался недоконченнымъ, но въ этомъ больше не было надобности. Въ ожиданіи Анны, Маня перебралась на диванъ къ мужу, и этимъ все было сказано. Влажные голубые глаза блистали неподдѣльнымъ оживленіемъ; соблазнительная ямочка появлялась и пропадала то на щекѣ, то на подбородкѣ. Она вся раскраснѣлась и слегка растрепалась отъ пристальной работы. Она какъ будто кончила скучную обязанность и сама радовалась, что можетъ вернуть Мишелю свое благоволеніе.

Легко сказать, двѣ слишкомъ недѣли прожиты подъ гнетомъ ея немилости! Эта немилость вся цѣликомъ состоитъ изъ тѣхъ мелочей, въ которыхъ даже уличить нельзя, потому что ничего

не стоитъ тутъ же найти для нихъ оправданіе. Мягкій и благовидный отпоръ всѣмъ желаніямъ и просьбамъ. Безмолвное противорѣчіе вкусамъ, привычкамъ, давно сложившимся обычаямъ ихъ интимной жизни, которые онъ особенно цѣнилъ. Мелкія, безформенныя преслѣдованія, о которыхъ знаютъ только два лица...

Маня Голубина отнюдь не была зла, но подобныя періодическія гоненія входили въ ея супружеское міровоззрѣніе безсознательно, какъ орудіе, ей наиболѣе свойственное, въ вѣчномъ единоборствѣ двухъ разнородныхъ натуръ, поставленныхъ тѣсно на общемъ пути. Быть можетъ, даже главное обаяніе Мани заключалось въ этихъ контрастахъ, которые смѣнялись постоянно въ ея обращеніи и были направлены всѣ къ одной цѣли—поддерживать на извѣстной степени возбужденія апатичную натуру мужа. Никакая философія не могла бы снабдить лучшимъ методомъ эту хорошенькую женщину, пробавлявшуюся, однако, только безотчетными сноровками. Она возвышалась порой до настоящей виртуозности въ своемъ инстинктивномъ стремленіи полонить, поработить, поглотить въ себѣ другую натуру, столь отличную отъ ея собственной.

Еслибы кто-нибудь уличилъ Маню въ поползновеніяхъ къ деспотизму, ея негодованію не было бы предѣловъ. Она была кротка и любила своего Мишеля.

X.

— Не кричи, сдѣлай милость, Володя! И тебѣ вовсе не такъ ужъ больно. Какой стыдъ: большой мальчуганъ не можетъ уступить маленькой, больной дѣвочкѣ!

— И она не смѣетъ драться, потому что она больная!

— Развѣ она дралась?..—протянула Анна не совсѣмъ рѣшительно, единственно, чтобы выиграть время.

— Еще бы! точно ты сама не видала! Ей все позволяется и все прощается. Она такая злючка, какой никто не видалъ!

— Володя!

— Наша Вавочка, и та не смѣетъ драться.

— А еще мальчикъ! хорошъ, нечего сказать! Тебѣ ужасно какъ больно, да?

Но Володя энергичнымъ движеніемъ вырвалъ свое плечо изъ-подъ руки тетки и убѣжалъ, продолжая громко изливать свое негодованіе. Анна въ раздумьѣ смотрѣла на Шуру. Въ теченіе

четверти часа, безъ перерыва, дѣвочка плакала все съ одной и той же упрямой ноты, которая вырабатывается только у очень капризныхъ дѣтей отъ долгой практики.

Анна опустилась на траву и попыталась посадить ее около себя, но это было не такъ-то просто.

— Смотри, какіе славные цвѣточки!

Нота поднималась crescendo.

— А, вотъ жучокъ зеленый... Ты не боишься жуковъ?

— Аа!.. аа!.. аа!!..

— Я его сейчасъ поймаю... Возьми-ка, подержи мой зонтикъ.

Но зонтикъ полетѣлъ на землю, а маленькое существо осталось непреклоннымъ. Анна вытянулась во весь ростъ на травѣ въ самомъ искреннемъ усердіи захватить юркое насѣкомое. Шура не отнимала рукъ отъ лица, оберегая себя отъ искушенія какъ-нибудь нечаянно развлечься и замолчать.

— А-а!.. вотъ онъ, наконецъ!.. Смотри-ка, смотри... Хочешь, я дамъ его тебѣ?

Анна притянула къ себѣ ребенка, упиравшагося уже гораздо слабѣе, и бережно, со всѣми предосторожностями, разжала ладонь. Въ тотъ же мигъ изумрудный жучокъ понесся стремительно вверхъ по ея рукѣ и скрылся въ полуоткрытомъ рукавѣ. Анна вскрикнула и вскочила на ноги.

— Ха, ха, ха!.. Ну, натуралистъ вы, однакоже, не особенно храбрый, Анна Владиміровна!..

На лужайку, неизвѣстно откуда, выступилъ со смѣхомъ докторъ Заботинъ, въ бѣлоснѣжномъ кителѣ, новенькомъ съ иголочки. Докторъ снялъ фуражку и поспѣшно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, отдѣлявшихъ его отъ интересной группы.

— Не придти ли къ вамъ на помощь?.. Кажется, этотъ нахалъ продолжаетъ безпокоить васъ своимъ присутствіемъ?—поддразнивалъ онъ Анну, напрасно старавшуюся вытряхнуть жучка изъ рукава.

— Только смѣйте!.. Ахъ, Боже мой!.. Откуда вы взялись?.. ваша противная манера подкрадываться!..

— Я не виноватъ, что шаги не слышны на травѣ. Вы были поглощены жукомъ. Онъ васъ не кусаетъ?

Анна отворачивалась, но украдкой прислушивалась: мерещится ей, или въ самомъ дѣлѣ жучокъ продолжаетъ щекотать ей плечо? Шура, видя, что никто не занимается ея плачемъ, замолчала и съ любопытствомъ ждала, что̀ будетъ дальше. Съ докторомъ Заботинымъ Анна предпочитала быть серьезной—на

это имѣлось очень много причинъ; тѣмъ досаднѣе ей было глупое происшествіе. Докторъ былъ очень веселъ.

— Вамъ щекотно?.. По крайней мѣрѣ, я узналъ теперь, что вы ревнивы...

— Такой остроумный человѣкъ, какъ вы, обязанъ блистать на свой собственный счетъ, а не повторять избитыя пошлости.

— Почемъ знать! можетъ быть, это и не только пошлость, а мѣткое наблюденіе. Сколько научныхъ истинъ добыто этимъ простымъ путемъ! Впрочемъ... я давно, а priori, не сомнѣваюсь нисколько въ томъ, что вы страшно ревнивы.

— Не могу вамъ служить—мнѣ рѣшительно ничего неизвѣстно на эту интересную тему.

— Безмятежный миръ вашей души по прежнему ничѣмъ не нарушенъ?—выговорилъ докторъ съ оттяжкой, и это была какъ будто не простая шутка въ тонъ разговора, а серьезный вопросъ. Его проницательные глаза встрѣтились поверхъ очковъ со взглядомъ Анны, оглянувшейся невольно на неожиданный тонъ.

— Я всегда была того мнѣнія, что вы вовсе не близоруки, а носите очки, чтобы лучше маскировать глаза...

— Очки употребляютъ не одни близорукіе, Анна Владиміровна.

— Вы черезъ-чуръ дальнозорки?.. И это неправда!

— Можетъ быть, просто... зорокъ?—пошутилъ докторъ.

— Вамъ извѣстно, что не смотрятъ въ глаза только дурные люди? У васъ непріятный взглядъ, и вы его прячете.

— По крайней мѣрѣ, въ ваши глаза я смотрю всегда охотно...

Оба остались недовольны послѣдними фразами. Разговоръ о глазахъ совершенно замялъ поставленный докторомъ вопросъ. Должно быть, этотъ вопросъ продолжалъ интересовать его; онъ держался нѣсколько позади, чтобы имѣть возможность удобнѣе приглядываться къ своей спутницѣ. Его острые глаза слегка щурились за стеклами; умное сухое лицо отражало усиленную, но не отрадную работу мысли.

Анна вела Шуру за руку. Она обѣщала ей поймать завтра другого жука и посадить его въ коробочку.

— Не хочу жука... Я хочу бабочку... Володину!

— Но вѣдь ты сама же говоришь, что бабочка Володина? Она ему нужна. Володя также, какъ и ты, любитъ бабочекъ.

— Я хочу бабочку... Володину... съ красными крылышками!

Въ голосѣ Шуры появились признаки близкаго плача. Анна встревожилась.

— Хорошо, хорошо!.. Я непремѣнно поймаю тебѣ точно такую же—красную!

— Я хочу... сейчасъ... Володину...

„Не могу же я, однако, сказать ей, что отниму для нея бабочку у Володи?“

Дѣвушка прошла нѣсколько шаговъ молча, теряясь въ педагогическихъ соображеніяхъ. Шура плакала, впрочемъ, безъ особеннаго увлеченія.

— Скажите, пожалуйста, чье это милое дитя?—послышался сзади саркастическій вопросъ Заботина.

„И вѣдь навѣрное прекрасно знаетъ!“—Анна сдѣлала видъ, что не слышитъ, и пошла быстрѣе.

— Прислушайтесь-ка, милая барышня, что̀ я вамъ скажу!—догналъ ихъ докторъ:—Я вѣдь давно знакомъ съ Анной Владиміровной, и она всегда говорила мнѣ, что она терпѣть не можетъ капризныхъ дѣтей.

Шура подняла на него сердитые глазки, не рѣшивъ еще, какъ ей отнестись къ непрошенному вмѣшательству.

— Да и знаете ли что̀?—скука! Мальчишкой я былъ и тѣмъ, и другимъ: сначала все ревѣлъ, а потомъ меня отлично вышколили, и я сталъ веселый. Такъ вотъ, могу сказать по опыту: капризничать страшно скучно; веселиться гораздо интереснѣе.

— Я хочу красную бабочку!..—рѣшила Шура.

— Гм... похвальное постоянство вкусовъ! Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, какимъ манеромъ заставить себя перестать хотѣть? Я бы дорого далъ, чтобы кто-нибудь научилъ меня этому.

— Не всѣ à propos удачны, Орестъ Павловичъ. Вы могли бы и не забывать этого въ присутствіи ребенка.

— Не постигаю... Чему я мѣшаю? Entre nous soit dit, вы не особенно многаго достигли безъ меня, Анна Владиміровна. Это, повидимому, дочь г-на Строева?

— Вы уже были дома? видѣли вы Маню? Братъ еще не вернулся?..

— Нѣтъ. Не надѣйтесь, вы еще не такъ-то скоро избавитесь отъ меня! Странно. Я не подозрѣвалъ, что она на вашемъ попеченіи.

— Кто?!..

— Послѣ этого я начинаю уяснять себѣ кое-что... Перемѣну, которая въ васъ есть... Вы возложили на себя бремя священныхъ обязанностей?

— Я отпустила на два часа со двора ея няньку и взялась погулять съ нею. Ваше любопытство удовлетворено?

— Благодарю васъ. Я не видалъ васъ двѣ недѣли. Въ эти недѣли здѣсь произошли значительныя перемѣны—мое любопытство если и не законно, то давно *знакомо* вамъ, Анна Владиміровна; а вѣдь даже въ юриспруденціи давность равняется иногда закону!

Докторъ улыбался, то-есть, улыбались однѣ губы привычной, сухой усмѣшкой, которая сейчасъ же сбѣгала, какъ только онъ оставался одинъ. Глаза безпокойно и пытливо слѣдили за Анной.

Они сидѣли теперь на скамейкѣ, въ тѣни кленовъ. Шура собирала на дорожкѣ мелкіе камешки и бережно складывала ихъ кучкой на кленовомъ листѣ. Анна сняла съ нея шляпу; худое, восковое личико съ наплаканными глазами, обрамленное прямыми прядями безцвѣтныхъ волосъ, смотрѣло очень жалко въ безпощадномъ освѣщеніи роскошнаго лѣтняго дня. Все въ этой дѣтской головкѣ точно выцвѣло, слиняло и потускнѣло, рядомъ съ сочными, сверкающими красками, разлитыми вокругъ. Выраженіе было сосредоточенно недовольное. Большіе сѣрые глаза не порхали съ предмета на предметъ съ жаднымъ ребяческимъ любопытствомъ. Чуткая, вѣчно напряженная воспріимчивость не трепетала въ измѣнчивыхъ чертахъ, не вырывалась въ звонкихъ, ликующихъ звукахъ голоса. Въ Шурѣ не было ничего такого, къ чему Анна привыкла въ дѣтяхъ своего брата. Она бывала очень тиха и степенна, когда не была чѣмъ-нибудь недовольна, что̀ случалось, впрочемъ, несравненно чаще.

— Мнѣ невыразимо жаль ее,—сказала Анна тихо, замѣтивъ, что Заботинъ внимательно разглядываетъ дѣвочку.

— Д-да... статьи неважныя. Вѣрнѣйшая кандидатка на то, чтобы вѣкъ свой маяться и измаять другихъ. Въ сущности, подобныя существованія—чистѣйшій абсурдъ въ нашъ суровый вѣкъ.

— Ее необходимо лечить, не правда ли?

— Лечить!—повторилъ иронически докторъ.

— Но она вѣчно больна!

— Ну, стало быть, лечить, коли больна. На дырявый сапогъ кладутъ заплату, изъ чего не слѣдуетъ, конечно, чтобы гнилой товаръ можно было поправить.

— Не слишкомъ поэтическое сравненіе для ребенка!—вспыхнула Анна.

— Откуда ихъ набраться, поэтическихъ-то... Да и не къ лицу мнѣ: вы же меня цинякомъ величаете.

— Вы это только подтверждаете всячески.

— Будто ужъ всячески?.. Анна Владиміровна!.. Ну-ка, по чистой совѣсти, положа руку на сердце?.. Что же бы мнѣ за

забота—цинику-то этому!—рваться душой въ вашъ заколдованный павильонъ, гдѣ моей нечестивой персонѣ, что называется, и приткнуться не къ чему? Да неужто я до сихъ поръ — второй годъ вѣдь пошелъ! — ничего и подыскать себѣ не съумѣлъ бы по положенію-то своему „циническому"?.. Ну, хоть изъ того, что на каждомъ шагу подъ рукой валяется!

— Merci за сопоставленіе.

— Ахъ ты, Создатель!.. опять не угодилъ? Слова—не бисеръ, ими не узоры выводить, а лишь бы мысль такъ оформить, чтобы она живьемъ стала.

— Вотъ именно: я и уясняю себѣ вашу мысль. Вы рѣшительно предпочитаете мой павильонъ... тому, что валяется у всѣхъ подъ руками. Я польщена чрезвычайно!

Его глаза злобно сверкали за стеклами.

— Добросовѣстность ваша гдѣ, Анна Владиміровна? Это я хотѣлъ сказать?..

— Вы это *сказали*. Ужъ извините, вамъ не подарится ничего, ни вотъ столько!

— Не къ снисхожденію вашему и взываютъ. Справедливости-съ, Анна Владиміровна, о которой вы разговаривать изволите! По-просту, вниманіе ваше обращается: точно ли такой ужъ это отпѣтый матеріалистъ и циникъ, коли въ немъ, сюрпризомъ для него самого, оказываются цѣлыя невѣдомыя залежи— смѣхъ сказать!—способность къ безплоднѣйшимъ мечтаніямъ... къ сентиментальнѣйшимъ терзаніямъ... Какъ оно по романическому-то называется?—„вздыхать платонически по голубомъ цвѣткѣ"... не переврал, кажется?.. Тьфу, чушь какая нелѣпѣйшая! Такъ ужъ нѣтъ-съ, ужъ извините послѣ этого! Коли я на собственной шкурѣ испытываю всю эту напасть, коли я съ безсонными ночами познакомился, коли я себя самого собрать не могу—ну, и вы не дерите же двухъ шкуръ съ одного вола! Вы—справедливая и великодушная! Не попрекайте же меня еще и всѣмъ тѣмъ, чего давно нѣтъ больше, что не даетъ ужъ мнѣ никакой защиты, никакой обороны противъ васъ!!!..

Онъ вскочилъ на ноги и стоялъ передъ Анной съ перекошеннымъ лицомъ, съ сверкающими глазами. Онъ изо всей силы притискивалъ къ груди обѣ руки, сжатыя въ кулакъ, и его голосъ не возвышался, по мѣрѣ того, какъ росло волненіе, а, напротивъ, спускался до совсѣмъ глухихъ, шипящихъ нотъ.

Анна никого никогда не видала въ подобномъ волненіи. Легкій ознобъ пробѣжалъ по ея тѣлу. Она безсознательно сжимала на колѣняхъ похолодѣвшіе пальцы. Какая-то нерѣшитель-

ная полуулыбка осталась забытая на ея губахъ. Во взглядѣ Заботина разгоралась все сильнѣе жгучая мука. Онъ рѣдко, тяжело дышалъ. Краска прилила къ лицу Анны и опять отхлынула. Она опустила глаза и сейчасъ же принудила себя поднять ихъ.

Человѣкъ говорилъ о своихъ страданіяхъ, говорилъ безъ увертокъ, безъ прикрасъ, прямо, головой выдавалъ себя, и какой еще человѣкъ! Неужели эти страданія потому не трогаютъ ее, что выражены онѣ неизящно, грубо? Развѣ правда, что для нея форма—все? Неподдѣльное чувство, исказившее его черты, менѣе краснорѣчиво безъ звучныхъ и эффектныхъ словъ?

Анна поднялась со скамейки, недовольная собой. Къ ея удивленію, оказалось, что у нея слегка дрожатъ ноги. Слова, которыя она произнесла, сорвались съ губъ сами собой. О, да!—въ этихъ словахъ была вся правда, это она тутъ же почувствовала.

— Еслибъ мы были злѣйшими врагами, врядъ ли вы говорили бы со мною иначе... Если это любовь, я боюсь ея—только боюсь!..

Не взглянувъ на него больше, Анна схватила Шуру и повлекла ее прочь отъ скамейки. Докторъ мрачно смотрѣлъ ей вслѣдъ. „Еслибъ мы были врагами...“—истина глаголетъ устами младенцевъ! Чтò такое страсть, какъ не слѣпая, безпощадная, роковая борьба?

Орестъ Павловичъ испытывалъ ее въ первый разъ во всей ея мощи. Странно, въ его чувствѣ къ Аннѣ почти совершенно отсутствовала нѣжность, но онъ несомнѣнно любилъ ее. Въ годъ времени эта неудачная любовь сдѣлалась главнымъ нервомъ его существованія. Все прежнее потеряло свою цѣну,—всѣ его успѣхи на жизненномъ пути: обширная, счастливая практика, солидные доходы, пріятныя знакомства, полезныя связи, любовныя похожденія. Ничто не радовало его больше. Развѣ все это не было дѣломъ его рукъ? плодомъ его собственныхъ усилій? Противъ воли, онъ начиналъ понимать таинственный смыслъ слова „счастье“, увидалъ во-очію, въ чемъ вѣчная власть его надъ человѣческой душой. Счастья не купишь, не скомбинируешь, не возьмешь силой. Свободное и капризное, оно смѣется надъ его житейской мудростью, надъ его смѣлостью, надъ его дерзостью. Счастье—это стройная, черноволосая дѣвушка съ мечтательнымъ лицомъ, исполненная смутной, ей самой непонятной, тревоги... Чтò влекло его къ ней? Докторъ давно озлобленно анализировалъ этотъ вопросъ и давно нашелъ на него отвѣтъ.

Этотъ отвѣтъ былъ вовсе неутѣшителенъ: не Богъ вѣсть какъ лестно, доживъ чуть не до сорока лѣтъ, спасовать внезапно именно передъ тѣмъ, что̀ самъ всегда осмѣивалъ, что̀ исключилъ изъ своего обихода сознательно и самодовольно, не усомнясь ни на мигъ, что избираешь благое.

Да, это было отнюдь не весело. Въ городѣ докторъ влачилъ свою постылую жизнь, продолжая по инерціи давно усвоенную роль остряка, баловня и души общества. Онъ игралъ въ карты, танцовалъ, пѣлъ пріятнымъ баритономъ; онъ спасалъ отъ смерти, „предупреждалъ" неизлечимыя болѣзни, вылечивалъ „замѣчательные случаи" и однимъ уже видомъ своимъ, бодрымъ и увѣреннымъ, поднималъ силы и вливалъ спасительную вѣру въ сердца паціентовъ. Общество губернскаго города неизмѣнно, какъ и прежде, было довольно своимъ любимцемъ и носило его на рукахъ. Онъ одинъ зналъ, что все, что̀ тогда (и какъ недавно еще!) составляло главную суть его жизни, все это теперь составляло лишь видимую оболочку ея. Что̀ бы онъ ни придумывалъ, ему недоставало этой дѣвушки, такъ непохожей на другихъ. Анна не только не любила его, но она никогда и не пыталась скрывать своей антипатіи. Въ разлукѣ, тоска и злость рвали ему сердце. Поѣздки въ Залѣсье были лишь неизбѣжными пріемами той порціи яда, безъ которой организмъ уже не могъ обойтись. Здѣсь онъ страдалъ отъ ежеминутныхъ доказательствъ всей несбыточности своихъ желаній,—страдалъ оттого, что вновь ощущалъ свое безсиліе и ея власть надъ собой.

Анна чутьемъ угадала правду: это была любовь-вражда, и въ ней не было мѣста нѣжности. Не было нѣжности и во взорѣ д-ра Заботина, когда онъ опустился на скамейку, сгорбился, какъ старикъ, и сухими, воспаленными глазами провожалъ быстро удалявшуюся фигуру любимой дѣвушки.

XI.

Все на той же скамейкѣ доктора застала Маня, отправившаяся, несмотря на жару, разыскивать своего гостя. Хозяйка Залѣсья особенно обрадовалась сегодня его пріѣзду — довольно ужъ всѣ они наскучались съ самаго переѣзда Строева! Къ тому же жена Мишеля очень благоволила къ веселому доктору, какъ благоволили къ нему рѣшительно всѣ N-скія дамы. Онъ ее развлекалъ, оживлялъ; онъ сообщалъ кучу интересныхъ сплетенъ, которыхъ никто другой не умѣлъ передавать такъ забавно и

игриво. При томъ онъ слегка ухаживалъ за ней, т.-е. не скрывалъ своего восхищенія ея красотой, а эта маленькая подробность никогда не будетъ непріятна хорошенькой женщинѣ.

Маня пришла подъ клены разгорѣвшаяся, улыбающаяся, въ бѣломъ платьѣ, сквозившемъ розовыми просвѣтами на груди и плечахъ. Правая рука высвободилась выше локтя изъ кружевной оборки, придерживая на плечѣ голубой зонтикъ; другой она собрала въ складки пышную юбку и слегка приподнимала ее надъ красиво обутыми ножками. Маня знала, что къ ней идетъ бѣлое платье, идетъ яркое солнечное освѣщеніе, и она пользовалась каждымъ случаемъ щегольнуть своими прелестными ножками.

— О-о-о? вы тутъ въ одиночествѣ?!

Она подозрительно оглядывалась, но Анна давно ужъ скрылась за поворотомъ.

— Я только-что намѣревался пойти васъ разыскивать,—отвѣтилъ гость.

Онъ незамѣтно измѣнилъ свою унылую позу и рукой приглашалъ хозяйку сѣсть съ нимъ рядомъ.

— Жарко! — продолжала она стоять, красивая и разнѣженная.

Сегодня ея Мишель жарится на своихъ работахъ, также совершенно довольный судьбой, и это сознаніе играетъ главную роль въ счастливомъ настроеніи Мани.

— Вы насъ совсѣмъ забыли... Хорошо развѣ? У насъ тутъ рай послѣ вашего города. Небось все съ больными возитесь? Денежки загребаете?

— Да, да, денежки. Что̀ же мнѣ больше и дѣлать-то!

— Ну, на что̀ вамъ столько денегъ, одному?

— Деньги на что?! Ну, ужъ это вы того... въ лѣтнемъ размягченіи, должно быть, обмолвились. Деньги—все, Марья Павловна. Да-съ,—*все*!—повторилъ онъ съ озлобленіемъ на то, что явная ложь заключается для него отнынѣ въ этихъ словахъ.

Маня затрясла хорошенькой головкой, какъ будто въ отвѣтъ на его мысли.

— Никогда, никогда! И знаете?—вы бы гораздо благоразумнѣе сдѣлали, еслибъ не повторяли вѣчно такихъ вещей. Тѣмъ болѣе, что вы сами вовсе этому не вѣрите.

— Почему-жъ бы это, интересно слышать?—выговорилъ докторъ все тѣмъ же вызывающимъ тономъ, хотя вполнѣ сознавалъ неумѣстность его въ эту минуту. Не такъ легко улечься всей желчи, поднятой разговоромъ съ Анной.

— Почему? — насмѣшливо прищурилась Маня: — А отчего

же вы одинъ-то тутъ сидите мрачнѣе черной тучи? Небось, ужъ попало на орѣхи отъ кого слѣдуетъ!

— Это безподобно!! — напряженно разсмѣялся Орестъ Павловичъ.

— Чисто мужская манера: храбриться на словахъ, когда на дѣлѣ полный пассъ. Вы прекрасно видите, что всѣ подобныя выходки только еще больше отталкиваютъ ее отъ васъ.

Маня опустилась на скамейку, не торопясь расправила складки платья, закрыла зонтикъ и принялась чертить имъ по песку. Она говорила наставительнымъ тономъ старшей сестры, поучающей легкомысленнаго брата. Жена Мишеля покровительствовала видамъ доктора на Анну. Вмѣстѣ съ цѣлымъ городомъ, она считала его прекрасной партіей, а ея главной, затаенной заботой было выдать Анну поскорѣе замужъ. Но еще глубже, еще затаеннѣе жила безотчетно злорадная мечта увидать, наконецъ, эту фантазерку приравненною къ себѣ, пригвожденною къ той самой семейной прозѣ, надъ которой она воображаетъ себя призванной царить вѣчно,—знать ее въ надежныхъ, практическихъ рукахъ, изъ которыхъ не легко было бы выбиться.

Въ своихъ разговорахъ Маня и докторъ нерѣдко откровенно касались этого вопроса; но сегодня Орестъ Павловичъ не былъ расположенъ острить на свой собственный счетъ. „Я боюсь... только боюсь!"—звучало въ его ушахъ взволнованное восклицаніе Анны...

— Ну... это, Марья Павловна, не интересно, ибо старо. Разскажите-ка лучше, какъ вы тутъ поживаете. Какъ вы довольны обществомъ вашего знаменитаго жильца?

— Я пользуюсь его обществомъ очень мало. Но вѣдь васъ интересуетъ совсѣмъ не это? Вы жаждете знать, какимъ образомъ кто-то другой доказываетъ на дѣлѣ свое пламенное сочувствіе злосчастіямъ г-на Строева?

„Ишь ты! умна-не-умна, а смекалки хватаетъ",—полюбовался докторъ ея лукавыми минками.

— Я, вы знаете, грѣшенъ любопытствомъ, и всякому сообщенію отверзаю сердце съ благодарностью.

— Знаю—какъ не знать! да чтò-жъ бы вы, бѣдненькій, и узнали-то, кабы не я!

Маня посмѣивалась снисходительно, пока онъ, въ знакъ признательности, цѣловалъ ея руку выше браслета. Оказалось, впрочемъ, что сообщать на эту тему ей пока еще нечего, если не считать нѣжныхъ заботъ Анны о маленькой Шурѣ.

— И, замѣтьте, къ дѣтямъ мы вообще весьма и весьма равно-

душны, ужъ это-то мнѣ извѣстно достаточно близко! Только вѣдь къ этому барину ни съ какой стороны и подступить нельзя. Какъ вамъ покажется? Мишель до сихъ поръ не могъ поговорить съ нимъ по душѣ! Ну, скажите на милость, для чего послѣ этого нужно было тащить его сюда?! Чтò онъ отъ этого выигралъ? а мои дѣти каждый день плачутъ изъ-за его капризницы... ça ne se compte pas! Еслибъ вы только слышали, какъ они съ Анной накинулись на меня, а въ концѣ концовъ чья же правда выходитъ?!

— Правда всегда ваша, прелестнѣйшая барыня, это давнымъ-давно доказано!

— Я только не увлекаюсь, и потому все вижу впередъ, — выговорила Маня съ неподражаемымъ апломбомъ хорошенькой женщины, держащей подъ башмакомъ своего мужа.

— Ну, все не все, Марья Павловна! Вы и мнѣ когда-то много чего предрекали, а исполненія пока не видать.

— А-а! въ этомъ вы сами кругомъ виноваты! — возразила быстро Маня своей любимой фразой.

Его эта фраза положительно выводила изъ себя. Маня повторяла ее, однако, съ увѣренностью, съ непонятнымъ упорствомъ. Кто ихъ разберетъ, въ концѣ концовъ, женщинъ? Пожалуй, что эта незамысловатая бабёночка себѣ на умѣ могла поучить кое-чему непогрѣшимаго практика и сердцевѣда, сбитаго съ толку встрѣчей, не предусмотрѣнной въ его жизненной программѣ. А ужъ, казалось бы, онъ ли не былъ достаточно опытенъ на этотъ счетъ?! Зналъ онъ отмѣнно, какъ опутать чужую жену и какъ вскружить голову барышнѣ, за которой числится достойное вниманія приданое. Зналъ, какъ доводить „до бѣлаго каленія" молоденькихъ купчихъ, одурѣвшихъ отъ скуки за мужьями, по уши ушедшими въ барыши и обжорство. Взялся бы просвѣтить любого новичка, какъ брать приступомъ, счетомъ въ нѣсколько дней, интересную вдовушку, изнывающую подъ бременемъ безвременнаго разочарованія. Въ жизненной, какъ и въ медицинской практикѣ д-ра Заботина, выдавались подчасъ случаи весьма трудные и запутанные. Хоть бы, напримѣръ, маленькая гимназисточка, жаждавшая во что бы то ни стало пожертвовать всѣмъ на свѣтѣ своей любви? Или благородная жена (обманывавшая, однакожъ, своего мужа не хуже другихъ), въ минуту глубокаго возмущенія схватившаяся за ножъ, „чтобы помѣшать ему губить другихъ, какъ погубилъ онъ ее". Всего бывало довольно: угрозъ, опасеній, призраковъ скандала, несносной обузы чужихъ искреннихъ чувствъ и неподдѣльныхъ страстей. Лились слезы восторга

и страсти, слезы ревности и отчаянія — мало ли какихъ слезъ не видалъ на своемъ вѣку д-ръ Заботинъ! Бабьи слезы — вода. Это онъ твердо запомнилъ еще съ той поры, когда его, мальчишкой, пьяный отецъ тузилъ по головѣ чѣмъ ни попало за компанію съ матерью, а эта же самая мать на другой день заставляла сидѣть впроголодь, чтобы на послѣдній двугривенный добыть ему опохмелиться. Слѣды первыхъ впечатлѣній неизгладимы. Зародыши чувствъ, вытравленныхъ озлобленіемъ и мукой, глохнутъ безвозвратно. Вытравленныя чувства не воскресли и не зацвѣли пышнымъ цвѣтомъ и для Анны,—но благополучный человѣкъ былъ выброшенъ изъ колеи. Чистая атмосфера умственнаго изящества и идеализма повѣяла на него незнакомымъ, могучимъ очарованіемъ, передъ которымъ разомъ померкли всѣ старыя утѣхи и радости. Но увы! — больше себя самого никто не будетъ. Въ распоряженіи Ореста Павловича имѣлись лишь его старые, много разъ испытанные пріемы,—и эти пріемы всѣ поочередно потерпѣли постыднѣйшее фіаско. Ужъ не прислушаться ли и въ самомъ дѣлѣ къ совѣтамъ практической Мани? Вѣдь ей открыты тѣ изгибы женскаго сердца, которые можетъ знать только женщина.

Съ злобной, презрительной усмѣшкой надъ собственнымъ уничиженіемъ, Орестъ Павловичъ попросилъ свою собесѣдницу разъяснить, въ чемъ именно, по ея мнѣнію, заключался его промахъ.

— Не въ первый разъ вѣдь слышу отъ васъ, что самъ виноватъ.

Еще бы не самъ, если онъ воображаетъ, что съ Анной можно дѣйствовать такъ же, какъ и съ N-скими барынями и барышнями? А все-то отъ излишней самоувѣренности!.. ужъ это подлинно ахиллесова пята мужчинъ...

— Самоувѣренность тутъ при чемъ, милѣйшая Марья Павловна? Клянчить, конечно, еще хуже было бы—любви все равно не вымолишь.

— Да развѣ я совѣтую вамъ клянчить?!.. Съ чего вы это взяли?

— Чтò же вы мнѣ совѣтуете?

— Ничего. Какая я вамъ совѣтчица? Смѣшно даже!

— Зачѣмъ же критикуете, коли такъ?

— Жалѣю васъ—усмѣхнулась Маня, играя зонтикомъ.

— Будто жалѣете?

— Еще бы! этакій молодецъ, да вдругъ носъ повѣсилъ. Умны вы, умны, а вотъ, чтò всего важнѣе, того схватить и не

можете! Я всегда дивлюсь: такъ сквозь пальцы суть-то самая у васъ и проходитъ.

Маня, для наглядности, растопырила передъ его глазами свои бѣленькіе пальчики. Хоть и скребли кошки на сердцѣ у Заботина, но онъ не могъ не разсмѣяться. Въ ея голубыхъ глазахъ вспыхивали торжествующія искорки, плутовскія ямочки сіяли во всей своей красѣ.

— Да, да, да! Ужъ своего-то Мишеля вы въ каждую данную минуту процѣдите сквозь эти пальчики—это вѣрно! Да и не зазорно—пальчики-то одна роскошь!

Онъ попробовалъ было поймать ихъ, но получилъ зонтикомъ по рукѣ.

— Почему такъ строго?

— Не къ чему-съ.

— До другого раза, стало быть. Plus à propos.

— Что-о-о?—протянула она грозно.

— Не сердитесь, не идетъ къ вамъ. Ваша роль—проливать бальзамъ въ сердца.

— Какъ-же — ждите!

— И то жду. Только съ вами я и отдыхаю.

Маня пожала плечиками и замолчала.

„Славная она, право! настоящій персикъ наливной. Вотъ бы въ нее врѣзаться—авось мозги сушить не пришлось бы. Нѣтъ, зато и скучища же бѣшенная съ такой! Самая, какъ капитанъ Русовъ выражается—„краля“.

— Такъ какъ же, Марья Павловна, — совѣтъ-то вашъ? — заговорилъ докторъ.

— Гдѣ ужъ мнѣ такого орла учить...—отозвалась Маня нѐхотя и поднялась со скамейки:—домой пора.

— Просто, вижу я, вы и сами не знаете.

— Я вѣдь не мужчина, влюбить ее въ себя не могу. Но ужъ, конечно, я не стала бы на каждомъ шагу окачивать холодной водой человѣка, у котораго голова набита всякими бреднями. Передѣлаете вы ее, что ли? Да она скорѣе зачахнетъ въ своемъ диковинномъ павильонѣ, чѣмъ согласится жить какъ всѣ смертные!..

— А позвольте спросить, она-то какъ же жить станетъ?!— воскликнулъ онъ грубо.

— А вотъ—поживемъ, такъ увидимъ. Какой-нибудь принцъ переодѣтый да разыщется.

— Это въ Залѣсьѣ-то или въ N***?.. Сомнительно что-то. Холодной водой—говорите—окачиваю? На высокій ладъ себя настраивать прикажете? поддакивать?.. Слуга покорный! Довольно

на это и одного Ожогина. Тамъ ужъ зато вполнѣ въ унисонъ! Вотъ увидите, доведется Аннѣ Владиміровнѣ, въ концѣ концовъ, обвѣнчаться съ этимъ мальчуганомъ... Партія!..

„Лишь бы только скорѣе, конецъ бы этому какой-нибудь!“ подумала Маня, но не позволила себѣ высказать этого. Они молча дошли до дому. Голубина была далеко ужъ не въ томъ счастливомъ настроеніи, какъ отправляясь въ садъ. Пришлось убѣдиться еще разъ въ безсиліи всей ея прелести передъ загадочнымъ обаяніемъ Анны. Вотъ человѣкъ, боровшійся съ этимъ обаяніемъ изо всѣхъ силъ, имѣвшій весь интересъ побороть его, человѣкъ, менѣе всего подходящій для подобной роли,—къ тому же неподдѣльно чувствительный къ ея красотѣ и очень серьезно ухаживавшій за нею не такъ давно. И что же? Онъ не могъ часа одного провести съ нею, безъ того, чтобы не сводить рѣчь то-и-дѣло на свою безнадежную любовь!

Провести цѣлый часъ подъ такими впечатлѣніями— небольшая находка для молоденькой, красивой женщины, въ особенности если она, обрадовавшись гостю, больше обыкновеннаго занялась своимъ туалетомъ и сознаетъ себя въ одномъ изъ своихъ удачныхъ дней. Очевидно, она предпочла бы, чтобы въ этотъ часъ на ней одной было сосредоточено вниманіе интереснаго, оригинальнаго и „опаснаго“ гостя. Женѣ Мишеля уже не одинъ разъ доводилось мысленно называть д-ра Заботина опаснымъ человѣкомъ.

XII.

Взволнованная неожиданной сценой, Анна спѣшила уйти подальше отъ кленовъ. Ее нисколько не трогало ухаживаніе д-ра Заботина, до тѣхъ поръ, пока это ухаживаніе не выходило изъ границъ свѣтскаго самообладанія и пока оно облекалось въ свойственную доктору игриво-саркастическую форму. Въ этой формѣ его было всего легче отпарировать; благодаря той же удобной формѣ, отвергнутый женихъ могъ продолжать ѣздить въ домъ и отъ времени до времени, полушутя, полусерьезно, возобновлять свои попытки. Онъ могъ добиваться, надѣяться, безъ того, чтобы это становилось черезъ-чуръ оскорбительнымъ для его собственнаго самолюбія или несовмѣстимымъ съ ея достоинствомъ. Форма — великая вещь, а Орестъ Павловичъ былъ уменъ и находчивъ.

Но такихъ сценъ, какъ сегодняшняя, Анна выносить не намѣрена. Тонъ притязательной страсти и мучительнаго укора рѣзнулъ ее по сердцу, какъ грубое прикосновеніе. Такой тонъ

женщины выносятъ только отъ тѣхъ, кого онѣ любятъ. Пусть оставятъ ее въ покоѣ съ ихъ непрошенной любовью! Это не болѣе, какъ избитая мужская ловушка: пока вопросъ стоитъ ребромъ, пока имъ грозитъ опасность разрыва, всѣ они молятъ лишь объ одномъ—о „позволеніи любить". А тамъ, оглянуться не успѣешь, какъ это позволеніе разрослось уже въ какія-то права, притязанія, путы! Романическія страданія—и д-ръ Заботинъ!.. какъ это гармонируетъ, нечего сказать!..

Анна негодовала. Но сильная сцена сдѣлала свое впечатлѣніе: она овладѣла воображеніемъ. Ни у кого не видала она подобнаго лица, не слыхала такого голоса...

Погруженная въ свои мысли, дѣвушка шла быстро. Она не замѣчала, что ея маленькая спутница не въ силахъ поспѣвать за нею. Шура начала, наконецъ, пищать.

— Я хочу домой... Пить хочу!.. домой пойдемъ...

Анна опомнилась, и стала приглядываться, гдѣ бы лучше отдохнуть, но дѣвочка все настойчивѣе требовала пить. Флигель Строева былъ на противоположномъ концѣ сада.

— Ну, такъ вотъ что̀, крошка, мы ко мнѣ пойдемъ, въ павильонъ, — рѣшила Анна: — хочешь въ гости ко мнѣ, да? Я тебѣ дамъ бисквитовъ и варенья, и воды—больше у меня ничего нѣтъ. Хочешь?

Анна нѣжно нагнулась къ дѣвочкѣ. На личикѣ Шуры выражалась только усталость. Вѣроятно ея воображеніе работало черезъ-чуръ слабо, потому что ее никогда не удавалось развлечь какимъ-нибудь обѣщаніемъ или разсказомъ, что̀ удается такъ легко съ дѣтьми. Шура была всецѣло во власти данной минуты, своего каждаго малѣйшаго желанія. Анна убѣдилась, что она не въ силахъ дотащиться даже и до павильона; въ первый разъ еще дѣвочка оставалась такъ долго исключительно на ея попеченіи.

— Ну, значитъ, мнѣ ничего больше не остается, какъ донести тебя на рукахъ. Держись покрѣпче за мою шею, головку сюда положи. Отлично!

Анна бросила въ траву мѣшавшій зонтикъ, обхватила Шуру поудобнѣе за ножки и бодро пошла впередъ, находя, что это вовсе не такъ тяжело, какъ она думала. Она все время болтала съ дѣвочкой, чтобы та не вспомнила про жажду и не начала бы снова плакать.

— Папа часто тебя такъ носитъ?

— Папа не носитъ... Даша носитъ...

— Да? ты любишь Дашу? она добрая.

— Люблю... нѣмка гадкая!

— Нѣмка-то? еще бы! мы тебѣ сыщемъ хорошую няню. Старушку милую, добрую-предобрую...

— Даша няня—не хочу новую!.. Гдѣ Даша?.. Я хочу домой... къ Дашѣ...

— Сейчасъ, сейчасъ! Я тебѣ много картинокъ покажу въ павильонѣ, у меня хорошо тамъ! Хочешь, подарю тебѣ картинку?

— Вонъ папа идетъ!—перебила неожиданно Шура.

Анна запнулась. Краска кинулась ей въ лицо. Ея первымъ безотчетнымъ побужденіемъ было свернуть куда-нибудь въ сторону, сдѣлать видъ, что не замѣтила—но было ужъ поздно. Строевъ поспѣшно перешелъ раздѣлявшее ихъ пространство, и, прежде чѣмъ Анна успѣла опомниться, онъ, не говоря ни слова, выхватилъ у нея дѣвочку. Движеніе было такъ повелительно, а лицо Строева, съ краской на лбу, выражало такъ краснорѣчиво его негодованіе, что Анна окончательно растерялась.

— Это, наконецъ, черезъ-чуръ уже! не хватаетъ, чтобы вы сами записались въ няньки и носили на рукахъ четырехъ-лѣтнюю дѣвочку!.. Вотъ скамейка—садитесь. Вы запыхались.

Аннѣ казалось, что онъ съ отвращеніемъ произноситъ слова.

— Благодарю васъ, я нисколько не устала. Вы меня испугали!—разсмѣялась она.

— Почему ты не шла сама? — обратился Строевъ совсѣмъ уже жестко къ дочери.

— Потому что я заморила ее, она устала! Совѣтую вамъ лучше излить вашъ гнѣвъ на меня, иначе она опять расплачется. Вы испортите все дѣло...

— Вы, я вижу, достаточно близко знакомы съ ея характеромъ. Окажите мнѣ эту милость, объясните, гдѣ разыскать обѣщанную старуху?.. Завтра же я самъ поѣду за нею въ городъ.

— Безполезно, потому что она еще не вернулась изъ деревни.

— Въ такомъ случаѣ, я возьму первую, какую встрѣчу.

Анна успѣла оправиться отъ перваго замѣшательства. Ей становилось досадно, и она отвѣтила колко:

— ...Которая черезъ недѣлю окажется никуда негодной, и ее придется отослать назадъ? Не понимаю, чтò именно прельщаетъ васъ въ подобной перемѣнѣ!

— Понять это очень легко: прельщаетъ возможность вернуть вамъ Дашу и избавить, наконецъ, отъ заботъ, вамъ... вамъ вовсе несвойственныхъ.

Анна сдѣлала нѣсколько шаговъ молча.

— Неужели вамъ такъ непріятно было видѣть свою дочь на моихъ рукахъ?

Его, повидимому, поразилъ кроткій упрекъ, прозвучавшій въ ея словахъ. Онъ бросилъ на нее бѣглый взглядъ.

— Весьма непріятно. Я могу судить, можетъ ли быть интересна возня съ чужимъ ребенкомъ, больнымъ и капризнымъ.

— Вольно же называть это „возней", если человѣкъ совершенно праздный удѣлитъ два часа своего безполезнаго времени на что-нибудь, что̀ окажется всего нужнѣе въ данную минуту! Но разъ, что вамъ угодно видѣть въ этомъ какое-то посягательство, мнѣ остается только воздерживаться на будущее время. Прошу извинить мою опрометчивость.

Строевъ печально усмѣхнулся:

— Всего лучше, что я васъ же еще и обидѣлъ...

— Это случается какъ нельзя легче, если человѣкъ относится ко всѣмъ съ предвзятымъ чувствомъ...

— Предвзятымъ?..

— Недовѣрія,—договорила Анна.

Строевъ ничего не сказалъ, но какъ будто еще новая тѣнь прошла по его мрачному лицу.

Шура, убаюканная движеніемъ и ихъ разговоромъ, начинала дремать на его плечѣ. Анна остановилась у ограды, отдѣлявшей садъ отъ рощи.

— Мы шли ко мнѣ въ павильонъ... Я обѣщала Шурѣ угостить ее вареньемъ... Право, не знаю, какъ будетъ вамъ угодно?

Въ ея тонѣ звучала на этотъ разъ высокомѣрная готовность выслушать новую рѣзкость въ отвѣтъ на свою любезность.

— Пригласите ужъ и меня въ такомъ случаѣ. Кстати я не видалъ еще знаменитаго павильона.

Дѣвушка подозрительно покосилась на него. „Не поймешь!"...

Когда кто-нибудь входилъ въ первый разъ въ павильонъ, Анна съ интересомъ выслѣживала малѣйшее впечатлѣніе. Ей приходилось читать на лицахъ удивленіе, восхищеніе, недоумѣніе, даже насмѣшку, но никто не оставался вполнѣ равнодушнымъ передъ красотой круглой залы.

— Ваше царство!—произнесъ на порогѣ не громко Строевъ.

Онъ не сказалъ ничего больше, бережно положилъ на диванъ свою сонную дѣвочку и предоставилъ Аннѣ ухаживать за нею. Неспѣшно онъ двигался въ различныхъ направленіяхъ по комнатѣ и осматривался съ безмолвнымъ вниманіемъ. Анна вполнѣ готова была принять это, какъ дань любезности благовоспитаннаго человѣка къ молодой хозяйкѣ,—но случайно она взглянула въ лицо Строеву и сейчасъ же поднялась на ноги, обрадованная.

Онъ любовался. Въ первый разъ она не видѣла знакомаго

тягостнаго выраженія глазъ—въ нихъ отражалось спокойное удовольствіе. У круглаго окна Строевъ надолго замеръ въ одной позѣ, точно позабылъ, что онъ не одинъ въ комнатѣ. Когда, наконецъ, Анна напомнила о себѣ, и онъ повернулся въ ея сторону, его лицо было, можетъ быть, не менѣе печально, можетъ быть, было даже еще печальнѣе, но другое, не такое, какимъ она привыкла видѣть его. Анна не хотѣла спрашивать.

— Спитъ...—кивнула она ласково на Шуру.

Строевъ въ раздумьѣ смотрѣлъ въ ея лицо.

— Вы—артистка,—выговорилъ онъ задумчиво:—Это одно, чему, кажется, я еще способенъ завидовать.

— Вы?!—вырвалось у Анны съ недовѣрчивымъ недоумѣніемъ.

— Это независимый міръ. Тотъ, кому онъ доступенъ, живетъ двойной жизнью, и между ея частями можетъ не быть связи. Онъ можетъ позабыть, что за предѣлами... ну, хоть такой волшебной залы, онъ былъ самымъ несчастнымъ и жалкимъ существомъ. Правъ я? Неужели я только воображаю себѣ это?

— Отчасти. Этотъ міръ требуетъ одного непремѣннаго условія: свободнаго духа.

— Ну, чтожъ... Свобода духа вновь приложится на томъ рубежѣ, гдѣ ужъ нечего терять. Спокойствіе и безстрастіе— вещи довольно сходныя.

Анна была блѣдна, только глаза горѣли. Это былъ ея первый серьезный разговоръ со Строевымъ.

— Если безстрастіе не исключаетъ энергіи, то вы, можетъ быть, и правы,—отвѣтила она, подумавъ.

Его какъ будто поразилъ отвѣтъ. Онъ опять посмотрѣлъ ей въ лицо долгимъ взглядомъ, который такъ неловко было выносить.

— О, нѣтъ!.. На томъ рубежѣ давно позабыто самое слово: энергія.

— Энергія—простой аттрибутъ жизни. Новый запасъ ея можетъ скопиться нечувствительно, незамѣтно... Онъ не можетъ не скопиться!—договорила дѣвушка горячо.

— Вы не только артистка, но и философъ. Вы еще не можете знать, что намъ все отпущено лишь въ строго опредѣленной пропорціи. Жизненное банкротство не похоже вовсе на коммерческое, гдѣ на послѣдній уцѣлѣвшій цѣлковый можно при счастіи нажить новые милліоны.

— Едва ли тутъ возможны непогрѣшимыя теоріи. Каждая человѣческая личность и каждая отдѣльная судьба весьма отличны отъ всѣхъ другихъ.

— Въ концѣ концовъ, всѣ одинаково ничтожны... Не трудно и понять, почему это такъ.

Строевъ опустился на стулъ и продолжалъ говорить, глядя въ окно. Аннѣ виденъ былъ рѣзкій профиль съ строгой линіей обнаженнаго черепа.

— Ничтожество—въ невозможности быть независимымъ отъ людей. Если личность не связана ни общественными, ни частными отношеніями, если она обезпечена матеріально, здорова и сильна физически, то что же, кромѣ прирожденнаго рабства духа, можетъ отдать ее во власть этой толпѣ, которую она не можетъ не презирать?! Презирать-то презираетъ, да только сама не можетъ примириться съ ея презрѣніемъ!

— Презирать всѣхъ людей... развѣ это возможно?—проговорила Анна.

— Именно всѣхъ можно только презирать. Въ массѣ нѣтъ ни благородства, ни справедливости, ни ума. Одни эгоистическіе инстинкты и слѣпые порывы.

— Но какое же значеніе можетъ имѣть человѣкъ—одинъ?

— Никакого. Всѣ человѣческія свойства проявляются только въ отдѣльной личности, но они совершенно безцѣльны и безсмысленны, если эту личность выдѣлить изъ общаго строя. Cercle vicieux... Видите теперь, юный философъ, какъ мало смысла въ вашей великодушной теоріи постепеннаго накопленія энергіи? Тому, кто очутился внѣ жизни, она ни для чего не нужна. Жизненное банкротство не оставляетъ завѣтнаго рубля на разживу.

Его голосъ звучалъ такъ безстрастно, какъ будто онъ говорилъ не о себѣ.

— Я не понимаю...—произнесла едва слышно Анна, силясь побороть слезы, стоявшія у нея въ горлѣ.

— И слава Богу.

— Но вѣдь... надо жить?

Строевъ нахмурился и поднялся со стула.

— Вашъ павильонъ превзошелъ всѣ мои ожиданія, Анна Владиміровна,—заговорилъ онъ громко, послѣ маленькой паузы:— У меня явилась давно ужъ неиспытанная охота пофилософствовать; а еще древній мудрецъ сказалъ: мыслю—стало быть, существую. Эта комната и этотъ видъ производятъ впечатлѣніе какого-то недосягаемаго убѣжища. Вотъ почему я заговорилъ объ искусствѣ, въ которомъ ровно ничего не смыслю. Здѣсь хочется спрятаться...

Онъ еще разъ задумчиво отвернулся къ круглому окну, точно ему жаль было разстаться съ этимъ впечатлѣніемъ.

Анна смотрѣла туда же... Зеленая толпа, та именно жестокая и бездушная толпа, о которой онъ говорилъ, стѣснилась и замерла въ неподвижномъ, раскаленномъ воздухѣ, притаилась, чтобы не пропустить ни одного слова, словно выслѣживала и подслушивала его жалобы... Неужли-же нельзя отстоять, защитить его??..

— Вы будете приходить сюда?—спросила Анна.

— Боюсь, что слишкомъ трудно будетъ воздержаться отъ этого. Если вы обѣщаете уходить и оставлять меня одного съ моей философіей, я приду. Люди нуждаются въ бодрости, и проповѣдь унынія достойна всякаго порицанія.

— Чтобы избѣжать вреда, не лучше ли мнѣ самой попытать силы въ роли проповѣдницы?

— Всегда готовъ васъ слушать,—отвѣтилъ Строевъ, какъ отвѣчаютъ ребенку, когда онъ произноситъ съ важностью одну изъ своихъ милыхъ наивностей.

Шура продолжала сладко спать. Эффектъ цвѣтныхъ лучей на ея восковомъ личикѣ былъ особенно замѣтенъ: оно получало небывалую картинность со своими заостренными чертами и рѣзкими тѣнями. Нѣсколько секундъ Строевъ пристально смотрѣлъ на нее.

— Вы замѣтили?—въ этой комнатѣ все становится лучше...

Онъ перевелъ тотъ же взглядъ на Анну. Стройная фигура казалась еще безупречнѣе въ мягкомъ освѣщеніи, падавшемъ сверху, дробившемся цвѣтными бликами по складкамъ платья. Грустная дума лежала на прекрасномъ лбу, пряталась въ полуопущенномъ взорѣ. Прямо надъ нею мраморная Муза, въ вдохновенной позѣ, провозглашала примиряющее могущество красоты и поэзіи въ жалкомъ существованіи, исполненномъ бѣдъ и труда.

Неожиданныя ощущенія хлынули въ душу Строева. Въ первый разъ послѣ двухъ ужасныхъ лѣтъ онъ увидалъ себя лицомъ къ лицу съ чѣмъ-то настолько привлекательнымъ, столь прекраснымъ, что одно мимолетное прикосновеніе уже приносило ощущеніе отдыха и успокоенія. Онъ не сталъ менѣе несчастливъ, ни менѣе безвозвратно погубленъ—но на нѣсколько минутъ имъ овладѣло истинное равнодушіе къ собственной судьбѣ. Не мертвенное безстрастіе отчаянія, которое только кажется равнодушіемъ, а совсѣмъ новое, смиренное сознаніе ограниченности личной доли, какова бы она ни была. Вмѣсто возмущавшей зависимости отъ враждебной людской толпы онъ ощутилъ живую связь съ міромъ духовнымъ, гдѣ нѣтъ вовсе лицъ, а лишь свободныя, всѣмъ доступныя, всѣмъ равно принадлежащія со-

кровища человѣческаго генія, воплощенія высокихъ вдохновеній, символы чистѣйшихъ порывовъ.

И до этой минуты единственнымъ прибѣжищемъ ему служило чтеніе, но слишкомъ рѣдко оно овладѣвало имъ настолько, чтобъ онъ могъ отрѣшиться отъ самого себя. Чтеніе лишено самаго могущественнаго орудія: непосредственнаго воздѣйствія на чувства, безъ участія сознанія и воли. Теперь Строевъ испытывалъ все могущество такого воздѣйствія. Новый, малознакомый міръ предсталъ передъ нимъ, какъ бы воплощенный въ этой оригинальной залѣ подъ ея сверкающимъ сводомъ, гдѣ прекраснымъ, вѣчнымъ символомъ высилась античная фигура мраморной богини. Отовсюду—изъ золоченыхъ рамъ, съ холстовъ, восковыхъ группъ и гипсовыхъ фигуръ, изъ дорогихъ переплетовъ безчисленныхъ книгъ—отовсюду вырывалась и звучала схваченная и воплощенная *жизнь*, недоступная порицанію, не подлежащая нашему суду.

Онъ не сразу ощутилъ всю силу впечатлѣнія; оно постепенно туманило ему голову. И постепенно новое, смягченное выраженіе проступало въ его лицѣ. Оно тоже „становилось лучше въ этой комнатѣ", какъ онъ сказалъ только-что Аннѣ...

ОЛЬГА ШАПИРЪ.

ТАРИФНЫЙ ВОПРОСЪ

и

ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ

Въ Нью-Іоркѣ не такъ давно вышла книга подъ заглавіемъ: „Перевозка по желѣзнымъ дорогамъ, ея исторія и законодательства“ [1]) Артура Гадлея, профессора политическихъ наукъ въ Уоль-колледжѣ и директора промышленнаго и рабочаго статистическаго бюро въ Коннектикутѣ. Чрезвычайный успѣхъ этой книги въ Америкѣ, Англіи и Франціи [2]), сжатость и популярность ея изложенія побуждаютъ насъ ознакомить русскую публику съ ея содержаніемъ. Мы находимъ тѣмъ болѣе умѣстнымъ сдѣлать это теперь, когда жалобы на непомѣрные тарифы русскихъ дорогъ, на дифференціальность ихъ и торможеніе ими русскаго вывоза изъ среды грузоотправителей и торговцевъ проникли въ среду образованной публики, болѣе или менѣе интересующейся успѣхами нашей торговли.

Мы нисколько не беремся защищать наши желѣзно-дорожные порядки, а тѣмъ болѣе высокіе тарифы; еще менѣе сочувствуемъ такъ-называемымъ дифференціальнымъ тарифамъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда они вызываются исключительно фаворитизмомъ, то-есть пониженіемъ тарифовъ въ пользу излюбленныхъ лицъ или мѣстъ, когда они представляютъ грубое и явное нарушеніе всякой справедливости и влекутъ за собою разореніе лицъ, не пользующихся такимъ фаворитизмомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ

---

[1]) Arthur T. Hadley: „Railroad transportation, its history and its laws“.

[2]) Въ переводѣ А. Рафаловича и Герена съ дополненіями и замѣчаніями.

мы не сомнѣваемся, что читатель, ознакомившись съ нашимъ изложеніемъ книги Гадлея, долженъ будетъ убѣдиться, что огульно осуждать неравномѣрные или дифференціальные тарифы также неосновательно въ виду сложности и разнообразія причинъ, его вызывающихъ. Нѣкоторыя болѣе отдаленныя мѣстности съ болѣе затруднительными путями доставки грузовъ къ желѣзно-дорожной станціи не могли бы вовсе выдерживать общихъ желѣзно-дорожныхъ тарифовъ и должны были бы, слѣдовательно, совсѣмъ отказаться отъ извѣстныхъ производствъ, еслибы къ нимъ на помощь не являлась желѣзная дорога и не понижала для такихъ мѣстностей спеціально свой тарифъ, предпочитая лучше довольствоваться меньшею прибылью, нежели вовсе лишиться части грузовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя требовать отъ дороги примѣненія того же тарифа ко всѣмъ мѣстностямъ безразлично,—потому что такой повсемѣстно низкій тарифъ не могъ бы оплачивать всѣхъ ея расходовъ и неминуемо повелъ бы къ ея разоренію. Эти и многія другія соображенія выдвинуты Гадлеемъ въ столь популярной формѣ и наглядныхъ примѣрахъ, что по нимъ читателю легко будетъ уяснить себѣ правильную и безпристрастную точку зрѣнія и разобраться среди противорѣчивыхъ жалобъ отдѣльныхъ заинтересованныхъ сторонъ.

Помимо изложенія фактовъ, непосредственно связанныхъ съ желѣзно-дорожною исторіею Соединенныхъ-Штатовъ, авторъ проводитъ параллель между ихъ желѣзно-дорожными законодательствами и законодательствами главныхъ странъ Европы. Лично онъ явный противникъ правительственной эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ. Но это не мѣшаетъ ему относиться съ полнымъ безпристрастіемъ къ успѣхамъ такой эксплуатаціи въ Пруссіи и Бельгіи.

Несмотря на невыгодные иногда результаты свободной американской конкурренціи, авторъ, повидимому, отдаетъ ей преимущество, такъ какъ здѣсь, по теоріи Дарвина, побѣда остается на сторонѣ сильнаго; слабые погибаютъ. Но торжество сильныхъ сопряжено съ такою непроизводительною затратою огромныхъ капиталовъ, затрачиваемыхъ слабыми, что̀ это также не можетъ быть желательно, особенно столь небогатому капиталами государству, какъ Россія, гдѣ вся тягость неудачныхъ желѣзно-дорожныхъ предпріятій всецѣло ложится на казну, а слѣдовательно на податныхъ плательщиковъ.

Въ сущности книга Гадлея приводитъ къ тому неутѣшительному заключенію, что ни совершенной желѣзно-дорожной системы, ни совершеннаго желѣзно-дорожнаго законодательства не выработано еще до сихъ поръ нигдѣ, и что много должно бу-

деть пройти времени, пока постоянное блужданіе и опыты не приведутъ къ чему-нибудь болѣе цѣлесообразному и безупречному.

До 1850 года желѣзныя дороги разсматривались наравнѣ съ другими промышленными и торговыми предпріятіями. Полагали, что онѣ подчинятся такимъ же экономическимъ законамъ и преимущественно закону свободной конкурренціи, благодаря которому тарифы низведутся постепенно къ уровню стоимости оказанной ими службы; и только мало-по-малу убѣдились, что такой взглядъ не только не совсѣмъ вѣренъ, но даже весьма далекъ отъ истины во многихъ случаяхъ.

Между желѣзными дорогами и многими другими промышленными и торговыми предпріятіями существуетъ весьма важное различіе: всякое желѣзно-дорожное предпріятіе связано съ превращеніемъ весьма значительнаго движимаго капитала въ недвижимый на весьма продолжительный промежутокъ времени и притомъ только для одной опредѣленной цѣли. Будучи разъ затраченъ, капиталъ этотъ становится непримѣнимымъ ни къ какому другому предпріятію помимо первоначальнаго своего назначенія. Желѣзно-дорожная компанія не можетъ ни сократить своего капитала въ случаѣ отсутствія прибыли, ни быстро увеличивать его въ случаѣ своего процвѣтанія. Съ этихъ точекъ зрѣнія она совершенно отличается отъ банковаго или торговаго предпріятія, обладающаго эластичною способностью быстро увеличивать или сокращать свои капиталы, сообразно съ обстоятельствами. Въ извѣстныхъ отношеніяхъ желѣзная дорога разнится и отъ мануфактуръ, которыя при значительномъ основномъ капиталѣ владѣютъ не менѣе значительнымъ оборотнымъ, легко поддающимся сокращеніямъ и расширеніямъ, смотря по требованію торговли. Такая необходимость обращать въ недвижимость значительные капиталы породила совершенно особенныя условія для желѣзныхъ дорогъ сравнительно съ другими предпріятіями. Начать съ того, что въ большинствѣ случаевъ онѣ пользуются монополіею, такъ какъ весьма мало городовъ имѣетъ преимущество услугъ нѣсколькихъ желѣзно-дорожныхъ линій. Даже въ послѣднемъ случаѣ компаніямъ весьма нетрудно сговориться для обезпеченія за собою выгодъ монополіи, такъ что и тутъ публика лишается выгодъ конкурренціи и при установленіи произвольныхъ тарифовъ теряетъ возможность обращаться къ высшей власти. Такое положеніе дѣлъ не разъ влекло къ попыткамъ создать спеціальное законодательство для желѣзныхъ дорогъ. Попытки къ уста-

Европѣ. Тамъ, гдѣ возможна коалиція, нѣтъ мѣста конкурренціи. Очень мало государственныхъ людей сознавало это. Большинство же было или слишкомъ слѣпо, чтобы видѣть ясно, или слишкомъ слабо, чтобы дѣйствовать. И они поплатились за это самымъ жестокимъ образомъ. Люди, изучавшіе этотъ вопросъ на обѣихъ сторонахъ Атлантическаго океана, разсматриваютъ желѣзныя дороги какъ естественную монополію, ускользающую отъ обыкновенныхъ торговыхъ законовъ, и потому требуютъ спеціальнаго контроля публики.

Такую же коалицію мы встрѣчаемъ нынче во множествѣ другихъ случаевъ, въ которыхъ разсчитывали пользоваться благодѣяніемъ свободной конкурренціи. Исторія „Standard Oil Company" въ Америкѣ открыла, наконецъ, глаза многимъ. Лѣтъ двадцать тому назадъ два или три владѣльца небольшихъ капиталовъ, но ловкихъ дѣльцовъ, овладѣли особымъ способомъ очищенія петроля, доставившимъ имъ такой перевѣсъ надъ всѣми остальными конкуррентами, что послѣдніе или въ конецъ разорились, или были вынуждены войти въ сдѣлку съ изобрѣтателями, и въ результатѣ организовалось общество съ капиталомъ въ 80 мил. долларовъ, поглотившее почти всѣ очистительные заводы страны. Общество это устанавливало цѣны для каждаго округа въ виду полнаго отсутствія всякой конкурренціи. Сверхъ того оно заключило такое условіе съ нефтепроводнымъ обществомъ, которое совершенно устраняло всякую попытку конкурренціи. Хотя дѣйствія означенной компаніи и привлекли на себя общее вниманіе публики, вынудившей ее спустить цѣны, тѣмъ не менѣе инцидентъ этотъ навелъ серьезный страхъ на общество въ виду возможности развитія такого положенія вещей, при которомъ установленіе цѣнъ на предметы самой первой необходимости могло зависѣть отъ полнаго произвола нѣсколькихъ лицъ при совершенномъ отсутствіи какого-либо контроля извнѣ. Государственные люди, юрисконсульты, журналисты, воздымая руки, восклицали въ священномъ ужасѣ: „Возможны ли такія вещи!" Но что такія вещи возможны, и что онѣ развиваются съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, въ этомъ приходится убѣждаться, ибо всякая промышленность, вкладывающая большой основной капиталъ въ предпріятіе, придерживается коалиціи въ томъ или другомъ видѣ. Спрашивается: что̀ дѣлать въ виду такой системы? Прежде всего невольно является желаніе присоединить свой голосъ къ голосамъ анти-монополистовъ и просить отмѣнить или, по крайней мѣрѣ, измѣнить законы, поощряющіе такія злоупотребленія. Но покровительствуютъ ли дѣйствительно этой системѣ законы?—Это трудно

доказать. Если и покровительствуютъ, то не прямымъ путемъ,— развѣ косвеннымъ. Напротивъ того, закономъ прямо воспрещаются такія злоупотребленія. Контракты, стѣсняющіе свободу торговли, незаконны, и государство не можетъ ихъ поощрять. Нынѣшнія коалиціи далеко не то, что средневѣковыя корпораціи, поощряемыя и созданныя закономъ; онѣ рѣзко отличаются отъ послѣднихъ по своему происхожденію и развиваются съ большою силою, несмотря на то, что законодательство ихъ не поощряетъ.

Мы,—говоритъ авторъ,—воспитались на системѣ свободной конкурренціи, которую и привыкли считать естественнымъ, если не необходимымъ условіемъ всякаго частнаго предпріятія; и поэтому относимся благосклонно ко всему, чтò ее поощряетъ, и недовѣрчиво къ тому, чтò ее задерживаетъ. Мы почти безъ оговорокъ придерживаемся теоріи Рикардо: что свободная конкурренція на открытыхъ рынкахъ неизбѣжно ведетъ къ удешевленію предметовъ потребленія до приблизительной стоимости ихъ производства. Таково было дѣйствительно положеніе вещей во времена Рикардо. Въ настоящее время теорія эта становится почти анахронизмомъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ желѣзнымъ дорогамъ; потому что здѣсь, съ паденіемъ цѣнъ ниже стоимости производства, все-таки выгоднѣе продолжать производить съ потерею, нежели вовсе прекратить такое производство, какъ эксплуатація желѣзной дороги. Для уясненія такого парадоксальнаго, повидимому, вывода, авторъ приводитъ слѣдующій примѣръ. Желѣзно-дорожная линія, соединяющая два близко другъ отъ друга отстоящихъ города, провозитъ ежемѣсячно 100.000 тоннъ товара по 25 центовъ за тонну. Изъ 25.000 дол., выручаемыхъ ею за это, 10.000 идутъ на издержки подвижного состава, нагрузки и разгрузки, 5.000—на ремонтъ и постоянные расходы; а послѣдніе 10.000 дол. идутъ на уплату процентовъ со стоимости постройки желѣзной дороги. Первое данное число видоизмѣняется, смотря по размѣру дѣлъ, тогда какъ проценты остаются все одни и тѣ же, а стоимость ремонта почти не измѣняется оттого, будетъ ли расходоваться матеріалъ отъ перевозки товара или отъ ржавчины и порчи вслѣдствіе непогоды. Предположимъ теперь, что въ той же мѣстности проводится параллельная линія, которая, въ видахъ обезпеченія себѣ дѣла, берется возить по 20 центовъ за тонну. Это вынуждаетъ первое общество тоже удешевить свой тарифъ до одинаковаго размѣра, хотя бы такое пониженіе сокращало ея прибыль, но ей важно сохранить за собою дѣло. Но вотъ новая линія понижаетъ свои тарифы до 15 центовъ, и это опять понуждаетъ къ такому же пониженію тарифа и старую линію. Съ тарифомъ

въ 15 центовъ она уже не можетъ выручать прибыли на свой капиталъ, если только удешевленіе тарифа не повлечетъ за собою увеличенія движенія. Она будетъ еще въ состояніи при этой выручкѣ платить за ремонтъ и содержаніе, и тѣмъ избавится хоть отъ чистой потери. Затѣмъ конкуррентная линія еще разъ понижаетъ тарифы до 11 центовъ. Но и такой тарифъ даетъ еще возможность удѣлять нѣсколько денегъ на ремонтъ; а это все же лучше, чѣмъ ничего, потому что, беря по 11 центовъ за перевозку товаровъ, обходящуюся себѣ 25 центовъ, вы теряете 14 центовъ на всякой тоннѣ; но, отказываясь вовсе перевозить ихъ по этой цѣнѣ, вы теряете по 15 центовъ на каждой тоннѣ, отъ которой отказались, ибо такой отказъ не освобождаетъ васъ ни отъ платежа процентовъ, ни отъ расходовъ по содержанію желѣзной дороги.

Такія явленія весьма нерѣдки въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ, особенно если желѣзная дорога банкрутится. „Лучше дѣло по самой ничтожной цѣнѣ, нежели вовсе отсутствіе дѣлъ!“ Таковъ лозунгъ въ этихъ случаяхъ. Общество уже давно не платитъ процентовъ, и только заботится о томъ, чтобы было чѣмъ оплатить расходы по нагрузкѣ товаровъ и за уголь локомотивовъ. Вышеприведенный случай совершенно опровергаетъ теорію Рикардо, основанную на томъ фактѣ, что конкурренція прекращается тамъ, гдѣ вознагражденіе не оплачиваетъ расходовъ. Здѣсь конкурренція платитъ не только за право производить самое дѣло, но еще за то, чтобы обезоружить конкуррента. Такая конкурренція не привлечетъ новыхъ капиталовъ; но зато будетъ вести борьбу или до полнаго истощенія капитала и матеріала, или же до соглашенія съ конкуррентной линіею.

Желѣзныя дороги могутъ служить прототипомъ всѣхъ новѣйшихъ предпріятій. Затрата большого основного капитала вызываетъ вездѣ одинаковыя послѣдствія. Въ 1870 г. цѣна желѣза въ Филадельфіи стояла въ среднемъ отъ 33 до 25 центовъ за тонну, окупая приблизительную стоимость производства и проценты на затраченный капиталъ. Вырабатывалось ею въ Соед.-Шт. приблизительно до 1.900.000 тоннъ ежегодно. Но въ 1871 и въ теченіе большей части 1872 года цѣны поднялись до 53 дол. 87 центовъ. Такое повышеніе привлекло новые капиталы къ этому производству, такъ что оно возросло до 2.855.000 тоннъ въ 1872 году, а въ слѣдующемъ—до 2.868.000. До сихъ поръ теорія Рикардо какъ будто подтверждалась, потому что съ развитіемъ конкурренціи цѣны стали понижаться, но только быстрѣе, чѣмъ повышались; такъ что въ декабрѣ 1873 г. цѣна тонны пала до 32,50 центовъ, а

въ декабрѣ 1874 г.—до 24 дол. Въ 1878 средняя цѣна была 17,62 цента. Желѣзные заводы не могли соотвѣтственно быстро сократить свое производство, во избѣжаніе полнаго разоренія. Они продолжали производство въ большой себѣ убытокъ и боролись съ тѣмъ бо̀льшей энергіею, чѣмъ болѣе падали цѣны. Много предпріятій пало. Нѣкоторыя вышли изъ затрудненія, пережидая лучшихъ временъ. Но въ теченіе шести лѣтъ производились милліоны тоннъ желѣза и продавались ниже своей стоимости, лишь бы окупить содержаніе и заработную плату, безъ всякой надежды на вознагражденіе на затраченные капиталы.

Большая разница, значитъ, между торговой конкурренціею, какъ ее понималъ Рикардо, и конкурренціей желѣзныхъ дорогъ и большихъ мануфактуръ.

Дѣйствіе первой—быстро и спасительно и не доводитъ до крайности. Потому если бакалейщикъ А. торгуетъ въ убытокъ, то такой же торговецъ Б. не станетъ ему подражать, а предпочтетъ пріостановиться съ невыгодной торговлей на время. И дѣйствительно, такая пріостановка не причиняетъ Б. значительной потери, такъ какъ съ уменьшеніемъ прибыли уменьшаются и его расходы. А во-вторыхъ, если А. будетъ продолжать продавать себѣ въ убытокъ, то убытокъ этотъ будетъ рости пропорціонально съ ростомъ его дѣлъ. Понятно, что такое положеніе вещей не можетъ тянуться долго. Если А. вернется къ прибыльнымъ цѣнамъ, то Б. будетъ опять въ состояніи поддерживать конкурренцію. Если же А. будетъ продолжать продавать съ потерею, то обанкрутится, и тогда Б. опять получитъ свободу дѣйствія.

Совершенно иначе происходитъ съ желѣзными дорогами, ибо если желѣзная дорога А. понижаетъ свои тарифы въ видахъ конкурренціи, то желѣзная дорога Б. вынуждена дѣлать то же, потому что пріостановка движенія наноситъ ей существенную потерю; ибо расходы по содержанію, процентамъ и пр., какъ мы видѣли, остаются почти неизмѣнными, будетъ или не будетъ пріостановлено движеніе. Еслибы Б. пріостановилъ свое движеніе, то потери А. могли бы быть не столь велики въ виду того, что онъ можетъ выиграть на увеличеніи количества дѣлъ то, что теряетъ на пониженіи тарифа. Но А. не пріостановитъ своего движенія, несмотря на его невыгодность, лишь бы конкуррировать съ Б. Дорога его хоть и приходитъ въ полный упадокъ, остается все на томъ же мѣстѣ и продолжаетъ конкуррировать, утрачивая послѣднюю совѣстливость и отвѣтственность.

Конкурренція между магазинами имѣетъ свои естественные предѣлы. Они понижаютъ цѣны до того, во что онѣ имъ самимъ

ятся, или развѣ немного ниже, тогда какъ конкурренція вныхъ дорогъ или большихъ мануфактуръ не останавливается тихъ естественныхъ границахъ. Вездѣ, гдѣ въ дѣлѣ большіе алы, конкурренція понижаетъ цѣны себѣ въ убытокъ, ко- й не оплачиваетъ ей ни содержанія предпріятія, ни процен- Иногда послѣдніе покрываются деньгами, извлеченными изъ мановъ акціонеровъ, вовсе не пользующихся выгодами уде- енныхъ тарифовъ. Это влечетъ за собою банкрутства, разо- капиталистовъ и, доходя до большихъ размѣровъ, произ- ъ коммерческіе кризисы.

Есть одно средство предупредить такія банкрутства. Если кон- енція вредитъ всѣмъ сторонамъ, то стороны должны пре- тъ ее и придти къ соглашенію, или, иначе говоря, образо- коалицію, которая и приводитъ къ совершенной монополіи, авливающей цѣны не на основаніи ихъ колебанія на откры- рынкѣ, но на основаніи общаго соглашенія всѣхъ продавцовъ.

Соглашеніе можетъ произойти въ видѣ слѣдующихъ четырехъ ь: 1) соглашенія по установленію тарифовъ; 2) на основаніи ла поля эксплуатаціи; 3) раздѣла торговли, и 4) раздѣла при- Три послѣднихъ соглашенія извѣстны подъ названіемъ коа- или синдикатовъ.

Первая форма коалиціи—самая простая, но наименѣе дѣй- ельная, такъ какъ очень трудно соблюсти, чтобы всѣ согла- еся не поддались искушенію продать нѣсколько дешевле овленной цѣны и тѣмъ привлечь къ себѣ побольше клien- Этотъ способъ въ сущности возвращаетъ къ прежней, только й, конкурренціи. Для предпринимателей она вреднѣе открытой, ствіе чего они и нашли болѣе выгоднымъ распредѣлять дѣла у различными конкуррентами посредствомъ особаго согла- , извѣстнаго подъ названіемъ *pooling agreements*. Такое со- еніе основано на различныхъ комбинаціяхъ, нарушить кото- невозможно безъ мошенничества, легко обнаруживающагося юго преслѣдуемаго.

Наиболѣе легкій способъ—распредѣленіе поля дѣйствія. Къ постоянно прибѣгаютъ различныя водопроводныя или газо- общества, распредѣляя между собою различные кварталы го- или мануфактуристы, резидирующіе въ различныхъ городахъ лашающіеся обезпечивать другъ другу рынки своего мѣсто- ьства. Такія соглашенія нерѣдки и между желѣзными до- и. Но такъ какъ въ большинствѣ случаевъ такія соглаше- еприменимы въ этомъ видѣ, то конкурренты распредѣляютъ пропорціонально количеству дѣлъ каждаго изъ нихъ. Такъ

желѣзныя дороги соглашаются насчетъ количества процентовъ дѣлъ каждой конкуррирующей линіи, подобно тому, какъ владѣльцы угольныхъ копей соглашались насчетъ количества угля, которое слѣдуетъ извлечь каждому изъ нихъ, или подобно соглашенію мануфактуристовъ, опредѣлявшихъ количество производства каждаго изъ нихъ. Если которая-нибудь изъ линій получаетъ болѣе дѣлъ противъ условія, то, во избѣжаніе передачи этихъ дѣлъ конкуррирующей линіи, соглашеніе улаживается съ помощью денежнаго разсчета, вслѣдствіе котораго прибыли дѣлятся между конкуррентами. Это и есть четвертая форма коалиціи. Съ перваго взгляда она представляется самой опасной, потому что всѣ дѣла страны какъ бы предоставляются произволу такого синдиката. Но въ сущности опасность эта не такъ велика, потому что безконечно большихъ барышей не можетъ получить никакой синдикатъ, ибо большіе барыши привлекаютъ новые капиталы. Поэтому въ интересахъ послѣдняго устанавливать разумные тарифы, которые бы сами собою устраняли всякую конкурренцію.

Первоначальные признаки коалиціи стали проявляться при сліяніи нѣсколькихъ отдѣльныхъ участковъ желѣзныхъ дорогъ въ одну общую линію. Такъ, напримѣръ, въ 1853 году нью-іоркская центральная желѣзная дорога образовалась изъ сліянія одиннадцати участковъ, устроенныхъ первоначально между различными городами. Въ 1855-58 г. сѣть эта увеличилась присоединеніемъ къ ней новыхъ пяти линій, а затѣмъ, благодаря усиліямъ извѣстнаго дѣятеля Вандербильда, расширилась болѣе чѣмъ до 4.000 миль. Тому же примѣру слѣдовало большинство остальныхъ линій. Такое сліяніе было ежедневно, потому что пока желѣзныя дороги представляли чисто мѣстныя предпріятія, эксплуатирующія ближайшіе округи,—коротенькія линіи могли еще существовать, служа исключительно мѣстнымъ интересамъ. Но съ развитіемъ значительной торговли, съ перевозкою товаровъ на дальнія разстоянія, такое положеніе вещей было признано разорительнымъ въ виду неудобства перегрузки товаровъ и трудности найти отвѣтчиковъ за ихъ неисправную доставку, такъ что вовсе не требовалось большой научной подготовки для уразумѣнія выгоды сліянія.

Не ограничиваясь сліяніемъ малыхъ линій въ большія, американцы, для избавленія публики отъ затрудненій, сопряженныхъ съ пересадкою или перегрузкою съ одной большой линіи на другую, учредили транспортныя компаніи для болѣе тяжелаго товарнаго груза, а также экспрессныя для пріема и перевозки спѣшныхъ грузовъ съ поѣздами большой скорости, слѣдовательно и

пассажирскаго багажа, а также компаніи спальныхъ вагоновъ. Компаніи эти уплачиваютъ желѣзнымъ дорогамъ за право пробѣга и берутъ на себя полную отвѣтственность передъ публикой. Такое устройство вызвало много злоупотребленій, такъ какъ директора желѣзныхъ дорогъ большею частью становились участниками такихъ обществъ, заключали съ ними выгодные контракты и обогащались такимъ путемъ на счетъ акціонеровъ желѣзныхъ дорогъ, интересы которыхъ должны бы были представлять. Думали-было устранить это злоупотребленіе, заставляя уплачивать стоимость провоза не представителямъ обществъ перевозки, а самой желѣзной дорогѣ, которая выдавала этимъ обществамъ извѣстный процентъ за коммиссію. Но такое измѣненіе имѣло мало успѣха, и потому въ новѣйшее время пришли къ совершенно иному способу разсчетовъ, на маперъ такъ-называемыхъ разсчетныхъ палатъ (clearing house), не допускающихъ ни обмановъ, ни лишнихъ барышей. Всякая желѣзная дорога отчисляетъ извѣстный процентъ на содержаніе своихъ вагоновъ, которые или окрашиваетъ въ опредѣленную краску, или на которые накладываетъ свой штемпель. Такіе вагоны свободно пробѣгаютъ по всѣмъ линіямъ, а разсчеты и наблюденія за пробѣгомъ каждаго вагона предоставлены особому центральному бюро, такъ-называемой *cooperative fast-freight-line*, содержимому тоже на извѣстный процентъ, взимаемый по разсчету со всѣхъ линій, входящихъ въ составъ вышеозначенной *cooperative fast-freight-line*. Отсутствіе возможности обмана очень подняло значеніе этого учрежденія, тѣмъ болѣе, что съ нимъ значительно сократились расходы линій по надзору. Такъ напримѣръ, желѣзно-дорожное общество Эріэ, отчислявшее прежде 9% прибыли на надзоръ за своимъ подвижнымъ составомъ на большихъ разстояніяхъ, съ учрежденіемъ вышеозначенной „cooperative-line" низвело расходъ этотъ до 3%. Но опять-таки и это учрежденіе не удовлетворяетъ вполнѣ всѣмъ требованіямъ удобствъ публики, въ виду трудности найти настоящаго отвѣтчика въ случаѣ убытковъ или злоупотребленій. Кромѣ того, средство это, соединявшее нѣсколько линій въ одну общую сѣть, вызвало еще болѣе рѣзкое соперничество и борьбу между различными сѣтями желѣзныхъ дорогъ, не вошедшими въ составъ вышеозначеннаго союза fast-freight-line. Борьба эта становилась все болѣе и болѣе гибельной по мѣрѣ распространенія на болѣе широкій районъ и, слѣдовательно, на цѣлые милліоны тоннъ товаровъ, не говоря уже о потерѣ милліоновъ долларовъ, теряемыхъ акціонерами вслѣдствіе такой борьбы. Разгорѣвшись съ такою силою, борьба эта, въ концѣ концовъ, затрогивала всѣ на-

ціональные интересы, и потому должна была неизбѣжно привести или къ сліянію, или къ коалиціонному синдикату, о которыхъ мы говорили нѣсколько выше.

Первоначально всѣ тяжелые громоздкіе товары, перевозка которыхъ обходилась желѣзной дорогѣ по 2 цента съ мили, шли водяными путями, но, съ удешевленіемъ стоимости провоза, желѣзныя дороги стали оказывать конкурренцію послѣднимъ. Такъ, напримѣръ, въ 1868 г. тарифъ 1-го класса отъ Чикаго до Нью-Іорка былъ въ 1 дол. 88 цент. за сто фунтовъ, а тарифъ 4-го класса—82 цента. Въ 1869 году конкурренція низвела и тотъ, и другой до 0,25 центовъ со ста фунтовъ всякаго товара, безъ разбора классовъ. Но такое низведеніе цѣнъ, благодаря конкурренціи, не могло держаться долго и неизбѣжно закончилось коалиціею желѣзныхъ дорогъ съ водяными путями, на основаніи которой барыши было рѣшено дѣлить, вслѣдствіе чего цѣны стали постепенно повышаться до того времени, пока не построена была новая линія, явившаяся конкурренткой прежней. Въ 1874 г. возгорѣлась новая, самая дикая и ожесточенная борьба и довела пониженіе цѣнности провоза товаровъ 1-го разряда до 25 цент. со ста фунтовъ, а 4-го—до 16 центовъ.

Нынѣшніе тарифы еще ниже. Понятно, что такое положеніе вещей вызвало быстрое паденіе прибыли какъ желѣзныхъ дорогъ, такъ и каналовъ. Послѣдніе даже совершенно утратили свое временное преобладаніе. Особенно пострадалъ отъ этого городъ Нью-Іоркъ, портъ котораго долго пользовался выгодами такого преобладанія каналовъ, взимая непомѣрныя таксы во вредъ расширенію дѣлъ. Наученные этимъ опытомъ, Бальтимора, Филадельфія и Бостонъ, сдѣлавшись конкуррентами Нью-Іорка, стали избѣгать подобныхъ стѣсненій торговли и, напротивъ, старались по возможности удешевить расходы торговли. Это дѣйствительно послужило къ быстрому процвѣтанію торговли этихъ городовъ въ ущербъ Нью-Іорку, вслѣдствіе чего между ними и послѣднимъ возгорѣлась самая ожесточенная война, длившаяся до 1877 года, когда вынуждены были прибѣгнуть къ компромиссу и подѣлить интересы подобно желѣзнымъ дорогамъ. Это съизнова возродило водяные пути, но, къ сожалѣнію, не надолго, такъ какъ новая ожесточенная война желѣзныхъ дорогъ въ 1881 году низвела тарифы до невѣроятнаго минимума. Война эта была продолжительнѣе прежнихъ, потому что не повлекла за собою паденія дивиденда, какъ обыкновенно, вслѣдствіе общаго процвѣтанія дѣлъ. Конкурренція и борьба съ небольшими перерывами продолжаются и понынѣ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ процвѣтаніе

говли въ 1881—82 годахъ вызвало на свѣтъ много спекуля-
нныхъ желѣзныхъ дорогъ. Но, въ концѣ концовъ, все это должно
етъ окончиться коалиціею желѣзныхъ дорогъ въ невыгодѣ
ребителя.

Желѣзно-дорожное дѣло ведетъ свое начало только съ на-
го вѣка. Такъ, первая линія желѣзно-конной дороги была
ведена въ 1801 году между Вандсвортомъ и Кройдономъ въ
естностяхъ Лондона. Затѣмъ въ 1814 году пришли къ мысли
имѣнить полированныя колеса къ полированнымъ рельсамъ,
это, въ свою очередь, привело къ мысли о локомотивѣ, кото-
й и былъ первоначально построенъ Георгомъ Стевенсономъ.
первая паровая желѣзная дорога отъ Ливерпуля до Ман-
тра не обошлась безъ сильной борьбы и противодѣйствія.
лько такому политику, какъ Гускиссонъ, удалось провести ее,
го истративши предварительно 70.000 ф. ст. Но успѣхъ этой
ніи обезпечилъ постройку многихъ другихъ линій въ Англіи и
угихъ странахъ. Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ уже были
ланы такія попытки, а затѣмъ были начаты въ нѣсколькихъ
угихъ различныхъ мѣстахъ разомъ. Бельгійское правительство
стро начертало цѣлую систему желѣзно-дорожныхъ линій, и
огіе германскіе округи послѣдовали ея примѣру. Франція не
соединилась къ общему движенію, не столько потому, чтобы
му мѣшали ея и безъ того прекрасныя дороги и каналы,
лько потому, что не въ ея характерѣ производить работы
ѣльными клочками, безъ предварительно начерченнаго общаго
ана. Между тѣмъ всѣ первоначальныя желѣзно-дорожныя ли-
другихъ націй, за исключеніемъ Бельгіи, отличаются именно
мъ разрозненнымъ, случайнымъ характеромъ, носящимъ на
ѣ скорѣе отпечатокъ опыта, нежели чего-либо систематическаго
определеннаго. И дѣйствительно, первоначально имѣлось весьма
тное представленіе о полномъ назначеніи желѣзныхъ дорогъ.
едполагали, что онѣ, главнымъ образомъ, будутъ провозить
ешественниковъ и подчиняться одинаковымъ законамъ съ преж-
ми шоссейными дорогами съ дорожнымъ сборомъ. При утвер-
еніи первыхъ концессій въ Англіи и Германіи предполагалось
чала, что обществамъ будетъ принадлежать лишь самый путь,
добно тому, какъ имъ принадлежатъ русла каналовъ, и что вся-
будетъ передвигаться въ собственномъ вагонѣ, подобно суд-
мъ. Поэтому и тарифы предполагалось назначить соотвѣтственно
ифамъ, взимаемымъ у заставъ. Вслѣдствіе этого многія кон-
сіонныя хартіи наполнялись длинными оговорками съ сотнею

различныхъ предписаній по этому поводу, изъ которыхъ ни одно не имѣло практическаго значенія. Наиболѣе очевидныя нелѣпости отбрасывались постепенно, но еще до сихъ поръ онѣ косвенно отзываются на настоящемъ законодательствѣ.

Первые инженеры слишкомъ преувеличивали возможную быстроту поѣздовъ, предполагая ее отъ 120 до 160 верстъ въ часъ, что не оправдалось на дѣлѣ. Съ другой стороны, они слишкомъ низко оцѣнивали способность желѣзныхъ дорогъ обходиться дешево. Не предполагали, чтобы желѣзныя дороги могли конкуррировать съ водяными путями для перевозки грузовъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда требовалась непремѣнная быстрота доставки. Въ то время избѣгали такой конкурренціи, и въ этомъ направленіи и смыслѣ только и давались первыя концессіи. Слѣдующее поколѣніе въ Нью-Іоркѣ громко требовало запрещенія центральной нью-іоркской желѣзной дороги конкуррировать въ перевозкѣ товаровъ съ каналомъ Эріэ.

Періодъ дѣтства желѣзныхъ дорогъ въ Соед.-Штатахъ заканчивается къ 1850 г. Концессія земель и образованіе трехъ большихъ линій отъ берега во внутрь страны въ 1850 году обозначаютъ новую эру. Убѣдились наконецъ, что паровая желѣзная дорога представляетъ нѣчто бо̀льшее, чѣмъ шоссейная съ дорожнымъ сборомъ или желѣзно-конная, и что функціи ея и законы должны разниться отъ послѣднихъ. Результатомъ этого явилось: 1) сліяніе прежнихъ линій; 2) постройка новыхъ при весьма разнообразныхъ условіяхъ, и, самое главное, 3) развитіе торговли вслѣдствіе дешевыхъ тарифовъ.

Первоначальныя концессіи ограничивались весьма короткими линіями, такъ что, напримѣръ, нью-іоркская центральная линія между Гудзономъ и озеромъ Эріо образовалась черезъ сліяніе шестнадцати первоначальныхъ компаній. Такое сліяніе всегда возбуждало неосновательныя опасенія публики, но она скоро, впрочемъ, успокаивалась въ виду выигрыша въ скорости, точности и лучшей организаціи, явившихся тотчасъ же по сліяніи нѣсколькихъ одиночныхъ участковъ въ одну прямую и единственную линію. Такія опасенія становились болѣе основательными при сліяніи параллельныхъ конкуррентныхъ линій, гдѣ выгоды были менѣе очевидны, а опасенія болѣе опредѣленны. Помимо сліянія, прямому сообщенію и увеличенію торговыхъ оборотовъ способствовали техническія улучшенія. Такъ, первоначально не предполагалось возможнымъ строить желѣзныя дороги иначе, какъ на плоскихъ мѣстахъ, но новѣйшія усовершенствованія въ техническомъ и инженерномъ искусствѣ научили преодолѣвать подъемы

необыкновенной вышины. Начиная съ альпійской желѣзной дороги отъ Вѣны въ Тріестъ черезъ Земмерингъ въ 1854 году и бреннерской линіи отъ Мюнхена въ Италію въ 1867 году, инженерное искусство не переставало преодолѣвать величайшія трудности, каковы, напримѣръ, линіи черезъ Монъ-Сенисъ, С.-Готардъ съ туннелемъ въ $14^1/_2$ километровъ и многія другія во всѣхъ частяхъ свѣта.

Нѣкоторыя изъ желѣзно-дорожныхъ линій создали новыя международныя сношенія тамъ, гдѣ вовсе не существовало сообщенія. Другія служили предшественниками цивилизаціи. Послѣднія, разумѣется, не должны были обходиться дорого, такъ какъ иначе ихъ бы вовсе нельзя было строить. Въ Америкѣ вопросъ дешевизны разрѣшался безъ затрудненія въ виду дешевизны земли и лѣса. Нужно было только выбирать линіи съ наименьшимъ количествомъ наклоновъ, траншей и мостовъ, наложить шпалы на самую почву и прикрѣплять къ ней рельсы самымъ дешевымъ способомъ, въ надеждѣ на болѣе прочное сооруженіе въ будущемъ. Въ Европѣ же, напротивъ того, вопросъ этотъ сдѣлался предметомъ научнаго изученія. Система узкоколейныхъ желѣзныхъ дорогъ была особенно тщательно разсмотрѣна въ видахъ ея примѣненія къ менѣе торговымъ центрамъ, къ горнымъ округамъ или въ стратегическихъ видахъ.

Военныя и политическія причины играли весьма важную роль въ дѣлѣ расширенія желѣзно-дорожной сѣти. Имъ обязана, напримѣръ, своимъ осуществленіемъ линія „Юніонъ-Пасификъ". Сюда нужно также отнести и большинство горныхъ желѣзныхъ дорогъ въ Европѣ. Желѣзныя дороги имѣютъ совершенно спеціальное назначеніе въ новѣйшей войнѣ, помимо всякихъ болѣе общихъ соображеній политическаго характера. Извѣстна поговорка Наполеона, что сила арміи въ ея ногахъ. Новѣйшіе успѣхи какъ нельзя болѣе оправдывали ее. Можетъ быть, отсутствію нѣсколькихъ лишнихъ миль желѣзной дороги Австрія обязана своимъ пораженіемъ въ 1859 году при Сольферино и Маджентѣ, а Италія—измѣненіемъ своей судьбы. Энергичное пользованіе всѣми желѣзными дорогами дало возможность въ 1870 году Германіи размѣстить свои войска въ наиболѣе необходимыхъ мѣстахъ и наносить тѣ могучіе удары, которыми опредѣлился исходъ войны съ первыхъ же дней. Одинъ изъ самыхъ поучительныхъ уроковъ, извлеченныхъ изъ войны за уничтоженіе невольничества, состоялъ въ надлежащей оцѣнкѣ рельсоваго сообщенія на самомъ мѣстѣ военныхъ дѣйствій. Американцы научились быстро разрушать желѣзныя дороги въ виду непріятеля и сооружать ихъ для себя.

Военныя желѣзныя дороги Франціи въ Тунисѣ, Англіи въ Египтѣ и закаспійской въ Россіи показываютъ, что урокъ этотъ пошелъ въ прокъ. Въ цѣломъ количество желѣзныхъ дорогъ возросло съ 20.000 миль въ 1850 г. до 66.000 въ 1860 году; до 137.000 въ 1870 г.; до 225.000 въ 1880 г. и до 285.000 въ настоящее время. Рядомъ съ такимъ быстрымъ развитіемъ желѣзно-дорожнаго дѣла столь же быстро развивалась торговля. Количество перевезенныхъ тоннъ съ 800 милліоновъ въ 1875 году возросло въ настоящее время до 1.200 мил., тогда какъ количество путешественниковъ съ 1.400 мил. возросло до 2.400 мил. Еслибы была возможность принять въ разсчетъ пространство наравнѣ съ количествомъ, то измѣненіе должно бы было оказаться еще больше. Происхожденіемъ своимъ оно обязано отчасти успѣху въ инженерномъ искусствѣ, но еще болѣе улучшенію способовъ эксплуатаціи и самой торговли. Потребовалось много времени для того, чтобы люди, стоящіе во главѣ желѣзно-дорожнаго дѣла, освоились съ банальною истиною, что степень доходности линіи зависитъ столько же отъ количества торговыхъ операцій, сколько отъ абсолютнаго пониженія тарифа. Постигли, наконецъ, что нѣкоторыя линіи даютъ мало или вовсе не даютъ движенія при возвышенномъ тарифѣ, тогда какъ при удешевленномъ тарифѣ получаются довольно значительные грузы, преимущественно предметовъ дешевыхъ и общеупотребительныхъ, каковы: уголь, камень, дерево и даже предметы питанія. Удешевленіе тарифа на эти предметы повело къ новымъ сдѣлкамъ, вызвавшимъ новыя статьи перевозки. Такимъ образомъ, измѣненіе, разорительное при примѣненіи къ общей системѣ перевозки, оказалось весьма выгоднымъ во многихъ случаяхъ и не только относительно извѣстныхъ грузовъ, но вообще относительно всякихъ грузовъ на большихъ разстояніяхъ.

Прежняя система помильной платы равнялась полному запрещенію при примѣненіи къ большимъ разстояніямъ. Такъ напримѣръ, взиманіе по 3 цента съ тонны и мили, какъ тò дѣлалось тридцать лѣтъ тому назадъ, увеличило бы на цѣлый долларъ цѣнность бушеля хлѣба, перевезеннаго изъ Чикаго въ Нью-Іоркъ. Точно такъ же было бы разорительно понизить сразу тарифъ одинакóво равномѣрно по всей линіи, и потому рѣшили понижать его въ тѣхъ случаяхъ, когда такое пониженіе можетъ содѣйствовать увеличенію торговыхъ дѣлъ, вознаграждающихъ за пониженіе тарифа. Успѣшные результаты такого пониженія заставили окончательно отбросить прежнюю систему равномѣрнаго тарифа, что не мало содѣйствовало развитію торговаго движенія. Несмотря на дѣйствительность такой системы въ общемъ, въ

частностяхъ она давала поводъ къ большимъ и вопіющимъ злоупотребленіямъ, вызывавшимъ усиленныя жалобы и сожалѣнія о прежней, старой системѣ взиманія провозной платы.

Система эта, основанная на томъ, *чтобы заставить торговлю платить то, что она въ состояніи вынести*, привела къ положительному пониженію тарифовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличила доходность желѣзныхъ дорогъ. Тѣмъ не менѣе, она вызвала такія нападки и такъ мало была понята всѣми, что обратилась въ синонимъ необузданнаго вымогательства.

Между 1850 и 1880 гг. тарифы были уменьшены почти вдвое, несмотря на вздорожаніе труда и многихъ другихъ предметовъ потребленія. Такому удешевленію много содѣйствовали изобрѣтенія Бессемера и другихъ, благодаря которымъ желѣзные рельсы замѣнились стальными, давшими возможность желѣзнодорожнымъ компаніямъ тяжелѣе нагружать вагоны и понизить цѣны. Успѣхи эксплуатаціи усилили дѣйствительность перевозочнаго состава съ одновременнымъ уменьшеніемъ сжигаемаго матеріала и его удешевленіемъ. Разныя другія улучшенія въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ дали имъ возможность конкуррировать съ лучшими каналами и естественными водяными путями по транспорту всевозможныхъ категорій, такъ что нынѣшніе перевозочные тарифы представляютъ только дробь тарифовъ, взимаемыхъ каналами два вѣка тому назадъ, не говоря уже о значительномъ улучшеніи въ размѣрѣ, быстротѣ и разнообразіи пользованія.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ австрійское правительство совершенно основательно отнеслось недовѣрчиво къ желѣзнымъ дорогамъ какъ къ чему-то революціонному. Улучшенные пути сообщенія совершенно перевернули систему Меттерниха и Священнаго Союза. Распространеніе новостей при помощи почты и телеграфа вынудило самыя консервативныя власти двигаться впередъ. Влеченіе къ путешествіямъ нанесло рѣшительный ударъ паспортной системѣ. Расширеніе торговли привело къ объединенію монетной единицы, вѣса и мѣры. Земельной рентѣ, составляющей основу общественнаго строя Англіи, грозитъ большая опасность со стороны Дакоты, Небраски, Чикаго и Калькутты, которые стоятъ теперь въ торговомъ отношеніи ближе къ Лондону, чѣмъ послѣдній отстоялъ сто лѣтъ тому назадъ отъ Вѣны, чтобы не сказать отъ Парижа. Даже заставы протекціонной политики теряютъ свою силу при постоянномъ пониженіи тарифовъ. Въ настоящее время мы не ограничиваемся производствомъ для одного лишь собственнаго рынка; производства наши идутъ теперь на рынки всего міра; поэтому и цѣны устанавливаются всемірнымъ спросомъ и

предложеніемъ. Развитіе перевозочныхъ средствъ наравнѣ съ расширеніемъ кредита всего болѣе содѣйствовало этому. Благодаря имъ, конкуррентами одного и того же производства являются мѣстности, разбросанныя по самымъ отдаленнымъ другъ отъ друга странамъ, какъ мы это явно видимъ въ дѣлѣ хлѣбной торговли и производствѣ скота. Правда, что подобная конкурренція приводитъ иногда къ плачевнымъ результатамъ въ видѣ неимовѣрнаго пониженія цѣнъ, вслѣдствіе избытка товара; но въ этомъ виноваты не желѣзныя дороги,—онѣ сами становятся жертвами такой усиленной конкурренціи, потому что усиленное производство извѣстныхъ странъ побуждаетъ къ неблагоразумному чрезмѣрному расширенію желѣзно-дорожной сѣти. Съ пониженіемъ цѣнъ на товары желѣзныя дороги бываютъ вынуждены понижать до крайняго минимума свои тарифы для того, чтобы сохранить за собою хоть какое-нибудь движеніе, въ виду невозможности сокращать свой капиталъ подобно другимъ промышленнымъ предпріятіямъ, или изъ желанія подорвать своего конкуррента. Доведенныя до банкротства, онѣ все-таки продолжаютъ работу хотя и съ меньшею добросовѣстностью, но болѣе усиленную. Отсюда становится яснымъ, почему желѣзныя дороги являются одновременно и орудіемъ спекуляціи, и жертвами избытка производства и коммерческихъ кризисовъ.

Централизація промышленности въ большихъ городахъ — въ прямой связи съ улучшеніемъ транспорта. При существованіи простыхъ дорогъ ростъ городовъ долженъ былъ по-неволѣ быть ограниченъ въ виду трудности доставки достаточнаго питанія всему населенію. Желѣзныя дороги расширили эти границы почти до безконечности, доставляя городамъ поѣздами большой скорости молоко, фрукты, овощи и понижая тарифы для хлѣбовъ и мяса, привозимыхъ изъ дальнихъ пунктовъ.

Такая отдаленная доставка жизненныхъ продуктовъ повела къ неравномѣрному пониженію однихъ и тѣхъ же тарифовъ, причемъ преимущество выпадало на долю большихъ центровъ. Дѣлалось это подъ вліяніемъ усиленной конкурренціи, и этому въ періодъ 1856—1872 гг. не въ состояніи были противостоять даже тѣ европейскія государства, которыя были собственниками большинства линій. Въ Англіи же и Соед.-Штатахъ конкурренція эта перешла всякія границы. Въ послѣднихъ она приняла характеръ сплошного злоупотребленія, покровительствуя не только цѣлымъ городамъ, но и отдѣльнымъ личностямъ. Отдавалось преимущество большимъ дѣльцамъ и торговцамъ передъ мелкими, вслѣдствіе чего послѣдніе, припертые къ стѣнѣ, по-неволѣ должны

ı стушевываться, уступая мѣсто большимъ торговцамъ, сосре-
чивая, такимъ образомъ, всю промышленность и торговлю въ
іогихъ и часто не совсѣмъ чистыхъ рукахъ. Но что̀ еще
е, это—то, что въ Америкѣ желѣзныя дороги не только обра-
ись въ орудія спекуляціи, но еще сами подавали примѣры
й вредной монополіи черезъ сліяніе нѣсколькихъ конкурри-
щихъ линій въ руки одной компаніи; вслѣдствіе чего весь
гроль надъ торговлею страны перешелъ въ руки нѣсколькихъ
ших корпорацій. Въ сущности такая консолидація желѣз-
ъ дорогъ сама по себѣ должна бы не приносить ничего кромѣ
зы въ виду сокращенія расходовъ по администраціи и боль-
о порядка въ дѣлопроизводствѣ. Но иное дѣло, когда собствен-
ами путей сообщенія являются тѣ самыя лица, которымъ при-
ится ими пользоваться, какъ то было при прежнихъ застав-
ъ дорогахъ или теперь, когда собственниками желѣзныхъ до-
ь являются лица, вовсе не заинтересованныя мѣстными инте-
ами, каковы акціонеры; а пользоваться ими приходится со-
ѣ чуждымъ имъ лицамъ, такъ что интересы и тѣхъ и дру-
ь діаметрально противоположны, причемъ посредникомъ обѣ-
сторонъ является исключительно администрація желѣзныхъ
огъ.

Такое положеніе вещей стало внушать опасенія почти одно-
іенно во всѣхъ странахъ свѣта и послужило къ новымъ же-
ю-дорожнымъ законоположеніямъ въ 1870—73 годахъ со сто-
ы государствъ.

До этого времени государства, признавая все значеніе желѣз-
ъ дорогъ, имѣли только въ виду оказывать содѣйствіе по-
йкѣ желѣзныхъ дорогъ, не помышляя о контролѣ надъ ними.
ались по временамъ черезъ-чуръ высокихъ тарифовъ, и тогда
пятствовали этому закономъ. Но никому изъ законодателей и
дарственныхъ людей не приходило въ голову, чтобы какая-
о община могла терпѣть отъ пониженія однихъ тарифовъ
внительно съ другими; такъ что даже правительственнымъ
огамъ разрѣшались самыя несправедливыя дифференціальныя
мы тарифовъ безъ малѣйшаго сомнѣнія въ ихъ неудобствѣ.
о реакція оказалась внезапной и общей. Движеніе *гранджеровъ*
точныхъ фермеровъ) явилось послѣдствіемъ такого порядка
цей въ Соединенныхъ Штатахъ; въ Англіи была учреждена
бая желѣзно-дорожная коммиссія; Бельгія съ Пруссіей перешли
смѣшанной системы къ упрощенной—государственныхъ же-
ныхъ дорогъ; Франція и Италія принялись, къ сожалѣнію,
дачно выкупать и администрировать желѣзныя дороги госу-

дарствомъ. Цѣль вездѣ была однородная—принимать въ разсчетъ не столько интересы акціонеровъ, какъ то было прежде, сколько интересы отправителей и преимущественно тѣхъ, что были приперты къ стѣнѣ, благодаря прежнимъ порядкамъ. Нельзя сомнѣваться въ здравости такой реакціи; тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что она была преувеличена. Поэтому по совѣсти нужно сознаться, что бо̀льшая часть желѣзно-дорожныхъ законодательствъ за послѣднія 12 лѣтъ вовсе непримѣнима; а другая нанесетъ болѣе вреда, чѣмъ пользы всѣмъ заинтересованнымъ. Попытки обезпечить интересы отправителей законодательнымъ путемъ, не соображаясь съ интересами акціонеровъ, по мнѣнію автора — такое же заблужденіе, какъ и обезпеченіе интересовъ послѣднихъ, безъ обращенія вниманія на интересы публики. Помирить эти интересы, стоящіе, повидимому, въ противорѣчіи другъ другу, но зависящіе другъ отъ друга, представляетъ самую серьезную задачу новѣйшей торговли или, лучше сказать, новѣйщей политики.

Обыкновенно весьма мало заботятся какъ о спекуляціяхъ желѣзныхъ дорогъ, такъ и о монопольномъ характерѣ этой отрасли промышленности, и ограничиваются только требованіемъ, чтобы желѣзныя дороги не слишкомъ много взимали за перевозку. На этомъ пунктѣ собственно и сосредоточиваются девятьдесятыхъ жалобъ на желѣзныя дороги, и по поводу его предлагаются законодательные проекты. Иные находятъ, что общества получаютъ слишкомъ большія прибыли; другіе—что цѣны провоза слишкомъ возвышенны. Чаще же всего жалуются на несправедливое взиманіе тарифовъ, т.-е., что на иныхъ пунктахъ они повышаются, повидимому, безъ всякаго удовлетворительнаго къ тому повода и объясненія, или понижаются для нѣкоторыхъ отправителей, въ видѣ исключенія. Какъ то, такъ и другое считается положительно разорительнымъ для неблагопріятствуемыхъ лицъ и мѣстъ.

Жалобы на возвышенныя прибыли желѣзныхъ дорогъ совершенно неосновательны по отношенію Сѣверной Америки, такъ какъ доходъ послѣднихъ ниже 4%. Облигаціи оплачиваются въ среднемъ $4^1/_2$%; акціи—не свыше $2^1/_2$%. Большею частью желѣзно-дорожныя акціи—water, то-есть, какъ бы разбавлены водой [1]) и не представляютъ дѣйствительно потраченнаго

---

[1]) Весьма часто употребляемый въ Америкѣ способъ разводненія состоитъ въ томъ, что акціонерамъ уплачивается дивидендъ не наличными деньгами, а новыми

тала. Но если, принимая въ разсчетъ эту послѣднюю осо-
ость, выключить изъ разсчета „воду", которой на половину
авлены акціи и на 6-ю часть облигаціи, то и тогда средняя
дность дорогъ не представитъ болѣе 5% барыша. Разумѣется
, какъ и въ каждомъ другомъ дѣлѣ, доходы нѣкоторыхъ
гъ превышаютъ этотъ %; но зато есть и такія, которыя ра-
отъ въ убытокъ. Ограниченіе дохода не ведетъ ни къ чему,
какъ его легко обойти, разведя акціонерный капиталъ водой,
тъ, раздавая акціонерамъ добавочныя акціи за безцѣнокъ
даже даромъ для полученія по нимъ дивиденда. Но даже
общества и не разводятъ водой капиталъ, то, въ случаѣ
ещенія выдавать весь доходъ сполна, они все-таки не уде-
тъ своего тарифа, а предпочтутъ или увеличить сумму рас-
въ, или уменьшить размѣръ своей дѣятельности и ограни-
ться небольшой перевозкой при высокихъ тарифахъ, нежели
шой при низкихъ; поэтому всякая попытка ограничить при-
какого-нибудь общества равносильна поощренію къ расто-
льности или подавленію духа предпріимчивости. Вообще прин-
ограниченія дивиденда, сильно защищаемый нѣкоторыми
нодателями Сѣверной Америки, Гадлей считаетъ совершенно
да негоднымъ и предпочитаетъ ему добросовѣстно распредѣ-
ый налогъ, потому, что при отсутствіи естественной монополіи
ды сами собою будутъ ограничиваться конкурренціею, кото-
если и поведетъ въ свою очередь къ коалиціи, то ограни-
доходъ.

Если же прибыль желѣзныхъ дорогъ не слишкомъ высока,
бвиненіе ихъ въ слишкомъ высокомъ тарифѣ совершенно
авильно и лишается всякаго серьезнаго основанія, по крайней
въ Америкѣ, гдѣ дѣлается все возможное для расширенія
; а послѣднее недостижимо безъ пониженія тарифа. Аткин-
, въ своемъ сочиненіи: „О распредѣленіи продуктовъ", показалъ,
расходы по провозу представляютъ ничтожную цифру въ
продуктовъ; что цѣна хлѣба гораздо болѣе повышается
переходѣ изъ рукъ булочника къ потребителямъ, нежели отъ
возки хлѣба на мельницу, а оттуда къ булочнику, несмотря
о, что въ первомъ случаѣ ему пришлось пропутешествовать
один метръ; тогда какъ во второмъ—нѣсколько сотенъ миль.

ми, выпускъ которыхъ, конечно, служитъ только доказательствомъ того, что
ной капиталъ будто бы увеличился. Бывало и такъ, что даже интересы по
акціямъ уплачивались такимъ же образомъ. Все это не что иное какъ взваливаніе
акціонеровъ тягостей, которыхъ они не думали принимать на себя, т.-е., иначе
, грубое мошенничество.

Вообще американскіе товарные тарифы, не пассажирскіе, самые дешевые во всемъ свѣтѣ и въ 1884 году дошли до 1¹/₈ цента съ мили—гораздо ниже того, что̀ предполагалось нѣсколько лѣтъ тому назадъ—и понижены противъ прежняго по крайней мѣрѣ на 35%. Такое удешевленіе произошло отчасти благодаря конкурренціи, отчасти вслѣдствіе удешевленія стоимости провоза по желѣзнымъ дорогамъ, благодаря техническимъ усовершенствованіямъ и расширенію торговли и болѣе экономическому веденію дѣлъ, вслѣдствіе слiянія отдѣльныхъ участковъ въ одну линію.

Однимъ изъ главныхъ толчковъ къ удешевленію стоимости провоза слѣдуетъ считать открытіе дешеваго способа дѣлать бессемеровскую сталь, давшую возможность значительно улучшить полотно дороги и увеличить размѣръ вагоновъ; потому что стальные рельсы могутъ выносить гораздо бо̀льшую тягость, нежели желѣзные. Такъ вагоны, вѣсившіе прежде 18.000 фунтовъ и нагружаемые 20.000 фунтами, стали постепенно замѣняться вагонами въ 21.000 ф. вѣса съ грузомъ въ 30.000 ф., а впослѣдствіи—вагонами отъ 32 до 24.000 ф. съ грузомъ въ 40.000 ф. и даже болѣе. Кромѣ того введеніе стальныхъ рельсовъ привело къ увеличенію двигательной силы построеніемъ локомотивовъ значительно большихъ размѣровъ. Такъ какъ стоимость ихъ постройки увеличилась не пропорціонально увеличенію ихъ силы, а обошлась сравнительно дешевле, то и это послужило общему удешевленію провоза. Было обращено также бо̀льшее вниманіе на болѣе цѣлесообразное составленіе поѣздовъ.

Но болѣе всего содѣйствовало удешевленію тарифовъ принятіе системы обратнаго груза (back-loading-system). Въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ она непримѣнима, какъ-то при вагонахъ для скота или наливныхъ, когда грузъ долженъ по-неволѣ ограничиваться одним концомъ, который долженъ оплатить стоимость перевозки вагоновъ съ грузомъ и обратно пустыхъ. Та же система долго держалась и по отношенію вагоновъ съ хлѣбомъ. Но мало-по-малу администрація пришла къ мысли, что, получая грузъ при обратной отправкѣ вагоновъ, всякая плата за него будетъ прибыльна, лишь бы окупала разницу стоимости перевозки пустыхъ вагоновъ и нагруженныхъ, и только развивала бы болѣе дѣлъ, невозможныхъ при другихъ условіяхъ. Такъ перевозка вагона пшеницы изъ С.-Луи въ Филадельфію обходится обществу 40 дол., и пустого обратно—15, да кромѣ того для полученія прибыли оно должно брать еще 5 дол. съ грузоотправителя, итого—60 дол. Но принимая обратный грузъ угля, общество можетъ понизить свой тарифъ до 45 дол. Получая

ь взадъ и впередъ по 45 дол. за вагонъ, оно выручаетъ дол. за оба конца. Самому ему стоимость этихъ концовъ дится по 40 дол. каждый, какъ мы упомянули выше. Слѣтельно прибыль его съ 5 дол. увеличится до 10, что составеличеніе 100 на 100 при пониженіи цѣнъ на 25%.

Совершенно иначе слѣдуетъ относиться къ пониженію тари въ пользу однихъ лицъ и въ ущербъ другимъ. Само по увеличеніе, напримѣръ, тарифа на 5 центовъ за четве при перевозкѣ хлѣба на 1000 миль не особенно еще ичитъ стоимость хлѣба; и пройдетъ много недѣль прежде, ли хлѣбъ поднимется въ цѣнѣ для покупателя на центъ. если желѣзная дорога будетъ удешевлять тарифъ одному мель, не дѣлая того же для другого, то можетъ вынудить поняго прекратить свои дѣла, ибо, благодаря конкурренціи, быль и безъ того низведена до такихъ низкихъ размѣровъ, желѣзной дорогѣ не трудно вовсе разорить одного изъ конирующихъ. Самый фактъ дешевизны тарифовъ ставитъ людей совершенную зависимость отъ произвола желѣзно-дорожныхъ нистрацій, такъ какъ трудно найти болѣе выгодный способъ вовин

Разница тарифовъ, основанная не на разницѣ стоимости юза, представляетъ также случай дифференціальнаго тарифа. е въ тѣхъ случаяхъ, когда тарифы желѣзныхъ дорогъ были оначально основаны на разницѣ стоимости провоза, они поинно подвергались видоизмѣненіямъ вслѣдствіе особыхъ спеьныхъ обстоятельствъ, первоначально непредвидѣнныхъ. Въ іхъ случаяхъ спрашивается обыкновенно, каковы будутъ поствія новой перемѣны. Пониженіе тарифа поведетъ, разумѣется, увеличенію дѣлъ, но возрастетъ ли прибыль съ такимъ увелиемъ дѣлъ, или, иными словами, будетъ ли валовой доходъ и быстрѣе расходовъ по эксплуатаціи. Отвѣтъ на это зави, во-первыхъ, отъ опредѣленія стоимости провоза каждаго доннаго вагона и отъ опредѣленія размѣра увеличенія дѣлъ съ женіемъ тарифа.

Предположимъ, что расходъ по выгрузкѣ и перевозкѣ всякаго вочнаго вагона съ хлѣбомъ отъ А до В будетъ составлять дол. Тарифъ назначается въ 15 дол.; и по этой цѣнѣ желѣз дорога получаетъ 1.000 вагоновъ еженедѣльно. Валовой дъ составитъ, слѣдовательно, 15.000 дол., а прибыль — 5.000. ерь вопросъ въ томъ: можетъ ли желѣзная дорога низвести тарифы до 13 дол. Если этимъ путемъ она получитъ удвоен количество груза, то-есть 2.000 вагоновъ въ недѣлю, то

удешевленіе будетъ представлять выгодную политику, такъ какъ, по вычетѣ 20.000 дол. расхода изъ 26.000 валовой выручки, выгоды съ 5.000 дол. возрастаютъ до 6.000. Но если дѣла расширятся только на половину, то операція эта окажется невыгодной, потому что въ результатѣ окажется всего 19.500 дол. валового дохода, 15,000 дол. расхода и прибыли только 4.500 д. вмѣсто первоначальныхъ 5.000 дол.

До сихъ поръ эти два элемента согласовались для значительнаго пониженія тарифовъ. Но во всѣхъ случаяхъ такого пониженія стоимость провоза играла всегда второстепенную роль и главный вопросъ состоялъ въ возможности увеличить дѣла. Это и служило существенной причиной развитія тарифовъ, благопріятствующихъ извѣстнымъ отраслямъ товаровъ, мѣстностямъ или лицамъ. Признали, напримѣръ, что, понижая тарифы для дешевыхъ производствъ, можно развить значительно дѣла. Или что, понижая тарифы въ извѣстныхъ мѣстностяхъ въ видахъ поддержанія ихъ конкурренціи, можно получить большія дѣла, которыя иначе приняли бы другое направленіе. Или просто находили, что, понижая тарифы въ пользу нѣкоторыхъ лицъ, желѣзная дорога гораздо легче можетъ увеличить свой сборъ, нежели прибѣгая къ общему пониженію тарифа.

Это и составляетъ основу системы заставлять дѣло платить все, что оно можетъ вынести (charging what the traffic will bear).

Главнымъ возраженіемъ противъ такой системы дѣйствія является утвержденіе, что отправители, не благопріятствуемые желѣзными дорогами, оплачиваютъ своимъ высокимъ тарифомъ расходы дешевой отправки грузовъ благопріятствуемыхъ лицъ или мѣстъ; что такое злоупотребленіе только и можетъ существовать при отсутствіи конкурренціи и что дѣло закона вступиться и воспретить взыманіе съ одного дѣла бо̀льшихъ барышей, чѣмъ съ другого. Къ этому стремятся всѣ анти-дифференціальные билли.

Послѣдствія всѣхъ трехъ формъ дифференціальныхъ тарифовъ для товаровъ, для мѣстностей и лицъ должны быть разсмотрѣны каждое отдѣльно.

Во-первыхъ, существуетъ четыре и болѣе подраздѣленія тарифовъ, основанныхъ на ихъ цѣнности. Такъ, ткани подлежатъ тарифу 1-го класса, а строевой лѣсъ—4-го. И тарифы 1-го и 2-го класса вдвое и втрое превышаютъ тарифы 4-го. Разумѣется, перевозка товаровъ 1-го класса связана съ бо̀льшимъ рискомъ и обходится дороже; но все-таки разница эта не соотвѣтствуетъ разницѣ въ тарифахъ. Желѣзная дорога устанавливаетъ разницу въ своихъ тарифахъ несообразно съ тѣмъ, во что

ей самой обходится перевозка, но сообразно съ тѣмъ, что̀ можетъ вынести торговля. Если начать брать за перевозку тонны строевого лѣса столько же, сколько за ткани, то пришлось бы вовсе прекратить перевозку строевого лѣса по желѣзнымъ дорогамъ, такъ какъ лѣсная торговля не можетъ выносить высокихъ тарифовъ. Вообще много товара низкой стоимости перевозится по пониженнымъ цѣнамъ и даже не по среднему тарифу, а по средней стоимости перевозки, то-есть по такимъ цѣнамъ, что если ихъ примѣнять ко всѣмъ перевозимымъ товарамъ, то желѣзная дорога не была бы въ состояніи покрыть своихъ издержекъ. Полагаютъ даже, будто такія дѣла идутъ въ чистый убытокъ, и что онъ покрывается только благодаря возвышенному тарифу другихъ грузовъ. Но это совершенное заблужденіе, потому что всякій тарифъ, коль скоро онъ даетъ хоть крошечный избытокъ сверхъ покрышки расходовъ по тягѣ вагоновъ и перевозкѣ товаровъ, есть уже прибыльный тарифъ, *если только перевозка не можетъ быть совершена инымъ путемъ*. Если нагружаются обратные вагоны, которымъ иначе пришлось бы возвращаться пустыми, то всякій тарифъ, болѣе чѣмъ покрывающій разницу расходовъ по перевозкѣ нагруженныхъ или пустыхъ вагоновъ, долженъ считаться прибыльнымъ тарифомъ. Отказываться отъ такихъ дѣлъ только потому, что они не оплачиваютъ всѣхъ постоянныхъ расходовъ—слѣдовало бы считать большой ошибкой со стороны всякаго администратора. Этимъ онъ низведетъ только сумму своихъ дѣлъ, нисколько не сокративъ расходовъ. Постоянные расходы должны оплачиваться дѣлами, доставляющими наилегчайшимъ способомъ прибыль, то-есть цѣнными товарами. Первоначально не существовало вовсе или весьма мало подраздѣленій тарифа. Каждый шагъ къ теперешней системѣ увеличивалъ размѣръ дѣлъ. Уничтоженіе такихъ различій и приведеніе тарифовъ къ одной общей средней цифрѣ отодвинуло бы только назадъ желѣзно-дорожное развитіе и уничтожило бы не только перевозку угля, но даже и хлѣба. Наша пища и топливо только вздорожали бы отъ этого и нанесена бы была убыль какъ желѣзной дорогѣ, такъ и странѣ, по которой онѣ проведены.

Во-вторыхъ, когда желѣзная дорога является единственнымъ путемъ сообщенія, то получается возможность взимать все, что̀ въ состояніи вынести торговля безъ стѣсненія; но въ случаѣ конкурренціи съ каналомъ или инымъ путемъ, цѣны ея спускаются до самой низкой цифры. Пунктамъ, въ которыхъ отсутствуетъ конкурренція, приходится оплачивать общіе расходы, между тѣмъ какъ тарифы, оплачиваемые мѣстностями, пользующимися конкурренціею, будутъ опла-

чивать нѣсколько болѣе стоимости тяги поѣздовъ и остановокъ, такъ какъ желѣзная дорога предпочтетъ перевозить товаръ на этихъ условіяхъ, нежели вовсе отказаться отъ его перевозки. Тарифная война можетъ низвести цѣну перевозки до невѣроятно низкаго уровня. Было время, когда за провозъ цѣлаго вагона скота изъ Чикаго въ Нью-Іоркъ платили всего 1 дол. Столь низкіе тарифы обезпечиваютъ, разумѣется, быстрое процвѣтаніе пунктовъ, пользующихся конкурренціею, и обратно—замедляютъ торговое развитіе мѣстностей, лишенныхъ такой конкурренціи. Коалиція конкуррирующихъ дорогъ можетъ положить конецъ такому мѣстному различію, но если городъ пользуется водяною конкурренціею, то трудно изыскать практическое средство для устраненія такой разницы. Мы всегда склонны приписывать чьей-нибудь винѣ причину такихъ мѣстныхъ дифференціальныхъ различій, дѣйствительно весьма вредныхъ, хотя во многихъ случаяхъ и преувеличенныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ закрываемъ глаза на настоящія естественныя причины, въ которыхъ невозможно всегда обвинить желѣзныя дороги, а тѣмъ болѣе пробовать устранять ихъ вмѣшательствомъ закона.

Представимъ себѣ, что два какихъ-нибудь большихъ пункта, черезъ которые проходитъ желѣзная дорога, связаны, кромѣ того, еще и водянымъ путемъ—удобствомъ, не выпавшимъ на долю остальныхъ промежуточныхъ пунктовъ. Понятно, что въ видахъ обезпеченія себѣ существованія дорога вынуждена установить наиболѣе низкіе тарифы для главныхъ двухъ пунктовъ, пользующихся еще и воднымъ сообщеніемъ, за невозможностью привлечь безъ этого крайняго средства большинства товаровъ этихъ большихъ пунктовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ станетъ взимать высокій мѣстный тарифъ для покрытія расходовъ. Иначе и быть не можетъ при подобныхъ условіяхъ.

Пунктъ этотъ столь важенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ столь трудно понятенъ, что Гадлей счелъ нужнымъ пояснить его нагляднымъ примѣромъ, который считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь почти цѣликомъ, такъ какъ имѣемъ въ виду читателей не-спеціалистовъ. На берегу Делавера находилась мѣстность X., весьма удобная для выращиванія устрицъ, но она не могла посылать ихъ въ достаточномъ количествѣ на рынокъ, вслѣдствіе высокихъ желѣзно-дорожныхъ тарифовъ, не дававшихъ возможности выручать хоть сколько-нибудь прибыли. Разводители устрицъ предложили желѣзной дорогѣ понизить свой тарифъ до 1 дол. со 100 фунтовъ устрицъ, обѣщая въ такомъ случаѣ постоянный грузъ. Разсмотрѣвъ эту просьбу и убѣдившись, что разводители устрицъ

дѣйствительно не могутъ безъ убытка платить болѣе 1 дол. съ сотни фунт., желѣзно-дорожная администрація нашла возможнымъ согласиться на такое пониженіе тарифа съ тѣмъ условіемъ, чтобы устрицъ хватало на цѣлый добавочный вагонъ скораго поѣзда, потому что только грузъ цѣлаго вагона могъ оплатить взадъ и впередъ проѣздъ такого вагона и прочіе расходы. Но къ ея разочарованію устрицъ хватило только на полъ-вагона, такъ что ей приходилось или вовсе отказаться отъ этого груза, или прибѣгнуть къ тому средству, къ которому она и прибѣгла, а именно: невдалекѣ отъ мѣстечка X. находилось другое Y., тоже разводящее устрицы и посылавшее ихъ на тотъ же рынокъ, только другимъ путемъ, по 1 дол. съ сотни фунтовъ. Предложивъ мѣстечку Y. возить его устрицы по 75 центовъ за 100 фунт., администрація легко наполняла свой вагонъ. Выходило, что за пробѣгъ одного и того же разстоянія мѣстечко X. платило по 1 дол. за 100 фунтовъ устрицъ, тогда какъ мѣстечко Y. платило всего 75 цент. за то же количество. Понятно, что мѣстечко X. возмутилось. „Наша торговля сдѣлалась жертвою дифференціальныхъ тарифовъ самаго худшаго свойства!"—кричали жители и обратились съ этимъ къ администраціи, которая вынуждена была защищаться логикою фактовъ: 1) пробѣгъ вагона не могъ окупиться, еслибы весь грузъ его оплачивался по 75 цент. со 100 фунт., и 2) при тарифѣ выше 75 цент., они могли получить груза всего на полъ-вагона, а полъ-вагона при тарифѣ въ 1 дол. — самомъ высокомъ, который можетъ только вынести торговля устрицами—не могли оплатиться расходы желѣзной дороги; 3) установивъ одинаковый тарифъ для обѣихъ мѣстностей, желѣзная дорога терпѣла бы убытокъ; 4) отказавшись вовсе отъ выпуска добавочнаго вагона, администрація повредила бы только разводителямъ устрицъ мѣстечка X., лишивъ ихъ возможности доставлять свой товаръ на рынокъ, и потому ей ничего болѣе не оставалось сдѣлать, какъ то, что̀ она и сдѣлала, то-есть брать за половину вагона по 1 дол. со 100 фунт. и за другую по 75 центовъ. На такіе аргументы жалобщикамъ мѣстечка X. ничего болѣе не оставалось, какъ покориться и предпочесть отправку устрицъ по 1 дол. за сотню фунт., нежели вовсе не отправлять.

Примѣръ этотъ весьма типиченъ. Желѣзная дорога можетъ дѣлать двоякаго рода дѣла. Одни могутъ производиться только при ея посредствѣ, какъ мы это видѣли въ дѣлѣ устрицъ мѣстечка X., или вовсе не могутъ дѣлаться. Въ подобныхъ случаяхъ желѣзная дорога увѣрена въ томъ, что дѣло не пройдетъ мимо ея рукъ даже и при высокихъ тарифахъ. Единственнымъ предѣ-

ломъ является тутъ только невозможность выполнить высокій тарифъ, какъ мы видимъ въ дѣлѣ устрицъ города X., гдѣ разводители послѣднихъ не находили выгоднымъ отправлять ихъ на рынокъ при тарифѣ свыше 1 дол. за 100 фунт. Но въ дѣлахъ подобныхъ случаю съ мѣстечкомъ Y. желѣзная дорога должна была прибѣгнуть къ иной системѣ, какъ мы видимъ, такъ какъ мѣстечко это пользовалось еще и другой дорогой; поэтому, желая обезпечить себѣ грузъ послѣдняго, желѣзная дорога вынуждена была понизить тарифъ.

Большинство расходовъ желѣзныхъ дорогъ остается одинаково —будетъ ли перевозиться товаръ 1-го класса или 2-го; уплачиваться они должны всячески, тѣмъ ли, инымъ ли способомъ. Бываетъ и такъ, что при высокомъ тарифѣ желѣзная дорога не можетъ получить достаточнаго количества груза, а при низкомъ не оплачиваются ея расходы; поэтому ей естественно приходится прибѣгать къ смѣшанному способу, какъ, напримѣръ, въ данномъ случаѣ съ устрицами. Она старается по возможности возить грузъ по высокому тарифу и добавляетъ его грузомъ по болѣе низкому. Воспрещеніе такого способа закономъ лишаетъ желѣзныя дороги возможности работать съ прибылью. Не выиграютъ отъ этого жители мѣстечка Y., пользующіеся низкими тарифами, и уже никакъ не жители мѣстечка X., которымъ вовсе бы не пришлось отправлять свой товаръ на рынокъ.

Законодательныя попытки въ этомъ направленіи дѣлались грэнджерами (granger legislation), о чемъ будетъ ниже, но въ концѣ концовъ законодательное вмѣшательство должно было прекратиться вслѣдствіе того, что оно повело только къ полному разоренію всей страны.

Въ-третьихъ. Гораздо опаснѣе тарифныя различія, оказываемыя лицамъ. Система заключать специальные контракты для перевозки по пониженному тарифу представляетъ одно изъ весьма важныхъ неудобствъ.

Торговля можетъ приспособляться ко всякимъ системамъ классификаціи и даже къ мѣстнымъ дифференціальнымъ тарифамъ; но если два лица при одинаковыхъ условіяхъ пользуются неодинаковыми льготами, то съ этимъ примириться невозможно. Нельзя принимать за личное различіе пониженіе тарифа для большаго груза, если оно только дѣлается для всѣхъ безразлично. Но если одно какое-нибудь частное лицо пользуется пониженнымъ тарифомъ, потому что отправляетъ огромное количество товара, и притомъ въ опредѣленные сроки, то есть еще серьезное основаніе для такого различія. Но, къ сожалѣнію, такія пони-

а дѣлаются не всегда безпристрастно; они часто держатся айнѣ и заходятъ за всякіе разумные предѣлы. Еслибы спеьный тарифъ имѣлъ въ виду развить дѣла, которыя иначе югли бы существовать, то это еще возможно допускать, по- что этимъ путемъ можно сдѣлать много добра; но возмуьно, когда поощряется какой-нибудь одинъ грузоотправи- и обременяются изъ-за этого другіе отправители такого же ь. И что̀ всего хуже, это то, что непосредственные резуль- такого фаворитизма даютъ себя знать не сейчасъ, а только стеченіи времени. Для примѣра приведемъ контракты, заклюые съ ніагарскими мельниками. Контракты эти привлекли къ этимъ пунктамъ, но произвели несправедливое различіе сительно Рочестера и Буффало, вслѣдствіе котораго выгоды, ιаемыя въ одномъ мѣстѣ, уравновѣшивались потерею въ дру-. Потеря отъ этого выходила не прямая, такъ какъ мель- не закрылись, но это помѣшало развитію дѣлъ. Радуясь гченію новыхъ дѣлъ съ ніагарскими мельницами, администраіе понимала, какимъ образомъ могли пострадать мельницы стера.

Система эта тѣмъ болѣе опасна, что въ большинствѣ случаевъ е пониженіе тарифовъ дѣлается безъ всякаго опредѣленнаго ципа и всецѣло основано на фаворитизмѣ или капризѣ жеыхъ дорогъ или ихъ агентовъ [1]). Изслѣдованія желѣзно-доюй „коммиссіи Гепбурна" привели просто къ ужасающимъ ытіямъ относительно тайныхъ тарифовъ. Изучая эти изслѣдо-, начинаетъ казаться, что желѣзныя дороги просто утратили ое чувство отвѣтственности относительно публики. Во мно- случаяхъ едва-едва дѣлались попытки установить правиль- тарифы. Всякій пользовался фаворитизмомъ, какъ вещью должною; и вопросъ сводился только къ тому, какъ добиться преимущества. Самымъ плачевнымъ результатомъ такой си- явилось то, что спеціальными тарифами пользовались, какъ егда, тѣ, которые наименѣе въ нихъ нуждались. Всякое пріятіе, не придерживающееся prix fixe, начиная съ самой ной желѣзно-дорожной линіи до ничтожной мелочной лавки, жаетъ цѣны двумъ разрядамъ лицъ и по двумъ совершенно ічнымъ причинамъ: однимъ—потому что они слишкомъ бѣдны того, чтобы платить высокія цѣны, а другимъ—потому что слишкомъ ловки для того, чтобы платить дорого. Еще бѣд-

---

Не мѣшаетъ замѣтить, что такой несправедливый фаворитизмъ послужилъ мъ аргументомъ противъ прежней прусской желѣзно-дорожной политики для Бисмарка, всегда умѣющаго ловко выбирать почву борьбы.

ный человѣкъ можетъ добиться пониженной цѣны, потому что иначе онъ не могъ бы вовсе купить; богатый человѣкъ получаетъ по низкой цѣнѣ, потому что можетъ адресоваться всюду, и ему дѣлается снисхожденіе, какъ представителю выгодной практики. Самыя извинительныя формы различій и легко оправдываемыя — это удешевленіе тарифовъ для бѣдныхъ. Къ этой же категоріи слѣдуетъ отнести и удешевленіе для дешевыхъ грузовъ первой необходимости, какъ-то пищевыхъ припасовъ, топлива и строевого лѣса. Съ другой стороны, большинство мѣстныхъ или личныхъ различій устанавливается въ пользу сильнаго. Въ этомъ видѣ они вредятъ обществу, увеличивая неравенство силы, и въ концѣ концовъ могутъ причинять вредъ самимъ желѣзнымъ дорогамъ. „Standard Oil Company", о которой мы говорили выше, долго пользовалась спеціальными тарифами до того дня, когда она пріобрѣла настолько силы, что сама стала ставить свои условія.

Хотя это совершенно исключительный случай, тѣмъ не менѣе желѣзныя дороги въ видахъ настоящей выгоды нерѣдко упускаютъ интересы будущаго. Если цѣль желѣзной дороги только въ томъ и состоитъ, чтобы раздать наивозможно высшій дивидендъ за текущій годъ, то лучше всего выжать по возможности наивысшій тарифъ съ мѣстныхъ грузовъ, отправка которыхъ ей обезпечена, и постараться переманить къ себѣ наибольшее количество грузовъ, пользующихся конкурренціею, понижая ихъ тарифы до елико возможнаго минимума. Съ точки зрѣнія постоянныхъ интересовъ желѣзной дороги политика эта никуда негодна. Мѣстные грузы могутъ выносить годъ, два, такое стѣсненіе, но они упадутъ постепенно подъ такимъ давленіемъ. Такая политика только разоряетъ лучшихъ кліентовъ желѣзной дороги и укрѣпляетъ другихъ до того, что они уже начинаютъ ставить свои условія. Спеціальный тарифъ для избраннаго кліента даетъ только временную выгоду. Общее же пониженіе тарифа можетъ повести къ временной потерѣ. Въ сомнительныхъ случаяхъ всегда предпочтительнѣе вторая политика.

Склонность жертвовать будущимъ въ видахъ настоящихъ интересовъ еще болѣе обнаруживается въ банкрутящейся желѣзной дорогѣ. Правленіе дороги, желая во что бы то ни стало сохранить за собою администрацію, всячески старается обременять обезпеченные ему грузы и притянуть побольше новыхъ при помощи всевозможныхъ дифференціальныхъ тарифовъ. Для нихъ все — въ настоящемъ, между тѣмъ отъ этого страдаютъ интересы публики.

Принципъ заставлять дѣло платить все, что оно можетъ вынести, даетъ опасную власть желѣзнымъ дорогамъ, — власть, кото-

рою они злоупотребляютъ, и которую не въ силахъ побороть даже конкурренція. Поощряя всѣми средствами проведеніе желѣзныхъ дорогъ, никто не думалъ о только-что упомянутыхъ злоупотребленіяхъ. Нѣкоторые опасались, чтобы желѣзныя дороги не назначали слишкомъ высокихъ тарифовъ, и потому законодатели принимали заранѣе мѣры для предупрежденія такого зла и думали оградить публику отъ высокихъ тарифовъ, ограничивая извѣстнымъ предѣломъ сумму дивиденда, мѣрой недѣйствительной, нисколько не ограждающей грузоотправителя, потому что при запрещеніи раздавать дивидендъ выше извѣстной нормы, администрація желѣзной дороги скорѣе истратитъ излишекъ на расходы роскоши или на увеличеніе чрезвычайныхъ вознагражденій, нежели понизитъ тарифы. Такое ограниченіе нормы дивиденда никакъ не заставитъ желѣзныя дороги понижать свой тарифъ; напротивъ, лишитъ ее повода хлопотать объ увеличеніи количества своихъ грузовъ. Желѣзно-дорожныя общества предпочтутъ брать менѣе груза по высокой цѣнѣ, нежели болѣе по низкой.

Дурно также были скомбинированы налоги на желѣзныя дороги. Сдѣлана была попытка обложить желѣзныя дороги и подвижной составъ наравнѣ съ мѣстною недвижимою собственностью и кромѣ того обложить налогомъ акціи. Послѣдній налогъ было трудно провести, потому что акціи скрывались и въ сущности вовсе не платили налога. Попытка подвергнуть желѣзныя дороги мѣстному налогу была также неудачна, такъ какъ никто не зналъ, какой основы держаться при опредѣленіи такого налога. Такъ, нѣкоторые распредѣлители разсматривали желѣзныя дороги какъ главную линію, то-есть основывали налогъ на способности желѣзной дороги реализировать прибыли. Другіе разсматривали ее какъ пастбище, то-есть основывались на цѣнѣ прилегающихъ земель, такъ что, напримѣръ, разница въ оцѣнкѣ двухъ совершенно равныхъ по положенію линій доходила до 24.000 дол. за милю. Нелѣпость такой системы очевидна для всякаго; естественно поэтому, что мало-по-малу пришли къ налогу, основанному на количествѣ дорожнаго сбора.

Неудачны были также попытки увеличить отвѣтственность желѣзныхъ дорогъ въ случаяхъ несчастія или неисполненія обязанностей, какъ предпринимателя транспортовъ. Что касается несчастныхъ случаевъ, то большіе успѣхи были достигнуты не столько законодательными мѣрами, сколько самими желѣзными дорогами. Гораздо удивительнѣе, что страна, подвергающаяся въ послѣдніе годы періодической пріостановкѣ своихъ дѣлъ, благодаря ужаснымъ стачкамъ желѣзно-дорожныхъ служащихъ, побоя-

лась наложить взысканія за такой перерывъ,—если только не приписать это тому, что желѣзно-дорожные регламенты сосредоточились вокругъ болѣе важной и трудной задачи—контроля надъ желѣзно-дорожными тарифами и надъ дифференціальными преимущественно.

Но и тутъ законодательныя попытки оказались столь же мало успѣшными, какъ и въ остальномъ. Предоставивъ первоначально рѣшать все это свободной конкурренціи, пришли къ убѣжденію, что это никуда не годится, и стали обязывать общества основывать свой тарифъ на стоимости провоза; но и это оказалось непригоднымъ. Затѣмъ пытались назначить максимальные тарифы въ родѣ прежнихъ дорожныхъ сборовъ, принятыхъ въ Англіи съ шоссейныхъ дорогъ и каналовъ. Самые строгіе американскіе законы ограничились предписаніемъ взимать тарифы сообразно разстоянію. Распоряженіе это извѣстно подъ именемъ *закона по соразмѣрности* (prorata law). Законъ этотъ несправедливъ, если даже принимать въ разсчетъ стоимость расходовъ; потому что желѣзной дорогѣ не вдвое обходится перевезти вагонъ на 200 миль вмѣсто 100. Разъ вагонъ нагруженъ, стоимость его тяги уже сравнительно ничтожна. Думали помочь такой несообразности запрещеніемъ брать съ одного груза болѣе высокую прибыль, чѣмъ съ другого. Но попытки ввести оба закона prorata кончились ничѣмъ, потому что онъ одинаково парализовалъ какъ дѣйствія желѣзныхъ дорогъ, такъ и капитала.

Всѣ эти противорѣчія получили особенное значеніе при движеніи фермеровъ въ 1870-77 годахъ. Послѣ войны за уничтоженіе невольничества нигдѣ такъ щедро и безпечно не раздавались субсидіи, какъ въ долинѣ верхней Миссиссипи, такъ что тутъ особенно удобно было разгуляться духу предпріимчивости. Раздавались земли, шли муниципальныя подписки. Всякое небольшое поселеніе требовало желѣзной дороги во что бы то ни стало. Всякая желѣзная дорога съ своей стороны предоставляла фермерамъ самыя блестящія выгоды. Въ результатѣ всего этого оказалось, что и желѣзная дорога, и фермеры слишкомъ растянулись далеко на западъ. Съ 1865 по 1871 г. на однѣ западныя дороги ушло до 500 мил. дол. Доходъ ихъ вполнѣ зависѣлъ отъ урожая пшеницы. Между тѣмъ цѣна на хлѣбъ, державшаяся высоко въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, упала вслѣдствіе усилившагося производства и измѣнившихся условій. При существующихъ тарифахъ фермеры не имѣли никакой возможности уплачивать своихъ долговъ, и имъ приходилось нести потерю вмѣсто барыша. На бѣду желѣзно-дорожныя администраціи вели дѣло

самымъ недобросовѣстнымъ образомъ, соблюдая исключительно настоящіе интересы и совершая самыя скандальныя сдѣлки съ помощью дифференціальныхъ тарифовъ. Съ мѣстъ, пользующихся только одной линіей, взималось все, что только можно было съ нихъ вытянуть; такъ что отдаленныя отъ рынковъ фермы находились въ полной зависимости отъ желѣзныхъ дорогъ. Въ мѣстахъ же, пользующихся конкурренціею, желѣзныя дороги взимали до того низкій тарифъ, что онъ едва оплачивалъ расходы по тягѣ и вовсе не покрывалъ другихъ постоянныхъ расходовъ. Разница между такими тарифами выходила огромная, и ей-то именно и приписывали невозможность покрыть издержки по земледѣльческому производству. Фермеръ разсуждалъ такъ, что еслибы онъ пользовался такимъ же тарифомъ, какимъ пользуются мѣста конкуррирующихъ линій, то могъ бы съ выгодою продать свой хлѣбъ въ Чикаго, и что если такая сбавка возможна для мѣстъ, пользующихся конкурренціей, то должна быть естественно допущена и для нихъ. И имъ казалось, что желѣзная дорога заставляетъ ихъ платить лишнее только для того, чтобы набить на ихъ счетъ карманы капиталистовъ. Отсутствіе самыхъ капиталистовъ и пребываніе ихъ въ большихъ центрахъ или Европѣ только ухудшало положеніе, такъ что фермеры могли считать себя совершенно беззащитными, въ полной зависимости отъ произвола желѣзно-дорожной администраціи, тѣмъ болѣе, что агенты послѣдней нерѣдко наносили еще и оскорбленія потерпѣвшимъ. Все это вмѣсто взятое вызвало броженіе и мало-по-малу приняло сильную организацію, извѣстную подъ именемъ „фермерской“ — „Granges“ [1]).

Въ основѣ этой организаціи лежало первоначально желаніе улучшить бытъ фермеровъ и удешевить производство. Однимъ изъ первыхъ шаговъ къ такому удешевленію считали удешевленіе доставки произведеній на рынки, и это повело къ учрежденію контроля надъ желѣзными дорогами. Первыя требованія были весьма скромныя; они ограничивались испрошеніемъ закона, опредѣляющаго максимальные тарифы, и когда въ Иллинойсѣ въ 1871 г. судья Лауренсъ призналъ его не-конституціоннымъ, то былъ забаллотированъ въ слѣдовавшихъ затѣмъ выборахъ. Фермеры, считавшіе тарифный вопросъ кровнымъ вопросомъ, не допускали мысли, чтобы народная воля могла быть сломлена конституціонными преградами. Къ счастію для нихъ такое опредѣленіе Лауренса было отмѣнено закономъ 1873 года. Но вмѣсто назначенія максимума,

---

[1]) Болѣе подробное описаніе организаціи грэнджеровъ см. у Орбинскаго: „О хлѣбной торговлѣ Соед.-Штатовъ Сѣв. Америки“ стр. 60 и далѣе.

законъ этотъ объявилъ, что тарифы должны быть разумны, и назначилъ коммиссію для установленія такихъ разумныхъ тарифовъ. Точно такіе же законы были вотированы въ Уайвѣ и Миннезотѣ, а штатъ Висконсинъ пошелъ даже далѣе, установивъ законъ Поттера, по которому тарифы были распредѣлены на нѣсколько классовъ и притомъ по цѣнамъ, убыточнымъ для желѣзныхъ дорогъ. Несмотря на сопротивленіе послѣднихъ, въ 1877 г. судъ высшей инстанціи призналъ конституціонность фермерскихъ законовъ (Granger laws). Но такъ какъ законы торговли не могутъ быть нарушаемы безнаказанно, то и тутъ законы грэнжеровъ повели къ весьма разорительнымъ результатамъ для желѣзныхъ дорогъ. Тарифы, низведенные по всѣмъ линіямъ до нормы тарифовъ конкуррирующихъ линій, не могли оплачивать расходовъ желѣзныхъ дорогъ: такъ что на другой же годъ послѣ введенія новыхъ законовъ одна желѣзная дорога Висконсина не уплатила дивиденда, и только четыре могли уплатить % по облигаціямъ. Все это пріостановило дальнѣйшую постройку желѣзныхъ дорогъ, такъ какъ иностранные капиталисты перестали находить выгоднымъ помѣщеніе своихъ капиталовъ въ желѣзно-дорожныя предпріятія въ Висконсинѣ. Это нарушило государственное благосостояніе. Болѣе всего пострадали люди, особенно настаивавшіе на новомъ законѣ, и потому первые же стали хлопотать объ его уничтоженіи, что̀ имъ и удалось по прошествіи двухъ лѣтъ по утвержденіи этого самаго закона. Въ другихъ штатахъ законы эти были или отмѣнены, или видоизмѣнены. Въ южныхъ штатахъ дѣлались попытки учредить коммиссіи для контроля надъ желѣзными дорогами; и это имѣло несравненно болѣе успѣха, благодаря гласности трудовъ такихъ коммиссій, установленію болѣе правильной счетности и наконецъ тѣмъ мѣрамъ предосторожности, которыя желѣзныя дороги вынуждены были принять по настоянію коммиссій. Кромѣ того, такія коммиссіи благотворно вліяли на желѣзно-дорожную политику, заставляя заниматься преимущественно развитіемъ мѣстныхъ дѣлъ, вмѣсто того, чтобы сосредоточивать все вниманіе на дѣлахъ прямого сообщенія.

Нужно, впрочемъ, прибавить, что успѣшность этихъ коммиссій и преимущественно коммиссіи въ Массачузетѣ зависѣла главнымъ образомъ отъ ихъ замѣчательнаго состава. Что касается законовъ, то изъ всѣхъ изданныхъ до сихъ поръ остается до извѣстной степени въ силѣ законъ о транспортахъ малой дистанціи (short haut law), запрещающій желѣзной дорогѣ брать за пробѣгъ части дороги дороже, нежели за пробѣгъ всей линіи; но и тутъ часто

случаются нарушенія вслѣдствіе страшной перепутанности торговыхъ отношеній штатовъ другъ съ другомъ.

Полное запрещеніе желѣзнымъ дорогамъ дѣлать значительныя пониженія тарифовъ для перевозки товаровъ на большихъ разстояніяхъ равнялось бы значительному сокращенію прибыли, которая перешла бы къ желѣзнымъ дорогамъ Канады, такъ какъ большіе грузы хлѣба пошли бы черезъ нее въ виду отсутствія тамъ такихъ стѣсненій. По тѣмъ же причинамъ отмѣнены всякія мѣры относительно коалицій и дифференціальныхъ тарифовъ въ Европѣ, гдѣ международная конкурренція еще сильнѣе.

Мы видѣли, что расходы желѣзныхъ дорогъ дѣлятся на два сорта: на постоянные и на расходы эксплуатаціи. Послѣдніе измѣняются соотвѣтственно цифрѣ дѣлъ; первые же почти всегда остаются постоянными или мало измѣняются. Мы видѣли, что конкурренція желѣзныхъ дорогъ ведетъ къ низведенію тарифовъ до уровня стоимости одной эксплуатаціи, тогда какъ мѣстности, не пользующіяся выгодами конкурренціи, должны, кромѣ расходовъ по эксплуатаціи, оплачивать еще и постоянные расходы; и это-то служитъ основою дифференціальныхъ тарифовъ.

Послѣдняя законодательная мѣра, принятая конгрессомъ и долженствовавшая войти въ силу съ весны 1887 года, требуетъ гласности тарифовъ; воспрещаетъ различія для лицъ подъ страхомъ строгаго взысканія; воспрещаетъ коалиціи (pools) или раздѣленіе дѣлъ между соперничающими линіями; и вообще, какъ и прежде, воспрещаетъ взимать высшую плату за болѣе короткій пробѣгъ по одной и той же линіи и въ одномъ и томъ же направленіи. Закономъ этимъ исполнительная власть предоставляется коммиссіи, составленной изъ пяти лицъ, на обязанности которыхъ обличать и подвергать преслѣдованію всѣ случаи нарушенія этихъ законовъ. Кромѣ того, коммиссія можетъ своею властью отмѣнять въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ требованія закона.

Переходя затѣмъ къ собственной исторіи желѣзныхъ дорогъ, Гадлей начинаетъ съ Соединенныхъ Штатовъ, причемъ справедливо замѣчаетъ, что внутренняя исторія желѣзныхъ дорогъ, ихъ администрація, организація, отношенія ихъ къ собственникамъ, къ другимъ обществамъ, публикѣ и правительству представляетъ несравненно болѣе интереса, нежели ихъ внѣшняя исторія въ смыслѣ постепеннаго расширенія ея сѣти. Совершенно раздѣляя это мнѣніе, мы отсылаемъ заинтересованныхъ читателей

къ интересной книгѣ Гадлея и остановимся только на самыхъ характерныхъ подробностяхъ.

Первая, піонерная, такъ сказать, желѣзная дорога въ Америкѣ была построена отъ Бальтиморы до Огейо, начатая въ 1828 г. Черезъ два года по ея начатіи публикѣ былъ открытъ первый 15-ти-мильный участокъ. Въ первое время движеніе производилось лошадьми; пробовали также двигаться на парусахъ; и только въ 1831 году перешли окончательно къ паровому движенію. Первыя дороги въ отношеніи постройки походили на новѣйшія городскія желѣзно-конныя дороги, то-есть, вмѣсто того, чтобы лежать на шпалахъ, рельсы клались на тяжелыя деревянныя балки вдоль дороги, такъ что всю тяжесть поѣздовъ приходилось выносить этимъ балкамъ; рельсы же состояли изъ простыхъ желѣзныхъ полосъ, клавшихся для предохраненія дерева отъ порчи. Первые локомотивы, привезенные изъ Англіи, считались негодными по своей тяжести для такихъ дорогъ, и притомъ слишкомъ запаздывали. Поэтому Америка тотчасъ же принялась за фабрикацію собственныхъ локомотивовъ.

Съ этихъ поръ развитіе желѣзныхъ дорогъ быстро стало распространяться по восточной и южной части Соединенныхъ Штатовъ. Даже кризисъ 1837 года не повліялъ на дальнѣйшее расширеніе желѣзно-дорожной сѣти. Система земельныхъ концессій, принятая на востокѣ и югѣ, только еще болѣе содѣйствовала ихъ дальнѣйшему успѣху. Кризисъ 1857 года пріостановилъ на нѣкоторое время дальнѣйшее развитіе желѣзно-дорожнаго дѣла, преимущественно на востокѣ. Совершенно было-оставленный проектъ земельныхъ концессій возобновился съ новой силой послѣ междоусобной войны, во время которой сооруженіе новыхъ линій было почти совершенно пріостановлено. До начала междоусобной войны правительство предоставляло земли отдѣльнымъ штатамъ, которые, въ свою очередь, распредѣляли ее между желѣзными дорогами; но съ войной федеральное правительство стало само непосредственно давать земельныя концессіи акціонернымъ компаніямъ, и притомъ въ размѣрахъ, до того невиданныхъ. Такъ, въ виду настоятельной политической потребности въ желѣзной дорогѣ до Калифорніи, одной только компаніи Union and Central Pacific причтено было разныхъ денежныхъ субсидій до 25.000 дол. на каждую милю; да сверхъ того концессію земель, равную 30 мил. акрамъ. Если „Northern Pacific“ не получила денежной субсидіи, на которую разсчитывала, зато она получила двойное количество земли до 48 мил. акровъ. Хотя съ заключеніемъ мира исчезла край-

политическая необходимость въ желѣзныхъ дорогахъ, побуждавь къ такимъ чрезвычайнымъ субсидіямъ, тѣмъ не менѣе зеныя концессіи продолжались по прежнему. Въ случаѣ неожности или отсутствія земель для подобныхъ концессій, го- и графства на востокѣ и западѣ торопились гарантировать я желѣзныя дороги; такъ что 1861—1872 года были особенно пріятны для долины верхней Миссисипи. Кризисъ 1873 г. елъ къ значительному сокращенію постройки желѣзныхъ до- между 1874 и 1878 г. Но съ 1879 года она стала опять ляться; а слѣдующіе затѣмъ четыре года были особенно пріятны юго-восточнымъ штатамъ и штатамъ Скалистыхъ . Къ этому же періоду относится постройка большихъ трансинентальныхъ линій, разрѣшенныхъ еще въ эпоху спекуляно пріостановленныхъ постройкой за исключеніемъ Central fic, вслѣдствіе разразившагося кризиса.

Въ промежуткѣ 3-хъ лѣтъ отъ 1880—1882 въ Соед.-Шта- было построено болѣе 31.000 миль желѣзныхъ дорогъ, соляющихъ 34% общей желѣзно-дорожной сѣти этой страны. нихъ врядъ ли треть можетъ оправдываться существенною ходимостью. Другая треть можетъ сдѣлаться выгодной или ывать услуги только впослѣдствіи; тогда какъ часть осталь- трети была построена для усиленія дѣйствія существующихъ й на совершенно ненужныхъ мѣстахъ; а другая—для доенія выгоды строителямъ, но никакъ не акціонерамъ. Нѣрыя линіи наконецъ строились для продажи и вымогательства ругихъ линій. Чтобы нажить денегъ постройкой желѣзной ги, стоило только подписаться на небольшую сумму, треую для полученія хартіи съ разрѣшеніемъ выпускать облиі съ правами первыхъ закладныхъ. Первые подписчики поли, такимъ образомъ, въ свое распоряженіе весь фондъ, вненый покупателями облигацій. Прежде всего взимали значиную коммиссію при продажѣ облигацій; затѣмъ учреждали о въ родѣ строительнаго общества съ взаимнымъ обязательствомъ ить высокія цѣны по постройкѣ желѣзной дороги, которую и на себя, реализуя такимъ образомъ двойную выгоду въ ствѣ директоровъ и *предпринимателей*.

Другія линіи строились единственно съ цѣлью нанести вредъ ствующимъ конкуррентнымъ линіямъ, такъ, чтобы понудить ѣднія къ выкупу своей линіи. Послѣдствіемъ такихъ дѣйствій юсь частое разореніе и банкротства доходныхъ линій, осо- съ прекращеніемъ причинъ, вызвавшихъ усиленное коммере движеніе между 1879 и 1881 годами. Если излишекъ

товаровъ, такъ-называемый over-production, и вызываетъ нерѣдко банкрутства, то это еще зло сравнительно поправимое, ибо можно сократить или вовсе пріостановить извѣстное производство на нѣсколько мѣсяцевъ; тогда какъ излишне помѣщенный капиталъ на продолжительный срокъ или совершенно поглощается, или долженъ ждать общаго медленнаго повышенія производства страны. Желѣзно-дорожный кризисъ непосредственно связанъ съ излишнимъ и неправильнымъ помѣщеніемъ капиталовъ, поощряемымъ глупостью капиталистовъ, недобросовѣстностью администрацій и плутнями синдикатовъ, умѣющихъ извлекать изъ нихъ пользу. Такой порядокъ вещей по-неволѣ взываетъ къ необходимости гласности желѣзно-дорожныхъ счетовъ, хотя, по правдѣ говоря, немногіе въ состояніи вникнуть въ нихъ надлежащимъ образомъ и провѣрить ихъ.

Для облегченія уразумѣнія желѣзно-дорожныхъ счетовъ Гадлей приводитъ нѣсколько счетовъ, по которымъ старается упрощенно и наглядно показать, на какія именно статьи слѣдуетъ обращать вниманіе желающимъ ихъ уразумѣть. Мы не приводимъ ихъ здѣсь, чтобы не слишкомъ увеличивать размѣръ нашего изложенія; но не можемъ не упомянуть объ особенно существенномъ предостереженіи противъ увлеченія возвышенными дивидендами, которые выдаются иногда администраціями желѣзныхъ дорогъ исключительно съ цѣлью прикрыть свои неблаговидныя распоряженія акціонерными суммами и для оправданія новыхъ займовъ, совершаемыхъ иногда съ слишкомъ большою неосмотрительностью подъ прикрытіемъ необходимости въ новыхъ постройкахъ.

Вотъ эти самыя постройки въ большинствѣ случаевъ и даютъ поводъ къ злоупотребленіямъ. Такъ, напримѣръ, у желѣзной дороги есть деревянный мостъ, требующій исправленія. Вмѣсто того, чтобы исправить его, компанія замѣняетъ его желѣзнымъ мостомъ, цѣна котораго значительно дороже. Спрашивается: какая часть суммы должна стоять подъ рубрикой „починка", и какая часть подъ „новыми постройками"? Или если, напримѣръ, желѣзно-дорожная администрація замѣняетъ желѣзные рельсы стальными стоимостью 60 дол. тонна, продавъ старые рельсы по 20 дол. за тонну. Какимъ способомъ распредѣлятся опять эти суммы? Явно, что часть потраченной суммы должна быть отнесена къ счету обыкновенныхъ расходовъ по ремонту и часть—къ чрезвычайнымъ расходамъ въ видѣ новыхъ построекъ, для покрытія которыхъ выпускаются обыкновенно облигаціи. Между тѣмъ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ администраціи относятся добросовѣстно къ такимъ дифференціальнымъ разсчетамъ; тѣмъ болѣе, что обыкновенному

еру трудно раскрыть такого рода злоупотребленія. Правле-
сто предпочитаютъ выдавать возвышенный дивидендъ вмѣсто
чтобы сокращать сумму новыхъ займовъ. Такъ, увеличивая
ндъ на всю сумму, которая должна бы была быть отчислена
брикѣ обыкновеннаго ремонта, покрываемаго барышами
ныхъ дорогъ, они весь расходъ по постройкѣ желѣзнаго
или рельсовъ покрываютъ новымъ займомъ, нисколько не
ь о тяжести этихъ новыхъ долговъ. Такимъ образомъ, если
новыхъ построекъ все ростетъ изъ года въ годъ, то это
привлекать особенное вниманіе акціонеровъ въ виду не-
льности такого положенія вещей.

Д. Тороховъ.

ТИХОТВОРЕНІЯ

I.

МОЕЙ МУЗѢ.

мнѣ въ моихъ скорбяхъ помочь,
й ты плакала, бывало...
не плачь! Пускай, какъ ночь,
дождей пора настала,
я, молча, слезы лью,
какъ тайну, грусть мою.

сть порой по старомъ счастьѣ...
внить могла бы ты
кой стебля, когда ненастье
оборветъ съ него цвѣты
етъ ихъ въ даль, куда-то,
нѣтъ уже возврата.

грущу, что старъ ужъ я,
ю смерти близкій холодъ
кій мракъ небытія,
тѣмъ какъ я душою молодъ
творный сердца пылъ
ь лѣтами не остылъ.

о звуковъ скорбной нѣги;
о старческую грусть

Принаряжать въ стихахъ элегій.
А если плачется, ну, пусть—
Коль сердцу есть въ слезахъ отрада;
Но слезъ риѳмованныхъ не надо!

II.

КАКЪ ШУМЯТЪ МОИ ЛИПЫ.

Въ часы ли отрады, иль горя
Люблю навѣщать я мой садъ.
Тамъ старыя липы, мнѣ вторя,
Сочувственнымъ звукомъ шумятъ.

Сижу ли я утромъ въ аллеѣ,
Погодѣ сіяющей радъ,
И липы мои веселѣе
Какъ будто мнѣ сверху шумятъ.

Духовнымъ ли взоромъ порою,
Грустя, оглянусь я назадъ,
Возросшія вмѣстѣ со мною
И липы такъ грустно шумятъ.

Подъ вечеръ предамся ли думамъ,
Очнувшись, я слышу: мнѣ въ ладъ
Какимъ-то таинственнымъ шумомъ
Задумчиво липы шумятъ.

Спасибо имъ! Нынѣшнимъ лѣтомъ
Мнѣ, цѣлыми днями подъ рядъ,
Все добрымъ, радушнымъ привѣтомъ
Родимыя липы шумятъ;

Когда же на краѣ равнины
Свершается солнца закатъ,
Молитву прошепчутъ вершины
И въ алой зарѣ замолчатъ.

III.

ьные года,
:упностію строгой,
страстною, когда
:бовалъ я много...
и мои года!

изни было лживо;
луки труденъ мигъ,
й женщины красивой
ласкѣ той привыкъ,—
ъ ней было лживо.

Не уходи!"
жизни я взываю.
мнѣ впереди...
я все прощаю,
не уходи!"

IV.

:РВЫЙ СНѢГЪ.

:ей моей усадьбы
ру снѣгъ покрылъ.
и записать бы,—
:нѣгъ мнѣ этотъ милъ!

:итъ! Онъ побѣду
:чному дню,
кому обѣду
:е оцѣню.

вижу черной пашни
ѣжной борозду;
видъ вчерашній
въ рощѣ и въ саду;

Кусты въ уборѣ бѣлыхъ шапокъ,
Узоры стынущей воды,
И въ рыхломъ снѣгѣ птичьихъ лапокъ
Звѣздообразные слѣды.

V.

ѣсни старости!—завѣтъ предсмертныхъ думъ
епетъ радостный души еще живучей!..
осенью намъ лѣсъ даритъ послѣдній шумъ,
стьевъ въ воздухѣ играетъ рой летучій.

Алексѣй Жемчужниковъ.

лодую даму, которую пошелъ звать; онъ проводилъ ее черезъ другую переднюю до дверей будуара своей барыни, на что молодая особа отвѣтила только дружеской улыбкой.

— Уже шестеро до васъ приходило,—продолжалъ онъ шопотомъ:—и всѣ такія приличныя; но англійскій и американскій языки... Ну-съ, желаю вамъ успѣха, фрейлейнъ; будьте только посмѣлѣе, авось тогда и удастся.

Молодая дѣвушка и на это утѣшеніе отвѣтила лишь улыбкой, которая, конечно, какъ и ожидалъ Іоганъ, исчезла въ тотъ же моментъ, какъ онъ растворилъ двери и приподнялъ драпри.

— Смѣлѣе!—снова шепнулъ онъ, опуская драпри.

— Вы говорите по-англійски, разумѣется?—произнесъ тихій, глухой голосъ изъ нѣдръ комнаты.

Комната, угловой салонъ, была довольно велика, и такъ какъ розовыя шолковыя шторы были спущены, то въ ней царствовалъ розовый полумракъ. Кресла и диваны были обиты тоже розовымъ шолкомъ. Дама, которой принадлежалъ тотъ голосъ, была облечена въ розовый шолковый капотъ и неподвижно лежала на кушеткѣ, въ углу. Маріи стоило нѣкотораго труда замѣтить говорившую. Когда ей это, наконецъ, удалось, она поклонилась и отвѣтила утвердительно на вопросъ, прибавивъ, что хотя она и не выѣзжала изъ Германіи, а потому не можетъ претендовать на настоящее англійское произношеніе, но говоритъ бѣгло на этомъ языкѣ.

Въ то время, какъ она держала эту небольшую, старательно ею приготовленную рѣчь, миссисъ Куртисъ слегка приподнялась на кушеткѣ и такъ пристально вглядывалась въ нее большими сонными черными глазами, приставивъ къ нимъ золотой лорнетъ, что кровь бросилась въ лицо Маріи. Но, прежде чѣмъ рѣшиться на этотъ шагъ, она уже прежде обдумала его со всѣхъ сторонъ и такъ ясно представила себѣ всѣ его непріятныя послѣдствія и унизительныя подробности, что въ настоящую минуту живо овладѣла собой и не измѣнила своей спокойной, вѣжливой и благодушной манерѣ.

— Вы говорите также и по-нѣмецки?—спросила дама.

— Конечно, я—нѣмка,—отвѣчала Марія, съ трудомъ удерживаясь отъ улыбки при такомъ странномъ вопросѣ.

— Прекрасно, а теперь потрудитесь взглянуть вотъ на эту карточку.

Она подала Маріи большого формата карточку съ именемъ извѣстнаго моднаго магазина, на которой было приписано, что подательницѣ сего поручено выслушать приказанія миссисъ Куртисъ.

Марія, не дожидаясь дальнѣйшихъ вопросовъ миссисъ Куртисъ, перевела ей содержаніе приписки.

— Очень хорошо,—сказала та.—Молодая особа... да, впрочемъ, можетъ быть, она не молода?

— Нѣтъ, она молодая дѣвушка, — отвѣтила Марія. — Она вмѣстѣ со мной дожидалась въ передней.

— А съ ней пришелъ кто-нибудь съ большимъ картономъ? —продолжала разспрашивать миссисъ Куртисъ.

Марія припомнила, что, входя въ домъ, она встрѣтила на лѣстницѣ человѣка съ большимъ картономъ, а потому отвѣчала утвердительно и на этотъ вопросъ.

— Очень хорошо; дѣло въ томъ, что я вчера ѣздила въ магазинъ... какъ это вы его назвали... съ моей дочерью... миссъ Анной Куртисъ... она красавица—это вы увидите... и у нея очень много вкуса... я ничего въ этихъ вещахъ не предпринимаю безъ миссъ Анны... Ну, а теперь она поѣхала съ своимъ братомъ Ральфомъ въ городъ... Ральфъ, это вы увидите... да что-жъ вы не сядете?

Марія, довольно близко подошедшая къ болтавшей барынѣ, сѣла на табуретъ около кушетки; барыня продолжала:

— Что это я говорила: Ральфъ, мой старшій сынъ — у насъ только двое дѣтей: Ральфъ и Анна... было еще трое да умерло... въ Новомъ-Орлеанѣ—у мистера Куртиса были тамъ дѣла —отъ желтой лихорадки. Ральфъ уже былъ въ пансіонѣ—въ Бостонѣ, онъ большой ученый, это вы увидите—просто геній—въ будущемъ январѣ ему будетъ тридцать-одинъ годъ, но онъ уже шесть лѣтъ какъ профессоромъ—въ Колумбіа-колледжѣ, въ Нью-Іоркѣ, знаете... и мы, главнымъ образомъ, пріѣхали для него—потому что онъ хочетъ изучать нѣмецкій языкъ и, Богъ его знаетъ, что̀ еще — вмѣстѣ съ миссъ Анной, которая тоже очень учена, хотя и на двѣнадцать лѣтъ моложе брата; и вотъ теперь они оба уѣхали въ городъ—и если они не скоро вернутся —то-есть, я хочу сказать, что въ этихъ дѣлахъ ничего не предпринимаю безъ миссъ Анны... Пожалуйста, позвоните, тутъ гдѣ-то есть звонокъ.

Миссисъ Куртисъ искала, приставивъ лорнетъ къ чернымъ глазамъ, звонка въ разныхъ невозможныхъ мѣстахъ, между тѣмъ какъ Марія сразу увидѣла его у драпри возлѣ двери. Она подошла къ нему и позвонила; вошелъ слуга, и, не дожидаясь новыхъ приказаній миссисъ Куртисъ, Марія попросила его позвать молодую дѣвушку, дожидавшуюся въ передней, и принести картонъ. Миссисъ Куртисъ откинулась на спинку кушетки и, приставивъ лор-

нетъ къ глазамъ, разглядывала вошедшую хорошенькую дѣвушку, почтительно ей поклонившуюся. Послѣ того перевела глаза на громадный картонъ, внесенный Іоганомъ и поставленный имъ на коверъ.

— Пожалуйста, спросите молодую дѣвушку: говоритъ ли она по-англійски?

Марія повиновалась, и молодая дѣвушка, съ краской въ лицѣ, отвѣчала отрицательно.

— Я такъ и думала. Какъ вы добры, что не отказываетесь помочь мнѣ. Безъ миссъ Анны я не могу принять никакого рѣшенія—я въ этихъ дѣлахъ, знаете, ничего не предпринимаю безъ миссъ Анны, но я думаю, что все-таки погляжу то, что̀ выбрала для меня миссъ Анна... Пожалуйста... вы очень, право, добры. Если вамъ все равно, перейдемъ въ мою спальню.

Она встала съ кушетки и маленькими, нетвердыми шажками поплелась впереди обѣихъ молодыхъ дѣвушекъ въ сосѣдній покой, куда Іоганъ перенесъ громадный картонъ и затѣмъ удалился.

Спальня была очень велика; двѣ кровати подъ бѣлымъ балдахиномъ совсѣмъ терялись въ огромномъ пространствѣ. Дорогіе зеркальные шкафы между окнами, высокія трюмо̀ отъ самаго потолка и до полу въ золоченыхъ рамахъ, множество разбросанныхъ тамъ-и-сямъ козетокъ и креселъ составляли богатое и нарядное убранство. Какъ ни привыкла модистка изъ магазина къ подобному великолѣпію, однако не безъ удивленія огляделась, въ то время, какъ Марія спѣшила воспользоваться случаемъ и взглянула на миссисъ Куртисъ при дневномъ свѣтѣ.

Шторы на трехъ широкихъ и высокихъ окнахъ были подняты, и ясный апрѣльскій день, безпрепятственно проникавшій въ нихъ, безжалостно выдавалъ поблекшее, хотя и раскрашенное лицо маленькой женщины въ розовомъ шолковомъ капотѣ; она вдругъ точно на двадцать лѣтъ постарѣла, несмотря на бѣлила и румяна. Марія почувствовала, что ей будетъ трудно серьезно отнестись къ этой раскрашенной, разодѣтой, покрытой брилліантами, праздной и лѣнивой старой куклѣ.

Тѣмъ временемъ миссисъ Куртисъ стала разглядывать вещи, находившіяся въ картонѣ, и велѣла разложить ихъ на диванѣ: три великолѣпныхъ, дорогихъ вечернихъ платья, въ сопровожденіи всякаго рода кружевныхъ fichus и тому подобныхъ элегантныхъ вещей. Дѣло не ограничилось однимъ обзоромъ. Миссисъ Куртисъ захотѣла примѣрить одно изъ платьевъ, какъ ни убѣждала ее модистка, что это „модель", которую фирма никакъ не можетъ выпустить изъ магазина; что она прислана лишь съ

тѣмъ, чтобы дать возможность выбрать цвѣты и фасонъ. Марія тоже пыталась урезонить миссисъ Куртисъ; но та, не слушая ея, сбросила съ себя капотъ и, съ помощью исподтишка смѣявшейся модистки, облеклась въ понравившееся ей платье. При этомъ оказалось, что лифъ слишкомъ узокъ, а юбка черезъ-чуръ длинна. Но миссисъ Куртисъ ни мало не смутилась такими пустяками и съ удовольствіемъ разсматривала себя въ зеркало, не замѣчая, повидимому, какъ она каррикатурна въ платьѣ, сшитомъ не по ней. Веселая модистка должна была спрятаться за зеркало, чтобы скрыть свое смѣющееся лицо.

Къ счастію, представленіе на этомъ покончилось. Миссисъ Куртисъ объявила, что оставитъ себѣ это платье — конечно, если миссъ Анна (такъ какъ она ничего не предпринимаетъ въ этихъ дѣлахъ безъ ея согласія) будетъ согласна. Марія перевела ея слова модисткѣ и просила ее удовлетвориться пока этимъ, и та сочла это за наилучшее, чтò ей оставалось дѣлать. Остальныя вещи уложили обратно въ картонъ и призванная пожилая и молчаливая служанка, говорившая, повидимому, только по-англійски, вынесла картонъ вслѣдъ за модисткой. Марія добродушно помогла миссисъ Куртисъ снова надѣть розовый шолковый капотъ, послѣ чего обѣ опять пошли въ будуаръ. Здѣсь миссисъ Куртисъ немедленно улеглась обратно на свою кушетку; Марія сѣла на прежнее мѣсто, надѣясь, что удивительному интермеццо наступитъ теперь конецъ и рѣчь зайдетъ о томъ вопросѣ, ради котораго она сюда явилась. Но такъ какъ миссисъ Куртисъ, какъ бы изнемогая отъ предыдущаго напряженія, полузакрыла глаза, а Марія побоялась, какъ бы эта дремота не перешла въ настоящій сонъ, то и сочла нужнымъ первою заговорить о томъ, чтò ее занимало.

— Вы очень обяжете меня, gnädige Frau, если будете такъ добры и отпустите меня съ надеждой, что, если я имѣла счастье вамъ понравиться...

— Вы мнѣ понравились,—перебила миссисъ Куртисъ:—вы мнѣ очень понравились; у васъ доброе лицо... я очень люблю добрыя лица... миссъ Анна, моя дочь, тоже любитъ добрыя лица. Вы должны и ей понравиться.

— Я буду очень счастлива. Но, можетъ быть, вы позволите мнѣ придти въ другой разъ, когда я могу надѣяться застать миссъ Анну, а теперь...

— Ради Бога, не уходите!—закричала миссисъ Куртисъ, принуждая Марію, которая было-встала, снова сѣсть.—Я вѣдь сказала вамъ, что вы мнѣ очень понравились; но должны же вы понять... безъ миссъ Анны...

:о, можетъ быть, миссъ Анна не скоро вернется домой?
ісъ Куртисъ, снова было-закрывшая глаза, открыла ихъ.
ѣтъ, скоро! то-есть, они хотѣли заѣхать въ два-три ма-
ѣдь такъ многое нужно, знаете, купить, когда прожи-
недѣли въ чужомъ городѣ—мы уже прожили четыре
ь Парижѣ, но мой сынъ непремѣнно захотѣлъ ѣхать
нію, чтобы учиться, знаете, — и когда они закупятъ
о въ магазинахъ, то поѣдутъ, какъ это называется?—
ей! Ну, значитъ, черезъ часъ, а можетъ быть черезъ два...
Iнѣ очень жаль,—сказала Марія,—но я рѣшительно не
ѣе ждать.
:о какъ же намъ быть? — вскричала миссисъ Куртисъ

ыть можетъ, вы будете такъ добры и сообщите мнѣ въ
словахъ, въ чемъ заключаются обязанности компаньонки,
ихъ понимаете.
ісъ Куртисъ сдѣлала жалкое лицо.
оже мой!—прошептала она чуть внятно:—чего вы отъ
буете! — обязанности... вы жестоки... вы, право, очень
миссъ... какъ ваше имя? я вѣдь говорила вамъ, что
и миссъ Анна... а м-ра Куртиса я не смѣю безпокоить въ
ь—и кромѣ м-ра Смита... такъ, такъ! М-ръ Смитъ вамъ все
все! переговорите съ м-ромъ Смитомъ! Пожалуйста, позво-
ть! Это самое лучшее, что вы только можете сдѣлать!
я сразу объ этомъ не подумала!
и не очень охотно исполнила порученіе миссисъ Куртисъ.
льство неизвѣстнаго м-ра Смита не особенно ей улыбалось.
менѣе, она терпѣливо дожидалась, пока явившійся на зовъ
шелъ за м-ромъ Смитомъ. Прошло нѣсколько томительныхъ
въ продолженіе которыхъ миссисъ Куртисъ совсѣмъ уже
лаза; наконецъ, въ передней послышались шаги, драпри
ось, и въ комнату вошелъ господинъ средняго роста,
-стройный и тонкій, но съ головой, покрытой густыми
ь бѣлыми волосами, и съ бѣлой же бородой, спускав-
него на грудь. Но остальныя черты лица: гладкій
хняя часть щекъ, тонкій, съ небольшой горбинкой, носъ
бенности мягкій взглядъ голубыхъ глазъ вполнѣ гармо-
съ юношеской фигурой, такъ что Марія не могла рѣ-
ритъ ли передъ нею человѣкъ среднихъ лѣтъ, прежде-
постарѣвшій, или же старикъ.
І-ръ Смитъ,—сказала миссисъ Куртисъ, не измѣняя своей
кушеткѣ:—вотъ молодая дама, которая такъ добра, что

ъ, вы сами знаете, какія тамъ обязанности и все
сказать, пожалуйста переговорите съ нею! И если
ітя я, право, не понимаю, почему бы и нѣтъ, такъ
айней мѣрѣ, барышня—чего нельзя было сказать
іхъ особахъ—и вы знаете, м-ръ Смитъ, что Ральфъ
. само собой разумѣется, что намъ нужна свѣт-
барышня. И если вы будете такъ добры,—хотя
что я сейчасъ пойду одѣваться,—или въ другой
акъ вамъ угодно.

ъ, то я попрошу васъ,—сказалъ м-ръ Смитъ, отвѣ-
юнъ и раздвигая рукой портьеру.

готовилась послѣдовать его приглашенію и выйти,
ссисъ Куртисъ, какъ эта послѣдняя, не открывая,
ротянула ей жирную ручку, покрытую кольцами:
е! и... я хотѣла сказать: у васъ такое доброе
добрыя лица... и миссъ Анна также.

асъ!—раздвинулъ портьеру Смитъ.

а изъ комнаты въ сопровожденіи мистера Смита.

II.

въ большую залу, и тутъ онъ провелъ ее въ
алъ диванъ, столъ и нѣсколько креселъ.

ръ они ни слова не сказали другъ другу; не
ии Смитъ по-нѣмецки, Марія сочла за лучшее
імъ теперь по-англійски; но Смитъ перебилъ ее:
емъ говорить по-нѣмецки. Я нѣмецъ и не забылъ
родного дома, хотя и провелъ много-много лѣтъ въ Америкѣ. Да и фамилія моя, собственно говоря, не Смитъ, а Шмидтъ; но американцы передѣлали ее по-своему. Вы, сколько понимаю, явились сюда, узнавъ, что въ здѣшнемъ домѣ требуется компаньонка, и желая занять это мѣсто. Вы уже видѣли миссисъ Куртисъ и знаете, что она ни слова не говоритъ по-нѣмецки и никогда не научится, такъ какъ принадлежитъ къ тому сорту людей, которые ничему не способны научиться. Къ тому же я слышалъ отъ слуги, что вы уже были свидѣтельницей тѣхъ маленькихъ затрудненій, въ какія попадаетъ миссисъ Куртисъ въ чужой землѣ. Такъ вѣдь?

— Да,—отвѣчала Марія, въ душѣ дивясь откровенности, съ какою Смитъ говорилъ съ нею о хозяйкѣ дома.

— Ну, такъ я скажу вамъ, что всего труднѣе имѣть дѣло со

взрослыми невѣжественными людьми. У ребенка воля все равно какъ у вѣтра, говоритъ Лонгфелло въ одномъ прекрасномъ стихотвореніи; но дѣти—все же дѣти, и опытному наставнику легко справиться съ ними. Здѣсь же приходится направлять, руководить и урезонивать людей уже неисправимыхъ. Испытайте себя: по силамъ ли вамъ такая задача и найдете ли вы въ себѣ достаточно терпѣнія и великодушія, равно какъ энергіи и твердости характера?

— Во всякомъ случаѣ я бы не прочь была испытать себя на дѣлѣ,—уклонилась Марія отъ прямого отвѣта.

— Разумѣется,—поспѣшно подхватилъ Смитъ:—и опытъ будетъ тѣмъ удобнѣе, что вы произвели,—это я, впрочемъ, нахожу вполнѣ понятнымъ,—очень хорошее впечатлѣніе на миссисъ Куртисъ. Конечно, такіе люди, какъ она, всегда руководствуются симпатіями и антипатіями, причемъ послѣднія бываютъ сильнѣе и постояннѣе, чѣмъ первыя. Этимъ исчерпывается все, что̀ можно сказать о миссисъ Куртисъ. Про м-ра Куртиса говорить не стоитъ въ настоящемъ случаѣ, такъ какъ наше дѣло его не касается. Остаются, значитъ, только дѣти. Ну, въ нихъ вы найдете людей, съ которыми стоитъ познакомиться. Ральфъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые, несмотря на внутренній огонь, пожирающій ихъ, родятся, такъ сказать, стариками. Что касается Анны, то она вся живетъ въ настоящемъ и имѣетъ къ тому всѣ данныя: здоровье, красоту, силу и главное или, вѣрнѣе сказать, естественное слѣдствіе всего предыдущаго: энергическое желаніе жить. Такая энергическая потребность жизни очень часто бываетъ похожа на очень сильный эгоизмъ, и къ тому же американское воспитаніе и американскія воззрѣнія и безъ того развиваютъ послѣднее качество; поэтому я боюсь, что съ Анной вамъ будетъ иногда трудно ладить, хотя вамъ нечего бояться съ ея стороны ничего неблагороднаго; но возвышенныя души страдаютъ иногда отъ такихъ вещей, которыхъ нельзя собственно назвать неблагородными. Какъ вы думаете?

Большіе голубые глаза старика пытливо глядѣли на нее. Марія была убѣждена, что онъ хочетъ ей добра, а потому отвѣчала безъ смущенія:

— Я не смѣю назвать себя возвышенной душой, хотя бы уже потому, что привыкла слышать, что родные мои совсѣмъ иначе опредѣляютъ все то, что̀ мнѣ кажется возвышеннымъ и благороднымъ. Съ раннихъ поръ мнѣ пришлось научиться забывать о самой себѣ, чтобы хладнокровно исполнять тѣ услуги, какія отъ меня требовались, такъ что, въ сущности, я считаю

себя хорошо подготовленной къ зависимой должности компаньонки въ чужомъ домѣ.

— Сколько вамъ лѣтъ? — спросилъ Смитъ.

— Мнѣ будетъ скоро двадцать-девять.

— Неужели! я бы не далъ вамъ больше двадцати-трехъ или четырехъ. Я предполагаю, что вы, какъ и Ральфъ, принадлежите къ числу людей, которые родятся старыми, но всегда остаются молодыми.

— Я никогда объ этомъ не думала,—улыбнулась Марія.— Могу только сказать, что порою кажусь себѣ просто старухой, а порою чистѣйшимъ ребенкомъ.

— Удивительно! вчера еще Ральфъ какъ разъ въ этихъ почти словахъ характеризовалъ самого себя. Вообще, чѣмъ больше я васъ слушаю... вашъ голосъ звучитъ въ моихъ ушахъ точно родной колоколъ, колоколъ той деревни, гдѣ я выросъ и, бывало, гулялъ по полямъ — я всегда лѣнился ходить въ церковь — или лежалъ на опушкѣ лѣса, и всегда съ наслажденіемъ къ нему прислушивался. Скажите: вы дѣтство свое тоже провели въ деревнѣ?

— Только самое раннее дѣтство, такъ что почти ничего не помню.

Смитъ придвинулъ ближе свое кресло и, положивъ руку на ея руку, сказалъ, тепло взглядывая на нее своими голубыми глазами:

— Разскажите мнѣ что-нибудь про свою жизнь; мнѣ будетъ очень интересно послушать... очень! Хотите?

— Съ удовольствіемъ, хотя ничего особеннаго въ моей жизни не было, а главное, ничего радостнаго. Я рано лишилась отца, такъ рано, что совсѣмъ его не помню. Моя мать, получившая по смерти моего отца большое состояніе, вскорѣ вышла замужъ вторично. Отъ этого брака у нея родилось четверо дѣтей, и изъ нихъ старшій, сынъ, только на три года моложе меня, а младшая, дочь, тоже уже взрослая. Мой вотчимъ высокопоставленный сановникъ, а поэтому относительно имущества и общественнаго положенія семью мою слѣдуетъ причислить къ высшему классу. Съ своей стороны, я...

Она колебалась съ минуту, затѣмъ мужественно продолжала:

— Я воспользовалась этимъ общественнымъ положеніемъ семьи въ томъ смыслѣ, что получила образованіе, какое вообще дается дѣвушкамъ моего круга. Если же я никогда не могла слиться душой съ своей семьей и всегда оставалась чуждой по духу своему вотчиму и своимъ сестрамъ и братьямъ, то въ этомъ, конечно, я сама виновата, хотя много отъ того настрадалась. Я рѣшилась, наконецъ, въ чужой семьѣ искать привязанности,

юй не нашла въ своихъ родныхъ. Послѣдніе постоянно про-
вились этому, и лишь съ большимъ трудомъ удалось мнѣ до-
ться разрѣшенія поступить на годовой искусъ въ больницу,
› вообще служать сестрами милосердія самыя знатныя дамы.
въ позволеніи поступить окончательно въ сестры мнѣ было
:азано. Поэтому, когда я прочла въ газетахъ объявленіе...

— Я самъ его написалъ,—перебилъ Смитъ.

— Я пришла сюда... признаюсь вамъ, безъ вѣдома родныхъ,
съ твердымъ рѣшеніемъ на этотъ разъ поставить на своемъ.
Но, говоря это, молодая дѣвушка не съумѣла сохранить на-
жного спокойствія, какое до сихъ поръ высказывала; голосъ
задрожалъ, и она невольно поднесла платокъ къ влажнымъ
замъ.

— Бѣдняжка!—пробормоталъ Смитъ:—бѣдняжка!

Онъ произнесъ это очень тихо, но Марія все же услышала
›, и состраданіе со стороны чужого ей человѣка произвело на
: такое сильное впечатлѣніе, что слезы полились у нея гра-
ъ, и она закрыла лицо платкомъ.

Но вдругъ она отняла платокъ отъ глазъ, потому что ей
:лышалось какъ бы рыданіе. И дѣйствительно, взглянувъ на
ита, она замѣтила большую перемѣну въ его лицѣ. Оно было
ѣдно и конвульсивно подергивалось, такъ что теперь она уви-
ла передъ собой дѣйствительно старика.

— Вамъ дурно!—вскричала она, приподнимаясь и протяги-
ı ему руки, которыя онъ схватилъ и крѣпко сжалъ.

Марія повторила свой вопросъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! — прошепталъ онъ: — сейчасъ пройдетъ...
йчасъ! Не пугайтесь. Скажите мнѣ только: это ваше собствен-
: имя, то̀, что̀ я прочелъ на этой карточкѣ?

Марія увидѣла, что взглядъ его прикованъ къ карточкѣ, ко-
рая лежала на коврѣ, выпавъ, повидимому, изъ его дрожа-
:хъ пальцевъ.

— Да,—отвѣчала она.

— А какъ фамилія вашего вотчима?

— Гехеймратъ Илиціусъ.

— А!

Марія была въ большомъ смущеніи. Смитъ, все еще не вы-
:кавшій ея рукъ, казалось, ужасно страдалъ. Она готова была
звать кого-нибудь на помощь, но какъ быть въ чужомъ домѣ?
всякомъ случаѣ, необходимо положить конецъ бесѣдѣ, которую
рикъ, несмотря на свое болѣзненное состояніе, какъ будто
ѣлъ продолжать. Она просила Смита отпустить ее теперь,

обѣщая завтра вернуться для переговоровъ, причемъ выразила надежду, что ей можно будетъ увидѣть миссъ Анну, отъ которой, какъ она поняла, зависитъ рѣшеніе.

— Да, да, сдѣлайте это!—подтвердилъ и Смитъ.—Или нѣтъ, лучше не дѣлайте. Не приходите, пока я не переговорю съ Анной и не пришлю васъ извѣстить; я вамъ назначу часъ, когда вы навѣрное ее застанете, чтобы вамъ опять не придти даромъ. Прощайте, прощайте!

Онъ крѣпко сжалъ ей руки и выпустилъ ихъ, наконецъ, изъ своихъ.

Съ трудомъ поднявшись съ мѣста, онъ проводилъ ее черезъ всю залу до самой передней, не предложивъ ей на этотъ разъ своей руки. Передъ дверью онъ остановился и сказалъ торопливо, чуть не тревожно:

— Пожалуйста, такъ какъ вы еще не извѣстили своихъ родственниковъ о своемъ намѣреніи, то повремените съ этимъ, пока я не извѣщу васъ.

— Мнѣ нѣтъ надобности извѣщать ихъ, тѣмъ болѣе, что ничего еще не рѣшено,—отвѣтила Марія.

— Конечно, конечно! Я долженъ сначала переговорить съ Анной! Затѣмъ напишу вамъ... еще сегодня. Вы живете здѣсь, въ Берлинѣ?

— Конечно, — отвѣчала Марія, и сообщила названіе улицы и нумеръ дома, гдѣ жилъ ея вотчимъ.

— Хорошо, хорошо; такъ, значитъ, еще сегодня, и еще разъ: до свиданія.

Онъ отворилъ ей дверь и въ послѣдній разъ крѣпко пожалъ ей руки. Когда дверь захлопнулась, ей показалось, что за нею раздался не то стонъ, не то рыданіе.

III.

Въ то самое время, какъ разговоръ между Смитомъ и Маріей принялъ такой неожиданный оборотъ, благодаря болѣзненному припадку, случившемуся со старикомъ, на противоположномъ концѣ дома, въ кабинетъ самого Куртиса-отца введенъ былъ американскимъ камердинеромъ молодой человѣкъ, на карточкѣ котораго стояло: „Гартмутъ Зелькъ". Куртисъ, писавшій за большимъ столомъ, стоявшимъ посреди комнаты съ методически разложенными на немъ бумагами, повернулся на креслѣ и, сдвинувъ очки на облысѣвшій лобъ, устремилъ пытливый взоръ на входившаго.

'о былъ высокій, худой, еще молодой человѣкъ, съ круглою, ьшою, хорошей формы, головой, съ коротко остриженными ыми волосами, уже порѣдѣвшими на вискахъ, отчего узкій, тубокими морщинами, лобъ казался несоразмѣрно длиннымъ. нѣ съ темносиними стеклами, не позволяло разглядѣть формы ѣта глазъ. Темные усики украшали тонкую верхнюю губу; я щеки, съ выдающимися скулами, равно какъ и подборо- были гладко выбриты.

Чтобы замѣтить всѣ эти подробности, Куртису достаточно одного бѣглаго взгляда, въ то время, какъ молодой чело- , оглядѣвъ сначала комнату, уставился на ея хозяина, находя, одно подходитъ къ другому.

— Вы пришли, чтобы занять мѣсто секретаря, о которомъ я вялъ въ газетахъ?—сказалъ Куртисъ по-англійски.

— Да,—отвѣчалъ пришедшій на томъ же языкѣ.

— Со вчерашняго дня вы уже четвертый претендентъ.

— Такъ какъ вы меня приняли, то я долженъ заключить, первые трое вамъ не понравились.

— А вы надѣетесь, что вы мнѣ понравитесь?

— Позволяю себѣ это думать.

— Но я сомнѣваюсь; начать съ того, что вы отвратительно рите по-англійски.

— Да, я знаю, что мое произношеніе неудовлетворительно; ато вѣдь я васъ понимаю, да и вы меня—очевидно. А вѣдь главное. Читаю же я и пишу по-англійски гораздо лучше, ли говорю.

— Подойдите ближе, прошу васъ, и сядьте.

'артмутъ Зелькъ отошелъ отъ двери при этихъ словахъ и ся противъ Куртиса.

— Нельзя ли вамъ снять очки на минуту?

— Можно, если они васъ стѣсняютъ.

Молодой человѣкъ сбросилъ пенсне́ съ носу, и при этомъ ілось, что у него очень большіе, очень темные и очень ѣшливые глаза, которыми онъ иронически посмотрѣлъ въ іые глаза американца.

— Я вижу прекрасно, съ кѣмъ имѣю дѣло,—сказалъ Кур-

'емные глаза засверкали еще насмѣшливѣе, узкія губы онулись усмѣшкой, какъ будто тоже говорившей: и я тоже!

— Какъ вы рисуете себѣ свое положеніе у меня?—спро- американецъ.

— Вообще очень пріятнымъ, — былъ отвѣтъ: — подробности же надѣюсь узнать отъ васъ.

— Хорошо: каждое утро, за исключеніемъ, конечно, воскреснаго дня, который мы, американцы, привыкли чествовать...

— Чему я очень сочувствую,—вклеилъ свое слово молодой человѣкъ, поглаживая рукавомъ свою шляпу.

— ...Будете приходить сюда ко мнѣ въ кабинетъ, ровно въ десять часовъ, иногда даже и безъ меня, и будете работать здѣсь, скажемъ, до двухъ часовъ: копировать письма или писать ихъ подъ мою диктовку, читать нѣмецкія, французскія, американскія и англійскія газеты и дѣлать изъ нихъ необходимыя для меня извлеченія, а также писать и всякія другія письма и записки, неизбѣжныя при большомъ хозяйствѣ и открытомъ образѣ жизни: пригласительные билеты, даже объявленія и рекламы и т. д. Справитесь ли вы съ этимъ?

— Не вижу причины, почему бы мнѣ не справиться.

— Вы можете представить мнѣ какую-нибудь рекомендацію?

— Я изъ предосторожности захватилъ съ собой вотъ это,— отвѣчалъ молодой человѣкъ, ставя шляпу на полъ и вынимая изъ кармана пальто пачку бумагъ. Вотъ мой аттестатъ зрѣлости —такъ называемъ мы свидѣтельство объ окончаніи классической гимназіи; вотъ патентъ на офицера-резервиста, которымъ я, кстати, никогда не былъ; вотъ свидѣтельство отъ адвоката, у котораго я занимался въ конторѣ въ продолженіе восьми мѣсяцевъ; вотъ такое же отъ директора одного изъ нашихъ театровъ; вотъ письма отъ редакцій различныхъ здѣшнихъ газетъ, въ которыхъ меня приглашаютъ присылать и дальше статьи, и тому подобное.

— И вы называете это рекомендаціями?

— Вовсе не думаю,—спокойно отвѣтилъ молодой человѣкъ, кладя бумаги обратно въ карманъ и беря снова шляпу въ руки.

Наступила пауза, въ продолженіе которой Гартмутъ Зелькъ такъ же непринужденно, какъ еслибы онъ сидѣлъ въ какомъ-нибудь ресторанѣ, оглядывалъ различные предметы, находившіеся въ комнатѣ.

— Вы женаты? — спросилъ американецъ.

— Слава Богу, нѣтъ,—былъ торопливый отвѣтъ.

— И вообще безъ всякихъ семейныхъ узъ?

— По крайней мѣрѣ такихъ, которыя бы могли меня стѣснять.

— Жалованья вамъ полагается триста марокъ въ мѣсяцъ; отказать вамъ отъ мѣста я могу каждую минуту, но долженъ

при этомъ выдать вамъ жалованье за мѣсяцъ впередъ. Довольны ли вы этими условіями?

— По крайней мѣрѣ, не претендую на лучшія.

— Хорошо. И вы можете поступить ко мнѣ немедленно?

— Если вамъ угодно, то хоть сейчасъ.

— Время терпитъ до завтрашняго утра. Еще одно: знаете ли вы хоть сколько-нибудь хорошее берлинское общество? Haute finance, дворянство, высшій чиновничій кругъ?

— Какъ сказать, — отвѣчалъ молодой человѣкъ: — личнаго знакомства съ нимъ не имѣю, по крайней мѣрѣ, постояннаго. Но вообще знаю это общество съ виду и по наслышкѣ: кто въ немъ богатъ и кто бѣденъ, кто въ долгахъ и кто нѣтъ. Одно время я часто бывалъ въ театрахъ, концертахъ и вообще въ общественныхъ мѣстахъ, на улицахъ, на гуляньяхъ, на скачкахъ, и такъ далѣе. Тамъ слышишь и узнаешь многое, чѣмъ интересуешься, а меня это интересовало. Кромѣ того, у меня хорошая память на имена, фамиліи; я хуже запоминаю физіономіи: на свѣтѣ такъ много дюжинныхъ лицъ.

— Позвольте мнѣ испытать ваше знакомство съ здѣшними личностями?

— Пожалуйста.

— Я на удачу спрошу васъ объ одной фамиліи, съ которой познакомился вчера вечеромъ у нашего посла: Илиціусъ. Гехеймратъ или нѣчто въ этомъ родѣ. Знаете ли вы что-нибудь объ этихъ людяхъ?

Гартмутъ Зелькъ отвѣчалъ не сразу, но молча вертѣлъ шляпой въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ съ особенной горько-иронической усмѣшкой на тонкихъ губахъ. Затѣмъ поднялъ голову и сказалъ, глядя американцу въ глаза:

— Я могъ бы теперь легко привести васъ въ удивленіе тѣмъ, какъ много могу сообщить о гехеймратѣ Илиціусѣ; мало того: выдать себя за всезнайку. Но это было бы чистымъ шарлатанствомъ. Не хитрая штука, что мнѣ извѣстны до мельчайшихъ подробностей всѣ отношенія въ домѣ гехеймрата Іогана-Готлиба фонъ Илиціуса. Я жилъ прежде у него... въ качествѣ учителя младшихъ дѣтей.

— Прежде!—повторилъ американецъ:—но мнѣ нужно знать теперешнія отношенія этого человѣка.

— И это я могу вамъ сообщить въ точности; людей, съ которыми приходилось имѣть дѣло, никогда не упускаешь изъ виду. И какъ разъ эта фамилія, долженъ сознаться, всегда представляла для меня очень сильный психологическій интересъ, и вы

поймете почему, если позволите мнѣ вдаться въ нѣкоторыя подробности.

— Прошу васъ объ этомъ.

— Очень хорошо. Итакъ, нашъ гехеймратъ вступилъ во второй бракъ съ овдовѣвшей баронессой фонъ Альденъ и послѣ этой женитьбы, доставившей ему очень большое состояніе, былъ возведенъ въ дворянское достоинство. Чтобы имѣть право вступить въ этотъ второй бракъ, онъ долженъ былъ развестись съ первой женой, что онъ и сдѣлалъ съ величайшимъ хладнокровіемъ, несмотря на то, что отъ перваго брака онъ имѣлъ троихъ дѣтей, изъ которыхъ, сколько мнѣ извѣстно, одинъ еще живъ. Первая жена Илиціуса прожила достаточно долго—она умерла всего два года назадъ—чтобы ослѣпнуть отъ слезъ надъ постигшимъ ее несчастіемъ, на которое, собственно говоря, сама добровольно согласилась. Она была простая, добрая душа, безгранично любившая своего вѣроломнаго мужа, такъ что онъ могъ всего отъ нея потребовать и всего добиться, между прочимъ, и согласія на разводъ, причемъ, такъ какъ съ ея стороны не было никакой вины, дѣти были отданы ей, но это, конечно, не разбило отеческое сердце господина гехеймрата. Въ своемъ самоотверженіи она зашла такъ далеко, что отказалась даже отъ фамиліи мужа, по праву ей принадлежавшей, и во всю остальную жизнь довольствовалась своей дѣвической фамиліей. Разведенная фрау Илиціусъ!—вѣдь это было бы слишкомъ тяжелымъ воспоминаніемъ для гехеймрата, между тѣмъ какъ неизвѣстная никому, безъ вины прогнанная жена, съ чужимъ именемъ, обитающая въ глухомъ переулкѣ на чердакѣ пятаго этажа—такое обстоятельство не могло повредить ему въ аристократическомъ кругу.

— Понятно,—сказалъ американецъ.

— Не правда ли? Отъ второго брака у Илиціуса родилось четверо дѣтей; угодно вамъ знать ихъ имена?

— Пожалуй.

— Итакъ: Гербертъ двадцати-шести лѣтъ, регирунгсъ-ассессоръ; Стефанія, двумя годами моложе, замужемъ уже четыре года за барономъ фонъ Шарфекъ; Регинальдъ, которому теперь двадцать-три года, уже четыре года какъ произведенъ въ офицеры; вся эта семья очень умна, очень честолюбива и очень способна; наконецъ, младшая дочь, Ада, восемнадцати или девятнадцати лѣтъ. Кромѣ того, отъ перваго брака вдовы существуетъ дочь, Марія фонъ Альденъ, которая играетъ въ домѣ роль,—не знаю какъ назвать по-англійски,—сандрильоны.

— Опишите, въ чемъ дѣло.

— Дѣвушка, на которую семья взваливаетъ все то, что̀ другимъ тяжело или непріятно; которую кличетъ каждый, кто что-нибудь забылъ или кому что-нибудь понадобится; на которой держится весь домъ, но которая никому не можетъ угодить; которой отказано въ самостоятельныхъ распоряженіяхъ, но которая, несмотря на то, несетъ отвѣтственность за все. Не знаю, поняли ли вы меня?

— Совершенно. А что, эта дѣвушка не наслѣдница ли отцовскаго состоянія?

— Нѣтъ, по крайней мѣрѣ, отъ ея матери вполнѣ зависитъ распорядиться имъ, какъ ей вздумается. У меня есть всѣ основанія предполагать, что фрейлейнъ Марія получитъ очень мало, вѣрнѣе сказать, ничего.

— А какъ велико состояніе?

— Около милліона талеровъ, а на теперешнія деньги—около трехъ милліоновъ марокъ.

Американецъ слегка присвиснулъ своими толстыми губами.

— Кто былъ покойный г. фонъ Альденъ? — спросилъ онъ.

— Крупный землевладѣлецъ на Рейнѣ и эксцентрическій человѣкъ, который въ революцію сорокъ-восьмого года перешелъ на сторону революціи, дѣятельно участвовалъ въ возстаніи, играя въ немъ роль вожака, загадочно потомъ скрылся изъ крѣпости Раштатта, гдѣ былъ запертъ, незадолго до его сдачи, и бѣжалъ въ Швейцарію, а позднѣе въ Англію и пропалъ безъ вѣсти въ чужихъ краяхъ.

— Умеръ?

— Въ семьѣ такъ думаютъ, и я не имѣлъ никакихъ основаній въ томъ сомнѣваться. Граждански онъ во всякомъ случаѣ умеръ, ибо былъ приговоренъ къ смерти in contumaciam—обстоятельство, чрезвычайно какъ облегчившее разводъ его супругѣ. Имуществомъ своимъ онъ уже раньше распорядился. Прежде чѣмъ вступить въ борьбу, исходъ которой онъ могъ заранѣе предвидѣть, онъ все свое состояніе передалъ въ безконтрольное распоряженіе своей жены, урожденной графини Уттенховенъ—изъ обѣднѣвшаго дворянскаго дома—и это распоряженіе было уважено судомъ; конечно, при содѣйствіи гехеймрата. Первоначально онъ былъ тоже красный республиканецъ и довѣренный барона фонъ-Альдена, великодушной дружбѣ котораго онъ былъ всѣмъ въ жизни обязанъ; но послѣ онъ рѣзко перемѣнилъ фронтъ, когда дѣло демократіи не удалось, и съ фанатизмомъ ренегата бросился на службу реакціи, а при своей энергіи и безсовѣстности вскорѣ сдѣлался выдающимся лицомъ. Безъ сомнѣнія, онъ зналъ, что̀ дѣлалъ,

когда воспользовался своимъ вліяніемъ и оказалъ услугу баронессѣ фонъ Альденъ, съ которой уже тогда—я въ этомъ увѣренъ—а кто знаетъ, можетъ быть и раньше,—былъ очень близокъ.

— Это въ самомъ дѣлѣ очень интересно,—замѣтилъ американецъ.

— Не правда ли? Я самъ часто думалъ, что тутъ можно найти хорошій сюжетъ для романа. Я бы и самъ имъ воспользовался, да только нѣтъ у меня настоящаго художественнаго таланта. Но быть можетъ я найду человѣка, въ сообществѣ съ которымъ напишу этотъ романъ. Я доставлю факты, а онъ ихъ обработаетъ.

— Очень неглупое дѣло,—сказалъ американецъ.—А теперь я долженъ съ вами разстаться на сегодняшній день.

Онъ всталъ со стула и остановился передъ Гартмутомъ, тоже послѣдовавшимъ его примѣру: американецъ оказался человѣкомъ средняго роста, широкоплечимъ, съ длинными руками, о силѣ которыхъ свидѣтельствовали большія, волосатыя кисти руки. Маленькіе свѣтлые глазки глядѣли изъ-подъ густыхъ бровей, можно почти сказать—дружески, на Гартмута.

— Значитъ, завтра въ десять часовъ,—проговорилъ онъ.—Если я буду вами доволенъ, то я выдамъ вамъ гонораръ за полный мѣсяцъ и впередъ.

Гартмутъ поклонился.

— Еще одно слово: я надѣюсь, что завтра мнѣ представится случай познакомить васъ и съ моимъ семействомъ, а тогда вы можете отобѣдать какъ-нибудь съ нами въ воскресенье.

— Сочту это за большую честь,—отвѣчалъ Гартмутъ, уже взявшійся за ручку двери.

— Еще я хотѣлъ васъ спросить...

Куртисъ подошелъ очень близко къ молодому человѣку и пристально поглядѣлъ ему въ глаза.

— Въ какихъ отношеніяхъ вы съ полиціей?

— Милостивый государь!—вскричалъ Гартмутъ, отнимая поспѣшно руку отъ ручки двери:—этотъ вопросъ... я...

Толстыя губы американца сложились въ улыбку, открывшую его черные, но крѣпкіе зубы. Гартмутъ вдругъ расхохотался, не вполнѣ, однако, естественно.

— Вы юмористъ, г. Куртисъ,—сказалъ онъ.

— Я слыву такимъ между своими знакомыми.

— Поэтому я не стану разыгрывать обиженнаго и не распрощаюсь съ вами навсегда, какъ сдѣлалъ бы это другой на моемъ мѣстѣ.

— Итакъ?..

Итакъ, въ настоящее время я въ ладахъ съ полиціей, то вамъ подтвердятъ въ томъ участкѣ...

Это уже лишнее; итакъ, до свиданія завтра въ десять

Я буду здѣсь ровно въ десять часовъ.

До свиданія.

До свиданія.

ртисъ послѣ короткаго кивка повернулся широкой спиной шелъ назадъ къ письменному столу; Гартмутъ затворилъ за дверь.

IV.

лодой человѣкъ сошелъ съ лѣстницы, покрытой ковромъ, очень радужномъ настроеніи духа. Положимъ, онъ достигъ цѣли, и такъ какъ, по его любимому выраженію, снова „vis-à-vis de rien“, то и это можно было считать успѣно успѣхъ этотъ былъ купленъ, какъ ему казалось, дороной. Съ матеріальной стороны онъ могъ быть доволенъ— кенный ему гонораръ превосходилъ всѣ его ожиданія; но льно чувствовалъ, что въ бесѣдѣ съ этимъ человѣкомъ онъ лъ. Какъ молнія пронизало его воспоминаніе о послѣдопросѣ американца. Онъ оглядѣлъ самого себя. Когда онъ экипировался на послѣднія деньги въ магазинѣ готоваго онъ не подумалъ, что костюмъ его не особенно гармо-; что темныя панталоны плохо шли къ свѣтлому пальто, послѣднее было совсѣмъ не по сезону. Но, не говоря уже , что онъ не имѣлъ никакой возможности быть особенно ивымъ въ выборѣ,—кто же требуетъ отъ кандидата въ ри, чтобы онъ былъ одѣтъ какъ дэнди? И неужели до-о человѣку не быть франтомъ, для того, чтобы его запо- въ разладѣ съ полиціей? Да и вообще, что хотѣлъ скаотъ человѣкъ своимъ дерзкимъ вопросомъ? Положительно ъ звучалъ какъ бы намекъ:—сознаюсь, мнѣ кажется, что отвѣдали тюрьмы?—Чортъ побери! да, отвѣдалъ, милости-сударь, но не потому, что укралъ серебряную ложку, а емократъ, который не скрываетъ своихъ мнѣній и открыто ываетъ ихъ на публичныхъ митингахъ!

о онъ меня совсѣмъ сбилъ съ толку... я просто растед да и вообще глупо велъ себя, слишкомъ много болтая, того, чтобы выпытывать другихъ... моя вѣчная ошибка!

Недоставало только, чтобы я сообщилъ ему, въ какихъ отношеніяхъ нахожусь съ гехеймратомъ! Должно быть, однако, я показался ему „блуднымъ сыномъ"! Или уже не водился ли онъ самъ съ полиціей? и вопросъ свой задалъ какъ франмасонскій король? А вѣдь похоже на то! Надо будетъ это разузнать какъ слѣдуетъ. Тутъ что-то скрывается,—ну, да я выведу его на свѣжую воду"...

Онъ дошелъ до фонтана Врангеля и оттуда повернулъ вправо, въ аллею Побѣды, а затѣмъ влѣво къ пруду съ золотыми рыбками. Тутъ онъ простоялъ нѣсколько секундъ, глядя, какъ дѣти, въ сопровожденіи бонны, бросали рыбкамъ хлѣбныя крошки въ прудъ. Немного поодаль отъ этой группы стояла молодая дама, которую онъ сначала принялъ-было за мать этихъ дѣтей, но, вглядѣвшись, узналъ Марію Альденъ.

Она пошла дальше. Гартмутъ вскорѣ нагналъ ее.

— Итакъ, я не ошибся, — сказалъ онъ, снимая шляпу:— фрейлейнъ фонъ-Альденъ!

Марія чуть замѣтно отвѣтила на его поклонъ и пошла нѣсколько быстрѣе. Гартмутъ этимъ не смутился, тѣмъ болѣе, что предвидѣлъ такое ея отношеніе къ нему.

— Простите,—сказалъ онъ, идя съ нею рядомъ,—но я не могъ пропустить молча благодѣтельницу моей матери, тѣмъ болѣе, что съ тѣхъ поръ, какъ умерла моя бѣдная мать, я лишенъ счастія... Да, вѣдь я въ послѣдній разъ видѣлъ васъ на ея похоронахъ!

— Благодарю васъ,—сказала Марія нетвердымъ голосомъ,— но, право...

— Я не буду навязывать вамъ свое общество,—сказалъ онъ, не отставая, однако, отъ нея:—я знаю, что вы предубѣждены противъ меня, что моя мать возстановила васъ противъ меня. Я привыкъ къ тому, что меня не понимаютъ.

Марія была въ большомъ смущеніи; эта встрѣча была ей непріятна по многимъ причинамъ, но какъ избавиться отъ него? Она сочла, наконецъ, болѣе благоразумнымъ покориться неизбѣжному и отвѣчала:

— Вы раздѣляете эту участь со многими.

— Напримѣръ, съ вами,—отвѣчалъ поспѣшно Гартмутъ.— Дѣйствительно, хотя во всѣхъ другихъ отношеніяхъ между нами цѣлая бездна, но на этомъ одномъ пунктѣ мы стоимъ рядомъ.

— Я, кажется, не сказала вамъ ни одного слова, которое бы оправдывало это замѣчаніе,—продолжала Марія тѣмъ же сдержаннымъ, но смущеннымъ голосомъ.

· Точно для этого нужны слова!—воскликнулъ ея спутникъ. но выраженіе вашего лица, взглядъ вашихъ глазъ, печальсладка около губъ не повѣствуютъ цѣлые томы! Точно баро-Альденъ пошла бы въ больничныя сидѣлки, еслибы ей дома ь хорошо! Точно вашъ домъ для меня не стеклянный! И :, устраненному съ дороги Илиціусомъ, не знать, какого обранадо ждать отъ этихъ „нѣжныхъ родственниковъ"! Подуо моей несчастной матери! Что бы съ нею было безъ вашей ,и, безъ вашего участія! Илиціусы оставили бы ее умирать у, какъ собаку.

· Вы ошибаетесь,—отвѣчала Марія:—то, что я сдѣлала для матери, я это сдѣлала съ вѣдома и по порученію моего а...

· Вы это говорили и тогда,—перебилъ ее Гартмутъ.—Я а вамъ не повѣрилъ, и теперь не вѣрю. Вамъ было стыдно шего вотчима; вы хотѣли утѣшить бѣдную старую женщину рили ее, что бывшій ея супругъ все еще принимаетъ въ ней е; вы хотѣли этимъ облегчить ей кончину. Нѣтъ, фрейлейнъ , еслибы вы говорили правду, то онъ самъ заглянулъ бы нибудь къ матушкѣ, да и вы-то не приходили бы къ ней юй по вечерамъ.

арія ничего не отвѣчала: то, что говорилъ озлобленный, ій человѣкъ, шествовавшій съ нею рядомъ, была святая ь.

· Я надѣюсь, что вы теперь нашли себѣ приличное за—сказала она, съ цѣлью придать разговору иной оборотъ.

· Благодарю за участливый вопросъ,—отвѣчалъ онъ съ ческимъ смѣхомъ.—Мнѣ, по крайней мѣрѣ, никто не мѣ-дѣлать, что я хочу, лишь бы я такъ же радикально :я отъ гехеймрата Илиціуса, какъ бы отъ нѣкоего Гарт-Зелька. Ваше положеніе хуже. Вы были и остаетесь бароі. И однако, если я васъ правильно понимаю, вы бы не сивились принять мѣсто компаньонки въ домѣ, гдѣ я вотъ ъ полчаса какъ имѣю честь числиться домашнимъ секрета-Объявленія объ этихъ двухъ должностяхъ были напечавъ одной и той же газетѣ. Жаль.

· О чемъ вы говорите?—спросила Марія въ величайшемъ ніи.

· Вотъ бы хорошо было,—продолжалъ насмѣшливымъ то-Гартмутъ,—еслибы вы да я очутились въ одномъ и томъ мѣ! Но, конечно, что бы сказали объ этомъ наши милые енники! Мой хозяинъ—кстати сказать, богатый америка-

нецъ—живетъ въ улицѣ Бельвю... Я иду оттуда. Молодецъ смахиваетъ по виду на настоящаго торговца невольниками и уже сообщилъ мнѣ, что познакомился съ нашими родственниками вчера въ американскомъ посольствѣ. И знакомство, какъ видно, заинтересовало его: онъ разспросилъ у меня всю подноготную про Илицiусовъ! Натурально при этомъ говорилось и о васъ...

— Въ самомъ дѣлѣ!—сказала Марiя и поспѣшно прибавила:—но извините, я должна проститься съ вами...

Мимо нихъ въ эту минуту какъ разъ проѣхало открытое ландо, и въ немъ сидѣли Илицiусъ съ женой, а напротивъ—Гербертъ и Ада. Марiя невольно остановилась. Ея спутникъ засмѣялся:

— Не бойтесь,—сказалъ онъ:—папаша насъ не замѣтилъ. Кто знаетъ, можетъ быть они ѣдутъ съ визитомъ къ Куртисамъ? Мнѣ придется теперь ходить туда по черной лѣстницѣ... Будьте здоровы и не стыдитесь, что перекинулись двумя словами съ бѣднымъ отверженнымъ!

Онъ снялъ шляпу и пробормоталъ, глядя ей вслѣдъ:

— Встрѣча со мной ее, кажется, не обрадовала! Такая же гнилая, какъ и всѣ они! Относится ко мнѣ какъ къ какому-то клопу! Но, подождите, придетъ и мое время! Мое! Вотъ дичь-то! Какое мнѣ дѣло до всей этой сволочи! Мое время — время, когда какой-нибудь торговецъ неграми не посмѣетъ меня больше спрашивать, въ какихъ я отношенiяхъ съ полицiей! Погоди, онъ еще у меня за это попляшетъ!..

V.

Марiя спѣшила домой, волнуемая самыми тягостными чувствами, и въ томъ числѣ она стыдилась за ту роль, какую ей только-что пришлось разыграть передъ Гартмутомъ. Но какъ могла бы она сказать ему правду,—что она приходила въ домъ Куртисовъ въ одно время съ нимъ и съ одинаковою цѣлью! Отъ цѣли-то теперь приходится отказаться. Быть съ нимъ въ одномъ домѣ немыслимо, даже и въ томъ случаѣ, если и вѣрно то, что онъ умолчалъ объ имени своего отца и назвалъ себя именемъ матери. Но съ нею, съ Марiей, онъ навѣрное будетъ обращаться съ нахальною вольностью и позволять себѣ непрiятные намеки. Вотъ и теперь онъ пытался, какъ и во всѣ другiе разы, поступить съ ней по товарищески, отъ чего ее страшно коробило.

Но и помимо того домъ Куртисовъ теперь закрытъ для нея.

Странно, что она совсѣмъ упустила изъ виду, что ея семья могла познакомиться съ американцами.

Въ сѣняхъ ее встрѣтила горничная Паулина съ дерзкими упреками. Неужели же фрейлейнъ думаетъ, что въ домѣ все само собой сдѣлается, когда господа уѣхали, а обѣдъ долженъ быть поданъ ровно въ пять часовъ? Барыня изволили страшно гнѣваться, и вотъ записка, которую приказали передать.

И съ этими словами дерзкая дѣвчонка сунула Маріи листокъ, исписанный карандашемъ:

„Внѣ себя отъ твоего долгаго отсутствія; но не забудь: послѣ жаркого слѣдуетъ еще подать пуддингъ, потому что прибавилось два прибора. *Убѣдительно* прошу, сама сдѣлай пуддингъ и пригляди за тѣмъ, какъ накроютъ столъ. Вино: обыкновенно послѣ рыбы рюдесгеймеръ; за дессертомъ: нѣмецкое шампанское. Кофе подать въ теплицѣ—основательно прибрать вездѣ,—сама присмотри за всѣмъ".

Марія поглядѣла въ лицо горничной, насмѣшливо улыбавшейся. Она, очевидно, прочитала незапечатанную записку.

— Хорошо,—сказала Марія.

— На рабочемъ столикѣ у фрейлейнъ дожидается работа... для фрейлейнъ Ады; а сверхъ того пришло письмо... кажется, отъ барыни изъ Нейзица.

— Хорошо,—повторила Марія, не выказывая того страха, который овладѣлъ ею отъ такой пропасти навязываемаго ей дѣла. Кàкъ справится она со всѣмъ этимъ до пяти часовъ?—а вѣдь ей надо еще написать письмо Смиту и извѣстить его о перемѣнѣ намѣренія.

Поспѣшно взбѣжала она на третій этажъ въ свою горенку подъ чердакомъ. Прежде всего ей бросилось въ глаза нарядное платье Ады, положенное на ея постель--для дивана въ горенкѣ не было мѣста—къ нему пришпилена была записка слѣдующаго содержанія: „Мы ѣдемъ сегодня послѣ обѣда къ американскому посланнику на чай. Мнѣ бы хотѣлось опять надѣть мое бѣлое платье. Оно немного помято и оборвано. Паулина такая неловкая. Ты ужъ съумѣешь поправить его зá-ново. Мнѣ это *очень* важно".

Марія съ отчаяніемъ бросила записку и отложила письмо Стефаніи. Письмо было на цѣлыхъ двухъ страницахъ и начиналось съ „милѣйшая Марія!"... Откуда такая нѣжность?

„Милѣйшая Марія! ты знаешь, что въ большой и малой бѣдѣ я всегда обращаюсь прежде всего къ тебѣ. Сегодня у меня

большая бѣда. Эгонъ также говоритъ, что я должна тебѣ написать, чтобы ты, какъ онъ выражается, подготовила почву. Пренесчастная это исторія! Но что̀ дѣлать, и время не терпитъ. Итакъ: Эгону до зарѣзу нужно 10.000 марокъ. Въ сущности для папа это пустяки; но Эгонъ думаетъ, что въ послѣднее время онъ таки частенько обращался къ нему за деньгами, и въ послѣдній разъ отецъ былъ съ нимъ не совсѣмъ любезенъ. А тогда еще онъ просилъ всего шесть тысячъ, да притомъ на хозяйственныя надобности! Теперь же дѣло идетъ о долгѣ и чести; значитъ, долгъ нужно уплатить въ 24 часа, хотя Аксель, которому проигралъ Эгонъ, и увѣряетъ, что ему деньги не нужны и торопиться нѣчего. Итакъ я прошу тебя вотъ о чемъ: переговори съ мама, чтобы она убѣдила папа дать деньги. Если я прямо напишу мама, письмо мое можетъ придти не во̀-время; ты же съумѣешь выбрать удобную минуту. Не теряй, главное, времени.—Ст.“

„P. S. Посылаю письмо съ нашей молочницей, чтобы она передала тебѣ его въ кухнѣ. Ты въ эти часы бываешь обыкновенно въ кухнѣ.

„Не можешь ли купить мнѣ нѣсколько цвѣтковъ для моего лиловаго шолковаго платья! Только выбери что-нибудь *очень* хорошее: геліотропъ или фіалки. Заплати хоть 30 марокъ, но только не покупай у моей цвѣточницы, потому что я ей уже очень много должна, и тебѣ придется сказать, что ты покупаешь для себя“.

— Этого еще недоставало!—проговорила Марія.—Ей предстояло теперь заняться платьемъ Ады. Паулина сбѣгала за горячимъ утюгомъ и подала Маріи еще письмо, которое только-что было принесено лакеемъ. Марія взглянула на адресъ, написанный четкимъ, красивымъ почеркомъ, и отложила его въ сторону, повидимому, очень спокойно,. хотя сердце ея сильно билось, и докончила сперва возню съ платьемъ, къ великой досадѣ Паулины, которой очень хотѣлось бы знать, кто могъ писать барышнѣ. Но едва успѣла она уйти съ платьемъ въ комнату Ады, какъ Марія поспѣшно распечатала письмо:

„Дорогая фрейлейнъ!

„Прежде всего я долженъ извиниться за то, что такъ испугалъ васъ своимъ нездоровьемъ и поблагодарить за доброту, выказанную вами мнѣ... Къ счастію я довольно скоро оправился и могъ пойти къ миссисъ Куртисъ, которая въ такомъ восторгѣ отъ

а вашей наружности, какого только можно ожидать отъ сухой и черствой натуры. Но... мнѣ больно писать вамъ однако я считаю нужнымъ вамъ все высказать. Роль компаньонки въ домѣ Куртисовъ не для васъ. Мнѣ это стало какъ только я взвѣсилъ, послѣ вашего ухода, всѣ обстоятельства дѣла. Я вспомнилъ при этомъ, что ваша семья уже познакомилась съ Куртисами, и что обѣ стороны очень интересуются этимъ знакомствомъ, и по всей вѣроятности будутъ часто видѣться. Это поставитъ васъ, дорогая фрейлейнъ, въ ложное положеніе, хотя бы даже вы съ согласія родственниковъ приняли это мѣсто. Но такъ какъ вы сами говорили, что на такое согласіе никакъ нельзя разсчитывать, то положеніе ваше стало бы совсѣмъ нестерпимымъ.

Не правда ли — вы читаете между строкъ, какъ больно писать вамъ это? Какъ мнѣ грустно отказаться отъ мысли наслаждаться вашимъ обществомъ и пріятнымъ разговоромъ! Я утѣшаю себя только мыслью, что буду слышать о васъ отъ милаго Ральфа, если только при томъ близкомъ знакомствѣ, какое, повидимому, должно установиться между Куртисами и вашей семьей (въ то время, какъ я это пишу, почти вся она въ сборѣ присутствуетъ въ салонѣ м-съ Куртисъ), вы не будете держаться поодаль. Быть можетъ, вы сдѣлаете на этотъ разъ исключеніе. Этимъ вы меня осчастливите, и не бойтесь, пожалуйста, чтобы для васъ вышли какія-нибудь непріятности изъ сегодняшняго визита. Этого визита все равно что не было. Почему? Вы будете удивляться, но я считаю это такъ: потому что м-съ Куртисъ уже успѣла позабыть и про васъ, и про то, что вы у нея были, а кромѣ меня никто васъ здѣсь не видѣлъ. Слуга, докладывавшій о васъ, оставляетъ насъ черезъ нѣсколько дней, потому что чувствуетъ себя среди насъ какъ Овидій чувствовалъ себя среди скиѳовъ... Повторяю: вашего визита какъ бы не бывало. У васъ руки развязаны. Воспользуйтесь этимъ въ указанномъ мною и пріятномъ для меня смыслѣ! Вы этимъ осчастливите одинокаго стараго оригинала, котораго зовутъ—Чарльзъ Смитъ".

Марія съ облегченіемъ вздохнула, дочитавъ до конца это письмо. И въ то время, какъ губы ея умиленно улыбались отъ радости, что съ ея души свалилось такое тяжелое бремя, на глазахъ навертывались слезы благодарности къ „одинокому старому оригиналу", которому она была этимъ обязана. Да, она докажетъ ему свою благодарность такъ, какъ онъ того хочетъ. Она будетъ избѣгать общества людей, черезъ посредство которыхъ

онъ можетъ получить свѣдѣнія о ней, а она о немъ. Быть можетъ, и онъ рѣшится тогда показываться въ ихъ обществѣ. Она убѣдительно будетъ его просить о томъ, черезъ „милаго его друга“, Ральфа. Она ни подъ какимъ видомъ не допуститъ, чтобы ихъ сегодняшнее свиданіе было первымъ и послѣднимъ.

Въ это время карета быстро проѣхала по пустынной улицѣ и остановилась передъ домомъ: въ каретѣ сидѣла вся семья. Ея домашніе пріѣхали изъ дома Куртисовъ, и Марія могла съ спокойнымъ лицомъ встрѣтить ихъ. Всего какихъ-нибудь десять минутъ тому назадъ она на это не смѣла надѣяться. Правда, въ ея шкатулкѣ, рядомъ съ письмомъ г. Смита лежало и письмо Стефаніи, а въ немъ таился зародышъ бури, которая неизбѣжно разыграется въ ея семьѣ. Но она твердо рѣшилась съ своей стороны уклониться отъ этой бури.

VI.

Два дня Марія оставалась вѣрна своему рѣшенію. На третій— пришло второе письмо отъ Стефаніи съ лаконическимъ вопросомъ: позаботилась ли Марія о цвѣтахъ и „остальномъ“? Цвѣты-то были готовы и дожидались заказчицу въ голубой картонкѣ, но „остальное“? Какъ съ нимъ быть? Отказавшись исполнить просьбу сестры, Марія лишилась бы права—по крайней мѣрѣ въ глазахъ Стефаніи — сдѣлать ей замѣчанія, казавшіяся Маріи столь необходимыми и неотложными. Конечно, всякое замедленіе грозило опасностью. Не можетъ же она оставить легкомысленную на краю пропасти.

Такъ какъ время было дорого, она воспользовалась раннимъ часомъ, чтобы зайти къ матери, зная, что въ это время она находится одна въ кабинетѣ, и захватила съ собою въ видѣ предлога все еще неоплаченный счетъ за прошлый мѣсяцъ. Она не могла бы выбрать болѣе неблагопріятной минуты. Въ это утро ея мать имѣла бурное объясненіе съ супругомъ, передъ тѣмъ какъ онъ отправился на службу, — объясненіе, касавшееся главнымъ образомъ поступка Региналъда, который купилъ на дняхъ лошадь, не сказавъ ничего отцу. Онъ, отецъ, полагалъ, что для молодого офицера достаточно двухъ верховыхъ лошадей, и тѣмъ менѣе могъ понять необходимость третьей, что Региналъдъ уже давнымъ-давно истратилъ не только свое четвертное жалованье, но и вошелъ въ долги. Супруга возразила, что здѣсь повторяется прежняя исторія: отецъ хочетъ видѣть результаты, а средствъ къ достиженію ихъ давать не желаетъ.

можетъ Регинальдъ поддержать справедливо заслуженную одного изъ первыхъ наѣздниковъ арміи, если онъ всегда ѣздить въ Тиргартенъ на чужихъ лошадяхъ? Долженъ ть конецъ этому невыносимому положенію; не говоря уже тихъ соображеніяхъ, по которымъ желательно, чтобы семья е, и Регинальдъ въ особенности, именно въ настоящее явились въ наибольшемъ блескѣ,—соображеніяхъ, которыя очень хорошо знаетъ и одобряетъ, по крайней мѣрѣ долодобрять. Гехеймратъ, сбитый съ позиціи, пробормоталъ чтошкурѣ, которую собрались дѣлить, прежде чѣмъ убили медзато услышалъ уже знакомый упрекъ въ „закоренѣломъ іскомъ образѣ мыслей“. Послѣ этого онъ, ворча, отправился оро, въ надеждѣ найти тамъ кого-нибудь, на комъ бы было излить досаду; а Маріи пришлось послужить мидля матери, разгнѣванной, несмотря на побѣду. Сколько ей повторять, что мѣсячный счетъ долженъ быть ей преднъ не позже второго числа новаго мѣсяца? Марія не разъ алась сдѣлать это. Но, Боже мой, не можетъ же она пою держать про запасъ деньги! Дѣло Маріи—выбрать удобмоментъ... И опять превышена смѣта?.. Неужели это ненo?.. Она сама можетъ убѣдиться въ этомъ? Но она убѣждается въ одномъ: что Марія не умѣетъ хозяйничать и никогда детъ умѣть.

арія терпѣливо переждала грозу, и когда по ея соображедосада матери была исчерпана,—изложила со всѣми предоиностями дѣло Стефаніи. При первомъ словѣ, ясно указыванна затруднительное обстоятельство, мать онѣмѣла и сола грозное молчаніе до тѣхъ поръ, пока Марія сказала, ецъ, цифру требовавшейся суммы. Тутъ разразилась буря. ея дѣти рѣшились разорить семью! такъ вотъ благодарза лишенія, которымъ она сама подвергалась! Вотъ уже два она до зарѣза нуждается въ новомъ сервизѣ—бездѣлкѣ, костоитъ 5.000 марокъ; проходя по Лейпцигской улицѣ, она ачивается отъ королевской фарфоровой фабрики, чтобы не ться искушенію; она всячески сокращаетъ издержки, даетъ небольшіе обѣды съ нѣмецкимъ шампанскимъ, что извѣстно ріи,—и вотъ приходятъ дѣти и швыряютъ деньги за окно: альдъ—четыре тысячи за новую воронуго лошадь; Стефадесять тысячъ на карточные долги! Осторожное замѣчаніе, что долги сдѣланы не столько Стефаніей, сколько ея мутолько подлило масла въ огонь материнскаго гнѣва. Марія алась отъ возраженій, радуясь, что дѣло сдѣлано, и увѣрен-

ная, что, несмотря на жалобы, затруднительныя обстоятельства получатъ исходъ, благопріятный для Стефаніи и ея мужа.

Къ удивленію Маріи въ слѣдующіе дни на семейномъ горизонтѣ не замѣчалось тучъ; напротивъ, царствовало необычайное согласіе; она объясняла это хлопотами по поводу большого раута въ четвергъ—послѣдняго, который давали Илиціусы въ этомъ сезонѣ.

Четвергъ наступилъ, и вмѣстѣ съ нимъ явилась Стефанія довольно поздно послѣ обѣда, по обыкновенію въ своемъ экипажѣ, хотя потсдамскій поѣздъ останавливался у самаго Нейзица—но развѣ возможно ѣздить въ обществѣ всякаго сброда, отъ котораго теперь не избавишься и въ первомъ классѣ! Она вышла изъ экипажа такая розовая и веселая, что Марія, ожидавшая сокрушенную грѣшницу, не вѣрила своимъ глазамъ. Загадка разъяснилась только черезъ часъ послѣ начала раута, когда Маріи удалось заманить сестру, не совсѣмъ охотно послѣдовавшую за ней, въ свою комнатку подъ предлогомъ передать ей, наконецъ, купленные цвѣты. Стефанія не дала ей сказать слова. Глупая исторія, которую Марія такъ безразсудно приняла къ сердцу, давно покончена. Въ тотъ же день, когда она, Марія, объяснилась съ матерью, послѣдняя написала ей, что можетъ дать деньги, разумѣется, не сообщая объ этомъ папа̀ и Герберту; а теперь шепнула ей, что деньги готовы, и Стефанія можетъ ихъ получить завтра же.

Въ концѣ концовъ, какъ и предвидѣла Марія, этотъ удобный способъ выпутываться изъ затруднительныхъ обстоятельствъ только возвелъ до апогея легкомысліе Стефаніи.

Вотъ еще недоставало, чтобы въ такой день, котораго Стефанія съ радостью ожидала цѣлую недѣлю, ей портили хорошее расположеніе духа упреками и пугали—и все это безъ всякаго основанія! Ужъ конечно Эгонъ не притворщикъ,—кстати онъ просилъ засвидѣтельствовать Маріи свое нижайшее почтеніе, — да и она не притворщица. Что же, имъ нельзя жить на равной ногѣ съ равными себѣ по положенію? Они должны обратить Нейзицъ въ монастырь? Нѣтъ, спасибо за удовольствіе! Что же касается ея отношеній къ Акселю, графу Карльсбургу—отношенія! это смѣшно! тѣмъ болѣе смѣшно, что объ этомъ такъ много болтаютъ. Вотъ, отношенія, о которыхъ не болтаютъ люди—опасны. Боже мой, да кому же лучше знать объ этомъ, какъ не Эгону, который, надо полагать, не позволитъ наступить себѣ на ногу, — это бы слѣдовало знать и ей, Маріи!

— А теперь, милое дитя,—воскликнула Стефанія, обнимая

—довольно объ этихъ глупостяхъ! У васъ здѣсь происходятъ
эльныя вещи, о которыхъ ты мнѣ ничего не написала,
но потому, что и сама не много о нихъ знаешь. Но то,
і знаешь, ты должна мнѣ теперь сказать. Стало быть
, что американцы, которыхъ вы подцѣпили, такъ страшно
Мама, кажется, думаетъ, что это крезы—набобы или на-
-не знаю, какъ правильнѣе сказать. А строгій-то Гербертъ,
это такъ притворщикъ, если только ты понимаешь, что̀ такое
рство! Я не вѣрю, будто онъ дѣйствительно влюбленъ въ
хотя мама и думаетъ объ этомъ съ сожалѣніемъ, такъ
отѣла бы женить на ней Регинальда, которому нужно
ся на богатой, съ чѣмъ я, кстати сказать, согласна, хотя
взглядъ онъ еще молоденекъ для женитьбы. А нашу „ку-
предназначаютъ для американскаго братца... Однако ты
іемъ не слыхала?

Ты не ошиблась,—отвѣчала Марія:—я ничего не знаю
ихъ дѣлахъ.

Ну, конечно, тебя не станутъ приглашать на семейный со-
Впрочемъ мама и мнѣ разсказала все это подъ клятвой стро-
го молчанія, и ради Бога не подавай вида, что я тебѣ
будь говорила. Я собственно хотѣла тебя просить быть вни-
ной нынче вечеромъ. Я никогда не замѣчаю, что̀ происходитъ
ъ; я въ обществѣ, какъ въ картинной галлереѣ, запоминаю
два-три лица, которыя первыя бросятся въ глаза. Но ты—
дѣло: ты, конечно, имѣешь больше времени для наблюде-
И вотъ что̀ я еще хотѣла сказать: я стою за то, чтобы
льдъ покорилъ сердце прекрасной и богатой миссъ. При-
къ можетъ жениться на Юліи Киницъ; эта кукла на пру-
ь и онъ—отличная пара: les beaux esprits... Ну, я беру
пора идти къ мама. Ты надѣнешь что-нибудь?

Да.

Ну, пока до свиданія.

ефанія, напѣвая, вышла изъ комнатки, по которой взволно-
Марія ходила взадъ и впередъ. Въ сущности говоря, все
все до нея не касается; она заинтересована только косвенно
твіе участія къ старику, который такъ благоразумно уговари-
оставить Куртисовъ, какъ будто зналъ, что скоро въ этотъ
эступятъ двѣ брачныя четы. Нѣтъ, нѣтъ, до всего этого—
олько это не одна изъ тѣхъ интригъ, которыя такъ дѣя-
плетутся въ этомъ домѣ и разрываются на слѣдующій
-до всего этого ей нѣтъ дѣла, она не хочетъ принимать
частія, и если миссисъ Куртисъ покажетъ сегодня вечеромъ

видъ, что узнала ее, она встрѣтитъ это съ непоколебимымъ спокойствіемъ.

Пришла Паулина съ багровымъ отъ гнѣва лицомъ: никакого терпѣнія не хватитъ съ фрейлейнъ Адой; недоставало только, чтобы фрейлейнъ дала ей пощечину за то, что она не сразу застегнула крючокъ. Послушали бы молодые господа, которые считаютъ фрейлейнъ ангеломъ, послушали бы они, какія словечки отпускаетъ она горничной; посмотрѣли бы ее хоть разъ за туалетнымъ зеркаломъ!

Взбѣшенная горничная выбѣжала изъ комнаты, но тотчасъ вернулась; вотъ письмо къ фрейлейнъ,—она хотѣла его передать, да голова кругомъ идетъ.

Письмо пришло по городской почтѣ: Марія тотчасъ узнала руку господина Смита. Чтò бы еще онъ могъ писать ей?

„Дорогая фрейлейнъ! Въ послѣдній разъ я забылъ вамъ сказать, что я, разумѣется, взялъ къ себѣ вашу визитную карточку тотчасъ послѣ вашего ухода и убѣдился, какой сумбуръ царствуетъ въ головѣ м-съ Куртисъ относительно васъ. Вы можете встрѣтить ее совершенно спокойно и посмѣетесь, увидѣвъ, какія чудовищныя нелѣпости родятся въ этомъ жалкомъ мозгу.

„Будьте здоровы и веселитесь хорошенько сегодня вечеромъ. Мой милый Ральфъ, разумѣется, тоже не подозрѣваетъ о нашемъ знакомствѣ. Вотъ будетъ мнѣ весело завтра, когда онъ станетъ разсказывать о васъ; весело—какъ человѣку, въ тайнѣ присутствовавшему на прекрасномъ зрѣлищѣ, и которому потомъ кто-нибудь расхваливаетъ все великолѣпіе, въ увѣренности, что онъ его не видалъ! Я радуюсь этому, какъ дитя. Прощайте, милая, добрая! —Если Ральфъ не захочетъ прибавить къ этому извѣстный третій эпитетъ, я отказываюсь отъ его дружбы.

„Вашъ старый обожатель С.“

Это второе письмо, бывшее только дополненіемъ перваго, обрадовало ее не меньше, чѣмъ обрадовало бы появленіе самого автора. Стало-быть есть человѣкъ, раздѣляющій ея радости и горе,—человѣкъ, который бережетъ ее съ нѣжною заботливостью, спѣшитъ удалить малѣйшій камешекъ съ ея дороги! Правда, это старикъ, но отъ этого ея радость ничуть не меньше. Въ юности она не была избалована обожаніемъ испорченной молодежи, которая окружаетъ Аду; два-три случая несомнѣннаго ухаживанія произвели только мимолетное волненіе въ ея душѣ; а теперь она уже давно привыкла къ невниманію молодыхъ людей или, самое бòльшее, къ церемонной почтительности, которая у самыхъ благовоспитанныхъ

а на-готовѣ для „старыхъ дѣвъ". Итакъ она могла радо-
я нѣжности своего „стараго обожателя" безъ всякой примѣси
то-нибудь иронически унылаго чувства; и она радовалась отъ
сердца, надѣвая свой скромный бальный костюмъ и укрѣпляя
лосахъ дешевый искусственный цвѣтокъ, купленный вмѣстѣ
ликолѣпными цвѣтами Стефаніи.

атѣмъ, бросивъ послѣдній взглядъ въ зеркало, она удивилась
зному лицу, глядѣвшему на нее оттуда, и вдругъ улыбнулась.
й пришло въ голову, употребитъ ли господинъ Ральфъ Кур-
разсказывая своему другу о событіяхъ вечера, „извѣстный
й эпитетъ".

ъ отвѣтъ на эту мысль зеркало улыбнулось. И она подумала:
единственный правильный отвѣтъ на такой глупый вопросъ".

VII.

Іарія сама не знала, почему сегодняшній вечеръ начался
ея какъ-то иначе, чѣмъ прежніе; почему полчаса, проведен-
ею на кухнѣ, среди хозяйственныхъ заботъ, въ то время
дворикъ подъ кухонными окнами, куда въѣзжали экипажи,
алъ отъ грома копытъ, показались ей особенно длинными.
нецъ, она сдѣлала всѣ необходимыя распоряженія и отпра-
ь въ парадныя комнаты; здѣсь въ двухъ первыхъ салонахъ
лось болѣе солидное общество, важные чиновники и офи-
съ своими дамами,—мужчины въ полной формѣ, иные даже
ѣми регаліями; дамы въ самыхъ блестящихъ туалетахъ. Въ
гающихъ комнатахъ столпилась молодежь: поручики, пра-
ики, ассесоры, референдаріи, полдюжины атташе иностран-
посольствъ—и всѣ выбивались изъ силъ, чтобы показать
ъ молодыми дамами свое краснорѣчіе и другіе общественные
ты въ наилучшемъ свѣтѣ; въ свою очередь и дамы безъ
поощряли кавалеровъ ласковыми взглядами, веселыми улыб-
бойкими возраженіями. Все это сливалось въ общій, не-
аемый гулъ, въ которомъ даже чуткое ухо различило бы
особенно громкое восклицаніе, неумѣренный взрывъ смѣха,
йный звонъ сабли или дребезжаніе чашекъ, тогда какъ глазъ
домъ могъ замѣтить въ общей калейдоскопической пестротѣ
ьное лицо или опредѣленную группу.

арія обыкновенно и не трудилась надъ этимъ. Сегодня,
о, она съ особеннымъ вниманіемъ разсматривала пеструю
, сначала, впрочемъ, безуспѣшно: въ салонѣ она не замѣтила

ни миссисъ Куртисъ, ни мистера Куртиса; въ залѣ среди незнакомыхъ ей молодыхъ дамъ не было ни одной, которую бы она могла принять за миссъ Анну. Послѣ этого было само собою понятно, что въ числѣ двухъ-трехъ незнакомыхъ ей молодыхъ людей не оказалось мистера Ральфа Куртиса. Что же это значитъ: или они въ послѣднюю минуту рѣшились не ѣхать? или у американцевъ принято поздно пріѣзжать на вечеръ?

— Гдѣ же ваши американцы?—спросила Стефанія, внезапно очутившаяся рядомъ съ ней. —Я сгораю отъ нетерпѣнія. Правда ли, что миссъ Куртисъ такъ хороша собой? Пожалуйста, скажи: да,—хотя бы для того, чтобъ Ада нашла достойную соперницу; я просто не могу выносить кокетства нашей „куколки".

Стефанія ушла, не дожидаясь отвѣта; и Марія тутъ только увидѣла младшую сестру, которая выскользнула изъ толпы окружавшихъ ее господъ съ кокетливымъ жестомъ, вѣроятно означавшимъ, что ее не нужно провожать. Она подошла къ сестрѣ съ ласковымъ взглядомъ мягкихъ голубыхъ глазъ, усвоеннымъ для раутовъ, и сказала ей съ дѣтской улыбкой на маленькихъ розовыхъ губкахъ:

— Милая Мари́, ты должна оказать мнѣ услугу. Мистеръ Ральфъ Куртисъ просилъ меня спѣть ему что-нибудь сегодня вечеромъ—такъ... какую-нибудь бездѣлку: „Die Lotosblume ängstig" — „O, danke nicht für diese Lieder" —или что-нибудь въ этомъ родѣ. Не правда ли, ты будешь аккомпанировать мнѣ?

И на этотъ вопросъ Маріи незачѣмъ было отвѣчать: въ ту же минуту она увидѣла искусно заплетенную корону толстыхъ бѣлокурыхъ косъ и тонкую талію прекрасной сестры, которая уже восхищала двухъ бросившихся къ ней поручиковъ обворожительными взглядами и дѣтскими улыбками.

— „Ты сегодня совсѣмъ глупа",—сказала про себя Марія, почувствовавъ глухую боль въ сердцѣ при мысли, что Ада хочетъ спѣть что-нибудь мистеру Куртису. Почему же не пѣть для американца, также какъ и для всякаго другого? Ада вообще не могла пѣть, не измѣнивъ характера пѣсни жеманнымъ преувеличеніемъ, и сколько-нибудь музыкальное ухо тотчасъ же слышало фальшь. Право, не нужно ненавидѣть Аду, какъ ненавидитъ ее Стефанія, чтобы пожелать полезнаго урока для ея самолюбія отъ болѣе счастливой соперницы.

— Мейрингенъ хотѣлъ передать тебѣ поклонъ,—сказалъ Регинальдъ, подводя къ ней молодого офицера:—отъ своего брата, съ которымъ вы вмѣстѣ брали уроки танцевъ.

— И который свидѣтельствуетъ вамъ нижайшее почтеніе,—
залъ офицеръ, пощипывая едва замѣтную бородку.

— Гдѣ теперь вашъ братъ?—спросила Марія.

— Въ Метцѣ, фрейлейнъ.

— Вашъ братъ теперь капитанъ?

— Уже два года, фрейлейнъ; только двѣнадцать человѣкъ впе-
и; колоссальный успѣхъ.

— Вы хотѣли пригласить фрейлейнъ Штюльпнагель, Мей-
генъ, — сказалъ Регинальдъ: — вонъ она.

— Да, да! — извините, фрейлейнъ: — позвольте мнѣ потомъ
ть честь... — пролепеталъ молодой офицеръ, раскланиваясь и
пѣшно уходя.

Регинальдъ, кажется, только этого и дожидался.

— Марія, —сказалъ онъ:—хочешь ты оказать мнѣ услугу?

— Охотно. Въ чемъ дѣло?

— Разумѣется, я не знаю, исполнитъ ли она. Впрочемъ
ти обѣщала.

— Кто?

— Миссъ Анна Куртисъ. Вчера вечеромъ я у нихъ былъ
нъ. Она спѣла нѣсколько негритянскихъ пѣсенъ—я тебѣ го-
ю: просто чудо! Я просилъ ее спѣть сегодня эти вещицы, и
аю, что она согласится, если кто-нибудь будетъ аккомпани-
ать. На всякій случай я захватилъ ноты; ты найдешь ихъ
рояли. Согласна?

— Отчего же нѣтъ? Ада тоже просила меня аккомпанировать

— Ради Бога! Неужели „куколка" не можетъ насъ избавит
своей кошачьей музыки! Недостаетъ только, чтобы Гербертъ
стилъ насъ своими казарменными пѣснями.

Марія ничего не отвѣчала; да и что̀ она могла сказать?
и этомъ она замѣтила враждебный взглядъ, брошенный Реги-
ьдомъ на брата, который неподалеку отъ нихъ бесѣдовалъ
Юліей Киницъ. Отношенія обоихъ братьевъ и безъ того не
ли особенно дружественны; и прежнее желаніе Маріи, чтобы
съ Анна явилась ослѣпительной красавицей, внезапно показа-
ь ей недружескимъ, даже преступнымъ.

— Я теперь только и слышу о вашихъ американцахъ, —
зала она.—Да увѣренъ ли ты, что они пріѣдутъ.

— А вотъ и она! — прошепталъ Регинальдъ въ полголоса.

Марія стояла спиною къ двери передняго салона; теперь она
рнулась и увидѣла въ дверяхъ только-что прибывшихъ: строй-
о блѣднаго молодого человѣка съ коротко-остриженными рыже-
ыми волосами и такой же бородкой; онъ велъ подъ руку дѣ-

вушку безукоризненной красоты: граціозный станъ сильфиды, окутанный дорогимъ бѣлымъ платьемъ классической простоты; изящная головка съ ровнымъ низкимъ лбомъ, обрамленнымъ природными кудрями роскошныхъ изъ-синя черныхъ волосъ, съ которыми удивительно гармонировали большіе темные глаза, сіявшіе мягкимъ, сдержаннымъ блескомъ.

Появленіе молодой, прекрасной, почти никому изъ присутствовавшихъ незнакомой особы вызвало въ залѣ такую сенсацію, что общій говоръ на нѣсколько мгновеній совершенно умолкъ. Испытующіе взоры дамъ, восхищенные—молодыхъ людей, обратились всѣ къ одной цѣли. Наконецъ, кавалеры спохватились и попытались возобновить прерванный разговоръ, но это удалось лишь немногимъ. Всѣми овладѣло одинаковое любопытство, всѣмъ хотѣлось узнать, кто эта „звѣзда", такъ внезапно и неожиданно появившаяся въ концѣ сезона.

— Кто это?—Не знаю.—Такъ узнайте.—Сейчасъ!—слышалось отовсюду.

Однако узнать оказалось не такъ-то легко. Не успѣла красавица войти въ залу, какъ къ ней бросились съ двухъ сторонъ сыновья хозяевъ, за ними подошли Ада и Марія. Около нихъ образовался кружокъ и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ превратился въ непроницаемую стѣну. Такого успѣха не могли запомнить самые давнишніе habitués кружка. Даже дамы подходили; болѣе благоразумныя—съ видомъ одобренія, менѣе сдержанныя—съ выраженіемъ досады, замѣчая при этомъ, что иностранныя красавицы всегда имѣютъ перевѣсъ надъ мѣстными, и что, безъ сомнѣнія, Ада Илиціусъ возбудила бы въ любомъ нью-іоркскомъ салонѣ не меньшую сенсацію, чѣмъ миссъ Анна Куртисъ—имя уже было на всѣхъ устахъ—въ берлинскомъ.

Ада, которой Бенно Мейрингенъ поспѣшилъ прошептать это утѣшеніе въ ея розовое ушко, не хотѣла и слышать объ этомъ.

Какъ глупо съ его стороны сравнивать ее съ такой ослѣпительной красавицей! Неужели у него нѣтъ глазъ? или онъ считаетъ ее слѣпой? Нѣтъ, она не слѣпа. Она поражена, очарована; она назоветъ лицемѣромъ всякаго, кто не согласится съ ней. Но и лицемѣръ со стыдомъ умолкнетъ, если услышитъ пѣніе миссъ Анны. Регинальдъ, который слышалъ ее, увѣряетъ, что Этелька Герстеръ, Патти и всѣ остальныя, какъ ихъ тамъ зовутъ, ничто въ сравненіи съ нею!

Если Ада не была слѣпа, то и обожатель ея не былъ глухъ, и потому упоминаніе о пѣніи американки только послужило ему поводомъ неотступно умолять фрейлейнъ доставить обществу на-

слажденіе послушать какія-нибудь изъ тѣхъ пѣсенъ, которыя она такъ превосходно исполняла. Ему пришлось долго просить, пока Ада согласилась, но только съ тѣмъ, что она добьется такого же согласія и отъ миссъ Анны.

Для этого Бенно Мейрингенъ, само собою разумѣется, обратился къ братьямъ Илиціусъ; сначала къ Герберту — но тотъ отказался на-отрѣзъ. По его мнѣнію, было неловко обращаться къ дѣвицѣ, въ первый разъ посѣтившей ихъ домъ, съ такой просьбой, на которую могъ послѣдовать только вполнѣ законный отказъ. При всей своей вѣжливости, Гербертъ сказалъ это почти злобнымъ тономъ, чѣмъ привелъ въ полное недоумѣніе поклонника Ады. Тогда онъ обратился къ Регинальду, который, казалось, только и дожидался этого. Подойдя къ миссъ Аннѣ, бесѣдовавшей съ двумя attachés испанскаго посольства на ихъ родномъ языкѣ, онъ воспользовался первой паузой, чтобы сообщить ей о „чрезвычайномъ желаніи общества, которое, какъ ей извѣстно, есть также и его желаніе“. При этомъ онъ позволилъ себѣ напомнить о вчерашнемъ дружескомъ обѣщаніи.

— Въ такомъ случаѣ, вы помните, на какомъ условіи я обѣщала,—отвѣчала миссъ Анна, взглянувъ на него своими блестящими глазами, и тотчасъ же возвратилась къ прерванному разговору.

Регинальдъ поклонился и отошелъ, закусивъ нижнюю губу. Это было несносно. „Если сначала споетъ ваша сестра“ — онъ помнилъ это условіе, но надѣялся, что можно обойтись и безъ него. Теперь приходится уговаривать Аду, и, въ концѣ концовъ, получить отказъ, такъ какъ „куколка“, разумѣется, не захочетъ доставить соперницѣ новое торжество. Но ему не оставалось выбора.

Въ ту же минуту онъ увидѣлъ Аду, какъ она подошла къ миссъ Аннѣ, шепнула ей нѣсколько словъ и тотчасъ направилась къ роялю, который уже открывали разомъ полдюжины господъ, тогда какъ двое другихъ подводили Марію, лицо которой выражало покорность неизбѣжному.

И неизбѣжное свершилось. Ставъ по правую руку отъ Маріи, налѣво отъ которой помѣстился музыкальный поклонникъ Ады, Мейрингенъ, въ ожиданіи той минуты, когда ему придется перевертывать ноты, Ада пропѣла сначала „Цвѣтокъ лотоса“, который не могъ чувствовать большаго смущенія передъ великолѣпіемъ солнца, чѣмъ она, казалось, чувствовала передъ обществомъ, и ужъ, конечно, обращалъ къ небу далеко не столь прекрасное личико, какъ личико Ады, когда она, слегка наклонивъ головку набокъ, возводила томный взоръ къ потолку залы. За-

тѣмъ спѣла она „O, danke nicht für diese Lieder“—въ страстномъ, через-чуръ страстномъ темпѣ, причемъ голубые глаза ея, казалось, тревожно искали въ залѣ „милое лицо“, на которомъ хотѣли „все прочесть“.

Ада отошла отъ рояля, скромно принимая выраженія восторга слушателей; Марія еще сидѣла за фортепьяно, тихонько доигрывая аккомпаниментъ, какъ вдругъ услышала подлѣ себя шорохъ шолковаго платья. Она оглянулась и встрѣтилась съ черными глазами, которыми до сихъ поръ восхищалась только издали. Регинальдъ выпустилъ руку красавицы и представилъ ее сестрѣ, прибавивъ, что миссъ Анна такъ же смѣло можетъ положиться на ея аккомпаниментъ, какъ на аккомпаниментъ мистера Смита.

Лишь только Регинальдъ упомянулъ имя стараго друга Маріи, смущеніе, мѣшавшее ей подойти къ прекрасной дѣвушкѣ, и усилившееся, когда послѣдняя очутилась рядомъ съ нею, разомъ исчезло. Съ улыбкой взяла она маленькую ручку, которая отвѣчала ей сердечнымъ пожатіемъ.

— Будьте такъ добры, аккомпанируйте мнѣ,—сказала прекрасная дѣвушка по-нѣмецки съ чуть замѣтнымъ англійскимъ акцентомъ.—Я сегодня немного простудилась; но я дала слово вашему брату, и если не сдержу его, то онъ, пожалуй, приметъ это за жеманство.

Регинальдъ, который въ это время перелистывалъ ноты, улыбнулся.

— Вы, миссъ Анна, послѣдняя, кого бы я заподозрилъ въ жеманствѣ... Пѣсни негровъ? Не правда ли?

— Нѣтъ, я попробую сначала спѣть испанскій романсъ, чтобы испытать голосъ,—возразила Анна.

— Ахъ, чудесно!

— Двѣнадцатая страница.

— Вотъ.

Регинальдъ остался у рояля, чтобы перевертывать ноты.

— Это лишнее,—сказала Анна:—мы съ вашей сестрой сами справимся.

— Какъ вамъ угодно.

Онъ отошелъ. Марія взглянула на ноты.

— Вамъ знакома эта пьеса?

— Нѣтъ.

— Never mind!

Музыка оказалась трудной; притомъ Марію смущалъ непонятный текстъ, и ей пришлось приложить все свое искусство, чтобы съ честью выйти изъ затрудненія. Да и выборъ пьесы ка-

зался ей неудаченъ. Прекрасный, хорошо обработанный голосъ — мягкій меццо-сопрано — явно терялъ отъ простуды, которая заставляла пѣвицу щадить его больше, чѣмъ позволялъ страстный характеръ романса. Это было непріятно Маріи; она видѣла, что тутъ не будетъ „успѣха", котораго она отъ всей души желала прекрасной дѣвушкѣ. Тѣмъ болѣе испугалась она, когда Анна остановилась на половинѣ романса и спокойно, какъ будто бы онѣ однѣ были въ залѣ, сказала:

— Ничего не выходитъ; глупо было съ моей стороны выбрать этотъ романсъ.

Нѣсколько рукъ нерѣшительно поднялись для аплодисмента въ толпѣ, собравшейся у рояля, и только Регинальдъ громко крикнулъ: „браво!" При такихъ условіяхъ оно звучало почти ироніей. Молодой человѣкъ самъ почувствовалъ это, и жгучая краска бросилась ему въ лицо; онъ кинулъ бѣшеный взглядъ на Герберта, который шепнулъ что-то стоявшимъ близъ него господамъ, отчего тѣ украдкой улыбнулись.

Красавица, повидимому, вовсе не замѣчала того, чтò происходило вокругъ. Она совершенно спокойно перелистывала ноты, какъ будто находилась наединѣ съ Маріей, а вмѣсто остального общества было пустое пространство, и сказала, что пѣсни негровъ вѣроятно выйдутъ лучше. Независимо отъ ея простуды, преувеличенная страстность испанскаго романса вовсе не по ней, даже просто противна ей, и въ сущности кажется комичной.

— Ну, какой же разумный человѣкъ станетъ во всеуслышаніе кричать о томъ, чтò волнуетъ его сердце! Тамъ—въ негритянскихъ пѣсняхъ—тамъ слышится другой крикъ,—крикъ нужды, страха и бѣшенства, ужаса и скорби, любви и ненависти несчастнаго порабощеннаго народа. Это васъ заинтересуетъ, если даже я спою плохо. Обѣщаюсь, не останавливаться на серединѣ, такъ какъ вижу, что это вамъ непріятно.

— Только ради васъ,—прошептала Марія.

— Ради меня?—съ удивленіемъ сказала Анна.—Почему? Для меня это рѣшительно все равно. Начнемте.

Лишь только она запѣла, снова водворилось молчаніе. Но ужели это тотъ же голосъ? Всѣ переглядывались, не вѣря своимъ ушамъ. Или эти пѣсни требовали именно такого голоса, который звучалъ иногда почти хрипло, какъ голоса людей, поющихъ за тяжелой работой или вечеромъ, когда, избавившись отъ тяжкаго дневного труда, они все-таки не могутъ радоваться наступающей ночи, потому что за ней послѣдуетъ новый день каторжнаго труда. Немногіе знали, что это „пѣсни негровъ" и

о чемъ въ нихъ поется. Но никакихъ объясненій не нужно было для того, кто понималъ языкъ музыки. Что-то рыдало и плакало, жаловалось и стонало, заставляя дрожать отъ ужаса, вызываемаго трогательною безпомощностью и наивностью ребенка — въ этихъ пѣсняхъ, простыхъ, какъ природа, потрясающихъ, меланхолическихъ, даже когда онѣ пытались выразить веселье.

Кажется, ихъ было пять или шесть; но какъ сама пѣвица пѣла ихъ одну за другой съ одинаковой, даже, повидимому, возрастающей страстью, такъ и общество не уставало слушать, и когда она кончила, глубокое молчаніе царствовало въ теченіе двухъ-трехъ секундъ, какъ будто всѣ ожидали продолженія. Но когда убѣдились въ ошибкѣ, общій восторгъ разразился такой бурей, какая бываетъ только въ концертныхъ залахъ. Апплодисментамъ, крикамъ: „браво, брависсимо! da capo! da capo!“ казалось, не будетъ конца; но Анна, отвѣтивъ на эти выраженія восторга легкимъ, гордымъ кивкомъ прекрасной головки, повернулась къ Маріи, которая въ это время вставала со стула и, неожиданно обнявъ ее, прижала къ груди и поцѣловала въ губы.

Марія, которая уже во время пѣнія нѣсколько разъ съ трудомъ удерживалась отъ слезъ, не нашла словъ въ отвѣтъ на это изъявленіе дружбы, столь необычайное и тѣмъ не менѣе — она чувствовала это — вполнѣ искреннее. Вслѣдъ затѣмъ Анна отошла отъ рояля и, подозвавъ Региналъда, пошла съ нимъ въ салонъ, откуда во время ея пѣнія болѣе пожилые гости на цыпочкахъ выбрались въ залу.

VIII.

За музыкальными развлеченіями слѣдовалъ ужинъ въ столовой и смежныхъ съ нею комнатахъ, сервированный многочисленной прислугой на заранѣе приготовленныхъ столикахъ. Марія уже издавна привыкла не принимать никакого участія въ этихъ ужинахъ, или, самое большее, выходила въ столовую только въ концѣ ихъ, такъ какъ на ея плечахъ лежала обязанность заботиться, чтобы все было въ порядкѣ. Сегодня отвѣтственность была особенно велика, вслѣдствіе большого числа гостей, необычайно роскошнаго меню, многочисленныхъ оффиціантовъ, прибавленныхъ къ домашней прислугѣ, такъ что она и думать не могла показаться въ залѣ, и съ облегченіемъ вздохнула, когда остатки дессерта были вынесены въ буфетъ, гдѣ ей приходилось почти безвыходно оставаться все время. Да и послѣ этого прошло не мало

ени, прежде чѣмъ она могла съ спокойной совѣстью выйти
алу, гдѣ молодежь уже съ полчаса забавлялась танцами,
ь какъ старики коротали время за картами или въ разгово-
ь.

Усталая отъ работы, она опустилась на диванъ, возлѣ двери,
которую вошла, и была очень довольна, что группа мужчинъ,
вшихъ къ ней спиною, служила ей какъ бы щитомъ, изъ-за
раго, однако, можно было видѣть всю залу. Въ это время
ующіе установились для кадрили à la cour, и потому легко
окинуть глазами все общество. Прежде всего Марія стала
атривать прекрасную американку и скоро нашла ее въ про-
положномъ концѣ комнаты въ послѣднемъ карре налѣво.
кавалеромъ былъ Регинальдъ, который въ то же время распо-
ался кадрилью, а визави—Ада, которая, разумѣется, танцо-
съ Мейрингеномъ. Въ томъ же карре находилась и Сте-
я; казалось, всѣ „звѣзды" вечера были нарочно собраны въ
мѣсто. Герберта она не нашла; онъ не былъ охотникъ до
евъ, но въ кадриляхъ обыкновенно участвовалъ, такъ какъ
не требовалось слишкомъ быстрыхъ движеній. Поэтому его
тствіе возбудило въ ней безпокойство; она могла объяснить
только тѣмъ, что онъ завидовалъ брату и не хотѣлъ быть
ѣтелемъ его успѣха у миссъ Анны. Успѣха! но въ чемъ соб-
нно выразился этотъ успѣхъ? Въ томъ, что Регинальдъ,
болѣе свѣтскій человѣкъ, имѣлъ перевѣсъ надъ старшимъ
омъ, когда они, какъ подобаетъ хозяйскимъ сыновьямъ, при-
твовали гостью. Но болѣе серьезный, умный, далеко превос-
вшій брата въ духовномъ отношеніи, Гербертъ легко могъ
жать надъ нимъ верхъ во мнѣніи дѣвушки, темные глаза ко-
й свѣтились бо́льшимъ умомъ, чѣмъ глаза любой дѣвушки,
жавшей въ свѣтъ въ послѣдніе годы. Какъ глупо, однако, прида-
значеніе всему этому! Если эти американцы долго останутся
Берлинѣ, молодая, богатая красавица скоро будетъ окружена
ою поклонниковъ и обожателей. И теперь легко догадаться,
половина молодежи, собравшейся въ этой залѣ, проведетъ оста-
ночи въ грёзахъ о ней. Какіе шансы у братьевъ Маріи срав-
льно съ другими? Регинальдъ, у котораго каждую недѣлю
лась новая владычица сердца, скоро утѣшится, а Гербертъ
іхъ полгода такъ явно ухаживалъ за дочерью своего ди-
ора, что уже не могъ отступить.

Потайная дверь, подлѣ которой сидѣла Марія, и черезъ ко-
ю взадъ и впередъ ходили слуги, отворилась. Вошелъ Гер-
ь и сталъ у двери, не замѣчая сестры. Свѣтъ отъ ближай-

шей люстры падалъ на его лицо, которое было необыкновенно блѣдно; рѣзкая черта около красиваго, обрамленнаго усами, рта казалась еще глубже. Вдругъ онъ замѣтилъ Марію.

— А!—сказалъ онъ, быстро поворачиваясь къ ней.

— Что ты тамъ дѣлалъ?—спросила Марія.

— Исполнялъ за тебя хозяйственныя обязанности,—отвѣчалъ онъ съ принужденной улыбкой.—Тамъ, въ салонѣ, страшная скука; я и велѣлъ подать вина: иначе старики заснутъ.

Марія хотѣла встать.

— Не безпокойся,—сказалъ онъ:—я уже распорядился.

Говоря это, онъ подсѣлъ къ ней; такой знакъ вниманія былъ до того непривыченъ для нея, что она просто испугалась.

— Ну, — продолжалъ онъ, — какъ ты находишь фрейлейнъ Куртисъ?

— Я нахожу ее очень красивой и оригинальной,—отвѣчала Марія.

— Я радъ, что она тебѣ нравится. Впрочемъ тутъ кажется взаимность: по крайней мѣрѣ, она благодарила тебя за аккомпаниментъ очень выразительно, хотя и не совсѣмъ такъ, какъ принято. Тебѣ бы слѣдовало сойтись съ ней поближе, почаще „музицировать“ вмѣстѣ и тому подобное.

— Я бы охотно это сдѣлала, но, ты самъ знаешь, я держусь въ сторонѣ отъ общества. Обратись лучше къ Адѣ.

— Ада вполнѣ согласна со мной; съ твоей стороны было бы очень любезно взять подъ свое крылышко фрейлейнъ Куртисъ... Чему ты смѣешься?

— Твоему сравненію. Я охотно согласна быть насѣдкой, но...

— Дѣло не въ сравненіи. Притомъ все-таки она чужая въ здѣшнемъ обществѣ, такъ что твое покровительство будетъ ей полезно.

Марія колебалась съ минуту и, наконецъ, рѣшительно сказала:

— Какъ ты думаешь, сдѣлаетъ мнѣ такое же приглашеніе Регинальдъ?

— Какъ такъ?

— Развѣ ты меня не понимаешь?

— Удивляюсь, какъ ты можешь серьезно относиться къ Регинальду. Слишкомъ много чести для него. Кажется, даже Лотта Блюменгагенъ такъ къ нему не относится, хотя онъ ухаживалъ за нею цѣлую зиму. Навѣрно Блюменгагены отказали ему, вотъ онъ и пользуется свободой по своему. Не мѣшало бы ему поостеречься. Съ старымъ Блюменгагеномъ шутки плохія, къ тому же онъ начальникъ Регинальда. Нѣтъ, въ этомъ молодцѣ нѣтъ ни-

чего серьезнаго, кромѣ мотовства; но этому занятію я намѣренъ скоро положить предѣлъ. Подозрѣваю, что и Стефанія принялась за свое старое ремесло—выпрашивать у матери деньги. Кстати, познакомилась ты съ профессоромъ Куртисомъ?

— Нѣтъ.

— Я представлю его тебѣ; онъ уже не разъ спрашивалъ про тебя. Ты останешься здѣсь?

— Да, я не собираюсь вставать.

Гербертъ ушелъ, оставивъ Марію въ невеселомъ настроеніи духа. Необычайное вниманіе родныхъ къ ней скорѣе удивляло ее, чѣмъ льстило ея самолюбію. Хотя возможность сближенія съ прекрасной дѣвушкой, которая произвела на нее такое сильное впечатлѣніе, радовала ее, хотя она понимала, что это единственный способъ опять сойтись съ милымъ мистеромъ Смитомъ, на котораго она смотрѣла уже какъ на стараго почтеннаго друга, но все-таки воспоминаніе о попыткѣ проникнуть въ это семейство совершенно другимъ путемъ и для другой цѣли сильно смущало ее. Кромѣ того, какъ ни мало правъ имѣли братья на ея любовь, однако искаженное ненавистью лицо Герберта, когда онъ говорилъ о братѣ, не на шутку пугало ее. Какое право имѣлъ онъ упрекать Регинальда въ волокитствѣ за дочерью полковника, когда самъ явнымъ выраженіемъ своей новой страсти оскорблялъ Юлію, не стѣсняясь даже ея присутствіемъ?!

Однако неужели она сама такъ стара, что и на балу не можетъ найти лучшаго занятія, чѣмъ ломать голову надъ отношеніями другихъ людей? Конечно, что же и дѣлать головѣ, когда нѣтъ любимаго человѣка, одинъ взглядъ котораго заставляетъ сердце биться сильнѣе.

Внезапно кровь бросилась ей въ лицо, и она невольно перемѣнила позу, увидѣвъ на другомъ концѣ залы, за танцующими парами, Герберта и профессора Куртиса, направлявшихся къ ней. Гербертъ остановился, задержанный какой-то дамой—это была Юлія Киницъ; профессоръ пошелъ дальше, но, казалось, не могъ найти ту, которую искалъ. Онъ приставилъ къ глазамъ лорнетъ, но смотрѣлъ въ другомъ направленіи. Нужно ли ей пойти ему на встрѣчу? Но прежде чѣмъ она успѣла рѣшиться на что-нибудь, онъ увидѣлъ ее, быстро подошелъ, поклонился, назвалъ свое имя и попросилъ позволенія сѣсть рядомъ съ нею. Она кивнула головой; онъ сѣлъ и сказалъ, дружески глядя ей въ глаза:

— Я хочу наверстать потерянное, представляясь только теперь, въ концѣ вечера, старшей дочери дома. Впрочемъ я

тщетно искалъ васъ, послѣ того, какъ сестра кончила пѣніе, и, слѣдовательно, не такъ виноватъ, какъ вы можете думать.

— Меня не было въ залѣ,—отвѣчала Марія уклончиво.

— Да, вы теперь не танцуете.

— Я уже давно перестала танцовать.

— Вы больны?

— Да, если двадцать-девять лѣтъ можно считать болѣзнью.

— Ну, такъ я на два года больнѣе васъ.

— Зато вы мужчина.

— ...Которому, по выраженію вашего великаго поэта, даже въ юности прекраснѣйшія дѣвушки могли внушать только „вдохновеніе къ новымъ пѣснямъ", а не къ новымъ „танцамъ". Я никогда не могъ танцовать.

Марія вспомнила, что Смитъ также выражалъ безпокойство насчетъ здоровья своего друга, и едва могла скрыть свое волненіе. Замѣтивъ это по ея взгляду, онъ продолжалъ:

— Мои легкія никогда не были особенно сильны, и быстрое движеніе всегда вызывало у меня страшное сердцебіеніе; почему я и думаю, что доктора ошибаются; моя болѣзнь скорѣе въ сердцѣ, чѣмъ въ легкихъ. Однако, чтò же это я занимаю васъ такими печальными вещами. Поговоримте лучше о моей сестрѣ; позвольте мнѣ отъ всего сердца поблагодарить васъ за чудесный аккомпаниментъ, который доставилъ намъ много наслажденія и содѣйствовалъ успѣху сестры.

— Ваша сестра и безъ меня имѣла бы такой же успѣхъ.

— Не знаю. Начало—эта несчастная баллада — потерпѣло полное фіаско. Пѣсни негровъ, конечно, ей легче даются,—но и тутъ безъ искуснаго кормчаго, если можно такъ выразиться, она врядъ ли бы благополучно добралась до гавани. Почему вы смотрите на меня съ такимъ удивленіемъ?

— Я никакъ не думала, что иностранецъ можетъ такъ хорошо говорить по-нѣмецки.

— Вы очень снисходительны. Но я, такъ сказать, не имѣю права коверкать нѣмецкій языкъ, такъ какъ уже шесть лѣтъ состою ординарнымъ профессоромъ нѣмецкаго языка и литературы въ своемъ отечествѣ. Притомъ же у насъ, въ Америкѣ, какъ вамъ извѣстно, часто представляется случай упражняться въ нѣмецкомъ языкѣ въ сношеніяхъ съ вашими соотечественниками. Наконецъ, я имѣю счастье пользоваться дружбой одного нѣмца, въ устахъ котораго,—такъ какъ это благороднѣйшій человѣкъ, по истинѣ прекрасная душа,—вашъ богатый языкъ звучитъ какъ музыка.

Имѣя такого учителя, нужно быть слишкомъ лѣнивымъ и неспособнымъ ученикомъ, чтобы не добиться сносныхъ результатовъ.

Профессоръ смотрѣлъ внизъ на свою шляпу, которую держалъ обѣими руками на колѣняхъ. Эту позу, довольно угловатую, но не лишенную граціи и рѣзко отличавшуюся отъ развязныхъ манеръ остальныхъ гостей, онъ сохранялъ въ теченіе всего разговора. При этомъ его глаза, когда онъ взглядывалъ на свою собесѣдницу, блестѣли такимъ добродушіемъ, что смущеніе Маріи быстро исчезло. Она подумала, что еслибы мистеръ Смитъ и не назвалъ Ральфа Куртиса своимъ лучшимъ другомъ, и этотъ послѣдній не отзывался о первомъ такъ восторженно, то все-таки она распознала бы сродство душъ этихъ двухъ людей, столь различныхъ по возрасту.

Она съ трудомъ пересиливала желаніе разспросить этого молодого человѣка о своемъ старомъ другѣ, который такъ удивительно вмѣшался въ ея жизнь и занималъ ея фантазію всѣ эти дни. Въ залѣ, всѣ, кто могъ танцовать, пустились въ вальсъ подъ звуки музыки, едва слышной среди шума и говора; группа праздныхъ господъ, стоявшихъ передъ диваномъ, на которомъ она сидѣла съ профессоромъ, давно уже уступила мѣсто толпѣ слугъ, съ подносами съ виномъ и лимонадомъ, терпѣливо ожидавшихъ приказаній; — ни въ какой пустынѣ она не могла чувствовать себя болѣе наединѣ съ своимъ собесѣдникомъ, чѣмъ въ этой шумной залѣ.

— Разскажите мнѣ что-нибудь о вашемъ другѣ, — сказала она рѣшительно.

— Охотно,—отвѣчалъ профессоръ:—мнѣ даже хочется поговорить о немъ именно съ вами, такъ какъ я надѣюсь или, лучше сказать увѣренъ, что вы были бы друзьями, еслибъ познакомились. И все-таки, хотя я теперь, безъ сомнѣнія, его лучшій другъ уже 10 лѣтъ, а послѣднія шесть лѣтъ—съ тѣхъ поръ какъ я профессоръ—мы жили вмѣстѣ, но все-таки я мало слышалъ отъ него о его прошломъ. Теперь я ясно сознаю это, тогда какъ въ повседневной сумятицѣ мало объ этомъ думаю. У меня нѣтъ историческаго чутья, также какъ и у моего друга, котораго интересуютъ только идеи, скрывающіяся подъ маской событій, а не факты и числа. Чарльзъ Смитъ, или Карлъ Шмидтъ, какъ онъ собственно называется, по моему разсчету оставилъ Европу еще въ юношескомъ возрастѣ; по крайней мѣрѣ, мой отецъ познакомился съ нимъ въ пятьдесятъ-второмъ году на крайнемъ западѣ, въ Калифорніи. Это было немного спустя послѣ открытія золотыхъ рудниковъ, когда Калифорнія сдѣлалась сборнымъ пунктомъ авантю-

ристовъ—а у насъ, какъ извѣстно, имя имъ легіонъ—туземныхъ и иностранныхъ, всевозможныхъ званій и состояній. Какъ могъ попасть въ это общество мой другъ — одинъ Богъ вѣдаетъ! Я думаю—такъ какъ онъ неспособенъ служить Маммону—по чистой случайности или по недоразумѣнію: вѣроятно онъ искалъ на дальнемъ западѣ „лучшихъ" людей, которыхъ не могъ найти въ столицахъ нашего востока. Впрочемъ, какъ я уже сказалъ, я мало знаю объ этомъ періодѣ его жизни. Знаю только, что онъ издержалъ бывшую у него небольшую сумму на покупку необработанной земли—вѣроятно хотѣлъ жить на ней въ качествѣ колониста, да, кажется, и прожилъ такимъ образомъ нѣсколько времени, пока приливъ новыхъ поселенцевъ не заставилъ его продать свою пустыню моему отцу, который ее разработалъ и тѣмъ положилъ основаніе своему богатству.

Въ скоромъ времени, кажется, тотчасъ послѣ этого, онъ вѣроятно уѣхалъ изъ Калифорніи, такъ какъ отецъ, которому пришлось исколесить эту страну вдоль и поперекъ, ни разу не видалъ его, и только много лѣтъ спустя встрѣтился съ нимъ въ Нью-Іоркѣ. Что̀ дѣлалъ Смитъ въ этотъ промежутокъ времени—я опять не знаю; насколько я понялъ изъ его отрывочныхъ разсказовъ, онъ обошелъ Соединенные Штаты передъ началомъ войны въ качествѣ пропагандиста, какъ ревностный приверженецъ сѣвера и освобожденія рабовъ.

Затѣмъ онъ, имѣя въ это время уже около пятидесяти лѣтъ, принималъ участіе въ войнѣ, какъ простой солдатъ, и въ концѣ кампаніи получилъ тяжелую рану, отъ которой едва оправился въ нью-іоркскомъ госпиталѣ. Тутъ нашелъ его мой отецъ, бывшій въ числѣ кураторовъ госпиталя,—нашелъ заброшеннаго, никому неизвѣстнаго, съ трудомъ узналъ въ немъ стараго калифорнійскаго знакомца и имѣлъ случай оказать ему нѣкоторыя услуги. Это доброе дѣло, если можно назвать этимъ именемъ такія ничтожныя и для всякаго порядочнаго человѣка обязательныя услуги, принесло богатые плоды для насъ, т.-е. для меня и моей сестры. Выйдя изъ госпиталя, мистеръ Смитъ употребилъ остатокъ своего маленькаго капитала на устройство школы для сиротъ и вообще заброшенныхъ дѣтей; но въ то же время ежедневно посѣщалъ нашъ домъ, давая мнѣ уроки нѣмецкаго языка, а Аннѣ—уроки музыки, которую онъ глубоко понимаетъ. Аннѣ было тогда только семь или восемь лѣтъ, мнѣ уже двадцать; но и ребенокъ, и юноша, каждый по своему, горячо привязались къ человѣку, подобнаго которому они ни разу не встрѣчали въ окружающей средѣ; а онъ, съ своей стороны, въ любви къ намъ могъ

удовлетворить глубочайшую потребность сердца. Такъ прошло года-два. Фанатическое духовенство, по мнѣнію котораго онъ недостаточно вѣрилъ въ библію, воспользовалось представившимся случаемъ настроить противъ него чернь и закрыть его школу. Вслѣдствіе этого ему пришлось терпѣть крайнюю нужду, которую онъ переносилъ съ стоическимъ терпѣніемъ, и продолжалъ бы переносить, еслибъ однажды, давая намъ урокъ, не упалъ въ обморокъ отъ истощенія. Анна и я давно уже уговаривали его согласиться на предложеніе отца—поселиться у насъ въ домѣ. Онъ всегда отказывался. Теперь онъ долженъ былъ остаться, по крайней мѣрѣ, временно. Мы старались, чтобы онъ какъ можно болѣе продолжилъ свое пребываніе. Вскорѣ потомъ я опасно заболѣлъ, онъ ухаживалъ за мною — и когда я выздоровѣлъ, насколько могъ выздоровѣть, сопровождалъ меня на воды; потомъ въ университетъ, гдѣ съ юношескимъ пыломъ участвовалъ въ моихъ занятіяхъ. Такимъ образомъ, онъ соединилъ свою жизнь съ моею и вмѣстѣ со мною отправился въ Германію, что̀ стоило ему большого усилія надъ собой. Дѣло въ томъ, что, уѣзжая изъ Германіи, онъ рѣшилъ никогда не возвращаться, и не могъ принести бо̀льшую жертву своей любви ко мнѣ, какъ измѣнить это рѣшеніе...—Но вальсъ кончился, и я слишкомъ злоупотребляю вашей добротой.

— Я вамъ очень благодарна,—сказала Марія съ живостью,— вы доставили мнѣ величайшее наслажденіе вашимъ разсказомъ.

— Напротивъ, я долженъ васъ благодарить, — возразилъ Ральфъ.—На мою долю досталось рѣдкое и высокое счастье разсказывать съ увѣренностью быть вполнѣ понятымъ. Теперь я желаю одного, чтобы вы и въ будущемъ позволили мнѣ пользоваться иногда этимъ счастьемъ.

Онъ взялъ шляпу съ колѣнъ и всталъ; Марія тоже поднялась. Передъ ними въ залѣ толпились около слугъ съ подносами разгоряченные танцоры, быстро опоражнивая стаканы, вмѣсто того, чтобы снести питье дамамъ.

Профессоръ задумчиво смотрѣлъ на пеструю толпу.

— Странно! — сказалъ онъ: — всякій разъ, глядя на такія сцены, я вспоминаю стихотвореніе Гёте: „Смерть мухи". Но это, конечно, оттого, что я больной человѣкъ и не имѣю никакого понятія о томъ, какъ сладокъ ядъ. Вы знаете это стихотвореніе?

— Нѣтъ.

— Поэтъ задумчиво смотритъ на муху, которая съ жадностью и съ наслажденіемъ сосетъ „предательскій напитокъ", не думая, что вмѣстѣ съ нимъ впиваетъ смерть.

— Но вѣдь это зависитъ, въ концѣ концовъ, оттого, по вкусу ли намъ напитокъ жизни, или нѣтъ,—сказала Марія.

Профессоръ быстро обернулся къ ней и посмотрѣлъ на нее своими большими голубыми глазами съ такимъ выраженіемъ, которое заставило ее покраснѣть. Однако онъ ничего не сказалъ, а въ это время къ нимъ подошли, рука объ руку, миссъ Анна и Ада.

— Скажите властное слово, господинъ профессоръ! — прокартавила Ада.—Ваша сестра собирается уѣзжать; это значитъ—конецъ нашему балу. Кто же захочетъ танцовать, когда ея не будетъ! И притомъ она ангажирована моимъ братомъ Регинальдомъ на слѣдующую кадриль.

Ада продолжала говорить Регинальду своимъ нѣжнымъ голоскомъ, и онъ отвѣчалъ обычнымъ спокойнымъ и дружелюбнымъ тономъ. Анна обратилась къ Маріи.

— Я замѣтила, что вы долго бесѣдовали съ моимъ братомъ. Не правда ли, онъ милый?

— О, да, конечно,—отвѣчала Марія съ чувствомъ.

— Я рада, что онъ вамъ нравится,—продолжала Анна.—Я рѣшила подружиться съ вами. Это могло бы быть, еслибъ даже вы не подружились съ братомъ, такъ какъ мы въ сущности очень различныя существа, но чтò хорошо, то хорошо. Теперь я васъ познакомлю съ мама и папа, такъ что, когда вы явитесь къ намъ, васъ всѣ уже будутъ знать. Нашъ добрый Смитъ останется для васъ въ видѣ дессерта.

Она взяла Марію подъ руку и повела съ собой. Марія едва могла скрыть свое смущеніе. Итакъ, наступилъ моментъ, когда она должна явиться передъ миссисъ Куртисъ—моментъ, котораго она такъ боялась, что просидѣла весь вечеръ въ уголку и охотно убѣжала бы изъ залы. Но теперь нечего было и думать объ отступленіи.

— Ты долженъ танцовать французскую кадриль съ фрейлейнъ Адой, я отвѣчаю за это!—крикнула Анна брату и продолжала, обращаясь къ Маріи:

— Я вдвойнѣ готова отвѣчать за это. Во-первыхъ, умѣренное движеніе не можетъ повредить моему ипохондрику-брату; напротивъ. Во-вторыхъ, я увѣрена, что фрейлейнъ Ада не отобьетъ его у меня. Надо вамъ сказать, что я теперь его единственная любовь—faute de mieux. А ваша Ада—какъ ни хороша она собою—не такая дѣвушка, въ которую могъ бы влюбиться Ральфъ. Вы не сердитесь на мои слова?

— О, нѣтъ, за что же?

— Ральфъ—оригинальный человѣкъ, теперь такіе не встрѣчаются; онъ скорѣе человѣкъ прошлаго столѣтія съ его великими и нѣсколько туманными мечтательными идеями. А можетъ быть и человѣкъ будущаго, когда, конечно, не станутъ давать такихъ баловъ, какъ этотъ, и наши петиметры и жеманныя дамы почувствуютъ себя очень скверно.

При этихъ словахъ ироническая улыбка скользнула на полныхъ губкахъ красивой дѣвушки, и ея черные глаза презрительно взглянули на толпу, откуда за ней слѣдило столько восхищенныхъ, даже благоговѣйныхъ глазъ.

IX.

Они вошли по лѣстницѣ въ переднiй салонъ, гдѣ старики, разбившись на группы, сидя и стоя, коротали время въ вялыхъ разговорахъ.

— Будьте такъ добры, фрейлейнъ, говорите съ мама по-англійски. Она ни слова не понимаетъ на другомъ языкѣ. Вообще не составляйте о ней преувеличеннаго мнѣнія: это просто старая и вовсе не важная дама. Вонъ она—тамъ въ углу. Пожалуйста, пойдемте къ ней.

Миссисъ Куртисъ сидѣла въ углу на софѣ; рядомъ съ ней—къ ужасу Маріи—находилась сама хозяйка дома. Марію ужаснула мысль быть уличенной въ своемъ тайномъ посѣщеніи Куртисовъ при матери.

Фрау Илиціусъ поспѣшно встала, увидѣвъ миссъ Анну. Она плохо говорила по-англійски и давно уже тоскливо посматривала, не освободитъ ли ее кто-нибудь отъ непріятнаго tête-à-tête съ американской дамой, которая съ каждой минутой надоѣдала ей все больше и больше. Но оставить ее не рѣшалась на основаніи важныхъ соображеній.

— Вотъ наша царица бала! — воскликнула она, увидѣвъ Анну. — Наконецъ-то я могу поблагодарить васъ за то, что вы превратили нашъ скромный вечеръ въ самый блестящій праздникъ нынѣшняго сезона, праздникъ, о которомъ еще долго будутъ говорить! Надѣюсь, вы не собираетесь уѣзжать?

— Нѣтъ, я хочу уѣхать,—отвѣчала Анна.—Но сначала я хотѣла доставить мамѣ удовольствіе познакомиться съ фрейлейнъ Маріей... Фрейлейнъ Марія фонъ-Альденъ, милая мама,—которая такъ хорошо аккомпанировала мнѣ и обѣщала подружиться со

мною. Ты должна ее попросить, чтобы она исполнила свое обѣщаніе, а главное, почаще посѣщала насъ.

Фрау Илиціусъ только приблизительно поняла смыслъ этой быстрой англійской рѣчи и съ удивленіемъ взглянула на Марію. Апатическая физіономія миссисъ Куртисъ слегка оживилась. Она хотѣла взять лорнетъ, но, не найдя его, прищурила глаза и прошептала что-то, что могло сойти за любезность; по крайней мѣрѣ при этомъ она пріятно улыбалась.

— Только бы она не нашла лорнета!—подумала Марія.

— Развѣ ты не замѣчаешь удивительнаго сходства?—спросила Анна у матери.

— О, да, да! — прошептала та, ощупывая себя со всѣхъ сторонъ.

— Лорнетъ у тебя на груди,—сказала Анна.

„Ну, теперь бѣда!“ подумала Марія.

Миссисъ Куртисъ приставила лорнетъ къ своимъ тусклымъ чернымъ глазамъ и пробормотала, глядя на Марію:

— О, да! о, да! удивительно, просто удивительно! Но съ кѣмъ же сходство, милое дитя?

Анна засмѣялась и сказала, обращаясь къ Маріи:

— Вотъ какая мама! Недѣли три назадъ, когда мы были въ Парижѣ, нашъ тамошній посолъ привезъ къ намъ молодую особу, изъ знатнаго разорившагося семейства, такъ какъ мама выразила желаніе имѣть dame de compagnie. Молодая baronesse или comtesse—а можетъ быть princesse или duchesse—очень понравилась мамѣ и всѣмъ намъ,—это неудивительно, потому что она походила на васъ, милая Марія. Но дѣло не состоялось, такъ какъ Ральфъ хотѣлъ поскорѣе попасть въ Германію, а duchesse говорила, что скорѣе будетъ голодать, чѣмъ отправится въ Берлинъ иначе, какъ сопровождая французскую армію. Но, мама, неужели ты не помнишь!

— О, да, о, да!—бормотала миссисъ Куртисъ,—конечно, конечно. Она мнѣ очень понравилась, очень! Недавно у меня была еще одна, и тоже очень понравилась мнѣ; но мистеръ Смитъ ее отослалъ, неизвѣстно почему. Теперь я больше не хочу компаніонокъ, нѣтъ, нѣтъ, ни за что не хочу!

Эти послѣднія слова она сказала жалобнымъ тономъ, точно капризный ребенокъ, у котораго отняли опасную игрушку, и который объявляетъ, что не хочетъ больше играть.

— Зато пусть эта молодая фрейлейнъ чаще, какъ можно чаще, бываетъ у насъ!—воскликнула Анна.—Не правда ли, моя милая

Марія, вы доставите это удовольствіе мнѣ, Ральфу и мамѣ! Пожалуйста, пожалуйста, скажите: да!

Она схватила Марію за обѣ руки.

Марія, всѣ опасенія которой совершенно разсѣялись, охотно бросилась бы на шею миссъ Куртисъ, и должна была сдѣлать надъ собою усиліе, чтобы, взглянувъ на свою мать, спокойно отвѣтить:

— Охотно, очень охотно, разумѣется, если мама позволитъ.

— Но, дитя, какъ же я могу не позволить!—воскликнула фрау Илиціусъ, которая все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ удивленіемъ смотрѣла на эту сцену и тотчасъ сообразила, что какъ ни смѣшно это предпочтеніе, оказываемое Маріи, оно во всякомъ случаѣ выгодно, такъ какъ, подъ руководствомъ матери, Марія можетъ сдѣлаться удобнымъ и надежнымъ орудіемъ для достиженія извѣстныхъ цѣлей.

— Въ такомъ случаѣ,—воскликнула Анна, — я, съ вашего позволенія, забираю Марію завтра утромъ, и она останется у насъ до вечера. У меня еще бездна дѣлъ въ городѣ, и опытная подруга мнѣ крайне необходима.

— Только бы Марія съумѣла вамъ помочь, — отвѣчала съ любезной улыбкой Илиціусъ, нашедшая, наконецъ, въ этихъ послѣднихъ словахъ Анны ключъ къ разрѣшенію загадки.—Впрочемъ Марія дѣйствительно довольно опытна и сочтетъ за честь быть вамъ полезной.

Фрау Илиціусъ должна была обратиться къ другимъ гостямъ, которые желали проститься. Между тѣмъ въ залѣ снова раздалась музыка и началась французская кадриль. Прибѣжалъ впопыхахъ Регинальдъ, спрашивая—будетъ ли онъ имѣть честь?.. ожидаютъ только фрейлейнъ!

— Посидите пока съ мама, мой другъ! — шепнула Анна Маріи, подавая руку своему кавалеру. Марія усѣлась рядомъ съ миссисъ Куртисъ и снова почувствовала безпокойство. Она замѣтила только теперь, что пышное платье дамы было то самое, которое она примѣряла въ то достопамятное утро. Но она напрасно безпокоилась. Миссисъ Куртисъ, поймавшая ея взглядъ, замѣтила съ видимымъ удовольствіемъ, что платье выбрано и куплено ею въ Парижѣ—на этотъ разъ помимо Анны, хотя вообще она ничего такого не дѣлаетъ безъ содѣйствія Анны. Потомъ она разсказала всю исторію выбора платья, приблизительно такъ, какъ она происходила на самомъ дѣлѣ, — только мѣсто дѣйствія оказалось въ Парижѣ и на мѣстѣ Анны очутилась герцогиня. Послѣдняя превосходно говорила по-англійски, и миссисъ Куртисъ никогда не проститъ мистеру Смиту, по милости котораго она лишилась та-

кой симпатичной, многообѣщавшей компаньонки. Вообще она должна сознаться, что этотъ человѣкъ довольно тягостенъ для нея и для мистера Куртиса, и мистеръ Куртисъ нарочно привезъ его въ Германію, его родину, чтобы приличнымъ образомъ сбыть его съ рукъ. Замѣститель его уже найденъ въ лицѣ одного молодого человѣка, недавно нанятого въ качествѣ домашняго секретаря; мистеръ Куртисъ очень хвалилъ его благоразуміе, да и ей онъ нравится, тогда какъ дѣти и мистеръ Смитъ — понятное дѣло!—всячески бранятъ его.

Такъ, спотыкаясь и путаясь, иногда совершенно теряя нить разсказа, бормотала она тихимъ, монотоннымъ голосомъ, возбуждая въ Маріи, которая лишь изрѣдка могла вставить свое слово, то удивленіе, то состраданіе, то едва сдерживаемый смѣхъ, то плохо скрываемое смущеніе. Послѣднія слова дамы ее просто испугали. Правда, изъ разсказовъ Ральфа она знала, что положеніе Смита въ домѣ Куртисовъ было вовсе не таково, какъ оно рисовалось въ разстроенной головѣ дамы; но ей не нравилось, что ловкій Гартмутъ успѣлъ уже втереться въ милость. Это обстоятельство возбуждало въ ней тяжелыя мысли; она чувствовала, что тутъ есть что-то темное, чтò нужно объяснить и чтò разъяснится именно благодаря ей. Размышляя объ этомъ, она увидѣла своего вотчима, который вошелъ изъ сосѣдней комнаты, горячо разсуждая о чемъ-то съ какимъ-то господиномъ. Послѣдній такъ рѣзко отличался отъ всего остального общества, что она сочла его за мистера Куртиса, хотя между этимъ коренастымъ человѣкомъ, съ рѣзкими деревянными чертами некрасиваго лица, и его изящными дѣтьми не было ни малѣйшаго сходства. Догадка ея скоро подтвердилась, когда незнакомый господинъ, увидѣвъ миссисъ Куртисъ, подошелъ къ ней и сказалъ съ довольно ласковой улыбкой на крупныхъ губахъ:

— Ну, милая моя, ты, кажется, ужъ достаточно насидѣлась въ углу; пора и уѣзжать.

Миссисъ Куртисъ тотчасъ принялась отыскивать вѣеръ, шаль, флакончикъ съ духами, носовой платокъ—все это она разбросала на софѣ—при помощи Маріи, которую вотчимъ представилъ мистеру Куртису.

— Вы оказали большую услугу моей дочери,—сказалъ американецъ съ короткимъ, но вѣжливымъ поклономъ: — надѣюсь, что вы доставите всѣмъ намъ случай отблагодарить васъ.

— Завтра она проведетъ у насъ цѣлый день, — замѣтила миссисъ Куртисъ, ощупывая на груди лорнетъ.

— Это для насъ большая честь,—сказалъ Куртисъ.

Марія поклонилась, смущенная пристальнымъ взглядомъ Куртиса, который все время не спускалъ съ нея глазъ. Гехеймратъ Илиціусъ смотрѣлъ на нихъ, улыбаясь, но съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ; онъ не могъ понять, съ какой стати его падчерицѣ оказываются всѣ эти любезности, однако выразилъ свое одобреніе учтивымъ бормотаньемъ.

Музыка въ залѣ замолкла, балъ кончился, танцоры тѣснились въ переднихъ комнатахъ, гдѣ было прохладнѣе. Усталыя матери отыскивали своихъ дочерей и заставляли ихъ надѣвать шали и платки; нетерпѣливые отцы торопили отъѣздомъ, тогда какъ молодыя красавицы спѣшили обмѣняться послѣдними словами съ своими кавалерами. Ральфъ, блѣдный и усталый, какъ показалось Маріи, привелъ Аду; затѣмъ явились Анна и Регинальдъ съ толпою молодыхъ людей, которымъ Анна спокойно кивнула головой въ знакъ прощанія. Только Регинальдъ, въ качествѣ ея послѣдняго кавалера и хозяйскаго сына, присоединился къ группѣ, собравшейся у софы. Его красивое лицо дышало обожаніемъ къ прекрасной дѣвушкѣ, съ которой онъ не сводилъ глазъ, тогда какъ Ада все время смотрѣла на блѣднаго профессора. Впрочемъ сцена прощанія продолжалась не долго. Мистеръ Куртисъ, пожавши всѣмъ руки, рѣшительно взялъ жену подъ руку и пошелъ вонъ изъ залы, сопровождаемый Ральфомъ и Анной. Фрау Илиціусъ и Стефанія, явившіяся послѣдними, едва успѣли проститься съ ними въ дверяхъ. Гербертъ все время не показывался.

Незадолго передъ тѣмъ шумныя залы быстро опустѣли; всѣ разъѣхались, за исключеніемъ нѣсколькихъ отсталыхъ, о которыхъ ужъ было извѣстно, что они уходятъ послѣдними. Наконецъ, и они ушли, семейство осталось наединѣ. Марія, по обыкновенію, отправилась во внутреннія комнаты, гдѣ ея заботы сегодня требовались болѣе, чѣмъ когда-либо. Покончивъ со всѣми дѣлами, она пошла въ свою комнату, и не мало удивилась, когда, проходя по корридору, услышала звуки голосовъ и убѣдилась, что семья все еще остается въ той комнатѣ, гдѣ она ее оставила. Она услыхала голосъ Герберта, который говорилъ что-то очень рѣзко; Регинальдъ возражалъ ему еще рѣзче; гехеймратъ Илиціусъ и его супруга старались успокоить спорящихъ, тогда какъ Стефанія и Ада тоже принимали участіе въ спорѣ, защищая разныя стороны. Всѣ говорили и кричали разомъ. Марія не смѣла взглянуть на слугу, который тушилъ въ корридорѣ лампы, дѣлая видъ, что ничего не слышитъ. Поднимаясь по лѣстницѣ, она встрѣтила Паулину, которая, перевѣсившись черезъ перила, такъ

увлеклась подслушиваніемъ, что не замѣтила приближенія фрейлейнъ. Увидѣвъ Марію, дерзкая дѣвушка засмѣялась и поспѣшно сбѣжала съ лѣстницы. Марія пошла дальше, пристыженная и огорченная тѣмъ, что вечеръ, который принесъ ей такъ много прекраснаго и радостнаго, окончился такимъ рѣзкимъ диссонансомъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

I.

Когда на слѣдующее утрс Смитъ, по обыкновенію, вошелъ къ Ральфу, онъ засталъ молодого человѣка въ постели, въ лихорадочномъ состояніи. Ральфъ сначала не хотѣлъ говорить объ этомъ, но долженъ былъ сознаться, что вчера слишкомъ долго былъ на балу и провелъ ночь очень плохо. Смитъ уговаривалъ его послать за докторомъ. Но доктора Брунна теперь нельзя было застать дома: съ 10 часовъ онъ былъ на практикѣ, и только около двѣнадцати въ рейхстагѣ, гдѣ его и можно было бы найти. Ральфъ не хотѣлъ и слышать о предложеніи Смита послать за другимъ докторомъ; онъ питалъ полное довѣріе къ доктору Брунну, который, по его мнѣнію, первый вѣрно опредѣлилъ его состояніе; впрочемъ теперь ему было легче. Смитъ долженъ былъ потерпѣть и, по просьбѣ своего молодого друга, оставилъ его одного, такъ какъ онъ надѣялся заснуть. Около двѣнадцати часовъ Ральфъ всталъ и могъ принять доктора въ своемъ кабинетѣ. Смитъ при этомъ не присутствовалъ, такъ какъ мистеръ Куртисъ незадолго передъ тѣмъ пригласилъ его къ себѣ.

Докторъ Бруннъ тщательно изслѣдовалъ своего паціента и сѣлъ къ столу писать рецептъ. Кончивъ писать, онъ повернулся къ Ральфу, который лежалъ на софѣ, и сказалъ своимъ звучнымъ голосомъ:

— Такъ вы будете принимать это черезъ часъ по столовой ложкѣ! Оставайтесь цѣлый день въ покоѣ, въ своей комнатѣ, на софѣ, и еще лучше въ постели, если это вамъ больше нравится. Ну, пока ничего больше не требуется.

— Пока!—возразилъ Ральфъ.—А потомъ?

— Потомъ увидимъ,—сказалъ врачъ.

— Простите мнѣ мою нескромность,—продолжалъ Ральфъ.— Сегодня ночью мнѣ приходили въ голову разныя странныя мысли, которыя всѣ сосредоточились въ одномъ вопросѣ: имѣю ли я

право говорить о будущемъ, строить планы на будущее, какъ другіе люди? Вы знаете, въ безсонныя ночи такое сомнѣніе становится просто неотвязнымъ. Оно и теперь еще мучитъ меня, и я былъ бы очень благодаренъ вамъ, еслибы вы отвѣтили мнѣ простымъ—да или нѣтъ.

Докторъ Бруннъ положилъ на столъ шляпу, за которую было взялся, и послѣ короткой паузы сказалъ, ласково глядя на больного своими быстрыми карими глазами:

— Намъ часто предлагаютъ такіе вопросы, и мы должны отвѣчать на нихъ уклончиво, какъ министръ, поставленный въ затруднительное положеніе, потому что въ большинствѣ случаевъ нельзя серьезно относиться къ спрашивающимъ: въ дѣйствительно опасномъ случаѣ они или не повѣрятъ, или не вынесутъ истины. Вы не принадлежите къ числу этихъ людей, и я счелъ бы возможнымъ сказать вамъ истину, но, видите ли, любезный мистеръ Куртисъ, ваше состояніе не такъ-то просто; напротивъ, оно очень сложно и можетъ принять тотъ или другой, или третій оборотъ, смотря по обстоятельствамъ. Притомъ же, я слишкомъ недавно наблюдаю вашу болѣзнь, хотя и имѣю преимущество передъ своими нѣмецкими коллегами въ томъ отношеніи, что долго жилъ въ Америкѣ и довольно хорошо знаю американскую конституцію—я разумѣю физическую, а не политическую,—американскій образъ жизни, соціальную среду, въ которой вращаются люди высшаго круга въ Нью-Іоркѣ, и такъ далѣе; а все это имѣетъ большое значеніе въ данномъ случаѣ, предполагая притомъ, что ваше пребываніе въ Германіи только временное.

Ральфъ чувствовалъ, что благоразумный докторъ, несмотря на спокойную увѣренность, съ которой онъ говорилъ, просто хотѣлъ увильнуть отъ отвѣта. И чтобы прикрыть ему отступленіе, онъ сказалъ съ дружеской улыбкой:

— Вотъ врачъ, который прошелъ школу жизни—соціальной и политической!

— Если хотите, да,—съ живостью возразилъ докторъ.—И, говоря откровенно, я удивляюсь, какъ мои коллеги, прошедшіе въ этой школѣ только азбуку, справляются съ своими задачами.

— Что-же? васъ радуютъ современныя политическія и соціальныя обстоятельства,—я хочу сказать: нѣмецкія,—развитію которыхъ вы такъ дѣятельно содѣйствуете?

— По крайней мѣрѣ, я смотрю съ полнымъ довѣріемъ въ будущее,—отвѣчалъ докторъ Бруннъ.—И кто, какъ я, боролся и страдалъ, чтобы—какъ написано на стѣнѣ церкви св. Павла—доставить своему народу величіе и счастье родинѣ, боролся и

страдалъ совершенно тщетно, въ чемъ и долженъ былъ сознаться; потомъ много лѣтъ провелъ изгнанникомъ тамъ у васъ,—обливаясь слезами при мысли объ ольмюцскомъ позорѣ и тупой реакціи, тяготѣвшей надъ народомъ въ теченіе пятидесятыхъ годовъ, на позоръ и смѣхъ передъ другими націями,—потомъ черезъ 10 лѣтъ получилъ амнистію и, вернувшись на родину, нашелъ свой народъ подъ новымъ игомъ, которое казалось мнѣ тяжелѣе прежняго, противъ котораго я боролся, въ печальныя времена конфликта, до тѣхъ поръ, пока не убѣдился, что это иго было необходимо для того, чтобы направить раздробленныя силы націи къ одной цѣли, въ то время еще недостижимой: единству, соединенію силъ истинно-нѣмецкаго государства;—кто, далѣе, увидѣлъ въ страшной войнѣ съ наслѣдственнымъ врагомъ націи только ужасное послѣдствіе великой идеи, переходившей въ величественную дѣйствительность, превосходившую наши самыя смѣлыя мечты; передъ чьимъ просвѣтлѣвшимъ взоромъ проходили одно за другимъ эти великія событія;—кто, какъ я, пристыженный и обрадованный, отказался отъ своей ошибки и употребилъ свои слабыя силы, чтобы содѣйствовать могуществу, вступавшему въ свои права;—кто, говорю я, при такихъ условіяхъ могъ бы остановиться передъ препятствіями, еще мѣшавшими достиженію послѣдней цѣли? Кто бы могъ поддаться ошибкѣ, еслибъ даже ему и показалось, что тяжесть, которую мы двигаемъ, остается на мѣстѣ? Кто бы могъ не раздѣлять надежды, что нашъ народъ, съумѣвшій пріобрѣсти такое славное, исключительное положеніе, съумѣетъ и воспользоваться имъ достойнымъ образомъ?..

Въ то время, какъ докторъ Бруннъ говорилъ эту рѣчь, въ комнату больного вошелъ Смитъ и остановился у дверей, не замѣченный докторомъ. Но Ральфъ увидѣлъ его и невольно сравнивалъ цвѣтущее здоровьемъ лицо доктора, который все болѣе и болѣе разгорячался своею рѣчью, съ блѣдными тонкими чертами своего друга. „Вотъ,—думалъ онъ,—два типа двухъ различныхъ міровоззрѣній, и трудно найти болѣе характерные: одинъ—боецъ, который въ минуту негодованія бросилъ копье, но скоро опять взялся за него и теперь бьется за „величіе и счастье родины“; другой тоже боролся и страдалъ, но оружіе его давно ужъ покрылось ржавчиной, потому что величіе, котораго удалось достигнуть, кажется ему мишурнымъ, счастье, за которымъ такъ гонятся—призрачнымъ“.

Докторъ хотѣлъ продолжать, но вдругъ замѣтилъ вошедшаго. Онъ ни разу не встрѣчалъ Смита при своихъ прежнихъ, впрочемъ, немногочисленныхъ посѣщеніяхъ, но слышалъ о немъ отъ

стера Куртиса, съ которымъ познакомился у американскаго сланника, а потомъ и отъ Ральфа, и, по крайней мѣрѣ, поверхстно зналъ его исторію. Такимъ образомъ, онъ зналъ, кого дитъ передъ собой; тѣмъ не менѣе, появленіе Смита, повидимому, нѣсколько смутило его. Нѣсколько мгновеній онъ пристально отрѣлъ своими умными карими глазами въ лицо незнакомца, тораго Ральфъ ему представилъ; затѣмъ дружески протянулъ у руку и сказалъ:

— Я тотчасъ узналъ въ васъ нѣмца, и притомъ „стараго ѣца сорокъ-восьмого года", хотя вы и пробыли въ Америкѣ тридгъ лѣтъ—гораздо дольше, чѣмъ я. Надѣюсь, что тенденція моей чи, длину которой можно извинить старому члену парламента, была вамъ непріятна?

— Нѣтъ, отчего же,—отвѣчалъ Смитъ съ грустной улыбкой: я только вспомнилъ слова поэта, въ которыхъ такъ удачно рактеризована упорная природа человѣка: „и на краю гроба ростаетъ для него надежда".

Ласковое лицо доктора внезапно омрачилось.

— Какъ? — сказалъ онъ тономъ, въ которомъ слышалась ада:—неужели современная Германія кажется вамъ гробомъ?

— По крайней мѣрѣ, для *моихъ* надеждъ,—тихо сказалъ итъ.

— Есть надежды,—возразилъ докторъ,—относительно котохъ нельзя удивляться, что онѣ не исполняются.

— А есть и такія,—прибавилъ Смитъ,—относительно котохъ было бы удивительно, еслибы онѣ исполнились. Мои, къ калѣнію, всегда принадлежали къ послѣдней категоріи.

— Ихъ слѣдовало бы предоставить поэтамъ,—сказалъ докръ почти рѣзко и, возвращаясь къ своей прежней вѣжливости, іавилъ:—этимъ я хочу сказать только, что вы поэтъ, все равно даете ли вы свои поэмы, или храните ихъ въ груди, какъ tummer des Himmels", по прекрасному выраженію Жанъ-Поля. нако, мнѣ пора. До завтра, мистеръ Куртисъ! Господинъ итъ, надѣюсь, вы не въ претензіи на меня!

Онъ пожалъ руки своимъ собесѣдникамъ и быстрыми тверми шагами вышелъ изъ комнаты.

II.

Смитъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ, потомъ обратился къ Ральфу спросилъ:

— Что онъ вамъ сказалъ?

— Что я долженъ принять лекарство, которое онъ мнѣ прописалъ, и оставаться въ покоѣ.

Смитъ взялъ рецептъ, вышелъ изъ комнаты и, вернувшись черезъ нѣсколько минутъ, сказалъ:

— Я распорядился, только прошу васъ дѣйствительно принимать лекарство, когда его принесутъ.

Онъ подошелъ къ Ральфу, поправилъ съѣхавшее одѣяло и хотѣлъ уйти.

— Уже?—спросилъ Ральфъ съ удивленіемъ.

— Вамъ нуженъ покой,—возразилъ Смитъ.

— А развѣ я буду покоенъ, если останусь одинъ!—воскликнулъ Ральфъ, смѣясь.—Стыдитесь, старый психологъ! Вы достаточно меня знаете, чтобы догадаться, что вереница мыслей, терзавшихъ мою бѣдную душу сегодня ночью, опять станетъ преслѣдовать меня, если я останусь одинъ, какъ волки преслѣдуютъ оленя. Закурите-ка трубочку, да и мнѣ дайте, а потомъ поболтаемъ.

— Курить сегодня ни въ какомъ случаѣ нельзя,—возразилъ Смитъ, садясь на стулѣ возлѣ софы.

— Ну, хорошо,—сказалъ Ральфъ,—только бы вы не уходили. Чтò это понадобилось отцу?

— Онъ получилъ спѣшное дѣловое письмо, которое я долженъ былъ ему перевести.

— Чтò же дѣлаетъ его секретарь?

— Сколько мнѣ извѣстно, онъ послалъ его на биржу.

Ральфъ на минуту задумался и сказалъ послѣ нѣкоторой паузы:

— Скажите, пожалуйста, Смитъ, развѣ вы не находите страннымъ, что мой отецъ, заваленный своими американскими дѣлами, такъ легко рѣшился на поѣздку сюда и здѣсь устроился, точно мы собираемся остаться навсегда? Однако сначала онъ хотѣлъ пробыть здѣсь всего недѣль шесть, много два мѣсяца. Вы понимаете это?

— Нѣтъ.

— Коротко и ясно. Сегодня утромъ вы не особенно сообщительны и не любопытны. Вы даже не спросили меня, какъ мнѣ понравился вчерашній раутъ.

— Я уже достаточно упрекалъ себя и за то, что посовѣтовалъ вамъ туда отправиться.

— Нѣтъ, вы хорошо сдѣлали. Конечно, не будь этого, у меня была бы лишняя спокойная ночь, но зато не было бы пріятнаго воспоминанія, такъ что мнѣ нечего жаловаться.

Старый другъ бросилъ быстрый взглядъ на молодого, когда

тотъ упомянулъ о пріятномъ воспоминаніи, но, повидимому, не интересовался узнать, въ чемъ оно состояло, по крайней мѣрѣ не спрашивалъ больше. Лицо его снова приняло разсѣянное выраженіе; Ральфъ тоже погрузился въ молчаніе, которое мало согласовалось съ его прежней говорливостью. Немного погодя онъ спросилъ почти сердито:

— О чемъ вы думаете, Смитъ?

Смитъ встрепенулся, точно внезапно разбуженный, провелъ рукой по лбу и отвѣчалъ:

— О чемъ я думаю? Между прочимъ, объ одномъ мѣстѣ въ Пятокнижіи, которое съ удивительной краткостью характеризуетъ перемѣнчивость людскихъ дѣлъ.

— Какое же это мѣсто?

— Вторая книга Моисея, глава первая, стихъ восьмой: „И возсталъ въ Египтѣ новый фараонъ, который не зналъ Іосифа".

Старикъ произнесъ эти слова тономъ глубокой меланхоліи, хотя на губахъ его играла ироническая улыбка.

— Это выраженіе,—сказалъ Ральфъ,—во всякомъ случаѣ характеризуетъ затруднительное положеніе древняго лѣтописца, который наталкивается на крупный пробѣлъ въ своихъ знаніяхъ и перескакиваетъ его однимъ смѣлымъ прыжкомъ. Современный историкъ, конечно, не рѣшился бы на это. Онъ не можетъ выдумать новаго фараона, ни пропустить какого-нибудь изъ дѣйствительно существовавшихъ, но обязанъ аккуратно перечислять ихъ одного за другимъ и показывать, какъ „tempora mutantur et nos mutamur in illis", ибо такъ происходитъ на самомъ дѣлѣ. Новый фараонъ—это измѣнившееся время; его невѣдѣніе объ Іосифѣ—измѣнившійся образъ мыслей, измѣнившійся человѣкъ.

— Хорошо людямъ, умѣвшимъ измѣниться,—отвѣчалъ Смитъ,—но горе тѣмъ, которые слишкомъ упрямы или недостаточно предусмотрительны, чтобы плыть по теченію, и при новыхъ условіяхъ остаются все тѣми же живыми памятниками прошлаго, которое только въ нихъ и живетъ; непонимаемые другими и сами не понимая другихъ, они подобны тѣмъ несчастнымъ въ сказкахъ, которые, освободившись изъ заколдованнаго зáмка, гдѣ провели въ грёзахъ сто лѣтъ, находятъ на мѣстѣ родной деревни пышный городъ или безотрадную пустыню. Повѣрьте, дорогой Ральфъ, мнѣ бы лучше было остаться въ Америкѣ!

— Но,—сказалъ Ральфъ,—вы должны были знать, что найдете новую, измѣнившуюся Германію. Да вы, кажется, и дѣйствительно знали это; не вы ли съ такимъ умомъ и глубиной объяснили мнѣ, какое измѣненіе произошло въ государствѣ и въ

народѣ, въ мысляхъ и дѣйствіяхъ управляющихъ, въ мысляхъ и чувствахъ управляемыхъ. Достойно ли мудраго человѣка такъ сокрушаться сердцемъ о томъ, необходимость чего такъ ясно понимаетъ его голова? И развѣ это необходимое, какъ бы оно ни было удивительно, не есть въ то же время полезное, спасительное, благотворное, по крайней мѣрѣ для народа, въ нѣдрахъ котораго оно произошло? А если такъ, то всякій, кто принадлежитъ къ этому народу, не долженъ ли смотрѣть на это съ гордымъ удовольствіемъ, какъ тотъ человѣкъ, который только-что вышелъ отсюда?

— И который, однако,—возразилъ Смитъ,—такъ печально настроилъ меня, даже, если хотите, привелъ въ отчаяніе не столько тѣмъ, что̀ онъ сказалъ, сколько тѣмъ, ка̀къ онъ говорилъ. Я не зналъ лично доктора Брунна, но въ свое время много слышалъ о немъ. Онъ былъ однимъ изъ выдающихся членовъ франкфуртскаго парламента и, если не ошибаюсь, участвовалъ въ депутаціи, которая предложила прусскому королю императорскую германскую корону; во всякомъ случаѣ онъ до конца оставался съ немногими вѣрнымъ имперіи и бодро и смѣло переносилъ горькія послѣдствія намѣренія, которое было потомъ заклеймено, какъ измѣна странѣ и отечеству. Я увѣренъ, что и теперешнія его рѣчи и дѣла вытекаютъ изъ глубокаго убѣжденія, что въ немъ нѣтъ ни капли лицемѣрія. Все это я признаю, долженъ признать! И однако! однако!.. Допустимъ, что онъ никогда не былъ такимъ ревностнымъ демократомъ, какъ я; но все же онъ никогда не признавалъ такого порядка, какой теперь установился, сильнѣе и торжественнѣе, чѣмъ когда-либо. Можетъ быть, онъ не вотировалъ въ сорокъ-восьмомъ году за уничтоженіе высшаго сословія, какъ я, потомокъ древняго рода, съ радостью отказавшійся отъ своего званія и связанныхъ съ нимъ прерогативъ; но все-таки подавляющая сила, несомнѣнно принадлежащая нынѣ въ Германіи „юнкерству“—такъ какъ человѣкъ, взявшій на себя роль вождя въ процессѣ насильственнаго объединенія Германіи, вышелъ изъ этого сословія, да при совершившемся переворотѣ только изъ него и могъ выйти,—все-таки эта сила, передъ которой значеніе бюргерства отступаетъ на задній планъ, не должна бы его радовать, и, самое большее, должна ему казаться чѣмъ-то, что̀ приходится терпѣть по необходимости. Вы, пожалуй, прибавите, Ральфъ: тѣмъ легче ему терпѣть, что бюргерство въ 48-мъ году доказало свою неспособность обновить народъ и осуществить идею единства, а погоня за наживой, въ которую оно ударилось послѣ великой войны, засвидѣтельствовала передъ цѣлымъ свѣтомъ его нравственный упадокъ. Я согласенъ съ этимъ, но никогда не согла-

шусь, что изъ-за этого я долженъ вмѣстѣ съ этимъ докторомъ пѣть хвалы современнымъ германскимъ порядкамъ. Не потому не хочу, что мое старое сердце разучилось сочувствовать, но потому, что считаю гегелевское „все существующее разумно“ за доктринерскую фразу, или, еще хуже, за лакейскую лесть въ угоду торжествующей силѣ. Далѣе, я утверждаю, что современныя обстоятельства, какъ они у насъ сложились, нельзя считать здоровыми; напротивъ, если имѣть въ виду воспитаніе человѣчества для его высшихъ цѣлей, ихъ нужно признать реакціей и препятствіемъ; въ нихъ нѣтъ ничего благотворнаго и спасительнаго, а какъ разъ обратное этому. И еще скажу: я не вѣрю въ цѣлебную силу такого осчастливленія народа, какъ въ Германіи; я думаю, вѣрнѣе сказать — убѣжденъ, что реакція не въ силахъ сдержать своего обѣщанія, если даже оно искренно; что эта національная политика, стремящаяся сдѣлать націю только могущественной и доставить ей господство надъ другими, есть не что иное, какъ старое манчестерство, перенесенное изъ области торговли и обмѣна въ сферу великихъ отношеній между народами. Но послѣдствіемъ этого направленія, все болѣе распространяющагося, — такъ какъ и другія націи дѣлаютъ то же, — можетъ быть только всемірный пожаръ. Народы, лишенные мира и счастья, дадутъ, наконецъ, исходъ оковывающей ихъ боязни и станутъ истреблять другъ друга въ отвратительныхъ войнахъ, слѣдствіемъ которыхъ будетъ гибель культуры, потеря всѣхъ успѣховъ, достигнутыхъ цивилизаціей, безъ которыхъ и самая жизнь не имѣетъ цѣны.

Смитъ, произнесшій послѣднія слова дрожащимъ голосомъ, всталъ, взялъ со стола маленькую трубку и закурилъ ее.

— Вотъ это такъ! — сказалъ Ральфъ: — выкурите ваше возбужденіе — а то можно подумать, что *вы*, а не я, провели безсонную ночь. Право, Смитъ, вы сегодня слишкомъ пессимистически настроены. Или все это у васъ накопилось за время пребыванія въ Германіи? Если такъ, то вы были правы, говоря, что вамъ лучше было остаться въ Америкѣ. Увидѣвъ здѣшнія дѣла, вы вспомнили свои прежнія мечты, и такъ какъ онѣ не вполнѣ осуществились, вы рѣшили, что все пропало. Это уничтожаетъ равновѣсіе вашего духа и губитъ логику. Говоря откровенно, дорогой другъ, я не могу признать логичнымъ, когда вы, считая общей чертой времени стремленіе народовъ къ прочному, могучему единству, вмѣстѣ съ тѣмъ горько упрекаете своихъ соотечественниковъ за то, что они также слѣдуютъ этому стремленію. Неужели они должны сидѣть спустя рукава, въ то время, когда другіе дѣйствуютъ? играть въ игрушки, когда кругомъ гре-

жить оружіе? Неужели Германія должна оставаться наковальней для другихъ народовъ, даже когда она чувствуетъ въ себѣ силу? Конечно, этого не можетъ желать ни одинъ благомыслящій человѣкъ, тѣмъ болѣе ни одинъ нѣмецъ. Развѣ я не правъ?

— Можетъ быть,—сказалъ Смитъ, задумчиво выпуская клубы дыма,—но я знаю одно: нѣмецкій идеализмъ есть соль земли. Если же соль потеряетъ свою силу, чѣмъ замѣнятъ соль? А я вижу, что онъ на вѣрной дорогѣ къ гибели. И вотъ что̀ я думаю, Ральфъ: вы, душа котораго слилась съ идеализмомъ нѣмецкой философіи и поэзіи и воспламенилась ихъ чистымъ, прекраснымъ пламенемъ, вы знаете нѣмцевъ въ Германіи всего двѣ недѣли и уже нашли этотъ идеализмъ. Разскажите мнѣ, какое впечатлѣніе произвелъ на васъ вчерашній вечеръ, и мы увидимъ, правъ ли я!

— Это не fair play, — возразилъ Ральфъ съ принужденной улыбкой,—два-три вечера, что̀ могутъ они дать? При томъ же люди, которые на нихъ собираются, не составляютъ народа.

— Во всякомъ случаѣ, часть его, и притомъ, по ихъ мнѣнію, не худшую,—сказалъ Смитъ.—Этимъ вы отъ меня не отдѣлаетесь.

Ральфъ откинулся на софу, закинулъ руки за голову и устремилъ глаза въ потолокъ.

— Ну,—сказалъ онъ,—если ужъ вы такъ хотите, извольте: вчерашнее общество произвело на меня такое же печальное впечатлѣніе, какъ и на прежнихъ вечерахъ, даже еще болѣе печальное, такъ какъ оно было самое многочисленное и блестящее изъ всѣхъ, которыя я видѣлъ. Я разговаривалъ со многими господами и дамами постарше и убѣдился, что они ничего, абсолютно ничего не слыхали о вашемъ „Іосифѣ". Особенно мнѣ памятенъ одинъ сѣдой генералъ; онъ былъ просто ужасенъ. Самое мягкое изъ его мнѣній было желаніе разстрѣлять вашихъ демократовъ ad unum omnes. Какой-то штатскій, должно быть важный сановникъ, судя по двумъ или тремъ важнымъ орденамъ, висѣвшимъ у него на шеѣ на большихъ пестрыхъ лентахъ, объявилъ, что главная причина если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, важнѣйшихъ золъ, отъ которыхъ страдаетъ наше время, коренится во всеобщемъ распространеніи грамотности. Какая-то пожилая дама—тоже очень почтенная—битыхъ четверть часа разсказывала мнѣ о „внутренней миссіи", къ которой я, какъ преданный библіи американецъ, долженъ чувствовать особенную симпатію. При этомъ, конечно, были настолько вѣжливы, что хвалили наши учрежденія, но только для Америки. Въ Германіи, въ Европѣ онѣ невозможны; да и намъ,

рано или поздно, когда измѣнятся наши соціальныя условія, придется сполна передѣлать наши порядки.

— Какъ знать, кто правъ?—пробормоталъ Смитъ.

— Повторяю,—продолжалъ Ральфъ,—всѣ эти вещи я слышалъ отъ пожилыхъ или старыхъ людей, но, можетъ быть, я только случайно наткнулся на такихъ особенно оригинальныхъ господъ. Въ разговорахъ молодежи я тоже замѣтилъ, однако, сильный отпечатокъ этого духа. Конечно, молодежь на балахъ не обязана блистать умомъ и знаніями; тѣмъ не менѣе меня поразило стараніе, съ которымъ вѣжливо, но ясно отклонялись мои попытки навести разговоръ на серьезную тему, даже за ужиномъ, когда больше времени для серьезныхъ разговоровъ. Боюсь, что меня приняли за педанта, когда я говорилъ, и за дурака, когда я молчалъ, потому что я при всемъ желаніи не могъ принять участія въ шуткахъ и остротахъ, которыя сыпались вокругъ меня. Такъ я принялъ за шутку слова одного юноши, утверждавшаго, что занятіе литературой—праздное времяпровожденіе, котораго не можетъ себѣ позволить старательный чиновникъ. Если я не ошибаюсь, эти мнѣнія были высказаны сыновьями хозяевъ.

— Однако,—сказалъ Смитъ,—вы еще недавно расхваливали этихъ молодыхъ людей: одного за его свѣжія силы, другого за высокій умъ и административныя способности.

— Я и теперь не откажусь отъ своего мнѣнія,—возразилъ Ральфъ,—и прибавлю, что оба молодые человѣка, въ особенности старшій, Гербертъ, съ своими дѣйствительно замѣчательными практическими способностями, трезвымъ умомъ и сознательнымъ отреченіемъ отъ идеально-поэтическаго взгляда на жизнь,—кажутся мнѣ истинными representative men значительной части современной нѣмецкой молодежи.

— Ну, а какъ вамъ показались остальные члены семейства? Вѣдь вы вчера въ первый разъ видѣли ихъ дома, въ роли хозяевъ.

Ральфъ засмѣялся своимъ тихимъ смѣхомъ.

— Это значитъ, Смитъ, что вы хотите загладить прежнее недружеское равнодушіе! Но я не доставлю вамъ новыхъ угрызеній совѣсти и сохраню про себя прекрасное воспоминаніе, оставшееся у меня отъ вчерашняго вечера.

— Какъ же могъ я знать,—проворчалъ Смитъ,—что это пріятное воспоминаніе относится къ кому-нибудь изъ членовъ семейства Илиціусъ, какъ я вижу теперь! Итакъ, дѣйствительно фрейлейнъ Ада?

Онъ всталъ, чтобы положить трубку на мѣсто, и не замѣтилъ выраженія грустной ироніи на лицѣ Ральфа, который отвѣчалъ:

— Разумѣется, фрейлейнъ Ада. Кто же еще? Она по истинѣ восхитительное созданіе—airy, fairy, какъ Теннисонова Лиліанъ. Какая бирюза сравняется съ ея глазами? есть ли что-нибудь бѣлѣе ея лица, бѣлокурѣе ея волосъ? какъ восхитительно она поднимаетъ и опускаетъ свои длинныя рѣсницы! какъ нѣжно звучитъ ея голосъ, который самъ по себѣ музыка, такъ что неудивительно, если онъ теряетъ въ собственно такъ-называемомъ пѣніи, въ которомъ выигрываютъ только обыкновенные голоса!

Смитъ все еще стоялъ, отвернувшись.

— Итакъ,— сказалъ онъ глухимъ голосомъ:—вы нашли, наконецъ, хоть у одной молодой нѣмецкой дѣвицы рѣшительное стремленіе къ идеаламъ, котораго, къ своему великому сожалѣнію, не замѣчали у нашихъ эмансипированныхъ американскихъ красавицъ, и безъ котораго, какъ вы сами часто увѣряли меня, вы ни за что бы не согласились соединиться съ женщиной вѣчными узами.

— У молодой нѣмецкой дѣвицы!—воскликнулъ Ральфъ.—Да, правда ваша, нашелъ,—и въ высочайшей, прекраснѣйшей степени. И я утверждаю, что этого довольно, чтобы вознаградить за всю прозу, въ которой ваши современные юноши и дѣвицы чувствуютъ себя какъ рыба въ водѣ. Никакое небо не можетъ быть такъ жестокосердо, чтобы ради одной этой праведницы, истиннаго воплощенія идеала, не пощадить народъ, хотя бы и вполнѣ забывшій Бога.

Говоря это, молодой человѣкъ оживился, даже одушевился. Потомъ, послѣ непродолжительнаго молчанія, онъ прибавилъ уже спокойнымъ тономъ:

— Итакъ, Смитъ, я удовлетворилъ вашему любопытству. Не правда ли?

— Совершенно, — сухо отвѣтилъ Смитъ.—И я желаю вамъ счастья.

— Аминь, — сказалъ Ральфъ, снова опускаясь на софу, на которой онъ приподнялся во время разговора.—И не правда ли, Смитъ, что если въ человѣческой жизни бываютъ минуты просвѣтлѣнія,—то бываютъ и такія, когда самый сильный умъ помрачается.

Смитъ вышелъ изъ разсѣянности, которая, казалось, все болѣе овладѣвала имъ въ теченіе этого разговора, но не успѣлъ ничего сказать, такъ какъ въ эту минуту дверь распахнулась и вошла Анна, уже вполнѣ одѣтая для прогулки.

— Извините, — сказала она, пожавъ руки обоимъ мужчинамъ, — я очень поздно встала и мнѣ ничего не сказали. Но, Ральфъ, что̀ это ты выдумалъ? Неужели съ тобой нельзя спо-

койно ѣздить на балъ? И во всемъ виновата я, такъ какъ я заставила тебя танцовать съ Адой!

— Не жалѣйте о немъ, Анна!—сказалъ Смитъ:—онъ самъ объявилъ, что безсонная ночь съ избыткомъ вознаграждается для него прекраснымъ воспоминаніемъ о вчерашнемъ вечерѣ.

— Право?—сказала Анна, съ живостью обращаясь къ брату.

— Дѣйствительно я это сказалъ, — съ улыбкой отвѣтилъ Ральфъ,—и остаюсь при своемъ мнѣніи, несмотря на твой инквизиторскій взглядъ.

— Я очень рада,—сказала Анна,—право, я очень рада.

Она схватила и крѣпко пожала обѣ руки Ральфа, продолжая говорить съ одушевленіемъ:

— Итакъ, тебѣ будетъ вдвойнѣ пріятно узнать, что я хочу теперь отправиться на прогулку вмѣстѣ съ этой милой дѣвушкой, а потомъ приведу ее къ намъ. Она останется у насъ цѣлый день. Ты можешь поговорить съ нею, какъ вчера, когда мы танцовали. Это поможетъ тебѣ гораздо больше, чѣмъ твое глупое лекарство.

— Къ тому же голубые глаза и бѣлокурыя кудри! — проворчалъ Смитъ.

— Что вы говорите!—воскликнула Анна, быстро поворачиваясь къ нему:—глаза у нея сѣрые, а волосы прекраснаго каштановаго цвѣта.

— Значитъ, нашъ милый Ральфъ, увлеченный пѣніемъ сирены, не разсмотрѣлъ ея глазъ.

— Вовсе нѣтъ,—возразилъ Ральфъ:—вопреки вашей дружеской ироніи, я вполнѣ сохранилъ всѣ свои пять чувствъ.

Взоры Анны переходили съ одного собесѣдника на другого.

— Да о комъ вы говорите?—спросила она, наконецъ.

— Разумѣется, о фрейлейнъ Адѣ Илиціусъ,— сердито отвѣчалъ Смитъ.—Голубые глаза и бѣлокурыя кудри—только ничтожный отрывокъ хвалебнаго гимна, пропѣтаго въ честь ея Ральфомъ.

Брови Анны нахмурились.

— Правда это, Ральфъ?

— Ты слышишь,—отвѣчалъ Ральфъ, еще глубже пряча голову въ подушки.

— Ну, такъ прощай!—воскликнула Анна.

Она вскочила со стула и направилась къ дверямъ.

— Уже?—спросилъ Ральфъ, не измѣняя своего положенія.

Она повернулась къ нему.

— Да!—воскликнула она:—и жалѣю, что тратила время съ такими людьми... Нѣтъ, къ вамъ это не относится, Смитъ. Вы

тутъ не при чемъ; вы только передали то, что̀ вамъ сказалъ этотъ господинъ. Онъ сохранилъ всѣ свои пять чувствъ, хвастунъ! Онъ былъ и слѣпъ, и глухъ, какъ чистый идіотъ, каковъ онъ и есть. Нечего прятаться въ подушки! Даму, о которой онъ мечтаетъ, я не пригласила; а той, которую пригласила, онъ не стоитъ. Я буду съ ней одна, и сегодня, и завтра, и всегда.

Ея блѣдныя щеки раскраснѣлись, и она быстро вышла изъ комнаты.

Ральфъ все еще лежалъ неподвижно; Смитъ ходилъ взадъ и впередъ, заложивъ руки за спину и опустивъ голову, то замедляя, то ускоряя шаги. Нѣкоторое время они молчали, потомъ Ральфъ спросилъ тихимъ, едва слышнымъ голосомъ:

— Вы понимаете это, Смитъ?

— И да, и нѣтъ,—глухо отвѣчалъ тотъ.

— То-есть?

— Вы и ваша сестра очевидно говорили о двухъ различныхъ дамахъ, хотя я не совсѣмъ понимаю, какъ могло произойти такое qui pro quo,—вообще вы довольно хорошо понимаете другъ друга.

— Однако, произошло,—прошепталъ Ральфъ.

Снова водворилось молчаніе. Потомъ Ральфъ опять заговорилъ:

— Она назвала меня идіотомъ,—но скажите, Смитъ, не было ли бы глупѣйшею изъ глупостей съ моей стороны желать посвятить какой-нибудь дѣвушкѣ, бѣлокурой или темноволосой, сердце, которое и теперь бьется съ такимъ боязливымъ предчувствіемъ?

— Не знаю,—пробормоталъ Смитъ.

— Право?—сказалъ Ральфъ съ грустной улыбкой.—Ну, такъ позвольте мнѣ вамъ сказать, Смитъ, что на нашей плоской землѣ есть люди, которые должны жить мечтами такъ же, какъ другіе живутъ дѣйствительностью. Почему это? Я думаю, потому, что безъ этихъ мечтателей не было бы вовсе людей, а только звѣри высшаго порядка, превосходящіе другихъ хитростью, лукавствомъ и жестокостью. Можетъ быть, я и не правъ. Во всякомъ случаѣ, я знаю, что эти люди, которые, благодаря своей способности жить въ мечтахъ, возвышаются надъ обыкновеннымъ уровнемъ, неспособны къ обыкновенному счастью, назначенному для остальныхъ—natura naturata,—но знаютъ другое, невѣдомое для послѣднихъ, счастье. И ужъ, во всякомъ случаѣ, я увѣренъ, что я и вы, мой старый, дорогой, единственный другъ, мы принадлежимъ къ числу этихъ счастливыхъ несчастливцевъ.

Онъ не слышалъ отвѣта. Старый другъ молча опустился на стулъ и поникъ головою.

III.

Вскорѣ послѣ того, какъ Смитъ вышелъ изъ кабинета мистера Куртиса, Гартмутъ Зелькъ вернулся, исполнивъ возложенное на него порученіе, и, войдя въ кабинетъ, засталъ своего принципала готовымъ къ выходу.

— Дайте сюда!—сказалъ господинъ Куртисъ.

Гартмутъ подалъ ему небольшой конвертъ съ банкнотами, которыя господинъ Куртисъ бережно пересчиталъ, потомъ снова положилъ въ конвертъ и спряталъ въ несгараемый шкафъ. Онъ прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину и не снимая съ головы шляпу, до которой и не дотронулся при входѣ секретаря; потомъ остановился передъ Гартмутомъ, раскладывавшимъ свои письменныя принадлежности на особенномъ столѣ у окна, и сказалъ:

— Вы на дняхъ сообщили мнѣ не особенно точныя свѣденія объ Илиціусахъ.

— Какъ такъ?—сказалъ Гартмутъ, взглянувъ на него съ какимъ-то смущеніемъ, вообще вовсе несвойственнымъ ему.—Значитъ, я не зналъ...

— Ну, да,—перебилъ господинъ Куртисъ.—Вы считали ихъ капиталъ въ милліонъ.

— Другіе считали его прежде еще больше,—возразилъ Гартмутъ, смущеніе котораго такъ же быстро исчезло, какъ появилось.

— Прежде!—воскликнулъ господинъ Куртисъ.—Какое мнѣ дѣло до этого прежде? Вся суть въ настоящемъ. А теперь я слышалъ, что у нихъ нѣтъ и половины.

— Кто это говоритъ?—спокойно спросилъ Гартмутъ.

— Это до васъ не касается. Впрочемъ, если хотите знать,—нашъ посолъ. Вообще говоря, онъ у насъ совершенный невѣжда въ дѣловомъ отношеніи. Но объ этомъ онъ знаетъ случайно отъ людей, которые постоянно бываютъ у Илиціусовъ и должны хорошо знать ихъ обстоятельства.

— Это еще вопросъ,—возразилъ Гартмутъ, кладя перо и вставая, такъ какъ принципалъ все еще стоялъ передъ его столомъ.—Я согласенъ, что господинъ гехеймратъ потерпѣлъ потерю. Но рѣшительно отрицаю, чтобы она была такъ велика. Мнѣ даже, кажется, извѣстно, какъ произошла эта потеря.

— Онъ сдѣлалъ неудачную спекуляцію?

— Такъ это и говорятъ; разумѣется, не на биржѣ. Конечно, дѣла пойдутъ плохо, если онъ не запретитъ своему зятю его занятіе.

— Какое занятіе?

— Дѣлать долги.

— Да, вотъ что̀.

— Конечно! баронъ Эгонъ фонъ-Шарфекъ мастеръ дѣлать долги и уже успѣлъ облегчить кошелекъ своего тестя тысячъ на сто,—скажемъ даже—двѣсти тысячъ талеровъ. Дальше этого я бы не желалъ идти. И то выходитъ какъ разъ та часть состоянія, на которую при позднѣйшемъ раздѣлѣ можетъ претендовать каждый изъ пятерыхъ дѣтей,—считая въ томъ числѣ графиню Марію фонъ-Альденъ, дочь фрау Илиціусъ отъ перваго мужа. Кажется, ей придется уплатить всѣ военныя издержки.

— Вы мастеръ говорить,—сказалъ Куртисъ:—но лучше бы вы говорили менѣе фигурально.

— Какъ такъ?!—сказалъ Гартмутъ:—это странно; мнѣ казалось, что я успѣшно преодолѣлъ эту нѣмецкую глупость, вмѣстѣ съ другими глупостями. Но, видно, никто не можетъ переродиться.

Мистеръ Куртисъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ прекратить разговоръ и уйти. Но вмѣсто того снова принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Гартмутъ, облокотившись на письменный столъ, слѣдилъ за принципаломъ умными, проницательными глазами, ожидая, что̀ будетъ дальше.

Ему пришлось не долго ждать. Черезъ нѣсколько минутъ мистеръ Куртисъ остановился, на этотъ разъ у другого окна, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Гартмута, и сказалъ, устремивъ взглядъ въ окно на голубое небо:

— Дѣло вотъ въ чемъ: мои вікита-коктавскія акціи не имѣли на биржѣ такого успѣха, какого я ждалъ. Кажется, нашъ глупый посланникъ напугалъ тѣхъ, кто обращался къ нему за справками, хотя онъ знаетъ и долженъ знать еще изъ Калифорніи, что я не такой человѣкъ, чтобы не довести до конца разъ начатое дѣло. Вотъ я и подумалъ, что если биржа отказывается, такъ можно воспользоваться частными нѣмецкими капиталами—пусть ихъ приносятъ барышъ, чѣмъ лежать праздно,—и этотъ Илиціусъ показался мнѣ человѣкомъ, съ которымъ можно начать дѣло. Онъ уважаемый человѣкъ въ министерствѣ, гдѣ должны понимать этого рода дѣла. Разъ онъ рѣшится, пойдутъ и другіе.

— Очень хорошая спекуляція, какъ мнѣ кажется,—сухо сказалъ Гартмутъ.

— Очень радъ, что вы это находите,—сказалъ американецъ, поворачиваясь къ нему.—Вы знаете, въ какомъ положеніи дѣла. И то, что̀ вы мнѣ сейчасъ сказали объ обстоятельствахъ госпо-

дина Илиціуса, кажется мнѣ вполнѣ разумнымъ. Я думаю, что если ему объяснить, въ чемъ дѣло, онъ не заставитъ себя долго просить. Вы раньше часто бывали въ ихъ домѣ?

— Да.

— Нельзя ли возобновить это знакомство?

— Трудно.

— Почему?

— Во-первыхъ, вы не желаете, чтобы я бывалъ на вашихъ вечерахъ. Уже по этому одному я не могу разсчитывать, чтобы и другіе люди...

— Вы чудакъ! Ну, приходите на первый же мой вечеръ, и баста!

— Очень вамъ благодаренъ. Не премину воспользоваться этимъ приглашеніемъ, но долженъ замѣтить, что есть еще одно обстоятельство, которое не позволяетъ мнѣ бывать у господина гехеймрата.

— Что̀ такое?

— Пока я не могу вамъ сказать; но прошу вѣрить, что причины, заставляющія меня молчать, столь же деликатны, сколько и важны.

— А мое посредничество тутъ не можетъ помочь?

— Думаю, что нѣтъ; развѣ если вы при случаѣ упомянете, что не я захотѣлъ возобновить сношенія съ семействомъ гехеймрата и даже не заводилъ объ этомъ рѣчи.

— Хорошо!—сказалъ американецъ.

Съ минуту онъ постоялъ въ задумчивости, потомъ надвинулъ шляпу дальше на затылокъ и вышелъ изъ комнаты.

Гартмутъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ, насмѣшливо улыбаясь.

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло,—сказалъ онъ вполголоса.—Я думалъ, что тутъ хотятъ просто сосватать молодыхъ людей, но, какъ видно, одно другому не мѣшаетъ, и эти акціи послужатъ приманкой, на которую онъ изловитъ остальныхъ: тонкій—теперь насъ никто не слышитъ, такъ скажемъ прямо—плутъ!

Вотъ какое мнѣніе составилъ Гартмутъ Зелькъ о Джемсѣ Куртисѣ, пробывъ недѣлю его секретаремъ. Не то чтобы онъ могъ уличить его въ настоящемъ плутовствѣ—для этого Гартмутъ еще слишкомъ мало понималъ въ дѣлахъ, въ которыя Куртисъ посвящалъ его постепенно и съ очевидною осторожностью. Но какъ ни малы были его юридическія и въ особенности коммерческія свѣдѣнія, однако острый разсудокъ подсказывалъ ему, что тутъ что-то неладно и что честныя дѣла такъ не дѣлаются. Притомъ же онъ достаточно изучилъ этого человѣка въ тѣ долгіе

часы, когда они оставались наединѣ; изучилъ его манеры, походку; его блѣдную улыбку, напоминавшую мерцаніе луны надъ полемъ, усѣяннымъ трупами; легкій свистъ въ минуты удовольствія, напоминавшій шипѣніе змѣи; движеніе густыхъ бровей и тусклыхъ блескъ его стальныхъ глазъ, когда случалось что-нибудь непріятное.

... — „И этотъ человѣкъ не мошенникъ? Какъ бы не такъ! Иностранный отпечатокъ—только маска, сквозь которую физіономистъ можетъ читать, какъ сквозь стекло! Всѣ мошенники похожи другъ на друга, какъ двѣ капли воды".

Размышляя такимъ образомъ, Гартмутъ подошелъ къ большому зеркалу въ простѣнкѣ и внимательно разсматривалъ свое лицо. Новая черная пара сидѣла превосходно; ослѣпительной бѣлизны бѣлье было изъ тончайшаго полотна; съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ ежедневно завиваться, онъ помолодѣлъ на пять лѣтъ.

— Гм! — пробормоталъ онъ: — я всегда придавалъ себѣ слишкомъ мало значенія. Какъ я самъ себѣ теперь представляюсь, я совсѣмъ не дуренъ собой и ужъ вовсе не мошенникъ. Мнѣ просто необходимъ милліонъ, и я не знаю, откуда взять денегъ на необходимые расходы. Вотъ и теперь: если я буду посѣщать высшее общество, это обойдется чертовски дорого. Но дѣлать нечего; зато тутъ можно выиграть много, очень много.

Съ самаго вступленія въ этотъ домъ, эта надежда рисовалась передъ нимъ въ неясныхъ, туманныхъ образахъ, то забавляя его своею странностью, то раздражая неясностью; но какъ бы то ни было, она постоянно привлекала его и стоила ему многихъ безсонныхъ часовъ. Въ сущности ему ясно было одно: онъ хотѣлъ разбогатѣть, сильно разбогатѣть при помощи американца. Какимъ образомъ?—этого онъ не могъ себѣ ясно представить. Но теперь ему казалось, что и этотъ вопросъ уясняется: плутъ нуждался въ сообщникѣ! Желаніе его, чтобы секретарь возобновилъ свои сношенія съ домомъ Илиціусовъ, есть не что иное, какъ сознаніе въ этомъ. Обѣщаніе помочь этому послѣднему въ сущности только тайное приглашеніе къ сообщничеству. Какъ благоразумно было съ его стороны, что при первомъ разговорѣ онъ не поддался желанію разыграть изъ себя сына знатнаго человѣка! Теперь папа не можетъ упрекнуть его въ томъ, что онъ не сдержалъ даннаго слова. Онъ сдержалъ его въ точности, былъ—сама скромность. Онъ теперь можетъ быть доволенъ собою; да и имъ будутъ довольны, поймутъ, что не оцѣнили его по достоинству и напрасно предали проклятію; что онъ умѣетъ молчать и что на него можно положиться.

Лицо его разгорѣлось, пока онъ, размышляя объ этихъ планахъ, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, какъ незадолго передъ тѣмъ его принципалъ. Теперь дѣло пойдетъ! Планы, конечно, еще не опредѣлились; но они опредѣлятся навѣрное. Теперь онъ уже не сомнѣвался въ этомъ. Одно было ясно: онъ долженъ сдѣлаться полезнымъ, очень полезнымъ, даже просто необходимымъ для американца, хотя бы въ ущербъ отцу. Да и какое ему дѣло до него, разъ тотъ не обращалъ на него вниманія? Онъ долженъ отомстить за страданія несчастной матери, за свое собственное печальное существованіе. Ужъ не долженъ ли онъ заботиться о своихъ сводныхъ сестрахъ, о господахъ братьяхъ, высокомѣрныхъ ничтожествахъ, которые, встрѣться онъ имъ на улицѣ, даже не замѣтятъ его? Или о Стефаніи, которая еще двѣнадцатилѣтней дѣвчонкой заводила любовныя интриги, а теперь, если вѣрить молвѣ—а почему бы ей не вѣрить?—продолжала это занятіе съ утонченностью и изысканностью свѣтской дамы. Или объ Адѣ, у которой по глазамъ видно, что она готова протянуть свою маленькую ручку всякому, кто дастъ надлежащую цѣну? Даже Марія Альденъ, къ которой онъ чувствовалъ нѣкоторое уваженіе, потеряла право на пощаду своимъ недавнимъ уклончивымъ поведеніемъ. Да Марія Альденъ вовсе и не сестра ему, вовсе не касается его, хотя въ эти дни онъ часто думалъ о ней и—странно—всегда при встрѣчѣ съ мистеромъ Смитомъ. Должно быть, между ними было сходство въ глазахъ, во взглядѣ, который, казалось, всегда устремлялся куда-то вдаль. Идеалисты—гм! глупые мечтатели, которые не видятъ, что̀ у нихъ подъ ногами, и спотыкаются о каждый камень. Стоитъ ли дѣлать попытку сблизиться съ этимъ несноснымъ старымъ педантомъ и его ученикомъ, восторженнымъ профессоромъ?! Богъ его знаетъ, какъ этотъ Смитъ попалъ въ семью Куртисовъ. Дочка мнѣ больше нравится, несмотря на свои проклятые черные глаза, которыми она навѣрно надѣлала много бѣдъ на родинѣ, да и здѣсь надѣлаетъ. Красивая особа—только не въ моемъ вкусѣ. Я думаю, что могъ бы объѣхать съ ней весь земной шаръ и остаться равнодушнымъ, а въ Марію пожалуй влюбился бы на первой станціи, хотя она и начинаетъ превращаться въ старую дѣву или уже превратилась. Но крайности всегда сходятся, изъ чего слѣдуетъ, что фрейлейнъ Куртисъ и мое ничтожество...

Онъ подошелъ къ окну. У подъѣзда стоялъ элегантный экипажъ, который Куртисы нанимали, такъ какъ еще не успѣли завести собственный. Повидимому, дамы собирались на прогулку: экипажъ стоялъ дышломъ къ Тиргартену. Былъ уже часъ, занятія

Гартмута кончились, но ему хотѣлось подождать, пока прекрасная миссъ сядетъ въ экипажъ.

Слабый шорохъ заставилъ его быстро обернуться; къ удивленію, онъ увидѣлъ передъ собою ту, которую думалъ увидѣть на улицѣ. Неожиданное появленіе молодой дѣвушки—она еще ни разу не входила въ кабинетъ отца, съ тѣхъ поръ какъ Гартмутъ поступилъ къ нему на службу—на минуту ошеломило его. Однако онъ тотчасъ оправился и отвѣсилъ поклонъ, на который она отвѣчала легкимъ кивкомъ.

— Мистеръ Куртисъ?..

Вопросъ былъ довольно лакониченъ и, главное, предложенъ далеко не любезнымъ тономъ. Однако Гартмутъ не смутился и отвѣчалъ какъ можно вѣжливѣе:

— Мистеръ Куртисъ вышелъ четверть часа тому назадъ; я думаю, онъ въ городѣ. Если миссъ Куртисъ угодно поручить мнѣ что-нибудь передать ему, я охотно подожду его возвращенія.

— Не нужно; до тѣхъ поръ я сама успѣю вернуться.

Гартмутъ вторично поклонился, думая, что этимъ дѣло и кончится. Къ удивленію его, миссъ Куртисъ, повидимому, вовсе не собиралась уходить.

„Любопытно знать, что̀ ей нужно?—подумалъ Гартмутъ.—Судя по лицу, что-нибудь не особенно пріятное“.

Въ самомъ дѣлѣ, выраженіе лица молодой миссъ было вовсе не дружелюбное. Между рѣзко очерченныхъ бровей выступила морщинка; черные глаза пристально смотрѣли впередъ изъ-подъ слегка опущенныхъ рѣсницъ; даже около рта появилась рѣзкая черта, не гармонировавшая съ пышными розовыми губками. Тѣмъ не менѣе Гартмутъ не подозрѣвалъ, что онъ представляетъ предметъ очевиднаго неудовольствія молодой особы, и былъ какъ громомъ пораженъ, услыхавъ послѣ непродолжительнаго молчанія слѣдующій вопросъ:

— Вы долго намѣрены оставаться въ этомъ домѣ?

— Очень сожалѣю,—отвѣтилъ Гартмутъ, призвавъ на помощь все свое хладнокровіе,—что не могу дать отвѣта на вопросъ, котораго не понимаю.

— Такъ я выражусь яснѣе. Ваше присутствіе въ этомъ домѣ непріятно, тяжело, стѣснительно, досадно—выбирайте какое угодно выраженіе—для нѣкоторыхъ лицъ, я хочу сказать, для нѣкоторыхъ членовъ семьи.

— Я не сомнѣваюсь, что вы, миссъ, принадлежите къ числу лицъ, на которыхъ мое присутствіе производитъ такое нелестное для меня впечатлѣніе. Но, можетъ быть, съ моей сто-

роны не будетъ нескромнымъ желаніе узнать, кто же остальные?

— Я думаю—довольно съ васъ, если я подтверждаю ваше первое предположеніе.

— Не совсѣмъ. Хотя я и рискую навлечь на себя ваше неудовольствіе, но долженъ сознаться, что придаю очень мало значенія симпатіямъ и антипатіямъ молодыхъ дамъ. Онѣ капризны, какъ апрѣльскій вѣтеръ, и мѣняются въ одно мгновеніе ока. Если не ошибаюсь, съ вашихъ устъ соскользнуло слово: impudence, то-есть—безстыдство; мнѣ прискорбно это слышать, и я очень сожалѣю, что жизненный опытъ заставилъ меня придти къ такому воззрѣнію на вашъ полъ, но измѣнить его не могу. Впрочемъ я не стану васъ затруднять; я и безъ того знаю, кто въ этомъ домѣ почтилъ меня своей враждой; это вашъ братъ и мистеръ Смитъ.

— Именно.

— Итакъ, васъ трое, но, сколько мнѣ извѣстно, меня не нанимали ни вы, миссъ, ни господинъ профессоръ, ни мистеръ Смитъ. Меня нанялъ вашъ отецъ. И мнѣ кажется, онъ одинъ имѣетъ право отказать мнѣ отъ мѣста, на которое онъ одинъ меня нанималъ. До сихъ поръ онъ ничѣмъ не обнаружилъ желанія отказать мнѣ; напротивъ, мнѣ кажется, что я съ каждымъ днемъ выигрываю въ его мнѣніи. Впрочемъ я считаю весьма возможнымъ, что теперь онъ мнѣ откажетъ ради семейнаго мира. Но развѣ вы не думаете, миссъ, что было бы — не скажу приличнѣе, а логичнѣе, еслибы вы, вмѣсто того, чтобы почтить меня этимъ разговоромъ, обратились къ вашему отцу, отъ котораго я и узналъ бы, что онъ не хозяинъ въ своемъ домѣ?

Гартмутъ, сердце котораго кипѣло отъ злости, несмотря на наружное спокойствіе, считалъ свое дѣло потеряннымъ и не хотѣлъ удерживаться отъ насмѣшки. Но, къ величайшему его удивленію, молодая миссъ, лицо которой то краснѣло, то блѣднѣло въ теченіе этой рѣчи, вдругъ протянула ему руку и сказала дрожащимъ голосомъ:

— Вы правы. Извините меня.

— Этого вовсе не нужно,—возразилъ Гартмутъ.—Въ сущности, ваша откровенность меня даже радуетъ. Въ ней столько пылкости! Итакъ, прощайте; мы видимся въ послѣдній разъ!

Только теперь онъ дотронулся до протянутой ему ручки. Но удивленіе его еще болѣе возросло, когда она удержала его руку, которую онъ хотѣлъ отнять.

— Нѣтъ, не въ послѣдній. Вы останетесь. Я такъ хочу.

Эти слова были сказаны тихо и вмѣстѣ поспѣшно. Гартмутъ не

успѣлъ отвѣтить. Она крѣпко пожала ему руку и въ ту же минуту вышла изъ комнаты.

Онъ не тронулся съ мѣста; только грохотъ экипажа вывелъ его изъ задумчивости. Онъ быстро подошелъ къ зеркалу.

— Такъ, — сказалъ онъ своему двойнику. — Теперь ты знаешь, что̀ дѣлать.

IV.

Въ тотъ же день въ домѣ Илиціусовъ вся семья собралась на поздній завтракъ, такъ какъ Стефанія собиралась уѣзжать черезъ часъ. Несмотря на обильные остатки вчерашняго ужина и рвеніе, съ которымъ господа принялись за вино, всѣ чувствовали какое-то стѣсненіе. Необычайная вѣжливость, съ которой всѣ относились другъ къ другу, скорѣе напоминала, чѣмъ изглаживала вчерашнюю ссору. Регинальдъ, который въ подобныхъ случаяхъ поддерживалъ разговоръ, становился тѣмъ молчаливѣе, чѣмъ быстрѣе опорожнивалъ стаканы, причемъ иногда украдкой взглядывалъ на Стефанію, не поднимавшую съ тарелки своихъ покраснѣвшихъ глазъ. Ада объявила, что у нея ужасная мигрень. Отцу нельзя было поставить въ упрекъ его молчаливость: сегодня у него было важное дѣло въ рейхстагѣ. Мать не хотѣла мѣшать его размышленіямъ. Разговорчивѣе всѣхъ былъ Гербертъ; но такъ какъ онъ говорилъ исключительно о политикѣ—объ отношеніяхъ министерства къ возрастающему безумію демократовъ, которыхъ пора, наконецъ, обуздать,—то невниманіе остальныхъ было простительно. Первый ушелъ на службу Регинальдъ, обнявъ на прощанье сестру, а потомъ гехеймратъ, поцѣловавъ Стефанію въ лобъ. Гербертъ, который между тѣмъ спокойно доканчивалъ свою бутылку, тоже всталъ и, пожелавъ сестрѣ счастливаго пути, вышелъ вмѣстѣ съ Адой. Марія послѣдовала за ними, оставивъ Стефанію наединѣ съ матерью. Вернувшись черезъ полчаса сообщить, что вещи уложены въ карету и лошади не стоятъ спокойно, она застала обѣихъ въ жаркомъ разговорѣ,—мать съ совершенно разстроеннымъ лицомъ, которому она тщетно старалась придать спокойное выраженіе при входѣ Маріи, Стефанію—съ заплаканными глазами. Марія помогла сестрѣ собраться, и та горячо обняла ее, слишкомъ горячо для такой незначительной услуги. Прощаніе ея съ матерью имѣло почти трагическій характеръ, такъ же, какъ и та манера, съ которою она откинулась въ уголъ коляски съ поднятымъ, несмотря на прекрасную погоду, фордекомъ. Лошади тронулись. Стефанія махнула платкомъ, кото-

рый потомъ прижала къ глазамъ, какъ развѣнчанная королева, отправляющаяся въ изгнаніе.

Марія хотѣла уже уйти, но мать удержала ее, сказавши жалобнымъ тономъ:

— Можешь ты удѣлить мнѣ минутки двѣ?

И когда они прошли черезъ столовую въ будуаръ, прибавила:—Садись, дитя мое.

Марія сѣла, чувствуя крайнее смущеніе отъ этой неожиданной нѣжности.

— Ты будешь сегодня у Анны Куртисъ?

— Да, она заѣдетъ за мной черезъ полчаса.

— Ты уже одѣта?

— Да, я не буду перемѣнять платья.

— Какъ всегда, оно очень удачно выбрано,—сказала мать, окидывая разсѣяннымъ взглядомъ простой нарядъ Маріи.—Да, такъ о чемъ я хотѣла поговорить съ тобой...

Она сѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ у окна за столикомъ, на которомъ стояла ея рабочая корзинка. Отыскивая въ ней что-то, чтò, повидимому, не попадалось подъ руку, она продолжала говорить отрывочными фразами, какъ будто не могла вспомнить, о чемъ ей нужно было поговорить.

— Очень рада, что фрейлейнъ Куртисъ дѣлаетъ тебѣ такіе авансы. Надо думать, что тутъ играетъ нѣкоторую роль эгоизмъ. Вчера она вовсе не скрывала, что хочетъ воспользоваться твоимъ знаніемъ магазиновъ и прочаго. Впрочемъ это ничего не значитъ. Такъ можно еще лучше сблизиться. Кромѣ того, ты одна въ нашемъ семействѣ еще не подружилась съ Куртисами. Это очень милые люди. Я просто отдыхаю съ ними, а отдыхъ мнѣ дѣйствительно необходимъ.

Между тѣмъ она нашла то, чтò искала, и закрыла корзинку. Марія чувствовала, что это только введеніе, и теперь мать перейдетъ къ дѣлу. Въ самомъ дѣлѣ, она въ первый разъ въ теченіе всего разговора взглянула на дочь и продолжала въ оживленномъ тонѣ:

— Я очень страдаю, милая Мари, и чувствую потребность открыть тебѣ свое горе. Ты счастлива, что не вошла къ намъ вчера вечеромъ. У насъ произошла, въ самомъ дѣлѣ, безобразная сцена, и я съ ужасомъ думаю, что кто-нибудь изъ людей могъ подслушать. Началось съ пустяковъ. Гербертъ послѣ ужина приказалъ подать шампанскаго, а я, среди очень мирнаго разговора, неосторожно замѣтила, что это новость, которая мнѣ вовсе не по вкусу. Этого невиннаго замѣчанія было довольно для Гер-

берта, чтобы наговорить мнѣ такихъ вещей, что я не могу и вспомнить о нихъ равнодушно. И я увѣрена, что онъ заранѣе ихъ подготовилъ и только дожидался удобной минуты, чтобы оскорбить свою бѣдную мать. Чего только я не наслушалась, въ чемъ только онъ меня не упрекалъ: и въ моей бережливости, которая, по его словамъ, верхъ расточительности, и въ щедрости въ денежныхъ дѣлахъ, которую онъ называлъ безразсуднымъ швыряніемъ денегъ, и...

Фрау Илиціусъ не могла продолжать; она поднесла къ глазамъ платокъ и горько всхлипывала.

Марія чувствовала крайнее смущеніе. Эти упреки Герберта, при всей ихъ грубости, не были несправедливы. Она знала это лучше всякаго другого, такъ какъ уже десять лѣтъ вела приходо-расходныя книги, въ которыхъ расходы никогда не согласовались съ бюджетными смѣтами, и часто обливалась жгучими слезами стыда, когда приходилось расплачиваться по счетамъ, а денегъ не было.

Между тѣмъ мать ея настолько успокоилась, что могла продолжать, разсматривая вензель на платкѣ, украшенный баронскою короной.

— Разумѣется, Мари, мои милые Регинальдъ и Стефанія приняли мою сторону тѣмъ горячѣе, что отецъ, вмѣсто того, чтобы вступиться за меня, какъ бы онъ долженъ былъ сдѣлать, принялъ сторону Герберта; а Ада, хотя не смѣла вмѣшаться въ споръ, очевидно тоже была на сторонѣ старшаго брата. Но ихъ заступничество не помогло; напротивъ, тутъ заспорили братья — это было ужасно! Онъ, т.-е. Гербертъ, положительно ведетъ счетъ всѣмъ суммамъ, которыя я иногда выдаю дѣтямъ; оказалось, что онъ знаетъ даже о тѣхъ десяти тысячахъ марокъ, которыя я вчера съ величайшимъ трудомъ собрала для Стефаніи! Какъ онъ могъ узнать объ этомъ—для меня просто загадка. Остается предположить, что Паулина подслушала и сообщила ему. Стефанія то же думаетъ, и я бы сегодня же отказала этой скверной дѣвчонкѣ, но съ этими тварями по-неволѣ будешь осторожной. Она бѣгаетъ по всему городу и разсказываетъ; навѣрное, вретъ на нашъ счетъ Богъ знаетъ что̀, а именно теперь для меня было бы гибельно...

Фрау Илиціусъ хотѣла-было опять взяться за рабочую корзинку, но сообразила, что корзинка уже отслужила свою службу. Тогда она схватила букетъ полузавядшихъ фіалокъ, стоявшій еще со вчерашняго вечера въ венеціанской вазѣ, понюхала его и сказала:

— Но объ этомъ послѣ. Сначала я должна тебѣ сообщить, въ какомъ ужасномъ положеніи очутилась наша бѣдная Стефанія вслѣдствіе непростительной слабости отца, который оставилъ меня на произволъ судьбы. Ахъ, Мари, тебѣ одной я могу сказать, потому что ты одна можешь мнѣ сочувствовать, какъ ясно я увидѣла сегодня, что̀ я потеряла въ лицѣ моего перваго мужа, твоего отца. Онъ никогда бы не соединился съ дѣтьми противъ своей жены; никогда бы не потерпѣлъ, чтобъ его дѣти, въ его присутствіи, клеймили какъ преступленіе маленькія слабости, которыя и я могу имѣть, какъ всякій другой. О, Боже мой, зачѣмъ насъ постигло это ужасное несчастіе—смерть твоего отца!

Теперь снова появился на сцену платокъ. Марія сидѣла, не шевелясь. Что̀ все это значило? Ни разу, съ тѣхъ поръ, какъ Марія себя помнила, ея мать не упоминала о покойномъ отцѣ, не говоря уже о томъ, чтобы сокрушаться и плакать по немъ. И что̀ дѣлать дочери, поставленной почти въ положеніе горничной, при этихъ изліяніяхъ материнскаго раскаянія? Да и точно ли это искреннее раскаяніе, а не лицемѣрное выраженіе скорби, которую ей причиняла мысль о томъ, что неправо нажитое добро не пошло въ прокъ, что она рискуетъ потерять господство, пріобрѣтенное низкимъ вѣроломствомъ? И ей приходится быть свидѣтельницей этой позорной скорби,—ей, которую безсовѣстно лишили всего наслѣдства, молодости, всѣхъ радостей и утѣхъ жизни!

Носовой платокъ вторично сослужилъ свою службу. Фрау Илиціусъ положила его, скрестила руки на груди и сказала съ выраженіемъ покорности судьбѣ:

— Но чему быть, того не миновать, и я должна терпѣть послѣдствія своихъ поступковъ, которые, Богъ свидѣтель, были сдѣланы съ наилучшимъ намѣреніемъ и отъ которыхъ прежде всѣхъ и горьче всѣхъ пострадаетъ моя бѣдная Стефанія. Случилось то, чего я боялась еще вчера вечеромъ: отвратительная сцена имѣла сегодня передъ завтракомъ еще болѣе отвратительное продолженіе, которое мнѣ вполнѣ открыло заговоръ между Гербертомъ и отцомъ. Еще въ девять часовъ Гербертъ попросилъ меня, скорѣе — приказалъ мнѣ придти поговорить; къ разговору присоединился отецъ съ какой-то толстой книгой—„гроссбухъ“,—кажется, онъ такъ называлъ, — которой я никогда не видывала; а Гербертъ—съ разными записками, счетами, Богъ знаетъ съ чѣмъ. Гербертъ опять началъ говорить. Эгонъ долженъ оставить Нейзицъ. Они не хотятъ его оставить тамъ даже до тѣхъ поръ, пока найдется покупщикъ. Онъ съ женою и дѣтьми немедленно долженъ переселиться въ Берлинъ, къ намъ,—подумай только, къ

намъ, которые сами тѣснимся, какъ сельди въ боченкѣ! Что изъ этого выйдетъ, я не знаю—я умываю руки.

Фрау Илиціусъ сдѣлала означенное движеніе своими бѣлыми руками и взглянула на Марію. Ее удивило, что Марія ничего не отвѣчала на всѣ ея рѣчи. Тогда она спросила ласковымъ тономъ:

— Ну, Мари, что ты объ этомъ думаешь?

— Придется это устроить,—отвѣчала Марія.—Можетъ быть, Регинальдъ...

— Я только-что хотѣла это сказать! — воскликнула фрау Илиціусъ.—У насъ онъ не пользуется свободой, которую долженъ же, наконецъ, имѣть молодой офицеръ; и это будетъ продолжаться, пока — ну, пока онъ не женится. Вотъ мы и добрались до второго вопроса, о которомъ я хотѣла поговорить съ тобой. Видишь ли, Мари, я всегда хотѣла, — а если наше состояніе дѣйствительно пошатнется, такъ это становится просто необходимымъ,—какъ можно скорѣе женить Регинальда на богатой невѣстѣ. Но ты знаешь, что въ нашемъ кругу не много найдется богатыхъ молодыхъ дѣвушекъ; я знаю только одну, которая въ этомъ отношеніи можетъ удовлетворить нашимъ требованіямъ. Это —Лотта Блюменгагенъ. Конечно, выгодно имѣть тестемъ своего бригаднаго командира. Но тутъ уже многіе потерпѣли неудачу; и притомъ Блюменгагены небогаты. Поэтому я вижу очевидное покровительство неба въ томъ, что оно послало намъ Куртисовъ. Сердце нашего Регинальда легко воспламеняется, да эта молодая дѣвушка могла бы воспламенить и болѣе холодное. Мнѣ дали понять, что даже Гербертъ неравнодушенъ къ ней; это отвратительно, такъ какъ онъ долженъ жениться на Юліи Киницъ, и притомъ какое сравненіе между нимъ и Регинальдомъ! Зато этимъ совершенно объясняется ненависть, которую онъ питаетъ къ Регинальду. Ну, да пусть дѣлаетъ, что хочетъ; я знаю одно: Регинальдъ женится на фрейлейнъ Куртисъ, разумѣется, если она пойдетъ за него. Я думаю, что такъ и будетъ: Регинальдъ— такой интересный юноша! но кто знаетъ, какія сумасбродныя требованія могутъ быть у этихъ американскихъ дѣвушекъ! И вотъ, милая Мари, тутъ-то и является для тебя задача, которую, я увѣрена, ты охотно возьмешь на себя. Я бы обидѣла тебя, еслибы стала разъяснять въ подробностяхъ, въ чемъ состоитъ эта задача. Въ этомъ отношеніи я полагаюсь на твое благоразуміе и скромность. Можно многое выразить полусловомъ, часто —довольно ловкаго намека. Конечно, ты не должна слишкомъ медлить. Кто знаетъ, можетъ быть Куртисы сократятъ свое пребы-

ваніе здѣсь, если нашъ климатъ окажется вреденъ для господина профессора. Поэтому, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. А теперь еще одна вещь, милое дитя...

Лицо фрау Илиціусъ, оживившееся, даже почти радостное, пока она говорила о своемъ ненаглядномъ Регинальдѣ, снова омрачилось, и въ голосѣ послышались крикливыя ноты.

— Ада, конечно, не заслуживаетъ моей любви, но мать всегда останется матерью, и Боже меня сохрани становиться ей поперекъ дороги! Я, признаться, думала, что она неравнодушна къ молодому Мейрингену, и это была бы очень хорошая партія, такъ какъ онъ получитъ наслѣдство послѣ своей тетки Женни. Однако она оставляетъ этого молодого человѣка только про запасъ; теперь же отдаетъ предпочтеніе американскому профессору. Мнѣ онъ не нравится; онъ кажется мнѣ педантомъ и высокомѣрнымъ, какъ всѣ эти ученые господа; я даже не нахожу его интереснымъ,—впрочемъ это дѣло вкуса. Во всякомъ случаѣ онъ будетъ богатымъ человѣкомъ, и его вдова—у него, должно быть, какая-нибудь грудная болѣзнь—будетъ богатой женщиной. Словомъ сказать, многое говоритъ въ пользу этого плана; и тебѣ не мѣшаетъ имѣть его въ виду. Такимъ образомъ, все сдѣлается разомъ; и если мы можемъ перевести въ нашу семью все богатство Куртисовъ, то было бы глупо уступать половину въ другія руки. Теперь я, кажется, все сказала, и очень благодарна тебѣ за то, что ты слушала меня внимательно. Для меня истинное утѣшеніе въ моихъ многочисленныхъ и тяжелыхъ заботахъ найти въ тебѣ такую сильную поддержку.

Фрау Илиціусъ замолчала, очень довольная собою. Ей казалось, что она изложила все дѣло сжато, но вполнѣ отчетливо и произвела глубокое впечатлѣніе на Марію.

Марія уже давно едва сдерживала свое негодованіе. Она рѣшилась сказать матери: „я никогда не соглашусь на такую гнусную роль! ты толкаешь меня на позорное дѣло!“ Теперь, когда мать замолчала и съ полу-закрытыми глазами откинулась на спинку кресла, ожидая услышать изъ устъ дочери похвалу своей мудрости и предусмотрительности, наступила минута высказать свое мнѣніе. И вдругъ, подобно молніи у нея мелькнула мысль: то, что̀ она скажетъ, не будетъ громкимъ голосомъ оскорбленнаго нравственнаго чувства, но смутнымъ крикомъ зависти къ Адѣ! Къ кому обращались ея послѣднія мысли вчера вечеромъ? Кто грезился ей во снѣ, рука объ руку съ нею въ какихъ-то фантастическихъ странахъ? Чей образъ являлся, чей голосъ слышался ей сегодня утромъ? Нѣтъ ли тутъ чего-нибудь бо̀льшаго, чѣмъ простое

любопытство, возбужденное новымъ, интереснымъ явленіемъ? Нѣтъ ли тутъ чувства, котораго она еще никогда не испытывала, и которое должно заставить ее молчать теперь, когда оно такъ неожиданно вспоминается, возбуждая радость и страхъ?

— Ну, — сказала фрау Илиціусъ. — Что же ты молчишь, Мари? Ты, конечно...

Она не успѣла окончить фразы. На улицѣ послышался грохотъ экипажа, который остановился передъ домомъ. Фрау Илиціусъ осторожно приподняла уголокъ шторы и выглянула на улицу.

— Фрейлейнъ Куртисъ!—сказала она:—въ открытомъ ландо. Какой пышный туалетъ! Надѣнь и ты другое платье.

— Я бы не хотѣла заставлять дожидаться фрейлейнъ Анну.

— Ну, такъ adieu, дитя мое. Поклонись отъ насъ всѣмъ господамъ Куртисъ и не забывай того, что я тебѣ сказала. На тебя возлагается важная миссія. Счастье семьи въ значительной степени зависитъ отъ тебя. Да благословитъ тебя Богъ, дитя мое!

Она подошла къ Маріи и поцѣловала ее въ лобъ. Марія отнеслась къ этому холодно: въ теченіе четырнадцати лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ она была конфирмована, губы матери ни разу не прикасались къ ней. Невольно отстранивъ мать, въ смущеніи, которое было такъ велико, что она едва понимала, что дѣлаетъ,— она вышла изъ комнаты и быстро спустилась по лѣстницѣ. Передъ наружною дверью она остановилась, переводя духъ и наскоро отирая глаза и лобъ платкомъ. Ей все-таки казалось, что Анна по ея лицу догадается о роли шпіона, которую ей поручили, и замѣтитъ на ея лицѣ слѣды чувства стыда, который она испытываетъ.

Потомъ она рѣшительно отворила дверь подъѣзда.

А. Э.

РОССІЯ И ЕВРОПА

— Die Europäisierung Russlands. Land und Volk. Von A. Brückner. Gotha,

— Wie Russland europäisch wurde. Studien zur Kulturgeschichte. Von Ernst herrn von der Brüggen. Leipzig, 1885.

Вопросъ о Россіи и Европѣ и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ чень давній: онъ восходитъ къ первымъ извѣстнымъ вѣкамъ ей исторіи. Эта исторія съ самаго начала складывалась иначе, ели на западѣ, какъ по географическому положенію, удаляв у русскій народъ отъ странъ древней античной цивилизаціи, ; и по условіямъ племенной жизни, болѣе первобытной, чѣмъ › на западѣ, и, наконецъ, по связямъ культурно-церковнымъ. мкнувши къ восточному православію, которое, по раздѣленіи звей, поставлено было во враждебныя отношенія къ западу, кое племя вовлеклось въ эту вражду, и церковная исклю- льность, отдалявшая Русь отъ западныхъ народовъ, какъ лическихъ, имѣла тѣмъ больше шансовъ развиться, что древ Русь, не участвуя въ культурномъ движеніи запада, оста- чужда преданіямъ античнаго просвѣщенія, которое на западѣ рерывалось со временъ римской имперіи, и послужило потомъ новаго оживленія европейской мысли и для основанія новѣй- науки. Тѣмъ не менѣе древняя Русь, какъ извѣстно, имѣла льно тѣсныя, хотя до сихъ поръ еще мало выясненныя отно- ія къ западному европейскому міру: нерѣдки родственныя и русскихъ князей съ западными государями; въ Россію про- етъ не только византійское, но западно-европейское худо- тво; на ту же связь указываютъ уцѣлѣвшіе отрывки эпиче- ъ преданій; западная церковь нѣсколько разъ предприни-

маетъ попытки отвлечь древнюю Русь отъ византійскаго патріархата. Монгольское нашествіе прервало эти отношенія къ западу; наступило тяжелое время, когда усилія народности сосредоточены были почти только на поддержаніи своего существованія; не было средствъ заботиться объ интересахъ просвѣщенія; политическое значеніе Россіи упало. За нашествіемъ монгольскимъ послѣдовало нашествіе литовское, и западная Русь, оторвавшись отъ восточной, стала все тѣснѣе примыкать къ польскому міру, сначала въ личной уніи владѣтелей, а затѣмъ и въ формальной уніи церковной, политической и культурной. Москва, гдѣ тѣмъ временемъ были объединены силы сѣверо-восточной Руси и гдѣ было достигнуто освобожденіе отъ татарскаго ига, была удалена отъ запада и долгимъ застоемъ, и тѣмъ обстоятельствомъ, что между ею и западными народами стояло теперь новое государство, хотя единоплеменное, но уже значительно чуждое по своему политическому, церковному и культурному характеру. Несмотря однако на то, съ XV-го вѣка, когда въ Москвѣ видимо возникаетъ новая политическая сила, принимавшая на себя наслѣдіе павшей Византіи, начинаются опять связи съ западной Европой: московская Россія становится немаловажнымъ факторомъ въ турецкихъ и польскихъ дѣлахъ; ее стремятся опять завлечь въ союзъ съ латинскою церковью; сама Москва желаетъ пользоваться европейскими знаніями и искусствами и уже съ этого времени привлекаетъ иноземныхъ западныхъ людей въ свою службу. Но если и въ началѣ нашей исторіи Россія много отставала отъ запада въ просвѣщеніи, то въ промежутокъ ея одиночества—съ XIII до XV-го вѣка—разстояніе между Россіей и Европой въ этомъ отношеніи увеличилось до такой степени, что западные путешественники, которые теперь все чаще начали посѣщать „Московію“, обыкновенно видѣли въ ней страну варварскую, смотрѣли на нее въ такомъ родѣ, какъ мы въ недавнее время смотрѣли на средне-азіатскія ханства. Эти путешественники были почти безъ исключенія дипломатическіе послы или люди, состоявшіе въ ихъ свитѣ; между ними бывали люди весьма просвѣщенные, способные къ значительному безпристрастію; въ варварской странѣ они замѣчали не одни недостатки. Наши новѣйшіе историки старались ограничить суровость отзывовъ у старыхъ иностранныхъ писателей о Россіи, указывая трудность для посторонняго человѣка вѣрно понять чужой складъ жизни и ссылаясь на примѣры большой грубости нравовъ въ отечествѣ самихъ этихъ иноземцевъ, но, во всякомъ случаѣ, оставались справедливы указанія на крайнее невѣжество, даже высшаго класса русскихъ людей, и

юсть обычаевъ; притомъ эти указанія достаточно подтвер-
ются источниками туземными.

Россія и Европа казались двумя противоположностями. Раз-
вшаяся (съ обѣихъ сторонъ) вѣроисповѣдная нетерпимость
за русскихъ въ глазахъ иноземца-католика схизматиками, въ
хъ протестанта—людьми, преданными грубому суевѣрію; вся-
нѣсколько образованному европейцу бросалось въ глаза от-
віе самыхъ элементарныхъ научныхъ свѣденій и, вслѣдствіе
господство иногда самыхъ нелѣпыхъ предразсудковъ; въ нра-
русскихъ, даже высшихъ сословій, иноземцы видѣли, среди
ваго господства обычая, нерѣдко крайнюю испорченность;
овское правленіе казалось имъ деспотическимъ. Новѣйшіе
гиристы старой Россіи указывали, что и въ своемъ за-
омъ отечествѣ эти иноземцы XV, XVI и XVII-го вѣка
и видѣть примѣры подобнаго же деспотизма, нерѣдко дохо-
іаго до безмѣрной жестокости, но во всякомъ случаѣ срав-
е было невозможно: на западѣ суровость королевской власти
ла скорѣе исключеніемъ, тѣмъ болѣе, что она всегда умѣ-
сь политическимъ значеніемъ тѣхъ или другихъ сословій и
жденій и общимъ тономъ болѣе просвѣщеннаго быта. До конца
I-го вѣка иноземцы могли отмѣчать только рѣдкіе и единич-
примѣры интереса къ образованію среди русскаго общества,
до отдать имъ справедливость, обыкновенно они отмѣчали
примѣры съ большимъ сочувствіемъ. Мало того, несмотря на
указанное противорѣчіе въ складѣ умственной жизни, учреж-
й и нравовъ Россіи и запада, они видѣли въ русскомъ на-
не лѣнивую восточную массу, а народъ, который способенъ
іять европейское просвѣщеніе и въ отдѣльныхъ лицахъ пред-
влялъ уже замѣчательные примѣры такого просвѣщенія. Но
ря вообще, Россія и Европа казались тогда раздѣленными
ю пропастью, и западные люди относились къ русскимъ съ
сомѣріемъ образованнаго человѣка къ невѣждѣ, а человѣка
лизованнаго и болѣе или менѣе свободнаго—къ рабу и ди-
).

Наступила Петровская эпоха. Если уже въ XVII-мъ вѣкѣ въ
вую службу по всякимъ отраслямъ государственнаго хозяй-
привлекаемы были сотни и тысячи иноземцевъ, то теперь
ваніе иноземцевъ, поѣздки за границу для ученія стали обык-
иннымъ дѣломъ; подражаніе иноземнымъ образцамъ станови-
необходимымъ условіемъ для пріобрѣтенія какихъ-либо но-
ь успѣховъ въ знаніи, искусствѣ, ремеслѣ и проч., заимство-
сь не только способы образованія, не только техническія свѣ-

денія, не только военные пріемы, но даже и способы управленія. Какъ бываетъ естественно всегда, когда люди думаютъ, что замѣняютъ старое заблужденіе новою истиною, реформа впадала въ увлеченія и даже въ фатальныя крайности; но цѣною усилій, иногда страшно напряженныхъ, добывались результаты, видные даже для людей предубѣжденныхъ, и авторитетъ европейской науки, искусства, культурнаго знанія утвердился въ русскомъ обществѣ съ такою силой, что европейское вліяніе было обезпечено, какъ бы ни относилась потомъ къ этому вопросу верховная власть. Послѣ Петра, какъ извѣстно, образовательныя стремленія этой власти очень ослабѣли, даже совсѣмъ исчезали, и возобновились опять только во времена Екатерины II; между тѣмъ образовательное движеніе въ самомъ обществѣ уже не прекращалось, и къ концу XVIII-го столѣтія заявляло себя попытками самостоятельности, не справлявшимися о томъ, отвѣчаетъ это или нѣтъ оффиціальнымъ распоряженіямъ.

Совершая разнородныя преобразованія въ своемъ государствѣ, Петръ Великій очень заботился о томъ, чтобы реформа была извѣстна и европейскому общественному мнѣнію. Онъ хотѣлъ вдвинуть Россію въ среду европейскихъ державъ, и, безъ сомнѣнія, не одно личное самолюбіе, или даже вовсе не оно, побуждало его дѣйствовать на общественное мнѣніе Европы черезъ публицистовъ, исполнявшихъ въ западной литературѣ его порученія. Россія должна была представиться Европѣ какъ новое, преобразованное, равноправное государство. Свое царство Петръ назвалъ „имперіей"; путешествія по Европѣ дали ему случай завязать личныя отношенія съ европейскими государями; при европейскихъ дворахъ онъ не однажды поражалъ людей, привыкшихъ къ придворному этикету, своими грубоватыми словами и ухватками, но во всякомъ случаѣ производилъ впечатлѣніе своимъ умомъ, энергіей и политическою силой стоявшаго за нимъ молодого государства.

Иностранцы, заѣзжавшіе тогда въ Россію или въ качествѣ дипломатовъ, или на разнообразную службу, не могли не видѣть переворота, совершавшагося въ странѣ. Это была уже не старая Московія, а преобразованная Россія (neuverändertes Russland)— подъ этимъ названіемъ иностранцы и описывали ее. Со временъ Петра, несмотря на всѣ неровности русской внутренней политики, на слабое выполненіе реформъ, завѣщанныхъ Петромъ, въ европейскихъ представленіяхъ Россія навсегда осталась тѣмъ новымъ государствомъ, какое хотѣлъ основать Петръ, и перестала быть старой „Московіей". Со временъ Петра Россія дѣя-

тельно вмѣшивалась въ европейскія дѣла, особливо съ ближайшими государствами; вездѣ держала своихъ посланниковъ; родственныя связи сближали петербургскій дворъ съ различными нѣмецкими дворами, что повело даже къ сильному наплыву нѣмецкаго элемента, одно время державшаго въ рукахъ самое „кормило правленія". Со временъ Петра идетъ (хотя и раньше еще начатый) рядъ военныхъ предпріятій на западной границѣ и на югѣ, гдѣ шла упорная борьба съ турками, и пріобрѣтеніе новыхъ обширныхъ территорій дѣлало Россію все болѣе могущественной державой, съ которой необходимо было считаться.

Понятно, что въ Европѣ новая Россія вызывала весьма различныя представленія. Книги о Россіи, отзывы современной политической печати, сужденія дипломатическихъ резидентовъ [1]) заключаютъ огромную массу разнообразныхъ мнѣній, которыхъ, разумѣется, нѣтъ возможности перечислить здѣсь даже въ короткой группировкѣ; но большинство ихъ едва ли не было скорѣе отрицательное, нежели сочувственное. Политическія дѣла мало способны внушать безпристрастіе; незнаніе особенностей русской жизни часто вводило въ недоразумѣніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ бросались въ глаза и дѣйствительныя черты русскаго правленія, общественнаго и народнаго быта, которыя нерѣдко мало способны были возбуждать сочувствіе. Времена Екатерины II снова заставили много говорить о Россіи: ея личныя качества, ея внутреннія мѣропріятія въ началѣ царствованія, которыя задумывались въ духѣ тогдашней философіи, ея дружба со многими выдающимися умами того вѣка, наконецъ громкіе военные подвиги создали цѣлую литературу панегириковъ, доходившихъ до послѣднихъ предѣловъ восхваленія и лести, хотя и за это время бывали голоса, не присоединявшіеся къ хору похвалъ. Царствованіе Павла прошло краткимъ, мрачнымъ эпизодомъ, который мало замѣченъ былъ среди тогдашнихъ тревогъ европейской жизни. Александровское время снова ставитъ Россію лицомъ къ лицу съ общественнымъ мнѣніемъ Европы. Борьба съ Наполеономъ, исполненная драматическихъ положеній, связанная съ самыми существенными интересами европейскихъ государствъ и народовъ, сдѣлала имп. Александра „освободителемъ Европы", и его великодушіе относительно Франціи, даже роль его на вѣнскомъ конгрессѣ давали ему широкую популярность въ европейскомъ обществѣ. Но была здѣсь и оборотная сторона медали.

[1]) Очень много ихъ издается теперь въ многотомномъ „Сборникѣ" Имп. Русскаго Историческаго Общества, извлекающемъ ихъ изъ нашихъ и заграничныхъ дипломатическихъ архивовъ.

За вѣнскимъ конгрессомъ наступила реакція, которая мало-помалу разрушила всѣ надежды, возбужденныя въ эпоху наполеоновскихъ войнъ; торжественныя обѣщанія, провозглашавшіяся въ 1813 году, были забыты; ихъ смѣнила знаменитая система священнаго союза, открывавшая путь коварной и вмѣстѣ жестокой реакціи, послѣдней цѣлью которой было заглушить всѣ инстинкты общественной свободы, назрѣвавшіе съ конца прошлаго столѣтія, и къ услугамъ которой являлись, по обыкновенію, всѣ худшія стороны общества—закоренѣлый застой и лицемѣріе. Въ Европѣ мало знали, какъ система священнаго союза отражалась въ самой Россіи, да и мало этимъ интересовались; вниманіе обращено было только на внѣшнюю политику императора, и здѣсь европейское общественное мнѣніе могло видѣть, что Россія отдаетъ всѣ свои силы и вліяніе на поддержку этой реакціи, возмущавшей просвѣщеннѣйшіе умы Европы и глубоко оскорблявшей національный патріотизмъ европейскихъ народовъ. Слѣдующее царствованіе осталось вѣрно той же программѣ: исключеніе сдѣлано было развѣ только для греческаго возстанія, противъ котораго рѣшительно высказывался императоръ Александръ и въ которомъ признали теперь борьбу христіанъ противъ угнетенія отъ невѣрныхъ; но затѣмъ европейская политика Николаевскаго царствованія велась въ томъ же упорно консервативномъ духѣ, доходя въ этомъ до предѣла послѣдовательности. Русская политика оказывала давленіе на тѣ западныя правительства, которыя (какъ напр., въ Пруссіи) вынуждаемы были духомъ вѣка къ извѣстнымъ уступкамъ въ пользу общественной автономіи; русская политика, поддерживая принципъ строгой законной монархіи въ чужихъ государствахъ, спасала Австрію, которая уже вскорѣ, черезъ какіе-нибудь два года, еще при жизни императора Николая, въ трагическіе дни его царствованія, рѣшилась „удивить міръ своею неблагодарностію",—спасала отъ венгровъ, которые съ тѣхъ поръ дышутъ такою ненавистью къ Россіи. Это время, съ послѣднихъ лѣтъ царствованія императора Александра I, и особливо со второй четверти столѣтія, когда Россія въ иностранной политикѣ прилагала весь авторитетъ своего военнаго могущества къ подавленію элементовъ свободнаго общественнаго развитія, это время отразилось въ европейскомъ общественномъ мнѣніи тѣмъ враждебнымъ отношеніемъ къ Россіи, какое мы видимъ въ сущности и до сихъ поръ. Крымская война, подрывавшая политическое вліяніе Россіи и, между прочимъ, значеніе ея какъ опоры европейскаго консерватизма, была въ Европѣ чрезвычайно популярна. Россія была до того изолиро-

вана, что ее не только покинула монархія Габсбурговъ, только-что спасенныхъ ею отъ погибели, но и болѣе правдивая Пруссія, связанная съ Россіей полувѣковою личною дружбою ихъ государей. Эта изолированность не была политической случайностью, не была слѣдствіемъ какой-нибудь оплошности со стороны нашей дипломатіи: причины ея заключались въ дѣйствительной принципіальной изолированности Россіи въ средѣ европейскаго общественнаго мнѣнія. Независимо отъ политическихъ комбинацій европейскихъ дворовъ, отъ династическихъ интригъ Наполеона III, отъ интригъ австрійскаго двора и тому под., въ этомъ враждебномъ отношеніи Европы сказалось давно накоплявшееся раздраженіе, вызванное реакціонной политикой Россіи со временъ вѣнскаго конгресса.

Западно-европейская публицистика второй четверти столѣтія исполнена выраженіями этой вражды. Къ этому представлялось много поводовъ: и давленіе Россіи на внутреннюю политику нѣмецкихъ государствъ, начиная съ эпохи конгрессовъ и до событій 1848-49 годовъ, и недружелюбное отношеніе Россіи къ іюльской монархіи во Франціи, и усмиреніе польскаго возстанія, и возникшіе толки о „панславизмѣ“, и проч. Политическіе памфлеты не особенно гнались за настоящей истиной; благодаря суровымъ формамъ русскаго политическаго быта, этимъ памфлетамъ вѣрили, когда они говорили, что Россія грозитъ европейской свободѣ, какъ въ самой Россіи не было признака общественнаго мнѣнія и гласности. Въ западной Европѣ знали характеръ русскаго политическаго устройства, которое называли деспотизмомъ, и этого было довольно, чтобы считать возможными всѣ разсказы о его проявленіяхъ и вѣрить, что грозитъ опасность самой европейской цивилизаціи отъ новаго гуннскаго нашествія, вооруженнаго съ помощью современной науки. Такою грозою былъ, между прочимъ, панславизмъ. Участіе Россіи въ освобожденіи Сербіи, извѣстныя заботы объ улучшеніи участи балканскихъ христіанъ (которые, большею частію, были славяне) давали мысль о воинственныхъ планахъ Россіи, тѣмъ больше, что извѣстно было милитарное настроеніе русскаго двора: объединенное славянство должно было стать въ ряду исполнителей этихъ плановъ. О русскомъ обществѣ извѣстно было очень мало; но знали очень хорошо, что въ Россіи нѣтъ самостоятельнаго общественнаго мнѣнія, что народная масса была въ полномъ рабствѣ и что русская политика найдетъ въ громадномъ народѣ безусловно покорнаго исполнителя.

Отголоски этого настроенія тогдашней европейской печати

мы можемъ видѣть до сихъ поръ въ западной публицистикѣ. Правда, съ того времени въ европейской литературѣ значительно развилось знакомство и съ русской исторіей, и съ современнымъ положеніемъ Россіи; грубыя ошибки стали рѣже, положеніе вещей понимается болѣе правильно; появилось нѣсколько трудовъ, имѣющихъ настоящее научное достоинство или свидѣтельствующихъ о близкомъ знаніи русской жизни (какъ труды Альфреда Рамбо, Леруа-Больё, Вогюэ, Мэкензи Уоллеса, Рольстона и проч.), но въ массѣ сохраняется еще старое нерасположеніе къ Россіи, которое усердно раздуваютъ различные дѣятели современной политики по дипломатическимъ соображеніямъ.

Мы видѣли выше, что въ первой половинѣ столѣтія европейское общество изъ фактовъ недавней исторіи извлекало основанія считать Россію враждебной въ самомъ принципѣ даже тѣмъ внутреннимъ политическимъ стремленіямъ, которыми это общество дорожило, какъ залогами своего развитія, и такъ какъ не знали достаточно ни русской исторіи, ни современной русской жизни, то возможны были самыя странныя ошибки и крайнія преувеличенія, съ какими мы и встрѣчаемся въ старой литературѣ о Россіи. Рядомъ съ политическими вопросами настоящей минуты возникала общая мысль объ отношеніяхъ Россіи къ Европѣ и европейской цивилизаціи; возникалъ, наконецъ, цѣлый историческій вопросъ о громадномъ племени, вступившемъ съ начала XVIII-го вѣка въ среду европейскихъ народовъ: что̀ представляетъ собою это племя и какое его происхожденіе; какія оно несетъ съ собой историческія задатки; способно ли оно по своему историческому воспитанію или даже по своимъ племеннымъ свойствамъ воспринять европейскую цивилизацію и примкнуть къ движенію европейскихъ народовъ, или же эта цивилизація будетъ скользить по немъ лишь поверхностнымъ слоемъ и только усилитъ матеріальное оружіе народа, который въ массѣ все-таки останется варварскимъ и опаснымъ для европейскаго мира и просвѣщенія. Съ сороковыхъ годовъ начали проникать въ европейскую литературу неясные слухи о какой-то „старой русской партіи“, которая носится именно съ идеями о превосходствѣ русскихъ національныхъ началъ надъ европейской цивилизаціей и ждетъ отъ нихъ побѣды надъ „гнилымъ западомъ“. Полагалось, что это именно совпадаетъ съ планами „панславизма“, которые питаетъ и само русское правительство [1]). Съ европейской стороны ста-

[1]) Въ европейской литературѣ долго держалось представленіе о томъ, что русское правительство стремится къ объединенію славянъ подъ своею властью. У насъ, напротивъ, давно извѣстно, что правительство вовсе не поощряло славянофильскихъ

вился тотъ же принципіальный вопросъ: что̀ такое русская цивилизація, и даже болѣе: способенъ ли вообще русскій народъ усвоить дѣйствительнымъ образомъ европейскую цивилизацію? — и не разъ получался отвѣтъ отрицательный. Мы имѣли случай говорить объ извѣстной теоріи Духинскаго, нашедшей себѣ не одинъ отголосокъ, и по которой выходило, что русскій народъ къ цивилизаціи дѣйствительно неспособенъ, потому что это народъ по своему происхожденію не арійскій, а восточный, туранскій, только принявшій языкъ покоренныхъ имъ славянъ. Въ этой теоріи говорило раздраженное національное чувство польскаго эмигранта. Съ другой стороны, къ отрицательному взгляду на Россію приходили нѣмецкіе патріоты, помнившіе о реакціонномъ вліяніи Россіи на европейскія и, въ частности, германскія дѣла, или даже ученые историки, которые не могли примирить господствующихъ явленій русской жизни съ своимъ представленіемъ о достоинствѣ и требованіяхъ истинной цивилизаціи. Напомнимъ взгляды Гервинуса. Каждое политическое столкновеніе обыкновенно обновляло старыя обвиненія, и въ европейской печати можно въ обиліи читать ихъ до сихъ поръ.

Оставляя въ сторонѣ литературу политическаго памфлета, было бы, однако, не лишено интереса прослѣдить, какъ ставился въ европейской литературѣ этотъ принципіальный вопросъ о русской цивилизаціи. Вопросъ сводился къ Петровской реформѣ.

Многія обстоятельства затрудняли для европейской литературы компетентное разъясненіе этого предмета; тѣмъ не менѣе, не было недостатка въ попыткахъ опредѣлить его научнымъ образомъ. Это дѣлалось уже въ XVIII столѣтіи. Мы не считаемъ здѣсь такихъ сочиненій, какъ „Исторія Петра Великаго“ Вольтера, слишкомъ поверхностная и съ чужихъ словъ писанная; но для мыслителей XVIII-го вѣка представлялся теоретическій вопросъ о томъ, какъ можетъ происходить усвоеніе цивилизаціи народомъ, который до тѣхъ поръ оставался ей чуждымъ или почти чуждымъ. Въ 1798 году вышло сочиненіе извѣстнаго въ свое время гёттингенскаго профессора Мейнерса, который много

тенденцій: объ этомъ свидѣтельствовало, напримѣръ, преслѣдованіе Кирилло-Меѳодіевскаго кружка Костомарова и его друзей въ концѣ сороковыхъ годовъ; свидѣтельствовали подозрѣнія, какими былъ тогда окруженъ славянофильскій кружокъ въ Москвѣ, и пр. Недавно въ перепискѣ Ив. Аксакова приведено любопытное категорическое заявленіе императора Николая, что „ежели бы стеченія обстоятельствъ и привели къ соединенію (славянъ), то оно будетъ на гибель Россіи“ (?).

писалъ тогда именно по исторіи просвѣщенія и цивилизаціи, и въ этой книгѣ ставилъ себѣ цѣлью сравнить старую и новую Россію и сдѣлать выводы изъ этого сравненія [1]). Мейнерсъ поставилъ свою задачу чисто гелертерскимъ образомъ. О новой Россіи онъ не могъ судить по личному наблюденію; какъ новую, такъ и старую Россію онъ зналъ только по книгамъ, по разсказамъ путешественниковъ, и былъ даже доволенъ этимъ, такъ какъ это устраняло, по его мнѣнію, всякія личныя пристрастія. Но зато въ его распоряженіи былъ большой запасъ литературы о Россіи изъ старыхъ и новыхъ путешествій, вѣроятно самый большой, какой только былъ тогда сдѣланъ въ какой-либо библіотекѣ [2]): его обзоръ этой литературы былъ первымъ въ своемъ родѣ и оставался единственнымъ до извѣстной книги Аделунга (1846). Мейнерсъ, стараясь быть безпристрастнымъ, одинаково указываетъ и дурныя, и хорошія стороны старой и новой Россіи. Изъ обширной литературы, какая была у него въ рукахъ, онъ старался представить сравненіе всѣхъ главныхъ особенностей русскаго государства, общества и народа въ старыя и новыя времена. Такъ, говоритъ онъ о величинѣ, силѣ, внутреннемъ состояніи и сосѣдствѣ русскаго государства въ XVI и въ XVII вѣкѣ и въ его время; о климатѣ и почвѣ страны; приводитъ свидѣтельства и сужденія путешественниковъ относительно физическаго склада русскаго народа и его понятій о красотѣ; говоритъ объ умственныхъ свойствахъ и образованіи, о характерѣ и нравахъ старыхъ и новыхъ русскихъ, о политическомъ устройствѣ и управленіи государства; далѣе, о различіи сословій, о военномъ дѣлѣ, обычаяхъ русскаго двора въ старое время, о положеніи женщинъ, о пищѣ и напиткахъ, объ одеждѣ и украшеніяхъ, о жилищѣ и домашнемъ хозяйствѣ, о тѣлесныхъ упражненіяхъ и увеселеніяхъ, о законодательствѣ, наконецъ о церковномъ устройствѣ. Изложеніе состоитъ изъ сопоставленія фактовъ, сопровождаемаго критическими

[1]) Vergleichung des ältern und neuern Russlandes, in Rücksicht auf die natürlichen Beschaffenheiten der Einwohner, ihrer Cultur, Sitten, Lebensart und Gebräuche, so wie auf die Verfassung und Verwaltung des Reichs. Nach Anleitung älterer und neuerer Reisebeschreiber. Von C. Meiners. Leipzig, 1798, 2 Bände.

[2]) „Вѣроятно, нигдѣ,—говоритъ онъ,—сочиненія старыхъ и новыхъ путешественниковъ о Россіи не собраны съ такой полнотой, какъ въ нашей университетской библіотекѣ (въ Гёттингенѣ). Ученые писатели будутъ изумлены, что изъ всего собранія у насъ недостаетъ только немногихъ сочиненій и что эти немногія вовсе не принадлежатъ къ рѣдкимъ и важнымъ книгамъ о Россіи. Я надѣюсь, что мой списокъ путешественниковъ и писателей о Россіи, вмѣстѣ съ прибавленнымъ здѣсь краткимъ критическимъ разборомъ ихъ, будетъ для писателей довольно желаннымъ подаркомъ".

соображеніями. Спокойный кабинетный ученый, авторъ не присоединяется ни къ порицателямъ, ни къ восхвалителямъ новѣйшей Россіи; выше мы упоминали, что именно восхвалителей было тогда не мало. Мейнерсъ признаетъ, конечно, великіе успѣхи, сдѣланные Россіей со временъ Петра, но это признаніе не безусловно. Въ образчикъ того, какъ складывалось мнѣніе „безпристрастныхъ“ людей о русской цивилизаціи къ концу XVIII-го вѣка, приводимъ нѣсколько словъ Мейнерса о состояніи русскаго образованія, насколько онъ могъ получить о томъ понятіе изъ иностранныхъ писателей о Россіи, а также изъ писателей русско-нѣмецкихъ, какъ Миллеръ, Бакмейстеръ, Георги и пр. Разсказавъ, что̀ ему было извѣстно объ этомъ предметѣ, Мейнерсъ пишетъ:

„Если состояніе искусствъ и наукъ, ремеслъ и сельскаго хозяйства, мореплаванія и торговли таково, какъ оно изображается новѣйшими и лучшими писателями, то русской націи еще нельзя причислить къ просвѣщеннымъ (cultivirten) націямъ Европы. Образованіе высшихъ классовъ было до сихъ поръ слишкомъ мало распространено и слишкомъ поверхностно, чтобы даже эти классы можно было назвать истинно просвѣщенными. Русскіе купцы, ремесленники и крестьяне, а также и бо̀льшая часть духовенства не приняли до сихъ поръ никакой иноземной культуры, и почти всѣ искусства и знанія, которыя вошли въ Россію или были туда пересажены, остались ограничены кругомъ иноземцевъ и ихъ потомковъ.

„Но можно было бы спросить: если большія дарованія къ искусствамъ и наукамъ и ко всему совершенному въ художественныхъ и требующихъ прилежанія работахъ такъ рѣдки въ Россіи, какъ это кажется, то не излишни ли тѣ многочисленныя учебныя и воспитательныя учрежденія, которыя основаны ея государями съ такою царскою роскошью? Вовсе не соглашаясь считать излишними дорогія заведенія изъ-за того, что они до сихъ поръ принесли, повидимому, мало пользы, я думаю, напротивъ, что ихъ нужно было бы еще *умножить* и сдѣлать болѣе разнообразными, если хотятъ сдѣлать изъ русской націи то, что̀ можно изъ нея сдѣлать. Великихъ художниковъ и научныхъ геніевъ величайшая нація требуетъ только въ небольшомъ числѣ, и если русская нація нуждается въ нихъ и не находитъ ихъ въ себѣ самой, то она всегда можетъ призвать ихъ къ себѣ изъ остальной Европы. Но никакая великая нація, если она хочетъ идти впередъ, а не назадъ, не можетъ обойтись безъ хорошо обученныхъ учителей для народа и юношества, безъ искусныхъ офицеровъ, дѣловыхъ людей, купцовъ, фабрикантовъ, художниковъ и худо-

жественныхъ рабочихъ. Они должны быть образованы или, по крайней мѣрѣ, подготовлены туземными учебными заведеніями *въ большемъ числѣ*, чѣмъ теперь. Если только будетъ достаточное количество народныхъ учителей, учителей для юношества и искусныхъ художниковъ, то мало-по-малу могутъ быть лучше, чѣмъ до сихъ поръ возможно, образованы купцы, ремесленники и крестьяне, какъ для своего спеціальнаго дѣла, такъ и со стороны ихъ нравственнаго характера. Было бы крайне неразумно не имѣть уваженія къ націи потому, что она не произвела никакихъ великихъ художниковъ или изобрѣтателей въ наукахъ. Нація можетъ сдѣлаться очень счастливой и великой безъ великихъ художниковъ и изобрѣтателей. Нынѣшніе просвѣщенные народы Европы не заслуживаютъ, чтобы ихъ ставили ниже грековъ и римлянъ вслѣдствіе того, что до сихъ поръ они не представили такихъ великихъ произведеній скульптуры и архитектуры, какъ греки и римляне. Бритты не остаются позади никакой другой націи оттого, что они не могутъ указать теперь столь многихъ и столь великихъ живописцевъ и музыкантовъ, какъ Италія и Германія. Если русская нація будетъ и впредь создавать столь много и столь великихъ правителей, государственныхъ людей и полководцевъ, какъ въ послѣдніе вѣка, то она столь же легко, какъ до сихъ поръ, можетъ вынести недостатокъ замѣчательныхъ туземныхъ художниковъ и научныхъ геніевъ. Но еслибы Россію постигло когда-нибудь несчастіе имѣть къ ряду многихъ правителей, которые не поддерживали бы искусствъ, наукъ и ремеслъ столь настойчиво, какъ Петръ I и всѣ его преемники, то я боюсь, что чужія растенія, перенесенныя на русскую почву, увянутъ гораздо скорѣе еще, чѣмъ они выросли. У просвѣщенныхъ народовъ Европы бываетъ достаточно, если только не задерживаются насильственно и не подавляются искусства, науки и ремесла. Но у русскихъ престолъ долженъ самымъ энергическимъ образомъ (auf das kräftigste) поддерживать искусства, науки и ремесла, если только онѣ должны сохраниться или идти впередъ. По ходу и способу дѣйствія русской націи, какіе были до сихъ поръ, это можно утверждать съ величайшею увѣренностью“ [1]).

Прибавимъ еще его замѣчанія о нравственномъ характерѣ русскаго народа и общества. По этому предмету Мейнерсу пришлось опять пересматривать отзывы иностранныхъ путешественниковъ и историковъ о различныхъ свойствахъ русскихъ, и онъ заключаетъ: „Если русскихъ и теперь считаютъ столь больными

---

[1]) Meiners, т. I, стр. 204—206.

нравственно, какъ считаетъ Ле-Клеркъ, то должно все-таки признать, что русскіе стараго времени были испорчены несравненно болѣе; что русскіе нашего вѣка, и именно низшіе народные классы, какъ и высшіе, хотя послѣдніе больше, чѣмъ первые, покинули многіе недостатки предковъ и пріобрѣли многія достоинства, которыхъ тѣ (т.-е. ихъ предки) не имѣли; что и впослѣдствіи, при возрастающемъ улучшеніи внутренняго управленія, воспитанія и обученія, нравы могутъ еще болѣе улучшаться, и вредныя склонности народа все болѣе будутъ подавляемы. Но этого не произойдетъ никогда, если (въ Россіи) будутъ продолжать ослѣплять себя и другихъ и заставлять себя и другихъ воображать, что все такъ хорошо и совершенно, что *улучшать уже больше нечего* или почти нечего" [1]).

Переломомъ между старой и новой Россіей была Петровская эпоха, и на той или другой оцѣнкѣ ея опиралось обыкновенно сравненіе двухъ періодовъ русской исторіи. Извѣстно, что разногласіе объ этомъ предметѣ возникло въ нашей литературѣ еще со второй половины прошлаго столѣтія, начиная съ князя Щербатова, и идетъ вплоть до нашихъ дней. Къ сожалѣнію, издавна подавленное состояніе нашей общественной мысли отражалось прежде всего на жалкомъ, безправномъ состояніи литературы, и споръ о старомъ и новомъ велся гдѣ-то глухо, не появляясь въ печати. Сочиненія князя Щербатова могли быть изданы только черезъ сто лѣтъ послѣ того, какъ были написаны; даже записка Карамзина о древней и новой Россіи не могла быть издана въ свое время и появилась лишь много десятковъ лѣтъ спустя послѣ того, какъ была имъ составлена въ поученіе императору Александру I. Надъ русской исторіей все еще тяготѣла старая боязнь касаться предметовъ государственнаго правленія, боязнь основательная со стороны писателей, потому что въ правящихъ сферахъ не хотѣли допустить тѣни свободнаго разсужденія объ этихъ предметахъ: здѣсь все еще было своего рода „слово и дѣло". Естественно, что это молчаніе о живыхъ вопросахъ собственной исторіи только способствовало общественному неразумію, накопляло непониманіе прошедшаго, а за нимъ и настоящаго, но естественно также, что вынужденное молчаніе не устраняло самого вопроса, если разъ онъ возникъ въ наиболѣе просвѣщенныхъ умахъ. Онъ возродился, какъ только явилась внѣшняя возможность снова поставить его, и возродился въ сущности въ

---

[1]) Тамъ же, стр. 295--296.

гораздо болѣе обостренной формѣ, чѣмъ было раньше: въ сороковыхъ годахъ, въ спорѣ славянофиловъ и западниковъ, онъ былъ поставленъ принципіально и уже несравненно рѣзче и сильнѣе, чѣмъ было у кн. Щербатова и Карамзина. Дѣло шло уже не о какихъ-либо частныхъ ошибкахъ Петровской реформы, не о какихъ-нибудь крайностяхъ и излишествахъ преобразованія, но о самомъ существѣ реформы, о самыхъ началахъ русскаго національнаго духа и западной цивилизаціи. Къ сожалѣнію, и теперь споръ не могъ быть веденъ съ необходимымъ просторомъ для критики и, исполненный умолчаніями, не убѣдилъ на первое время ни одной изъ сторонъ, но онъ былъ чрезвычайно важенъ уже тѣмъ, что указалъ основные пункты вопроса, на которые должно было отвѣтить историческое изслѣдованіе, поведенное съ новыхъ точекъ зрѣнія, съ новымъ запасомъ матеріала и съ бо̀льшею свободою критики.

Не возвращаясь къ этому спору, на которомъ намъ случалось не однажды останавливаться, укажемъ два сочиненія: одно — иностранное, другое—полу-иностранное, имѣющія ближайшее отношеніе къ спору о Петровской реформѣ. Одно изъ нихъ, принадлежащее барону фонъ-деръ-Бриггену, вышло уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но осталось, сколько помнимъ, незамѣченнымъ въ нашей литературѣ; другое принадлежитъ извѣстному дерптскому профессору, г. Брикнеру.

Книга Бриггена, составляющая большой томъ, заключаетъ обзоръ русской исторіи съ самаго ея начала, отъ норманновъ и Рюрика, до императрицы Елизаветы. Обзоръ ведется съ той точки зрѣнія, какая обозначена заглавіемъ; авторъ хочетъ разобрать, въ какомъ отношеніи стоялъ русскій народъ къ европейской цивилизаціи, что̀ дѣлалось въ смыслѣ культуры въ древнемъ періодѣ русской исторіи, въ чемъ состояла Петровская реформа и въ чемъ было ея значеніе, и наконецъ, что̀ нужно Россіи и русскому обществу въ настоящее время. Въ предисловіи авторъ предупреждаетъ, что его книга не есть ученый трактатъ, съ новыми данными, а лишь оцѣнка извѣстныхъ фактовъ съ цѣлью выяснить современное положеніе Россіи относительно ея культурныхъ и политическихъ задачъ. По мнѣнію автора, въ обсужденіи этихъ послѣднихъ вопросовъ встрѣчается много ошибочнаго и у самихъ русскихъ, и у иностранцевъ, въ особенности вслѣдствіе неправильнаго пониманія Петровской реформы и послѣ-Петровскихъ временъ.

„Предлагаемые этюды,—говоритъ Бриггенъ,—исходятъ не столько изъ отвлеченно-научнаго стремленія, сколько изъ мысли

о томъ, что, въ виду общественныхъ событій въ современной Россіи, мы имѣемъ особенный поводъ обратиться къ исторіи и искать въ ней объясненія того, что̀ означаютъ своеобразныя явленія въ русскомъ государствѣ, которыхъ свидѣтелями мы становимся въ послѣднее время. Для всѣхъ очевидно, что съ возстановленія германской имперіи положеніе Россіи въ Европѣ стало инымъ, чѣмъ было до 1871 года. Вліяніе Россіи на Европу, продолжавшееся почти цѣлое столѣтіе и мало-по-малу пріобрѣвшее увѣренность отъ привычки, поколебалось почти съ самой минуты заключенія франкфуртскаго мира, затѣмъ послѣ необдуманнаго (unbesonnen) нападенія на Турцію получило еще тяжелый ударъ на берлинскомъ мирѣ и съ тѣхъ поръ находится въ постепенномъ отступленіи. Въ то же время установились въ Россіи революціонныя движенія, которыя, направляясь противъ самой правительственной власти, ослабляютъ ея силу. Обѣ эти вещи привели къ тому, что русская власть фактически, хотя, повидимому, добровольно отказалась отъ вліянія на Европу, котораго прежде требовала,—чтобы въ сколько возможномъ отдаленіи отъ Европы посвятить себя внутреннимъ, по преимуществу національнымъ интересамъ.

„Въ этомъ отдаленіи отъ Европы, въ Россіи видѣли отдаленіе отъ политики Петра Великаго, видѣли завершеніе періода, въ теченіе котораго Россія управляема была чужими людьми и чужими идеями, чужими средствами и для чужихъ цѣлей, и который, начавшись съ Петромъ Великимъ, продолжаемый Екатериною II, въ наше время принесъ свои ядовитые плоды въ возмущеніи и преступленіи... Намъ часто говорили, что Европа всего больше виновата въ тѣхъ бѣдствіяхъ, какія теперь тревожатъ Россію, и что если русская власть перестанетъ европеизировать Россію, то снова вернутся старыя добродѣтели и старое счастье, которыя нарушены были у русскаго народа насильственною рукою цѣлаго ряда не по-русски мыслившихъ правителей. И дѣло не остановилось на однихъ словахъ: молодое и склонное къ этому національному теченію правительство сдѣлало опытъ снова укрѣпить вліяніе престола въ странѣ посредствомъ оживленія національнаго преданія, не стремясь въ то же время къ возстановленію своего иностраннаго вліянія.

„Поэтому представляется неизлишнимъ изслѣдовать, насколько правы руководители русской политики, когда они осуждаютъ, какъ заблужденіе, болѣе чѣмъ 150-лѣтнее развитіе русской исторіи и берутъ на себя—безъ преобладающей помощи европейскаго вліянія—указать впредь русскому народу путь, который, находясь

внѣ основного пути европейской культуры, поведетъ къ собственнымъ русскимъ культурнымъ цѣлямъ".

Авторъ не совѣтуетъ принимать слишкомъ серьезно ни выраженій разгоряченнаго національнаго самолюбія, ни отчаянія, какія слышатся въ современной Россіи. Самъ онъ сильно сомнѣвается, чтобы могли имѣть успѣхъ тѣ мечтатели, которые воображаютъ, что могутъ не въ очень продолжительное время, „въ русскихъ четырехъ стѣнахъ", основать свою собственную цивилизацію, независимую отъ европейской; но онъ думаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что эта „старая русская партія" (Altrussenthum), быть можетъ, вовсе не такъ лишена основаній, какъ склонны думать въ Европѣ по привычкѣ отождествлять Петровскую реформу съ началами европейской цивилизаціи. Бриггенъ именно утверждаетъ, что въ Европѣ до сихъ поръ понимали Петровскую реформу слишкомъ односторонне; по его мнѣнію, выходитъ такъ, что сначала Европа сдѣлала ошибку — отождествить Петровскую реформу съ европейской цивилизаціей, а за Европою стали это повторять и тѣ русскіе историки, „которые послѣдовали европейской исторической традиціи или вынуждены были къ ней правительствомъ" (?). Самъ авторъ не только не раздѣляетъ этого увлеченія Петровской реформой, но и считаетъ его большой ошибкой. „Долгое время не только въ русскомъ правительствѣ, но почти у каждаго отдѣльнаго русскаго человѣка было стремленіе придавать домашнимъ дѣламъ видъ чего-то европейскаго, какъ за границей каждый русскій держалъ себя по внѣшности европейцемъ. И мы въ Европѣ, поддаваясь обману, восхваляли Петра и его преемниковъ [1]), какъ основателей этихъ изумительныхъ намъ ново-европейскихъ порядковъ великаго восточнаго царства, не изслѣдуя ближе, насколько въ самомъ дѣлѣ европейско-петровская культура подъ тѣмъ внѣшнимъ покровомъ, какой намъ показывали, вошла въ плоть и кровь народа, и не спрашивая себя, какъ высока была та цѣна, которую народъ заплатилъ за европейскій костюмъ? Кромѣ того, мы столько же, какъ многіе изъ государственныхъ людей въ Петровскомъ духѣ, были убѣждены въ непогрѣшимости европейскихъ культурныхъ средствъ и охотно вѣрили этимъ нашимъ единомышленникамъ, когда они увѣряли насъ, что ландраты Петра Великаго или ратсгеры Екатерины II или городскіе депутаты Александра II совершенно похожи на свои европейскіе образцы".

---

[1]) Выходитъ, слѣдовательно, что не русскіе слѣдовали за Европой во взглядѣ на реформу, а наоборотъ?

Только въ новѣйшее время,—говоритъ авторъ,—нѣмцы научились понимать русскія дѣла нѣсколько точнѣе, и главнымъ образомъ при помощи самихъ русскихъ, которые начали представляться теперь въ своемъ настоящемъ видѣ; но, какъ прежде, по мнѣнію Бриггена, было ошибкой считать русскихъ настоящими европейцами, такъ теперь было бы ошибкой считать только неразумнымъ мечтателемъ того новѣйшаго русскаго, который является въ своемъ собственномъ костюмѣ. Авторъ находитъ, что для европейцевъ есть всѣ основанія изслѣдовать тѣхъ людей и тѣ идеи, которые рѣшились—и имѣютъ для этого достаточно силъ—дать новое направленіе русской государственной жизни и которые приняли это рѣшеніе въ убѣжденіи, что на своемъ прежнемъ пути государство уже близко подошло къ политическо-административному, экономическому и дипломатическому банкротству. Авторъ не думаетъ, чтобы эта „старо-русская“ партія нашла дѣйствительныя средства противъ угрожающаго бѣдствія, но считаетъ все-таки ея предпріятія имѣющими значеніе, потому что, повидимому, это предпріятіе будетъ послѣднимъ предъ дѣйствительнымъ паденіемъ той системы, начало которой восходитъ еще дальше Петра Великаго. Онъ повторяетъ еще разъ, что мало вѣритъ въ исполнимость задуманнаго этой партіей возвращенія къ до-Петровскому государству, тѣмъ болѣе, что̀ въ ея мнѣніяхъ часто видитъ только „невѣрныя представленія о томъ, что̀ объявляется теперь за Петровское или не-Петровское“. Онъ опасается, что „это въ высшей степени не критическое и страстное предпріятіе кончится ни чѣмъ инымъ, кромѣ тяжелаго поврежденія дѣйствительныхъ культурныхъ элементовъ, которые существуютъ во многихъ мѣстахъ въ странѣ и особливо въ не-русскихъ окраинахъ имперіи [1]), не принося никакой пользы цѣлому“. Поэтому авторъ счелъ полезнымъ изслѣдовать ближе тотъ порядокъ вещей, который считается теперь потерпѣвшимъ банкротство, и указать значеніе Петровскаго періода, который объявляютъ теперь завершеннымъ, тѣмъ болѣе, что „теоретическая борьба объ идеяхъ и основахъ Петровской эры стоитъ теперь на первомъ планѣ русской государственной сцены“.

Такова была задача,—какъ видимъ, не столько чисто историческая, сколько публицистическая, и можно было бы помириться съ тѣмъ, что̀ авторъ говоритъ объ отсутствіи въ его трудѣ „отвлеченной научности“: и тотъ историческій матеріалъ, какой есть на-лицо, безъ какихъ-либо новыхъ открытій, могъ бы

[1]) Подразумѣвается, конечно, остзейскій край.

послужить для соображеній автора о поставленномъ имъ историко-практическомъ вопросѣ. Требовалось бы только одно—чтобы писатель дѣйствительно владѣлъ, кромѣ всегда необходимаго критическаго безпристрастія, и существующимъ матеріаломъ историческихъ свѣденій; къ сожалѣнію только, и въ томъ, и въ другомъ пунктѣ у автора оказываются большіе недочеты.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи книга Бриггена была подробно разсмотрѣна г. Брикнеромъ въ журналѣ „Nordische Rundschau" [1]), и критикъ пришелъ въ нѣкоторый ужасъ отъ смѣлаго обращенія Бриггена съ русской исторіей и отъ незнанія фактовъ у писателя, который хотѣлъ ни болѣе ни менѣе какъ рѣшить вопросъ о прошедшихъ и будущихъ судьбахъ русскаго народа и государства. Предположенная задача требовала массы наблюденій, для историко-статистическаго вывода нужны были обильные факты, но, по словамъ критика, трудъ собиранія Бриггенъ замѣнилъ фантазіей и желаніемъ все видѣть въ мрачномъ свѣтѣ; историческій разсказъ, послѣдовательный и безпристрастный, замѣняется пряными анекдотами и исканіемъ скандала; писатель впередъ смотритъ на русскій народъ и русскую исторію съ высокомѣріемъ, которое мѣшаетъ ему видѣть факты въ ихъ настоящихъ размѣрахъ и отношеніяхъ.

Этотъ общій выводъ критика въ сущности вѣренъ, и книга Бриггена можетъ послужить довольно типическимъ образчикомъ извѣстнаго рода литературы о Россіи,—теперь особливо нѣмецкой. Историческія свѣденія автора невелики, но это не мѣшаетъ ему смѣло судить о русской исторіи и строить о ней теоріи—неслыханныя въ русской исторіографіи. Рѣшенія его, обыкновенно категорическія, производятъ отталкивающее впечатлѣніе самодовольства, которое между прочимъ забываетъ въ своей собственной исторіи аналогическіе примѣры явленій, столь пренебрежительно осуждаемыхъ въ исторіи русской. Грубыя историческія ошибки увеличиваютъ непріятное впечатлѣніе. Древняя русская исторія представляется нѣмецкому писателю вообще въ такомъ родѣ, что она начинается только съ XIV—XV-го столѣтія, съ возвышенія Москвы, и что даже, собственно говоря, только въ XVII-мъ вѣкѣ можетъ идти рѣчь о русской исторіи. Въ теченіе своего тысячелѣтняго существованія русскій народъ не произвелъ ничего собственнаго и самостоятельнаго. Государство, называемое русскимъ, было создано норманнами, и оставалось норманскимъ до самаго монгольскаго нашествія, или даже до

[1]) 1885, т. VI, іюль—декабрь, стр. 522—536.

возвышенія Москвы. Время, когда господствовали Рюриковичи, которые были норманны, было „періодомъ свѣжаго внутренняго роста"; Новгородъ, Псковъ, Вятка, какъ и всѣ 70 (или больше) княженій, на которыя родъ Рюрика раздѣлилъ страну, все это были норманскія государства, въ которыхъ процвѣтало благосостояніе и просвѣщеніе, т.-е. благодаря норманнамъ; такъ Новгородъ процвѣталъ „въ рукахъ норманскаго и нѣмецкаго населенія" вплоть до покоренія Москвы. Въ XV—XVI-мъ столѣтіи, потомки норманновъ были частью истреблены, частью лишены своихъ земель, такъ что „при Петрѣ отъ значенія старыхъ норманскихъ удѣльныхъ князей не осталось уже ничего, что бы онъ долженъ былъ низвергнуть". Остатокъ норманновъ Бриггенъ видитъ еще въ Курбскомъ: „письма Рюриковича, князя Курбскаго, къ Ивану Грозному показываютъ, какъ еще въ половинѣ XVI-го столѣтія было живо у Рюриковичей сознаніе ихъ происхожденія и ихъ прирожденныхъ правъ", и т. д., и т. д. Позднѣе, Москва только продолжала монгольское владычество, азіатское и некультурное: Бриггенъ недоумѣваетъ относительно Грознаго, былъ ли это норманскій берсеркеръ или монголъ. Въ началѣ XVII-го в. Россія была „порабощена" Польшей и т. д.

Было бы излишне перечислять дальнѣйшіе примѣры подобнаго изложенія старой русской исторіи, или рядъ ошибокъ въ фактическихъ показаніяхъ, напр., гдѣ авторъ приписываетъ Ивану Грозному основаніе патріархата въ 1589 году, т.-е. черезъ пять лѣтъ по его смерти; когда онъ относитъ ко времени Ивана III основаніе въ Москвѣ „нѣмецкой слободы", въ то время вовсе не существовавшей, когда онъ по своему разсказываетъ о междуцарствіи, воцареніи Романовыхъ и проч.

Всего больше Бриггенъ останавливается на Петрѣ и его реформѣ. Отношенія его къ Петру крайне враждебныя, какія рѣдко встрѣчаются въ исторической литературѣ. Признавая въ Петрѣ великую энергію, нѣмецкій историкъ отвергаетъ у него всякую широту ума, и въ его дѣлѣ видитъ только сплошную ошибку; человѣкъ съ громадною силою воли, энергіей и практическимъ соображеніемъ, Петръ былъ совершенно неспособенъ къ широкому теоретическому пониманію идеи; его общіе взгляды ограниченны или совсѣмъ отсутствуютъ; его желаніе ввести европейскую цивилизацію свелось къ простому обезьянству, къ пустой жаждѣ новизны; Петръ не думалъ о томъ, что нужно его народу, и его предпріятія обыкновенно не приводили къ желаемой цѣли; оттого изъ его дѣятельности выросла „система лжи" (Lügensystem) и т. д.

удавалась только завоевательная политика, которая была только несчастіемъ для Россіи.

Мы упоминали, что по мнѣнію Бриггена неправильное пониманіе Петровской эпохи создано было европейскими историками и тѣми русскими, которые слѣдовали европейской исторической традиціи или которыхъ „принуждало правительство“ къ восхваленію Петра. Въ другомъ мѣстѣ, онъ упоминаетъ, однако, что въ самомъ русскомъ обществѣ, въ его „старо-русской“ партіи, существуетъ весьма рѣшительное отрицаніе Петровской эпохи, идущее до стремленія возстановить бытовые и моральные порядки старой московской Россіи. На самомъ дѣлѣ возвеличеніе Петра въ русскихъ понятіяхъ совершилось не по „принужденію“, а естественнымъ ходомъ вещей; общество XVIII-го вѣка дѣйствительно видѣло въ Петрѣ и виновника могущественнаго роста государства, и основателя того общественнаго быта и образованія въ европейскомъ смыслѣ, съ которымъ оно сживалось и которое, хотя бы бо̀льшею частью въ весьма скудномъ размѣрѣ, становилось его вкусомъ и потребностью. Оффиціальные панегирики Петру совпадали со взглядами большинства образованныхъ людей, и если съ другой стороны въ литературѣ долго не могло найти мѣста критическое отношеніе къ Петру и реформѣ, это было послѣдствіе цензурнаго давленія, которое вообще долго дѣлало невозможной историческую критику не только для Петра, но и для всей новѣйшей исторіи. Въ дѣйствительности, отрицаніе Петровской реформы высказывалось уже въ XVIII-мъ вѣкѣ и въ наше время было однимъ изъ догматовъ славянофильства и его эпигоновъ. Еще позднѣе, книга Костомарова о Петрѣ В. была совершенно свободна отъ традиціоннаго панегирика и страдала скорѣе преувеличеніемъ осужденій. Въ противность утвержденію Бриггена, русскіе историки давно задавали вопросъ о томъ, въ какую цѣну обходился Россіи европейскій костюмъ, и насколько вообще онъ нуженъ.

Настаивая на недостаткахъ въ складѣ ума, практически богатаго, теоретически тѣснаго, въ личномъ характерѣ и т. д. Петра Великаго, Бриггенъ видитъ основной порокъ его дѣятельности въ томъ, что она была дѣломъ только личнаго произвола и фантазіи, безъ всякой глубокой мысли о дѣйствительныхъ потребностяхъ государства и средствахъ народа: Петръ вводилъ иноземныя учрежденія, чуждыя для народа; онъ сталъ завоевателемъ безъ всякой надобности и, напротивъ, только съ вредомъ для народа; онъ истощалъ народныя силы, и такимъ образомъ, созидая одной рукой, другою разрушалъ созидаемое.

Эти сужденія не новы и бывали высказаны даже съ болѣе принципіальною строгостью; но рядомъ съ ними становятся непонятны другія замѣчанія самого Бриггена. По его собственному разсказу (стр. 131 и слѣд.) дѣятельность Петра представляетъ нѣчто столь необычайное, его культурныя стремленія простираются на такую массу предпріятій, не только задуманныхъ, но и выполненныхъ, что это одно могло бы заставить недоумѣвать относительно его выводовъ о дѣятельности Петра [1]). Самая обширность и разнообразіе исполненнаго заставили бы предполагать гораздо болѣе глубокую причину, чѣмъ одинъ личный, хотя бы геніальный произволъ. Историка могло бы привесть въ недоумѣніе и другое: какъ могла бы совершиться эта громада политическихъ предпріятій и завоеваній одною чисто личною волею при такой слабости и истощеніи средствъ народа, на которыя Бриггенъ постоянно указываетъ; какъ могли удержаться впослѣдствіи эти завоеванія и учрежденія при ничтожныхъ преемникахъ, еслибы въ этихъ предпріятіяхъ не скрывался историческій смыслъ національнаго требованія; чѣмъ, какъ не этимъ требованіемъ, объяснялась бы вся эта гигантская дѣятельность, напрягавшая и всѣ народныя силы? Еслибы начинанія Петра имѣли такой узкій источникъ, какъ личный, и притомъ, по Бриггену, весьма неразумный капризъ одного деспота надъ тупой массой (willenloses Volk), — эти начинанія по исторической логикѣ должны были бы пасть вмѣстѣ съ нимъ. Но исторія говоритъ иное: начинанія его не пали; напротивъ, несмотря на всю безобразную исторію средины прошлаго вѣка, онѣ продолжали развиваться, въ одномъ ослабѣвая, въ другомъ укрѣпляясь. Петръ Великій былъ возможенъ именно потому, что въ немъ выразилась давно накоплявшаяся въ московской Россіи потребность болѣе широкой государственной жизни и просвѣщенія, и если притомъ въ его преобразованіи было столько неровностей, столько суровыхъ дѣяній, доходившихъ до жесто-

---

[1]) На стр. 258—259 по поводу извѣстной рѣчи Петра при спускѣ корабля, гдѣ онъ, вспоминая свою тридцатилѣтнюю дѣятельность и обозрѣвая исторію человѣческаго просвѣщенія, высказывалъ увѣренность, что придетъ нѣкогда время славы просвѣщенія русскаго, Бриггенъ находитъ въ его понятіяхъ только die flache Auffassung европейской культуры, и die ganze Hohlheit, съ которой Петръ вводилъ внѣшнія формы культуры какъ модный товаръ, и проч. Но на стр. 131—132 самъ Бриггенъ пишетъ: „Seine hervorstechendste Eigenschaft war eine staunenswerthe Spannkraft des Geistes, die sich auf eine ebenso grosse Ausdauer des Körpers stützte... Nichts von dem bequemen Gehenlassen, das der Russe so damals wie heute zeigt. Bei ihm war alles unausgesetzt in Bewegung, Körper, Wille, Geist. Und diese Energie der Arbeit reifte seine Denkkraft zu einer ebenso andauernden Fähigkeit die verschiedenartigsten Dinge gleichzeitig mit grosser Schärfe zu behandeln“, и проч.

кости, столько широкихъ замысловъ и рядомъ поспѣшнаго, а иногда также и поверхностнаго перениманія съ чужихъ образцовъ, то все это логически объясняется тѣмъ, что самъ Петръ былъ дѣтище московской Россіи.

Ошибка Бриггена состоитъ еще въ томъ, что онъ ограничился только внѣшнимъ государственнымъ и общественнымъ бытомъ и не коснулся внутренняго процесса, который совершался въ умахъ и нравахъ прошлаго вѣка. Онъ нашелъ бы и здѣсь, что реформа вовсе не была такъ поверхностна, какъ это ему представляется. Въ своей энергической дѣятельности Петръ опережалъ массу общества въ дѣлѣ образованія и связанной съ нею литературы: результаты реформы стали сказываться нѣсколько позднѣе, тѣмъ больше, что послѣдующія правительства не торопились съ размноженіемъ образовательныхъ учрежденій (московскій университетъ основанъ былъ только черезъ 30 лѣтъ по смерти Петра), но потребность просвѣщенія была возбуждена и уже навсегда. Первые опыты были слабы, но съ каждымъ шагомъ они становились тверже, увѣреннѣе, сознательнѣе, и во второй половинѣ столѣтія можно было считать обезпеченнымъ развитіе литературы какъ самостоятельнаго общественнаго дѣла, которое будетъ жить и возрастать силами самого общества. Люди XVIII-го вѣка, для которыхъ умственная жизнь становилсь необходимой стихіей, сознавали ясно, гдѣ былъ первый толчокъ къ этому движенію, и здѣсь былъ главный источникъ того возвеличенія памяти Петра, которое кажется Бриггену только исполненіемъ приказа.

Но несмотря на то, что нѣмецкій писатель строилъ изъ собственной фантазіи древнюю русскую исторію (норманновъ и т. п.), что ему недостало ни фактическаго знанія, ни спокойной критики, съ его книгой не безполезно ознакомиться—не для пониманія нашей старой исторіи, но для знакомства со взглядами новѣйшей нѣмецкой публицистики, въ которыхъ найдется и нѣчто заслуживающее вниманія. Бриггенъ далъ кодексъ понятій, какими руководится большое число особливо нѣмецкихъ публицистовъ, которые судятъ и рядятъ о Россіи. Историческаго знанія обыкновенно не хватаетъ; сужденія диктуются слишкомъ часто явнымъ недоброжелательствомъ и дурного тона высокомѣріемъ,—оглянувшись, напримѣръ, на свой собственный XVII-XVIII вѣкъ, съ его феодальнымъ хозяйничаньемъ мелкихъ владѣтельныхъ князей, копировавшихъ нравы французскаго двора, презиравшихъ нѣмецкую литературу, продававшихъ гуртомъ своихъ подданныхъ въ видѣ наемнаго войска и т. п., нѣмецкіе историки могли бы

разсуждать нѣсколько спокойнѣе о нашемъ прошломъ столѣтіи... Съ другой стороны, противникъ иногда ясно видитъ слабыя стороны чужого дѣла.

Собственная заключительная мысль автора не совсѣмъ ясна. Въ предисловіи, основными недостатками современнаго русскаго положенія Бриггенъ считаетъ „не столько поверхностныя явленія внѣшней политической слабости, не столько нигилизмъ и экономическія затрудненія, но тѣ недостатки, изъ которыхъ происходятъ эти явленія, а именно, распаденіе главныхъ государственныхъ органовъ (? die Auflösung der staatlichen Hauptorgane) и упадокъ народнаго благосостоянія". На послѣднихъ страницахъ, въ числѣ вещей, необходимыхъ, по его мнѣнію, для блага Россіи, предлагается ей отказъ отъ невозможнаго единства громаднаго царства (die Auflösung der unhaltbaren Einheit des Riesenreiches). Въ чемъ состоитъ исправленіе отъ перваго указаннаго выше недостатка (если онъ не относится къ бюрократіи,—о чемъ далѣе), остается невыясненнымъ; на вторую мѣру, рекомендуемую нѣмецкимъ публицистомъ, Россія, надо думать, не согласится и вовсе не сочтетъ ее для себя полезной. Но въ другихъ замѣчаніяхъ нѣмецкаго писателя, исключивъ его тонъ и фальшивую исходную точку, есть немалая доля вѣрнаго пониманія русскихъ внутреннихъ отношеній.

Таковы, напримѣръ, его осужденія бюрократіи. Не вполнѣ вѣрно понимаетъ онъ ея дѣйствія, напримѣръ производя изъ нея самый нигилизмъ, но, безъ сомнѣнія, онъ правъ, когда говоритъ о крайностяхъ исключительно бюрократическаго веденія народной жизни. „По своей природѣ,—говоритъ онъ, напримѣръ,—чиновничество все еще сохраняетъ централизацію государственной жизни, какъ ни разнообразно начинаетъ складываться эта жизнь въ новѣйшее время. Въ Петербургъ стекается вся кровь изъ самыхъ малѣйшихъ жилъ въ членахъ государства, и здѣсь застаивается. Давно уже эта голова не въ состояніи слѣдить за жизнью въ народѣ; важнѣйшія дѣла не выходятъ изъ петербургскихъ канцелярій; назначаются однѣ коммиссіи за другими и безъ всякаго успѣха. Въ этихъ канцеляріяхъ установилось, конечно, бюрократическое доктринерство, которое на все имѣетъ одинъ отвѣтъ и ни на что не имѣетъ живого слова. Люди, никогда не видавшіе крестьянскаго поля, должны поставлять крестьянскіе аграрные законы; дѣла, столь же различныя между собою, какъ берега Ледовитаго моря и равнины Средней Азіи, какъ нѣмецкіе питомцы европейской культуры и сибирскіе якуты, рѣшаются по возможности въ одной и той же канцеляріи и по однимъ зако-

намъ. Безразличіе и одноформенность составляютъ принципъ всякой бюрократіи, который долженъ быть выполняемъ, чтобы облегчить чиновническую работу и сообщить ей порядокъ. Этотъ благодѣтельный принципъ канцеляріи долженъ дѣйствовать подавляющимъ образомъ тамъ, гдѣ канцелярія распространила свою власть на тѣ дѣловыя области, которыя ей вовсе не подлежатъ. По этому принципу и правитъ высокомѣрное русское бюрократическое государство, основанное Петромъ, и этому принципу оно насильственно, безжалостно приноситъ въ жертву многое цѣлесообразное и здоровое въ народной жизни. И несмотря на эту постоянную и великую жертву, механизмъ этого бюрократическаго государства близокъ къ тому, чтобы ослабѣть подъ непосильной тяжестью своихъ обязанностей и остановиться" (?).

Здѣсь,—продолжаетъ авторъ,—невозможно никакое возрожденіе въ старыхъ формахъ... По словамъ автора, бюрократія вызываетъ всеобщее недовольство. „Лучшая часть самого чиновничества, насколько оно вообще мыслитъ политически, не вѣритъ въ себя и въ свою способность вести государство, какъ вело прежде. Но чѣмъ дольше длится это постоянное возрастаніе требованій, предъявляемыхъ бюрократическому государству, и одновременный упадокъ его силы, тѣмъ болѣе грознымъ становится наступающее необходимое рѣшеніе этого противорѣчія. Потому что бюрократія все еще остается государствомъ въ государствѣ, и рядомъ съ ней идетъ своимъ собственнымъ путемъ жизнь народа. Если новѣйшее, и въ разныхъ отношеніяхъ неполезное, восхваленіе крестьянъ основывается на политической ошибкѣ, то на мой взглядъ въ этой національной мечтѣ можно замѣтить ту правдивую черту, что въ ней высказывается инстинктивное отвращеніе къ оторванному отъ народа чиновничеству и сознаніе, что крестьянинъ издавна и до сихъ поръ меньше потерпѣлъ отъ разлагающаго воздуха бюрократическаго режима, чѣмъ другіе классы. Есть нѣчто истинное въ томъ, что настоящую народность можно найти только въ русскихъ крестьянахъ. Но только мечтатели могутъ изъ-за этого желать осудить весь народъ на то, чтобы онъ сталъ крестьянскимъ народомъ. Развѣ исторія не могла бы скорѣе показать, что прекрасныя національныя качества низшаго класса, что русская народность осталась подлинной не потому, что она осталась русской и крестьянской, а потому, что она осталась самостоятельной внѣ бюрократическаго государства? Еслибы исторія не оставила этой возможности и этой надежды, то я не знаю, какая перспектива осталась бы русскому народу идти впередъ на пути культуры, къ которому стремился Петръ.

Немногое можно было бы тогда противопоставить страшному приговору: что русское племя неспособно, съ другими великими членами европейской семьи народовъ, идти самостоятельно впередъ тѣмъ же культурнымъ путемъ. Тогда жалоба Посошкова превратилась бы въ потрясающій приговоръ надъ самимъ собой, именно жалоба, что русскій народъ, кажется, осужденъ на то, чтобы надъ нимъ господствовали иноземцы" [1]).

На основаніи своего толкованія древней русской исторіи, о которомъ мы выше говорили, авторъ утверждаетъ дальше, что русская исторія дѣйствительно можетъ породить сомнѣніе въ томъ, способенъ ли русскій народъ къ самостоятельной культурѣ. Въ первые вѣка, до самаго возвышенія Москвы, господствуютъ, по его теоріи, норманны; затѣмъ господствуютъ монголы, и Москва образуетъ государство по ихъ образцу; затѣмъ Москву покоряютъ (?) поляки; и только послѣ этого Россія получаетъ впервые собственнаго властителя и въ теченіе столѣтія представляетъ примѣръ жалкой неспособности (jämmerliche Unfähigkeit) достигнуть до правильнаго государственнаго быта. Наконецъ, является Петръ, вводитъ насильственно чужіе образчики культуры, отдавая это дѣло въ руки деспотической бюрократіи; эта бюрократія оказывается неспособной исполнить задачу, и, по заключенію автора, снова предстаетъ вопросъ: кто же можетъ совершить то, чего хотѣлъ Петръ, кто можетъ обезпечить славянскому востоку европейскую культуру?

Такимъ образомъ, по мнѣнію Бриггена въ Россіи „цѣлое тысячелѣтіе господствовали чужіе люди и чужія вещи". Никакимъ народомъ не было такъ легко управлять, какъ народомъ русскимъ, и какъ орудіе, которое управляло имъ, была внѣшняя механическая сила, то и государство образовалось внѣшнимъ механическимъ образомъ: въ немъ недоставало творческой, оживляющей культурной силы, свойственной другимъ народамъ индоевропейскаго племени. Тамъ, гдѣ была эта сила, она была чужого происхожденія: то, что̀ вышло изъ силы народной, носитъ по преимуществу отрицательный, разрушительный характеръ, и только въ очень небольшой мѣрѣ характеръ производительный и творческій. Авторъ признаетъ опять прекрасныя свойства самого народа: „эти свойства блестящимъ образомъ обнаруживаются въ крестьянинѣ, въ простомъ народѣ; онѣ легко исчезаютъ, какъ скоро крестьянинъ получаетъ образованіе и поднимается въ болѣе высокій классъ; онѣ легко превращаются въ пороки, какъ скоро

[1]) V. d. Brüggen, стр. 508—510.

онъ получаетъ руководящую власть". Авторъ изумляется косности русскаго народа въ культурномъ творчествѣ, какъ и безсилію въ восприняти и сохраненіи тѣхъ формъ жизни, которыя составляютъ необходимое условіе культурнаго развитія. „Удивительно,—говоритъ авторъ,—съ какою легкостью и до сихъ поръ русскій народъ умѣетъ лишить ихъ нравственнаго содержанія тѣ учрежденія, которыя принадлежатъ къ порядку культурной жизни и заявляютъ хотя бы малѣйшія требованія на нравственное содѣйствіе народа, и въ короткое время оставляетъ изъ нихъ только пустую форму закона. Нѣтъ числа законамъ, при изданіи которыхъ знали впередъ, что они останутся только призракомъ. Произвели ли законодатели, какъ Петръ, это искусство обманывать законъ и право? Или нравственная сила народа недостаточна для того, чтобы наложить на себя требованія высшей культурной жизни? Помѣшало ли русскимъ бѣдственное прошедшее въ развитіи ихъ силъ, или народный характеръ побудилъ правителей къ расширенію государственной власти на счетъ внутренней жизни? Должно ли принять, что не исторія, а природа этого народа заставила его за тысячу лѣтъ, какъ разсказываетъ его собственное преданіе, искать чужихъ властителей, потому что предстоялъ только выборъ между чужимъ порядкомъ или никакимъ порядкомъ?"

Въ заключительныхъ словахъ своей книги авторъ, по поводу тѣхъ идей, какія высказывались въ послѣднее время въ средѣ русскаго общества, говоритъ приблизительно слѣдующее: „Дѣйствительное устраненіе того зла, какое вложилъ Петръ Великій въ свое государственное зданіе, сколько мнѣ кажется, должно состоять не въ возвратѣ къ государственнымъ и церковнымъ учрежденіямъ царя Алексѣя, а скорѣе въ оставленіи военно-завоевательной внѣшней политики и національно-завоевательной внутренней политики обрусѣнія; должно состоять въ прекращеніи господства бюрократіи, въ созданіи самостоятельныхъ народныхъ классовъ, особливо сильныхъ руководящихъ классовъ; въ освобожденіи религіозной жизни народа и въ освобожденіи мѣстной народной жизни; въ уничтоженіи деспотической централизаціи; въ возвращеніи къ дѣйствительнымъ русскимъ народнымъ интересамъ, которые еще донынѣ имѣютъ свою родину въ Москвѣ, „у могилъ предковъ", а не въ иностранномъ городѣ Петра Великаго (?)". Выше мы упоминали, что въ числѣ средствъ, необходимыхъ для внутренняго процвѣтанія Россіи, авторъ считаетъ также устраненіе единства самой имперіи.

Среди преувеличеній, историческихъ ошибокъ и даже нелѣ-

постей, нѣмецкій публицистъ высказалъ, однако, нѣсколько положеній, любопытныхъ, какъ мнѣніе „Европы", и не лишенныхъ истины. Въ другой формѣ и въ другихъ размѣрахъ тѣ же вопросы издавна и глубоко занимали просвѣщеннѣйшихъ людей нашего общества,—и притомъ очень разныхъ оттѣнковъ, и консервативныхъ, и либеральныхъ. Сколько недоумѣній вызывалъ и у насъ вопросъ объ отношеніи нашего народа къ европейской цивилизаціи, и сколько велось по этому поводу ожесточенныхъ споровъ; сколько говорилось на тему поверхностности нашего образованія, чуждаго народной массѣ и коснувшагося—большею частью очень легко и внѣшнимъ образомъ—одного высшаго сословія; сколько говорилось о томъ, что извѣстныя отрасли промышленной культуры, внѣшней (европейской) торговли находятся до сихъ поръ въ рукахъ иностранцевъ; о недостаткѣ или необезпеченности у насъ общественной самостоятельности и иниціативы, или о „петербургскихъ" канцеляріяхъ и т. п. Наша культурная отсталость отъ Европы не подлежитъ сомнѣнію, и сколько разъ мнимо-патріотическіе публицисты хотѣли уклониться отъ признанія этого факта обличеніемъ „гнилой" европейской цивилизаціи, будто бы намъ совершенно ненужной, и т. п., — когда только въ болѣе широкомъ усвоеніи этой цивилизаціи, т.-е. ея науки и промышленнаго знанія, состоитъ единственное обезпеченіе наше отъ иноземной эксплуатаціи, существованіе которой составляетъ фактъ, едва ли опровержимый. Не говоря о банальныхъ отрицаніяхъ европейской цивилизаціи, едва ли и болѣе идеалистическія противоположенія Россіи Европѣ не имѣли однимъ изъ своихъ источниковъ неудовлетворяемое чувство, которое поражалось сознаніемъ культурной подчиненности, столь прискорбной при громадности страны и народа.

Не лишено значенія и то, что̀ говоритъ нѣмецкій публицистъ о „возвеличеніи мужика", т.-е. о народничествѣ, какъ и слова его о томъ, чѣмъ отзывается на внутреннихъ силахъ коренного народа чрезвычайное расширеніе государственной территоріи: нѣтъ сомнѣнія, что оно требуетъ отъ центра все новой затраты силъ не только на занятіе и удержаніе новыхъ земель, но и на ассимиляцію или, по крайней мѣрѣ, культурное уравновѣшеніе той массы полу-дикаго элемента, который получаетъ право русскаго гражданства.

Единственное средство отвѣчать на всѣ культурно-историческія требованія, которыя окружаютъ русскую жизнь, есть—поднять образовательный уровень русскаго народа развитіемъ общественной и мѣстной самостоятельности и, сколько возможно, ши-

рокимъ развитіемъ высшей, университетской и политехнической, и народной школы. Усилія людей, старающихся стѣснить то и другое, т.-е. сохранить низменный уровень народнаго просвѣщенія, работаютъ только на руку противникамъ русскаго народа и государства.

Весьма полезный противовѣсъ превратнымъ толкованіямъ и обвиненіямъ Петровской реформы представляетъ вышедшая недавно въ Германіи книга дерптскаго профессора Брикнера.

Авторъ не задавался теоретическимъ или философско-историческимъ разсужденіемъ о необходимости или ненужности, пользѣ или вредѣ реформы: этотъ вопросъ кажется ему какъ будто просто излишнимъ или такимъ, который рѣшается самъ собой—сопоставленіемъ характеристическихъ фактовъ. Вмѣсто того, чтобы вдаваться въ теоріи, авторъ дѣлаетъ обзоръ цѣлаго ряда культурно-историческихъ явленій за время до Петра и послѣ Петра, вплоть до новѣйшихъ временъ, и сличеніе ихъ само собою выдвигаетъ передъ наблюдателемъ продолжительный историческій процессъ культурнаго развитія, начало котораго восходитъ далеко въ московскую Россію и гдѣ нововведенія Петра были только болѣе сильнымъ толчкомъ давно начатому дѣлу. Авторъ замѣчаетъ, что подобнаго рода трудъ еще не былъ сдѣланъ въ русской литературѣ; въ дѣйствительности, по особымъ отдѣламъ исторіи политики, администраціи, учрежденій, по исторіи науки, литературы, нравовъ и обычаевъ, собрано уже множество матеріала, но онъ не былъ сопоставленъ въ цѣлую сравнительно-историческую картину, и трудъ г. Брикнера является кстати.

Во введеніи, авторъ такъ излагаетъ точку зрѣнія своей работы:

„Вступленіе русскихъ въ семейство европейскихъ народовъ есть важнѣйшее явленіе въ исторіи восточной Европы. И въ исторіи всемірной этотъ фактъ занимаетъ многозначительное мѣсто. Морская и океаническая Европа была дополнена континентальной Россіей; рядомъ съ германцами и романцами выступили славяне, какъ равноправный политическій элементъ; къ міру католическому и протестантскому присоединился міръ греко-православный. Сцена историческаго развитія, расширяясь открытіемъ новаго свѣта далеко на западъ, вмѣстѣ съ тѣмъ въ большомъ размѣрѣ распространилась на востокъ.

„Для развитія Россіи это присоединеніе къ западу было рѣшающимъ. Отъ рѣшенія вопроса, вступить ли это царство въ отношенія къ Европѣ или нѣтъ, зависѣло все. Была альтернатива: Азія или Европа, застой или прогрессъ, неисторическое бытіе или

развитіе; въ сущности, только кажущаяся альтернатива. Народъ или его правительство не могли даже дѣлать выбора, рѣшать дѣло такъ или иначе. Какъ въ существѣ европейской культуры лежало то, что она распространялась, сообщалась другимъ народамъ, переносилась въ другія части свѣта, такъ и русскій міръ заключалъ въ себѣ зерно дальнѣйшаго развитія. Оно исключало уже принципъ изолированности. Если византійское вліяніе и татарское иго задержали Россію въ теченіе вѣковъ на пути прогресса, то это состояніе не могло быть продолжительно.

„Въ виду экспансивности европейской цивилизаціи какъ стихійной силы, въ виду воспріимчивости русскихъ къ благамъ прогресса не имѣло прежде никакого значенія то обстоятельство, что на западѣ стремились иногда къ тому, чтобы отстранить Россію отъ участія въ общемъ человѣческомъ развитіи, удержать ее на низшей ступени культуры; и не имѣетъ теперь никакого значенія то, что въ самой Россіи даже въ новѣйшее время можно замѣчать припадки отвращенія отъ Европы. Точно также, какъ не можетъ быть приписана какому-нибудь правительству или властителю или какой-либо партіи заслуга, или, если угодно, вина европеизированія Россіи,—не во власти отдѣльныхъ лицъ, или немногихъ, или многихъ, сдѣлать небывшими или повернуть назадъ результаты процесса, продолжавшагося цѣлые вѣка. Если полагали, что, напримѣръ, Петръ Великій несетъ на себѣ отвѣтственность за рѣшеніе судьбы Россіи вслѣдствіе сближенія ея съ Европою, то подобный взглядъ основывается только на незнаніи фактовъ. Озлобленіе, которое питаютъ славянофилы, ультра-націоналы, къ геніальному государю, отвѣчаетъ ихъ незнанію или нежеланію знать исторію Россіи до Петра. Онъ не могъ направить Россію на ложный путь, потому что направленіе развитія русскаго царства давно было предуказано рядомъ общихъ историческихъ условій. Петръ своими дарованіями и силою воли ускорилъ процессъ европеизированія,—не болѣе. Что̀ значитъ одно царствованіе, что̀ значитъ энергія одного человѣка передъ путями народныхъ судебъ, которые предписаны могуществомъ идей и требуютъ иной мѣрки, нежели мѣрка одного человѣка, одного правительственнаго періода?

„Слѣдующее изложеніе, которое можетъ быть дополнено дальнѣйшими трудами подобнаго рода, доставляетъ доказательства въ пользу того, что величайшее преобразованіе новѣйшей русской исторіи совершилось независимо отъ личнаго желанія и стремленія отдѣльныхъ лицъ, или Петра. Если окажется, что всѣ или почти всѣ правительства въ теченіе цѣлыхъ столѣтій участвовали въ

труд европеизированія Россіи, то осужденіе или прославленіе одного лица, какъ виновника такой метаморфозы, теряетъ смыслъ. Вопросъ о томъ, кто раздвинулъ территорію Россіи на западъ и такимъ образомъ приблизилъ царство къ Европѣ, кто ограничилъ вліяніе восточныхъ народовъ, кто воспользовался сотрудничествомъ малоруссовъ и балтійцевъ, призвалъ иноземцевъ и послалъ русскихъ за границу, кто слѣдовательно произвелъ самыя рѣшительныя перемѣны въ составѣ территоріи, въ складѣ культурныхъ элементовъ населенія, въ нравахъ руководящихъ круговъ русскаго общества, — этотъ вопросъ таковъ, что на него нельзя отвѣтить, назвавъ одно имя или имена нѣсколькихъ правителей"...

Авторъ отвѣчаетъ на него рядомъ монографій, посвященныхъ различнымъ предметамъ русской политической исторіи, общественныхъ отношеній, администраціи и быта, восходя хронологически въ самую глубину московскаго царства и кончая фактами современными. Его изложеніе обнимаетъ слѣдующіе предметы: *западная граница* Россіи; *сношенія* съ Европой и *пути сообщенія* дома; *города*—характеръ и малонаселенность старыхъ городовъ, и новая городская жизнь; *инородцы*—ослабленіе и экономическій упадокъ восточнаго инородческаго элемента, племенное смѣшеніе и обрусѣніе, азіатско-русскія фамиліи; *поляки и малоруссы* — „возможность полонизаціи Россіи", различіе образовательнаго уровня въ старой Малороссіи и Россіи; „*балтійцы*"—остзейскіе плѣнники въ XVI-мъ столѣтіи и въ сѣверную войну, вліяніе балтійцевъ въ XVIII-мъ столѣтіи, при имп. Аннѣ, Екатеринѣ II; *иноземцы*—давніе призывы иноземцевъ правительствомъ и давніе протесты противъ нихъ въ русскомъ обществѣ, „планы устроить нѣчто въ родѣ сицилійской вечерни", иноземцы при Петрѣ и его преемникахъ, національная реакція при восшествіи на престолъ Елизаветы, иноземцы какъ свѣдущіе люди (техники, купцы, военные, моряки и пр.) и учителя; *русскіе за границей*—рѣдкость путешествій въ старину, странная роль старинныхъ путешественниковъ въ Европѣ, путешествія Петровскаго времени и позднѣе, бѣглецы, путешествія знатныхъ людей конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка; *измѣненіе нравовъ высшихъ сословій*—одежда, положеніе женщины, воспитаніе и пр.

Таковы предметы, изслѣдованіемъ которыхъ г. Брикнеръ объясняетъ выставленное имъ положеніе о неизбѣжности Петровской реформы и о давно начавшемся, постепенномъ измѣненіи русской жизни въ культурномъ отношеніи, гдѣ дѣятельность Петра отличалась не своими основами, а только небывалой прежде энергіей. Понятно, что этотъ рядъ предметовъ можетъ быть еще умноженъ

многими другими явленіями государственной, общественной и бытовой жизни, развитіе которыхъ кладетъ грань между старой и новой Россіей и которыя, однако, издавна и постепенно были подготовляемы еще въ московскомъ періодѣ. Напримѣръ, авторъ почти совсѣмъ не коснулся исторіи науки и совсѣмъ не коснулся литературы; между тѣмъ и здѣсь, при всемъ различіи уровня образованія и литературы въ концѣ XVII-го и въ концѣ XVIII-го столѣтія, можетъ быть указана та же постепенность и такіе же давніе зачатки движенія въ европейскомъ смыслѣ.

Останавливаясь на внѣшнемъ расширеніи Россіи, авторъ указываетъ, что съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Россія освободилась отъ татарскаго ига, начинается быстрое расширеніе территоріи. Собственно говоря, этотъ процессъ начался еще раньше, потому что возвышеніе Москвы, совершавшееся подъ татарскимъ игомъ, было уже зародышемъ новаго государства, съ тѣхъ поръ постоянно возраставшаго. Сопоставляя факты, авторъ объясняетъ, что расширеніе территоріи было неизмѣннымъ правиломъ всей послѣдующей русской исторіи, вызывалось необходимостью защиты и совершалось по всѣмъ направленіямъ. Борьба съ татарами, которые хотя уже лишились господства, но представляли разбойничье сосѣдство, вела на востокъ и югъ; покореніе Новгорода присоединило къ Москвѣ весь сѣверъ; Иванъ III, въ XV-мъ столѣтіи, уже заявлялъ свои права на западныя русскія земли, подпавшія литовско-польскому владычеству. Движеніе на востокъ шло по рѣкамъ. „Слѣдуя теченію рѣкъ, московское государство въ послѣдніе вѣка достигло до разныхъ морскихъ береговъ. Что вниманіе правительства за десятки лѣтъ до завоеванія Казани должно было быть обращено на этотъ пунктъ, это было исторической необходимостью. Москва, какъ притокъ Оки, и послѣдняя, какъ притокъ Волги, уже давно привели къ тому пункту, гдѣ въ первой половинѣ XIII-го столѣтія основанъ былъ Нижній-Новгородъ. Крѣпости Васильсурскъ и Свіяжскъ на Волгѣ, построенныя въ первой половинѣ XVI-го вѣка, служили станціями на пути къ Казани, которая досталась русскимъ въ 1552 году. Слѣдуя теченію Волги, русскіе нѣсколько лѣтъ спустя овладѣли Астраханью. Такъ было достигнуто Каспійское море. Слѣдуя берегамъ Каспія, Петръ достигъ сѣверныхъ областей Персіи; его завоевательные планы, направленные на пріобрѣтенія въ закаспійской области, были осуществлены сравнительно поздно, въ царствованіе Александра II.

„Въ началѣ XVI-го вѣка Россія овладѣла, на счетъ польско-литовскаго государства, тѣми областями, гдѣ имѣетъ свое начало

Двина. Планы и усилія овладѣть Лифляндіей, впервые возникающіе во времена Ивана IV, были увѣнчаны успѣхомъ только при Петрѣ; русскіе достигли, наконецъ, до Риги; балтійскій вопросъ рѣшился въ пользу Россіи.

„Въ XVII-мъ столѣтіи присоединены Кіевъ и Смоленскъ" и проч.

Рядомъ подобныхъ припоминаній авторъ объясняетъ, что расширеніе русской территоріи шло столь послѣдовательно, что время Петра не представляло въ этомъ отношеніи никакого исключенія. При этомъ расширеніе территоріи на востокѣ и западѣ представляло громадную разницу: первое шло въ громадныхъ размѣрахъ, направляясь въ страны полудикихъ восточныхъ народовъ; второе было гораздо медленнѣе; первое ничего не измѣняло во внутренней жизни русскаго народа и продолжалось даже тогда, когда государство испытывало величайшія невзгоды—такъ движеніе въ Сибирь не останавливалось даже въ эпоху смутнаго времени; второе отражалось чрезвычайно важными послѣдствіями для внутренней жизни народа, все болѣе приближая Россію къ Европѣ. Такой смыслъ имѣли присоединеніе Малороссіи, завоеваніе Остзейскаго края и Финляндіи, раздѣлы Польши, пріобрѣтеніе отъ Турціи юго-западныхъ областей. „Основной вопросъ — останется ли Россія восточнымъ царствомъ или сдѣлается государствомъ европейскимъ—рѣшенъ былъ въ послѣднемъ смыслѣ тѣмъ, что Москва вышла побѣдительницей изъ борьбы съ западными сосѣдями".

Авторъ напоминаетъ любопытныя статистическія цифры, изъ которыхъ слѣдуетъ, что въ теченіе четырехъ послѣднихъ столѣтій *ежедневный* приростъ территоріи представлялъ среднимъ числомъ 130 квадратныхъ километровъ [1]). Если считать два послѣднія столѣтія отъ смерти Алексѣя Михайловича, этотъ приростъ равняется 90 километрамъ; отъ восшествія на престолъ Екатерины II до Александра II онъ составляетъ 80 километровъ. Съ другой стороны, авторъ приводитъ цифры о томъ, насколько съ новыми пріобрѣтеніями граница отодвинулась на западъ и насколько вмѣстѣ съ этимъ Россія приблизилась къ Европѣ. Въ московское время Смоленскъ находился вблизи границы (400 километровъ отъ Москвы); теперь западная граница идетъ около Калиша (1400 верстъ отъ Москвы). Въ сѣверо-западномъ направленіи граница подвинулась отъ Гдова до Торнео (1000 и 1600 километровъ отъ Москвы). На юго-западѣ былъ границей Харьковъ,

[1]) Авторъ ведетъ счетъ на километры, назначая книгу для нѣмецкихъ читателей; километръ немного менѣе версты.

въ 700 кил. отъ Москвы; теперь до Кишинева 1400 кил. На югѣ—Курскъ и Севастополь (500 и 1500 кил. отъ Москвы).

Россія приблизилась къ Европѣ не только этимъ перенесеніемъ границы дальше на западъ, но и устройствомъ новыхъ путей сообщенія, облегченіемъ путешествій. Авторъ напоминаетъ нѣсколько фактовъ, которые наглядно рисуютъ прежнее чрезвычайное отдаленіе Россіи отъ Европы. „Кажется страннымъ,—говоритъ онъ,—что въ очень многихъ случаяхъ, даже съ нѣкоторой правильностью, путь изъ Москвы въ западную Европу шелъ черезъ Архангельскъ и кругомъ Лапландіи и Норвегіи. Разстояніе отъ Москвы до Лондона составляетъ кратчайшимъ путемъ около 2.500 кил. Въ XVI-мъ и XVII-мъ столѣтіи, чтобы попасть въ Москву, дѣлали обыкновенно болѣе 5.500 кил., путешествуя изъ Лондона къ сѣверу кругомъ Норвегіи. При настоящихъ средствахъ сообщенія можно проѣхать это пространство отъ Москвы во столько же дней, сколько за два или за три столѣтія назадъ требовалось мѣсяцевъ, чтобы достигнуть отъ одного пункта до другого“. Съ тѣхъ поръ, какъ англичане въ 1553 году нашли устья сѣверной Двины, этотъ путь сталъ обыкновеннымъ путемъ для сношеній русскихъ съ западной Европой, какъ торговыхъ, такъ и дипломатическихъ, особливо когда болѣе краткій путь былъ запертъ враждебными отношеніями съ Польшей и Швеціей. Но еще гораздо раньше, въ концѣ пятнадцатаго столѣтія и началѣ шестнадцатаго, русскіе послы отправлялись этимъ путемъ въ западную Европу, путешествуя самымъ первобытнымъ образомъ, на морѣ держась близко къ берегу, перетаскивая свои суда черезъ перешейки и т. п. Въ XVII-мъ столѣтіи два русскіе посла, Чемодановъ въ 1656 и Лихачевъ въ 1658, отправлялись изъ Москвы тѣмъ же путемъ черезъ Архангельскъ и сѣверный океанъ —въ Италію! Правда, что избрать болѣе прямую дорогу мѣшала тогда война съ Польшей. Прямой трактъ изъ Москвы въ Венецію составитъ едва пятую долю того пространства, которое должны были проѣхать русскіе посланцы; имъ пришлось совершить нѣчто въ родѣ полярной экспедиціи и объѣхать кругомъ почти всю Европу.

Когда не было войны съ Польшей, то русскіе послы и другіе путешественники могли ѣхать прямо черезъ Польшу, но и здѣсь путешествіе исполнено было всякими затрудненіями и даже опасностями. Въ 1697 году то и другое испыталъ бояринъ Шереметевъ, ѣхавшій изъ Москвы въ Краковъ, Вѣну, Римъ и т. д. Въ Польшѣ происходили въ то время выборы новаго короля; вслѣдствіе вмѣшательства Россіи въ это дѣло, къ русскимъ от-

носились недружелюбно и въ краѣ вообще господствовало броженіе. Шереметеву совѣтовали ѣхать инкогнито, что онъ и сдѣлалъ; тѣмъ не менѣе его задерживали; разъ онъ испыталъ настоящее разбойничье нападеніе. Кромѣ того, въ тѣ времена не только у насъ, но и въ Европѣ ѣздили очень медленно: изъ Москвы въ Краковъ Шереметевъ ѣхалъ четыре съ половиной мѣсяца, что дѣлается теперь въ 24 часа. Чемодановъ ѣхалъ изъ Венеціи въ Амстердамъ восемь недѣль.—Совсѣмъ иначе устанавливались сношенія въ Петровское время. Польши уже нечего было бояться, послѣ мира 1786 года можно было безпрепятственно ѣхать черезъ польскія области безъ крюка на Архангельскъ; еще важнѣе было въ этомъ отношеніи пріобрѣтеніе береговъ Балтійскаго моря: можно было безъ труда сдѣлать путь въ Европу моремъ изъ Петербурга, Нарвы, Ревеля и Риги. Въ 1723 году Петръ велѣлъ, чтобы два русскихъ фрегата въ качествѣ почтовыхъ кораблей совершали правильные рейсы между Кронштадтомъ и Любекомъ.

Въ XVII-мъ столѣтіи русскіе путешественники въ западной Европѣ были чрезвычайно рѣдки: это были только дипломатическіе посланцы; путешествіе исполнено было для нихъ большими трудностями; не зная языковъ, они могли говорить только черезъ переводчиковъ, не могли читать политическихъ сочиненій, которыя имѣли отношеніе къ ихъ дѣламъ; все время путешествія они обыкновенно не имѣли никакихъ извѣстій изъ Россіи и, наконецъ, выносили очень мало изъ того, что видѣли. Съ Петра Великаго и здѣсь опять происходитъ полная перемѣна: русскіе посланцы или путешественники владѣютъ какимъ-нибудь изъ иностранныхъ языковъ, вступаютъ въ прямыя сношенія съ иноземцами, ведутъ переписку съ Россіей, встрѣчаютъ за границей соотечественниковъ и имѣютъ возможность пріобрѣтать много полезныхъ знаній и наблюденій.

Подобнымъ образомъ съ Петровской эпохи происходитъ значительное улучшеніе внутреннихъ путей сообщенія и почтовыхъ сношеній. Въ первый разъ тѣ и другія учрежденія опять возникаютъ гораздо раньше Петра, но въ его время принимаются мѣры къ болѣе совершенному ихъ устройству; сообщенія значительно улучшились; началось проведеніе каналовъ, усилившихъ водяныя сообщенія, и т. д. Почта и ямская гоньба, которая нѣкогда была перенята русскими у татаръ и служила только для правительственныхъ сношеній, стала теперь доступна также для частныхъ лицъ и облегчила внутреннія сношенія, совершавшіяся прежде съ большими затрудненіями.

Новому времени принадлежитъ далѣе развитіе городской жизни.

Авторъ замѣчаетъ, что понятія „политики" и „цивилизація" получили свое названіе отъ понятія города, гражданства. Въ московскомъ государствѣ не было настоящихъ городовъ въ европейскомъ смыслѣ. Такими городами были нѣкогда только старинные самоуправляющіеся города, какъ Новгородъ, Псковъ и т. д., имѣвшіе свою власть, свое вѣче и проч.; съ присоединеніемъ къ Москвѣ этотъ характеръ города окончательно исчезаетъ. Старинный московскій городъ,—какъ это можно нерѣдко наблюдать и до сихъ поръ,—походилъ на большую деревню. „Условія быта въ центрѣ Россіи,—говоритъ г. Брикнеръ,—вовсе не благопріятствовали образованію городовъ. Условія климатическія были въ этомъ отношеніи неудобны. Гдѣ долгая зима прерываетъ сельско-хозяйственныя работы, тамъ рядомъ съ земледѣліемъ процвѣтаетъ и домашній сельскій промыселъ, причемъ изъ этого не возникаетъ городовъ; между тѣмъ какъ въ западной Европѣ, гдѣ сельское хозяйство занимаетъ крестьянина гораздо бо́льшую часть года, этотъ домашній промыселъ не можетъ развиться; при меньшемъ раздѣленіи труда въ Россіи образованіе городовъ задерживается. Крестьянинъ въ Россіи меньше имѣетъ крестьянскаго и горожанинъ меньше городско́го, чѣмъ на западѣ". Цѣлыя деревни въ центрѣ Россіи ведутъ какой-нибудь кустарный промыселъ, не получая, однако, городскаго отпечатка: съ другой стороны есть города, жители которыхъ преимущественно занимаются садоводствомъ и огородничествомъ; сельскіе и городскіе жители менѣе осѣдлы, чѣмъ въ Европѣ, и большая масса ихъ не живетъ дома, отправляясь на такъ-называемые отхожіе промыслы. Такимъ же странствующимъ было и купечество, само развозившее свои товары по торгамъ. Русскимъ путешественникамъ XVII-го вѣка казалось удивительнымъ, что въ Германіи купцы остаются дома и ведутъ дѣла изъ своей конторы въ одномъ городѣ. Процентъ городскаго населенія остается въ Россіи до сихъ поръ очень невеликъ сравнительно съ западной Европой. Постройка городовъ въ старину, какъ въ громадномъ большинствѣ небольшихъ провинціальныхъ городовъ и донынѣ, была деревянная; эти города часто поэтому горѣли, но легко выстраивались за-ново. Иноземные путешественники XVI-XVII-го вѣка очень удивлялись тому, что въ Россіи на площадяхъ продавались по дешевой цѣнѣ готовые дома—въ провинціи такая продажа существуетъ и до сихъ поръ. Какъ иноземнымъ путешественникамъ въ Россіи бросалась въ глаза рѣдкость городовъ и ихъ деревенскій характеръ, такъ русскіе путешественники XVII-го вѣка были изумлены обиліемъ городовъ въ Голландіи, которые казались имъ однимъ огромнымъ

городомъ. Каменныя постройки были до самаго конца XVII-го вѣка очень рѣдки даже въ Москвѣ; самые дворцы строились изъ дерева, какъ напримѣръ знаменитый Коломенскій дворецъ царя Алексѣя Михайловича.

Петровское время и относительно городского быта принесло важныя перемѣны: Петербургъ былъ уже очень мало похожъ на старые русскіе города. Начать съ того, что Петръ далъ ему нерусское имя; въ постройкахъ его съ самаго начала было больше каменныхъ зданій, чѣмъ въ Москвѣ; Петръ хотѣлъ-было даже дать ему видъ какого-нибудь Амстердама и, кромѣ его собственныхъ рѣчекъ и Невы, изрѣзать его каналами; въ то время, какъ Москва по множеству своихъ большихъ и особливо маленькихъ церквей имѣла видъ какъ будто монастыря, Петербургъ носилъ чисто свѣтскій, военно-чиновническій характеръ; въ то время, какъ въ старой Москвѣ иноземцы бывали только терпимы, здѣсь они были какъ дома—вмѣсто того, напримѣръ, чтобы съ трудомъ искать мѣста для поселенія и добывать съ разрѣшенія построить свои церкви даже на концѣ города, въ Петербургѣ они строили свои храмы безпрепятственно въ центральныхъ частяхъ города; въ то время, какъ Москва оставалась еще гнѣздомъ приверженцевъ старины и столицей народной массы, въ Петербургѣ сразу вводились новые обычаи, между прочимъ въ общественномъ быту, какъ маскарады, ассамблеи и т. п.; въ Петербургѣ основывались новыя учрежденія, фабрики и мануфактуры, больницы и казармы, строились дворцы въ городѣ и за городомъ (въ Петергофѣ и Ораніенбаумѣ), разводились сады и парки; здѣсь основаны были коллегіи и сенатъ, кунсткамера, а потомъ академія наукъ; сюда наконецъ переселился дворъ, и Москва окончательно стала „порфироносной вдовой". Петербургъ былъ для Петра его „парадизомъ", олицетвореніемъ его преобразованій...

Далѣе авторъ останавливается на вопросѣ объ инородцахъ. Въ противоположность тѣмъ писателямъ (какъ напр. упомянутый выше Бриггенъ), которые упрекаютъ русскихъ правителей въ ненасытной жаждѣ къ завоеваніямъ, авторъ объясняетъ, что завоеванія отвѣчали естественному распространенію русскаго племени. Въ самомъ дѣлѣ многія завоеванія, совершаемыя военнымъ и правительственнымъ путемъ, шли только позади естественнаго разселенія племени, которое—или по тогдашнимъ пріемамъ сельскаго хозяйства, весьма, конечно, первобытнымъ, искало все новыхъ, свѣжихъ, нетронутыхъ земель,—или уходило на окраины отъ тягости своего положенія на старыхъ мѣстахъ: въ томъ и другомъ случаѣ оно иногда легко, а иногда съ бою вытѣс-

няло мѣстныхъ туземцевъ, которыхъ далеко превосходило своими способностями въ культурѣ, и наконецъ открывало сюда путь правительственной власти. Такимъ образомъ, издавна шло разселеніе кіевской Руси въ юго-восточныя степи и на сѣверъ, и новгородской Руси на сѣверъ и дальній востокъ; присоединялось къ тому и полу-разбойническое исканіе приключеній и добычи. Финскіе инородцы нынѣшней центральной Россіи были поглощаемы этою русской колонизаціей съ такихъ давнихъ временъ, о которыхъ не помнить исторія; въ гораздо болѣе позднія времена, какъ мы выше замѣчали, Сибирь была занимаема русской колонизаціей даже въ такія времена, когда правительству некогда было думать о ней, когда не бывало даже правительства, какъ напримѣръ въ смутное время. Инородческія племена при этомъ исчезали — или вымирая, или сливаясь вполнѣ съ русскими, причемъ княжескіе роды входили въ составъ русской аристократіи или средняго дворянства. „Такимъ образомъ,—замѣчаетъ авторъ, — въ самыхъ разнообразныхъ формахъ совершается европеизированіе востока. Изъ смѣшенія славянъ съ финскими элементами въ до-историческія времена образовалось великорусское племя. Обрусѣніе татаръ и ногайцевъ, чувашъ и мордвы было пріобрѣтеніемъ запада на счетъ востока. Инородцы или приспособляются къ требованіямъ высшаго нравственнаго порядка, источникъ котораго лежалъ въ западной Европѣ, или отступаютъ, падаютъ въ экономическомъ отношеніи и вымираютъ. Не только географически границы Европы захватываютъ Азію, но и этнографически сказывается превосходство Европы надъ востокомъ, путемъ колонизаціи и племенного смѣшенія. Въ XVI-мъ столѣтіи русское племя достигало до Уральскихъ горъ; теперь оно распространилось до Китайской стѣны. Въ XVI-мъ столѣтіи русское племя было полувосточнымъ; послѣ того оно съ каждымъ вѣкомъ, можно сказать съ каждымъ десятилѣтіемъ, становилось болѣе и болѣе европейскимъ“.

Въ главѣ о полякахъ и малоруссахъ авторъ обозрѣваетъ тѣ культурныя вліянія, которыя шли отъ нихъ въ московскую Россію задолго до Петра, и именно въ извѣстномъ западно-европейскомъ смыслѣ. Особенное значеніе онъ придаетъ вліянію малорусскому. „Ни поляки, ни балтійцы, ни финляндцы не имѣли, какъ учители Россіи, такого большого значенія, какъ малоруссы. Присоединеніе чисто польскихъ областей, Лифляндіи и Финляндіи, произошло въ такое время, когда Россія уже въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій испытывала культурныя вліянія западной Европы. Совсѣмъ иначе было съ пріобрѣтеніемъ Малороссіи, ко-

торое предшествовало преобразовательной эпохѣ Петра и было къ ней предварительною ступенью, образовавши родъ умственнаго моста между Европой и Россіей въ такое время, когда между востокомъ и западомъ было сравнительно немного пунктовъ соприкосновенія, и еще только начинались, столь оживленныя впослѣдствіи, сношенія съ западно-европейскими народами".

Авторъ дѣлаетъ довольно подробный обзоръ, между прочимъ, тѣхъ культурныхъ вліяній, которыя въ московскія времена шли изъ Польши—любопытный вопросъ, который въ цѣломъ до сихъ поръ еще не былъ разсмотрѣнъ въ нашей исторической литературѣ. Московскіе люди уже издавна бывали податливы на эти польскія вліянія, что̀ свидѣтельствовало о желаніи воспринять болѣе высокій уровень образованія и культуры. Авторъ указываетъ, что даже въ половинѣ XVIII-го вѣка просвѣщеннымъ русскимъ людямъ казалась привлекательною политическая самостоятельность польскаго общества. Пересматривая факты, крупные и мелкіе, какими обнаружилось польское вліяніе съ XVI-го вѣка, когда, какъ извѣстно, поднималась даже рѣчь о соединеніи Польши и Россіи посредствомъ личной уніи государей, до XVIII-го вѣка, авторъ ставитъ, между прочимъ, вопросъ о возможности полонизаціи Россіи этими польскими вліяніями, но приходитъ къ выводу отрицательному. Какъ ни нравились иногда русскимъ польскіе обычаи (и между прочимъ русскимъ боярамъ польское магнатство), болѣе широкое преобладаніе польскаго элемента было невозможно: его не могло допустить ни племенное чувство массы, ни вѣроисповѣдная противоположность, ни, наконецъ, то обстоятельство, что со времени Петровской реформы польскій элементъ необходимо долженъ былъ отступить передъ прямыми вліяніями западно-европейской культуры, съ которой онъ не въ состояніи былъ бы соперничать.

Обширный трактатъ авторъ посвящаетъ иноземцамъ. Во второй половинѣ XVII-го вѣка,—замѣчаетъ г. Брикнеръ,—казалось, что Россіи въ дѣлѣ образованія надо было выбирать между малорусскимъ вліяніемъ и греческимъ: одно исходило изъ западныхъ польско-латинскихъ источниковъ, другое—изъ византійскихъ преданій. Но эта альтернатива была только мнимая: византійскій элементъ отжилъ свое время; польско-малорусское образованіе становилось также запоздалымъ; „Россія нуждалась въ болѣе новыхъ учителяхъ—она нашла ихъ въ германскомъ мірѣ". Авторъ собираетъ свѣденія о первомъ появленіи иноземцевъ, вызываемыхъ въ Россію правительствомъ, объ ихъ образовательномъ вліяніи, отъ временъ задолго до Петра до конца XVIII-го столѣтія; затѣмъ

посвящаетъ нѣсколько главъ разсказу о русскихъ за границей, о старыхъ до-Петровскихъ и послѣ-Петровскихъ путешествіяхъ русскихъ въ Европу, о тѣхъ разнообразныхъ впечатлѣніяхъ, какія получались ими отъ фактовъ европейскаго просвѣщенія, учрежденій, литературы, нравовъ и обычаевъ; въ результатѣ получается любопытная картина, давно извѣстная въ подробностяхъ, но въ цѣломъ представленная здѣсь въ первый разъ.

Дѣятельность иностранцевъ была самая разнообразная, и опять начало ея относится къ такимъ временамъ, когда не было никакой мысли о реформахъ въ западно-европейскомъ направленіи и призывъ иностранцевъ являлся какъ результатъ инстинктивной потребности въ знаніи и искусствѣ. Первые опредѣленные факты этого рода восходятъ еще къ XV-му вѣку, и съ тѣхъ поръ постоянно возрастаетъ число иноземцевъ, которымъ поручаются всякаго рода дѣла, начиная съ простыхъ техническихъ и кончая требующими особаго довѣрія дипломатическими, военными и административными дѣлами. Въ XVII-мъ столѣтіи при Алексѣѣ Михайловичѣ иноземцы изъ всякихъ странъ Европы составляли уже столь замѣтный элементъ, что ихъ размноженіе при Петрѣ не представляетъ никакой неожиданности. Петръ хотѣлъ только правильнѣе и шире воспользоваться ихъ службой и хотѣлъ также, чтобы наконецъ сами русскіе обучились иноземнымъ знаніямъ, искусствамъ и ремесламъ. Изобиліе нѣмцевъ въ русской службѣ съ XVIII вѣка, между прочимъ, объясняется просто тѣмъ, что съ присоединеніемъ остзейскаго края большое число нѣмцевъ стало русскими подданными, и такъ какъ здѣсь уровень культуры, извѣстнаго образованія и т. д. былъ несомнѣнно выше, то этотъ нѣмецкій элементъ естественно сталъ выдаваться на различныхъ служебныхъ поприщахъ.

Недовольство тѣмъ, что иноземцы проникаютъ въ русское государство, сказывается еще въ XVII столѣтіи; въ прошломъ столѣтіи обиліе нѣмцевъ раздражало русскихъ патріотовъ и продолжаетъ раздражать до нашего времени. Понятное дѣло, что роль, пріобрѣтенная нѣмцами въ русской жизни — въ разныхъ отрасляхъ службы, техническаго труда и т. п.—сопровождалась такими явленіями, которыя казались русскимъ эксплуатаціею, почти злонамѣренной и во всякомъ случаѣ имъ нежелательной и антипатичной, особливо когда къ этой роли присоединялась съ нѣмецкой стороны извѣстная доля заносчивости и самомнѣнія. Происходило все это, однако, весьма естественно: занявши мѣсто въ той или другой отрасли службы, промысла, знанія, ремесла, нѣмцы, конечно, подбирали себѣ исполнителей и сотрудниковъ

иноземцевъ, въ которыхъ предполагали, и не безбольше свойствъ, необходимыхъ для веденія дѣла; овъ „нѣмецкая работа“ у самихъ русскихъ приработу болѣе высокаго достоинства; нѣкоторыя шленнаго труда, требующаго извѣстныхъ знаній, і аккуратности, до сихъ поръ остаются у насъ по въ нѣмецкихъ рукахъ (аптечное дѣло, по всей Россіи, до сихъ поръ почти исключительно остается за нѣмцами). Очевидно, что пенять на нѣмцевъ въ этомъ случаѣ безполезно; надо только самимъ овладѣть тѣми свойствами, которыя давали имъ преимущество.

Было бы слишкомъ долго останавливаться на подробностяхъ труда г. Брикнера, гдѣ, кромѣ интереснаго сопоставленія фактовъ, найдется не мало соображеній, иногда спорныхъ, но заслуживающихъ вниманія нашихъ историковъ. Указывая въ заключительныхъ словахъ своей книги результаты, какіе принесло до сихъ поръ въ русскую жизнь европейское вліяніе несомнѣннымъ распространеніемъ западной или общечеловѣческой цивилизаціи, хотя до сихъ поръ эти вліянія дѣйствовали только на меньшинство націи, авторъ говоритъ: „Это вполнѣ европеизированное меньшинство русскаго народа имѣетъ миссію вести дальше процессъ европеизированія Россіи, явиться посредникомъ между пріобрѣтеніями общечеловѣческаго развитія и народными массами въ Россіи. Что успѣхъ въ этомъ дѣлѣ уже начатъ, это можно было бы указать въ частности многими рядами фактовъ. Если въ настоящей книгѣ мы ограничились тѣмъ, чтобы въ извѣстной мѣрѣ выяснить основныя черты и начатки процесса преобразованія, которому подлежала Россія въ теченіе двухъ или трехъ столѣтій, то остается еще рѣшить цѣлый рядъ научныхъ задачъ. Должно было бы представить въ частности, что дворъ и государство, экономическая жизнь, искусство и наука, литература, школа и религія подвергались такимъ же преобразованіямъ, какъ географическія и этнографическія отношенія, главныя черты которыхъ мы хотѣли представить. Болѣе подробное изображеніе этого явленія подтвердило бы результатъ нашихъ объясненій, что пріобрѣтенія Россіи черезъ присоединеніе къ культурному міру запада уже не могутъ быть потеряны, что для этой страны и народа уже нѣтъ возврата назадъ“ [1]).

[1]) Мы не останавливаемся на подробностяхъ книги г. Брикнера, гдѣ могли бы не разъ встрѣтиться возраженія. Такъ авторъ, быть можетъ, дѣлаетъ слишкомъ большое удареніе на германскомъ мірѣ, сообщавшемъ Россіи начала цивилизаціи: въ наукѣ, литературѣ, общественныхъ нравахъ и понятіяхъ не меньше германскаго

Такимъ образомъ книга г. Брикнера ограничивается только нѣсколькими сторонами наблюдаемаго имъ процесса. Настоящее „присоединеніе къ культурному міру“ есть не только восприятіе отвлеченнаго научнаго и практическаго знанія; истинный смыслъ такого присоединенія состоитъ въ сознательномъ обращеніи къ національному содержанію: ближе всего это сказывается въ успѣхахъ литературы и въ практическихъ стремленіяхъ общества служить интересамъ народной массы. Мѣрою истинной цивилизаціи можетъ быть литература, способная обнимать всѣ главныя стороны національной жизни; наука, обладающая свободою изслѣдованія и достаточно распространенная, чтобы служить также практическимъ потребностямъ народной жизни; наконецъ та степень гражданственности, на которой общественная самодѣятельность является правомъ и обычаемъ. Здѣсь вопросъ о русской цивилизаціи и присоединеніи къ культурному міру чрезвычайно осложняется...

А. Пыпинъ.

вліялъ у насъ и романскій міръ. А германскій сообщилъ и не мало такихъ своихъ особенностей, которыя бывали для русской жизни не особенно полезны. Представленіе западно-русскаго края какъ чисто польскаго (стр. 17—18) не совсѣмъ точно, при всемъ господствѣ здѣсь польской культуры, на которое указываетъ авторъ. Не считаемъ мелкихъ ошибокъ, какъ напр. производство слова „изба“ отъ „истопка“ (стр. 143), когда производство здѣсь какъ разъ обратное, и т. п.

ЗЪ ЛОНГФЕЛЛО.

ПСАЛОМЪ ЖИЗНИ.

I.

(A psalm of life).

Tell me not in mournful numbers:
— Life is but an empty dream!—

: твердите мнѣ съ тоскою:
Жизнь безцѣльна и пуста".
ыдъ мертвящему покою!
изнь бываетъ не такою,
къ рисуетъ намъ мечта.

изнь правдива! Жизнь сурова!
въ могилѣ—цѣль ея.
ъ прахъ земной отыдешь снова"—
о духѣ это слово
звѣстилъ намъ Судія.

печаль, не наслажденье
ловѣка въ жизни ждетъ,
работа, но движенье
каждымъ новымъ днемъ—впередъ!

аткій срокъ судьбы закономъ
дамъ данъ, и стукъ сердецъ

, 1889.

Служитъ маршемъ похороннымъ,
Съ каждымъ часомъ проведеннымъ
Намъ пророчащимъ конецъ...

Трудъ же долог. Въ ежечасной
Битвѣ жизненной со зломъ
Ты не стой, какъ рабъ безгласный,
Равнодушный, безучастный,—
Будь героемъ и бойцомъ.

Ты не вѣрь мечтамъ блестящимъ,
И о прошломъ не скорбя,
Дѣлай дѣло въ настоящемъ,
Вѣря въ Бога и себя.

Намъ примѣръ людей съ душою—
Указанье и завѣтъ.
Какъ они, борясь съ судьбою,
Послѣ смерти за собою
Мы властны оставить слѣдъ.

Слѣдъ, который ослабѣвшимъ
Силы прежнія вернетъ,
Имъ—крушенье потерпѣвшимъ
Посреди житейскихъ водъ...

Такъ—впередъ, не унывая,
Что̀ бъ ни ждало впереди!
Будемъ, рукъ не покладая,
Вѣкъ трудиться, созидая,
Съ вѣрой твердою въ груди!

II.

СТРѢЛА И ПѢСНЯ.

(The arrow and the song).

I shot an arrow into the air...

Стрѣлу пустилъ на воздухъ я,
Но гдѣ легла стрѣла моя—
Безсиленъ былъ увидѣть глазъ,
Такъ быстро вверхъ она взвилась.

И пѣснь послалъ на воздухъ я.
Куда умчалась пѣснь моя—
Не видѣлъ я, и кто пойметъ,
Кто услѣдитъ ея полетъ?

Чрезъ много лѣтъ нашлась стрѣла
Межъ дуба листьями—цѣла̀;
А пѣснь, во всей красѣ ея,
Нашелъ въ душѣ у друга я!

О. М—ва.

СТАРЫЙ ВОПРОСЪ

О

ТЕНДЕНЦІОЗНОСТИ ВЪ ИСКУССТВѢ.

Съ нѣкоторыхъ поръ въ нашей литературѣ опять выдвигается на первый планъ старый вопросъ о тенденціозности въ искусствѣ. Ему посвящаются журнальныя и газетныя статьи, брошюры, доклады въ ученыхъ обществахъ. Это не простое возобновленіе спора, происходившаго съ такимъ шумомъ въ шестидесятыхъ годахъ; постановка вопроса теперь совершенно другая. Тогда предметомъ нападеній было такъ-называемое чистое искусство; художественная дѣятельность признавалась нормальной и плодотворной лишь настолько, насколько она служитъ средствомъ къ достиженію цѣлей, лежащихъ внѣ области искусства. Теперь роли перемѣнились: отрицанію, рѣшительному и безусловному, подвергается тенденціозное искусство, защитники котораго требуютъ для него не единовластія, а только *равноправности*. „Идея — говоритъ, напримѣръ, г. Гольцевъ въ одномъ изъ тезисовъ, представленныхъ имъ недавно на обсужденіе московскаго психологическаго общества [1]), — составляетъ необходимую принадлежность всѣхъ выдающихся художественныхъ произведеній, при чемъ *тенденція, какъ одинъ изъ видовъ идеи, имѣетъ полное право на существованіе въ искусствѣ*". „Само собою разумѣется,—говоритъ тотъ же авторъ,—что и при тенденціи художественное произведеніе можетъ быть превосходно, и при ея отсутствіи совсѣмъ

¹) Сообщеніе г. Гольцева, озаглавленное: „Къ вопросу о задачахъ искусства", напечатано въ № 11 „Русской Мысли" за 1888 г.

плюхо". „Законность тенденціи въ искусствѣ несомнѣнна",—читаемъ мы въ замѣткѣ г. Т. о литературѣ и жизни („Русская Мысль" 1888 г., № 9); „точно также нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что нелѣпо было бы требовать отъ писателя непремѣнно тенденціи". Въ томъ же смыслѣ высказывается и молодой поэтъ (г. Мережковскій), недавно выступившій на поприще критики. „Мы признаемъ за тенденціей,—восклицаетъ онъ въ статьѣ о г. Чеховѣ („Сѣверный Вѣстникъ" 1888 г., № 11), — громадное не только жизненное, но и художественное значеніе, такъ какъ она несомнѣнно является *однимъ* изъ самыхъ роскошныхъ, неисчерпаемыхъ источниковъ поэтическаго вдохновенія". *Однимъ*—но не единственнымъ; провозглашая законность тенденціи, г. Мережковскій возстаетъ противъ „узкой, фанатически-нетерпимой формулы, гласящей: внѣ тенденціи для художника нѣтъ спасенія". Онъ признаетъ „красоту такихъ произведеній, какъ сатиры Ювенала, пѣсни Барбье и Некрасова", и вмѣстѣ съ тѣмъ понимаетъ „не только поэтическую, но и жизненную цѣнность Иліады Гомера или „Ромео и Джульетты" Шекспира, въ которыхъ нѣтъ и слѣда какой-нибудь тенденціи". Всѣ эти мнѣнія свободны отъ исключительности, односторонности; всѣ они направлены къ тому, чтобы расширить сферу художественнаго творчества. Доктринерами, произвольно съуживающими ее, представляются, наоборотъ, современные противники тенденціозности.

Для г. Астафьева, выступившаго оппонентомъ г. Гольцева въ засѣданіи психологическаго общества, вопросъ о тенденціозности въ искусствѣ—не что иное, какъ „старое недоразумѣніе" [1]). Съ гораздо бо̀льшимъ правомъ можно было бы назвать этимъ именемъ разсужденія самого г. Астафьева. Онъ не замѣчаетъ, прежде всего, указанной нами разницы между прежней и нынѣшней постановкой вопроса; онъ думаетъ, что въ тезисахъ г. Гольцева, какъ и въ мнѣніяхъ тѣхъ критиковъ, съ которыми г. Гольцевъ болѣе или менѣе солидаренъ, воскресаетъ давно отжившая антиэстетическая теорія „Русскаго Слова". На недоразумѣніи основана, дальше, и вся та часть аргументаціи г. Астафьева, въ которой онъ отождествляетъ впечатлѣніе, производимое художественнымъ произведеніемъ, съ процессомъ художественнаго творчества. „Эстетическое впечатлѣніе,—говоритъ г. Астафьевъ,—дается душѣ непосредственно, а не путемъ напряженной умственной работы. Не въ силу разсужденій и выводовъ прекрасное мною признается

---

[1]) Таково заглавіе брошюры, въ которой г. Астафьевъ изложилъ свои доводы противъ сообщенія г. Гольцева.

прекраснымъ, но въ силу того, что оно есть, созерцается мною. Въ этомъ свойствѣ эстетическаго впечатлѣнія быть непосредственнымъ, созерцательнымъ, коренится и его умиротворяющая сила, и его безтрудность, и законченность, и ясность, и безкорыстная объективность". Допустимъ, что все это такъ; но развѣ свойствомъ впечатлѣнія, испытываемаго читателемъ или слушателемъ, предопредѣляется свойство настроенія, въ которомъ создается художественное произведеніе? Утверждать, какъ это дѣлаетъ г. Астафьевъ, что изъ непосредственнаго и созерцательнаго характера эстетическаго впечатлѣнія вытекаютъ, въ качествѣ необходимыхъ слѣдствій, „*непреднамѣренность* этого впечатлѣнія и его *нерацiональность*, въ смыслѣ невозможности разрѣшить всецѣло въ отвлеченныя понятія разума", значитъ совершать настоящій salto mortale. О *непреднамѣренности* можно говорить только по отношенію къ самому художнику, а *непосредственность* требуется отъ впечатлѣнія, производимаго созданіемъ художника. Какимъ же образомъ первая можетъ быть *слѣдствіемъ* второй, какимъ образомъ причина можетъ зависѣть отъ результата?... Непосредственность впечатлѣнія вполнѣ возможна и при преднамѣренности замысла; нужно только, по справедливому замѣчанію г. Гольцева, чтобы намѣреніе автора не слишкомъ рѣзко выступало на видъ, чтобы его заслоняла художественность исполненія. Ошибочнымъ, впрочемъ, представляется не только выводъ г. Астафьева, но и его исходная точка. Впечатлѣніе, получаемое отъ художественнаго произведенія, не всегда бываетъ или, по крайней мѣрѣ, не всегда остается „непосредственнымъ" и „созерцательнымъ". За первымъ, безотчетнымъ восхищеніемъ часто слѣдуетъ потребность разобраться въ своихъ ощущеніяхъ, понять и анализировать ихъ источникъ. Отсюда работа мысли, сложная и едва ли „безтрудная"; отсюда цѣлый рядъ волненій, не всегда оканчивающихся „удовлетвореніемъ". Впечатлѣніе можетъ быть „эстетическимъ", не будучи безусловно „яснымъ"; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только назвать Гамлета, Фауста, Манфреда. Опредѣленіе эстетическаго впечатлѣнія, предлагаемое г. Астафьевымъ, приложимо къ скульптурѣ больше, чѣмъ къ живописи, къ живописи больше, чѣмъ къ поэзіи, къ народному эпосу и простѣйшимъ формамъ лирики больше, чѣмъ къ драмѣ. Оно не обнимаетъ собою всей безпредѣльной, постоянно-расширяющейся области искусства, не исчерпываетъ всѣхъ его дѣйствій, безконечно-разнообразныхъ. Оно относится только къ одному фазису душевнаго движенія, возбуждаемаго художественнымъ произведеніемъ—фазису, иногда до крайности продолжительному, но иногда, наоборотъ, скоро-

течному и едва уловимому. Еслибы переживаемое читателемъ было точнымъ повтореніемъ пережитаго авторомъ, вопросъ о возможности тенденціознаго творчества не требовалъ бы дальнѣйшаго обсужденія; онъ былъ бы рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, потому что въ существованіи тенденцій, т.-е. сознательныхъ стремленій, порожденныхъ или укрѣпленныхъ чтеніемъ художественныхъ произведеній, едва ли можетъ быть какое-либо сомнѣніе. Чтò такое, напримѣръ, байронизмъ, какъ не отраженіе Байроновскихъ идей въ массѣ читателей, поклонниковъ и послѣдователей великаго поэта?

Не знаемъ, съ кѣмъ сражается г. Астафьевъ, доказывая несовмѣстимость художественной геніальности съ „голою разсудочностью"; думаемъ, что съ вѣтряными мельницами, потому что никто, сколько намъ извѣстно, не называлъ геніальнымъ или хотя бы просто художественнымъ произведеніе искусства, не заключающее въ себѣ „ничего кромѣ ясныхъ и цѣлесообразно расположенныхъ понятій". Нѣтъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, и такихъ фанатиковъ тенденціи, которые искали бы „во *всякомъ* художественномъ созданіи *прежде всего отвлеченной мысли* и намѣренія автора", которые предпочитали бы „*объясненіе* òбраза живой его полнотѣ, говорящей сама за себя"... „Еще болѣе, чѣмъ голая разсудочность,—продолжаетъ г. Астафьевъ,— несовмѣстима съ непосредственностью, силою и свѣжестью впечатлѣнія бьющая въ глаза намѣренность. Не убѣждаемся ли мы ежедневно въ томъ, что разъ подмѣченная нами намѣренность въ рѣчи или поступкахъ окружающихъ, — будь это очевидный разсчетъ на эффектъ въ писателѣ или актерѣ, будь это слишкомъ сознательный разсчетъ на силу производимаго звука у неопытнаго виртуоза, или разсчитанное кокетство барышни,—насъ немедленно расхолаживаетъ и производитъ на насъ впечатлѣніе, прямо противоположное намѣченному? Все, чтò выходитъ изъ сознательнаго намѣренія, разсчета, идетъ уже не *отъ души*, выражаетъ уже не ея внутреннюю жизнь, а потому и остается и холодно, и неполно, и неповоротливо, и несвободно. Попробуйте въ разговорѣ, въ танцѣ, въ игрѣ на фортепіано сознательно разсчитывать каждое слово, каждую интонацію, каждое движеніе ваше, — и вы навѣрное будете тяжелы и неэстетичны. Почему же можно ожидать, что та же причина этой нашей холодности и неэстетичности не скажется тѣми же послѣдствіями на художественномъ произведеніи, разъ и оно будетъ преднамѣренно и раціонально?"... „Недоразумѣніе", лежащее въ основаніи брошюры г. Астафьева, обнаруживается здѣсь съ особенною яркостью.

Тенденція и *бьющая въ глаза намѣренность*—далеко не одно и то же. Первая можетъ проникать собою все произведеніе, нигдѣ не всплывая на поверхность; вторая, составляя *недостатокъ исполненія*, возможна и при полномъ отсутствіи тенденціи. Можно, напримѣръ, нагромождать одну на другую трагическія или смѣшныя черты, чтобы вызвать, во что бы то ни стало, слезу или улыбку. Намѣренность въ этихъ усиліяхъ будетъ очевидна, но произведеніе, ими испорченное, никто, изъ-за этого одного, не назоветъ тенденціознымъ. Г. Астафьевъ смѣшиваетъ, дальше, намѣреніе—съ манерностью, тенденцію—съ холоднымъ и притомъ личнымъ разсчетомъ. Онъ совершенно правъ, когда утверждаетъ, что *претензія на эффектъ* портитъ рѣчь оратора, игру виртуоза; но что же общаго между такой претензіей и намѣреніемъ, изъ котораго часто черпается главная сила игры или рѣчи? Какой ораторъ, достойный этого имени, не имѣетъ *намѣренія* увлечь слушателей, сообщить имъ свое настроеніе, подчинить ихъ подъ власть одушевляющей его идеи? Развѣ виртуозъ или актеръ заслуживаетъ порицанія за *рѣшимость* играть согласно съ *намѣреніями* автора? Что̀ выходитъ изъ сознательнаго намѣренія,—говоритъ г. Астафьевъ,—то̀ идетъ не отъ души. Еслибы это было такъ, то пришлось бы признать, что отъ души не идетъ ни одна проповѣдь, хотя бы проповѣдникъ рисковалъ жизнью или свободой, ни одна лекція, хотя бы взгляды лектора выражались въ ней со всею силой пламенной вѣры. Проповѣдникъ *хочетъ* убѣдить; этого, съ точки зрѣнія г. Астафьева, уже довольно, чтобы проповѣдь его вышла „неповоротливой“ и „холодной“. Произвести впечатлѣніе можетъ, слѣдовательно, только тотъ, кто, начиная говорить, еще не знаетъ, что̀ онъ скажетъ? Случайность содержанія и формы — главное или даже необходимое условіе успѣха?.. На этой вершинѣ своего невозможнаго тезиса г. Астафьевъ удерживается недолго. Онъ переходитъ, самъ того не замѣчая, къ совершенно другой темѣ; онъ начинаетъ доказывать неэстетичность разговора, танца, игры, въ которыхъ разсчитано *каждое* слово, *каждое* движеніе, *каждая* интонація. Но что же тутъ общаго съ тенденціей? Развѣ не можетъ быть тщательно взвѣшено и обдумано каждое слово въ произведеніи, не заключающемъ въ себѣ ровно ничего тенденціознаго—и наоборотъ, развѣ произведеніе, тенденціозное по замыслу, не можетъ быть написано au courant de la plume, съ полнымъ пренебреженіемъ къ детальной отдѣлкѣ? Скажемъ болѣе: правъ ли г. Астафьевъ, сравнивая процессъ созданія художественнаго произведенія съ разговоромъ, съ танцемъ, съ игрой виртуоза? Въ разговорѣ слова слѣ-

дуютъ одно за другимъ съ такою же быстротою, какъ движенія въ игрѣ или въ танцѣ; обдумыванье каждаго шага требовало бы здѣсь перерывовъ или замедленій, которые въ конецъ разрушили бы впечатлѣніе. Отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы обдуманность не играла никакой роли въ успѣхѣ исполнителя; она только *предшествуетъ исполненію*, оставаясь скрытой отъ зрителей или слушателей. Балерина можетъ приготовить танецъ передъ зеркаломъ, въ своей гостиной; виртуозъ можетъ разучить концертную пьесу, повторяя ее, у себя дома, хоть тысячу разъ; даже аргументы для предстоящей бесѣды, если она неизбѣжно должна коснуться даннаго предмета, могутъ быть, отчасти, пріисканы заранѣе—но видимымъ для всѣхъ долженъ быть, во всякомъ случаѣ, только *результатъ* предварительной работы. Если замѣтны ея слѣды, это говоритъ противъ искусства исполнителя. То же самое можно сказать и о художественномъ произведеніи. Каждый его штрихъ можетъ быть тщательно обдуманъ и отдѣланъ, лишь бы только это не нарушало гармонію цѣлаго. Всякій знаетъ, что во время возведенія зданія оно было окружено лѣсами—но разъ что они снесены всѣ безъ остатка, это никому не мѣшаетъ любоваться оконченной постройкой. Пріемы творчества до крайности различны; можно создавать быстро, порывисто, почти не оглядываясь назадъ, ничего не измѣняя и не исправляя; можно, наоборотъ, безпрестанно останавливаться и возвращаться, бороться съ формой, долго искать и не находить желаннаго совершенства. Законны оба противоположные пути, какъ и всѣ лежащіе между ними; все дѣло въ выборѣ дороги, наиболѣе соотвѣтствующей особенностямъ организаціи и таланта. Чтобы быть логичнымъ, г. Астафьевъ долженъ признать нехудожественною прозу Флобера, *разсчитывавшаго* „каждое слово, каждую интонацію"; онъ долженъ исключить изъ области искусства всѣ стихотворенія, надъ шлифовкой которыхъ долго трудился авторъ—а къ ихъ числу принадлежатъ, между прочимъ, нѣкоторыя изъ лучшихъ произведеній Пушкина.

„Всего меньше совмѣстима преднамѣренность,—читаемъ мы дальше у г. Астафьева,—съ безкорыстностью и объективностью, которыми должны обладать эстетическія впечатлѣнія, какъ чисто-созерцательныя. Только вполнѣ безкорыстное созерцаніе обладаетъ объективностью, можетъ давать намъ, поэтому, полный и правдивый образъ предмета. Съ точки зрѣнія нашихъ нуждъ и пользъ, намѣреній и плановъ постигается лишь случайное значеніе предмета *для насъ*, но не его собственное, внутреннее значеніе, не его *внутренняя* правда или *идея*. Внутреннее, твор-

чески обнаруживающееся въ образѣ единство предмета, недоступное понятію, всегда отличалось отъ отвлеченныхъ *понятій* именно какъ unitas ante rem отъ unitas post rem. Ничего подобнаго внутренней правдѣ, творческой идеѣ не могутъ дать ни понятія, ни тенденція, для которой нѣчто существуетъ и цѣнно не само по себѣ, а лишь для чего-то другого. Насколько художественное постиженіе внутренней правды въ предметѣ есть постиженіе его въ его *существѣ*, настолько оно — съ точки зрѣнія, признающей вообще *внутреннюю* основу бытія, *сущность*, за предметъ истиннаго познанія,— ближе къ метафизической истинѣ, чѣмъ отвлеченное и относительное внѣшнее его постиженіе въ наукѣ,—выражаетъ истину высшую и болѣе глубокую, чѣмъ доступная послѣдней". Г. Астафьевъ вступаетъ здѣсь на всѣхъ парусахъ въ безбрежное море метафизики. Мы предпочитаемъ держаться твердой земли. Не признавая „метафизической истины", мы можемъ подойти къ аргументаціи г. Астафьева лишь съ той стороны, гдѣ у насъ есть общая съ нимъ почва. На чемъ основано его предположеніе, что орудіями тенденціи являются одни *понятія*? Тенденціозное произведеніе сплошь и рядомъ не содержитъ въ себѣ ничего разсудочнаго, ничего дидактическаго; оно не только не исключаетъ образовъ, но, наоборотъ, именно въ нихъ находитъ главный источникъ своей силы. Проходя черезъ фантазію художника, мысль, чувство, стремленіе облекаются въ линіи и краски, принимаютъ конкретную форму. Различаясь по замыслу, произведенія тенденціозное и нетенденціозное могутъ быть весьма близки по исполненію, а слѣдовательно и по характеру вызываемыхъ ими впечатлѣній. Безусловная объективность немыслима даже и при самой твердой рѣшимости быть объективнымъ, при невозмутимо-спокойномъ отношеніи къ внѣшнему міру. „Полнотой" и „правдивостью" образъ, въ сравненіи съ предметомъ, можетъ обладать только относительно, а не абсолютно. Вотъ что̀ говоритъ по этому поводу одинъ изъ современныхъ писателей, наиболѣе чуждыхъ тенденціозности, наиболѣе склонныхъ къ объективному воспроизведенію дѣйствительности (Гюи де-Мопассанъ, въ предисловіи къ о̀дному изъ своихъ послѣднихъ романовъ „Pierre et Jean"): „быть истиннымъ (въ искусствѣ) значитъ достигнуть полноты иллюзіи (т.-е. внушить вѣру въ истину изображенія). Талантливымъ реалистамъ слѣдовало бы называться иллюзіонистами. Не ребячество ли — вѣрить въ реальность, когда для каждаго изъ насъ она создается его собственными о̀рганами, его собственною мыслью? Каждый изъ насъ составляетъ себѣ свою иллюзію насчетъ міра — иллю-

зію, смотря по натурѣ, радостную или меланхоличную, мрачную или грязную. Миссія писателя—воспроизвести эту иллюзію какъ можно вѣрнѣе, пользуясь всѣми доступными ему средствами искусства. Великіе художники—это тѣ, иллюзія которыхъ становится иллюзіей человѣчества". Можно не соглашаться съ этой послѣдней формулой, можно видѣть въ искусствѣ нѣчто гораздо большее, чѣмъ „иллюзія", и все-таки находить, что Мопассанъ подошелъ къ истинѣ (конечно, не метафизической) гораздо ближе, чѣмъ г. Астафьевъ... Тенденція, идущая вверхъ и вглубь, меньше всего можетъ быть признана *корыстной*, даже въ томъ специфическомъ смыслѣ, въ какомъ употребляетъ это слово авторъ „Стараго недоразумѣнія". Меньше всего она заботится о личныхъ „пользахъ и трудахъ", меньше всего останавливается на „случайномъ значеніи предмета". То, къ чему она стремится, представляется ей цѣннымъ не только какъ средство, но и какъ цѣль, *само по себѣ*, независимо отъ чего бы то ни было другого.

Закончимъ наше возраженіе г. Астафьеву повѣркою двухъ цитатъ, которыми онъ думаетъ окончательно уничтожить защитниковъ тенденціи. Отвергая преднамѣренность въ искусствѣ, г. Астафьевъ ссылается на авторитетъ Шиллера („великаго художника и вмѣстѣ съ тѣмъ мыслителя, не уступающаго, конечно, въ глубинѣ даже гг. Добролюбову, Арсепьеву и Скабичевскому"), сказавшаго: „fühlt man Absicht und man ist verstimmt". Жаль, что г. Астафьевъ слишкомъ понадѣялся на свою память; еслибы онъ справился съ нѣмецкими классиками, то нашелъ бы приводимыя имъ слова не у Шиллера, а у Гёте („Торквато Тассо", актъ II-й, сцена I-я), и убѣдился бы въ томъ, что орудіемъ противъ тенденціи они служить не могутъ. Говоритъ эти слова Тассо, примѣняя ихъ къ Леонорѣ Санвитале. Принцесса указываетъ на Леонору, какъ на возможнаго друга для Тассо. „Не знаю, почему,—отвѣчаетъ Тассо,—но я лишь рѣдко могъ быть съ нею совершенно откровеннымъ; если у нея и есть доброе намѣреніе по отношенію къ друзьямъ, то это намѣреніе чувствуется и производитъ непріятное впечатлѣніе" (ich weiss nicht, wie es ist, konnt ich nur selten mit ihr ganz offen sein, und wenn sie auch die Absicht hat den Freunden wohlzuthun, so fühlt man Absicht, und man ist verstimmt). Доброе намѣреніе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь—намѣреніе оказать услугу, выразить сочувствіе—не имѣетъ, очевидно, ничего общаго съ намѣреніемъ въ области искусства. Правда, словамъ Гёте дается иногда другой, распространенный смыслъ; но въ такомъ случаѣ нужно помнить, что непріятное впечатлѣніе связывается ими лишь съ тѣмъ на-

мѣреніемъ, которое *чувствуется*, т.-е. слишкомъ рельефно выступаетъ наружу. Не утверждаетъ же Тассо, что дружба несовмѣстима съ добрыми намѣреніями вообще—намѣреніями, необходимо вытекающими изъ самаго существа дружбы. Стихъ Гёте, развѣ что онъ обращенъ въ предостереженіе противъ замѣтнаго намѣренія, не мѣшаетъ имѣть въ виду при *исполненіи* художественнаго произведенія,—но совершенно напрасно вспоминать о немъ въ моментъ зарожденія художественнаго замысла. Не бо̀льшую службу можетъ сослужить г. Астафьеву и другое изреченіе Гёте: die Wahrheit gehört dem Menschen, der Irrthum der Zeit an (правда принадлежитъ человѣку, ошибка—времени). Всякій художникъ творитъ во времени, подчиняясь, въ бо̀льшей или меньшей степени, его теченіямъ и вѣяніямъ; противъ „ошибки" не гарантировано, слѣдовательно, ни одно художественное произведеніе, все равно, тенденціо̀зно ли оно или нетенденціозно. Что касается до „правды", то она принадлежитъ человѣку—т.-е. человѣчеству—не какъ нѣчто данное, а какъ нѣчто вѣчно-искомое; тенденція, съ этой точки зрѣнія—только одинъ изъ видовъ исканія правды.

Иначе относится къ занимающему насъ вопросу другой противникъ тенденціозности въ искусствѣ—критикъ „Недѣли", г. Р. Д. Онъ свободенъ отъ наклонности къ метафизикѣ, свободенъ и отъ смѣшенія прошедшаго съ настоящимъ; онъ знаетъ, что вопросъ ставится теперь не такъ, какъ прежде, что рѣчь идетъ не объ исключительномъ господствѣ тенденціи, а только о правѣ ея на существованіе. Окончательный его выводъ тотъ же самый, что и у г. Астафьева, но приходитъ онъ къ нему инымъ путемъ. „Сознательное и преднамѣренное проведеніе идеи,—говоритъ онъ въ статьѣ: „Двѣ лжи художественнаго творчества" („Недѣля" 1888 г., № 37),—несовмѣстимо съ истинною художественностью произведенія. Искусство есть реализація идеи въ художественномъ образѣ. Идея есть необходимый элементъ художественнаго творчества. Безъ нея въ немъ не было бы содержанія, не было бы никакого смысла. Съ другой стороны, и художественная идея невозможна безъ формы. Художественная идея есть идея конкретная, и потому безъ формы немыслима. Она является сознанію художника только въ образѣ, который составляетъ второй необходимый элементъ творчества. При этомъ важно замѣтить, что художественный образъ не есть футляръ, который художникъ отыскиваетъ въ своемъ воображеніи съ тѣмъ, чтобы вложить въ него сознанную имъ идею, а, такъ сказать, тѣло

ея, ея необходимый субстратъ, безъ котораго и сама она существовать не можетъ. Идея является художнику не прежде и не послѣ образа, а въ немъ самомъ и, слѣдовательно, вмѣстѣ съ нимъ. Художественный образъ есть органическій, непроизвольный продуктъ духа. Его нельзя выдумать, нельзя создать сознательно, нельзя сдѣлать. Онъ рождается самъ. Понятно, что все сказанное относится къ внутренней сторонѣ творчества, а не къ моменту переведенія образа изъ міра духа въ міръ вещественный, не къ моменту исполненія... Сознательное и преднамѣренное выраженіе идеи въ произведеніи не можетъ обозначать ничего другого, какъ то, что авторъ стремился выразить въ своемъ произведеніи не художественную, не конкретную, а отвлеченную идею, такую идею, которая явилась въ его сознаніи раньше образа, помимо его, и для которой онъ сознательно отыскиваетъ подходящій образъ. Но такое произведеніе не удовлетворяетъ ни одному изъ вышеуказанныхъ требованій искусства, и потому тенденціозность есть очевидное отрицаніе художественности". Дальше авторъ опровергаетъ то мнѣніе, которое „ищетъ признаковъ тенденціозности въ мотивахъ творчества, а не въ качествахъ произведенія". Такое мнѣніе „не можетъ быть признано правильнымъ уже потому, что тенденціозность есть признакъ, по которому квалифицируется именно произведеніе творчества и который, слѣдовательно, необходимо долженъ относиться къ качествамъ послѣдняго. Мотивы же творчества съ качествами произведенія не связаны никакимъ постояннымъ отношеніемъ. На основаніи произведенія нельзя судить о мотивахъ, побудившихъ автора къ его созданію. Для этого нужны особыя, такъ сказать закулисныя свѣдѣнія о личности автора. Можно быть дѣятельнымъ участникомъ общественной жизни, можно стоять въ центрѣ борьбы, находить побужденія къ творчеству въ ея цѣляхъ, въ тѣхъ идеяхъ, ради которыхъ она ведется, и, тѣмъ не менѣе, написать произведеніе истинно художественное, чуждое тенденціозной фальши. Создавая „Власть тьмы", графъ Толстой переживалъ уже тотъ періодъ своей жизни, когда онъ пересталъ быть только художникомъ, когда онъ сдѣлался проповѣдникомъ своеобразнаго ученія, касающагося не только морали, но и соціальныхъ отношеній; въ содержаніи его драмы слышится проповѣдь, предостерегающая людей отъ власти грѣха, отъ компромиссовъ съ совѣстью, но самое произведеніе все же остается истинно художественнымъ. Истинно художественно оно потому, что всѣ образы его вышли естественно изъ творческой фантазіи автора, созрѣли въ его душѣ до полноты художественной идеи, а не выдуманы имъ для выраженія отвлеченной истины".

Прежде, чѣмъ перейти къ оцѣнкѣ этого взгляда, укажемъ на любопытное его сходство съ нѣкоторыми разсужденіями г. Мережковскаго — любопытное потому, что г. Р. Д. отрицаетъ, а г. Мережковскій допускаетъ тенденціозность въ искусствѣ. „Творческій процессъ, — говорится въ цитированной уже нами статьѣ г. Мережковскаго, — не механическій, а безсознательный, непроизвольный, органическій. Сознаніе, критическая работа, научная подготовка составляютъ рядъ существенныхъ моментовъ, либо предшествующихъ творческому акту, либо слѣдующихъ за нимъ; но спеціальное отличіе этого акта отъ всѣхъ другихъ душевныхъ состояній и эмоцій заключается именно въ его безсознательномъ, органическомъ и непроизвольномъ характерѣ. Истинно-художественныя произведенія не изобрѣтаются и не дѣлаются, какъ машины, а ростутъ и развиваются, какъ живыя, органическія ткани". Отсюда г. Мережковскій выводитъ невозможность подчиненія творческаго акта какимъ бы то ни было теоретическимъ формуламъ (въ томъ числѣ, слѣдовательно, и формулѣ: „внѣ тенденціи для художника нѣтъ спасенія"). „Тенденція, — продолжаетъ онъ, — вполнѣ законна, если она является такимъ же безсознательнымъ, непроизвольнымъ, органическимъ продуктомъ художественнаго темперамента, какъ и всѣ другіе элементы, входящіе въ составъ творческаго акта; но только что она навязывается извнѣ, какъ теоретическая формула, она либо портитъ и калѣчитъ художественное произведеніе, либо является мертвымъ, несростающимся придаткомъ, неспособнымъ омрачить красоты всего произведенія". Признаемся, мы не понимаемъ, что такое *безсознательная тенденція*; намъ кажется, что это нѣчто въ родѣ сухой воды или холоднаго огня, — но насъ интересуетъ теперь не та или другая подробность въ аргументаціи г. Мережковскаго, а ея близость къ мнѣнію г. Р. Д. Какъ объяснить, что изъ одинаковыхъ почти посылокъ выводятся діаметрально-противоположныя заключенія? Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что это зависитъ отъ одного увлеченія, общаго обоимъ критикамъ. Они оба слишкомъ рѣзко обособляютъ „творческій актъ" отъ всего предшествующаго и послѣдующаго и слишкомъ сильно, вслѣдствіе этого, подчеркиваютъ его безсознательность и непроизвольность. Безсознательное и непроизвольное несомнѣнно входитъ въ составъ творчества, какъ одинъ изъ его элементовъ; но едва ли есть, во все продолженіе творческаго процесса, хоть одна минута, когда этотъ элементъ вытѣснялъ бы всѣ остальные — или отсутствовалъ бы совершенно. Именно потому, что процессъ творчества есть процессъ органическій, а не механическій, его нельзя расчленить на нѣ-

сколько моментовъ, вполнѣ отдѣльныхъ и отличныхъ одинъ отъ другого; нельзя сказать, что сначала идетъ *сознательная* подготовка, потомъ *безсознательное* созданіе образа, потомъ *сознательное* переведеніе его въ вещественный міръ. Смутныя очертанія того, чему суждено стать яркимъ и живымъ образомъ, могутъ носиться передъ глазами художника уже въ то время, когда онъ еще только *думаетъ* о будущей работѣ, собираетъ для нея матеріалы—и, наоборотъ, видоизмѣненія сложившагося образа могутъ возникать, помимо воли художника, и въ то время, когда онъ трудится надъ осуществленіемъ художественной идеи. Творческій актъ не имѣетъ опредѣленнаго начала и заканчивается, сплошь и рядомъ, только съ окончаніемъ произведенія. Пріурочивать процессъ „созданія“ исключительно къ области безсознательнаго кажется намъ такой же ошибкой, какъ и вовсе устранять безсознательное изъ процесса „исполненія“.

Если въ сказанномъ нами есть доля правды, то роль тенденціи въ творчествѣ—роль, повторяемъ еще разъ, *возможная*, но отнюдь не *неизбѣжная*—становится совершенно ясной. Допустимъ, что художникъ—человѣкъ, глубоко преданный политической или соціальной идеѣ, страстно желающій ея торжества и меньше всего расположенный скрывать это желаніе. Онъ не можетъ, еслибы и хотѣлъ, оградить свою художественную дѣятельность отъ соприкосновенія съ идеей, владѣющей всѣмъ его существомъ; столь же невозможенъ для него и отказъ отъ художественнаго творчества. Какъ художникъ, онъ мыслитъ и чувствуетъ образами; они возникаютъ въ немъ сами собою, свободно и непринужденно, и вмѣстѣ съ тѣмъ принимаютъ ту окраску, которую носитъ на себѣ весь его внутренній міръ. Онъ это сознаетъ, онъ этого хочетъ; онъ видитъ въ созданіяхъ своей фантазіи могучихъ борцовъ за идею. Въ этомъ именно смыслѣ и можетъ быть рѣчь о тенденціи, какъ о „сознательномъ и намѣренномъ проведеніи идеи“. Здѣсь нѣтъ, очевидно, ничего похожаго на „голую разсудочность“, на „механическую работу“; процессъ творчества сохраняетъ свой „органическій характеръ“, но усложняется еще однимъ элементомъ, отсутствующимъ въ творчествѣ нетенденціозномъ. Нѣтъ никакого основанія утверждать, что идея непремѣнно является художнику „не прежде и не послѣ образа, а въ немъ самомъ и, слѣдовательно, вмѣстѣ съ нимъ“. Это комбинація возможная, но далеко не единственная. Идея, вылившаяся въ художественномъ произведеніи, могла наполнять душу художника задолго до приступа къ созданію; образъ, ее воплотившій, могъ возникнуть подъ ея вліяніемъ, не становясь отъ этого

ни искусственнымъ, ни фальшивымъ. Возможно, наоборотъ, появленіе образа раньше идеи, независимо отъ нея, и послѣдующее ихъ сліяніе, столь полное, что не остается и слѣда соединительной работы. Возможно, наконецъ—въ области лирической поэзіи,—и такое художественное выраженіе идеи, которое вовсе не требуетъ образа. Таково, напримѣръ, знаменитое заключеніе Некрасовскаго „Параднаго подъѣзда"—это прямое, непосредственное обращеніе поэта къ русскому народу; таковы многія мѣста въ „Поэтѣ и Гражданинѣ", въ „Медвѣжьей охотѣ", въ „Рыцарѣ на часъ", въ отвѣтѣ неизвѣстному другу („Умру я скоро"). Критикъ „Недѣли" самъ, впрочемъ, даетъ оружіе противъ себя, признавая тенденціозность и вмѣстѣ съ тѣмъ художественность „Власти тьмы" гр. Л. Н. Толстого. Онъ допускаетъ, что въ этой драмѣ „слышится проповѣдь"—и все-таки находитъ, что всѣ образы драмы „вышли естественно изъ творческой фантазіи автора, созрѣли въ его душѣ до полноты художественной идеи". Какія же еще нужны, затѣмъ, доказательства тому, что можно увлекаться тенденціей, не переставая быть художникомъ? Не ясно ли, что тенденція не уничтожаетъ творческую силу? Въ „Власти тьмы", какъ и въ „Смерти Ивана Ильича", тенденціозность доведена до крайнихъ предѣловъ: до подчеркиванья основной мысли, до искусственнаго ея освѣщенія, до явнаго выдвиганія ея на первый планъ. Если оба произведенія, несмотря на все это, остаются высоко-художественными—хотя и нечуждыми недостатковъ, обусловливаемыхъ именно *избыткомъ* преднамѣренности,—то что же сказать о массѣ другихъ, въ которыхъ тенденція менѣе настойчива, менѣе замѣтна? Тенденціозный романъ, тенденціозная поэма далеко не всегда имѣютъ характеръ „проповѣди". „Власть тьмы"—это иллюстрація народной поговорки (о коготкѣ и птичкѣ), составляющей второе заглавіе драмы; это, по справедливому выраженію г. Р. Д., прямое „предостереженіе" противъ сдѣлокъ съ совѣстью, краснорѣчивое напоминаніе о всемогуществѣ грѣха, всецѣло овладѣвающаго своею жертвой. Тенденція не всегда идетъ такъ далеко; въ большинствѣ случаевъ она ограничивается возбужденіемъ настроенія или чувства, не укладывающагося въ опредѣленную формулу. Барбье, въ своихъ „Ямбахъ", не становится въ ряды той или другой партіи, враждебной іюльскому престолу, а протестуетъ вообще противъ низменныхъ стремленій, такъ скоро занявшихъ мѣсто мимолетнаго энтузіазма. Некрасовъ вдохновляется не мыслью о той или другой реформѣ, благотворной для крестьянской массы, а просто горячей любовью къ русскому народу. Шиллеръ, въ „Донъ Карлосѣ", исходитъ не изъ обдуманнаго политическаго

плана, а изъ юношескаго увлеченія свободой. Понятно, что въ примѣненіи къ нимъ о „разсудочности" и тому подобномъ еще меньше можетъ быть рѣчи, чѣмъ въ примѣненіи къ Льву Толстому.

Ошибается г. Р. Д., какъ намъ кажется, и тогда, когда пріурочиваетъ разрѣшеніе вопроса о тенденціозности исключительно къ „качествамъ произведенія". Съ его точки зрѣнія, это, конечно, гораздо удобнѣе; это даетъ возможность утверждать, что если тенденціозность не бросается въ глаза, то она вовсе и не существуетъ. Другими словами, изъ категоріи тенденціозныхъ произведеній намъ предлагаютъ исключить всѣ тѣ, въ которыхъ тенденція выразилась не слишкомъ замѣтно; тѣмъ легче, затѣмъ, становится развѣнчиванье остальныхъ, такъ какъ черезъ-чуръ усердное служеніе тенденціи безспорно вредитъ художественности произведенія [1]). Мы думаемъ, что мѣру участія тенденціи въ созданіи произведенія можно и должно опредѣлять не только на основаніи внѣшнихъ ея выраженій. Литературная критика, какъ и исторія литературы, имѣетъ полное право разбирать произведеніе въ связи съ его мотивами, насколько они извѣстны и доступны обсужденію. Только такой разборъ можетъ быть названъ исчерпывающимъ и всестороннимъ. Какъ предметъ изученія, художественное произведеніе и художникъ составляютъ одно цѣлое; чтобы вполнѣ объяснить себѣ первое, нужно знать и понимать послѣдняго. Если это знакомство приводитъ къ убѣжденію, что въ созданіяхъ своего творчества художникъ видѣлъ, между прочимъ, средство дѣйствовать на умы, способъ распространенія любимой идеи, то вопросъ о тенденціозности представляется рѣшеннымъ, хотя бы произведеніе, разсматриваемое само по себѣ, и представляло на этотъ счетъ какія-либо сомнѣнія. Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. „Вильгельмъ Телль" Шиллера (за исключеніемъ одного только эпизода, о которомъ мы скажемъ ниже), не принадлежитъ къ числу произведеній явно и очевидно тенденціозныхъ. Есть въ немъ мѣста, въ которыхъ можно предполагать тенденцію; таково, напримѣръ, предсмертное увѣщаніе Аттингаузена (Seid einig, einig), таковы рѣчи Штауффахера и Вальтера Фюрста во время совѣщанія на Рютли (eine Grenze hat Tyrannenmacht—die alten Rechte wollen wir bewahren, nicht ungezügelt nach dem Neuen greifen). Они допускаютъ, однако, и другое толкованіе, и тенденціозный ихъ смыслъ становится несомнѣннымъ только въ связи съ исторіей происхожденія трагедіи. Извѣстно, что въ первый разъ мысль о

[1]) Мы видѣли, однако, что даже систематическіе противники тенденціозности не могутъ иногда не признать художественность произведенія, носящаго *въ самомъ себѣ*, въ своихъ „качествахъ", явные признаки тенденціи („Власть тьмы").

Вильгельмѣ Теллѣ, какъ о хорошей темѣ для художественнаго произведенія, мелькнула въ головѣ Гёте, во время поѣздки по озеру четырехъ кантоновъ (въ 1797 г.); онъ думалъ обработать ее въ эпической формѣ и тогда же сообщилъ объ этомъ Шиллеру, который, одобряя выборъ предмета, сразу указалъ на возможность расширить его значеніе, сдѣлать его изъ мѣстнаго—общечеловѣческимъ (aus dieser Enge des lokal-charakteristischen öffnet sich ein Blick in die Weite des Menschengeschlechts). Съ этой точки зрѣнія Шиллеръ продолжаетъ смотрѣть на Телля и тогда, когда, четыре года спустя, ему приходитъ на мысль сдѣлать его героемъ драматическаго произведенія. Онъ вчитывается въ хронику Чуди, убѣждается въ наличности богатаго матеріала для трагедіи и пишетъ своему другу Кёрнеру, что видитъ возможность возвести частное, индивидуальное явленіе на степень высшей необходимости и истины (ein örtliches, ja beinahe individuelles und einziges Phänomen mit dem Charakter der höchsten Nothwendigkeit und Wahrheit zur Anschauung zu bringen). Гёте выражаетъ полную готовность отказаться отъ своего полузабытаго плана; съ этой точки зрѣнія, ничто не мѣшаетъ Шиллеру приняться за дѣло, но онъ увлекается въ другую сторону и пишетъ „Мессинскую невѣсту". Только въ концѣ 1802 г. начинается для него, какъ онъ говоритъ въ письмѣ къ Кёрнеру, переходъ темы изъ области исторіи въ область поэзіи; только осенью 1803 г. онъ совершенно посвящаетъ себя „Теллю" и оканчиваетъ его въ февралѣ 1804 г. Итакъ, *образъ* Телля возникъ въ душѣ Шиллера не сразу, не одновременно съ идеей, которою проникнута трагедія. Идейная сторона Телля поразила Шиллера еще тогда, когда онъ вовсе не думалъ взяться за его изображеніе; она занимала его и во время подготовительной работы, когда еще не начался „актъ творчества" въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Вмѣстѣ съ обстоятельствами тогдашняго времени, вмѣстѣ съ патріотизмомъ, кипящимъ въ „Пѣснѣ о Колоколѣ" (1799) и въ „Орлеанской Дѣвѣ" (1801), это даетъ намъ право утверждать, что устами Аттингаузена, Штауффахера, Фюрста говоритъ, по временамъ, самъ Шиллеръ и что „Вильгельму Теллю" не чуждъ элементъ тенденціозный. И что же, развѣ это уменьшаетъ достоинство произведенія? Развѣ слова дѣйствующихъ лицъ теряютъ свою силу, потому что въ нихъ отразилось—сознательно и намѣренно—личное чувство автора? Нѣтъ, они вытекаютъ изъ положенія и дѣйствія, они могли быть сказаны (хотя, конечно, въ другой формѣ) швейцарцами XIV-го вѣка, они сливаются въ одно цѣлое со всѣмъ остальнымъ, они блестятъ силой и красо-

той — и этого достаточно для художественности произведенія. Шиллеръ ничего не подсказываетъ читателямъ: онъ дѣлаетъ ихъ только участниками своего настроенія. Ошибка его начинается лишь тогда, когда онъ выводитъ на сцену Іоанна отцеубійцу. Это не только прерываетъ естественный ходъ дѣйствія, усложняя его совершенно ненужнымъ и явно сочиненнымъ эпизодомъ: это обращаетъ трагедію въ нравственно-философскій диспутъ, простодушнаго Телля, умѣющаго только дѣйствовать — въ казуиста, опытнаго оцѣнщика сходствъ и различій. Для занимающаго насъ вопроса „Вильгельмъ Телль“ имѣетъ особенную цѣну именно потому, что онъ указываетъ въ одно и то же время и на законность тенденціи, и на условія, при которыхъ она законна.

Разработка вопроса о тенденціозности въ искусствѣ желательна въ особенности на почвѣ фактовъ. Главнымъ предметомъ изученія долженъ сдѣлаться генезисъ произведеній, безспорно тенденціозныхъ. Письма, мемуары, автобіографіи художниковъ, вмѣстѣ съ воспоминаніями близкихъ къ нимъ лицъ, могутъ раскрыть многое въ процессѣ творчества, освѣтить разнообразныя сочетанія его элементовъ. Данныя, добываемыя этимъ путемъ, не всегда, конечно, одинаково достовѣрны. Самъ художникъ не всегда отдаетъ себѣ ясный отчетъ въ различныхъ фазисахъ творческой работы; тѣмъ болѣе возможны ошибки со стороны ея свидѣтелей. Отсюда необходимость повѣрки, матеріалъ для которой даютъ самыя произведенія художника. Одинъ источникъ дополняется другимъ, и путемъ сличенія ихъ между собою можно придти къ выводамъ сравнительно точнымъ. Чѣмъ шире будетъ сфера такого изслѣдованія, тѣмъ лучше, если только при этомъ будутъ оставлены въ сторонѣ произведенія незначительныя, слабыя, обреченныя на скорое забвеніе. Такія произведенія, если они тенденціозны, слишкомъ легко могутъ быть обращены въ аргументъ противъ тенденціи вообще; ихъ недостатки слишкомъ легко могутъ быть приписаны „намѣренности“ автора, хотя бы они и зависѣли отъ причинъ совершенно иного свойства. Даже опасныя стороны, даже подводные камни тенденціозности удобнѣе изучать на произведеніяхъ болѣе крупныхъ. Если тенденція, бьющая черезъ край, невыносима въ рукахъ заурядного писателя, то изъ этого нельзя еще вынести никакого общаго заключенія; слабость дарованія — бѣда ничѣмъ непоправимая. Чтобы осудить избытокъ тенденціозности, необходимо констатировать вредное его вліяніе на произведенія выдающагося таланта.

К. Арсеньевъ.

О
ГРѢХАХЪ И БОЛѢЗНЯХЪ

— *Н. Страховъ*: „Наша культура и всемірное единство“.—Замѣчанія на статью г. Влад. Соловьева: „Россія и Европа“ („Русск. Вѣстн.“, іюнь, 1888).

„Много болѣзней точатъ безмѣрное тѣло России“.
Н. Страховъ.
„Мнѣ стыдно — за наше общество“.
Онъ же.

Вотъ и почтенный авторъ „Рокового вопроса“ объявилъ меня врагомъ отечества. То, что̀ онъ говоритъ на эту благодарную тэму, было уже высказано — и съ бо̀льшею силою — во многихъ газетныхъ статьяхъ. „Будь самимъ собою“, сказалъ себѣ г. Страховъ („Р. В.“, стр. 252)—и вышелъ усерднымъ, хотя и слабымъ подражателемъ газетныхъ „патріотовъ“. Есть, однако, важная разница между ними и нашимъ критикомъ, и—увы!—не въ его пользу.

Быть можетъ, читатели помнятъ, что статья: „Россія и Европа“ была написана на тэму *о немощи русскаго просвѣщенія и о пустотѣ славянофильскихъ претензій*. Такъ какъ эти послѣднія нашли себѣ систематическое выраженіе въ извѣстной книгѣ покойнаго Данилевскаго, то мнѣ и нужно было заняться ея разборомъ. Популярныя газеты, представляющія нынѣшнее русское просвѣщеніе, естественно были возмущены моимъ отрицательнымъ взглядомъ, но не ограничились упреками во враждѣ къ отечеству, а стали прямо опровергать мои положенія, доказывая, что наша культура процвѣтаетъ, что въ наукахъ, искусствахъ, литературѣ мы отчасти уже превзошли Европу, а отчасти непремѣнно пре-

взойдемъ въ самомъ близкомъ будущемъ. Все это было хотя и недостовѣрно, но вполнѣ понятно, натурально и послѣдовательно. Если при этомъ мнѣ приписывались и такія мысли и чувства, какихъ я никогда не имѣлъ, то это происходило, конечно, по искреннему недоразумѣнію и извинялось быстротою газетной работы. Что же г. Страховъ? Написавши на досугѣ цѣлый трактатъ подъ заглавіемъ: „*Наша культура* и всемірное единство", попытался ли онъ доказать цвѣтущее состояніе и высокую культурно-историческую самобытность нашего національнаго просвѣщенія, указалъ ли онъ *въ настоящемъ* хоть на одинъ положительный и опредѣленный задатокъ нашего великаго будущаго? Ничуть не бывало! Отстранивъ отъ себя на весьма недостаточныхъ основаніяхъ эту интересную и существенную задачу („Р. В.", 202), онъ ставитъ себѣ совершенно другую: доказать, что „г. Соловьевъ — *самъ* на этотъ разъ явился печальнымъ образчикомъ *немощи русскаго просвѣщенія*" („Р. В.", 203). Образчикъ выходитъ, дѣйствительно, печальный и даже не только „на этотъ разъ". Ибо если вѣрить г. Страхову, то въ нравственномъ отношеніи я принадлежу къ тѣмъ людямъ, которыхъ по Моисееву закону казнили смертью (Исх. XXI, 17; Лев. XX, 9), а въ умственномъ отношеніи критикъ не находитъ ничего лучшаго, какъ примѣнить ко мнѣ самому тотъ глубоко-соболѣзновательный отзывъ Рабана Маура о *чистомъ небытіи*, который я привелъ по поводу русской философіи. Кого же, однако, опровергаетъ этимъ г. Страховъ? Конечно, не меня, ибо я никакого достоинства и значенія себѣ не приписывалъ и, говоря, напримѣръ, о грустномъ состояніи русской философіи, не дѣлалъ исключенія въ пользу своихъ философскихъ трудовъ. Г. Страховъ не только меня не опровергаетъ, — онъ всѣми возможными (а зачастую и невозможными) способами старается подтвердить, съ своей стороны, мой собственный тэзисъ. Чѣмъ яснѣе, въ самомъ дѣлѣ, моя несостоятельность, тѣмъ яснѣе выходитъ, по словамъ г. Страхова, и немощь русскаго просвѣщенія, коей я служу для него образчикомъ. Или, можетъ быть, я придираюсь тутъ къ словамъ, и досточтимый критикъ только обмолвился этою фразой: „*самъ онъ*" и т. д.? Быть можетъ, это только необдуманное примѣненіе того полемическаго пріема, который столь обыченъ въ спорахъ между дѣтьми: „ты дуракъ!" — „нѣтъ, ты *самъ* дуракъ!" Но г. Страховъ не позволяетъ намъ остановиться на такомъ предположеніи. Мнѣніе о немощи русскаго просвѣщенія есть его настоящее, серьезное мнѣніе. Высказавши его самымъ рѣшительнымъ образомъ въ „Борьбѣ съ Западомъ", г. Страховъ и теперь не беретъ его назадъ, а еще

подтверждаетъ новымъ заявленіемъ, говоря, что ему стыдно за русское общество. Правда, онъ горячо протестуетъ противъ всякаго сопоставленія своего пессимизма съ моимъ, однако, по истинѣ, никакой „великой разницы въ самомъ смыслѣ упрековъ“ не оказывается. По словамъ г. Страхова, упреки славянофиловъ (къ нимъ причисляетъ онъ и себя въ этомъ случаѣ) относятся къ общественному слою, „заправляющему у насъ почти вполнѣ и внѣшними, и внутренними дѣлами, но никакъ не ко всему народу, взятому въ его внутреннихъ силахъ и *возможностяхъ*“ („Р. В.“, 254). Но кто же отрицалъ эти внутреннія силы и возможности? Печально только то, что, оставаясь вѣчно подъ спудомъ—въ „глубинѣ“ и „молчаніи“,—эти возможности ничуть не мѣшаютъ той общественной дѣйствительности, за которую даже любвеобильному г. Страхову стыдно. Итакъ, изъ-за чего же этотъ почтенный критикъ напалъ на меня въ хвостѣ газетныхъ обличителей? Признавши немощь дѣйствительнаго русскаго просвѣщенія, онъ тѣмъ самымъ призналъ истинность моего взгляда и пустоту своего негодованія.

Напрасно и неудачно затронувши эту сторону дѣла, Н. Н. Страховъ сосредоточилъ свои усилія на защитѣ, противъ меня, исторической теоріи Данилевскаго? Что при этомъ о самыхъ существенныхъ моихъ возраженіяхъ искусный критикъ старательно *умолчалъ*, а другимъ придалъ нарочно безсмысленный видъ и *ни одного* серьезно не разобралъ—это въ порядкѣ вещей и нисколько меня не удивило. Не удивился я и тому, что фальшивость или безсодержательность критическихъ замѣчаній прикрыта обиліемъ бранныхъ восклицаній. Но что̀ меня поразило—несмотря на достаточное знакомство съ самобытными пріемами русской полемики—это та безцеремонность, съ которою г. Страховъ подставилъ, вмѣсто основной мысли Данилевскаго, какую-то совсѣмъ иную, сославшись въ оправданіе на *свое собственное* прежнее сужденіе! По теоріи Данилевскаго славянство [1]), хотя и не имѣетъ никакой все-человѣческой задачи (единое человѣчество здѣсь отрицается), но, будучи *послѣднимъ* въ ряду преемственныхъ культурно-историческихъ типовъ и притомъ самымъ *полнымъ* (четырехъ-основнымъ), должно придти на смѣну прочихъ, частію отжившихъ, частію отживающихъ типовъ (Европа); славянскій міръ есть море, въ которомъ должны слиться всѣ потоки исторіи —этою мыслью Данилевскій заканчиваетъ свою книгу, это есть послѣднее слово всѣхъ его разсужденій. Сліяніе же историческихъ

---

[1]) Сюда включаются греки, румыны и мадьяры, но исключаются поляки.

потоковъ въ славянскомъ морѣ должно произойти не иначе, какъ посредствомъ великой войны между Россіей и Европой. По поводу этого рокового кровопролитія Данилевскій прославляетъ войну вообще какъ единственный достойный способъ рѣшенія міровыхъ вопросовъ и даже сравниваетъ ее съ явленіемъ Божіимъ на горѣ Синаѣ. Тѣмъ не менѣе г. Страховъ увѣряетъ, что это воззрѣніе отличается духомъ кротости [1]), допуская *въ будущемъ* существованіе и развитіе другихъ культурно-историческихъ типовъ *рядомъ* съ славянскимъ. Данилевскій высказываетъ и въ цѣлыхъ главахъ своей книги развиваетъ противоположную мысль; ея же поэтическимъ выраженіемъ завершаетъ онъ и все свое изслѣдованіе. Но г. Страховъ на Данилевскаго и не ссылается: ему довольно привести *свой собственный* отзывъ, сдѣланный при появленіи „Россіи и Европы" („Р. В.", 213). Что же однако доказываетъ эта ссылка на самого себя, кромѣ того, что г-ну Страхову и въ прежнія времена случалось грѣшить противъ истины?

Старый и опытный литераторъ, онъ отлично знаетъ недостатки и слабости читающей публики: ея невнимательность, забывчивость, предубѣжденность противъ извѣстнаго рода мыслей, неспособность или неохоту вникать въ умственные и нравственные предметы. Этими отрицательными свойствами, неизбѣжными у *большинства* читателей, г. Страховъ пользуется съ великою смѣлостью: на нихъ всецѣло и исключительно разсчитана его послѣдняя статья.

Еслибы дѣло шло о чисто-литературномъ спорѣ, то я могъ бы покончить мой отвѣтъ этимъ общимъ отзывомъ, предложивши въ заключеніе всякому желающему сличить „замѣчанія" критика съ статьею „Россія и Европа" и съ книгою Данилевскаго. Но вопросъ объ истинности или ложности ново-славянофильской теоріи прямо связанъ съ самыми существенными вопросами русской жизни, и я нахожу невозможнымъ оставить дѣло невыясненнымъ.

I.

При видѣ отвратительной и постыдной оргіи человѣкъ напоминаетъ своимъ ближнимъ, что безмѣрно пьянствовать и объѣдаться — дѣло дурное и вредное; а на это ему съ негодованіемъ возражаютъ: „Какъ? ты утверждаешь, что пшеница, вино и елей

[1]) Особенно проявилось „славянское благодушіе" и „терпимость" въ отзывахъ автора *Россіи и Европы* о протестантствѣ, какъ объ „отрицаніи религіи вообще", и о католичествѣ, какъ „продуктѣ лжи, гордости и невѣжества".

суть безнравственныя вещи? Да гдѣ же твои доводы? Ну-тка докажи!" — Совершенно подобное „недоразумѣніе" произошло между мною и г. Страховымъ. Онъ требуетъ, чтобы я ему доказалъ — что̀ бы вы думали? — *безнравственность* принципа *народности!* „Очень жаль, что г. Соловьевъ, порицая такъ сильно принципъ національности, нигдѣ не объясняетъ, чѣмъ же именно онъ противенъ нравственности, все равно высшей, или низшей" („Р. В.", 207); и далѣе: „Безнравственность принципа народности г. Соловьевъ, кажется, считаетъ вовсе и нетребующею доказательствъ" (ibid.); и еще: „понятно теперь, почему у г. Соловьева нѣтъ вовсе доводовъ, объясняющихъ безнравственность начала народности; такихъ доводовъ и быть не можетъ" („Р. В.", 213). Это, конечно, вполнѣ понятно; но вовсе непонятно, почему г. Страховъ искалъ у меня доводовъ для такой невообразимой нелѣпости, которая ему, Богъ вѣсть съ чего, приснилась. Трудно повѣрить, чтобы тонкій умъ почтеннаго критика не понималъ различія между *національностью* и *національизмомъ,* — вѣдь это то же самое, что различіе между *личностью* и *эгоизмомъ.* Приходило ли кому-нибудь въ голову утверждать, что въ принципѣ личности есть что-нибудь безнравственное, тогда какъ безнравственность эгоизма не требуетъ и доказательствъ. Распространяться о безнравственности націонализма или національнаго эгоизма, покушающагося на жизнь и свободу чужихъ народностей, было бы, безусловно говоря, столь же излишне, какъ доказывать безнравственный характеръ личнаго эгоизма. Но такъ какъ манія націонализма есть господствующее заблужденіе нашихъ дней, то я и разбиралъ его съ нравственной точки зрѣнія въ нѣсколькихъ статьяхъ, хорошо извѣстныхъ г. Страхову, но непринятыхъ имъ во вниманіе. Гораздо легче требовать невозможныхъ доводовъ въ пользу выдуманной вами на смѣхъ нелѣпости, нежели возражать на дѣйствительные аргументы противъ любезнаго вамъ заблужденія.

Другое изобрѣтеніе г. Страхова есть тотъ смѣшной и глупый поступокъ, который онъ мнѣ приписываетъ на стр. 202: „въ этихъ оцѣнкахъ, — говоритъ онъ (рѣчь идетъ о нашей культурѣ), — очень ясно обнаружился тотъ *недостатокъ любви,* въ которомъ упрекалъ его когда-то И. С. Аксаковъ. Г. Соловьевъ отвѣчалъ на это, что *онъ не разъ заявлялъ о своей любви къ Россіи".* Ссылаться на свои заявленія о любви къ Россіи я никакъ не могъ по той простой причинѣ, что никогда такихъ заявленій не дѣлалъ. На самомъ дѣлѣ было нѣчто совершенно другое. Покойный И. С. Аксаковъ, нападая на одну мою статью (напечатанную Н. Н. Страховымъ въ „Славянскихъ Извѣстіяхъ"),

сдѣлалъ по недосмотру ошибочное замѣчаніе, будто, говоря о „вѣрѣ“ въ народъ, о „служеніи“ народу, я ничего не говорилъ о „любви“ къ народу. Въ своемъ отвѣтѣ я поправилъ эту фактическую ошибку И. С—ча, приведя тѣ мѣста моей статьи, гдѣ развивалось опредѣленное *понятіе* о томъ, въ чемъ любовь къ народу должна состоять и выражаться—именно въ сочувствіи истиннымъ народнымъ *потребностямъ*, въ *дѣятельномъ* стремленіи пособить настоящимъ не только матеріальнымъ, но преимущественно духовнымъ нуждамъ народа, причемъ какъ на образцы такой любви я указывалъ на ап. Павла, на князя Владиміра Кіевскаго, на Петра Великаго [1]). Гдѣ же тутъ заявленія о *своей* любви къ Россіи? Или г. Страховъ не понимаетъ, что одно дѣло—разбирать общеинтересный вопросъ о сущности истиннаго патріотизма, и совсѣмъ другое—заявлять о своихъ личныхъ чувствахъ, которыхъ никому не нужно знать. Покойный Аксаковъ не продолжалъ начатаго имъ спора, но я могъ ожидать, что г. Страховъ покажетъ мнѣ теперь ошибочность моихъ понятій (*понятій*, досточтимый критикъ, *понятій*!) о любви къ народу или о патріотизмѣ. Но онъ предпочелъ приписать мнѣ небывалыя заявленія, чтобы имѣть поводъ усомниться въ моей правдивости. Любовь—восклицаетъ онъ—доказывается не заявленіями! Вотъ глубокая и новая истина, сознаніе которой не помѣшало, однако, почтенному Н. Н. Страхову распространиться подъ конецъ о своихъ личныхъ чувствахъ къ Россіи („Р. В.“, 255).

Не буду перечислять другихъ случаевъ, гдѣ г. Страховъ замѣняетъ возраженіе изобрѣтеніемъ. Ограничусь общимъ и краткимъ отвѣтомъ на всѣ такіе случаи: *Не послушествуй на друга твоего свидѣтельства ложна*. Для критика, столь уважающаго, повидимому, заповѣди десятословія, этого будетъ достаточно. Что же касается до читателей, которымъ г. Страховъ взялся „помочь въ этомъ дѣлѣ“ („Р. В.“, 203), то считаю небезполезнымъ напомнить имъ въ нѣсколькихъ краткихъ тэзисахъ свои мысли о національности вообще и о Россіи въ частности.

1. Народность есть положительная сила, и всякій народъ имѣетъ право на независимое (отъ другихъ народовъ) существованіе и на свободное развитіе своихъ національныхъ особенностей [2]).

2. Народность есть самый важный факторъ природно-человѣческой жизни, и развитіе національнаго самосознанія есть великій успѣхъ въ исторіи человѣчества [3]).

---

[1]) См. „Національный Вопросъ въ Россіи“, изд. 2, стр. 51—53. Первоначально мой отвѣтъ Аксакову былъ напечатанъ въ „Православномъ Обозрѣніи“ (апр. 1884).

[2]) „Нац. вопросъ въ Россіи“, изд. 2, стр. 10, 33, 117.

[3]) Ibid. 31, 32.

3. Національная идея, понимаемая въ смыслѣ политической справедливости, во имя которой защищаются и освобождаются народности слабыя и угнетенныя, имѣетъ высокое нравственное значеніе и заслуживаетъ всякаго уваженія и симпатіи [1]).

4. Націонализмъ или національный эгоизмъ, т.-е. стремленіе отдѣльнаго народа къ утвержденію себя на счетъ другихъ народностей, къ господству надъ ними,—есть полное извращеніе національной идеи; въ немъ народность изъ здоровой, положительной силы превращается въ болѣзненное, отрицательное *усиліе*, опасное для высшихъ человѣческихъ интересовъ и ведущее самый народъ къ упадку и гибели [2]).

5. Русскій народъ обладаетъ великими стихійными силами и богатыми задатками духовнаго развитія [3]).

6. Національная самобытность Россіи, проявившаяся, между прочимъ, въ нашей изящной литературѣ, не подлежитъ сомнѣнію [4]).

7. Истинный духъ русской народности, опредѣляемый высшимъ нравственнымъ началомъ, выразился въ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ возникновеніе русскаго государства (призваніе варяговъ), а также крещеніе Руси, потомъ въ реформѣ Петра Великаго и, наконецъ, въ воспріимчивомъ, отзывчивомъ и всеобъемлющемъ характерѣ русской поэзіи [5]).

8. Въ настоящее время, при искусственномъ возбужденіи въ русскомъ обществѣ грубо-эгоистическихъ инстинктовъ и стремленій, а также вслѣдствіе нѣкоторыхъ особыхъ историческихъ условій, духовное развитіе Россіи задержано и глубоко извращено, національная жизнь находится въ подавленномъ, болѣзненномъ состояніи и требуетъ коренного исцѣленія [6]).

Еслибы г. Страховъ серьезно и искренно держался тѣхъ мнѣній, которыя онъ не разъ высказывалъ, начиная отъ „Рокового вопроса" и кончая заключительными страницами „Борьбы съ Западомъ",—мнѣній, вполнѣ совпадающихъ съ послѣднимъ и самымъ важнымъ изъ моихъ тэзисовъ, онъ долженъ бы былъ не вооружаться противъ меня, а поддерживать и руководить мой слабый умъ въ трудномъ дѣлѣ изслѣдованія нашихъ общественныхъ грѣховъ и болѣзней. А вотъ теперь вмѣсто того приходится заниматься болѣзненными продуктами самого г. Страхова.

---

1) Ibid. 117.
2) Ibid. 10.
3) Ibid. passim.
4) Ibid. 142.
5) Ibid., вся глава „О народности и народныхъ дѣлахъ Россіи".
6) Ibid., глава: „Россія и Европа".

II.

„Что значитъ „единое по природѣ“ человѣчество? По обыкновенному пониманію это значитъ, что *природа у всѣхъ людей одна*, что они *равны* между собою по своей природѣ, а слѣдовательно и „по нравственному назначенію“. Г. Соловьевъ самъ нерѣдко употребляетъ это слово *равенство*; но потомъ безъ всякихъ оговорокъ ставитъ на мѣсто его *единство*, а „единству“ онъ даетъ совершенно другой смыслъ—и въ этомъ-то простѣйшемъ софизмѣ заключается источникъ всего его воодушевленія!—Подъ единствомъ онъ разумѣетъ такое отношеніе между людьми, по которому они образуютъ единое и нераздѣльное цѣлое“ (Р. В.“, 205). Въ указанный г. Страховымъ софизмъ я впалъ бы дѣйствительно лишь въ томъ случаѣ, еслибы мое понятіе о человѣчествѣ, какъ единомъ и нераздѣльномъ цѣломъ, допускало существенное неравенство его частей (по отношенію къ абсолютной цѣли ихъ бытія); если же я имѣю о человѣчествѣ какъ цѣломъ такое понятіе, которое необходимо требуетъ равенства (въ указанномъ отношеніи) всѣхъ его частей и элементовъ (народовъ и недѣлимыхъ), то я могу, безъ всякаго софизма, подъ единствомъ цѣлаго разумѣть и равенство его частей. Поэтому г. Страхову, вмѣсто неидущихъ къ дѣлу разсужденій объ отвлеченныхъ возможностяхъ, о томъ, что части цѣлаго „*могутъ* быть различны по своему достоинству“ и т. д. (206), слѣдовало бы прямо разобрать утверждаемую мною идею единаго человѣчества. Подойдя къ ней, наконецъ, послѣ многихъ обходовъ, г. Страховъ жалуется на то, что я подтверждаю свою мысль лишь глухими ссылками на различные авторитеты: на Сенеку, на ап. Павла, на положительно-научную философію, т.-е. на Огюста Конта (?). „Не слишкомъ ли ужъ много этихъ ссылокъ?“ (217). Изъ многаго выберемъ наилучшее. По ученію ап. Павла (1 Кор., XII, и Ефес., IV) человѣчество есть единое живое цѣлое, духовно-физическій организмъ, реально-несовершенный, но возрастающій и развивающійся до идеальной полноты и совершенства; члены этого организма безусловно солидарны между собою, всѣ необходимы для каждаго и каждый необходимъ для всѣхъ, такъ что благосостояніе или страданіе одного прямо отзываются благосостояніемъ или страданіемъ всѣхъ другихъ; и такъ какъ каждый имѣетъ свое безусловное значеніе, свое незамѣнимое мѣсто въ общей жизненной цѣли, то, слѣдовательно, всѣ по отношенію къ цѣлому безусловно равны между собою. Эта идея всеединаго че-

ловѣчества, несмотря на свою общность, достаточно опредѣленна именно въ томъ смыслѣ, что въ ней единство цѣлаго совпадаетъ съ равенствомъ всѣхъ частей, а потому на почвѣ этой идеи я употреблялъ и—не во гнѣвъ г. Страхову—всегда буду употреблять эти два термина какъ однозначащіе. Но почтенный критикъ, избалованный Данилевскимъ съ его столь точною „анатоміей“ человѣчества, требуетъ и отъ меня чего-нибудь въ этомъ родѣ. Онъ находитъ, что я долженъ бы хоть намекнуть на то, какъ я представляю себѣ самую *организацію* человѣчества. Почему же только намекнуть? Безъ сомнѣнія, анатомическая точность Данилевскаго для меня недостижима, но нѣкоторыя прямыя и опредѣленныя (хотя весьма неполныя и отрывочныя) указанія на основную органическую форму человѣчества г. Страховъ можетъ найти у меня, но только, разумѣется, не въ статьѣ „Россія и Европа“. Да и зачѣмъ ему искать этого именно тутъ? Г. Страховъ можетъ, конечно, безъ какихъ-нибудь особенныхъ затрудненій, получать всякія книги и брошюры. Но, конечно, этотъ великодушный критикъ никогда не воспользуется своимъ удобствомъ для ознакомленія съ моими мыслями: ему слишкомъ удобно побѣждать меня въ пустомъ пространствѣ. „Какое же право,—продолжаетъ онъ,—мы имѣемъ называть что-нибудь организмомъ, если не можемъ указать въ немъ ни одной черты органическаго строенія? Вмѣсто того г. Соловьевъ съ величайшими усиліями вооружается противъ культурно-историческихъ типовъ Данилевскаго и старается подорвать ихъ со всевозможныхъ сторонъ, очевидно, воображая, что когда человѣчество явится передъ нами въ видѣ безформенной, однородной массы, въ видѣ простого скопленія человѣческихъ недѣлимыхъ, тогда-то оно будетъ всего больше походить на живое цѣлое“ (219). Откуда, однако, такое странное разсужденіе? Какъ будто кромѣ несуществующихъ „культурно-историческихъ типовъ“ нельзя найти у человѣчества дѣйствительныхъ частей и органовъ? А дѣленіе на Востокъ и Западъ? а разные племена и народы, религіозныя и соціальныя корпораціи—чѣмъ же это не черты органическаго строенія? Вѣдь ничего этого я не отрицаю, а слѣдовательно и не могу видѣть въ человѣчествѣ простого скопленія недѣлимыхъ. Но что подѣлаешь съ г. Страховымъ! Ему нужна альтернатива: „или культурно-историческіе типы, или безформенная, однородная масса!“ Такъ ему хочется—и все тутъ: der Wille ist ein Ungrund.

Съ этой точки зрѣнія нечего удивляться, что почтенный критикъ собираетъ на мою голову самые противорѣчивые укоры. Хочется ему на стр. 207, чтобы я высокомѣрно относился къ За-

паду, и вотъ я высокомѣренъ до наглости; хочется на стр. 252, чтобы я былъ подобострастенъ передъ Европой, и вотъ я раболѣпствую до холопства. Захотѣлось г. Страхову на стр. 248, чтобы я былъ чрезвычайно наивенъ, и я поражаю всякаго своею наивностью, а на стр. 229, по той же творческой волѣ г. Страхова, я являю небывалый доселѣ примѣръ коварства. Особенно тяжела пришлась мнѣ эта глава: „Объединители". Попрекнувши меня Александромъ Македонскимъ, римскими гонителями христіанъ, а равно и испанскою инквизиціею, г. Страховъ идетъ далѣе въ глубь временъ и довольно прозрачно намекаетъ на мою солидарность съ царемъ Навуходоносоромъ, причемъ самъ является сторонникомъ бѣдныхъ евреевъ, сидѣвшихъ на рѣкахъ Вавилонскихъ и плакавшихъ (стр. 233). Ну, это ужъ черезъ-чуръ! Какъ будто не видно всякому, кто изъ насъ двоихъ сидитъ на рѣкахъ Вавилонскихъ, и кто пляшетъ передъ истуканомъ на равнинѣ Дура... Впрочемъ г. Страховъ шутокъ не любитъ. Итакъ, скажу ему прямо и серьезно. Приписывая мнѣ сочувствіе къ насильственному объединенію, онъ имѣлъ въ виду вопросъ о соединеніи церквей, о которомъ я писалъ въ „Руси" покойнаго Аксакова, въ „Православномъ Обозрѣніи" и въ „Славянскихъ Извѣстіяхъ" подъ его же редакціей. Прошу же его сказать, предлагалъ ли я когда-нибудь (въ помянутыхъ ли статьяхъ, или гдѣ бы то ни было) для этого объединенія другой путь, кромѣ свободнаго и сознательнаго, на всестороннемъ обсужденіи спорныхъ пунктовъ основаннаго соглашенія обѣихъ сторонъ? Указывалъ ли я другое практическое средство для желанной мною цѣли, кромѣ полной религіозной и научной свободы? Утверждалъ ли я когда-нибудь, что „духовное царство" Рима есть совершенный идеалъ всемірнаго единства? А затѣмъ прошу его сообразить, что завѣдомо ложное причисленіе имъ меня къ сторонникамъ насильственнаго объединенія тѣмъ болѣе неприлично, что самые близкіе и реальные примѣры такого объединенія находятся, какъ ему хорошо извѣстно, совсѣмъ не тамъ, гдѣ онъ ихъ указываетъ.

III.

„Обо всей исторіи (?) культурно-историческихъ типовъ, объ этой „естественной системѣ" исторіи, г. Соловьевъ, на основаніи своего разбора произноситъ слѣдующій заключительный приговоръ: эта система, соединяющая разнородное и т. д. Боже! какъ громко и рѣзко, а какая путаница! Я хочу сказать, что

тутъ набраны всякіе, самые разнородные, но все общіе упреки, такъ что эту характеристику можно отнести ко всякому очень плохому разсужденію" („Р. В.", 219). Въ *общемъ* заключеніи изъ подробнаго разбора теоріи Данилевскаго я только то и хотѣлъ сказать, что эта теорія принадлежитъ къ числу „очень плохихъ разсужденій". А частныя основанія для этого общаго сужденія находятся въ самомъ разборѣ. Но на г. Страхова мнѣ не угодить. Съ одной стороны, онъ недоволенъ „общими упреками", а съ другой—ему не нужны „частныя доказательства". „Если система Данилевскаго,—продолжаетъ онъ,—несостоятельна, то, очевидно, нужно открыть ея *главный грѣхъ*, и тогда мы вполнѣ поймемъ ея несостоятельность, и не нужно будетъ подбирать разныхъ частныхъ доказательствъ, изъ которыхъ не выходитъ одного общаго" („Р. В.", 219, 220). Главный грѣхъ въ „системѣ" Данилевскаго состоитъ въ томъ, что она основана на *мнимой* величинѣ, ибо культурно-историческихъ типовъ въ смыслѣ Данилевскаго, какъ это указано и, съ вашего позволенія, доказано въ моемъ разборѣ, не существуетъ и никогда не существовало въ дѣйствительности. Г. Страховъ самъ это знаетъ, а потому и старается какъ-нибудь обойти мои частныя доказательства.

Вмѣсто того, чтобы показать мнѣ дѣйствительность выдуманнаго Данилевскимъ дѣленія, г. Страховъ пускается въ длинное разсужденіе о естественной системѣ вообще. Разсужденіе это начинается такими словами: „Прежде всего г. Соловьевъ *безъ сомнѣнія вовсе* не понимаетъ требованій естественной системы" („Р. В.", 220),—а продолжается на слѣдующей страницѣ такъ: „Должно быть, однако же, г. Соловьевъ кой-что знаетъ о естественной системѣ". Это великодушное противорѣчіе не соблазняетъ меня, однако, настаивать на своемъ пониманіи естественной системы. Я радъ и тому, что съ полною ясностью понялъ то боковое движеніе, посредствомъ котораго г. Страховъ хочетъ уйти отъ „рокового вопроса" о *дѣйствительности* культурно-историческихъ типовъ. Поговоривши достаточно о равнобедренныхъ треугольникахъ и т. п., искусный критикъ выбираетъ, наконецъ, изо всѣхъ моихъ возраженій одно, наименѣе важное, но не для того, чтобы его опровергать, а ради такого заключенія: ну что за бѣда? одна ошибка не въ счетъ! вѣдь это только при непониманіи естественной системы можно воображать, что она должна быть сразу вполнѣ точною и безошибочною! У читателя, которому г. Страховъ помогаетъ въ этомъ дѣлѣ, такъ и остается впечатлѣніе, что въ теоріи Данилевскаго указана *только одна* ошибка, да и то маловажная. Но неожиданно для почтеннаго

критика въ числѣ его читателей оказался и я, и тутъ уже ему придется помогать самому себѣ. Мнѣ-то ужъ онъ не станетъ говорить объ „одной“ ошибкѣ, когда я показалъ, что защищаемая имъ теорія вся сплошь состоитъ изъ ошибокъ и, слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ „естественною системой“ быть не можетъ. По справедливому замѣчанію г. Страхова, ошибочное причисленіе кита къ рыбамъ не мѣшало симъ послѣднимъ составлять естественную группу. Но чтò бы онъ сказалъ о такой зоологической системѣ, которая сверхъ причисленія кита къ рыбамъ раздѣляла бы всѣхъ животныхъ на пять классовъ: рыбъ, канареекъ, лошадей, млекопитающихъ и медвѣдей? Была ли бы это тоже „естественная“ система, только нуждающаяся въ поправкахъ для своего совершенства? Если г. Страховъ увѣренъ, что такое сравненіе не идетъ къ защищаемой имъ исторической классификаціи, если онъ допускаетъ въ ней въ самомъ дѣлѣ только *одну* ошибку, то ему слѣдовало бы доказать, что всѣ остальныя мною выдуманы. Но у него другая забота: терзаемый раскаяньемъ, что сдѣлалъ мнѣ одну, хотя кажущуюся, но все-таки уступку, онъ предпринимаетъ новый, еще болѣе искусный и сложный маневръ, чтобы обратить признанный имъ промахъ въ заслугу Данилевскому. Сначала говорилось такъ: „Китъ, о которомъ идетъ рѣчь, —финикіяне. Данилевскій вовсе не разсуждаетъ объ этомъ народѣ и его исторіи; онъ только голословно, ссылаясь на одну лишь *общеизвѣстность*, соединилъ его (въ своемъ перечисленіи типовъ) въ одинъ типъ съ ассиріянами и вавилонянами“ („Р. В.“, 222). А черезъ страницу (224) оказывается, что Данилевскій поступилъ такъ потому, что „вздумалъ воевать противъ того *недостатка научной строгости*, который такъ обыкновененъ въ историческихъ сочиненіяхъ и такъ по душѣ приходится г. Соловьеву“. И далѣе: „Данилевскій пожелалъ яснаго и *точнаго* распредѣленія фактовъ, общей группировки ихъ по степени ихъ естественнаго сродства, и предложилъ теорію культурныхъ типовъ. Вотъ его преступленіе противъ тѣхъ, кому низшія требованія науки мѣшаютъ предаваться высшимъ полетамъ“ (225). Такимъ образомъ выходитъ, что авторъ „культурно-историческихъ типовъ“ голословнымъ утвержденіемъ по предмету ему неизвѣстному, и однако прямо входящему въ его задачу, доказалъ свою научную строгость и стремленіе къ точному распредѣленію фактовъ, а я, указавши на ошибочность его голословнаго утвержденія, обнаружилъ тѣмъ презрѣніе къ низшимъ требованіямъ науки. Ну, развѣ это не верхъ полемическаго искусства?

Менѣе искусно, но, быть можетъ, еще болѣе удачно, съ своей

точки зрѣнія, поступаетъ г. Страховъ по поводу одной изъ логическихъ несообразностей въ классификаціи культурныхъ типовъ. Эти послѣдніе, по Данилевскому, расчленяются на мéньшія этнографическія группы; такъ напр., на стр. 105 своей книги (изд. 2-е) онъ расчленяетъ эллинскій культурно-историческій типъ на три группы: іонійскую, дорійскую и эолійскую. Но такъ какъ по его системѣ вся романо-германская Европа есть не болѣе какъ одинъ изъ культурно-историческихъ типовъ на ряду съ Греціей, то и выходитъ явное противорѣчіе логическому правилу, требующему, чтобы расчлененія однородныхъ группъ находились въ аналогическомъ отношеніи или соотвѣтствіи между собою. Этого-то соотвѣтствія и нѣтъ между романо-германскою Европой и Греціей; ибо первая расчленяется на цѣлые великіе народы, говорящіе совершенно различными языками (какъ напр., англичане и испанцы), тогда какъ въ Греціи ея подраздѣленія: іонійцы, дорійцы и эолійцы—были лишь близкія между собою вѣтви одного и того же народа, говорившія однимъ и тѣмъ же языкомъ, лишь съ незначительными діалектическими различіями. Г. Страховъ хорошо понимаетъ, что эта несообразность поважнѣе „кита", и что ея одной вполнѣ достаточно, чтобы въ корнѣ подорвать всю систему Данилевскаго, которая вѣдь для того только и придумана, чтобы отнять у „Европы" всякое универсальное значеніе и низвести ее на степень одного изъ многихъ типовъ культуры. Въ виду этого г. Страховъ, полагаясь съ одной стороны на невнимательность читателей, а съ другой стороны на достовѣрность единомышленныхъ ему газетъ, утверждавшихъ, что я „выбылъ изъ строя", рѣшился на отчаянное средство; онъ прямо и просто утверждаетъ, что Данилевскій никогда и не думалъ объ этнографическомъ расчлененіи своихъ типовъ. Читайте сами: „никогда этой мысли не было у Данилевскаго. Подъ членами онъ тутъ понималъ всякаго рода историческія *событія*, и хотѣлъ сказать, что только событія, относящіяся къ исторіи одного культурнаго типа, бываютъ связаны между собою столь же тѣсно, какъ *событія другого типа* между собою" („Р. В.", 225). Пощадите хоть мертвыхъ, г. Страховъ! Подумайте хорошенько, что̀ вы тутъ взвели на вашего покойнаго друга! Вѣдь его культурные типы, какъ вы сами передъ тѣмъ настойчиво утверждали на стр. 218, суть *анатомическія* группы, и вдругъ эти анатомическія группы расчленяются на *событія*! Изъ какихъ „событій" состоитъ запястье у млекопитающихъ, почтенный магистръ зоологіи? Какое безмѣрное презрѣніе къ своей публикѣ нужно имѣть, чтобы предлагать ей такіе „сапоги въ смятку"! Но пусть читатели „Русскаго Вѣст-

ника“ считаются сами съ г. Страховымъ за это явное оскорбленіе. Меня болѣе интересуетъ та смѣлость, съ которою онъ отрицаетъ *фактическую* истину. Вѣдь это фактъ, что Данилевскій принималъ этнографическое расчлененіе культурныхъ типовъ. Или, раздѣляя греческій типъ на іонійцевъ, дорійцевъ и эолійцевъ, онъ и мысли не имѣлъ объ этнографическомъ расчлененіи? Послѣ этого отъ полемическаго искусства г. Страхова остается ожидать одного, что въ новомъ изданіи „Россіи и Европы“ онъ выпуститъ изъ текста безъ всякихъ оговорокъ всѣ неудобныя ему страницы. Я знаю не мало примѣровъ такого „строго-научнаго“ исправленія книгъ и документовъ, и г. Страховъ, слѣдуя этимъ путемъ не вышелъ бы изъ предѣловъ современной русской „самобытности“. Замѣтимъ однако, что маленькія полемическія побѣды, достигаемыя этимъ дешевымъ способомъ, совершенно призрачны. Положимъ, напримѣръ, что г. Страхову удалось надѣть шапку-невидимку на стр. 105 въ книгѣ „Россія и Европа“ — развѣ отъ этого дѣйствительное значеніе этнографическихъ расчлененій сколько-нибудь измѣнится? Различіе между французами и шведами останется все-таки несоизмѣримо бо̀льшимъ, нежели между іонійцами и эолійцами, и все-таки невозможно будетъ ставить на одну доску такую многонародную группу, какъ Европа, съ такими простыми національными единицами, какъ Китай, Египетъ или Греція.

IV.

Если г. Страховъ не усомнился даже покойному Данилевскому приписать явную нелѣпость о расчлененіи анатомическихъ группъ на событія, то нечего удивляться, что онъ мнѣ приписываетъ, хотя и съ противоположными цѣлями, не мѐньшую нелѣпость, а именно, будто бы, по моему, приведеніе въ движеніе и остановка маятника не суть явленія движенія и могутъ совершаться вопреки механическимъ законамъ. Чтобы навязать мнѣ эту несообразность, онъ приводитъ мой пояснительный примѣръ безъ начала и конца — безъ конца въ полномъ смыслѣ, такъ какъ обрываетъ его на словѣ: *которой.*—Это разсужденіе, замѣчаетъ г. Страховъ, „чрезвычайно просто“. Особенно просто сдѣлалось оно съ тѣхъ поръ, какъ онъ упростилъ его по способу того миѳическаго разбойника, который отрубалъ голову и ноги у путешественниковъ неподходящаго для него роста.

Прошу позволенія привести упрощенное г. Страховымъ раз-

сужденіе (оно и такъ невелико), чтобы видно было, зачѣмъ почтенному критику по-неволѣ пришлось остановиться на словѣ: „которой". „Истины механики и физики суть непреложные законы въ порядкѣ матеріальныхъ *явленій*; но распространяемость этихъ законовъ на область дѣйствующихъ *причинъ*, ихъ безусловное значеніе для всѣхъ возможныхъ порядковъ бытія — это есть вопросъ философскаго умозрѣнія, а не истина положительной науки. (Отселѣ начинается цитата г. Страхова). Маятникъ качается по строго-опредѣленнымъ законамъ механики; но признавать далѣе, что и остановленъ и приведенъ въ движеніе маятникъ можетъ быть исключительно только механическою причиной — значитъ изъ области научной механики переступать на почву той умозрительной системы, для которой... (здѣсь прерывается мое „упрощенное" разсужденіе) — *для которой и человѣкъ, нарочно останавливающій маятникъ по какимъ-нибудь психическимъ побужденіямъ, есть въ сущности не болѣе какъ механическій автоматъ*"[1]. Теперь всякому ясно, что мало-употребительный перерывъ фразы на словѣ: „которой", былъ безусловно необходимъ для г. Страхова, такъ какъ иначе онъ не могъ бы вывести изъ моихъ словъ той нелѣпости, которая такъ его воодушевила. Безъ этого „упрощенія" моей мысли ему неудобно было бы ссылаться на одинъ изъ законовъ механики, когда дѣло идетъ о значеніи и предѣлахъ самой механической причинности вообще, — аргументація, свойственная плохимъ школьнымъ богословамъ, которые, напримѣръ, боговдохновенность священнаго писанія доказываютъ отдѣльными текстами самого писанія, утверждающими эту боговдохновенность.

Правда, кромѣ перваго закона механики, г. Страховъ ссылается еще на „великія философскія ученія Декарта и Лейбница"; но эта ссылка очевидно предназначена *ad usum* тѣхъ читателей, для которыхъ Декартъ и Лейбницъ суть страшныя слова въ родѣ „металла" и „жупела". Ибо всѣмъ прочимъ должно быть извѣстно, что ученія названныхъ философовъ могутъ быть велики и важны въ какомъ-нибудь другомъ отношеніи, но только не въ томъ, о которомъ идетъ рѣчь. Вопросъ о взаимодѣйствіи духа и матеріи есть, какъ всякому извѣстно, больное мѣсто картезіанскаго дуализма и лейбницевой монадологіи. Всѣмъ извѣстны жалкія попытки рѣшить задачу на почвѣ этихъ системъ. Теорія „оккаѕіональныхъ причинъ" картезіанца Гейлинкса и „предустановленная гармонія" Лейбница остались въ исторіи филосо-

---

[1] „Нац. вопр. въ Россіи". Изд. 2, стр. 202.

фіи какъ послѣдніе образцы тѣхъ метафизическихъ вымысловъ, ни на чемъ не основанныхъ и ничего не объясняющихъ, которые изобрѣтались въ такомъ обиліи греческими философами и средневѣковыми схоластиками и болѣе обнаруживали, нежели прикрывали безсиліе отвлеченнаго разсудка.

Но допустимъ, что въ „окказіонализмѣ" и „предустановленной гармоніи" заключается серьезная философская мысль; допустимъ даже, что этими теоріями удовлетворительно рѣшенъ вопросъ объ отношеніи между духомъ и веществомъ, и что если онѣ мнѣ кажутся жалкимъ вздоромъ, то только потому, что я ихъ не понимаю. Все это я могу допустить безъ малѣйшаго ущерба для моего аргумента. Припомнимъ, въ самомъ дѣлѣ, изъ-за чего собственно вышелъ весь этотъ разговоръ о механикѣ и о „великихъ ученіяхъ". Я утверждалъ (и утверждаю), что г. Страховъ, какъ сторонникъ механическаго міровоззрѣнія, представляющаго одно изъ направленій западной мысли, есть западникъ, притомъ западникъ односторонній, и что его „борьба съ Западомъ" есть лишь звукъ, коего „значенье темно и ничтожно". На это г. Страховъ отвѣчаетъ, что онъ не матеріалистъ, и что онъ держится механическаго міровоззрѣнія не только на физическихъ, но и на метафизическихъ основаніяхъ именно въ смыслѣ „великихъ философскихъ ученій Декарта и Лейбница". Такой отвѣтъ могъ бы быть умѣстенъ, еслибы два названные философа принадлежали не къ Западу, а къ какой-нибудь другой странѣ свѣта. Но такъ какъ совершенно несомнѣнно, что системы Декарта и Лейбница суть произведенія западной и притомъ односторонней, отвлеченно-метафизической философіи, то аппеляція къ нимъ отъ обвиненія въ западничествѣ защитить не можетъ. И какими бы полемическими любезностями ни осыпалъ меня по этому поводу почтенный критикъ, все-таки остается неопровержимымъ, что онъ принадлежитъ къ числу одностороннихъ западниковъ, и что его борьба съ Западомъ есть явленіе — говоря его словами — *загадочно-нелѣпое.*

V.

„Г. Соловьеву извѣстны мои три книги; но теперь мнѣ ясно, что онъ главнаго въ нихъ и не могъ понять, несмотря на свои занятія философіею" („Р. В.", 249). Что правда, то правда. Въ самомъ дѣлѣ, я не понималъ, да и не могъ понять *главнаго* въ произведеніяхъ г. Страхова, хотя и имѣлъ о томъ нѣкоторое смутное ощущеніе. Занятія философіею никакъ не могли мнѣ

„помочь въ этомъ дѣлѣ“, — помогъ, самъ того не замѣчая, г. Страховъ, и теперь я съ совершенною увѣренностью утверждаю и сейчасъ докажу, что „главное“ въ мысляхъ и разсужденіяхъ почтеннаго критика стало для меня вполнѣ прозрачно. Предметъ — стòющій вниманія, такъ какъ онъ касается, помимо г. Страхова, нѣкоторыхъ общихъ грѣховъ и болѣзней. Въ слѣдующихъ словахъ (стр. 250) авторъ трехъ книгъ раскрылъ мнѣ причину моего непониманія, а тѣмъ и устранилъ оное: „О чемъ бы я ни заговорилъ и какъ бы ни старался *быть яснымъ и занимательнымъ*, есть множество читателей, которые не хотятъ ничего слушать, *ни мало не заинтересовываются моими разсужденіями*, а сейчасъ же пристаютъ ко мнѣ: да вы кто такой? выкиньте ваше знамя! — Это приводитъ меня въ отчаяніе“. — Читая это признаніе, я начиналъ прозрѣвать, а окончательно озарился разумѣніемъ, прочтя слѣдующее подстрочное примѣчаніе: „Недавно г. Модестовъ очень жалѣлъ, что никакъ не можетъ дать мнѣ опредѣленной клички: пантеистъ ли онъ, говоритъ обо мнѣ г. Модестовъ, деистъ ли, исповѣдуетъ ли онъ положительную религію, матеріалистъ ли онъ, идеалистъ ли онъ, либералъ ли онъ, консерваторъ ли онъ — однимъ словомъ, кто г. Страховъ въ области философіи и политики, для меня оставалось и до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ. Какое (это г. Страховъ восклицаетъ) по истинѣ праздное любопытство (?) и какое обидное невниманіе! (?!) Г. Модестовъ наготовилъ много разныхъ клѣтокъ и занятъ вопросомъ, въ какую меня посадить... Онъ только объ этомъ и говоритъ и, къ моему огорченію, вовсе не коснулся вопросовъ, которымъ посвящена моя книга“.

Еслибы пантеизмъ, положительная религія, идеализмъ, либерализмъ и т. д. были, въ самомъ дѣлѣ, клѣтками, изобрѣтенными г. Модестовымъ, то желаніе посадить въ одну изъ нихъ г. Страхова было бы неосновательно и даже противно дѣйствующимъ законамъ. Но такъ какъ дѣло идетъ не о изобрѣтеніяхъ г. Модестова, а о существующихъ въ человѣчествѣ испоконъ вѣка точкахъ зрѣнія на основные вопросы жизни и знанія, то нѣтъ ничего празднаго и обиднаго въ желаніи узнать, какъ относится извѣстный авторъ къ этимъ точкамъ зрѣнія, т.-е., другими словами, какое окончательное рѣшеніе общеинтересныхъ задачъ онъ предлагаетъ, во что онъ вѣритъ, въ чемъ убѣжденъ. И если относительно г. Страхова „множество читателей“, съ г. Модестовымъ во главѣ, не могло удовлетворить своего законнаго желанія, то, во-первыхъ, спрашивается: кто въ этомъ виноватъ? а во-вторыхъ, предполагая даже, что виновата исключительно непонятливость

читателей, г-ну Страхову слѣдовало бы не обижаться и не отчаяваться, а помочь этому множеству хотя и непонятливыхъ, но искреннихъ и благонамѣренныхъ людей: вѣдь счелъ же онъ „нѣкоторымъ долгомъ“ помочь имъ въ дѣлѣ гораздо менѣе интересномъ (стр. 203). Никто, конечно, не требовалъ отъ г. Страхова, чтобы онъ приписался исключительно къ какой-нибудь одной философской или политической категоріи. Безъ сомнѣнія, ни одна изъ нихъ не исчерпываетъ живой истины. Охватить все прямымъ взглядомъ изъ одного умственнаго средоточія есть задача для человѣка непосильная, и преслѣдованіе ея можетъ порождать только одностороннія, узкія и ограниченныя воззрѣнія. Ничто не препятствуетъ г. Страхову объявить себя сторонникомъ какой угодно синтетической системы, хотя бы своей собственной. Требуется только, чтобы это былъ дѣйствительный синтезъ, т.-е. *опредѣленное* сочетаніе различныхъ умственныхъ и жизненныхъ началъ, а не хаотическое смѣшеніе разнородныхъ взглядовъ, взаимно себя уничтожающихъ. Навѣрное, множество недоумѣвающихъ читателей было бы въ высшей степени довольно, еслибы г. Страховъ, не приписываясь ни къ одному изъ существующихъ *измовъ*, могъ бы указать имъ на свое собственное, хотя бы очень сложное, но опредѣленное и положительное рѣшеніе главныхъ философскихъ и соціальныхъ вопросовъ. Но онъ вмѣсто этого указываетъ на ясность и занимательность своихъ разсужденій. Ну не явное ли это недоразумѣніе? Читатель спрашиваетъ автора: кто вы такой? т.-е. какъ относитесь вы къ истинѣ, чѣмъ можете удовлетворить существенныя потребности нашего ума и сердца?—а авторъ на это отвѣчаетъ: „я человѣкъ, старающійся ясно и занимательно разсуждать о разныхъ предметахъ“. Вотъ прекрасный варіантъ къ евангельскому изреченію о змѣѣ вмѣсто рыбы. И не въ правѣ ли всякій читатель придти къ такому заключенію: „если такъ, если все дѣло только въ ясности и занимательности, то ужъ извините—мнѣ вашихъ разсужденій и даромъ не надо: для занимательности у меня есть „Тысяча и одна ночь“ и газетныя пародіи, а для ясности—учебникъ алгебры профессора Давидова. У васъ же я искалъ „вѣчныхъ истинъ“, но нашелъ ихъ только въ одномъ заглавіи“.

Равнодушіе къ истинѣ—вотъ то „главное“ въ произведеніяхъ г. Страхова, чего я прежде не понималъ, и что выяснилось для меня изъ его краткаго отвѣта г. Модестову и „множеству“ недоумѣвающихъ читателей. Теперь мнѣ понятно, почему г. Страховъ можетъ бороться съ Западомъ подъ западнымъ знаменемъ, почему онъ съ одинаковымъ жаромъ, ясно и занимательно защи-

щаетъ мистическую идею славянофильства и механическое міровоззрѣніе западныхъ ученыхъ: послѣднее, очевидно, привлекаетъ его своею ясностью, а первая кажется ему особенно занимательною. А что тутъ есть несовмѣстимость съ точки зрѣнія истины, то какое же до этого дѣло ясному и занимательному критику? Истина для него есть клѣтка, а онъ хочетъ гулять на свободѣ. Г. Страховъ равнодушенъ къ истинѣ принципіально, для него самый вопросъ объ истинѣ не имѣетъ смысла, и когда его спрашиваютъ, какъ онъ относится къ этому вопросу, онъ совершенно искренно обижается и даже приходитъ въ отчаяніе. При такомъ умственномъ настроеніи, несмотря на всѣ старанія быть яснымъ и занимательнымъ, легко впасть въ такія странности, которыя иначе были бы совершенно необъяснимы. Вотъ какъ, напримѣръ, толкуетъ г. Страховъ названіе своей книги. Эти слова: *борьба съ Западомъ* — „выражаютъ желаніе труда, твердой умственной работы, при которой одной невозможно рабство передъ авторитетомъ". Итакъ, желать труда, призывать къ твердой умственной работѣ, значитъ—бороться съ Западомъ! Очевидно, равнодушіе къ истинѣ доходитъ здѣсь до полнаго невниманія къ объективному значенію человѣческаго слова.

Истина есть право на существованіе. Народы Востока, за исключеніемъ евреевъ, видѣвшіе въ самомъ Богѣ небесномъ одну только абсолютную *силу*, естественно преклонялись и на землѣ только передъ проявленіемъ внѣшней силы, передъ грубымъ фактомъ, не спрашивая у него никакого внутренняго идеальнаго оправданія. Отсюда—то равнодушіе къ истинѣ, то уваженіе ко всякой искусной и успѣшной лжи, которымъ всегда отличалась восточная половина человѣчества. Отсюда же отсутствіе у нея всякаго понятія о человѣческомъ достоинствѣ, о правахъ личности. Если все рѣшается перевѣсомъ силы, то, естественно, человѣкъ можетъ имѣть значеніе не въ качествѣ человѣка, а только въ мѣру своей фактической силы [1]).

Равнодушіе къ истинѣ и презрѣніе къ человѣческому достоинству, къ существеннымъ правамъ человѣческой личности— эта восточная болѣзнь давно уже заразила общественный организмъ русскаго общества и досєлѣ составляетъ корень нашихъ недуговъ. Это признавали и нѣкоторые безпристрастные славянофилы (напр. Кирѣевскій), но предлагали лечить восточную болѣзнь

---

[1]) Поэтому всякое личное противодѣйствіе силѣ, всякая борьба *противъ теченія* считаются на Востокѣ безуміемъ. Г. Страховъ съ истинно-восточною самобытностью объявилъ „неодобрительнымъ поступкомъ мой единоличный протестъ противъ повальнаго націонализма, обуявшаго, въ послѣднее время, наше общество и литературу.

погруженіемъ въ исключительно-восточное міросозерцаніе. Едва ли умѣстно примѣненіе такого гомеопатическаго принципа къ общественной жизни. Г. Страховъ, самъ жертва нашего общественнаго недуга, признаетъ съ своей стороны, что безмѣрное тѣло Россіи нездорово. Онъ предлагаетъ и способъ исцѣленія, но это даже не гомеопатія, даже не знахарство: онъ объявляетъ, что мы будемъ здоровы, если только *будемъ сами собою*. „Греки говорили: *познай самого себя*, а намъ, кажется, всего больше нужно твердить: *будь самимъ собою*!“ (252). Но что же такое по вашему „быть самимъ собой“, какъ не быть духовно здравымъ? Значитъ, все ваше леченіе сводится только къ тому, чтобы твердить больному: *будь здоровъ*!

Будьте здоровы, г. Страховъ!

Владиміръ Соловьевъ.

ОТЧЕТЪ
ГОСУДАРСТВЕННАГО КОНТРОЛЯ ЗА 1887 г.,

ВЪ ЗАКЛЮЧЕНІЕ ПЕРВАГО ЕГО 25-ЛѢТІЯ.

I.

Въ нашемъ государственномъ бюджетѣ весьма видное мѣсто занимаетъ желѣзнодорожное хозяйство по суммѣ оборотовъ, простиравшихся въ 1887 году до $56^1/_2$ мил. рублей поступленій и до $88^1/_2$ мил. руб. расходовъ по обыкновенному бюджету, независимо отъ милліона съ небольшимъ чрезвычайныхъ поступленій и 41 мил. руб. чрезвычайныхъ расходовъ на содержаніе и усиленіе казенныхъ дорогъ, выкупъ казною частныхъ желѣзныхъ дорогъ, изготовленіе желѣзнодорожныхъ принадлежностей и т. п. Суммы эти, какъ доходныя, такъ и расходныя, по отчету государственнаго контроля объ исполненіи финансовыхъ смѣтъ, распредѣлены по смѣтамъ многихъ вѣдомствъ: системы государственнаго кредита, особенной канцеляріи по кредитной части, министерства путей сообщенія, государственнаго контроля и, наконецъ, военнаго министерства. Вслѣдствіе такой разбросанности систематическое изложеніе, хотя бы за одинъ только годъ, относящихся къ оборотамъ желѣзныхъ дорогъ данныхъ представляетъ кропотливый трудъ, исполненіе котораго, притомъ лицомъ частнымъ, едва ли можетъ обойтись безъ неполноты и неточности и даже безъ ошибокъ. Тѣмъ не менѣе, въ виду того вліянія, какое оказываютъ на исполненіе государственной росписи желѣзнодорожны

обороты, мы рѣшаемся подвести имъ итогъ за 1887 годъ. Прибавимъ, что погоня за точностью цифръ, въ виду неопредѣленности нѣкоторыхъ данныхъ и сбивчивости, какая вносится въ отчетъ различіемъ въ курсѣ при перечисленіи металлической валюты въ кредитную, повела бы къ утомительной растянутости изложенія и все-таки не дала бы, пожалуй, опредѣленнаго вывода. Въ доказательство этого можно сослаться на объяснительную записку къ отчету государственнаго контроля, въ которой, при разборѣ лишь одной стороны желѣзнодорожнаго хозяйства—разсчетовъ правительства съ обществами частныхъ желѣзныхъ дорогъ—рѣдкая цифра текста не сопровождается подстрочнымъ примѣчаніемъ, нѣсколько варіирующимъ ея значеніе.

Представляемыя нами свѣденія основаны на данныхъ какъ отчета государственнаго контроля, такъ и нѣкоторыхъ другихъ оффиціальныхъ изданій. Тѣ и другіе сравнены между собою, но они не всегда сходятся: относительно протяженія дорогъ это зависитъ оттого, что въ одно изданіе вошли какіе-нибудь мелкіе построенные, но не открытые еще участки; въ другое—нѣтъ; въ одно изданіе вошелъ полный, *заработанный* дорогами въ теченіе года доходъ, хотя и не сполна поступившій въ кассы государственнаго казначейства; по отчету государственнаго контроля значится только поступившій въ казначейство доходъ, и т. п. Тѣмъ не менѣе, при нѣкоторой детальной неточности представляемыхъ нами свѣденій, общій нашъ очеркъ хозяйства желѣзныхъ дорогъ вѣренъ.

У насъ есть желѣзныя дороги *казенныя* и *частныя*. Подъ казенными разумѣются: а) дороги, построенныя казною и ею же эксплоатируемыя; б) дороги, перешедшія въ казенное вѣденіе отъ частныхъ обществъ; в) дороги, принадлежащія правительству, но находящіяся въ арендѣ частныхъ обществъ.

Дороги 1-го и 2-го отдѣловъ, т.-е. эксплоатируемыя казною, имѣли въ 1887 году протяженія до 5.500 верстъ. Приводимъ ихъ перечень съ указаніемъ, на основаніи отчета государственнаго контроля, доходовъ и расходовъ по ихъ эксплоатаціи въ 1887 году, а также причитающихся съ нихъ ежегодныхъ платежей процентовъ и погашенія со строительныхъ капиталовъ. Нужно замѣтить, однако, что хотя цифры этихъ платежей по дорогамъ перваго отдѣла заимствованы изъ оффиціальнаго изданія, — онѣ, по всему вѣроятію, точны только приблизительно, такъ какъ дороги строились, по большей части, на счетъ общихъ средствъ казны, и платежей по ихъ спеціальнымъ счетамъ не производится.

а) Дороги, построенныя казной и ею эксплоатируемыя, слѣдующія:

	Протяженіе верстъ.	Доходъ 1887 года.	Расходъ въ рубляхъ.	Ежегодные платежи въ кред. рубляхъ
Ливенская узкоколейная . . .	57	248.512	146.996	92.690
Баскунчакская	72	330.714	194.986	189.116
Екатерининская	471	3.312.252	2.173.986	1.921.211
Полѣсскія	1414	1.529.063	1.875.340	2.714.492
Екатеринбурго-тюменская. . .	347	1.032.615	869.058	809.315
Ровно-кременчугская	200	не была отк.	52.049	380.000
Закаспійская	997	901.098	1.817.672	1.000.000
Итого	3558	7.354.254	7.180.087	7.196.854

б) Частныя желѣзныя дороги, перешедшія въ казенное управленіе:

Харьково-николаевская . . .	855	6.495.154	3.778.019	3.965.000
Тамбово-саратовская	360	2.525.945	1.800.448	2.535.732
Муромская	106	253.372	208.454	490.800
Уральская	669	1.705.446	1.263.875	3.299.320
Итого	1990	10.979.917	7.045.796	10.280.852
Всего по дорогамъ, эксплоатируемымъ казною . . .	4548	18.334.171	14.175.883	17.477.706

Изъ приведенныхъ цифръ видно, что желѣзныя дороги, эксплоатируемыя казною, если считать падающіе на нихъ платежи но строительнымъ капиталамъ, приносятъ казнѣ значительный убытокъ. Это зависитъ, во-первыхъ, отъ того, что многія дороги, построенныя казною, какъ полѣсскія или закаспійская, сооружены преимущественно въ государственныхъ, а не въ коммерческихъ цѣляхъ, и потому едва ли когда-нибудь могутъ существовать безъ доплатъ изъ средствъ государственнаго казначейства; во-вторыхъ, отъ того, что нѣкоторыя изъ нихъ не окончены, вслѣдствіе чего не достигли цифры возможнаго для нихъ нормальнаго дохода. Главнымъ же образомъ недоборъ, вслѣдствіе высокихъ платежей по строительнымъ капиталамъ, падаетъ на дороги, перешедшія въ казну отъ частныхъ обществъ, именно по своей полнѣйшей несостоятельности. Тогда какъ платежи по дорогамъ, построеннымъ казною, составляютъ около 2.000 рублей на версту (7 мил. руб. на 3.500 верстъ), на перешедшія въ казну частныя дороги они падаютъ въ суммѣ 5.000 руб. на версту; другими словами, постройка первыхъ, если считать платежи въ размѣрѣ 5%, обошлась въ 40.000 рублей, а послѣднихъ — въ 100.000 рублей.

Изъ казенныхъ дорогъ, переданныхъ въ эксплоатацію частнымъ обществамъ, исключительное положеніе занимаетъ николаевская дорога, находящаяся въ вѣденіи главнаго общества, владѣющаго въ то же время дорогами варшавскою и нижегородскою. По условію съ обществомъ, оно изъ чистаго дохода николаевской дороги прежде

всего вноситъ въ казну 7.200.000 р. кред. на уплату процентовъ и погашенія по выпущеннымъ правительствомъ облигаціямъ этой дороги, а затѣмъ остатокъ чистаго дохода распредѣляется между казною и обществомъ поровну въ тѣ годы, когда правительству не приходится ничего приплачивать по гарантіи процентовъ и погашенія по акціямъ и облигаціямъ варшавской и нижегородской дорогъ; если же потребуется приплата, то казна получаетъ изъ этого остатка чистаго дохода николаевской дороги три четверти, а общество—лишь четверть. Въ 1887 году отъ николаевской дороги собственно арендной платы, независимо 7.200.000 рублей, поступило 3.523.100 рублей (три четверти дохода), и отъ другихъ казенныхъ дорогъ, переданныхъ частнымъ обществамъ (варшаво-вѣнской, тересполе-брестской и лодзинской) — 314.044 руб., отъ всѣхъ — 3.837.144 рубля. Свести, однако, отдѣльный приходо-расходный счетъ казны по этимъ дорогамъ было бы очень затруднительно, если не невозможно, такъ какъ платежи процентовъ и погашенія по акціямъ и облигаціямъ этихъ дорогъ входятъ въ общій счетъ платежей по частнымъ дорогамъ.

Наиболѣе тяжелымъ бременемъ на средства государственнаго казначейства ложатся частныя желѣзныя дороги, которыхъ числилось въ 1887 году 41, протяженіемъ до 21.000 верстъ (не считая 1.450 верстъ желѣзныхъ дорогъ великаго княжества финляндскаго, бремени для государственнаго казначейства, насколько извѣстно, не составляющихъ). Долгъ этихъ дорогъ казнѣ къ 1 января 1887 года составлялъ, по свѣдѣніямъ государственнаго контроля, 1.077.319.803 рубля [1]; къ 1888 году долгъ увеличился до 1.147.028.414 рублей, т.-е. почти на 70 милліоновъ рублей. Изъ 41 дороги лишь немногія: варшаво-вѣнская, курско-кіевская, московско-курская, московско-рязанская, рыбинско-бологовская и рязанско-козловская, съ общимъ протяженіемъ въ 1800 верстъ, не состоятъ въ долгу казнѣ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что наиболѣе обремененныя долгомъ дороги: харьково-николаевская, тамбово-саратовская, муромская и уральская, перешли въ казенное управленіе, вслѣдствіе чего долги ихъ казнѣ

---

[1]) Мы привели цифру текста отчета. Въ объяснительной же къ отчету запискѣ (страница 87) долговъ къ 1887 году показано 1.118.025.790 рублей, хотя въ той же запискѣ (стр. 104 и 105) снова подведены итоги, согласные съ цифрами отчета. Разногласіе происходитъ отъ того, что въ отчетѣ для металлическихъ долговъ принятъ оффиціально заранѣе опредѣленный курсъ 1 р. 67 к. кред. за металл. рубль, а въ объяснительной запискѣ долгъ исчисленъ по дѣйствительному среднему курсу 1887 года: 1 р. 80 к. кред. за метал. рубль. Различные курсы, оффиціально принимаемые для желѣзнодорожныхъ счетовъ, вносятъ въ нихъ большую запутанность и сильно затрудняютъ окончательные выводы.

исключены со счетовъ. Но и затѣмъ упомянутый выше долгъ въ *миллiардъ сто сорокъ семь миллiоновъ* рублей, распредѣляемый на 19.000 верстъ дорогъ, состоящихъ въ долгу, составитъ свыше 60.000 рублей на версту, т.-е. въ общемъ приблизительно ту сумму, не выше которой должна бы обходиться—и въ послѣднее время дѣйствительно обходится—постройка желѣзныхъ дорогъ; если же брать дороги наиболѣе задолжавшiя, то долгъ ихъ на версту значительно превосходитъ 60.000 рублей.

Главная причина такой задолженности неоднократно указывалась въ отчетахъ государственнаго контроля: это—слишкомъ дорогая постройка дорогъ, благодаря слишкомъ широкимъ условiямъ концессiй, дававшихъ возможность изъ гарантированныхъ правительствомъ строительныхъ капиталовъ расхищать и растрачивать добрую половину. Причина эта—неустранимая теперь; хищенiя и растраты возвращены быть не могутъ; точно также и дороги не могутъ изъ своихъ чистыхъ доходовъ покрывать лежащiя на нихъ обязательства по облигацiямъ и акцiямъ; приплачивать приходится казнѣ, занося въ скорбный листъ, называемый „долговыми счетами правительства съ желѣзными дорогами", какъ новыя, сдѣланныя за ихъ счетъ уплаты, такъ и громадную сумму процентовъ по прежде сдѣланнымъ долгамъ. Расплаты по этимъ долгамъ, очевидно, никогда послѣдовать не можетъ; мало того, нельзя ожидать, чтобы долги и впредь перестали рости по большей части дорогъ; уничтожены же они могутъ быть только однимъ путемъ: передачей той или другой дороги въ казну и списанiемъ долга со счета. Всѣ усилiя установленнаго въ послѣднее время и все болѣе и болѣе развивающагося правительственнаго желѣзно-дорожнаго контроля, направленныя къ предотвращенiю дальнѣйшихъ хищенiй (въ видѣ черезъ-чуръ широкихъ окладовъ желѣзно-дорожныхъ дѣятелей и сомнительныхъ счетовъ подрядчиковъ), могутъ лишь содѣйствовать нѣкоторому сокращенiю размѣра вновь наростающихъ желѣзно-дорожныхъ долговъ Благопрiятныхъ исключенiй въ этомъ смыслѣ можно ожидать лишь относительно немногихъ обществъ.

Необходимо, однако, оговорить, что эксплоатацiя частныхъ желѣзныхъ дорогъ, находившихся въ обязательныхъ къ правительству отношенiяхъ, дала въ 1887 году значительно болѣе благопрiятные результаты, нежели въ 1886 году. Въ 1886 году валового дохода было выручено этими дорогами 198 мил. рублей, что̀, при расходѣ въ 121½ мил. р., составило чистаго дохода 76½ мил. рублей; въ 1887 году валовой доходъ простирался до 222½ мил. р.; расходъ составлялъ 124 мил. рублей, а чистый доходъ дошелъ до 98½ мил. р., на 22 м. р. болѣе предшествовавшаго года. Вслѣдствiе этого и суммъ, причитавшихся государственному казначейству отъ желѣзныхъ до-

рогъ, поступило въ 1887 году больше, нежели въ 1886 г., хотя онѣ и не всѣ въ этомъ году поступили. Именно причиталось:

	Въ 1886 году.	Въ 1887 году
въ возвратъ расходовъ по гарантіи . . .	426.613	612.848
въ уплату по ссудамъ	560.908	1,049.358
на платежи по консолидиров. облигаціямъ .	14.610.000	26.000.000
Итого . . .	15.596.521	27.651.196

Во-вторыхъ, значительное вліяніе на задолженность желѣзныхъ дорогъ оказываетъ низкій курсъ кредитнаго рубля, особенно неблагопріятный въ 1887 году. При улучшеніи курса нѣкоторыя изъ дорогъ, могли бы, по желѣзнодорожной терминологіи, „выйти изъ гарантіи", т.-е. изъ чистаго дохода покрывать лежащія на нихъ годичныя обязательныя уплаты, по акціямъ и облигаціямъ, не прибѣгая къ доплатамъ казны; но это, къ сожалѣнію, относится лишь къ немногимъ дорогамъ; притомъ для этого, по разсчету компетентныхъ людей, нужно, чтобы кредитный рубль стоилъ 85 коп. металлическихъ (или металл. рубль равнялся 1 р. 20 коп. кред.), т.-е., чтобы курсъ поднялся до уровня, въ какомъ онъ былъ приблизительно предъ восточною войною.

Въ заключеніе приведемъ итоги желѣзно-дорожныхъ оборотовъ въ томъ видѣ, какъ они выразились по исполненію государственной росписи за 1887 годъ дѣйствительными поступленіями [1]) и произведенными расходами:

Поступленія:

Въ возвратъ суммъ, выданныхъ въ счетъ гарантіи чистаго дохода съ капиталовъ обществъ желѣзныхъ дорогъ	1.535.915 р.
Поступленія процентовъ по ссудамъ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и на производство желѣзнодор. принадлежностей въ Россіи.	1.479.183 „
Поступленія отъ николаевской дороги на платежи по облигаціямъ.	7.566.420 „
Поступленія по консолидированнымъ облигаціямъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, отъ частныхъ обществъ дорогъ, открытыхъ для движенія	23.668.381 „
Арендная плата за казенныя дороги, переданныя для эксплоатаціи частнымъ обществамъ (отъ дорогъ николаевской, варшаво-вѣнской, тересполе-брестской и лодзинской)	3.837.144 „
Доходъ дорогъ, эксплоатируемыхъ непосредственно казною . .	18.334.171 „
Итого	56.421.214 р.

[1]) Эти поступленія во многихъ случаяхъ заключаютъ въ себѣ суммы за прежнее время, какъ напримѣръ, по облигаціямъ отъ николаевской дороги и пр., причемъ вслѣдствіе несвоевременнаго вноса въ нихъ не вполнѣ заключаются суммы, причитающіяся за отчетный годъ; такъ по облигаціямъ значится всего 23 милл., вмѣсто 26 милл. р., и т. п.

Расходы:

1) На уплату процентовъ по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ:	
консолидированнымъ, семи выпусковъ	31.759.942 р.
николаевской дороги, двухъ выпусковъ	5.637.072 „
тамбово-саратовской дороги	296.553 „
харьково-кременчугскаго участка	522.400 „
курсовой разницы по этимъ уплатамъ	25.519.994 „
2) На уплату погашенія капитала по тѣмъ же рубрикамъ всего	1.822.867 „
курсовой разницы по этимъ уплатамъ	1.212.163 „
3) Пособіе обществамъ ж. д. по гарантіи чистаго дохода . .	10.504.043 „
4) Расходы по эксплоатаціи дорогъ, эксплоатируемыхъ непосредственно казною	14.175.883 „
Итого	91.450.917 р.[1])

Такимъ образомъ, превышеніе поступленій расходами составило въ 1887 году 35 мил. рублей. Но это еще не все. Выше, по дорогамъ, эксплоатируемымъ казною, было показано до 17½ мил. руб. ежегодной уплаты процентовъ и погашенія строительныхъ капиталовъ этихъ дорогъ. Часть этихъ уплатъ, несомнѣнно, заключается уже въ суммѣ приведенныхъ расходовъ. Но такъ какъ нѣкоторыя дороги строились на полученныя займами общегосударственныя средства (напр. въ 1887 г.), то и уплаты по нимъ производятся по счету займовъ на общегосударственныя потребности и въ нашъ перечень расходовъ не попали. Для исчисленія размѣра такихъ уплатъ мы не находимъ данныхъ; но если ихъ предположить въ 5 мил. р., т.-е. съ капитала въ 100 мил. рублей, то расходъ возрастаетъ до 40 м. р. Затѣмъ къ расходамъ на желѣзныя дороги въ 1887 г. нужно причислить 41 мил. рублей, издержанныхъ, по чрезвычайной смѣтѣ, на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ (27 мил. р.), закаспійской, самаро-уфимской, псково-рижской, ржево-вяземской и др.; на выкупъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ (4.800.000 р.), уральской и муромской; на изготовленіе желѣзно-дорожныхъ принадлежностей, на улучшеніе казенныхъ и частныхъ желѣзныхъ дорогъ, ссуды послѣднимъ и т. п. Нѣкоторые изъ этихъ расходовъ, какъ напр., постройка дорогъ и выкупъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ, должны считаться производительными, т.-е. такими, которые или будутъ доставлять казнѣ впослѣдствіи постоянный доходъ, или служатъ, какъ напр., стратегическія дороги, къ удовлетворенію насущной и постоянной государственной потребности. Тѣмъ не менѣе эти расходы, при настоящемъ положе-

[1]) Повторяемъ, приводимыя нами цифры не могутъ считаться вполнѣ точными: такъ въ число расходовъ мы не помѣстили 907.017 р. на уплату по купонамъ пятипроцентной желѣзнодорожной ренты, не зная точнаго употребленія этого займа 1886 г. и желая лучше умалить, нежели преувеличить желѣзнодорожные расходы. Точно также мы опустили нѣсколько мелкихъ расходовъ.

нія нашихъ финансовъ, служать замѣтнымъ обремененіемъ государственнаго казначейства. Что касается воспособленій обществомъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ, отпущенныхъ въ 1887 году, какъ и въ прежніе года, то ихъ едва ли не вѣрнѣе считать расходомъ безвозвратнымъ; по крайней мѣрѣ, въ 1887 году, изъ исчисленныхъ по чрезвычайной смѣтѣ поступленій въ 1.600.000 р. отъ желѣзно-дорожныхъ обществъ за переданныя имъ желѣзно-дорожныя принадлежности изъ казенныхъ запасовъ въ дѣйствительности поступило менѣе 350.000 рублей.

Подводя итогъ расходамъ казны на желѣзныя дороги, превысившимъ въ 1887 году 80 мил. рублей,—а это годъ относительно благопріятный,—нельзя не придти къ заключенію, что именно эти расходы и составляютъ причину недоборовъ въ нашихъ бюджетахъ, которые безъ нихъ сводились бы не только безъ дефицитовъ, но, по большей части, съ превышеніемъ доходовъ надъ расходами. Прекратить желѣзно-дорожныя приплаты казны, какъ мы показали выше, нѣтъ возможности; остается лишь желать, чтобы въ возмѣщеніе тяжелаго бремени, налагаемаго нашимъ желѣзно-дорожнымъ хозяйствомъ на платежныя силы государства, желѣзныя дороги удовлетворительнѣе, нежели до сихъ поръ, служили всестороннимъ интересамъ русскаго народа. Для этого недостаетъ еще многаго.

Въ ноябрьской книгѣ нашего журнала мы уже сказали нѣсколько словъ о формѣ и содержаніи отчетовъ государственнаго контроля, каковы они были въ послѣдніе годы. Оказалось, что составъ вышедшаго въ ноябрѣ отчета за 1887 годъ противъ прежняго нѣсколько измѣненъ: нѣкоторые отдѣлы, помѣщавшіеся прежде въ приложеніи, нынѣ развиты и помѣщены въ отчетѣ, какъ самостоятельныя части. Вслѣдствіе этого отчетъ состоитъ не изъ двухъ, а изъ семи частей; къ прежнимъ двумъ—исполненіе государственной росписи и исполненіе финансовыхъ смѣтъ министерствъ и главныхъ управленій—въ отчетномъ году присоединены части: III—исполненіе въ 1887 году по государственнымъ росписямъ другихъ лѣтъ; IV—общій сводъ оборотовъ по государственнымъ росписямъ въ теченіе 1887 года; V—движеніе суммъ государственнаго казначейства въ 1887 году; VI—свободная наличность государственнаго казначейства за 1887 годъ, и VII—состояніе долговыхъ счетовъ государственнаго казначейства. Объемъ нашей статьи не позволяетъ приводить цифровые выводы по каждому изъ указанныхъ отдѣловъ. Было бы утомительно также подробно останавливаться на значеніи въ отчетѣ государственнаго контроля этихъ отдѣловъ, такъ какъ для этого пришлось бы подробно разъ-

яснять многія стороны сложнаго государственнаго счетоводства. Но чтобы нѣсколько уразумѣть это значеніе, достаточно вспомнить толки нѣкоторыхъ органовъ нашей печати, лѣтъ семь-восемь тому назадъ, о неисчисленныхъ и неисчислимыхъ суммахъ, находящихся будто бы въ кассахъ министерства финансовъ, которыя вполнѣ могутъ избавить наши бюджеты отъ дефицитовъ, а министерство финансовъ — отъ необходимости дѣлать займы для ихъ пополненія. Какъ дальній отголосокъ этихъ иллюзій, еще не такъ давно состоялся, годъ съ небольшимъ назадъ, въ обществѣ для содѣйствія русской промышленности и торговли докладъ Н. Х. Весселя. Благодаря трудамъ государственнаго контроля въ его отчетахъ послѣднихъ лѣтъ все болѣе и болѣе разъяснялись кассовые обороты нашего государственнаго казначейства, а въ отчетѣ за 1887 годъ они доведены до возможной ясности.

Содержаніе двухъ первыхъ частей отчета нами было приведено и разсмотрѣно въ ноябрьской и декабрьской книгахъ журнала за прошлый годъ. Изъ послѣднихъ частей приведемъ свѣденія о долговыхъ счетахъ государственнаго казначейства.

Сумма долговъ государственнаго казначейства составляла къ 1-му января 1887 года 5.236.005.305 рублей кредитныхъ, и именно: долга, сдѣланнаго на общегосударственныя потребности, 3.397.310.332 рубля (въ томъ числѣ безпроцентнаго долга по кредитнымъ билетамъ 644.960.854 р.); по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ 1.362.188.372 р. и по специальнымъ займамъ по выкупной операціи 476.506.600 руб. Къ 1 января 1888 года долгъ казны нѣсколько возросъ и составлялъ: на общегосударственныя потребности 3.637.090.518 рублей, по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ 1.359.209.418 рублей и по выкупной операціи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ 473.439.750 рублей, а всего 5.469.739.746 рублей, болѣе предшествовавшаго года на 233.734.441 рубль.

Недоимокъ и долговъ государственному казначейству къ 1 января 1887 года состояло: по счетамъ казенныхъ палатъ и распорядительныхъ управленій 187.497.356 р. и за желѣзными дорогами 1.077.319.803 р., всего 1.264.817.159 рублей. Къ 1 января 1888 года образовалось недоимокъ и долговъ по счетамъ казенныхъ палатъ и распорядительныхъ управленій 182.788.226 рублей и за желѣзными дорогами 1.147.028.414 рублей, всего 1.329.816.640 рублей, болѣе противъ предшествовавшаго года на 64.999.481 рубль. Изъ этого видно, что долгъ за желѣзными дорогами возросъ на 69.708.611 рублей; прочія же недоимки уменьшились на 4.709.130 рублей и преимущественно по счету выкупныхъ платежей съ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и недоимокъ по отмѣненнымъ сборамъ.

II.

Настоящимъ отчетомъ государственный контроль заключаетъ свое первое двадцатипятилѣтіе со дня осуществленія, повидимому, второстепенной, но весьма важной по своимъ послѣдствіямъ реформы предшествовавшаго царствованія — реформы контрольной, а потому будетъ кстати оглянуться назадъ, чтобы вспомнить въ общихъ чертахъ судьбу этой реформы за первый періодъ ея существованія. Необходимость систематической ревизіи правильности поступленія государственныхъ доходовъ и производства расходовъ издавна озабочивала правительство. Она не ускользнула отъ всеобъемлющей мысли Петра Великаго, которымъ для этой цѣли и была учреждена „ревизіонъ-коллегія", получившая отъ него подробную инструкцію, исчислявшую всѣ задачи ея дѣятельности. Но дѣятельность эта при преемникахъ Петра I, при господствѣ временщиковъ, не принесла и не могла принести полезныхъ результатовъ. Установленіе правильной государственной ревизіи не удалось также ни Екатеринѣ II, ни Александру I, несмотря на то, что въ ихъ преобразовательныхъ стремленіяхъ было обращено серьезное вниманіе на эту сторону государственнаго управленія. Въ царствованіе Александра I при учрежденіи министерствъ въ 1811 году было образовано, на правахъ министерства, главное управленіе ревизіи государственныхъ счетовъ, на которое возлагалась повѣрка прихода и расхода всѣхъ казенныхъ и общественныхъ суммъ и капиталовъ и надзоръ за ихъ движеніемъ, причемъ повѣрку установлено было производить по документамъ. Вообще права, предоставленныя главному управленію, были достаточно широки, но они оказались ему не по силамъ; черезъ 12 лѣтъ въ главномъ управленіи ревизіи оказалось необревизованныхъ болѣе 200.000 книгъ и счетовъ и до 10 милліоновъ документовъ. Вслѣдствіе этого, по постановленію комитета министровъ, признано было необходимымъ, согласно мнѣнію государственнаго контроля, ограничить дѣятельность государственнаго контроля ревизіею общихъ отчетовъ министерскихъ департаментовъ и главныхъ управленій, не касаясь повѣрки всѣхъ частныхъ счетовъ и подлинныхъ приходныхъ и расходныхъ книгъ. Этимъ постановленіемъ была издана ревизіонная система, извѣстная подъ именемъ системы *генеральной отчетности*, просуществовавшая до преобразованія, о которомъ мы хотимъ говорить, т. е. до преобразованія, осуществленнаго съ 1-го января 1864 года. Для ясности нужно сказать, что та или другая контрольная система, какъ существовавшая до 1864, такъ и введенная съ этого года, не можетъ ограничиваться сферою непосредственной ревизіи, а находится

ѣсномъ взаимодѣйствія съ тою или другою финансовою систе-
порядокъ ревизіи, возможный при одной финансовой системѣ,
зможенъ при другой, и наоборотъ, установленіе опредѣленной
трольной системы необходимо должно повлечь за собою соотвѣт-
ющее измѣненіе въ сферѣ финансовыхъ порядковъ и пріемовъ.
это покажемъ ниже; теперь же замѣтимъ только, что установле-
системы генеральной отчетности равнялось почти полному без-
ю государственнаго контроля. Система эта существовала и по-
ла полное развитіе въ царствованіе императора Николая. Неудов-
орительность ея не могла остаться незамѣченной; уже въ 1836 г.,
рассмотрѣніи въ государственномъ совѣтѣ проекта образованія госу-
твеннаго контроля, генералъ-адъютантомъ Киселевымъ было пред-
лено мнѣніе о необходимости ея коренного измѣненія на началахъ
жихъ къ тѣмъ, которыя дѣйствуютъ нынѣ. Но мнѣнія Киселева оста-
без послѣдствій. Признавая справедливость этихъ мнѣній въ
нципѣ, государственные дѣятели того времени находили столько
ятствій къ ихъ осуществленію, что имъ долженъ былъ уступить
ператоръ Николай, хотя его личный взглядъ совпадалъ, повиди-
у, съ мнѣніемъ Киселева. Тотъ же вопросъ былъ поднятъ вновь
надцать лѣтъ спустя и обсуждался въ особомъ контрольномъ ко-
етѣ, почти всѣ члены котораго, въ томъ числѣ и государствен-
контролеръ, высказались за сохраненіе существовавшей системы,
ничиваясь предположеніями о частныхъ улучшеніяхъ въ порядкѣ
изіи, о которыхъ и было представлено въ государственный совѣтъ.
никшія по этому предмету сношенія между вѣдомствами дали
ай бывшему въ то время наслѣдникомъ престола, впослѣдствіи
ператору Александру II, выразить, по званію главнаго начальника
нно-учебныхъ заведеній, свой взглядъ на это дѣло въ слѣдующихъ
вахъ: „Я не только согласенъ, но убѣжденъ, что существующая
ѣ въ Россіи система контрольной отчетности требуетъ преобра-
нія существеннаго, требуетъ для того, чтобы подчинить ревизіи
гой и правильной, по документамъ и на самомъ мѣстѣ, всѣ
аціи, и денежныя, и матеріальныя, всѣхъ безъ изъятія отраслей
дарственнаго управленія".

Въ то время, когда были написаны эти слова, крымская война
а въ полномъ разгарѣ и поглощала все вниманіе и всѣ силы пра-
ельства; было не до преобразованій въ какой бы то ни было
сли управленія. Притомъ въ высшихъ административныхъ сфе-
ъ господствовало настроеніе, вовсе не склонное къ реформамъ.
съ другой стороны, ничто убѣдительнѣе крымской войны не могло
азать необходимость дѣйствительнаго государственнаго контроля,
довлетворительность котораго, какъ оказывалось, сопряжена не

только съ матеріальными потерями казны, но и съ государственною безопасностью Россіи.

Настало новое царствованіе. Мысль, недавно столь опредѣленно высказанная, не была забыта Государемъ, и въ томъ же году, еще до окончанія войны, было приступлено къ ея осуществленію: предположеніе государственнаго контролера Анненкова отправить за границу избранное лицо для изученія дѣйствовавшихъ въ Западной Европѣ контрольныхъ системъ уже въ ноябрѣ 1855 года удостоилось Высочайшаго одобренія. Выборъ палъ на Валеріана Алексѣевича Татаринова.

Мы не будемъ останавливаться ни на трудахъ, представленныхъ Татариновымъ по возвращеніи его изъ-за границы, ни на ходѣ предварительныхъ работъ по введенію у насъ новой системы отчетности. Замѣтимъ только, что какъ тѣ, такъ и другія удостоивались постояннаго, неослабѣвавшаго вниманія покойнаго Государя и потому двигались если и не особенно быстро—быстро такія работы и не могли двигаться,—то непрерывно. Разумѣется, что новая система, шедшая въ разрѣзъ съ традиціями прежняго времени, съ привычками, самолюбіемъ, а иногда и личными выгодами болѣе или менѣе вліятельныхъ лицъ, встрѣчала съ ихъ стороны противодѣйствіе, но оно должно было уступить личной волѣ и личнымъ воззрѣніямъ Государя. А эта воля и эти воззрѣнія выражались очень опредѣленно.

Главный доводъ противъ введенія у насъ смѣтныхъ и счетныхъ порядковъ западныхъ государствъ состоялъ въ указаніи на „особенность нашего государственнаго строя" и на то, что такіе порядки возможны только при существованіи широкой гласности и развитого общественнаго мнѣнія. Но, не соглашаясь съ этимъ, Государь выразилъ свое одобреніе воззрѣнію совершенно противоположному, именно тому, что тамъ, гдѣ гласность законодательной власти и общественнаго мнѣнія развита не вполнѣ, самостоятельное контрольное учрежденіе является еще болѣе необходимымъ, служа въ извѣстной степени замѣной контроля общественнаго мнѣнія. Указаніе на „политическое устройство Россіи", какъ на препятствіе къ осуществленію готовившагося преобразованія, вызвало Высочайшее замѣчаніе: „Эти разсужденія весьма покойны для тѣхъ, которые не хотятъ никакихъ улучшеній,—и оттого столь много полезныхъ предначертаній остались неисполненными, которыя имѣлись уже въ виду лѣтъ 20 тому назадъ".

Дѣло подвигалось. Въ началѣ 1862 года Высочайше утвержденнымъ 22-го мая мнѣніемъ государственнаго совѣта о введеніи въ дѣйствіе вновь составленныхъ *смѣтныхъ правилъ* былъ сдѣланъ первый рѣшительный шагъ къ преобразованію системы отчетности.

Выше мы сказали, что преобразованіе государственнаго контроля

не могло ограничиться одними измѣненіями въ порядкахъ исключительно ревизіонныхъ, а требовало также преобразованія финансово-исполнительной системы, т.-е. прежде всего способа составленія финансовыхъ смѣтъ, затѣмъ измѣненія кассовыхъ правилъ и, наконецъ собственно ревизіонныхъ. Существовавшіе до сего времени смѣтный и кассовый порядки были таковы, что при нихъ правильный контроль былъ положительно невозможенъ. Финансовыя смѣты министерствъ и главныхъ управленій составлялись не однообразно и не систематически и не заключали въ себѣ никакихъ данныхъ, по которымъ можно было бы удостовѣриться въ правильности исчисленныхъ по нимъ доходовъ и расходовъ. Ничего строго обязательнаго для распорядителей смѣты они не имѣли: суммы, назначенныя на одинъ предметъ, можно было тратить на другой; остатки одного года хранить у себя и расходовать въ слѣдующіе годы. Словомъ, смѣты не были ограничены ни въ предметахъ расхода, ни въ срокахъ, и суммы, по нимъ исчисленныя, отпускались въ полное, безотчетное распоряженіе того или другого вѣдомства.

Этой безурядицѣ былъ положенъ конецъ закономъ 22-го мая 1862 года, которымъ установлены слѣдующія основныя начала: составленіе смѣтъ по системѣ, однообразной для всѣхъ управленій, съ приведеніемъ данныхъ, потребныхъ для удостовѣренія въ необходимости смѣтныхъ назначеній; обращеніе смѣтныхъ сбереженій на недостатки по однимъ лишь второстепеннымъ подраздѣленіямъ смѣты (по статьямъ), съ сохраненіемъ неизмѣняемою нормою всѣхъ главныхъ ея по предметамъ подраздѣленій (параграфы); заключеніе смѣтъ въ срокъ опредѣленный, по истеченіи котораго министерскіе по смѣтамъ кредиты должны быть уничтожаемы.

Правила эти были примѣнены тотчасъ же, такъ что смѣты на 1863 годъ составлены уже согласно съ ними. Это было преддверіе ревизіонной системы. Образованіе государственнаго контроля въ его теперешнемъ видѣ должно быть пріурочено къ 1864 году, т.-е. ко времени введенія въ дѣйствіе *правилъ единства кассы* и *документальной ревизіи* и учрежденія для этого въ составѣ государственнаго контроля временной ревизіонной коммиссіи, начавшей свою дѣятельность съ 1-го января 1864 года. Этимъ прежній порядокъ совершенно измѣнялся.

Каковъ былъ этотъ порядокъ по составленію смѣтъ, мы сказали; остается сказать о порядкахъ храненія казенныхъ суммъ и о пріемахъ ревизіи правильности ихъ обращенія. Кассы были подчинены самимъ распорядителямъ капиталовъ. Не только центральными, но и мѣстными управленіями поступающіе по вѣдомству каждаго казенные доходы, а равно и суммы, вытребованныя въ предѣлахъ смѣтнаго

размѣра, хранились въ собственныхъ сундукахъ, откуда непосредственно и расходовались на потребности каждаго. Такой порядокъ повелъ къ тому, что въ пятидесятыхъ годахъ, при разборѣ казенныхъ капиталовъ, въ кассахъ министерства финансовъ находилось всего лишь 75 мил. рублей, тогда какъ болѣе 200 мил. рублей оказалось въ кассахъ другихъ вѣдомствъ, гдѣ они лежали безъ всякой надобности, между тѣмъ какъ министерству финансовъ приходилось прибѣгать къ значительнымъ процентнымъ займамъ для покрытія государственныхъ расходовъ. Сверхъ того, существованіе отдѣльныхъ кассъ, доступныхъ повѣркѣ лишь непосредственнаго начальства, имѣло слѣдствіемъ не только безцеремонное отношеніе къ казеннымъ средствамъ, но и прямыя злоупотребленія и расхищенія, весьма часто остававшіяся безнаказанными и даже неразслѣдованными. Ревизовались кассы самими управленіями, въ вѣденіи которыхъ онѣ находились. Государственный контроль повѣрялъ однихъ распорядителей и не по подлиннымъ документамъ, а по генеральнымъ отчетамъ, представлявшимся безъ документовъ. Впрочемъ, еслибы при отчетахъ документы и представлялись, сличеніе ихъ съ валовыми цифрами было бы невозможно. Выходило, что управленія повѣряли самихъ себя; государственный же контроль занимался простымъ разсмотрѣніемъ генеральныхъ отчетовъ, не приводившимъ его ни къ какимъ результатамъ.

Правилами, извѣстными подъ названіемъ правилъ о *единствѣ кассы*, устанавливалось сосредоточеніе всѣхъ денежныхъ средствъ казны въ кассахъ одного министерства финансовъ, куда, непосредственно или чрезъ такъ-называемыхъ спеціальныхъ сборщиковъ [1], должны были поступать всѣ получаемые казной доходы, безъ права управленій, получающихъ доходы, обращать ихъ прямо на свои потребности. Такимъ образомъ, каждая получаемая казною копѣйка непремѣнно должна пройти чрезъ кассу министерства финансовъ, т.-е. чрезъ казначейство. Изъ тѣхъ же кассъ непосредственно производился и каждый расходъ на государственныя потребности. Только такой порядокъ и могъ обезпечивать ясность и незапутанность счетоводства какъ по доходамъ, такъ и по расходамъ.

Второе правило единства кассы, имѣющее весьма важное практическое значеніе—это выдача по назначеніямъ управленій (ассигновкамъ) денегъ *прямымъ кредиторамъ казны* непосредственно, т.-е. уплата тѣмъ, кому она причитается, прямо изъ казначействъ, а не

[1]) Спеціальными сборщиками называются учрежденія, въ которыя поступаютъ отдѣльные виды казенныхъ доходовъ. Таковы почтовыя конторы, телеграфныя станціи, лѣсничества, учебныя заведенія (по сбору платы за ученіе), нотаріусы, мировые судьи, и пр.).

чрезъ подлежащія управленія. Исключеніе допускается лишь относительно такъ-называемыхъ сборныхъ ассигновокъ и мелкихъ расходовъ изъ авансовъ. При всякой уплатѣ денегъ казначейство должно удостовѣриться, имѣется ли кредитъ управленія, давшаго ассигновку, по тому параграфу смѣты, изъ котораго выдача назначена, и распредѣлена ли потребная на уплату сумма кредита на то казначейство, въ которое предъявлена ассигновка.

Изъ этого видно, что повѣрка формальной правильности расходовъ производилась уже, въ указанныхъ нами предѣлахъ, кассами, отпускающими деньги; повѣрка правильности по сущности принадлежала учрежденіямъ государственнаго контроля, причемъ ставились въ основаніе два условія: провѣрка непосредственно по документамъ и производство ея современное.

Производство ревизіи на новыхъ основаніяхъ было возложено, какъ сказано выше, на образованную въ составѣ государственнаго контроля временную ревизіонную коммиссію. Правила единства кассы и новыхъ пріемовъ контроля были введены первоначально, т.-е. съ 1-го января 1864 года, не повсемѣстно, а лишь въ Петербургѣ. Было постановлено ввести въ С.-Петербургѣ, въ видѣ опыта, единство кассы въ 1-го января 1864 года. На временную ревизіонную коммиссію возложить: 1) ревизію по подлиннымъ документамъ оборотовъ всѣхъ въ С.-Петербургѣ находящихся учрежденій, получающихъ содержаніе изъ государственнаго казначейства, кромѣ учрежденій морского министерства [1]); 2) свидѣтельство наличныхъ суммъ въ главномъ и въ с.-петербургскомъ губернскомъ казначействахъ; 3) повѣрку финансовыхъ смѣтъ; 4) составленіе по исполненію финансовыхъ смѣтъ отчета и отчета о ходѣ и послѣдствіяхъ ревизіи и 5) собраніе данныхъ для дальнѣйшаго развитія кассовыхъ правилъ.

Опытъ оказался удаченъ, и въ слѣдующемъ году состоялось Высочайшее повелѣніе съ 1-го января 1865 года для производства современной документальной ревизіи открыть контрольныя учрежденія въ 12 губерніяхъ, входящихъ въ составъ военныхъ округовъ с.-петербургскаго, одесскаго и рижскаго, а 3-го января 1866 года Высочайше утверждено положеніе объ открытіи контрольныхъ палатъ въ остальныхъ губерніяхъ имперіи [2]).

---

[1]) Это исключеніе объясняется тѣмъ, что, по почину генералъ-адмирала в. к. Константина Николаевича, по морскому министерству еще въ 1860 году введена новая система счетоводства и отчетности, приноровленная къ тому, чтобы ревизію этой отчетности можно было производить по подлиннымъ документамъ.

[2]) Лишь въ немногихъ мѣстностяхъ: въ восточной Сибири, въ царствѣ польскомъ, въ Закавказьѣ и Прибалтійскомъ краѣ двѣ и три губерніи или области подчинены вѣденію одной контрольной палаты.

Такимъ образомъ, въ теченіе ровно десяти лѣтъ со времени отправленія Татаринова за границу совершилось осуществленіе преобразованія столь важной стороны государственнаго управленія, какова система государственной отчетности и контроля. Столь быстрое завершеніе реформы возможно было лишь благодаря личнымъ воззрѣніямъ покойнаго Государя.

Само собою разумѣется, что въ указанный періодъ завершена была реформа преимущественно съ ея внѣшней стороны; что касается всесторонних внутреннихъ задачъ, лежавшихъ и лежащихъ на государственномъ контролѣ, то исполненіе ихъ требовало и требуетъ многихъ и долгихъ усилій. Мы не говоримъ о выпавшей на долю государственнаго контроля обязанности перевоспитать привычки какъ общества, такъ и администраціи, и ограничиваемся лишь задачами, вытекающими изъ сущности контрольной дѣятельности, причемъ, не имѣя намѣренія излагать исторію контрольныхъ учрежденій, только слегка намѣтимъ эти задачи.

Установленный приведенными законоположеніями контроль касался преимущественно ревизіи документальной и такъ-называемой *по слѣдамъ дѣйствій*, т.-е. въ признаніи правильности какъ поступившихъ доходовъ, такъ и, главнымъ образомъ, произведенныхъ расходовъ, основывался на оправдательныхъ документахъ (ссылки на статью закона, предписаніе начальства, справочную цѣну, актъ свидѣтельства, расписку и т. п.) и производился относительно дѣйствій распорядительныхъ управленій, приведенныхъ уже въ исполненіе, причемъ какая-нибудь неправильность влекла начетъ, т.-е. взысканіе ущерба съ лица, совершившаго неправильность. Указанный видъ контроля, документальный и по слѣдамъ дѣйствій, не можетъ быть признанъ вполнѣ достаточнымъ. Уже при преобразованіи системы отчетности и ревизіи въ 1863 году въ проектъ преобразованія было внесено установленіе предварительнаго контроля, цѣль котораго отклонять неправильные или излишніе расходы. Но вслѣдствіе сильныхъ возраженій нѣкоторыхъ министровъ, преимущественно министра финансовъ, этотъ пунктъ проекта былъ отклоненъ. Затѣмъ документальная ревизія имѣетъ дѣло только съ формальными данными, которымъ можетъ вовсе не соотвѣтствовать дѣйствительность. Можно, напримѣръ, представить всѣ законные документы—до свидѣтельства, что исполненіе вполнѣ соотвѣтствуетъ проектамъ и смѣтамъ по постройкѣ зданія, которое и не начинало строиться, или расписку пріемщика въ полученіи провіанта, который вовсе не поставлялся (примѣры бывали). Наконецъ, сверхъ денежныхъ капиталовъ казна владѣетъ складами разныхъ запасовъ и вообще движимаго имущества,

хранимаго, тратящагося тѣмъ или другимъ путемъ и постоянно возобновляемаго. Отсюда прямая необходимость повѣрки матеріаловъ. Такимъ образомъ, являются еще три вида контроля: 1) предварительный, 2) фактическій и 3) матеріальный. Всѣ эти виды контроля или, по крайней мѣрѣ, два первые получили быстрое развитіе лишь въ послѣднія 10—12 лѣтъ.

Отклоненный по проекту 1863 года *предварительный* контроль былъ, насколько намъ извѣстно, впервые примѣненъ во время ахалтекинской экспедиціи въ 1880 году и оказалъ, по признанію Скобелева, большія услуги ему, не только избавляя его отъ отвѣтственности за ненужныя траты, но еще освобождая его отъ необходимости особенно пристально вникать, въ ущербъ чисто военной дѣятельности, въ разныя денежныя требованія. Въ послѣднее время государственный контроль получилъ право предварительной ревизіи постройки и эксплоатаціи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, портовъ, крѣпостныхъ, казарменныхъ и иныхъ особенно важныхъ сооруженій.

Еще болѣе важный *фактическій* контроль первоначально примѣнялся къ внезапному свидѣтельству казначействъ и кассъ спеціальныхъ сборщиковъ для удостовѣренія въ цѣлости казенныхъ суммъ. Впослѣдствіи онъ получилъ болѣе обширное примѣненіе: контрольныя учрежденія получили право командировать своихъ чиновниковъ для присутствованія при провѣркѣ наличности матеріаловъ въ складахъ военнаго вѣдомства, производимой чинами этого вѣдомства, право провѣрять на мѣстѣ таможенные досмотры товаровъ, участвовать при ревизіи чинами акцизнаго вѣдомства винокуренныхъ заводовъ, право присутствовать на торгахъ при продажахъ или при отдачѣ въ арендное содержаніе казенныхъ оброчныхъ статей или при продажѣ казеннаго имущества. Еще большее значеніе для выгодъ казны имѣетъ фактическій контроль при эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ и при разныхъ казенныхъ постройкахъ, особенно вслѣдствіе строгой системы, какую онъ получаетъ въ этихъ случаяхъ. Достаточно указать, что онъ примѣнялся къ такимъ постройкамъ, какъ сооруженіе храма Спасителя въ Москвѣ, къ сооруженію въ послѣднее время всѣхъ казенныхъ дорогъ, къ крѣпостнымъ сооруженіямъ на западной границѣ, и пр., и пр.

Говоря о фактическомъ контролѣ, нельзя не упомянуть объ услугахъ, оказанныхъ государству во время послѣдней турецкой войны, *полевымъ* контролемъ, имѣвшимъ исключительно характеръ фактическаго ревизіоннаго учрежденія. Имѣя ближайшимъ назначеніемъ оберегать матеріальные интересы казны, полевой контроль являлся въ то же время оберегателемъ довольства и здоровья войскъ и дѣлалъ не-

мыслимымъ повтореніе печальныхъ проявленій корысти и хищенія во время войны крымской. Такія же услуги оказаны имъ и во время ахалтекинской экспедиціи.

Матеріальный контроль имѣетъ нѣкоторыя точки соприкосновенія съ контролемъ фактическимъ, съ тою разницею, что цѣль его не только удостовѣриться въ наличности казеннаго имущества, но и слѣдить за правильностью его прихода и расхода. Эта сторона контрольной дѣятельности, насколько мы знаемъ, не получила еще вполнѣ удовлетворительнаго развитія.

Есть еще сторона, въ которой государственному контролю предстоитъ, повидимому, поступательное движеніе. Это расширеніе области его дѣятельности. Какъ извѣстно, не всѣ вѣдомства подчинены ревизіи государственнаго контроля. Если совершенно понятно устраненіе ревизіи государственнаго контроля отъ такого вѣдомства, какъ министерство императорскаго Двора, то нельзя сказать того же относительно учрежденій императрицы Маріи [1]), которыя имѣютъ свой особый контроль, подчиненный начальству этихъ учрежденій. А между тѣмъ полная независимость контроля, неподчиненность его никакому учрежденію, какъ необходимое условіе его правильной и успѣшной дѣятельности, принято какъ одно изъ основныхъ положеній при преобразованіи государственнаго контроля въ шестидесятыхъ годахъ.

Еще бо́льшимъ пробѣломъ въ дѣятельности государственнаго контроля является отношеніе его какъ къ системѣ государственнаго кредита, такъ и вообще къ операціямъ государственныхъ кредитныхъ установленій. Правда, въ послѣднее время государственному контролю удалось нѣсколько расширить свое вліяніе въ этой области; тѣмъ не менѣе, указанныя операціи все еще представляются территоріей, подвигаться къ которой государственному контролю приходится шагъ за шагомъ и путемъ многихъ усилій.

Заканчивая этимъ нашъ очеркъ, въ день двадцатипятилѣтія со времени преобразованія государственнаго контроля, пожелаемъ ему дальнѣйшихъ успѣховъ въ смыслѣ распространенія его независимой дѣятельности, безъ которой немыслима и та доля государственной пользы, какую имѣлъ въ виду законодатель, введя двадцать-пять лѣтъ тому назадъ въ дѣйствіе это новое тогда учрежденіе. Правда, задача государственнаго контроля вездѣ и по весьма понятнымъ причинамъ—не легкая, и если къ нему примѣнима извѣстная пословица:

---

[1]) Въ составъ этихъ учрежденій, подъ вѣденіемъ Опекунскаго Совѣта входитъ между прочимъ карточная фабрика, обширные обороты которой несомнѣнно должны бы быть подчинены ревизіи учрежденій общаго государственнаго контроля, и притомъ ревизіи весьма подробной и тщательной.

la critique est aisée, l'art est difficile,—то ее слѣдуетъ читать наоборотъ: искусство дѣлать расходы — легко, но критиковать, наблюдать за ихъ правильностью—несравненно труднѣе, тѣмъ болѣе, что и самый трудъ такого наблюденія не относится къ числу особенно благодарныхъ и всегда готовъ вызвать посильное противодѣйствіе. Такъ это понималъ и покойный императоръ, когда, какъ мы видѣли выше, замѣтилъ на возраженія противъ контроля, какъ учрежденія, несовмѣстимаго съ нашимъ политическимъ строемъ: „Эти разсужденія весьма покойны для тѣхъ, которые не хотятъ никакихъ улучшеній".

O.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1889 г.

Двадцатипятилѣтіе земскихъ учрежденій. — Тамбовское земство и тамбовскій губернаторъ — Мнимо-политическій характеръ земской и судебной реформы.— Тенденціозность въ подборѣ и оцѣнкѣ данныхъ, относящихся къ составленію земскаго положенія и судебныхъ уставовъ — Совмѣстность независимаго суда и самостоятельнаго земства съ русскимъ государственнымъ строемъ.—Графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ †.

Четверть вѣка въ жизни народа и государства—это, въ одно и то же время, очень мало и очень много. Очень мало, потому что народная жизнь измѣняется медленно и туго; очень много, потому что настроенія и теченія въ верхнихъ слояхъ общества слѣдують одно за другимъ съ большою быстротою. Популярное сегодня становится завтра предметомъ равнодушія, послѣ-завтра—предметомъ ожесточенныхъ нападеній. Земскія учрежденія, двадцатипятилѣтіе которыхъ исполнилось сегодня, не избѣжали общей участи. Юбилейному ихъ году суждено, быть можетъ, сдѣлаться поворотнымъ годомъ въ ихъ существованіи. Чѣмъ бы ни было преобразованное земство—преобразованное въ смыслѣ проекта, хорошо извѣстнаго нашимъ читателямъ,—оно во всякомъ случаѣ будетъ существенно инымъ, нежели земство, призванное къ жизни 1-го января 1864 г. *Этому* земству уготовляется новая судьба; у дверей его уже стоитъ преемникъ. Но прежде, чѣмъ объявить наслѣдство открытымъ, слѣдовало бы, однако, произвести ему точный инвентарь. Двадцатипятилѣтней дѣятельности земства еще не подведены итоги; исторія его еще не написана, и даже матеріалы для нея собраны далеко не вполнѣ. А между тѣмъ привести въ ясность все сдѣланное и предпринятое земствомъ, сравнить полученное имъ отъ своихъ предшественниковъ съ тѣмъ, чтò оно могло бы передать теперь своимъ преемникамъ—вовсе не особенно трудно; для этого достаточно было бы установленія одной общей програмы и нѣсколькихъ мѣсяцевъ усиленныхъ занятій со стороны каждой уѣздной

и губернской земской управы. Такимъ путемъ получилось бы нѣчто цѣльное, а не случайный наборъ отдѣльныхъ фактовъ, выхваченныхъ, съ предвзятою цѣлью, изъ массы другихъ, совершенно съ ними несходныхъ или даже прямо имъ противоположныхъ. Мы убѣждены, что въ главныхъ, общихъ чертахъ результаты изслѣдованія были бы благопріятны для земства. Активъ значительно перевѣсилъ бы пассивъ, да и самые источники пассива оказались бы зависящими отъ такихъ причинъ, которыя могутъ быть устранены — безъ ломки земскихъ учрежденій. Время для изслѣдованія еще не упущено. Въ продолженіе нынѣшней законодательной сессіи государственный совѣтъ едва ли успѣетъ приступить къ разсмотрѣнію проекта реформы земскихъ учрежденій; оно начнется, вѣроятно, не ранѣе, какъ черезъ годъ, а къ этому времени могла бы быть окончена указанная нами работа. Требуется вѣдь не литературное произведеніе, составленное по всѣмъ правиламъ искусства, а просто дѣловой обзоръ данныхъ, бóльшею частью не нуждающихся въ комментаріяхъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ борьбѣ изъ-за учрежденія—въ особенности если оно вышло изъ моды и стоитъ поперекъ господствующаго теченія,—отрицательные факты всегда производятъ больше эффекта, чѣмъ положительные. Послѣдніе, по самому своему свойству, мало выступаютъ наружу; о нихъ никто не кричитъ, они не становятся предметомъ подробнаго розыска. Чтобы парализовать впечатлѣніе, производимое худымъ, хорошее должно быть тщательно сгруппировано и правильно освѣщено—а по отношенію къ земству это теперь еще не вполнѣ возможно. Пояснимъ нашу мысль нѣсколькими примѣрами. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ содержаніе земскихъ управъ стало рости слишкомъ быстро, несоразмѣрно съ другими расходами и съ средствами земства. Противники земскихъ учрежденій поспѣшили обобщить этотъ фактъ и вывести изъ него заключеніе о необходимости заранѣе опредѣленнаго, вездѣ одинаковаго оклада жалованья предсѣдателей и членовъ управъ. Предполагалось, очевидно, что это должно привести къ крупному сокращенію земскихъ смѣтъ. И что же? По сдѣланному нами разсчету оказалось, наоборотъ, что въ настоящее время общая сумма расходовъ на содержаніе земскихъ управъ значительно меньше той, которая понадобилась бы для покрытія проектированнаго оклада [1]). Подобныя ошибки неизбѣжны, когда предубѣжденіе идетъ рука объ руку съ недостаточной фактической разработкой спорныхъ вопросовъ... Много говорится о погонѣ за кускомъ „земскаго пирога", но мало слышно о громадномъ

---

[1]) Подробности см. въ статьѣ о земской реформѣ, напечатанной въ № 3 „Вѣстника Европы" за минувшій 1888 годъ.

количествѣ дарового, безкорыстнаго труда, идущаго на пользу земства. Еслибы можно было сосчитать и взвѣсить все сдѣланное для населенія хотя бы одними земскими членами училищныхъ и врачебныхъ совѣтовъ, то въ совершенно иномъ свѣтѣ предстали бы и факты противоположнаго свойства—факты безцеремоннаго загребанія земскихъ денегъ или непроизводительной ихъ затраты на разные виды оплачиваемаго тунеядства. Сдѣлалось бы ясно, что въ этомъ загребаніи, въ этой затратѣ отражаются старинные взгляды на службу какъ на источникъ „кормленья", а готовность жертвовать своимъ временемъ и своими силами, не имѣя въ виду ни вещественныхъ, ни даже невещественныхъ „поощреній", составляетъ всецѣло пріобрѣтеніе новыхъ порядковъ... Потерялъ бы свою силу, при ближайшемъ знакомствѣ съ дѣломъ, и обычный аргументъ противъ мѣстнаго самоуправленія, заимствуемый изъ неаккуратнаго, будто бы, посѣщенія гласными земскихъ собраній. Оказалось бы, что съ этой точки зрѣнія существуетъ большая разница между губернскими и уѣздными земскими собраніями. Если въ первыхъ присутствуетъ обыкновенно только меньшинство гласныхъ и приходится иногда закрывать засѣданія за отсутствіемъ законнаго комплекта (т.-е. одной трети членовъ), то послѣднія часто собираются въ полномъ или почти полномъ составѣ, причемъ особенною исправностью отличаются гласные изъ крестьянъ (въ губернскихъ собраніяхъ, какъ извѣстно, не участвующіе почти вовсе). Не трудно было бы доискаться и объясненія этому различію; стоило бы только вспомнить, какъ затруднительны у насъ, въ концѣ осени или началѣ зимы, сообщенія отдаленныхъ мѣстностей съ губернскимъ городомъ—и насколько самыя дѣла, подвѣдомственныя уѣздному собранію, важнѣе и интереснѣе большинства дѣлъ, разсматриваемыхъ, при нормальныхъ обстоятельствахъ [1]), въ собраніи губернскомъ... Обнаружилась бы, далѣе, вся односторонность приговоровъ, торопливо произносимыхъ надъ тою или другою отраслью земской дѣятельности. Теперь, напримѣръ, принято утверждать, что въ завѣдываніи народнымъ продовольствіемъ земство не исполнило возложенной на него задачи, допустило оскудѣніе ввѣренныхъ ему капиталовъ и запасовъ. Не говоримъ уже о недостаткѣ мѣстныхъ исполнительныхъ органовъ, затруднявшемъ и затрудняющемъ для земства надзоръ за хлѣбными магазинами; не говоримъ объ истощеніи крестьянской земли, значительно подвинувшемся впередъ за послѣднія двадцать лѣтъ и вызвавшемъ необхо-

---

[1]) Говоримъ: „при нормальныхъ обстоятельствахъ", чтобы выдѣлить тѣ исключительные случаи, когда губернскія земскія собранія призываются правительствомъ къ участію въ обсужденіи вопросовъ первостепенной важности (напр. податной реформы въ 1871 г., реформы мѣстнаго управленія въ 1880).

димость усиленной помощи крестьянамъ въ неурожайные годы; насъ занимаетъ теперь вопросъ о томъ, такъ ли повсемѣстенъ, такъ ли распространенъ самый фактъ упадка продовольственнаго дѣла, съ тѣхъ поръ какъ оно поступило въ завѣдываніе земства? Въ этомъ позволительно сомнѣваться, въ виду, напримѣръ, тѣхъ данныхъ по московской губерніи, которыя были приведены недавно г. Духовскимъ въ засѣданіи статистическаго отдѣленія московскаго юридическаго общества („Русскія Вѣдомости", № 302). Продовольственный капиталъ, переданный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, въ 1866 г., московскому земству, составлялъ 272 тысячи рублей. Къ 1-му іюля 1888 г. въ долгахъ за крестьянами числилось около 540 тысячъ, но на-лицо все-таки было больше, чѣмъ въ 1886 г.—310 тысячъ руб. Хлѣбные запасы по московской губерніи простирались, въ моментъ введенія въ дѣйствіе земскихъ учрежденій, до 284 тысячъ четвертей ржи и 135 тысячъ четвертей овса; но ко времени передачи хлѣбныхъ магазиновъ въ вѣденіе земства, въ 1867 г., изъ этого количества оставалось только 180 тысячъ четвертей ржи и 62 тысячи четвертей овса. Теперь овса состоитъ на-лицо нѣсколько больше—65 тысячъ четвертей, но количество ржи уменьшилось болѣе чѣмъ втрое, до 50 тысячъ четвертей. Съ перваго взгляда этотъ фактъ можетъ показаться весьма печальнымъ, но значеніе его радикально измѣняется въ виду того, что изъ числа 5.338 селеній губерніи 1.693, т.-е. почти цѣлая треть, обратили свои запасы въ деньги, и такіе мѣстные продовольственные капиталы составляли къ 1-му января 1887 г. болѣе 459 тысячъ рублей. Сколько подобныхъ фактовъ нашли бы мѣсто въ общей картинѣ земскаго дѣла, и какимъ оплотомъ они послужили бы противъ систематическихъ порицателей земства!

Въ послѣднее время пущено въ оборотъ еще одно обвиненіе противъ земскихъ учрежденій, съ которымъ намъ прежде не приходилось встрѣчаться. Построено оно такимъ образомъ: взята статья 2-ая положенія о земскихъ учрежденіяхъ, опредѣляющая ихъ кругъ дѣйствій, и затѣмъ отысканы въ ней тѣ пункты, которые остались безъ примѣненія на практикѣ. Въ числѣ этихъ пунктовъ оказалось, къ великой радости искателей, „попеченіе о постройкѣ церквей". Конечно, оно не отнесено къ обязанностямъ земства; но это не останавливаетъ обвинителей, и они спѣшатъ подчеркнуть равнодушіе земскихъ учрежденій къ увеличенію числа православныхъ храмовъ. Не мѣшало бы, однако, вспомнить, что дѣятельность земскихъ учрежденій совпадаетъ почти вся съ тѣмъ періодомъ времени, когда происходило, по распоряженію высшей власти, усиленное сокращеніе приходовъ—другими словами, когда число существующихъ причтовъ (а много ли пользы можетъ принести храмъ безъ

причта?) признавалось безъ того уже слишкомъ высокимъ. Чтò же удивительнаго въ томъ, что земство въ это время не считало необходимымъ строить новыя церкви? Да и во многихъ ли уѣздахъ земскія смѣты выдержали бы новый громадный расходъ, полезный только для небольшой части населенія—для одного прихода изъ нѣсколькихъ десятковъ, входящихъ въ составъ уѣзда? Много ли, наконецъ, было случаевъ, когда въ земскомъ собраніи возникала рѣчь о построеніи храма на счетъ земства или съ пособіемъ изъ земскихъ суммъ, а собраніе уклонялось отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ? Точный отвѣтъ на этотъ вопросъ могла бы дать только несуществующая, къ несчастію, исторія земскихъ учрежденій; но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что отвѣтъ былъ бы близокъ къ полному отрицанію... Земству ставится, далѣе, въ вину, что оно не принимало мѣръ къ искорененію нищенства, къ уменьшенію пьянства въ селеніяхъ. О „способахъ прекращенія нищенства“ говорится, правда, въ ст. 2-ой земскаго положенія—но неужели кто-нибудь рѣшится утверждать, что нищенство, въ нашихъ деревняхъ, составляетъ такое зло, борьбу съ которымъ слѣдовало выдвинуть на первый планъ? Вѣдь не могло же земство ополчиться противъ „собиранія кусочковъ“ — этой обычной формы деревенскаго нищенства! Для призрѣнія увѣчныхъ, стариковъ и сиротъ дѣлается мало, за недостаткомъ средствъ, но все же дѣлается больше, чѣмъ въ до-земскую эпоху. А громадныя затраты земства на медицинскую часть—развѣ онѣ не служатъ, косвенно, къ уменьшенію числа лицъ, неспособныхъ работать? Что касается до мѣръ къ уменьшенію пьянства, то о нихъ статья 2-ая не упоминаетъ ни однимъ словомъ, и мы затрудняемся вообразить себѣ, чтò могло бы, въ этомъ отношеніи, предпринять земство? Взять на себя иниціативу въ учрежденіи обществъ трезвости? Завести сельскіе клубы, въ которыхъ крестьянамъ предлагали бы газету и стаканъ чаю? Распространять въ народѣ брошюры о вредѣ пьянства? На одно земству едва ли удалось бы получить подлежащее разрѣшеніе, а другое было бы скорѣе забавой, чѣмъ настоящимъ дѣломъ... Если изъ числа различныхъ дорогъ, открытыхъ передъ земствомъ, оно выбрало только нѣкоторыя и на нихъ сосредоточило всѣ свои силы, это объясняется не случаемъ, не капризомъ, не исканіемъ популярности, не какими-либо побочными видами. Не имѣя возможности сдѣлать все, оно рѣшилось сдѣлать именно то, что было всего болѣе неотложно—положить основаніе правильной народной школѣ и правильной охранѣ народнаго здоровья. Не даромъ же по этимъ путямъ пошли, съ большей или меньшей рѣшительностью, съ бòльшимъ или мѐньшимъ умѣньемъ, всѣ земскія собранія. О соглашеніи ихъ между собою, объ общемъ

дѣйствій не можетъ быть и рѣчи; вліяніе примѣра также не быть велико, въ виду разбросанности и замкнутости земскихъ эній. Сходство дорогъ зависитъ исключительно отъ сходства . Вопіющія потребности были вездѣ однѣ и тѣ же; понятно, ь удовлетвореніе вездѣ становилось главною цѣлью земской ьности. Какъ бы ни смотрѣть на ея результаты, одного отри- і въ какомъ случаѣ нельзя: сдѣланное земствомъ стало образ- о всѣхъ сторонъ вызывающимъ подражаніе. Организація ме- кой части въ западныхъ (не-земскихъ) губерніяхъ, недавно ая правительственною властью, внушена, очевидно, не чѣмъ ь, какъ примѣромъ земской медицины. Если церковно-при- школы проснулись послѣ долговременнаго сна, то это про- подъ вліяніемъ громадныхъ успѣховъ, сдѣланныхъ земской ой школой—и новый опытъ все больше и больше отражается ыхъ педагогическихъ пріемахъ.

ьше всего земскія учрежденія могутъ быть заподозрѣны въ стіи къ меньшинству, къ наиболѣе достаточной части на- Лучшей ихъ заслугой слѣдуетъ признать именно пере- произведенный ими, незамѣтно и постепенно, во взгля- привычкахъ привилегированнаго класса. Свобода отъ нало- повинностей перестала казаться почетнымъ правомъ; первыя енія ея были проведены въ жизнь именно земствомъ, при номъ участіи дворянъ-землевладѣльцевъ. Только на всесо- почвѣ, созданной въ великій день 1 января 1864 г., могли такіе плоды, какъ переходъ отъ натуральныхъ повинностей, хъ на одномъ крестьянствѣ, къ денежнымъ, упадающимъ на ювія,—какъ земская школа, содержимая всѣми классами на- въ пользу одного,—какъ земская медицина, больше всего также для народной массы. Нужно отворачиваться отъ всѣхъ ыхъ фактовъ, чтобы утверждать — какъ это дѣлаютъ „Мо- Вѣдомости", — что „земскіе врачи и акушерки въ дѣйстви- и служатъ только лицамъ привилегированныхъ сословій, а ьянству, которое ихъ по прежнему чуждается". Возьмемъ, мѣра, хотя бы нѣкоторые уѣзды петербургской губерніи; къ ней относящіяся, сгруппированы недавно въ отчетѣ, пред- юмъ пятому съѣзду петербургскихъ земскихъ врачей. Въ ъ уѣздѣ за врачебной помощью обращались въ 1886 г. 13.309, г.—17.544 приходящихъ больныхъ. Въ шлиссельбургскомъ иходящихъ больныхъ было, въ тѣ же періоды времени, 18.255 и ъ новоладожскомъ—18.733 и 21.056; въ ямбургскомъ уѣздѣ— 18.082. Что же, всѣ эти десятки тысячъ приходящихъ боль- юмѣщики, купцы и разночинцы? Крестьянъ между ними нѣтъ

или очень мало?.. Органы реакціонной прессы присвоиваютъ себѣ монополію знакомства съ деревенскимъ бытомъ; хорошо же это знакомство, если они не видятъ повсемѣстно и быстро ростущаго довѣрія крестьянской массы къ докторамъ и медицинѣ. Если недостаточно свидѣтельства цифръ, приведемъ еще одно, особенно авторитетное для нашихъ противниковъ. Оно идетъ изъ административной сферы, отъ тамбовскаго губернатора—того самаго губернатора, который недавно сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній тамбовской городской думѣ и заслужилъ этимъ одобреніе московской реакціонной газеты [1]).

Вотъ что мы читаемъ въ рѣчи, которою баронъ Фредериксъ открылъ, 7-го минувшаго декабря, сессію тамбовскаго губернскаго земскаго собранія:

„Уѣздныя земскія собранія въ своихъ постановленіяхъ все болѣе и болѣе стали подчиняться требованіямъ закона... Прежде всего я останавливаюсь на *благотворной заботливости земства о народномъ здравіи*, заслужившей монаршее одобреніе. Затѣмъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ участіе земства въ дѣлѣ народного образованія. Расходы на народное образованіе съ каждымъ годомъ увеличиваются. Наконецъ, весьма большого сочувствія и признательности заслуживаетъ статистическое бюро. *Земскія статистическія изслѣдованія оказали пользу не одному земству, но и правительственнымъ учрежденіямъ*... Въ заключеніе могу сказать по чистой совѣсти, что какія бы ни послѣдовали въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ измѣненія, *тамбовское земство можетъ совершенно добросовѣстно сказать, что оно сослужило отечеству отличную службу*". Болѣе чѣмъ вѣроятно, что для такихъ же отзывовъ о многихъ другихъ земствахъ недостаетъ только одного: недостаетъ лицъ, которыя съумѣли бы установить и сохранить правильныя отношенія къ земству [2]) и рѣшились бы открыто признать его заслуги. Подтвержденіемъ этой мысли служатъ, между прочимъ, слѣдующія цифры, заимствуемыя нами изъ „Земскаго Ежегодника"

[1]) Спѣшимъ прибавить, что образъ дѣйствій тамбовскаго губернатора по отношенію къ тамбовской городской думѣ не вызываетъ и съ нашей стороны безусловныхъ возраженій. Хотя право губернатора являться въ думу и напоминать ей о лежащихъ на ней обязанностяхъ и не регулировано закономъ (за исключеніемъ случаевъ неисполненія городскимъ общественнымъ управленіемъ *обязательныхъ* для него повинностей—Город. Полож. ст. 12), но въ такомъ напоминаніи нѣтъ ничего противнаго духу городового положенія, если только оно не переходитъ ни въ угрозу, ни въ приказаніе и форма его остается безукоризненно-вѣжливой. Съ этой точки зрѣнія обращеніе тамбовскаго губернатора къ тамбовской думѣ отличается весьма выгодно отъ нѣкоторыхъ однородныхъ явленій послѣдняго времени.

[2]) Когда тамбовскій губернаторъ удалился изъ залы засѣданій, собраніе уполномочило своего предсѣдателя выразить губернатору, отъ лица собранія, что если тамбовское земство достигло плодотворныхъ результатовъ, то этимъ оно много обязано сочувствію и содѣйствію губернатора.

за 1884 г. Относительно больше, чѣмъ тамбовское земство, расходовали, въ 1885 г., на медицинскую часть земства трехъ губерній: владимірской (28,7% всѣхъ расходовъ, а въ тамбовской губерніи—24,7%), псковской (28,3%) и симбирской (28,5%); столько же, сколько тамбовское —орловское земство; почти столько же, а именно отъ 22 до 24½%—одиннадцать земствъ: вологодское (23,9%), воронежское (23,4%), вятское (22,1%), пензенское (24,2%), рязанское (22,2%), саратовское (23%), смоленское (22,1%), тверское (22,4%), тульское (22,2%), черниговское (24,2%) и ярославское (22,2%). Еще менѣе исключительнымъ оказывается положеніе тамбовскаго земства въ области народнаго образованія. Здѣсь приходится пересчитывать уже не земства, тратящія больше или почти столько же, а наоборотъ, земства, тратящія меньше. Тамбовское земство посвящаетъ народному образованію 11,7% всѣхъ своихъ расходовъ. Цифры сравнительно низшія мы находимъ только въ трехъ губерніяхъ: бессарабской (8,7%), симбирской (9,4%) и тульской (11,6%); цифры почти равныя (не свыше 14%)—въ шести губерніяхъ: воронежской (14%), казанской (13%), калужской (12,9%), нижегородской (12,2%), саратовской (13,3%) и смоленской (13,5%). Затѣмъ въ 22 губерніяхъ расходъ на народное образованіе составляетъ отъ 14 до 20%, а въ двухъ (вятской и пермской) превышаетъ 20%. Если тамбовскій губернаторъ обратилъ вниманіе на дѣятельность тамбовскаго земства по части народнаго образованія, оговорившись только, что она весьма неравномѣрно распредѣляется по уѣздамъ, то чтò же должны были бы сказать губернаторы другихъ губерній, болѣе въ этомъ отношеніи счастливыхъ?..

Съ такимъ прошедшимъ земству нечего бояться самой взыскательной ретроспективной критики, лишь бы только она была свободна отъ предубѣжденій, лишь бы только она не избрала своимъ девизомъ слова Лессинговскаго патріарха: thut Nichts, der Jude wird verbrannt! Этимъ и объясняется, быть можетъ, особенная настойчивость нападеній, направляемыхъ противъ самаго принципа земскаго самоуправленія. Подкопъ ведется прямо подъ корни; все растеніе провозглашается вреднымъ, чужеяднымъ, занесеннымъ на нашу почву отчасти по недоразумѣнію, отчасти вслѣдствіе злого умысла. На эту тэму написаны самыя рѣзкія изъ безчисленныхъ статей, посвященныхъ „Московскими Вѣдомостями" полемикѣ съ „Вѣстникомъ Европы".

Постараемся, прежде всего, установить со всею точностью существо спорнаго вопроса. По мнѣнію нашихъ противниковъ, земская и судебная реформы были проведены въ жизнь съ цѣлью подготовить и сдѣлать неизбѣжной радикальную перемѣну въ русскомъ образѣ правленія; отсюда несовмѣстность самостоятельнаго земства и самостоятельнаго суда съ новыми началами нашего государственнаго устрой-

ства. Отрицая исходную точку, мы отрицали, этимъ самымъ, и сдѣланный изъ нея выводъ; мы находили, что преобразованія прошлаго царствованія не имѣли *политическаго* характера, т.-е. ни въ чемъ не измѣняли и не измѣнили правъ и прерогативъ верховной власти. Чтó же дѣлаютъ „Московскія Вѣдомости"? Онѣ берутъ изъ нашей аргументаціи выраженіе: *политическій характеръ*, и даютъ ему такой смыслъ, подъ который неизбѣжно должно подойти всякое сколько-нибудь серьезное преобразованіе въ области судебной и административной. „Отрицать политическій характеръ земскихъ учрежденій,— восклицаетъ московская газета,—болѣе чѣмъ наивно: развѣ они не внесли въ мѣстную жизнь новое, чисто политическое начало всесословнаго парламентаризма?" Не ясно ли, что здѣсь происходитъ игра словъ, вовсе не относящаяся къ дѣлу? Допустимъ, что всесословность въ мѣстномъ самоуправленіи можетъ быть названа началомъ *политическимъ*, въ обширномъ смыслѣ слова; но развѣ отсюда слѣдуетъ, что ею ограничивается власть монарха, потрясаются основы государственнаго зданія? Развѣ достаточно одной перемѣны въ имени, чтобы измѣнить сущность вещи? Какъ ни называть участіе всѣхъ классовъ населенія въ хозяйственныхъ дѣлахъ губерніи и уѣзда, оно не потеряетъ отъ того своего *мѣстнаго* значенія, не перейдетъ въ чуждую ему сферу *государственной* жизни. „И въ трудахъ коммиссіи, проектировавшей земскія учрежденія, — продолжаютъ „Московскія Вѣдомости",—и въ разсужденіяхъ государственнаго совѣта рѣчь шла не только о лучшемъ порядкѣ завѣдыванія мѣстными пользами и трудами, но и о существѣ самоуправленія, и объ отношеніяхъ самоуправленія къ государственной власти". Чтó же это доказываетъ? Когда вводится мѣстное самоуправленіе, нельзя же не говорить о его существѣ, нельзя же оставить безъ опредѣленія степень и виды контроля, установляемаго надъ нимъ со стороны центральной власти... Тѣмъ же основнымъ недоразумѣніемъ вызваны многочисленныя цитаты изъ мотивовъ къ основнымъ положеніямъ 1862 г. и къ судебнымъ уставамъ, приводимыя московской газетой въ подтвержденіе *политическаго характера* судебной реформы (№ 329). Ни одна изъ нихъ ни прямо, ни косвенно не затрогиваетъ вопроса о верховной власти, о государственномъ устройствѣ. Этого мало: въ самомъ выборѣ цитатъ допущена здѣсь или недобросовѣстность, или непростительная небрежность. Разсужденія о преимуществѣ выбора передъ назначеніемъ, приписанныя московской газетой составителямъ основныхъ положеній, являются на самомъ дѣлѣ не чѣмъ инымъ, какъ сводкой главныхъ аргументовъ въ пользу этой тэмы,—аргументовъ, *не только не принятыхъ, но прямо отвергнутыхъ* составителями основныхъ положеній. Стоитъ только раскрыть судебные уставы въ изданіи госу-

дарственной канцеляріи, чтобы найти, на страницѣ XIII третьяго тома [1]), слѣдующія слова, не оставляющія мѣста для сомнѣній: „вопросъ о назначеніи чиновъ судебнаго вѣдомства отъ правительства или по выборамъ *принадлежитъ къ самымъ спорнымъ* вездѣ и въ особенности у насъ. *Защитники назначенія судей по выборамъ* доказываютъ преимущества въ семъ отношеніи выборной системы съ трехъ различныхъ точекъ зрѣнія—съ теоретической, съ практической и съ исторической". Эти три категоріи доказательствъ наполняютъ собою слѣдующія семь страницъ, изъ которыхъ (начиная съ самой первой) и сдѣланы выписки, обращаемыя въ оружіе противъ судебной реформы. Легкомысленные публицисты — если мы имѣемъ здѣсь дѣло только съ легкомысліемъ—не замѣтили ни вышеприведенныхъ вступительныхъ словъ, ни заключенія „защитниковъ выборной системы" (стр. XIX—XX), требующихъ избранія какъ мировыхъ судей, такъ и всѣхъ членовъ окружныхъ судовъ и областныхъ палатъ; они не замѣтили, что вслѣдъ затѣмъ идетъ уже дѣйствительно мнѣніе самихъ составителей основныхъ положеній, начинающееся такъ: „*сколь ни убѣдительны кажутся съ перваго взгляда доводы защитниковъ выборной системы, тѣмъ не менѣе возраженія ихъ противъ назначенія судей отъ правительства не заслуживаютъ уваженія*". Въ концѣ концовъ выборная система признается осуществимой только по отношенію къ мировымъ судьямъ и присяжнымъ засѣдателямъ. Трудно понять, какимъ образомъ „Московскія Вѣдомости" не обратили вниманія на явное противорѣчіе между текстомъ основныхъ положеній и соображеніями, будто бы принадлежащими составителямъ этихъ положеній. Вѣдь еслибы послѣдніе были столь пламенными поклонниками выборнаго начала, то оно должно было стать краеугольнымъ камнемъ не для одного только мирового института! Или, можетъ быть, публицисты „Московскихъ Вѣдомостей" не полюбопытствовали даже заглянуть въ основныя положенія? Увидѣвъ случайно нѣсколько строкъ, допускающихъ желательное толкованіе или перетолкованіе, они поспѣшили включить ихъ въ свой боевой арсеналъ, не дочитавъ ихъ до конца и не давъ себѣ трудъ опредѣлить ихъ настоящее значеніе?..

Составители судебныхъ уставовъ прямо возражали противъ взгляда на судъ присяжныхъ, какъ на *политическое* учрежденіе (III, 20). Это не мѣшаетъ московской газетѣ утверждать, что суду присяжныхъ съ самаго начала была „предуказана *чисто политическая* задача: сблизить разрозненныя сословія въ одну массу мѣстныхъ обывателей и уравнить образъ жизни судей изъ высшаго сословія съ

---

[1]) Мы цитируемъ по первому изданію, 1866 г.

образомъ жизни подсудимыхъ, принадлежащихъ къ низшимъ сословіямъ". Неужели,—спроситъ себя невольно каждый прочитавшій эти строки,—въ оффиціальныхъ сферахъ существовали когда-нибудь столь странныя мнѣнія о призваніи суда присяжныхъ? Заключеніе „Московскихъ Вѣдомостей" основано на слѣдующей цитатѣ (точность которой мы не успѣли повѣрить): „введеніе присяжныхъ въ Россіи болѣе необходимо, чѣмъ гдѣ бы то ни было, потому что нигдѣ, можетъ быть, историческая жизнь народа не положила такихъ рѣзкихъ разграниченій между различными слоями общества, какъ у насъ, отчего между понятіями, обычаями и образомъ жизни нашихъ постоянныхъ судей, принадлежащихъ вообще къ высшему сословію, и подсудимыхъ изъ низшихъ сословій замѣчается большое различіе". Эти слова означаютъ, очевидно, совсѣмъ не то, что̀ усматриваетъ въ нихъ московская газета. Судья долженъ *понимать* подсудимаго, долженъ *знать* его обычаи и образъ жизни,—а такого пониманія и знанія, по отношенію къ подсудимымъ-крестьянамъ и мѣщанамъ, нельзя ожидать отъ коронного суда; наоборотъ, его можно ожидать отъ присутствія присяжныхъ, составленнаго изъ представителей всѣхъ сословій. Вотъ простая и совершенно вѣрная мысль, заключающаяся въ вышеприведенной цитатѣ. Въ подтвержденіе нашего толкованія достаточно сослаться на слѣдующее мѣсто соображеній, напечатанныхъ подъ статьею 7 учр. суд. устан. (III, 21): „для каждаго подсудимаго долженъ служить важнымъ огражденіемъ такой составъ суда присяжныхъ, въ которомъ находились бы люди, *произносящіе осужденіе, не отрѣшаясь отъ круга понятій подсудимаго*". Отъ суда присяжныхъ ожидается, слѣдовательно, не какое-то фантастическое уравненіе судей и подсудимыхъ, вовсе не зависящее отъ формъ судоустройства и судопроизводства, а только *всестороннее* разсмотрѣніе дѣла, уменьшающее шансы судебной ошибки.

Мы остановились такъ долго на способѣ обращенія „Московскихъ Вѣдомостей" съ исторіей судебныхъ уставовъ, потому что считаемъ его весьма характеристичнымъ. Борьба, очевидно, ведется московской газетой per fas et nefas; разборчивость въ выборѣ средствъ признается совершенно излишней... Помимо этого, обѣ великія реформы 1864 г., земская и судебная, такъ тѣсно связаны между собою, что нападеніе противъ одной изъ нихъ неизбѣжно направляется и противъ другой; столь же нераздѣльной должна быть и ихъ защита. Отстраняя несправедливые упреки, обращенные къ составителямъ судебныхъ уставовъ, мы продолжаемъ, въ сущности, отстаивать положеніе о земскихъ учрежденіяхъ. Переходить отъ одной изъ этихъ тэмъ къ другой или говорить одновременно объ обѣихъ намъ придется и въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи... Продолжая

настаивать на „политическомъ характерѣ" земскаго самоуправленія, московская газета сообщаетъ, что „въ самый моментъ утвержденія проекта земскихъ учрежденій формально заявлена была мысль о необходимости центральнаго земства"—мысль, „тогда же рѣшительно отвергнутая въ высшей правительственной сферѣ". Это сообщеніе было бы очень интересно, еслибы было достовѣрно или, по меньшей мѣрѣ, болѣе опредѣленно; но аргументомъ въ пользу тэмы, защищаемой „Московскими Вѣдомостями", оно не могло бы служить ни въ какомъ случаѣ. Заявленіе отдѣльнаго лица—не признакъ общаго настроенія, широко распространенныхъ ожиданій. Скажемъ болѣе: еслибы земскія учрежденія, по мысли тогдашнихъ государственныхъ людей, составляли уже сами по себѣ залогъ перехода къ новой формѣ правленія, то прямое указаніе на эту форму было бы крайне непрактичнымъ и нецѣлесообразнымъ; оно могло бы только возбудить подозрѣнія, опасныя для хитро задуманнаго плана. Допустимъ, что заявленіе было сдѣлано и тотчасъ же рѣшительно отвергнуто; припомнимъ, что это совпало съ моментомъ утвержденія земскаго положенія,—и мы получимъ новое доказательство тому, что земской реформѣ была чужда „политическая окраска". Только этимъ и можно объяснить, что намекъ на „центральное земство" не помѣшалъ осуществленію преобразованія. Убѣжденіе въ томъ, что за открытой цѣлью реформы не скрывается никакихъ другихъ, было такъ сильно, что его не могло поколебать даже возбужденіе вопроса о земскомъ представительствѣ.

„Политическій характеръ" земскихъ учрежденій—читаемъ мы дальше въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ"—высказался еще рѣзче на практикѣ: въ „бурныхъ преніяхъ и безобразныхъ рѣшеніяхъ" петербургскаго земства въ 1866 (1867?) г., по поводу закона 21 ноября, въ земскихъ ходатайствахъ по обще-государственнымъ вопросамъ, въ земской „конституціонной сатурналіи" 1879—81 г. Что же „политическаго" было въ преніяхъ петербургскаго земскаго собранія по поводу закона 21 ноября 1866 г.? Какимъ образомъ возраженія противъ финансовой мѣры, установлявшей границы для земскаго обложенія, могли обратиться въ нѣчто угрожающее государственному строю? Развѣ петербургское земство оспаривало дѣйствительность закона, развѣ оно претендовало на участіе въ законодательной дѣятельности? Не пора ли признать, что впечатлѣніе, произведенное, въ свое время, земскими преніями 1866-67 г., зависѣло преимущественно отъ новизны дѣла? Критическое отношеніе къ администраціи было тогда чѣмъ-то столь непривычнымъ, что легко могло показаться неуваженіемъ къ правительству. Припомнимъ, что именно въ силу такого оптическаго обмана прекратилось, въ тѣхъ же ше-

стидесятыхъ годахъ, изданіе „Москвы" и пріостановилась на цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ публицистическая дѣятельность И. С. Аксакова. Аксаковъ былъ далекъ отъ какихъ бы то ни было анти-правительственныхъ стремленій, но онъ говорилъ рѣшительно, громко, смѣло,— и этого было достаточно, чтобы сдѣлать его невозможнымъ. Невозможнымъ, по тѣмъ же самымъ причинамъ, оказалось и петербургское земство, въ составѣ 1867 г... Земскія ходатайства по общегосударственнымъ вопросамъ допускались, сплошь и рядомъ, правительственною властью. Они противорѣчили, быть можетъ, буквѣ земскаго положенія, но не заключали въ себѣ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, ничего несогласнаго съ его смысломъ. Вопросъ, прямо касающійся „мѣстныхъ хозяйственныхъ пользъ и нуждъ", можетъ имѣть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и обще-государственное значеніе; странно было бы исключать его изъ сферы земскихъ ходатайствъ единственно потому, что онъ важенъ не для одной только данной мѣстности. Возьмемъ для примѣра именно тѣ ходатайства, противъ которыхъ въ особенности возстаетъ московская газета. То или другое земство страдаетъ отъ накопленія недоимокъ, не можетъ производить, за недостаткомъ наличныхъ средствъ, самыхъ необходимыхъ расходовъ; причину ненормальнаго, нестерпимаго положенія дѣлъ оно видитъ въ существующемъ способѣ взысканія земскаго сбора. Неужели оно не можетъ заявить объ этомъ высшему правительству, потому что измѣненіе въ порядкѣ взысканія, еслибы оно было признано необходимымъ, должно было бы распространиться одинаково на всѣ земства?.. Сборъ съ недвижимыхъ имуществъ становится, въ данномъ уѣздѣ, все тяжелѣе и тяжелѣе, а земскіе расходы продолжаютъ рости; неужели земство не въ правѣ просить объ увеличеніи числа предметовъ земскаго обложенія, такъ какъ и эта мѣра не можетъ ограничиться одною мѣстностью? „Московскія Вѣдомости" приказываютъ думать, что обложенію на мѣстныя потребности подлежатъ *только* недвижимыя имущества—но нельзя же вѣрить газетѣ больше, чѣмъ закону, нельзя же забыть, что къ платежу земскаго сбора привлекаются уже и теперь, рядомъ съ недвижимостью, промышленныя заведенія, купеческія свидѣтельства, патенты и т. п... Сдача земству—безъ залоговъ, которыхъ ему неоткуда взять—казеннаго подряда могло бы поднять мѣстную кустарную промышленность. Основываясь на этомъ, земство проситъ объ изъятіи изъ существующихъ узаконеній о подрядахъ— и, конечно, остается въ сферѣ дѣйствій земскихъ учрежденій, хотя изъятіе, установленное въ пользу одного земства, непремѣнно распространилось бы и на другія. Законно, однимъ словомъ, всякое земское ходатайство, мотивированное дѣйствительными интересами губерніи или уѣзда, хотя бы огражденіе этихъ интересовъ и не могло

быть достигнуто путемъ частныхъ административныхъ распоряженій, хотя бы оно и требовало пересмотра того или другого общаго закона. Допустимъ, однако, что мы ошибаемся, что понятіе о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ должно быть заключено въ болѣе тѣсные предѣлы; отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы всякое ходатайство, выступающее изъ этихъ предѣловъ, нóсило на себѣ „политическій характеръ". Ничего „политическаго", даже съ самымъ сильнымъ увеличительнымъ стекломъ, нельзя отыскать ни въ выборѣ предметовъ земскаго обложенія, ни въ способѣ взысканія земскихъ сборовъ, ни въ земскихъ подрядахъ, ни въ „попечительныхъ съѣздахъ для обсужденія вопросовъ по народному образованію", ни въ другихъ предметахъ земскихъ ходатайствъ, перечисленныхъ „Московскими Вѣдомостями". Можно находить, что земству не слѣдовало касаться „уменьшенія числа предметовъ гимназическаго преподаванія", установленія для всѣхъ гимназій „однообразныхъ учебниковъ и программъ",—но отъ отдѣльныхъ, частныхъ ошибокъ (во всякомъ случаѣ весьма рѣдкихъ) еще далеко до обдуманнаго и намѣреннаго вторженія въ политическую область. Остается, затѣмъ, „конституціонная сатурналія" 1879 — 81 г.; но мы имѣли уже случай замѣтить, что стремленія, означаемыя этимъ именемъ, проникали не въ одну только земскую сферу. Если выводить изъ нихъ „политическій характеръ" земства, то придется признать тотъ же характеръ и за дворянствомъ—а это не входитъ, конечно, въ планы „Московскихъ Вѣдомостей". *Характеръ* учрежденія долженъ быть опредѣляемъ на основаніи его нормальной дѣятельности, а не на основаніи тѣхъ исключительныхъ минутъ, когда обстоятельства внезапно и случайно призываютъ его къ роли, ему не предназначенной.

Другая серія доводовъ, подтверждающихъ „политическій характеръ" земскихъ и судебныхъ учрежденій, заимствуется „Московскими Вѣдомостями" изъ общей исторіи шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ. Разсмотримъ только тѣ изъ нихъ, которые относятся къ „правящимъ сферамъ"; наличность „либеральныхъ" и даже радикальныхъ стремленій въ средѣ русскаго *общества* мы никогда не отрицали, и наши противники берутъ на себя совершенно напрасный трудъ, когда напоминаютъ намъ объ увлеченіяхъ „Колоколомъ", романомъ: „Чтó дѣлать", автономіей царства польскаго и т. п. Еслибы намъ пришлось обсуждать *причины, размѣры и свойство* этихъ увлеченій, мы навѣрное разошлись бы съ московской газетой; но *существованіе* ихъ мы признаемъ вполнѣ, отказываясь только объяснять ими преобразовательную дѣятельность правительства. Чтó такое „политическій либерализмъ", участіе котораго въ реформахъ шестидесятыхъ годовъ составляетъ предметъ спора между нами и нашими против-

никами? Если называть этимъ именемъ всякое стремленіе впередъ, къ новымъ, болѣе совершеннымъ формамъ внутренняго управленія и общественной жизни—къ гласности и устности въ области суда, къ смягченію наказаній, къ ограниченію бюрократическаго всевластія, къ расширенію гражданской свободы,—то „либералами" несомнѣнно были многіе изъ государственныхъ людей эпохи реформъ, и примѣръ „либерализма" подавался имъ сверху; но мы имѣли въ виду тенденціи совершенно другого рода, и намъ казалось, что о нихъ же говорятъ и „Московскія Вѣдомости". Составители земскаго положенія и земскихъ судебныхъ уставовъ обвинялись не въ чемъ иномъ, какъ въ поклоненіи „народовластію", въ намѣреніи „упразднить" правительство, въ приверженности къ „представительному образу правленія". Вотъ этого-то „политическаго либерализма" мы не видѣли и не видимъ въ „правящихъ сферахъ" шестидесятыхъ годовъ. Теперь наши противники усвоили себѣ другую тактику. Они отождествляютъ „политическій либерализмъ" съ защитою различныхъ „автономій"—университетской, судебной, земской, городской. „Приверженцы народовластія,—говоритъ московская газета (№ 332),—несомнѣнно были въ коммиссіяхъ, составлявшихъ проекты какъ крестьянскаго самоуправленія, такъ въ особенности земскаго и судебнаго преобразованія, точно также какъ сторонники *политической* (!) автономіи университетовъ, не имѣющей ничего общаго съ ихъ учебными задачами, не могли не быть въ числѣ составителей университетскаго устава 1863 года, а сторонники городской *политической* (!) автономіи—въ числѣ руководителей послѣдовавшей позже городовой реформы". Не мудрено, что съ этой точки зрѣнія участіе въ редакціи университетскаго устава является однимъ изъ доказательствъ „политическаго либерализма" А. В. Головнина, который, вдобавокъ, „энергически поддерживалъ вмѣстѣ съ княземъ А. Д. Горчаковымъ, проектъ конституціонной автономіи Польши". Другіе министры и члены государственнаго совѣта, которыхъ даже этимъ окольнымъ путемъ нельзя зачислить въ категорію „либераловъ" (напр. Д. Н. Замятнинъ), выставляются слѣпыми орудіями своихъ подчиненныхъ. Несостоятельность такого объясненія слишкомъ очевидна. Канцеляріи или коммиссіи могутъ, пожалуй, представить невѣрную справку, скрыть то или другое фактическое обстоятельство; но отсюда еще далеко до заговора, существующаго чуть не десять лѣтъ, обнимающаго нѣсколько вѣдомствъ—и никѣмъ не раскрываемаго, удачно заканчивающаго свое дѣло!

Прежде, чѣмъ идти дальше, необходимо устранить еще одно недоразумѣніе. „Политическій характеръ" суда присяжныхъ можетъ быть выводимъ изъ того, что во многихъ нѣмецкихъ государствахъ

онъ былъ введенъ послѣ и вслѣдствіе февральской революціи [1]). Для такого вывода нѣтъ правильныхъ основаній. Судебные порядки, существовавшіе до 1848 г. въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи, въ Ганноверѣ, въ Виртембергѣ давно уже требовали обновленія. Неудобства ихъ чувствовались, между прочимъ, и во время политическихъ преслѣдованій, которыхъ въ Германіи двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ было немало. Понятно, что измѣненіе этихъ порядковъ было однимъ изъ лозунговъ либеральной партіи и однимъ изъ пріобрѣтеній смутнаго времени. Но развѣ это значитъ, что перемѣны къ лучшему всегда слѣдуетъ откладывать до послѣдней минуты, или что признаніе ихъ необходимости составляетъ, само по себѣ, актъ революціонный? Вѣдь и освобожденіе крестьянъ совершилось или закончилось кое-гдѣ (напр. въ Австріи) подъ вліяніемъ февральскихъ событій—а никто не станетъ относить его, изъ-за этого, къ области *политическаго* либерализма. Судъ присяжныхъ, со всѣми аттрибутами французскаго судопроизводства, существовалъ въ рейнской провинціи больше тридцати лѣтъ до 1848 года, служа живымъ доказательствомъ тому, что эта форма суда вполнѣ возможна и въ самодержавномъ государствѣ. Не коснулась суда присяжныхъ и реакція, восторжествовавшая въ Германіи послѣ 1850 г. У насъ въ Россіи о „политическомъ характерѣ" суда присяжныхъ не можетъ быть рѣчи и потому, что онъ съ самаго начала не былъ распространенъ ни на государственныя преступленія, ни на проступки печати—а между тѣмъ только изъ-за этихъ дѣлъ и происходила вокругъ него, въ западной Европѣ, настоящая политическая борьба, только изъ-за нихъ онъ входилъ въ *политическую* програму либеральныхъ партій.

Итакъ, въ эпоху составленія земскаго положенія и судебныхъ уставовъ можно было быть сознательнымъ и убѣжденнымъ ихъ сторонникомъ, не будучи „политическимъ либераломъ"; въ эти законодательные акты не внесено, сознательно и намѣренно, ничего несовмѣстнаго съ существовавшимъ у насъ тогда и существующимъ теперь государственнымъ строемъ. Но, можетъ быть, двадцать-пять лѣтъ тому назадъ былъ сдѣланъ цѣлый рядъ ошибокъ, обнаруженныхъ опытомъ и настоятельно требующихъ исправленія? Наши читатели знаютъ, что мы стоимъ за отрицательное разрѣшеніе этого вопроса; мы думаемъ, что независимый, *до извѣстной степени*, судъ и самостоятельное, *до извѣстной степени* [2]), мѣстное самоуправленіе

---

[1]) На это дѣйствительно и указываютъ „Московскія Вѣдомости" въ одномъ изъ позднѣйшихъ возраженій нашему журналу (№ 343).

[2]) „Московскимъ Вѣдомостямъ" кажется, что оговорка: *до извѣстной степени*, „не имѣетъ по своей неопредѣленности никакого значенія" и употреблена нами

могутъ существовать и въ самодержавномъ государствѣ, и основываемъ наше мнѣніе на указаніяхъ исторіи, русской и западно-европейской. На эту почву слѣдуютъ за нами и наши противники. Въ русской исторіи они не находятъ ничего подтверждающаго нашу тэму; имъ кажется, что мы сами чувствуемъ здѣсь свою слабость, и именно потому говоримъ такъ мало о нашемъ прошедшемъ. Судебные уставы, самоуправленіе крестьянское, земское и городское—все это, съ точки зрѣнія „Московскихъ Вѣдомостей", не имѣетъ никакихъ корней въ до-петровской Россіи. Ошибочно и невѣрно, слѣдовательно, было заявленіе московскихъ старообрядцевъ, обратившихся къ покойному Государю, въ 1863 г., съ знаменитыми словами: „въ новизнахъ Твоего царствованія старина наша слышится"? А вѣдь авторомъ адреса, въ которомъ заключались эти слова, былъ не кто другой, какъ М. Н. Катковъ [1]). Напрасно ученики забываютъ завѣтъ учителя; его устами, въ данномъ случаѣ, говорила сама истина. Аналогія между нѣкоторыми древне-русскими учрежденіями и реформами Александра II-го такъ несомнѣнна, что мы считали излишнимъ говорить о ней подробно. Теперь, въ виду вызова „Московскихъ Вѣдомостей", мы должны посвятить нѣсколько больше мѣста этому неблагодарному труду. По словамъ московской газеты, „излюбленные люди", на которыхъ мы сослались, „были предназначены для суда и расправы лишь сельскаго сословія и находились въ полной зависимости даже не отъ государя, а отъ намѣстниковъ и воеводъ". А вотъ что̀ мы читаемъ по этому поводу у Костомарова („Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей", изд. 2, т. I, стр. 427 и слѣд.): „являются (при Иванѣ Грозномъ) двѣ отличныя, хотя взаимно дѣйствующія стихіи: государство и земщина. Дѣло можетъ быть государское, но можетъ быть и земское... Въ судебникѣ ощутительны два источника судопроизводства: государственный и земскій... Рядомъ съ государственнымъ судебнымъ механизмомъ существовалъ другой, выборный, народный. Представителями послѣдняго были въ городахъ городовые приказчики и дворскіе, а въ волостяхъ—старосты и цѣловальники. Старосты были двоякаго рода: выборные полицейскіе и выборные судебные... Важныя уголовныя дѣла подлежали особымъ лицамъ—губнымъ старостамъ, *избраннымъ всѣмъ уѣздомъ* изъ дѣтей боярскихъ. Власть ихъ была велика, и *всѣ равно должны были подчиняться ихъ суду*... Выборные судьи

„лишь для смягченія формы, въ которую облечено существо содержанія" (?!). Это не такъ: смыслъ сдѣланной нами оговорки подробно объясненъ въ томъ же обозрѣніи (ноябрь 1888 г., стр. 414). Не можемъ же мы признавать, вопреки очевидности, что нашъ судъ *совершенно* независимъ, наше земство *совершенно* самостоятельно.

[1]) См. книгу г. Невѣденскаго: „Катковъ и его время", стр. 179.

могли посылать приставовъ за людьми намѣстниковъ и волостелей, и еслибы намѣстники и волостели взяли кого-либо подъ стражу и заковали, не заявивши о томъ выборнымъ судьямъ, послѣдніе имѣли право силою освободить арестованныхъ. *Только служилые государевы люди подлежали одному суду намѣстниковъ и волостелей*... Законодатели, составляя судебникъ, имѣли въ виду постепенно устранить земство отъ суда намѣстниковъ и волостелей... Чтó намѣчено было судебникомъ, то продолжали и доканчивали уставныя грамоты того времени. Судебникъ пока только вводилъ двоесудіе; *уставныя грамоты дали перевѣсъ въ судѣ выборному началу*. Это доказывается исторіей уставныхъ грамотъ". Изложивъ содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ, Костомаровъ продолжаетъ: „въ 1555 г. эта мѣра (замѣна двоесудія однимъ выборнымъ судомъ) сдѣлалась всеобщей, какъ показываетъ одна грамота того времени, въ которой говорится, что правительство совсѣмъ изъяло посадскихъ и волостныхъ людей отъ суда намѣстниковъ и волостелей, предоставивъ имъ выбрать излюбленныхъ старостъ. Впослѣдствіи мы опять встрѣчаемъ признаки строя, противнаго этому нововведенію, изъ чего слѣдуетъ заключить, что распространеніе выборнаго самосуда не на долгое время принялось въ своей полнотѣ, хотя измѣненные признаки его видимы и позже того, даже въ XVII столѣтіи". Нужны ли еще какія-либо доказательства тому, что выборные люди, по мысли Ивана Грознаго, должны были творить судъ не надъ одними крестьянами и состоять внѣ всякой зависимости отъ слугъ государевыхъ?.. Порядокъ, созданный въ пятидесятыхъ годахъ XVI вѣка, осуществился не вполнѣ и продержался недолго—но это ничуть не измѣняетъ ни его основной мысли, ни значенія его въ занимающемъ насъ вопросѣ. Его корни лежали глубоко въ русской старинѣ, въ „старыхъ земскихъ преданіяхъ, подавленныхъ предшествовавшими обстоятельствами, но еще не совершенно исчезнувшихъ изъ народной жизни". „Тогдашнее земское самоуправленіе,—говоритъ Костомаровъ,—было не чѣмъ-нибудь новымъ, а старымъ, существовавшимъ прежде повсюду и долѣе сохранявшимся въ земляхъ новгородской и псковской".

Ссылку нашу на примѣръ западно-европейскихъ самодержавныхъ государствъ, обладавшихъ независимыми и самостоятельными учрежденіями, „Московскія Вѣдомости" стараются опровергнуть указаніемъ на глубокое различіе между самодержавіемъ въ Россіи и самодержавіемъ на Западѣ. „Въ основаніи государствъ Запада,—говоритъ московская газета,—легли не добровольное призваніе и не всеобщее признаніе, но завоеваніе цивилизованныхъ провинцій римской имперіи; не родовой бытъ, а феодализмъ; не построенные князьями на скорую руку города, а римскія, вполнѣ организованныя и значитель-

ныя по торговлѣ муниципіи... Государь на Западѣ былъ очень долго только феодальнымъ сюзереномъ, находившимся въ борьбѣ съ организованными союзами городовъ, феодальныхъ господъ и церкви. Если государи и восторжествовали въ нѣкоторыхъ странахъ надъ феодализмомъ и церковью, то безграничная власть ихъ имѣла характеръ *личный*, а вовсе не тотъ органическій характеръ, который, безъ всякой борьбы, усвоило себѣ послѣ удѣловъ русское самодержавіе". На Западѣ даже деспотическіе государи „не имѣли силы кореннымъ образомъ измѣнить издавна сложившійся организмъ; корпораціи сохраняли свои политическія права, но пока царствовали энергическіе, всевластные государи, онѣ не могли пользоваться ими"... Деспотизмъ,—читаемъ мы дальше,—„приносилъ нерѣдко пользу; Людовикъ XI, Людовикъ XIV, Фридрихъ Великій и его отецъ и оба Наполеона объединяли и на нѣкоторое время успокоивали государство внутри; тѣмъ не менѣе ихъ безграничная власть была случайная, личная, не по праву, почему и не имѣла той прочности, какъ самодержавіе въ Россіи. Прусскій законъ (о городскомъ самоуправленіи), изданный въ 1808 г., лишь видоизмѣнилъ древнія городскія привилегіи, служа преддверіемъ къ обѣщанію короля дать странѣ конституцію,—обѣщанію не добровольному, но вынужденному". „Въ западной Европѣ, — таковъ окончательный выводъ „Московскихъ Вѣдомостей",—никогда не было того самодержавія, которое развилось лишь въ Россіи, какъ національный, правовой институтъ, то-есть какъ верховная власть, легально не ограниченная ни сословіями, ни мѣстными автономіями".

Итакъ, русское самодержавіе—утверждаютъ „Московскія Вѣдомости" — есть институтъ единственный въ своемъ родѣ; ничего подобнаго никогда не было ни въ одномъ европейскомъ государствѣ. Безусловно новою эту мысль назвать нельзя; мы встрѣчались уже съ нею, напримѣръ, въ „Системѣ русскаго государственнаго права" г. Романовича-Славатинскаго—и тогда же выставили на видъ всю ея односторонность [1]). Характеристическія черты самодержавія всегда и вездѣ однѣ и тѣ же; иначе оно не могло бы и составлять особую форму правленія, ясно отличающуюся отъ другихъ, наиболѣе къ ней близкихъ. До крайности разнообразны могутъ быть историческія судьбы самодержавія, и онѣ не могутъ не отражаться, въ бóльшей или меньшей степени, на тѣхъ или другихъ его свойствахъ; но вѣдь то же самое слѣдуетъ сказать и объ остальныхъ образахъ правленія. Римская аристократія во многомъ отлична отъ венеціанской, аѳинская демократія—отъ американской; но это

---

[1]) См. Литературное Обозрѣніе въ № 6 „В. Европы" за 1886 г.

ичіе не исключаетъ сходства, въ силу котораго мы въ правѣ го-
ить объ аристократической формѣ правленія въ республиканскомъ
ѣ, какъ и въ средневѣковой Венеціи, о демократической — въ
икловыхъ Аѳинахъ, какъ и въ Новой Англіи XVII-го вѣка. На-
:но московская газета старается найти формулу, подъ которую
подошло развитіе самодержавія во всѣхъ западно-европейскихъ
дарствахъ. Самодержавіе Гогенцоллерновъ было основано не на
еваніи „цивилизованныхъ провинцій римской имперіи"; въ Бран-
5ургѣ не было „римскихъ вполнѣ организованныхъ муниципій";
Испаніи не былъ развитъ феодализмъ. Съ другой стороны, и въ
вней Россіи верховной власти приходилось считаться и съ „авто-
іями" (Новгородъ, Псковъ), и съ „союзами". Не даромъ же
и „Московскія Вѣдомости", говоря объ „органическомъ ха-
герѣ" русскаго самодержавія, дѣлаютъ оговорку, что этотъ ха-
теръ оно усвоило себѣ, безъ борьбы, только *послѣ удѣловъ*,
. послѣ борьбы. Да и въ послѣ-удѣльное время верховная
сть не сразу стала тѣмъ, чѣмъ мы видимъ ее къ концу мо-
скаго и началу петербургскаго періода. Говоря, въ „Боярской
ѣ", о той переходной эпохѣ, когда бывшіе удѣльные князья обра-
нсь въ московскихъ бояръ, г. Ключевскій высказываетъ мнѣніе,
боярская дума считала себя въ правѣ руководить, вмѣстѣ съ
даремъ, центральнымъ и областнымъ управленіемъ — и въ тогдаш-
ъ правительственныхъ понятіяхъ не было ничего несовмѣстнаго
такими притязаніями. „Московскій государь имѣлъ обширную
сть надъ лицами, но не надъ порядкомъ, не потому, что у него
было матеріальныхъ средствъ владѣть и порядкомъ, а потому, что
кругу его политическихъ представленій не было самой идеи о
южности и надобности распоряжаться порядкомъ, какъ лицами".
да эти патріархальныя отношенія пошатнулись, въ боярской средѣ
вились новыя тенденціи, не прекращавшіяся до половины или
да XVII-го вѣка. Итакъ, развитіе самодержавія несомнѣнно встрѣ-
› и у насъ затрудненія и преграды—меньшія, правда, чѣмъ на
адѣ, и во многомъ совершенно своеобразныя; но различіе, коли-
венное и даже качественное—не то же самое, что прямая проти-
воложность... Какъ бы то ни было, въ концѣ XVII-го и началѣ
II-го вѣка самодержавіе, на континентѣ Европы, было явленіемъ
ъ же „органическимъ", какъ и у насъ въ Россіи. Ни во Франціи,
въ Пруссіи, ни въ большинствѣ мелкихъ нѣмецкихъ государствъ
не было „легально ограничено" ни „сословіями", ни „мѣстными
номіями". Провинціальные штаты въ нѣкоторыхъ французскихъ
стяхъ (pays d'états), провинціальные чины въ Бранденбургѣ или
ой Пруссіи ни въ чемъ существенномъ не стѣсняли власть короля,—

—не стѣсняли ее, замѣтимъ, не только de facto, но и de jure. „Центральная власть, — говоритъ Токвиль („l'Ancien régime et la révolution", appendice)—пользовалась въ Лангедокѣ [1]) тѣми же политическими правами, которыя были признаны за нею повсемѣстно; законы, общіе регламенты, административныя мѣры примѣнялись здѣсь, какъ и вездѣ, и управленіе провинціей, какъ и всѣми другими, принадлежало интенданту". Если Людовикъ XIV не уничтожилъ парламентовъ, не отмѣнилъ остатковъ самоуправленія въ Лангедокѣ и Бретани, если Фридрихъ-Вильгельмъ I и Фридрихъ II не положили конецъ сословнымъ провинціальнымъ собраніямъ [2]), то, конечно, не потому, чтобы имъ „недоставало силы" для такихъ „измѣненій издавна сложившагося организма", а просто потому, что они считали это ненужнымъ; власть ихъ и безъ того была неограниченна—и, будучи неограниченной, была, по крайней мѣрѣ въ идеѣ, именно самодержавной, а не деспотической. Различіе между деспотизмомъ и самодержавіемъ заключается въ томъ, что послѣднее руководствуется законами, не существующими для перваго. Въ основаніи управленія Франціей при Людовикѣ XIV, Пруссіей—при Фридрихѣ II-мъ несомнѣнно лежалъ законъ, твердый и опредѣленный. Бывали, конечно, случаи, въ которыхъ короли дѣйствовали помимо закона или вопреки закону, дѣйствовали деспотически (въ царствованіе Фридриха II это являлось впрочемъ, довольно рѣдкимъ исключеніемъ)—но этимъ не измѣнялся характеръ королевской власти. Это не былъ характеръ *личный*, потому что онъ сохранялся при переходѣ престола отъ монарха къ монарху, отъ династіи къ династіи; это не былъ характеръ *случайный*, потому что онъ служилъ результатомъ долгаго, непрерывнаго историческаго процесса; это не былъ характеръ *безправный*, потому что фундаментомъ власти было всеобщее признаніе ея со стороны общества и народа. Кто сомнѣвался въ полнотѣ монархическихъ правъ Людовика XIV-го или Фридриха II-го? Развѣ ихъ авторитетъ поддерживался только принужденіемъ и страхомъ? Развѣ подъ знаменитой фразой Людовика XIV: l'État, c'est moi, не было готово подписаться громадное большинство его подданныхъ?.. Московская газета ставитъ обоихъ Наполеоновъ на одинъ уровень съ Людовикомъ XI и Людовикомъ XIV, съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ I и Фридрихомъ II. Болѣе вопіющей несообразности нельзя себѣ и представить!!.. Узурпаціонная по своему источнику, ограниченная по буквѣ

[1]) Лангедокъ и Бретань были единственными провинціями старой Франціи, въ которыхъ сохранились слѣды провинціальной свободы.

[2]) Въ Пруссіи, впрочемъ, были уничтожены, въ разное время, три изъ числа этихъ собраній, оказавшіяся неудобными для короны: силезское, западно-прусское и мюнстерское (Трейтшке, I, 43).

конституціи, безпредѣльная (по крайней мѣрѣ въ рукахъ Наполеона I) только въ силу обстоятельствъ и личныхъ свойствъ ея носителя, власть обоихъ императоровъ составляетъ яркій контрастъ съ легальною, неограниченною, никѣмъ неоспариваемою властью Бурбоновъ или Гогенцоллерновъ XVII-го и XVIII-го вѣка. Въ Пруссіи королевская власть оставалась такою и въ началѣ XIX-го столѣтія, и мы рѣшительно не видимъ причины, почему Фридриха-Вильгельма III, въ 1808 г. [1]), слѣдовало бы считать „далеко не самодержавнымъ". Никто не заставлялъ его вступить на путь реформъ; его побуждала къ тому только непреодолимая сила фактовъ, отъ дѣйствія которой не изъята ни одна власть въ мірѣ. Обѣщаніе центральнаго представительства, данное 22-го мая 1815 г., не было вынуждено даже обстоятельствами; въ минуту его обнародованія всѣ критическіе вопросы были порѣшены, и хотя предстояла еще послѣдняя борьба съ Наполеономъ, но за ея исходъ ручались громадныя силы, двинутыя коалиціей къ французской границѣ. Замѣтимъ, мимоходомъ, что обѣщанное 22-го мая не было *конституціей* въ собственномъ смыслѣ этого слова. Созывая, въ 1847 г., соединенный ландтагъ, Фридрихъ-Вильгельмъ IV считалъ себя исполняющимъ обѣщаніе своего отца—и все-таки утверждалъ, что никогда „исписанный листъ бумаги" не станетъ между королемъ и народомъ... Послѣ преобразованій Штейна и Гарденберга, послѣ рескрипта 22-го мая 1815 г. Фридрихъ-Вильгельмъ III сохранялъ за собою всю полноту самодержавной власти и передалъ ее въ томъ же видѣ своему сыну; это написано на каждой страницѣ прусской исторіи съ 1808 по 1847 г.

Если Франція—до 1789 г., Пруссія—до 1847 г. были самодержавными государствами, то заключеніе, выведенное нами изъ ихъ исторіи, остается непоколебленнымъ. Мы по прежнему убѣждены, что оно согласно и съ теоретическими понятіями о самодержавіи. Опредѣленіе этой формы правленія вытекаетъ само собою изъ всего сказаннаго нами до сихъ поръ. Самодержавіе—это власть, ничѣмъ не ограниченная, кромѣ законовъ, отъ нея же исходящихъ. Мы считаемъ себя въ правѣ думать, что не таково мнѣніе нашихъ противниковъ. „Для самодержавія,—такъ формулировали мы взглядъ газеты, ведущій къ отрицанію независимаго суда и самостоятельнаго земства,—все возможно, и притомъ возможно въ каждую данную минуту, безъ малѣйшаго замедленія, безъ малѣйшей препоны или преграды. Чего монархъ не можетъ исполнить лично, то должно быть исполнено

[1]) Введеніе городского самоуправленія никакъ нельзя считать простымъ „видоизмѣненіемъ древнихъ городскихъ привилегій", принадлежавшихъ, большею частью, одной лишь небольшой группѣ городскихъ патриціевъ. Трейтшке совершенно правъ, придавая реформѣ Штейна совершенно другое, болѣе глубокое значеніе.

исключительно органами его власти, полномочія которыхъ, идущія исключительно сверху, также могутъ быть увеличены, уменьшены или взяты назадъ въ каждую данную минуту". Московская газета отказывается признать этотъ взглядъ за нѣчто ей принадлежащее; она увѣряетъ, что ничего подобнаго не высказывалось ни ею, ни „сочувствующею ей частью публики и печати". Мы готовы видѣть въ этихъ словахъ отреченіе отъ прежней ереси, но никакъ не можемъ признать, чтобы ересь никогда не существовала. Вотъ что было напечатано въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" три года тому назадъ (въ ноябрѣ 1885 г.), при жизни М. Н. Каткова: „*судебные, какъ и всякіе уставы, не для верховной власти писаны.* Они даются ею для подвластныхъ ей властей. Русскій самодержецъ можетъ, *не стѣсняясь никакими формальностями*, не нуждаясь ни въ какомъ уставѣ, поправлять всякую несправедливость и пресѣкать всякое зло; для него нѣтъ ни судей несмѣняемыхъ, ни судебныхъ рѣшеній неотмѣнимыхъ". Чѣмъ эти слова, цѣнныя именно своею откровенностью, отличаются отъ формулы, отрицаемой теперь московской газетой? Развѣ воззрѣніе, признающее законъ, изданный самимъ монархомъ, писаннымъ не для монарха, не совпадаетъ съ тѣмъ, по которому для самодержавія „все возможно, и притомъ возможно въ каждую данную минуту"? Вполнѣ ли, притомъ, московская газета порвала связь съ завѣтомъ своего прежняго вдохновителя? Развѣ враждебное отношеніе газеты къ выборному началу, т.-е. къ полномочіямъ, идущимъ снизу, не проистекаетъ именно изъ тѣхъ ея представленій о верховной власти, противъ которыхъ мы возставали въ ноябрьскомъ Внутреннемъ Обозрѣніи? Только этимъ представленіямъ газеты, а отнюдь не существу самодержавія противорѣчатъ неприкосновенность окончательныхъ судебныхъ рѣшеній, несмѣняемость судей, свобода избранія земскихъ и городскихъ гласныхъ, самостоятельность мѣстнаго самоуправленія.

Весьма своеобразно понята московскою газетой наша мысль о томъ, что особенно желательны независимыя учрежденія именно въ Россіи. Мотивировали мы эту мысль, между прочимъ, слабымъ развитіемъ у насъ гласности и общественной жизни. „Московскія Вѣдомости" заключаютъ отсюда, что мы хотимъ создать на земской и судебной почвѣ „парламентскую трибуну", для обсужденія злоупотребленій и неправильныхъ дѣйствій должностныхъ лицъ! Онѣ не хотятъ видѣть, что всѣ явленія общественной жизни тѣсно связаны между собою. Общество, дѣятельно участвующее въ судѣ и въ мѣстномъ самоуправленіи, не можетъ быть вполнѣ апатично, вполнѣ равнодушно къ общимъ интересамъ. Оно пріучается мыслить и говорить, оно перестаетъ быть безстрастнымъ и безмолвнымъ свидѣтелемъ тор-

вующей неправды. Оно понимаетъ, что дѣло одного или немно- › сплошь и рядомъ является дѣломъ всѣхъ и каждаго. Иначе, дствіе этого, начинаютъ относиться къ своимъ задачамъ и судьи, угія должностныя лица, чувствующія надъ собою силу обществен- контроля... Выборныя учрежденія всегда болѣе доступны для ики, чѣмъ всѣ остальныя; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ ко припомнить, что̀ и *какъ* пишется теперь о земствѣ и о городъ общественномъ управленіи, сравнительно съ „казенными" при- твенными мѣстами. Нужно ли доказывать, наконецъ, всю важь независимаго суда, какъ школы законности и уваженія къ праву? ь меньше то и другое распространено въ обществѣ, тѣмъ драго- ѣе судъ, произносящій свои рѣшенія по убѣжденію и совѣсти ι bestem Wissen und Gewissen) и отвѣчающій за нихъ только дъ закономъ. Настаивать на этихъ элементарныхъ истинахъ мы али излишнимъ, но приходится, по-неволѣ, противопоставлять измышленіямъ реакціонной прессы... Еще одно, послѣднее замѣ- :. Мы указывали на то, что изъ несовмѣстимости съ русскимъ царственнымъ строемъ выборныхъ земскихъ дѣятелей, мировыхъ і и присяжныхъ засѣдателей вытекала бы, какъ логическій вы- , несовмѣстимость съ нимъ и выборныхъ предводителей дво- тва. „Московскія Вѣдомости" возражаютъ на это, что „выборъ водителей довѣренъ дворянству, какъ первенствующему служи- сословію въ государствѣ, и притомъ они служатъ безвозмездно". же отсюда слѣдуетъ? Развѣ безвозмездность служенія и сослов- его характеръ устраняютъ происхожденіе предводительскихъ омочій снизу, отъ избирателей? Правда, предводители утверж- ся въ должности,—но утверждаются, въ томъ же порядкѣ, и цскіе головы, и предсѣдатели земскихъ управъ. Предводители атъ безвозмездно; но безвозмездно исполняютъ свои обязанности исяжные засѣдатели, и члены городскихъ думъ и земскихъ со- ій. Какъ reductio ad absurdum оспариваемаго нами мнѣнія, ссылка редводителей дворянства сохраняетъ, поэтому, всю свою силу. ва слова о полемическихъ пріемахъ „Московскихъ Вѣдомостей". протестовали противъ ихъ тенденціи „читать въ мысляхъ", скивать намѣренія лицъ, съ ними несогласныхъ, считать *всякую* ту земскаго положенія и судебныхъ уставовъ доказательствомъ итическаго либерализма". Московская газета усматриваетъ въ ь протестѣ попытку принудить (!) ее къ молчанію и вмѣстѣ съ получить отъ нея свидѣтельство о нашей „благонадежности"!.. іера прибѣгать къ обвиненію противниковъ въ политическихъ сахъ,—читаемъ мы въ передовой статьѣ № 328,—возникла у въ лагерѣ радикаловъ и нигилистовъ еще въ началѣ шести-

десятыхъ годовъ... Насъ не сконфузятъ подобныя инсинуаціи *Вѣстника Европы*, и онъ не наложитъ на насъ цензурной узды (!) въ интересѣ своихъ публицистовъ. Доктрины этого журнала мы всегда признавали и признаемъ не только логически несостоятельными, но и вредными. Но мы не шли далѣе доктринъ и ихъ осуществленія, не касались *лично* публицистовъ и редакторовъ *Вѣстника Европы*, не изслѣдовали ихъ *дѣйствій*, а потому и вопроса объ ихъ личной благонадежности мы не затрогивали и не намѣрены трогать. Благонадежность—свойство личное, активное; она проявляется въ дѣятельности индивидуальной и обнаруживается не въ публичной печати, при обсужденіи общихъ вопросовъ, но полиціей, къ которой мы и предлагаемъ обратиться публицистамъ *Вѣстника Европы*, чтобы компетентно разрѣшить вопросъ о томъ: благонадежны они или нѣтъ?" Благодаримъ за добрый совѣтъ—но мнѣніемъ полиціи о нашей дѣятельности мы интересовались и интересуемся столь же мало, какъ и мнѣніемъ „Московскихъ Вѣдомостей". Не о нашей личной благонадежности мы думали и говорили. Статьи московской газеты, вызвавшія наше возраженіе, были направлены не спеціально противъ „Вѣстника Европы", а противъ всѣхъ участниковъ и защитниковъ земской и судебной реформы. Насъ возмутила безцеремонность, съ которою искажалась истина, заподозривались не только люди, но и учрежденія, заподозривались для того, чтобы вѣрнѣе достигнуть заранѣе намѣченной цѣли. До „политическаго доноса" дѣло, со стороны московской газеты, не доходило, потому что никто въ отдѣльности не обвинялся, прямо и открыто, въ государственномъ преступленіи, — но было нѣчто весьма близкое къ нему, потому что цѣлымъ группамъ лицъ, повинныхъ только въ несочувствіи къ извѣстнымъ законопроектамъ, приписывались „антигосударственные или по-просту *измѣнническіе* виды". Само собою разумѣется, что мы не надѣялись пробудить въ нашихъ противникахъ утраченныя ими чувства; мы очень хорошо знали, что они не остановятся на полъ-дорогѣ, — но мы не могли пройти молчаніемъ систему дѣйствій, безъ того уже слишкомъ рѣдко вызывающую осужденіе.

12-го (24-го) декабря скончался въ Ниццѣ графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ—одинъ изъ тѣхъ замѣчательныхъ государственныхъ людей, настоящее значеніе которыхъ можетъ быть оцѣнено вполнѣ только исторіей. Нашимъ читателямъ давно извѣстно мнѣніе „Вѣстника Европы" о „диктатурѣ сердца", объ „эпохѣ новыхъ вѣяній"; мы выражали его много разъ, отвѣчая на ретроспективныя напа-

денія газетъ, въ свое время безмолвствовавшихъ или поклонявшихся тому, что̀ передъ тѣмъ онѣ же сожигали. Ограничимся теперь однимъ напоминаніемъ о томъ, что̀ было сказано нами вслѣдъ за удаленіемъ отъ дѣлъ гр. Лорисъ-Меликова [1]). „Въ промежутокъ времени, истекшій съ февраля 1880 по май 1881 г., сдѣлано, закончено—сравнительно немногое, но это и не могло быть иначе, въ виду обстоятельствъ, при которыхъ началась и продолжалась новая эра. Предшествующій періодъ не завѣщалъ ей никакихъ подготовительныхъ трудовъ, никакихъ реформъ, близкихъ къ осуществленію; единственнымъ его наслѣдствомъ была масса затрудненій, которыя необходимо было устранить, прежде чѣмъ приняться за болѣе благодарную работу. При такихъ условіяхъ существенно важную заслугу слѣдуетъ видѣть уже въ одной правильной постановкѣ вопросовъ, въ одномъ вѣрномъ указаніи цѣлей, къ которымъ слѣдуетъ стремиться, и средствъ, съ помощью которыхъ онѣ могутъ быть достигнуты. Реакція, господствовавшая, съ бо̀льшей или меньшей силой, цѣлыхъ четырнадцать лѣтъ (1866—1880 гг.), привела къ двумъ главнымъ результатамъ: она ухудшила экономическое положеніе народа и извратила умственную жизнь общества. Сообразно съ этимъ, поправить дѣло можно было только одновременной работой въ двухъ направленіяхъ, тѣсно связанныхъ между собою. Принять мѣры къ поднятію народнаго благосостоянія, оставляя общество—безгласнымъ, мысль—зависимою отъ произвола, земство—безсильнымъ и забитымъ, значило бы обречь эти мѣры, въ лучшемъ случаѣ, на полу-успѣхъ. Увеличить свободу мысли и слова, ничего не измѣняя въ матеріальномъ бытѣ народа, значило бы строить на пескѣ, забыть о насущныхъ потребностяхъ, слишкомъ долго остававшихся неудовлетворенными". Политика, начавшаяся въ февралѣ 1880 г., не была односторонней. „Поставивъ себѣ задачей облегченіе экономическаго гнета, тяготѣвшаго надъ массой населенія, она выразила рѣшимость измѣнить къ лучшему и тѣ условія, отъ которыхъ сознательно страдаетъ меньшинство, безсознательно—большинство русскаго народа. Параллельно съ мѣрами, направленными къ болѣе справедливому распредѣленію податного бремени, шли другія, которыя можно назвать общимъ именемъ освободительныхъ". Прибавимъ къ этому, что если иное, начавшееся въ министерство гр. Лорисъ-Меликова, сошло со сцены вмѣстѣ съ нимъ самимъ, то многое другое продолжалось еще довольно долго и принесло довольно крупные результаты. Пониженіе выкупныхъ платежей, отмѣна подушной подати, перенесеніе

---

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ „В. Европы", іюнь 1881 г.

части податного бремени на болѣе достаточные классы населенія (налогъ съ наслѣдствъ, налогъ на процентныя бумаги, раскладочный сборъ и т. п.), организація крестьянскаго кредита, охрана фабричныхъ рабочихъ, поземельное устройство тѣхъ группъ населенія, которыя не подошли подъ дѣйствіе положеній 19 февраля—все это было задумано во время „диктатуры сердца", исполнено подъ вліяніемъ даннаго ею импульса,—и этого одного было бы уже достаточно, чтобы увѣковѣчить имя гр. Лорисъ-Меликова въ государственной исторіи Россіи, подобно тому, какъ оно увѣковѣчено въ военной ея исторіи сраженіемъ на Аладжинскихъ высотахъ и взятіемъ Карса.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го января 1889.

———

событій истекшаго года въ Европѣ.—Политическія перемѣны въ Германіи.—рствованія и ихъ отношенія къ внутреннимъ вопросамъ.—Положеніе нѣмецартій.—Консервативный либерализмъ.—Французскія дѣла.—Радикальное ми:тво и „буланжизмъ".—Дѣятельность парламента и неудачи Флоке.—Положеніе дѣлъ въ Сербіи и Болгаріи.

)иліе политическихъ событій и бѣдность ихъ внутренняго со-ція—таковы главныя черты европейскаго положенія за истек-одъ. Сошелъ со сцены первый императоръ новой Германіи, ился трагическій эпизодъ трехъ-мѣсячнаго царствованія Фрид-II, и политика нѣмецкой имперіи осталась та же, какою была при ельмѣ I, съ присоединеніемъ лишь нѣкоторой лихорадочности, іаемой личнымъ характеромъ Вильгельма II. Основы тройствен-союза утвердились болѣе прежняго; уединенность Франціи въ ѣ стала совершившимся фактомъ, благодаря критическому со-ю республики со времени паденія президента Греви. Внутрен-ѣла Франціи нисколько не поправились при министерствѣ Флоке; тивъ, они запутались и усложнились быстрыми успѣхами новой анной болѣзни, окрещенной именемъ „буланжизма". Въ Англіи ажалась мирная законодательная работа, подъ руководствомъ ›вативнаго кабинета, поддерживаемаго вліятельными элементами й либеральной партіи; лордъ Солсбёри дѣйствуетъ заодно съ и радикалами, какъ Чамберлэнъ, и приверженцы Гладстона ъ мало шансовъ на достиженіе власти при настоящихъ обстоя-вахъ. Обычныя „черныя точки", появляющіяся по временамъ итическомъ горизонтѣ и разростающіяся нерѣдко въ грозныя разсѣеваются столь же легко и скоро, какъ и возникаютъ. От-ія между Германіею и Франціею все еще сохраняютъ харак-отношеній побѣдителей къ побѣжденнымъ; оффиціозная печать ка не разъ поднимала тонъ до послѣдней степени рѣзкости и омѣрія; европейскія биржи часто волновались ожиданіями не-мой войны, и однако прочность общаго мира формально обе-ась правительствами заинтересованныхъ великихъ державъ. Преж-:точникъ безпокойства въ Европѣ—хроническій болгарскій кри--утратилъ, повидимому, свое жгучее значеніе, благодаря выжида-›му характеру политики Россіи. События, происходившія въ Сер-

бія, могли уже развиваться естественнымъ путемъ, при дѣятельномъ участіи самого сербскаго населенія и его законныхъ представителей, не возбуждая вопроса о внѣшнемъ вмѣшательствѣ. Наконецъ, скрытый антагонизмъ между Россіею и Англіею, проявившійся въ неожиданномъ укрѣпленіи британскаго вліянія въ Персіи, не имѣлъ тѣхъ серьезныхъ послѣдствій, какія предсказывались нашею „патріотическою" печатью. Европа встрѣчаетъ новый годъ въ томъ же состояніи вооруженнаго мира, въ томъ же неопредѣленномъ и тревожномъ настроеніи, какъ и при наступленіи 1888 года.

Въ началѣ истекшаго года, какъ припомнятъ читатели, стоялъ на очереди вопросъ о сомнительности русско-германской дружбы. Съ обѣихъ сторонъ велась горячая полемика въ газетахъ, причемъ нападки на Германію вызывались предполагаемою солидарностью ея съ Австріею на Востокѣ вообще и въ болгарскихъ дѣлахъ въ особенности. Отвѣтомъ берлинскаго кабинета на обвиненія русской печати послужило обнародованіе текста союзнаго договора, заключеннаго въ 1879 году между Германіею и Австро-Венгріею; эта оригинальная мѣра имѣла цѣлью показать, что обѣ державы связаны взаимною охраною своихъ территорій, и что всякое нападеніе на одну изъ нихъ повлечетъ за собою совмѣстныя военныя дѣйствія союзниковъ. Союзъ оказался направленнымъ спеціально противъ франко-русскаго сближенія, о которомъ много говорили съ конца семидесятыхъ годовъ. Само собою разумѣется, что газетный споръ долженъ былъ затихнуть передъ краснорѣчивымъ фактомъ, оглашеннымъ въ Берлинѣ; безполезно было бы полемизировать противъ коалиціи двухъ могущественныхъ имперій, къ которымъ присоединилась еще Италія. Знаменитая рѣчь князя Бисмарка, произнесенная 6-го февраля (нов. ст.) въ германскомъ сеймѣ, представляла внушительный комментарій къ тексту союзнаго трактата 1879 года. Изъ этой дипломатической полемики можно было сдѣлать одинъ безспорный выводъ, что прежнія близкія отношенія между Германіею и Россіею уступили мѣсто другимъ, болѣе холоднымъ и натянутымъ, основаннымъ на обоюдной „свободѣ дѣйствій". Перспектива разлада съ восточнымъ сосѣдомъ, при непримиримой враждѣ съ западнымъ, вызывала тягостное чувство безпокойства въ нѣмецкомъ народѣ, и это чувство было тѣмъ сильнѣе и понятнѣе, что старый императоръ доживалъ свои послѣдніе дни, а наслѣдникъ его оставался на чужбинѣ, пораженный неизлечимымъ недугомъ. Неизвѣстность ближайшаго будущаго Германіи отражалась на общемъ политическомъ настроеніи Европы.

Среди этихъ тревогъ скончался, 9-го марта, Вильгельмъ I, и на престолъ вступилъ безнадежно-больной кронпринцъ, который, вопреки ожиданіямъ многихъ, не отказался отъ своихъ наслѣдственныхъ правъ

и немедленно отправился изъ Санъ-Ремо въ Берлинъ. Воцареніе Фридриха III сопровождалось крайне печальными политическими и придворными интригами со стороны представителей такъ-называемыхъ консервативныхъ партій. Партійные счеты проникали даже къ изголовью больного и завладѣвали свѣтилами нѣмецкаго медицинскаго міра. Консерваторы жестоко нападали на англійскихъ врачей, поддерживавшихъ въ паціентѣ иллюзію возможнаго выздоровленія; они видѣли въ этомъ вредное „вмѣшательство во внутреннюю жизнь Германіи", такъ какъ отрицаніе рокового свойства болѣзни побуждало кронпринца думать о царствованіи, которое по многимъ причинамъ было нежелательно для князя Бисмарка и его безусловныхъ приверженцевъ. Трехъ-мѣсячное номинальное управленіе Фридриха III ознаменовано было двумя важными актами: во-первыхъ, изложеніемъ замѣчательной политической программы въ вступительныхъ манифестахъ и въ рескриптѣ на имя имперскаго канцлера, и, во-вторыхъ, отставкою вѣрнаго сотрудника князя Бисмарка по внутреннимъ дѣламъ, опытнаго мастера по части правительственнаго воздѣйствія на парламентскіе выборы, министра Путкаммера. Царствованіе больного императора отравлено было глухою закулисною борьбою, принимавшею оттѣнокъ патріотической оппозиціи противъ мнимаго англійскаго вліянія, которое представлялось императрицею Викторіею. Одинъ изъ эпизодовъ этой борьбы, касавшійся принца Баттенберга, указывалъ на то, что приближенные Фридриха III не считали необходимымъ дорожить симпатіями русскаго правительства, и что, напротивъ, имперскій канцлеръ придавалъ этимъ симпатіямъ великое значеніе.

Фридрихъ III умеръ 15-го іюня, и власть перешла въ руки молодого, энергическаго монарха, вполнѣ преданнаго идеямъ князя Бисмарка. Вильгельмъ II старается идти по стопамъ своего дѣда; онъ считаетъ своею высшею задачею поддержаніе и развитіе военныхъ силъ имперіи, расширеніе ея внѣшняго могущества и блеска. Онъ совершилъ рядъ поѣздокъ по Европѣ, чтобы подтвердить и упрочить существующія связи съ дружественными и союзными державами; первый свой визитъ онъ сдѣлалъ Россіи и русскому двору, свидѣтельствуя этимъ неизмѣнную готовность Германіи возвратиться къ старымъ тѣснымъ отношеніямъ съ русскою дипломатіею. Пребываніе Вильгельма II въ Петергофѣ, въ іюлѣ прошлаго года, совпало отчасти съ возбужденіемъ рѣзкаго спора между правительствами Италіи и Франціи изъ-за Массовы; съ перваго взгляда могло казаться, что итальянскій министръ-президентъ Криспи исполнялъ свою вызывающую роль по соглашенію съ берлинскимъ кабинетомъ, и слухи о войнѣ начинали волновать европейское общественное мнѣніе. Въ августѣ Криспи побывалъ у князя Бисмарка въ Фридрихсруэ и за-

тѣмъ видѣлся съ графомъ Кальноки; торжественная обстановка этихъ свиданій и участіе въ нихъ дипломатическихъ секретарей оправдывали предположеніе о серьезной важности происходившихъ переговоровъ. Криспи смягчилъ свой тонъ относительно Франціи, и ловкія отвѣтныя заявленія французскаго министра Гобле разрѣшили массовскій инцидентъ безъ ущерба для чести французовъ, выяснивъ лишь полную невозможность для нихъ вступать въ открытое дипломатическое пререканіе съ союзниками Германіи. Въ началѣ октября Вильгельмъ II посѣтилъ Вѣну и затѣмъ поѣхалъ въ Римъ, гдѣ ему пришлось одновременно побывать у короля Гумберта и у папы Льва XIII. Общій смыслъ всѣхъ оффиціальныхъ заявленій и дѣйствій новаго германскаго императора долженъ быть признанъ вполнѣ успокоительнымъ: его девизомъ остается миролюбіе, желаніе сохранить прежнихъ друзей и пріобрѣсть новыхъ, стремленіе къ охранѣ международнаго порядка, въ высшей степени выгоднаго для внѣшней политики Германіи. Въ области внутренней политической жизни новое царствованіе не обѣщаетъ расширенія общественныхъ и парламентскихъ вольностей; оно довольствуется точнымъ и добросовѣстнымъ соблюденіемъ законныхъ правъ народа и его выборныхъ палатъ, не вноситъ никакой перемѣны въ конституціонный бытъ страны и имѣетъ въ виду осуществить нѣкоторые проекты соціальной реформы, для улучшенія матеріальнаго положенія трудящихся массъ,—что́ уже само по себѣ составляетъ положительную заслугу. Вильгельмъ II лично раздѣляетъ убѣжденія консервативно-христіанскія; онъ не любитъ либераловъ и прогрессистовъ и не скрываетъ своего нерасположенія къ нимъ; онъ не сочувствуетъ принципамъ, выраженнымъ въ манифестахъ его покойнаго отца, и тѣмъ не менѣе онъ не думаетъ стѣснять свободное общественное мнѣніе Германіи, не думаетъ ни объ ограничительныхъ или карательныхъ мѣрахъ противъ оппозиціонной печати, ни о противодѣйствіи народному самоуправленію и представительству. Онъ безспорно обладаетъ твердою властью, имѣетъ въ своемъ распоряженіи превосходную и сосредоточенную администрацію, стоитъ во главѣ милліонной арміи и опирается на крѣпкія традиціонныя чувства народа, и однако онъ не высказываетъ сомнѣнія въ пользѣ и необходимости публичнаго контроля правительственныхъ дѣйствій, не ставитъ себѣ задачей устранять или затруднять общественную критику и не смѣшиваетъ государственнаго авторитета съ системою принудительнаго молчанія, какъ склонны были поступать реакціонные дѣятели прежняго времени. Поэтому становится понятнымъ, что рядомъ съ чисто-консервативными элементами нѣмецкаго общества дѣйствуютъ и либеральные, въ одномъ съ ними духѣ и направленіи; многіе изъ націоналъ-либераловъ, поддерживающихъ князя Бисмарка

и его правительство, остаются понынѣ вѣрными своему названію и отличаются просвѣщеннымъ либерализмомъ своихъ воззрѣній, хотя и несогласны съ идеалами прогрессистовъ. Въ сущности, самые крайніе консерваторы Пруссіи могли бы при другихъ условіяхъ и въ другое время признаваться опасными вольнодумцами, такъ какъ они во всякомъ случаѣ стоятъ за тѣ элементарныя общественныя и политическія права, которыми сами пользуются — за свободу слова и печати, за самоуправленіе, за общіе и провинціальные земскіе сеймы. Правительство принимаетъ иногда какъ будто крутую мѣру по отношенію къ отдѣльнымъ органамъ журналистики, какъ это случилось, напримѣръ, по поводу напечатанія дневника Фридриха III въ „Deutsche Rundschau"; но въ чемъ заключаются эти крутыя мѣры? Въ обращеніи къ суду, въ преслѣдованіи виновниковъ незаконной публикаціи судебнымъ порядкомъ, на основаніи общихъ законовъ. Провинившійся журналъ не подвергся никакому административному взысканію; онъ потерпѣлъ только неизбѣжный матеріальный убытокъ, вслѣдствіе арестованія второго изданія той книжки, гдѣ былъ помѣщенъ „дневникъ". Не нужно забывать, что напечатаніе частнаго дневника послѣ смерти автора, безъ разрѣшенія и вѣдома его наслѣдниковъ, составляетъ явное нарушеніе чужого права, даже независимо отъ содержанія дневника и отъ заключающихся въ немъ государственныхъ тайнъ. Высокое положеніе покойнаго автора рукописи не могло лишить его семью того права, которое принадлежитъ обыкновеннымъ смертнымъ, —права помѣшать обнародованію чисто-личныхъ замѣтокъ, которыя не предназначались къ печати самимъ составителемъ и которыя могутъ повредить интересамъ или оскорбить чувства родственниковъ или постороннихъ лицъ. Такимъ образомъ, редакціею „Deutsche Rundschau" допущено было двойное нарушеніе общихъ законовъ, обязательныхъ для всѣхъ и каждаго, а серьезность этого нарушенія, въ виду спеціальныхъ особенностей „дневника", является достаточнымъ оправданіемъ для шумнаго судебнаго процесса по дѣлу Геффкена. Свобода печати не была вовсе затронута при этомъ, и никому не приходило въ голову дѣлать какіе-либо общіе ретроградные выводы на основаніи частнаго случая съ „Deutsche Rundschau".

Политическая жизнь Германіи приняла спокойное направленіе и борьба партій утратила свой рѣзкій характеръ съ тѣхъ поръ, какъ установилось прочное правительственное большинство въ имперскомъ сеймѣ и въ прусской палатѣ депутатовъ. Недавно внесенъ въ парламентъ проектъ страхованія рабочихъ на время старости и болѣзни, о которомъ спеціально упоминалось въ тронной рѣчи Вильгельма II при открытіи осенней сессіи. Недостатки этого проекта, признаваемые даже оффиціозною печатью, настолько значительны,

что трудно разсчитывать на принятіе закона въ настоящемъ его видѣ. Наиболѣе возраженій высказано было по тремъ пунктамъ; во-первыхъ, старость, дающая право на пенсію, начинается по проекту слишкомъ поздно — съ 70-лѣтняго возраста, котораго очень рѣдко достигаютъ рабочіе; во-вторыхъ, средній размѣръ пенсій предположенъ слишкомъ ничтожный — отъ 72 до 150 марокъ въ годъ, и условія для полученія ихъ поставлены слишкомъ сложныя и нецѣлесообразныя; наконецъ, въ-третьихъ, вводятся особыя разсчетныя книжки для записыванія взносовъ рабочихъ на составленіе пенсіоннаго капитала, и въ этомъ обстоятельствѣ многіе видятъ замаскированное введеніе рабочихъ книжекъ, ненавистныхъ для рабочаго класса. Безъ сомнѣнія, представители рабочихъ въ парламентѣ не могутъ быть довольны содержаніемъ правительственнаго проекта, но они должны отдать справедливость хорошимъ намѣреніямъ, положеннымъ въ основу новѣйшаго „спеціальнаго законодательства". Дѣло, начатое Вильгельмомъ I въ 1881 году, продолжается его внукомъ, подъ руководствомъ одного и того же государственнаго дѣятеля; недостатки и пробѣлы могутъ быть устранены, но сущность предпринятыхъ реформъ можетъ принести замѣтную пользу какъ въ экономическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Правительство признало за собою извѣстный долгъ относительно трудящихся народныхъ массъ и дѣлаетъ положительныя попытки исполнить его по мѣрѣ своихъ средствъ и своего пониманія; уже одно это признаніе представляетъ серьезный шагъ впередъ, сравнительно съ недавнимъ прошлымъ. Правительство въ то же время употребляетъ законные полицейскіе способы борьбы противъ соціалъ-демократовъ; но оно не закрываетъ и не можетъ закрывать имъ возможность высказываться публично, съ парламентской трибуны, о текущихъ вопросахъ законодательства и политики. Этимъ правомъ часто и смѣло пользуются депутаты рабочаго класса въ парламентѣ. Между прочимъ, въ засѣданіи 28 ноября (нов. ст.), при обсужденіи имперскаго бюджета, депутатъ Либкнехтъ указалъ на противорѣчіе „красивыхъ словъ тронной рѣчи о мирномъ состояніи Европы" съ разсужденіями и выходками оффиціозной печати, поддерживающими постоянную тревогу въ европейскомъ политическомъ мірѣ. Расходы на армію и флотъ возросли отъ 238 милліоновъ въ 1872 году до 513 милліоновъ въ 1876 году; теперь, съ присоединеніемъ чрезвычайныхъ издержекъ, достигнута колоссальная цифра 949 милліоновъ. Либкнехтъ рѣшился заявить, что источникъ зла лежитъ въ самомъ способѣ образованія нынѣшней германской имперіи, въ незаконномъ и кровавомъ ея происхожденіи, ибо то, что создано грубою силою, должно поддерживаться также насиліемъ. И удивительнѣе всего, что этотъ отрицательный

взглядъ на имперію не возбудилъ горячихъ протестовъ благонамѣреннаго большинства и былъ подвергнутъ хладнокровному академическому обсужденію въ обстоятельной отвѣтной рѣчи министра Беттихера. Очевидно, съ точки зрѣнія сторонняго наблюдателя, консервативное и даже реакціонное будто бы управленіе Вильгельма II должно быть названо въ высшей степени либеральнымъ.

Франція имѣла за истекшій годъ два министерства — Тирара и Флоке́: первое пало 30 марта (нов. ст.) подъ ударами радикаловъ и буланжистовъ; второе приближается къ неминуемому паденію, симптомы котораго замѣчаются уже давно. Кабинетъ Флоке образовался 3 апрѣля и на первыхъ порахъ произвелъ благопріятное впечатлѣніе своимъ личнымъ составомъ. Бывшіе президенты совѣта министровъ, Фрейсинэ и Гобле, соединили свои силы съ авторитетомъ бывшаго президента палаты депутатовъ. Трудно было бы придумать лучшую и болѣе надежную комбинацію при данныхъ обстоятельствахъ. Министерство выступило съ краснорѣчивою реформаторскою программою, возбудившею безпокойство умѣренныхъ республиканцевъ; оно обѣщало, между прочимъ, предложить проектъ пересмотра конституціи, чего съ особеннымъ усердіемъ домогались буланжисты. Мысль радикаловъ—привлечь на свою сторону приверженцевъ генерала Буланже усвоеніемъ ихъ существенныхъ требованій—оказалась напрасною мечтою, тѣмъ болѣе что съ каждымъ днемъ выяснялось уклоненіе буланжизма отъ коренныхъ принциповъ республиканской партіи. Апрѣльскіе выборы въ „Сѣверномъ“ департаментѣ, а также въ департаментахъ Дордоньскомъ и Энскомъ показали, что имя Буланже пріобрѣло громадную популярность въ народѣ и сдѣлалось крупною политическою силою, съ которою республиканское правительство должно по-неволѣ считаться. Соединенныя силы оппортунистовъ и парламентскихъ радикаловъ (за исключеніемъ маленькой спеціальной группы буланжистовъ) ежедневно и неустанно громили мнимаго героя въ массѣ распространенныхъ газетъ,—и ничто не помогало: сила Буланже возрастала подъ ударами многочисленныхъ враговъ, несмотря на всѣ его безтактности, противорѣчія и грубые промахи, вопреки всѣмъ доводамъ здравой логики и простого человѣческаго смысла. Казалось, что Флоке́ одержалъ блестящую побѣду надъ честолюбивымъ генераломъ, причинивъ ему серьезную рану на дуэли 13 іюля, послѣ шумнаго личнаго пререканія въ палатѣ депутатовъ; это торжество шестидесятилѣтняго „статскаго“ въ единоборствѣ съ военнымъ героемъ должно было погубить послѣдняго въ симпатіяхъ толпы, но ничуть не бывало: въ августѣ Буланже былъ

вновь выбранъ въ трехъ департаментахъ сразу огромнымъ большинствомъ голосовъ. Съ тѣхъ поръ онъ окончательно вошелъ въ роль оффиціальнаго претендента на власть, при дѣятельномъ содѣйствіи враждебной ему республиканской печати, которая своими постоянными толками объ его личности и объ его диктатурѣ пріучила публику къ мысли о неизбѣжномъ господствѣ популярнаго генерала. Мелкія средства партійной борьбы и газетной полемики были безсильны противъ движенія, охватывавшаго все болѣе значительные слои французскаго общества. Открытые враги республики, бонапартисты и роялисты, нашли для себя полезнымъ примкнуть къ генералу Буланже, чтобы, при его помощи и подъ его фирмою, достигнуть ниспроверженія существующаго политическаго строя.

Немногіе государственные люди, которыми располагаетъ еще республиканская партія, принадлежатъ къ умѣренно-либеральнымъ парламентскимъ группамъ, представляющимъ интересы и стремленія верхняго класса промышленной буржуазіи; эти политическіе дѣятели не могутъ разсчитывать на сочувствіе и довѣріе народныхъ массъ, даже еслибы они не надѣлали крупныхъ ошибокъ, отнявшихъ у нихъ послѣдніе шансы на пріобрѣтеніе популярности въ странѣ. Леонъ Сей, Жюль Ферри, Рибо, Шалльмель-Лакуръ и другіе вожди оппортунистовъ стали давно невозможными съ точки зрѣнія большинства населенія; отсутствіе руководящихъ идей и твердыхъ принциповъ замѣнялось у нихъ тонкою парламентскою игрою, изъ-за которой забывались реальныя нужды и задачи республики. Ближе къ народнымъ потребностямъ стояли радикалы; но они не были практиками въ лучшемъ смыслѣ этого слова и превращали политику въ арену безплодныхъ отвлеченностей и ненужныхъ споровъ. Руководители радикальной партіи въ парламентѣ придавали главное значеніе искусной организаціи выборовъ; они обращали все свое вниманіе на мѣстныхъ избирателей и придумывали способы для удержанія ихъ за собою или для привлеченія новыхъ голосовъ, причемъ упускались изъ виду общіе вопросы управленія. Клемансô, котораго когда-то считали способнымъ замѣнить Гамбетту, оказался всецѣло поглощеннымъ партійными счетами и комбинаціями, возводившими внутренніе раздоры республиканцевъ на степень стройной и послѣдовательной системы. Клемансо и его единомышленники никогда не выходили изъ этого заколдованнаго круга парламентской и избирательной тактики; средство сдѣлалось для нихъ цѣлью, и они, незамѣтно для самихъ себя, превратились въ орудія враговъ республики, думая доказать свою силу частымъ низверженіемъ министерствъ при помощи временныхъ молчаливыхъ союзовъ съ монархистами. Какъ чисто-парламентскій стратегъ, Клемансô обнаружилъ недюжинныя

дарованія; но что у него нѣтъ качествъ, необходимыхъ для государственнаго человѣка въ такой демократической странѣ, какъ Франція,—это выяснилось наглядно во время поразительныхъ успѣховъ буланжизма. Чтобы противодѣйствовать опасному движенію, Клемансó основалъ новое „общество правъ человѣка“, гдѣ депутаты и журналисты изъ разряда чистыхъ республиканцевъ убѣждаютъ другъ друга въ старыхъ истинахъ, которыя и безъ того имъ всѣмъ хорошо извѣстны. Противъ народной агитаціи, составляющей всю силу Буланже, выдвигается замкнутый кружокъ теоретиковъ, обсуждающихъ втихомолку опасности цезаризма, какъ будто безсознательныя увлеченія массъ не существуютъ для Клемансó и его единомышленниковъ. Радикальнымъ дѣятелямъ нынѣшняго парламента недостаетъ того высокаго политическаго пониманія, той широты воззрѣній, того общественнаго чутья и такта, которыми отличается, напримѣръ, Гладстонъ и которыми въ значительной мѣрѣ обладалъ Гамбетта. Къ сожалѣнію, французскіе радикалы не имѣютъ въ своихъ рядахъ ни одного государственнаго ума, ни одного выдающагося политическаго таланта, ни одного великаго оратора; это отсутствіе надлежащихъ людей позволило генералу Буланже выступить на первый планъ и дѣйствовать совершенно безпрепятственно, не встрѣчая никакого авторитетнаго отпора въ обществѣ, внѣ палаты депутатовъ. Министръ-президентъ Флоке́, подобно Клемансó и другимъ радикаламъ, не замѣчаетъ глубокаго несоотвѣтствія между старыми радикальными программами и новѣйшими народными требованіями. Разладъ между высшими и низшими классами населенія—или вѣрнѣе между бѣдными и богатыми—успѣшно эксплуатируется искателями популярности, а серьезные республиканцы пытаются игнорировать существованіе разлада, отыскивая все зло въ личныхъ цѣляхъ и мотивахъ отдѣльныхъ противниковъ республики.

Франція готовится праздновать столѣтній юбилей республиканскихъ принциповъ при обстоятельствахъ довольно смутныхъ и мало утѣшительныхъ. Какая партія получитъ большинство на будущихъ парламентскихъ выборахъ 1889 года—объ этомъ возможны самыя противоположныя догадки. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что коалиція явныхъ и тайныхъ враговъ существующаго политическаго устройства возьметъ верхъ надъ искренними республиканцами. Но такъ какъ консервативныя и реакціонныя партіи, достигнувъ своей отрицательной цѣли, не могли бы столковаться въ разрѣшеніи положительной задачи, то республика едва ли подверглась бы дѣйствительной опасности, и вѣроятно дѣло ограничилось бы образованіемъ консервативнаго или умѣренно-либеральнаго кабинета. Различные элементы республиканскаго большинства поочередно получали власть

и поочередно претерпѣвали неудачу; послѣдняя фракція—радикальная—также не имѣетъ успѣха, въ лицѣ Флоке́ и его товарищей. Подвигаться далѣе влѣво—некуда; оставалось бы обратиться къ представителямъ другихъ партій и, быть можетъ, даже къ самому Буланже. Вліятельная часть французскаго общества, повидимому, отдается пессимистическому настроенію относительно будущаго. Старинное пугало соціализма и анархіи выставляется все чаще, вмѣстѣ съ упадкомъ довѣрія къ энергіи и прочности министерства; всякое торжество революціонныхъ кандидатовъ на выборахъ и всякая уличная демонстрація въ Парижѣ даютъ поводъ къ мрачнымъ предсказаніямъ на столбцахъ консервативныхъ газетъ. Эти пророчества повторяются столь часто и они такъ неизмѣнно опровергаются фактами, что можно было бы уже не придавать имъ значенія; но впечатлительный характеръ французской публики поддается этимъ постояннымъ внушеніямъ, и тревожное чувство возбуждается невольно, хотя и безъ достаточныхъ къ тому основаній. Выбранъ былъ Феликсъ Піà депутатомъ отъ Марсели, и это событіе казалось тогда чрезвычайно важнымъ и знаменательнымъ; теперь старый революціонеръ мирно засѣдаетъ въ палатѣ, и всѣ о немъ забыли. Въ началѣ декабря (нов. ст.) выбранъ въ Тулонѣ одинъ изъ „генераловъ" парижской коммуны 1871 г., Клюзере́; читателямъ консервативной прессы рисуются ужасы междоусобной войны по поводу этого избранія, а между тѣмъ Клюзере́ оказывается столь же безобиднымъ депутатомъ, какъ и Піà. Посылать революціонера въ палату—это лучшее средство сдѣлать его безвреднымъ, ибо это значитъ направлять его дѣятельность въ область мирнаго обсужденія и положительной разработки тѣхъ самыхъ вопросовъ, изъ-за которыхъ онъ ранѣе рѣшался на насиліе и преступленіе. Избраніе Клюзере́ любопытно въ томъ отношеніи, что оно состоялось при негласной поддержкѣ оппортунистовъ, которые пожелали сдѣлать непріятность радикаламъ и провалить ихъ кандидата въ Тулонѣ. Одна изъ парижскихъ газетъ справедливо замѣтила, что при такой системѣ приверженцы республики могутъ дойти до подачи голосовъ въ пользу реакціонеровъ ради устраненія соперника изъ республиканцевъ. Примѣръ индифферентизма, подаваемый парламентскими партіями, находитъ благодарную почву; на выборахъ въ Тулонѣ подано было всего 17.000 голосовъ изъ числа 84 тысячъ избирателей, такъ что Клюзере́ былъ избранъ единственно благодаря воздержанію большинства отъ участія въ выборахъ. Если оппортунисты предпочитаютъ подавать голоса за революціонера, а не за радикала, то другіе идутъ дальше и рѣшаютъ, что еще проще совсѣмъ не участвовать въ голосованіи.

Французская палата депутатовъ старалась въ теченіе осенней

сессіи загладить свои прежніе грѣхи; она сравнительно скоро закончила разсмотрѣніе бюджета—къ 10-му декабря, причемъ успѣла выказать бережливость въ небольшихъ суммахъ и обычную щедрость въ военныхъ расходахъ. Чрезвычайный военный бюджетъ, принятый палатою послѣ убѣдительныхъ и точныхъ объясненій Фрейсинэ, простирается до 400 милліоновъ. Въ сенатѣ, сверхъ обыкновенія, вопросъ о бюджетѣ вызвалъ предварительную общую оцѣнку правительственной политики; въ засѣданіи 19-го декабря (нов. ст.) произнесены были весьма эффектныя рѣчи бывшимъ товарищемъ Гамбетты по министерству, Шалльмель Лакуромъ, и бывшимъ министромъ финансовъ, Леономъ Сэемъ. Рѣчь Шалльмель-Лакура произвела впечатлѣніе не на однихъ сенаторовъ; она была настоящимъ событіемъ для всей умѣренно-республиканской печати. Шалльмель-Лакуръ представилъ мрачную картину современнаго состоянія республики и указалъ на радикаловъ, какъ на главныхъ виновниковъ такого положенія вещей; онъ съ негодованіемъ намекалъ на готовность народа „броситься не въ объятія, а подъ ноги послѣдняго изъ честолюбцевъ". Онъ осмѣивалъ наивность радикальнаго министерства, которое взялось за передѣлку конституціи для устраненія недостатковъ, зависящихъ исключительно отъ людей, а не отъ учрежденій. Правительство, по мнѣнію оратора, не должно было ни въ какомъ случаѣ присоединиться къ тѣмъ, которые нападаютъ на конституцію; оно должно было защищать ее, а не предлагать ея пересмотръ. Шалльмель-Лакуръ подробно вычислилъ грѣхи радикаловъ; но онъ ничего не сказалъ о болѣе тяжелой отвѣтственности своей собственной партіи, о великихъ ошибкахъ оппортунистовъ, о безтактныхъ преслѣдованіяхъ духовенства, оттолкнувшихъ отъ республики множество мирныхъ гражданъ, о ненужныхъ колоніальныхъ предпріятіяхъ и экспедиціяхъ, о безпримѣрномъ увеличеніи государственныхъ расходовъ, о возрастаніи налоговъ и податей, вызывающихъ недовольство въ народѣ. Такое умолчаніе о погрѣшностяхъ умѣренно-республиканской партіи и попытка свалить всю вину на радикаловъ, имѣющихъ власть только съ недавняго времени, очень понравились оппортунистамъ. Министръ-президентъ Флоке́, въ своей небольшой и крайне безсодержательной отвѣтной рѣчи, обратился къ оратору съ вопросомъ, гдѣ находился онъ, Шалльмель-Лакуръ, когда совершались указываемыя имъ ошибки, и почему онъ не протестовалъ раньше, когда было еще время предупредить ихъ или исправить. Этотъ справедливый вопросъ, а также указаніе на долгое владычество оппортунистовъ — единственные два пункта, достойные вниманія въ объясненіяхъ Флоке́; остальное оказывается весьма сбивчивымъ и неяснымъ. Вмѣсто того, чтобы отвѣтить на принципіальный вопросъ о неудобствахъ

колебанія конституціонныхъ законовъ и о вредѣ частыхъ законодательныхъ передѣлокъ, Флоке́ перечислилъ проекты реформъ, внесенные имъ въ палату или имѣющіеся у него еще въ запасѣ; этимъ онъ хотѣлъ доказать плодотворность своей министерской дѣятельности, какъ будто многочисленность проектовъ равносильна ихъ полезности. Упоминая глухо объ опасностяхъ буланжизма, онъ говорилъ о твердой рѣшимости противодѣйствовать имъ, причемъ предполагаемыя мѣры борьбы разумѣются имъ исключительно въ смыслѣ внѣшнихъ полицейскихъ мѣропріятій. Въ отвѣтъ на хвалебное замѣчаніе радикальнаго сенатора Толэна, Флоке́ подтвердилъ, что онъ будетъ энергично бороться противъ извѣстной агитаціи и что, въ случаѣ недостатка существующихъ законовъ онъ потребуетъ новыхъ. Какого рода мѣры имѣлъ онъ при этомъ въ виду и какъ представляетъ онъ себѣ борьбу съ законными попытками избранія Буланже одновременно во всѣхъ департаментахъ — этого онъ не пояснилъ. Послѣ запутанной рѣчи Флоке́, Леонъ Сэй имѣлъ основаніе сказать, что заявленія министра не могутъ быть признаны удовлетворительнымъ отвѣтомъ на возвышенное краснорѣчіе Шалльмель-Лакура; но и объясненія самого Сэя не прибавили ничего новаго къ извѣстнымъ идеямъ умѣренно-консервативныхъ представителей того финансоваго и желѣзнодорожнаго міра, къ которому принадлежитъ Сэй. Политическія пренія ничѣмъ не могли окончиться въ сенатѣ; но онѣ составляли сильную манифестацію противъ министерства и были тѣмъ болѣе непріятны для Флоке́, что ему измѣнилъ въ данномъ случаѣ обычный ораторскій талантъ, соединенный съ остроуміемъ и находчивостью.

Изъ второстепенныхъ непріятностей, постигшихъ министерство Флоке́ за послѣднее время, слѣдуетъ отмѣтить неудачу панамскаго предпріятія, въ которомъ заинтересована масса мелкихъ капиталистовъ. Такъ какъ во Франціи всякое финансовое и даже природное бѣдствіе приписывается винѣ правительства, то панамское крушеніе, если бы оно совершилось, возстановило бы многихъ и очень многихъ противъ республики. Министерство поспѣшило предупредить обвиненіе въ бездѣйствіи или въ равнодушіи къ матеріальнымъ интересамъ французовъ; оно тотчасъ же внесло въ палату, въ засѣданіи 14-го декабря, проектъ закона о трехъ-мѣсячной отсрочкѣ платежей по обязательствамъ „Панамскаго общества“, для избѣжанія немедленнаго банкротства. Палата отвергла предложеніе кабинета; она очевидно не хотѣла навлечь на себя подозрѣніе въ денежной солидарности съ владѣльцами панамскихъ акцій. Министерство осталось лишній разъ въ меньшинствѣ, и это не могло не поколебать его въ общественномъ мнѣніи. Если кабинетъ Флоке́ продержится еще, то только потому, что некѣмъ замѣнить его, при настоящемъ составѣ палаты.

Въ области вопросовъ, имѣющихъ связь съ международными интересами Россіи, поддерживалось полное затишье. Въ правительственномъ сообщеніи 11-го февраля высказанъ былъ тотъ взглядъ на болгарскія дѣла, котораго неуклонно придерживается наша дипломатія со времени водворенія въ княжествѣ принца Фердинанда Кобургскаго. По предложенію Россіи, нѣкоторые изъ европейскихъ кабинетовъ согласились формально заявить о незаконности избранія упомянутаго принца на болгарскій престолъ; съ своей стороны Порта сообщила о такомъ же рѣшеніи своемъ въ Софію, нотою 5-го марта. Принцъ Кобургскій принялъ къ свѣденію эту дипломатическую мѣру и продолжалъ попрежнему считать себя княземъ Болгаріи. Съ тѣхъ поръ онъ безпрепятственно исполняетъ свои „княжескія“ функціи, опираясь на министерство того же Стамбулова, который призвалъ его на „царство“. Свѣденія о внутреннемъ состояніи княжества доходятъ до русской печати только окольнымъ путемъ, черезъ иностранныя газеты, такъ какъ русскихъ дипломатическихъ представителей и корреспондентовъ тамъ не существуетъ. Трудно поэтому провѣрить, насколько основательны противорѣчивые разсказы о дѣйствіяхъ болгарскихъ правителей и о настроеніи мѣстнаго населенія. Одни говорятъ, что въ княжествѣ господствуетъ полнѣйшее беззаконіе, что административный произволъ подавляетъ народную жизнь и уничтожаетъ возможность какой бы то ни было оппозиціи. Другіе утверждаютъ напротивъ, что все обстоитъ тамъ благополучно, что народъ вполнѣ доволенъ своимъ правительствомъ, и что нѣкоторыя крутыя мѣры администраціи объясняются лишь исключительнымъ положеніемъ, въ какомъ находится Болгарія. По всей вѣроятности, обѣ стороны болѣе или менѣе правы; но если принять во вниманіе, что періодически происходятъ шумныя засѣданія великаго народнаго собранія, что „тирану“ Стамбулову приходится, однако, отвѣчать на рѣзкую критику оппозиціонныхъ ораторовъ, и что народъ, привыкшій къ возстаніямъ, спокойно переноситъ подобный терроръ правительства, то необходимо заключить, что положеніе дѣлъ опять не такъ ужасно, какъ изображаютъ его нѣкоторые изъ нашихъ публицистовъ. По смыслу берлинскаго трактата, принцъ Кобургскій не можетъ, конечно, претендовать на званіе законнаго князя; но нельзя не вспомнить, что такимъ же незаконнымъ княземъ Румыніи былъ двадцать лѣтъ тому назадъ нынѣшній король румынскій, Карлъ, и что царствующая нынѣ королевская династія въ Бельгіи водворилась въ этой странѣ также вопреки трактатамъ, по такъ-называемому народному избранію. Все дѣло, значитъ, въ выдержкѣ, терпѣніи и тактѣ „самозваннаго князя“; съ теченіемъ времени, при пассивной и миролюбивой политикѣ заинтересованныхъ державъ, „самозванство“ можетъ и нынѣшній разъ

пріобрѣсти всѣ признаки законной власти, и фактъ превратится въ право.

Сербія, хотя и снабженная вполнѣ законнымъ королемъ, находится въ не менѣе тяжеломъ и затруднительномъ состояніи, чѣмъ Болгарія. Внутренній кризисъ тянется въ Сербіи уже давно, со времени злополучной болгарской войны; онъ особенно обострился лѣтомъ прошедшаго года, когда разладъ въ семьѣ короля Милана разрѣшился отобраніемъ сына отъ королевы Наталіи, въ предѣлахъ Германіи, при помощи нѣмецкой полиціи. Король началъ дѣло о разводѣ, и послѣ напрасныхъ усилій достигнуть желательной развязки обычнымъ законнымъ способомъ, разводъ былъ оффиціально объявленъ единоличнымъ постановленіемъ сербскаго митрополита, отъ 12-го (24-го) октября. Освободившись такъ рѣшительно отъ семейныхъ узъ, ставшихъ, повидимому, невыносимыми, король позаботился объ устраненіи неудовольствія въ народѣ и о возстановленіи своего нравственнаго авторитета, сильно поколебленнаго за послѣдніе годы. Въ манифестѣ отъ 14-го (26-го) октября онъ объявилъ о своемъ желаніи расширить народныя права и передѣлать въ этомъ смыслѣ конституцію. Выборы въ великую скупштину назначены были на 20-е ноября (2-е декабря). Для составленія новой конституціи назначена была коммиссія изъ представителей всѣхъ партій, подъ общимъ предсѣдательствомъ короля и при ближайшемъ руководящемъ участіи Ристича, Саввы Груича и Гарашанина. Народные выборы доставили большинство радикаламъ, на преданность которыхъ король вообще разсчитывать не можетъ; избирательное движеніе сопровождалось, по обыкновенію, безпорядками въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, и эти безпорядки послужили для правительства поводомъ или предлогомъ кассировать всѣ вообще выборы. Новые выборы, происходившіе 4-го (16-го) декабря, дали результатъ еще болѣе неблагопріятный для короля; почти вся скупштина составилась изъ радикаловъ, и этотъ внушительный отвѣтъ сербскаго народа на вторичное обращеніе короля Милана выдвинулъ на сцену щекотливый вопросъ объ отреченіи, которое легко можетъ осуществиться при извѣстныхъ условіяхъ, въ виду необходимости какой-либо опредѣленной развязки хроническаго кризиса. Съ большимъ интересомъ и участіемъ слѣдятъ за ходомъ сербскихъ дѣлъ вѣнскіе политическіе дѣятели, заинтересованные въ сохраненіи власти за королемъ Миланомъ; но настоящій кризисъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые могутъ быть съ пользою разрѣшены внѣшнимъ вмѣшательствомъ.

28*

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

Les lois du progrès, par *R. Federici*. Paris, 1888.

Существуютъ двоякія теоріи прогресса: одни изъ писателей находятъ желаемый прогрессъ въ дѣйствительномъ ходѣ историческихъ событій и стараются лишь обобщить массу разрозненныхъ фактовъ; другіе предлагаютъ свою собственную программу прогресса и опредѣляютъ тотъ путь, котораго должны были бы придерживаться народы для своего правильнаго развитія и совершенствованія. Къ послѣднему разряду теоретиковъ принадлежитъ итальянецъ Федеричи, книга котораго, вышедшая еще въ 1876 году, появилась теперь во французскомъ переводѣ.

Авторъ имѣетъ одну идею, которую онъ прилагаетъ безразлично къ исторіи всѣхъ народовъ Европы и Азіи; онъ доказываетъ, что стремленіе къ образованію большихъ сосредоточенныхъ государствъ было повсюду причиною упадка и гибели націй, и что вѣрнѣйшимъ условіемъ политическаго и культурнаго прогресса служитъ федеральное устройство самоуправляющихся народностей. Авторъ съ горечью говоритъ объ ошибочномъ способѣ объединенія его отечества—Италіи. „Обманчивый блескъ французской централизаціи соблазнилъ итальянцевъ, а удача послѣднихъ увлекла Пруссію. Неслыханные успѣхи пруссаковъ являются соблазномъ для другихъ народовъ, и такъ увѣковѣчивается система великихъ имперій, съ элементами вражды извнѣ и съ порабощеніемъ внутри. Между тѣмъ—по словамъ Федеричи—совокупность благопріятныхъ обстоятельствъ побуждала Италію открыть эру великихъ странъ, управляемыхъ по началамъ свободы". По мнѣнію автора, Италія могла бы организоваться такимъ образомъ, чтобы расширить кругъ дѣятельности населенія, а не увеличивать могущество правительства,—способствовать постепенному примиренію интересовъ различныхъ общественныхъ слоевъ, а не устанавливать владычество одного класса,—утверждать авторитетъ власти на уваженіе правъ каждой соціальной единицы, а не искать опоры въ созданной вновь политической силѣ. „Еслибы Италія устроилась согласно своимъ традиціоннымъ элементамъ, а не путемъ насилія, она сдѣлалась бы скорѣе основою союза съ другими народами, чѣмъ угрозою противъ новыхъ противниковъ. Такой примѣръ, данный Италіею

другимъ народамъ при подобныхъ обстоятельствахъ, могъ бы содѣйствовать предупрежденію братоубійственныхъ войнъ и столь же жестокихъ, какъ и безплодныхъ, переворотовъ, повергшихъ Европу въ непроглядную пропасть неизвѣстностей и опасностей. Къ несчастью, въ дѣлѣ національнаго объединенія дальновидность партій не оказалась на высотѣ патріотизма, обнаруженнаго ими въ дѣлѣ достиженія національной независимости".

Основная мысль Федеричи о вредѣ обширныхъ политическихъ конгломератовъ развивается въ рядѣ бѣглыхъ очерковъ, обнимающихъ исторію древнихъ и новыхъ народовъ, начиная съ Египта и кончая Франціею. „Разнообразіе стремленій,—говоритъ авторъ,—возвышаетъ и усиливаетъ народы; узкое однообразіе ослабляетъ и изнуряетъ ихъ". По вычисленію Федеричи, общая продолжительность существованія всѣхъ великихъ имперій не превышаетъ 1400 лѣтъ, въ теченіе двадцати-семи столѣтій, причемъ, напримѣръ, господство древняго Рима считается почему-то лишь со времени Юлія Цезаря. Принимая въ разсчетъ среднюю численность населенія каждой изъ всемірныхъ монархій сравнительно съ населеніемъ земного шара въ данную эпоху, авторъ находитъ, что срокъ продолжительности ихъ составляетъ „восьмую долю всемірной жизни". Другими словами, „попытки объединенія дѣлались въ продолженіе двѣнадцати или тринадцати лѣтъ въ каждомъ столѣтіи, тогда какъ противодѣйствіе этимъ усиліямъ (а можетъ быть просто отсутствіе попытокъ?) поглощало остальныя 87 или 88 лѣтъ". Нельзя, конечно, не замѣтить, что цифры, приводимыя авторомъ, совершенно произвольны, и дѣлаемые изъ нихъ выводы слишкомъ поверхностны. Средняя численность населенія великихъ имперій берется примѣрно въ 300 милліоновъ (!), безъ малѣйшаго къ тому основанія; сопоставлять эту цифру съ общимъ числомъ жителей земного шара неосновательно уже потому, что намъ извѣстна исторія только культурныхъ народовъ, а положеніе дикихъ племенъ не можетъ свидѣтельствовать ни за, ни противъ такого или иного устройства государствъ.

Въ книгѣ Федеричи встрѣчается не мало вѣрныхъ и мѣткихъ замѣчаній; въ ней есть горячность и краснорѣчіе публициста, но нѣтъ научной серьезности историка-философа. Авторъ энергически возстаетъ противъ обычнаго стремленія къ законодательной и административной нивеллировкѣ мѣстныхъ особенностей и различій; въ этомъ стремленіи онъ видитъ главный источникъ недуга, подтачивающаго жизненныя силы великихъ монархій. Обширныя имперіи, по его взгляду, долговѣчны только въ томъ случаѣ, когда составныя ихъ части живутъ самостоятельною жизнью, соотвѣтственною традиціямъ и привычкамъ населенія. Владычество древняго Рима было прочно

хъ поръ, пока подвластнымъ народамъ предоставлена была енняя автономія. „Старыя учрежденія были созданы свободою одотворены разнообразіемъ; позднѣйшее единство формъ и вмѣьство государства подорвали ихъ силу и подготовили ихъ ги- Маркъ-Аврелій считалъ своей заслугою установленіе правительной системы, основанной на всеобщности и равенствѣ законовъ. йствительно, еслибы имперія могла держаться исключительно ужинахъ искусной администраціи, то управленіе, руководимое желательнымъ и возвышеннымъ умомъ Антониновъ, вполнѣ етворяло бы страну; а между тѣмъ, напротивъ, именно съ той начинаетъ гаснуть нормальная жизнь римскаго общества". се самое явленіе повторяется въ исторіи всѣхъ монархій, судьбы ыхъ поочередно разбираются авторомъ. Увлекаясь своею любиеоріею, Федеричи отчасти разсуждаетъ по принципу: post hoc, propter hoc; онъ принимаетъ симптомы политическаго разложе- его причины и приписываетъ одному второстепенному фактору громадныя послѣдствія, которыя зависятъ отъ многихъ разноыхъ и весьма существенныхъ условій.

разсужденія Федеричи проникнуты теплымъ человѣческимъ чувъ, доходящимъ иногда до сентиментальной наивности; онъ вѣ- не только въ безконечный прогрессъ, но и въ великое братнародовъ. „Родъ человѣческій молодъ еще, какъ и земля, его лица, не вышедшая еще изъ процесса формированія. Совервo,—если предположить, что прогрессивная сила человѣческаго тва должна имѣть свой предѣлъ,—проявилось бы въ состояніи ніи, равновѣсія и высшаго спокойствія. Верхушка высочайшей представляется добравшемуся до нея путешественнику ровнымъ ранствомъ, на которомъ онъ можетъ отдохнуть и расправить свои ые члены, въ забвеніи пережитыхъ невзгодъ и въ соприкосно- съ вѣчною ясностью неба". Авторъ сознаетъ, однако, что эта чивая перспектива откроется предъ нами только въ отдален- будущемъ; онъ утѣшаетъ себя быстрыми успѣхами современ- прогресса, при которомъ „народы различныхъ расъ, со всѣхъ ъ, предлагаютъ другъ другу свои объятія и стремятся жить общею жизнью". Гдѣ и въ чемъ замѣчаетъ онъ признаки этой тельной всеобщей дружбы—неизвѣстно. Федеричи хочетъ какъ сказать, что народы поступали бы совсѣмъ иначе, чѣмъ теперь, ы имъ не мѣшала искусственная государственная централизація; а гипотеза остается совершенно бездоказательною.

II.

Paul Laffitte. Le suffrage universel et le régime parlementaire. Paris, 1888.

Несмотря на жгучій характеръ вопросовъ, выдвинутыхъ недостатками французской парламентской системы, серьезная политическая литература Франціи представляетъ въ настоящее время очень мало новыхъ работъ, которыя могли бы содѣйствовать разъясненію внутренняго кризиса, переживаемаго республикою. Лучшіе труды, касающіеся французской демократіи, принадлежатъ иностранцамъ — бельгійцамъ: Лавеле и Адольфу Пренсу, англичанину Мэну и другимъ, сочиненія которыхъ были въ свое время разобраны въ нашемъ журналѣ [1]). Повидимому, политическій индифферентизмъ все болѣе завладѣваетъ литературными и учеными дѣятелями Франціи, представляя рѣзкій контрастъ сравнительно съ усиленнымъ возбужденіемъ партій за послѣдніе годы. Поль Лафиттъ, въ предисловіи къ книгѣ, считаетъ какъ будто нужнымъ оправдываться въ своей рѣшимости заняться политическими злобами дня; „многіе, — говоритъ онъ, — находятъ теперь, что писать о политикѣ — значитъ напрасно терять свое время". Авторъ объявляетъ себя республиканцемъ, приверженцемъ всеобщей подачи голосовъ и парламентскаго режима; онъ признаетъ только необходимость такихъ реформъ, сущность которыхъ напоминаетъ отчасти содержаніе недавняго конституціоннаго проекта Флоке. Въ критической части сочиненія повторяются доводы, изложенные съ гораздо бóльшимъ талантомъ другими авторами, напримѣръ Жюлемъ Симономъ въ его книгѣ: „Nos hommes d'état"; а реформаторскія предположенія самого Лафитта страдаютъ обычнымъ недостаткомъ французскихъ республиканцевъ—преувеличенною вѣрою въ цѣлебную силу внѣшнихъ законодательныхъ перемѣнъ и нововведеній, при данномъ характерѣ политическихъ нравовъ и стремленій различныхъ классовъ общества.

Авторъ требуетъ установленія болѣе правильной системы представительства, чтобы меньшинство населенія имѣло соотвѣтственное число депутатовъ въ парламентѣ; но увеличится ли прочность республики, если монархическое меньшинство пріобрѣтетъ еще больше значенія въ палатахъ? Существующая рознь между монархистами и республиканцами останется въ силѣ при всякихъ реформахъ, а эта непримиримая рознь и есть главнѣйшее зло современной политической

[1]) См. „Вѣстникъ Европы", 1884, сентябрь, стр. 337—362, и за 1888 г., май и іюль.

ю Франціи. Лафиттъ предлагаетъ устроить сенатъ на новыхъ ъ, въ смыслѣ представительства отдѣльныхъ соціальныхъ овъ, корпорацій и группъ; но сенатъ, каковъ бы онъ ни былъ, оказывается безсильнымъ противъ всеобщаго народнаго голо- и его избранниковъ. Авторъ хочетъ сдѣлать участіе въ вы- обязательнымъ для каждаго гражданина, чтобы устранить ость повальныхъ уклоненій, все болѣе возрастающихъ за по- годы: онъ совѣтуетъ превратить право голоса въ повинность, веніе которой должно наказываться „лишеніемъ политиче- правъ" (!), послѣ трехъ предостереженій. Еще немного, и йдетъ до назначенія платы за участіе въ выборахъ, какъ в древнихъ республикахъ. Странная мысль Лафитта пока- наглядно, какъ много устарѣлыхъ понятій и традицій скры- еще подъ республиканскими принципами современнаго фран- поколѣнія. Вычеркивая неаккуратныхъ или индифферент- раждан изъ избирательныхъ списковъ, республиканцы сами ли бы основныя начала „народнаго верховенства" и возвели енныя уклоненія на степень постояннаго законнаго факта; аселенія оффиціально раздѣлена была бы на двѣ категоріи— ыхъ, „лишенныхъ правъ" граждан, и активныхъ, политикан- ихъ избирателей. Нечего и говорить, что подобная мѣра не а бы никакой пользы республикѣ и дала бы сильное оружіе ея враговъ.

льныя реформы, предлагаемыя авторомъ, — избраніе главы тва мѣстными генеральными совѣтами, обновленіе состава по частямъ, привлеченіе государственнаго совѣта къ разра- приведенію законодательныхъ проектовъ,—едва ли способны возвысить авторитетъ власти и упрочить положеніе прави- при продолжающемся коренномъ антагонизмѣ между кле- и республиканцами, монархистами и радикалами, промыш- буржуазіею и рабочимъ классомъ. Пока не будутъ соглашены рены эти глубокія внутреннія противорѣчія въ нынѣшнемъ скомъ обществѣ, до тѣхъ поръ будутъ легко находить себѣ ную почву заманчивыя формулы буланжистовъ, ихъ сою- и подражателей. „Открытая для всѣхъ республика", пропо- сторонниками генерала Буланже, есть именно то, чего не- французамъ, и что всего меньше могло бы быть достигнуто ощи предпріимчиваго честолюбца, внесшаго новый элементъ борьбы въ политическую жизнь Франціи. Быть можетъ, со- ъ республиканская партія откажется отъ узкаго сектантскаго несогласнаго съ ролью правительственной руководящей силы, етъ примирить съ республикою враждебные ей элементы:

тогда самъ собою разрѣшится кризисъ, волнующій теперь умы французовъ.

III.

Trois empereurs d'Allemagne. Guillaume I, Frédéric III, Guillaume II, par *Ernest Lavisse*, professeur à la faculté des lettres de Paris.

Талантливые очерки Эрнеста Лависса служатъ лучшимъ доказательствомъ того, что тонкое пониманіе нѣмецкихъ дѣлъ и обстоятельствъ доступно и французскимъ публицистамъ. Характеристики трехъ германскихъ императоровъ написаны съ тѣмъ же знаніемъ предмета и отличаются такимъ же безпристрастнымъ, спокойнымъ отношеніемъ къ Германіи и ея дѣятелямъ, какъ и вышедшіе раньше труды автора: „Etudes sur l'histoire de Prusse" и Essais sur l'Allemagne impériale". Лависсъ изучалъ на мѣстѣ нравы, понятія и настроеніе нѣмецкаго общества, онъ довольно вѣрно опредѣляетъ внутреннее состояніе Германіи и отдаетъ справедливость искусству и добросовѣстности ея правителей, хотя и отмѣчаетъ темныя стороны и недуги прусскаго милитаризма. „Большое число нѣмцевъ— говоритъ онъ, между прочимъ, — стремится къ свободѣ, чтобы чувствовать себя свободными; другіе добиваются того же, чтобы пользоваться свободою для противодѣйствія государству: католики—для освобожденія церкви, соціалисты — для разрушенія существующаго общественнаго строя. Подъ оболочкою спокойствія скрывается въ этой странѣ буря страстей и чувствъ. Волнуемая стремленіями, свойственными благороднымъ націямъ, Германія начала борьбу противъ военнаго и властнаго духа Пруссіи. Эта борьба окончится не скоро; она будетъ имѣть свои остановки и перемирія, а затѣмъ начнется вновь. Окончательный исходъ ея есть тайна будущаго".

Авторъ относится съ большимъ сочувствіемъ къ личности Фридриха III, но онъ сомнѣвается въ правѣ его на самостоятельную славу полководца. „По вступленіи своемъ на престолъ,—замѣчаетъ Лависсъ, —Фридрихъ III наградилъ званіемъ маршала своего бывшаго ближайшаго сотрудника въ войнахъ австрійской и французской, генерала Блументаля, и говорятъ, что онъ передалъ ему свой собственный маршальскій жезлъ. Онъ исправилъ ошибку или несправедливость и благородно признался, что онъ не сдѣлался бы маршаломъ, еслибы не былъ принцемъ и еслибы не имѣлъ даровитаго совѣтника. Онъ былъ счастливый, но не великій полководецъ. Онъ не имѣлъ страсти къ войнѣ: его воззванія передъ сраженіями безцвѣтны и скромны;

столь же безцвѣтны и скромны его прокламаціи послѣ побѣды. Ему чуждъ языкъ солдата по профессіи и по духу. Приказы, письма и телеграммы Вильгельма I напоминаютъ звуки трубы, возвѣщающей побѣду и призывающей къ молитвѣ. Сынъ его говоритъ какъ человѣкъ, который исполнилъ или собирается исполнить свой долгъ. Военные писатели упрекаютъ его въ излишней мягкости. Послѣ битвы при Вёртѣ онъ не распорядился преслѣдовать врага до крайности, какъ поступилъ бы на его мѣстѣ генералъ съ чисто-военной жилкою. Онъ не отличался даже военною аккуратностью". Трагическая исторія эфемернаго царствованія Фридриха III, предположенія и идеи больного императора, отношенія его къ князю Бисмарку, глухое броженіе берлинскихъ вліятельныхъ кружковъ во время роковой болѣзни, вражда къ императрицѣ Викторіи и къ ея англійскимъ симпатіямъ, все это разсказано авторомъ весьма живо и интересно. „Я слышалъ тогда въ Берлинѣ,—говоритъ онъ,—странные разговоры и угадывалъ странныя чувства. Все казалось потеряннымъ, если императоръ будетъ спасенъ. Нѣмецкимъ политикамъ незнакома жалость. Если наступитъ день, когда разыграются страсти въ этомъ народѣ, то мы увидимъ тамъ ужасныя вещи".

Въ одномъ только отношеніи авторъ остается французомъ: онъ отзывается о военномъ духѣ Пруссіи и ея правительства, какъ объ обычаяхъ „другого вѣка", присущихъ спеціально нѣмцамъ; онъ объясняетъ ненависть къ Франціи какою-то особенною воинственностью германской расы и съ удивленіемъ указываетъ на этотъ грозный патріотизмъ даже среди нѣмецкихъ университетовъ. Лависсъ, подобно многимъ изъ его соотечественниковъ, совершенно упускаетъ изъ виду первенствующую роль Наполеоновской Франціи въ новѣйшемъ развитіи милитаризма въ Европѣ. Авторъ забываетъ, что французы не разъ громили Пруссію и угрожали ей полнымъ уничтоженіемъ, что они постоянно оказывали давленіе на внутреннія дѣла Германіи, что французская армія долго служила образцомъ для прочихъ европейскихъ армій, что нѣмцы должны были защищать отъ французовъ свое право на независимое національное существованіе и объединеніе, что, наконецъ, миролюбивое, оборонительное положеніе Франціи началось только со времени несчастной войны 1870 года. Обстоятельства заставляютъ Пруссію держаться на-готовѣ, въ виду возможныхъ случайностей, предвѣщаемыхъ колоссальными французскими вооруженіями и неизвѣстностью будущихъ намѣреній сосѣдей. Франція временъ имперіи (первой и второй) принудила Германію превратиться въ военный лагерь, а теперь французскіе писатели удивляются военному духу нѣмцевъ и не понимаютъ ихъ всеобщей непримиримой вражды къ французамъ, точно нынѣшняя мирная французская респуб-

лика всегда была такою, какою она представляется въ настоящее время. Наполеонъ I поступалъ относительно Пруссіи и Германіи неизмѣримо болѣе круто и сурово, чѣмъ Вильгельмъ I и князь Бисмаркъ по отношенію къ Франціи въ 1871 году. Забвеніе этой исторической вины и отвѣтственности французовъ за процвѣтаніе милитаризма въ Европѣ особенно удивительно со стороны такого безпристрастнаго и свѣдущаго писателя, какъ Эрнестъ Лависсъ.

IV.

Frédéric III. Le prince héritier — l'empereur. Esquisse biographique dediée à sa mémoire, par *Rennell Rodd*, publiée sous la direction et avec une introduction de S. M. *l'impératrice Frédéric*. Paris, 1888.

Какъ видно изъ самаго заглавія, книга Родда, изданная подъ руководствомъ вдовствующей германской императрицы Викторіи, имѣетъ характеръ панегирика. Критическая оцѣнка дѣятельности Фридриха III не входила въ задачу автора; щекотливые вопросы политики также обойдены молчаніемъ, по причинамъ вполнѣ понятнымъ. Біографія составлена вообще толково и читается съ интересомъ; много мѣста удѣлено чисто-личной жизни покойнаго императора, его первому знакомству съ дочерью англійской королевы и ихъ позднѣйшему семейному счастью. Для насъ любопытны только нѣкоторыя фактическія указанія, встрѣчающіяся въ сочиненіи Родда. Въ предисловіи императрицы Викторіи, имѣющемъ форму письма къ автору, упоминается о „полномъ общеніи идей“ между Фридрихомъ III и его тестемъ, принцемъ Альбертомъ, либеральныя убѣжденія котораго были всѣмъ извѣстны; далѣе говорится о „глубокой скорби монарха, любившаго свой народъ и видѣвшаго невозможность осуществить планы, которые онъ давно лелѣялъ въ своемъ сердцѣ для общенароднаго блага“. Коснувшись военныхъ подвиговъ кронпринца, Роддъ замѣчаетъ, что „это, можетъ быть, не былъ тотъ родъ безсмертія, который Фридрихъ III выбралъ бы самъ; но человѣкъ не располагаетъ своею судьбою“. Начиная съ назначенія Бисмарка министромъ-президентомъ въ 1862 году, кронпринцъ, по словамъ автора, „въ теченіе всей послѣдовавшей четверти вѣка никогда не измѣнялъ принятому имъ рѣшенію не высказывать открыто никакого мнѣнія и не принимать никакого активнаго участія въ политической жизни“. Замѣчательные манифесты, изданные Фридрихомъ III послѣ вступленія на престолъ,—воззваніе къ народу и рескриптъ на имя имперскаго канцлера — „составлены были всецѣло рукою императора“, по

свидѣтельству оффиціальнаго его біографа. Книга Родда издана была первоначально на англійскомъ языкѣ и предназначалась главнымъ образомъ для англійской публики, какъ это выражено прямо въ предисловіи императрицы Викторіи.

V.

Autour d'une révolution (1788—1799), par le *comte d'Hérisson*. Paris, 1888.

Книга графа д'Эриссона производитъ какое-то странное впечатлѣніе. Авторъ печатаетъ множество новыхъ документовъ и писемъ, относящихся къ эпохѣ великой революціи, не указывая вовсе, откуда добыты эти бумаги и въ какомъ архивѣ или въ какой библіотекѣ хранятся ихъ подлинники. На упреки, обращенные къ нему критикою по поводу подобныхъ же прежнихъ его сочиненій (напр. „Cabinet noir"), онъ отвѣчалъ просто заявленіемъ, что обнародованные акты находятся въ его рукахъ, причемъ пустился въ личную полемику съ противниками. Графъ д'Эриссонъ старается доказать, что малолѣтній сынъ Людовика XVI не умеръ въ Тамплѣ, а былъ спасенъ при содѣйствіи виконтессы Жозефины Богарне́, позднѣе императрицы. Въ подтвержденіе своей теоріи авторъ приводитъ, между прочимъ, „авторитетное" свидѣтельство академика Викторьена Сарду, извѣстнаго драматурга (стр. 296). Къ книгѣ приложено девять гравюръ, въ томъ числѣ портреты двухъ мнимыхъ дочерей спасеннаго Людовика XVII и его мнимаго малолѣтняго внука; эти „потомки королей" принадлежатъ, какъ извѣстно, къ семейству умершаго часового мастера Наундорфа, династическія притязанія котораго были защищаемы Жюлемъ Фавромъ въ знаменитомъ процессѣ, надѣлавшемъ много шуму въ свое время (въ началѣ семидесятыхъ годовъ). Попытка графа д'Эриссона оживить эту забытую легенду едва ли можетъ быть названа удачною.

VI.

Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik. Herausgegeben von *Dr. Heinrich Braun*. I Jahrg., I Heft. Tübingen, 1888.

Новое періодическое изданіе, посвященное вопросамъ „соціальнаго законодательства и статистики", открывается весьма рѣзкою и остро-

умною критикою последней „соціальной реформы“, предложенной германскому парламенту княземъ Бисмаркомъ. Авторъ этого критическаго разбора, цюрихскій профессоръ Платтеръ, находитъ совершенное противорѣчіе между потребностями нѣмецкаго рабочаго класса и придуманными для нихъ соціально-политическими проектами. „Представители рабочихъ въ германскомъ парламентѣ требовали охраны для интересовъ дѣятельнаго работника, его жены и дѣтей, а имъ дали страхованіе на случай болѣзни. Они домогались улучшенія условій наемнаго труда, а имъ преподносятъ страхованіе на время старости и негодности къ работѣ... Подъ флагомъ соціальной реформы проводится здѣсь чистѣйшая контрабанда. Дѣло идетъ вовсе не о томъ, чтобы оказать большую поддержку неспособнымъ къ труду, а только о новомъ распредѣленіи повинности призрѣнія бѣдныхъ“. До сихъ поръ забота о бѣдныхъ лежала повсюду на зажиточныхъ и богатыхъ классахъ; теперь германскій проектъ переноситъ это бремя на самихъ бѣдняковъ, заставляя ихъ дѣлать взносы на составленіе капитала для выдачи пенсій старикамъ и инвалидамъ изъ рабочихъ. Взносы дѣлаются также нанимателями и правительствомъ, въ равныхъ доляхъ съ рабочими; но такъ какъ последніе не привлекались прежде къ налогамъ на бѣдныхъ, то положеніе ихъ становится хуже. Работнику, достигшему семидесяти-лѣтняго возраста, обѣщается ничтожная пенсія въ 120 марокъ въ годъ, а въ виду очевидной невозможности существовать на эту сумму предлагается старикамъ и инвалидамъ покинуть родныя пепелища и выселяться въ деревни, гдѣ жизнь дешевле и проще. Авторъ приводитъ любопытныя свѣденія и разсужденія изъ протоколовъ оффиціальныхъ обществъ и корпорацій, обсуждавшихъ правительственный законопроектъ. Выходитъ, что на дѣлѣ почти не окажется такихъ престарѣлыхъ работниковъ, которые удовлетворяли бы сложнымъ и труднымъ условіямъ полученія пенсій, и что немногимъ субъектамъ, достигшимъ цѣли, пришлось бы жить впроголодь даже въ дешевыхъ мѣстностяхъ, вдали отъ родныхъ и отъ родины. А между тѣмъ платить будутъ всѣ здоровые работники, и затраты со стороны правительства предполагаются весьма крупныя, до 52 милліоновъ марокъ въ годъ. Платтеръ обращаетъ также вниманіе на многія побочныя, крайне невыгодныя для рабочихъ, послѣдствія мнимой „соціальной реформы“. Изъ его поучительной статьи само собою вытекаетъ заключеніе объ ошибочности основъ законодательнаго проекта князя Бисмарка, что́ и будетъ выяснено, безъ сомнѣнія, во время публичнаго обсужденія вопроса въ имперскомъ сеймѣ.

Изъ остальныхъ статей первой книги „Архива“ слѣдуетъ отмѣ-

тить этюды о статистикѣ лишенныхъ работы въ Англіи, о положеніи рабочихъ классовъ въ Голландіи, о физическомъ развитіи рабочаго населенія въ средней Россіи (проф. Эрисмана), о фабричной инспекціи въ Англіи. Въ отдѣлѣ рецензій напечатана статья г. Каблукова по поводу сочиненія Кнаппа объ освобожденіи крестьянъ въ Пруссіи. Уже изъ этого краткаго обзора содержанія „Архива“ можно видѣть, что изданіе, предпринятое Брауномъ, обѣщаетъ занять весьма замѣтное и самостоятельное мѣсто въ ряду нѣмецкихъ спеціальныхъ журналовъ подобнаго рода.—Л. С.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го января, 1889.

— *Д. И. Эварницкій. Запорожье* въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа. Съ 55 рисунками и 7 планами. Спб. 1888. 2 части.

Авторъ настоящей книги не бралъ на себя писать исторію Запорожья, отсылая читателя къ извѣстному старому сочиненію Скальковскаго, которое вышло недавно въ обновленномъ и исправленномъ изданіи; г. Эварницкій поставилъ себѣ другую задачу—собрать о Запорожьѣ тѣ данныя, которыя хранятся еще въ народномъ преданіи, описать реальные, теперь уже археологическіе остатки запорожскаго быта, наконецъ изслѣдовать топографію тѣхъ мѣстностей, которыя были нѣкогда гнѣздомъ Запорожья. Мысль подобнаго труда кажется намъ очень счастливою. Исторія Запорожья именно нуждается въ изученіи его съ этой стороны: во-первыхъ, одни письменные источники едва ли могли бы дать ученому историку, руководящемуся одними старыми документами, достаточно матеріала для живой картины запорожскаго быта; во-вторыхъ, Запорожье само было до такой степени явленіемъ народнымъ, что изученіе оставшагося по немъ народнаго преданія составляетъ необходимую часть его историческаго изображенія. Такимъ образомъ, г. Эварницкому представилась историческая задача особаго рода: ему надо было сдѣлаться топографомъ, археологомъ и этнографомъ Запорожья—отправиться на мѣста, изслѣдовать старыя поселенія запорожцевъ, отыскивать сохранившіеся предметы запорожской старины, собирать пѣсни, преданія и разсказы. Сдѣлать все это давно было бы пора: еще одно поколѣніе, и собиратель, безъ сомнѣнія, не нашелъ бы уже половины того, что̀ могъ еще найти г. Эварницкій.

Авторъ отнесся къ своей задачѣ весьма добросовѣстно. Трудъ его есть результатъ восьмилѣтнихъ странствованій по бывшимъ владѣніямъ запорожцевъ. Собираніе свѣденій было уже теперь сопря-

жено съ большими трудностями. „Въ настоящее время,—говоритъ г. Эварницкій (т. I, стр. 7),—на мѣстѣ павшаго Запорожья возникли двѣ губерніи, екатеринославская и значительная часть херсонской, кромѣ трехъ ея уѣздовъ: ананьевскаго, тираспольскаго и одесскаго, находящихся отъ праваго берега рѣки Буга къ югу и составлявшихъ нѣкогда земли турецкой имперіи. Теперь здѣсь много новыхъ городовъ, еще больше того селъ, деревень, колоній, въ которыхъ живутъ по преимуществу пришлые люди, не имѣющіе ничего общаго, кромѣ развѣ языка да вѣры, съ прежними обитателями, запорожскими козаками. Есть даже много и такихъ, у которыхъ и языкъ, и вѣра нисколько не схожи съ языкомъ и вѣрою запорожцевъ. Среди такого населенія трудно искать вещественныхъ остатковъ запорожской культуры, и если они находятся, то въ очень незначительномъ количествѣ, только въ видѣ намековъ или отрывковъ. Оттого всякое воспоминаніе о запорожцахъ драгоцѣнно для тѣхъ, кто такъ или иначе интересуется прошлой судьбой нашего отечества вообще и нашего юга въ частности. Изслѣдователю Запорожья приходится прежде всего заглядывать въ монастыри, церкви, архивы, потомъ знакомиться съ дѣдами, прибѣгать къ раскопкамъ, записывать пѣсни, преданія, собирать древности, изучать мѣстности, разбирать намогильныя надписи, осматривать пещеры и т. п. Только такимъ путемъ и возможно, до извѣстной степени, воскресить жизнь давно уже сошедшихъ въ могилу, но въ памяти народной и теперь неумершихъ, запорожскихъ козаковъ".

Г. Эварницкій посѣтилъ и осмотрѣлъ всѣ мѣста, которыя были центрами запорожскаго населенія и даетъ исторію восьми „сѣчей", которыя послѣдовательно были такими центрами; онъ подробно описываетъ ихъ мѣстоположеніе, остатки старины, отыскиваетъ въ архивахъ относящіяся къ нимъ извѣстія и собираетъ у стариковъ преданія, и т. д. Изъ матеріала архивовъ и пѣсенъ онъ приводитъ въ настоящей книгѣ лишь то, что̀ прямо относится къ разсказу, и собралъ остальное въ отдѣльномъ сборникѣ матеріаловъ для исторіи Запорожья. Наконецъ, онъ воспользовался всей старой и новой литературой по исторіи предмета. По археологіи бытовой важнымъ пособіемъ послужили г. Эварницкому коллекціи у нѣсколькихъ любителей старины, и особливо богатое археологическое собраніе А. Н. Поля, въ Екатеринославѣ. Ведя свой родъ по женской линіи отъ извѣстнаго атамана малороссійскихъ козаковъ, Павла Полуботка, г. Поль съ молодости пристрастился къ собиранію южно-русскихъ древностей вообще и запорожскихъ въ частности. Въ теченіе болѣе чѣмъ тридцати лѣтъ у г. Поля составился, по словамъ г. Эварницкаго, огромнѣйшій музей, гдѣ собраны предметы южно-русской древ-

ности отъ временъ до-историческихъ до временъ запорожскихъ. Г. Эварницкій перечисляетъ множество запорожскихъ предметовъ этого музея: оружіе всякаго рода—отъ пушекъ до „свяченыхъ“ ножей; „клейноты“ запорожскаго войска, одежду, посуду, письменныя принадлежности, украшенія, картины и т. д., до козацкой люльки (I, стр. 56—59). Было бы кстати сообщить здѣсь, какъ образовался этотъ замѣчательный музей, откуда собрались составляющіе его предметы; далѣе, чѣмъ опредѣляется принадлежность вещей именно запорожцамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда эта принадлежность не удостовѣряется такъ или иначе самыми вещами; любопытно было бы, если возможно, объяснить, напримѣръ, происхожденіе тѣхъ картинъ, которыя повторены въ рисункахъ въ книгѣ г. Эварницкаго и которыя изображаютъ различные эпизоды запорожскаго быта, и т. п. Другой подобный музей, съ большимъ количествомъ запорожскихъ предметовъ, принадлежитъ г. Алексѣеву (I, стр. 102). Извѣстна, наконецъ, богатая коллекція г. В. Тарновскаго.

Своему изложенію авторъ далъ простую форму разсказа о своихъ путешествіяхъ по бывшему Запорожскому краю, съ описаніемъ современнаго положенія старыхъ „сѣчей“, съ историческими объясненіями и т. д. Въ результатѣ собралось здѣсь много важныхъ для историка свѣденій о бытовой сторонѣ Запорожья, много характерныхъ подробностей объ этомъ странномъ, хотя имѣющемъ историческое объясненіе, явленіи народной жизни. Понятно, что въ настоящее время заглохло уже многое въ народной памяти, но авторъ могъ еще найти древнихъ стариковъ съ довольно живыми преданіями, хотя уже принимающими нѣсколько фантастическій характеръ; онъ встрѣтилъ нѣсколько лицъ, ведущихъ свой родъ отъ людей стараго Запорожья и въ семейныхъ преданіяхъ которыхъ сохранились также любопытныя черты жизни стараго вѣка. Авторъ внимательно осматривалъ всякіе остатки старины, особливо церкви, гдѣ сохранились историческія записи, старыя иконы, между прочимъ съ изображенными на нихъ молящимися запорожцами, и т. п. По всѣмъ этимъ остаткамъ старины авторъ могъ собрать нѣсколько біографій полу-историческихъ, полу-легендарныхъ, которыя кажутся точно страницами историческаго романа или эпизодами народнаго эпоса. Чтобы извѣдать вполнѣ область стараго Запорожья, авторъ, между прочимъ, спустился внизъ по Днѣпру черезъ пороги,—какъ извѣстно, путешествіе весьма небезопасное.

Въ цѣломъ, книга г. Эварницкаго, кромѣ чисто научнаго интереса для спеціалистовъ-историковъ, представляетъ и весьма занимательное популярное чтеніе: въ его легкомъ разсказѣ соединены и

ины южно-русской природы, и описанія остатковъ оригинальной ожской старины, и образчики народной поэзіи, и очерки совреьго быта на мѣстахъ старыхъ запорожскихъ подвиговъ. Текстъ зняется большимъ количествомъ рисунковъ весьма разнообраз содержанія: такъ изображено здѣсь нѣсколько мѣстностей по ру, помѣщено нѣсколько историческихъ портретовъ, повторены жныя картинки, изображающія то группу запорожцевъ, то ощаго на бандурѣ гайдамаку, то запорожскій лагерь и зимов далѣе, находимъ въ рисункахъ различные предметы запорож вооруженія и домашняго обихода, одежды, оружія, посуды д., иконы, запорожскія ризы и церковные сосуды, намогильные ы, наконецъ цѣлый рядъ плановъ запорожскихъ сѣчей и общую запорожскихъ владѣній.

дачей автора не было историческое объясненіе самаго происенія и историческаго значенія Запорожья: авторъ посвящаетъ предмету лишь нѣсколько вводныхъ страницъ въ началѣ книги сколько страницъ въ концѣ сочиненія (т. II, стр. 200—202), ередается, впрочемъ, не столько историческій выводъ, сколько еское настроеніе автора, которому представляется поэтическая ина изслѣдованной имъ старины. Историческія положенія автора бы быть точнѣе, какъ и въ самомъ изложеніи нѣкоторыя поости могли бы быть и объяснены вѣрнѣе. (На стр. 75, т. I, ъ объясняетъ, напримѣръ, въ старинной стихотворной надписи ртрету запорожца слово „гречь“ какъ „особый способъ битвы, бляхъ“; настоящее слово было „герцы“—какъ назывались соббо поединки, удалыя одиночныя схватки передъ началомъ сраже-оторыми враги подзадоривались къ настоящему бою)—А. П.

отворенія П. А. Козлова. Изданіе третье. Два тома. Москва, 1889.

сская литература давно уже богата хорошими переводами иноныхъ поэтовъ. Изъ числа трагедій Шекспира нѣкоторыя перены превосходно, близко къ подлиннику и вмѣстѣ съ тѣмъ художено; то же самое можно сказать о „Фаустѣ“ Гёте, объ „Орлеанской Шиллера, о многихъ, весьма многихъ стихотвореніяхъ Гейне, е, В. Гюго. Меньше всего, сравнительно, удавались до сихъ переводы произведеній Байрона, въ особенности „Донъ-Жуана“. ь этотъ пробѣлъ будетъ отчасти пополненъ. Въ вышедшемъ не-

давно третьемъ изданіи стихотвореній П. А. Козлова помѣщены три пѣсни „Донъ-Жуана" переданныя размѣромъ оригинала. Затрудненія, которыя приходилось преодолѣвать переводчику, были громадны; но онъ почти вездѣ вышелъ изъ нихъ побѣдителемъ. Въ скоромъ времени появятся въ свѣтъ, въ переводѣ г. Козлова, и всѣ остальныя пѣсни „Донъ-Жуана"; мы возвратимся тогда къ колоссальной поэмѣ Байрона, слишкомъ мало извѣстной русскимъ читателямъ. Переводъ „Манфреда" представлялъ менѣе техническихъ трудностей, но нелегко было остаться вѣрнымъ общему колориту, общему тону подлинника, проникнутаго мрачнымъ величіемъ. До извѣстной степени г. Козлову этого удалось достигнуть. Конечно, при подробномъ сличеніи перевода съ оригиналомъ можно найти не мало мѣстъ, въ которыхъ мысль автора потеряла часть своей сжатости и силы. Таково, напримѣръ, четверостишіе въ первомъ монологѣ Манфреда: „для мудрецовъ страданіе—наука, и лучшій ихъ учитель—это скорбь; они съ тоской ту истину признали, что древо знанья жизни не даетъ". Второй стихъ не воспроизводитъ лапидарнаго изреченія: Sorrow is knowledge; въ послѣднихъ двухъ стихахъ слышится только слабый отголосокъ энергическаго отчаянія Манфреда (they who know the most must mourn the deepest o'er the fatal truth, the tree of knowledge is not that of life). Таинственныя слова: „since that all nameless hour" слишкомъ матеріализованы въ переводѣ: „съ ужаснаго мгновенія, когда проклятье разразилось надо мной". Кое-что обезцвѣтилось и въ чудномъ монологѣ Манфреда передъ тѣнью Астарты (the voice which was my music — „голосъ, что мнѣ жизнь отрадой наполнялъ"); не совсѣмъ вѣрно переданы слова Манфреда о причинахъ, заставляющихъ его бояться безсмертія („a future like the past"—не то же самое, что „прошлое сливается съ грядущимъ"; Манфредъ не хочетъ вѣчности, потому что видитъ въ ней повтореніе прошедшаго, слишкомъ большое сходство съ земной жизнью). Всѣ эти мелкіе недостатки не имѣютъ, однако, существеннаго значенія; *общее впечатлѣніе*, производимое переводомъ, близко подходитъ къ тому, которое испытываешь при чтеніи самого Байрона,—а въ этомъ заключается главное торжество переводчика. Онъ усвоилъ себѣ *настроеніе* автора и именно потому возбуждаетъ его въ читателяхъ... Изъ Байрона г. Козловъ перевелъ еще „Еврейскія мелодіи"; мѣстами это скорѣе передача содержанія, чѣмъ переводъ въ полномъ смыслѣ слова, но и здѣсь часто сохранена своеобразная прелесть подлинника. То же самое можно сказать и о переводахъ изъ Альфреда Мюссе; иногда только свобода переводчика переходитъ черезъ край, почти вовсе устраняя сходство съ оригиналомъ. Конецъ „Августовской ночи"—одна изъ самыхъ

прелестныхъ страницъ Мюссе—удался г. Козлову столь же мало, какъ и другому переводчику, г. Андреевскому. Въ стихахъ г. Козлова трудно даже узнать основную тему французскаго поэта—всемогущество новаго чувства, смиряющаго гордость, заставляющаго забыть горечь прежнихъ разочарованій. [1]). Кромѣ Байрона и Мюссе г. Козловъ переводитъ еще польскихъ поэтовъ—Словацкаго, Сырокомлю, Залѣсскаго. Особенно интересны переводы изъ Словацкаго, котораго русская публика почти не знаетъ. Есть, наконецъ, у г. Козлова небольшое число оригинальныхъ стихотвореній, отчасти юмористичныхъ, отчасти нѣжныхъ, грустныхъ, задушевныхъ. Очень мила поэма: „Городокъ", рисующая нравы и обычаи уѣзднаго захолустья; она написана размѣромъ „Донъ-Жуана", и намѣренный контрастъ между формой и содержаніемъ значительно увеличиваетъ комическое впечатлѣніе. Всего чаще слышится у г. Козлова гейневская нота, и ей онъ обязанъ лучшими своими вдохновеніями. Это—совсѣмъ не подражаніе, а просто внутреннее родство съ авторомъ „Buch der Lieder", часто замѣчаемое у русскихъ поэтовъ. Вотъ, напримѣръ, два небольшія стихотворенія:

1.

Ты пѣла старинную пѣсню...
Внималъ я съ отрадою ей;
Давно позабытыя грезы
Въ душѣ пробуждались моей.
Въ душѣ пробуждались толпою,
Чтобъ ласки, надежды сулить;
Я снова хотѣлъ бы молиться,
Я снова хотѣлъ бы любить.
Но въ сердце мнѣ злое сомнѣнье
Ползетъ ядовитой змѣей,
И злобно, подъ звуки напѣва,
Смѣется оно надо мной.

---

[1]) Вотъ, напримѣръ, послѣдняя строфа: „Я разорву тяжелыя оковы, я отгоню тяжелыя мечты,—моя душа опять любить готова. Люби, страдай! Когда полюбишь снова, для свѣтлыхъ грёзъ душой воскреснешь ты". Общаго съ подлинникомъ здѣсь нѣтъ почти ничего („dépouille devant tous l'orgueil qui te dévore, coeur gonflé d'amertume et qui t'es cru fermé. Aime, et tu renaîtras; fais-toi fleur pour éclore. Après avoir souffert, il faut souffrir encore; il faut aimer sans cesse, après avoir aimé").

2.

Вѣтеръ злится, шумитъ непогода;
Все, какъ саваномъ, кроетъ зима;
Сномъ глубокимъ объята природа;
Какъ въ могилѣ и холодъ, и тьма.
И душа холодна, какъ могила;
Только слезы текутъ изъ очей...
Не вчера разставался я съ милой
И не завтра увижуся съ ней.

По этимъ двумъ стихотвореніямъ читатель можетъ самъ составить себѣ довольно ясное понятіе о характерѣ дарованія г. Козлова.—К. К.

— *Г. П. Сазоновъ.* Неотчуждаемость крестьянскихъ земель въ связи съ государственно-экономическою программою. Спб., 1889.

Трудъ г. Сазонова обращаетъ на себя вниманіе не только энергическою постановкою вопроса, имѣющаго у насъ первостепенную важность, но и особенно тѣмъ спеціальнымъ политическимъ оттѣнкомъ, который приданъ разработкѣ предмета. Авторъ не довольствуется своею непосредственною задачею; онъ ставитъ себѣ болѣе высокую цѣль, къ исполненію которой онъ приступаетъ съ необычайною торжественностью. „Сознавая всю важность этого труда (т.-е. изложенія цѣлой государственно-экономической программы),—говоритъ онъ,—я укрѣпляю себя сознаніемъ неотложности, настоятельности и, скажу прямо, своевременности его. Не теоретическія доктринерскія соображенія руководятъ мной, не желаніе угодить или даже сообразоваться со вкусами и тенденціями разныхъ кружковъ и направленій въ нашей общественной жизни; пользы и интересы родины, благо народа и основанныя на немъ величіе и могущество— вотъ мои руководители. Средства же, которыми я располагаю при этомъ:—знакомство съ опытомъ Европы, старательное, насколько это возможно, изученіе современнаго экономическаго положенія Россіи, сознаніе необходимости сообразоваться съ бытовыми условіями и обычаями народа и преемственность моихъ построеній съ ходомъ нашего историческаго аграрнаго законодательства, съ лучшими традиціями старины". Этотъ самонадѣянный, высокопарный тонъ отчасти вредитъ впечатлѣнію, производимому положительною частью книги

г. Сазонова. Авторъ восхваляетъ „національную политику“ прежнихъ русскихъ правителей, подкрѣпляя себя цитатами изъ старыхъ славянофиловъ—Кирѣевскаго, Константина Аксакова и другихъ; онъ восторгается превосходствомъ русскаго народнаго быта и возстаетъ противъ иноземныхъ теорій, противъ узкихъ тенденцій и опасныхъ недуговъ западной Европы. По обыкновенію, доводы противъ европейскихъ золъ и проекты мѣръ для упроченія нашего крестьянскаго землевладѣнія заимствуются изъ трудовъ западно-европейскихъ писателей и изъ примѣровъ чужихъ странъ (напримѣръ Америки), несмотря на краснорѣчивые возгласы о безусловной нашей самобытности. Законодательная дѣятельность правительства по земельнымъ вопросамъ представляется автору „цѣльною, законченною, мудро построенною“. Это, по его мнѣнію, „зданіе прочное и величественное въ національномъ стилѣ. Реставрированное и подновленное, оно могло бы стать гордостью нашей и дать счастье намъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ красотой и свѣтомъ оно могло бы озарить весь міръ. Да, въ историческихъ основахъ нашей жизни, въ устояхъ нашего строя, въ традиціяхъ и инстинктахъ народа сохранилось еще многое, о чемъ мечтаютъ лучшіе европейскіе умы, какъ о такихъ началахъ, которыя могутъ обновить Европу, дать счастье человѣчеству, страдающему, задыхающемуся во взаимной враждѣ и нищетѣ“ (стр. 146—7). „Моя задача,—продолжаетъ авторъ,—будучи строго послѣдовательнымъ традиціонной политикѣ русскихъ государей, реставрировать и подновить это заброшенное зданіе и сдѣлать незначительныя пристройки къ нему, сообразно требованіямъ настоящаго времени“. Конечно, это только неправильный оборотъ рѣчи, а не сознательное смѣшеніе литературной работы съ законодательною.

Обширный фактическій матеріалъ, собранный авторомъ, приводитъ его къ заключенію, что необходимы разнообразныя и послѣдовательныя мѣры для обезпеченія нашего крестьянства отъ разоренія, и что „неотчуждаемость крестьянскихъ земель—это только первый шагъ по пути благотворнаго воздѣйствія правительства на экономическую жизнь народа“. Намъ кажется, что г. Сазоновъ возлагаетъ слишкомъ много надеждъ на бюрократію. Обсуждая различные способы „благотворнаго воздѣйствія правительства“, онъ забываетъ о самомъ главномъ источникѣ хозяйственнаго разстройства крестьянъ—о непосильныхъ платежахъ и налогахъ, взимаемыхъ съ земледѣльческаго населенія въ пользу государственной казны, при существующей податной системѣ. Авторъ полагаетъ, что „прежде всего долженъ быть созданъ высшій правительственный органъ, для завѣдыванія интересами земледѣлія и сельскаго хозяйства“, и что „отсут-

ствіе подобнаго органа—удивительное явленіе, составляющее истинное несчастье (!) для страны". Во главѣ этого новаго вѣдомства „долженъ бы стоять государственный человѣкъ, одушевленный любовью къ народу, стяжавшій себѣ почетное имя на служеніи отечеству и высокій авторитетъ въ наукѣ, человѣкъ, глубоко изучившій русское государственное начало (?), удостоенный довѣрія монарха, дабы онъ, подобно графу Киселеву, сталъ возможно ближе къ престолу". Отъ означеннаго „государственнаго учрежденія" авторъ ждетъ установленія единства и системы въ народно-хозяйственной политикѣ правительства, какъ будто прибавка новаго вѣдомства къ прежнимъ можетъ измѣнить общій характеръ бюрократіи. Между различными вѣдомствами будутъ по прежнему существовать неодинаковыя воззрѣнія на нужды страны, и эти разногласія зависятъ вовсе не отъ „отсутствія спеціальнаго органа (для интересовъ земледѣлія) и неимѣнія ясно установленной программы". „Въ то время,—говоритъ авторъ, —какъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ разрабатывался первый проектъ о неотчуждаемости крестьянскихъ земель, министерство финансовъ выработало и провело прямо противоположную мѣру, распространивъ выкупную операцію и на земли государственныхъ крестьянъ. Такая неустойчивость, шатаніе государственной политики, и притомъ по вопросу первой важности, не желательна ни съ какой точки зрѣнія, а тѣмъ болѣе съ государственной". Авторъ ужъ слишкомъ просто смотритъ на причины этой неустойчивости и этого шатанія; по его мнѣнію, все дѣло въ болѣе сосредоточенной организаціи управленія и въ лучшемъ выборѣ людей для исполненія законовъ и правительственныхъ распоряженій.

Г. Сазоновъ пускаетъ въ ходъ какое-то особое краснорѣчіе противъ кулачества, подрывающаго основы крестьянскаго благосостоянія, противъ обхода законовъ во вредъ земледѣлію, противъ сельскаго ростовщичества и всякихъ другихъ недуговъ нашего крестьянскаго быта. „Возможно ли допускать, — восклицаетъ онъ,—подобное гнусное издѣвательство надъ закономъ, который долженъ быть священнымъ для всякаго гражданина? И во что обратится самый законъ, да и авторитетъ власти?.. Интересы, даже достоинство государства ставитъ на карту зарвавшійся хищникъ. Развѣ не знаетъ онъ, наконецъ, что законъ освящается Высочайшею властью!" и т. д. (стр. 152). Въ неустройствахъ крестьянскихъ переселеній авторъ видитъ „плоды невниманія къ нуждамъ народа, культивированные новѣйшимъ временемъ" (?); дореформенное же законодательство наше „было строго послѣдовательно національнымъ государственнымъ началамъ и съ замѣчательною заботливостью относилось, между про-

чимъ, и къ переселенію", причемъ приводится въ примѣръ дѣятельность графа Киселева. „Пришло время сознать ошибки недавняго прошлаго,—говорится далѣе,—и искренно, честно выставить на знамени народно-государственное историческое начало, а не лживыя иноземныя теоріи" (?). Такъ какъ въ основѣ этихъ „государственныхъ началъ" прошлаго лежало крѣпостное право, то можно было бы причислить автора къ скрытымъ противникамъ крестьянской реформы, еслибы вся его книга не была проникнута мыслью о пользѣ и интересахъ крестьянства. Особенно часто и съ какимъ-то благоговѣйнымъ восторгомъ вспоминаетъ онъ о „необыкновенномъ организаторскомъ талантѣ, государственной мудрости и удивительной энергіи графа (Киселева), поддерживаемаго и согрѣваемаго любовью и непреклонною волею могущественнѣйшаго монарха". По поводу внѣшнихъ долговъ и займовъ Россіи, отзывающихся печально на экономическомъ состояніи нашего земледѣльческаго населенія, какъ главной платежной силы, авторъ разсуждаетъ не хуже самыхъ горячихъ патріотовъ извѣстной категоріи. „Нѣтъ,—говоритъ онъ,—не то нужно православной Руси, не такъ, не такимъ холопскимъ языкомъ должно говорить съ легализированными разбойниками (иностранными кредиторами!), не намъ подобострастно преклоняться передъ золотымъ идоломъ... Да развѣ Россія была когда-нибудь такъ могущественна, какъ въ настоящее время? Экономическій упадокъ несомнѣненъ, но не Европѣ бросать этотъ упрекъ намъ, не ей кичиться передъ нами. ...Пора разбить золотого идола, сломить его гордыню. И мы можемъ это сдѣлать. Въ нашемъ государственномъ и общественномъ организмѣ много мощной силы, въ немъ живетъ богатырскій духъ. Стоитъ намъ только взяться энергично за дѣло, какъ всѣ наши враги растаютъ какъ воскъ отъ огня", и такъ далѣе, въ томъ же тонѣ (стр. 224—5 и др.). Очень жаль, что къ спеціальной экономической темѣ сочиненія примѣшаны такіе удивительные посторонніе элементы, которые невольно производятъ тягостное впечатлѣніе на неподготовленнаго къ подобнымъ сюрпризамъ читателя.—Л. С.

Въ теченіе декабря 1888 г. поступили въ редакцію нижеслѣдующія книги и брошюры:

Абрамовичъ, М. Стихотворенія. Спб., 1889. Стр. 232. Ц. 1 р. 50 к.

Алексѣевъ, В. Епиктетъ. Основанія стоицизма. Перев. съ греч. Спб., 1888. Стр. 16. Ц. 25 к.

Березинъ, В. П. Романы, повѣсти и разсказы. Т. II и III. Спб., 1888. Стр. 526 и 402. Ц. по 2 р. 50 к.

Блиновъ, Н. Миронъ Петровичъ. Сцены изъ народной жизни. Казань, 1888. Стр. 88. Ц. 15 к.

Булгаковъ, З. К. и Даниловъ, В. А. Новые иллюстрированные разсказы для дѣтей средняго и старшаго возраста. Спб., 1889. Стр. 110. Ц. 1 р.

Г. Грезы, ром. Эм. Зола, переводъ съ 47 иллюстр. Жаньо портр. и автогр. автора. Спб., 1889. Стр. 216. Ц. 1 р.

Горбовъ, Н. Основы обученія русскому языку въ народной школѣ. Кіевъ, 1888. Стр. 52.

Гродековъ, Н. И. Хивинскій походъ 1873 года. Дѣйствія кавказскихъ отрядовъ. Изд. 2-е, дополн. Спб., 1888. Стр. 343 и 72. Ц. 4 р.

Добротворскій, П. И. (П. Кармасановъ). Разсказы, очерки и наброски. Спб., 1888. Стр. 120. Ц. 1 р.

Запольскій, М. Календарь сѣверо-западнаго края на 1889 г. Москва, 1889. Стр. 138. Ц. 30 к.

Ивановъ, М. М. Историческій очеркъ пятидесятилѣтней дѣятельности музыкальнаго журнала „Нувеллистъ". Спб., 1889. Стр. 32.

Карѣевъ, Н. „Паденіе Польши" въ исторической литературѣ. Спб., 1888. Стр. 407. Ц. 2 р. 50 к.

Коля-дядя. Клима-Разиня и три шалуна. Разсказъ въ стихахъ, съ иллюстр. Спб. 1889. Стр. 48. Ц. 2 р.

Львова, А. Марина Мнишекъ, историческая поэма, въ пяти частяхъ (Дешев. Библ.). Спб., 1888. Стр. 150. Ц. 15 к.

Мартенсъ, Ф. Современное международное право цивилизованныхъ народовъ. Т. II. Изд. 2-е, дополн. и исправл. Спб., 1888. Стр. 575. Ц. 3 р. 50 к.

Сидоровъ, В. Драматическія сочиненія. Т. I. Спб., 1889. Стр. 179. Ц. 1 р. 50 коп.

Театралъ. Театральные типы. Воспоминанія режиссёра. Спб., 1889. Стр. 257. Ц. 1 р. 50 к.

Тенишевъ, В. Дѣятельность животныхъ. Спб., 1889. Стр. 231. Ц. 1 р. 50 к.

Трачевскій, А. Учебникъ исторіи. Новая исторія, ч. I. Спб., 1889. Стр. 675. Ц. 2 р. 50 к.

Фойницкій, И. Я. Ученіе о наказаніи въ связи съ тюрьмовѣденіемъ. Спб., 1889. Стр. 500. Ц. 3 р. 50 к.

Цвѣтаевъ, И. Сорокъ лѣтъ учено-литературной дѣятельности Н. М. Благовѣщенскаго. Спб., 1888. Стр. 16.

Червинскій, В. В. Перечень нынѣ дѣйствующихъ трактатовъ, заключенныхъ Россіей и другими государствами по вопросамъ не-политическимъ. Спб., 1888. Стр. 100.

Чуйко, В. В. Шекспиръ, его жизнь и произведенія. Спб., 1889. Стр. 662. Съ 33 гравюрами. Ц. 5 р.

Ярцевъ, А. М. С. Щепкинъ въ русской литературѣ (Щепкиніана). Москва, 1888. Стр. 32. Ц. 30 к.

Grossmann, P. Almanach Moskauer für 1889. Erster Jahrgang. Moskau, 1889. Стр. 268.

Desjardins. Esquisses et Impressions. Par., 1889. Стр. 374.

Zeissberg, Dr. Prof. Franz Joseph I. Wien, 1888. Стр. 48.

— Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ московск. архивѣ мин. юстиціи. Москва, 1888. Стр. 507 и 156. Ц. 3 р.

— Отчетъ литературно-драматическаго общества (нынѣ русское литературное общество) за 1887-88 г. Спб., 1888. Стр. 32.

— Отчетъ по школѣ печатнаго дѣла имп. русскаго техническаго общества за 1887-88 г. Спб., 1888. Стр. 20.

— Русскій календарь на 1889 г. А. Суворина. Восемнадцатый годъ. Спб., 1889. Стр. 320 и 228.

— Сборникъ художественно-литературный. Памяти В. М. Гаршина, съ 2 его портр., видомъ его могилы и 21 рисункомъ. Спб., 1889. Стр. 330. Ц. 3 р.

— Сборникъ литературный въ память В. М. Гаршина: „Красный Цвѣтокъ“. Спб., 1889. Стр. 196.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го января 1889.

Модныя вѣянія въ провинціальномъ захолустьѣ.—Земская кампанія противъ земской школы. — Другіе „признаки времени", и погоня за „теплыми мѣстечками". — Коротоякское дѣло. — Газетные отзывы о гр. Лорисъ-Меликовѣ.—А. Я. Гердъ †.

Въ 1887 г. мы не разъ имѣли случай говорить о дѣятельности хорошо знакомаго намъ уѣзднаго земскаго собранія, въ мѣстности довольно глухой, хотя и не далекой отъ Петербурга. Мы видѣли, какъ отражаются въ провинціальной тиши столичныя „вѣянія", какъ испытываетъ свою силу новая земская партія, поставившая себѣ задачей воспроизводить, въ миніатюрѣ, модныя теченія. Два года тому назадъ агитація ея противъ свѣтскаго начальнаго обученія была еще въ зародышѣ; въ воздухѣ носились слухи о какихъ-то предложеніяхъ, съ которыми намѣрены выступить враги земской школы, но все ограничилось произнесеніемъ рѣчей, въ которыхъ умалялось (не фактами, а общими мѣстами) значеніе сдѣланнаго земствомъ для народнаго образованія и превозносилась школа грамотности, съ учителями изъ отставныхъ солдатъ. Годъ спустя, осенью 1887 г., движеніе обрисовывается нѣсколько ярче, хотя все еще не выходитъ на поверхность; говорится о великой пользѣ, приносимой церковно-приходскими школами, указывается на значеніе религіозно-нравственнаго воспитанія (какъ будто бы о немъ не заботилась земская школа), но, въ концѣ концовъ, все остается по старому, школьный бюджетъ даже увеличивается на нѣсколько сотъ рублей, просьба наблюдателя надъ церковно-приходскими школами объ оказаніи имъ пособія отъ земства отклоняется собраніемъ. Проходитъ еще годъ,—и сокровенные замыслы появляются, наконецъ, на бѣлый свѣтъ, въ видѣ формальнаго доклада уѣздной земской управы. Въ этомъ докладѣ предлагаются двѣ мѣры: поручить имѣющему образоваться, на основаніи новыхъ правилъ [1]), мѣстному отдѣленію епархіальнаго училищнаго совѣта выработать способъ замѣны существующихъ земскихъ школъ церковно-приходскими, подъ условіемъ уменьшенія земскихъ на этотъ предметъ расходовъ, а въ ожиданіи желанной минуты ассигновать въ пособіе церковно-приходскимъ школамъ и школамъ грамотности

---

[1]) См. Общественную Хронику въ № 10 „Вѣстника Европы" за 1888 г.

болѣе 700 рублей, уменьшивъ на такую же цифру смѣту расходовъ на земскія школы.

Никогда еще, кажется, ни одно земское собраніе не ожидалось въ этомъ уѣздѣ съ такимъ нетерпѣніемъ, какъ то, которому предстояло высказаться насчетъ доклада управы. Съ перваго взгляда это нетерпѣніе могло показаться страннымъ,—не потому, конечно, чтобы недостаточно былъ важенъ вопросъ о судьбѣ земской школы, а потому, что слишкомъ незначительны были, повидимому, шансы принятія предложенія управы. Опытъ прежнихъ лѣтъ показалъ съ достаточною ясностью, что крестьяне, которыхъ въ собраніи тринадцать (а всѣхъ гласныхъ 32, считая предводителя дворянства и представителя вѣдомства государственныхъ имуществъ), какъ одинъ человѣкъ стоятъ за земскую школу; не менѣе извѣстно было и то, что на ея сторонѣ, по меньшей мѣрѣ, половина гласныхъ отъ землевладѣльцевъ, т.-е. человѣкъ семь или восемь. Даже безъ гласныхъ отъ города (ихъ двое), никогда не высказывавшихся противъ существующихъ школьныхъ порядковъ, большинство голосовъ представлялось, такимъ образомъ, обезпеченнымъ за сторонниками земской школы. Чтò же было причиной волненія и тревоги, господствовавшихъ передъ открытіемъ земскаго собранія? Не что иное, какъ говоръ объ экстраординарныхъ мѣрахъ, принимаемыхъ, будто бы, съ цѣлью доставить успѣхъ предложенію управы. Говорили объ угрозахъ, которыя пришлось выслушать одному изъ самыхъ вліятельныхъ гласныхъ-крестьянъ, о давленіи на гласныхъ-волостныхъ старшинъ и волостныхъ писарей, о приглашеніи къ присутствованію въ залѣ засѣданій такихъ лицъ, при которыхъ не всѣ рѣшатся высказать свое настоящее мнѣніе. Были и другія, болѣе опредѣленныя указанія на интенсивность агитаціи, направленной къ уничтоженію земской школы. Въ городѣ, о которомъ идетъ рѣчь, помѣщеніемъ для земскаго собранія издавна и постоянно служитъ довольно обширная зала, въ которой происходятъ засѣданія мирового съѣзда и временного отдѣленія окружнаго суда. На этотъ разъ въ повѣсткахъ, разосланныхъ гласнымъ, было означено время, но не мѣсто открытія собранія. За этимъ умолчаніемъ скрывалось намѣреніе перенести собраніе въ помѣщеніе управы, весьма тѣсное, въ которомъ едва размѣстились бы гласные и вовсе не оказалось бы мѣста для публики. Возраженія нѣкоторыхъ гласныхъ заставили управу отказаться отъ исполненія этого намѣренія, — но выразившаяся въ немъ свѣтобоязнь была сама по себѣ признакомъ довольно характеристичнымъ. Не лишено значенія было и то обстоятельство, что въ докладѣ управы, въ составъ которой входятъ два дворянина и одинъ крестьянинъ, не имѣлось оговорки о разногласіи между ея членами; нужно было думать, слѣдовательно, что одинъ

изъ крестьянъ измѣнилъ общему дѣлу, — а это внушало сомнѣнія и насчетъ твердости всѣхъ остальныхъ.

Собраніе открылось въ составѣ двадцати-четырехъ членовъ; не явились трое гласныхъ отъ крестьянъ и пятеро отъ землевладѣльцевъ. Между послѣдними было больше вѣроятныхъ противниковъ, чѣмъ вѣроятныхъ защитниковъ земской школы, такъ что шансы исхода борьбы остались приблизительно прежніе. Для пораженія управы достаточно было присоединенія къ девяти крестьянамъ (мы не считаемъ крестьянина—члена управы) четырехъ землевладѣльцевъ, а между десятью наличными гласными отъ землевладѣльцевъ нашлось бы и больше приверженцевъ земской школы. Правда, въ залѣ засѣданій виднѣлись, среди публики, лица, прежде не показывавшіяся въ ней,— но нужно было быть уже очень слабонервнымъ, чтобы не устоять противъ одного факта ихъ присутствія. Это почувствовали единомышленники управы—и признали за благо отложить рѣшительное сраженіе, но отложить его такъ, чтобы за ними остались всѣ шансы успѣха. Какъ только былъ прочитанъ докладъ управы, поднялся съ мѣста предсѣдатель собранія и предложилъ, не приступая теперь же къ преніямъ, передать докладъ на предварительное разсмотрѣніе обоихъ совѣтовъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ народнаго образованія—училищнаго и епархіальнаго. Предложеніе это, явившееся совершеннымъ сюрпризомъ, было разсчитано довольно ловко. Невинное по формѣ, оно являлось, на самомъ дѣлѣ, предрѣшеніемъ спорнаго вопроса. Призвать къ обсужденію судебъ *земской* школы еще не открывшійся и не имѣющій никакого къ ней отношенія *епархіальный* совѣтъ, значило бы провозгласить, что если не всѣ существующія въ уѣздѣ свѣтскія школы, то по крайней мѣрѣ многія изъ нихъ должны перейти въ категорію церковно-приходскихъ. Вотъ почему предсѣдатель собранія хотѣлъ во что бы то ни стало пустить вопросъ на голоса, не допуская никакихъ замѣчаній ни противъ его редакціи, ни противъ его постановки. Немалаго труда стоило остановить его на этомъ пути и объяснить, что такое голосованіе было бы вопіющимъ нарушеніемъ свободы мнѣній. Когда, наконецъ, слово было предоставлено одному изъ гласныхъ, хитро задуманный планъ сразу оказался никуда негоднымъ; привести къ цѣли онъ могъ бы въ такомъ только случаѣ, еслибы никто не успѣлъ придти въ себя отъ изумленія, вызваннаго неожиданнымъ поворотомъ дѣла, и въ этотъ моментъ всеобщаго оцѣпенѣнія удалось бы добиться утвердительнаго отвѣта со стороны собранія. Въ возраженіи на предложеніе предсѣдателя былъ указанъ чисто земскій характеръ вопроса; земскою, слѣдовательно, должна остаться и предварительная его разработка, и къ участію въ ней должны быть призваны, кромѣ членовъ уѣзднаго училищнаго

совѣта [1]), только гласные, избранные собраніемъ. Такъ собраніе и постановило; тотчасъ же произведены были и выборы, оказавшіеся гораздо болѣе благопріятными для защитниковъ земской школы, чѣмъ для противоположной партіи.

Теперь оставалось только оградить земскую школу отъ покушенія управы облагодѣтельствовать, на ея счетъ, церковно-приходскія школы и школы грамотности. Чтобы оцѣнить по достоинству это покушеніе, необходимо привести слѣдующія цифры: въ смѣту по народному образованію на 1889 г. училищнымъ совѣтомъ было внесено, между прочимъ, на учебныя пособія для сорока трехъ училищъ—1.165 рублей, на ремонтъ мебели и содержаніе школьныхъ помѣщеній—325 рублей, на книги для уѣздной училищной библіотеки—100 рублей. Послѣднія двѣ суммы управа предлагала обратить всецѣло на пособіе церковно-приходскимъ школамъ, а изъ первой исключить 300 рублей, которые и раздѣлить поровну между церковно-приходскими школами и школами грамотности. Итакъ, всѣ земскія училища должны были остаться, въ продолженіе цѣлаго года, вовсе безъ ремонта мебели и помѣщеній! Вмѣсто 27 рублей—суммы и безъ того уже до крайности незначительной,—каждая школа должна была получить учебныхъ пособій только на 19 рублей! Библіотека, которою пользуются всѣ народные учителя уѣзда, должна была отказаться на цѣлый годъ отъ всякихъ новыхъ пріобрѣтеній! Само собою разумѣется, что стоило только указать на эти вопіющія несообразности —и собраніе, безъ всякихъ преній, отвергло посягательство управы на смѣту земскихъ училищъ. Въ пособіи церковно-приходскимъ школамъ и школамъ грамотности собраніе не отказало, включивъ для этого въ смѣту особую сумму въ 500 рублей; но распредѣленіе ея (поровну между обѣими категоріями школъ) оно предоставило уѣздному училищному совѣту. При этомъ имѣлось въ виду, чтобы земскою помощью воспользовалось населеніе тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ или слишкомъ мало земскихъ школъ. Въ такихъ мѣстностяхъ поддержка церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности является чисто земской задачей—а посредничество училищнаго совѣта служитъ ручательствомъ въ томъ, что деньги будутъ употреблены производительно и не пойдутъ на школы, существующія только на бумагѣ.

Такъ окончился первый актъ кампаніи, предпринятой противъ земской школы. Дальнѣйшій ходъ дѣла будетъ зависѣть отъ результата земскихъ выборовъ, предстоящихъ въ близкомъ будущемъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что избирательная борьба будетъ

[1]) Въ уѣздѣ, о которомъ мы говоримъ, права земской управы по отношенію къ завѣдыванію земской школой давно уже, по уполномочію земскаго собранія, перешли къ училищному совѣту.

упорна, и что организаторы кампаніи постараются очистить поле дѣйствій, устранивъ съ него всѣхъ усердныхъ приверженцевъ земской школы. На съѣздѣ землевладѣльцевъ будетъ пущено въ ходъ, съ этою цѣлью, обычное оружіе избирательной интриги—масса довѣренностей, выпрошенныхъ у лѣнивыхъ или равнодушныхъ избирателей; на крестьянскихъ сходахъ дѣло не обойдется, по всей вѣроятности, безъ закулиснаго запугиванья и застращиванья. Судя по всему тому, что̀ говорилось до собранія, въ отдѣльныхъ кружкахъ, а отчасти и на самомъ собраніи, тактика агитаторовъ будетъ направлена, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы представить передачу начальной школы въ вѣденіе духовенства какъ желаніе высшей власти—желаніе, почти равносильное приказу. Изъ того, что въ составъ мѣстнаго отдѣленія епархіальнаго совѣта включенъ непремѣнный членъ уѣзднаго крестьянскаго присутствія, будетъ выводиться заключеніе, что это сдѣлано въ видахъ прямого воздѣйствія на крестьянъ, на волостные и сельскіе сходы. Все свидѣтельствующее о сочувствіи высшихъ правительственныхъ сферъ къ школѣ церковно-приходской будетъ истолковано въ смыслѣ безусловнаго осужденія земской школы. Если исчезновеніе послѣдней съ лица земли русской—вопросъ безповоротно рѣшенный, то не лучше ли-молъ приступить теперь же къ исполненію рѣшенія, сохранивъ за собою заслугу свободной инициативы и доброй воли? Не лучше ли-молъ показать, что земство умѣетъ понимать даже невысказанныя еще требованія и спѣшитъ идти имъ на встрѣчу? Таковы соображенія, которыя суждено, вѣроятно, выслушивать большинству избирателей. Произведутъ ли они ожидаемое дѣйствіе—объ этомъ мы сообщимъ въ свое время нашимъ читателямъ.

Что̀ же лежитъ въ основаніи усилій, на которыя тратится такъ много энергіи особаго рода? Убѣжденіе въ томъ, что земская школа не стоитъ на высотѣ своего призванія и должна, для блага народа, совершенно стушеваться передъ церковно-приходской? Едва ли. Организаторы агитаціи одинаково мало знакомы съ обоими видами народнаго обученія; а тѣ изъ нихъ, которымъ по обязанности приходилось посѣщать, хоть изрѣдка, земскія школы, всегда давали о нихъ самые лучшіе отзывы [1]). Земская школа провинилась, въ сущности, только тѣмъ, что вышла изъ моды. И прежде, быть можетъ, она не пользовалась расположеніемъ своихъ теперешнихъ противниковъ, и прежде они находили, что на обученіе крестьянскихъ мальчи-

---

[1]) Въ уѣздѣ, о которомъ мы говоримъ, земская школа поставлена настолько хорошо, насколько позволяютъ скудныя средства (minimum вознагражденія учителя—200 рублей). Успѣху школьнаго дѣла много способствуетъ многолѣтнее и полное единодушіе между правительственнымъ инспекторомъ, горячо преданнымъ своему дѣлу, и училищнымъ совѣтомъ.

ковъ и дѣвочекъ другія сословія тратятъ слишкомъ много; но высказать это мнѣніе никто не рѣшался, и глухая вражда выражалась только противодѣйствіемъ увеличенію школьнаго бюджета. Теперь обстоятельства перемѣнились; открылась возможность сократить непріятный расходъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ уловить моментъ, попасть въ тонъ, поплыть по теченію. Эта двойственная подкладка агитаціи выразилась совершенно ясно какъ въ извѣстной уже намъ попыткѣ управы оказать поддержку церковно-приходскимъ школамъ, не прибавляя ни одной копѣйки къ итогу земской смѣты, такъ и въ томъ мѣстѣ доклада управы, гдѣ шла рѣчь объ условіяхъ передачи земскихъ школъ въ вѣденіе духовенства. Теперь каждая земская школа стоитъ земству около 280 рублей въ годъ—а управа полагала, что при обращеніи земскихъ школъ въ церковно-приходскія можно будетъ ограничиться ассигнованіемъ на каждую изъ нихъ пособія въ размѣрѣ отъ 50 до 100 рублей. Экономія проектировалась, такимъ образомъ, весьма крупная. Конечно, разсчетъ управы былъ совершенно невѣренъ; съ такимъ ничтожнымъ пособіемъ отъ земства духовное начальство, какъ видно изъ прежнихъ примѣровъ, ни въ какомъ случаѣ не согласилось бы принять въ свое завѣдываніе всѣ земскія школы уѣзда—но вѣдь излишнее усердіе никогда не бываетъ и не можетъ быть свободнымъ отъ ошибокъ. Ошибочно, въ самомъ своемъ корнѣ, и другое предположеніе уѣздной управы и ея союзниковъ. Никто не ожидаетъ и не требуетъ, чтобы на земскую школу занесло руку само земство. Если бы что-либо подобное существовало въ дѣйствительности, то движеніе въ родѣ описаннаго нами происходило бы въ каждомъ уѣздѣ, а между тѣмъ въ сосѣднихъ земскихъ собраніяхъ, засѣдавшихъ въ то же самое время, ничего не было слышно о кампаніи противъ земской школы. Отряды непрошенныхъ ревнителей церковно-приходской школы сформировались, очевидно, только тамъ, гдѣ для нихъ нашлись добровольные предводители.

Еслибы рѣшеніе вопроса, существовать ли земской школѣ или не существовать рядомъ съ церковно-приходской, зависѣло исключительно отъ всесторонняго, безпристрастнаго изученія фактовъ, то друзья земской школы могли бы быть совершенно спокойны; данныя, прямо или косвенно говорящія въ ея пользу, встрѣчаются на каждомъ шагу, а противъ нея выводятся въ бой только бездоказательныя и безсодержательныя фразы. Реакціонная пресса можетъ повторять сколько ей угодно старую пѣсню о безбожіи (!) земской школы, „изъ которой земскіе педагоги давно бы вынесли, еслибы могли, святую икону“ (развѣ это не „чтеніе въ мысляхъ“, да вдобавокъ еще совершенно превратное?); она можетъ утверждать въ сотый разъ, что народъ *не признаетъ* школы, уродующей его дѣтей. Всѣмъ из-

вѣстно, что это неправда, что земскія школы переполнены учащимися, что онѣ безпрестанно основываются вновь по почину и съ значительными затратами самихъ крестьянъ, что далеко не рѣдкость —одобреніе ихъ духовенствомъ и высшей епархіальной властью [1]). Аргументы противъ исключительности, противъ монополіи въ школьномъ дѣлѣ можно найти въ газетахъ и журналахъ несомнѣнно благонамѣренныхъ, даже въ оффиціальныхъ изданіяхъ. „С.-Петербургскія Вѣдомости", напримѣръ, печатаютъ замѣтку, выставляющую въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ положеніе земской школы въ елецкомъ уѣздѣ и объясняющую отказъ елецкаго земства въ выдачѣ пособія церковно-приходскимъ школамъ (№ 336). „Русскій начальный учитель"—изданіе, одобренное ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія — заканчиваетъ статью о начальной школѣ (№ 11) горькимъ упрекомъ по адресу тѣхъ, которые, вопреки ясному смыслу закона, „хотятъ внести въ святое дѣло (начальнаго обученія) сословную вражду, передавъ его въ руки одного сословія". Въ „Общемъ очеркѣ состоянія народныхъ училищъ таврической губерніи за 1887 г.", составленномъ мѣстнымъ директоромъ народныхъ училищъ, мы встрѣчаемъ указанія на то, какъ затруднительно положеніе селеній, желающихъ замѣнить числящееся у нихъ церковно-приходское училище школой другого типа. Возьмемъ, наконецъ, брошюру: „Церковная школа" (№ 3), напечатанную въ синодальной типографіи, съ разрѣшенія духовной цензуры, и посвященную преимущественно церковно-приходскимъ школамъ западнаго края. „Къ сожалѣнію,—читаемъ мы здѣсь на стр. 19,—дѣятельность минскаго епархіальнаго совѣта не выполнила еще всѣхъ предположеній его преосвященства. Изъ всѣхъ членовъ совѣта только директоръ народныхъ училищъ (т.-е. свѣтское лицо) оказалъ живое сочувствіе и вниманіе къ трудамъ минскаго приходского духовенства по приходскимъ школамъ". Въ литовской епархіи школы грамотности, съ учителями унтеръ-офицерами, считались сначала церковно-приходскими, такъ что съ исправленіемъ этой ошибки число церковно-приходскихъ школъ сразу понизилось съ 146 до 50. Постоянной ревизіи церковно-приходскихъ школъ членами епархіальнаго совѣта въ литовской епархіи производимо не было. Волынскій епархіальный совѣтъ „незнакомъ съ внутренней жизнью и ходомъ дѣла въ церковно-приходскихъ школахъ". Подольскій епархіальный совѣтъ выражаетъ желаніе, чтобы назначенное однажды приговоромъ крестьянскаго общества пособіе церковно-приходской школѣ оставалось навсегда обязательнымъ для крестьянъ.

[1]) Припомнимъ, напримѣръ, похвальный отзывъ преосвященнаго таврическаго Мартиніана о нѣкоторыхъ свѣтскихъ начальныхъ школахъ таврической губерніи (см. „В. Европы" 1888 г. № 1, Внутр. Обозрѣніе).

Противъ этого весьма основательно возражаютъ составители брошюры. „Все, что̀ исходитъ отъ церкви,—говорятъ они на стр. 44,—должно быть основано не на принужденіи и страхѣ, а на любви и довѣріи. Школа, основанная не на любви и страхѣ Божіемъ, а на страхѣ человѣческомъ, будетъ печальная школа. Для нарождающейся церковной школы подобная обязательность была бы смертнымъ приговоромъ“. Эти прекрасныя слова примѣнимы не только къ обязательности крестьянскихъ платежей, но и къ обязательности самой церковно-приходской школы, т. е. къ признанію *за ней одной* права на обученіе народа. Пускай церковно-приходская школа развивается свободно и непринужденно, рядомъ съ свѣтской и вмѣстѣ съ нею; дѣла найдется довольно для обѣихъ.

Подкопъ противъ земской школы—не единственный „признакъ времени“, проявившійся въ томъ захолустномъ земскомъ собраніи. Знаменательнымъ, въ своемъ родѣ, былъ и другой эпизодъ, также еще не закончившійся. Много лѣтъ тому назадъ, еще въ первое время дѣятельности земскихъ учрежденій, въ томъ же уѣздѣ установилось само собою нѣчто среднее между натуральною и денежною дорожною повинностью. Въ земскую смѣту вносилась небольшая сумма, предназначенная на устройство мостовъ, гатей и другихъ искусственныхъ сооруженій; но такъ какъ ея не хватало на починку дорожнаго полотна (на земскихъ дорогахъ), а значительно ее увеличить земство не рѣшалось, то переходъ къ денежной повинности считался несостоявшимся. Натуральная повинность, въ томъ видѣ, въ какомъ она установлена до-реформенными узаконеніями, фактически не существовала; вмѣсто нея вошла въ обычай починка дороги владѣльцемъ земли, по которой она проходитъ. Чинились дороги, какъ и слѣдовало ожидать, весьма неисправно. Нѣсколько разъ были дѣлаемы попытки поправить дѣло; въ волостяхъ созывались съѣзды землевладѣльцевъ и уполномоченныхъ отъ крестьянскихъ обществъ, для добровольнаго соглашенія относительно починки дорогъ. Кое-гдѣ такое соглашеніе состоялось и принесло хорошіе результаты; въ другихъ мѣстахъ общая работа не шла на ладъ или продолжалась недолго. Въ 1887 г. уѣздной земской управѣ пришло на мысль возобновить повсемѣстно волостные съѣзды, нѣсколько лишь измѣнивъ ихъ обстановку. Собраніе одобрило эту мысль, но исполненіе ея было остановлено протестомъ со стороны администраціи, признавшей, что законъ не допускаетъ средины между натуральною и денежною повинностью. Это было для управы какъ бы лучомъ свѣта, освѣтившимъ желанный выходъ изъ затруднительнаго положенія,

она поспѣшила предложить собранію возвратиться, purement et simplement, къ натуральной повинности, т.-е. возложить починку земскихъ дорогъ почти всецѣло на одно крестьянское населеніе (на обязанности землевладѣльцевъ осталась бы только, въ извѣстныхъ случаяхъ, поставка нужнаго для починки лѣса). Само собою разумѣется, что въ собраніи были указаны всѣ неудобства такого возвращенія къ забытому и отжившему порядку. Еслибы примѣненіе его не прерывалось, онъ получилъ бы мало-по-малу другой характеръ, болѣе соотвѣтствующій новымъ обстоятельствамъ; совсѣмъ другое дѣло —извлечь его изъ архива и возстановить въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ до упраздненія крѣпостного права. Для этого понадобилось бы, прежде всего, раздѣленіе дорогъ на участки, съ припиской къ каждому изъ нихъ извѣстнаго числа селеній, иногда весьма отдаленныхъ. Такое распредѣленіе не было сдѣлано управой; она представила собранію только ничего неразъясняющій списокъ селеній, лежащихъ *на* земскихъ дорогахъ. Одна мысль, очевидно, вытѣснила всѣ остальныя—мысль о возможно скорѣйшемъ закрѣпленіи за массой такого бремени, къ которому иначе могло бы быть привлечено и меньшинство. Предложенію управы было противопоставлено другое, требовавшее перехода на денежную повинность. Вопросъ остался открытымъ; собраніе постановило передать его на разсмотрѣніе особой коммиссіи. Рѣшительное слово будетъ сказано и здѣсь уже новымъ собраніемъ, которому неизбѣжно придется коснуться самыхъ важныхъ сторонъ земской жизни.

Къ прежнимъ уѣзднымъ теченіямъ и контръ-теченіямъ вездѣ или почти вездѣ присоединилось, съ нѣкоторыхъ поръ, еще одно, вызванное близостью преобразованій. Предстоитъ, быть можетъ, замѣщеніе цѣлаго ряда должностей, отчасти новыхъ, отчасти переносимыхъ изъ сферы выборной въ сферу правительственнаго назначенія. Для многихъ мировыхъ судей, для многихъ предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ на первый планъ выдвигается вопросъ о шансахъ сохраненія ими этихъ мѣстъ, въ случаѣ если они перестанутъ быть выборными. Непремѣннымъ членамъ приходится задумываться надъ близкимъ упраздненіемъ крестьянскихъ присутствій. Еще болѣе сильнымъ элементомъ броженія служитъ виднѣющаяся на горизонтѣ должность земскаго начальника. Всѣмъ этимъ, вмѣстѣ взятымъ, объясняется многое изъ того, чтò теперь совершается въ провинціи— объясняется, между прочимъ, и усиленное вліяніе, которымъ пользуется предводитель дворянства. Сколько предводителей, столько центровъ, около которыхъ вращаются „чающіе движенія воды“. Вотъ чтò говоритъ, по этому поводу, редакторъ извѣстной петербургской реакціонной газеты: „я получилъ изъ одного губернскаго города очень ха-

рактерное, въ минорномъ тонѣ, письмо, отражающее въ себѣ дѣйствіе на провинцію проекта участковыхъ начальниковъ и земскихъ реформъ. Дѣйствіе это выражается—въ этой губерніи, по крайней мѣрѣ,—ожиданіемъ необыкновеннаго оживленія на предстоящихъ (дворянскихъ) выборахъ. Все это происходитъ отъ того значенія, которое предвидится, по проекту, у будущаго уѣзднаго предводителя дворянства. Изъ письма моего пріятеля (слѣдовательно, прибавимъ отъ себя, свидѣтеля *въ данномъ случаѣ* вполнѣ достовѣрнаго) можно заключить, что это необыкновенное оживленіе скорѣе будетъ *зловѣщее*, чѣмъ благовѣствующее, такъ какъ замѣтно увеличеніе того состава дворянъ-избирателей, который *хлопочетъ о будущихъ мѣстахъ участковыхъ начальниковъ, какъ о теплыхъ мѣстечкахъ*; вслѣдствіе этого рѣчь идетъ въ письмѣ объ *интригахъ,* о *подкопахъ* подъ того или другого кандидата изъ меньшинства порядочныхъ людей, причемъ авторъ письма предвидитъ пораженіе меньшинства *злокачественнымъ* большинствомъ". Редакторъ „Гражданина", правда, несовсѣмъ раздѣляетъ „опасенія своего пріятеля", но вотъ, однако, что̀ онъ прибавляетъ уже лично отъ себя: „нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что *въ этомъ дворянскомъ съѣздѣ*, какъ вездѣ, какъ въ каждомъ населенномъ пунктѣ земного шара, *большинство будетъ за подкопы подъ честныхъ людей, за темное и мутное*". Если такъ, то позволительно спросить: чѣмъ же дворянскій съѣздъ лучше землевладѣльческаго, и на чемъ основаны ожиданія новой эры, имѣющей водвориться вмѣстѣ съ преобладаніемъ дворянства надъ остальными сословіями? Правда, редакторъ „Гражданина" вызываетъ дворянскихъ Давидовъ на бой съ дворянскими Голіаѳами (въ пропорціи одного противъ десяти) и предвѣщаетъ первымъ полную побѣду; но что̀ же мѣшаетъ, въ такомъ случаѣ, тѣмъ же „Давидамъ" побѣждать тѣхъ же и всякихъ другихъ „Голіаѳовъ" на всесословной земской почвѣ?

Оправданіе подсудимыхъ по извѣстному коротоякскому дѣлу вызвало, какъ и слѣдовало ожидать, новые громы противъ суда присяжныхъ. „Московскія Вѣдомости" опять забыли только-что признанную ими „неизмѣримую важность личнаго впечатлѣнія отъ судебной драмы" [1]) и стали перерѣшать дѣло, извѣстное имъ только по газетнымъ корреспонденціямъ и стенографическимъ отчетамъ; опять были пущены въ ходъ обычныя обобщенія, съ прибавкой новаго крылатаго словечка: „Махнутовы суды". Защищать приговоръ харьковскихъ присяжныхъ мы не считаемъ нужнымъ; мы хотимъ только

[1]) См. Общественную Хронику въ предыдущей книгѣ „Вѣстника Европы".

обратить вниманіе на одно обстоятельство, до сихъ поръ, кажется, никѣмъ не замѣченное. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что порядки въ коротоякскомъ мировомъ съѣздѣ и у коротоякскихъ мировыхъ судей оставляли желать весьма многаго; не подлежитъ сомнѣнію и то, что въ уѣздѣ широко были распространены интриги и распри, отголоски которыхъ проникли даже въ залу засѣданій харьковской судебной палаты. Конечно, все это —явленія не единственныя въ своемъ родѣ; но не было ли въ коротоякскомъ уѣздѣ особой причины, усиливавшей ихъ интензивность? Раскрываемъ росписаніе числа гласныхъ, избираемыхъ въ земскія собранія—и находимъ, что въ коротоякскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи гласныхъ всего *двѣнадцать*: четыре отъ землевладѣльцевъ, два отъ города и шесть отъ сельскихъ обществъ. Объ увеличеніи этой цифры коротоякское земское собраніе ходатайствовало еще въ 1876 г. [1]), объясняя, что по пространству и населенности коротоякскій уѣздъ не уступаетъ тѣмъ, въ которыхъ отъ 40 до 70 гласныхъ. Было ли уважено это ходатайство—не знаемъ; весьма вѣроятно, что не было, потому что вообще подобныя просьбы удовлетворялись и удовлетворяются только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ [2]). Если коротоякское земское собраніе, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ (когда совершились событія, подавшія поводъ къ судебному преслѣдованію), состояло изъ двѣнадцати гласныхъ, то этимъ объясняется весьма многое. При такомъ ничтожномъ числѣ гласныхъ чрезвычайно легко могутъ взять верхъ всякія мелкія стремленія, всякіе личные разсчеты; каждый отдѣльный голосъ получаетъ значеніе, вовсе ему не свойственное, кругъ кандидатовъ на земскія должности съуживается до крайности, почва становится особенно благопріятной для подземныхъ ходовъ. Неудивительно, что уровень мирового суда въ коротоякскомъ уѣздѣ былъ невысокій; не удивительно, что дѣло не обошлось безъ упущеній или даже злоупотребленій. Первое условіе правильной дѣятельности земскихъ и мировыхъ учрежденій—это правильный составъ земскихъ собраній, измѣняющійся сообразно съ перемѣной мѣстныхъ условій и ни въ какомъ случаѣ не обращающійся въ замкнутую котерію, безъ воздуха и свѣта.

---

[1]) См. въ № 6 „Вѣстника Европы" за 1880 г. статью подъ заглавіемъ: „Земскія ходатайства въ 1876 и 1877 г."

[2]) Шлиссельбургскій уѣздъ, напримѣръ, до сихъ поръ не можетъ достигнуть необходимаго для него увеличенія числа гласныхъ (ихъ также двѣнадцать, какъ и въ коротоякскомъ уѣздѣ). Больше посчастливилось чуть ли не одному петербургскому уѣзду, гдѣ число гласныхъ увеличено съ 14 до 30.

Къ тому времени, когда мы пишемъ эти строки, въ газетахъ успѣли уже появиться, кромѣ некрологовъ, и болѣе подробныя статьи о покойномъ гр. Лорисъ-Меликовѣ. Есть между ними, говорятъ, и такія, въ которыхъ „лягаютъ умершаго льва", отрицаютъ даже его храбрость; мы очень рады, что намъ не пришлось ихъ видѣть. Есть другія, въ которыхъ господствуетъ кисло-сладкій тонъ и превозносятся только военныя заслуги усопшаго. Есть третьи, въ которыхъ похвала преобладаетъ надъ порицаніемъ, но бочка меду, по поговоркѣ, испорчена ложкой—или нѣсколькими ложками—дегтю. Въ одной изъ статей последняго типа насъ хотятъ увѣрить, напримѣръ, что „быстрому возвышенію гр. Лорисъ-Меликова не мало способствовали женщины". Намъ говорятъ, что покойный былъ послѣднимъ „случайнымъ человѣкомъ" въ Россіи, упуская изъ виду, что если его призыву къ власти и содѣйствовали *случайныя обстоятельства*, то въ немъ самомъ не было ни одного изъ характеристичныхъ признаковъ *случайнаго человѣка*. Лорисъ-Меликовъ—читаемъ мы дальше—„не былъ достаточно подготовленъ къ выпавшей на него задачѣ". Жалобы quasi-либеральной печати, „имѣвшей болѣе цѣлью систематическую оппозицію правительству" (?), онъ принималъ за „дѣйствительныя выраженія народныхъ нуждъ". Онъ считалъ „наше общество болѣе созрѣвшимъ, чѣмъ это было, и болѣе устойчивымъ въ своихъ воззрѣніяхъ". Въ особенности недовольна газета послѣдними мѣсяцами министерства Лорисъ-Меликова. „Поведеніе" его послѣ 1-го марта кажется ей „ниже того, что отъ него слѣдовало ожидать"; „потрясенный нравственно и физически, онъ не хотѣлъ или не могъ понять, что той политикѣ, которую онъ преслѣдовалъ, не было болѣе мѣста". Другими словами, гр. Лорисъ-Меликову ставятся въ вину лучшія черты его натуры—его вѣра въ добро, его стойкость, его вѣрность системѣ, которую онъ однажды призналъ истинной и цѣлесообразной. Конечно, для него лично было бы лучше, еслибы онъ умѣлъ примѣняться къ обстоятельствамъ,—но тогда онъ не былъ бы тѣмъ Лорисъ-Меликовымъ, имя котораго вышло чистымъ изъ всѣхъ превратностей измѣнчивой судьбы. Если онъ и былъ оптимистомъ, то какое же истинно-великое дѣло возможно безъ вѣры въ людей, для которыхъ и съ помощью которыхъ оно предпринимается?.. Нѣтъ, ужъ лучше откровенная вражда, чѣмъ это балансированье между снисходительностью и строгостью. Лучше прямо называть все время управленія Лорисъ-Меликова (какъ это дѣлаютъ „Московскія Вѣдомости") „плачевной эпохой"; лучше увѣрять, что „старый кавказскій боевой генералъ былъ далекъ отъ истиннаго пониманія той роли, которую заставляли его играть петербургскіе сумасбродные доктринеры и *легальные анархисты*".

Мѣсяцъ тому назадъ намъ пришлось говорить о смерти В. Я. Стоюнина; теперь за нимъ послѣдовалъ другой, всѣми уважаемый педагогъ—А. Я. Гердъ, скончавшійся въ цвѣтѣ силъ, не достигнувъ и пятидесятилѣтняго возраста. Онъ не оставилъ такихъ капитальныхъ сочиненій, какъ написанныя В. Я. Стоюнинымъ, но личная его дѣятельность была не менѣе плодотворна и еще болѣе разнообразна. Его потерю почувствуютъ всего сильнѣе, вмѣстѣ съ гимназіей кн. Оболенской, высшіе женскіе курсы, для которыхъ онъ трудился такъ же усердно, какъ до него К. Н. Бестужевъ-Рюминъ и А. Н. Бекетовъ. Ему не суждено было, къ сожалѣнію, дожить до рѣшенія вопроса о будущности курсовъ. Не самымъ блестящимъ, но самымъ замѣчательнымъ, быть можетъ, періодомъ жизни А. Я. Герда была его служба директоромъ петербургской земледѣльческой колоніи малолѣтнихъ преступниковъ. Здѣсь, вмѣстѣ съ покойнымъ Резенеромъ, онъ подавалъ незабытый до сихъ поръ примѣръ сердечнаго отношенія къ дѣлу, самоотверженной работы. Трехъ лѣтъ, проведенныхъ имъ въ колоніи, достаточно было бы для того, чтобы обезпечить за нимъ долгую и хорошую память.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

Сборъ пожертвованій на сооруженіе въ
ника Николаю Васильевичу Го

Въ дни празднованія въ Москвѣ открытія п
8-го іюня 1880 года, во второе торжественное з
Любителей Россійской Словесности дѣйствительн
ства А. А. Потѣхинымъ было сдѣлано предложен
литераторовъ, участвовавшихъ въ торжествѣ, по
народной подпискѣ на сооруженіе въ Москвѣ п
геніальному писателю нашему—Гоголю.

Предложеніе было принято восторженно всѣми
въ залѣ засѣданія, и приготовленные по общему
быстро покрылись подписями.

Тутъ же было постановлено Обществомъ ход
г. московскаго генералъ-губернатора князя Вла
Долгорукова, въ установленномъ порядкѣ, о разрѣ
народную подписку на памятникъ Гоголю.

Это ходатайство было благосклонно принято в
Государемъ Императоромъ Александромъ Нико
Величество 1-го августа 1880 года всемилостивѣ
рѣшить Обществу Любителей Россійской Словесн
мѣстную подписку въ Россіи на сооруженіе въ
Гоголю.

Къ первому сентября 1888 года къ казначе
пило пожертвованій 28.647 рублей 21 копѣйка.

О поступившихъ пожертвованіяхъ ежемѣсяч
[illegible]

Издатель и редакторъ: М. Ста

ПОШЕХОНСКАЯ СТАРИНА

Жизнь и приключенія Никанора Затрапезнаго *).

XXVIII.—Образцовый хозяинъ.

Іюль въ началѣ. Солнце еще чуть-чуть начинаетъ показываться однимъ краешкомъ; скучившіяся на восточной окраинѣ горизонта янтарныя облака такъ и рдѣютъ. За ночь выпала обильная роса и улила траву; весь лугъ кажется усѣяннымъ огненными искрами; на дворѣ свѣжо, почти холодно; ядрёный утренній воздухъ напоенъ запахомъ увлаженныхъ листьевъ березы, зацвѣтающей липы и скошеннаго сѣна.

Часы показываютъ: три, но Арсеній Потапычъ Пустотѣловъ уже на ногахъ. Съ деревни до слуха его доносятся звуки отбиваемыхъ косъ, и онъ спѣшитъ въ поле. Нáскоро сполоснувши лицо водой, онъ одѣвается въ бѣлую пару изъ домотканнаго полотна, выпиваетъ большую рюмку звѣробойной настойки, заѣдаетъ ломтемъ чернаго хлѣба, другой такой же ломоть, густо посоленный, кладетъ въ сѣтчатую сумку, подпоясывается ремнемъ, за который затыкаетъ нагайку, и выходитъ въ гостиную. Тамъ двери уже отперты настежъ, и на балконѣ сидитъ жена Пустотѣлова, Филанида Протасьевна, въ одной рубашкѣ, съ накинутымъ на плечи старымъ драдедамовымъ платкомъ и въ стоптанныхъ башмакахъ на босу ногу. Передъ балкономъ столпилось господское стадо — слишкомъ сто штукъ,—и барыня наблюдаетъ за доеніемъ коровъ. Этимъ дѣломъ, кромѣ двухъ скотницъ, занято около десяти крестьянскихъ бабъ, и съ балкона то-и-дѣло слышится окликъ:

---

*) См. выше: янв., 5 стр.

— Чище! чище выдаивайте! чтой-то Голубка словно скучна ныньче? а?

— Ничего Голубка...—доносится голосъ скотницы снизу.

— То-то ничего! у тебя всегда ничего! Коли чтò случится, ты въ отвѣтѣ.

Арсеній Потапычъ заглядываетъ на балконъ и здоровается съ женой.

— Чтò, кáкъ Новокупленка?—интересуется онъ.

— Привыкаетъ понемногу. Сегодня ужъ полъ-ендовы молока надоила.

— Ну, и слава Богу. Прощай, душа моя, я въ деревню спѣшу, а ты, какъ отдоятъ коровъ, лягъ въ постельку, понѣжься.

Пустотѣловы небогатые помѣщики. У мужа въ нашихъ мѣстахъ восемьдесятъ душъ крестьянъ, которыхъ онъ безъ отдыха томитъ на барщинѣ; у жены—гдѣ-то далеко запропастилась деревушка душъ около двадцати, которыя обложены сильнымъ оброкомъ и нищенствуютъ. Жить потихоньку было бы можно, но Богъ наградилъ ихъ семьею въ двѣнадцать человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ только двое мальчиковъ, а остальныя—дѣвочки. Почти всѣ дѣти погодки; мальчиковъ успѣли сбыть въ аракчеевскій кадетскій корпусъ, но дѣвочки остались на рукахъ, и изъ нихъ двѣ настолько уже выровнялись, что хоть сейчасъ замужъ выдавай. А такъ какъ и мать, и отецъ, еще не стары, то и отъ дальнѣйшаго приращенія семьи не застрахованы. Поэтому, оба бьются какъ рыба объ ледъ; сами смотрятъ за всѣмъ хозяйствомъ, никому ни малѣйшей хозяйственной подробности не довѣряютъ. Зато хозяйство у нихъ идетъ не въ примѣръ исправнѣе, чѣмъ у сосѣдей, и они по всей округѣ слывутъ образцовыми хозяевами.

Усадьба Пустотѣловыхъ, Послѣдовка, находится въ самомъ, какъ говорится, медвѣжьемъ углу нашего захолустья. Просторный домъ постепенно распространялся пристройками, и потому представляетъ собой неуклюжую груду срубовъ. Ни рощи, ни сада при усадьбѣ нѣтъ; ничего, кромѣ миніатюрнаго круга, посыпаннаго пескомъ и обсаженнаго старыми липами, да обширнаго огорода, въ которомъ разводится всякій овощъ, необходимый для зимняго запаса. По бокамъ господскаго дома—множество хозяйственныхъ построекъ, по большей части исправныхъ, свидѣтельствующихъ, что помѣщикъ живетъ запасливый.

Саженяхъ въ ста отъ усадьбы, какъ на ладони, виднѣется деревнюшка, а за нею тянутся поля, расположенныя по далеко раскинувшейся и совершенно ровной плоскости. На самомъ краю плоскости виднѣется небольшой лѣсъ, который Арсеній Потапычъ

бережетъ какъ зѣницу ока. Земли у него довольно; поэтому, онъ постепенно увеличиваетъ запашку, и теперь довелъ ее до шестидесяти десятинъ въ каждомъ полѣ. При восьмидесяти душахъ онъ, конечно, не могъ бы сладить съ такою запашкой, но, по счастью, верстахъ въ пяти, находится большое и малоземельное экономическое село. Раза четыре въ лѣто сзываетъ онъ помочи—преимущественно жней—варитъ брагу, печетъ пироги, и, при содѣйствіи трехъ сотъ, четырехъ сотъ бабъ, успѣваетъ въ три-четыре праздничныхъ дня сдѣлать столько работы, сколько одна барщина и въ двѣ недѣли не могла бы сработать. Благодаря этому, жнитво у него всегда кончается вò-время, и зерно не утекаетъ.

Несмотря на суровыя матеріальныя условія, семья Пустотѣловыхъ пользуется сравнительнымъ довольствомъ, а зимой живетъ даже весело, не хуже другихъ. Но на все лишнее, покупное, въ домѣ наложенъ строжайшій карантинъ. Чай, сахаръ и пшеничную муку держатъ только на случай пріѣзда гостей; варенье и другое лакомство заготовляются на меду изъ собственныхъ ульевъ, съ солью обходятся осторожно; даже свѣчи ухитрились лить дома, тонкія, оплывающія, а покупныя подаютъ только при гостяхъ. Благодаря этимъ систематическимъ лишеніямъ и урѣзкамъ, удается настолько свести концы съ концами, чтобы скромненько обшить и обуть семью и заплатить жалованье дешевенькой гувернанткѣ.

Покуда Арсеній Потапычъ дошелъ до деревни, послѣдняя ужъ опустѣла. Бабы, которымъ еще нечего дѣлать на барской работѣ, погнали въ стадо коровъ; мужики — ушли поголовно на барщину. Почти у самой околицы, около сорока косцовъ (Пустотѣлову на этотъ счетъ удача: мужички тяглятся исправно, голова на голову) обкашиваютъ довольно большой лугъ, считающійся лучшимъ въ цѣломъ имѣніи. Значительная часть его скошена еще вчера, остальную предстоитъ докосить сегодня. Лугъ еще влаженъ, и работа идетъ споро; косы быстро, въ тактъ, мелькаютъ въ воздухѣ, издавая рѣзкій свистъ. Трава нынче выросла хорошая; густые и плотные валы ложатся одинъ возлѣ другого, радуя сердце образцоваго хозяина. Онъ подходитъ то къ одному, то къ другому валу, перевернетъ палкой и посмотритъ, чисто ли скошено, нѣтъ ли махровъ. Ничего, кажется, все исправно.

— Чище косите! чище! чтобы не было ни махровъ, ни огрѣховъ! всякій огрѣхъ — на спинѣ! — кричитъ онъ вслѣдъ косцамъ.

Затѣмъ, онъ укладываетъ копнушку скошеной травы, постилаетъ сверху обрывокъ старой клеенки и садится, закуривая коротенькую трубочку. Куритъ онъ самый простой табакъ, какіе-

то корешки; не разъ закаивался и эту роскошь бросить, но привычка взяла свое, да притомъ же трубка и пользу приноситъ, не даетъ ему задремать. Попыхиваетъ онъ изъ трубочки, а глазами далеко впереди видитъ. Вонъ Митрошка словно бы заминаться сталъ, а Лукашка такъ и вовсе попусту косой машетъ. Вскакиваетъ Арсеній Потапычъ и бѣжитъ.

Какъ у образцоваго хозяина, у него все приведено въ систему. За первую вину — пять ударовъ нагайкой, за вторую — десять, за третью—пятнадцать, а за четвертую—не прогнѣвайся, счета не полагается.

Раздается крикъ, и черезъ минуту все приходитъ въ порядокъ.

Выкурилъ Арсеній Потапычъ трубку, выкурилъ другую и начинаетъ клевать носомъ. Задремлетъ чуточку, и сейчасъ же вздрогнетъ и протретъ глаза. Онъ мало спалъ ночью, и въ глазахъ у него мутится; чтобы развлечь себя, онъ вынимаетъ изъ сумки кусокъ хлѣба и ѣстъ, потомъ опять закуриваетъ трубку, и опять. Тоскливо, а уйти раньше восьми часовъ нельзя: самое благопріятное время для косьбы упустишь. Безпрестанно справляется онъ съ старинной серебряной луковицей, но убѣждается, что до урочнаго времени еще куда далеко. Солнышко хоть и согрѣло ужъ воздухъ, но ползетъ вверхъ съ удивительной медленностью. Отъ времени до времени, онъ отлучается въ сосѣднее поле посмотрѣть, какъ наливается рожь, но сейчасъ же возвращается назадъ и опять начинаетъ ходить взадъ и впередъ по рядамъ валовъ, поглядывая въ то же время впередъ. Ему кажется, что косцы начинаютъ приставать, что косы двигаются вяло, и валы укладываются не съ прежней быстротой.

— Пошевеливайся, ребята! пошевеливайся, пока трава не обсохла!—то-и-дѣло покрикиваетъ онъ.

Наконецъ, урочное время настало. Баринъ провозглашаетъ: шабашъ!—и барщинѣ дается часъ для завтрака и отдыха.

Время, назначенное для отдыха, Арсеній Потапычъ проводитъ дома. Онъ завтракаетъ, обѣдаетъ и кончаетъ день одновременно съ мужиками, потому что иначе нарушился бы правильный надзоръ. Дома все уже готово. Посрединѣ ничѣмъ непокрытаго стола, на деревянномъ кругѣ, лежитъ громадная ватрушка изъ ржаной муки, изрѣзанная на куски. Это завтракъ семьи, а глава семейства довольствуется большой кружкой снятого молока, которое служитъ ему вмѣсто завтрака и вмѣсто чая, такъ какъ онъ, вставши утромъ, выпилъ только рюмку водки и поѣлъ черного хлѣба. Но ему не сидится на мѣстѣ; на́скоро позавтракавши,

онъ безпрестанно вынимаетъ изъ кармана луковицу, и ровно въ девять часовъ снова появляется на лугу.

Косцы ужъ взмахиваютъ косами, и такъ какъ лугъ совсѣмъ обсохъ, то прибѣжали съ деревни и бабы, и разворачиваютъ скошенные наканунѣ валы. Солнце такъ и поливаетъ сверху зноемъ, и въ то же время съ сѣвера подуваетъ вѣтерокъ; вообще сушка предвидится отличная. Работа идетъ въ глубокомъ безмолвіи, потому что Арсеній Потапычъ празднословія не терпитъ. Онъ не сторонникъ веселой работы; любитъ, чтобъ дѣло шло ходко и бойко, а для этого не нужно разговоровъ, а требуется, напротивъ, чтобы все вниманіе рабочей силы обращено было на одну точку. Онъ проходитъ, посвистывая, между рядами бабъ, которыя, въ однѣхъ рубашкахъ, прилипшихъ къ потному тѣлу, высоко вскидываютъ граблями. Онъ не торопитъ ихъ, потому что покуда онѣ дойдутъ отъ начала луга до конца, нужно, чтобъ верхній слой первыхъ валовъ сколько-нибудь прожарился. Только тогда работа пойдетъ безостановочно и не дастъ бабамъ понапрасну засиживаться.

Побродивши по лугу съ полчаса, онъ чувствуетъ, что зной начинаетъ давить его. Видитъ онъ, что и косцы позамялись, черезъ-чуръ часто косы оттачиваютъ, но понимаетъ, что сухую траву и коса не скоро беретъ: станутъ торопиться—пожалуй, и покосъ перепортятъ. Поэтому онъ не кричитъ: „пошевеливайся!" а только напоминаетъ: „чище, ребята! чище косите!" и подходитъ къ рядамъ косцовъ, чтобы лично удостовѣриться въ чистотѣ работы.

Ничего, все идетъ какъ слѣдуетъ. Нагайка хоть кого выучитъ исправности. Изнемогая отъ жара, весь въ поту, возвращается онъ къ давишней копнушкѣ и закуриваетъ трубку. Мысль, что передъ его глазами работаютъ люди, которые тоже изнемогаютъ отъ жары, не приходитъ ему въ голову. Можетъ быть, въ былое время, когда онъ только-что на хозяйство сѣлъ, она временами и мелькала, но теперь онъ ужъ привыкъ. И они, думается ему, привыкли; не у него, такъ у себя въ такой же зной и такимъ же манеромъ работали бы. Всего лучше объ этомъ не думать, потому что безъ чего нельзя, такъ нельзя. Еслибъ была другая работа, въ родѣ пахоты, напримѣръ, онъ, конечно, въ такой жаръ на сѣнокосъ людей не послалъ бы, но въ началѣ іюля, кромѣ косьбы, и въ поле выходить не зачѣмъ.

— Чище, ребята, чище косите!—машинально покрикиваетъ онъ, чтобы подкрадывающаяся дремота не застигла его предательски врасплохъ.

А солнышко, между тѣмъ, дошло до зенита и стоитъ, словно деревянное, не опускается.

Арсеній Потапычъ надвигаетъ плотнѣе бѣлый картузъ на голову и сгибается, подставляя спину дѣйствію солнечныхъ лучей. Ему кажется, что въ этомъ положеніи лицо и грудь менѣе страдаютъ отъ зноя. Онъ складываетъ руки между колѣнъ и задумывается. Къ далекому прошлому мысль его ужъ не обращается; оно исчезло изъ памяти, словно его и не было. Да и въ самомъ дѣлѣ, что̀ тамъ такое было? какая-то глупость—вотъ все, что̀ можно отвѣтить. Но въ настоящемъ что-то есть. По крайней мѣрѣ, онъ можетъ опредѣлительно сказать, что и вчера онъ колотился, и сегодня колотится, и завтра будетъ колотиться. За это его и называютъ образцовымъ хозяиномъ. Теперь идетъ сѣнокосъ, потомъ бабы рожь жать начнутъ, потомъ паровое поле подъ озимь двоить будутъ, потомъ сѣвъ, яровое жать, снопы возить, молотить. А рядомъ съ этимъ, въ домѣ идетъ варенье, соленье, настаиваются водки, наливки. Вездѣ—онъ, вездѣ—его хозяйскій глазъ нуженъ. Проходятъ въ его воображеніи перспективы трудовыхъ дней. Новаго ничего не представляется; но такъ какъ онъ однажды вошелъ въ колею и другой не знаетъ, то и повтореній достаточно, чтобъ занять его мысль. Въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ надо все до послѣдняго огурца къ зимѣ припасти. Онъ провѣряетъ въ умѣ количество домашней птицы, предназначенной на убой, и высчитываетъ, какой можетъ произойти до осени въ птичьемъ стадѣ уронъ. Потомъ, мысль его переносится на скотный дворъ и опредѣляетъ количество молочныхъ скоповъ, сколько для домашняго обихода потребуется, сколько на продажу останется. И вотъ, наконецъ, наступаютъ и за̀морозки: надо птицу подкармливать. Всякая крошка у него на счету: всѣ остатки отъ трапезы господъ и дворовыхъ, все бережно собирается въ кучу и вмѣстѣ съ сывороткой и лишнимъ творогомъ превращается въ птичій кормъ. Зима все съѣстъ, да, кромѣ домашняго запаса, и денегъ не мало потребуетъ. Надо женѣ и дочерямъ хоть по одному новенькому платью сшить, а двумъ невѣстамъ, пожалуй, и по два. Надо хоть два фунта чаю да двѣ головы сахару купить, водки, вина недорогого, свѣчей. Онъ высчитываетъ предполагаемый урожай, старается заранѣе угадать цѣны, опредѣляетъ доходъ и расходъ и, наконецъ, сводитъ концы съ концами. Много труда ему предстоитъ, но зато зимой онъ отдохнетъ. Домъ его наполнится веселымъ шумомъ, и онъ, какъ и въ прежніе годы, на практикѣ докажетъ сосѣдямъ,

что и отъ восьмидесяти душъ, при громадной семьѣ, можно и себѣ, и другимъ удовольствіе доставить.

— Шабашъ!—кричитъ онъ, выходя изъ задумчивости и убѣждаясь, что часовая стрѣлка показываетъ ужъ часъ пополудни.

Косы и грабли мгновенно опускаются, и онъ спѣшитъ домой, гдѣ, наскоро пообѣдавши, ложится отдыхать, наказывая разбудить себя невступно въ три часа.

Покуда онъ отдыхаетъ, и на лугу царитъ глубокій сонъ. Надобно сказать, что въ имѣніи Пустотѣлова заведенъ такой порядокъ, что крестьянамъ разрѣшается топить печи только по воскресеньямъ. Распоряженіе это сдѣлано подъ предлогомъ устраненія пожарныхъ случаевъ, но, въ сущности, для того, чтобъ ни одной минуты барской работы, даже для приготовленія пищи, не пропадало, такъ какъ и мужики, и бабы всю недѣлю ежедневно, за исключеніемъ праздниковъ, ходятъ на барщину. Поэтому, крестьяне горячей пищей пользуются только по праздникамъ, а въ будни довольствуются исключительно тюрей изъ чернаго хлѣба, размоченнаго въ водѣ.

Вообще, заведенные Арсеніемъ Потапычемъ порядки крайне суровы. Онъ всецѣло овладѣлъ рабомъ въ свою пользу и даетъ ему управляться у себя лишь урывками. По праздникамъ (а въ будни только по ночамъ) мужики и бабы вольны управляться у себя, а затѣмъ, пока тягловые рабочіе томятся на барщинѣ, мальчики и дѣвочки работаютъ дома легкую работу: сушатъ сѣно, вяжутъ снопы, и проч. Почти нѣтъ той минуты въ суткахъ, чтобы въ послѣдовскихъ поляхъ не кипѣла работа; три часа въ теченіе дня и немногимъ болѣе въ теченіе ночи—вотъ все, что остается крестьянину для отдыха. Но, сверхъ того, Пустотѣловъ и прихотливъ. Онъ требуетъ, чтобъ мужичокъ выходилъ на барщину въ чистой рубашкѣ, чтобъ дома у него было все какъ слѣдуетъ, и хлѣба доставало до новаго, чтобъ и рабочій скотъ, и инструментъ, были исправные, чтобъ онъ, по крайней мѣрѣ, черезъ каждыя двѣ недѣли посѣщалъ храмъ Божій (приходъ за четыре версты) и смотрѣлъ бы весело. Онъ желаетъ, чтобъ про него говорили, что онъ не только образцовый хозяинъ, но и попечительный распорядитель.

Въ три часа Арсеній Потапычъ опять на своемъ посту. Рабочіе и на этотъ разъ упередили его, такъ что ему остается только признать, что заведенная имъ дисциплина принесла надлежащій плодъ. Онъ ходитъ взадъ и впередъ по разбросанному сѣну и удостовѣряется, что оно уже достаточно провяло, и завтра, пожалуй, можно будетъ приступить къ уборкѣ. Подходитъ къ

косцамъ, съ удовольствіемъ видитъ, что къ концу вечера и лугъ будетъ совсѣмъ выкошенъ.

— Старайся, братцы, старайся!—поощряетъ онъ мужичковъ: —ежели раньше выкосите—домой отпущу!

Жаръ помаленьку спадаетъ; косцы, въ виду барскаго посула, удвоиваютъ усилія, а около шести часовъ и бабы начинаютъ сгребать сѣно въ копнушки. Еще немного, и весь лугъ усѣется съ одной стороны валами, съ другой небольшими копнами. Пустотѣловъ усѣлся на старомъ мѣстѣ и на этотъ разъ позволяетъ себѣ настоящимъ образомъ вздремнуть; но около семи часовъ его будитъ голосъ:

— Готово, Арсеній Потапычъ!

Лугъ выкошенъ окончательно; сѣно тоже сгребено въ копны; сердце образцоваго хозяина радуется.

— Спасибо, молодцы! — произноситъ онъ благосклонно:— теперь можете свою работу работать!

— Ужъ и трава нынче уродилась—изъ годовъ вонъ!—хвалятъ мужички.

— Да, хороша трава; далъ бы только Богъ высушить да убрать безъ помѣхи.

Онъ обращаетъ глаза къ западу и внимательно смотритъ, какъ садится солнышко. Словно бы на самомъ краешкѣ горизонта тучка показывается... или это только такъ кажется?

— Смотри, ребята, какъ бы солнышко въ тучку не сѣло!— безпокоится онъ.

— Помилуйте, Арсеній Потапычъ! какъ есть чисто садится! Самый завтра настоящій день для сушки будетъ!

— Ну, спасибо! расходись по домамъ!

По уходѣ крестьянъ, образцовый хозяинъ съ четверть часа ходитъ по лугу и удостовѣряется, все ли исправно. Встрѣчаются по мѣстамъ небольшіе махры, но вообще лугъ скошенъ отлично. Наконецъ, онъ, вяло опираясь на палку, направляется домой, проходя мимо деревни. Но она ужъ опустѣла; крестьяне отъужинали и исчезли на свой сѣнокосъ.

— Богъ труды любитъ,—говоритъ онъ, и чувствуя, какъ всѣмъ его тѣломъ овладѣла истома, прибавляетъ:—однако, какъ меня сегодня разломало!

— Что сегодня больно рано? неужто ужъ пошабашили?— встрѣчаетъ его Филанида Протасьевна.

— Кончили. Усталъ до смерти. Хорошо бы теперь чайку горяченькаго испить.

— Что-жъ, можно самоваръ поставить велѣть...

— Нѣтъ, что̀ ужъ! не велики бара, некогда съ чаями возиться. Дай рюмку водки—вотъ и будетъ съ меня!

Пустотѣловъ выходитъ на балконъ, садится въ кресло и отдыхаетъ. День склоняется къ концу, въ воздухѣ чувствуется роса, солнце дошло до самой окраины горизонта и къ великому удовольствію Арсенія Потапыча садится совсѣмъ чисто. Вотъ ужъ и стадо гонятъ домой; его застилаетъ громадное облако пыли, изъ котораго доносится блѣянье овецъ и мычанье коровъ. Быкъ, въ качествѣ должностного лица, идетъ сзади. Образцовый хозяинъ зорко всматривается въ даль, и ему кажется, что быкъ словно прихрамываетъ.

— Филанидушка!—зоветъ онъ жену;—смотри, никакъ быкъ-то хра̀млетъ!

— Ничего не хра̀млетъ—такъ тебѣ показалось... быкъ какъ быкъ!—успокоиваетъ мужа Филанида Протасьевна, тоже всматриваясь въ даль.

— Эй, смотри, не храмлетъ ли?

На этомъ быкѣ лежатъ всѣ упованія Пустотѣловыхъ. Они купили его, лѣтъ шесть тому назадъ, въ „Отрадѣ“ (богатое имѣніе, о которомъ я упоминалъ выше) еще теленкомъ, и съ тѣхъ поръ, какъ онъ поступилъ на дѣйствительную службу, стадо замѣтно начало улучшаться.

Черезъ четверть часа, стадо ужъ передъ балкономъ. Къ счастію, Арсеній Потапычъ ошибся; быкъ не только не хромаетъ, но сердито роетъ копытами землю и, опустивши голову, играетъ рогами. Какъ есть красавецъ!

Повторяется тотъ же процессъ доенія коровъ, что и утромъ, съ тою лишь разницею, что при немъ присутствуетъ самъ хозяинъ. Филанида Протасьевна тщательно записываетъ удой и приказываетъ налить нѣсколько большихъ кружекъ парного молока на ужинъ.

Ужинаютъ на воздухѣ, подъ липами, потому что въ комнатахъ уже стемнѣло. На столѣ стоятъ кружки съ молокомъ и куски оставшейся отъ обѣда солонины. Филанида Протасьевна отдаетъ мужу отчетъ за свой хозяйственный день.

— Я сегодня земляники фунтовъ пять наварила, да бутыль наливки налила. Грибы показались, завтра пирогъ закажу. Клубника въ саду поспѣваетъ, съ утра собирать будемъ. Столько дѣла, столько дѣла разомъ собралось, что не знаешь, куда и поспѣвать.

— Ты бы дѣтокъ клубничкой-то полакомила.

— И лѣсной земляники поѣдятъ — таковскія! Плохо клуб-

ника-то родилась, сначала вареньемъ запастись надо. Зима долга, вы же вареньица запросите.

— Умница ты у меня.

— А что я тебѣ хотѣла сказать! Хоть бы пять фунтиковъ сахарнаго вареньица сварить — неровёнъ часъ, хорошіе гости пріѣдутъ.

— Сахаръ-то, матушка, нынче кусается; и съ медкомъ хороши.

Ужинъ кончается быстро, въ нѣсколько минутъ. Барышни, одна за другой, подходятъ къ родителямъ проститься.

— Хорошо учились?—спрашиваетъ отецъ гувернантку Авдотью Петровну Веселицкую, которая присутствуетъ при прощаньѣ и машинально твердитъ: „embrassez la main, embrassez la main!"

— Ничего... не дурно.

— Кромѣ Варвары Арсеньевны,—жалуется Филанида Протасьевна.—Совсѣмъ по-французски учиться бросила. Сегодня, за лѣность, Авдотья Петровна ее цѣлый часъ въ углу продержала.

— Нехорошо, Варя, лѣниться. Учитесь, дѣти, учитесь! Не Богъ знаетъ, какіе достатки у отца съ матерью! Неровёнъ часъ—понадобится.

Дѣти расходятся, а супруги остаются еще нѣкоторое время подъ липами. Арсеній Потапычъ покуриваетъ трубочку и загадываетъ. Кажется, нынѣшнее лѣто урожай обѣщаетъ. Сѣнокосъ начался благополучно; рожь налилась, подсыхать начинаетъ; яровое тоже отлично всклочилось. Коли хлѣба много уродится, съ цѣнами можно будетъ и обождать. Сначала, только часть запаса продать, а потомъ, какъ цѣны повеселѣютъ, и остальное.

— Помнишь, Филанидушка,—говоритъ онъ:—тѣ двѣ десятинки, которыя весной, въ прошломъ году, вычистили да навозцу чуть-чуть на нихъ побросали—еще ты говорила, что ничего изъ этой затѣи не выйдетъ... Такой ли на нихъ нынче ленъ выскочилъ! Щетка щеткой!

— Ну, и слава Богу, что ошиблась. И съ масломъ будемъ, и съ пряжей. Въ поляхъ-то какъ?

— И въ поляхъ хорошо. Рожь ужъ обозначилась: самъ-семь, самъ-восемь ожидать можно. Только бы Богъ благополучно свершить помогъ.

— А помнишь... три года назадъ?

— Да, тоже надѣялись...

Арсеній Потапычъ даже вздрагиваетъ при этомъ напоминаніи. И три года тому назадъ, въ это самое время, все шло весело, какъ вдругъ, въ самый разгаръ надеждъ, откуда ни возьмись,

градъ, и весь хлѣбъ въ одночасье въ грязь превратилъ. Уцѣлѣло только дальнее поле, мало удобренное, на которомъ едва на сѣмена собрали. Какъ только ихъ Богъ въ ту пору спасъ—онъ и не понимаетъ. Всю зиму онъ тогда колотился; скотъ чуть не переморилъ, держа на одной соломѣ, а для собственнаго продовольствія призанялъ у сосѣдей ржи, да и заперся въ усадьбѣ. Ни самъ никуда не ѣздилъ, ни у себя никого не принималъ, а дочки въ затрапезѣ проходили.

Ахъ, жизнь, жизнь! все равно какъ платье. Все цѣло да цѣло, и вдругъ гдѣ-нибудь лопнетъ. Хорошо еще, ежели лопнетъ по шву—зачинить легко; а ежели по цѣлому мѣсту—пиши пропало! Какъ ни чини, ни заштопывай, а оно все дальше да дальше врозь ползетъ. И заплатки порядочной поставить нельзя: нитка не держитъ. Господи, да неужто ужъ Богъ такъ немилостивъ, во второй разъ такое же испытанье пошлетъ! Онъ ли не старается! онъ ли не выбивается изъ силъ!

Но нѣтъ, унывать не слѣдуетъ. Покуда, еще все идетъ благополучно; отчего и впредь такъ же не идти. Не зачѣмъ заранъше пугать себя да всякія напасти придумывать—грѣхъ.

Арсеній Потапычъ начинаетъ разсчитывать, какъ оно выйдетъ, если надежды на хорошій исходъ лѣта оправдаются. Сколько чего онъ продастъ, сколько чего купить придется, не предстоитъ ли чего экстреннаго. Вонъ въ скотной избѣ одинъ уголъ совсѣмъ на бокъ накренился — придется вѣнца три новыхъ подрубить. Своихъ плотниковъ у него въ деревнѣ нѣтъ, надо со стороны нанимать. И на конюшнѣ не все исправно: старый коренникъ припадать началъ. Свои подростки хоть и есть да молоды и не съѣзжены—не миновать лишнюю лошадь прикупить. И въ домѣ, покрышка на мебели въ гостиной совсѣмъ обилась... Ахъ, много прорѣхъ собралось, и не сообразишь сразу, сколько! Разсчитываетъ, разсчитываетъ Арсеній Потапычъ, даже на пальцахъ машинально выкладки дѣлаетъ, но въ заключеніе успѣваетъ-таки свести концы съ концами. Прекрасно. Успѣетъ онъ этотъ годъ уравновѣсить приходъ съ расходомъ... если лѣто сойдетъ съ рукъ благополучно... но и только. А потомъ наступитъ и еще годъ, и опять придется задумываться, опять разсчитывать...

— Ахъ, жизнь, жизнь!—произноситъ онъ вслухъ, вставая.— Поздно ужъ, Филанидушка, спать пора!

Супруги крестятъ другъ друга и отправляются на покой въ общую спальню.

Такъ проходитъ, день за днемъ, лѣто... ежели все обстоитъ благополучно. Къ концу страды, образцовый хозяинъ худѣетъ и

устаетъ, словно онъ самолично и пахалъ, и сѣялъ, и жалъ, и косилъ. Но иногда случается и не совсѣмъ благополучно. Недѣли двѣ сряду, напримѣръ, идетъ въ природѣ невообразимая путаница. Польютъ дожди, ни къ чему рукъ приложить нельзя, такъ что барщина сама собой упраздняется. Мужики отдыхаютъ и управляются около домовъ; Арсеній Потапычъ тоже отдыхаетъ, но при этомъ глубоко страдаетъ. Съ досады, онъ беретъ въ руку лукошко и отправляется въ лѣсъ по грибы. Все такъ хоть что-нибудь да достанетъ на зиму.

Но зато, какъ только выпадетъ первый вёдреный день, работа закипаетъ не на шутку. Разворачиваются почернѣвшіе валы и копны; просушиваются намокшіе снопы ржи. Ни пощады, ни льготы—никому. Ежели и двойную работу мужикъ сработалъ, все-таки, покуда не зашло солнышко, баринъ съ поля не спуститъ. Одну работу кончилъ—маршъ на другую! На то онъ и образцовый хозяинъ, чтобъ про него говорили:

— Ужъ на что̀, кажется, незада̀шное лѣто нынче было, а онъ, смотрите, какъ убрался!

Слава Богу, лѣто кончилось благополучно; все хорошо уродилось и исправно убрано. Подходитъ конецъ сентября; ужъ двѣ недѣли какъ началась молотьба, и пробные умолоты оказались превосходными. Воздухъ посвѣжѣлъ; раздаются удары цѣповъ, слышится запахъ гари, несущейся изъ риги. Бабы ужъ выколотили льняное сѣмя и намяли льну. Сѣмя начнутъ постепенно возить на ближайшую маслобойню: и масла, и избоины — всего будетъ вдоволь. Избоиной хорошо коровъ съ новотелу покармливать; но и дворовые охотно ее ѣдятъ; даже барышни любятъ изрѣдка полакомиться ею, макая въ свѣжее льняное масло. А ленъ-стланецъ раздадутъ на пряжу — будетъ чѣмъ занять въ зимніе вечера и сѣнныхъ дѣвушекъ, и ткачихъ. А покуда всѣ дворовые заняты въ огородѣ; роютъ послѣдній картофель, срѣзываютъ капусту. По вечерамъ, изъ застольной доносятся звуки сѣчекъ, ударяемыхъ о корыта; это рубятъ капусту; верхніе листы отдѣляютъ для людскихъ сѣрыхъ щей; плотные кочни откладываютъ на бѣлыя щи для господъ; кочерыжки приносятъ въ домъ и барышни охотно ихъ кушаютъ. Словомъ сказать, тяжелая работа свалена, наступило почти-что веселье.

Сердце Пустотѣлова радостно бьется въ груди: теперь ужъ никакой неожиданности опасаться нельзя. Онъ зорко слѣдитъ за молотьбой, но дни становятся все короче и короче, такъ что

приходится присутствовать на гумнѣ не больше семи-восьми часовъ въ сутки. И чѣмъ дальше, тѣмъ будетъ легче. Пора и отдохнуть.

— Кажется, заслужилъ?—шутитъ образцовый хозяинъ, обращаясь къ женѣ.

— Заслужилъ, мой голубчикъ! Посмотри на себя; весь ты за лѣто извелся.

— А коли заслужилъ, можно меня и лишней рюмочкой водки побаловать.

Но для Филаниды Протасьевны пора отдыха еще не наступила. Она больше, чѣмъ лѣтомъ, захлопоталась, потому что теперь-то, пожалуй, настоящая „припасуха“ и пошла въ развалъ. Бѣгаетъ она, какъ молоденькая, изъ дома въ застольную, изъ застольной въ погребъ. Вездѣ посмотритъ, вездѣ спроситъ; боится, чтобы даже крошка малая зря не пропала.

— Намеднись, квасъ сливали—куда ты гущу изъ-подъ кваса дѣвалъ?—спрашиваетъ она повара.

— Птицѣ, сударыня, снесъ.

— Тебѣ велѣно птичницѣ съ рукъ на руки отдавать. Кому ты отдалъ?

— Простите, сударыня, самъ птицѣ въ корыто вылилъ.

— Врешь, негодяй, слопалъ!

— Помилуйте... зачѣмъ же мнѣ?

— По глазамъ вижу, что слопалъ! Вотъ скажу ужо Арсенію Потапычу, какъ ты барское добро бережешь—раздѣлается онъ съ тобой!

Побранившись съ поваромъ, побѣжитъ на скотную, велитъ отворить дверь чулана, гдѣ хранится мякина и пелёва, вороха которыхъ ежедневно приносятся съ гумна.

— Словно бы сегодня пелёвы меньше, чѣмъ вчера?

— Помилуйте, сударыня, куда-жъ ей дѣваться!

— Куда дѣваться! извѣстно, въ деревню къ роденькѣ въ подолахъ носите... Вотъ ужо раздѣлается съ вами Арсеній Потапычъ!

Со скотнаго двора въ застольную.

— Долго ли вы, команда безпорточная, съ капустой возиться будете?—покрикиваетъ она на сѣнныхъ дѣвушекъ:—за пряжу приниматься давно пора, а онѣ—натко!—ушли въ застольную да пѣсни распѣваютъ!

— И безъ пѣсенъ тошнехонько!—огрызается старая Агаѳья, которая нѣкогда выпѣстовала Арсенія Потапыча, а теперь состоитъ въ домѣ ключницей.

— Ты что, старая корга, грубишь! вотъ ужо раздѣлается съ тобой Арсеній Потапычъ!

И т. д.

Съ наступленіемъ октября, начинаются первые серьезные морозы. Земля закоченѣла, трава по утрамъ покрывается инеемъ, вода въ канавкахъ затягивается тонкимъ слоемъ льда; грязь на дорогахъ до того сковало, что ѣзда въ телѣгахъ и экипажахъ сдѣлалась невозможною. Но зато черностопъ образовался отличный; гуляй мужичокъ да погуливай. Кабы на промерзлую землю да снѣжку Богъ послалъ—лучше бы не надо.

Въ усадьбѣ и около нея съ каждымъ днемъ становится тише; домашняя припасуха ужъ кончилась, только молотьба еще въ полномъ ходу и будетъ продолжаться до самыхъ святокъ. Въ домѣ зимнія рамы вставили, печки топить начали; послѣ обѣда, часовъ до шести, сумерничаютъ, а потомъ и свѣчи зажигаютъ; сѣнныя дѣвушки ужъ больше недѣли какъ усѣлись за пряжу и работаютъ до пѣтуховъ, а утромъ, чуть свѣтъ забрезжитъ, и опять на ногахъ. Наконецъ, въ половинѣ октября выпадаетъ первый снѣгъ—прямо на мерзлую землю.

— Задашный нынче годъ вышелъ!—радуется Арсеній Потапычъ:—и лѣто свершить удалось хорошо, и на озими надѣяться можно, не подопрѣютъ.

— Погоди еще хвалиться; пожалуй, еще оттепели пойдутъ.

— Нѣтъ, оттепелей не будетъ; это ужъ я замѣчалъ. Коли осень студеная стоитъ, да снѣгъ раньше ноября выпалъ—стало быть, и санный путь установится сразу.

Днемъ, Арсеній Потапычъ ведетъ обычную дѣятельную жизнь. Съ ранняго утра, надѣваетъ полушубокъ и большіе, смазанные ворванью сапоги и отправляется въ ригу. Отдыха теперь полагается всего какихъ-нибудь полчаса для обѣда; поэтому за шумомъ и стукомъ цѣповъ не видишь, какъ и время летитъ. Но длинные вечера наводятъ на Пустотѣлова тоску. Къ несчастью, онъ, въ послѣднее время, попивать началъ. Стоитъ у него, въ залѣ, въ шкафчикѣ, графинчикъ съ настойкой; вотъ онъ походитъ-походитъ, да нѣтъ-нѣтъ и подкрадется къ шкафчику. И до тѣхъ поръ подкрадывается, пока до дна графинчика не очиститъ.

— Не будетъ ли?—отъ времени до времени остерегаетъ его Филанида Протасьевна.

— Не бось, пьяницей не сдѣлаюсь. Водка полезна для меня; звѣробой мокроту гонитъ.

— А по моему, выпилъ рюмку, выпилъ другую, и довольно. Привыкнешь, такъ послѣ трудно отвыкать будетъ.

— Такъ ты бы не цѣлый графинъ наливала; выпилъ бы я въ препорцію, сколько, по твоему, слѣдуетъ, и шабашъ.

— И то буду полъ-графина ставить.

— Скучно вѣдь, матушка! дорогъ настоящихъ нѣтъ, цѣны неизвѣстны... разсчитываешь, разсчитываешь—инда тоска возьметъ.

— Возьми терпѣнье, займись чѣмъ-нибудь. Не тоскую же я; у меня всегда дѣло найдется.

И дѣйствительно, у Филаниды Протасьевны дѣло, точно безконечная нитка, тянется. Покончивши съ домашними заготовками, она принимается за обшиваніе домочадцевъ. Всѣмъ нужно бѣлье подновить, а дочерямъ, на первое время, хоть ситцевыя платья для всякаго дня сшить. Вынула она изъ сундука нѣсколько новинъ полотна, вспомнила, что отъ прошлаго года цѣлый кусокъ ситца остался, выпросила у сосѣдей выкроечекъ, и теперь сидитъ въ залѣ, кроитъ и рѣжетъ, вмѣстѣ съ двумя швеями-мастерицами. Старшенькимъ, конечно, и получше платьица понадобятся, да за бездорожицей въ городъ ѣхать еще нельзя, а сверхъ того и денегъ пока нѣтъ.

Будутъ деньги, будутъ. Въ концѣ октября, санный путь ужъ установился, и Арсеній Потапычъ то-и-дѣло посматриваетъ на дорогу, ведущую къ городу. Наконецъ, пріѣзжаютъ одинъ за другимъ прасолы, но цѣны пока даютъ невеселыя. За четверть ржи двѣнадцать рублей, за четверть овса—восемь рублей ассигнаціями. На первый разъ, впрочемъ, образцовый хозяинъ рѣшается продешевить, лишь бы дыры заткнуть. Продалъ четвертей по пятидесяти ржи и овса, да маслица, да яицъ—вотъ онъ и съ деньгами.

Супруги ѣдутъ въ городъ и дѣлаютъ первыя закупки. Мужъ беретъ на себя что̀ нужно для пріема гостей; жена занимается исключительно нарядами. Объѣзжаютъ городскихъ знакомыхъ, въ особенности полковыхъ, и всѣмъ напоминаютъ о наступленіи зимы. Арсеній Потапычъ справляется о цѣнахъ у настоящихъ торговцевъ, и убѣждается, что хоть онъ и продешевилъ на первой продажѣ, но немного. Наконецъ, вороха всякой всячины укладываются въ возокъ, и супруги, веселые и довольные, возвращаются во-свояси. Слава Богу! теперь хоть кого не стыдно принять.

И въ самомъ дѣлѣ, ноябрь еще въ половинѣ, барышнямъ едва успѣли новенькія платьица пошить, какъ ужъ по дорогѣ къ Послѣдовкѣ начинаютъ позвякивать колокольчики. Сначала, пріѣзжаютъ полковые изъ эскадрона, расположеннаго по деревнямъ, да ближайшіе сосѣди. Въ домѣ становится шумно; единственный лакей, Асонъ, съ ногъ сбился, несмотря на то, что въ помощь

ему дали двухъ мальчиковъ. Съ утра идетъ хлѣбосольство: чаи, завтраки, обѣды. Только не взыщите, а запасовъ, слава Богу, про всѣхъ хватитъ. Вечеромъ дешевенькая гувернантка на фортепіанахъ играетъ, а барышни и кавалеры танцуютъ. Въ большинствѣ случаевъ, гости остаются ночевать; мужчины располагаются спать въ залѣ и въ гостиной въ-повалку на разостланныхъ по полу перинахъ; женскій полъ разводятъ по комнатамъ барышенъ, на антресоляхъ. Иные дня по два и по три гостятъ, съ прислугой и лошадьми, но хозяевамъ это не только не въ тягость, а даже удовольствіе доставляетъ; вѣдь и они, въ свою очередь, у сосѣдей по два и по три дня веселиться будутъ.

Пріѣзды не мѣшаютъ, однакожъ, Арсенію Потапычу слѣдить за молотьбой. Всѣ знаютъ, что онъ образцовый хозяинъ, и понимаютъ, что кому другому, а ему нельзя не присмотрѣть за работами; но, сверхъ того, наступили самые короткіе дни, работа идетъ не больше пяти-шести часовъ въ сутки, и Пустотѣловъ къ обѣду ужъ совсѣмъ свободенъ. Иногда, впрочемъ, онъ и совсѣмъ освобождаетъ себя отъ надзора; придетъ въ ригу на какой-нибудь часъ, скажетъ мужичкамъ:

— Смотри у меня, ребята! чтобы все до послѣдняго зерна было цѣло!—и уйдетъ домой, увѣренный, что умолотъ будетъ весь на-лицо.

Но все это только цвѣточки. Приближается 13-е декабря, день ангела Арсенія Потапыча. Къ этому дню приготовляются очень дѣятельно, такъ какъ изстари заведено, что у Пустотѣловыхъ къ имянинамъ хозяина съѣзжается цѣлая масса гостей. Филанида Протасьевна наскоро объѣзжаетъ сосѣдей и всѣмъ напоминаетъ о предстоящемъ празднествѣ. Арсеній Потапычъ тѣмъ временемъ продаетъ еще партію хлѣба и ѣдетъ въ городъ для новыхъ закупокъ.

13-го декабря, сейчасъ послѣ обѣдни, въ домѣ имянинника происходитъ сущее свѣтопреставленіе. Гости наѣзжаютъ одни за другими; женской и мужской прислуги набирается столько, что бо́льшую часть ея отсылаютъ въ застольную; экипажи и лошади тоже, за недостаткомъ мѣста, размѣщаются въ деревнѣ по крестьянскимъ дворамъ.

Я не буду, впрочемъ, описывать здѣсь подробности праздника. Хлѣбосольство, въ то время, справлялось вездѣ одинаково, и потому составитъ предметъ особой главы, въ которой я намѣренъ изобразить общее пошехонское раздолье.

Зима живо проходитъ въ безпрерывныхъ пріемахъ и выѣздахъ, но въ особенности весело проводятся святки и масляница.

Дня за три до святокъ обмолачиваются послѣдніе снопы овса; стукъ цѣповъ на барской ригѣ смолкаетъ, и Арсеній Потапычъ на цѣлыхъ три мѣсяца можетъ считать себя вольнымъ казакомъ. Онъ пополнѣлъ; загаръ съ его лица исчезъ, даже заботливое выраженіе пропало. Ни одного съѣзда у сосѣдей не обходится безъ Пустотѣловыхъ; вездѣ они дорогіе гости, несмотря на то, что пріѣзжають цѣлой гурьбой. Но, кромѣ сосѣдей, ѣздятъ и въ городъ, гдѣ господа офицеры устроили клубъ и даютъ въ немъ, отъ времени до времени, танцовальные вечера, для которыхъ барышни-невѣсты приберегаютъ свои лучшія платьица.

Пустотѣловымъ и насчетъ дочерей везетъ. Благодаря ласковости и гостепріимству, они успѣваютъ пристроить, въ теченіе зимы, двухъ старшихъ барышенъ. Одну за полкового лекаря помолвили, другую—за уѣзднаго стряпчаго Стрѣльбищева. Оба люди бѣдные, но нужда научитъ деньгу добывать. Зато они богатаго приданаго не требуютъ. Сшила невѣстамъ Филанида Протасьевна по два лишнихъ платьица, бѣлья прибавила, да серебреца по полдюжинѣ столовыхъ и чайныхъ ложекъ купили—вотъ и все. У другихъ и съ богатымъ приданымъ Богъ дочкамъ судьбы не посылаетъ, а Пустотѣловы всего на все двѣ зимы своихъ невѣстъ вывозили, и ужъ успѣли ихъ съ рукъ сбыть. Двухъ сбыли, а потомъ постепенно и остальныхъ сбудутъ. А все отъ того, что Арсеній Потапычъ умѣетъ вò время послѣднюю копѣйку ребромъ поставить, а Филанида Протасьевна приласкать и принять мастерица.

Одна бѣда: чѣмъ больше идетъ зима вглубь, тѣмъ меньше становится запасъ продуктовъ, назначенныхъ на продажу. Къ концу мясоѣда, Пустотѣловы продали остатки хлѣба, отложивъ только то, чтò потребуется на сѣмена и на собственное продовольствіе, и засѣли на масляницу дома. Даже на folle journée къ Струнниковымъ не поѣхали, подъ предлогомъ, что барышни пожелали провести послѣдніе дни передъ постомъ съ женихами. Но годъ все-таки оправдалъ ожиданія образцоваго хозяина; онъ не только свелъ концы съ концами, но успѣлъ отложить небольшую сумму и для предстоящихъ свадебныхъ торжествъ.

Наконецъ, наступаетъ и чистый понедѣльникъ. И Арсеній Потапычъ, и вся семья говѣютъ на первой недѣлѣ, изъ опасенія, чтобы бездорожье не воспрепятствовало исполнить христіанскій долгъ позднѣе. Постъ соблюдается строго; за столъ подаются исключительно грибы, картофель, капуста, рѣдька и вообще самое неприхотливое кушанье; только два раза, въ Благовѣщенье да въ Вербное воскресенье, господа позволяютъ себѣ рыбой по-

баловаться, но и этимъ лакомствомъ Пустотѣловъ заранѣе запастись успѣлъ. Еще осенью, съ наступленіемъ первыхъ заморозковъ, выпросилъ у сосѣда Гуслицына позволенье въ его озерѣ рыбки половить, а у другого сосѣда неводомъ раздобылся. И такъ какъ онъ былъ на всѣ руки мастеръ, то ловля вышла обильная. И щукъ, и окуней, и язей насолили и заморозили пудовъ двадцать; всю масляницу и сами ѣли, и въ застольную отпускали, а остатки будутъ постомъ доѣдать.

Святая недѣля проходитъ тихо. Наступило полное бездорожье, такъ что въ Свѣтлое воскресенье семья вынуждена выѣхать изъ дома за̀-свѣтло и только съ помощью всей барщины успѣваетъ попасть въ приходскую церковь къ заутрени. А съ бездорожьемъ, и гости притихли; сосѣди заперлись по домамъ и отдыхаютъ; даже женихи пріѣхали изъ города, рискуя на каждомъ шагу окунуться въ зажорѣ.

На красную горку Пустотѣловы справляютъ разомъ обѣ свадьбы. Но ни пріемовъ, ни выѣздовъ по этому случаю не дѣлается, во-первыхъ, потому что рабочая пора недалеко, а во-вторыхъ, и главнымъ образомъ, потому, что денегъ мало.

Утромъ, сейчасъ послѣ обѣдни, происходитъ вѣнчальный обрядъ, затѣмъ у родителей подается ранній обѣдъ, и вслѣдъ за нимъ новобрачные уѣзжаютъ въ городъ, *къ себѣ*.

Двѣ дочери съ плечъ долой; остается еще восемь.

Но ни Арсенію Потапычу, ни Филанидѣ Протасьевнѣ скучать по дочерямъ некогда. Слава Богу, родительскій долгъ выполнили, пристроили—чего жъ больше! А сверхъ того, и страда началась, въ яровое поле ужъ выѣхали съ боронами мужички. Какъ образцовый хозяинъ, Пустотѣловъ еще съ осени вспахалъ поле, и теперь приходится только боронить. Вскорѣ послѣ Николина дня поле засѣютъ овсомъ, и опять вспашутъ и заборонятъ.

Словомъ сказать, постепенно подкрадывается лѣто, а вмѣстѣ съ нимъ и безконечный рядъ дней, въ теченіе которыхъ Арсенію Потапычу, по примѣру прошлаго года, придется разрѣшать мучительную загадку, свершитъ онъ, или не свершитъ, сведетъ ли концы съ концами, или не сведетъ.

— Вотъ, Филанидушка, и опять лѣто-припасуха настало!—говоритъ онъ женѣ, стараясь сообщить своему голосу бодрость.

Но, въ дѣйствительности, тревога уже заползла въ его сердце и не покинетъ его вплоть до осени.

Крестьянская реформа застала Пустотѣлова, какъ и большинство помѣщиковъ нашего захолустья, врасплохъ. Несмотря на

кровавыя изобличенія кампаніи 1853—55 гг., которая представляла собой лишь великій прологъ къ великой драмѣ освобожденія, ничто не предупредило тупо-самодовольный людъ, никогда не умѣвшій постигнуть внутренній смыслъ развертывающихся передъ его глазами событій. Корни жизни слишкомъ глубоко погрязли въ тинѣ крѣпостной уголовщины, чтобъ можно было сразу перемѣстить ихъ на новую почву. Тина эта питала прошлое, обезпечивала настоящее и будущее—ка́къ отказаться отъ того, что̀ изстари служило регуляторомъ всѣхъ поступковъ, составляло основу всего существованія? ка́къ, вмѣсто довольства и обезпеченія, представить себѣ такой порядокъ, который долженъ, въ самомъ корнѣ, подсѣчь прочно сложившійся обиходъ, погубить всѣ надежды? Естественно, что при такой беззавѣтной вѣрѣ въ непогрѣшимость старыхъ устоевъ, даже очевидность должна была представляться чѣмъ-то въ родѣ призрака, на который стоило только дунуть, чтобъ онъ мгновенно разсѣялся.

Пуще всего пугало будущее дѣтей. Положимъ, старики виноваты: не всѣ они олицетворяли собой типъ благопопечительныхъ патріарховъ—въ этомъ ужъ почти единодушно стали сознаваться —но за что же дѣти будутъ страдать? А на нихъ, между тѣмъ, и обрушатся всею тяжестью послѣдствія новоявленныхъ и ничѣмъ не вызванныхъ фантазій. Старики-то ужъ отжили вѣкъ, попользовались; имъ, пожалуй, и на погостъ пора, но дѣти... Развѣ они причастны прошлому? Несомнѣнно, что когда придетъ ихъ очередь сѣсть на хозяйство, они человѣчнѣе отнесутся къ крѣпостной практикѣ. Съ ихъ появленіемъ исчезнетъ крѣпостная уголовщина, отношенія пріобрѣтутъ характеръ правомѣрности, выраженіе: „вы наши отцы, мы ваши дѣти“ сдѣлается правдою. Чего еще нужно? Вотъ и теперь: сѣлъ на хозяйство молодой Бурмакинъ,—у него и въ заводѣ нагайки нѣтъ. Лаской да добрымъ словомъ довольствуется—и все идетъ какъ слѣдуетъ. И вездѣ постепенно разведутся Бурмакины, потому что время къ тому идетъ. Нехорошо драться, нехорошо мужиковъ и бабъ на барской работѣ безъ отдыха изнурять, да вѣдь Бурмакинъ и не дѣлаетъ этого; стало быть, можно и при крѣпостномъ правѣ по хорошему обойтись.

Но, кромѣ того, ежели вѣрить въ новоявленныя фантазіи, то придется вѣру въ святое писаніе оставить. А въ писаніи именно сказано: рабы! господамъ повинуйтесь! И у Авраама, и у прочихъ патріарховъ были рабы, а они съумѣли же угодить Богу. Неужто, въ самомъ дѣлѣ, ради пустой похвальбы, дозволительно и вѣру нарушить, и завѣты отцовъ на поруганье отдать? Для

чего? для того, чтобъ стремглавъ кинуться въ зіяющую пучину, въ которой все темно, все неизвѣстно?

Нѣтъ, нѣтъ! не можетъ этого статься! Рѣшимости не достанетъ, чтобъ безъ всякаго повода бросить въ народную массу такой злой и безумный переполохъ!

Такъ думало въ то время большинство, а Арсеній Потапычъ шелъ, пожалуй, дальше другихъ. Онъ былъ человѣкъ неглупый и между сосѣдями слылъ даже умницей. Но въ подобныхъ рѣшительныхъ случаяхъ на умниковъ находитъ затмѣніе легче, чѣмъ на самыхъ простодушныхъ людей. Постоянная увѣренность въ собственныхъ поступкахъ и намѣреніяхъ воспитываетъ упорство, съ которымъ трудно справиться. Поэтому, Пустотѣловъ не только не измѣнилъ своего образа дѣйствій, въ виду возрастающихъ слуховъ, но просто-на-просто называлъ послѣдніе ахинеей. Гоголемъ расхаживалъ онъ по полямъ и помахивалъ нагайкой, ни на іоту не отступая отъ исконнаго урочнаго положенія: за первую вину—пять ударовъ, за вторую—десять и т. д.

А молва продолжала рости. Въ сентябрѣ 1856 года, нѣкоторые сосѣди, ѣздившіе на коронацію, возвратились въ деревню и привезли новость, что вся Москва только и говоритъ, что о предстоящей реформѣ.

— Всѣхъ бы я васъ за языки перевѣшалъ, да и московскихъ тявкушъ кстати!—безъ церемоніи откликался на это извѣстіе Арсеній Потапычъ. — Тяфъ да тяфъ, только и знаютъ, что лаютъ дворняжки! Надо, чтобъ всѣ съ ума сошли, чтобъ этому статься! А покуда, до этого еще не дошло.

— Чудакъ ты, братецъ! точь въ точь Струнниковъ! тому, что̀ ни говори, онъ все свое долбитъ! — убѣждалъ его Григорій Александрычъ Перхуно̀въ.

— Струнникова хоть и называютъ глупымъ, а, по моему, онъ всѣхъ васъ умнѣе.

— Разсуди, однако. Кабы ничего не готовилось, развѣ позволило бы начальство вслухъ о такихъ вещахъ говорить? Вспомни-ка. Вѣдь въ прежнее время за такія рѣчи ссылали туда, гдѣ Макаръ телятъ не гонялъ, а нынче всякій пащенокъ ротъ разѣваетъ: волю нужно дать, волю! — А начальство сидитъ да по головкѣ гладитъ!

— Белиберда пошла—отъ того! Вожжи распустили, бомбошкой заманиваютъ... Всегда такъ на первыхъ порахъ бывало.

— И я знаю, что белиберда, да къ белибердѣ-то къ этой готовиться надобно. Упадетъ она какъ снѣгъ на голову; очнуться придется, туда-сюда—анъ поздно!

— Отстань!.. сказалъ, что никогда этому не бывать — и не будетъ! Не къ чему готовиться.

Однимъ словомъ, ничто не могло его сломить. Даже Филанида Протасьевна, всегда безусловно вѣрившая въ правоту мужа—и та поколебалась. Но разувѣрять его не пробовала, потому что боялась, что это только поведетъ къ охлажденію дружескихъ отношеній, изстари связывавшихъ супруговъ.

Въ то время, старики Пустотѣловы жили одни. Дочерей всѣхъ до одной повыдали замужъ, а сыновья съ отличіемъ вышли изъ корпуса, потомъ кончили курсъ въ академіи генеральнаго штаба и ужъ занимали хорошія штабныя мѣста.

— Жить бы теперь да радоваться,—тосковала Филанида Протасьевна:—такъ нѣтъ же! послалъ подъ конецъ Богъ напасть!

И написала сыновьямъ, чтобъ хорошенько обо всемъ разузнали и осторожно увѣдомили отца.

Дѣйствительно, оба сына, одинъ за другимъ, сообщили отцу, что дѣло освобожденія принимаетъ все болѣе и болѣе серьезный оборотъ, и что ходящіе въ обществѣ слухи объ этомъ предметѣ имѣютъ вполнѣ реальное основаніе. Получивши первое письмо, Арсеній Потапычъ задумался и дня два сряду находился въ величайшемъ волненіи; но, въ заключеніе, бросилъ письмо въ печку и отвѣтилъ сыну, чтобъ онъ никогда не смѣлъ ему о пустякахъ писать.

Наконецъ, въ газетахъ появился извѣстный рескриптъ генералъ-губернатору западнаго края. Полковникъ Гуслицынъ прислалъ Пустотѣлову нумеръ „Московскихъ Вѣдомостей", въ которомъ былъ напечатанъ. рескриптъ, такъ что, по настоящему, не оставалось и мѣста для какихъ бы то ни было сомнѣній.

— Вотъ видишь!—осмѣлилась замѣтить мужу по этому поводу Филанида Протасьевна.

— Что̀ вижу! что̀ слѣдуетъ видѣть, то̀ и вижу!—огрызнулся онъ точь-въ-точь какъ Струнниковъ:—извѣстно, полячишки! Бунтуютъ—вотъ имъ за это и...

Рескриптъ, можно сказать, даже подстрекнулъ его. Увѣрившись, что слухъ о предстоящей волѣ уже начинаетъ проникать въ народъ, онъ призвалъ станового пристава и обругалъ его за слабое смотрѣніе, потомъ съѣздилъ въ городъ и назвалъ исправника колпакомъ и такимъ женскимъ именемъ, что тотъ съ минуту колебался, не обидѣться ли ему.

— Вотъ я самъ за дѣло возьмусь, за всѣхъ за васъ наблюдать начну!—пригрозилъ онъ:—и перваго же „тявкушу", какого встрѣчу—мой ли онъ, чужой ли—сейчасъ на конюшню драть.

Скажите на милость, во все горло чепуху по всему уѣзду городятъ, а они, хранители-то наши, сидятъ спустя рукава да посвистываютъ!

И дѣйствительно, онъ началъ наблюдать и прислушиваться. Въ Послѣдовкѣ страхъ, покамѣстъ, еще не исчезъ, и крестьяне безмолвствовали, но на сторонѣ ужъ крупненько поговаривали. И вотъ онъ, однажды, заманилъ одного „тявкушу" и выпоролъ. Конечно, это сошло ему съ рукъ благополучно—сосѣдъ, владѣлецъ „тявкуши", даже поблагодарилъ—но всѣ ужъ начали потихоньку надъ нимъ посмѣиваться.

— Посмотри на себя, на что ты похожъ сталъ!—упрекалъ его Перхуновъ:—точно баба! только бабы нынче *этому* не вѣрятъ, а ты все уменъ да уменъ былъ, и вдругъ колесомъ ходить началъ! Струнниковъ—и тотъ надъ тобой смѣется!

Наконецъ, онъ надумалъ рѣшительную мѣру. Призвалъ приходскаго батюшку, и предложилъ ему въ первый же праздникъ сказать въ церкви проповѣдь на тему, что никогда *этого* не будетъ. Но батюшка былъ изъ небойкихъ, отъ роду проповѣдей не сочинялъ, а потому и на этотъ разъ затруднился. Тогда онъ предложилъ собственныя услуги. И дѣйствительно, не теряя лишней минуты, засѣлъ за дѣло, а часа черезъ два проповѣдь ужъ была готова. Въ ней онъ изложилъ, что и у Авраама были рабы, и у Исаака, и у Іакова, а у Іова было рабовъ даже больше, нежели овецъ. Однимъ словомъ, доказалъ все такъ ясно, что малому ребенку не понять нельзя.

Въ первое же воскресенье, церковь была биткомъ набита народомъ. Съѣхались послушать не только прихожане-помѣщики, но и дальніе. И вотъ, въ урочное время, передъ концомъ обѣдни, батюшка подошелъ къ поставленному на амвонѣ аналою, и мягкимъ голосомъ провозгласилъ:

— Господа, мужички!—прошу подойти ближе! подходите ближе!

Толпа заколыхалась. Мужички слушали съ вниманіемъ, и, повидимому, поняли; но — увы! — поняли какъ разъ наоборотъ ожиданіямъ Арсенія Потапыча.

Вслѣдъ затѣмъ, Струнниковъ съѣздилъ въ губернскій городъ на общее совѣщаніе предводителей, и возвратился оттуда. Дальнѣйшія сомнѣнія сдѣлались ужъ невозможными...

Пустотѣловы заперлись въ Послѣдовкѣ, и сами никуда не ѣздили, и къ себѣ не принимали. Въ скоромъ времени, Арсеній Потапычъ и хозяйство запустилъ; пошелъ слухъ, что онъ серьезно сталъ попивать.

— Вотъ онъ, образцовый-то хозяинъ! — говорили о немъ сосѣди:—и всѣ мы образцовые были, покуда свои мужички задаромъ работали, а вотъ, поди-ка, теперь похозяйничай!

Въ 1865 году мнѣ пришлось побывать въ нашемъ захолустьѣ. Въ одинъ изъ небольшихъ церковныхъ праздниковъ, отправился я къ обѣднѣ, въ тотъ самый приходъ, къ которому принадлежали и Пустотѣловы. Церковь была совершенно пуста; кромѣ церковнаго причта да старосты, я замѣтилъ только двухъ богомольцевъ, стоявшихъ на небольшомъ возвышеніи, обтянутомъ потемнѣвшимъ и продыравленнымъ краснымъ сукномъ. То были старики Пустотѣловы.

Послѣ обѣдни, я подошелъ къ нимъ, и удивился перемѣнѣ, которая произошла въ Арсеніѣ Потапычѣ въ какихъ-нибудь два-три года. Правая нога почти совсѣмъ отнялась, такъ что Филанида Протасьевна вынуждена была безпрестанно поддерживать его за локоть; языкъ заплетался, глаза смотрѣли мутно, слухъ притупился. Несмотря на то, что день только-что начался, отъ него ужъ слышался запахъ водки.

— Арсеній Потапычъ! Филанида Протасьевна! наконецъ-то случай насъ свелъ!—привѣтствовалъ я знакомыхъ.

Филанида Протасьевна, увидѣвшись со мной, молча указала на мужа и заплакала, но онъ, повидимому, не узналъ меня. Неподвижно уставивъ впередъ мутные глаза, онъ, казалось, вглядывался въ какой-то призракъ, который ежеминутно угнеталъ его мысль.

— Арсюша! старый знакомый съ тобой говоритъ!—крикнула ему въ ухо жена.

Онъ медленно повернулъ голову въ мою сторону, и чуть слышно, коснѣющимъ языкомъ, пролепеталъ:

— Уми-рать...

XXIX.—Валентинъ Бурмакинъ.

Валентинъ Осипычъ Бурмакинъ былъ единственный представитель университетскаго образованія, которымъ обладало наше захолустье.

Еще когда онъ посѣщалъ университетъ, умерла у него старуха бабушка, оставивъ любимцу внуку въ нашихъ мѣстахъ небольшое, но устроенное имѣніе, душъ около двухсотъ. Тамъ онъ,

окончивши курсъ, и пріютился, отказавшись въ пользу сестеръ отъ своей части въ имѣніи отца и матери. Пріѣхавши, сдѣлалъ сосѣдямъ визиты, заявляя, что ни въ казнѣ, ни по выборамъ служить не намѣренъ, соперникомъ ни для кого не явится, а будетъ жить въ своемъ Веригинѣ вольнымъ казакомъ.

Сосѣди ему не понравились, и онъ не понравился сосѣдямъ. Думали: вотъ явится женихъ, будетъ по зимамъ у сосѣдей на вечеринкахъ танцы танцовать, барышнямъ комплименты говорить, а вмѣсто того пріѣхалъ молодой человѣкъ молчаливый, неловкій и даже застѣнчивый. Какъ есть рохля. По началу, его, однакожъ, заманивали, посылали приглашенія; но онъ ѣздилъ въ гости рѣдко, отказываясь подъ разными предлогами, такъ что скоро сдѣлалось ясно, что зимнее пошехонское раздолье напрасно будетъ на него разсчитывать.

Заперся онъ въ Веригинѣ, книжекъ навезъ, сидитъ да почитываетъ. Даже въ хозяйство не взошелъ. Призвалъ старосту Власа, который еще при бабушкѣ вѣрой и правдой служилъ, и повелъ съ нимъ такого рода разговоръ:

— Слушай, Власъ! Вѣдь ты честный человѣкъ? да?

Староста изумился при этомъ вопросѣ, и во всѣ глаза смотрѣлъ на молодого барина.

— Я тебя не подозрѣваю, а только спрашиваю: вѣдь ты честный человѣкъ? да?—приставалъ Бурмакинъ.

— Съ чего бы, кажется...—пробормоталъ Власъ.

— Вотъ и прекрасно. И ты честный человѣкъ, и я честный человѣкъ, и всѣ мы здѣсь честные люди! Я и тебѣ, и всѣмъ... довѣряю!

Валентинъ Осипычъ протянулъ руку, конечно для пожатія, но староста кинулся со всѣхъ ногъ и поцѣловалъ ее.

— Ахъ, что̀ ты! я совсѣмъ не для того... Пожалуйста, ты эти глупости оставь!

Очень возможно, что разговоръ этотъ былъ нѣсколько прикрашенъ кѣмъ-нибудь изъ остряковъ-сосѣдей, но, въ примѣненіи къ Бурмакину, онъ представлялся настолько вѣроподобнымъ, что обошелъ всю округу и составилъ предметъ общаго увеселенія.

Къ счастію, бабушкинъ выборъ былъ хорошъ, и староста, дѣйствительно, оказался честнымъ человѣкомъ. Такъ что при молодомъ баринѣ хозяйство пошло тѣмъ же порядкомъ, какъ и при старухѣ-бабушкѣ. Доходовъ получалось съ имѣнія немного, но для одинокаго человѣка, который особенныхъ требованій не предъявлялъ, вполнѣ достаточно. Валентинъ Осипычъ нашелъ даже возможнымъ отдѣлять частичку изъ этихъ доходовъ, чтобы зимой

погостить мѣсяцъ или два въ Москвѣ и отдохнуть отъ назойливой сутолоки родного захолустья.

Это была чистая, высоко-нравственная, почти непорочная личность. Бурмакинъ принадлежалъ къ числу тѣхъ беззавѣтныхъ идеалистовъ, благодаря которымъ во тьмѣ сороковыхъ годовъ просіялъ лучъ свѣта и заставилъ волноваться отзывчивыя сердца. Впервые, послѣ многихъ лѣтъ забитости, почувствовалось, что доброе и человѣческое не до конца изгибло, что человѣческій образъ, даже искаженный, не перестаетъ быть человѣческимъ образомъ. Разумѣется, возникшее въ этомъ смыслѣ движеніе сосредоточивалось исключительно въ литературѣ да въ стѣнахъ университета; разумѣется, оно высказывалось случайно, урывками, но эта случайность пробивалась наружу въ такомъ всеоружіи страстности и убѣжденности, что неизбѣжно оставляла по себѣ горячій слѣдъ. Свѣточъ горѣлъ одиноко, но настолько ярко, что впослѣдствіи, когда дальнѣйшее горѣніе было признано неудобнымъ, потребовались уже нѣкоторыя усилія, чтобъ потушить его.

Бурмакинъ былъ ученикъ Грановскаго и страстный почитатель Бѣлинскаго. Не будучи „учеными“, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, эти люди будили общественное чувство и въ высшей мѣрѣ обладали даромъ жечь глаголомъ сердца. А для того времени это было всего нужнѣе. На призывъ ихъ проповѣди откликнулась безвѣстная масса современной молодежи и, въ свою очередь, сѣяла горячее слово добра, человѣчности, любви. Сѣяла на свой рискъ, не останавливаясь ни передъ подозрительностью, которая встрѣчала проповѣдническій подвигъ, ни передъ мыслью о пучинѣ безвѣстности, въ которой этому подвигу предстояло утонуть.

Валентинъ еще въ университетѣ примкнулъ къ этому кружку страстныхъ и убѣжденныхъ людей, и искренно привязался къ нему. Онъ много читалъ, изрѣдка даже пробовалъ писать, но, надо сказать правду, выдающимися талантами не обладалъ. Это былъ отличный второстепенный дѣятель и преданнѣйшій другъ. Такъ понимали его и члены кружка, глубоко цѣнившіе его честныя убѣжденія.

Но какъ ни безупречна была, въ нравственномъ смыслѣ, убѣжденная восторженность людей кружка, она въ то же время страдала существеннымъ недостаткомъ. У нея не было реальной почвы. Истина, добро, красота—вотъ идеалы, къ которымъ тяготѣли лучшіе люди того времени, но, къ сожалѣнію, осуществленія ихъ они искали не въ жизни, а исключительно въ области искусства, одного безпримѣснаго искусства.

Это было, впрочемъ, понятно. Жизнь того времени пред-

ставляла собой запертую храмину, ключъ отъ которой былъ отданъ въ безконтрольное завѣдываніе табели о рангахъ, и послѣдняя настолько ревниво оберегала ее отъ стороннихъ вторженій, что самое понятіе о „реальномъ“ какъ бы исчезло изъ общественнаго сознанія. Музыка, литература, театръ стояли на первомъ планѣ и служили предметомъ пламенныхъ и безкорыстныхъ состязаній. Всѣмъ памятны споры о Мочаловѣ, Каратыгинѣ, Щепкинѣ и т. д., каждый жестъ которыхъ порождалъ цѣлую массу страстныхъ комментаріевъ. Даже въ балетѣ усматривали глашатая добра, истины и красоты. Имена Санковской и Гериндо раздавались во всѣхъ кофейняхъ, на всѣхъ дружескихъ бесѣдахъ. Это были не просто танцовщикъ и танцовщица, а пластическіе разъяснители „новаго слова“, заставлявшіе, по произволенію, радоваться или скорбѣть.

Оторванность отъ реальной почвы производила печальное двоегласіе и въ существованіи отдѣльныхъ индивидуумовъ. Крѣпостное право было ненавистно, но такихъ героевъ, которые отказались бы отъ пользованія имъ, не отыскивалось. Однажды установившаяся степень довольства и перспектива обезпеченнаго досуга были слишкомъ привлекательны, чтобы въ виду ихъ даже избранникъ рѣшился взять посохъ въ руки и идти въ потѣ лица снискивать хлѣбъ свой. Такимъ образомъ, жизнь сама собой раскалывалась на двѣ половины: одна была отдана Ормузду, другая—Ариману.

Но, кромѣ двоегласія въ личномъ существованіи, представлялась еще другая опасность, которую приводило за собой отсутствіе реальныхъ интересовъ... Опасность эту представляло вторженіе нѣкоторыхъ противорѣчивыхъ примѣсей, которыя угрожали возможностью измѣнъ въ будущемъ.

Одною изъ завѣтныхъ формулъ того времени была „святая простота“. Въ ней заключалось нѣчто непререкаемое и при упоминовеніи объ ней оставалось только преклоняться. Но употребляли ее неразборчиво и нерѣдко смѣшивали съ пошлостью и невѣжествомъ. Это ужъ было заблужденіе, которое грозило послѣдствіями очень сомнительнаго свойства. Крестьянство задыхалось подъ игомъ рабства, но зато оно было sancta simplicitas; чиновничество погрязало въ лихоимствѣ, но и это было своего рода sancta simplicitas; невѣжество, мракъ, жестокость, произволъ господствовали всюду, но и они представляли собой одну изъ формъ sancta simplicitas. Среди этихъ разнообразныхъ проявленій простоты дышать было тяжело, но поводовъ для привлеченія къ отвѣтственности не существовало.

Затѣмъ, рядомъ съ легендой о святой простотѣ, выработалась еще другая, гласившая, что существующее уже потому одному разумно, что оно существуетъ. Формула эта свидѣтельствовала, что самая глубокая восторженность не можетъ настолько удовлетвориться исключительно своимъ собственнымъ содержаніемъ, чтобы не чувствовать потребности въ прикосновеніи къ дѣйствительности, и въ то же время она служила какъ бы объясненіемъ, почему люди, внутренно чуждающіеся извѣстнаго жизненнаго строя, могутъ не протестуя жить въ немъ. Разумѣется, это было возможно только при цѣлой системѣ такихъ оправданій и примиреній, откуда было недалеко и до совершенной путаницы понятій. И будущее доказало, что измѣна очень ловко воспользовалась этими оправданіями.

Тѣмъ не менѣе, какъ ни оторванъ былъ отъ жизни идеализмъ сороковыхъ годовъ, но лично своимъ адептамъ онъ доставлялъ по истинѣ сладкія минуты. Мысли горѣли, сердца учащенно бились, все существо до краевъ переполнялось блаженствомъ. Спасибо и за это. Бываютъ сермяжныя эпохи, когда душа жаждетъ, чтобы хоть шопотомъ кто-нибудь произнесъ: sursum corda!—и не дождется...

. . . .

Итакъ, Бурмакинъ поселился въ родномъ гнѣздѣ и нимало не роптал на одиночество. Онъ читалъ, переписывался съ друзьями и терпѣливо выжидалъ тѣхъ двухъ-трехъ мѣсяцевъ, въ которые положилъ себѣ переѣзжать на житье въ Москву.

Какъ ни ревниво, однакожъ, ограждалъ онъ свое уединеніе, но совсѣмъ уберечься отъ общенія съ сосѣдями уже потому одному не могъ, что по близости жили его отецъ и мать, которыхъ онъ обязанъ былъ посѣщать.

Старики Бурмакины жили радушно, и гости ѣздили къ нимъ часто. У нихъ были двѣ дочери, обѣ на выданьѣ; надо же было барышнямъ развлеченье доставить. Правда, что между помѣщиками жениховъ не оказывалось, кромѣ закоренѣлыхъ холостяковъ, погрязшихъ въ гаремной жизни; но въ уѣздномъ городѣ и по деревнямъ расквартированъ былъ кавалерійскій полкъ, а между офицерами и жениховъ присмотрѣть не въ рѣдкость бывало. Стало быть, безъ пріемовъ обойтись никакъ нельзя.

Поэтому, въ домѣ стариковъ было всегда людно. Пріѣзжая туда, Бурмакинъ находилъ толпу гостей, преимущественно офицеровъ, юнкеровъ и барышенъ, которыми нашъ уѣздъ всегда изобиловалъ. Валентинъ былъ сдержанъ, но учтивъ; къ себѣ не приглашалъ, но не могъ уклониться отъ знакомствъ, потому что родные почти насильственно ему ихъ навязывали.

— Онъ у насъ бука,—говорили они,—а вы соберитесь компаніей, да и расстормошите его!

Въ числѣ наиболѣе частыхъ посѣтительницъ стариковскаго дома была помѣщица Калерія Степановна Чепракова съ четырьмя дочерьми. Она была вдова и притомъ бѣдная (всего пятьдесятъ душъ, да и тѣ разоренныя), такъ что положеніе ея, при большомъ семействѣ, состоявшемъ изъ однѣхъ дочерей, было очень незавидное. Усадьба ея была расположена на высокомъ берегу рѣки Вопли, но домъ былъ до того ветхъ, что ежеминутно грозилъ развалиться. Сосѣди называли его старымъ аббатствомъ и удивлялись, какъ она не боится въ немъ жить. Полы ходуномъ ходили; изъ оконъ и изъ щелей стѣнъ дуло; зимой никакими способами ухититься было нельзя. Ремонтировать домъ было не на что, да, пожалуй, и незачѣмъ; надо новый домъ строить, а у вдовы не только денегъ, а и лѣсу своего нѣтъ.

Однакожъ, вдова не унывала. Дочери у нея были погодки и всѣ очень красивыя, въ особенности младшая, которой только-что минуло семнадцать лѣтъ. Всѣ офицеры, и молодые и старые, поголовно влюблялись въ нихъ, а маіоръ Клобутицынъ даже основалъ дивизіонную штабъ-квартиру въ селѣ, гдѣ жили Чепраковы. Тамъ, притаившись въ отведенной ему крестьянской избѣ, онъ, въ обществѣ избранныхъ субалтернъ-офицеровъ, засматривался на Чепраковскихъ барышенъ, покуда онѣ рѣзвились, купаясь въ Воплѣ, и нельзя поручиться, чтобъ барышни, въ свою очередь, не знали, что за ними слѣдятъ любопытные глаза.

По поводу этихъ наблюденій, носились слухи, что вдова не очень разборчива на средства, лишь бы „разсовать“ дочерей, но сосѣди относились къ этому снисходительно, понимая, что съ такой обузой справиться не легко.

— Извольте-ка,—говорили они,—отъ пятидесяти душъ экую охапку дѣтей содержать! Накормить, напоить, одѣть, обуть да и въ люди вывезти. Поневолѣ станешь въ рѣкѣ живыя картины представлять!

Неизвѣстно, до сыта ли кормила вдова дочерей, но всѣ четыре были настолько въ тѣлѣ, что ничто не указывало на недостатокъ питанія; неизвѣстно, въ какихъ платьяхъ онѣ ходили дома, но въ люди показывались одѣтыми не хуже другихъ. Вдова была изобрѣтательна; перешивала, перекраивала, выворачивала—и всегда у нея выходило хоть куда. Одно горе—отъ пріемовъ она должна была совсѣмъ отказаться: и средствъ нѣтъ, и домъ никуда не годится. Впрочемъ, господа офицеры изрѣдка все-таки заглядывали къ Чепраковымъ и проводили время не скучно.

Только вмѣсто чаю пили молоко, вмѣсто пшеничныхъ булокъ ѣли черный хлѣбъ съ масломъ.

Положеніе Калеріи Степановны было тѣмъ болѣе непріятно, что у нея существовало сытое и привольное прошлое. Сама она принадлежала къ семьѣ Курильцевыхъ, изстари славившейся широкимъ гостепріимствомъ, а мужъ ея до самой смерти былъ такимъ же безсмѣннымъ исправникомъ, какимъ впослѣдствіи сдѣлался Метальниковъ. Весело имъ жилось, привольно; Чепраковъ добывалъ денегъ много и тратилъ безъ разсчета. Мужъ пилъ, жена рядилась и принимала гостей. Казалось, и конца раздолью не будетъ. Домъ ужъ и въ то время обращался въ руины, такъ что неминучее дѣло было затѣвать новый, а Чепраковъ все откладывалъ да откладывалъ—съ тѣмъ и на тотъ свѣтъ отправился, оставивши вдову съ четырьмя дочерьми. Умеръ онъ внезапно, ударомъ, запутавши дѣла до того, что и похоронить было не на что. День днемъ очищался, а о запасной копѣйкѣ и въ помыслахъ не держали. Еще наканунѣ домъ довольствомъ кипѣлъ, а на утро — хоть шаромъ покати.

Это случилось лѣтъ десять тому назадъ. Полились вдовьи слезы. Не скоро поняла Калерія Степановна свое положеніе; къ хозяйству она не привыкла, жила на всемъ готовомъ — натурально, что при первомъ же испытаніи совсѣмъ растерялась. Хорошо еще, что дѣти были невелики, большихъ расходовъ не требовали, а то просто хоть съ сумой побираться иди. Однако, пришлось понять, что прежнее приволье кануло безповоротно въ пучинѣ прошлаго, и что впереди ждетъ совсѣмъ новая жизнь. И надо отдать вдовѣ справедливость: хоть и не сразу, но она поняла.

Пришлось обращаться за помощью къ сосѣдямъ. Больше другихъ выказали вдовѣ участіе старики Бурмакины, которые однажды, подъ видомъ гощенія, выпросили у нея младшую дочь Людмилу, да такъ и оставили ее у себя воспитывать вмѣстѣ съ своими дочерьми. Дочери, между тѣмъ, росли, и изъ хорошенькихъ дѣвочекъ сдѣлались красавицами-невѣстами. Въ особенности, какъ я ужъ сказалъ, красива была Людмила, которую весь полкъ называлъ не иначе, какъ Милочкой. Надо было думать о женихахъ, и тутъ началась для вдовы цѣлая жизнь тревожныхъ испытаній.

Взоры ея естественно устремились на квартирующій полкъ, но военная молодежь охотно засматривалась на красавицъ, а сватовства не затѣвала. Даже старые холостяки изъ штабъ-офицеровъ—и тѣ только шевелили усами, когда Калерія Степановна,

играя масляными глазами—она и сама еще могла нравиться,—заводила разговоры о скукѣ одиночества, и о томъ, какъ она счастлива, что у нея четыре дочери—и все ангелы.

— Посмотрю я на васъ, Семенъ Семенычъ,—обольщала она маіора Клобутицына: — все-то вы одни да одни! Хоть бы къ намъ почаще заходили, а то живете черезъ улицу, въ кои-то вѣки заглянете.

— Я, сударыня, готовъ-съ.

— А готовы, такъ за чѣмъ же дѣло стало! У меня дочки... пѣсенокъ для васъ попоютъ, на фортепьянахъ поиграютъ... Заходите-ка, вечеркомъ, мы васъ расшевелимъ!

Дѣйствительно, на слѣдующій же день послѣ этого разговора, маіоръ прифрантился, надушился и явился около семи часовъ вечера въ аббатство. Дѣло шло ужъ къ осени, сумерки спустились рано; въ большой залѣ аббатства было сыро и темно. Не встрѣтивши въ передней прислуги, маіоръ, покашливая и громко сморкаясь, ходилъ взадъ и впередъ по залѣ, въ ожиданіи хозяекъ. Въ головѣ у него бродила своекорыстная мысль: хорошо бы, вотъ, этакую дѣвицу, какъ Марья Андреевна (старшая дочь), да не жениться бы, а такъ... чтобы чай разливала. Минутъ съ десять онъ такимъ образомъ промечталъ, пока, наконецъ, его заслышали.

— А! Семенъ Семенычъ! къ намъ, въ гостиную! —крикнула въ дверяхъ Калерія Степановна: — у насъ уютнѣе!

Подали двѣ сальныхъ свѣчи, а затѣмъ, играя и рѣзвясь, прибѣжали и всѣ четыре дочери. Маіоръ щелкалъ шпорами и игралъ зрачками.

— Чѣмъ васъ потчивать?—захлопоталась вдова.—Мужчины, я знаю, любятъ чай съ ромомъ пить, а у насъ, извините, не то что рому, и чаю въ заводѣ нѣтъ. Не хотите ли молочка?

— Помилуйте! зачѣмъ же-съ?

Вдова начала горько жаловаться на судьбу. Все у нихъ при покойномъ мужѣ было: и чай, и ромъ, и вино, и закуски... А лошади какія были, особливо тройка одна! Эту тройку покойный мужъ цѣлыхъ два года подбиралъ, и, наконецъ, въ имянины подарилъ ей... Она сама, бывало, и правитъ ею. Соберутся сосѣди, заложатъ телѣжку, сядетъ человѣка четыре кавалеровъ, кто прямо, кто сбоку, и поѣдутъ кататься. Шибко-шибко. Кавалеры, бывало, трусятъ, кричатъ: „тише, Калерія Степановна, тише!"—а она нарочно все шибче да шибче...

— Хорошо тогда жилось, весело. Всего, всего вдоволь было, только птичьяго молока недоставало. Чай пили, кто какъ

хотѣлъ: и съ ромомъ, и съ лимономъ, и со сливками. Только, бывало, наливаешь да спрашиваешь: вы съ чѣмъ? вы съ чѣмъ? съ лимономъ? съ ромомъ? И вдругъ, точно сорвалось... Даже попотчивать дорогого гостя нечѣмъ!

Вдова поникла головой и исподлобья взглядывала на маіора, не выкажетъ ли онъ сочувствія къ ней.

— Не позволите ли мнѣ, сударыня, фунтъ чаю?..—наконецъ вымолвилъ онъ:—да кстати ужъ и рому бутылку велю захватить.

— Ахъ, что̀ вы! какъ же это такъ! А впрочемъ, развѣ для васъ! по крайней мѣрѣ, вы пуншъ себѣ сдѣлаете, какъ дома. А намъ не нужно: мы отъ чаю совсѣмъ отвыкли!

— Ничего-съ. Богъ дастъ и опять привыкнете.

Эти слова были добрымъ предзнаменованіемъ, тѣмъ болѣе, что, произнося ихъ, Клобутицынъ такъ жадно взглянулъ на Марью Андреевну, что у той по всему тѣлу краска разлилась. Онъ вышелъ на минуту, чтобъ распорядиться.

— Смотри же, Маша, не упускай!—шепнула Калерія Степановна дочери.

Заварили маіорскій чай, и, несмотря на отвычку, всѣ съ удовольствіемъ приняли участіе въ чаепитіи. Маіоръ пилъ пуншъ за пуншемъ, такъ что Калеріи Степановнѣ сдѣлалось даже жалко. Вѣдь онъ ни чаю, ни рому назадъ не возьметъ—имъ бы осталось—и вдругъ, пожалуй, всю бутылку заразъ выпьетъ! Хоть бы на гогель-могель оставилъ! А Клобутицынъ продолжалъ пить, и въ то же время все больше и больше въ упоръ смотрѣлъ на Машу, и про себя разсуждалъ:

— Хорошо бы этакую штучку... да не для женитьбы, а такъ... Она бы чай разливала, а я бы вотъ такимъ же образомъ пуншъ пилъ....

Разумѣется, царицей импровизированнаго вечера явилась Марья Андреевна. Она пропѣла: „Прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою“, и съ такимъ чувствомъ произнесла „заря меня не нарумянитъ, роса меня не напоитъ“, что маіора слеза прошибла. Затѣмъ, она же сыграла на старыхъ-старыхъ фортепьянахъ, которыя дребезжали какъ гусли, варіяціи на тему: „Ты не повѣришь“, и маіоръ опять прослезился. Онъ такъ жадно смотрѣлъ на дѣвушку, что Калерія Степановна ужъ подумывала, не оставить ли ихъ однихъ; но взглянула на Клобутицына и убѣдилась, что онъ совсѣмъ пьянъ.

— Прощайте-съ! — вдругъ молвилъ онъ, въ самый разгаръ матримоніальныхъ мечтаній Калеріи Степановны.

И съ этими словами, едва держась на ногахъ, вышелъ изъ гостиной.

Маіоръ зачастилъ. Каждый разъ, приходя въ аббатство, онъ приносилъ бутылку рома, а чаю черезъ каждыя двѣ недѣли фунтъ. Такое ужъ онъ, повидимому, придумалъ „положеніе". Вдова радовалась, что дѣло идетъ на ладъ, и все дальше углублялась въ матримоніальныя мечты.

— Скучно вамъ, Семенъ Семенычъ, однимъ? Сознайтесь... скучно?—приставала она.

— Скучновато-съ.

— Вы бы женились! Мало ли у насъ невѣстъ — цѣлый цвѣтникъ!

Маіоръ загадочно улыбался, но молчалъ.

— Право! вы бы службой занимались, а молодая жена хозяйничала бы. Неужто вамъ деньщикъ и чай наливаетъ?

— Деньщикъ-съ.

— Вотъ видите! А тогда сидѣли бы вы вечеромъ такимъ же манеромъ, какъ теперь, жена бы чай разливала, а вы бы пуншъ пили.

— Хорошо бы-съ.

— За чѣмъ же дѣло стало?

— Хорошо бы... да не такъ, а этакъ-съ...

Вдова вскидывала на маіора удивленные глаза, и не понимала. Но вскорѣ все объяснилось. Клобутицынъ сталъ дѣлать такіе прозрачные намеки, которые даже сомнѣній не допускали...

Надежды на маіорское сватовство рухнули. Но вдова не унималась и дѣятельно предпринимала одинъ матримоніальный походъ за̀ другимъ. Она появлялась всюду, гдѣ можно было встрѣтить военныхъ людей; и сама заговаривала съ ними, и дочерей заставляла быть любезными; словомъ сказать, изъ послѣдняго билась, чтобы товаръ лицомъ показать. Но ей положительно не везло. Самые невинные корнеты—и тѣ какъ-то загадочно косили глазами на красавицъ-невѣстъ, словно говорили: хорошо-то бы, хорошо, да не такъ, а вотъ этакъ. Аббатство одинаково пугало и старыхъ, и молодыхъ.

Появленіе молодого Бурмакина какъ разъ совпало съ тѣмъ временемъ, когда Калерія Степановна начинала терять всякую надежду. Увидѣвъ Валентина Осипыча, она встрепенулась. Тайный голосъ шепнулъ ей: вотъ онъ... женихъ!—и она съ такою увѣренностью усвоила себѣ эту мысль, что оставалось только рѣшить, на которой изъ четырехъ дочерей остановится выборъ молодого человѣка.

Младшая дочь, Людмила, была красивѣе всѣхъ. Она не обладала ни дебелостью, ни крутыми бедрами, которыми отличались сестры; напротивъ того, была даже нѣсколько худощава, но въ мѣру, насколько приличествуетъ красотѣ, которая обѣщаетъ надолго сохраниться въ будущемъ. Высокая, стройная, съ едва намѣченною, дѣвственною грудью, она напоминала Венеру, выходящую изъ морской волны. Прелестное личико имѣло слегка избалованное выраженіе и было увѣнчано густой золотистой косой, которая падала ниже пояса. Вся ея фигура дышала женственностью, и это было тѣмъ привлекательнѣе, что она съ необыкновенной простотой носила свою красоту. Она не шла на встрѣчу восторгамъ, а предоставляла любоваться собой, и чуть замѣтно улыбалась, когда на нее заглядывались, какъ будто ее даже удивляло, что въ глазахъ молодыхъ людей загорались искры, когда они, во время танцевъ, прикасались къ ея таліи.

Но насколько плѣнительна была Милочкина внѣшность, настолько же она сама была необразованна и неразвита, настолько же во всемъ ея существѣ была разлита глубокая безсознательность. Разговора у нея не было, но она такъ красиво молчала, что, кажется, вѣкъ бы подлѣ нея, тоже молча, просидѣлъ, и было бы не скучно.

— Что вы, Людмила Андреевна, молчите? скажите что-нибудь!—приставали къ ней кавалеры:—ну, напримѣръ, я васъ лю...

— Ахъ, нѣтъ, оставьте!.. мнѣ лѣнь,—отвѣчала она, закрывая глаза, точно собиралась уснуть:—какіе вы говорите пустяки!

И кавалеры оставляли ее въ покоѣ, и даже находили, что молчаніе составляетъ одну изъ ея привилегій. Еще Богъ знаетъ, что̀ она скажетъ, если заговоритъ, а тутъ сиди и любуйся ею— вотъ и все!

Даже когда офицеры называли ее въ глаза „Милочкой", она и тогда не обижалась, а только пожималась, словно ее пощекотали.

— Людмила Андреевна! Милочка... вѣдь вы Милочка?

Молчаніе.

— Милочка! мы всѣ въ васъ влюблены!

— Вотъ нашли!

Встрѣтившись съ Людмилой въ домѣ своихъ стариковъ, Бурмакинъ сразу былъ пораженъ ея красотой. Красота была для него святыней, а „женственное" —святыней сугубой. Отъ вниманія его, конечно, не ускользнула крайняя неразвитость дѣвушки, но это была „святая простота", и тоже принадлежала къ числу идеаловъ, составлявшихъ культъ молодого человѣка. Одно не

нравилось: господа военные какъ-то ужъ черезъ-чуръ безцеремонно льнули къ красавицѣ, и она, повидимому, была не въ состояніи дать имъ отпоръ. Но вѣдь и это „святая простота", передъ которою преклоняться слѣдуетъ, принимая всецѣло, какъ она есть, и не анализируя. Придетъ время — сердце ея само собой забьетъ тревогу, и она вдругъ прозрѣетъ и „въ небесахъ увидитъ Бога"; но покуда ея часъ не пробилъ, пускай это сердце остается въ покоѣ, пускай эта красота довлѣетъ сама себѣ.

Старики Бурмакины хвалили Милочку. Они отзывались о ней какъ о дѣвушкѣ тихой, уживчивой, которая нѣсколько лѣтъ сряду была почти членомъ ихъ семьи, и никогда никакой непріятности они отъ нея не видали. Правда, что она какъ будто простовата—ну, да это пройдетъ. Выйдетъ замужъ за хорошаго человѣка и разомъ очнется.

Говоря такимъ образомъ, они любовно посматривали на сына, словно угадывали зарождающееся въ немъ чувство и были не прочь поощрить его.

Калерія Степановна, въ свою очередь, почуявши въ Бурмакинѣ жениха, старалась вывести Милочку изъ оцѣпенѣнія.

— Ты чтò же, рохля, зѣваѐшь!—говорила она ей:—во снѣ, матушка, мужа не добудешь!

— Я, маменька, кажется, ничего...

— То-то, что ничего! Ничего-то ничѣмъ и кончается. А ты умѣй человѣку отличіе показать. Прочимъ ничего, а ему—чего! Умная-то дѣвица ежели и лишненькое основательному человѣку позволить, такъ и то не бѣда; а она сидитъ какъ царевна да пожимается!

Вообще, сближеніе между молодыми людьми произошло не скоро. Несмотря на материнскія наставленія, Милочка туго пробуждалась изъ состоянія вялости, которое присуще было ея природѣ. Бурмакинъ тоже былъ застѣнчивъ и лишь изрѣдка перебрасывался съ красавицей двумя-тремя незначащими словами...

Но вотъ, наконецъ, его день наступилъ. Однажды, зная, что Милочка гоститъ у родныхъ, онъ пріѣхалъ къ нимъ и, вопреки обыкновенію, не засталъ въ домѣ никого посторонныхъ. Былъ темный октябрьскій вечеръ; комната едва освѣщалась экономно разставленными сальными огарками; старики отдыхали; даже сестры точно сговорились и оставили Людмилу Андреевну одну. Она сидѣла въ гостиной, въ обычной лѣнивой позѣ, и не то дремала, не то о чемъ-то думала.

— О чемъ задумались? — спросилъ онъ, садясь возлѣ нея.

— Такъ... ни о чемъ...

— Нѣтъ, я желалъ бы знать, что̀ въ васъ происходитъ, когда вы, задумавшись, сидите однѣ.

— Чему же во мнѣ происходить?..

Она сдѣлала движеніе, чтобы полнѣе закутаться въ старый драдедамовый платокъ, натянутый на ея плечи, и прижалась къ спинкѣ дивана.

— Васъ ничто никогда не волновало? ничто не радовало, не огорчало?—продолжалъ допытываться онъ.

— Чему радоваться... вотъ мамаша часто бранитъ,—ну, разумѣется...

— За что же она васъ бранитъ?

— За все... за то, что я мало говорю, занять никого не умѣю...

— Ну такъ что-жъ за бѣда!

— Нехорошо это. Она о насъ заботится, а я сама себѣ добра не желаю.

Бурмакинъ умилился.

— Милочка!—онъ, какъ и всѣ въ домѣ, называлъ ее уменьшительнымъ именемъ:—вы святая!

Она вскинула на него удивленные глаза.

— Да, вы святая!—повторилъ онъ восторженно:—вы сами не сознаете, сколько въ васъ женственнаго, непорочнаго! вы святая!

— Ахъ, что̀ вы! развѣ такія святыя бываютъ! Святыя-то круглый годъ постятся, а я и въ великій постъ скоромное ѣмъ.

Несмотря на явное простодушіе, отвѣтъ этотъ еще болѣе умилилъ Бурмакина.

— Вы олицетвореніе женственности, чистоты и красоты! — твердилъ онъ:—вы та святая простота, передъ которой, въ благоговѣніи, преклоняются лучшіе умы!

— И мамаша тоже говоритъ, что я проста.

— Ахъ, нѣтъ, я не въ томъ смыслѣ! я говорю, что въ васъ нѣтъ этой вычурности, дѣланности, лжи, которыя такъ поражаютъ въ другихъ дѣвушкахъ. Вы сама правда, сама непорочность... сама простота!

Онъ взялъ ее за руку, которую она безъ ужимокъ отдала ему.

— Скажите! — продолжалъ онъ: — вы никогда не думали о человѣкѣ, который отдалъ бы вамъ свою жизнь, который лелѣялъ бы, холилъ васъ, какъ святыню?

— Ахъ, что̀ вы!

— Скажите, въ состояніи ли вы были бы полюбить такого человѣка? раскрыли ли бы передъ нимъ свою душу? сердце?

Она молчала; но въ лицѣ ея мелькнуло что-то похожее на застѣнчивое пробужденіе.

— Скажите!—настаивалъ онъ:—еслибъ этотъ человѣкъ былъ я; еслибъ я поклялся отдать вамъ всего себя; еслибъ я, ради васъ, былъ готовъ погубить свою жизнь, свою душу...

Онъ крѣпко сжималъ ея руку, силясь разгадать, какое дѣйствіе произвело на нее его страстное изліяніе.

— А вы будете часто со мной въ гости ѣздить? будете меня въ платьица наряжать?

Она выговорила эти слова такъ увѣренно, словно только одни они и назрѣли въ глубинахъ ея „святой простоты".

Даже Бурмакина удивила форма, въ которую вылились эти вопросы. Еслибъ она спросила его, будетъ ли онъ ее „баловать,—о! онъ навѣрное отвѣтилъ бы: баловать! ласкать! любить! и, можетъ быть, даже бросился бы передъ ней на колѣни... Но „ѣздить въ гости", „наряжать"! Что-то ужъ черезъ-чуръ обнаженное слышалось въ этихъ словахъ...

Онъ всталъ и въ волненіи началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Увы! дуновеніе жизни, очевидно, еще не коснулось этого загадочнаго существа, и весь вопросъ заключался въ томъ, способно ли сердце ея хоть когда-нибудь раскрыться на встрѣчу этому дуновенію. Цѣлый рой противорѣчивыхъ мыслей толпился въ его головѣ, но толпился въ такомъ безпорядкѣ, что ни на одной изъ нихъ онъ не могъ остановиться. Разумѣется, побѣду все-таки одержало то рѣшеніе, которое уже заранѣе само собой созрѣло въ его душѣ и намѣтило своего рода обязательную перспективу, обѣщавшую успокоеніе взволнованному чувству.

— Людмила Андреевна!—сказалъ онъ, торжественно протягивая ей руку:—я предлагаю вамъ свою руку, возьмите ее! Это рука честнаго человѣка, который бодро поведетъ васъ по пути жизни въ тѣ высокія сферы, въ которыхъ безраздѣльно царятъ истина, добро и красота. Будемте мужъ и жена передъ Богомъ и людьми!

— Мамаша...

— Ахъ, нѣтъ, не упоминайте о мамашѣ! Пускай настоящая минута останется свѣтла и безъ примѣси. Я уважаю вашу мамашу, она достойная женщина! но пускай мы однимъ себѣ, однимъ внезапно раскрываемымъ сердцамъ нашимъ будемъ обязаны своимъ грядущимъ счастіемъ! Вѣдь вы мнѣ дадите это счастіе? дадите?

Она томно улыбнулась въ отвѣтъ и потянула его за руку къ

себѣ. И вслѣдъ затѣмъ, какъ бы охваченная наплывомъ чувства, сама потянулась къ нему и поцѣловала его.

— Вотъ вамъ!—произнесла она, закраснѣвшись.

Когда старики Бурмакины проснулись, сынъ ихъ уже былъ женихомъ. Дали знать Калеріи Степановнѣ, и вечеръ прошелъ оживленно въ кругу „своихъ". Валентинъ Осиповичъ вышелъ изъ обычной застѣнчивости и охотно дозволялъ шутить надъ собой, хотя отъ нѣкоторыхъ шутокъ его изрядно коробило. И такъ какъ приближались Филипповки, то рѣшено было играть свадьбу въ Рождественскій мясоѣдъ.

Бурмакинъ былъ на верху блаженства. Онъ потребовалъ, чтобъ невѣста его не уѣзжала въ аббатство, и каждый день видѣлся съ нею. Оба уединялись гдѣ-нибудь въ уголокъ; онъ безъ умолку говорилъ, стараясь ввести ее въ кругъ своихъ идеаловъ; она прислонялась головой къ его плечу и томно прислушивалась къ его говору.

— Истина, добро, красота—вотъ тріада, которая можетъ до краевъ переполнить существованіе человѣка, и обладая которой онъ имѣетъ полное основаніе считать себя обезпеченнымъ отъ всевозможныхъ жизненныхъ невзгодъ. Служеніе этимъ идеаламъ даетъ ему убѣжище, въ которомъ онъ укроется отъ лицемѣрія, злобы и безобразія, царствующихъ окрестъ. Для того и даются избраннымъ натурамъ идеалы, чтобъ иго жизни не прикасалось къ нимъ. Что такое жизнь, лишенная идеаловъ? Это совокупность развращающихъ мелочей, и только. Струнниковы, Пустотѣловы, Перхуновы—вотъ люди, которыхъ можетъ удовлетворять такая жизнь, и которые съ наслажденіемъ погрязаютъ въ тинѣ ея... Нѣтъ, мы не такъ будемъ жить. Мы пойдемъ на встрѣчу сочувствующимъ людямъ, и въ обмѣнѣ мыслей, въ общемъ служеніи идеаламъ будемъ искать удовлетворенія высокимъ инстинктамъ, которые заставляютъ биться честныя сердца... Милочка! вѣдь ты пойдешь за мною? пойдешь?

— Я поѣду всюду, куда ты поѣдешь...

— Ахъ, нѣтъ, не то! я хотѣлъ спросить: понимаешь ты меня? понимаешь?

— Голубчикъ! вѣдь я еще глупенькая... приласкай меня!

— Нѣтъ, ты не глупенькая, ты святая! Ты истина, ты добро, ты красота, и все это облеченное въ покровъ простоты! О, святая! То, чтò таится во мнѣ только въ формѣ броженія, ты воплотила въ жизнь, возвела въ перлъ созданія!

Онъ бралъ ея руки и страстно ихъ цѣловалъ.

— Скучно тебѣ со мной?—спрашивалъ онъ ее:—скучно?

— Нѣтъ, а такъ...

— Ну, вотъ, послѣ свадьбы поѣдемъ въ Москву, я тебя познакомлю съ моими друзьями. Повеселимъ тебя. Я вѣдь понимаю, что тебѣ нужны радости... Серьезное придетъ въ свое время, а покуда ты молода, пускай твоя жизнь течетъ радостно и свѣтло.

Покуда они разговаривали, между стариками завязался вопросъ о приданомъ. Калерія Степановна находилась въ большомъ затрудненіи. У Милочки даже бѣлья сноснаго не было, да и подвѣнечное платье сшить было не на что. А платье нужно шолковое, дорогое—самое простое приличіе этого требуетъ. Она не разъ намекала Валентину Осиповичу, что бываютъ случаи, когда женихи и т. д., но женихъ никакихъ намековъ рѣшительно не понималъ. Наконецъ, старики Бурмакины взяли на себя объясниться съ нимъ.

— Вѣдь невѣстѣ-то подвѣнечное платье сшить нужно,—сказала ему мать.

— А развѣ то, которое на ней, не хорошо?—спросилъ онъ удивленно.

— Ничего, платье какъ платье. Но подвѣнечное платье особенное. Да и вообще мало ли что нужно. И бѣлье, и еще три-четыре платьица, да и тебѣ не мѣшаетъ о собственной обстановкѣ подумать. Все жилъ холостой, а теперь семьей обзаводишься. Тáкъ и разсчитывать надо...

— Чтò же нужно?—скажите!

— Перво-на-перво, для невѣсты приданое нужно; хоть простенькое, а все-таки... А потомъ, и у себя въ домѣ надо кой-что освѣжить... для молодой жены гнѣздышко устроить. Деньги-то есть ли у тебя?

— Есть рублей триста, которые на поѣздку въ Москву отложилъ.

— Триста мало, хоть по старому счету это цѣлая тысяча. Даже на поѣздку въ Москву мало, потому что до сихъ поръ ты ѣздилъ одинъ, а теперь поѣдешь самъ-другъ. А кромѣ того, предстоятъ и свадебные расходы. Нужно, по крайней мѣрѣ, тысячи двѣ.

— Гдѣ же ихъ взять?

— Для такого случая разсчитывать на себя не приходится: можно или перехватить гдѣ-нибудь, или что-нибудь продать. Занимать, впрочемъ, не совѣтую; не трудно и запутаться. Продай лучше пустошоночку, хоть Филиппцево, напримѣръ; тысячи полторы тебѣ съ удовольствіемъ Ермолаевъ дастъ. Вотъ ты и при деньгахъ.

Такъ и сдѣлали. Изъ полученныхъ за пустошь денегъ Ва-

лентинъ Осиповичъ отложилъ нѣсколько сотенъ на поѣздку въ Москву, а остальныя вручилъ Калеріи Степановнѣ, которая съ этой минуты водворилась въ Веригинѣ, какъ дома. Обивали мебель, развѣшивали гардины, чистили старинное бабушкино серебро, прикупали посуду и въ то же время готовили для невѣсты скромное приданое.

Это было первое серьезное столкновеніе молодого Бурмакина съ дѣйствительностью. Онъ охотно, впрочемъ, примирился съ нимъ, радуясь, что все устраивается помимо него, и не загадывая, что будущее готовитъ ему цѣлый рядъ подобныхъ же столкновеній.

— Какой ты, однакожъ, добрый!—сказала ему однажды Милочка:—прямо такъ и отдалъ деньги мамашѣ въ руки!

— Какъ же иначе можно было поступить?

— Ты могъ бы свою маменьку попросить заняться. Навѣрное, мамаша и для сестеръ изъ этихъ же денегъ туалеты подновитъ.

— Милочка! какія подозрѣнія... фуй! Бѣдная моя! надобно какъ можно скорѣе вырвать тебя изъ этой порочной среды... Воздуху надо! воздуху! Милочка! никогда такъ не говори! прошу тебя... никогда!

— Ахъ, Боже, да вѣдь это я такъ...

— Довольно объ этомъ. Грязи и мрака и безъ того черезъчуръ достаточно. Ты должна оставаться чистою, непорочною, святою, какъ тотъ идеалъ, который свѣтитъ мнѣ среди тьмы.

По обыкновенію, Бурмакинъ забылъ объ исходной точкѣ и ударился въ сторону. При такихъ условіяхъ, Милочка могла говорить что угодно, оставаясь неприкосновенною въ своей невмѣняемости. Все ей заранѣе прощалось ради „святой простоты", которой она была олицетвореніемъ, и ежели порою молодому человѣку приводилось испытывать нѣкоторую неловкость, выслушивая ея наивныя признанія, то неловкость эта почти моментально утопала въ превыспренностяхъ, которыми полна была его душа.

Въ началѣ рождественскаго мясоѣда сыграли свадьбу. Валентинъ заявлялъ желаніе, чтобы посаженнымъ отцомъ у него былъ староста Власъ, а посаженной матерью ключница Ненила; но тутъ ужъ и старики Бурмакины взбунтовались, а Милочка даже расплакалась.

— Они честные люди!—восклицалъ онъ:—и въ ту минуту, когда я вступаю на новый жизненный путь, благословеніе честныхъ людей для меня дороже, нежели генеральское!

Насилу его уломали, доказавъ, что когда родные отецъ и мать на-лицо, то въ посаженныхъ и необходимости нѣтъ. Но онъ все-таки настоялъ, чтобы свадьба была сыграна утромъ и совсѣмъ просто, и чтобъ къ вѣнчальному торжеству были приглашены только самые необходимые свидѣтели.

— Такъ, какъ мѣщанишекъ какихъ-нибудь и обвели кругомъ налоя,—горько жаловалась впослѣдствіи Калерія Степановна:—и зачѣмъ только подвѣнечное платье шили! Даже полюбоваться собой при свѣчахъ бѣдной дѣвочкѣ не дали!

Молодые заперлись въ Веригинѣ и цѣлую недѣлю безвыѣздно выжили тамъ. То была недѣля восторговъ и святыхъ упоеній, передъ которыми умолкла даже говорливая экспансивность Валентина Осиповича...

По истеченіи недѣли, Бурмакины исчезли въ Москву.

Москва была полна шума и гвалта, свидѣтельствовавшихъ, что зимній сезонъ въ полномъ разгарѣ. Милочку, которая никогда не выѣзжала изъ родного захолустья, сутолока московскихъ улицъ сразу ошеломила. Притомъ же, Бурмакинъ, какъ человѣкъ небогатый и не требовательный, остановился у Сухаревой, въ номерахъ, гдѣ тоже было шумно и вдобавокъ тѣсно и неопрятно. Тотчасъ же по пріѣздѣ, у Милочки разболѣлась голова. Конечно, и она не была избалована, живя въ аббатствѣ, но тамъ все-таки былъ просторъ, тишина и воздуху много. А тутъ—шумъ, тѣснота, вонь и какая-то загадочная слякоть, отъ которой топнило. Сквозь запыленныя и захватанныя стекла оконъ съ трудомъ можно было разобрать, что̀ дѣлается на площади, да впрочемъ и интереснаго эта площадь представляла мало. Съ утра до вечера гудѣлъ на ней базаръ, стояли ряды возовъ, около которыхъ сновали мужики и мѣщане.

— Я думала, что у тебя квартира въ Москвѣ, — брезгливо молвила Милочка, оглядывая номеръ, въ которомъ ей предстояло прожить около мѣсяца.

Бурмакинъ точно отъ сна очнулся. Въ самомъ дѣлѣ, это было что-то чудовищное. Такая красота, такая святыня и въ такой ужасной обстановкѣ! Это чудовищно, это почти преступленіе!

— Дѣйствительно, тѣсновато,—всхлопотался онъ:—но я къ этимъ номерамъ привыкъ, да и хозяинъ здѣшній хорошій, справедливый человѣкъ. Хочешь, я сосѣдній номеръ велю отворить, тогда у насъ будутъ двѣ комнаты, вмѣсто одной.

— Помилуй, здѣсь жить нельзя! грязь, вонь... ахъ, зачѣмъ ты меня въ Москву везъ! Теперь у насъ дома такъ весело... у сосѣдей сбираются, въ городѣ танцовальные вечера устраиваютъ...

Увы! онъ даже объ обѣдѣ для Милочки не подумалъ. Но такъ какъ, пріѣзжая въ Москву одинъ, онъ обыкновенно обѣдалъ въ „Британіи“, то и жену повезъ туда же. Извозчики по дорогѣ попадались жалкіе, о какихъ теперь и понятія не имѣютъ. Шершавая крестьянская лошаденка, порванная сбруя и лубочныя сани безъ полости—вотъ и все. Милочка на-отрѣзъ отказалась ѣхать.

— Помилуй, тутъ вдвоемъ усѣсться нельзя; я на первомъ же ухабѣ вылечу вонъ,—чуть не плача говорила она.

Пришлось бѣжать на „биржу“, нанимать лихача.

Въ „Британіи“ дымъ стоялъ коромысломъ. Толпа студентовъ, бывшихъ и настоящихъ, пила, ѣла и въ то же время громко разговаривала. Шла рѣчь объ искусствѣ, о попыткѣ Мочалова сыграть роль короля Лира, о послѣдней статьѣ Бѣлинскаго, о предстоящемъ диспутѣ Грановскаго и т. д. Большинство присутствующихъ было знакомо Бурмакину и встрѣтило его съ распростертыми объятіями. Съ нѣкоторыми онъ познакомилъ и жену; двое-трое даже подсѣли къ ихъ столу. Бурмакинъ былъ счастливъ: атмосфера студенчества обступила его со всѣхъ сторонъ, разговоры затронули самыя живыя струны его существа. Онъ весь отдался во власть переполнившему его чувству, безпрестанно вскакивалъ съ мѣста, подбѣгалъ къ другимъ столамъ, вмѣшивался въ разговоры, и вообще велъ себя такъ, какъ будто совсѣмъ забылъ о женѣ. Милочка блѣднѣла и кусала себѣ губы, едва отвѣчая на вопросы, которые любезно предлагали ей новые знакомцы.

Наконецъ, обѣдъ кончился; Милочка заторопилась.

— Ну, братъ, убилъ бобра!—молвилъ Бурмакину шопотомъ Быстрицынъ, закоренѣлый студентъ-медикъ, который ужъ шесть лѣтъ посѣщалъ университетъ, словно намѣреваясь окаменѣть въ званіи студента.

— Помилуй! святая!

— Задастъ тебѣ кѳпоти эта святая! Нѣтъ, другъ любезный! въ нашемъ званіи обзаводиться женой, да еще красавицей — не приличествуетъ!

Милочка вышла изъ трактира недовольная, измученная. Она не шла, а бѣжала по улицѣ.

— Неужели мы всякій день въ этотъ кабакъ ходить будемъ? —спросила она гадливо.

— Развѣ тебѣ не понравилось?

— Чему же тутъ нравиться! шумъ, вонь, грязь... голова заболѣла.

— Ну, вотъ, пріѣдемъ домой, тамъ отдохнемъ.

— Это куда же „домой"?—опять въ номера? изъ одной вони въ другую?

— Милочка! другъ мой! имѣй терпѣнье! Мнѣ обѣщали завтра же насъ въ центрѣ города устроить. Номера чистые, и насчетъ обѣда можно будетъ съ хозяйкой условиться, ежели ты не хочешь ходить въ „Британію".

Это была первая размолвка, но она длилась цѣлый день. Воротившись къ Сухаревой, Милочка весь вечеръ проплакала и осыпала мужа укорами. Очевидно, душевныя ея силы начали понемногу раскрываться, только совсѣмъ не въ ту сторону, гдѣ ждалъ ее Бурмакинъ. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, ероша волосы и не зная, что̀ предпринять.

— Ну, прости!—говорилъ онъ, становясь на колѣни передъ „святыней":—я глупецъ, ничего не понимающій въ дѣлахъ жизни! Постараюсь встряхнуться, вотъ увидишь!

На другой день, около обѣда Валентинъ Осиповичъ перевезъ жену въ другіе номера. Новые номера находились въ центрѣ города, на Тверской, и были достаточно чисты; зато, за двѣ крохотныхъ комнатки приходилось платить втрое дороже, чѣмъ у Сухаревой. Обѣдъ, по условію съ хозяйкой, былъ готовъ.

Милочка нѣсколько успокоилась. Покуда лакей и горничная разбирались съ вещами, она согласилась прогуляться съ мужемъ по Тверской. На дворѣ было уже темно; улица тускло освѣщалась масляными фонарями; въ окнахъ немногихъ магазиновъ и полпивныхъ уныло мерцалъ свѣтъ зажженныхъ лампъ. Но вечернее уличное движеніе было въ полномъ разгарѣ, и Людмила Андреевна безпрестанно вскрикивала, боясь, что на нее налетятъ сани. Зашли въ кондитерскую, выпили по чашкѣ шоколада, но молча, словно обоихъ приводила въ смущеніе непривычная обстановка.

Прошло нѣсколько дней, унылыхъ, однообразныхъ. Бурмакинъ сводилъ жену въ театръ. Давали „Гамлета". Милочку прежде всего удивило, что мужъ ведетъ ее не въ ложу, а куда-то въ мѣста за креслами. Затѣмъ, Мочаловъ ей не понравился, и знаменитое „башмаковъ еще не износила", приведшее ея мужа въ трепетъ (онъ даже толкнулъ ее локтемъ, когда трагикъ произносилъ эти слова), пропало совсѣмъ даромъ.

— Ну, что? ты поражена?—допрашивалъ онъ ее, возвращаясь домой.

— Да... ничего...—отвѣтила она вяло.

— „Ничего"!—развѣ можно такъ говорить! Это чудно, дивно, божественно! Никогда Мочаловъ не былъ такъ въ ударѣ, какъ

сегодня! Иногда онъ бываетъ неровенъ, но нынче... Отъ перваго до послѣдняго слова все было въ немъ божественно! Къ сожалѣнію, онъ, кажется, запивать началъ.

— Ну, видишь ли... пьяница, а ты хвалишь!

— Я не пьяницу хвалю, а художника. Милочка! другъ мой! что съ тобой?

— Мнѣ... скучно...

— Ну, погоди. Вотъ черезъ три дня „Скупого“ даютъ; Щепкина тебѣ покажу.

— Тоже... пьяница?

Бурмакинъ смирился. Онъ молча довелъ жену домой и, сказавъ ей, что хочетъ пройтись, оставилъ одну.

Цѣлыхъ два часа бродилъ онъ по умолкнувшимъ улицамъ, стараясь дать себѣ отчетъ въ происшедшемъ. Въ головѣ его все перепуталось. И Милочка, и Мочаловъ, и „пьяница“, и „башмаковъ еще не износила“. Трудно было разобраться въ этой путаницѣ, хотя онъ чувствовалъ, что началось нѣчто такое, что̀ угрожало сразу нарушить его душевное равновѣсіе.

Ему сдѣлалось жутко. Что-то неясное, но въ высшей степени жестокое промелькнуло въ его головѣ и острою болью отозвалось въ сердцѣ. Тѣмъ не менѣе, по мѣрѣ того какъ ходьба утомляла его, путаница, царившая въ головѣ, улеглась, и онъ немного успокоился.

— Какой я, однакожъ, глупецъ!—сказалъ онъ себѣ:—женился, и не подумалъ, что она еще ребенокъ, что ей нужны радости... Подавая ей руку, я обѣщалъ, что эта рука поведетъ ее по пути жизни, и, какъ честный человѣкъ, долженъ сдержать свое слово. Я долженъ исполнить не то, что̀ нужно для меня, уже надломленнаго жизнью человѣка, а то, чего жаждетъ ея чистая, непорочная душа. И я обязанъ выполнить эту задачу, хотя бы мнѣ пришлось, ради этого, отказаться отъ самыхъ дорогихъ привязанностей, отъ всего, на что донынѣ я смотрѣлъ какъ на святыню сердца! Милочка — вотъ моя святыня! она, одна она! И зачѣмъ только я въ Москву ѣхать затѣялъ! Вотъ ужъ именно некстати блажная мысль въ голову забрела!

Хотя послѣднее восклицаніе вырвалось случайно, но оно заключало въ себѣ горькую правду. Москва сразу раскрыла то, что̀, вѣроятно, еще долгое время таилось бы подъ спудомъ. Покуда Милочка жила въ Веригинѣ, ничто необычное не возбуждало ее. Обоимъ было тамъ тепло и уютно; по цѣлымъ часамъ ходили они обнявшись изъ комнаты въ комнату, смотрѣли другъ другу въ глаза и насмотрѣться не могли. И вдругъ — Москва,

вонючіе номера, „Британія“, Мочаловъ—это и болѣе крѣпкую натуру ошеломить могло! Ему-то хорошо; онъ здѣсь въ родной атмосферѣ, а каково ей, одинокой, затерянной среди чужихъ людей, лишенной занятія, которое могло бы наполнить ея досугъ!...

Да, это была съ его стороны грубая ошибка, и онъ глубоко негодовалъ на себя, что не предвидѣлъ ея послѣдствій... Но въ то же время, въ головѣ его назойливо складывалась мысль: общая жизнь началась такъ недавно, а раздѣльная черта ужъ обозначилась!

Когда онъ воротился въ номера, Милочка уже спала. Онъ потихоньку раздѣлся и, чтобъ не тревожить жену, улегся на диванъ.

Прошло еще нѣсколько дней. Свозилъ Бурмакинъ жену еще разъ въ театръ, но на вопросъ, понравился ли ей Щепкинъ въ „Скупомъ“, встрѣтилъ прежній отвѣтъ:

— Да... ничего...

Не разъ предлагалъ онъ познакомить ее съ семейными домами, въ которыхъ онъ былъ радушно принятъ, но Милочкѣ всегда было некогда. Вставши поздно утромъ, она бродила по комнатѣ, не то думая о чемъ-то, не то просто „такъ“. А онъ въ это время объѣзжалъ знакомыхъ, вспоминалъ студенческіе годы и незамѣтно проводилъ время въ разговорахъ. Обѣдали они вмѣстѣ, хотя его такъ и порывало въ „Британію“. Наступалъ вечеръ, становилось тоскливо. Первые дни онъ разговаривалъ охотно, потомъ уже принуждалъ себя разговаривать, и, наконецъ, сталъ въ тупикъ. Словъ не нашлось. Однажды вечеромъ, онъ исчезъ, и воротился домой уже далеко за полночь.

— Милочка! что мнѣ сдѣлать, чтобы развеселить тебя?—приставалъ онъ къ ней.

— Мнѣ скучно... домой хочется,—отвѣчала она уныло.

Наконецъ, однимъ утромъ къ нимъ пріѣхала Лариса Максимовна Каздоева, жена одного изъ самыхъ старыхъ друзей Бурмакина, и такъ убѣдительно просила Милочку посѣтить ихъ вечеромъ, что пришлось согласиться. На вечерѣ было людно и оживленно. Собралось довольно много молодыхъ людей, которые сгруппировались около Милочки и употребляли всѣ усилія, чтобъ расшевелить ее. И мужчины, и дамы — всѣ находили, что она красавица, и открыто выражали ей свое восхищеніе. Повидимому, это поклоненіе ея красѣ, со стороны совсѣмъ новыхъ лицъ, польстило ей, такъ что къ концу вечера она и сама оживилась.

— Ну, что, весело тебѣ было?—спрашивалъ, возвращаясь домой, Бурмакинъ.

— Такъ... ничего,—отвѣтила она, впадая въ обычную вялость,

но сейчасъ же спохватилась и продолжала:—да, весело... ничего! Только я хочу тебя объ одномъ попросить, да не знаю...

— Не просить, а приказывать ты должна!—воскликнулъ онъ восторженно:—говори! повелѣвай!

— Вотъ видишь... у всѣхъ дамъ сегодня туалеты были... ахъ, впрочемъ, нѣтъ! я такая еще глупенькая...

— Милочка! ради Бога! я горю нетерпѣніемъ...

— Хорошо, только ты не разсердись. У всѣхъ нынче плечи на платьяхъ гладкія, а мнѣ наша уѣздная портниха съ эполетцами сдѣлала...

— Новаго платьица захотѣлось? Что-жъ ты давно не сказала мнѣ? Завтра же поѣдемъ къ Сихлершѣ и по послѣдней картинкѣ закажемъ!

Платье заказали, но черезъ-чуръ роскошное. Знакомые у Бурмакина были простые, и вечера у нихъ тоже простые. Понадобилось другое платье, простенькое. Бурмакинъ и тутъ не разсчиталъ. За другимъ платьемъ понадобилось третье, потому что нельзя же все въ одномъ и томъ же платьѣ ѣздить...

Выѣзды участились. Вечеринки слѣдовали одна за другой. Но онѣ уже не имѣли того праздничнаго характера, который носилъ первый вечеръ, проведенный у Каздоевыхъ. Восхищеніе красотой Милочки улеглось, а споры о всевозможныхъ отвлеченностяхъ снова вошли въ свои права. Милочка прислушивалась къ нимъ, даже принуждала себя понять, но безуспѣшно. Одиночество и скука начали мало-по-малу овладѣвать ею.

Съ своей стороны, Бурмакинъ съ ужасомъ замѣтилъ, что взятыя имъ на прожитокъ въ Москвѣ деньги исчезали съ изумительной быстротой. А такъ какъ по заранѣе начертанному плану предстояло прожить въ Москвѣ еще недѣли три, то надобно было серьезно подумать о томъ, какъ выйти изъ затрудненія.

Очевидно, что Милочка запасалась туалетомъ не ради Москвы, которую не взлюбила, а ради родного захолустья, въ которомъ она надѣялась щегольнуть передъ кавалерами болѣе ей родственными по душѣ. Въ разсчетѣ добыть денегъ, Бурмакинъ задумалъ статью: „О прекрасномъ въ искусствѣ и въ жизни“, но едва успѣлъ написать: „Ежели прекрасное само собой и такъ сказать обязательно входитъ въ область искусства, то къ жизни оно прививается лишь постепенно, по мѣрѣ распространенія искусства, и производитъ въ ней полный переворотъ“,—какъ догадался, что когда-то еще статья будетъ написана, когда-то напечатается, а деньги нужны сейчасъ, сію минуту... Кое-какъ, однакожъ, съ помощью друзей, дѣло сладилось, и Бурмакинъ, ни слова не

говоря женѣ, раздобылся небольшою суммою, которая, по разсчетамъ его, была достаточна на удовлетвореніе самыхъ необходимыхъ издержекъ.

Но тутъ опять случилась неожиданность: Милочка до такой степени затосковала, что отказалась отъ вечеровъ, а за нѣсколько дней до масляницы окончательно стала сбираться въ деревню.

— Ты доставилъ себѣ удовольствіе,—говорила она:—насмотрѣлся на своихъ пріятелей, наговорился съ ними — надо же и мнѣ что-нибудь... Позволь хоть послѣдніе-то дни передъ постомъ повеселиться!

— А здѣсь!!—удивленно воскликнулъ Бурмакинъ.

— А здѣсь ужъ ты, коли хочешь, веселись.

Приходилось покориться.

Когда молодые воротились въ Веригино, захолустье гудѣло раздольемъ. Отъ сосѣдей переѣзжали къ сосѣдямъ, пили, ѣли, плясали до позднихъ пѣтуховъ, спали въ-повалку, и т. д. Кромѣ того, въ уѣздномъ городѣ, господа офицеры устраивали на масляницѣ большой танцовальный вечеръ, на который былъ приглашенъ рѣшительно весь уѣздъ, да предстоялъ folle journée у предводителя Струнникова.

Во всѣхъ этихъ веселостяхъ Бурмакины приняли дѣятельное участіе. Милочка совсѣмъ оживилась и очень умно распоряжалась своими туалетами. Платья, сшитыя передъ свадьбой, надѣвала въ дома попроще, а московскіе туалеты приберегала для важныхъ оказій. То первое платье, которое было сшито у Сихлеръ и для московскихъ знакомыхъ оказалось слишкомъ роскошнымъ, она надѣла на folle journée къ Струнниковымъ и рѣшительно всѣхъ затмила. Даже Александра Гавриловна замѣтила:

— Вотъ какъ Валентинъ Осипычъ васъ балуетъ. Сейчасъ видно, что туалетъ вашъ у Сихлеръ сдѣланъ.

Вообще, она рѣзвилась, танцовала, любезничала съ кавалерами и говорила такія же точно слова, какъ и другіе. И даже, отъ времени до времени, въ самый разгаръ танцевъ, подбѣгала къ мужу, цѣловала его и опять убѣгала.

— Смотрите, какъ Милочка вдругъ развернулась!—удивлялись кругомъ:—откуда что̀ берется!

Наконецъ, и послѣдній день масляницы канулъ въ вѣчность.

— Весело тебѣ было?—спросилъ Бурмакинъ, когда утромъ въ чистый понедѣльникъ они очутились одни въ Веригинѣ.

— Ахъ, какъ весело!—отвѣтила она, ласкаясь къ мужу:— спасибо! я вѣдь тебѣ всѣмъ этимъ обязана! Теперь я буду цѣлую недѣлю отдыхать и поститься, а со второй недѣли и опять можно

будетъ... Я нѣкоторыхъ офицеровъ къ намъ пригласила... вѣдь ты позволишь?

— Помилуй! какъ тебѣ угодно!

Прошелъ мѣсяцъ, другой, и скромнаго веригинскаго дома нельзя было узнать. Веригино отстояло отъ города всего въ двѣнадцати верстахъ, и это было очень удобно. Утро господа офицеры отдавали службѣ, производили проѣздки, выѣздки, маршировали пѣшій по конному; къ обѣду они были уже свободны и могли разъѣзжать по гостямъ. Каждый день человѣкъ пять-шесть, а иногда и больше, наѣзжало въ Веригино, пило, ѣло и веселилось у Бурмакиныхъ. Съ своей стороны, и вдова Чепракова распорядилась очень удобно. Она не водворялась совсѣмъ у дочери, а раздѣлила семью на двѣ партіи. Въ воскресенье пріѣзжали двѣ сестры, а въ слѣдующее она привозила третью, а первыхъ двухъ увозила на недѣлю въ аббатство. Устраивались танцы, и такъ какъ дамъ не всегда доставало, то, въ случаѣ недостатка, мужчина шелъ за даму, и это производило путаницу и общее веселье.

Бурмакинъ затворился въ кабинетѣ. Онъ видѣлъ жену только до обѣда, да и то урывками, потому что по комнатамъ безпрестанно мелькали сестрицы, неодѣтыя, нечесанныя, немытыя, да и сама Милочка рѣдко вставала съ постели раньше полудня, вознаграждая себя за вчерашнюю суматоху. Къ обѣду онъ, конечно, выходилъ къ столовую, прислушивался къ общему разговору и даже пытался принять въ немъ участіе, но изъ этихъ попытокъ какъ-то ничего не выходило. Не было ни одной общей точки соприкосновенія между нимъ и гостями; говорили они все объ чемъ-то такомъ, чтò было для него совершенной загадкой. Никогда онъ не жилъ въ этомъ мірѣ, никогда подобныхъ разговоровъ не говаривалъ. Быть можетъ, съ его стороны это было непростительное самомнѣніе, но, во всякомъ случаѣ, онъ не въ силахъ былъ побороть свою изолированность и чувствовалъ себя совсѣмъ лишнимъ.

Иногда, въ самый разгаръ веселья, прибѣгала къ нему въ кабинетъ жена и звала къ гостямъ.

— Повеселись съ нами!—убѣждала она:—чтò ты все одинъ да одинъ! Это, наконецъ, и невѣжество: дома гости, а хозяинъ спрятался, никому слова привѣтливаго не скажетъ.

Она брала его за руку и насильно увлекала въ залъ. Его ставили въ пару и заставляли протанцовать кадриль. Но испол-

нивши прихоть жены, онъ незамѣтно скрывался къ себѣ и уже не выходилъ вплоть до самой ночи.

— Ахъ, какъ было весело! — слышалось ему поздно, когда онъ уже засыпалъ въ постели.

Это означало, что гости разъѣхались или разбрелись по комнатамъ, и жена пришла въ общую спальню.

Новые порядки волновали его. Офицеры не отходили отъ Милочки и не скрывали наглаго вожделѣнія, которое искрилось въ ихъ глазахъ. Не то чтобы онъ ревновалъ жену, но безцеремонность, которой онъ былъ свидѣтелемъ, возмущала его, опротивѣла, надоѣла. Въ особенности надоѣли ему три пана: Туровскій, Бандуровскій и Мазуровскій. Они ѣздили въ Веригино чуть не каждый день, и, за неимѣніемъ въ городѣ конфектъ, потчивали Милочку финиками, изюмомъ и пастилою. Однажды, выйдя случайно изъ кабинета, онъ засталъ слѣдующую сцену: въ гостиной, Милочка, держа съ одной стороны за руку пана Туровскаго, съ другой—пана Бандуровскаго, отплясывала передъ трюмо пятую фигуру кадрили. Сзади, панъ Мазуровскій откалывалъ уморительныя колѣнца, а сестрицы, пріютившись въ уголку, безъ умолку хохотали.

— Ахъ, какъ весело!—вскрикнула Милочка, увидѣвъ его.

Онъ запальчиво хлопнулъ дверью въ отвѣтъ и исчезъ.

Да, она развилась. Всѣ данныя ей природой способности раскрылись вполнѣ, и ничего другого ждать было нечего. Но какъ быстро все объяснилось! какъ жестока судьба, которая разомъ сняла покровы съ его дорогихъ заблужденій, не давши ему даже возможности вдоволь налюбоваться ими! Ему и укрыться некуда. Вездѣ, въ самомъ отдаленномъ уголку дома, его настигнетъ нахальный смѣхъ пановъ Туровскаго, Бандуровскаго и Мазуровскаго.

Онъ вспомнилъ, что еще въ Москвѣ задумалъ статью „О прекрасномъ въ искусствѣ и въ жизни", и сѣлъ за работу. Первую половину тезиса, гласившую, что прекрасное присуще искусству, какъ обязательный элементъ, онъ, съ помощью амплификацій, объяснилъ довольно легко, хотя развитіе мысли заняло не больше одной страницы. Но вторая половина, касавшаяся вліянія прекраснаго на жизнь, не давалась какъ кладъ. Какъ ни поворачивалъ Бурмакинъ свою задачу, выходилъ только голый тезисъ—и ничего больше. Даже амплификаціи не приходили на умъ.

— Но вѣдь это само по себѣ ясно! это и доказательствъ не требуетъ!—волновался Валентинъ Осиповичъ.

А тайный голосъ въ это время нашептывалъ:

— Положимъ, что ясно, но какая же это будетъ „статья"... въ нѣсколько печатныхъ строкъ! Развѣ такую статью гдѣ-нибудь напечатаютъ!

Промелькнули въ его воображеніи образы Мочалова, Щепкина, Санковской; но все, что онъ могъ сказать объ нихъ, уже давно было сказано другими.

Такъ и вынужденъ онъ былъ окончательно бросить свое предпріятіе.

Тѣмъ не менѣе, домашняя неурядица была настолько невыносима, что Валентинъ Осиповичъ, чтобъ не быть ея свидѣтелемъ, на цѣлые дни исчезалъ къ роднымъ. Старики Бурмакины тоже догадались, что въ домѣ сына происходятъ нелады, и даже воздерживались отпускать въ Веригино своихъ дочерей. Но, не одобряя поведенія Милочки, они въ то же время не оправдывали и Валентина.

— Такъ по-людски не живутъ,—говорилъ старикъ-отецъ:— она еще ребенокъ, образованія не получила, никакого разговора, кромѣ самаго обыкновеннаго, не понимаетъ, а ты къ ней съ высокими мыслями пристаешь, молишься на нее. Оттого и глядите вы въ разныя стороны. Только ужъ что-то рано у васъ нелады начались; не надо было ей позволять гостей принимать.

— Помилуйте! я не брался играть роль тюремщика у своей жены!—возражалъ молодой Бурмакинъ.

— Не роль тюремщика, а надо было съ ней тѣмъ языкомъ говорить, который она понимаетъ. И въ Москву не слѣдовало ѣздить. Только избаловалъ бабенку да израсходовался. Сосчитай, сколько ты денегъ на свадьбу да на поѣздку истратилъ, а теперь пріемы эти пошли. Этакъ и разориться не долго.

Но всѣ эти совѣты и предостереженія были такъ безсодержательны, а главное, настолько запоздали, что никакого практическаго вывода изъ нихъ не вытекало.

И между сосѣдями разошлись слухи о несогласіяхъ въ молодой семьѣ Бурмакиныхъ. Но тутъ уже положительно во всемъ обвиняли Валентина, а къ женѣ его относились болѣе, нежели снисходительно.

— Бабочка молодая,—говорили кругомъ,—а мужъ какой-то шалый да ротозѣй. Смотритъ по верхамъ, а что подъ носомъ дѣлается, не видитъ. Чѣмъ бы первое время послѣ свадьбы посидѣть дома да въ кругу близкихъ повеселить молодую жену, а онъ въ Москву ее повезъ, со студентами сталъ сводить. Городятъ студенты промежъ себя чепуху, а она сидитъ, глазами хлопаетъ. Домой воротился, и дома опять чепуху понесъ. „Святая" да

„чистая“—только и словъ; а ей на эти слова плюнуть да растереть. Ну, натурально, молодка взбѣленилась.

Съ наступленіемъ лѣта, Бурмакинъ нѣсколько отдохнулъ. Полкъ ушелъ далеко, въ лагери; въ Веригинѣ стало тихо. Бурмакинъ вновь пытался сблизиться съ женой; но такъ какъ попытки эти носили тотъ же выспренній характеръ, какъ и прежде, то Милочка ихъ не поняла. Притомъ же, на ней уже легло клеймо, которое неизбѣжно налагаетъ продолжительное обращеніе въ черезъ-чуръ веселомъ обществѣ. Почувствовавши себя одинокою, она снова сдѣлалась вялою, тоскливо бродила цѣлыми днями по комнатамъ и на ласки мужа отвѣчала точно съ-просонья. То душевное оживленіе, которое раскрылось въ кругу родственныхъ по духу людей, вдругъ снова закрылось.

Между тѣмъ, и по хозяйству дѣла шли плохо. Чтобы раздѣлаться съ долгами, пришлось продать и другую пустошь. А такъ какъ имѣніе было небольшое, то пустошь эта была послѣдняя, и затѣмъ оставалась только земля, замежеванная въ одной окружной межѣ, и рвать ее на клочки, для продажи частями, представлялось неудобнымъ. Староста Власъ выражалъ опасеніе, что съ продажей пустошей, пожалуй, и корма для скота не хватитъ. Но Валентинъ, вмѣсто того, чтобы общими силами разсудить, какъ помочь горю, по обыкновенію, взвился на дыбы и заговорилъ совсѣмъ о другомъ.

— Власъ! ты честный человѣкъ!—апострофировалъ онъ его: —ты понимаешь меня! ты понимаешь, какъ я глубоко-глубоко несчастливъ!

— Это точно; и всѣ мы видимъ, что вамъ не пофартило...

— Ну вотъ. А ты говоришь, что корму для скота не хватитъ!.. Развѣ я могу объ этомъ думать! Ахъ, голова у меня... Каждый день, голубчикъ! каждый день одно и то же съ утра до вечера...

— Да, это точно-что...

Власъ уходилъ, оставляя барина въ добычу тоскливому одиночеству.

Однакожъ, и то относительное спокойствіе, которымъ пользовался Бурмакинъ въ теченіе лѣта, постепенно приближалось къ концу. Наступилъ сентябрь, и полкъ снова расположился на зимнихъ квартирахъ. Первыми прилетѣли въ Веригино паны Туровскій, Бандуровскій и Мазуровскій, затѣмъ и сестрицы Чепраковы; гвалтъ возобновился въ той же силѣ, какъ и до лагерей. Валентинъ совсѣмъ потерялъ голову.

— Я уѣду въ Москву,—высказался онъ однажды отцу.

Старикъ задумался.

— Соскучишься, голубчикъ! — сказалъ онъ, покачивая головой.

— Помилуйте! о какой скукѣ можетъ быть рѣчь! Я каждый день только того и жду, что съума сойду!

— Ну, положимъ, уѣдешь ты; а вдругъ и она вслѣдъ за тобой въ Москву пріѣдетъ!

— Она! никогда!

— А можетъ и вотъ еще что̀ случиться: ты уѣдешь, а вмѣсто тебя тёща въ Веригинѣ поселится. Вѣдь она въ одинъ годъ все размотаетъ.

— И пускай. Неужели вы думаете, что меня это заботитъ!

— Все-таки, надобно и тебѣ чѣмъ-нибудь въ Москвѣ жить.

— Обо мнѣ безпокоиться нечего. Меня друзья какъ-нибудь пристроятъ. Ежели я къ литературной работѣ неспособенъ, то уроки давать могу.

— Коли такъ, то пожалуй... Чѣмъ мучиться, лучше и взаправду уйти. Только я совѣтую дать мнѣ довѣренность на управленіе имѣніемъ: я все таки хоть сколько-нибудь Калерію Степановну уйму.

Нѣкоторое время Бурмакинъ, однакожъ, откладывалъ рѣшеніе, а сосѣди, между тѣмъ, уже громко говорили, что Милочка вошла въ интимную связь съ паномъ Мазуровскимъ, и что послѣдній даже хвалится этимъ. Старикъ Бурмакинъ не выдержалъ и пріѣхалъ въ Верягино.

— Уѣзжай!—сказалъ онъ сыну.

— Что̀ такъ приспѣло?

— Уѣзжай. Нехорошо.

Валентинъ понялъ. Ему вдругъ сдѣлалось гнусно жить въ этомъ домѣ. На̀скоро съѣздилъ онъ въ городъ, написалъ довѣренность отцу и началъ исподволь собираться. Затѣмъ, онъ воспользовался первымъ днемъ, когда жена уѣхала въ городъ на танцовальный вечеръ, и исчезъ изъ Веригина.

Милочка возвратилась изъ города уже къ утру слѣдующаго дня и узнала объ отъѣздѣ мужа только проснувшись. Въ первую минуту эта вѣсть заставила ее задуматься, но Калерія Степановна тотчасъ же подоспѣла съ утѣшеніями.

— Помилуй!—сказала она:—да намъ безъ него еще лучше будетъ! Нашла о комъ жалѣть... о дуракѣ!

Къ обѣду пріѣхали паны Туровскій, Бандуровскій и Мазуровскій, и Милочка окончательно повеселѣла.

Чтò сталось впослѣдствіи съ Бурмакинымъ, я достовѣрно сказать не могу. Ходили слухи, что московскіе друзья помогли ему опредѣлиться учителемъ въ одну изъ самыхъ дальнихъ губернскихъ гимназій, но куда именно — неизвѣстно. Конечно, отецъ Бурмакинъ имѣлъ положительныя свѣденія о мѣстопребываніи сына, но на всѣ вопросы объ этомъ онъ неизмѣнно отвѣчалъ:

— Въ Москвѣ еще... Никакъ устроиться не можетъ.

Милочка не сдобровала. Подъ руководствомъ мамаши, она завела такое веселье въ Веригинѣ, что и вмѣшательство старика Бурмакина не помогло. Сумма долговъ, постепенно возрастая, дошла, наконецъ, до того, что потребовалось продать Веригино. Разумѣется, Валентинъ Осипычъ изъявилъ полное согласіе, чтобы осуществить продажу.

Покуда шла эта неурядица, Калерія Степановна какъ-то изловчилась перестроить старое аббатство. Туда и переселилась Милочка, по продажѣ Веригина, такъ какъ мужъ рѣшительно отказался принять ее къ себѣ. Вмѣстѣ съ нею перенесли въ аббатство свои штабъ-квартиры и паны Туровскій, Бандуровскій и Мазуровскій.

А невдолгѣ послѣ этого, старики Бурмакины умерли, предварительно выдавши дочерей замужъ. И такимъ образомъ, фамилія Бурмакиныхъ совсѣмъ исчезла изъ нашего уѣзда.

Н. Щедринъ.

ЧЕРНОГОРІЯ

и

ИМУЩЕСТВЕННЫЙ ЗАКОННИКЪ БОГИШИЧА.

Замѣтки.

I.

Лѣтомъ 1882 года мнѣ удалось повидать мало посѣщаемыя страны: Далматскій архипелагъ, съ Сплетомъ и Которомъ, Дубровникъ и Черногорію, Боснію и Герцеговину. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ записалъ я все, что̀ видѣлъ, въ путевыхъ замѣткахъ [1]) —и вотъ что̀ именно пришлось мнѣ сказать тогда о Черногоріи.

Бока Которская—узкій, длинный, извилистый заливъ, врѣзывающійся въ материкъ подобно исполинской буквѣ М. Входъ отъ него отъ Punta d'Ostro, по берегамъ Castelnuovo, Perasto, Risano, а надъ нимъ высится совсѣмъ нынѣ истребленная австрійцами за гайдучество жителей кровавой памяти Кривошія. Тотчасъ послѣ входа въ заливъ, сзади за ближайшими скалами обрисовываются мрачныя скалы Черной-горы, по которымъ побѣжала вверхъ бѣлыми узкими, ломанными въ зигзаги полосками выкованная въ скалахъ дорога изъ Котора (или Cattaro) чрезъ Нѣгошъ и Цетинье до Рѣки (60 километровъ, изъ нихъ отъ Котора до Цетинье 42). Въ наиболѣе удаленномъ отъ открытаго моря и, такъ сказать, запрятанномъ углу залива притаился Которъ и, ползя по крутымъ склонамъ, выдвинулъ въ высь острыми

---

[1]) „Ateneum", 1888, listopad.

зубцами свои стѣны и форты. Это поселеніе занимаетъ мѣстность нездоровую, неудобную, расположенную въ темной щели; оно вонючее, грязное, со всѣхъ сторонъ запертое и огражденное, и безъ всякаго притока свѣжаго воздуха. Солнце показывается здѣсь часомъ позже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ той же страны, и закатывается часомъ раньше. Городъ военный и торговый и наполовину черногорскій. Сюда таскаютъ горцы плоды своей тощей земли: огороднические продукты и овощи; здѣсь сбываютъ они свой скотъ и домашнюю птицу. Путь совершаютъ напрямикъ по страшнымъ кручамъ, по едва замѣтнымъ тропинкамъ. Даже почтальонъ черногорскаго князя шествуетъ ежедневно по этимъ стезямъ, а не по зигзагамъ высѣченной въ скалахъ красивой дороги, сооруженной для удобной ѣзды въ экипажахъ. Дорога эта выстроена по соглашенію Черногоріи и Австріи, которой граница немного не доходитъ до перевала чрезъ хребетъ подъема. За переваломъ дорога опускается на дно съ незапамятныхъ временъ погасшаго кратера къ селенію Нѣгошъ, а потомъ подымается опять по дикимъ кампямъ, засыпаннымъ пустырямъ и достигаетъ красивой площадки между горами, на которой построенъ городъ или варошъ Цетинье. Нѣтъ словъ, способныхъ выразить величіе вида, открывающагося съ перевала на Которъ и море. Колоссальныя скалы высятся, перерѣзанныя извилинами залива; дорога которская скрещивается съ дорогою отъ Будуи, проходящей по превосходно воздѣланнымъ пашнямъ и садамъ, на краю моря. Далѣе видишь только двѣ смежныя синевы: небо и море, дѣлимыя линіею горизонта, столь далеко отстоящею, что подъ нею плывутъ гряды бѣлыхъ облаковъ, точно стаи купающихся въ морѣ лебедей.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ Черногорія не прикасалась вовсе къ морю и считала не болѣе 150.000 жителей. Нынѣ въ предѣлахъ, начертанныхъ берлинскимъ трактатомъ 1878 года, прибавились къ ней съ сѣвера Никшичъ и Пива съ горою Дормиторомъ, съ юга Гусинье и Подгорица, половина озера Скутари, морскія гавани Антивари и Дульциньо, и стало свободнымъ плаваніе съ озера Скутарійскаго до моря по рѣкѣ Бояну. Число населенія почти удвоилось, но оно все-таки не доходитъ до 300.000, то-есть равняется населенію европейскаго города средней величины. Постояннаго войска въ Черногоріи нѣтъ, но въ случаѣ войны всѣ взрослые мужчины обязаны нести военную службу. Ополченіе можетъ доставить заразъ отъ 30 до 40 тысячъ ратниковъ. Рядомъ съ княжьимъ конакомъ, въ Цетиньѣ помѣщается большое зданіе, называемое *бильярда*, служившее резиденціею

бывшему владыкѣ-князю Петру II. Въ этомъ зданіи помѣщаются нынѣ всѣ министерства, весьма малыя по своему составу, потому что иное изъ нихъ состоитъ изъ двухъ лицъ, министра и секретаря, не болѣе. Здѣсь живутъ и *перяники*, или тѣлохранители князя. Въ военномъ министерствѣ развѣшены на стѣнахъ народные трофеи, а въ особомъ магазинѣ разставлены на козлахъ 20.000 превосходныхъ скорострѣльныхъ ружей, заряжающихся съ казенной части и обстрѣливающихъ, какъ мнѣ говорили, пространство въ 3 километра. Ружья эти раздаются только когда черногорцы собираются въ походъ, и сдаются въ магазинъ обратно послѣ кампаніи.—Васъ удивитъ, конечно,—сказалъ мнѣ секретарь военнаго министра, обводившій меня по трофейному музею,—почему здѣсь нѣтъ оружія, а только окровавленныя лохмотья отъ платьевъ и ордена; мы не развѣшиваемъ оружія, оно тотчасъ идетъ въ дѣлежъ, и каждый черногорецъ имѣетъ собственное вооруженіе, а не казенное. Вооружены всѣ—даже и духовные. Еще и въ наши времена случалось, что духовные бывали военными министрами (попъ Илья Пламенацъ). Въ цетинскомъ монастырѣ, гдѣ покоятся останки убитаго 12-го августа 1860 г. князя Данилы и Мирка, отца нынѣшняго князя Николая, насъ принималъ архимандритъ Митрофанъ (нынѣшній митрополитъ), о которомъ намъ сказывали, что онъ храбрый юнакъ, доставившій однажды побѣду своимъ землякамъ въ битвѣ съ арбанештами, или албанцами, на которыхъ онъ кинулся съ крестомъ и саблею, увлекая за собою черногорцевъ. Черногорія поражаетъ посѣтителя отсутствіемъ не только постояннаго войска, но и всего того, чѣмъ каждое европейское правительство обличаетъ на каждомъ шагу и въ каждомъ мѣстѣ свое присутствіе и попеченіе. Куча пирамидальныхъ наваленныхъ камней возлѣ дороги—вотъ единственный знакъ государственной границы. Никакой при этомъ пограничной стражи, таможни, даже простой полиціи, хотя путешественникъ, у котораго никто не спроситъ паспорта, можетъ безопасно исходить или изъѣздить верхомъ всю страну отъ края и до края вдоль и поперекъ. Князь экономничаетъ и жалѣетъ денегъ на устройство государственнаго монетнаго двора; по всей Черногоріи обращается австрійская мелочь серебра и бумажки. Страна дѣлилась прежде на нахіи, теперь на капетанства; каждымъ изъ нихъ правитъ поставленный княземъ капетанъ, онъ же и судья въ маловажныхъ дѣлахъ. Для важнѣйшихъ имѣется 5 или 6 коллегіальныхъ окружныхъ судовъ и одинъ великій или верховный судъ въ Цетиньѣ. Часто тяжущіеся прибѣгаютъ къ третейскому разбирательству самого князя. При отсутствіи закона

писаннаго невозможно строгое разграниченіе суда уголовнаго отъ гражданскаго. Въ уголовномъ правѣ произошла недавно, почти на нашихъ глазахъ (при князѣ Данилѣ), та капитальная перемѣна, что отмѣнена кровная месть черногорская, не уступавшая корсиканской вендеттѣ и имѣвшая то послѣдствіе, что цѣлые роды погибали въ междоусобныхъ войнахъ и цѣлыя нахіи дрались изъ-за нея между собою. Месть исчезла со своими спутниками, вирами и окупами; мѣсто ея заняли смертная казнь и тюрьма. Существуетъ проектъ гражданскаго уложенія, составленный профессоромъ Богишичемъ, который хотя уже и разсмотрѣнъ, но еще не получилъ санкціи. Одновременно съ отмѣною кровной мести и съ строгимъ, со времени князя Данилы, преслѣдованіемъ воровства совершилось преображеніе общества, переходъ его изъ разбойническаго военнаго быта въ бытъ земледѣльческій и промышленный. Война перестала быть нормальнымъ состояніемъ, работы по воздѣлыванію земли и хозяйству перестали исключительно обременять одинъ только полъ женскій. Земля, съ величайшимъ трудомъ воздѣлываемая, доставляетъ сверхъ хлѣба огородническія растенія, маисъ, мѣстами даже виноградъ. Скотоводство дѣлаетъ успѣхи (въ особенности овцеводство). Государство, бывшее за полвѣка назадъ теократіею и управляемое владыками, сдѣлалось теперь до такой степени свѣтскимъ, что митрополитъ не входитъ въ составъ княжескаго державнаго совѣта. Духовенству подвѣдомственны только бракоразводныя дѣла. Образъ правленія самодержавный, правительство обладаетъ большою силою, но мало есть странъ, гдѣ бы до такой, какъ въ Черногоріи, степени считались съ желаніями и настроеніемъ населенія. По всякому важнѣйшему вопросу князь совѣщался съ державнымъ совѣтомъ изъ воеводъ и министровъ. Споры запутанные, затрогивающіе коренные юридическіе вопросы, князь затрудняется рѣшать и отсылаетъ стороны къ великому суду.

Князь имѣетъ сношенія не только съ сановниками; онъ сообщается постоянно и притомъ патріархальнѣйшимъ образомъ со всѣмъ своимъ народомъ, чему способствуетъ сама внѣшняя обстановка его скромнаго двухъ-этажнаго дворца или конака въ столичномъ градѣ или варошѣ Цетиньѣ, считающемъ не болѣе 1.500 жителей. Полянка, среди которой построенъ городъ, окружена горами; изъ нихъ самая высокая—Ловчинъ, на которой похороненъ послѣдній владыка-государь Петръ II, монахъ, воинъ и поэтъ. Городъ не обнесенъ стѣнами; онъ имѣетъ видъ длинной улицы, пересѣченной немногими короткими поперечными и нѣсколькими незастроенными еще площадями. На одной изъ площадей видны

развалины церкви и остатки кладбища. Церковь эту выстроилъ въ 1484 году основатель города, Иванъ Черноевичъ, владѣтель горной Зеты, поселившійся на этихъ высяхъ, уходя отъ турокъ. Садъ княжескаго конака примыкаетъ къ развалинамъ этой древней церкви. За тѣми же развалинами съ другой стороны, у подошвы горы, красуется монастырь въ итальянскомъ вкусѣ—съ аркадами, а за нимъ на возвышеніи башня съ конусообразнымъ верхомъ, на которой до 1850 года торчали на кольяхъ отсѣченныя головы турецкія. Княгиня Даринка, жена князя Данилы, выпросила у мужа приказаніе снять и похоронить эти ужасные трофеи. Конакъ сосѣдствуетъ съ бильярдою и выходитъ одною изъ своихъ сторонъ на открытую площадку, среди которой широко раскинулъ вѣтви, густо покрытыя листвою, красивый вязъ. Пень этого вяза кругомъ окопанъ и выложенъ камнемъ. Эта площадка тоже что форумъ или агора; весь день толкается здѣсь народъ, сходятся и бесѣдуютъ сановники о политическихъ новостяхъ, останавливаются просители, пришедшіе хлопотать въ судахъ или министерствахъ или просто-на-просто отправляющіеся на базаръ. Здѣсь ждутъ приказаній княжескіе перяники, сидя на скамьяхъ или забавляясь киданьемъ тяжелыхъ каменныхъ шаровъ. Ихъ числится сотни двѣ; они наряднѣе одѣты, нежели простой народъ, и отличены знаками на шапкахъ, серебряными у рядовыхъ, позолоченными у капетановъ. Самъ князь является нерѣдко, садится подъ сѣнью вяза на каменномъ сидѣньѣ, бесѣдуетъ или судитъ, словомъ, дѣйствуетъ какъ святой Людовикъ французскій подъ историческимъ дубомъ въ Венсеннѣ. Не бывало примѣра, чтобы князь, отправляясь за границу или возвращаясь, или рѣшившись на какое-нибудь политическое дѣйствіе, не открылъ своихъ намѣреній или не сообщилъ достигнутыхъ имъ результатовъ такимъ примитивнымъ способомъ народу, окружающему его толпами со всѣхъ сторонъ. Въ числѣ перяниковъ я увидѣлъ одного въ красной фескѣ. Мнѣ сказали, что это бегъ изъ новоприсоединеннаго Никшича, который попросился въ службу къ князю, несмотря на то, что онъ магометанинъ. Я удивился, но мнѣ замѣтили, что князь не дѣлаетъ между подданными никакого различія по вѣроисповѣданіямъ.

Несомнѣнно, что Черногорія наиболѣе обязана своими теперешними успѣхами и значеніемъ способностямъ, энергическому характеру и необыкновенному уму своего государя. Князь и народъ не разъ испытали превратность судьбы. Всего тяжелѣе имъ пришелся 1862 годъ, когда въ самомъ Цетиньѣ Омеръ-паша предписывалъ горцамъ условія мира, почти уничтожавшія независи-

мость Черногоріи. Съ тѣхъ поръ не только потерянное было возвращено и наверстано, но владѣнія распространены, закруглены и примыкаютъ теперь къ самому морю. Предстоятъ заботы, какъ возстановить разоренный до основанія Антивари, какъ обуздать албанцевъ, какъ держать балансъ точно на натянутомъ канатѣ между различными внѣшними вліяніями, между Вѣною и Петербургомъ. Средства князя весьма скромныя; главный рессурсъ его казны—это субсидіи, охотно и съ давнихъ временъ уплачиваемыя обѣими великими христіанскими державами за испытанную готовность черногорцевъ къ войнѣ съ турками. Князь воспитываетъ дочерей въ Петербургѣ, но, говорятъ, намѣренъ отдать своего сына на воспитаніе въ Вѣну. Австрія для Черногоріи опаснѣе турокъ. Поводомъ къ постояннымъ неудовольствіямъ и пререканіямъ служитъ присутствіе на черногорской территоріи выходцевъ изъ Босны, Далмаціи и Герцеговины, которымъ не можетъ Черногорія отказать въ гостепріимствѣ въ силу своихъ вѣковыхъ преданій насчетъ свободы убѣжища. Никогда не забуду двухъ дней, проведенныхъ въ Цетиньѣ. Не могъ я вдоволь насытиться и легкимъ горнымъ воздухомъ, и свободою большею, нежели гдѣ бы то ни было, похожею на ту, какую ощущаешь въ Швейцаріи. Прощаясь съ этими храбрыми витязями, которые столь горделиво и въ теченіе стольких вѣковъ держались подъ знаменемъ креста на своихъ нагихъ скалахъ, не склоняя головъ въ то самое время, когда всѣ ихъ сродственники кругомъ побывали подъ турецкимъ ярмомъ, я подумалъ: помогай Богъ, размножайтесь и распространяйтесь! Изъ всѣхъ южныхъ славянъ вы наиболѣе развиты и подготовлены политически. Успѣхи, которыхъ я вамъ желаю, будутъ, во всякомъ случаѣ, соотвѣтствовать вашей выработкѣ; вы ихъ заслужили...

II.

Шесть лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ были написаны эти замѣтки. Гражданскій кодексъ, который тогда только готовился, утвержденъ, обнародованъ 25-го марта 1888 г. и приведенъ въ дѣйствіе съ 1-го іюля того же года. Онъ образуетъ объемистую книгу въ 356 страницъ, прекрасно отпечатанную не въ той, должно быть, казенной типографіи, въ которой печатается „Гласъ Черногорца“, а гдѣ-нибудь подальше, напримѣръ въ Парижѣ, хотя на заглавномъ листѣ красуется надпись съ черногорскимъ гербомъ: *Општи имовински Законик на књажевину Црну Гору, на Цетињу, в државной штампарији, 1888* (Общій иму-

щественный Законникъ). Само заглавіе указываетъ, что этотъ Законникъ не есть, что называется, полный гражданскій кодексъ, но только усѣченный, изъ котораго выдѣлены два капитальные предмета, двѣ во всѣхъ современныхъ законодательствахъ необходимѣйшія его части: семья и наслѣдованіе, такъ что выполненными и опредѣленными являются только три остальныя части: лица, вещи и обязательства. Былъ и у насъ цивилистъ, который предлагалъ, по чисто теоретическимъ соображеніямъ, выдѣлить семейное право изъ гражданскаго: К. Д. Кавелинъ. Онъ усматривалъ въ семьѣ признаки права публичнаго, отношеніе единицы не къ такимъ же, какъ она, единицамъ, но отношеніе части къ своему цѣлому, ему подчиняющейся, подначальной, на которомъ построены всѣ созданія соціологическія, всѣ общественные коллективизмы; однако и самъ Кавелинъ включалъ наслѣдованіе въ область частнаго, а не публичнаго права. Черногорскому законодателю не трудно было не включать въ Законникъ права наслѣдованія, такъ какъ при господствующемъ коммунизмѣ рода или *кучи* все имущество вообще родовое, а такъ-называемая *особина* или личное имущество составляетъ только исключеніе. Что касается до семейнаго права, то его устраненіе изъ кодекса совершилось по соображеніямъ чисто практическимъ. Для договоровъ, правъ вещныхъ и всевозможныхъ обязательствъ есть готовые, испробованные формы и образцы въ римскомъ правѣ и современныхъ западно-европейскихъ, такъ что затруднителенъ только выборъ; но семья вездѣ своеобразна. Семейныя отношенія въ Черногоріи опредѣлены только обычаемъ и не нормированы закономъ писаннымъ. Обычай похожъ на сырую глыбу мрамора. Изъ этой глыбы пришлось бы высѣкать статую семейнаго законодательства безъ образца, безъ руководящей идеи, можетъ быть непоправимо ее испортить, во всякомъ случаѣ, пожертвовать безвозвратно многими хорошими частями весьма цѣннаго матеріала въ виду неизвѣстныхъ и сомнительныхъ результатовъ. Законодатель не рискнулъ на этотъ опытъ и отложилъ его до будущихъ временъ. Лучше имѣть такой имущественный кодексъ, нежели общій для всего частнаго права, представляющійся въ настоящую минуту невозможнымъ [1]). Черногорія — страна крошечная, первобытная, не культурная, однако ея законы не умѣстились бы на 12 мѣдныхъ таблицахъ, какъ въ древнемъ Римѣ. Законникъ есть, очевидно, дѣло искуснаго книж-

---

[1]) Слово *гражданскій* не могло быть употреблено потому, что оно на сербскомъ языкѣ обозначаетъ то же, что крѣпостной, житель крѣпости; см. Словарь Караджича. Слово *общій* употреблено для противопоставленія этого кодекса возможному въ будущемъ кодексу законовъ торговыхъ, морскихъ и др.

ника; онъ содержитъ 1031 статью. Съ перваго же взгляда въ немъ поразительно то самое, чѣмъ поражаетъ и сама Черногорія всякаго посѣщающаго: своею поэтичностью, красотою формы. Онъ исполненъ гомеровскаго духа; нѣкоторыя его статьи какъ будто выписаны изъ Иліады или Одиссеи. Простота содержанія сочеталась въ нихъ съ изяществомъ выраженія, первобытные нравы—съ вѣяніями извнѣ высокой культуры. Подобныя сочетанія возможны только въ маленькихъ группахъ, въ крошечныхъ обществахъ, очутившихся въ условіяхъ особенно благопріятныхъ для быстраго развитія. Осуществленіемъ трудной законодательной задачи Черногорія обязана благопріятствовавшей тому внѣшней своей обстановкѣ. Законникъ напечатанъ роскошно за границею; высокому покровительству Россіи Черногорія обязана возможностью матеріальнаго вознагражденія составителя кодекса, посвятившаго этому труду съ нѣкоторыми перерывами 15 лѣтъ („Пресвятѣйшая Императорская Корона братски къ намъ относящейся великой Россіи во всегдашней своей благосклонности въ Черногоріи изволила покрыть необходимыя для этой цѣли большія издержки"). По своему положенію Черногорія болѣе похожа на Спарту, нежели на Аѳины, а между тѣмъ она нуждалась въ кодексѣ, построенномъ на прогрессивныхъ началахъ и соотвѣтствующемъ развившейся торговлѣ, большому общенію международному. Законодателемъ могъ быть избранъ только человѣкъ болѣе подходящій къ типу Солона, нежели Ликурга. Такимъ подходящимъ законодателемъ оказался ученый, очевидно не родившійся въ самой Черногоріи, но по близости, въ красивомъ градѣ Святого Влаха, названномъ южно-славянскою Венеціею или даже Аѳинами, то-есть въ Рагузѣ или Дубровникѣ, ученикъ Блунчли, учившійся въ германскихъ университетахъ, профессоръ одесскаго университета, г. Валтасаръ Богишичъ. О личности составителя князь Николай выразился такимъ образомъ въ своемъ указѣ объ обнародованіи Законника: „человѣкъ отмѣннаго ума, большой учености и энергіи,... сынъ сосѣдней съ Черногоріею славной дубровницкой земли". Кодексъ затѣянъ еще въ 1873 г., когда Черногорія еще не состояла признаннымъ равноправнымъ членомъ европейской семьи государствъ. Послѣдняя восточная война произвела въ работѣ значительный перерывъ. Постараюсь указать преимущественно на своеобразныя черты Законника, дѣлающія его крайне непохожимъ на всѣ современные гражданскіе кодексы европейскіе.

III.

Законникъ составляемъ былъ для страны, гдѣ, за отсутствіемъ закона писаннаго, не могло быть ученыхъ судей, ученыхъ юристовъ, гдѣ далеко не всѣ судьи были грамотные. Такимъ ѳбразомъ кодексъ предназначался не для спеціалистовъ, которыхъ совсѣмъ не было, а непосредственно для самого народа. Приходилось писать законы столь популярно, чтобы ихъ понялъ каждый; притомъ необходимо было учить народъ праву и предписывать всякому, какъ слѣдуетъ по этому праву поступать. Весь *шестой* раздѣлъ кодекса есть не что иное, какъ учебникъ, опредѣляющій коренныя правовыя понятія и главныя правоотношенія, тѣ самыя, изъ коихъ вытекаютъ уже права и обязанности, составляющія содержаніе предшествующихъ пяти раздѣловъ. Первые пять раздѣловъ ссылаются постоянно на шестой, поучающій и составляющій нѣчто въ родѣ Institutiones въ римскомъ Corpus juris (totius legitimae scientiae prima elementa) и соотвѣтствующій также въ Пандектахъ 16 титулу 50 книги de verborum significatione. Учебникъ (ст. 767 до 986) даетъ отвлеченную характеристику правоотношеній и, устанавливая терминологію, завершается особою главою (ст. 987 до 1031), въ которой помѣщены правовыя поговорки („правничке изреке"). Законодатель предваряетъ, что эти поговорки „закона не могутъ измѣнить, ни замѣнить, но содѣйствуютъ объясненію его разума и смысла". Конечно, проф. Богишичъ включилъ въ эту главу много аксіомъ и труизмовъ, общеизвѣстныхъ всѣмъ записнымъ юристамъ, мало-мальски вкусившимъ плоды юриспруденціи, но есть и коренныя хорвато-сербскія изреченія, прямо изъ устъ народа взятыя и облеченныя въ такую форму, что онѣ сразу врѣзываются въ память. Приведемъ для примѣра нѣсколько такихъ пословицъ, не различая коренныхъ отъ заимствованныхъ.

„Не суди по примѣрамъ, а по правиламъ. Законъ закономъ, хотя бы и тяжелый (dura lex, sed lex). Чтò тебѣ законъ далъ, того никто не отыметъ. Чтò родилось горбатымъ, того время не исправитъ. Разговоръ разговоромъ, а договоръ сторонамъ законъ. Чтò межъ двумя договорено, не обязываетъ третьяго. Всякая вещь ищетъ своего господина. Должникъ твоего должника не есть еще твой должникъ. Въ большемъ содержится и меньшее. Твое свято и мое свято; оберегай свое, моего не трогай. Чтò держишь въ рукѣ, вѣрнѣе того, чтò имѣешь на долгу". Отъ нѣкоторыхъ поговорокъ покоробило бы, можетъ быть, многихъ изъ насъ, привык-

шихъ къ формализму, письменности и буквоѣдству, напримѣръ отъ слѣдующей: „толкуя договоръ, взвѣшивай слова, а еще болѣе волю и намѣреніе“ (ст. 1026).

При составленіи заразъ и законоучебника, и Законника для юридически неразвитого народа ставился первостепенно важный вопросъ о созданіи общепонятной терминологіи. Отвлеченно разсуждая, необходимость такой общепонятной терминологіи очевидна и безспорна. Бэконъ писалъ (de augm. scient.): in legibus omnia explicari debent ad captum vulgi et tamquam digitu monstrari. Монтескьё требовалъ, чтобы законы писались доступно pour les gens de mèdiocre entendement. Въ своемъ докладѣ въ засѣданіи русскаго филологическаго общества въ С.-Петербургѣ 13-го января 1887 г. профессоръ Богишичъ пришелъ къ слѣдующему положенію, которому мы безусловно сочувствуемъ: если законодатель желаетъ, чтобъ народъ его понималъ, то онъ долженъ и пользоваться народнымъ языкомъ. Мы согласны и съ этимъ положеніемъ, и съ послѣдующимъ, его дополняющимъ: придерживаться народнаго живого языка, а когда необходимо отъ него отступать, то слѣдовать духу его. Безспорное въ теоріи бываетъ, однако, часто затруднительно или даже просто неосуществимо на практикѣ. Г. Богишичъ опредѣлилъ въ своемъ докладѣ практическіе пріемы, которые онъ употреблялъ въ Законникѣ при разрѣшеніи возложенной на него задачи. Пріемы эти заключались въ слѣдующемъ.

Сама жизнь народа создаетъ безъ всякаго искусственнаго сочинительства подходящіе термины въ каждой области знанія или дѣятельности. Всѣ старые средневѣковые кодексы (напримѣръ, Законникъ царя Стефана Душана) отличаются такимъ органическимъ происхожденіемъ юридической терминологіи; зато въ новѣйшихъ выдѣлка терминовъ бываетъ поспѣшная, и эти термины сочиняются искусственно и почти механически записными юристами, мало заботящимися о языкѣ. Мы развиваемся несравненно быстрѣе и полнѣе, нежели люди прошлаго, и не привыкли ждать, когда требуются иногда слова немедленно для выраженія либо чего-нибудь совсѣмъ новаго народившагося, но еще не названнаго, либо чего-нибудь новаго, нами же сочиняемаго. Неотложная необходимость скороспѣлыхъ терминовъ очевидна въ трехъ главныхъ случаяхъ: 1) когда созидается новое, еще небывалое учрежденіе; 2) когда, путемъ индукціи, обобщаются случаи и частныя постановленія, когда они сводятся въ систему и предстоитъ надобность въ наименованіяхъ для этихъ отвлеченностей; 3) наконецъ, когда происходитъ дифференціація понятій, обозначавшихся

однимъ именемъ, и во избѣжаніе смѣшенія предметовъ надобно дать каждому изъ нихъ особое наименованіе. Когда новый терминъ необходимъ, есть три способа для изобрѣтенія его: 1) либо его можно подыскать въ живомъ народномъ языкѣ, 2) либо позаимствовать извнѣ, 3) либо вновь сочинить. Общимъ хорватосербскимъ языкомъ, которымъ писанъ Законникъ, говорятъ жители королевства Сербіи, австрійскіе хорваты, босняки, герцеговинцы, черногорцы и далматинцы. Этотъ общій языкъ имѣетъ свои нарѣчія и говоры въ разныхъ мѣстностяхъ; приходится порою дѣлать выборъ между совершенно несхожими словами, обозначающими въ разныхъ краяхъ одинъ и тотъ же предметъ. Извѣстную, хотя и ограниченную пользу можетъ принести и историческое изученіе этого широко распространеннаго языка, сдѣлавшее въ нынѣшнемъ столѣтіи большіе успѣхи благодаря трудамъ Вука Караджича и Даничича. Профессоръ Богишичъ не чаетъ, однако, большого добра отъ воскрешенія и введенія въ живую рѣчь вышедшихъ изъ употребленія архаизмовъ. Онъ убѣжденъ, что отжившее старое не можетъ быть полезно живому языку; новая же словесность требуетъ новыхъ твердыхъ и естественныхъ основъ, которыя содержатся только въ живой народной рѣчи.

Первый источникъ скуденъ, потому всего чаще прибѣгаютъ ко второму, то-есть къ заимствованію изъ иностраннаго. Есть громадная разница между заимствованіями, которыя дѣлаетъ само общество, и заимствованіями, къ которымъ прибѣгаютъ ученые юристы. Если у народа есть и свое собственное наименованіе того же предмета (напр., турецкое *ортаклукъ* то же, что сербское *дружство*, наше *товарищество)*, то очевидно, что всего удобнѣе дать предпочтеніе родному названію. Но всего чаще иностраннаго ищутъ за неимѣніемъ своего. Посредствомъ частаго употребленія въ разговорѣ и обширнаго распространенія, иностранное слово внѣдряется въ языкъ, прирастаетъ къ нему, усваивается; оно общепонятно и его незачѣмъ выгонять. Таковы, напримѣръ, слова: *рискъ*, *интересъ*, *капара* (arrhae, задатокъ), *сигурность* (обезпеченность, securitas), *темель* (основаніе, отъ греческаго temelion), и другія, въ томъ числѣ множество итальянизмовъ, которыми испещрено нарѣчіе побережья далматскаго. Что касается до юристовъ, то нѣмецкіе заимствуютъ охотно иностранные термины, не заботясь о чистотѣ языка; напротивъ того, чехи и южные славяне—страшные пуристы и чуждаются словъ отъ иностранныхъ корней, но они поступаютъ еще хуже. Они самую мысль сербскую уродуютъ, перекладывая механически, посредствомъ рабскаго подражанія, наименованіе изъ одного языка на другой

языкъ, переводя не душу и смыслъ слова, символизирующаго понятіе, но только само то слово, то-есть болѣе или менѣе отдаленное подобіе понятія, не заботясь уже совсѣмъ о самомъ понятіи, иными словами, передавая понятіе не цѣльно и не по совокупности его признаковъ, а по одной какой-нибудь случайно иноплеменниками особенно подчеркнутой примѣтѣ. Понятно, что такой пріемъ запружаетъ только и законъ, и юриспруденцію множествомъ терминовъ, совсѣмъ уже недоступныхъ не-техникамъ. Кому бы могло придти въ голову, что *досѣлостъ* должна означать пріобрѣтающую давность, а между тѣмъ это слово построено по образцу нѣмецкаго Ersitzung, или что *разсвой* передаетъ понятіе exprорriatio, или что *тврдка* должна означать *фирму*, а laudemium превращено въ *хвалевину*. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ особая коммиссія въ Вѣнѣ составила рядъ словарей юридическихъ: нѣмецко-чешскій, нѣмецко-хорватскій, нѣмецко-далматскій, нѣмецко-польскій и проч., и пустила такимъ образомъ въ ходъ множество уродливыхъ искаженій, отъ которыхъ надобно бы какъ можно скорѣе освободиться. Остается только третій способъ, заключающійся въ толковомъ и самостоятельномъ созиданіи вновь несуществующихъ еще терминовъ для новыхъ предметовъ. Эти неологизмы по происхожденію своему необъяснимы, какъ и всякое другое творчество; они—плоды субъективности сочиняющаго ихъ и вдохновенія. Г. Богишичъ признаетъ, что ему никогда не удавалось добыть ихъ изъ первыхъ рукъ отъ самаго умнаго простолюдина, наводя его вопросами на то, чтобы онъ назвалъ подходящимъ словомъ подсказываемый ему и изображаемый существенными его признаками предметъ. Г. Богишичъ старался только, сочинивъ неологизмъ, повѣрять его въ бесѣдахъ съ простолюдинами со стороны того, понятенъ ли онъ имъ послѣ того, какъ имъ преподанъ и самый смыслъ изобрѣтеннаго слова; потомъ онъ старался ставить его въ надлежащемъ мѣстѣ при переходѣ отъ конкретнаго къ абстрактному, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, и даже давалъ ему въ самомъ законѣ, при первомъ употребленіи, его объясненіе. Не подлежитъ сомнѣнію, что этимъ способомъ достигаются замѣчательные результаты, въ особенности при дифференціаціи понятій. Возьмемъ для примѣра сербскій глаголъ: *дужити*, обозначающій имѣть въ долгу, а въ отлагательной его формѣ *дужити се*, обозначающій должать. Отъ этого глагола происходитъ существительное: *дужникъ*, обозначавшее донынѣ одновременно и кредитора и должника, что̀ производило большую путаницу въ понятіяхъ. Имущественный Законникъ не усвоилъ себѣ ни дословнаго перевода съ латинскаго creditor на *вѣровника*,

какъ говорятъ въ Загребѣ, ни *повърилац*, какъ говорятъ въ Бѣлградѣ, а ввелъ новое слово *дужитель* для кредитора, въ противопоставленіе *дужнику* какъ должнику, чѣмъ бы и мы могли, конечно, воспользоваться, еслибы ввели въ русскій языкъ существительное *одолжитель* въ смыслѣ кредитора. Когда неологизмомъ предполагается замѣстить терминъ, уже употребляемый, но неудобный, то Законникъ предлагаетъ совмѣстно оба термина, въ надеждѣ, что замѣщеніе одного другимъ произойдетъ исподволь, вслѣдствіе естественнаго теченія самой жизни.

Држина или *посѣдъ* изображаютъ понятіе, извѣстное какъ римское *possessio* или наше *владѣніе* (811). *Повѣра* или полномочіе уравнены, но стороны названы въ этомъ договорѣ по новому: *повѣритель* и *повѣренникъ* (883), вслѣдствіе чего понятно, что повѣра одержитъ верхъ надъ полномочіемъ. Иногда предлагаются даже не два, а три и болѣе термина: *удруженіе* или *удруга*, что народъ зоветъ обыкновенно чужимъ словомъ *ортаклукъ* или *ортачина*, а что по домашнему называетъ еще *друштвомъ* или *дружиною* (885). Иногда мы наглядно усматриваемъ, какимъ образомъ совершается законодательное обобщеніе понятія, какъ конкретное претворяется въ абстрактное. Статья 801 гласитъ: *ималацъ* (имѣлецъ) зовется на народномъ языкѣ тотъ, кто имѣетъ какое-либо имущество (по русски: собственникъ — понятіе конкретное, но одному только физическому лицу на сербскомъ языкѣ приличное и неупотребляемое въ примѣненіи къ такъ-называемымъ юридическимъ лицамъ). Составитель Законника избѣгъ термина: юридическое лицо; онъ предпочелъ выразиться о юридическихъ лицахъ какъ объ *установахъ* или учрежденіяхъ; онъ обобщилъ понятіе: собственникъ, распространилъ его и на эти установы и выразилъ вмѣстѣ съ тѣмъ самую личную способность быть такимъ собственникомъ въ новомъ терминѣ *имаоникъ*: „имаоникомъ“ зоветъ настоящій Законникъ не того, кто что-нибудь дѣйствительно имѣетъ, но вообще всякаго человѣка и всякое учрежденіе (каковы: государство, церковь и другія), за которыми признана правоспособность имѣть свое собственное имущество“. Замѣтимъ, что въ Законникѣ попадаются и новыя подраздѣленія понятій, еще неупотребительныя у насъ, но весьма практическія, напримѣръ, въ 775 ст. дѣленіе закона на *наредбенъ* (приказывающій, отъ *наредити*, mandare) и *уредбенъ* (предразрѣшающій) отъ *уредити*; constituere, ordnen, когда извѣстное предначертаніе закона замѣнимо по произволу волею сторонъ.

IV.

Перехожу къ обзору кодекса по отдѣльнымъ его раздѣламъ, съ указаніемъ характернѣйшихъ особенностей каждой части. Невольно поражаетъ отсутствіе того мертвящаго схематизма, которымъ запечатлѣны всѣ созданія прямолинейной логической дедукціи, устроенія цѣлаго въ видѣ шкафа съ выдвижными ящиками, въ которые обязательно должны размѣститься сполна и цѣликомъ всѣ помѣщаемые въ шкафу предметы, между тѣмъ какъ по натурѣ своей они должны бы лежать за-разъ въ нѣсколькихъ ящикахъ или клѣточкахъ. Раздѣловъ, какъ я уже сказалъ, всего *шесть*; послѣдній есть учебникъ и объемлетъ собою всѣ безъ исключенія опредѣленія правовыхъ понятій; *первый* посвященъ общимъ началамъ, *второй*—собственности и инымъ видамъ правъ вещныхъ, *третій*—куплѣ и инымъ видамъ договоровъ, *четвертый*—договору вообще, а также дѣламъ и обстоятельствамъ, порождающимъ обязательства, наконецъ *пятый*—лицамъ (человѣку и инымъ имаоникамъ, имѣльникамъ) и ихъ дѣеспособности въ области имущественнаго права.

Начнемъ съ *собственности* и *вещныхъ правъ* (ст. 26—221). Какъ всѣ первобытные народы, черногорцы — большіе реалисты въ своихъ юридическихъ понятіяхъ, люди положительные, ставящіе вещныя права неизмѣримо выше правъ по обязательствамъ; въ переходѣ правъ собственности съ лица на лицо рѣшающимъ моментомъ они считаютъ не соглашеніе сторонъ, а только фактъ владѣнія. „Ради этой крѣпкой связи,—сказано въ ст. 870 (учебникъ),—между вещью и ея владѣльцемъ, такъ что промежъ ними нѣтъ уже мѣста для третьяго лица, законъ называетъ эти права вещными... Но если тебѣ вещь какую должаетъ твой должникъ, то пока онъ не возвратитъ долга, между тобою и должною тебѣ вещью стоитъ должникъ, онъ воленъ исполнить или не исполнить свое обязательство, надобно съ нимъ тягаться, а хотя и судъ рѣшитъ въ твою пользу, можешь вещи не получить. Такова разница правъ вещныхъ отъ *обязательственныхъ*" (стр. 871). Движимая вещь становится собственностью покупщика тогда только, когда онъ ее до рукъ своихъ получилъ, а если и она продана не въ кредитъ (на почекъ), а на наличныя, то тогда лишь, когда онъ цѣну ея сполна получилъ, но собственникъ, у котораго вещь похищена, можетъ ее отыскивать какъ свою у всѣхъ, даже у добросовѣстныхъ ея пріобрѣтателей. Недвижимая собственность точно также, какъ и у насъ, переходитъ отъ одного лица къ

другому только дѣйствіемъ власти, *судскимъ потвердомъ*, удостовѣреннымъ судомъ на самомъ подлинникѣ акта и занесеннымъ въ книги суда. По древнему закону, землевладѣльцемъ можетъ быть только черногорецъ, а изъ иностранцевъ развѣ тотъ, кому князь пожалуетъ имѣніе на опредѣленныхъ въ томъ пожалованіи условіяхъ. Учебникъ отмѣчаетъ, что въ Черногоріи нѣтъ земель, никому не принадлежащихъ; всѣ распредѣлены между личными или коллективными собственниками. Законъ благопріятствуетъ искателямъ богатствъ и кладовъ въ чужихъ земляхъ, въ курганахъ и развалинахъ; найденное дѣлится пополамъ между нашедшимъ и землевладѣльцемъ. Находка потеряннаго возвращается безмездно хозяину, если онъ отыщется. Замѣчательны постановленія о давности пріобрѣтающей, которая превращаетъ владѣніе въ собственность. Эта давность никогда не идетъ въ прокъ недобросовѣстному владѣльцу, какъ это дѣлается, къ сожалѣнію, у насъ. Пріобрѣтатель можетъ быть только добросовѣстный владѣлецъ, причемъ дѣлается различіе по отношенію къ срокамъ, владѣлъ ли онъ вещью на законномъ основаніи, или вообще безъ всякаго основанія. Въ первомъ случаѣ требуется владѣніе движимостью въ теченіе 5 лѣтъ или недвижимостью въ теченіе 10 лѣтъ, во второмъ—15 или 30 лѣтъ.

Весьма отчетливо разработаны въ Законникѣ сервитуты (*угодьбы и послужія*). Многочисленны постановленія о такъ называемыхъ естественныхъ сосѣдскихъ сервитутахъ, существующихъ въ силу самого закона: проходъ, прогонъ скота, проѣздъ, водоемъ, проводъ воды изъ чужого пруда или изъ рѣки жолобами и канавками для орошенія полей, недопущеніе чужого дерева проростать корнями на землѣ сосѣда или простирать надъ его землею свои вѣтви, и многія другія. Читая эти законоположенія, убѣждаемся, что онѣ писаны для страны, гдѣ дороги каждый кусокъ земли, отвоеванный у дикихъ скалъ, и каждая струйка воды, и что роковая необходимость заставляетъ пользующихся сообща дарами природы сосѣдей жить въ мирѣ и согласіи, какъ и приказываетъ имъ жить расположенный къ нравоученіямъ въ патріархальномъ духѣ законодатель (142): сосѣдъ долженъ стараться, чтобы, удовлетворяя свои потребности, онъ наименѣе стѣснялъ землевладѣльческую свободу сосѣдняго владѣльца. Кромѣ естественныхъ допускаются всякіе договорные сервитуты и даже такіе, которые пріобрѣтаются въ чужой землѣ по праву давностнаго пользованія въ теченіе продолжительнаго срока (15 и 30 лѣтъ).

Въ области правъ вещныхъ важное значеніе имѣетъ зало-

говое, которымъ обусловливается развитіе кредита, а слѣдовательно, и экономическое преуспѣяніе страны. Черногорскій Законникъ затѣялъ громадное нововведеніе, создавъ ипотечную систему *(застава)* по западно-европейскому образцу, но не ввелъ въ дѣйствіе этого учрежденія (10 глава 2 раздѣла кодекса), предоставивъ осуществленіе его будущности. Пока это учрежденіе, когда рѣшатся его исполнить, привьется, употребляемы будутъ старые способы обезпеченія долговъ, а именно: ручной закладъ движимости съ передачей ея кредитору (*залога*) и передача кредитору недвижимости въ пользованіе вмѣсто роста (antichresis, zastaw по Литовскому Статуту). Эта послѣдняя форма носитъ странное для нашего уха названіе—*подлога*. Ручнымъ закладомъ кредиторы не въ правѣ пользоваться, за однимъ исключеніемъ чисто въ черногорскомъ духѣ: закладываемаго оружія, которое разрѣшается имъ употреблять, хотя оно чужое. Кодексъ проводитъ съ большею строгостью непримѣнявшееся прежде столь безусловно правило, что закладное владѣніе, сколько бы времени оно ни продолжалось, не превращается никогда въ собственность, такъ что закладъ долженъ во всякомъ случаѣ подвергнуться продажѣ съ публичныхъ торговъ на удовлетвореніе долга, и что всякія тому противныя соглашенія недѣйствительны.

V.

Строго слѣдуя индуктивному методу, Законникъ начинаетъ въ *третьемъ* раздѣлѣ съ разныхъ видовъ договора и только въ *четвертомъ* доходитъ до ихъ рода, то-есть до договора вообще и до иныхъ обязательствъ. Всякому знакомому съ новѣйшими гражданскими кодексами Европы, составленными болѣе или менѣе по одному образцу, должна бросаться въ глаза, *во-первыхъ*, изумительная своеобразность начертанныхъ отношеній. Законодатель тутъ не при чемъ; онъ бралъ только готовое и едва успѣвалъ намѣчать богатыя формы, которыя доставляли ему сама жизнь, само народное творчество въ области права. Въ особенности поразительны утонченность и замысловатость сдѣлокъ, относящихся къ главнымъ промысламъ жителей: къ земледѣлію и скотоводству. *Во-вторыхъ*, заслуживаетъ вниманія, что эти законоположенія весьма гуманны; онѣ заботливо оберегаютъ интересы слабѣйшихъ по своему положенію въ сдѣлкѣ контрагентовъ; онѣ остерегаются ставить спорные вопросы ребромъ, разрубать ихъ по прямолинейной логикѣ непреклоннаго правового принципа,

коль скоро мало-мальски предчувствуется, что этотъ принципъ въ своей послѣдовательности можетъ повести къ несправедливости. *Въ-третьихъ*, наконецъ, это имущественное частное право не соотвѣтствуетъ вообще понятіямъ, которыя мы, вскормленные римскимъ правомъ, имѣемъ вообще о частныхъ или такъназываемыхъ гражданскихъ отношеніяхъ. Римляне, по своей натурѣ, были величайшіе эгоисты. Идеалъ, который они осуществили съ изумительною послѣдовательностью въ своемъ частномъ правѣ, есть полное торжество голаго произвола въ области отношеній другъ съ другомъ отдѣльныхъ лицъ, какъ единицъ. Лицо господствуетъ надъ вещью безусловно и вполнѣ; чему оно противится, имѣя право за собою, то и не осуществится, хотя бы непозволяющее лицо имѣло противъ себя десятки или сотни волей такихъ же равноправныхъ единицъ. Сломить эту личную волю можетъ только одна превозмогающая сила высшаго порядка, а именно, одна государственная необходимость. Между тѣмъ въ черногорскомъ Законникѣ воля единицы склоняется ежеминутно не передъ благомъ государства и не передъ благомъ семейной группы, въ которой мы уже привыкли видѣть первообразъ и зародышъ государства, но передъ большинствомъ такихъ, какъ она, въ томъ же частномъ дѣлѣ соучастниковъ или контрагентовъ. На каждомъ шагу въ этомъ кодексѣ частные конфликты разрѣшаются по началамъ публичнаго права: до того эти начала пронизываютъ насквозь чисто гражданскія отношенія, что должны приводить въ недоумѣніе римскихъ цивилистовъ. Постараемся подкрѣпить наши замѣчанія заимствованными изъ Законника примѣрами.

Возьмемъ *сувлаштину* или наше общее владѣніе имѣніемъ, состояніе невыносимое въ большей части случаевъ, изъ котораго, однако, весьма трудно выйти, потому что необходимо обратиться предварительно къ суду и ждать затѣмъ два года наступленія срока, назначеннаго будто бы для полюбовнаго производства раздѣла. По Законнику никакой срокъ для полюбовнаго раздѣла не полагается, имѣніе дѣлимо во всякое время, или подвергается для раздѣла продажѣ. Но во время общаго владѣнія завѣдываніе вещью и расходованіе на поддержаніе ея въ хорошемъ состояніи не требуютъ единогласія: онѣ совершаются по большинству голосовъ. Единогласіе установлено какъ условіе только на тотъ случай, когда измѣняется назначеніе вещи или дѣлаются въ ней необходимыя улучшенія. Перехожу къ болѣе сложнымъ группамъ, селу и общинѣ или племени (въ двойственности наименованія того же предмета уцѣлѣлъ слѣдъ того, что этотъ союзъ имѣлъ

родовое происхожденіе, но нынѣ осталось за нимъ значеніе чисто территоріальное). Село и община имѣютъ то общее качество съ сувлаштиною, что онѣ—клѣточки, съ трудомъ открывающіяся для чужака, потому что ихъ замкнутость охраняется учрежденіемъ, восходящимъ къ глубочайшей старинѣ у всѣхъ славянскихъ народовъ—перекупанья (*прече купне*) всякаго продаваемаго имѣнія ближайшими къ продавцу людьми, его родными,—если таковыхъ нѣтъ до 6-й степени родства, то односельчанами,—а если нѣтъ односельчанъ, то членами той же общины (слабый слѣдъ этого учрежденія имѣется и у насъ въ выкупѣ родовыхъ имуществъ). Кто выселился изъ общины, тотъ уже не перекупщикъ, хотя бы былъ родной; наоборотъ, пріобрѣтатель чужого имѣнія или доли въ чужомъ имѣніи обязательно долженъ поселиться на мѣстѣ своего предшественника. Продавецъ доли въ имуществѣ долженъ оповѣстить о предполагаемой продажѣ совладѣльцевъ, продавецъ имѣнія—родныхъ и сообщинниковъ. Перекупающій пріобрѣтаетъ имѣніе по цѣнѣ, по которой условлена была продажа чужаку. Перекупаніе допускается даже и при продажѣ имѣнія съ публичныхъ торговъ, но только въ теченіе шести часовъ съ момента состоявшейся продажи; если же продажа происходила не съ торговъ, а съ вольной руки, то срокъ на искъ объ ея уничтоженіи со стороны тѣхъ, чье право перекупанья было нарушено, бываетъ только мѣсячный отъ дня утвержденія продажи судомъ. Самый фактъ общежитія обязываетъ къ услугамъ и притомъ иногда безмезднымъ. Кто позоветъ работать къ себѣ въ подмогу, подъ условіемъ взаимности въ будущемъ, не обязанъ за этотъ трудъ платою. Если село или товарищество сговорятся помочь вдовѣ, сиротѣ, погорѣльцу или иному нуждающемуся, этотъ послѣдній не обязанъ ничего ни платить, ни отрабатывать (347).

Наиболѣе типичны въ Законникѣ постановленія о товариществахъ: до того онѣ насыщены публичнымъ элементомъ, до того воля единицы подчиняется въ нихъ условіямъ и цѣлямъ, истекающимъ изъ понятія о благѣ цѣлой группы. Ортаклукъ или удруга есть по ст. 885 договоръ, которымъ два лица или болѣе обязуются взаимно соединить свои труды и заботы, свои деньги или иныя имущества для достиженія какой-либо общей цѣли. Это такъ-называемыя товарищества ради прибыли (*тековинскія*). Торговыхъ товариществъ, въ составъ коихъ должны войти и акціонерныя, Законникъ вовсе не касается. Статья 890 гласитъ, что товарищество подобно братству: между товарищами должны господствовать полное довѣріе, почтеніе и искренность. Простыя удруги могутъ возникать даже и безъ письменнаго акта, по сло-

весному соглашенію. Законникъ оформилъ возникновеніе только такихъ товариществъ, которыя пользуются, подъ особымъ именемъ, правомъ собственности (имаоничко право), то-есть суть признанныя, по нашимъ понятіямъ, юридическія лица. Только такія именныя товарищества составляютъ предварительно уставъ, обозначаютъ въ немъ мѣстопребываніе товарищества и управителей. Такой уставъ разсматривается и утверждается державнымъ совѣтомъ Черногоріи. Какъ только составилось товарищество, никто чужой вступить въ него новымъ членомъ или замѣстителемъ выбывающаго не можетъ безъ согласія всѣхъ своихъ сотоварищей. Вклады товарищей (улоги), какъ предполагается, должны быть равны, если не условлено тому противное. Всѣ члены участвуютъ въ дѣлежѣ прибылей и убытковъ, всѣ отвѣчаютъ солидарно за долги товарищества своимъ личнымъ имуществомъ. Управляющіе состоятъ на правахъ повѣренныхъ. Всѣ товарищи участвуютъ въ завѣдываніи дѣлами товарищества и рѣшаютъ ихъ простымъ большинствомъ голосовъ, или, если вопросъ поважнѣе,—напримѣръ выборы повѣреннаго,—то большинствомъ $^2/_3$ голосовъ. Черногорскія товарищества во многомъ похожи на наши артели рабочихъ. Легко себѣ представить, какой навыкъ въ самоуправленіи вносятъ въ жизнь общества подобныя многочисленныя и разнообразныя, свободно образующіяся товарищества.

Отмѣтимъ особенности нѣкоторыхъ отдѣльныхъ договоровъ. Ростъ, допускавшійся обычаемъ, доходилъ до 20%; Законникъ понизилъ норму и установилъ узаконенный въ 8% и наибольшій дозволенный въ 10%, что указываетъ, конечно, на первобытное еще состояніе хозяйствъ и недостатокъ въ оборотномъ капиталѣ. Ростъ самъ собою подразумѣвается при займѣ, если не условлено, что онъ даровой. Законъ устанавливаетъ взысканія до 20% для недобросовѣстныхъ пользователей чужими деньгами, напримѣръ для управителей товарищества или хранителей суммъ, отданныхъ на поклажу. Подразумѣвается также, что всякій трудъ и услуга вознаграждаются; если такое вознагражденіе не договорено, то по мѣстному обычаю или по усмотрѣнію судьи. Домашняго слугу хозяинъ обязанъ кормить, обувать и одѣвать; въ случаѣ, если слуга заболѣетъ, хозяинъ обязанъ содержать его по крайней мѣрѣ мѣсяцъ и лечить. Особенно заботится Законникъ о судьбѣ арендаторовъ. Если срокъ аренды не условленъ, предполагается, что онъ годовой и что онъ возобновляется изъ году въ годъ. Сторона, желающая прекратить аренду, должна заявить о томъ другой за мѣсяцъ до срока. Арендаторъ можетъ быть выселенъ только тогда, когда онъ задолжалъ два срочные платежа. Если по не-

предвидѣнному бѣдствію (градъ, война и т. под.) арендаторъ не могъ собрать даже и трети обычнаго сбора, онъ вправѣ требовать соразмѣрнаго пониженія арендной платы. Наемъ полей можетъ быть и не на наличныя деньги, а съ половины или съ третьей или иной части сбора. Обыкновенно скотъ отдается въ наемъ съ половины (*на полицу*); тогда всѣ животные продукты: молоко, шерсть, приплодъ, дѣлятся исполовъ, но навозъ и рабочая сила скотины остаются при половникѣ (*поличарь*). Имѣется договоръ объ отдачѣ стада подъ *кесимъ* или *на непогибель*, когда за впередъ опредѣленную плату наемщикъ пользуется стадомъ и оставляетъ въ свою пользу всю отъ него прибыль и приплодъ, но обязывается только сдать стадо въ томъ же количествѣ головъ, такой же доброты. Имѣется договоръ о наймѣ воловъ на *изоръ* (на запашку). По договору о *спрези* разные хозяева производятъ сообща полевыя работы отдаваемыми ими на эти цѣли лично имъ принадлежащими волами. Въ договорѣ *супони* скотовладѣльцы соединяются для полученія навоза, дѣлимаго потомъ между соучастниками, между тѣмъ какъ каждый хозяинъ держитъ своего пастуха и получаетъ въ свою пользу приплодъ и животные продукты. Особенный видъ поклажи, *аманетъ*, совершается либо въ экстренныхъ случаяхъ, либо подъ условіемъ строгой тайны. Игра и пари не пользуются вообще покровительствомъ закона, и долги, изъ нихъ вытекающіе, недѣйствительны; изъ этого правила исключаются игры, укрѣпляющія тѣло или изощряющія умъ, каковы бѣганіе взапуски, метаніе копій, стрѣльба, фехтованіе или шахматы. По такимъ играмъ долгъ можетъ быть взыскиваемъ по суду, но отъ суда зависитъ понизить игорныя ставки.

Четвертый раздѣлъ Законника о договорахъ и иныхъ обязательствахъ по содержанію своему почти одинаковъ во всѣхъ новѣйшихъ кодексахъ, такъ что и профессоръ Богишичъ могъ уже слѣдовать по широко прото占енному пути. Въ этой части Законникъ стоитъ на уровнѣ современной науки. Нѣкоторыя статьи его такого рода, что и намъ было бы полезно ихъ позаимствовать у черногорцевъ, напримѣръ весь отдѣлъ о незваномъ вершеніи чужихъ дѣлъ (negotiorum gestio) или обѣщаніе *огласомъ*, то-есть договоръ по вызову посредствомъ публикаціи желающихъ въ него вступить.

Пятый раздѣлъ содержитъ совокупность положеній о лицахъ единичныхъ и собирательныхъ и о дѣеспособности первыхъ изъ нихъ. Хотя семья изъ Законника выдѣлена, хотя кодексъ не опредѣляетъ ея внутренняго устройства, но нельзя было обойтись безъ отведенія ей мѣста, какъ субъекту правъ и коллективной

единицѣ въ общежитіи съ другими субъектами правъ. Это обстоятельство даетъ намъ возможность заглянуть въ само нутро этой семьи и уяснить нѣкоторыя характерныя ея особенности, напоминающія отдаленнѣйшую старину, соотвѣтствующую знакомому намъ только по глухимъ преданіямъ родовому быту.

Семья въ томъ смыслѣ, какъ мы ее понимаемъ (союзъ родительской четы и дѣтей), въ Черногоріи не признается, а имѣется только *домъ* или *куча*—союзъ сожительствующихъ въ домѣ родныхъ, пребывающій въ полномъ имущественномъ коммунизмѣ подъ началомъ домоваго старшины или *домачина*. Въ домачей или кучной заединицѣ или общежитіи члены кучи не имѣютъ вообще своего личнаго имущества, а все, чтò ими заработано, есть общее добро, за исключеніемъ того, чтò имъ посчастливится получить извнѣ безъ своего труда, чтò имъ придется въ даръ или по наслѣдству. Этотъ незаработанный прибытокъ есть *особина* пріобрѣтателя, его личная собственность, которою онъ свободно располагаетъ (*peculium* по римскому праву). Солидарность семьи была столь велика, что при существованіи еще кровной мести и замѣняющаго его, въ случаѣ мировой, окупа въ 144 червонца за голову убитаго, не бывало примѣра отказа кучи въ уплатѣ этого окупа за убійцу, хотя бы вся куча отъ такой уплаты пришла въ упадокъ и разореніе. Законникъ пытается установить предѣлы взаимной отвѣтственности дома и отдѣльныхъ его членовъ. Необязательны для дома дѣйствія ея члена, не исключая и домачина или старшины направленныя къ явному вреду дома. Домъ не отвѣчаетъ и за преступныя дѣйствія своихъ членовъ (поджогъ, убійство, обольщеніе), не касающихся самаго дома, защиты его имущества или чести; но если виновный несостоятеленъ къ платежу, то судъ можетъ, однако, по совѣсти (*по правице*) неуплаченный остатокъ долга или часть его возложить на домъ, неповинный въ преступномъ дѣяніи его члена (702). Присуждаемый къ платежу членъ семьи удовлетворяетъ свой долгъ изъ своей особины и изъ своей доли въ массѣ домоваго имущества, которую домъ долженъ выдѣлить, если не желаетъ за своего члена отвѣчать. Если членъ дома ведетъ торговлю, то предполагается, что онъ торгуетъ отъ имени и за счетъ дома и домъ за него отвѣчаетъ передъ добросовѣстными его кредиторами. По договору между домомъ и его членомъ домъ можетъ отказаться отъ отвѣтственности за торговлю члена передъ третьими лицами; но для огражденія правъ этихъ послѣднихъ необходимо, чтобы договоръ явленъ былъ въ судѣ и опубликованъ. Домъ обязанъ платить за своего члена расходы на леченіе, на спасеніе его отъ какого-

нибудь несчастнаго случая (у каквой невольи). Кучанинъ не можетъ своей доли въ кучѣ ни уступить, ни продать, но ему легко достигнуть выдѣла, если онъ совершеннолѣтній и въ особенности если онъ женится и намѣренъ обзавестись особымъ домомъ. Пребываніе въ домовомъ общежитіи не обязательно даже для дѣтей при живомъ отцѣ-домачинѣ.

Достойно замѣчанія положеніе жены въ кучѣ. Древній обычай благопріятствуетъ женщинѣ и покровительствуетъ ей во всѣхъ славянскихъ законодательствахъ, которыя отличаются тѣмъ, что нѣтъ въ нихъ ничего похожаго на manus или mundium. Если мужъ, находясь въ отлучкѣ, не назначилъ своего замѣстителя, жена заступаетъ его и распоряжается полновластно движимымъ имуществомъ (690). Вдова, пока сидитъ у мужнина очага (огнище), заступаетъ мужа, какъ будто бы онъ былъ живъ. Одежа и наряды, сработанныя женщиною или подаренные ей кучею, считаются ея неотъемлемою особиною. Но, воспроизводя эти старые обычаи, составитель Законника перешелъ въ другихъ законоположеніяхъ на иную почву и старался вставить женщину въ тѣ рамки, которыя кругомъ ея обведены по германскимъ и романскимъ законодательствамъ, сдѣлать ее существомъ несамостоятельнымъ въ распоряженіи имуществомъ, лицомъ подопечнымъ. Ст. 690 допускаетъ, правда, всякіе договоры между супругами, а слѣдовательно и такіе, которые бы предоставили женѣ полную имущественную независимость, но такіе договоры будутъ всегда только исключеніемъ; общее же правило таково, что жена безъ согласія мужа, а если онъ отсутствуетъ или не соглашается, то безъ разрѣшенія суда не можетъ ни вступать въ договоры, ни дарить что-либо даже изъ своей особины, ни подарковъ отъ чужихъ людей, то-есть несостоящихъ съ нею въ родствѣ, принимать. Судъ обязательно назначаетъ къ вдовѣ попечителя, когда, оставшись по смерти мужа чужачкою въ его кучѣ, она располагаетъ особымъ личнымъ состояніемъ. Хотя она считается естественною опекуншею надъ дѣтьми, но судъ наряжаетъ къ ней особаго опекуна помощника, для управленія сообща съ нею имуществомъ дѣтей. Откровенно признаемся, что мы не сочувствуемъ этимъ заимствованіямъ, водворяющимъ на славянской почвѣ чуждое ей начало имущественной неравноправности женщинъ, на весьма спорномъ основаніи прирожденной будто бы слабости женскаго пола по уму и характеру. Неумѣніе женщинъ располагать своимъ имуществомъ есть еще вопросъ открытый, далеко не рѣшенный; по крайней мѣрѣ, въ нашемъ обществѣ полная имущественная равноправность женщины не возбуждала никогда нареканій.

Опека допускается въ Законникѣ не только по несовершеннолѣтію или психическому разстройству, но и по расточительности. Совершеннолѣтіе совпадаетъ съ исполнившимся 21 годомъ отъ роду, но и раньше того лицо можетъ быть объявлено совершеннолѣтнимъ по распоряженію опекунской власти (судъ капетанскій или судъ великій), когда, достигнувъ 18 лѣтъ, оно найдено будетъ способнымъ управлять своимъ имуществомъ или когда, съ разрѣшенія родителей, попечителей и власти, оно вступитъ въ бракъ и заживетъ особымъ домомъ. Законникъ допускаетъ отцамъ (654) узаконивать внѣ-брачныхъ дѣтей. Въ числѣ субъектовъ имущественныхъ правъ имѣются: государство, церковь, такъ-называемые *заклады* или общеполезныя учрежденія, основанныя на вѣчныя времена, также племена или общины. Предметами общиннаго владѣнія бываютъ горы, пашни, воды, насколько онѣ не подѣлены, пути, школы и иныя установленія, общиною установленныя и ею содержимыя.

VI.

Разбирая Законникъ, я нарочно обошелъ *первый* раздѣлъ, содержащій общія правила и коренныя основы не только гражданскаго права, но и всякаго другого, въ томъ числѣ и нормы, опредѣляющія отношеніе закона писаннаго къ родному народному обычаю и къ самой жизни, которая постоянно опережаетъ и законъ, и обычай, создавая новыя, небывалыя отношенія и усложняя ихъ до безконечности. Черногорія—страна крошечная, въ теченіе многихъ вѣковъ совсѣмъ замкнутая и изолированная. Связанная теперь съ Европою, она является въ своей первобытной простотѣ, безъ сословныхъ перегородокъ, безъ наслоеній, безъ оторванной отъ народной почвы интеллигенціи, заскакавшей на необозримо дальнее разстояніе отъ массы, и даже безъ закона писаннаго, потому что давнымъ-давно заглохла здѣсь и память о томъ, что эта вотчина, сначала Бальшичей, а потомъ Черноевичей, была частью великосербскаго государства и пользовалась Законникомъ царя Душана. Всѣ вообще кодификаціонныя работы въ Европѣ начинались, конечно, съ систематизированія и обобщенія юридическихъ началъ, присущихъ сознанію народа, съ помощью ученыхъ юристовъ, приступавшихъ къ работѣ съ заученными въ школѣ теоріями и идеями. Въ ходѣ этой работы все въ законѣ воспринимаемое, даже если оно бралось изъ самой жизни, а не изъ школьныхъ воспоминаній, отсѣкалось отъ своихъ

корней и попадало въ исключительное вѣденіе специалистовъ, послѣ чего уже, въ такомъ видѣ, оно получало свое дальнѣйшее самостоятельное развитіе. Законодатель рѣдко вступался въ спорные вопросы, предоставляя законовѣдамъ-техникамъ рѣшать ихъ какъ знаютъ и даже запрещая имъ обращаться въ своихъ недоумѣніяхъ къ законодательной власти. При такихъ условіяхъ, въ силу необходимости выдвигалась впередъ фикція, явно противная дѣйствительности, что всѣ осложненія въ жизни рѣшимы по закону, либо по буквѣ его, либо по его сокровенному разуму,—иными словами, что отвлеченное лицо, законодатель, все напередъ въ своей мудрости предусмотрѣлъ и предопредѣлилъ, судьѣ же приходится только искать и находить это предустроенное, уже имѣющееся на-лицо. При такомъ взглядѣ на законъ, обычай, какъ источникъ новыхъ нормъ, былъ, конечно, устраненъ, и если немногіе его остатки уцѣлѣли, то развѣ въ рѣдкихъ укромныхъ уголкахъ, напримѣръ, въ торговыхъ оборотахъ или въ крестьянскомъ быту, гдѣ жизнь оказалась слишкомъ неподатливою распоряженіямъ законодателя или судейской рутинѣ.

Намъ кажется, что можно поставить въ особенную заслугу профессору Богишичу, что, бывъ призванъ законодательствовать въ странѣ дѣвственно неустроенной и не имѣющей еще закона писаннаго, онъ отрѣшился отъ рутины, отбросилъ фикціи и предубѣжденія и дерзнулъ сдѣлать необычайно смѣлый опытъ, поставивъ ребромъ вопросъ, и въ учебникѣ (776—782), и въ первомъ раздѣлѣ кодекса (2—4): какъ поступать, когда въ Законникѣ и въ прибавленіяхъ къ нему не окажется вовсе подходящаго правила?

Прежде всего, когда законъ неясенъ, судья обязанъ его примѣнять по толкованію законодательному, если таковое имѣется. Если его нѣтъ, то судья взвѣшиваетъ слова закона и смыслъ ихъ, уясняетъ себѣ обстоятельства, сопровождавшія возникновеніе закона, наконецъ его мотивы, то-есть цѣли, которыхъ желалъ достичь законодатель. Судить онъ долженъ просто, естественно, безъ натяжекъ и крючковъ, безъ предвзятыхъ идей, памятуя, что законодатель не могъ содѣйствовать рѣшеніямъ, которыми бы причинена была кому-нибудь обида на основаніи неяснаго правила. Если, однако, окажется, что случай совсѣмъ не предусмотрѣнъ закономъ, тогда надлежитъ судить его по доброму житейскому обычаю, либо общему, либо, по особенности дѣла, свойственному тому кругу занятій или промыслу, къ которому дѣло относится. Если не имѣется приличныхъ ни закона, ни обычая, надлежитъ рѣшить дѣло по аналогіи (*подобію*), то-есть по правиламъ, уста-

новленнымъ для другого, но сходнаго рода дѣлъ. Если и этотъ способъ непримѣнимъ, то надлежитъ рѣшать по общимъ основаніямъ правды и справедливости (правде и правице). Всѣ законоположенія взяты законодателемъ изъ этого источника, то-есть изъ жизни народной. Изъ него предлагается и судьѣ черпать непосредственно, сообразно свойствамъ судимаго дѣла. Судя такимъ образомъ по правдѣ и справедливости, то-есть по душѣ и совѣсти, судья долженъ имѣть въ виду, что̀ люди вообще признаютъ за право, что̀ соотвѣтствуетъ вѣрованію и почитанію народному и безъ чего невозможно общежитіе.

Въ этихъ пространныхъ наставленіяхъ судьѣ сказывается, несомнѣнно, похвальное желаніе, съ одной стороны, приблизить судъ и его правду къ народу, съ другой—сберечь обычай, какъ родникъ правоотношеній, сдѣлать его элементомъ, дополняющимъ и обновляющимъ законъ писанный. Обычаи, констатируемые тѣми или другими рѣшеніями суда, будутъ покрывать постепенно, подымаясь снизу и до верху, зеленымъ плащемъ плюща и вьющихся растеній легкую, воздушную ажурную постройку писаннаго закона. Чего не додѣлали законъ писанный и обвивающійся вокругъ него обычай, то совершитъ судья, вѣщающій по вдохновенію, то-есть по внушенію добраго сердца, о правдѣ и справедливости. Странно только то, что этому судьѣ необходимо, для удовлетворительнаго исполненія возложенной на него необычайно трудной задачи, возноситься на высоты мышленія, на которыхъ не побывалъ никогда самъ законодатель, а между тѣмъ къ ногамъ его прикрѣпляютъ гири, заставляютъ его справляться съ распространенными въ народѣ вѣрованіями и чувствами, словомъ,—принуждаютъ его ходить по землѣ, смотрѣть въ чужія очки и вращаться въ той средѣ, въ которой отвлеченныя начала правды и справедливости представляются только какими-то совсѣмъ неопредѣленными туманными пятнами. Такихъ началъ собственно въ дѣйствительности и нѣтъ; онѣ всегда спорные выводы изъ данныхъ жизни, а жизнь похожа на взбаломученное море, на невообразимый хаосъ. Требовать отъ судьи, чтобы онъ искалъ правды и справедливости, значитъ на дѣлѣ подсказать ему, чтобы онъ слѣдовалъ за голосомъ сердца и чувства; а сердце и чувство на судѣ—самые дурные проводники. Столь же сильныя возраженія можно сдѣлать противъ идеализаціи народнаго обычая. Въ извѣстный періодъ жизни общества приходится, по неизбѣжной необходимости, фиксировать правоотношеніе, установившееся въ обычаѣ, въ тощей формѣ закона писаннаго, въ которой это правоотношеніе отпечатлѣвается въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало въ одинъ только историческій моментъ

его существованія, и не всѣми, а только нѣкоторыми главными его чертами. Едва миновалъ этотъ моментъ, уже правоотношеніе по обычаю и правоотношеніе по закону писанному разошлись, обычай продолжалъ разростаться бозсознательно, пускать новые вѣтви и корни, а правоотношеніе, въ законъ внесенное, не выходя изъ рамокъ системы, въ которую было поставлено, пополнялось сознательно и мало-по-малу посредствомъ осторожныхъ дедукцій. Судебная практика, при столкновеніи обычая съ закономъ писаннымъ на почвѣ однѣхъ и тѣхъ же правоотношеній, скорѣе рѣшится отсѣкать буйныя вѣтки и корни обычая, нежели допустить, чтобы они проникали внутрь дедуктивно выстроенной логической системы и превращали ее въ груду камней. Вдобавокъ замѣтимъ, что значеніе обычая обратно пропорціонально обширности государства, и что въ обширномъ многомилліонномъ государствѣ нѣтъ почти ни одного общаго обычая, а существуютъ только одни дробные, мѣстные. Дѣлая эти бѣглыя возраженія, я признаю, что постановка вопроса объ обычаѣ въ гражданскомъ кодексѣ, сдѣланная проф. Богишичемъ, заслуживаетъ самаго многосторонняго обсужденія, и что она можетъ найти въ русской публикѣ и весьма горячихъ приверженцевъ. Во всякомъ случаѣ, я полагаю, что всѣ мнѣнія по поводу „Имущественнаго Законника“ сойдутся въ томъ, что полезно было бы имѣть и черногорскій кодексъ въ виду при выработкѣ проекта гражданскаго уложенія для Россіи.

В. Спасовичъ.

МИРАЖИ

Романъ въ четырехъ книгахъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

XIII *).

Бабушкинъ домикъ, въ Залѣсьѣ, окруженъ, во избѣжаніе лишней тѣни и сырости, одними кустарниками да роскошнымъ цвѣтникомъ, составлявшимъ предметъ ея нѣжнѣйшихъ заботъ еще въ то время, когда бабушка въ силахъ была бродить на собственныхъ ногахъ съ маленькой лейкой въ рукахъ и съ пучкомъ тоненькихъ мочалокъ на шеѣ. Ужъ нѣсколько лѣтъ, какъ пришлось отказаться и отъ этого послѣдняго развлеченія; теперь старуха ограничивается тѣмъ, что слѣдитъ ревниво за садовникомъ, передвигаясь за нимъ слѣдомъ въ своемъ огромномъ креслѣ на колесахъ. Она донимаетъ его безконечными старческими придирками, безтолковыми совѣтами и приказаніями, отъ которыхъ сплошь и рядомъ сама отрекается черезъ нѣсколько дней.

Въ одиннадцать часовъ, внукъ ея, Михаилъ Владиміровичъ Голубинъ, пьетъ кофе у нея на открытомъ балконѣ или на стеклянной террасѣ, глядя по погодѣ. Только самыя важныя и неотложныя дѣла могутъ вынудить его „проманкировать“ бабушкинъ завтракъ, но и въ такихъ случаяхъ Голубинъ всегда старается послать вмѣсто себя жену Маню или свою сестру Анну.

На этотъ разъ Мишель явился нѣсколько раньше срока. Изнемогая отъ жара, онъ полѣнился заходить не надолго домой

---

*) См. выше: январь, 105 стр.

и предпочелъ отдохнуть на бабушкиномъ балконѣ. Мишель снялъ фуражку, разстегнулъ китель и разлегся съ наслажденіемъ въ плетеной качалкѣ—вольность, которую можно позволить себѣ только въ отсутствіе хозяйки. Бабушка не допускаетъ неблаговоспитанныхъ позъ и требуетъ, чтобы „молодые люди" сидѣли всегда чинно и прямо, даже и въ томъ случаѣ, если молодому человѣку подъ сорокъ лѣтъ и если онъ съ пяти часовъ утра мыкался по работамъ. Бабушка твердо помнитъ собственное благоговѣйное подчиненіе извѣстному этикету. До сихъ поръ никто изъ близкихъ никогда не видалъ ее непричесанною или неодѣтою; тайны бабушкинаго туалета всегда совершаются при закрытыхъ дверяхъ, глазъ-на-глазъ съ почтенной Настасьей Ивановной, которая всегда щеголяетъ въ темныхъ шерстяныхъ платьяхъ и старомодныхъ мантильяхъ съ барскаго плеча, напоминая собою скорѣе бѣдную чиновницу, нежели бывшую крѣпостную босоногую дѣвку „Настьку".

Раньше одиннадцати часовъ бабушка не появится изъ спальни. Мишель наслаждается полной тишиной, царящей на балконѣ. Даже птицамъ нѣтъ пристанища въ открытомъ цвѣтникѣ; однѣ ласточки гнѣздятся подъ крышей и летаютъ отсюда въ большой садъ на промыселъ. Зато пчелы, шмели и осы собираются сюда со всѣхъ сторонъ и вѣчно вьются надъ благоухающимъ уголкомъ; въ жаркомъ воздухѣ стоитъ слабый, звенящій гулъ ихъ голосовъ. Пахнетъ сильно нарциссами и сиренью. Ужъ и резеда зацвѣтаетъ на ближайшихъ куртинахъ; на левкояхъ наливаются, а мѣстами ужъ и полопались крупные, сочные бутоны. Въ бабушкиномъ цвѣтникѣ все поспѣваетъ гораздо раньше, чѣмъ въ саду, подъ неумѣлымъ присмотромъ жены Мишеля, Мани.

По серединѣ балкона накрытъ чайный столъ. На немъ тоже царитъ щепетильный порядокъ и старомодная щеголеватость, рѣдко доступные молодымъ хозяйствамъ. Прекрасная старинная посуда разставляется въ симметрическомъ порядкѣ, блюда прикрываются хрустальными колпаками и проволочными сѣтками. Только-что сбитое масло является непремѣнно въ видѣ какой-нибудь вычурной фигурки, обложенной зеленью, которая прикрываетъ собою мелкіе кусочки льда; какія-то особенныя сдобныя булочки и прѣсные хлѣбцы—всегда свѣже испеченные; въ пузатомъ серебряномъ молочникѣ—невиданныя сливки; въ аппетитныхъ фарфоровыхъ мисочкахъ—какіе-то необыкновенные сыры и фарши домашняго приготовленія. Круглый столъ почтенныхъ размѣровъ весь сплошь уставленъ блюдцами и тарелочками съ артистически нарѣзанными и тщательно уложенными холод-

ными кушаньями, а въ послѣднюю минуту неизбѣжно появится, тоже вся въ зелени, нагрѣтая фарфоровая курица съ свѣжими яйцами. Всѣ знаютъ, что за столомъ не будетъ никого, кромѣ хозяйки и ея внука, но это не умаляетъ усердія и не искушаетъ хотя разъ приготовить завтракъ кое-какъ, на скорую руку: никому не жаль потраченныхъ трудовъ, зачастую совсѣмъ напрасно.

Мишель привыкъ къ этой обрядности, и она нравится ему. Тамъ, „дома", кипитъ ключомъ животрепещущая, захватывающая жизнь, звенятъ настоятельные дѣтскіе голоса. Тамъ некогда строгать симметрическіе ломтики и укладывать ихъ красивыми грядками. Случается, по нѣскольку дней добиться нельзя порядочныхъ сливокъ, и, что̀ ни дѣлай, невозможно напастись на цѣлый домъ собственнаго сливочнаго масла. Тамъ всякій тащитъ все, что̀ попадетъ подъ руку, и немыслимо класть каждый день такое бѣлоснѣжное бѣлье, когда вѣчно что-нибудь да проливается, валится и разбивается въ проворныхъ дѣтскихъ ручкахъ. Тамъ — говоръ, смѣхъ, плачъ и надо всѣмъ повелительные и озабоченные возгласы „мамы"...

Когда Мишель умается на работахъ, онъ предпочитаетъ быть не тамъ, а на тихомъ бабушкиномъ балконѣ и утолить свой голодъ за ея обильнымъ завтракомъ, среди старыхъ знакомцевъ, живо напоминающихъ ему собственное его дѣтство. Онъ куритъ, покачивается въ креслѣ, и только голодъ мѣшаетъ ему сладко задремать среди благоухающей тишины.

Старичокъ Андрей Ѳомичъ, въ утреннемъ нанковомъ сюртукѣ, беззвучно двигался взадъ и впередъ, продолжая еще охорашивать столъ. Онъ исчезалъ за стеклянной дверью и появлялся опять съ какими-нибудь новыми припасами, съ сосредоточеннымъ лицомъ, проникнутый всецѣло священнодѣйствіемъ барской трапезы. И этотъ серьезный старичокъ, съ его степенными движеніями, былъ въ эту минуту гораздо милѣе Мишелю, чѣмъ собственныя проворныя, молодыя няньки и горничныя, хлопавшія дверьми, гремѣвшія посудой и беззаботно топавшія по всему дому въ вѣчномъ спѣхѣ и переполохѣ. Вотъ Андрей Ѳомичъ принесъ хрустальный подносикъ съ двумя гранеными графинчиками — это означаетъ, что столъ совсѣмъ готовъ. Сію минуту онъ принесетъ спиртовой кофейный приборъ, зажжетъ свѣчу и отставитъ ее на маленькій столъ къ сторонкѣ. Все это Мишель знаетъ напередъ до мельчайшихъ подробностей. Съ довольной улыбкой на сонномъ лицѣ, онъ дождался, пока чиркнула спичка, и тогда потушилъ сигару, поднялся изъ качалки и привелъ въ порядокъ свой туалетъ.

— Все въ порядкѣ, Андрей Ѳомичъ?—подмигнулъ онъ добродушно старику:—хоть бы и самъ покойникъ господинъ фельдмаршалъ пожаловалъ, такъ въ грязь лицомъ не ударили бы?..

— Каждый дѣло свое соблюдать долженъ, сударь. Господскій хлѣбъ жуемъ...

Андрей Ѳомичъ нахмурился и проворно сдернулъ проволочную сѣтку, подъ которую ухитрилась-таки пробраться одна предпріимчивая муха.

— Ишь... зелье!—прошипѣлъ онъ злобно.

Въ одиннадцать часовъ Настасья Ивановна таинственно пріотворила дверь и вполголоса окликнула Андрея. Бабушка появилась, поддерживаемая съ двухъ сторонъ, въ свѣтломъ канаусовомъ капотѣ и въ бѣлоснѣжномъ сплоенномъ чепцѣ.

— Здравствуй, mon cher... спасибо, что не забылъ старуху,—проговорила она свое всегдашнее привѣтствіе, когда внукъ поцѣловалъ ея руку и освѣдомился о здоровьѣ:—Благодать... тепло... Старымъ костямъ легче... Что это? никакъ мы съ Настасьей запоздали сегодня? Ишь ей вздумалось выфрантить меня въ свѣтлую блузу...

Мишель сознался, что не бабушка опоздала, а онъ явился сегодня раньше времени, и извинился кстати, что не успѣлъ перемѣнить своего рабочаго костюма.

— Ну... что̀ дѣлать!.. А, признаться, не люблю этого неряшества Всегда уважала англичанъ за то, что строго порядка держатся, не лѣнятся переодѣться къ столу. Пища—божій даръ. Въ потѣ лица достается человѣку. Надо питать къ этому уваженіе.

Бабушка всегда очень торжественно произносила свое излюбленное поученіе. Очевидно, она прожила свои восемьдесятъ лѣтъ, какъ нельзя болѣе удовлетворенная этимъ единственнымъ, представлявшимся ей, поводомъ доказывать свое уваженіе къ тягчайшей задачѣ человѣческаго рода. Мишель, еще не успѣвшій стряхнуть съ себя рабочей пыли, выслушалъ ее съ почтительнымъ видомъ человѣка, позволившаго себѣ отнестись легкомысленно къ серьезной обязанности. Ему нравились и эти давно извѣстныя, всегда однѣ и тѣ же сентенціи. Отголосокъ иного строя жизни, едва успѣвшаго сойти со сцены, и еще не испустившаго своего послѣдняго вздоха въ лицѣ отдѣльныхъ, запоздалыхъ представителей. По собственнымъ смутнымъ воспоминаніямъ Мишеля, старый строй всегда рисовался ему благообразнымъ, чиннымъ и принаряженнымъ—рядомъ съ суетой и напряженіемъ настоящей минуты.

Бабушкино кресло пододвинули къ столу, и внукъ занялъ свое мѣсто напротивъ нея. Настасья Ивановна тутъ же варила кофе; бабушка любила, чтобы это дѣлалось у нея на глазахъ. Обыкновенно, она сама, дрожащей рукой, подносила спичку къ канфоркѣ и любовалась трепетнымъ синимъ огонькомъ. Андрей Ѳомичъ, почтительно изогнувшись, держалъ передъ нею свѣчу.

Мишель съ тихой лаской разглядывалъ всѣ эти старческія лица. Онъ ихъ и не помнилъ никогда молодыми.

„Старость-то какая длинная!"—подумалось ему невольно. Минутами и ему случалось ужъ ощущать свои тридцать-семь лѣтъ послѣ длинной дороги по отчаянной распутицѣ, послѣ ряда какихъ-нибудь несносныхъ хозяйственныхъ неудачъ, послѣ затянувшагося разлада съ Маней, или пугающихъ дѣтскихъ болѣзней.

— Старъ я становлюсь, должно быть, grand'maman. Признаюсь вамъ, что просто-на-просто полѣнился дойти до дому по такому пеклу. Я славно отдохнулъ зато у васъ — тишина тутъ такая благодатная! Тамъ, увидятъ меня, и сейчасъ облѣпитъ моя саранча...

— Не понимаю, мой другъ. Тоже были молоды, и у насъ дѣти росли, но отъ нихъ никому безпокойства не было... Бывало, къ отцу близко подойти не смѣли, пока самъ не позоветъ... Ничего—росли... Здоровѣй и рѣзвѣй вашихъ были. Вонъ эта, Строева дочка—пищитъ день-деньской, слушать тошно. Я ужъ Настасью посылала сказать, чтобы не водили ее тутъ близко... Точно котенокъ раздавленный... За душу тянетъ.

— Вѣдь дѣти — всегда дѣти, grand'maman! — улыбнулся осторожно Голубинъ.—Разница та, что не вы сами съ ними возились и не вы слушали ихъ крикъ. Существовалъ для этого цѣлый штатъ особенный, да и помѣщенія отдѣльныя. Такъ вѣдь мало ли чего и еще вы на своемъ вѣку не знали и не дѣлывали, но отъ чего намъ ужъ теперь не отвертѣться!.. То было и быльемъ поросло. Зато вѣдь ужъ намъ и не бывать никогда такими вотъ молодцами въ ваши годы.

Бабушка терпѣть не могла, когда другіе упоминали о ея годахъ, хотя бы и въ самомъ лестномъ смыслѣ.

— Совсѣмъ некстати, мой другъ, съ этихъ поръ опускаешься. Какія твои лѣта? Толстѣть началъ—такъ это фамильное, по матери... Противъ этого мѣры принимать надобно... Водами за границей пользуютъ...

— У меня, grand'maman, на за границу денегъ нѣтъ.

— На твое здоровье деньги должны быть. Изъ имѣнья всегда деньги взять можно, когда надобно.

— Какъ же, какъ же—знаемъ! въ карты проигрывали, а потомъ пустоши продавали, да имѣнья закладывали! Ну, а саранча-то моя послѣ съ чѣмъ же останется?

Бабушка окончательно разсердилась и сердито задвигалась въ своемъ креслѣ.

— Сами-то раньше свой вѣкъ доживите... Чтò вы, на смѣхъ точно, одно заладили: „дѣти да дѣти"!.. Выростутъ и дѣти, коли сами живы да здоровы будете... Разсчета у васъ настоящаго нѣтъ... боитесь всего...

Бабушкина ложечка звякала въ ея рукахъ о края чашки, чего она терпѣть не могла и чтò служило вѣрнѣйшимъ признакомъ сильнаго раздраженія.

— Хорошо, grand'maman. Я непремѣнно подумаю объ этой поѣздкѣ!—спохватился увлекшійся Голубинъ.

— Насилу-то одну чашечку откушали... за разговорами,— не вытерпѣла Настасья Ивановна.

Андрей Ѳомичъ тоже исподлобья неодобрительно косился на молодого барина и переминался съ ноги на ногу.

„Экой я дуракъ въ самомъ дѣлѣ!" — пожалѣлъ искренно Мишель, глядя, какъ тряслись сплоенныя оборочки на бабушкиномъ чепцѣ.

— Настасья Ивановна,—попытался-было онъ загладить свою вину:—чтò бы вамъ, голубушка, научить нашу Авдотью приготовлять такой сыръ изъ телячьей печенки? Просто объѣденье! Моя Марья Павловна пробовала разъ, да у нея не вышло ничего.

— Гдѣ ужъ намъ, Михаилъ Владимірычъ, ученыхъ кухарокъ учить!.. Своимъ господамъ угождаемъ, и то слава Богу, — отвѣтила старуха, поджимая губы.

— Жаль, очень жаль!—вздохнулъ Мишель.—Grand'maman, а ваши левкои зацвѣли нынче еще раньше прошлогодняго.

— Не цвѣтутъ еще, пустое.

— Да я-жъ вамъ говорю! Сейчасъ своими глазами видѣлъ совсѣмъ розовыя головки.

— Правда?.. Что-жъ это онъ, прятать отъ меня вздумалъ, что ли... Надо самой поглядѣть...

Бабушка всполошилась и благосклоннѣе взглянула на внука.

— А у тебя цвѣты, mon cher, не важные. Вчера я осматривала—похвастать нечѣмъ.

— Правда, grand'maman, сущая правда!—Увѣряетъ, мошенникъ, что сѣмена попались старыя; пришлось многое второй разъ подсѣвать.

— Его дѣло сѣмена раньше испробовать... Отговорки пустыя... Хозяйкино дѣло вѣ-время присмотрѣть.

— Вѣдь мы, grand'maman, въ городѣ были,—напомнилъ Мишель.

— Знаю, что въ городѣ... Отчего же твое-то хозяйство не стало отъ этого? Не интересуется твоя Марья Павловна, вотъ въ чемъ все и дѣло...

Бабушка была рѣшительно не въ духѣ. Въ такихъ случаяхъ очень рѣдко удавалось смягчить ее.

— Манѣ, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ не до цвѣтовъ, — не утерпѣлъ опять Мишель.

— Не знаю, чѣмъ она такъ занята у тебя. Что ребенка-то кормитъ?.. такъ мало ли у васъ тамъ этихъ нянекъ растрепанныхъ по дому бѣгаетъ... Просто, мой другъ, ни у кого любви къ порядку нѣтъ. Я бы постыдилась на ея мѣстѣ, живя въ деревнѣ, такой ощипанный цвѣтникъ имѣть.

— По настоящему это, всего скорѣе, Аннино дѣло,—придумалъ Мишель:—только вѣдь на барышенъ еще меньше полагаться можно! У Мани ребенокъ заболѣетъ, такъ она весь свѣтъ позабудетъ, а Анну обожатели ея изсушили. Нѣтъ ужъ, grand'maman, придется, видно, мнѣ и цвѣтникъ взять въ свое вѣденіе—тогда ужъ мы съ вами начнемъ нешутя конкуррировать!

— Была бы охота. Только и красавицамъ твоимъ потакать не дѣло... Что ты такое про Анну сказалъ? кто ее изсушилъ?

— Шучу я, grand'maman. Сами же вы ее видите каждый день.

— Дѣвочка славная. Есть въ ней, правда, эта... сантиментальность, а по моему не бѣда, это къ дѣвушкѣ идетъ и мужчинамъ нравится... Твоя жена хоть и красавица, а ей этого недостаетъ... Un cachet romanesque... На это прежде мода была. Теперь всѣ молодыя женщины въ кормилки записались.

Мишель, однакожъ, предпочелъ не вдаваться въ оцѣнку достоинствъ Мани.

— У Анны сердце золотое—вотъ что всего лучше. Еслибъ вы видѣли, сколько она съ этой больной дѣвочкой возится, съ какимъ терпѣніемъ!

— Твоя сестра!—проговорила старуха. Но и для ласки ея лицо не могло уже озариться хотя бы подобіемъ улыбки. Глаза обратились на внука съ тѣмъ же безжизненнымъ, скорбнымъ выраженіемъ.

Мишель поцѣловалъ ея руку и помогъ скатить кресло въ садъ. Здѣсь онъ долженъ былъ снова осмотрѣть съ нею всѣ кур-

тины, хотя солнце палило нещадно, и онъ давнымъ-давно зналъ каждый кустикъ. Въ заключеніе бабушка велѣла срѣзать нѣсколько вѣтокъ резеды и нарцисовъ.

— Своей королевѣ отнеси!—проговорила она, чтобы окончательно примириться съ внукомъ и загладить то, что ему могло быть непріятно въ сегодняшнемъ разговорѣ.

И Мишель понялъ это: съ особеннымъ чувствомъ поцѣловалъ онъ блѣдныя, никогда больше не согрѣвавшіяся, руки бабушки.

XIV.

Возвращаясь домой садомъ, Голубинъ увидѣлъ издали Строева, пробиравшагося дальней аллеей, по обыкновенію съ книгой подъ мышкой. У Мишеля каждый разъ сердце сжималось при видѣ этой одинокой фигуры, точно избѣгавшей людскихъ глазъ. Никогда добровольно Строевъ не присоединялся къ обществу. За обѣдомъ онъ старательно поддерживалъ разговоръ или молчалъ, если не могъ принять въ немъ участія, но никогда ни однимъ словомъ онъ не касался себя, своего прошлаго или будущаго. Мишель понималъ, что самъ долженъ принудить его къ откровенности, если хочетъ, чтобы цѣль приглашенія была достигнута. Стоитъ только расхрабриться и въ одинъ прекрасный день коснуться отважно больного мѣста: заговорить прямо о процессѣ. Но вотъ на этотъ-то первый шагъ у него и не хватало рѣшимости; вмѣсто того онъ всячески ухаживалъ за жильцомъ, на тысячу ладовъ стараясь доказать ему свое вниманіе. Только едва ли не эти усиленныя заботы мѣшали всего больше установиться простымъ пріятельскимъ отношеніямъ.

„Вотъ и отлично! Такъ и быть ужъ, спать вовсе не лягу сегодня, а проведу съ нимъ часокъ, другой...“ —рѣшилъ внезапно Голубинъ, и, чтобы отрѣзать себѣ путь къ отступленію, онъ издали окликнулъ Строева.

— Ну и жара же сегодня! Ты это куда направляешься? въ рощу? Да, тамъ есть чудесныя мѣстечки по рѣкѣ. Повѣришь ли? Я туда за цѣлое лѣто иной разъ вовсе не попаду— некогда! Дѣтишки на какую прогулку силкомъ съ собою затащатъ, такъ и то норовишь кстати покосикъ какой-нибудь взглянуть или лѣсниковъ провѣрить. Кабала настоящая наше сельское хозяйство.

Мишель обмахивалъ платкомъ свою мѣднокрасную шею, пыхтѣлъ и говорилъ тѣмъ особеннымъ, *беззаботнымъ* голосомъ, ка-

кимъ онъ всегда разговаривалъ со Строевымъ. Этимъ голосомъ онъ хотѣлъ показать, что вовсе не думаетъ о его „несчастіи“, — забылъ даже и думать о немъ,—что Строевъ совершенно такой же человѣкъ, какъ и всѣ другіе, такъ же можетъ интересоваться прогулками, хозяйственными разговорами и вообще всѣмъ на свѣтѣ.

— Ты, кажется, отдыхаешь обыкновенно въ это время? — замѣтилъ непроницаемый жилецъ.

— Чего добраго, не заснешь въ эту духоту... Лучше-ка я пройдусь съ тобою къ рѣкѣ, вотъ и выйдетъ прогулка сверхштатная.

Онъ засмѣялся не совсѣмъ кстати.

— Ну... тебѣ, я полагаю, дѣйствительно ужъ не до прогулокъ. Прогулки хороши для дѣтей, для дамъ, да для тѣхъ еще, кому себя дѣвать некуда...

— И для отдыха, надѣюсь?

— Только не кому, кто съ утренней зари на ногахъ!

„Понимаетъ и не желаетъ!“ — резюмировалъ Голубинъ. Онъ продолжалъ, однакожъ, идти къ рощѣ.

— Ты здѣсь ходишь? это дальняя дорога, но зато здѣсь все время тѣнь. Ты, стало быть, проходишь мимо павильона — вотъ что тебѣ непремѣнно слѣдуетъ осмотрѣть когда-нибудь!

— Я былъ въ павильонѣ нѣсколько разъ.

— Не можетъ быть! Какъ же это Анна не сказала мнѣ?

— Чего, собственно?—обернулся рѣзко Строевъ, и мимолетная краска вспыхнула на его лицѣ.

„Обсуждаютъ, комментируютъ между собою каждый шагъ! Бываютъ медвѣди и волчата прирученные, за которыми, тѣмъ не менѣе, всегда слѣдятъ въ оба. У какого это великаго человѣка былъ ручной тигръ? Онъ дорожилъ имъ больше чѣмъ людьми, но однакожъ всегда держалъ на-готовѣ кинжалъ...“

— Анна такъ гордится своимъ павильономъ, что для нея настоящій праздникъ показывать его новому лицу, — отвѣтилъ Голубинъ удачно на его вопросъ, но не на то, что ему слышалось въ голосѣ, въ интонаціяхъ, что онъ читалъ въ минѣ, во взглядахъ окружавшихъ его людей.

— Я теперь возвращаюсь отъ бабушки,—продолжалъ повѣствовать добродушно Мишель:—Вотъ были люди, Сергѣй Михайлычъ,—не намъ чета! Живучесть поразительная. Про Анну она сейчасъ выразилась, что въ ней есть „un cachet romanesque“, на какой была мода въ ея время. Каково?—какъ ты полагаешь, сохранимъ мы до восьмидесяти лѣтъ такія понятія?

— Иной, можетъ, и сохранитъ. Какъ поживется.

— Нѣтъ-съ, братъ, дудки! И знаешь ли, почему? У нихъ надо всѣмъ преобладало чувство жизни, которое мы все болѣе и болѣе утрачиваемъ. Теперь вѣдь только и читаешь, что о самоубійствахъ. Чуть не дѣти убиваютъ себя ни за грошъ! Первая неудача—и человѣкъ ни на что негоденъ. А почему? Ближайшія цѣли весь божій міръ заслонили. Чтò такое наша жизнь? развѣ мы ощущаемъ ее какъ наше единственное неотъемлемое благо?? Ничуть! Мы съ ожесточеніемъ преслѣдуемъ свои жалкія цѣлишки и въ это всѣ свои силы ухлопываемъ. Кому разбогатѣть, кому выгодно жениться, кому чиновъ нахватать. А не дай Богъ, сорвалось что-нибудь, тутъ и конецъ человѣку. Всего же чаще—это просто рабочій хомутъ изъ-за насущнаго куска хлѣба! Хорошую рабочую лошадь, братецъ, не надолго хватаетъ—это мы, хозяева, прекрасно знаемъ; чѣмъ она ретивѣе, тѣмъ скорѣе обращается въ клячу. Такъ-то и люди.

— А прежде какъ было, по твоему?—освѣдомился нѣсколько иронически Строевъ.

— Равновѣсія больше было прежде. Ты посмотри, чтò за біографіи удивительныя! Какихъ только крушеній и приключеній люди не выдерживали, чтò за характеры желѣзные — но зато же какой запасъ неистощимый самаго наивнаго веселья, чисто ребяческой дури! Люди любили жизнь ради самой жизни, какъ бы она ни складывалась. Умѣли наслаждаться ею, тѣшиться, а потому и украшать ее умѣли. Для насъ теперь все это—вздоръ и ребячество; только безъ вздора этого отдохнуть-то вотъ выходитъ и не на чемъ! Возьмемъ пустякъ—охоту. Ну, мыслимъ ли былъ прежде молодой помѣщикъ, какъ я, который ружья въ руки не беретъ?

— Почему же такъ?

— Да чтò, братецъ... устаешь и такъ, какъ собака. Ну, чего ради понесетъ меня какого-то несчастнаго зайчишку перехитрить? Нѣтъ, голубчикъ, подъ эти вещи не поддѣлаешься. И пить не пью—башка трещитъ. Ну, и живу въ семью: саранчу свою развожу да на Марью Павловну любуюсь.

— Самая настоящая жизнь, какъ ты ее понимаешь.

— Одна сторона жизни—но, разумѣется, самая надежная. По крайней мѣрѣ дѣло настоящее дѣлаю: поднятію культуры способствую да здоровыхъ сыновъ отечеству готовлю. Это-то все прекрасно, но только почему-жъ это я давнымъ-давно ужъ живу съ такимъ чувствомъ, какъ будто... моя пѣсня спѣта? все мое назначеніе—блюсти возможно лучше чужіе интересы. Попробовали бы внушить это нашимъ батюшкамъ, да и не въ сорокъ, а въ семьде-

сять годочковъ! Нѣтъ-съ, шалишь! Они до своего послѣдняго вздоха *жили*, а другимъ говорили: жди своей очереди. Бабушка говоритъ: „вы нынче боитесь всего". Ты какъ думаешь, чего же собственно мы боимся?

— За себя хоть сейчасъ отвѣчу: пуще всего на свѣтѣ боюсь прожить столько, какъ твоя бабушка.

— Ну вотъ то-то оно и есть. А бабушка и слышать не хочетъ о смерти.

Они перерѣзали рощу наискось. Даже и въ тѣни было жарко и душно отъ терпкаго аромата зацвѣтавшихъ травъ и разогрѣтой смолы. Птицы молчали. Какой-то одинокій голосъ назойливо скрипѣлъ точно пересохшимъ горломъ: пьютъ... пьютъ... пьютъ... „Дождя проситъ",—говорятъ мужики.—Павильонъ давно остался позади. Скользкая тропа, густо усыпаная красноватой хвоей, спускалась къ рѣкѣ. Всюду, куда только хваталъ глазъ, разбѣгалась во всѣ стороны золотистая колоннада стройныхъ, высокихъ стволовъ; мѣстами молодая кора рдѣла настоящимъ червоннымъ золотомъ. Величавыя темныя кроны сплетались надъ головой полупрозрачнымъ сводомъ, такъ что и солнце ужъ начинало хватать. Смолистый запахъ дѣлался все сильнѣе.

— Каковъ воздухъ, а?..—остановился перевести духъ Голубинъ.—Былъ ты тутъ? ну, я такъ и зналъ, что нѣтъ! Этотъ край весь чистой сосной заросъ. Настоящія строевыя деревья попадаются; весь этотъ берегъ сплошь былъ когда-то подъ лѣсомъ. А помнишь, какъ мы тутъ лисью нору нашли?.. но-о?—да неужто не помнишь?! Здѣсь должно быть близко гдѣ-нибудь. Помню, что въ соснахъ... Еще мы чуть не подрались по этому случаю и до самаго дома неслись взапуски, точно угорѣлые, кто поспѣетъ раньше разсказать старику Акиму. Не помнишь?.. Ты со своими длинными ногами, конечно, опередилъ, и моему отчаянію не было границъ... О!.. я это все помню какъ сейчасъ.

Голубинъ оглядывался по сторонамъ съ тѣмъ особеннымъ возбужденнымъ выраженіемъ, и грустнымъ, и нѣжнымъ, которое вызывается только дѣтскими воспоминаніями.

— А помнишь, какъ вишни таскали изъ сарая черезъ разборную стѣнку, а садовникъ былъ увѣренъ, что это птицы, и каждый день приставалъ къ отцу, чтобы купить проволочную сѣтку? Давнымъ-давно сарай не существуетъ, вишнякъ одичалъ.

Строевъ сидѣлъ на пнѣ и курилъ. Прищурившись, онъ смотрѣлъ куда-то вдаль. Вставали ли въ его душѣ далекія воспоминанія, растрогавшія его товарища,—или въ памяти человѣка, росшаго сиротой, тѣ же подробности складывались иначе, не такъ

ярко и лучезарно? Чтò можетъ быть незатѣйливѣе и бѣднѣе содержаніемъ всѣхъ подобныхъ воспоминаній, если отъ нихъ отнять все озарявшій внутренній свѣтъ только-что разгорающейся жизни? —и чтò сравнится съ этими воспоминаніями въ ту пору, когда волшебный блескъ погасъ и жизнь рисуется въ своемъ истинномъ, холодномъ свѣтѣ?

— Да!—задумчиво улыбался Голубинъ:—проснуться бы въ одно чудное утро десятилѣтнимъ мальчуганомъ и отправиться, засучивъ штаны, ловить раковъ въ такой припекъ, когда даже собаки лежатъ подъ заборомъ, высуня языкъ. И вѣдь какое истинное, чистопробное счастье! Хотѣлъ бы ты?

— Я?—встрепенулся Строевъ.—Я ничего не хочу начинать сначала.

— Не знаю. Мнѣ кажется, именно тебѣ-то этого можно и должно желать... Постой! Не мѣшай мнѣ высказаться, благо я ужъ началъ. Пока жизнь идетъ по разъ заведенному порядку,—что называется, ни шатко, ни валко, ни на сторону—съ нею обязательно примиряешься и дотягиваешь ее, какъ умѣешь. Но если она такъ совершенно выскочитъ изъ колеи, какъ твоя — если человѣкъ упрется въ стѣну и шагнуть ему дальше некуда — тогда что же ему остается, какъ не искать новой дороги? начинать сначала?!

Мишель прислонился спиной къ дереву. Вздрагивавшіе пальцы мяли забытую сигару; глаза съ настойчивымъ и открытымъ выраженіемъ устремлены были въ лицо Строева.

— Оно еще простительно, когда подобныя вещи говоритъ твоя молоденькая сестра,—ну, а тебѣ-то, Михаилъ Владиміровичъ, да еще послѣ всѣхъ собственныхъ пессимистическихъ разсужденій, для чего это понадобилось?

— Ради Бога, ты только не сердись, Сергѣй! не прими за любопытство, за назойливость... Всѣ эти четыре недѣли (ты не замѣтилъ!)—я не нахожу случая, не умѣю вызвать тебя на откровенность... Я... я Богъ знаетъ какъ ждалъ подобной минуты!..

„Для того и завелъ меня подъ эти сосны!“ — подумалъ Строевъ. Онъ всегда замѣчалъ, предугадывалъ, подозрѣвалъ заранѣе въ каждомъ желаніе заглянуть въ его душу и постараться убѣдить его, что ему совсѣмъ не такъ ужъ больно, какъ онъ воображаетъ! Чужое несчастіе мозолитъ глазъ, какъ черное пятно, которое инстинктивно хочется устранить. Онъ это зналъ, и старался относиться къ этому покорно, дѣлая надъ собой усиліе, чтобы понять, чего именно отъ него хотятъ въ данную минуту. Разсѣянный и безстрастный ко всему, онъ одно замѣчалъ и чувствовалъ съ изощ-

ренной чуткостью: малѣйшее стѣсненіе, каждую неискренность, вызванную его присутствіемъ. Онъ зналъ, когда *имъ* бывало неловко, томительно или совѣстно, отъ какого-нибудь нечаяннаго намека. Когда *они* избѣгали печальнаго тона, чтобы „не растравить его ранъ", или не рѣшались быть черезчуръ веселыми, чтобы не показаться безчувственными. Онъ зналъ, когда имъ неловкимъ казалось молчать и опаснымъ заговорить. И странно: это не вызывало въ немъ обыкновенно никакихъ живыхъ ощущеній, а только неизбѣжно бросалось ему въ глаза и лишало покоя.

Онъ нарочно не глядѣлъ на Голубина и все-таки видѣлъ его нервныя движенія, и влажные глаза, и усилія оставаться хладнокровнымъ. Ничто не могло придти къ нему на помощь и прервать этого объясненія среди сосновой рощи, версты за двѣ отъ дому. Строевъ бросилъ на траву шляпу и закурилъ новую папиросу. Его худое лицо съ рѣзкими складками и голымъ черепомъ никогда еще не казалось Мишелю такимъ постарѣвшимъ, какъ среди этой меланхолической обстановки.

— Я давно сознаю, мой милый, что съ моей стороны было непростительнымъ эгоизмомъ воспользоваться твоей добротой,— заговорилъ, наконецъ, жилецъ своимъ беззвучнымъ голосомъ, который онъ напрасно усиливался смягчить:—разумѣется, я рѣшился на это, главнымъ образомъ, въ интересахъ дѣвочки. Не ожидалъ, что съ нею будетъ столько возни твоимъ.

— Не знаю, о какой match возни ты говоришь... Мнѣ прискорбно слышать, что ты уже раскаяваешься!

— Врядъ ли возможно было бы вовсе избѣжать этого, но несомнѣнно однакожъ, что всѣмъ намъ могло бы быть нѣсколько легче, еслибъ ты и твои оказывали намъ поменьше вниманія. Я давно собираюсь сказать тебѣ это: продолжайте, Бога ради, жить вашей беззаботной жизнью, какъ еслибъ меня здѣсь вовсе не было! Я слышалъ, какъ дѣти нѣсколько разъ ужъ спрашивали, почему нынче ни разу не ѣздили обѣдать въ лѣсъ и куда-то къ сосѣдямъ; имъ никто не могъ дать положительнаго отвѣта. Твоя жена, въ особенности, черезъ-чуръ стѣсняется и слишкомъ часто беретъ насъ во вниманіе. Такихъ жильцовъ никому не дай Господи!

Конечно, ужъ не такого оборота желалъ Голубинъ, начиная разговоръ. Онъ пережилъ минуту настоящаго ужаса, когда Строевъ заговорилъ о Манѣ.

— Ты подозрителенъ, Сергѣй, и это вполнѣ естественно. Могу тебя завѣрить, что наша жизнь ни въ чемъ не измѣнилась. Лѣто, слава Богу, только еще начинается. Ты не знаешь, дѣти всегда

съ чѣмъ-нибудь да пристають!.. И въ лѣсъ поѣдемъ, и все будеть—будь только ты...

Онъ запнулся.

— Будь ты счастливѣе, не правда ли?—подсказалъ съ горькимъ сарказмомъ Строевъ:—видишь самъ, что о такихъ вещахъ говорить не слѣдуетъ, такъ онѣ очевидны.

Онъ потянулся за своей шляпой. Сейчасъ встанетъ и уйдетъ—положеніе только ухудшилось. Мишель отдѣлился отъ дерева.

— Я совсѣмъ не объ этомъ хотѣлъ говорить!—протестовалъ онъ съ отчаяніемъ:—Ты какъ будто забываешь или намѣренно не хочешь подумать о томъ, что мы теперь впервые вмѣстѣ, послѣ всего, что̀ случилось. Я читалъ газеты, какъ и всѣ—это правда. Если ты считаешь, что я могу этимъ довольствоваться, тогда... тогда... конечно...

Лицо Строева темнѣло, точно тѣнь какая-то надвигалась на него изнутри.

— Нѣтъ, ужъ отъ этого избавь и себя, и меня!—выговорилъ онъ враждебно:—я могу желать одного—покоя. Тебя могу лишь избавить отъ напрасныхъ тягостныхъ ощущеній. Ничего больше! Прошлое умерло, по крайней мѣрѣ для всѣхъ другихъ, если ужъ я самъ обреченъ влачить его до конца дней моихъ.

— Поэтому именно ты и предъявляешь невыполнимое требованіе! Я не слѣпъ и не могу въ угоду тебѣ превратиться въ посторонняго человѣка, послѣ того, какъ цѣлую жизнь привыкъ видѣть въ тебѣ своего брата. Ты не можешь сдѣлать, чтобы твоя судьба не отражалась вовсе на мнѣ.

„Чего проще: не пріѣзжать только сюда, вотъ и не сдѣлалось бы".—Строевъ стиснулъ зубы, чтобы не выговорить этого. Тяжелое волненіе овладѣвало имъ. Именно ему, этому добрѣйшему, великодушному Мишелю, онъ не могъ позволить заглянуть въ свою душу—всякому чужому скорѣе, чѣмъ ему! Странное, сложное чувство овладѣло имъ внезапно, и онъ не хотѣлъ вникать въ него. Быть можетъ, тутъ играло главную роль его собственное превосходство въ прошломъ и та подчиненная роль, которую разыгрывалъ рядомъ съ нимъ этотъ смиренный Мишель. Трудно уловить, какими отдаленными вліяніями обусловливаются болѣзненныя ощущенія человѣка, пораженнаго безпощадно въ его гордости.

— Я съ того и началъ, что созналъ свою ошибку,—закончилъ Строевъ совсѣмъ уже язвительно и поднялся на ноги. Онъ не могъ не сознавать, что слова его жестоки и неблагодарны, но онъ испытывалъ почти удовольствіе, произнося ихъ.

„Боже, чтò я надѣлалъ! вѣдь это ссора!.. Чтò теперь будетъ?“—проносилось смятенно въ умѣ Мишеля. Онъ не чувствовалъ обиды и не вникалъ въ странность поведенія Строева; онъ думалъ только о томъ, чтò теперь дѣлать и какъ поправить промахъ. Не съумѣлъ! подошелъ слишкомъ внезапно, неуклюже...

Строевъ быстро уходилъ къ рѣкѣ. Голубинъ съ трудомъ поспѣвалъ за нимъ, обливаясь потомъ. И вдругъ въ его памяти промелькнула, какъ живая, картина ихъ далекаго дѣтства. Сколько разъ переживалъ онъ ощущенія, какъ двѣ капли воды похожія на эти, когда, послѣ какой-нибудь деспотической, несправедливой выходки, его кумиръ безъ дальнѣйшихъ объясненій бросалъ его одного, и онъ уныло плелся сзади, обуреваемый горечью незаслуженной обиды, не смѣя догнать его, не смѣя даже самъ съ собою слишкомъ строго осудить его. Черезъ часъ Сережа заговаривалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и онъ съ тѣмъ же великодушіемъ, съ той же беззавѣтной преданностью кидался на его зовъ...

„Все тотъ же!“—подумалъ Голубинъ, и внезапное сходство изгладило изъ его сердца послѣдній слѣдъ личнаго раздраженія. Послѣ рѣзкой выходки, Строевъ въ первый разъ сталъ дѣйствительно близокъ ему. Старыя, родныя черты мелькнули въ отчужденномъ, ушедшемъ въ себя страдальцѣ, къ которому онъ тщетно пытался и не умѣлъ подойти...

Мишель проводилъ Строева до рѣки. Здѣсь онъ нашелъ ему тѣнистое мѣстечко, гдѣ удобно было читать, какъ на превосходномъ диванѣ, на мягкихъ и упругихъ подушкахъ сухого мха. Онъ усадилъ его, сорвалъ даже дубовую вѣтку отъ комаровъ, за которой пришлось отойти далеко въ сторону...

Прямо подъ песчанымъ обрывомъ, подмытымъ водою, рѣка катила свои прохладныя волны и уходила далеко, далеко въ обѣ стороны, синѣя и сверкая на солнцѣ.

— Ну и сиди тутъ... читай!.. Видишь, каково у насъ, въ Залѣсьѣ!—простился Мишель съ мягкой, задумчивой усмѣшкой, относившейся не то къ красивому пейзажу, не то къ его собственнымъ ощущеніямъ.

Онъ хорошо зналъ это тихое, грустное, но вмѣстѣ съ тѣмъ успокоительное ощущеніе непризнанной правоты.

XV.

Весь день Мишеля бывалъ испорченъ, если ему не удавалось выспаться передъ обѣдомъ, а тутъ еще неудачный разго-

воръ со Строевымъ тяжелой заботой легъ на сердце. До сихъ поръ Голубинъ былъ увѣренъ, что труденъ лишь первый шагъ: стòитъ разъ превозмочь нравственную преграду, отдѣляющую страдающаго человѣка отъ всѣхъ остальныхъ людей, дѣлающую его одинокимъ и недоступнымъ, стоитъ побороть собственную несносную робость, и остальное сдѣлается само собой. Не можетъ быть,—думалось ему,—чтобы, выстрадавъ такъ тяжко и стоя въ жизни совсѣмъ одиноко, Строевъ не чувствовалъ потребности въ участіи; а чье же участіе могло быть естественнѣе симпатіи стараго школьнаго товарища? И онъ нашелъ, казалось ему, самый вѣрный путь, самый безошибочный, когда затронулъ примиряющія далекія воспоминанія. Это сдѣлалось само собой, подсказалось любящимъ сердцемъ, и переходъ отъ дѣтской дружбы къ искреннимъ, братскимъ отношеніямъ въ ту минуту былъ такъ легокъ и возможенъ.

Голубинъ не ждалъ полной и безнадежной неудачи. Послѣ несчастной попытки, Строевъ отошелъ отъ него еще дальше. Онъ не чувствовалъ обиды; онъ узналъ въ этомъ самолюбивомъ отпорѣ своего прежняго, гордаго и деспотическаго Сережу; но какъ послѣ этого надѣяться вызвать его на откровенность?..

Попытался-было Мишель соснуть послѣ обѣда, но и это не удалось; Маня пришла за нимъ въ кабинетъ и стала жаловаться сначала на прислугу, потомъ на Шуру Строеву, испортившую все лѣто ея дѣтямъ. Она требуетъ себѣ все, чтò только увидитъ у нихъ! она хочетъ во всемъ участвовать, стѣсняетъ и портитъ всѣ ихъ удовольствія!.. Маня жаловалась на это въ безчисленный разъ Мишель лежалъ, уткнувшись носомъ въ подушку, и молчалъ.

„Несчастный отецъ, несчастный ребенокъ и, при всемъ желаніи, ничего нельзя подѣлать“.

— Ты чтò сегодня такой скучный, а?..—замѣтила, наконецъ, Марья Павловна.

— Не спалъ.

— Да, отчего это ты такъ поздно вернулся? ты развѣ на хуторъ ѣздилъ?

„Разсказать бы ей нашъ разговоръ, — вотъ бы торжествовала!“...

И ему стало еще тоскливѣе отъ сознанія, что его жена обрадуется.

— Мишель, ты на хуторъ ѣздилъ утромъ?—повторила Маня нетерпѣливѣе.

— Не ѣздилъ я... Чортъ знаетъ, чтò за скука! пріѣхалъ бы, что ли, кто-нибудь изъ города, хоть бы въ карты сыграть!

Мишель спустилъ ноги на полъ и сѣлъ, ероша себѣ голову.

— Да, какъ же, пріѣдутъ, жди!

— Ну?

— Кому же ѣхать, коли всѣхъ разогнали?

— Говори, пожалуйста, прямо.

— Удивительно, какъ мужчины ничего не замѣчаютъ!.. Да у насъ скоро ужъ и знакомыхъ-то ни души не останется.

— Чтò ты такое говоришь? Кого разогнали? Анна, навѣрное?..

Въ голосѣ Мишеля зазвучало нетерпѣніе. Въ подобномъ настроеніи онъ бывалъ раздражителенъ, какъ всѣ люди, лишенные иниціативы и потому обреченные страдать пассивно.

— Кто же еще-то? qui fait la pluie et le beau temps!

Мишель пропустилъ колкость жены мимо ушей. Упомянувъ Анну, Маня дала новый оборотъ его мыслямъ, и прежде даже, чѣмъ успѣть подумать что-нибудь, онъ ужъ чувствовалъ, гдѣ слѣдуетъ искать выхода изъ труднаго положенія.

— Ты, какъ водится, ничего не замѣтилъ?—продолжала между тѣмъ свое Маня:—въ послѣдній разъ Орестъ Павловичъ пріѣхалъ милый и веселый, а какъ побылъ въ саду съ Анной Владиміровной—узнать нельзя человѣка... Ну, ты знаешь, когда онъ не въ духѣ? За обѣдомъ выпилъ одинъ полбутылки мадеры и, помнишь, какія вещи онъ началъ говорить Строеву? Самъ же ты насилу унялъ его. Скажи на милость, неужели все это пріятно?

— Выпилъ лишнее и по обыкновенію придирался. Анна-то тутъ при чемъ?

— А ужъ это самъ догадайся — при чемъ! Это становится неприлично, ни болѣе, ни менѣе. Обыкновенно женихъ, получившій отказъ, очень просто сходитъ со сцены; но у Анны всѣ ея обожатели продолжаютъ при ней состоять, потому что она съ ними разстаться не можетъ.

— Маня! Заботинъ—нашъ докторъ, ты забыла это, что ли? Если ты согласишься взять къ дѣтямъ другого, то ужъ не Анна, конечно, будетъ жалѣть объ этомъ.

— Я же должна мѣнять доктора, которому вѣрю, который всѣхъ дѣтей знаетъ отъ рожденія? И все это потому, что Аннѣ нравится, чтобы по ней умирали!

— Убей меня Богъ, если я понимаю, чего ты хочешь!

— Я хочу,—вспыхнула Маня,—имѣть друзей и знакомыхъ для себя, а не зависѣть отъ того, угодно ли будетъ ихъ разозлить, приласкать, раздразнить или прогнать!

— Тебѣ никто не мѣшаетъ заводить друзей,—но только не „друзей дома“, потому что этого я не допущу!

Но Маня ничѣмъ не поощрила игриваго тона.

— Или Ожогинъ несчастный, сколько времени глазъ не кажетъ!... Это, наконецъ, мальчикъ, которымъ грѣхъ играть!.. Я ужъ не говорю о Миллерѣ, о Русовѣ,—твой прошлогодній винтъ!—прибавила Маня насмѣшливо.

— Ну, а сами-то вы, строгая моралистка, какъ поступали вы съ тѣми несчастными, которыхъ сводили съ ума?

Мишель притянулъ къ себѣ ея руку и, улыбаясь, поцѣловалъ ее въ ладонь.

— Я никого съ ума не сводила, — отвѣтила Маня сухо, той, однакожъ, смягченной интонаціей, которой не можетъ не вызвать пріятная тема.

— Да, да, да, какъ же! Всѣ барышни—ангелы, дѣло извѣстное. Вотъ Анна изъ себя ангела не корчитъ, зато въ безнравственныя и попала.

— Анна Владиміровна—загадка, не для нашего жалкаго ума. Желательно было бы, чтобы хоть кто-нибудь разгадалъ ее наконецъ!

„Что съ нею сегодня?“—подивился мысленно Мишель.

Никогда еще Маня не выражала такъ безцеремонно своего раздраженія противъ сестры мужа. Дѣло въ томъ, что она никогда и не ощущала такъ живо, какъ въ послѣдній пріѣздъ интереснаго доктора, насколько жизнь ея могла бы быть пріятнѣе, еслибъ она была единственнымъ свѣтиломъ Залѣсья. Заботинъ настойчиво ухаживалъ за нею, какъ разъ передъ переселеніемъ Анны изъ Петербурга въ семью брата, но тогда она обращала на него мало вниманія. Два года—не малый срокъ въ супружеской жизни. Марья Павловна была бы непрочь теперь, чтобы кто-нибудь напоминалъ ей иногда, что она молодая и очень хорошенькая женщина... Докторъ умѣлъ дѣлать это со своей особенной шутливой манерой, дававшей возможность не придавать этому важности и не поднимать тяжеловѣсныхъ вопросовъ, слишкомъ щекотливыхъ для гордости безупречной супруги. Мужчины считали доктора дерзкимъ,—дамы называли его „смѣлымъ“, и испытывали невинное удовольствіе отъ того оборонительнаго положенія, въ которое онъ ихъ ставилъ. Въ прозаическомъ обиходѣ семейной жизни въ деревнѣ, съ облѣнившимся мужемъ, это какъ будто напоминало Манѣ ея мимолетную юность и блестящіе дѣвическіе успѣхи въ провинціальномъ свѣтѣ. Голубиныхъ считали въ городѣ счастливой парочкой, и только „смѣлый“

докторъ, не стѣсняясь этимъ, волочился за хорошенькой женщиной. Но онъ въ то же время повѣрялъ ей свою страсть къ Аннѣ, —очевидно, стало быть, въ этомъ нельзя видѣть серьезнаго романа, и Маня могла съ спокойной совѣстью позволять цѣловать свои ручки и смѣяться его нашептываніямъ. Однакожъ, чѣмъ больше удовольствія доставляли ей съ нѣкоторыхъ поръ пріѣзды Ореста Павловича, тѣмъ чаще Маня вспоминала, что Аннѣ пора выйти замужъ, и тѣмъ меньше она расположена была покровительствовать по прежнему видамъ доктора на Анну...

— Какъ тебѣ, однако, хочется выдать Анну замужъ!—отвѣтилъ Мишель съ упрекомъ на ея послѣднюю фразу:—Это и безъ того настанетъ скоро. Для меня это будетъ печальный день...

— Можешь не говорить, я и такъ знаю это отлично. Ты любишь Анну больше, чѣмъ меня.

— Маня, Маня!—покачалъ головою съ укоризной мужъ:— будь же разсудительна и оставь это смѣшное соперничество. Я, конечно, не могъ бы любить тебя больше, еслибъ у меня вовсе не было сестры.

Маня молчала. Она знала... то, что знала! Она ревновала не къ сестрѣ, но къ женщинѣ ни въ чемъ не похожей на нее самоё. Мишель любилъ ее, разумѣется, больше сестры, но когда у нихъ возгарался разладъ, когда она заставляла его страдать, добиваясь уступокъ въ тѣхъ послѣднихъ взглядахъ и принципахъ, которыхъ еще не успѣла поглотить семейная жизнь, тогда Мишелъ шелъ къ Аннѣ и находилъ у нея поддержку и одобреніе противъ жены. Но онъ никогда не жаловался ей на Анну, никогда не осуждалъ, не критиковалъ ее. „Анна Владиміровна—внѣ порицаній!"—говорила саркастически Маня. Обществомъ Анны дорожили рѣшительно всѣ—отъ доктора Заботина до столѣтней бабушки. Маня упорно приписывала это ея кокетству и рисовкѣ. Она горѣла злораднымъ нетерпѣніемъ видѣть эту очаровательницу замужемъ, въ неволѣ мелкихъ и прозаическихъ семейныхъ обязанностей. Вотъ какъ-то удастся ей тогда сохранить свой поэтическій ореолъ артистической натуры и непризнанныхъ талантовъ!.. Что̀ станетъ она дѣлать, когда ей придется выбирать между этими бреднями и самыми серьезными обязанностями женщины...

— Надѣюсь, что въ моемъ желаніи выдать Анну замужъ всего больше заботы объ ея счастіи, — проговорила Маня обиженно.—Я разсчитываю, что и мы съ нею тогда сойдемся гораздо ближе. Теперь я черезъ-чуръ глупа для нея—ну, а тогда и ей ужъ поневолѣ придется спуститься на землю, и—какъ знать!—пожалуй еще и мы пригодимся!

— Ты будешь просвѣщать и наставлять ее въ вашей женской премудрости,—усмѣхнулся Голубинъ.—Сознаюсь, довольно трудно вообразить себѣ Анну матерью семейства.

— Это, однакожъ, не слишкомъ лестный комплиментъ для женщины!—подхватила съ торжествомъ Маня.

Мишель не находилъ этого. Такъ давно ужъ и на каждомъ шагу онъ имѣлъ дѣло съ точками зрѣнія спеціально женскими... съ той исключительно семейственной атмосферой, которая пріучила его въ тридцать-семь лѣтъ считать „свою пѣсню спѣтой“ и видѣть въ себѣ не болѣе, какъ „хранителя чужихъ интересовъ“... Было истинной отрадой имѣть около себя существо, исполненное совсѣмъ иныхъ требованій и всегда витающее вдали отъ будничныхъ и меркантильныхъ волненій. Существо, оберегавшее ревниво тѣ идеальные запросы, съ которыми такъ сладко начиналась жизнь. Было горько и вмѣстѣ утѣшительно выслушивать отъ нея, что можно не поступаться этими запросами такъ малодушно. Что можно и должно думать еще о чемъ-то, кромѣ доходовъ съ имѣнія, здоровья дѣтей и расположенія духа красавицы-Мани, что онъ непростительно опускается... Еслибъ Маня слышала подобные разговоры! Хорошо, что она ихъ не слыхала: ея Мишель все равно возвращался къ ней покорный, безсильный выбиться изъ ея власти—власти молодой, красивой жены, съумѣвшей сдѣлать себя необходимой. Да, Мишель возвращался къ ней, но онъ вовсе не желалъ бы, чтобъ Анна сдѣлалась вторымъ подобіемъ его обожаемой Мани—и это не былъ абсурдъ, а лишь одно изъ тѣхъ безчисленныхъ противорѣчій, какими переполнена человѣческая натура, и безъ которыхъ, быть можетъ, намъ было бы еще труднѣе справляться съ сложной жизненной задачей...

— Анна—идеалистка, Маня, и всегда такой останется!—проговорилъ Голубинъ, улыбаясь своимъ мыслямъ.

— Идеалистка!.. Конечно, это очень эффектное слово,—протянула молодая женщина, поджимая губки:—но мнѣ кажется, что, въ переводѣ на обыкновенный языкъ, это значитъ: забывать самое необходимое, не умѣть справиться съ обыкновеннѣйшими вещами, тяготиться самыми простыми обязанностями, etc. etc... Въ концѣ концовъ, небольшія удобства для жизни!

Мишель хохоталъ.

— Нѣтъ, моя прелесть, это означаетъ нѣчто совсѣмъ другое! Но нужно сознаться, однакожъ, что подъ крылышкомъ не идеалистки, а такой жонки, которая всей душой предана однимъ заботамъ о своей семьѣ, цѣлому дому живется много теплѣе и уютнѣе.

Могъ ли онъ не отдать ей должнаго?.. Манѣ пріятно это слышать. Пріятно особенно потому, что не часто такъ прямо признается ея преимущество надъ Анной. Только сказано ли это вполнѣ искренно?.. Она пытливо смотритъ на мужа, и читаетъ въ его лицѣ тотъ отвѣтъ, какой ей нуженъ. Тогда въ ея прозрачныхъ голубыхъ глазахъ появляется выраженіе, котораго Мишель не способенъ видѣть равнодушно: нѣжно-застѣнчивый взглядъ, который рѣдко встрѣтишь въ глазахъ замужней женщины и еще рѣже—во взорѣ собственной жены. Мишель съ жаромъ повторяетъ ей, что она „прелесть", что когда она *такъ* смотритъ, онъ готовъ позволить изжарить себя на сковородкѣ, если ей это можетъ быть пріятно...

Когда дѣти вызвали Маню изъ кабинета, то, еслибъ Мишель припомнилъ только-что происшедшій разговоръ, онъ легко убѣдился бы, что въ немъ все до послѣдняго слова говорилось противъ Анны. Его слабыя возраженія не защищали ее, а своей заключительной фразой, произведшей такой эффектъ, онъ какъ будто закрѣпилъ все своей санкціей. Но Мишель не имѣлъ привычки растравивать себя непріятными мыслями и разыскивать новыя доказательства собственнаго малодушія.

Онъ вслѣдъ за женой вышелъ изъ кабинета въ гораздо лучшемъ настроеніи, чѣмъ былъ весь этотъ день.

XVI.

Безоблачное небо раскинулось ровнымъ голубымъ пологомъ, блѣдное отъ сильнаго зноя. Зыбкое зеленое море замерло недвижно. Даже воздушныя верхушки березъ повисли неподвижными гроздьями и не переливаются на солнцѣ своимъ особеннымъ, струистымъ блескомъ. Все безжизненно и бозмолвно; ни малѣйшій шорохъ не доносится въ круглое окно; глазу не на чемъ остановиться въ этой ровной, выцвѣвшей синевѣ, какъ будто даже утратившей глубину свою.

„Точно почтовая бумага"!—думаетъ Анна, блуждая по небу тоскливымъ взоромъ. Неподвижныя деревья не представляются ей въ эту минуту живыми фигурами, исполненными выраженія, привѣтствующими или угрожающими ей своими движеніями... Они покинули ее, таинственные духи, стерегущіе павильонъ!..

Рѣдко такая совершенная тишина царитъ на Парнасѣ.

Анна одна. Ей не къ чему прислушиваться, кромѣ собственныхъ тревожныхъ мыслей. Привычный гулъ не несется издали,

все ближе, все громче—не врывается въ круглое окно, не увлекаетъ за собою ея думъ въ воздушный хоръ звуковъ, то слабыхъ и едва уловимыхъ, то пронзительно свистящихъ, то грозно рокочущихъ.

„Хоть бы буря! хоть бы гроза!“ — думаетъ Анна. Ей хочется уйти отъ своихъ мыслей; она рада бы отвлечься хоть на время отъ новой, пугающей заботы. Эта забота еще не выросла во весь ростъ, она еще только смутно мелькаетъ впереди, но Анна уже боится ея, угадываетъ чуткимъ сердцемъ... Строевъ все чаще и чаще приходитъ въ павильонъ. Онъ не повторялъ больше своей просьбы, чтобы хозяйка уходила и оставляла его одного съ его уныніемъ. Онъ только не позволяетъ ей бросать занятіе, за которымъ застаетъ ее: сидитъ и смотритъ внимательно, какъ она рисуетъ или лѣпитъ. Они разговариваютъ объ искусствѣ, и нѣтъ темы, которою бы легче было увлечь Анну. Строевъ не скучаетъ, по крайней мѣрѣ видимо старается интересоваться тѣмъ, чтò она говоритъ. Онъ пытается понять основы техническихъ пріемовъ и хочетъ знать исторію искусства; онъ изучаетъ старательно снимки съ извѣстнѣйшихъ шедёвровъ всѣхъ иностранныхъ галерей, которыми переполнены драгоцѣнные альбомы покойнаго Голубина, и въ то же время разспрашиваетъ Анну объ ея петербургскихъ знакомыхъ, объ обычаяхъ и нравахъ артистическихъ кружковъ. Очевидно, Строевъ упорно держится своей мысли, что это тотъ обособленный міръ, гдѣ слѣдуетъ искать забвенія...

Но радость Анны постепенно превращается въ тягостное чувство. Въ усиліяхъ, которыя дѣлаетъ надъ собою этотъ человѣкъ, нѣтъ ни искры истиннаго, живого интереса. Это простое напряженіе воли, холодная работа ума, для которой къ тому же у него нѣтъ ни привычки, ни врожденнаго чутья.

— Что вы сдѣлали вчера?—спрашиваетъ озабоченно Строевъ и подолгу внимательно разглядываетъ.—Бросьте! какой вамъ интересъ?—протестуетъ мягко Анна; но онъ упрямо стоитъ на своемъ и серьезно укоряетъ ее въ недостаткѣ прилежанія.

Строевъ говоритъ также и о себѣ, то-есть его собесѣдница умѣетъ уловить все, относящееся къ нему лично, въ тѣхъ отвлеченныхъ философскихъ разсужденіяхъ и въ жаркихъ диспутахъ, которые, случается, цѣлыми часами не умолкаютъ въ павильонѣ. Здѣсь доминирующая роль принадлежитъ не Аннѣ. Съ жаднымъ интересомъ она пытается заглянуть въ эту омраченную душу, старается уловить слѣды широкихъ честолюбивыхъ замысловъ, какіе приписывались этому человѣку. Она надѣется подслушать хотя случайный отголосокъ прежнихъ блестящихъ успѣховъ, подмѣтить

удовлетворяющее сознаніе собственнаго превосходства, котораго не въ силахъ отнять никакія превратности. Напрасно! Кажется, что онъ позабылъ все, чѣмъ жизнь когда-либо дарила его, что ни одно воспоминаніе не въ силахъ смягчить безпощаднаго удара. Ни однимъ намекомъ Строевъ не упоминаетъ о женѣ; невозможно догадаться—тоскуетъ ли онъ по ней, любитъ ли онъ ее?..

Великодушная задача примирить этого человѣка съ жизнью, овладѣвшая воображеніемъ дѣвушки прежде даже, чѣмъ она узнала его—эта задача все разростается и принимаетъ загадочные, пугающіе размѣры. Минутами Анна думаетъ о ней бодро и радостно. Минутами, какъ теперь, на нее нападаютъ страхъ и уныніе. Она готова лучше отречься и признать смиренно свою несостоятельность.

Но есть роковые шаги, которыхъ мы уже не властны взять назадъ, послѣ того коротенькаго мига, когда намъ однимъ предоставлено рѣшить роковой вопросъ: быть или не быть? Дальше посторонняя сила повлечетъ насъ впередъ. Анна упорно думаетъ все чаще о своемъ безсиліи, хотя у нея передъ глазами самое краснорѣчивое опроверженіе этого. Собственные успѣхи не радуютъ. Оробѣвшая и смущенная, она противъ воли приближается къ исполненію своего недавняго желанія—къ сближенію со Строевымъ, въ которомъ ей мелькнула такъ заманчиво серьезная и достойная цѣль жизни... Сердце молчитъ. Ей негдѣ почерпнуть одушевленія и вѣры. Могучій, неподкупный чародѣй отказывается помочь своей волшебной властью и превратить эту цѣль въ возможную, и желанную, и достойную всѣхъ жертвъ....

Напрасно мечтать одной властью ума и воображенія, одной силой сострадательнаго порыва пробудить въ Строевѣ любовь къ жизни и примирить его съ людьми. Но она хорошо знаетъ за собой другую, несомнѣнную власть, слишкомъ часто испытанную надъ людьми,—не этой ли вѣчной и неизмѣнной власти, власти женскаго очарованія, она обязана быстрыми шагами впередъ?—не оттого ли теперь на душѣ у нея такъ тревожно и тоскливо—такъ страшно?!..

Случается, послѣ длинной, краснорѣчивой рѣчи, въ которой она истощила весь запасъ діалектики и, казалось ей, доказала свою мысль неопровержимо, была такъ остроумна и логична, и находчива—въ такую минуту ей случается неожиданно уловить на лицѣ Строева знакомое выраженіе человѣка, залюбовавшагося прелестной женщиной. Своимъ отвѣтомъ онъ безъ труда, небрежно и разсѣянно, отстраняетъ все, что̀ ей стоило такого усилія. Въ утѣшеніе онъ повторяетъ, что „тѣмъ не менѣе“ только въ па-

вильонѣ онъ живетъ, только здѣсь „вступаетъ опять во владѣніе всѣми своими способностями"...

Ожидала ли Анна этого? Обманывала ли она себя, лицемѣрила ли сама съ собой, когда подробно и любовно обдумывала свою будущую роль, когда ей представлялось такимъ очевиднымъ, что его разбитое сердце умерло на вѣки для страсти, и что одна дружба, только простая человѣческая пріязнь, можетъ постепенно залечить его раны?.. Все представлялось тогда ясно и просто! Постепенно, бережно и терпѣливо она пріучитъ его къ себѣ и доведетъ до полной откровенности. Онъ раскроетъ ей свою душу и при ея помощи разберется въ собственныхъ ощущеніяхъ: увидитъ все, что есть пристрастнаго и преувеличеннаго въ его отчаяніи...

Ничего подобнаго не сбывалось. Анна не рѣшалась вызывать Строева на откровенность. Они упорно держались на почвѣ отвлеченныхъ разсужденій, гдѣ не ей было одержать надъ нимъ верхъ. Но въ его внутреннемъ мірѣ, очевидно, совершается переломъ, вызванный ихъ сближеніемъ. Какіе будутъ результаты?.. куда приведетъ его внезапное пробужденіе къ жизни отъ безстрастной апатіи, почти маніи его прежняго глухого отчаянія?..

„Я не знаю, что̀ будетъ!" — твердитъ Анна тревожно со вчерашняго дня, стараясь не придавать значенія, если можно, забыть вовсе то новое выраженіе глазъ, ту робкую улыбку, съ которой Строевъ смотрѣлъ на нее и слушалъ ея рѣчи...

Анна вскочила со стула и съ досадой оторвалась отъ любимаго ландшафта, гдѣ ничто въ эту минуту не помогало ей избавиться отъ мучительныхъ вопросовъ. На мигъ она остановилась передъ вѣрной подругой своего уединенія—но и по мраморному лицу вѣчно юной богини какъ будто ползла насмѣшливая усмѣшка.

„Что̀, наконецъ, со мною сегодня?.. Это несносно!.. Отъ жары, вѣрно, душно... Хоть бы гроза разразилась!.." —подумала опять Анна. Вдругъ ей показались несносны сверкающіе переливы красокъ надъ головой: „Глупо... точно иллюминація! это должно нервы разстраивать"...

Она поспѣшно принялась задергивать синія шолковыя сторы, которыми можно затянуть весь потолокъ. Онѣ рѣдко бывали въ употребленіи; закрывалась обыкновенно только та часть потолка, гдѣ Анна работала—остальныя окаймляли круглую залу красивыми симметричными фестонами. Не безъ труда Анна привела въ исполненіе свою фантазію; только въ круглое окно продолжали вливаться, какъ будто съ удвоенной силой, потоки свѣта и зноя; Анна и окно закрыла тяжелой гардиной. Мягкій полусвѣтъ наполнилъ комнату. Цвѣтныя стекла слабо сквозили на

синемъ шолку крохотными туманными пятнышками. Бѣлая статуя рисовалась нѣжнѣе и легче въ голубомъ воздухѣ, среди далеко раскинувшихся перистыхъ листьевъ пальмъ.

Анна опустилась въ кресло и нѣсколько минутъ, вполнѣ удовлетворенная, наслаждалась измѣнившейся прелестью круглой комнаты. Ея павильону нѣтъ цѣны и ни у кого, навѣрное, нѣтъ такого очаровательнаго уголка! Со смерти дяди не было ничего лучше этихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, когда она, точно сказочная царевна, заключается въ своемъ терему, и—усмѣхается иронически Анна—вѣдь царевны всегда ждутъ сказочныхъ принцевъ, которые подъ видомъ Иванушки-дурачка являются совершать небывалые подвиги и заслуживать ихъ любовь... Любовь—одна любовь! Любовь—какъ цѣль, какъ мечта, какъ обязанность, какъ высшая награда и высшая опасность! Любовь—точно маской прикрытая разными человѣческими лицами: безпечнаго и вѣчно пьянаго капитана Русова; умнаго и дерзкаго доктора Заботина; честнаго и даровитаго, но безсодержательнаго юноши Ожогина. Неужели же еще и любовь этого послѣдняго, во все извѣрившагося, ко всему безучастнаго, погибшаго!?.. Вѣдь жила же она когда-то, не думая о любви, не слыша о ней отъ всѣхъ и каждаго! Жила, и другіе живутъ, могутъ жить въ томъ завѣтномъ мірѣ, гдѣ у каждаго есть свое дѣло, свое призваніе, своя судьба.. Въ томъ мірѣ, куда ей нѣтъ болѣе доступа, гдѣ у нея нѣтъ своего мѣста...

„Нѣтъ!“ — шепчетъ Анна отчаянно, устремивъ взоръ на Музу, изгнанную съ нею вмѣстѣ изъ ея рая. Пусть бы лучше она никогда не знала его, не понимала прелести той жизни, обаянія тѣхъ людей, интереса и восторговъ ихъ доли!.. Пусть бы не манили ее напрасными надеждами, не отуманивали незаслуженными похвалами, пусть бы лучше ничего этого не было, „пусть бы никогда не было!“—уже рыдаетъ Анна, обхвативъ руками голову, не зная куда ей дѣвать себя въ порывѣ страстной, давно накипавшей тоски. Забралась на Парнасъ, придумала невиданный павильонъ, населила лѣсъ фантастическими существами, научилась вести бесѣды съ вѣтромъ и читать узоры облаковъ, жалкая! жалкая! Никакая фантазія не замѣнитъ истиннаго, неподдѣльнаго таланта, не нуждающагося въ изысканной обстановкѣ, пробивающаго свой путь изъ мрака глухого невѣжества, изъ самой безвыходной нищеты...

Что̀ ей дѣлать? какъ научиться жить такъ, какъ другіе живутъ—какъ Маня, какъ Мишель? Бѣдный, милый Мишель! онъ былъ бы во сто разъ счастливѣе, еслибы она не заставляла его

то-и-дѣло оглядываться на самого себя, не представляла бы ежеминутнаго контраста его красавицѣ Манѣ. Что пользы?! Маня счастлива, и всѣ счастливы вокругъ нея! Нѣтъ ничего надежнѣе и вѣрнѣе рутины и покоя.

Какъ могутъ они называть это счастьемъ?! какъ могутъ не желать ничего другого, довольствоваться этой жизнью, гдѣ сегодня похоже на вчера, и завтра не можетъ быть ничего другого? Вся и разница—было двое ребятъ, когда она пріѣхала, а потомъ трое, четверо, будетъ шестеро, десять можетъ быть! „Жить для другихъ"... Лицо Анны принимаетъ строгое выраженіе. Неужели же Маня больше, чѣмъ она, способна къ самоотверженію и великодушію?

„Да, да!" — усиливается она увѣрить себя, но все ея существо возмущается и протестуетъ. О, почему же тогда она не радуется и не торжествуетъ, когда ея мечта сбывается: Строевъ воскресаетъ на ея глазахъ. „Воскресаетъ!"—повторяетъ Анна съ нѣжностью, но слезы сами собой льются изъ глазъ. Опять ей кажется — надвигается что-то суровое, безотрадное и требуетъ, гнѣвно и властно требуетъ отъ нея того, чего нѣтъ у нея и взять негдѣ... „Любовь!"—шепчетъ она въ ужасѣ и опять срывается съ своего мѣста. Тотъ же призракъ начинаетъ преслѣдовать ее въ голубомъ полумракѣ; тѣ же знакомыя лица выглядываютъ изъ всѣхъ угловъ и допытываютъ, чего же, наконецъ, ей нужно? что̀ воображаетъ она о себѣ??..

Анна дошла до такого волненія, что она громко вскрикнула, когда по каменной лѣстницѣ раздались чьи-то тяжелые шаги. „Онъ! онъ! что̀ дѣлать?"

Въ дверь осторожно постучались.

Она не успѣетъ перебѣжать комнату и поднять гардину—сію минуту Строевъ предстанетъ передъ нею въ этомъ таинственномъ полумракѣ и уже самъ потребуетъ у нея отчета.

— Анна!.. ты не слышишь?..—раздался за дверью голосъ Мишеля.

Дѣвушка съ радостнымъ восклицаніемъ бросилась ему на встрѣчу.

XVII.

— Господи, да у тебя совершенная ночь! ты больна? спала, можетъ быть?..

Голубинъ мигалъ и таращилъ глаза, очутившись послѣ солнечнаго блеска въ голубой полутьмѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не больна. Или да, голова болитъ. Ты какъ это вздумалъ придти?.. угадалъ...

— А что? нужно что-нибудь? ты сама ко мнѣ шла, можетъ быть?..

— Нѣтъ, не шла, ни за что не пришла бы. Но тоска одной! Я... я не совсѣмъ здорова сегодня...

Анна внезапно взяла его руку и поцѣловала.

— Чтò ты, голубка, Богъ съ тобой!..

— Ничего... Ну, пришелъ, такъ садись!

Она, смѣясь, толкнула его на диванъ, такъ что Мишель дѣйствительно сѣлъ. Онъ прислушивался къ странному смѣху, и не могъ разглядѣть хорошенько лица Анны. Оно мелькало передъ нимъ неясное и блѣдное. Такая порывистость также вовсе несвойственна ея стройнымъ движеніямъ.

— Больна, а никому не скажешь—развѣ хорошо это, Аня?

Дѣвушка нетерпѣливо тряхнула головой.

— Отлично у меня такъ, не правда ли? Еслибы не эти пятна несносныя, совсѣмъ точно небо ночное. Да-а! будетъ у насъ дождь когда-нибудь, какъ ты думаешь?

— Охъ ужъ какъ нужно-то!—вздохнулъ Голубинъ съ сокрушеніемъ:—горитъ все... Ты-то, однако, съ чего это про дождь вспомнила?

— Ну, еще бы!—усмѣхнулась Анна насмѣшливо:—вѣдь я овса не сѣю и картошки не сажаю, у меня огурцы не желтѣютъ и разсада не вянетъ!..

— Само собой! празднымъ людямъ всегда нужна хорошая погода. Что ты, однако, такъ нервничаешь сегодня?

— А мнѣ дождь нуженъ... чтобы дорогъ къ моему павильону не стало.

— Что? какихъ дорогъ?

— Никакихъ. Сиди себѣ, медвѣдь!..

— Нѣтъ, чтò ты такое сказала?

— Ну, ну, не хмурься—все равно мимо проѣхало.

Анна опять взяла его руку и начала ласково гладить у себя на колѣняхъ. Мишель никакъ не могъ поймать ея взгляда; темная головка все клонилась внизъ. Нѣжный свѣтъ скользилъ по узенькой дорожкѣ пробора и падалъ на лобъ—на прелестный лобъ, исполненный благородства и мысли. Была какая-то особенная, неуловимая красота въ его чистыхъ, чуть-чуть отклоненныхъ линіяхъ, въ рисункѣ выпуклыхъ бровей и нѣжно сжатыхъ висковъ. Мишель не разбирался въ такихъ тонкостяхъ—онъ просто не могъ удержаться, чтобы не поцѣловать его.

— Ты плакала?—шепнулъ онъ при этомъ.

Анна выпустила его руку.

— Кончилъ ты мою книгу?

— И не начиналъ еще. Анночка, ты плакала?

— Плакала.

— Гм... Знаешь чтò, не поднять ли лучше занавѣски? Не мудрено, что тоска возьметъ: точно въ больницѣ.

— Нѣтъ, не хочу. Сиди себѣ, какая тебѣ тоска?

— Я вижу, что случилось что-то. Ты мнѣ не скажешь, Анна?

— Ничего не случилось. (Анна встала и отошла на другой конецъ комнаты.) Погоди, скажу когда-нибудь.

— Достань мнѣ кстати, пожалуйста, сигару.

Голубинъ не могъ не курить, когда былъ встревоженъ. Это помогало ему думать. Онъ слѣдилъ глазами за дымомъ и такъ же находилъ въ немъ нужныя мысли, какъ его сестра—въ причудливыхъ и мимолетныхъ сочетаніяхъ облаковъ. У Анны всегда хранился запасъ сигаръ, на тотъ случай, если онъ забудетъ свои или неожиданно забредетъ въ павильонъ.

— Анна, ты не слыхала? Сигарочку я просилъ,—напомнилъ снова Мишель.

— Слыхала, да не могу исполнить. Сигаръ больше нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? да когда же я ихъ выкурилъ? Ты шутишь.

— Вовсе не шучу. Выкурилъ.

— Кто выкурилъ?

— Ты.

— Нѣтъ, ужъ извини; я прекрасно помню, что тамъ было еще штукъ шесть или семь.

Анна порывисто перешла изъ своего угла на круглый диванчикъ у ногъ Музы.

— Ну да, правда, господинъ примѣрный хозяинъ! Развѣ обманешь вашъ опытный глазъ! Были сигары. Теперь, все равно, ихъ нѣтъ.

— Странно. Кто же выкурилъ?

— Я.

— Ну, очень просто, ты ихъ потеряла.

— Ха, ха, ха!—да, потеряла!

— Впрочемъ, вздоръ, потерять нельзя.

— Удивительно! тебѣ это не все равно? Я угощала твоими сигарами своихъ гостей и забыла сказать. Я куплю другихъ, если тебѣ жалко.

— Какъ не стыдно! Ты хорошо знаешь, что мнѣ не жалко. Дѣло не въ этомъ.

— А-а! дѣло не въ этомъ!—повторила Анна съ чуть замѣтной горькой ноткой въ голосѣ. Она нѣжно гладила рукой прелестныя мраморныя ножки, попиравшія артистически сдѣланный лавровый вѣнокъ.

Голубинъ то-и-дѣло безпокойно мѣнялъ позы на своемъ диванѣ. Онъ нѣсколько разъ перешарилъ всѣ карманы, не найдется ли чудомъ какимъ несуществующій портсигаръ. Въ павильонѣ Мишель всегда приходилъ въ совсѣмъ особенное настроеніе; здѣсь былъ спросъ на тѣ свойства ума и сердца, которыя мирно дремали въ его обыденной жизни. Любо было по временамъ шевелить это старое, прежнее—но зато больше чѣмъ когда-нибудь онъ нуждался въ сигарѣ и всегда дымилъ безъ всякаго состраданія къ драгоцѣнной обстановкѣ. Къ тому же онъ былъ встревоженъ и чувствовалъ себя еще хуже въ этой странной полутьмѣ, точно таившей въ себѣ что-то недоброе.

— Чего ты все возишься? пересядь въ кресло, коли тебѣ неловко,—замѣтила нетерпѣливо Анна.

— Нѣтъ, все равно.

— Бѣдняжка! безъ сигары изъ-за меня. И послать некого. Ты сердишься?

— Анна, развѣ Строевъ такъ часто бываетъ у тебя?

Она опять вскочила отъ неожиданности такого прямого вопроса. „О, медвѣдь! ну, и тѣмъ лучше!“

— Можешь судить,—выговорила она вслухъ сквозь зубы.

— Ты не исполнила того, о чемъ я просилъ тебя?

— Нѣтъ,—отвѣтила Анна сухо.

У нея было довольно собственныхъ заботъ. Между тѣмъ Мишель всѣ свои надежды возлагалъ на ея посредничество. Дѣйствительно, творилось что-то странное; чѣмъ дольше жилецъ жилъ въ Залѣсьѣ, тѣмъ меньше они походили на старыхъ друзей, а Строевъ — на человѣка, многимъ обязаннаго его семьѣ. Такъ могъ бы держать себя всякій, вчера познакомившійся человѣкъ. За послѣднее время Строевъ измѣнилъ свою тактику; теперь, если нельзя было избѣжать общества хозяина, онъ дѣлался необыкновенно разговорчивъ. Онъ какъ будто боялся малѣйшихъ паузъ въ разговорѣ—точно старался не давать Голубину никакой возможности повторить свою попытку. Всѣ находили, что Строевъ повеселѣлъ и сдѣлался гораздо пріятнѣе. „На человѣка походить сталъ“, выразилась grand'maman. Маня стала благосклоннѣе и меньше тяготилась его присутствіемъ. Строевъ умѣлъ говорить, когда хотѣлъ. Привычка жить въ обществѣ сказывалась безсознательно въ той легкости, съ какою онъ съ каж-

дымъ находилъ темы для разговора и безъ труда переходилъ отъ одной къ другой. Одинъ Мишель чувствовалъ натяжку и видѣлъ, какъ ростетъ бездна между нимъ и внезапно оживившимся собесѣдникомъ.

— Я хотѣлъ бы узнать, наконецъ, что̀ онъ можетъ имѣть противъ меня?—проговорилъ Голубинъ грустно.

— Ничего. Ты все это воображаешь себѣ.

— Нѣтъ, ужъ это я знаю. Еслибы только я могъ ожидать этого...

— А, да! еслибы можно было ожидать!..

Анна подошла и опустилась на старое мѣсто, рядомъ съ братомъ.

— Миша, поговоримъ серьезно.

— Съ радостью, родная,—всегда, ты знаешь!

— Я должна уѣхать.

Она старалась улыбнуться; но теперь онъ ужъ ясно видѣлъ, какъ слезы наполнили ея глаза.

— Уѣхать?!..

— Въ Петербургъ, Мишель... Я не могу больше, совсѣмъ не могу!..

Вотъ оно опять! Когда Анна хандрила, она неизбѣжно заговаривала объ отъѣздѣ и доказывала, что не можетъ примириться съ ихъ жизнью. Каждый разъ брату стоило огромнаго труда успокоить подобную вспышку. Мишель тяжело вздохнулъ передъ знакомой, трудной задачей. Молчаливый вздохъ задѣлъ Анну.

— Мы говоримъ объ этомъ не въ первый разъ, но я была такъ безхарактерна, что каждый разъ уступала твоимъ просьбамъ. Всему есть предѣлъ.

— Ты уступала не просьбамъ, а очевидности, Анна.

— Для меня нѣтъ такой очевидности. Тебя пріучили всего трусить.

— Анна, безполезно повторять опять все сначала! Я не могу отпустить тебя одну въ Петербургъ.

— Я сдѣлаю это когда-нибудь безъ твоего согласія. Мнѣ ничего больше не останется.

Она отодвинулась отъ него на другой конецъ дивана. Слезы рѣдкими, тяжелыми каплями скатывались по ея щекамъ. Что̀ довело ее до такого состоянія?

— Анна, радость моя... что̀ же случилось?!—воскликнулъ Мишель съ испугомъ.

— Ничего, ничего, Мишель! Послушай, посуди самъ—ну, развѣ это жизнь? Сижу я тутъ одна день-деньской и пачкаю картинки,

которыя потомъ рву. Кому это нужно? вонъ цѣлый уголъ хламу всякаго. Мнѣ учиться надо, я хочу достигнуть, наконецъ, чего-нибудь!

— А дальше что̀? — спросилъ Голубинъ съ сожалѣніемъ, какъ спрашиваютъ безнадежныхъ мечтателей, не умѣющихъ разстаться съ дорогими химерами.

— Дальше?—что̀ Богъ дастъ. Можетъ быть, что ты правъ, и у меня нѣтъ никакого таланта. Можетъ быть, дядя, великій Голубинъ, котораго знаетъ весь міръ—онъ ошибался, а мы съ тобой понимаемъ больше. Пусть это правда, но въ ней нужно сначала убѣдиться на дѣлѣ, а не такъ губить меня!

— Губить! Боже мой, да развѣ я... развѣ я что-нибудь понимаю въ этомъ?! Ты сама сколько разъ повторяла это... мучилась! Что же я-то? Я готовъ, пожалуй, переѣхать на зиму въ Петербургъ, коли ужъ это необходимо. Ну его къ чорту, мое хозяйство! Проживемъ какъ-нибудь.

— Ты? въ Петербургъ? Бросить хозяйство, разорять семью? Кто тебѣ это позволитъ?!.

— Не въ позволеніи дѣло, если ты дѣлаешь изъ этого вопросъ жизни.

Мишель крупными шагами ходилъ по комнатѣ. Онъ не въ силахъ былъ дольше сидѣть на мѣстѣ.

— Слова одни! Ты не переѣдешь, не посмѣешь и не долженъ этого дѣлать. Я не допущу.

— Чего же, наконецъ, ты хочешь?!

— Вырваться отсюда—поймешь ты это когда-нибудь?!—крикнула Анна сорвавшимся голосомъ.—Я знаю чего хочу, рвусь къ тому, что̀ испытала и чего не могу забыть!

— Нельзя, Анна, весь вѣкъ жить однѣми фантазіями. Надо когда-нибудь спуститься на землю.

— Да, надо! Я и хочу настоящей жизни, а не безплодныхъ фантазій, какъ теперь. Я только про это и говорю.

Онъ видѣлъ, какъ дрожали ея руки, когда она безсознательно то приглаживала ими свои волосы, то оправляла платье, словно приготовляясь къ чему-то.

— Ты хочешь бросить насъ и вернуться въ Петербургъ? Одна, такая какъ ты, Анна!

— Да, одна, непремѣнно одна.

— Пожалѣй меня!

— Нѣтъ, ты пожалѣй меня. Хуже будетъ, Мишель... хуже. Это я говорю тебѣ! Ты все допрашиваешь, что̀ случилось? Слу-

чится... Я когда-нибудь испорчу себѣ жизнь непоправимо, нелѣпо, и не одной только себѣ испорчу.

Она слышала тяжелое дыханіе Мишеля, видѣла его потерянное лицо.

— Мишель, бѣдный! какая обуза тебѣ! за что? Я совершеннолѣтняя, ты не отвѣчаешь за меня. Предоставь меня моей судьбѣ! Не заставь меня только сдѣлать роковую, непоправимую глупость, въ угоду вамъ!

— Анна! развѣ я когда нибудь уговаривалъ тебя!—понялъ онъ наконецъ, о чемъ она говоритъ.

— Не уговаривалъ, но ничего больше мнѣ не останется, это все равно! Ты не понимаешь, ты не женщина. Ты не знаешь, какъ мы доводимъ себя до безвыходныхъ положеній.

Чтò могъ онъ сказать на это?

Анна тихо плакала, положивъ голову ему на плечо.

— Потомъ, па лѣто, я пріѣду къ тебѣ, довольная, счастливая! Неужели ты не хочешь этого? Чего ты боишься? Ты самъ не знаешь!—шептала она вкрадчиво.

Онъ зналъ. Ему довольно часто внушали это. Стоило заикнуться объ отъѣздѣ Анны въ Петербургъ, чтобы Маня неопровержимо, какъ дважды два четыре, доказала мужу, что его святой долгъ противиться этому всѣмъ своимъ авторитетомъ старшаго брата и ея единственнаго покровителя. Если даже здѣсь, въ семьѣ брата, Анна жила одними романами, и всѣ ихъ знакомые превращались неизбѣжно въ ея обожателей, то что же будетъ тамъ, въ свободной и распущенной средѣ безцеремоннаго артистическаго товарищества?

Легко было женѣ Мишеля доказывать это своему мужу, но не такъ просто ему отвѣтить на вопросъ Анны, чего собственно онъ боится за нее.

— Анночка, помиримся на чемъ-нибудь. Осенью всѣ мы переѣдемъ въ Петербургъ,—такъ и быть ужъ, одну зиму попробуемъ! хорошо?

Анна горько усмѣхнулась и выпустила его изъ своихъ рукъ. Во всемъ, всегда одни малодушные компромиссы! Ни на что другое неспособенъ этотъ человѣкъ, давно потерявшій собственную волю и однимъ только озабоченный: какъ сохранить миръ и спокойствіе въ своемъ нелегкомъ положеніи между двухъ враждебныхъ женщинъ, ему одинаково близкихъ и дорогихъ.

— Хорошо?—повторилъ еще нѣжнѣе Мишель.

— Я вижу, что мнѣ осталось одно—обратиться въ послѣднюю

инстанцію: у Марьи Павловны смиренно просить позволенія распорядиться моей судьбой. Я объ этомъ подумаю.

Мишель поникъ головой.

— Женщину всегда вѣдь можно „какъ нибудь успокоить“, не правда ли?—продолжала безжалостно Анна: -- а потомъ забудется и „какъ-нибудь уладится“. Въ Петербургъ переѣхать всей семьей—это такъ же достижимо, какъ сдѣлать Маню моимъ искреннимъ другомъ, или бабушку—здоровой женщиной. Стало быть, и тревожиться не о чемъ. Правда, безразсудная Анна предупредила тебя, что въ ея теперешнемъ положеніи легко надѣлать глупостей, которыя будешь потомъ оплакивать всю свою жизнь; ну, да не всякое же лыко въ строку! На худой конецъ этому просто можно не повѣрить, чтобы не лишать себя спокойнаго сна.

При послѣднихъ словахъ, Голубинъ поднялъ голову и грустно смотрѣлъ ей въ глаза, пока она говорила, судорожно ломая подвернувшуюся подъ руку вѣтку.

— Сестра, я поступаю какъ умѣю. Не бояться за тебя и не оберегать тебя я не не могу.

Анна отбросила истерзанный листъ и кинулась ему на шею.

— За что я тебя обижаю?!.. чего я отъ тебя-то добиваюсь?! отъ тебя, моего единственнаго милаго! отъ моего дорогого медвѣдя! Знаешь, ты на него бываешь похожъ минутами,—на дядю. Фигурой и еще чѣмъ-то, не знаю. Только двухъ людей я и любила во всю мою жизнь—васъ двоихъ! Отчего я такая бездушная? отчего? Зачѣмъ я не могу влюбиться во всѣхъ моихъ очаровательныхъ претендентовъ заразъ!

Анна разсмѣялась сквозь слезы. Мишель цѣловалъ ея руки.

— Оставимъ пока этотъ вопросъ, Анна. Ты совсѣмъ измучилась, родная: посмотри въ зеркало, чтò за видъ у тебя! Пойдемъ чай пить, пора ужъ, я думаю. Приведи себя въ приличный видъ.

Анна подняла гардину у окна. Таинственный голубой полумракъ разсѣялся. Та же неподвижная картина, только залитая смягченнымъ вечернимъ свѣтомъ, глядѣла въ круглое окно; та же глубокая тишина царила на Парнасѣ. Какъ будто и не разыгралась здѣсь только-что тяжелая сцена—тяжелая по неясности, по неуловимости того зла, которое заставляло литься слезы, искреннія и горькія, которое сжимало тоскою сердца, хоть и не укладывалось въ опредѣленныя и неопровержимыя формулы, передъ которыми люди всегда преклоняются покорно.

Нѣсколько минутъ Анна пристально смотрѣла въ окно.

— Да! уйдемъ отсюда, уйдемъ!—проговорила она, отвернувшись порывисто.

XVIII.

До чая оставалось еще довольно времени. Анна рѣшительно воспротивилась идти такъ рано въ большой домъ и заставила Мишеля прогуливаться взадъ и впередъ по липовой аллеѣ.

„Ждутъ тамъ,—ну, да пусть успокоится хорошенько! Еще замѣтятъ, чего добраго, что плакала, допрашивать примутся",—соображалъ заботливо Мишель, хотя онъ терпѣть не могъ гулять.

Глядя на брата и сестру, какъ они шли подъ руку—похожіе между собою, несмотря на весь контрастъ отяжелѣвшаго и опаленнаго солнцемъ, почти сорокалѣтняго мужчины и поразительно стройной, блѣдной дѣвушки; прислушавшись, какъ Анна, прильнувъ темной головкой къ его плечу, ласково говорила вполголоса, глядя вверхъ, въ его улыбающееся лицо—глядя на нихъ, нельзя ни на мигъ усомниться въ ихъ горячей дружбѣ. Трудно повѣрить, что, можетъ быть, за нѣсколько часовъ до этого или одинъ часъ спустя, когда другая женщина, то шутя, то горячо и запальчиво, то кротко, но настойчиво и систематически отрицаетъ передъ Мишелемъ искренность и правдивость Анны, подозрѣваетъ ея каждый поступокъ, осуждаетъ въ ней все и противодѣйствуетъ всѣмъ ея желаніямъ—трудно повѣрить, что этотъ самый Мишель выслушиваетъ и снисходительно извиняетъ, отмалчивается, а въ иную минуту бываетъ даже вынужденъ выдать головой свою бѣдную сестричку. Невѣроятно, но бываютъ и такіе моменты, когда Анна дѣйствительно представляется ему пустой фантазеркой, влюбленной въ себя одну, намѣренно и бездушно играющей людскими сердцами, ради удовлетворенія своего ненасытнаго тщеславія, — моменты, когда это вдругъ, на одинъ мигъ дѣлается очевиднымъ рядомъ съ кроткимъ и скромнымъ образомъ красавицы Мани, всегда думающей только о другихъ, всегда погруженной въ заботы о семьѣ. Искусно и незамѣтно доведенный до такого состоянія, Мишель никогда потомъ не вспоминаетъ о немъ въ хладнокровныя минуты. И еслибъ кто-нибудь сказалъ ему, что дружба его къ сестрѣ малодушна и ненадежна,—онъ бы принялъ это за кровную обиду и былъ бы при этомъ вполнѣ правдивъ и честенъ.

Немного на свѣтѣ чистопробныхъ сердецъ!

Старая аллея давно потеряла свой поэтическій весенній видъ, приводившій въ восторгъ Анну. Она нависла надъ головой тя-

желой сплошной крышей. Въ ней бывало особенно душно въ такіе тихіе дни.

— Фу! совсѣмъ дышать нечѣмъ!—воскликнулъ Голубинъ, когда они дошли до конца, гдѣ аллея упиралась въ открытую лужайку, ту самую, на которой Заботинъ засталъ однажды Анну ловящею зеленаго жука для маленькой Шуры. Мишель разстегнулъ мягкій воротничокъ сорочки, искусно вышитый Маней, и высвободилъ свою жирную, потную шею.

— Мочи нѣтъ! Будетъ жара такая—ни на кого не посмотрю и начну купаться.

— И не воображай! Заботинъ что̀ тебѣ говорилъ?

— Вретъ онъ много, твой Заботинъ.

— Нѣтъ, ужъ только не мой!

— Кто васъ тамъ разберетъ. Вижу только, что не даромъ онъ всегда подъ дамскимъ покровительствомъ.

„Да, не даромъ!" — подумала и Анна, замѣчавшая съ нѣкоторыхъ поръ, что Маня что-то особенно любезничаетъ съ докторомъ.

Мишель пыхтѣлъ и съ сокрушеніемъ оглядывалъ безоблачный небосклонъ. Хоть бы облачко! Хоть бы туманное пятнышко, на которомъ можно было бы основать свои надежды огорченному хозяину, у котораго горѣлъ овесъ и начинала колоситься преждевременно рожь, а батраки чуть не бунтовали, замученные поливомъ огородовъ. Сгоритъ все—ни овса, ни сѣна!

— Мишель, видишь ты группу на той сторонѣ лужайки? Присмотрись хорошенько. Не правда ли, точно двѣ человѣческія фигуры? Свѣтлая такъ нѣжно прильнула, руки закинуты на плечи; ты видишь?

Мишель посмотрѣлъ съ любопытствомъ не на зеленую группу, а внизъ, въ лицо Анны на своемъ плечѣ.

— Какъ ты это дѣлаешь, скажи на милость? Ты щуришься?

— Ничего я не дѣлаю.

— У тебя скоро настоящія галлюцинаціи начнутся. Навѣрное, это даже для здоровья вредно, — повторилъ онъ одно изъ недавно выслушанныхъ мнѣній Мани.

— А группа кленовъ поодаль—видишь молоденькіе, всѣ ровные, жиденькіе—точно толпа, подкравшаяся тихонько и подслушивающая разговоръ... Посмотри, большая вѣтка лежитъ на травѣ точно мантія.

— Бери карандашъ и рисуй!—замѣтилъ насмѣшливо братъ.

— А ты какъ думаешь? Это вполнѣ возможно! Я не знаю, дѣлаютъ ли такъ художники, но иногда можно схватить такія кра-

сивыя и выразительныя позы, какихъ ни за что не придумать нарочно. Нужно только—малость!—рисовать умѣть,—докончила Анна съ печальнымъ вздохомъ.

— Ну, а теперь пора домой, милая. Посмотри, темнѣетъ уже.

— Рано.

— Анна, вѣдь ждутъ же. Я сказалъ, что посижу у тебя часокъ. Чего добраго, Маня сама придетъ въ павильонъ или дѣтей пришлетъ; гдѣ насъ искать станутъ?

— Подумаютъ, что тебя похитили со мной вмѣстѣ.

— Ну, какъ знаешь, а мнѣ пора...

— Прощай. Я не пойду, я не хочу чай пить.

— Анна!..

— Не могу, не могу, не заставляй меня! Сейчасъ Даша принесетъ мое молоко. Скажи, что хочешь—что я лежу, мигрень. Не хочу никого видѣть сегодня.

Она уже видѣла передъ собою любопытные голубые глаза, слышала голосъ, особенно кроткій, когда Маня хотѣла уязвить и произносила свои колкости подъ видомъ нѣжнаго сожалѣнія. Чего добраго, и Строевъ явится къ чаю на балконную площадку. Голубину не удалось уговорить Анну. Онъ нѣжно поцѣловалъ ее на прощанье.

— Всего лучше, ты теперь почитай что-нибудь,—совѣтовалъ онъ заботливо:—не думай, Бога ради! Книга-то есть ли у тебя? Ты, помнится, жаловалась...

— Есть, есть... Ожогинъ привезъ.

— Да-а, вотъ еще Ожогинъ пропалъ вдругъ! Вы не поссорились?

— Вотъ идея!

— Странно... Сколько времени ужъ не былъ.

— Ахъ, Боже мой... почемъ я знаю? — ну, не былъ... не хочетъ!

Когда, наконецъ, кончится ея отвѣтственность за всѣхъ? Когда до нея не будетъ касаться, что Ожогинъ скрывается, Заботинъ злится, Строевъ оживляется?

„И при всемъ этомъ одна... совсѣмъ одна!" — думала Анна печально. Мишель шелъ домой, все прибавляя шагу, по мѣрѣ того, какъ уходилъ отъ нея. Сейчасъ будетъ дома: дѣти радостно сорвутся съ мѣстъ и кинутся ему на встрѣчу. Маня начнетъ допрашивать, гдѣ пропадалъ, что̀ за причина ея внезапной мигрени (за обѣдомъ здорова была!), но скоро забудется, благо не на глазахъ. Маня развеселится. Начнутся свои семейные разговоры. Мишель отдохнетъ... Зачѣмъ она имъ?

Долго еще Анна сидѣла одна въ аллеѣ, на крайней скамейкѣ. Ей не хотѣлось возвращаться въ безмолвную круглую комнату, гдѣ она прожила такой мучительный день. Она дождалась, пока Даша прошла по лужайкѣ къ павильону, съ жестянымъ молочнымъ кувшиномъ, напѣвая звонкимъ, высокимъ голосомъ. Анна прислушалась:

—„Что ты, Даша, образумься!
Кого любишь, посмотри:
Онъ мальчишка безтолковый,
Нѣту денегъ ни гроша".
—Не прельщай ты, старый чортъ, богатствомъ.
Безъ богатства можно жить.
Любовь грѣетъ вмѣсто печки—
Намъ не нужно и топить.
Мѣсяцъ свѣтитъ вмѣсто свѣчки—
Намъ не нужно и свѣтить...

Опять любовь! всѣ любятъ, кромѣ нея. Даша влюбилась, должно быть, въ смазливаго казачка Строева, съ которымъ она вѣчно хохочетъ во флигелѣ. Анна дала ей пройти, и тогда, нéхотя, поднялась со своей скамейки. Она чувствовала разбитость во всѣхъ членахъ. Утомленная мысль угомонилась и не билась больше мучительно въ мозгу. Только сожалѣніе къ себѣ самой щемило сердце тупой болью. Дѣвушка шла, уронивъ на грудь голову, глядя машинально себѣ подъ ноги.

Вдругъ какая-то фигура мелькнула впереди, у калитки. Не Даша—голосъ ея давно прозвучалъ въ рощѣ и разомъ замеръ; она ужъ дома. „Садовникъ", подумала Анна и пошла скорѣе. Когда она приблизилась, фигура опять точно выросла изъ-подъ земли и распахнула для нея дверку: Строевъ!..

Впрочемъ встрѣча со Строевымъ теперь, когда она больше не думала о немъ, испугала Анну несравненно меньше, чѣмъ нѣсколько часовъ тому назадъ въ павильонѣ.

— Какимъ это образомъ вы здѣсь, Сергѣй Михайловичъ?

Ей удалось сдѣлать этотъ вопросъ почти весело, и это сейчасъ же еще придало спокойствія.

— Мнѣ сказали, что вы больны?—отвѣчалъ Строевъ:—васъ ждали къ чаю.

— Да... у меня голова очень сильно болѣла... я вышла на минуточку освѣжиться.

Анна остановилась у калитки, чтобы не дать ему повода провожать ее черезъ рощу. Зато здѣсь было свѣтлѣе; она чувствовала на себѣ его пытливый взглядъ.

— Я замѣтилъ. Вы за обѣдомъ были очень молчаливы. Я даже подумалъ...

— Что?—сорвалось у Анны необдуманно.

— Что вы недовольны (съ секунду онъ какъ будто ждалъ новаго вопроса): мною,—договорилъ онъ съ видимымъ усиліемъ.

— Съ какой стати?—пробормотала она.

— Я злоупотребляю вашей добротой.

Анна машинально раскачивала калитку, не находя реплики.

— Впрочемъ я вѣдь заранѣе предупреждалъ васъ, что могу только нагнать тоску или заразить своимъ уныніемъ.

Въ его голосѣ зазвучали знакомыя ей мрачныя ноты. Теперь онъ не улыбался, какъ вчера, а поднявъ голову, смотрѣлъ куда-то выше ея головы. И этотъ взглядъ Анна знала, и глухой голосъ. Она была почти рада—такимъ она всегда жалѣетъ его горячѣе, всегда чувствуетъ готовность сдѣлать все, чтобы заставить повѣрить, что онъ не для всѣхъ чужой въ мірѣ.

— Я бы желала знать, изъ чего вы могли замѣтить это?—отвѣтила она мягко.

— Повѣрьте мнѣ—вы черезъ-чуръ добры!

— Развѣ возможно быть доброй черезъ-чуръ?

— Можно: съ тѣмъ, кто не имѣетъ на это никакихъ правъ.

— Право на чужую доброту всегда только одно, мнѣ кажется.

— А именно?

— Страданіе,—договорила Анна съ внезапной рѣшимостью и подняла на него твердый, ясный взоръ. („Не понравилось",—рѣшила она мысленно.)

Строевъ помолчалъ:

— Правá имѣетъ только то страданіе, которому можно помочь. Въ противномъ случаѣ, ничего не можетъ быть безплоднѣе и... безъинтереснѣе.

— Я не думаю, чтобы существовало такое страданіе, которому бы вовсе нельзя было помочь... облегчить—я хочу сказать.

— Вы правы. Я такъ думалъ, что облегчить нельзя; теперь вижу, что я ошибался. Я ошибался!

Онъ весь подался впередъ. Онъ тоже взялся рукой за калитку и остановилъ ее, какъ бы для того, чтобъ Анна лучше вникла въ смыслъ этихъ словъ. Но главный смыслъ былъ не въ самыхъ словахъ, а въ тонѣ страстнаго порыва, какимъ онъ произнесъ ихъ.

— Вы должны были понять это рано или поздно.

Ей казалось, что ничего не могло быть удачнѣе этого отвѣта,

доказывавшаго, что его слова поняты въ самомъ общемъ смыслѣ, а... все остальное вовсе не остановило на себѣ ея вниманія.

— Даже если это и такъ—понять раньше или позднѣе далеко не безразлично.

Анна отдѣлилась отъ забора, желая дать понять, что она уходитъ. Строевъ машинально пошелъ съ нею рядомъ.

— Вы этому не судья. То, что̀ я переживаю теперь — не легче; но я переживаю это, какъ живое существо, а не какъ живой мертвецъ. И это сдѣлала одна ваша доброта.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. увѣряю васъ... нѣтъ!

Строевъ остановился, и она должна была тоже остановиться, чтобы своимъ бѣгствомъ не придать словамъ еще больше значенія.

— Не говорите, Бога ради, о моей добротѣ!

— Почему?—выговорилъ онъ медленно, почти сурово.

— Ну, просто... я не хочу! Прощайте, Сергѣй Михайловичъ, я дала слово брату, что сейчасъ лягу.

Она уходила, не пожавъ ему руки.

— Вы не разсердились на меня?—сказала Анна внезапно, черезъ нѣсколько шаговъ.

— Разсердился ли я на васъ?

— Нѣтъ?.. Прощайте.

Часъ спустя у себя, во флигелѣ, Строевъ писалъ въ толстой тетради, переплетенной въ видѣ книги:

...„Счастливый человѣкъ всегда слѣпъ. Онъ видитъ жизнь такою, какою ему хочется ее видѣть, а себя считаетъ тѣмъ именно, чѣмъ ему нравится. Онъ рѣдко понимаетъ себя и еще рѣже судитъ справедливо другихъ. Разоблаченіе, въ ту или другую сторону, но всегда безпристрастное и безпощадное, совершитъ одно страданіе. Его воспитательное значеніе неизмѣримо важнѣе, чѣмъ весь кодексъ нравственности, который мы обязаны брать готовымъ... вѣдь оно не можетъ быть поддѣльнымъ, какъ сплошь и рядомъ поддѣльно человѣческое счастіе! Страданіе... Мнѣ было тяжело услышать это слово изъ ея устъ... почему? не дико ли это?!..

„Нѣтъ больше связи съ міромъ. Человѣкъ умиравшій, готовившійся къ смерти и неожиданно оставшійся въ живыхъ, долженъ ощущать то же самое. Онъ можетъ быть только зрителемъ. Иныя мысли нельзя забыть, если разъ онѣ пришли въ голову. Нельзя даже пожелать забыть ихъ. Хотѣлъ ли бы я вернуть прошлое? Былъ ли я счастливъ?“

Перо выпало изъ рукъ Строева. Долго сидѣлъ онъ неподвижно, устремивъ взоръ прямо въ огонь лампы. Онъ не находилъ готоваго

отвѣта. Это его удивляло. Еще недавно онъ отвѣтилъ бы на этотъ вопросъ, не задумываясь.

Онъ перевернулъ на-удачу нѣсколько страницъ назадъ:

„Имѣетъ ли человѣкъ право лишить себя жизни? Сколько на свѣтѣ живу—считалъ это постыднымъ малодушіемъ, бѣгствомъ трусливымъ съ своего поста. Считалъ вопросомъ чести выпутаться изъ каждаго положенія. Стоитъ ли готовиться въ жизни такъ долго, такъ трудно, если въ нашихъ рукахъ во всякую минуту сбросить ее какъ бремя?.. Да, *сбросить бремя*—вотъ мои ощущенія теперь. Вопросы чести больше не касаются меня, у котораго отнята честь".

Строевъ опять поднялъ глаза отъ книги.

Онъ, однакожъ, не застрѣлился. Что его удержало? Не дочь. Если онъ и лгалъ прежде, то теперь не можетъ болѣе солгать: Не дочь. Могъ ли онъ что-нибудь еще цѣнить тогда?

Въ памяти возстаютъ всегда готовыя картины: „Подсудимый, вы свободны",—произноситъ торжественно голосъ—изъ тѣхъ голосовъ, съ которыми онъ такъ сроднился за нѣсколько дней, какъ будто цѣлую жизнь онъ слышалъ ихъ однихъ. „Оправданъ! черезъ полчаса для меня все будетъ кончено..." вотъ была первая мысль, желанная, къ которой давно рвались всѣ его помыслы, всѣ надежды, но которую до этой роковой минуты онъ суевѣрно боялся произнести самому себѣ, слишкомъ неувѣренный до конца въ своей судьбѣ. Остался жить! Зачѣмъ?!

Строевъ смотрѣлъ въ огонь. Горькая усмѣшка застыла на его губахъ.

Понадобилось сначала разобраться въ страшномъ хаосѣ—для чего?! Не хотѣлъ доставить новаго торжества врагамъ... Какъ-будто есть враги послѣ смерти! Боялся набросить лишнюю тѣнь на имя, и безъ того уже опозоренное на цѣлый міръ!.. Можно, стало быть, любить жизнь даже въ его тогдашнемъ состояніи?..

Онъ знаетъ, что̀ именно любитъ онъ въ ней теперь—свои мысли. Способность размышлять по новому, какъ онъ не размышлялъ никогда раньше: безстрастно, но съ какимъ-то особеннымъ и все возрастающимъ интересомъ къ самому процессу мышленія. Но тогда въ его умѣ не было вовсе связныхъ мыслей. Былъ только ужасающій хаосъ ощущеній, никогда неиспытанныхъ, никогда не представлявшихся, хотя бы въ видѣ отдаленной возможности. Можно, стало быть, любить даже собственныя страданія?

Слово „страданіе" опять напомнило Анну и то, какъ она произнесла его, глядя мужественно ему въ глаза. „Право на

доброту"—какая дѣтская мысль! Право на чужой кошелекъ для голоднаго—даже и этого-то права не создали еще десятки вѣковъ человѣческой культуры!.. Состраданіе, *страданіе вмѣстѣ*, страданіе за-одно—какая безсмыслица!

Вспомнились слезы, которыя ему случалось видѣть въ глазахъ Анны; но тѣ же слезы выступаютъ на ея глаза и въ минуты восторга или умиленія передъ чѣмъ-нибудь высокимъ, прекраснымъ. Онъ тоже зрѣлище, дѣйствующее на нервы! И все же ей одной онъ обязанъ такой перемѣной,—этой оригинальной дѣвушкѣ, живущей въ идеальномъ мірѣ благородныхъ ббразовъ и высокихъ чувствъ, ей, отзывающейся чутко и умно на каждую перемѣну въ настроеніи, ей, всегда работающей умомъ и живущей нервами. Онъ не полюбилъ жизни—о, конечно, нѣтъ!—но мало-по-малу являлось желаніе приглядѣться къ ней поближе въ новой роли незаинтересованнаго зрителя. Мысль не сосредоточивается, какъ прежде, на роковой катастрофѣ; она проникаетъ дальше, въ то прошлое, которое еще недавно представлялось лучезарнымъ.

„Былъ ли я счастливъ?" спрашиваетъ себя все чаще и чаще Строевъ.

Наступали самыя лучшія, любимыя минуты для его думъ. Все спитъ въ маленькомъ флигелѣ, и безпокойная Шура, и новая старуха-нянька, которую она упорно отказывается полюбить, къ его огорченію. Бойкій Ваня-казачокъ прошмыгнулъ въ свой чуланчикъ, стараясь не попасться на глаза барину, который можетъ спросить, гдѣ онъ пропадалъ такъ поздно. Человѣческіе голоса постепенно затихаютъ въ усадьбѣ. У людскихъ, подъ березками, долго раздавался смѣхъ, говоръ и то заливалась, то затихала гармоника подъ искусными руками кучера Петра. Смутно слышалась какая-то возня, женскій визгъ и чей-то сердитый окрикъ. Потомъ только отдѣльные голоса раздавались то тутъ, то тамъ. Собаки принимались лаять, но тоже лѣниво, только для очистки совѣсти. Тихо. Темная ночь смотритъ изъ сада въ открытую балконную дверь; ароматный воздухъ, еще не успѣвшій остыть послѣ дневного зноя, вливается въ комнату. Кисейныя занавѣски окна чуть-чуть колышутся.

Строевъ то садится къ столу, то выходитъ на балконъ и смотритъ въ садъ, обступившій флигель со всѣхъ сторонъ своими темными массами. Звѣзды разгораются ярче, какъ будто все новыя и новыя выступаютъ на безоблачномъ небѣ.

„Былъ ли я счастливъ?" повторяетъ Строевъ, глядя на звѣзды.

XIX.

Когда Голубины живутъ въ городѣ, Маня каждый день вспоминаетъ свою деревенскую дѣтскую. Огромная комната выходитъ на двѣ стороны большими венеціанскими окнами и занимаетъ всю ширину зданія; въ домѣ нѣтъ другой подобной комнаты. Она залита свѣтомъ. Въ ней всегда царитъ тотъ особенный безпорядокъ, исполненный жизни и движенія, какой возможенъ и терпимъ только въ дѣтскихъ. Ни одинъ стулъ не удержится на своемъ законномъ мѣстѣ: одни, сдвинутые тѣсно въ правильный полукругъ, представляютъ изъ себя укрѣпленіе, а опрокинутые вверхъ ногами на угловомъ кожаномъ диванѣ изображаютъ „цитадель“, вычитанную недавно Володей въ какой-то книгѣ; другіе, поваленные на полъ и накрытые одѣялами, запряжены тройкой тѣхъ же стульевъ-лошадей, и фантастическая кибитка мчится со звономъ колокольчика и усерднымъ притопываніемъ ногъ. Игрушки всѣхъ видовъ, всѣхъ цвѣтовъ и всѣхъ величинъ валяются на полу, на столахъ и на окнахъ. Со шкафа глядитъ большой картонный зàмокъ, со слюдовыми окнами, съ башней и флагомъ, затянутый меланхолическимъ слоемъ пыли. Даже на печкѣ торчатъ, припрятанныя ради безопасности, старыя ружья и сабли. Ящики деревянные, коробки жестяныя или картонныя, круглыя, длинныя, четыреугольныя, отовсюду лѣзутъ въ глаза, попадаются подъ ноги, но никогда рѣшительно не исполняютъ своего прямого назначенія: хранить въ порядкѣ весь этотъ пестрый хламъ.

Дѣтскія кроватки стоятъ растерзанныя, съ одними тиковыми тюфячками; подушки, простыни и одѣяла давно пущены въ дѣло и составляютъ въ эту минуту главный предметъ споровъ. Шура Строева битые полчаса пищитъ и хнычетъ, выпрашивая огромную, безобразную куклу, сдѣланную изъ подушки, одѣтую въ Вавочкино платьице и повязанную шолковымъ шейнымъ платочкомъ. Володя налѣпилъ на нее клочокъ бумаги съ огромными ягодными пятнами вмѣсто румянца и съ двумя чернильными кляксами вмѣсто глазъ; бѣлевая корзина, вытащенная изъ чулана и подвѣшенная на палку между комодомъ и этажеркой, изображаетъ люльку. Дѣти толпятся въ узкомъ пространствѣ, бросивъ на произволъ судьбы цитадель и кибитку. Володя распоряжается деспотически, призванный устроить, „чтобы все было совсѣмъ по настоящему“.

Маша, въ няниномъ темномъ платкѣ, въ передникѣ до полу и съ засученными рукавами, распѣваетъ во весь голосъ: „приди,

котя, ночевать" и топчется на мѣстѣ, убаюкивая ребенка въ половину собственнаго роста; она совершенно такъ же припадаетъ на одну ногу, какъ дѣлаетъ это нянька, укладывая спать маленькую Вавочку. Шура кружится вокругъ нея, повторяя нескончаемое:

— Мнѣ!.. мнѣ надо! Я хочу!.. Мнѣ дай!—и старается поймать куклу за ноги, далеко не надежныя, ибо онѣ скручены Володей изъ носовыхъ платковъ.

— Ди́тя! ди́тя! — лепечетъ Вавочка, переваливаясь на толстыхъ ножкахъ, и пускается внезапно черезъ всю комнату порывистой и скорой походкой маленькихъ дѣтей, недавно научившихся ходить.

На дворѣ идетъ дождь. Няньки отлучились на кухню испить чайку, пользуясь тѣмъ, что дѣти такъ хорошо разыгрались.

— Эй, ты, нянька!—кричитъ повелительно Володя:—ребенка Шурѣ отдай, она будетъ горничная, а сама найди мнѣ что-нибудь подложить сюда: въ головахъ слишкомъ низко.

— Шурѣ? она послѣ не отдастъ. Она и держать не умѣетъ!

— Умѣю! умѣю!!—вопитъ Шура въ восторгѣ.

Маша, со всѣми предосторожностями, передаетъ ребенка ей на руки; она сердится, кричитъ, даже щиплетъ ее за то, что та неровно держитъ — „головка затечетъ". Шура все терпитъ, поглощенная минутнымъ торжествомъ. Распорядительная нянька, послѣ безполезныхъ поисковъ по комнатѣ, отправляется въ комодъ и вытаскиваетъ изъ ящика байковое сестрино одѣяльце.

— Ну! — хмурится Володя: — за это, пожалуй, еще достанется. Ты что̀ думаешь?

— А какъ же быть-то?—ребенку не мучиться, не спавши!—рѣшаетъ важно Маша, вполнѣ вошедшая въ свою роль.

Все идетъ прекрасно. Люлька готова; Володя прикалываетъ Машино кисейное платьице въ видѣ полога и вылѣзаетъ изъ-за комода. Онъ похлопываетъ рукой объ руку и требуетъ себѣ „на чаекъ", за то, что все такъ ловко „уладилъ". Нянька доказываетъ, что онъ и безъ того получаетъ жалованье, употребляя при этомъ тѣ самыя выраженія, какими говоритъ старая Домна.

— Ну, и, значитъ, твои господа — жидоморы! — объявляетъ презрительно Володя.

— Володя! Какъ ты смѣешь такія слова говорить?!

— Да-съ! Скупыхъ господъ всегда называютъ жидоморами.

— Я это мамѣ скажу.

— И говори!

Внезапная стычка благополучно кончается на этомъ. Но главная бѣда впереди—когда нужно получить куклу отъ Шуры,

чтобы торжественно водворить ее въ люлькѣ. Шура чувствуетъ, что ея благополучіе чисто случайное.

— Не отдамъ! не отдамъ!!—кричитъ она отчаянно, прижимая къ себѣ ребенка, такого толстаго, что ея тонкія ручонки обхватываютъ его съ трудомъ.

— Я такъ и знала! Я говорила!!—вопитъ Маша.

Съ крикомъ и плачемъ, обѣ дѣвочки кружатся по комнатѣ, точно разъяренные звѣрьки, готовые вцѣпиться другъ въ друга. Шура со всѣхъ ногъ несется къ кровати, но въ ту же минуту Вавочка пускается ей на-перерѣзъ:

— Дйтя! дйтя!—кричитъ и она сердито, но въ тотъ же мигъ со всего маха хлопается, сидя, на полъ и затѣмъ опрокидывается на спину.

— А-а-а!!!..

На мигъ дѣти останавливаются.

— Она толкнула ее! Шура толкнула!

Шура добѣгаетъ до кровати, быстро запихиваетъ подъ нее куклу и становится въ оборонительную позу, повернувшись лицомъ къ врагамъ.

— Злючка! злючка!—кричитъ Володя...

На эти крики прибѣгаетъ перепуганная Марья Павловна, поднимаетъ Вавочку и покрываетъ ее поцѣлуями. Володя и Маша, перебивая другъ друга, жалуются на Шуру. Чужая дѣвочка стоитъ неподвижно въ своей упрямой позѣ и смотритъ исподлобья сердитыми глазками.

— Ну, вѣчно, вѣчно такъ! Шуру вовсе нельзя приглашать въ гости, потому что она не умѣетъ играть съ дѣтьми! Шура всѣхъ обижаетъ. Стыдно! — говоритъ Маня, сдерживаясь, чтобы не дать воли своему негодованію противъ ребенка, котораго она терпѣть не можетъ.

— Только и тихо, пока ея нѣтъ — прибавляетъ она сквозь зубы.

Маша отправляется къ кровати и безпрепятственно вытаскиваетъ изъ-подъ нея растрепанную куклу. Шура молчитъ въ сознаніи своего полнаго безсилія.

— Ишь вѣдь, вся красная отъ злости! — выговариваетъ враждебно Голубина.

Дѣтская принимаетъ мирный видъ. Маня сидитъ на диванѣ, покачивая на рукахъ затихшую Вавочку; дѣвочка дремлетъ, уткнувшись въ ея грудь горячимъ личикомъ. Старшія дѣти смотрятъ картинки въ толстомъ томѣ какого-то иллюстрированнаго изданія. Спорное сокровище свѣсилось внизъ головой, равнодушно

брошенное на кровать, какъ будто и не лились изъ-за него только-что непритворныя, обидныя слезы. Шура добралась до дивана и усѣлась въ уголку, все такая же красная и хмурая.

Спи, дитя мое, усни—
Сладкій сонъ тебя возьми!

— напѣваетъ нѣжно вполголоса Марья Павловна, лѣниво блуждая глазами по растерзанной комнатѣ. Этотъ безпорядокъ никогда не возмущаетъ ея: дѣти! На то и няньки существуютъ, чтобы прибирать все это до слѣдующаго утра. Въ тѣ дни, когда погода не позволяетъ гулять съ утра до вечера, дѣтская бываетъ въ порядкѣ только ночью.

Маня глядитъ на красивыя, цвѣтущія здоровьемъ головки дѣтей.

— Эта будетъ еще лучше!—думаетъ она радостно, прижимая къ себѣ голубоглазаго херувима, обѣщающаго превратиться современемъ въ ея живой портретъ.

— И добрые—забыли давно! Никогда не дуются.

Она оглянулась черезъ плечо на маленькую гостью. Шура лежала, свернувшись, положивъ голову на валекъ дивана; спитъ. Нянька гдѣ пропала?—рада съ рукъ сбыть!

Няньки явились обѣ разомъ и принялись увѣрять, что все время тутъ были и сію лишь минуточку отлучились.

— Да чтой-то, никакъ моя заснула? вотъ чудо-то! Угомону вѣдь на нее нѣту, сударыня, день-деньской. У пятерыхъ дѣтей живала, такъ не уставала, какъ съ этой одной!—жаловалась нянька, привезенная недавно изъ города.

— Больная она,—замѣчаетъ Марья Павловна неопредѣленно.

— Характерная больно, никакъ не сообразить. А ужъ дома ничѣмъ не удержать—съ ранняго утра все сюда рвется. Уснула, такъ лучше домой отнести. Неравно дѣти закричатъ, испугается не съ привычки.

— Я не хочу домой!—отозвалась неожиданно Шура.

— Какъ! ты все время не спала? съ закрытыми глазками лежала?—удивилась Голубина.

Шура открыла глаза и помигала на свѣтъ.

— Больно...

— Да чтой-то она, сударыня, красная какая? съ роду румянца у нея не бываетъ.

Марья Павловна, не вставая, пододвинулась по дивану къ Шурѣ и положила руку на ея голову.

— Жаръ и есть!—вскрикнула она испуганно:—только этого еще недоставало!

Маня всполошилась. Пожалуй эта дѣвочка разболѣлась и заразила ея дѣтей! Сонную Вавочку поспѣшно унесли въ спальню, старшихъ дѣтей отослали въ столовую, а въ дѣтской открыли всѣ окна. Шуру укутали съ головой въ пледъ и подъ зонтикомъ перетащили во флигель, не обращая вниманія на ея сопротивленіе.

„Это безуміе — поселить въ домѣ чужого ребенка, когда свои малъ-мала меньше!.. Что̀ это можетъ быть? Лицо красное...“ Марья Павловна послала во флигель градусникъ и всѣ лекарства, какія могли быть полезны, по ея соображеніямъ, съ строжайшимъ приказаніемъ ни подъ какимъ видомъ не являться никому въ большой домъ. Шура, огорченная изгнаніемъ изъ веселой Голубинской дѣтской, бушевала и не подпускала къ себѣ ненавистную няньку.

— Даша!.. Да-а-шу хочу!.. Позовите Да-ашу!..—кричала она охрипшимъ голосомъ, пока, наконецъ, были вынуждены исполнить ея требованіе.

Строевъ приходилъ въ дѣтскую, останавливался на порогѣ и созерцалъ безпомощно происходившую здѣсь возню. Наконецъ, и отъ него потребовали, чтобы онъ помогъ держать Шуру, пока ей будутъ насильно вливать въ горло лекарство. Онъ закрылъ глаза и отвернулся, стараясь только не выпустить изъ рукъ ея головы. Но тутъ произошло слѣдующее: цѣлая ложка масла и чашка чая съ вареньемъ однимъ общимъ фонтаномъ хлынули обратно изо рта дѣвочки, прямо въ лицо Даши, стоявшей на колѣняхъ... Строевъ вскочилъ, бро̀силъ ребенка кому-то на руки и выбѣжалъ изъ дѣтской.

— Брр!.. Нужно родиться женщиной, чтобы выносить безъ отвращенія подобные эксперименты!..

Между тѣмъ Мишель едва успѣлъ войти въ комнату, какъ Маня приступила къ нему съ требованіемъ послать немедленно въ городъ за докторомъ. Но солиднаго хозяина, да еще прямо съ покоса, не такъ-то легко вовлечь въ водоворотъ женскаго переполоха. Голубинъ резонно доказывалъ, что лучше дождаться парохода, чѣмъ гонять лошадей въ городъ, для того, чтобы выиграть всего нѣсколько часовъ времени. Крайности никакой нѣтъ, навѣрное домашнія средства помогутъ, и Шура будетъ завтра здорова. Марья Павловна уступила, скрѣпя сердце. Но къ вечеру Шурѣ сдѣлалось не лучше, а хуже. Какъ только Маня узнала, что дѣвочка хрипитъ и кашляетъ, она пришла уже въ настоящее отчаяніе. Черезъ полчаса экипажъ выѣхалъ въ городъ.

Въ Залѣсьѣ пережили безпокойную ночь. Маня нѣсколько разъ вставала и отправлялась въ дѣтскую посмотрѣть, какъ спятъ

дѣти; Вавочка металась и не хотѣла брать во вниманіе комаровъ, хоть нянька клялась, что они всѣ отъ дождя забились въ горницы.

Мишель беззаботно храпѣлъ. Переворачиваясь съ боку на бокъ, онъ смутно видѣлъ зажженную свѣчу и бѣлую фигуру жены, проскальзывающую беззвучно въ дверь.

— Ммм... не спишь?.. поздно...—бормоталъ онъ почти безсознательно...

— Если окажется, что это скарлатина, я въ ту же минуту забираю всѣхъ дѣтей и перебираюсь на хуторъ!..—объявила Маня дрожащимъ голосомъ въ четыре часа утра, когда у него уже мелькало сознаніе, что теперь не дурно бы встать и убѣдиться самолично, всѣ ли его приказанія исполняются въ точности.

— Что-о?.. скарлатина—у кого?..

Мишель вскочилъ и моргалъ глазами, въ которыхъ мелькали цвѣтныя рубахи и отсвѣчивающія на солнцѣ косы.

— У кого!.. у кого!.. спи ужъ лучше...—и Маня, со слезами, упала лицомъ въ подушки...

Когда утромъ Строевъ пришелъ къ дочери, онъ засталъ у нея Анну. Она сбивала въ стаканѣ яичный желтокъ съ сахаромъ, отъ кашля.

— Бредила всю ночь. Кашляетъ. Температура почти сорокъ градусовъ,—печально объявила она, не подавая занятыхъ рукъ.

— Хуже, стало быть?

— Не знаю, не лучше. Скоро докторъ пріѣдетъ.

— Я слышалъ, что Марья Павловна очень безпокоится за дѣтей. Зачѣмъ вы сюда пришли, Анна Владиміровна?

— Какъ!..

Анна посмотрѣла на него и улыбнулась одними глазами.

— Богъ милостивъ... Я думаю, что это корь. Я помню, у Володи была.

— А если хуже... скарлатина? оспа?

— Вотъ еще? откуда здѣсь, въ деревнѣ!

— А корь откуда? дѣло простой случайности...

Шура кашляла. Анна дала ей пить, переложила ее на другой бокъ, поправила подушку. Все время она говорила какія-то ласковыя, незначащія слова особеннымъ, нѣжно-веселымъ голосомъ. Строевъ съ любопытствомъ наблюдалъ, какъ она распоряжалась, точно у себя дома: что-то искала и сейчасъ же находила въ чужихъ комодахъ, намачивала какія-то тряпочки, что-то перевязала.

Откуда у нея это умѣнье? Ему ни разу не пришло въ голову, что, въ сущности, это его обязанность. Онъ погибалъ отъ тоски. Онъ, что называется, палецъ о палецъ не ударялъ цѣлыми недѣлями, мѣсяцами, но *это* не могло быть его обязанностью: эти безформенныя, безъимянныя дѣла, безъ которыхъ, однакожъ, ни одно живое существо не можетъ прожить ни одного божьяго дня.

Анна мелькомъ взглядывала на него.

— Чего вы тутъ стоите, Сергѣй Михайловичъ? Идите себѣ.

— Я вамъ мѣшаю?

— Напрасное мученье. Я все равно не уйду.

Въ лицѣ Анны было совсѣмъ новое серьезное и чуткое оживленіе; движенія были особенно легки и точны. Она была въ рѣдкомъ, но своемъ любимомъ настроеніи—когда живое дѣло, не допускающее сомнѣній, поглощаетъ всѣ силы. Она съ раскаяніемъ вспоминала, что въ послѣднее время забросила бѣдненькую Шуру, избѣгая встрѣчъ съ отцомъ. Простудили навѣрное!.. Съ жгучимъ состраданіемъ думала она о Строевѣ. Чтò долженъ онъ испытывать въ эти минуты?..

— Ступайте вы, право!—подошла она къ нему ласково, когда Шура затихла.

— Куда?

Да, конечно, его мѣсто здѣсь, при всей его безпомощности мужчины, умѣющаго исполнять только умныя, мужскія дѣла. Анна не сомнѣвалась, что онъ думалъ объ одной Шурѣ, когда слѣдилъ напряженно за ея каждымъ движеніемъ. Онъ хочетъ проникнуть, угадать ея настоящее мнѣніе о внезапной болѣзни. Хотѣлось утѣшить его, но она сама ничего не знала; она посмотрѣла на него влажными глазами и сказала растроганнымъ голосомъ:

— Да! это ужасно, имѣть въ жизни только одну отраду и вѣчно трепетать за нее!.. Дѣти такъ часто болѣютъ.

Отраду? Дочь никогда не была его отрадой—была лишь заботой, тревожной и тягостной по той пассивной роли, какую онъ игралъ въ ея дѣтской жизни. Эта жизнь слагалась всецѣло изъ вещей, не подлежащихъ его вѣденію и, казалось, недоступныхъ его пониманію. Онъ заботился только о томъ, чтобы около нея всегда было компетентное лицо и готовъ былъ не жалѣть для этого ни хлопотъ, ни денегъ. Неудачный выборъ нѣмки лишилъ его и этого спокойствія.

— Какъ только она поправится, я поѣду въ Петербургъ и

привезу бонну. Нянька можетъ оставаться; я убѣждаюсь, что одна не можетъ доглядѣть за нею.

— За однимъ ребенкомъ?

— Что вы хотите!—вѣчно или простудятъ или обкормятъ. Я хочу, чтобы... чтобы кончилась, наконецъ, эта вѣчная забота для васъ.

— Вы этого хотите? Я могу исполнить ваше желаніе; для этого не нужно тащить сюда бонну.

— Тогда это будетъ въ ущербъ ребенку; какое право я имѣю лишать ее вашего великодушія? Она еще такъ мала, что для нея ничто не можетъ замѣнить женской ласки.

— Вы собираетесь замѣнить ее бонной.

— Анна Владиміровна, что же мнѣ остается сдѣлать?! Я не привыкъ—вѣрнѣе, отвыкъ отъ благодѣяній.

— Сергѣй Михайловичъ!—воскликнула Анна съ негодованіемъ.

— Это такъ,—проговорилъ онъ твердо:—одно ваше присутствіе здѣсь уже даетъ мнѣ душевное спокойствіе.

„Чего мнѣ надо больше?"—думала Анна, и какая-то покорная, тихая грусть охватывала ей душу.

Она молчала такъ долго, что Строевъ спросилъ, не разсердилъ ли онъ ее.

— Напротивъ, я хотѣла бы только дѣйствительно заслуживать то, что̀ вы говорите,—отвѣтила дѣвушка грустно.

Вошла нянька, и Анна отошла сдѣлать какія-то распоряженія. Шура расплакалась, и она долго утѣшала ее, стоя на колѣняхъ около кроватки. Строевъ все не уходилъ изъ дѣтской; онъ присѣлъ у окна, къ столу, заваленному игрушками. Два года онъ былъ женатымъ человѣкомъ, но никогда подобныя картины не трогали его, какъ теперь. Какъ происходило это тогда у нихъ?..

Роковая катастрофа легла бездной между нимъ и его прошлымъ. Въ послѣднее время, когда его мысль все чаще и чаще перелетала за роковой рубежъ, передъ нимъ проносилось какъ будто не его собственное, а какое-то постороннее существованіе, и въ этомъ существованіи ничто, быть можетъ, не было ему въ такой мѣрѣ чуждо, какъ недолгая общая жизнь съ женщиной, которую онъ добровольно избралъ своей женой. Только мертвую или въ ужасныхъ, предсмертныхъ мукахъ онъ помнилъ ее отчетливо: невѣста, жена, молодая мать припоминалась съ усиліемъ, какъ то, что̀ проходитъ, не задѣвая глубоко нашего сердца.

Глядя на Анну и думая о своей умершей женѣ, Строевъ

впервые созналъ вполнѣ ясно, что новый оборотъ его мыслей не былъ случайнымъ: онъ долженъ покончить разъ навсегда со своимъ прошлымъ, долженъ пережить его вновь въ своемъ сознаніи не такъ, какъ переживалъ въ дѣйствительности,—съ легкимъ сердцемъ счастливаго человѣка, поддающагося минутнымъ влеченіямъ и страстно преслѣдующаго ближайшія цѣли. Онъ долженъ теперь развернуть эту жизнь передъ безпристрастнымъ и неподкупнымъ судьей, просыпавшимся въ его сердцѣ и грозившимъ перевернуть по своему весь его внутренній міръ. Первый шагъ на этомъ пути, еще неясный и отдаленный, не былъ ли сдѣланъ въ тотъ день, когда въ павильонѣ Анны ему впервые предстала вся отрада и все могущество міра духовнаго, міра мысли, которому онъ удѣлялъ такъ мало мѣста въ погонѣ за внѣшними житейскими преимуществами?

Не это ли былъ „свободный, обособленный міръ", представшій ему въ плѣнительномъ образѣ искусства и на порогѣ котораго улыбалась сострадательно и ободряюще прелестная черноволосая дѣвушка?...

Новая, неумолимая власть, передъ которой онъ безсиленъ, требуетъ, чтобы онъ свелъ честно свои счеты съ прошлымъ, прежде чѣмъ позволитъ себѣ оформить хотя одно желаніе, хотя одну надежду на будущее.

Развѣ у него есть будущее? развѣ у него уже есть желанія?... есть надежды?!

XX.

Докторъ Заботинъ засталъ Маню въ слезахъ, а самого Голубина не на работахъ, несмотря на прекрасное сѣренькое утро. Мишель сидѣлъ на балконѣ и курилъ одну сигару за другой, въ отвратительномъ состояніи страха отраженнаго и не имѣющаго поэтому поглощающей власти непосредственнаго чувства. Маленькая Вавочка заболѣла. Самъ по себѣ, Мишель склоненъ былъ думать, что это совсѣмъ неважно, легонькая простуда,—но жена, потерявшая голову и не перестававшая твердить о скарлатинѣ, дифтеритѣ и прочихъ ужасахъ, заразила, наконецъ, и его своимъ страхомъ. Онъ остался дома, безъ всякой пользы для кого бы то ни было, и время тянулось убійственно медленно. Мишель то думалъ о своихъ косцахъ, предоставленныхъ на собственную ихъ волю, и подъ вліяніемъ этого находилъ, что нѣтъ худшаго совѣтчика, чѣмъ страхъ (въ теченіе немногихъ часовъ Маня перепробовала всѣ лекарства, имѣвшіяся въ ея аптечкѣ),—то онъ уко-

рялъ себя въ легкомысліи и признавалъ, въ самомъ дѣлѣ, зловѣщей внезапную болѣзнь Шуры, которой становилось все хуже.

— Вижу ужъ, вижу, что ни одной здравомыслящей головы на плечахъ не осталось!—шутилъ докторъ, давно успѣвшій изучить характеръ своихъ паціентовъ:—Ну, что? никто не умеръ, я надѣюсь? Да вы постойте, прелестнѣйшая Марья Павловна, не увлекайте меня столь стремительно! да скажите сначала все ладненько и толковенько, отъ Адама начиная, само собой разумѣется.

Докторъ присѣлъ на балконѣ, не взирая на всѣ порыванія Мани, и, все такъ же пошучивая, выслушалъ ея картинное повѣствованіе о томъ, какъ Шура „внезапно свалилась въ жесточайшемъ жару", а ея собственная крошка металась и плакала цѣлую ночь.

— Гм... гм... жаръ?.. и никакія ваши магическія средства не помогли. Да, да да! а еще-то что же? Кашель? Хрипитъ? Ну, можетъ, хрипитъ-то отъ крика,—она вѣдь плакса большая?

— Нѣтъ, я говорю вамъ, что она ужасна!!

— Но вѣдь вы вовсе не видали ея? Стало-быть это Анна Владиміровна проводитъ дни во флигелѣ? Прекрасная практика, пригодится когда-нибудь. Ну, а вы, Михаилъ Владиміровичъ, чего же здѣсь время драгоцѣнное тратите? да неужто тоже со страху?... Не гнѣвайте вы Бога, господá! Неровенъ часъ, приключится что-нибудь серьезное, тогда вѣдь ужъ вамъ только лечь да умереть и останется.

— Да я и не переживу, если она умретъ, такъ и знайте!!—объявила Маня и тутъ же расплакалась отъ рокового слова, сорвавшагося неожиданно съ языка.

— Поздравляю!—до смерти договорились! Пойдемте ужъ лучше скорѣе, убѣдитесь во-очію въ вашемъ постыднѣйшемъ малодушіи, сударыня!

Но, конечно, докторъ ни въ чемъ не могъ убѣдиться на второй день болѣзни. Онъ тѣмъ не менѣе увѣрялъ, что нѣтъ ничего серьезнаго, поворачивая въ ловкихъ рукахъ кислую и ноющую Ваву.

— Потогоннымъ вы ее все-таки напойте и уксусомъ вытрите; вреда не будетъ. Да, да, нянюшка милая, и медку въ малину положить можно, и то не худо! Не полегчаетъ, такъ въ четвергъ я опять явлюсь. Да куражу, сударыня, возьмите! Какъ это въ самомъ дѣлѣ распускать себя до такой степени!

Докторъ, тѣмъ не менѣе, не могъ налюбоваться Маней. Она была изъ тѣхъ женщинъ, къ которымъ вовсе не идутъ пышные

наряды, и которыя бываютъ, напротивъ, тѣмъ соблазнительнѣе, чѣмъ онѣ меньше думаютъ о своемъ туалетѣ. Толстая золотая коса, за недосугомъ спущенная просто вдоль спины, дѣлала изъ нея настоящую русскую красавицу. Прозрачные голубые глаза, томные отъ безсонной ночи, устремлялись на него съ умоляющимъ выраженіемъ. Пышная грудь тревожно волновалась подъ тонкимъ капотомъ; бѣлыя руки мелькали, обнаженныя выше локтя, изъ рукавовъ, отлетавшихъ за спину.

„Ишь вѣдь счастливецъ, тюфякъ этотъ: чтò твоя роза махровая! И долго еще все такая же будетъ... Эти безмятежныя женщины, живущія только въ свою семью, всегда долго держатся. Даже еще пикантнѣе станетъ къ сорока годкамъ. Не то, что та, другая... перегоритъ живо на собственномъ огнѣ! Любопытно, какую она тамъ роль разыгрываетъ во флигелѣ? И надо же было свалиться плаксѣ этой!..“

— Докторъ, вы все-таки скажите мнѣ что-нибудь!—подошла къ нему ближе Маня.—Вижу я, что-то готовится... вы какъ думаете? Корь? да?

— Можетъ быть. Очень даже вѣроятно, что корь.

— Но вы не знаете навѣрное?

— Головы не прозакладую. Потерпите крошечку, съ Господомъ Богомъ ничто подѣлаешь; какъ съ сотворенія міра положено двадцать-четыре часа въ сутки, такъ ужъ и до скончанія останется, какой бы переполохъ ни поднимали маменьки изъ-за своихъ дочекъ.

— Хорошо вамъ шутить!.. Вотъ погодите, будетъ когда-нибудь своя дочка, такъ и вы узнаете.

— Нѣтъ, видно ужъ не будетъ. Покаралъ Господь за грѣхи, сошелся свѣтъ клиномъ въ вашемъ Залѣсьѣ... а вишь оно заколдовано все!

То, чтò докторъ желалъ, чтобы понималось между строкъ, онъ очень не двусмысленно выражалъ глазами, и дождался подъ конецъ, что Маня густо покраснѣла подъ его взглядомъ.

— Ну-съ, ручку мнѣ теперь пожалуйте за труды, Марья Павловна. Ваше сословіе—родительницъ—сущая казнь египетская для нашего брата. Не всѣ вѣдь такія красавицы, что хоть налюбуешься въ награду!.. Вамъ, конечно, за это всѣ ваши безумства прощаются.

Докторъ медленно цѣловалъ Манины ручки въ ладонь и выше кисти, а она слабо сопротивлялась, и давала, и отнимала ихъ. Она съ нетерпѣніемъ ждала его пріѣзда и была бы очень довольна теперь, случись этотъ пріѣздъ не по такому прискорб-

ному поводу. Но, тѣмъ не менѣе, она минутами забывала свою тревогу и начинала испытывать пріятное возбужденіе красивой женщины, которой любуются. Ужъ вѣрно докторъ не сталъ бы дурачиться, еслибъ считалъ положеніе ея дѣвочки серьезнымъ! Маня такъ много волновалась со вчерашняго дня, что отдыхъ былъ особенно пріятенъ. Она „на минуточку“ присѣла около него, уступая просьбамъ. Глядя внизъ и выводя розовымъ пальчикомъ узоры по столу, Маня спросила, почему онъ такъ долго не былъ въ Залѣсьѣ?

— А вы развѣ замѣтили?—спросилъ Орестъ Павловичъ, приглядываясь къ выраженію ея лица.

— Я?! Нѣтъ!—усмѣхнулась она и скользнула по немъ лукавымъ взглядомъ, говорившимъ: „да“...

„Вотъ оно что! Гм... почему-жъ бы и нѣтъ?“ — соображалъ быстро Орестъ Павловичъ.

— Пріѣхать не штука, кабы знать только, зачѣмъ! — отвѣтилъ онъ значительно.

— Какъ?..—Маня наморщила бровки и старалась проникнуть подозрительно за его очки.

— Да такъ: вы живете въ дѣтской, а Анна Владиміровна чуть съ глазъ долой не гонитъ. А propos: я должно быть не увижу ея сегодня? или можетъ быть застану у г-на Строева?

— У Шуры, вы хотите сказать? Очень можетъ быть. Вы несправедливы: я вовсе не „живу въ дѣтской“, когда они здоровы.

— Все равно, варенье варите.

— Ахъ, какой вздоръ!

— Ну, однимъ словомъ, отчего же мнѣ не кажется, что я *долженъ* сюда пріѣхать?

Что̀ такое онъ говорилъ и какимъ тономъ? Маня испуганно встала, продолжая чувствовать на себѣ его взглядъ снизу вверхъ.

— Должны вы пріѣхать вотъ какъ сегодня: утѣшителемъ!— засмѣялась она нѣсколько нервно: — развѣ этого мало? Вы ничего опредѣленнаго не сказали, а мнѣ все-таки далеко не такъ страшно, какъ прежде.

— Ah! grand merci, madame! j'en suis parfaitement rassasié!

Маня укоризненно покачала головкой и вспомнила, что ей пора заняться Вавой.

— Успѣете! — попробовалъ еще удержать ее докторъ: — И добро бы, право, первый ребенокъ, а то вѣдь цѣлая четверня, а въ будущемъ вѣрная дюжина.

— Орестъ Павловичъ!!..

Рѣшительно отъ него пора было отдѣлаться.

Докторъ отправился во флигель. Осмотръ Шуры продолжался значительно дольше.

— Корь? какъ вы думаете? -- все подсказывала тревожно Анна.

Строевъ молча стоялъ въ сторонѣ.

— Если будетъ корь, то тяжелая. Сильный бронхитъ,—резюмировалъ Заботинъ сухимъ, оффиціальнымъ тономъ, вовсе не напоминавшимъ друга-доктора, не упускающаго случая приволокнуться за красавицей-мамашей.

— Когда же болѣзнь опредѣлится?—спросила Анна.

— Завтра, по всей вѣроятности.

— Могу я просить васъ пріѣхать завтра? — подошелъ Строевъ.

— Къ сожалѣнію, нѣтъ. Не раньше четверга.

— Если не корь, то что другое можно предполагать?

— Другую сыпную болѣзнь.

— Но вѣдь вы не отрицаете кори?!—воскликнула Анна такъ тревожно, какъ будто дѣло шло о ея собственномъ ребенкѣ.

— Я ничего не отрицаю и ничего не утверждаю.

Аннѣ казалось, что онъ знаетъ больше, чѣмъ говоритъ. Онъ былъ сухъ и сдержанъ, какимъ она давно уже не видала его. Прописывая лекарства и дѣлая свои наставленія, онъ каждый разъ освѣдомлялся, кто именно будетъ дѣлать это.

— Я,—отвѣчала каждый разъ спокойно Анна.

— Вы ужъ не спали эту ночь?—не выдержалъ, наконецъ, Заботинъ.

— Съ чего вы взяли?! Я здѣсь только днемъ,—и Анна вдругъ покраснѣла, понявъ смыслъ и этихъ вопросовъ, и его досады.

— Сыпныя болѣзни всѣ заразительны, отчасти и для взрослыхъ. У васъ была корь?—спросилъ докторъ тѣмъ же особеннымъ тономъ. Одна бровь у него нервно вздрагивала; тонкія губы были точно еще тоньше обыкновеннаго.

— Да, у меня была корь, и я не боюсь дѣтскихъ болѣзней.

— О, я знаю! вы, вообще, мало чего боитесь. Говорятъ, однако, что черезчуръ отважные первые складываютъ свою голову.

— Я слышала, напротивъ, что судьба бережетъ храбрыхъ и покровительствуетъ имъ.

— Поживемъ—увидимъ! — раскланялся иронически Орестъ Павловичъ.

Строевъ вышелъ проводить доктора. Анна подумала съ неудовольствіемъ, что теперь онъ будетъ безпрестанно пріѣзжать въ Залѣсье и станетъ преслѣдовать ее своей ревностью. Второй разъ въ короткое время ей пришлось убѣдиться, что мужчины способны ревновать даже къ самому вопіющему несчастію.

Послѣ визита во флигель, Оресту Павловичу не удалось больше привести себя въ игривое настроеніе. Маню онъ нашелъ переодѣтою и значительно успокоившеюся. Вавочка, наконецъ, уснула, а вслѣдствіе этого она отважилась отпустить Мишеля на работы, хоть она и слышать объ этомъ не хотѣла нѣсколько часовъ тому назадъ.

Ей докторъ сказалъ вполнѣ утвердительно, что̀ у Шуры начинается корь съ сильнымъ пораженіемъ легкихъ, что̀ весьма опасно при такомъ слабомъ и истощенномъ организмѣ.

Марья Павловна всегда пугалась малѣйшаго нездоровья дѣтей, но теперь еще какая-то особенная тревога зашевелилась у нея на сердцѣ. Съ внезапной ясностью сознавалась собственная непріязнь къ маленькой сироткѣ—нетерпимость къ ея капризамъ, дурно воспитаннаго ребенка, брошеннаго на руки вѣчно смѣняющихся нянекъ, недостатокъ жалости къ ея болѣзненности, къ ея одиночеству. Маню вдругъ охватило страстное желаніе загладить сейчасъ же свою вину.

Но докторъ не пустилъ ея во флигель до своего слѣдующаго пріѣзда, когда болѣзнь окончательно выяснится.

— Не безпокойтесь, тамъ будетъ самый внимательный и нѣжный уходъ,—прибавилъ онъ язвительно:—Блаженная свобода деревенскихъ нравовъ имѣетъ, разумѣется, и свою обратную сторону, но—объ этомъ, я вижу, здѣсь никто не думаетъ!..

Заботинъ уѣхалъ злой и раздраженный. Частые визиты въ Залѣсье, для того, чтобы созерцать Анну въ ея новой роли сестры милосердія и ангела-хранителя Строева—ни мало не улыбались ему. Снова онъ почувствовалъ себя выбитымъ изъ колеи, лишеннымъ даже и того относительнаго спокойствія, какое достигалось мучительными усиліями воли. До сихъ поръ его главнымъ соперникомъ былъ Ожогинъ; но милый юноша представлялся въ такой мѣрѣ несостоятельнымъ передъ Анной, что онъ не питалъ къ нему ничего, кромѣ мимолетной ревнивой досады. Совсѣмъ другое—Строевъ, съ его ореоломъ незаслуженнаго несчастія, съ его блестящимъ прошлымъ. Чего добраго, это именно тотъ герой, который способенъ овладѣть воображеніемъ неисправимой фантазерки! Такія натуры способны слѣпо отдаваться порывамъ самоотверженія и увлекаться самопожертвованіемъ, вовсе не заглядывая

далеко въ будущее и не сознавая никогда мѣры собственныхъ силъ.

Въ первый разъ въ чувствахъ этого человѣка къ Аннѣ сказывалась забота о ея судьбѣ, а не только одни волненія и запросы его собственной безнадежной страсти.

Слѣдующій пріѣздъ доктора разсѣялъ всѣ сомнѣнія: у дѣтей была корь—очень легкая у Вавочки и тяжелая у Шуры. Все успокоилось и повеселѣло въ большомъ домѣ. Все подобралось и тревожно насторожилось въ маленькомъ флигелѣ. Всѣ ходили на цыпочкахъ и говорили вполголоса въ полутемныхъ комнатахъ. По всему дому раздавался мучительный кашель и хриплое дыханіе больной, слышался день и ночь ея жалобный плачъ и стоны.

Анна проводила у Шуры столько времени, сколько могла выдержать; у себя въ павильонѣ она плакала и пламенно желала, чтобы дѣвочка выздоровѣла. Она до такой степени вошла въ жизнь крошечной семьи, такъ неудержимо, съ каждымъ днемъ все болѣе становилась ея дѣятельнымъ и необходимымъ членомъ, что тотъ или другой исходъ болѣзни долженъ имѣть рѣшающее значеніе и въ ея судьбѣ. Анна чувствовала это по тѣмъ приступамъ жгучей жалости, какіе овладѣвали ею при одной мысли о возможности новой потери для Строева. Но измѣнились только внѣшнія обстоятельства: жизнь неожиданно напряглась и увлекла ее за собой деспотической властью—на сердцѣ же дѣвушки было по прежнему смутно. Такъ же упрямо не давался единственный всесильный рычагъ—неподдѣльнаго увлеченія. При всемъ томъ, нѣтъ въ жизни другого интереса, равнаго обаянію постепеннаго сближенія двухъ людей, возможности шагъ за шагомъ проникать въ другую душу и сознавать себя источникомъ ея радости и муки. Анна видѣла опасность своего положенія, но не могла устоять передъ искушеніемъ—онъ такъ открыто искалъ у нея утѣшенія, такъ охотно вѣрилъ ей на́-слово во всемъ, что̀ касалось Шуры! Она многое объясняла по своему; вѣрная психологія этого человѣка ускользала отъ нея по своей исключительности.

Строевъ сильно измѣнился. Прежнее мрачное безстрастіе, дѣйствовавшее такъ угнетающе на окружающихъ, смѣнилось лихорадочной умственной работой. Онъ былъ поглощенъ ею всецѣло. Въ той страстности, съ какой онъ отдавался новому настроенію, сказывалась безотчетная жажда примиренія съ жизнью; сказывалась потребность вырваться изъ противоестественнаго состоянія, длившагося уже два года. Казалось еще такъ недавно, что оно будетъ длиться до гробовой доски! Онъ не могъ бороться съ могучимъ взрывомъ жизненной энергіи, не могъ даже временно

сдержать его настолько, чтобы сосредоточиться всецѣло на томъ, что совершалось вокругъ него. Переворотъ былъ черезъ-чуръ силенъ и захватывалъ слишкомъ глубоко самыя основы его міросозерцанія, чтобы все это могло перевѣсить жалкое существованіе ребенка, всегда висѣвшее на волоскѣ. Строевъ былъ черезъ-чуръ несчастливъ, чтобы не быть эгоистомъ, даже еслибъ онъ и не былъ имъ по натурѣ.

Анну поражала странная отвлеченность его настроенія въ подобныя минуты. Она объясняла это скрытностью, благородными усиліями мужской гордости не дѣлать никого свидѣтелемъ своего горя. Ей даже въ голову не могло придти, что жизнь или смерть Шуры ничего не значила въ той борьбѣ, которая совершалась въ душѣ отца. Душевныя силы, призванныя къ жизни ея усиліями, далеко еще не достигли апогея своего напряженія, но онѣ уже не выпустятъ его изъ своей власти до тѣхъ поръ, пока не будетъ подведенъ итогъ: пока не будетъ произнесено послѣднее слово суда надъ самимъ собой—суда, до какого возвышаются немногіе люди, но даже и эти немногіе не доходятъ до него безъ побудительнаго внѣшняго толчка, безъ какого-нибудь рокового оборота въ личной судьбѣ.

XXI.

Никакая опасность не угрожала больше маленькой Вавочкѣ; изъ одной только предосторожности ее держали въ комнатахъ, несмотря на жаркіе дни.

Визиты доктора Заботина превратились для Марьи Павловны въ пріятныя посѣщенія человѣка, который ей нравился. Она встрѣчала и провожала доктора на бѣлой пристани, заказывала къ обѣду его любимыя кушанья, угощала его чудесными домашними наливками и соленьями. Она была особенно къ лицу причесана и одѣта, и была со всѣми окружающими въ пріятномъ и снисходительномъ настроеніи человѣка, которому предстоитъ впереди что-то веселое. Маня избавлена была хоть на время отъ несноснаго соперничества Анны; доктору только и оставалось, что, исполняя ея видимое желаніе, превратиться, не шутя, въ ея поклонника. Орестъ Павловичъ не былъ изъ числа людей, способныхъ дать маху и пренебречь авансами безспорно красивой женщины, начинавшей ощущать первые приступы скуки въ безмятежномъ благополучіи своего супружескаго счастія. Кокетство Мани было очень невинное, но—de fil en aiguille! Въ его обязанности не входило, само собою разумѣется, разъяснять моло-

дой женщинѣ все легкомысліе ея поведенія, или же отбивать у нея охоту какой-нибудь преждевременной дерзостью. Докторъ держалъ себя старымъ другомъ дома, который не могъ казаться опаснымъ мужу, въ виду всѣмъ извѣстной страсти его къ Аннѣ. Маня безпрепятственно поддавалась странному обаянію—обаянію дерзости и безпринципности, отъ которой неизвѣстно чего ждать. Для подобныхъ людей вообще не существуетъ середины: женщины или совсѣмъ не переносятъ ихъ и съ перваго шага становятся ихъ открытыми врагами; или же, напротивъ, онѣ вполнѣ безсильны передъ ними. Такіе люди знаютъ поэтому только два рода отношеній къ женщинѣ: любовника или врага.

Докторъ былъ всегда оживленъ и остроуменъ, и онъ былъ даже тѣмъ интереснѣе, чѣмъ бывалъ злѣе и возбужденнѣе. Ужъ коли онъ обреченъ созерцать, чуть не ежедневно, трогательное сліяніе душъ во флигелѣ, то хоть здѣсь-то по крайней мѣрѣ онъ возьметъ свой revanche! Косвеннымъ образомъ онъ отомститъ Аннѣ за ея презрительное пренебреженіе; пусть видитъ самонадѣянная дѣвчонка, что его можно не только полюбить—но ради этой любви можно даже забыть долгъ и „разбить счастіе всей жизни“ (это вѣдь всегда такъ у нихъ называется!)...

Романическая „интрижка“, какъ выражался мысленно Орестъ Павловичъ, быстро достигла той фазы, гдѣ ему уже неудобно было говорить съ Маней объ Аннѣ и проговариваться о своей ревнивой тревогѣ. Теперь, напротивъ, докторъ проповѣдывалъ, что умный человѣкъ долженъ умѣть пользоваться жизнью, а прекрасное—еще прекраснѣе въ его многообразномъ разнообразіи... Маня жадно ловила незамысловатые намеки. Она хотѣла вѣрить, что его упорная страсть къ Аннѣ, наконецъ, истощилась и не устояла передъ обаяніемъ ея нѣжной дружбы. Безхарактерныя женщины рѣдко питаютъ что-нибудь, кромѣ „дружбы“. Магическое слово обладаетъ свойствомъ удивительно какъ долго усыплять ихъ сознаніе и незамѣтно сглаживать путь для уступокъ и компромиссовъ.

„Мнѣ съ нимъ весело!“ — говорила себѣ безпечно жена Мишеля и избѣгала всячески вдумываться въ свойства того пріятнаго волненія, которое она испытывала въ его присутствіи, и которое сдѣлало поразительные шаги впередъ со времени болѣзни дѣтей. Маня чувствовала только, что ей весело. Ея существованіе получило новый, замаскированный интересъ, неуловимый ни для кого, кромѣ ихъ двухъ, но не уменьшавшій ни на іоту ея непоколебимаго счастья съ Мишелемъ.

Минутами, однакожъ, Маня стѣснялась предаваться безза-

вѣтно своему веселью, въ то время, какъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея маленькая сиротка изнемогала въ непосильной борьбѣ. Тогда она отправлялась во флигель и тамъ искренно плакала, не столько отъ жалкаго вида Шуры, сколько подъ общимъ зловѣщимъ впечатлѣніемъ обстановки тяжко-больной...

Дни и ночи давно слились во флигелѣ въ одинъ томительный рядъ часовъ, наполненныхъ мучительнымъ ощущеніемъ безсилія и жалости. Весь привычный порядокъ дня былъ нарушенъ и примѣнялся теперь исключительно къ удобствамъ и потребностямъ больной. Однажды Анна рѣшительно отказалась вернуться и на ночь въ павильонъ, послѣ того какъ Шура, съ горькими слезами, упрекнула, что она оставляетъ ее одну.

— Извѣстно, ночью-то всего хуже... Спитъ не спитъ — пуще того мается,—прибавила слезливо нянька.

— Хорошо, бѣдняжка моя,—не уйду я сегодня! тутъ буду спать, на диванѣ,—рѣшила Анна, глотая слезы.

Когда докторъ Заботинъ узналъ, что Анна нѣсколько ночей продежурила во флигелѣ, онъ не въ силахъ былъ выдерживать дольше тона прискорбнаго недоумѣнія, который онъ усвоилъ себѣ послѣ первой ревнивой вспышки.

— Намъ остается только предположить, Анна Владиміровна, что существуютъ побужденія болѣе сильныя, нежели обыкновенное состраданіе! Женщины не рискуютъ, такимъ образомъ, не только здоровьемъ, но и своей репутаціей.

— Кому же это: *намъ*, Орестъ Павловичъ? Вы—единственный посторонній свидѣтель моего неприличнаго поведенія. Вы должны бы быть польщены той довѣрчивостью, съ какою я полагаюсь на ваше благородство.

Анна смотрѣла ему въ глаза, и оригинальная саркастическая гримаска подергивала ей губы.

— Вы смѣетесь?..

— Я знаю прекрасно, что нельзя отдать себя въ руки менѣе надежныя... Вы опасный врагъ — только я вѣдь нимало не дорожу мнѣніемъ здѣшняго общества.

— Вы допускаете, что я способенъ распускать какія-то сплетни на вашъ счетъ?

— Чѣмъ же вы мнѣ угрожаете иначе?

— А!.. что это, наконецъ — наивность? или вамъ угодно дразнить меня?

Глаза доктора сверкнули; цѣлая сѣть жилокъ напряглась и обозначилась явственно на вискахъ.

— Вы не дѣвочка! вы достаточно опытны, чтобы не позволять себѣ безсознательно играть съ огнемъ.

— Бога ради, — о чемъ мы говоримъ?! Вы забываете, кажется, что здѣсь умираетъ ребенокъ!..

— Да, она умретъ. Тогда настанетъ чередъ утѣшеній. Ну, а дальше?.. Не можетъ быть, чтобы вы не задавали себѣ этого вопроса?

— А по какому праву вы желаете, чтобы я отвѣчала на этотъ вопросъ вамъ?!

— Право мое одно... все то же: право человѣка, который не въ силахъ быть равнодушнымъ къ тому, что̀ васъ касается.

— Будьте, будьте равнодушны—я ничего другого не желаю!

Орестъ Павловичъ стиснулъ зубы и на мигъ закрылъ глаза въ усиліи вернуть свое хладнокровіе. Въ такія минуты онъ ненавидѣлъ Анну. Онъ жаждалъ видѣть ее униженною, страдающею, наказанною жестоко за самонадѣянность и за это пренебреженіе къ страсти, терзающей его второй годъ. А!.. что̀ понимаетъ въ этомъ сантиментальная фантазерка, никогда не испытавшая любви, но слышавшая о ней черезъ-чуръ много отъ другихъ!..

— Когда-нибудь вы познаете цѣну того, чѣмъ забавляетесь теперь, какъ игрушкой. Вы и вообразить не можете, чтобы васъ не любили, не правда ли? Но есть любовь, для которой не существуетъ исхода — которая можетъ превратиться только во вражду!..

Анна холодно выдержала его бѣшеный взглядъ.

— Наконецъ-то вы договорились! Не клевещите только на любовь, Орестъ Павловичъ, скажите честно: есть натуры, способныя возненавидѣть даже и то, что̀ любили, если они безсильны имъ овладѣть. Что̀ дѣлать, докторъ! пусть будетъ вражда, если нужно...

Она всѣ слова произносила съ одинаковымъ спокойствіемъ невѣденія, съ ясной увѣренностью существа, познавшаго жизнь однимъ умомъ. Для нея были еще впереди опытъ собственныхъ страстей и всѣ безпощадные уроки личной судьбы...

На другой день послѣ этого разговора Анна съ утра ушла изъ флигеля, чтобы отдохнуть нѣсколько часовъ въ павильонѣ. Она выкупалась, перемѣнила платье и расчесала свою длинную косу. Сонъ, томившій нестерпимо подъ утро у постели больной, теперь совсѣмъ прошелъ; ей не удалось заснуть, хоть она дала Строеву честное слово, что проспитъ до самаго обѣда. Нѣсколько безсонныхъ ночей привели ее въ то возбужденное состояніе, когда человѣкъ дѣлается необыкновенно выносливъ. Анна не ощущала

ни усталости, ни головной боли—только какое-то особенное напряженіе всѣхъ нервовъ, которое, впрочемъ, вовсе не было мучительно. Но она совершенно не могла ничѣмъ заняться, не могла ни на минуту оторвать своихъ мыслей отъ безнадежнаго положенія несчастной Шуры. Она сидѣла у окна, уронивъ руки въ колѣни, и не могла бы сказать, сколько времени прошло такимъ образомъ, пока ее не заставилъ очнуться звукъ мужскихъ шаговъ по гулкой каменной лѣстницѣ.

„Мишель!“ — подумала дѣвушка тревожно. Она предвидѣла упреки и предостереженія. Какъ ни великодушенъ Мишель, конечно Маня внушила ему все неприличіе ея дежурства въ квартирѣ холостого человѣка. Они бывали это время такъ мало вмѣстѣ, что у брата не было времени объясниться съ нею серьезно. Но въ эту минуту ей едва ли удастся быть кроткой и терпѣливой, а она не любила ссориться съ Мишелемъ.

Не двигаясь съ мѣста, Анна устремила подозрительный взглядъ на дверь и увидала входившаго Ожогина.

— Вотъ это кто! — вырвалось у нея съ облегченіемъ. Ей лѣнь было встать, и она только подалась вся впередъ и ласково протянула ему руку.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ давно не видались! Она и не чувствовала этого — скорѣе даже испытывала нѣкоторое облегченіе въ своемъ черезъ-чуръ запутанномъ положеніи.

— Какъ это вы рѣшились, наконецъ, показать глаза? Постойте... Что̀ такое съ вами? Борода отросла, или вы похудѣли очень?

Она разглядывала его съ фамильярностью ихъ прежней братской дружбы.

— Богъ съ вами, Анна Владиміровна! давно ли я былъ здѣсь?

— Что̀-о?

— Это было такъ недавно, что мое исчезновеніе никому не могло внушить безпокойства. Я преспокойно могъ отправиться къ праотцамъ, и вы узнали бы изъ газетъ, что избавились отъ черезъ-чуръ докучливаго друга. Впрочемъ въ Залѣсьѣ случается, что никто и въ газеты не заглядываетъ!

— Вы были больны? Могли увѣдомить! Здѣсь черезъ-чуръ много своихъ заботъ, чтобы еще тревожиться о неизвѣстномъ.

— У васъ нашлось бы полчаса времени, чтобы написать нѣсколько строкъ, еслибъ только это пришло вамъ въ голову.

— Съ какой же стати? я не понимаю: вы изволите дуться, а я буду просить у васъ прощенія?!

— Я пролежалъ четыре недѣли съ сильнѣйшимъ воспаленіемъ легкихъ.

— Очень сожалѣю, но я этого не знала.

Ея ноздри раздувались и вздрагивали, глаза мерцали особеннымъ, лихорадочнымъ блескомъ безсонныхъ ночей — они то вспыхивали, то будто заволакивались туманомъ. Ожогинъ теперь только разглядѣлъ, что она поблѣднѣла и похудѣла.

— Анна Владиміровна... но вы сами?.. вы здоровы?!

И прежде, чѣмъ Анна успѣла отвѣтить, юноша опустился на полъ и припалъ лицомъ къ ея рукамъ. Она почувствовала слезы на его глазахъ. Ей вдругъ стало невыразимо жаль своего юнаго пылкаго друга. Изъ любви къ ней онъ остался на лѣто въ Петербургѣ, не послушался ни ея приказаній, ни просьбъ, и вотъ... едва не умеръ! Какое же сердце ей надо имѣть, чтобы подѣлить его на всѣхъ, кто въ ней одной хотѣлъ видѣть свое счастье и свою муку?!..

— Можетъ быть мнѣ только казалось, что я умираю,—шепталъ юноша:—но какъ я хотѣлъ жить! какъ я ждалъ вашего письма!..

— Послушайте... съ чего же вы взяли это, наконецъ? Parlons raison, Ожогинъ... Встаньте! что за колѣнопреклоненія вы выдумали! Съ какой стати я стала бы писать вамъ? Когда это бывало?

— Бывало, когда было нужно,—отвѣтилъ онъ отрывисто и поднялся съ колѣнъ: прежняя, горькая усмѣшка подергивала ему губы.

— Да?!.. Жаль, что я не подумала во-время, что меня когда-нибудь могутъ попрекнуть этимъ! Вы правы—мнѣ дѣйствительно случалось писать вамъ по дѣлу.

Художникъ смотрѣлъ на нее подозрительными глазами.

— Не усиливайтесь напрасно, Анна Владиміровна, скажите прямо, что вы даже и не вспоминали обо мнѣ за эти четыре недѣли, даже ихъ не замѣтили, по всей вѣроятности! Такъ не относятся къ друзьямъ—я не говорю ничего больше этого.

„Это правда!“ — должна была сказать себѣ Анна. Но развѣ ей предъявляютъ только требованія дружбы? Она вдругъ потеряла всякое хладнокровіе и поднялась порывисто съ своего мѣста.

— Оставьте разъ навсегда это лицемѣріе и не предъявляйте мнѣ вашу дружбу каждый разъ, когда вамъ это удобно! Мы давно не друзья больше, Дмитрій Дмитріевичъ.

— И даже давно?

— Съ тѣхъ поръ, какъ вы преслѣдуете меня своими терзаніями не лучше д-ра Заботина. Чего хотите вы отъ меня, скажите, Бога ради?! Я дорожу вашимъ обществомъ, это вамъ хорошо извѣстно. Я очень цѣню вашу привязанность ко мнѣ, у васъ нѣтъ поводовъ въ этомъ сомнѣваться. Мнѣ, конечно, не все равно, живы вы или умерли! Но если мы не проводимъ больше вмѣстѣ прежнихъ славныхъ дней, не ведемъ старыхъ разговоровъ обо всемъ на свѣтѣ,—если вмѣсто этого мы ссоримся чуть не каждый разъ, если вы перестали быть веселымъ и покладистымъ Митей, какъ я называла васъ сама съ собой, если теперь все измѣнилось такъ... такъ прискорбно, неужели же я виновата въ этомъ?..

Онъ смотрѣлъ на нее блѣдный, съ подергивавшимися губами, чувствуя какую-то странную дрожь въ груди. Нѣсколько секундъ онъ не отвѣчалъ ей. Была ли она виновата? Да, все измѣнилось! Отъ ихъ плѣнительной дружбы почти и слѣда не осталось. Давно ли онъ строилъ для нея этотъ павильонъ и они безпечно наслаждались твореніемъ ихъ общей артистической фантазіи? Рука объ руку съ нею стремиться къ благороднымъ задачамъ искусства, воспитать свой талантъ въ постоянномъ общеніи съ утонченной и изящной женской натурой, завоевать себѣ славу и сложить ее смиренно къ ногамъ живой Музы,—развѣ не объ этомъ одномъ мечталъ онъ, съ тѣхъ поръ какъ увидалъ ее въ первый разъ, обожаемой молодой хозяйкой въ салонѣ своего знаменитаго учителя? Жизнь не ждетъ. Самая отдаленная, самая недосягаемая мечта своевольно приближается и все тѣснѣе, все неумолимѣе обводитъ магическій кругъ, накладываетъ все тяжелѣе свою властную руку на плѣненное существо.

— Да, все измѣнилось,—повторилъ глухо Ожогинъ:—я не знаю, кто виноватъ. Я только люблю васъ больше, неизмѣримо больше, чѣмъ прежде.

— А я не меньше, нисколько не меньше!—подхватила Анна запальчиво:—вамъ теперь мало этого, вотъ въ чемъ весь секретъ. Удивительно! никто изъ васъ не понимаетъ другихъ отношеній, кромѣ любви. Вы всѣ нуждаетесь въ женскомъ обществѣ и, конечно, избираете то, которое находите болѣе привлекательнымъ, но потомъ вы неизбѣжно насъ же обвиняете въ кокетствѣ, въ коварствѣ, чуть не въ измѣнѣ! Вы начинаете очень безобидно—съ самой милой дружбы; а потомъ разомъ предъявляете права на наше сердце, котораго мы и не думали обѣщать вамъ, еслибъ даже можно было обѣщать свое сердце! Сознаете ли вы сами чего вы требуете? Вы хотите сдѣлать насъ отвѣтственными рѣ-

шительно за всѣ положенія: мы одинаково виноваты, любимъ мы васъ или не любимъ, снисходительны мы къ вамъ или пренебрежительны. Васъ я всегда любила, какъ брата. Доктору Заботину я никогда не выражала ни малѣйшей симпатіи. Это все равно: два дня къ ряду меня призываютъ къ отвѣту, меня обвиняютъ, мнѣ даже угрожаютъ! Скажите, Бога ради, неужели это любовь? неужели только такъ любятъ?!..

Румянецъ все разгарался на лицѣ Анны. Въ голосѣ звенѣла болѣзненно напряженная нотка. Ожогинъ привыкъ вѣрить ей, привыкъ прислушиваться къ ея мнѣніямъ. Злобное чувство противъ нея не могло долго удержаться въ его сердцѣ. Ему стало жаль ея, несмотря на всю собственную муку. Что̀ происходило въ Залѣсьѣ всѣ эти недѣли безъ него? Не даромъ Анна такъ измѣнилась, не даромъ этотъ раздраженный, запальчивый тонъ. Онъ оставилъ ее тогда съ смутнымъ чувствомъ ревности и опасеній передъ глубокимъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на нее Строевымъ.

— Я бы желалъ, по крайней мѣрѣ, чтобы вы не сравнивали меня постоянно съ Орестомъ Павловичемъ, о которомъ вы такого нелестнаго мнѣнія.

— Это не мѣшаетъ ему влюбляться въ меня!—выговорила Анна презрительно.

— Но не такъ, какъ люблю васъ я?

— Я думала, что не такъ, Ожогинъ: когда вы были славнымъ Митей—моимъ товарищемъ въ живописи и моимъ ученикомъ въ жизни. Это все было, вы знаете! Вы предпочли промѣнять это на вашу новую страсть, но она вамъ не къ лицу, предупреждаю. Оставьте ее другимъ или приберегите для себя, когда вы отживете половину вашей жизни.

— Моя учительница въ жизни, какъ вы неопытны! какъ многому вы могли бы поучиться у своего ученика!..

Онъ сдѣлалъ къ ней нѣсколько шаговъ, остановился и окинулъ комнату бѣглымъ взглядомъ, полнымъ тоски.

— Да! вы правы,—все это было! Я наслаждался вашей дружбой, вашей добротой, вашимъ каждымъ словомъ. Я такъ былъ счастливъ въ этой комнатѣ, что ничего лучшаго не желалъ, ни о чемъ больше не дерзалъ мечтать. Конечно, я тогда былъ лучше, былъ достойнѣе васъ! Вы правы: я сталъ несносенъ. Хуже, я сталъ бездаренъ! Я не въ силахъ работать, кисть падаетъ изъ рукъ... Ни мысли въ головѣ, ни о̀браза въ душѣ. Я не могу!.. поймите же, что я жить безъ васъ не могу, Анна!!..

Онъ хотѣлъ отойти, но вдругъ тяжелое рыданіе вырвалось

изъ его груди, и онъ безсильно поникъ на круглый диванчикъ, у ногъ Музы.

Анна смотрѣла на него. Каждая черта въ ея лицѣ трепетала. Точно тѣни проносились и сгущались на прекрасномъ лбу.

— А! такъ вотъ ужъ до чего дошло?! Я гублю вашъ талантъ! я мѣшаю вамъ работать! я порчу вашу будущность! Кончено, Ожогинъ—съ этой минуты все кончено. Вы не пріѣдете больше въ Залѣсье. Или сдѣлайте чтò хотите, вылечитесь какъ умѣете отъ своего безумія. Этого я позволять не должна и не хочу!

— Ахъ, такъ?!—вырвать душу у человѣка, а потомъ отослать его на всѣ четыре стороны, во имя благоразумія и великодушія, не правда ли?!..

— Вырвать?! О, вѣдь я только-что сама сказала вамъ, что такъ будетъ: все неизбѣжно съ меня же спросится! Богъ мой, чтò тутъ дѣлать? скажите! Оставить васъ—вы сумасшествуете. Отказать для вашей же пользы—это жестокость, которой нѣтъ имени. Надо стало-быть одно: полюбить васъ во чтò бы то ни стало. Прекрасно! дѣло за малымъ стало: научите, какъ это сдѣлать! Я буду вамъ благодарна, рада буду, вы слышите? Я буду рада полюбить васъ, другого, третьяго--все равно, все равно! только бы узнать покой, чтобы не разносили по клочкамъ мою душу!!..

— Анна! Анна!! Вы меня презираете, вы меня никогда не простите! Ради памяти вашего дяди! ради того, что я умиралъ, простите меня, Анна!!!

Онъ старался поймать ея руки. Блѣдное, искаженное лицо мелькало передъ самыми глазами ея, залитыми слезами.

— Уйдите!.. Оставьте меня..

Анна сама ушла. Она бросилась въ альковъ и задернула занавѣсъ.

Уничтоженный, пристыженный художникъ схватился руками за голову...

Ольга Шапиръ.

Н. Я. ДАНИЛЕВСКІЙ и ДАРВИНИЗМЪ

Опровергнутъ ли дарвинизмъ Данилевскимъ?

I.

Сочиненіе Н. Я. Данилевскаго: „Дарвинизмъ“, въ свое время произвело, повидимому, довольно сильное впечатлѣніе въ обществѣ и вызвало уже три полемическихъ статьи: двѣ — г. Страхова и одну—проф. Тимирязева. Отзывы этихъ двухъ ученыхъ, какъ это нерѣдко бываетъ,—діаметрально противоположнаго направленія. Въ январьской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ 1877 года, помѣщена чрезвычайно благопріятная и сочувственная труду Данилевскаго статья г. Страхова подъ заглавіемъ: „Полное опроверженіе дарвинизма“. Безъ малѣйшаго возраженія всѣ выставленныя авторомъ положенія признаются безусловно вѣрными и, повидимому, цѣликомъ приписываются Данилевскому. Критикъ восхищается всѣмъ, не исключая и заключительныхъ словъ послѣдней главы: „Мы были бы счастливы, — пишетъ въ заключеніе г. Страховъ, — еслибы послѣ этого разбора читатели хотя отчасти раздѣлили наше убѣжденіе, что эта книга есть истинный подвигъ русскаго ума и русскаго чувства. По огромному обилію фактовъ, превосходно сгруппированныхъ, по неотразимой логикѣ, по чрезвычайному остроумію, по чисто научной строгости и полнотѣ въ постановкѣ вопросовъ, трудъ Н. Я. Данилевскаго нужно причислить къ самымъ рѣдкимъ явленіямъ во *всемірной* печати. Можно смѣло сказать, что эта книга составляетъ честь русской ученой литературы, что она надолго свяжетъ имя автора съ важнѣйшимъ и глубочайшимъ вопросомъ естествознанія, и что съ

борьбою противъ одного изъ характернѣйшихъ и распространеннѣйшихъ заблужденій нашего вѣка, съ опроверженіемъ теоріи естественнаго подбора, имя Н. Я. Данилевскаго должно быть связано уже навсегда".

Представляю себѣ удивленіе читателя и образованнаго человѣка той категоріи, для котораго главнымъ образомъ, по заявленію г. Данилевскаго, было написано его сочиненіе, если онъ, т.-е. образованный читатель, случайно заглянулъ затѣмъ въ майскую и іюньскую книжки „Русской Мысли" 1887 же года и прочелъ отзывъ г. Тимирязева или, вѣрнѣе сказать, дополненную публичную лекцію о книгѣ Данилевскаго, подъ заглавіемъ: „Опровергнуть ли дарвинизмъ?".

Вмѣсто восторженнаго отзыва г. Страхова, его невольно бы поразилъ нѣсколько насмѣшливый и пренебрежительный тонъ, котораго держится г. Тимирязевъ относительно Н. Я. Данилевскаго: статья его переполнена глумленіемъ и упреками въ самодовольной самоувѣренности, въ мелкой, изворотливой софистикѣ, способности возражать противъ очевидности, въ запальчивомъ недомысліи, въ уловкахъ, свойственныхъ лишь неразборчивымъ на средства адвокатамъ. Г. Тимирязевъ заявляетъ даже, что пріемы доказательствъ Данилевскаго разсчитаны нерѣдко на то, чтобы „на время озадачить, вырвать согласіе на первый, бросающійся въ глаза доводъ, а остальное, можетъ быть, и ускользнетъ отъ утомленнаго вниманія,—вѣдь въ книгѣ тысяча страницъ". На стр. 178, г. Тимирязевъ пишетъ: „но, повторяю, для того, чтобы обнаружить всѣ логическія несообразности этой книги, пришлось бы написать такихъ же два тома. Порой мнѣ представляется, что еслибы нашимъ натуралистамъ въ университетахъ преподавалась логика, чего къ сожалѣнію нѣтъ, то эта книга могла бы служить хорошимъ матеріаломъ для семинарій въ родѣ тѣхъ наглядныхъ несообразностей, которыя недавно были изданы однимъ педагогомъ для цѣлей элементарнаго преподаванія".

По прочтеніи этого строгаго приговора разочарованному и сбитому съ толку читателю оставалось только покориться сужденію профессора московскаго университета. Но и это не надолго. Въ концѣ прошедшаго года, въ ноябрьской и декабрьской книжкахъ „Русскаго Вѣстника", появилась вторая статья г. Страхова, озаглавленная: „Всегдашняя ошибка дарвинистовъ". На первыхъ же страницахъ читаемъ слѣдующее: „отвѣчать (г. Тимирязеву) по *существу* дѣла—вотъ что̀ было бы всего лучше, но къ величайшему моему удивленію оказалось, что это невозможно, потому что у *г. Тимирязева, можно сказать, вовсе нѣтъ этого самаго*

существа. Во всей его статьѣ мнѣ не удалось найти ни одного возраженія, которое не было бы предусмотрѣно Н. Я. Данилевскимъ и не было бы имъ основательно опровергнуто. Г. Тимирязевъ *только не досмотрѣлъ опроверженія*, и я готовъ принять вызовъ, указать этотъ недосмотръ въ какомъ угодно пунктѣ. Далѣе, на стр. 70 „наговорено" много и обо всемъ на свѣтѣ, а что̀ именно сказано—разсказать невозможно"... „Если онъ (г. Тимирязевъ) хотѣлъ только опорочить книгу Н. Я. Данилевскаго и убѣдить своихъ слушателей, что ее не стоитъ читать, то, я думаю, онъ вполнѣ достигъ своей цѣли, но вникнуть въ книгу и серьезно ее обсудить онъ, очевидно, вовсе не хотѣлъ".

Каждый изъ вышеназванныхъ двухъ критиковъ несомнѣнно имѣетъ среди людей, интересующихся этимъ вопросомъ много поклонниковъ; по отношенію къ труду Данилевскаго образовалось два между собой враждебныхъ лагеря. Сгладить по возможности, если не совершенно примирить различіе во взглядахъ представляется мнѣ возможнымъ лишь при посредствѣ обстоятельнаго и безпристрастнаго разбора достоинствъ и недостатковъ труда Данилевскаго. Въ нижеслѣдующихъ строкахъ я постарался выполнить эту задачу по мѣрѣ своихъ силъ и умѣнія. Оцѣнка этого труда представляетъ задачу довольно трудную. Трудность оцѣнки лежитъ, однако, не въ большомъ объемѣ труда, текстъ котораго, не считая обширныхъ прибавленій, заключаетъ болѣе 1.000 страницъ, но главнымъ образомъ въ своеобразномъ, можно сказать—необычномъ отношеніи автора къ разрабатываемому имъ вопросу.

Авторъ поставилъ себѣ задачею критическое изслѣдованіе дарвинизма, т.-е. предметъ, о которомъ, какъ извѣстно, столь много было уже писано, что одинъ перечень опубликованныхъ объ ученіи Дарвина работъ составляетъ брошюру порядочнаго размѣра.

Приступая поэтому къ чтенію труда Данилевскаго, я ожидалъ найти: 1) изложеніе ученія Дарвина въ его первоначальной формѣ; 2) критическій разборъ вызванныхъ имъ горячихъ пререканій между сторонниками и противниками ученія Дарвина; 3) произведенныя со стороны Дарвина уступки и измѣненія взглядовъ его вслѣдствіе сдѣланныхъ, относительно его ученія, возраженій; и, наконецъ, 4) критическую оцѣнку дарвинизма самого Данилевскаго, т.-е. какіе-нибудь новые, невысказанные еще другими изслѣдователями взгляды и возраженія касательно ученія Дарвина.

Я тѣмъ болѣе имѣлъ право предполагать, что главное научное значеніе труда Данилевскаго заключается въ самостоятельной, оригинальной оцѣнкѣ трудовъ Дарвина, такъ какъ во введеніи

на стр. 23 Данилевскій пишетъ: „При открывшейся возможности, я ознакомился съ оригинальными сочиненіями самого Дарвина и съ главнѣйшими, сдѣланными противъ него, возраженіями. Къ этому ученію приковывала мою мысль именно та, казавшаяся мнѣ вначалѣ неразрѣшимой, дилемма, о которой я только-что говорилъ. Съ одной стороны, невозможно, чтобы масса случайностей, не соображенныхъ между собою, могла произвесть порядокъ, гармонію и удивительнѣйшую цѣлесообразность; съ другой—талантливый ученый, вооруженный всѣми данными науки и обширнаго личнаго опыта, яснымъ и очевиднымъ образомъ показываетъ вамъ, какъ просто однако же это могло сдѣлаться. Только *послѣ долгаго изученія и еще болѣе долгаго размышленія увидѣлъ я первый выходъ изъ этой дилеммы, и это было для меня большою радостью. Затѣмъ открылось такихъ выходовъ множество, такъ что все зданіе теоріи изрѣшетилось, а наконецъ и развалилось въ моихъ глазахъ въ безсвязную кучу мусора*".

Цитата эта, не требующая дальнѣйшихъ разъясненій, несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что авторъ даже послѣ ознакомленія съ главнѣйшими, сдѣланными противъ дарвинизма, возраженіями остался при убѣжденіи, что если не исключительные, то по крайней мѣрѣ главные доводы противъ ученія Дарвина принадлежать ему одному.

Сходныя съ вышеприведеннымъ заявленія, окрашенныя особенно во второй части перваго тома высокомѣрнымъ и мѣстами заносчивымъ отношеніемъ къ ученію Дарвина, попадаются разбросанными въ разныхъ мѣстахъ труда Данилевскаго. Чтобы не быть голословнымъ, приведу слѣдующія выдержки изъ второй части перваго тома Данилевскаго: на стр. 19, Данилевскій пишетъ, „что *желаетъ* преслѣдовать ученіе Дарвина *во всѣхъ его убѣжищахъ*".

Стр. 23: „Признанію Дарвиномъ одновременности измѣненій въ различныхъ частяхъ животнаго (что Дарвиномъ признается) препятствуетъ необходимая для сего опредѣленность измѣнчивости, при *которой теорія теряетъ всякій смыслъ и значеніе*".

Стр. 24: „Это препятствовало Дарвину усмотрѣть, что его *защита еще въ гораздо большей степени*, чѣмъ *само обвиненіе, ниспровергаетъ его теорію*".

Стр. 100: „А изъ этого прямо слѣдуетъ, что такой *хитрой* и *курьезной штуки, какъ измышленный Дарвиномъ подборъ*, не существуетъ, не существовало и не можетъ существовать".

Стр. 131: „Обращеніе (Дарвина) съ фактами было *не честное*, т.-е. не безпристрастно научное, что, собственно говоря, они были перетолкованы и подобраны въ видѣ посторонней цѣли. Оправ-

даніе Дарвина выходитъ очень *наивнымъ* и обращается въ *полное обвиненіе*".

Стр. 177: „Я доказалъ, что еслибы органическій міръ образовался по началамъ дарвиновской теоріи, не произошелъ бы и тотъ міръ, который мы имѣемъ подъ глазами, а міръ совершенно иной, съ инымъ совершенно свойствомъ—міръ, *который представляется чѣмъ-то нелѣпымъ и безсмысленнымъ*".

Стр. 23: „Если же принять, что все это совершается посредствомъ соотвѣтственной измѣнчивости, то это составитъ прямую противоположность съ *основнымъ принципомъ дарвинизма, со смысломъ всей теоріи, для того именно и предложенной, чтобы устранить всѣ подобныя (Кювье и Бэра) начала, предполагающія цѣли, постановляющія Верховный Разумъ*".

Съ особенною рельефностью обрисовывается отношеніе Данилевскаго къ ученію Дарвина въ послѣдней, 14-й главѣ, которая названа заключеніемъ и содержитъ краткій сводъ всѣхъ возраженій Данилевскаго. Характеръ ея уже вполнѣ ясно виденъ изъ перечисленія ея содержанія, въ составъ котораго входятъ: перечисленіе 15 главныхъ ошибочныхъ выводовъ Дарвина, дѣлающихъ *его ученіе фактически невозможнымъ*, и *логическія ошибки*, приведшія Дарвина къ ложнымъ заключеніямъ, лежащія въ основаніи его ученія: 1) *неправильная и пристрастная оцѣнка вѣроятностей*, 2) *двойственность логики*, 3) *признаніе и преувеличеніе выгодной для теоріи стороны явленій и упущеніе изъ виду невыгодной*, 4) *логическая непослѣдовательность*, 5) *недостаточная глубина анализа*, 6) *довольствованіе невыдержанными и недостаточными аналогіями*, 7) *неточность въ опредѣленіи существенныхъ для теоріи понятій*, 9) *неправильное пониманіе теоріи*, 10) *психическія и національныя причины ошибокъ Дарвина* и проч. Окончательной же иллюстраціей впечатлѣнія, произведеннаго дарвинизмомъ на Данилевскаго, можетъ служить слѣдующая выписка заключительныхъ словъ послѣдней главы второй части перваго тома (стр. 529): „теперь же считаю должнымъ и возможнымъ уже выразить свое убѣжденіе, что изъ всѣхъ міровоззрѣній дарвиновъ взглядъ на природу есть наименѣе эстетическій. Строго проведенное механическое міровоззрѣніе (конечно, еслибы оно было возможно) представляется намъ величаво-безстрастнымъ, обладающимъ грознымъ величіемъ, передъ которымъ намъ остается только преклониться, какъ передъ древнимъ фатумомъ. По ученію пантеистовъ, мы связаны съ міромъ сочувственною связью, мы одушевлены тѣмъ же духомъ, который животворитъ и всю природу и въ насъ до-

стигаетъ сознанія самого себя; законы нашей логики суть тѣ самые, по которымъ создавался и развивался міръ. Ученіе новѣйшихъ пессимистовъ носитъ на себѣ элегическій характеръ сознанія несчастія, удручающаго весь міръ, которое какимъ-то непонятнымъ, конечно, образомъ раздѣляетъ самъ виновникъ всего феноменальнаго бытія, безсознательное абсолютное, которое, также неизвѣстно почему, для чего и какъ, старается разными путями избавить міръ, насъ и себя отъ горя бытія. Но какимъ жалкимъ, мизернымъ представляются міръ и мы сами, въ коихъ вся стройность, вся гармонія, весь порядокъ, вся разумность являются лишь частнымъ случаемъ безсмысленнаго и нелѣпаго; всякая красота—случайною частностью безобразія; всякое добро—прямою непослѣдовательностью во всеобщей борьбѣ, и космосъ—только случайнымъ, частнымъ исключеніемъ изъ бродящаго хаоса. *Подборъ —это печать безсмысленности и абсурда, напечатлѣнная на челѣ мірозданія*, ибо это—замѣна разума случайностью. Никакая форма грубѣйшаго матеріализма не спускалась до такого низменнаго міросозерцанія, по крайней мѣрѣ ни у одной не хватало на это послѣдовательности. Онѣ останавливались и не смѣли или не умѣли идти далѣе, по единственному, впрочемъ, имъ открытому пути, ибо, повторяю еще разъ, *эта честь должна быть оставлена за дарвинизмомъ*, что, претендуя объяснить одну частность: происхожденіе и гармонію органическаго міра, хотя и безмѣрно важную, но все-таки частность,—онъ въ сущности заключаетъ въ себѣ цѣлое міровоззрѣніе".

„Шиллеръ, въ великолѣпномъ стихотвореніи: „Покрывало Изиды", заставляетъ юношу, дерзнувшаго приподнять покрывало, скрывавшее ликъ истины, пасть мертвымъ къ ногамъ ея. Если ликъ истины носилъ на себѣ черты этой философіи случайности, если несчастный юноша прочелъ на немъ роковыя слова: *естественный подборъ*, то онъ палъ, пораженный не ужасомъ передъ грознымъ ея величіемъ, а долженъ былъ умереть отъ тошноты и омерзѣнія, перевернувшихъ всѣ его внутренности, при видѣ гнусныхъ и отвратительныхъ чертъ ея мизерной фигуры. Такова должна быть и судьба человѣчества, если *это—истина*".

Итакъ, плодомъ многолѣтняго и многосторонняго изученія дарвинизма явилось въ Данилевскомъ омерзѣніе до тошноты къ естественному подбору и ко всему міровоззрѣнію дарвинистовъ. Невольно возникаетъ вопросъ: въ чемъ лежитъ причина такого исключительнаго настроенія Данилевскаго, идущаго въ разрѣзъ съ чувствомъ глубокаго уваженія къ Дарвину и его ученію не только горячихъ сторонниковъ, но даже и противниковъ главнѣйшихъ его поло-

женій? Никто изъ послѣднихъ не позволялъ себѣ выходокъ, подобныхъ тѣмъ, которыми испещрено сочиненіе Данилевскаго.

Секретъ чрезмѣрнаго раздраженія и нападокъ Данилевскаго на Дарвина и его ученіе выясняется слѣдующею выпискою изъ введенія (стр. 18): „Важность его (Дарвинова ученія) такова, что я твердо убѣжденъ, что нѣтъ другого вопроса, который равнялся бы ему по важности ни въ одной области нашего знанія и ни въ одной области практической жизни. Вѣдь это, въ самомъ дѣлѣ, вопросъ о *„быть или не быть"* въ самомъ полномъ и въ самомъ широкомъ смыслѣ. Можно ли, слѣдовательно, полагаться въ вопросѣ такой важности на то, что̀ скажутъ другіе, хотя бы и самые высшіе авторитеты, хотя бы даже сама современная наука, какъ любятъ у насъ выражаться"... „Вопросъ, рѣшаемый Дарвиномъ, неизмѣримо важнѣе всего имущества и всѣхъ благъ, и жизни не только каждаго изъ насъ въ отдѣльности, но жизни всѣхъ насъ и всего нашего потомства въ совокупности. Дарвинизмомъ устраняются послѣдніе слѣды того, что̀ принято теперь называть мистицизмомъ, устраняется даже мистицизмъ законовъ природы, мистицизмъ разумности міразданія. А если нѣтъ разумности, то, конечно, и самъ разумъ, какъ божественный, такъ и нашъ человѣческій, устраняется или является однимъ изъ частныхъ случаевъ нелѣпости, безсмысленности, случайности, которыя и остаются истинными, единственными господами міра и природы. Вотъ вопросъ, который предложенъ намъ дарвинизмомъ! Достаточной ли онъ важности и существуетъ ли важнѣйшій?"

На стр. 1-ой введенія Данилевскій поясняетъ: „Въ настоящемъ трудѣ я намѣренъ представить читателямъ полный и строгій разборъ Дарвинова ученія. Кругъ читателей, къ которому я обращаюсь по плану этой книги, не долженъ ограничиться учеными спеціалистами: зоологами и ботаниками. По *преимуществу* имѣю я въ виду образованныхъ читателей вообще, для которыхъ собственно *чужда* зоологическая и ботаническая спеціальности".

Стр. 2: „Еслибы Дарвиново ученіе заключалось въ какомъ-нибудь, хотя бы и *самомъ важномъ*, зоологическомъ или ботаническомъ открытіи изъ области фактической или теоретической, *какое собственно было бы до этого дѣло образованному читателю вообще*? Оно могло бы заинтересовать его на нѣкоторое время, чтобы преспокойно быть потомъ отложеннымъ въ сторону, какъ дѣло, въ сущности, его не касающееся".

Стр. 3: „Но между тѣмъ какъ всѣ эти, въ высшей степени замѣчательныя, открытія такъ и остались въ области зоологіи, ботаники, геологіи,—Дарвиново ученіе овладѣло умами ученыхъ

всѣхъ спеціальностей, всего образованнаго и полуобразованнаго общества и не останется, и даже не остается уже безъ сильнаго вліянія и на людей совершенно необразованныхъ".

Стр. 4: „Ученіе это содержитъ въ себѣ особое міросозерцаніе, высшій объяснительный принципъ не для какой-нибудь спеціальности, хотя бы и самой важнѣйшей, но для цѣлаго міростроенія, объясняющій собою всю область бытія".

На стр. 6-ой, Данилевскій укоряетъ Дарвина въ томъ, что хотя Дарвинъ этого не сдѣлалъ (т.-е. не представилъ механическаго объясненія происхожденія органическихъ формъ), но, тѣмъ не менѣе, „оказалъ другую услугу матеріалистическому міровоззрѣнію, доставивъ ему совершенно иную точку опоры". По мнѣнію Данилевскаго, „Дарвинъ замѣнилъ принципъ механической необходимости принципомъ *абсолютной* случайности, которая является у него (Дарвина) верховнымъ объяснительнымъ началомъ той именно части міра, которая представлялась носящею на себѣ печать наибольшей разумности и цѣлесообразности".

Стр. 7 и 8: „Вмѣсто такой неопредѣленной надежды на прогрессъ науки въ извѣстномъ смыслѣ и направленіи, дарвинизмъ, *казалось*, далъ (матеріалистамъ) возможность подвести неорганическій міръ, со всѣми его дивными приспособленіями органа къ органу и цѣлыхъ организмовъ къ внѣшней средѣ, подъ общее матеріалистическое воззрѣніе на природу. Сама тайна происхожденія разнообразія органическихъ формъ объяснялась до очевидности простыми, повсемѣстно наблюдаемыми, самими по себѣ понятными явленіями, или кажущимися, по крайней мѣрѣ, таковыми. Верховному разуму не остается болѣе мѣста въ природѣ, или, по крайней мѣрѣ, онъ становится чѣмъ-то излишнимъ, безъ котораго очень хорошо можно, а слѣдовательно и должно обойтись". Вслѣдъ за этимъ, однако, Данилевскій продолжаетъ: „правда, что самъ Дарвинъ и не думаетъ отвергать ни Бога, ни его творческой дѣятельности, не говоря уже о принимаемомъ имъ сотвореніи первобытной органической ячейки. Вотъ собственныя слова его, сказанныя по поводу усовершенствованнаго строенія глàза на различныхъ ступеняхъ органической лѣстницы: „Пусть этотъ процессъ будетъ происходить въ теченіе милліоновъ лѣтъ и въ теченіе каждаго года на милліонахъ особей разныхъ видовъ; можемъ ли мы не повѣрить, что живой оптическій инструментъ могъ бы этимъ путемъ стать настолько совершеннѣе стекляннаго, насколько дѣла Создателя совершеннѣе дѣлъ рукъ человѣческихъ?"

Затѣмъ Данилевскій продолжаетъ: „Но вѣдь этотъ путь есть

путь *абсолютной* случайности, а *абсолютная* случайность не только не предполагаетъ разумнаго руковожденія божества, но, напротивъ того, совершенно его отвергаетъ, и во всякомъ случаѣ не имѣетъ въ немъ ни малѣйшей надобности".

„Такимъ образомъ, матеріализмъ изъ непослѣдовательнаго ученія, изъ предвзятаго взгляда, *повидимому*, одинъ только и сдѣлался вполнѣ послѣдовательнымъ, вполнѣ отрѣшеннымъ отъ всего предвзятаго, отъ всего предразсудочнаго. Напротивъ того, идеализмъ потерялъ всякую фактическую почву, лишился главной фактической, положительно-научной опоры. Изъ послѣдовательнаго онъ сдѣлался непослѣдовательнымъ, могущимъ держаться именно только благодаря предвзятымъ идеямъ, предразсудочнымъ понятіямъ".

Изъ вышеприведенныхъ словъ ясно видно, за что Данилевскій негодуетъ главнымъ образомъ на дарвинизмъ и, подвергая его жестокому преслѣдованію, всѣми мѣрами старается выставить самое ученіе и великаго творца его въ возможно неблаговидномъ свѣтѣ: Данилевскій особенно раздраженъ тѣмъ, что дарвинизмъ послужилъ какъ бы новою точкою опоры для ученія матеріалистовъ, лишая въ то же время научной почвы ученіе идеалистовъ.

При этомъ, однако, Данилевскій заявляетъ, что эта точка опоры только кажущаяся; онъ пишетъ: „дарвинизмъ, *казалось*, далъ", и пр., а далѣе (см. выше) указываетъ, что самъ Дарвинъ не только этого не сдѣлалъ, но что и не могъ этого сдѣлать, будучи человѣкомъ религіознымъ.

Дарвинизмъ, слѣдовательно, служитъ въ книгѣ Данилевскаго лишь жертвой искупленія за погрѣшности матеріалистовъ, которые воспользовались выводами ученія Дарвина и, истолковывая ихъ въ свою пользу, полагали найти въ нихъ новую точку опоры для своего міровоззрѣнія. Упрекъ неосновательный, такъ какъ подобному нареканію можетъ быть подвергнуто всякое научное открытіе или теорія, даже изъ наиболѣе полезныхъ, въ виду возможности примѣненія того и другого къ преступнымъ или вреднымъ цѣлямъ.

До научнаго же значенія ученія Дарвина Данилевскому было въ данномъ случаѣ, повидимому, мало дѣла: „какое собственно было бы дѣло образованному читателю вообще (для котораго преимущественно написалъ свою книгу Данилевскій) „еслибы Дарвиново ученіе заключалось хотя бы въ *самомъ важномъ* зоологическомъ или ботаническомъ открытіи".

Этимъ индифферентизмомъ къ значенію ученія Дарвина въ

современной разработкѣ біологическихъ задачъ и объясняется односторонній, узкій и, по моему мнѣнію, неосновательный взглядъ Данилевскаго на Дарвина и его теорію. Данилевскій или забылъ или, можетъ быть, и не подозрѣвалъ, какое громадное значеніе имѣютъ труды Дарвина для біологическихъ наукъ, иначе онъ не ставилъ бы вопроса: „какъ могло случиться, что ученіе, встрѣченное, при самомъ своемъ появленіи, съ почти единодушнымъ восторгомъ и вотъ уже четверть столѣтія господствующее въ ученомъ мірѣ и пріобрѣтающее все новыхъ и новыхъ поклонниковъ и послѣдователей, не успѣло обнаружить своихъ недостатковъ *въ глазахъ столькихъ спеціалистовъ и въ теченіе столь долгаго времени?*" (стр. 464-я 2-й части перваго тома) и не разрѣшалъ бы его дѣтски наивно слѣдующимъ образомъ (стр. 480): „Если мы не можемъ приписать его всепобѣждающей силѣ истины, то имѣемъ передъ собою, повидимому, *весьма странное культурное явленіе*. Дѣйствительно, было бы надъ чѣмъ задуматься, еслибы исторія вообще и исторія наукъ въ особенности не показывали намъ, что временный и долговременный успѣхъ нимало не служатъ ручательствомъ разумности ученія; и наоборотъ, что очень продолжительное отсутствіе успѣха было часто удѣломъ истинъ нравственныхъ, эстетическихъ и научныхъ". Далѣе, на той же стр. 480-й: „для успѣха необходимо появиться своевременно. Если это условіе выполнено, то истинность или ложность теорій и ученій оказывается уже весьма (?) второстепеннымъ условіемъ успѣха. Вотъ это-то счастіе: явиться своевременно—и имѣло дарвиново ученіе".

„Новѣйшіе успѣхи естествознанія привели къ тому, что строго механическое изъясненіе явленій матеріальнаго міра стало возможнымъ во многихъ областяхъ знанія. Склонность человѣческаго ума подводить все подъ единство взгляда заставляла поклонниковъ механическаго міровоззрѣнія съ нетерпѣніемъ сносить невозможность подчинить ему и явленія психическія. На пути стояло препятствіе—міръ органическій съ его постоянными формами, видами и съ неподдающеюся отрицанію, въ глаза бросающеюся цѣлесообразностью, никоимъ образомъ не подводимыми подъ механическое объясненіе" (стр. 481). И вдругъ, совершенно неожиданно, является ученіе, которое срываетъ завѣсу съ таинственной области органическаго міра, разрѣшаетъ то внутреннее противорѣчіе, *которымъ страдало матеріалистическое* міровоззрѣніе, и разрѣшаетъ его въ сторону матеріализма. „Правда, рѣшеніе задачи не соотвѣтствовало строгимъ требованіямъ *механической* теоріи".

Стр. 483: „Поклонники идеи развитія (какъ непреложнаго закона всего сущаго) были снисходительны и не слишкомъ требовательны въ пылу своего восторга, который ихъ заставилъ просмотрѣть, что дарвиново ученіе столь же *мало имѣетъ права быть причисленнымъ къ ученіямъ эволюціоннымъ, какъ и къ ученіямъ механическимъ.* Но, за неимѣніемъ другого, сколько-нибудь логически проведеннаго, на фактахъ основаннаго ученія развитія, въ примѣненіи къ происхожденію животныхъ и растительныхъ формъ, приходилось довольствоваться и *этимъ суррогатомъ* его"... „Такимъ образомъ, и по отношенію къ приверженцамъ механическаго міровоззрѣнія, и по отношенію къ эволюціонистамъ, оправдался афоризмъ: *чего хочется, тому вѣрится,*—который и въ области чистаго знанія имѣетъ нерѣдко такое же примѣненіе, какъ и въ ежедневной практической жизни".

Къ этому, однако, на стр. 179-ой, Данилевскій прибавляетъ: „Но чѣмъ же объяснить самый этотъ необычайный и продолжительный успѣхъ дарвинова ученія? Если указанныя мною ошибки его столь очевидны, то какъ же ихъ доселѣ не замѣтили? Это послѣднее обстоятельство было бы дѣйствительно необъяснимо, еслибы существовало. Но многія изъ этихъ ошибокъ были замѣчены разными учеными, и къ числу ихъ принадлежатъ самые замѣчательные умы нашего времени изъ числа посвятившихъ себя естествознанію". Послѣ перечисленія именъ Бэра, Агассиса, Мильнъ-Эдвардса, Овена, Броньяра, Гёпперта, Бронна, Баранда, Гризебаха, Декена, Виганда, Кёлликера, Флурана, Катрфажа, Бурмейстера, Бланшара, —Данилевскій, однако, прибавляетъ: „но должно сознаться, что голосъ ихъ былъ подобенъ гласу, вопіющему въ пустынѣ".

Около тридцати лѣтъ пребывалъ слѣдовательно, по Данилевскому, почти весь ученый міръ въ какомъ-то заколдованномъ очарованіи и оцѣпенѣніи подъ вліяніемъ ученія Дарвина, не внимая даже голосу вышепоименованныхъ всѣми чтимыхъ своихъ же собратій.

Не появись „Дарвинизма" Данилевскаго, ученый міръ и теперь еще бы пребывалъ все въ томъ же жалкомъ состояніи, и неизвѣстно, сколь долго пришлось бы ему ожидать избавленія отъ вліянія тлетворнаго ученія Дарвина?

Смѣю думать, что даже въ самомъ легковѣрномъ читателѣ эти воззрѣнія Данилевскаго не могутъ не возбудить сомнѣнія. Вѣроятно ли, въ самомъ дѣлѣ, чтобы въ продолженіе почти тридцати лѣтъ большинство натуралистовъ, со включеніемъ наиболѣе заинтересованныхъ біологическими вопросами и посвятившихъ всю жизнь на ихъ изученіе, въ такой мѣрѣ были ослѣплены ученіемъ

Дарвина, что только подъ напоромъ „всесокрушающей критики Данилевскаго“ вполнѣ обнаружились недостатки и недосмотры этого ученія, и притомъ столь значительные, что и все зданіе теоріи „изрѣшетилось и, наконецъ, развалилось въ безсвязную кучу мусора“? Сомнѣніе переходитъ въ совершенное недоумѣніе при ближайшемъ ознакомленіи съ трудомъ Данилевскаго. Изъ числа приводимыхъ имъ возраженій, сравнительно лишь весьма немногія принадлежатъ автору „Дарвинизма“; громаднѣйшее большинство ихъ, и притомъ самыя вѣскія, болѣе или менѣе подробно заявлены были его предшественниками; Данилевскимъ же они лишь обстоятельнѣе разработаны и мѣстами подкрѣплены новыми примѣрами. Доказательства этому представлены мною ниже.

Постараюсь вкратцѣ выяснить „образованному, въ смыслѣ Данилевскаго, читателю“ ошибочность взгляда Данилевскаго и причины введенія его въ заблужденіе.

II.

Совершенно невѣрно, что теорія или скорѣе, согласно опредѣленію Бэра, „гипотеза Дарвина“ со всѣми выведенными имъ изъ нея слѣдствіями въ настоящее время не только „господствуетъ въ ученомъ мірѣ, но и пріобрѣтаетъ все новыхъ и новыхъ поклонниковъ и послѣдователей“ (т. 1-й, часть 2-я, стр. 464). За великими трудами Дарвина всѣ естествоиспытатели, конечно, единодушно признаютъ громадное значеніе; но такого раболѣпнаго, какъ бы стаднаго, поклоненія его теоріи, о которомъ говоритъ Данилевскій, въ настоящее время и рѣчи быть не можетъ. Существуютъ несомнѣнно еще горячіе защитники теоріи Дарвина въ полной ея цѣлости, но они представляютъ лишь болѣе или менѣе рѣдкія исключенія изъ общаго правила.

Пишущій эти строки никогда не принадлежалъ къ числу безусловныхъ поклонниковъ ученія Дарвина и въ очень существенныхъ пунктахъ расходится съ нимъ, но всегда считалъ своею священною обязанностью защищать значеніе Дарвина и его ученія въ наукѣ отъ нелѣпыхъ нареканій, признавая въ немъ одного изъ величайшихъ натуралистовъ настоящаго столѣтія [1]).

Въ чемъ же состоитъ чарующее дѣйствіе имени Дарвина

---

[1]) См. рѣчь, произнесенную мною въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1872 г., подъ заглавіемъ: „Дарвинъ и его значеніе въ біологіи“ (напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ“).

и неслыханный успѣхъ его ученія, признаваемый и самыми ожесточенными его противниками?

Не имѣя въ настоящемъ случаѣ цѣли подвергать критической оцѣнкѣ ученіе Дарвина, я постараюсь обрисовать лишь въ самыхъ крупныхъ чертахъ неизгладимыя заслуги его въ области біологическихъ разысканій.

Основною исходною точкою всѣхъ работъ Дарвина служитъ представленіе объ измѣняемости вида. Понятіе о томъ, *что такое видъ* и насколько растенія и животныя способны измѣняться, до сей минуты остается вопросомъ спорнымъ и нерѣшеннымъ. По представленіямъ, господствовавшимъ со времени Кювье, подъ видомъ подразумѣваютъ собраніе сходныхъ между собою формъ животныхъ или растеній, воспроизводящихъ новыя недѣлимыя или совершенно сходныя съ родителями, или же уклоняющіяся отъ нормы лишь въ немногихъ, очень незначительныхъ, признакахъ. Недѣлимыя одного вида не могутъ переходить въ формы другихъ видовъ, даже наиболѣе близкихъ. Всѣ видовыя формы признаются, по этому взгляду, непосредственными продуктами творенія Верховной Воли. Приверженцы этого воззрѣнія, которыхъ осталось лишь немного въ настоящее время, разсматриваютъ положеніе о *неизмѣняемости вида*, какъ выводъ, полученный индуктивнымъ путемъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы не въ состояніи привести ни одного несомнѣннаго случая превращенія типичнаго вида въ другой [1]). Съ фактической стороны, слѣдовательно, сторонники *неизмѣняемости вида* совершенно правы. Но въ то же время нельзя не сознаться, что вопросъ этотъ едва ли позволительно считать окончательно рѣшеннымъ; имѣющіеся на-лицо отрицательные факты *не дозволяютъ*, правда, пока *утверждать, что виды измѣняемы*, но они не въ состояніи окончательно опровергнуть возможности этого въ окружающей насъ природѣ.

Хорошей иллюстраціей современнаго неопредѣленнаго представленія о видѣ можетъ служить слѣдующее сравненіе, заимствованное мною изъ сочиненія Виганда (Der Darwinismus und die Naturforschung Newtons und Cuviers, т. I, стр. 37 и 38).

---

[1]) Изъ растительнаго царства мнѣ не извѣстно ни одного превращенія вида въ другой. Зоологи указали мнѣ лишь на наблюденія Шманкевича надъ измѣняемостью формы нѣкоторыхъ рачковъ подъ вліяніемъ различія въ солености воды. Интересныя сами по себѣ данныя Шманкевича относительно перехода одной формы рачковъ въ другую не могутъ, однако, еще, по моему мнѣнію, служить достаточно надежными фактами при рѣшеніи занимающаго насъ вопроса, въ виду несовершенной разработки Шманкевичемъ метода изслѣдованія и недостаточно строгаго веденія опытовъ культуры при выращиваніи рачковъ.

Вигандъ утверждаетъ, что если даны двѣ линіи, представляющіяся намъ параллельными на всемъ пространствѣ, доступномъ нашему наблюденію, то, несмотря на возможность доказательства въ будущемъ ихъ пересѣченія, мы все-таки въ настоящее время не только *смѣемъ*, но и *обязаны*, согласно опытнымъ даннымъ, считать ихъ за параллельныя. Подобно этому, продолжаетъ Вигандъ, мы обязаны считать *виды неизмѣняемыми*, пока фактическія данныя не убѣдятъ насъ въ противномъ.

Мнѣ кажется, что разсужденія эти совершенно неправильны. Въ вышеприведенномъ случаѣ, по моему мнѣнію, въ виду возможной параллельности или сходимости данныхъ линій, мы не только смѣемъ, но обязаны постоянно имѣть въ виду обѣ эти возможности, особенно въ томъ случаѣ, если онѣ, какъ въ вышеприведенномъ понятіи о видѣ, служатъ исходною точкою или посылкой для цѣлаго ряда заключеній и выводовъ.

Недоставало попытки разсмотрѣть всѣ накопившіяся фактическія данныя съ точки зрѣнія измѣняемости вида. Эту трудную задачу исполнилъ Дарвинъ, положивъ на разработку ея болѣе двадцати лѣтъ самаго усидчиваго труда. Всѣ работы Дарвина можно, мнѣ кажется, разсматривать какъ попытку перестроить, исходя изъ гипотезы измѣняемости вида, сложившіяся воззрѣнія на органическую природу. Въ противоположность прежнему воззрѣнію, Дарвинъ производитъ всѣ нынѣ существующія формы животныхъ и растеній изъ простѣйшихъ, путемъ медленнаго усложненія организаціи, причемъ почти исключительнымъ импульсомъ признается постепенное приспособленіе организмовъ къ условіямъ жизни въ окружающей ихъ средѣ; вслѣдствіе чрезвычайно большого количества нарождающихся недѣлимыхъ, несоразмѣрнаго не только съ количествомъ пищи, но даже и съ пространствомъ, въ которомъ обречены жить животныя и растенія, только наиболѣе приспособленнымъ удается упрочить за собою потомство, между тѣмъ какъ всѣ остальныя гибнутъ въ борьбѣ за существованіе.

Прошло ровно тридцать лѣтъ со времени появленія перваго изданія знаменитаго сочиненія Дарвина: „О происхожденіи видовъ", въ которомъ впервые обстоятельно изложено это ученіе; многія изъ основныхъ положеній его оказались несостоятельными, многое измѣнено впослѣдствіи самимъ Дарвиномъ,—тѣмъ не менѣе плодомъ непрерывныхъ обсужденій и горячихъ споровъ о томъ: *что такое видъ* и о *происхожденіи видовъ*—оказалось громадное большинство среди ученыхъ, допускающее измѣняемость вида и принимающее *гипотезу* происхожденія всѣхъ нынѣ живущихъ

формъ животныхъ и растеній изъ простѣйшихъ, путемъ усложненія ихъ организаціи.

Трудами Дарвина вызвано, главнымъ образомъ, признаніе громаднымъ большинствомъ ученыхъ гипотезы *трансформизма* или *эволюціи*, столь плодотворной въ примѣненіи къ разслѣдованію біологическихъ вопросовъ.

Представляя лишь частный случай детальной разработки гипотезы *трансформизма*, ученіе Дарвина находится въ столь тѣсной связи съ нимъ, что даже при невѣроятномъ предположеніи признанія въ будущемъ полной несостоятельности взгляда Дарвина на способъ происхожденія сложныхъ органическихъ формъ изъ низшихъ труды его навсегда сохранятъ свое значеніе, и славное имя Дарвина съ благоговѣніемъ будетъ произноситься естествоиспытателями въ продолженіе многихъ грядущихъ поколѣній.

Не менѣе важнымъ вкладомъ Дарвина въ науку, находящимся въ непосредственной связи съ признаніемъ измѣняемости вида, я считаю введеніе имъ новаго метода разысканія при морфологическихъ вопросахъ, при посредствѣ котораго ему удалось расширить кругъ вопросовъ, подлежащихъ морфологическимъ разслѣдованіямъ, и кореннымъ образомъ видоизмѣнить ихъ рѣшеніе.

Въ періодъ, предшествовавшій Дарвину, морфологи ограничивались, какъ при изученіи развитія организмовъ, такъ и ихъ готовыхъ, вполнѣ развитыхъ формъ, или только описаніемъ послѣдовательныхъ стадій развитія и готовой формы, или же старались выяснить ходъ развитія органа или организма по отношенію къ функціи, для которой они предназначены, т.-е. разслѣдовали ихъ съ точки зрѣнія цѣлесообразности или цѣлестремительности (Zielstrebigkeit, Бэра).

Особенно краснорѣчиваго защитника этого рода морфологическихъ разысканій мы имѣемъ въ знаменитомъ, теперь уже покойномъ, зоологѣ Бэрѣ. Нижеслѣдующею выдержкою изъ втораго тома его: *Studien aus dem Gebiete der Naturwissenschaften* (1876), посвященномъ почти исключительно выясненію этого вопроса въ связи съ критикой теоріи Дарвина, всего лучше выясняются характерныя особенности этого взгляда. Прилагая свой методъ (отыскиванія цѣлестремительности) къ изученію развитія куринаго зародыша въ яйцѣ, Бэръ пишетъ на стр. 195: „Подъ пористою скорлупою его мы находимъ бѣлокъ, внутри его желтокъ, на поверхности котораго виднѣется въ одномъ мѣстѣ небольшая бѣлая пластинка—зародышъ". Стр. 199: „Уже въ яйцѣ, только-что снесенномъ курицей, имѣется приспособленіе къ пере-

мѣщенію зародыша къ верхней поверхности яйца, независимо отъ случайнаго положенія яйца. Этимъ достигается, при всякомъ положеніи яйца, близость зародыша къ тѣлу насѣдки, согрѣвающей яйца своею теплотою. Чѣмъ достигается это приспособленіе? Очень простымъ способомъ: при осторожномъ вскрытіи яйца легко замѣтить, что изъ центральной, шаровидной массы желтка выступаютъ къ обоимъ концамъ яйца, тупому и острому, спирально завитые шнуры; бѣлокъ, непосредственно прилегающій къ желтку и его шнурамъ, плотнѣе остальной массы бѣлка. Эти шнуры съ плотнымъ, прилегающимъ къ нимъ, бѣлкомъ обхватываютъ центральный желтокъ такимъ образомъ, что по одну сторону ихъ приходится мѐньшая и, слѣдовательно, болѣе легкая часть его, а съ другой—болѣе тяжелая, бо̀льшая; на малой, легкой, части желтка сидитъ зародышъ, который поэтому, при всякомъ положеніи яйца, приходится близъ верхней стороны его".

Несомнѣнно, что это замѣчательное устройство частей яйца находится въ непосредственной связи съ практикуемой въ природѣ выводкою яйца нагрѣваніемъ его сверху тѣломъ насѣдки, и нельзя не согласиться, что изученіе подобныхъ случаевъ цѣлестремительности въ природѣ представляетъ неоспоримо высокій научный интересъ. Но послѣдуемъ за Бэромъ далѣе. Стр. 195: „При согрѣваніи яйца пластинка (зародышъ) эта разростается, по срединѣ дѣлается толще, и на этомъ протяженіи обрисовываются маленькія пятна, которыя своею совокупностью образуютъ рядъ позвонковъ. Вначалѣ голова неясно отграничена отъ позвонковъ; вскорѣ, однако, она загибается дугою и, какъ бы уплотнившись, дѣлается въ то же время шире и выше. Еще до яснаго обособленія позвонковъ образуются по обѣ стороны ихъ двѣ складки, которыя впослѣдствіи сростаются краями и образуютъ трубку. Внутренняя стѣнка послѣдней постепенно отдѣляется отъ наружной и превращается въ головѣ въ головной мозгъ, а въ туловищѣ—въ спинной мозгъ". Стр. 196: „Первые зачатки глазъ обнаруживаются уже на второй день высиживанія. Здѣсь мы видимъ, слѣдовательно, постепенное развитіе въ совершенной темнотѣ о̀ргана, предназначеннаго для воспріятія и передачи въ мозгъ свѣтовыхъ впечатлѣній, органа съ чрезвычайно сложными и спеціально для этой функціи приноровленными особенностями строенія". Стр. 197: „Ко времени образованія кишечной полости тѣла выростаютъ изъ туловища по два отростка съ каждой стороны—первые зачатки конечностей. Передняя пара ростетъ медленнѣе и, уступая въ величинѣ задней, превращается въ крылья; задняя пара ростетъ быстрѣе и образуетъ ноги. Слѣ-

довательно въ зародышѣ выраженъ уже характеръ птицы въ то время, когда крылья и ноги еще слишкомъ слабы для исполненія своей функціи. Въ неоспоримой связи съ потребностями формующейся птицы въ будущемъ, легкія, развивающіяся, какъ у млекопитающихъ, чрезъ выпячиваніе зѣва, верхнею стороной прикладываются къ хребетному столбу, съ другой же выростають во множество полыхъ отростковъ, которые частью проникаютъ въ полость тѣла птицы, частью же входятъ въ кости, образуя въ нихъ пузыри, наполненные воздухомъ". Опуская дальнѣйшія подробности развитія цыпленка, а равно и любопытныя цѣлестремительныя (по Бэру) проявленія инстинкта животныхъ, перехожу къ заключительнымъ словамъ Бэра на стр. 232: „Въ заключеніе замѣтимъ, что мы называемъ цѣлестремительнымъ или цѣлесообразнымъ такой процессъ, результатъ котораго заранѣе опредѣленъ; наиболѣе наглядными примѣрами представляются процессы развитія организмовъ, такъ какъ, въ отсутствіи этого отношенія, не можетъ произойти не только опредѣленный, но и никакой другой организмъ. Также въ продолженіе всей остальной жизни каждая отдѣльная фаза развитія дѣлается осуществимою лишь при посредствѣ цѣлаго ряда предыдущихъ, всякая стадія развитія имѣетъ цѣль въ будущемъ. Каждый организмъ преслѣдуетъ свои собственныя цѣли, а также и цѣли по отношенію къ другимъ организмамъ. Особенно настаиваю я на томъ, что предразсудительно полагать, чтобы изъ процессовъ развитія организмовъ можно было выяснить *причину* (das Wodurch) наблюдаемыхъ явленій. Напротивъ того, легко познается то, *для чего*, а не *чрезъ что*. Обращаясь вновь къ вышеописанному на стр. 201 дѣленію желтка лягушки, мы видимъ, что первоначальная клѣтка яйца постепенно дѣлится на безчисленное множество другихъ. Легко распознать, *для чего*: зародышъ начинаетъ съ накопленія безчисленныхъ клѣтокъ свое развитіе. Но никто не скажетъ, *чѣмъ*, т.-е. какими физическими средствами, вызывается дѣленіе. Подобнымъ же образомъ можно распознать, *для чего* размножаются клѣтки развивающейся сплошной части зародыша и *для чего* поднимаются по ней двѣ долевыя складки; но *чѣмъ* или, точнѣе, какими физическими средствами это достигается, сказать невозможно. При этомъ, однако, выясняется, что всѣ эти процессы, какъ и всѣ послѣдующіе, имѣютъ задачею построить животное, т.-е. что они всѣ цѣлестремительны".

Противъ этой односторонней цѣли морфологическихъ разысканій и возсталъ Дарвинъ и на цѣломъ рядѣ примѣровъ показалъ возможность разработывать морфологическіе вопросы не только

съ точки зрѣнія *цѣлесообразности* или *цѣлестремительности*, но и со стороны *причинности* явленій. Преобладающимъ въ его изслѣдованіяхъ является вопросъ, *отъ чего*, а не *для чего*, какъ у Бэра и его послѣдователей. Первыя научныя попытки въ этомъ направленіи были уже давно сдѣланы Ламаркомъ, но ученіе послѣдняго, основанное лишь на весьма шаткомъ фактическомъ основаніи, просуществовало недолго и совсѣмъ было забыто, уступивъ мѣсто діаметрально противоположнымъ воззрѣніямъ Кювье.

За Дарвиномъ навсегда останется неотъемлемая заслуга, что онъ не только предложилъ, но и съумѣлъ завоевать право гражданства за подобнаго рода разслѣдованіями.

Для болѣе нагляднаго выясненія своей мысли я остановлюсь на слѣдующемъ простомъ примѣрѣ: давно было замѣчено, что какъ хищныя, такъ и поѣдаемыя послѣдними травоядныя животныя часто представляютъ окраску, до чрезвычайности сходную съ окружающею ихъ средой. По господствовавшему до Дарвина воззрѣнію, принимали, что всѣ организмы вышли изъ рукъ Создателя въ томъ видѣ, въ какомъ мы ихъ видимъ, вслѣдствіе чего вопросы, подобные вышеприведенному, о соотношеніи окраски животныхъ со средой, считались стоящими внѣ строго научныхъ разысканій. Если же допустить гипотезу трансформизма и придерживаться точки зрѣнія Дарвина, то вопросъ этотъ переходитъ, какъ сейчасъ увидимъ, въ категорію вопросовъ, разрѣшаемыхъ научнымъ путемъ. Дарвинъ усматриваетъ причину окраски, какъ хищныхъ, такъ и служащихъ имъ пищею животныхъ, въ прошедшемъ; она выработалась, по его мнѣнію, лишь со временемъ и притомъ не подъ вліяніемъ непосредственныхъ внѣшнихъ условій, каковы свѣтъ, тепло, влажность и др., а исключительно въ зависимости отъ условій біологическихъ. Изъ животныхъ хищныхъ, разнящихся между собою лишь окраской, только случайно окрашенныя подъ цвѣтъ мѣстности и, слѣдовательно, менѣе примѣтныя имѣли наиболѣе шансовъ доставать себѣ пищу и упрочить за собою потомство; остальныя же, при недостаткѣ пищи, обречены были въ большей или меньшей степени на погибель. На основаніи сходныхъ соображеній, слѣдуетъ также, что и изъ животныхъ, преслѣдуемыхъ хищными, подходящія наиболѣе къ мѣстности по окраскѣ будутъ имѣть наиболѣе шансовъ къ размноженію и пріобрѣтенію перевѣса надъ остальными. Принимая наслѣдственную передачу полезныхъ признаковъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, Дарвинъ даетъ объясненіе, т.-е. указываетъ на причины, на то, *чѣмъ* вызывается наблюдаемая окраска. Дарвинъ примѣняетъ подобныя же разсужденія къ органамъ, служащимъ для распознаванія до-

бычи или врага, къ органамъ передвиженія, схватыванія и овладѣванія добычей, и находитъ возможнымъ выяснить, путемъ возникновенія и суммированія полезныхъ особенностей строенія въ этихъ органахъ, болѣе или менѣе глубокія измѣненія какъ въ формѣ, такъ и организаціи животныхъ, и выводитъ теперь существующія формы изъ прежнихъ, отъ нихъ совершенно отличныхъ.

Къ этой же категоріи предметовъ, вовлеченныхъ Дарвиномъ въ кругъ вопросовъ, подлежащихъ научной разработкѣ, принадлежатъ различные случаи недоразвитія органовъ, доходящаго до полной атрофіи, вслѣдствіе неупотребленія ихъ животнымъ. Изъ примѣровъ, указанныхъ Дарвиномъ, я остановлюсь лишь на слѣдующемъ (Entstehung d. Arten. 7 Aufl. нѣм. переводъ, стр. 160). „Извѣстно, что въ пещерахъ Каринтіи и Кентукки живутъ совершенно слѣпыя животныя изъ различнѣйшихъ классовъ. У нѣкоторыхъ краббовъ еще сохранился лишь длинный черепокъ, служившій подставкой глазу; штативъ телескопа остался, между тѣмъ трубы телескопа со стеклами уже нѣтъ“. По изслѣдованіямъ Шіота (Schiödte), животныя известковыхъ пещеръ Каринтіи и мамонтовой пещеры въ Кентуки, настолько лишь между собою сходны, насколько сходны вообще фауны Сѣверной Америки и Европы. По показанію Шіота, „подземныя фауны эти представляютъ лишь небольшіе отпрыски фауны граничащей съ пещерами мѣстности; по мѣрѣ проникания въ глубь пещеры, обитатели ея постепенно приспособлялись къ окружающимъ условіямъ, между прочимъ и къ болѣе слабому свѣту, замѣненному въ глубинѣ пещеры совершенной темнотой“. Во всякомъ случаѣ, близкое сродство слѣпыхъ обитателей пещеръ съ формами, внѣ пещеръ живущими, съ большою вѣроятностью указываетъ на происхожденіе первыхъ отъ послѣднихъ, при атрофіи, болѣе или менѣе полной, глазъ, вслѣдствіе неупотребленія органа зрѣнія, за отсутствіемъ свѣта.

Подобныя же попытки были произведены Дарвиномъ съ цѣлью объяснить развитіе, путемъ подбора, при содѣйствіи насѣкомыхъ, большихъ красивыхъ и ярко окрашенныхъ цвѣтовъ, происхожденіе яркой окраски и развитія голоса у самцовъ птицъ половымъ подборомъ, и въ отношеніи происхожденія человѣка изъ животныхъ. Хотя не всѣ эти разслѣдованія произведены съ одинаковымъ успѣхомъ и въ особенности послѣднія подвергались неоднократно сильнымъ, отчасти заслуженнымъ нападкамъ, тѣмъ не менѣе за Дарвиномъ остаются неотъемлемыя заслуги: 1) разработка гипотезы трансформизма, подкрѣпленной цѣлымъ рядомъ интереснѣйшихъ разысканій, и 2) закрѣпленіе въ наукѣ пред-

ставленія объ измѣняемости вида, неразрывно связанной съ гипотезой трансформизма.

III.

Посмотримъ, что̀ говоритъ о дарвинизмѣ Данилевскій. Отлагая болѣе подробный разборъ критики дарвинизма Данилевскимъ на нѣкоторое время, я остановлюсь прежде всего на разборѣ главнаго обвиненія, взводимаго имъ на дарвинизмъ. Изъ всего вышесказаннаго несомнѣнно слѣдуетъ, что, по мнѣнію Данилевскаго, ученіе Дарвиново, проповѣдующее принципъ абсолютной случайности, есть ученіе вредное, которое необходимо уничтожить, и, покончивъ съ нимъ, стараться, для своего душевнаго спокойствія, совершенно искоренить изъ памяти и, по возможности, никогда не вспоминать его.

Признаюсь, что во все время многосторонняго изученія теоріи Дарвина мнѣ никогда не приходилось испытывать и тѣни подобнаго ощущенія, и никогда не могъ я усмотрѣть въ немъ проведенія принципа абсолютной случайности, связаннаго будто бы неразрывно съ отрицаніемъ Божества, взгляда, несогласнаго даже, по вышеприведеннымъ выпискамъ изъ Данилевскаго, съ міровоззрѣніемъ самого Дарвина. Ничего сходнаго со взглядомъ Данилевскаго не высказываетъ ни одинъ изъ анти-дарвинистовъ между натуралистами.

Въ подтвержденіе высказаннаго мною мнѣнія, что признаніе дарвинизма согласно съ религіознымъ чувствомъ и отнюдь не ведетъ обязательно къ матеріализму, я приведу дословныя показанія трехъ авторитетныхъ свидѣтелей: Виганда, Бэра и одного англійскаго духовнаго лица (по цитатѣ Дарвина).

Извѣстный ботаникъ Вигандъ, бывшій профессоромъ въ Магдебургѣ, принадлежитъ къ числу наиболѣе рѣзкихъ противниковъ теоріи Дарвина; три обширныхъ тома его сочиненія, озаглавленнаго: „Der Darvinismus und die Naturforschung Newtons und Cuviers", а также и нѣкоторыя другія его полемическія статьи, направленныя не только противъ Дарвина, но и вообще противъ теоріи трансформизма, ясно объ этомъ свидѣтельствуютъ. Въ томѣ первомъ, на стр. 379 и 380, Вигандъ пишетъ: „Ясно какъ день, что теорія трансформизма находится въ совершенномъ согласіи съ представленіемъ (даже въ библейскомъ смыслѣ) о сотвореніи міра. Дарвинъ совершенно правъ, восклицая въ концѣ своей книги: „въ самомъ дѣлѣ величественно представленіе о Создателѣ, вдохнувшемъ зачатокъ всей разнообразной жизни въ одну или

только немногія формы, вслѣдствіе чего изъ столь простого начала развился и продолжаетъ развиваться безконечный рядъ прекраснѣйшихъ и удивительнѣйшихъ формъ"... „Даже *теорія подбора*, которая отрицаетъ закономѣрное и по опредѣленному плану идущее развитіе первозародыша всей жизни и перемѣщаетъ условія развитія организмовъ во внѣшнія условія, и она далека отъ отрицанія личнаго божества; напротивъ того, теорія эта предполагаетъ на каждомъ шагу до-нельзя невѣроятное совпаденіе внутреннихъ и внѣшнихъ условій, которое можно разсматривать или какъ слѣдствіе только *слѣпой случайности*, противъ чего (Abstam. des Menschen, II, стр. 348) справедливо возстаетъ Дарвинъ, или же объяснять какъ слѣдствіе *управляющаго* всей природой *плана созданія*. Я отрицаю теорію подбора совершенно не потому,—продолжаетъ Вигандъ,—чтобы ею было оскорблено мое религіозное чувство, но только потому, что теорія эта отрицаетъ принципъ причинности и развитія, лежащій въ основѣ всѣхъ нашихъ разысканій, и съ этимъ вмѣстѣ и не признаетъ истину, что причина развитія новыхъ формъ лежитъ не во внѣшней природѣ, а кроется во всемъ предыдущемъ развитіи, начиная съ перваго проявленія жизни на землѣ. *Религія* находится совершенно внѣ нападокъ этой теоріи, и еще болѣе *наука*, которая, однако, въ состояніи парировать нанесенный ей ударъ".

Въ подобномъ же смыслѣ отзывается объ ученіи Дарвина Бэръ (Karl Ernst Baer: Studien auf dem Gebiete d. Naturwissenschaften. Darwins Lehre. Т. II, стр. 235); на стр. 273, онъ пишетъ: „я, тѣмъ не менѣе, считаю упрекъ (ученію Дарвина) въ отсутствіи религіозности неосновательнымъ. Естествоиспытатель оцѣниваетъ предлагаемое ученіе лишь съ точки зрѣнія правдивости или, по крайней мѣрѣ, высокой степени его вѣроятности". „Еслибы даже и оказалось, что высшія формы животныхъ происходятъ изъ низшихъ, то и это не должно бы было повліять на наши религіозныя убѣжденія; мы должны бы были только стараться согласить послѣднія съ новооткрытыми фактами. Къ чести Дарвина надо прибавить, что онъ постоянно избѣгалъ всякихъ рѣзкихъ нападокъ на религіозныя убѣжденія, что нерѣдко встрѣчается въ новѣйшихъ разработкахъ его теоріи другими изслѣдователями".

Въ седьмомъ изданіи сочиненія Дарвина: „О происхожденіи видовъ", находится, на стр. 554 (нѣмецкаго перевода), слѣдующее, относящееся сюда, заявленіе: „Я не вижу достаточной причины, по которой изложенныя въ настоящей книгѣ воззрѣнія могли бы противорѣчить чьему-нибудь религіозному чувству".

Извѣстный писатель духовнаго званія писалъ Дарвину, „что онъ постепенно освоился съ мыслью, что представленіе о божествѣ, создавшемъ лишь немногіе первоначальные типы (животныхъ и растеній), столь же возвышенно, какъ и представленіе о божествѣ нуждающемся въ многократномъ повтореніи акта творенія для восполненія пробѣловъ, возникающихъ вслѣдствіе дѣйствія его же собственныхъ законовъ“.

Изъ совокупности какъ впечатлѣнія, которое вынесъ я изъ изученія теоріи подбора Дарвина, такъ и изъ вышеприведенныхъ свидѣтельствъ лицъ вполнѣ компетентныхъ въ занимающемъ насъ вопросѣ, я считаю себя въ правѣ заключить, что въ сужденіи Данилевскаго о дарвинизмѣ вкралась незамѣченная имъ ошибка. Ошибка эта заключается, по моему мнѣнію, въ томъ, что онъ совершенно неправильно приписалъ дарвинизму принципъ *абсолютной* случайности, котораго Дарвинъ не имѣлъ и не могъ имѣть въ виду. Случайность же, характеризующая теорію естественнаго подбора Дарвина, есть случайность не *абсолютная*, а *относительная*, т.-е. кажущаяся таковою слабому человѣческому уму, но, въ сущности, отнюдь не безцѣльная, а заранѣе опредѣленная Создателемъ уже въ моментъ сотворенія вселенной; неопровержимымъ доказательствомъ этому служитъ признаніе Дарвиномъ личнаго божества. Съ послѣднимъ же неразрывно связано представленіе о цѣлесообразности въ природѣ и координаціи въ единое, гармоничное цѣлое всѣхъ элементовъ міозданія, при посредствѣ неизмѣнныхъ и непреложныхъ законовъ, управляющихъ ею по волѣ верховнаго Начала.

Эта случайность того же порядка, какъ кажущаяся большинству людей случайность атмосферныхъ явленій: температуры воздуха, дождя, снѣга, града, направленія и силы вѣтра, облачности и проч. Въ непосредственной зависимости отъ этихъ, повидимому, совершенно случайныхъ явленій, находится, какъ всякому извѣстно, окружающая насъ растительность. Между тѣмъ какъ нѣтъ никакой непосредственной причинной связи между зерномъ, посѣяннымъ въ почву и нуждающимся во влагѣ, или страдающимъ отъ засухи растеніемъ, съ одной стороны, и атмосферными явленіями, съ другой, — мы, тѣмъ не менѣе, ежедневнымъ опытомъ убѣждаемся, что вся растительность земного шара находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ атмосферныхъ вліяній или климата. Въ данномъ случаѣ получается, слѣдовательно, грандіозный результатъ отъ совпаденія двухъ категорій явленій, между собою ничего общаго не имѣющихъ и другъ другу совершенно чуждыхъ.

Нельзя не признать также, что безчисленнымъ множествомъ подобныхъ же случайностей опредѣляется судьба каждаго человѣка въ отдѣльности, и, несмотря на это, въ общемъ ходѣ развитія многомилліоннаго рода человѣческаго, рѣзко выступаетъ постепенный прогрессъ совершенствованія какъ въ тѣлесномъ, такъ и духовно-нравственномъ направленіи, и слѣдовательно результатомъ всѣхъ, повидимому, совершенно случайныхъ судебъ отдѣльныхъ личностей является все-таки измѣненіе человѣчества въ одномъ совершенно опредѣленномъ направленіи.

Къ совершенно подобной же категоріи кажущихся лишь случайностей относятся и случайности, обусловливающія, по мнѣнію Дарвина, все развитіе органическаго міра на землѣ, съ тою, однако, существенною разницею отъ господствующаго воззрѣнія, что, по теоріи Дарвина, развитіе организмовъ обусловливается не внутренними, кроющимися въ организмѣ, причинами, а лишь случайными внѣшними вліяніями.

Не вдаваясь теперь въ разборъ степени состоятельности теоріи подбора, я только стремлюсь здѣсь доказать, что даже, при допущеніи всѣхъ положеній этой теоріи, нѣтъ необходимости отказаться отъ признанія въ природѣ разумнаго верховнаго Начала, а слѣдовательно и отъ установленнаго имъ, при созданіи міра, соотношенія между явленіями, представляющимися намъ между собою совершенно чуждыми и, по отношенію другъ къ другу, совершенно случайными. Короче сказать, можно быть горячимъ сторонникомъ ученія Дарвина и въ то же время вѣрить въ предопредѣленіе. Ученіе Дарвина въ томъ видѣ, который онъ предложилъ, не касается вовсе теологическихъ воззрѣній, и, какъ выше было уже замѣчено, можетъ быть принято какъ матеріалистами, такъ и людьми глубоко религіозными.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что главное обвиненіе дарвинизма и ожесточенная противъ него полемика Данилевскаго неосновательна, ошибочна и поэтому должна быть отвергнута.

IV.

Перехожу теперь къ разбору возраженій Данилевскаго, направленныхъ противъ отдѣльныхъ положеній теоріи Дарвина.

Возраженія эти собраны въ пяти главахъ (съ 3-й до 7-й включительно); въ послѣдующихъ же (съ 8-й до 13-й включительно) доказывается несостоятельность ученія Дарвина на основаніи вытекающихъ изъ него послѣдствій. Въ 14-й и послѣдней

сведены всѣ возраженія ученію Дарвина и выводы критическаго разслѣдованія Данилевскаго. Точная оцѣнка возраженій, принадлежащихъ Данилевскому, чрезвычайно затруднительна, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ онъ излагаетъ возраженія отъ себя, даже и такія, относительно которыхъ онъ самъ мѣстами указываетъ, что они принадлежатъ другимъ изслѣдователямъ. Повидимому, онъ не придаетъ значенія тому, кѣмъ возраженіе сдѣлано, оцѣнивая послѣднее лишь съ точки зрѣнія вѣскости его, какъ доказательства проводимой имъ мысли или положенія. Излагаетъ онъ всѣ возраженія очень обстоятельно и подкрѣпляетъ ихъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ собственными наблюденіями.

Изъ подробнаго разбора возраженій, приводимыхъ Данилевскимъ, оказалось, что только сравнительно весьма немногія принадлежатъ автору и сами по себѣ рѣшающаго значенія не имѣютъ, что̀ ясно сказывается при просмотрѣ нижеслѣдующаго разбора его критики ученія Дарвина: она начинается съ третьей главы (въ первыхъ двухъ изложена обстоятельно и объективно теорія Дарвина). Въ 3-й главѣ Данилевскій разбираетъ, насколько допустимо распространеніе выводовъ, полученныхъ изъ наблюденій надъ домашними животными и растеніями, на организмы дикой природы.

Отрицаніе этого положенія уже высказано вполнѣ опредѣленно Вигандомъ (Der Darwinismus, B. I, p. 91), Катрфажемъ и др., но обстоятельнѣе разработано Данилевскимъ. Въ противоположность Дарвину, Данилевскій старается доказать, что наблюдаемая въ домашнихъ животныхъ и растеніяхъ измѣняемость или пластичность есть специфическое ихъ качество, не присущее другимъ организмамъ. Достигнутыми результатами опредѣляется, по Данилевскому, и степень измѣнчивости каждой изъ послѣднихъ формъ. Положеніе также не новое и неоднократно уже высказанное. Въ 7-мъ изданіи, на стр. 37 (нѣмецк. перевода) „Entstehung d. Arten“, оно приводится и обсуждается Дарвиномъ. Совершенно справедливо Данилевскій указываетъ далѣе на неопредѣленность показаній Дарвина относительно возвращенія прирученныхъ животныхъ и растеній, при одичаніи, къ формѣ первобытной. При этомъ онъ утверждаетъ, что не только такое возвращеніе существуетъ, но что оно обусловливается какою-то *возвращающею* силой видоваго типа (стр. 214); наконецъ, Данилевскій отрицаетъ принимаемое Дарвиномъ превосходство силы естественнаго подбора надъ искусственнымъ. Любители, по Данилевскому, тщательно поддерживаютъ всякія, случайно появившіяся, особенности животныхъ и растеній (причемъ послѣдними преиму-

щественно опредѣляются вкусы любителей), между тѣмъ какъ въ природѣ только совершенно опредѣленнымъ признакамъ доставляется преимущество естественнымъ подборомъ; при этомъ, однако, Данилевскій упускаетъ изъ виду безконечное разнообразіе условій естественнаго подбора въ дикой природѣ, сравнительно съ условіями искусственной культуры животныхъ и растеній человѣкомъ".

Въ 4-й главѣ разбирается положеніе: *допускаютъ ли характеристическія черты дикихъ организмовъ признаніе разновидностей за начинающіеся виды?* Въ доказательство *постоянства* и *неизмѣняемости* вида Данилевскій не приводитъ ничего новаго, сравнительно съ Агассисомъ, Вигандомъ и др. Для опроверженія положенія Дарвина, что *разновидности суть начинающіеся виды*, Данилевскимъ приведены численныя данныя, заимствованныя изъ флоры Ледебура, крымской флоры Стевенса, флоры Лапландіи Валенберга и др., не рѣшающія, однако, даннаго вопроса. Въ этой же главѣ помѣщенъ сводъ показаній о распредѣленіи и распространеніи многихъ породъ растеній; эти факты, вмѣстѣ съ собранными въ слѣдующихъ главахъ указаніями относительно культуры разновидностей различныхъ растеній, принадлежатъ Данилевскому. Послѣднія, какъ относящіяся къ его спеціальности, представляютъ несомнѣнный интересъ, но по отношенію къ критикѣ теоріи Дарвина—имѣютъ лишь второстепенное значеніе.

Шестая глава посвящена разбору *главныхъ факторовъ измѣнчивости прирученныхъ животныхъ и растеній*. Данилевскій старается показать на нѣкоторыхъ примѣрахъ, что результаты въ цѣломъ рядѣ случаевъ искусственной культуры растеній и животныхъ получены не подборомъ, а другими пріемами. Многія разновидности получены скрещиваніемъ, другія принадлежатъ къ категоріи внезапныхъ измѣненій, и только небольшое усовершенствованіе этихъ породъ достигнуто подборомъ.

Интересны приводимыя Данилевскимъ указанія относительно происхожденія разновидностей земляники и грушъ, несогласныя съ данными, собранными Дарвиномъ, а также и свѣденія о произведеніи безчисленныхъ разновидностей золотыхъ рыбокъ скрещиваніемъ уже образованныхъ породъ (стр. 410). Въ измѣняемости голубей играли роль, по Данилевскому, преимущественно уродливости и болѣзни, крупныя внезапныя измѣненія, отчасти непосредственныя внѣшнія условія, гибридизмъ (стр. 422). „Подборъ же главнымъ образомъ сохранялъ, а если и помогалъ усиленію измѣненій, то какъ второстепенный дѣятель, уступающій мѣсто въ силѣ и значеніи главнымъ первостепеннымъ факторамъ" (стр. 422). Къ подобному же заключенію Данилевскій приходитъ и относительно

куръ и лошадей: „и какъ бы онѣ (различныя породы лошадей) ни произошли, достовѣрно, что онѣ не искусственному подбору обязаны своимъ происхожденіемъ, а тѣмъ коренным различіямъ, которыя характеризовали уже породы въ геологическія времена, до одомашненія человѣкомъ. Эти породы, конечно, скрещивались, что̀ послужило новымъ источникомъ разнообразія лошадиныхъ качествъ".

По мнѣнію Данилевскаго (I, 431), „Дарвинъ не показалъ намъ ни̂ на примѣрѣ голубей, ни на примѣрѣ другихъ какихъ-либо животныхъ и растеній, *образованія ни одной породы*, которая дѣйствительно стоила бы этого названія, путемъ медленнаго накопленія мелкихъ, едва замѣтныхъ, индивидуальныхъ измѣненій, что̀ одно только, по его собственному мнѣнію, и заслуживало бы названія подбора. Все, что̀ онъ намъ представилъ въ этомъ родѣ, суть только, какъ мы разъ выразились, *небольшія надстройки надъ зданіями, не подборомъ воздвигнутыми*". Эта глава заключаетъ наиболѣе самостоятельную часть критики Данилевскаго и заслуживаетъ вниманія.

Въ *седьмой* главѣ помѣщенъ разборъ борьбы за существованіе и наслѣдственности. Выводимыя здѣсь положенія:

1) борьба получаетъ свойства подбора лишь при крайней интенсивности;

2) отсутствіе непрерывности крайней напряженности борьбы;

3) измѣнчивость направленій борьбы;

4) борьба за существованіе — скорѣе консервативный, чѣмъ прогрессивный дѣятель; и —

5) выводы о наслѣдственности не представляютъ существенно новаго...

Въ главахъ *восьмой*, *девятой*, доказывается *невозможность естественнаго подбора по внутренней и существенной несостоятельности этого начала*; въ главахъ *десятой* и *одиннадцатой* — *невозможность естественнаго подбора по противорѣчію между органическимъ міромъ, какимъ онъ вытекаетъ изъ этого начала, и міромъ дѣйствительнымъ*. Главнѣйшія положенія этихъ главъ изложены и разработаны Вигандомъ и Негели, и мало представляютъ оригинальнаго. Не вдаваясь намѣренно въ оцѣнку этихъ возраженій, я считаю достаточнымъ въ настоящемъ случаѣ ограничиться заявленіемъ, что роль Данилевскаго въ этихъ главахъ представляется, по преимуществу, пассивною; онъ является лишь истолкователемъ мыслей, до него уже высказанныхъ, обнаруживая здѣсь, какъ и во всей своей книгѣ, основательное знакомство съ предметомъ, соединенное съ умѣніемъ ясно (хотя и не въ мѣру остранно) излагать трактуемый предметъ.

Содержаніе главы *двѣнадцатой* составляетъ разборъ *невоз-можности естественнаго подбора по отсутствію необходимыхъ ультатовъ этого процесса, слѣдовъ его и необходимыхъ для условій, и указаніе на отсутствіе переходныхъ формъ между ами.* Выводы этой главы тоже не новы. Оцѣнку палеонтоло-еских данныхъ Данилевскаго, занимающихъ большую часть ы, взялъ на себя, по моей просьбѣ, академикъ Карпинскій. боръ свой онъ заключаетъ слѣдующими словами: „въ авторѣ но признать человѣка выдающагося ума и весьма разнообраз-ъ и значительныхъ знаній; но въ области геологіи свѣдѣнія нерѣдко обнимающія даже детали, не лишены и крупныхъ бѣловъ. Безъ сомнѣнія, это обстоятельство, а также предвзя-, утвердившееся уже до разсмотрѣнія вопроса съ геологической оны, убѣжденіе въ несправедливости теоріи эволюціи, было чиною, что Данилевскій пришелъ къ выводамъ, съ которыми ьзя согласиться".

Послѣдняя, заключительная, *четырнадцатая* глава содержитъ ъ всѣхъ возраженій противъ ученія Дарвина и достаточно актеризуется заголовкомъ: „Логическія ошибки Дарвина. При-ы успѣха его ученія. Несостоятельность его, какъ съ поло-ельно научной, такъ и съ философской точки зрѣнія". Глава начинается перечисленіемъ *15 главныхъ ошибочныхъ вы-овъ* Дарвина; затѣмъ излагаются *логическія ошибки*, привед-Дарвина къ ложнымъ заключеніямъ, а также и *психическія аціональныя причины ошибокъ Дарвина*. Послѣдняя часть ы озаглавлена Данилевскимъ: „Общіе итоги *моего* изслѣдова-"—слова, еще разъ свидѣтельствующія, сколь мало авторъ обра-ъ вниманія на строгое разграниченіе своихъ мыслей отъ аженій его предшественниковъ.

Считая разборъ этихъ положеній (только отчасти принадле-щихъ г. Данилевскому) для моей цѣли излишнимъ, я оставляю совершенно въ сторонѣ.

Въ заключеніе критической оцѣнки труда Данилевскаго сч-долгомъ присовокупить еще слѣдующее: при изученіи обшир-труда Н. Я. Данилевскаго во всей полнотѣ обнаружилась патичная, правдивая и талантливая личность автора; несо-нно, что Данилевскій принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ скихъ людей; не требуется особенно глубокаго вниманія, бы убѣдиться, что онъ не пожалѣлъ ни времени, ни труда пріобрѣтеніе многостороннихъ свѣдѣній, потребныхъ для разра-

ботки разбираемыхъ имъ явленій. Книгу Данилевскаго я считаю полезною для зоологовъ и ботаниковъ; въ ней собраны всѣ сдѣланныя Дарвину возраженія и разбросаны мѣстами интересныя фактическія данныя, за которыя наука останется благодарною Данилевскому. Ученаго, спеціально знакомаго съ направленіемъ современной біологіи, не увлекутъ ни лирическія изліянія, ни возгласы негодованія Данилевскаго, которыми столь щедро разражается авторъ „Дарвинизма". Съ вышеуказанной точки зрѣнія, т.-е. со стороны детальныхъ разъясненій, за сочиненіемъ Данилевскаго нельзя не признать научнаго значенія, и будущимъ критикамъ теоріи Дарвина книга Данилевскаго, представляющая полный сводъ и подробное изложеніе всѣхъ приводимыхъ противъ ученія Дарвина возраженій, можетъ доставить много интересныхъ указаній.

При всемъ, однако, моемъ сердечномъ расположеніи къ автору „Дарвинизма", я считаю себя обязаннымъ высказать относительно разобраннаго мною труда Данилевскаго нелестное и даже нѣсколько суровое сужденіе. „Дарвинизмъ" Данилевскаго предназначается авторомъ, по его собственному заявленію, преимущественно лицамъ, хотя и образованнымъ, но незнакомымъ спеціально съ біологическими науками. Въ подобнаго рода произведеніяхъ, имѣющихъ главною цѣлью распространеніе научныхъ свѣденій въ обществѣ, требованіемъ первостепенной важности является изложеніе трактуемаго предмета въ столь совершенномъ, съ научной стороны, видѣ, чтобы и спеціалисты не были въ состояніи предъявить возраженій, идущихъ въ разрѣзъ съ проводимыми взглядами, или, по крайней мѣрѣ, не могли указать на явный недосмотръ или ошибочность взгляда автора. Это требованіе, по моему крайнему разумѣнію, не выполнено трудомъ Данилевскаго; во всемъ его сочиненіи основа ученія Дарвина истолкована невѣрно. Никто другой не приписывалъ ученію Дарвина того тлетворнаго, всесокрушающаго вліянія на человѣчество, которымъ столь глубоко озабоченъ и огорченъ Данилевскій. Распространеніе въ обществѣ подобнаго ошибочнаго взгляда на значеніе научныхъ трудовъ Дарвина,—взгляда, идущаго прямо въ разрѣзъ съ воззрѣніемъ всѣхъ спеціалистовъ безъ исключенія, представляется мнѣ явленіемъ крайне прискорбнымъ, нежелательнымъ и вреднымъ, особенно у насъ, среди нашего общества, еще мало чуткаго и воспріимчиваго къ научнымъ разслѣдованіямъ.

Анд. Фаминцынъ.

НОВЫЙ ФАРАОНЪ

Романъ въ четырехъ книгахъ.

Соч. Фридриха Шпильгагена.

КНИГА ВТОРАЯ.

V *).

— Куда мы поѣдемъ?—спросила Анна Куртисъ послѣ первыхъ привѣтствій.

— А я думала, что узнаю это отъ васъ,—отвѣчала Марія.

— Въ паркъ!—приказала Анна лакею, который, приложивъ руку къ шляпѣ, почтительно наклонился съ козелъ въ сторону дамъ.

Экипажъ покатился. Къ счастію для Маріи грохотъ мостовой мѣшалъ разговаривать. Благодаря тому, она могла кое-какъ подавить свое волненіе, тѣмъ болѣе, что и ея прекрасная спутница не пыталась возобновлять разговора, оборвавшагося послѣ двухъ-трехъ фразъ.

Экипажъ повернулъ въ Лихтенштейнскую аллею, оттуда къ Новому озеру. Налѣво, рядомъ съ улицей, тянулась дорожка для пѣшеходовъ. Анна сняла ноги съ передней скамейки и сказала:

— Не хотите ли пройтись?

Марія согласилась. Дамы вышли изъ экипажа, приказавъ кучеру потихоньку ѣхать дальше и остановиться тамъ, гдѣ паркъ выходитъ на шарлоттенбургское шоссе. Марія выразила удивленіе, что Анна такъ хорошо знаетъ мѣстность.

---

*) См. выше: янв., 219 стр.

— Я—охочусь, и дорогу, по которой мнѣ случилось пройти разъ, я вспомню черезъ нѣсколько лѣтъ. А здѣсь я бывала уже разъ шесть.

День былъ чудесный. Солнце ярко свѣтило на безоблачномъ голубомъ небѣ, распространяя въ воздухѣ благотворную теплоту. На большихъ деревьяхъ листья еще не распустились, но мелкія деревца и кустарники уже украсились яркою зеленью; изъ-подъ прошлогодней листвы, усыпавшей землю, пробивались тысячи нѣжныхъ ростковъ.

Марія въ первый разъ видѣла Анну при дневномъ свѣтѣ, и нашла, что красота ея только выигрываетъ отъ того. Удивительная стройность ея стана еще рѣзче бросалась въ глаза въ узкомъ костюмѣ для гулянья, плотно охватывавшемъ изящныя, но полныя формы, чѣмъ вчера въ бальномъ платьѣ.

Между тѣмъ какъ Марія искренно любовалась красавицей, забывая свои собственныя заботы, Анна Куртисъ молча шла рядомъ съ нею, лишь изрѣдка поднимая глаза, чтобы взглянуть на зябликовъ, распѣвавшихъ на вѣткахъ свою пѣсенку. Однажды она остановилась и нѣсколько времени задумчиво смотрѣла на озеро, поверхность котораго, покрытая легкою рябью, блестѣла налѣво отъ нихъ. Маріи казалось, что выраженіе грустнаго раздумья на лицѣ Анны, которое она замѣтила съ перваго момента ихъ встрѣчи, еще усилилось. „Она находитъ меня скучной,—сказала она про себя,—и справедливо; но почему она сама такъ молчалива? Вчера вечеромъ она была такъ разговорчива!“

— Какъ вамъ понравился вчерашній вечеръ, фрейлейнъ Куртисъ?—спросила она.

— Пожалуйста, не называйте меня ни фрейлейнъ, ни Куртисъ. Говорите просто: Анна! и позвольте мнѣ называть васъ Маріей. Согласны?

— Очень рада.

— Благодарю... Какъ мнѣ понравился вчерашній вечеръ? Ничего. Мнѣ все ни по чемъ, не то что брату, которому все вредно.

— И вчерашній вечеръ?

— И вчерашній вечеръ. Я очень зла на него.

— Мнѣ кажется, состраданіе тутъ было бы правильнѣе.

— Если кто-нибудь испортитъ мнѣ день, я чувствую къ нему состраданіе и въ то же время зла на него. Ральфъ испортилъ мнѣ сегодняшній день. Я не могу пригласить васъ къ намъ. Ральфъ боленъ и не выйдетъ изъ своей комнаты. А когда онъ не выходитъ, не выходитъ и мистеръ Смитъ, или если и выйдетъ, то ни о чемъ не разговариваетъ, и нашъ обѣдъ становится не-

стерпимо скученъ. Отецъ говоритъ только о дѣлахъ, мама—о модахъ; такого времяпровожденія я никому не пожелаю, а особенно вамъ... Я хотѣла похвастаться передъ вами нашимъ домашнимъ бытомъ.

— Это было бы лишнее со мной,—возразила Марія.—Впрочемъ, какъ хотите. Я побываю у васъ въ другой разъ.

Возможность отложить посѣщеніе была для Маріи чистымъ благодѣяніемъ. Хотя она поклялась никогда не брать на себя двусмысленной роли, которую хотѣла возложить на нее мать, но радовалась, что хоть сегодня избавлена отъ вопросовъ, съ которыми навѣрно приступили бы къ ней вечеромъ, по возвращеніи отъ Куртисовъ, и отъ объясненія, какое необходимо должно было послѣдовать за этимъ.

Раздумывая объ этомъ, она потеряла нить разговора; Анна тоже замолчала. Такъ вошли они на мостъ; Анна облокотилась на перила и взглянула на лебедя, который, замѣтивъ на мосту двѣ фигуры, быстро подплылъ къ нимъ. Онъ подождалъ нѣсколько мгновеній, но, убѣдившись въ тщетности ожиданія, обмакнулъ клювъ въ воду, какъ будто ему ничего не нужно было, кромѣ глотка воды, и медленно поплылъ прочь.

— Подумаешь,—сказала Анна,—этотъ молодецъ такъ спѣшилъ къ намъ, чтобы полюбоваться на насъ, юныхъ дѣвицъ, а на самомъ дѣлѣ ему нуженъ былъ только кусочекъ хлѣба. Такова и современная молодежь. Вы думаете, она ищетъ въ любви только высокаго. Она будетъ говорить вамъ объ „Ewig-Weibliche“, возводить глаза къ небу, какъ будто идеалъ долженъ спуститься со звѣздъ, а въ концѣ концовъ все сводится къ грубой чувственности, алчущей удовлетворенія.

Марія испугалась, услышавъ такія слова изъ такихъ устъ.

— Вы говорите вообще?—спросила она нетвердымъ голосомъ.

— И въ частности,—отвѣчала Анна:—по поводу Ральфа; онъ огорчилъ и разочаровалъ меня сегодня утромъ, сдѣлавъ относительно вчерашняго вечера признаніе — по крайней мѣрѣ полупризнаніе —изъ котораго я вижу, что, несмотря на весь его пресловутый идеализмъ, вкусъ у него нисколько не лучше, чѣмъ у прочихъ людей. Говорю и вообще,—на основаніи близкаго знакомства съ другими молодыми людьми; для насъ, американскихъ дѣвушекъ, это знакомство гораздо легче, благодаря почти полной свободѣ отношеній между полами, чѣмъ для вашихъ, нѣмецкихъ, строго опекаемыхъ молодыхъ женщинъ. И я пришла къ заключенію, что врядъ ли между молодыми людьми найдется хоть одинъ праведникъ. Всѣ они одинаково чувственны, эгоистичны, жадны, ду-

мають только о своихъ выгодахъ; неспособны пожертвовать своимъ благополучіемъ, своими удобствами. Прибавьте къ этому, что всѣ они страшно невѣжественны и до невѣроятности пошлы, что они сильны только въ плоскихъ шуткахъ и каламбурахъ, когда говорятъ съ нами,—и въ скабрёзныхъ исторіяхъ и двусмысленныхъ анекдотахъ, когда говорятъ между собою—и вотъ вамъ картина нашей американской молодежи.

Марія почти не слушала послѣднихъ словъ. Ральфъ не лучше, чѣмъ остальные—онъ сдѣлалъ признаніе, которое такъ уронило его въ глазахъ сестры;—но это могло имѣть только одно значеніе, могло относиться только къ Адѣ! Стало-быть мать не ошиблась; неудовольствіе, съ которымъ она принимала ея порученіе, было неосновательно, по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи. Господину профессору будетъ предложено именно то, къ чему онъ самъ стремился! Идеальный лебедь нуждался только въ кускѣ хлѣба! Да, можетъ быть, и вторая часть порученія также легко исполнима!

Она обратилась къ Аннѣ, которая все еще смотрѣла на воду:

— По истинѣ суровый приговоръ. Боюсь, что въ глазахъ такого строгаго судьи и наши молодые люди окажутся не лучше.

— Лучше?—возразила Анна, не измѣняя своей позы:—лучше? Я не могу еще высказать рѣшительнаго мнѣнія, но, судя по тому, что я до сихъ поръ видѣла,—нѣтъ, не лучше, скорѣй хуже, по крайней мѣрѣ въ одномъ отношеніи, которому я придаю очень большое значеніе. Пожалуй они образованнѣе нашихъ молодыхъ людей, они больше—гораздо больше—учились; но у нихъ нѣтъ иниціативы, не хватаетъ мужества самимъ устраивать свою жизнь, взять свою судьбу въ свои руки, прокладывать дорогу по своей волѣ. Они могутъ только маршировать въ строю, сражаться по командѣ, а разъ команда замолкла — становятся безпомощными. Американскаго офицера, сражавшагося во время послѣдней войны, вы встрѣтите теперь въ конторѣ или на ярмаркѣ, гдѣ онъ продаетъ сапожную ваксу; дровосѣкъ, въ лачугѣ котораго вы ночевали два года тому назадъ, сегодня засѣдаетъ въ Бѣломъ Домѣ или на президентскомъ креслѣ. Вотъ это люди!

— Такихъ и у насъ бездна!—воскликнула Марія.

— Я еще не встрѣчала ни одного—по крайней мѣрѣ на вашихъ вечерахъ.

Она выпрямилась и взяла Марію подъ-руку. Онѣ сдѣлали нѣсколько шаговъ молча и подошли къ скамейкѣ на небольшой возвышенности, съ которой открывался видъ на озеро.

— Посидимъ немного,—сказала Анна,—я устала.

Онѣ сѣли. Въ свѣжей листвѣ надъ ихъ головами щебетали

птицы; кругомъ не было видно никого, кромѣ лакея, который дожидался ихъ въ почтительномъ разстояніи.

— Почему вы такъ странно смотрите на меня? — спросила Анна.

— Какъ такъ? Впрочемъ, можетъ быть. Сегодня вы кажетесь мнѣ совсѣмъ другою, чѣмъ вчера вечеромъ.

— Тогда я вамъ казалась лучше?

— Этого я не скажу, но гораздо веселѣе, радостнѣе.

— Можетъ быть. Сегодня со мной случилось столько страннаго, неожиданнаго. Сначала съ Ральфомъ, потомъ...

Она снова замолкла. Затѣмъ неожиданно спросила:

— Знаете вы нѣкоего господина Зелька, который недавно поступилъ къ моему отцу въ качествѣ домашняго секретаря?

— Да.

— Онъ прежде часто бывалъ у васъ?

— Да.

— Можете вы сообщить мнѣ о немъ что-нибудь?

Марія не сразу отвѣтила. Отречься ли ей отъ Гартмута, какъ она могла бы, а по единодушному желанію семьи—и должна была бы сдѣлать? Но некрасивыя тайны, которыми ее обременяли, интриги, въ которыя ее старались запутать, уже утомили ее, опротивѣли ей! Душа ея жаждала откровенности, правды! И хотя то, чтò она сказала, могло быть неполитично, но она чувствовала, что должна была такъ сказать:

— Настоящее имя Гартмута Зелька—Илиціусъ; онъ сынъ моего отчима отъ первой жены.

— You don't say so!—воскликнула Анна, прибѣгая къ родному языку вслѣдствіе крайняго изумленія.

— Однако это такъ,—возразила Марія.

— Пожалуйста разскажите мнѣ все! это очень интересуетъ меня; я должна все знать.

— Это вовсе не веселая исторія,—возразила Марія:—но послѣ того, чтò я уже сказала, я не могу скрывать и остальнаго, хотя бы потому, что въ случаѣ моего молчанія молодой человѣкъ можетъ показаться болѣе виновнымъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ.

И она разсказала Аннѣ печальныя событія, благодаря которымъ первая фрау Илиціусъ сдѣлалась опять фрау Зелькъ и должна была изнывать отъ тоски—во-первыхъ, вслѣдствіе потери обожаемаго ею мужа,—во-вторыхъ, благодаря оставшимся у нея троимъ дѣтямъ, изъ которыхъ двое были потомъ тоже отняты у нея, а третій, старшій, самый даровитый—Гартмутъ, не хотѣлъ доставить никакого утѣшенія ея старости, хотя мальчикомъ и юношей

далеко превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія. Въ школѣ онъ опередилъ всѣхъ своихъ товарищей, получалъ больше всѣхъ наградъ, такъ что учителя смотрѣли на него какъ на феноменъ, а вслѣдствіе его изящныхъ манеръ и веселаго нрава его и внѣ школы выставляли какъ образецъ, которому должны подражать другіе молодые люди. Господинъ Илиціусъ, услыхавъ о такихъ успѣхахъ, рѣшился, хотя и послѣ нѣкотораго колебанія, вспомнить о сынѣ и принялъ его въ свой домъ, а потомъ мало-по-малу и въ свою новую семью. Хотя мальчикъ и остался жить у матери, но ежедневно бывалъ у отчима, занимался съ своими сводными братьями, разсказывалъ сказки сестрамъ и выдумывалъ для нихъ самыя забавныя игры. Съ Маріей, своей ровесницей, онъ тоже былъ друженъ, постоянно утѣшалъ ее, когда холодность матери заставляла ее плакать, и помогалъ ей въ занятіяхъ. Само собою понятно, что когда Гартмутъ блистательно сдалъ послѣдній школьный экзаменъ, Илиціусъ не только помогъ поступить въ университетъ юношѣ, для трудолюбія и дарованій котораго казалось не было ничего недостижимаго, и который къ тому же былъ его сыномъ, но и обѣщалъ помогать ему до тѣхъ поръ, пока онъ не пріобрѣтетъ самостоятельнаго положенія.

Это доброе согласіе не нарушалось въ теченіе первыхъ лѣтъ пребыванія Гартмута въ университетѣ, гдѣ онъ избралъ для себя юридическій факультетъ. Даже фрау Илиціусъ, которая сначала относилась къ нему очень сдержанно, смѣнила гнѣвъ на милость. И вдругъ разомъ все исчезло.

— Какъ это случилось,—продолжала Марія,—я и сама не знаю. Подробности частью ускользнули изъ моей памяти, частію и не были мнѣ извѣстны. Знаю только, что Гартмутъ сталъ рѣже показываться у насъ, потерялъ свою прежнюю веселость и добродушіе, сталъ саркастиченъ и ѣдокъ—словомъ, совершенно перемѣнился. Попалъ ли онъ въ дурное общество, или природа, которая, казалось, превзошла въ немъ самое себя, теперь, чтобы, соблюсти равновѣсіе, съ такою же силой уклонилась въ другую сторону, — я не знаю. Притомъ я должна замѣтить, что онъ вовсе не принималъ участія въ обыкновенныхъ студенческихъ шалостяхъ и выходкахъ, что̀ охотно простили бы ему его покровители и отецъ. Какъ раньше, такъ и теперь, онъ держался особнякомъ отъ своихъ товарищей и сверстниковъ. Онъ сблизился съ актерами, съ разными сомнительными людьми. Со всѣхъ сторонъ посыпались на него жалобы, быть можетъ преувеличенныя, но усилившія дурное впечатлѣніе и опасенія, которыя онъ уже давно возбудилъ въ нашемъ домѣ своимъ страннымъ поведеніемъ.

Но болѣе всего возбудило гнѣвъ моего отчима и послужило поводомъ къ разрыву слѣдующее обстоятельство. Не знаю, милая Анна, достаточно ли вы ознакомились съ нашимъ семействомъ, чтобы понять, какъ долженъ былъ ужаснуться такой ультраконсерваторъ, какъ отчимъ, узнавъ, что молодой человѣкъ, котораго онъ принялъ въ свой домъ и мало-по-малу призналъ своимъ сыномъ, вступилъ въ противоположный лагерь и тамъ, несмотря на свою молодость, быстро пріобрѣлъ выдающееся положеніе, благодаря своимъ способностямъ. Вы понимаете, что послѣ этого у насъ смотрѣли на него какъ на погибшаго человѣка, имя котораго не должно упоминаться. И вотъ, наступилъ моментъ, о которомъ я и теперь вспоминаю съ содроганіемъ. Рѣчь, произнесенная Гартмутомъ на одномъ многочисленномъ митингѣ—какъ я узнала изъ газетъ,—полная преувеличеній, но также и несомнѣнныхъ истинъ и блестящаго остроумія, привела его на скамью подсудимыхъ,—его, Гартмута Илиціуса! Имя это стояло во всѣхъ отчетахъ. Еслибы онъ совершилъ Богъ знаетъ что̀, ему скорѣе простили бы въ семьѣ все, чѣмъ такой ужасный скандалъ. Вся семья чувствовала себя опозоренной, а отецъ боялся еще за свое служебное положеніе. Только тогда вздохнули свободно, когда процессъ кончился безъ вреда для отчима, и Гартмутъ попалъ въ тюрьму. Онъ былъ осужденъ на полтора года—ужасная судьба, если вспомнить, какъ онъ былъ еще молодъ, и какимъ искушеніямъ и заблужденіямъ подвергаются такіе даровитые люди сравнительно съ другими. И все это—крайняя молодость, разбитыя надежды, погибшія иллюзіи, ненависть къ противникамъ, злоба и презрѣніе къ единомышленникамъ, изъ которыхъ многіе позорно отреклись, даже предали его — все это не могло не породить отчаянія и не отнять надежды на будущность, кромѣ развѣ будущности борца, которому суждено жестоко и безнадежно биться съ жестокою и безпощадной судьбою.

— Почему же безпощадной?—воскликнула Анна.

Марія, совершенно погрузившаяся въ печальныя воспоминанія, съ удивленіемъ взглянула на нее.

— Насколько я понимаю наши современныя обстоятельства, я не могу иначе смотрѣть на его будущность.

— Простите, что я васъ перебила,—сказала Анна.—Вы не можете себѣ представить, какъ интересуетъ меня эта исторія. Пожалуйста продолжайте.

Но Марія уже не могла вернуться къ спокойному тону разсказа, тѣмъ болѣе, что ея личная симпатія къ Гартмуту также прекратилась послѣ этой катастрофы, такъ какъ впослѣдствіи онъ сдѣлался

недостоинъ ея участія. Поэтому она разсказала только вкратцѣ, что по освобожденіи Гартмута между нимъ и отцомъ произошло объясненіе, причемъ послѣдній вручилъ погибшему сыну значительную сумму денегъ съ тѣмъ, чтобы тотъ отказался отъ всякихъ дальнѣйшихъ притязаній и устроился гдѣ-нибудь за границей. Деньги, какъ и слѣдовало ожидать, были скоро истрачены. О дальнѣйшихъ его приключеніяхъ Марія ничего не могла сообщить. О самомъ печальномъ эпизодѣ, случившемся года два назадъ, когда мать Гартмута, потерявшая зрѣніе, должна была подвергнуться тяжелой операціи въ госпиталѣ,—операціи, оказавшейся притомъ безполезной, она вовсе умолчала. Равнодушіе, съ которымъ Гартмутъ относился къ матери во время ея пребыванія въ больницѣ и потомъ, когда она вернулась домой, чтобы, къ счастію для себя, вскорѣ отдать Богу удрученную скорбію душу; ироническое выраженіе его лица у свѣжей могилы покойницы; полуфанатическія, полунасмѣшливыя рѣчи, когда онъ сопровождалъ Марію отъ кладбища до дрожекъ, въ которыя она бросилась, чтобы избавиться отъ непріятнаго спутника,—обо всемъ этомъ она не сказала ни слова: къ чему смущать нѣжное чувство молодой подруги такими мрачными разсказами? Притомъ же Гартмутъ имѣлъ мѣсто въ домѣ Куртисовъ, нашелъ, наконецъ, занятіе, въ которомъ могъ оказаться полезнымъ; кто знаетъ, быть можетъ, онъ съумѣетъ создать себѣ лучшую будущность? Слѣдовало ли ей сообщать о немъ то, что могло компрометтировать его въ глазахъ его теперешнихъ покровителей? Не зашла ли она и безъ того слишкомъ далеко? Въ виду этого она поспѣшила прибавить, что все сказанное довѣряетъ Аннѣ подъ строжайшимъ секретомъ.

— Но это само собою разумѣется!—воскликнула Анна, почти оскорбившись. Замѣтивъ, что лицо Маріи омрачилось, она быстро прибавила:

— Простите, я, право, не хотѣла огорчить васъ. Я всегда щадила лежачаго и въ игрѣ, и въ жизни. У счастливыхъ всегда много друзей; а гдѣ найдетъ ихъ несчастный, если не среди великодушныхъ людей, которые, можетъ быть, сами несчастны?!

— Надѣюсь, что эти послѣднія слова не относятся къ вамъ,— сказала Марія, крѣпко пожимая руку, которую протянула ей американка.—Въ ваши годы—мнѣ можно такъ говорить—часто чувствуютъ себя несчастными только потому, что еще не испытали дѣйствительнаго несчастія.

— Я старше своихъ лѣтъ,—возразила Анна съ грустной

улыбкой:—мы, американки, скоро старѣемся, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ мы богаче. Но вернемся къ предмету нашего разговора: имѣли ли вы съ тѣхъ поръ какія-нибудь сношенія съ этимъ человѣкомъ? Кажется, вамъ непріятенъ этотъ вопросъ?.. Сегодня я очень безтактна. Хотите, поѣдемъ?

— Постойте минуту!—сказала Марія, схвативъ руку Анны.—Вашъ вопросъ не оскорбилъ меня, но привелъ въ недоумѣніе: должна ли я позволить себѣ маленькую ложь, или сказать всю правду, что̀ въ данномъ случаѣ не совсѣмъ легко.

И Марія разсказала о своей встрѣчѣ съ Гартмутомъ послѣ того, какъ она явилась къ г-жѣ Куртисъ въ качествѣ компаньонки, и о всѣхъ событіяхъ этого достопамятнаго дня.

— Ну вотъ,—сказала она, окончивъ разсказъ:—слава Богу, я избавилась и отъ этой тайны.

— Вы прекрасное, смѣлое существо!—воскликнула Анна, схвативъ ея обѣ руки:—вы совершенно такая, какъ я васъ себѣ представляла. Тысячу разъ благодарю васъ. Еслибы мы уже не подружились, я бы на колѣняхъ умоляла васъ о дружбѣ. Что ма̀ма васъ не узнала,—это только забавно. Но мистеръ Смитъ, старый Полоній, долженъ поплатиться за свое вмѣшательство! О чемъ онъ думалъ, когда уговаривалъ васъ оставить нашъ домъ?!

— Я полагаю,—сказала Марія,—оно и лучше, что такъ случилось, и мы обязаны ему благодарностью, такъ какъ безъ его мудрыхъ и исполненныхъ такта совѣтовъ дѣло кончилось бы иначе... Но теперь, въ самомъ дѣлѣ, поѣдемте!

Онѣ подошли къ экипажу и намѣревались сѣсть, когда услышали топотъ лошади, мчавшейся по направленію отъ города.

— Скорѣе!—сказала Анна, увлекая Марію въ экипажъ съ узкой дороги, и, обернувшись къ кучеру, крикнула:—„держите крѣпче лошадей!"

Въ ту же минуту изъ-за поворота показался всадникъ; онъ быстро поровнялся съ экипажемъ и, рискуя упасть, сразу остановилъ взмыленнаго коня.

— Регинальдъ!—воскликнула Анна, переводя духъ.

— Вотъ что я называю счастливымъ случаемъ!—воскликнулъ Регинальдъ, раскланиваясь:—честь имѣю!

VI.

Марія ни минуты не сомнѣвалась: эта встрѣча вовсе не была случайной. Повидимому, и Анна думала то же: по крайней мѣрѣ, привѣтствіе молодого человѣка вызвало у нея насмѣшливую улыбку.

Это не ускользнуло отъ вниманія Регинальда. На лицѣ его выразилось смущеніе, но онъ тотчасъ овладѣлъ собой и, пустивъ лошадь рядомъ съ медленно катившимся экипажемъ, весело разсказалъ, что его служба кончилась сегодня раньше, чѣмъ онъ разсчитывалъ. Онъ тотчасъ же поспѣшилъ домой, т.-е. собственно въ конюшню, такъ какъ въ домъ не заходилъ—и велѣлъ осѣдлать Робина, который слишкомъ застоялся.

— Какъ видите,—воскликнулъ онъ, хлопнувъ коня по взмыленной шеѣ,—я поступилъ вполнѣ основательно. Но съ Робиномъ шутки плохія: я долженъ былъ два раза проскакать черезъ весь Тиргартенъ и уже хотѣлъ отправиться на ипподромъ, какъ вдругъ, къ своему удивленію, встрѣчаю васъ. Смирно, Робинъ!

Анна опять улыбнулась; Марія замѣтила однако, что улыбка эта вовсе не была недружелюбной. Можетъ быть, дѣвическому тщеславію все же льстило поклоненіе молодого человѣка, несмотря на суровый отзывъ о всѣхъ вообще молодыхъ людяхъ. А можетъ быть самая суровость эта проистекала изъ источника, который выдавалъ себя въ торжествующей улыбкѣ. Если такъ, то мать была дважды права, и всякое посредничество и содѣйствіе становились излишними. Тѣмъ лучше. По крайней мѣрѣ ея совѣсть будетъ чиста.

Она откинулась въ уголъ, молча слушая ихъ разговоръ, имѣвшій предметомъ Робина и вообще лошадей.

— Славный конь вашъ Робинъ,—сказала Анна:—и вполнѣ подходитъ къ вашимъ условіямъ. А у насъ—на западѣ, въ Калифорніи, въ Канзасѣ, за него не дали бы и пятидесяти долларовъ.

— О-о!—воскликнулъ Регинальдъ.

— Увѣряю! Намъ нужны выносливыя лошади, въ родѣ нашихъ мустанговъ, которые могутъ бѣжать отъ восхода до заката солнца, не отдыхая; день и ночь онѣ остаются подъ сѣдломъ, не теряя силъ; для нихъ нѣтъ слишкомъ крутой горы, слишкомъ широкой равнины, слишкомъ глубокой рѣки, а о рвахъ и заборахъ и говорить нечего. Вы не заставите вашего Робина перескочить черезъ древесный стволъ.

— Постой!—крикнулъ Регинальдъ кучеру.

Направо отъ дороги по близости шарлоттенбургскаго шоссе лежалъ огромный обрубокъ ствола тополя, оставленный здѣсь зачѣмъ-то зимою. Онъ имѣлъ въ поперечникѣ добрыхъ пять футовъ, и такъ какъ прогалина, на которой онъ лежалъ, была очень мала, то лошади негдѣ было даже разбѣжаться. Какъ только кучеръ остановился, Регинальдъ повернулъ лошадь къ стволу

и, ободривъ ее легкимъ восклицаніемъ, не употребляя даже шпоръ, какъ ни въ чемъ не бывало перескочилъ черезъ препятствіе.

— Браво!—крикнула Анна, когда Регинальдъ опять поровнялся съ экипажемъ:—что-жъ вы не держали пари?

— Я не держу пари, когда увѣренъ въ выигрышѣ,—отвѣчалъ Регинальдъ, видимо гордясь своей наѣздническою ловкостью.

— Регинальдъ считается однимъ изъ лучшихъ наѣздниковъ арміи,—замѣтила Марія и тотчасъ устыдилась этой фразы, стереотипной въ ихъ семействѣ. Зачѣмъ ей понадобилось подливать масла въ огонь? Тѣмъ болѣе, что огонь и безъ ея помощи ярко пылалъ въ разговорѣ прекрасной дѣвушки съ ея красивымъ братомъ. Да, это былъ тотъ Регинальдъ, котораго она знала: веселый, не всегда остроумный, но никогда не лазившій въ карманъ за словомъ, всегда увѣренный въ себѣ, признанный любимецъ дамъ. Но его остроумная, смѣющаяся собесѣдница—неужели это Анна, неужели это та самая, анализирующая себя, разсуждающая, съ горькимъ скептицизмомъ разбирающая свѣтъ и людей дѣвушка, въ которой, впрочемъ, едва можно было узнать гордую царицу вчерашняго бала? Сколько же обликовъ могло принимать это странное существо? Въ чемъ его сущность? Или подъ этой блестящей оболочкой и сущности никакой не было? Можетъ быть, эта блестящая оболочка такъ же обманчива, какъ та, сквозь которую вчера, когда она сидѣла рядомъ съ Ральфомъ, ей мерещился человѣкъ съ абсолютно чистыми побужденіями, тогда какъ оказалось, что онъ безъ ума отъ Ады?!

Невольно ею овладѣла грусть. Солнце свѣтило такъ ярко, нѣжный вѣтерокъ, казалось, шепталъ о надеждѣ и счастьѣ, экипажи грохотали по мостовой, пѣшеходы толпились и сновали взадъ и впередъ, всѣ наслаждались жизнью, или, по крайней мѣрѣ, пользовались ею для своихъ цѣлей и задачъ—только она сидѣла безъ желаній, безъ надеждъ, безъ стремленій, безъ цѣли.

И вдругъ, точно какой-то голосъ, тихій, какъ бы устрашенный и заглушаемый общимъ шумомъ, но совершенно внятный, шепнулъ ей:—ты ошибаешься! Есть человѣкъ, который понимаетъ тебя и раздѣляетъ твои чувства; онъ такъ же одинокъ и оставленъ, какъ ты, такъ же мало принадлежитъ свѣту. Онъ всегда думаетъ о тебѣ, какъ ты о немъ, и теперь огорченъ, что не увидитъ тебя сегодня, также какъ и ты огорчена этимъ...

— Кажется, это мистеръ Смитъ? — вдругъ спросила Марія.

— Гдѣ?

Марія дрожащей рукой указала на сѣдого господина, прогуливавшагося по аллеѣ, черезъ которую они теперь проѣзжали.

— Нѣтъ,—сказала Анна.—Это не онъ. Впрочемъ Смитъ всегда гуляетъ только по вечерамъ, съ тѣхъ поръ какъ мы въ Берлинѣ. Онъ совсѣмъ превращается въ сову.

Экипажъ остановился передъ площадью у Бранденбургскихъ воротъ. Регинальдъ опять подъѣхалъ къ экипажу, предлагая свои услуги дамамъ. Что онѣ намѣрены предпринять?

— Мы хотимъ немного shopping, если вы понимаете, чтò это значитъ,—сказала Анна.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Регинальдъ, улыбаясь.

— Не бѣда. Во всякомъ случаѣ мы обойдемся безъ васъ. Adieu, или до свиданія!

— Когда?

— Вы слишкомъ любопытны. Когда-нибудь. Отправляйтесь.

Она махнула рукой—Регинальдъ поклонился. Экипажъ двинулся дальше, а Регинальдъ поскакалъ обратно.

Марія попыталась разогнать овладѣвшее ею меланхолическое настроеніе, но не могла отъ него отдѣлаться. Тѣмъ веселѣе была Анна. Встрѣча съ Регинальдомъ, очевидно, привела ее въ хорошее настроеніе духа; ея черные глаза блестѣли, ничто не ускользало отъ ея вниманія. Она и сама привлекала вниманіе прохожихъ, но не замѣчала или не хотѣла замѣчать этого.

— Въ сущности, вашъ Берлинъ красивѣе Парижа,—сказала она,—но все-таки не производитъ впечатлѣнія большого города. Недостаетъ блестящихъ экипажей. Дрожки и дрожки безъ конца. Да и прохожіе имѣютъ такой мѣщанскій видъ, хотя и притворяются, что гуляютъ. Кажется, у васъ еще не народился типъ дэнди. Его замѣняютъ офицеры. Боже мой! на чтò вамъ столько офицеровъ?

Полицейскій бросился къ экипажу и велѣлъ кучеру остановиться. Почти въ ту же минуту проѣхалъ престарѣлый императоръ въ открытой коляскѣ, въ длинномъ сѣромъ плащѣ; рядомъ съ нимъ сидѣлъ адъютантъ.

Анна внимательно посмотрѣла на проѣзжавшихъ и потомъ сказала, обратившись къ Маріи:

— Я еще ни разу не видѣла его, но очень хотѣла видѣть: на вашихъ вечерахъ только и слышишь о немъ. Въ немъ видны достоинство и доброта; его должны любить. А все-таки я не могу представить себѣ, чтобы въ Нью-Іоркѣ полисменъ остановилъ мой экипажъ...

— Вы сами сказали, что его должны любить,—возразила Марія.

— Да, это такъ. Но все-таки я очень рада, что родилась въ Америкѣ.

Анна снова откинулась на спинку экипажа, поставивъ ножки на переднюю скамейку. Чѣмъ далѣе онѣ подвигались, тѣмъ медленнѣе приходилось ѣхать, такъ какъ движенiе на улицѣ усиливалось, и встрѣчные экипажи попадались все чаще и чаще. Взоры прохожихъ чаще и дольше останавливались на интересной красавицѣ въ открытомъ ландо, и непрiятное чувство Марiи усиливалось при видѣ прекрасной подруги, какъ бы выставленной на показъ.

„Я просто педантка,—сказала она себѣ,—застывшая въ своемъ монастырскомъ уединенiи. И вотъ, мнѣ кажется отвратительнымъ и грубымъ все, что̀ обыкновенно и принято въ мiрѣ, которому я чужда".

Наконецъ она вздохнула свободно, когда Анна велѣла кучеру остановиться, замѣтивъ въ витринѣ магазина зеркало въ стилѣ рококо̀, показавшееся ей пригоднымъ для спальни.

Вошли въ магазинъ. Хозяинъ не сталъ снимать зеркала съ витрины, такъ какъ въ лавкѣ было другое такое же. Анна стала разсматривать зеркало, придерживая его обѣими руками и дѣлая замѣчанiя, показывавшiя, что она знаетъ толкъ въ этихъ вещахъ. Хозяинъ улыбался.

— Я вижу,—сказалъ онъ,—что фрейлейнъ обладаетъ тонкимъ вкусомъ. Конечно, и цѣна не покажется вамъ высокой, хотя эта вещь стоитъ недешево.

Онъ сказалъ цѣну, которая показалась Марiи огромной. Анна продолжала какъ ни въ чемъ не бывало разсматривать зеркало и открыла новое украшенiе, вызвавшее у нея невольное восклицанiе восторга.

— Не правда ли? — подхватилъ продавецъ: — это hors de concours. Я очень радъ, что моя вещь попадетъ въ такiя руки, я подразумѣваю оба зеркала: фрейлейнъ, конечно, видитъ, что они составляютъ одно цѣлое и раздѣлять ихъ было бы варварствомъ. Я могъ бы сдѣлать уступку, еслибы вамъ угодно было взять оба.

— Разумѣется, я возьму оба зеркала!—воскликнула Анна. Продавецъ улыбнулся.

— Было бы несправедливо,—сказалъ онъ,—запрашивать хоть одну лишнюю марку съ покупательницы, которая такъ тонко понимаетъ вещи. Я возьму за оба...

Дѣйствительно, онъ спросилъ на нѣсколько марокъ меньше чѣмъ вдвое за оба зеркала.

Между тѣмъ изъ витрины вынули и другое зеркало. Анна взяла его и стала разсматривать, остановившись у огромной стеклянной двери магазина. Такимъ образомъ, лицо ея, отражавшееся въ зеркалѣ, являлось для прохожихъ какъ бы въ рамкѣ. Двое остановились передъ магазиномъ; къ нимъ подошли другіе узнать, на что они смотрятъ. Собралась чуть не цѣлая толпа. Полицейскій крикнулъ, чтобы расходились. Зѣваки, не желавшіе лишать себя удовольствія, засмѣялись, оставаясь на мѣстѣ; полицейскій сталъ горячиться и тѣмъ только портилъ дѣло.

— Ради Бога, отойдите отъ двери!—шепнула Марія.

Анна съ удивленіемъ оглянулась; хозяинъ взялъ у нея зеркало и отнесъ его дальше вглубь магазина; Марія указала ей на улицу и объяснила, въ чемъ дѣло: полицейскій сталъ передъ дверьми въ видѣ живой стѣны, загораживавшей видъ прохожимъ. Анна хотѣла-было разсердиться, но потомъ засмѣялась.

— Удивительный народъ ваши нѣмцы!—сказала она.—Я думаю, что вы пошлете за полиціей, если только у васъ ребенокъ заупрямится...

Она передала купцу чекъ на банкира Куртиса. Прочитавъ имя, тотъ отвѣсилъ низкій поклонъ.

— Вчера вашъ посланникъ былъ въ моемъ магазинѣ,—сказалъ онъ. — Онъ былъ такъ добръ, что сообщилъ мнѣ о фрейлейнъ. Конечно, я не думалъ, что такъ скоро буду имѣть честь видѣть фрейлейнъ.

Онъ проводилъ дамъ до экипажа и разстался съ ними, вторично отвѣсивъ поклонъ.

— Теперь къ Герсону!—крикнула Анна.

По дорогѣ она хвалила дешевизну покупки; въ Нью-Іоркѣ за такую вещь пришлось бы заплатить втрое дороже.

— Вамъ нравится эта вещь?—спросила она у Маріи.

— Да, нравится,—отвѣчала Марія,—но я ничего не понимаю въ этомъ.

— Если я что-нибудь понимаю,—замѣтила Анна,—то обязана этимъ Смиту. Я почти готова думать, что онъ когда-нибудь торговалъ такими вещами; иначе не могу понять, откуда у него такія знанія. Но я видѣла и въ вашемъ домѣ нѣсколько прекрасныхъ вещей въ этомъ родѣ. Кто же у васъ интересуется этимъ?

— Сколько я знаю, никто, — отвѣчала Марія. — Эти вещи остались послѣ моего отца; онѣ взяты изъ родового зàмка нашей фамиліи.

— Кому же принадлежитъ теперь этотъ зàмокъ?

— Моя мать продала его вмѣстѣ съ имѣніемъ.

— Жаль! въ немъ навѣрно нашлись бы еще какія-нибудь рѣдкости.

Пріѣхали къ Герсону. Анна хотѣла выбрать платье для своей матери, такъ какъ она была просто смѣшна въ томъ, которое купила недавно и надѣла вчера вечеромъ.

Въ магазинѣ онѣ пробыли довольно долго, такъ какъ Анну не легко было удовлетворить. Наконецъ ей удалось найти великолѣпную матерію по своему вкусу. Если выборъ матеріи былъ затруднителенъ, то еще затруднительнѣе оказался выборъ фасона. Четыре дѣвушки служили живыми манекенами для примѣрки модели; обращеніе Анны съ ними какъ съ какими-то куклами не на шутку огорчало Марію. Все это было такъ некрасиво, такъ недостойно Анны.

— Понравилось ли вамъ ваше новое мѣсто, фрейлейнъ? — шепнула ей одна изъ дѣвушекъ.

Марія сначала не поняла этого вопроса, но потомъ узнала дѣвушку, которую встрѣтила въ передней г-жи Куртисъ. Къ счастію дѣвушкѣ не было времени дожидаться отвѣта на вопросъ. Наконецъ все было окончено. Марія легко вздохнула, когда двери храма тщеславія закрылись за нею. Слуга, придерживая открытую дверцу ландо, ожидалъ приказанія молодой госпожи.

— Ну, теперь въ ресторанъ!—воскликнула Анна.

— Куда?—спросила Марія съ испугомъ.

— Въ ресторанъ, — спокойно отвѣчала Анна. — Я голодна какъ волкъ, а у васъ ужасно утомленный видъ.

— Такъ поѣдемте домой!

— А куча дѣлъ, которыя мнѣ еще нужно кончить! А удовольствіе подольше побыть съ вами! Нѣтъ, такъ нельзя. Мы поѣдемъ въ ресторанъ.

— Право, это невозможно.

— Но почему же?

— У насъ не принято, чтобы дамы посѣщали подобныя мѣста иначе, какъ въ сопровожденіи мужчинъ.

— Ну, такъ мы будемъ исключеніемъ. И пожалуйста поѣзжайте со мной!

Внезапно лицо Анны, замѣтно омрачившееся при послѣднихъ словахъ Маріи, просіяло веселой улыбкой.

— Вы являетесь кстати!—воскликнула она.

Марія оглянулась; Регинальдъ стоялъ за ними, кланяясь, улыбаясь, сіяя счастьемъ. Анна не дала ему выговорить слова: Марія не хотѣла отправиться съ ней въ ресторанъ безъ кава-

лера; для нью-iоркской уроженки это не совсѣмъ понятно, но какъ бы то ни было — не хочетъ ли Регинальдъ сопровождать ихъ и защищать отъ бандитовъ, которые, безъ сомнѣнiя, поджидаютъ въ берлинскихъ ресторанахъ бѣдныхъ жертвъ прекраснаго пола?

— Еще бы! — воскликнулъ Регинальдъ, подсаживая дамъ и садясь противъ нихъ.—Къ Гиллеру!

— Пошелъ!—крикнулъ лакей, захлопывая дверцу и вскакивая на козлы.

Лошади тронулись. Марiя откинулась въ уголъ, по-неволѣ покоряясь неизбѣжному року; Регинальдъ снялъ шляпу и отеръ платкомъ лобъ. Анна засмѣялась:

— Я знала, что вы будете насъ искать, мистеръ Регинальдъ, —сказала она.—Но какъ вы ухитрились найти насъ?

— Очень просто,—отвѣчалъ Регинальдъ, глаза котораго заблестѣли еще ярче при этомъ дружескомъ обращенiи. Вы сказали, что отправитесь shopping. Я все время твердилъ это слово, чтобы не забыть, пока доѣхалъ до дому. Прiѣзжаю, смотрю въ лексиконъ, и послѣ нѣсколькихъ попытокъ нахожу: shop — магазинъ; shopping—посѣщенiе магазина. Я колебался между Герцогомъ и Герсономъ. Погадалъ на пуговицахъ:—Герсонъ! Молодой человѣкъ долженъ вѣрить въ свою звѣзду.

— На этотъ разъ она намъ принесла счастiе, я хочу сказать—мнѣ,—воскликнула Анна.—Марiя осудила-было меня на голодную смерть.

— Въ жизнь свою никогда такъ не радовался завтраку! — воскликнулъ Регинальдъ. — А это что-нибудь да значитъ. Прiѣхали!

VII.

Кельнеръ, которому Регинальдъ шепнулъ нѣсколько словъ, провелъ господъ въ отдѣльный кабинетъ.

— Ради Бога! — воскликнула Анна: — здѣсь слишкомъ печально. Въ переднихъ комнатахъ гораздо веселѣй и просторнѣй.

Отправились опять въ переднiя комнаты и усѣлись за маленькимъ столикомъ у окна. Регинальдъ просилъ поручить ему составъ меню и, получивъ согласiе, ушелъ, чтобы сдѣлать необходимыя распоряженiя.

— Теперь вы довольны?—спросила Анна, снимая перчатки.

— Приходится быть довольной,—отвѣчала Марiя.

Въ большой комнатѣ, гдѣ онѣ находились, было еще два

стола; за однимъ сидѣли двое господъ, за другимъ группа мужчинъ и дамъ.

— Удивительно,—сказала Анна.—У Дельмонико на улицѣ Бродвэй, въ Нью-Іоркѣ, вы навѣрно застали бы въ это время не одну даму за завтракомъ безъ всякихъ кавалеровъ. Развѣ ваши мужчины такъ уже неблаговоспитаны, что дама не можетъ явиться въ ихъ общество безъ защитника?

— Я согласна, что это недостатокъ нашихъ общественныхъ нравовъ,—сказала Марія уклончиво:—но кто же начнетъ, кто возьмется исправлять ихъ?

— Кто?—воскликнула Анна.—Разумѣется, тотъ, у кого хватитъ на это мужества. Кто же иначе? Не права ли я была, говоря, что нѣмцы лишены иниціативы,—какъ отдѣльныя лица, разумѣется, такъ какъ вмѣстѣ взятые вы, какъ извѣстно, герои Вёрта и Седана!... Нѣтъ, Марія, вы не должны сердиться, если у меня вырвется какое-нибудь необдуманное слово. Я сама не знаю, что̀ со мной сегодня. Я такъ радовалась этому дню, но онъ оказался совсѣмъ не такимъ, какъ я ожидала, хотя все же онъ прекрасенъ—прекрасенъ! Не сердитесь на меня!

— Могу ли я на васъ сердиться!—сказала Марія, пожимая протянутую ей руку.

— Кто же будетъ у васъ третьимъ въ союзѣ?—воскликнулъ Регинальдъ, вошедшій въ сопровожденіи кельнера съ шампанскимъ. —Ну, mesdames, для начала, пока принесутъ икру—устрицы показались мнѣ сомнительными—не угодно ли освѣжиться. За ваше здоровье, миссъ Анна!

Онъ наполнилъ бокалы и протянулъ свой—Аннѣ. Она весело чокнулась съ нимъ; Марія сдѣлала то же, рѣшившись мужественно переносить всю эту непріятность. Стало-быть это дѣйствительно была для нея непріятность? Если молодые люди нравились другъ другу, то Регинальда она рѣшительно не могла осуждать. Что же касается до Анны, то, правда, она не думала, что Регинальдъ можетъ тронуть ея гордое сердце, но это, пожалуй, происходило отъ того, что братья и сестры вообще не компетентны въ сужденіяхъ другъ о другѣ. Вѣдь вотъ и Анна не въ мѣру превознесла своего брата.—„Какъ ни хороша Ада—она все-таки не такая дѣвушка, чтобы Ральфъ могъ въ нее влюбиться“ — вотъ что̀ она говорила о немъ вчера;—а сегодня! Любовь слѣпа, и, конечно, не со вчерашняго дня. И не глупо ли хмуриться по поводу такой старой истины?!

Марія провела рукой по лбу и съ улыбкой слушала разговоръ молодыхъ людей, предметомъ котораго опять были лошади.

Отъ лошадей перешли къ охотѣ, причемъ Регинальдъ долженъ былъ признать свою несостоятельность. Онъ никогда не охотился за grisly bear, за луговыми волками, за бизономъ и оленемъ; никогда не видалъ, какъ бобры строятъ свои жилища, какъ странствующіе голуби несчетными стаями, подобно тучамъ, покрываютъ небо. Раза два въ глазахъ Регинальда, казалось, мелькалъ вопросъ, не смѣшиваетъ ли прекрасная разсказчица свои собственныя впечатлѣнія съ разсказами другихъ или съ книжными описаніями? Однако она сообщала такія подробности, такіе факты, которые могла видѣть и испытать только лично,— такъ что Регинальдъ со стыдомъ опускалъ глаза, чтобы тотчасъ еще съ бо́льшимъ восторгомъ устремить ихъ на прекрасную дѣвушку.

Между тѣмъ завтракъ, искусно составленный изъ немногихъ легкихъ блюдъ, шелъ своимъ чередомъ. Въ залу вошли новыя лица, въ томъ числѣ нѣсколько офицеровъ. Присутствіе ли товарищей, которые, какъ былъ увѣренъ Регинальдъ, исподтишка наблюдали за нимъ, или шампанское, которое ему пришлось выпить почти одному, такъ какъ дамы едва дотронулись до бокаловъ, или возрастающая страсть къ обворожительному существу, сидѣвшему рядомъ съ нимъ—только глаза его блестѣли все ярче и ярче, комплименты становились смѣлѣе. Напротивъ, веселость Анны, какъ показалось Маріи, уменьшалась въ той же мѣрѣ, и въ тонкихъ чертахъ ея явилось то же меланхолическое выраженіе, которое Марія нѣсколько разъ замѣчала утромъ. Она охотно дала бы понять Регинальду, на какой опасной почвѣ онъ стоитъ, а еще охотнѣе встала бы изъ-за стола. Но Регинальдъ не понималъ ея взглядовъ и съ самаго начала выпросилъ у дамъ обѣщаніе не вставать, пока не опустѣетъ первая и послѣдняя бутылка, причемъ благоразумно воздерживался доканчивать ее. Теперь онъ разсказывалъ о вчерашнемъ тріумфѣ Анны и о восторгѣ, который возбудили пѣсни негровъ.

— Какъ можно восторгаться тѣмъ, чего не понимаешь? — внезапно перебила его Анна сухимъ тономъ.

— Вы подразумѣваете текстъ?—сказалъ Регинальдъ.

— Дѣло не въ текстѣ,—продолжала Анна тѣмъ же тономъ: —можно понять текстъ и все-таки не понимать пѣсенъ—не понимать духа, который породилъ ихъ. Это доступно только тому, въ чьихъ жилахъ течетъ хоть капля негритянской крови.

— Но въ вашихъ жилахъ ея столько же, сколько и въ моихъ,—воскликнулъ Регинальдъ, смѣясь.

— Посмотрите!—сказала Анна.—Что̀ это такое?

Она протянула ему черезъ столъ правую руку. На одномъ изъ ея розовыхъ прозрачныхъ ногтей виднѣлось коричневое пятно.

— Игра природы! — воскликнулъ Регинальдъ, съ восхищеніемъ разсматривая маленькую ручку.

— Да, игра природы! — съ горечью сказала Анна:—но за этой игрой скрывается нѣчто весьма серьезное. Извѣстно ли вамъ, что такое квинтеронка?

— Не имѣю никакого понятія!—воскликнулъ Регинальдъ.

— Ну, такъ взгляните на меня!—сказала Анна.—Вы видите передъ собой квинтеронку; а это пятно—удостовѣреніе въ томъ.

— Игра природы!—повторилъ Регинальдъ, все еще думая, что его прекрасная собесѣдница шутитъ.

— Оставьте глупыя фразы!—возразила Анна почти гнѣвно. —Вы не знаете, чтò такое квинтеронка. Такъ я вамъ объясню: это—дитя бѣлаго отца или бѣлой матери и квартеронки или квартерона. Мой отецъ—бѣлый, а мать—квартеронка. Одинъ изъ родителей квартерона — мулатъ; одинъ изъ родителей мулата — негръ; стало-быть прадѣдъ или прабабка квинтеронки — чистокровный негръ или негритянка. Мой прадѣдъ былъ чистòкровный негръ. Поняли?

— Вы шутите, фрейлейнъ! — сказалъ Регинальдъ въ крайнемъ смущеніи.

— Этого не думалъ мой прадѣдъ, когда его предали мучительной смерти, — насмѣшливо продолжала Анна. — Въ глазахъ южанъ было достойнымъ наказаніемъ то, что одна изъ дѣвушекъ совершила между ними такое чудовищное преступленіе—влюбилась въ молодого негра! Мать съ ребенкомъ убѣжала въ сѣверные штаты,—или, вѣрнѣе сказать, ей позволили убѣжать, не желая предавать и ее смерти. Она умерла въ горести и нищетѣ. Ея сынъ, мулатъ, выросъ, превратился въ красиваго, стройнаго юношу, понравился одной бѣлой дѣвушкѣ, дочери фермера, и женился на ней. Отъ этого брака родилась моя мать, квартеронка, а отъ нея я—квинтеронка.

— Да здравствуютъ квартеронки, а въ особенности квинтеронки!—воскликнулъ Регинальдъ, стараясь перейти къ прежнему дружескому тону и протягивая Аннѣ свой до половины наполненный бокалъ.

— Я не принимаю вашего тоста,—сказала Анна, откидываясь на спинку кресла.

— Вы оскорбляете меня,—угрюмо сказалъ Регинальдъ.

— Согласна! Но зачѣмъ вы провозглашаете тостъ не отъ чистаго сердца?

— Не отъ чистаго сердца?

— Да.

Она снова выпрямилась и, устремивъ на Регинальда сверкающіе глаза,—продолжала тихо и гнѣвно:

— А потому что, еслибы вы были братомъ этой несчастной бѣлой дѣвушки, вы бы тоже присудили къ смерти ея чернаго друга.

— Но—миссъ Анна!..

— Конечно!—говорили же вы вчера, что приходите въ ужасъ отъ одной мысли о томъ, что еврей можетъ быть вашимъ начальникомъ, и что вы отвѣчали бы вызовомъ тому, кто предположилъ бы въ васъ демократическія убѣжденія.

— Безъ сомнѣнія,—сказалъ Регинальдъ съ смущенной улыбкой:—но, фрейлейнъ, какое же отношеніе имѣетъ все это къ вашему прелестному ноготку?

— Такое же отношеніе, въ какомъ всякая капля несправедливо презираемой крови стоитъ къ неизмѣримому океану столь же презираемой крови, текущей въ жилахъ человѣчества. Такое же отношеніе, какъ то, которое заставляетъ держаться другъ за друга васъ, построившихъ свое общественное положеніе на томъ богохульномъ предположеніи, что въ вашихъ жилахъ течетъ кровь болѣе благородная, чѣмъ въ жилахъ вашихъ братьевъ. Вы принадлежите къ этому верхнему теченію, я—къ нижнему. Смѣшаться эти два теченія не могутъ; они могутъ только бороться!—а остальное—дѣло будущаго!

— Будущее, котораго намъ, конечно, не придется увидѣть,— воскликнулъ Регинальдъ.—Но, Марія, что-жъ ты молчишь? Справедливо ли оставлять меня безъ поддержки въ жертву моему прекрасному врагу, который, какъ дама, конечно, имѣетъ перевѣсъ надо мной въ этомъ чуть не политическомъ спорѣ.

— Ты знаешь, что мой отецъ жилъ и умеръ демократомъ, —отвѣчала Марія глухимъ голосомъ.

Анна съ жаромъ пожала ей руку.

Регинальдъ закусилъ губу. Несмотря на то, что споръ принялъ такой непріятный для него оборотъ, онъ рѣшился сохранить видъ насмѣшливаго превосходства мужчины, который не можетъ относиться серьезно къ слабому противнику. Притомъ же всѣ эти разглагольствованія Анны навѣрное были заученныя наизусть фразы изъ какого-нибудь американскаго листка. Но отвѣтъ Маріи, такъ грубо затронувшій больное мѣсто семьи, едва не лишилъ его самообладанія. Онъ гнѣвно взглянулъ на сестру, но тотчасъ сдержался и сказалъ, улыбаясь:

— Признаю себя побѣжденнымъ, во-первыхъ, дамами, которыхъ невозможно опровергнуть, во-вторыхъ—ихъ любезностью, противъ которой невозможно устоять. За ваше здоровье!

Онъ любезно поклонился и выпилъ бокалъ, спрашивая въ то же время жестомъ, не желаютъ ли дамы встать изъ-за стола. Марія тотчасъ поднялась. Анна не такъ торопилась; она смотрѣла мрачно, какъ будто стыдилась, что зашла такъ далеко, или, быть можетъ, сердилась, что не зашла еще дальше.

Региналъдъ помогъ дамамъ одѣться, кивнувъ кельнеру въ знакъ того, что заплатитъ по счету. Хотя онъ дѣлалъ видъ, что принимаетъ все происшествіе за шутку, однако лицо его казалось смущеннымъ и разстроеннымъ. Онъ проводилъ дамъ до экипажа и, отвѣсивъ любезнѣйшій поклонъ, разстался съ ними.

Экипажъ покатился къ Бранденбургскимъ воротамъ. Нѣсколько времени обѣ дамы молчали; мрачное облако еще лежало на лицѣ Анны; Марія думала о своей утренней бесѣдѣ съ матерью, и спрашивала себя, стала ли бы та хлопотать о соединеніи своего Региналъда съ Анной, еслибъ услышала ихъ разговоръ? И не откажется ли самъ Региналъдъ отъ сватовства на дѣвушкѣ, которая держалась такихъ взглядовъ?

Онѣ проѣхали ворота и слѣдовали вдоль Тиргартена,—когда Анна внезапно обратилась къ ней:

— Сказать вамъ, о чемъ вы думаете?

— Ну?—отвѣчала Марія, заставляя себя улыбнуться.

— Вы думаете: какъ это возможно, чтобы молодая дама, въ теченіе какого-нибудь часа, успѣла такъ дружески и такъ враждебно отнестись къ молодому человѣку?!

— Конечно, мнѣ жаль бѣднаго Региналъда.

— Да и мнѣ жаль теперь, когда я припоминаю эту сцену. Въ сущности, онъ мнѣ нравится. Въ немъ есть что-то подкупающее въ его пользу; я думаю, ваши дѣвушки легко влюбляются въ него. Я хочу испытать, не удастся ли и мнѣ это. Можетъ быть, это избавитъ меня отъ идеи, которая мучитъ меня уже давно, особенно въ послѣдніе дни, а сегодня сильнѣе, чѣмъ когда-либо.

— Отъ какой идеи?

— Долженъ же быть мужчина въ полномъ смыслѣ слова такой, какъ я понимаю: человѣкъ дѣйствительно свободный, а не только по имени, какъ мои соотечественники, не умѣющіе сдѣлать ничего хорошаго—въ высшемъ смыслѣ слова—изъ той свободы, съ которой родились. Нѣтъ! человѣкъ, который не поклонится никакому кумиру, хотя бы всѣ остальные люди прекло-

няли передъ нимъ колѣни! не боится своихъ мыслей, каковы бы онѣ ни были, а главное не ограничивается процессомъ мышленія, но и превращаетъ мысль въ дѣло, разбивая заколдованный кругъ, въ которомъ бьется человѣчество, изнывая подъ тяжестью, которую само на себя наложило. Милая Марія, вы такъ умны,—скажите, есть ли такой человѣкъ?

— Я думаю,—сказала Марія, сердце которой сильно билось, —вы сами знаете двухъ такихъ людей. Во-первыхъ, вашъ братъ, котораго вы такъ любите, во-вторыхъ, вашъ старый учитель, о которомъ вы сами отзывались съ такимъ восторгомъ, съ такою благодарностью.

— Конечно, я ихъ люблю,—горячо возразила Анна.—Боже мой, надо же кого-нибудь любить!—но ни одинъ изъ нихъ не похожъ на человѣка, какого я вамъ старалась изобразить. Оба они—мягкіе, чувствительные люди, — натуры, способныя скорѣе страдать, чѣмъ дѣйствовать, и потому пассивные продукты: одинъ —вашихъ безумныхъ политическихъ отношеній, другой — нашей американской чрезмѣрной культуры. Я убѣждена, что они бросились бы спасать утопающаго ребенка, не думая о томъ, что сами потонутъ. Но это дѣло состраданія, которому они подчиняются, потому что такими родились, а не свободы, которую они сами себѣ подчинили, сами себѣ создали.

— Можетъ быть, я лучше пойму васъ,—сказала Марія,—если вы поясните мнѣ это примѣромъ.

— Вы найдете такой примѣръ у Шекспира въ его драмѣ...

— Знаю и не могу отрицать,—возразила Марія:—я всегда удивлялась героямъ классическаго міра въ поэзіи Шекспира. Но не забудьте, что вѣдь это только поэтическій образъ. Настоящій герой, можетъ быть, былъ совсѣмъ не таковъ. И позвольте мнѣ, какъ вашей подругѣ, высказать мысль, которая уже нѣсколько разъ являлась у меня сегодня, пока мы были вмѣстѣ, и я старалась объяснить себѣ вашу оригинальную натуру. Собственно говоря, эта мысль не принадлежитъ мнѣ; я слышала ее случайно отъ одного врача, доктора Брунна, и теперь примѣняю къ вамъ. Вотъ она: только истинный поэтъ владѣетъ волшебнымъ искусствомъ отдѣлять созданія фантазіи отъ дѣйствительныхъ вещей и создавать изъ нихъ идеальный міръ. Остальные люди, одаренные фантазіей, постоянно рискуютъ—и тѣмъ болѣе, чѣмъ богаче ихъ фантазія, если она все-таки не возвышается до поэтическаго творчества—рискуютъ смѣшать оба эти міра, требуя отъ дѣйствительности того, чего она не можетъ дать. Отсюда сумятица въ головахъ и сердцахъ этихъ несчастныхъ,

безплодная борьба, отнимающая у нихъ спокойное наслажденіе даромъ жизни.

— Однако есть и поэты, погибшіе въ этой борьбѣ; напримѣръ, нашъ великій Эдгаръ Поэ.

— Онъ писалъ прекрасныя стихотворенія, но разъ онъ погибъ,—онъ уже не былъ великимъ поэтомъ.

— Стало-быть только два-три великихъ поэта пользуются преимуществомъ не безплодно ломать голову надъ загадками жизни?

— Кромѣ нихъ, также и люди, лишенные фантазіи и которые составятъ весьма почтенный контингентъ,—возразила Марія, улыбаясь.

— А для остальныхъ, такихъ, какъ я напримѣръ, лишенныхъ поэтическаго дара и не принадлежащихъ къ тупой массѣ, нѣтъ спасенія?

— Только одно,—отвѣчала Марія, поднявъ глаза къ безоблачному небу:—смиреніе!

— Напримѣръ, выйти замужъ за нелюбимаго человѣка, потому что не встрѣчаешь такого, котораго могла бы полюбить всецѣло, а если и встрѣтишь, такъ онъ самъ пренебрегаетъ тобою?

Горькій тонъ Анны доказывалъ, что она сказала все это съ намѣреніемъ; но съ какимъ? на кого она намекала? Сначала Марія подумала, что на нее и на ея чувство къ Ральфу, но тотчасъ ей стало ясно, что этого не могло быть, и что Анна имѣла въ виду только себя.

— Я считаю васъ неспособной выйти за человѣка, котораго вы не любите,—сказала она.

— Даже еслибы это было единственнымъ средствомъ спастись отъ самой себя?

— Я не понимаю васъ,—сказала Марія въ смущеніи.

— Это очень возможно. Я иногда сама себя не понимаю, а сегодня въ особенности. Сегодня со мной случилось нѣчто странное, чего еще никогда не случалось, и чтò совершенно сбило меня съ толку. Я уже говорила вамъ объ этомъ. Теперь же прошу васъ объ одномъ: будьте, оставайтесь моей подругой! Я еще никого не встрѣчала, чьей дружбы желала бы такъ, какъ вашей! Согласны?

Она повернулась къ Маріи и обѣими руками схватила ея руку. Большіе черные глаза ея свѣтились ласкою, и однако въ глубинѣ ихъ виднѣлась такая тоска, что Марія испугалась.

— Согласна отъ всего сердца,—сказала она. Анна нагнулась и неожиданно поцѣловала ей руку. Въ эту минуту эки-

пажъ подъѣхалъ къ дому Илиціусовъ. Фрау Илиціусъ стояла у окна. Марія, взглянувши вверхъ, не могла сомнѣваться, что она замѣтила поступокъ Анны.

— До свиданія, милая Анна!

— До скораго свиданія, милая, милая Марія!

Анна, не взглянувъ на окно, откинулась на спинку экипажа. Марія вошла въ домъ.

VIII.

„Вотъ новая загадка для меня!“ думала Марія, когда на слѣдующее же утро было получено письмо отъ Анны, въ которомъ она просила Регинальда удѣлить ей первый свободный часъ. Регинальдъ сообщилъ объ этомъ сестрѣ мимоходомъ, отправляясь въ казарму и встрѣтивъ ее на лѣстницѣ. Сообщилъ онъ по возможности равнодушнымъ, даже слегка насмѣшливымъ тономъ, но губы его дрожали, и Марія не сомнѣвалась, что у него найдется этотъ свободный часъ сегодня же. Возвратясь къ обѣду домой, онъ разсказалъ такимъ же равнодушнымъ тономъ, что ему удалось найти свободную минуту совершенно случайно и противъ ожиданія. Оказалось, что Анна хотѣла купить лошадь, о которой онъ говорилъ ей вчера. Онъ былъ вмѣстѣ съ ней въ татерзалѣ. Анна пробовала лошадь—какъ она ѣздитъ! удивительно! можетъ быть, не совсѣмъ по правиламъ, но удивительно!—о цѣнѣ, разумѣется, не было и рѣчи, и въ полчаса все было улажено.—Потомъ мы вмѣстѣ отправились къ моему поставщику,—продолжалъ Регинальдъ,—такъ какъ миссъ Анна была недовольна сѣдломъ и уздечкой, которыя мы купили вмѣстѣ съ лошадью. Ну, да такихъ, какъ ей нужно, у насъ нѣтъ; ихъ нужно еще сдѣлать—а пока придется пользоваться этими. Пока же, т.-е. завтра же, я долженъ ее сопровождать. Оно и кстати; завтра мнѣ не нужно быть на службѣ.

— Но, милый Регинальдъ,—сказала фрау Илиціусъ, глаза которой свѣтились гордостью отъ успѣховъ ея любимца:—нельзя же вамъ ѣхать однимъ—это слишкомъ рискованно, возьмите съ собой Павла.

— Извини, милая мама,—отвѣчалъ Регинальдъ:—миссъ Анна рѣшительно не хочетъ брать грума. Не знаю, американскій обычай это или ея личный вкусъ. Во всякомъ случаѣ, я, какъ кавалеръ, долженъ подчиниться желанію дамы.

Фрау Илиціусъ поспѣшила согласиться съ этимъ, лукаво улыбнувшись Маріи. Но Марія не могла отвѣчать улыбкой. Плохо

скрываемая заносчивость Регинальда напомнила ей поговорку о танцующихъ на волканѣ. И хотя она не имѣла причины особенно любить своего брата, однако не могла пожелать ему брака, въ которомъ жена „спасается отъ самой себя“.

Гехеймратъ Илиціусъ и Ада съ очевиднымъ участіемъ слушали разговоръ матери съ сыномъ. Другого сына, Герберта, къ счастію не было дома. Конечно, мать, да и не одна она—знала, что Ада передастъ ему этотъ разговоръ отъ слова до слова. Но и фрау Илиціусъ, и Регинальдъ, кажется, даже хотѣли, чтобы Гербертъ узналъ отъ своей вѣрной сообщницы, что ему нечего надѣяться!

Убѣдился ли въ этомъ Гербертъ, Марія не могла узнать, тѣмъ болѣе, что въ послѣдующіе дни онъ, очевидно, избѣгалъ ея. Быть можетъ, онъ раскаявался въ томъ, что почти признался предъ нею въ своей любви въ тотъ вечеръ, когда просилъ ее „взять подъ свое крылышко“ Анну и такъ презрительно отзывался о Регинальдѣ, говоря, что въ немъ нѣтъ ничего серьезнаго, кромѣ мотовства. Можетъ быть, онъ подозрѣвалъ ее въ сообщничествѣ съ своимъ противникомъ: вѣдь мать и Регинальдъ при всякомъ удобномъ случаѣ говорили о нѣжной дружбѣ между Маріей и Анной! Странно только, что именно теперь эта дружба ничѣмъ не обнаруживалась. Правда, Анна посылала ей поклоны черезъ Регинальда, съ которымъ ежедневно каталась; но она не приглашала ее на вторичную прогулку, не звала къ себѣ въ гости; тогда какъ Ада уже раза два была у Куртисовъ,—вѣроятно, по желанію Ральфа, думала Марія. По крайней мѣрѣ, Ада не могла нахвалиться любезностью профессора, который, впрочемъ, все еще не вполнѣ оправился. Она съ гордостью показывала великолѣпно переплетенный экземпляръ стихотвореній Лонгфелло, который онъ ей подарилъ, даже—она могла поклясться въ этомъ, и Регинальдъ могъ подтвердить ея слова—онъ почти насильно заставилъ взять.
—Другой разъ онъ прочелъ по моей просьбѣ „Вórона“, Эдгара Поэ, разумѣется, по-англійски,—мама, и съ какимъ чувствомъ! Ты не можешь себѣ представить. Я едва удержалась отъ слезъ.

Нѣтъ, Гербертъ рѣшительно не имѣлъ основанія сердиться на Марію за то, что она дѣйствовала противъ него въ пользу Регинальда. Очевидно, онъ и самъ вскорѣ созналъ это и старался поправить свою несправедливость, превосходя всѣхъ другихъ членовъ семейства въ любезности, съ которой теперь всѣ относились къ Маріи, и сдѣлавъ ее своей повѣренной въ другомъ дѣлѣ, которое, по его словамъ, было поважнѣе, чѣмъ „глупая возня Регинальда съ миссъ Анной Куртисъ“.

Упрямая энергія и безцеремонность Герберта направились теперь противъ его другой сестры, Стефаніи, и ея супруга Эгона. Переселеніе легкомысленной парочки было дѣломъ рѣшеннымъ; Гербертъ самъ отправился въ Нейзицъ, чтобы сдѣлать необходимыя распоряженія. Такъ какъ нанятая для нихъ квартира не могла быть готова раньше 15-го мая, то они остановились пока въ родительскомъ домѣ. Регинальду пришлось поселиться на особой квартирѣ; и хотя онъ всегда желалъ того, но теперь это было ему непріятно, такъ какъ новая квартира находилась очень далеко отъ дома Куртисовъ, и сношенія съ этимъ послѣднимъ сдѣлались гораздо затруднительнѣе. Во всѣхъ этихъ хлопотахъ должна была помогать Герберту Марія, такъ какъ онъ рѣшительно не допускалъ вмѣшательства другихъ, въ особенности матери. При этомъ между нимъ и Маріей произошло длинное объясненіе.

— Я долженъ съ тобой объясниться,—сказалъ онъ,—такъ какъ только твое мнѣніе и согласіе интересуютъ меня; а если я буду молчать, ты, пожалуй, заподозришь меня, да, кажется, и заподозрила уже въ эгоизмѣ и жестокости. А между тѣмъ я думаю только о нашемъ общемъ благѣ, въ томъ числѣ и о твоемъ. Эгонъ въ эти четыре года растратилъ всю часть наслѣдства, принадлежащую Стефаніи,—могу доказать это документально. Стало-быть Стефанія можетъ предъявлять только такія требованія, какія вообще законны со стороны взрослыхъ разорившихся дѣтей по отношенію къ богатымъ родителямъ. Иначе сказать, она имѣетъ право на минимумъ средствъ, необходимыхъ для существованія; стало-быть уже и то, что я согласился дать ей и Эгону—чистое великодушіе. Дальше я не могу идти, потому что и это, и все, что сверхъ того потребуется, приходится брать изъ процентовъ съ остального капитала, который по праву принадлежитъ родителямъ и намъ, остальнымъ дѣтямъ. Въ довершеніе всего и этому капиталу, кромѣ потерь вслѣдствіе плохого хозяйства мамы, нанесенъ недавно большой ущербъ по винѣ отца, т.-е. въ сущности косвенно опять-таки по винѣ мамы. Не имѣя достаточно энергіи, чтобы положить предѣлъ безумнымъ тратамъ мамы, отецъ вздумалъ поправить дѣла спекуляціями съ бумагами полу-обанкрутившихся государствъ, съ акціями иностранныхъ желѣзныхъ дорогъ, въ разныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, обѣщавшихъ большой дивидендъ и проценты только для того, чтобы пустить пыль въ глаза публикѣ и проглотить капиталы, которые стекутся въ эту пропасть. Сначала отецъ сознавалъ опасность подобныхъ сдѣлокъ, но постоянныя заботы, гдѣ бы достать денегъ для домашнихъ расходовъ, кажется, совершенно

сбили его съ толку. Пришлось остановить его,—иначе, если такъ продолжится года два, мы всѣ разоримся. Но я, съ своей стороны, не хочу разоряться, не хочу и принадлежать къ разорившемуся семейству. Кромѣ того, я сильно сомнѣваюсь, чтобы отецъ долго удержалъ свое мѣсто. Онъ придерживается съ упорствомъ, достойнымъ лучшаго дѣла, старой феодально-реакціонной программы, программы „Крестовой Газеты", основанію которой онъ же содѣйствовалъ, и не хочетъ или не можетъ понять, что теперь наступило другое время, время Бисмарка, я хочу сказать—*теперешняго* Бисмарка, который рѣшилъ покончить съ заплеснѣвшей программой свободной торговли, такъ какъ иначе не создать средствъ для нашей арміи и для того, чтобы заткнуть голодныя глотки проклятымъ демократамъ... Ну, ну, Марія, не сердись. Можетъ быть, мы не чувствуемъ такой нѣжности къ милому плебсу, какъ ваши демократы сорокъ-восьмого года, за которыхъ ты стоишь, потому что твой отецъ былъ такъ великодушенъ, что принималъ ихъ бредни за нѣчто реальное,—но мы, во всякомъ случаѣ, практичнѣе, въ этомъ можешь быть увѣрена. А это самое важное; все остальное—болтовня и бредъ. Я думаю, и ты поблагодаришь меня, если я, вмѣсто красивыхъ фразъ о братской любви и тому подобномъ, сохраню для тебя часть состоянія твоего покойнаго отца, на которую ты имѣешь право передъ Богомъ и передъ людьми.

— Я вовсе не думаю о себѣ,—возразила Марія.

— Тѣмъ болѣе необходимо, чтобы кто-нибудь другой о тебѣ подумалъ,—заключилъ Гербертъ.—Повѣрь, милое дитя, съ твоимъ идеализмомъ нынче не проживешь. И въ государствѣ, и въ семьѣ—всюду нужно считаться съ фактами. Кто этого не можетъ, тотъ пропалъ. И на мой взглядъ онъ не имѣетъ никакого права жаловаться.

Итакъ, Марія должна была предоставить все на волю своего энергичнаго брата, хотя ей и былъ не совсѣмъ пріятенъ его образъ дѣйствій. Въ сущности, онъ, безъ сомнѣнія, былъ правъ, и она говорила себѣ, что тотъ, кто сочувствуетъ цѣли, долженъ сочувствовать и средствамъ,—положеніе, которое въ своихъ практическихъ послѣдствіяхъ отзывалось весьма жестоко на Стефаніи и ея мужѣ. Марія съ ужасомъ думала объ ихъ переселеніи, въ особенности ей было жалко ни въ чемъ неповиннаго ребенка, хорошенькаго трехъ-лѣтняго Бото, который въ послѣдній разъ, какъ она его видѣла, такъ весело игралъ подъ буками нейзицскаго парка, а теперь долженъ былъ попасть въ тѣсную берлинскую квартиру, въ третьемъ этажѣ.

IX.

Скоро наступилъ день, котораго такъ боялась Марія. Когда явились переселенцы, она не знала, радоваться или огорчаться веселому лицу Стефаніи. Напротивъ, супругъ ея былъ смущенъ и имѣлъ видъ человѣка, котораго жестоко огорчаетъ его тяжелое и недостойное положеніе. Все это, впрочемъ, разомъ перемѣнилось, когда пришелъ Регинальдъ и горячо обнялъ любимую сестру и ея дорогого Эгона. И такъ какъ Гербертъ, подъ вліяніемъ умоляющихъ взоровъ Маріи, тоже держалъ себя очень вѣжливо, то первый день прошелъ довольно сносно, въ особенности благодаря маленькому Бото, который внезапно сдѣлался общимъ любимцемъ. Онъ переходилъ изъ объятій одной дамы къ другой, покатался поочередно на колѣняхъ всѣхъ мужчинъ и служилъ предметомъ общаго разговора, когда не хватало темы—что̀ случалось довольно часто.

Марія предвидѣла, что это кажущееся согласіе не продолжится дольше перваго дня, и уже слѣдующій день подтвердилъ это.

Часъ визитовъ еще не наступилъ, и было около одиннадцати часовъ, когда подъѣхалъ экипажъ, изъ котораго вышелъ графъ Аксель Карльсбургъ и спросилъ, дома ли гехеймратъ Илиціусъ; а такъ какъ послѣдній уже ушелъ, то велѣлъ доложить о себѣ его супругѣ. О томъ, что̀ произошло дальше, Марія узнала отъ горничной Паулины, которая сама сочла долгомъ сообщить обо всемъ фрейлейнъ. Господинъ Гербертъ—говорила она—бросился въ комнату фрау мама, и самымъ рѣзкимъ тономъ запретилъ ей принимать этого графа. То же самое онъ потребовалъ отъ господина барона и баронессы Стефаніи, сказавъ, что онъ самъ приметъ графа, о чемъ и велѣлъ передать ему; послѣ этого графъ вошелъ въ комнату господина Герберта.

— Вы знаете, фрейлейнъ,—продолжала Паулина,—я никогда не подслушиваю, но мнѣ нужно было вытереть пыль въ маленькой комнатѣ, рядомъ съ комнатой господина Герберта, а господа говорили такъ громко, что просто стекла дрожали. Поэтому мнѣ по-неволѣ пришлось кое-что услышать, и если фрейлейнъ интересуется этимъ...

— Я вовсе не интересуюсь этимъ,—перебила Марія.

— Да... я тоже, конечно... въ такомъ случаѣ я не стану надоѣдать фрейлейнъ...

Послѣ непродолжительнаго разговора съ графомъ, Гербертъ отправился на службу; Марія тоже пошла въ городъ, за кой-

какими покупками. Когда она вернулась, никого не было дома. Паулина сообщила ей, что какой-то господинъ уже четверть часа ожидаетъ ее въ пріемной. Онъ хотѣлъ видѣть господина гехеймрата, а когда узналъ, что его нѣтъ дома, сказалъ, что подождетъ фрейлейнъ Марію.

Марія тотчасъ пошла въ пріемную. Когда она вошла, господинъ, стоявшій у окна и смотрѣвшій на улицу, быстро повернулся къ ней. Это былъ Гартмутъ Зелькъ.

Марія постаралась скрыть смущеніе, овладѣвшее ею при видѣ этого человѣка. Уже десять лѣтъ онъ не вступалъ, не смѣлъ вступать въ этотъ домъ. Что̀ дало ему смѣлость нарушить строгое запрещеніе? Что̀ ему нужно отъ нея? Развѣ не довольно съ нея домашнихъ огорченій? Неужели къ нимъ прибавится новое несчастіе, которое принесетъ этотъ зловѣщій человѣкъ? Она твердо была увѣрена, что Гартмутъ Зелькъ могъ принести съ собой только горе и несчастіе.

Между тѣмъ Гартмутъ усѣлся противъ нея совершенно непринужденно, точно онъ и теперь былъ ежедневнымъ гостемъ въ этомъ домѣ. Онъ смотрѣлъ внизъ и слегка игралъ шляпой, которую держалъ на колѣняхъ. Шляпа была совершенно новая, безукоризненный костюмъ спитъ по послѣдней модѣ, свѣтлыя перчатки надѣты не болѣе какъ во второй разъ.

Внезапно онъ поднялъ свои черные глаза и сказалъ:

— Вижу, что являюсь къ вамъ неожиданнымъ и, нужно прибавить, непрошеннымъ гостемъ. Это мнѣ непріятно, такъ какъ мое посѣщеніе касается, въ сущности, только васъ. То, что̀ я долженъ сообщить гехеймрату отъ имени моего принципала, я могъ бы такъ же хорошо сообщить въ письмѣ. Конечно, я могъ бы и вамъ написать, но я вообще предпочитаю устныя объясненія, а въ особенности съ людьми, способными чувствовать и понимать, какою я всегда васъ считалъ.

— Не можете ли вы безъ предисловій изложить мнѣ, что̀ привело васъ сюда?—спросила Марія вѣжливо, но твердо.

— Безъ предисловія я при всемъ желаніи не могу обойтись,—возразилъ Гартмутъ:—могу только опустить комплименты, тѣмъ болѣе, что въ отношеніи васъ они всегда окажутся пошлыми. Вы знаете о моей службѣ у господина Куртиса, но, конечно, не имѣете представленія о томъ, въ какомъ тяжеломъ положеніи я тамъ находился сначала. Очень богатые люди рѣдко хорошо относятся къ небогатымъ. Я къ этому приготовился, тѣмъ болѣе, что на этотъ разъ общечеловѣческій предразсудокъ подкрѣплялся спеціально-американскимъ. Тѣмъ не менѣе, я въ самое короткое

время сталъ на хорошую ногу съ моимъ принципаломъ. Я съумѣлъ сдѣлаться для него полезнымъ. Большаго и не требовалось для практическаго человѣка: разумѣется, онъ не нанялъ бы меня изъ-за моихъ „прекрасныхъ глазъ". Тѣмъ болѣе сильный ударъ былъ нанесенъ моему самолюбію, когда я, по приглашенію моего принципала, явился въ его семейномъ кружкѣ. Ко мнѣ относились почти невѣжливо, да и это слишкомъ мягкое выраженіе относительно миссъ Анны, для которой я просто не существовалъ. Даже миссисъ Куртисъ, сначала относившаяся ко мнѣ довольно хорошо, внезапно перемѣнилась, разумѣется, по приказанію миссъ Анны, воля и желаніе которой—законъ для семьи Куртисовъ. Я привыкъ философски относиться къ житейскимъ мелочамъ, тѣмъ болѣе, что долго пробылъ безъ всякихъ занятій и постоянно терпѣлъ нужду. Однако тутъ я увидѣлъ, что мнѣ нельзя будетъ оставаться, если не произойдетъ перемѣны, хотя, къ сожалѣнію, не могъ себѣ представить, какъ и черезъ кого она произойдетъ. И вотъ, перемѣна произошла, благодаря особѣ, которой я уже такъ много обязанъ, словомъ—благодаря вамъ, фрейлейнъ Марія.

— Благодаря мнѣ?—воскликнула Марія.—Это невозможно.

— Къ счастію, для меня это оказалось возможнымъ,—продолжалъ Гартмутъ съ вѣжливымъ поклономъ.—Впрочемъ я зналъ, что вы отвергнете мою благодарность, хотя именно желаніе выразить ее привело меня сюда. Право, фрейлейнъ Марія, вы слишкомъ скромны для такой могущественной феи. Въ васъ есть волшебная сила, противъ которой ничто не можетъ устоять. Вы замолвили за меня только словечко, только констатировали простой фактъ, что я сынъ своего отца, и мое положеніе въ домѣ Куртисовъ разомъ измѣнилось. Съ этого момента я сталъ нравственнымъ феноменомъ въ глазахъ мистера Куртиса; миссисъ Куртисъ также возвратила мнѣ свое, нѣсколько вялое впрочемъ, благоволеніе; господинъ профессоръ и его менторъ удостоили меня своимъ разговоромъ, когда я былъ приглашенъ къ столу, и миссъ Анна сообразила, что между ней и противоположной стѣной находится еще существо, называемое Гартмутъ Зелькъ.

Марія невольно улыбнулась, хотя ей было вовсе не весело. Въ рѣчи Гартмута была свобода и увѣренность, которымъ она тайно удивлялась, и юморъ, которому она, вѣчно находившаяся въ борьбѣ, тайной или явной, съ узкими, предвзятыми мнѣніями своихъ родныхъ, не могла не сочувствовать. Она невольно вспомнила о томъ молодомъ студентѣ, который былъ нѣкогда ей другомъ и почти братомъ, съ которымъ она читала Гёте и Шиллера,

Шекспира и Скотта, Тассо и Манцони, которому всѣ предсказывали тогда блестящую будущность. Не слишкомъ ли рано она отреклась отъ него вмѣстѣ съ другими членами семьи, такъ безжалостно предавшими его проклятію? Не слѣдовало ли больше подумать о томъ, чтò она сама недавно говорила Аннѣ объ искушеніяхъ, которымъ даровитые люди подвергаются больше другихъ?

— Я рада,—сказала она,—что мой откровенный разговоръ съ миссъ Анной имѣлъ для васъ такія хорошія послѣдствія. Но, признаюсь, я не вижу въ этомъ случаѣ связи между причиной и слѣдствіемъ. Какой интересъ для семейства Куртисовъ можетъ представлять ваше происхожденіе?

— Какой интересъ? Интересъ, который всегда возбуждаетъ человѣкъ, явившійся, такъ сказать, въ костюмѣ раба и вдругъ оказавшійся сыномъ патриція. Къ этому романическому, чтобъ не сказать пошлому, эффекту, который рѣдко не оказываетъ дѣйствія, прибавилось, въ данномъ случаѣ, еще другое обстоятельство: спеціальный интересъ, о которомъ я бы затруднился говорить, еслибъ не думалъ, что говорю, по выраженію Гомера, какъ знающій знающему, короче сказать, еслибъ не думалъ, что вы, фрейлейнъ Марія, знаете объ этомъ столько же, какъ я. Могу ли я продолжать?

Марія хотѣла-было отвѣтить рѣшительнымъ отказомъ, но почему-то колебалась, а Гартмутъ, принявъ ея молчаніе за знакъ согласія, продолжалъ:

— Объ этомъ говорятъ и другіе, это уже извѣстно всему городу: я разумѣю ухаживаніе Регинальда за миссъ Анной. Берлинъ—настоящее гнѣздо сплетенъ, да и другіе города, я думаю, не лучше; еслибы въ Гайдъ-Паркѣ въ Лондонѣ или въ Bois de Boulogne въ Парижѣ ежедневно, въ теченіе недѣли, появлялись верхами такой элегантный офицеръ и такая замѣчательная красавица, то, конечно, и тамъ не обошлось бы безъ сплетенъ. Менѣе замѣтно, однако, но и не такъ скрытно, какъ фіалка во мху—не знаю, почему мнѣ пришло въ голову это сравненіе—трогательное участіе Ады къ болѣзни господина профессора. Ну, а извѣстно, что въ сановитыхъ семействахъ при особенно радостныхъ событіяхъ склонны къ всепрощенію. Положимъ, Илиціусы еще не особенно сановитая фамилія, но все-таки въ домѣ Куртисовъ прошелъ слухъ, что въ домѣ Илиціусовъ и для преступнаго Гартмута Зелька можетъ взойти солнце милостей. Всегда желательно, чтобы семейство, съ которымъ хотятъ породниться, избавилось отъ темныхъ пятенъ. И мнѣ дали, скажу прямо—миссъ Анна дала мнѣ понять, что

если окажутся какія-нибудь препятствія, то устранить ихъ скорѣе всѣхъ можете вы, фрейлейнъ Марія.

— Боже мой, что же я могу сдѣлать?—пролепетала Марія.

— Этого опять-таки никто не знаетъ лучше самой фрейлейнъ Маріи,—поспѣшно возразилъ Гартмутъ:—я убѣжденъ въ этомъ такъ же, какъ въ томъ, что никто не обращался къ ея великодушію безуспѣшно.

При этихъ словахъ въ грубомъ и рѣзкомъ голосѣ Гартмута послышались мягкія ноты, и его черные бѣгающіе глаза на минуту остановились. Но они тотчасъ опять заблестѣли, и насмѣшливая улыбка мелькнула на его тонкихъ губахъ.

— Простите,—сказалъ онъ,—сантиментальность мнѣ не къ лицу. Я самъ не понимаю, почему иногда на меня находитъ такое настроеніе. Можетъ быть, мнѣ недолго осталось жить.

— Надѣюсь, вы проживете достаточно, чтобы наверстать потерянное. Вы можете сдѣлать такъ много, если серьезно захотите. Что до меня, то я охотно сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ. Но я должна вамъ сказать, что дѣйствительнымъ вліяніемъ въ этомъ домѣ пользуется только Гербертъ.

Гартмутъ подумалъ немного и послѣ непродолжительной паузы сказалъ:

— Я такъ и думалъ. Многое указываетъ на это, особенно суровый поступокъ съ Стефаніей. Конечно, засыпать источникъ, изъ котораго течетъ несчастіе—дѣло хорошее, также какъ и введеніе разумной экономіи. Но отецъ и Гербертъ—слишкомъ хорошіе счетчики, чтобы не понимать, что это путь медленный, черезъ-чуръ медленный для нашего времени, когда такъ быстро живутъ. Отецъ всегда былъ спекулянтомъ, хотя и плохимъ. Хочетъ, не хочетъ Гербертъ, а ему тоже придется спекулировать, и, разумѣется, онъ надѣется спекулировать съ большею осторожностью и проницательностью, чѣмъ отецъ. Вотъ одна сторона медали. Теперь другая—она удивительно подходитъ къ первой. Положимъ, что мистеръ Куртисъ желаетъ обвѣнчать своихъ дѣтей съ дѣтьми Илиціусовъ; онъ не былъ бы купецъ, да еще американецъ, еслибы не предпочелъ породниться съ богатой семьей, чѣмъ съ такой, которая и по нашимъ нѣмецкимъ понятіямъ врядъ ли имѣетъ право на этотъ эпитетъ, а тѣмъ менѣе по понятіямъ человѣка, привыкшаго считать милліонами. Естественнѣе всего, что онъ захочетъ обогатить Илиціуса, давъ ему возможность принять съ остатками своего капитала участіе въ тѣхъ огромныхъ выгодахъ, которыя доставляютъ ему его собственныя спекуляціи. Я навѣрное знаю, что мистеръ Куртисъ уже дѣлалъ отцу пред-

ложенія въ этомъ смыслѣ, къ которымъ тотъ отнесся съ явнымъ сочувствіемъ, и, разумѣется, пойдетъ дальше въ этомъ направленіи, если Гербертъ согласится. Согласіе это, конечно, не замедлитъ послѣдовать; выгоды слишкомъ велики, слишкомъ соблазнительны! Съ своей стороны, мистеръ Куртисъ былъ бы по своему совершенно правъ, еслибы не захотѣлъ породниться съ семействомъ, которое отталкиваетъ явное счастье, когда его, такъ сказать, подаютъ на подносѣ. Далѣе, хотя бы Гербертъ и былъ равнодушенъ къ будущности Регинальда, но что̀ хорошо для Регинальда, хорошо и для любимицы Герберта, Ады, и для него самого, и для всѣхъ членовъ семьи. Вы скажете: положимъ, что все это такъ и произойдетъ, что все это такъ и случится, но почему же вы думаете, что это хорошо повліяетъ на отношенія отца и Герберта къ вамъ? Все это совершится помимо васъ; вы тутъ не при чемъ. Да, еслибы я былъ въ такомъ же положеніи, какъ двѣ недѣли тому назадъ! Передъ бездѣльникомъ демократомъ могли бы захлопнуть двери, да и дѣйствительно захлопнули бы, но передъ повѣреннымъ мистера Куртиса, передъ человѣкомъ, безъ чьего совѣта, даже, смѣю сказать, безъ чьего согласія, онъ не пустится ни въ какое предпріятіе, по крайней мѣрѣ здѣсь, въ Германіи,—передъ такимъ человѣкомъ эти двери откроются, хотя бы самъ Гербертъ долженъ былъ взяться за ручку.

Произнося эти послѣднія слова, Гартмутъ всталъ; Марія тоже поднялась, чувствуя, что ей нечего возразить. Гартмутъ говорилъ съ такой импонирующей увѣренностью, съ такимъ, насколько она могла судить, полнымъ знаніемъ всѣхъ обстоятельствъ, что она не могла усомниться ни въ одномъ пунктѣ, не могла ему возразить: нѣтъ, дѣло обстоитъ иначе.

Какъ будто не желая ослаблять впечатлѣніе дальнѣйшимъ разговоромъ, Гартмутъ раскланялся и пошелъ въ переднюю. Марія, сама не сознавая, что̀ дѣлаетъ, послѣдовала за нимъ. Такъ они оба дошли до дверей. Вмѣсто того, чтобы отворить ихъ и удалиться, Гартмутъ внезапно остановился и сказалъ прерывающимся отъ внутренняго волненія—такъ, по крайней мѣрѣ, должна была думать Марія—голосомъ:

— Во всемъ, что̀ я сказалъ, пошлый человѣкъ увидѣлъ бы только краснобайство господина, который хочетъ скрыть отъ другихъ темный путь, избранный имъ для эгоистическихъ цѣлей. Марія Альденъ этого не подумаетъ. Теперь я хочу сказать вамъ еще то, чего не сказалъ бы никому другому, потому что никто этого не пойметъ; еслибы мнѣ предлагали въ милліонъ разъ больше, чѣмъ та выгода, которую я получу отъ этого дѣла,

еслибы мнѣ предлагали сокровища Перу и Мексики, но Марія Альденъ сказала бы: брось это, если хочешь, чтобы я любила тебя по прежнему!—то, слушайте, Марія, вотъ моя правая рука въ глупой перчаткѣ, которой я теперь стыжусь,—и ее, и лѣвую я скорѣе позволилъ бы отрубить себѣ, чѣмъ протянуть руку на такое дѣло, которое можетъ возмутить васъ.—Прощайте!

Онъ не взялъ руки, которую она хотѣла протянуть ему на прощанье, и быстро вышелъ. Марія вернулась къ своему креслу и погрузилась въ размышленія объ этомъ демоническомъ человѣкѣ. Она не можетъ осуждать его. Въ рѣчи его звучали ноты, которыя и теперь еще откликались въ ея сердцѣ. Нѣтъ, она не станетъ осуждать. Но человѣкъ, который могъ смѣяться у гроба своей матери, долженъ представить ей доказательства посильнѣе словъ, прежде чѣмъ она повѣритъ въ его искренность.

X.

Фрау Илиціусъ вернулась домой съ Стефаніей; Эгонъ остался въ городѣ; онъ хотѣлъ зайти къ двумъ-тремъ старымъ друзьямъ. Обѣ дамы хвалились практичностью и необыкновенной дешевизной своихъ покупокъ. Марія, при всемъ желаніи, не могла согласиться ни съ тѣмъ, ни съ другимъ, но не стала высказывать своихъ замѣчаній, удивляясь про себя легкомыслію людей, которые могли забывать всю серьезность положенія ради такихъ пустяковъ. Между тѣмъ наступилъ часъ обѣда. Отецъ и Гербертъ вернулись со службы; Регинальдъ съ Адой возвратились отъ Куртисовъ; ожидали только Эгона. Наконецъ, когда всѣ уже стали терять терпѣніе, слуга принесъ отъ него открытое письмо: „Сейчасъ встрѣтилъ графа Акселя Карльсбурга; обѣдаемъ вмѣстѣ въ ресторанѣ. Прошу не ждать меня къ обѣду“.

За столомъ чувствовалась неловкость. Напрасно Стефанія пускала въ ходъ все свое краснорѣчіе, а Регинальдъ разсказывалъ одну за другой забавныя исторіи—безтактность Эгона, оставившаго семью для графа, который былъ на такомъ дурномъ счету у нѣкоторыхъ ея членовъ, съ которымъ Гербертъ имѣлъ сегодня утромъ непріятную сцену, вѣроятно не первую изъ цѣлаго ряда такихъ же непріятныхъ сценъ,—такую безтактность трудно было загладить; даже Марія должна была сознаться, что шуринъ не могъ бы придумать ничего лучшаго, чтобы окончательно испортить и безъ того дурныя отношенія. Сама Стефанія, какъ ни старалась дѣлать видъ, что ничего особеннаго не случилось, почувствовала,

наконецъ, смущеніе. Только у Регинальда хватило мужества и нервовъ выдержать свою роль до конца, въ пику, какъ опасалась Марія, Герберту, съ которымъ онъ не разъ обмѣнивался враждебными взглядами. Марія съ горестью чувствовала, что возрастающая вражда братьевъ очень скоро разрѣшится катастрофой.

Едва успѣла она послѣ обѣда войти въ свою комнату, какъ явилась Паулина съ просьбой отъ господина Герберта: не будетъ ли фрейлейнъ такъ добра пожаловать въ его комнату; онъ хочетъ поговорить съ ней о важномъ дѣлѣ.

— Господинъ поручикъ тоже у нихъ,—прибавила Паулина съ злорадной улыбкой, ясно показывавшей, какъ хорошо ей извѣстны семейныя отношенія.

Дѣйствительно, Марія нашла обоихъ братьевъ въ кабинетѣ Герберта; они молча расхаживали взадъ и впередъ, стараясь держаться подальше другъ отъ друга. Очевидно, они только-что спорили. Оба были блѣдны; Регинальдъ тяжело дышалъ, Гербертъ казался спокойнымъ. Лишь только она вошла, онъ обратился къ ней и сказалъ тихимъ, но твердымъ голосомъ:

— Я пригласилъ тебя, милая Марія, чтобы ты рѣшила нашъ споръ съ Регинальдомъ по поводу Стефаніи и Эгона. По крайней мѣрѣ, я предложилъ это Регинальду, и если я вѣрно его понялъ, онъ тоже готовъ выслушать...

— Разумѣется, готовъ!—воскликнулъ Регинальдъ:—я не могу думать, чтобы Марія...

— А вотъ мы увидимъ,—перебилъ Гербертъ.—Присядь пожалуйста, Марія.

Онъ подставилъ ей свое рабочее кресло, а самъ сталъ рядомъ у стола, тогда какъ Регинальдъ прислонился къ шкафу поодаль отъ нихъ.

— Будь такъ добръ, разскажи Маріи, въ чемъ дѣло,—снова началъ Гербертъ.—Мое изложеніе можетъ показаться тебѣ недостаточно объективнымъ, да я и самъ не желаю оказывать какое-либо давленіе на Марію.

Онъ взялъ со стола перочинный ножикъ и сталъ пробовать его лезвіе.

— Дѣло очень просто,—сказалъ Регинальдъ, стараясь, по возможности, подражать спокойному тону брата.—Графъ Карльсбургъ заѣзжалъ сегодня утромъ, чтобы изложить свой взглядъ на положеніе дѣлъ Эгона, о которомъ онъ, какъ землевладѣлецъ и притомъ ближайшій сосѣдъ Эгона, долженъ знать лучше, чѣмъ кто бы то ни было, во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ мы и даже

чѣмъ Гербертъ, хотя это можетъ быть слишкомъ дерзкое предположеніе.

— Я бы попросилъ тебя не уклоняться отъ дѣла,—сказалъ Гербертъ, осторожно проводя ногтемъ по острію ножа.

— Это относится къ дѣлу,—горячо сказалъ Регинальдъ,—потому что безъ твоихъ претензій на превосходство во всемъ, даже въ хозяйственныхъ дѣлахъ, не было бы этого глупаго переселенія, и Эгонъ устроился бы такъ, какъ предлагаетъ графъ Карльсбургъ, и какъ онъ еще, надѣюсь, устроится. Графъ предлагаетъ скупить всѣ векселя Эгона, съ тѣмъ, чтобы тотъ выдалъ вторую и третью закладную на Нейзицъ.—Такимъ образомъ,—говоритъ графъ,—и я не могу не согласиться съ этимъ,—Эгонъ въ короткое время, при сколько-нибудь раціональномъ хозяйствѣ, избавится отъ своихъ прежнихъ обязательствъ, не обременяя насъ здѣсь въ Берлинѣ и не будучи осужденнымъ на всю жизнь оставаться въ такомъ положеніи, которое и насъ компрометтируетъ не меньше, чѣмъ его. Что ты объ этомъ думаешь, Марія?

— Виноватъ!—сказалъ Гербертъ, закрывая ножикъ.—Прежде чѣмъ Марія выскажетъ свое мнѣніе, я долженъ кое-что прибавить къ твоему изложенію,—впрочемъ вполнѣ согласному съ фактами. Ты позабылъ упомянуть, что графъ Карльсбургъ уже владѣетъ первой и весьма значительной закладной; далѣе, что долги, переведенные на Нейзицъ, составятъ, вмѣстѣ съ первой закладной, всю стоимость имѣнья, со всѣмъ инвентаремъ, живымъ и мертвымъ, со всею мебелью до послѣдней скамейки. Ты понимаешь, Марія, что тутъ не можетъ быть и рѣчи о дѣйствительномъ владѣніи. Кто при такихъ условіяхъ согласится жить въ Нейзицѣ, тотъ будетъ не то что управляющимъ графа, который достаточно уменъ, чтобы завести настоящаго управляющаго, а попросту пенсіонеромъ, если можно такъ называть человѣка, который живетъ милостыней—ни больше, ни меньше!

Регинальдъ презрительно засмѣялся.

— Точно онъ здѣсь не живетъ милостыней!—воскликнулъ онъ.—Милостыней, которую получаетъ отъ насъ, или, лучше сказать, отъ тебя. Вѣдь ты, кажется, всѣми здѣсь командуешь. Ну, такъ Эгонъ охотнѣе возьметъ ее изъ рукъ хорошаго пріятеля, чѣмъ изъ твоихъ. Въ концѣ концовъ, въ этомъ все дѣло.

— Почти въ этомъ,—спокойно сказалъ Гербертъ.—Ну, милая Марія?

— Эгонъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ принимать предложеніе графа,—сказала Марія.

Она сама испугалась горячности, съ которой сказала это. Но слово было сказано, и въ концѣ концовъ она должна была сказать его.

Едва замѣтная усмѣшка мелькнула на губахъ Герберта.

— Ну?—сказалъ онъ спокойно, не глядя на Регинальда.

Регинальдъ поблѣднѣлъ, услышавъ слова Маріи. Потомъ кровь бросилась ему въ лицо, но онъ овладѣлъ собой и сказалъ только слегка дрожащимъ голосомъ:

— Не будешь ли ты такъ добра мотивировать свое, для меня очень... ну, да все равно!—мотивировать свое рѣшеніе.

— Прошу извинить,—быстро сказалъ Гербертъ:—я думаю, Марія вправѣ требовать, чтобы ты избавилъ ее отъ объясненія и удовольствовался простымъ рѣшеніемъ.

— А я требую,—крикнулъ Регинальдъ съ возрастающимъ гнѣвомъ,—чтобы дѣло велось на-чистоту, чтобы меня не морочили инсинуаціями, намеками, недомолвками, на которые я, еслибъ это говорилъ кто-нибудь другой, долженъ былъ бы отвѣчать пулей.

— Коротко и ясно,—возразилъ Гербертъ:—ты самъ знаешь, что̀ думаетъ Марія и почему не высказываетъ того, что̀ думаетъ.

— И ты самъ знаешь, почему прячешься за Марію!—презрительно воскликнулъ Регинальдъ.

Гербертъ пожалъ плечами.

— Какъ такъ прячешься?—сказалъ онъ.—Я высказалъ тебѣ свой взглядъ на это дѣло еще прежде, чѣмъ пришла Марія. Ты апеллировалъ къ ея суду. Хорошо. Вотъ она здѣсь и подтверждаетъ мое мнѣніе. Требовать отъ нея бо̀льшаго, требовать, чтобы она высказала то, что̀ совершенно не нужно высказывать, и что̀ противно ея женскому чувству—это, по моему мнѣнію, не по-братски, и... и не по-рыцарски. Нечего тебѣ и горячиться. Если тебѣ желательно стрѣляться изъ-за этого дѣла, такъ найдешь съ кѣмъ и внѣ нашего дома.

При этихъ словахъ Регинальдъ вздрогнулъ, какъ будто въ него самого попала пуля. Онъ быстро шагнулъ къ Герберту, который спокойно встрѣтилъ его бѣшеный взглядъ. Обезоружило ли его это спокойствіе, или присутствіе Маріи помѣшало взрыву, но кулаки его разжались, и только глаза еще горѣли, когда онъ подошелъ къ Маріи и сказалъ ей едва слышнымъ отъ бѣшенства голосомъ:

— Желаю тебѣ, если ты когда-нибудь сдѣлаешься жертвой печальныхъ недоразумѣній или позорной клеветы, желаю, чтобы при тебѣ былъ человѣкъ... такой рыцарь, да, да, такой рыцарь,

чтобы, несмотря ни на что̀, стоять за тебя и не перебѣгать къ твоимъ врагамъ.

Онъ вышелъ изъ комнаты, хлопнувъ дверью.

— Неужели ты не могъ пощадить меня?—сказала Марія.

— Нѣтъ, не могъ,—возразилъ Гербертъ.—Я зналъ, или, лучше сказать, былъ убѣжденъ, что ты думаешь объ отношеніяхъ Стефаніи къ графу Карльсбургу то же, что я. Стало-быть я ничѣмъ не рисковалъ, когда обращался къ твоему рѣшенію, зато имѣлъ хоть одинъ лишній шансъ, чтобы образумить Регинальда. Или если не образумить—онъ такъ обожаетъ Стефанію, что остается слѣпымъ къ ея выходкамъ—то хоть подчинить нашему авторитету.

— Но,—сказала Марія,—я не понимаю, что̀ ты этимъ выиграешь. Въ концѣ концовъ Эгонъ вѣдь можетъ, несмотря ни на что̀, согласиться на предложеніе графа, и я даже удивляюсь, что онъ до сихъ поръ этого не сдѣлалъ. Проектъ, о которомъ говорилъ тебѣ графъ, навѣрно придуманъ не сегодня и уже не разъ обсуждался между ними.

— Безъ сомнѣнія,—сказалъ Гербертъ:—можетъ быть, они и въ настоящую минуту обсуждаютъ его. Если что̀ до сихъ поръ мѣшало Эгону согласиться, такъ это остатокъ стыда, который мы подкрѣпили, рѣшительно высказавшись противъ него. Далѣе, онъ сознаетъ и долженъ сознавать, что когда графъ достигнетъ своей цѣли и купитъ у него Стефанію, — вѣдь въ концѣ концовъ въ этомъ все дѣло, — то безъ всякихъ церемоній оставитъ его на произволъ судьбы, и въ такомъ случаѣ только наша фамилія можетъ избавить его отъ бѣды. Притомъ, такой отчаянный игрокъ, какъ онъ, всегда старается чѣмъ-нибудь обезпечить себя. Онъ отлично знаетъ, что это его послѣднее обезпеченіе.

— Ужасно!—прошептала Марія.—Бѣдная Стефанія!

Гербертъ пожалъ плечами.

— Elle l'a voulu!—сказалъ онъ холодно.—Сама виновата.

Марія встала.

— Я пойду,—сказала она чуть слышнымъ голосомъ.

Гербертъ не сразу отвѣчалъ. Онъ сдѣлалъ шага два въ нерѣшительности, потомъ остановился и сказалъ:

— Сегодня утромъ у тебя былъ Гартмутъ?

— Онъ не хотѣлъ уходить, не повидавшись со мною,—проговорила Марія, удивленная этимъ неожиданнымъ вопросомъ.

— Я даже радъ, что ты его приняла,—продолжалъ Гербертъ:—это избавляетъ меня отъ длиннаго объясненія.—Безъ Гартмута врядъ ли можно обойтись въ кое-какихъ сдѣлкахъ между нами и Куртисами. Онъ знаетъ это и чванится этимъ, чего я вовсе

не могу одобрить. Я признаю, впрочемъ, что онъ ловко ведетъ свою игру. Ему нужно реабилитироваться въ глазахъ общества; а это невозможно безъ объясненія, то-есть примиренія съ нами. Я далъ ему понять, что готовъ помочь ему въ этомъ; иначе онъ не рѣшился бы явиться къ тебѣ—поступокъ, впрочемъ, вполнѣ разумный въ виду того значенія, которое мы всѣ придаемъ твоему сужденію.

— Значитъ, ты довѣряешь ему?—спросила Марія.

— Не слишкомъ, — съ улыбкой отвѣтилъ Гербертъ. — Онъ хлопочетъ только о своей выгодѣ, но получитъ ее только въ такомъ случаѣ, если я буду имъ доволенъ.

— И ты упрекаешь отца за то, что онъ пускается въ сомнительныя спекуляціи!—воскликнула Марія.

— Я обязанъ поправить наше состояніе, — возразилъ Гербертъ.—Ну, а при этомъ не приходится быть разборчивымъ въ средствахъ. Впрочемъ не безпокойся. Я десять разъ примѣрю прежде, чѣмъ отрѣзать! Я уже давно обдумалъ это дѣло.

— Ну?—сказала Марія, когда Гербертъ замолчалъ и сталъ ходить взадъ и впередъ.—Что-жъ дальше?

— Дальше?—сказалъ Гербертъ, остановившись.—Ну, что же? Разсчитываю ли я получить для себя что-нибудь другое изъ этого дѣла? Тамъ видно будетъ. На этихъ дняхъ я нѣсколько разъ бесѣдовалъ съ мистеромъ Куртисомъ. Онъ никогда не отдастъ свою дочь за человѣка, который ничего не умѣетъ дѣлать, кромѣ долговъ. Да и миссъ Анна никогда не выйдетъ за такого человѣка. Пойду ли я дальше,—это зависитъ отъ обстоятельствъ. Тебя же, Марія, прошу только объ одномъ: не дѣйствуй, по крайней мѣрѣ, противъ меня, если ужъ ты не можешь или не хочешь быть за меня.

— И не думала, — отвѣчала Марія:—я не имѣю никакого повода дѣйствовать противъ тебя, да не имѣю и случая къ этому. Ты знаешь, что я уже цѣлую недѣлю не была у Куртисовъ.

— Знаю. Теперь тамъ всѣ возятся съ больнымъ профессоромъ. Ну, ничего; наступятъ еще лучшіе дни, хотя, между нами, я не думаю, чтобъ Ада, при слабомъ здоровьѣ профессора, имѣла много шансовъ на осуществленіе своихъ желаній, которыя, какъ слышно, раздѣляются и другой стороной. Но я не стану тебя задерживать. Спасибо, что пришла. Хорошо, еслибъ мы и на будущее время такъ же согласно дѣйствовали. И будь увѣрена, что я такъ же заботливо стану охранять твои интересы, какъ свои собственные!

Онъ взялъ руку Маріи и прижалъ къ губамъ. Съ тѣхъ поръ

какъ она себя помнила, не случалось ничего подобнаго. Но это не возбудило въ ней пріятнаго чувства. Слишкомъ скоро подтвердились слова Гартмута! А что, если онъ окажется самымъ искуснымъ изъ этихъ холодныхъ счетчиковъ? Теперь его считають только покорнымъ орудіемъ, но наступить день—и онъ окажется хозяиномъ положенія.

Не могла же она, однако, высказывать вслухъ эти мысли? Съ плохо скрываемымъ смущеніемъ Марія вышла изъ комнаты; Гербертъ внимательно проводилъ ее до дверей.

XI.

За семейной ссорой Регинальдъ совершенно забылъ о поѣздкѣ въ Грюневальдъ, о которой онъ условился съ Анной и нѣсколькими друзьями. Онъ вспомнилъ объ этомъ только когда выбѣжалъ изъ дома и наткнулся на конюха, ожидавшаго его у дверей съ Робиномъ. Бѣдному конюху пришлось вынести на себѣ весь гнѣвъ своего господина. Можно же быть такимъ дуракомъ—цѣлый часъ держать лошадь на палящей жарѣ, вмѣсто того, чтобы сказать ему черезъ швейцара! И, разумѣется, старое сѣдло, вмѣсто новаго англійскаго. Нѣтъ, Іоганъ рѣшительно дуракъ и всегда дуракомъ останется.

Регинальдъ сѣлъ на лошадь и ускакалъ. Рѣшено было собраться въ гипподромѣ въ четыре часа, а теперь было уже половина пятаго. Разумѣется, онъ никого не застанетъ. Придется, пожалуй, отказаться отъ поѣздки. А можетъ быть, они подождутъ его у Галензе. Невѣроятно. Впрочемъ все равно. Онъ уже на конѣ, дѣлать ему нечего, а когда онъ верхомъ, то всегда легче справляется съ этими разными „проклятыми исторіями“.

На этотъ разъ, однако, старое испытанное средство не помогло. Пока онъ ѣхалъ крупной рысью, онъ чувствовалъ себя правымъ, и на Герберта и Марію сыпались ужаснѣйшія ругательства. Но когда пришлось ѣхать шагомъ, по глубокому песку, его мысли приняли другой оборотъ. Въ концѣ концовъ „притворщикъ“ больше понимаетъ въ этихъ вещахъ, чѣмъ онъ, а Марія, хотя и „мямля“—все-таки не глупа, и никогда еще не говорила противъ своихъ убѣжденій... Да, нужно поступать добросовѣстно; какъ ни любитъ онъ Стефанію—но ея поведеніе въ этой исторіи... проклятая исторія!.. проклятый песокъ!

Неподалеку отъ себя онъ увидѣлъ человѣкъ двадцать солдатъ, которые перестрѣливались съ предполагаемымъ непріятелемъ. Ахъ,

еслибъ настоящая война—съ Франціей, съ Россіей—съ кѣмъ угодно! Тогда бы онъ избавился отъ „проклятыхъ исторій“, и отъ долговъ, и отъ женщинъ! Да! и отъ женщинъ.

Лотта Блюменгагенъ!—Исторія такъ не кончится! Но отказаться отъ Анны? и еще, можетъ быть, въ пользу Герберта? Никогда!.. Сто разъ уже готовъ онъ былъ объясниться, рискуя на слѣдующій день имѣть дуэль съ Гансомъ Блюменгагеномъ. *Это* бы его не удержало—нѣтъ!.. Но мысль получить отказъ! Онъ не переживетъ этого, пустить себѣ пулю въ лобъ! Все равно, будь что будетъ. Сегодня — если удастся ихъ догнать — онъ непремѣнно объяснится, иначе пусть назовутъ его трусомъ.

Ему, дѣйствительно, удалось догнать ихъ у Галензе. Онъ извинился передъ Анной въ короткихъ, несвязныхъ словахъ, причемъ лицо его то краснѣло, то блѣднѣло, а глаза, прежде столь дерзкіе, боязливо избѣгали лица красавицы.

Кавалькада тронулась дальше. Кромѣ Анны, въ поѣздкѣ участвовала только одна дама: сестра одного изъ шести кавалеровъ—товарищей Регинальда по полку. Фрейлейнъ фонъ-Риттвицъ издавна пользовалась славой первой наѣздницы Берлина, но въ послѣднее время поговаривали, что она нашла въ лицѣ миссъ Анны если не учительницу, то во всякомъ случаѣ достойную соперницу. Онѣ уже не разъ встрѣчались въ таттерзалѣ. Сегодня онѣ въ первый разъ сошлись „въ полѣ“. Предстояло интереснѣйшее состязаніе.

Хотя фрейлейнъ фонъ-Риттвицъ держала себя вполнѣ непринужденно, часто обмѣнивалась съ Анной дружелюбными взглядами и словами и, по своему обыкновенію, весело шутила съ кавалерами, — однако видимо сознавала важность минуты и рѣшилась биться до послѣдней крайности. Она тотчасъ стала во главѣ кавалькады и помчалась во весь опоръ, не замедляя скачки даже тамъ, гдѣ узкая лѣсная дорога не позволяла ѣхать рядомъ двоимъ, а древесные корни, пересѣкавшіе путь, грозили опасностью и коню, и всаднику.

Эта безумная скачка продолжалась нѣсколько времени; кавалькада уже почти достигла другого конца лѣса, когда Анна, все время ѣхавшая позади всѣхъ, остановила лошадь и объявила, что не находитъ никакого удовольствія въ этой безсмысленной забавѣ. Регинальдъ тотчасъ послѣдовалъ ея примѣру. Остальные бросились за честолюбивой предводительницей. Въ одно мгновеніе они были уже далеко отъ отставшихъ. Скоро они исчезли за поворотомъ, и немного спустя замеръ послѣдній звукъ копытъ. Регинальдъ очутился наединѣ съ Анной.

Наступила минута, о которой онъ такъ страстно мечталъ, которою поклялся воспользоваться—кто знаетъ, повторится ли она! Но кȧкъ говорить, когда не можешь говорить?! Безумная ли скачка, или чтȯ другое было тому причиной — но сердце его страшно билось, духъ захватывало; онъ долженъ былъ крѣпко стиснуть губы, чтобы не было слышно его тяжелое дыханіе. Въ какомъ состояніи была Анна, онъ не зналъ. Онъ не смѣлъ взглянуть на нее. Можетъ быть, и она испытывала то же, чтȯ онъ? Во всякомъ случаѣ, она молчала. Такъ они ѣхали рядомъ нѣсколько времени.

Въ лѣсу царила безмятежная тишина, нарушаемая только случайнымъ трескомъ сучка или фырканьемъ лошади. Солнце уже спускалось къ закату. Внезапно Анна прервала молчаніе:

— Я въ послѣдній разъ катаюсь въ этомъ обществѣ.

— Я самъ возмущенъ безцеремонностью фрейлейнъ фонъ-Риттвицъ,—сказалъ Регинальдъ.—Я постараюсь, чтобы она больше не участвовала въ нашихъ поѣздкахъ.

— Я говорю не о фрейлейнъ Риттвицъ,—возразила Марія. — Я говорю о всемъ обществѣ.

— О всемъ обществѣ?

— Я выражусь яснѣе. Я думаю, что съ моей стороны неразумно, скажу болѣе — чистѣйшая глупость присоединяться къ обществу, къ которому я не принадлежу.

— Къ которому вы не принадлежите?

— Если вы будете только повторять мои слова, то я подумаю, что я одна въ лѣсу и разговариваю съ эхомъ. Ну, да, я не принадлежу къ этому обществу. Укажите мнѣ хоть одну мысль, одну, единственную, которая была бы у меня общей съ этими людьми, хоть одно чувство, которое бы я раздѣляла съ ними. Скажу болѣе—хотя это можетъ показаться вамъ слишкомъ рѣзкимъ — думаютъ ли вообще эти господа? Думаютъ ли они о тѣхъ вопросахъ, которые въ наше время одни достойны вниманія мыслящаго человѣка? А если и можетъ показаться, что думаютъ—такъ вѣдь это только миражъ! Какъ попугаи они повторяютъ фразы, которыя слышали отъ родителей, воспитателей, вообще старшихъ. Даже тѣ, которыхъ природа одарила ушами, чтобы слышать, глазами, чтобы видѣть — развѣ они пользуются этимъ даромъ? Они идутъ по жизненному пути, закрывая глаза и затыкая уши, чтобы не видѣть и не слышать того, чтȯ имъ заказано видѣть и слышать. Помните сцену съ братомъ Мартиномъ въ „Гёцѣ фонъ-Берлихингенъ“? Бѣдный простякъ отказывается

отъ вина, которое предлагаетъ ему рыцарь, не потому, чтобы онъ былъ противъ вина, но потому, что вино противно его обѣту.

Регинальдъ чувствовалъ величайшее смущеніе, какъ всегда, когда Анна начинала подобный разговоръ, при которомъ онъ или ничего не могъ думать, или думалъ только очень неутѣшительное для себя. И теперь онъ сказалъ только для того, чтобы что-нибудь сказать:

— Вы настоящая американка!

— Слава Богу!—сухо отвѣчала Анна.

— Однако вы часто съ такой горечью отзываетесь о своихъ соотечественникахъ.

— Именно потому, что они мои соотечественники, мои родные! На кого же сердятся больше, какъ не на своихъ родныхъ? А все-таки я съ ужасомъ думаю, что и со мной, можетъ быть, было бы то же самое, еслибы я родилась не въ Америкѣ, а здѣсь, въ этой странѣ, переполненной всякимъ средневѣковымъ хламомъ, какъ католическая церковь—запахомъ ладана. Многихъ этотъ сладкій запахъ приводитъ въ восторженное состояніе, другимъ онъ только разстраиваетъ нервы. Я принадлежу къ послѣднимъ.

— Вы сегодня рѣшительно въ дурномъ настроеніи духа, миссъ Анна.

— А я и не знала этого. Но поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ. О васъ, напримѣръ. Мнѣ кажется, *вы* сегодня смотрите мрачнѣе, чѣмъ обыкновенно.

— Еще бы!—воскликнулъ Регинальдъ, радуясь, что разговоръ принялъ другое направленіе.—Сегодня мнѣ въ одинъ день пришлось вынести непріятностей на цѣлый годъ. Вы сами сказали: ни на кого нельзя такъ сердиться, какъ на родныхъ.

Поддаваясь еще не остывшему послѣ домашней сцены гнѣву, а также думая, что Анна приметъ за знакъ любви и почтенія къ ней его довѣрчивость, онъ разсказалъ ей всю исторію Эгона и Стефаніи вплоть до послѣдней сцены, закончивъ восклицаніемъ:

— Скажите, миссъ Анна, правъ я или нѣтъ?!

Анна слушала его, не перебивая. И теперь она не сразу отвѣтила.

— Совершенно некомпетентна въ этомъ дѣлѣ. То, что̀ люди, подобные вашей сестрѣ и вашему зятю, называютъ любовью, въ моихъ глазахъ не любовь; то, что̀ они называютъ бракомъ, не бракъ. Это просто соединеніе, сожитіе ради какихъ-то постороннихъ выгодъ. Что же касается вопроса, оставаться ли вмѣстѣ или развестись,—это опять-таки рѣшается на основаніи сообра-

женій о выгодахъ или убыткахъ, которые... которые мнѣ совершенно чужды.

— Но тутъ и рѣчи нѣтъ о разводѣ!—воскликнулъ Регинальдъ.

— Значитъ, я васъ не поняла,—отвѣчала Анна.—А впрочемъ вы правы. Не все ли равно, останутся ли они жить вмѣстѣ, или разойдутся. Оба слишкомъ молоды, слишкомъ полны жаждою жизни, чтобы въ скоромъ времени не вступить въ новую связь, какъ двѣ капли воды похожую на первую.

Небольшое стадо ланей, спугнутое ими, перебѣжало дорогу передъ самыми лошадьми. Лошадь Анны поднялась на дыбы; она спокойно осадила ее.

Регинальдъ былъ очень радъ перерыву разговора. Если Анна останется въ томъ же настроеніи и будетъ продолжать разговоръ въ томъ же духѣ, то ему рѣшительно невозможно сдержать свое слово. Притомъ онъ не на шутку оскорблялся рѣзкостью, съ какой отзывалась Анна сначала о его друзьяхъ, потомъ о родственникахъ. Онъ не ожидалъ этого отъ нея! Дѣло грозило разрывомъ! ненавистный Гербертъ торжествовалъ; Марія была права; ему не будетъ прохода отъ насмѣшекъ товарищей. И кредитъ его, который сильно поднялся съ тѣхъ поръ, какъ заподозрили, что онъ покорилъ сердце богатой американки, разомъ рухнетъ. А именно теперь для него былъ особенно важенъ этотъ кредитъ. Онъ долженъ постараться навести ее на другія мысли, привести въ другое настроеніе.

— Мнѣ кажется, миссъ Анна, ваша ошибка въ томъ, что вы судите другихъ людей по себѣ. Вы представляете исключеніе во всѣхъ отношеніяхъ. Я вовсе не хочу сказать комплиментъ. Это говорятъ всѣ, кто имѣлъ счастье познакомиться съ вами.

— Счастье!—повторила Анна съ горькой улыбкой:—странное счастье! удивительное счастье! Или, быть можетъ, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что мракъ свѣтитъ, пламя прохлаждаетъ, горечь кажется сладкою? Въ моей душѣ мракъ, въ сердцѣ огонь и горечь на устахъ. Это не фраза, подобная тѣмъ, которыя ваши жеманныя дѣвушки, ваши гордые юноши вычитываютъ изъ пессимистическихъ книжекъ, это—чистая правда...

Они остановились на высокомъ берегу; за ними лежалъ лѣсъ; внизу катилась широкая рѣка, на которой тамъ и сямъ мелькали лодки съ распущенными парусами; по ту сторону разстилались луга съ двумя-тремя мызами и разсѣянными хижинами; все это было залито розовымъ свѣтомъ заходящаго солнца. Взоръ Регинальда скользнулъ по развертывавшейся передъ ними панорамѣ и снова остановился на миссъ Аннѣ, которая никогда еще не

казалась ему такой прекрасной. Онъ не слыхалъ того, что̀ она говорила. Только звукъ ея словъ, какъ эолова арфа, откликался въ его душѣ. Онъ забылъ объ эгоистическихъ разсчетахъ, которые до сихъ поръ сопровождали его ухаживаніе. Общество, въ которомъ онъ вращался, семья, знакомые, друзья, товарищи—все это исчезло, точно сгинуло въ какой-то пропасти. Ничего не осталось: только онъ и она. Она была рядомъ съ нимъ. Еслибы обнять хоть разъ эту стройную талію, хоть разъ прижать свои губы къ ея губамъ, а тамъ пусть это будетъ его послѣдней минутой!

— Анна, я люблю васъ безконечно!

Подумалъ онъ это, или сказалъ?

Очевидно, сказалъ, ибо она обернулась къ нему и взглянула на него сегодня еще въ первый разъ большими печальными глазами. И такъ печально, точно она боролась со слезами, прозвучалъ въ тишинѣ ея тихій голосъ:

— Я знала, я давно знала это. Благодарю васъ отъ всего сердца за вашу любовь. Но это невозможно. Почему? Какъ могу я надѣяться, чтобы мы поняли другъ друга, когда вы не могли понять того, что̀ я вамъ говорила, пока мы ѣхали,—говорила въ надеждѣ, что вы поймете. И знаете, Регинальдъ, то же было бы и дальше: наши головы покоились бы на одной подушкѣ, и каждая думала бы то, что̀ другой было бы непонятно, что̀ другой показалось бы глупостью, безсмыслицей; хуже того—мерзостью, богохульствомъ! Это свело бы меня съ ума. Да и вы сами, хотя вы легкомысленны—вы джентльменъ. Душа джентльмена—честь, правдивость. Вы бы не могли вынести лжи, особливо постоянной, и, не доставивъ счастія мнѣ, были бы и сами несчастны. Этого не должно быть. Вы заслуживаете лучшей участи. Она и достанется на вашу долю, если вы будете уважать условія той жизни, которая васъ воспитала, и примете послѣдствія этихъ условій, какъ и я принимаю условія моей жизни и ихъ послѣдствія, хотя на этомъ суровомъ пути нѣтъ и слѣда того, что̀ зовутъ счастьемъ. А теперь, какъ джентльменъ, который самъ говоритъ правду и требуетъ отъ другихъ правды, какъ бы сурово ни звучала она въ его ушахъ, дайте мнѣ вашу руку! Кто знаетъ, быть можетъ, это въ послѣдній разъ!

Она протянула ему руку, съ которой сняла перчатку. Онъ не сразу взялъ ее: въ глазахъ его потемнѣло отъ яркаго солнечнаго блеска и отъ слезъ, которыя онъ стыдился отереть. Потомъ, сдѣлавъ надъ собою усиліе, онъ схватилъ ея руку и увидѣлъ на ногтѣ указательнаго пальца знакомыя пятна, которыя теперь

казались не коричневыми, но черными, какъ эбеновое дерево. Суевѣрный ужасъ охватилъ его, точно онъ хотѣлъ продать душу вѣдьмѣ, и только счастливый случай спасъ его отъ адскаго огня, которымъ уже опалило ему пальцы. Онъ отдернулъ руку съ судорожнымъ движеніемъ. Боязливо взглянувъ на нее, онъ замѣтилъ насмѣшливую улыбку на ея лицѣ, и это окончательно вывело его изъ себя. Въ ту же минуту послышался изъ лощины направо между холмами дружный крикъ нѣсколькихъ голосовъ: „hallo! Регинальдъ!..“ Чары были разсѣяны—слава Богу!

— Hallo!—раздался въ отвѣтъ его звучный голосъ. Онъ повернулъ лошадь и, крикнувъ черезъ плечо:—я поѣду къ нимъ на встрѣчу!—ускакалъ.

Анна машинально остановила свою лошадь, ринувшуюся было за Регинальдомъ, и осталась на мѣстѣ, устремивъ взглядъ на солнце, отъ котораго виднѣлся теперь только узенькій край. Но вотъ и онъ исчезъ.

Съ рѣки потянуло холодомъ. Дрожь прошла у нея по тѣлу. Глубоко переводя духъ, она повернула лошадь и тихонько поѣхала на-встрѣчу обществу, которое, съ фрейлейнъ Риттвицъ во главѣ, выѣзжало изъ лощины.

XII.

Недѣлю спустя, въ ненастный майскій день, около полудня, докторъ Бруннъ и мистеръ Смитъ вышли вмѣстѣ изъ комнаты Ральфа. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по корридору, докторъ остановился и сказалъ:

— Вы хотѣли о чемъ-то спросить меня, мистеръ Смитъ?

— Если вы можете удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ,—отвѣтилъ Смитъ.

— Разумѣется,—сказалъ докторъ:—вы даже предупреждаете мое желаніе. Я и самъ хотѣлъ,—правда, не сейчасъ, но въ ближайшемъ времени,—поговорить съ вами.

Смитъ вѣжливо наклонилъ сѣдую голову и провелъ доктора въ свою комнату. Это была большая, выходившая окнами въ садъ, комната, убранная съ монашескою простотой. Единственнымъ украшеніемъ ея были двѣ полки, уставленныя книгами; столъ, помѣщавшійся подлѣ окна, тоже былъ заваленъ книгами, брошюрами и газетами. Докторъ окинулъ комнату взглядомъ.

— Я вижу,—сказалъ онъ, улыбаясь,—что вы заимствовали въ Америкѣ привычку индѣйца, который тоже не держитъ въ

своемъ вигвамѣ ненужныхъ вещей. Только этого бы не было въ вигвамѣ.

Докторъ указалъ на кучу газетъ.

— Нужно же быть au courant,—пробормоталъ Смитъ, предлагая доктору стулъ. Докторъ сѣлъ и сказалъ, по своей привычкѣ, подхватывая бѣглое замѣчаніе собесѣдника:

— Трудная всѣмъ задача именно теперь, когда теченіе каждую минуту измѣняетъ или, кажется, что измѣняетъ свое направленіе. Я думаю, впрочемъ, только кажется. Умъ Бисмарка такъ же твердо и постоянно стремится къ своимъ конечнымъ цѣлямъ, какъ магнитная стрѣлка къ полюсу: добыча денегъ для увеличенія внѣшняго могущества націи, мирное развитіе внутри—табачная монополія и законъ противъ соціалистовъ. Господа національ-либералы все еще не могутъ разстаться съ своими окаменѣлыми идеями, но въ концѣ концовъ придется это сдѣлать.

— Почему бы и нѣтъ,—сказалъ Смитъ:—отъ этого ничего не измѣнится.

Докторъ вскинулъ на него свои черные глаза.—Простите,—сказалъ онъ:—я забылъ, что мы политическіе противники. У меня довольно тонкое чутье насчетъ противниковъ; но васъ я почему-то все считаю за единомышленника. Мнѣ кажется невозможнымъ, чтобъ было иначе, съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ, что вы тоже изъ числа участниковъ сорокъ-восьмого года, и притомъ активныхъ. По нѣкоторымъ намекамъ нашего друга Ральфа, я даже понялъ, что вы стояли не далеко отъ самого очага революціи,—а можетъ быть, если мое ухо меня не обманываетъ, оно же говоритъ мнѣ, что вы, несмотря на вашъ чистый нѣмецкій языкъ, прирейнскій житель,—можетъ быть, даже въ самомъ очагѣ. Мнѣ все кажется, что каждый, кто въ зрѣломъ возрастѣ—мы съ вами приблизительно однихъ лѣтъ—пережилъ этотъ періодъ, претерпѣлъ всѣ эти духовныя бури и сердечныя пораженія, и потомъ, живя въ Америкѣ, имѣлъ не мало времени поразмыслить объ этой главѣ своихъ похожденій и ошибокъ, — тотъ не можетъ поступить иначе, какъ надписать надъ этой главой: „Illusions perdues“, поставить точку и начать новую главу. И, признаюсь, мнѣ крайне тяжело, что такой человѣкъ, какъ вы, съ такими знаніями, съ такой способностью проникать въ смыслъ жизни народовъ, пришелъ къ совершенно другимъ результатамъ. Я вижу и долженъ видѣть въ этомъ отрицаніе моихъ стремленій, почти упрекъ въ ренегатствѣ. Мои враги и дѣлаютъ мнѣ этотъ упрекъ. Пускай! Все это люди сравнительно молодые; они не видятъ той нити, которая связываетъ настоящее время съ

48-мъ годомъ, даже съ тридцатыми и двадцатыми годами, и думаютъ, что тотъ, кто въ то время былъ революціонеромъ, долженъ быть имъ и теперь. О, да! еслибы онъ провелъ все время въ грёзахъ, не старался, какъ вы сказали, быть au courant! И я еще надѣюсь, что теченіе соединитъ насъ, хотя теперь это кажется совершенно невозможнымъ.

Докторъ Бруннъ дружелюбно протянулъ руку своему собесѣднику. Въ его большой и сильной рукѣ совершенно исчезла маленькая, бѣлая рука Смита. Это вторично бросилось въ глаза доктору, и снова возбудило въ немъ мысль, которая уже являлась у него раньше. Однако онъ не высказалъ ее въ видѣ прямого вопроса, но замѣтилъ шутливымъ тономъ:

— Берегитесь санкюлотовъ. Судя по вашей рукѣ, вы, въ случаѣ уличнаго мятежа, несовсѣмъ безопасны отъ непріятностей.

— Во мнѣ нѣтъ ничего аристократическаго, — возразилъ Смитъ,—кромѣ развѣ печальнаго преимущества—ничего не забыть и ничему не научиться въ изгнаніи.

Онъ замѣтилъ, что докторъ нахмурился, и поспѣшно прибавилъ:

— Конечно, я плохой ученый и ужъ вовсе не политикъ, а также и не философъ, хотя многіе подозрѣвали меня въ этомъ. Я просто мечтатель.

— Скажите лучше—идеалистъ! — съ живостью воскликнулъ докторъ. — Это-то мнѣ и дорого въ васъ. Безъ идеализма всѣ наши дѣла и хлопоты—только мѣдь звенящая и кимвалъ бряцающій. Въ этомъ, я думаю, мы вполнѣ согласны, и все различіе между нами, какъ мнѣ кажется, въ слѣдующемъ: я думаю, что мы можемъ достигнуть обѣтованной земли идеализма, только пройдя черезъ пустыню современнаго реализма; вамъ эта дорога кажется ошибочной. Или, употребляя другое сравненіе, вы хотите, чтобы благородное нѣмецкое золото оставалось совершенно чистымъ, а я не прочь подбавить въ него болѣе прочной мѣди, чтобы оно могло обращаться на жизненномъ рынкѣ. Но обратимся къ тэмѣ, о которой собственно мы хотѣли поговорить; я разумѣю нашего дорогого паціента. Долженъ ли я вполнѣ откровенно высказать свой взглядъ на его положеніе?

— Я именно этого и хочу,—сказалъ Смитъ.

— Я это зналъ,—замѣтилъ врачъ,—и вотъ мое мнѣніе: болѣзнь профессора вовсе не органическій порокъ сердца, чтò бы ни говорили мои коллеги,—это нервная болѣзнь, зависящая отъ центральной нервной системы, достигшая сильнаго развитія и отражающаяся на сердцѣ. Если не принять серьезныхъ мѣръ, она

можетъ превратиться въ мѣстное пораженіе, вслѣдствіе постояннаго нарушенія правильности кровообращенія, что, въ свою очередь отражается и на сердцѣ, такъ какъ отъ него требуется чрезмѣрное напряженіе, чтобы возстановить нарушенный порядокъ. Это можетъ произойти даже въ скоромъ времени, если вмѣшается въ дѣло какой-нибудь неблагопріятный случай, напримѣръ ревматизмъ сочлененій, которому особенно легко подвергаются нервные люди. Предохранить противъ этого можетъ только крайняя осторожность. Но какъ помочь главному злу: чрезмѣрной нервности? По моему мнѣнію, поможетъ только одно: переходъ отъ почти исключительно духовной жизни, въ которой благородные американцы ищутъ убѣжища отъ окружающей ихъ погони за долларами,—къ реальной, къ той жизни, для которой мы всѣ родились и отъ которой не можемъ отречься безнаказанно. Но въ этомъ отношеніи я долженъ уступить первое мѣсто вамъ, старому, испытанному другу, который такъ хорошо знаетъ душевный строй, моральныя качества, духовные интересы паціента.

Докторъ устремилъ испытующій взоръ на Смита, который поднялъ свои большіе голубые глаза, и, глядя ему прямо въ лицо, сказалъ тихимъ голосомъ:

— Я думаю, мой милый Ральфъ былъ бы спасенъ, еслибы могъ полюбить какую-нибудь дѣвушку, и она отвѣчала бы ему тѣмъ же и сдѣлалась его женой.

Врачъ вскочилъ со стула.

— Браво!—крикнулъ онъ:—брависсимо!—И вы не философъ! Да цѣлый философскій факультетъ не могъ бы придумать ничего лучшаго!

Лицо Смита оживилось; глаза его заблестѣли; казалось, онъ помолодѣлъ на двадцать лѣтъ.

— Такъ вы, въ самомъ дѣлѣ, думаете, что есть такая дѣвушка, которая могла бы сдѣлаться его женой?—спросилъ онъ.

— Я не понимаю васъ,—сказалъ врачъ.

— Конечно,—сказалъ Смитъ,—вы не отнеслись бы такъ сочувственно къ моей мысли, еслибы она была неисполнима, и еслибы сомнѣніе Ральфа было основательно: а онъ думаетъ, что корабль его жизни слишкомъ ветхъ, чтобы нести на себѣ возлюбленную жену, возлюбленныхъ дѣтей.

— Ручаюсь, что онъ ошибается!—воскликнулъ врачъ.—Но теперь для меня становится понятнымъ многое, нѣкоторые намеки, вопросы, которые онъ мнѣ предлагалъ, и которые я объяснялъ совершенно иначе.

— Не правда ли? — съ жаромъ воскликнулъ Смитъ. — Эта

мысль мучитъ его давно, съ тѣхъ поръ какъ я его знаю. Всякій разъ, когда достойное любви женское существо возбудитъ въ немъ хоть нѣкоторое волненіе, онъ подавляетъ свое чувство сатирой и насмѣшками и сосредоточиваетъ всю свою любовь, доходящую просто до идолопоклонства, на сестрѣ. Трудно будетъ убѣдить его, что онъ можетъ любить.

— Главное, мнѣ кажется, въ томъ,—съ улыбкой сказалъ докторъ,—чтобы онъ настоящимъ образомъ влюбился. А можетъ быть этотъ критическій пунктъ уже устраненъ?

Смитъ, опустившій глаза подъ пристальнымъ взглядомъ доктора, ничего не отвѣчалъ.

— Ну, ну,—продолжалъ тотъ,—я не хочу быть нескромнымъ. — Дѣло въ томъ, что я нѣсколько разъ встрѣчалъ здѣсь одну молодую, прекрасную особу, дочь Илиціуса, совѣтника въ министерствѣ финансовъ. Я знаю его по рейхстагу,—тамъ онъ занимаетъ крайне тяжелое положеніе: оффиціальнаго защитника правительственныхъ воззрѣній, которыя, въ сущности, уже перестали быть правительственными воззрѣніями. И какъ подумаешь, этого господина считали умнымъ! Удивительно, въ высшей степени удивительно! Сынъ американскаго ультра-либерализма и дочь нѣмецкой ультра-реакціи! Говорите послѣ этого, что земля не вертится, когда на ней сталкиваются такія крайности!

Онъ взялъ шляпу и, крѣпко пожавъ руку Смиту, вышелъ изъ комнаты.

Смитъ остался на томъ же мѣстѣ, гдѣ стоялъ, погрузившись въ свои размышленія до того, что даже забылъ проводить доктора до дверей.

Наконецъ онъ опомнился, прошелся раза два по комнатѣ, потомъ вышелъ изъ нея и направился къ комнатѣ Анны.

XIII.

Въ то время какъ докторъ Бруннъ и Смитъ выходили изъ комнаты Ральфа, Гартмутъ постучался въ комнату Анны. Онъ постоялъ, ожидая отвѣта; но такъ какъ его не послѣдовало,—постучалъ сильнѣе. Дверь на-половину отворилась; Анна стояла передъ нимъ блѣдная, съ непричесанными волосами, въ утреннемъ капотѣ. Онъ замѣтилъ, что при видѣ его она вздрогнула.

— Прошу прощенія,—сказалъ онъ:—я два раза стучалъ.

— Что̀ вамъ угодно?

— Я являюсь отъ вашего отца,—сказалъ онъ, указывая на

бумагу, которую держалъ въ рукѣ.—Не можете ли вы удѣлить мнѣ минутку? Только минутку.

— Come in!—сказала Анна, давая ему дорогу.

Онъ послѣдовалъ за ней. Дойдя до средины комнаты, она остановилась и обратилась къ нему:

— What is the matter? I'm tremendously in want of time just this morning [1]).

— Въ такомъ случаѣ я бы попросилъ васъ говорить по-нѣмецки,—сказалъ Гартмутъ, чуть замѣтно улыбаясь.—Вы знаете, по-нѣмецки я могу выражаться короче.

— Хорошо; перейдемъ къ дѣлу. Что это за листокъ?

— Выдержка изъ счета нашего банкира за истекшій мѣсяцъ. Господинъ Куртисъ проситъ васъ сообщить ему, правильны ли итоги, которые падаютъ на вашъ спеціальный счетъ.

— Почему же они могутъ быть неправильны?

Гартмутъ слегка пожалъ плечами.

— Я передаю мое порученіе.

— Дайте!

Онъ протянулъ листокъ; на поляхъ были сдѣланы замѣтки синимъ карандашомъ, иныя—съ вопросительнымъ знакомъ.

Когда она читала, кровь бросилась ей въ лицо. Впрочемъ только на минуту. Прочитавъ, она возвратила ему бумагу.

— Все правильно.

Гартмутъ поклонился.

— И, пожалуйста, передайте моему отцу, что я не привыкла и не намѣрена привыкать къ контролю въ своихъ расходахъ.

Гартмутъ опять поклонился.

— Могу ли обратиться къ вамъ съ просьбой, которая касается лично меня? — сказалъ онъ.—Я постараюсь быть какъ можно короче. Вы помните, миссъ Анна, что вы удержали меня въ этомъ домѣ, когда я былъ готовъ оставить его. Я нахожу ваши отношенія ко мнѣ непослѣдовательными. Послѣ того, какъ мое положеніе въ этомъ домѣ—безъ сомнѣнія благодаря вашему доброму заступничеству — сдѣлалось настолько благопріятнымъ, что лучшаго я не могъ бы и желать; послѣ того, какъ вы своимъ дружелюбнымъ отношеніемъ ко мнѣ подали добрый примѣръ остальнымъ членамъ вашего семейства, и я сблизился нѣсколько съ своей семьей, въ особенности съ Маріей Альденъ, мнѣніе которой вы сами такъ цѣните, — послѣ всего этого я вижу, что миссъ Анна вернулась къ прежнему образу дѣйствій, что миссъ

---

[1]) Въ чемъ дѣло? мнѣ ужасно некогда именно сегодня утромъ.

Анна или вовсе не замѣчаетъ меня, или говоритъ со мной только по-англійски; смотритъ на меня гнѣвно, враждебно—какъ теперь, напримѣръ. Я не знаю за собой никакой вины. Если же я виноватъ, то простая справедливость, мнѣ кажется, должна васъ заставить сказать мнѣ—въ чемъ. Если вы...

— Вы могли бы сказать то же самое покороче.

— Я не могъ говорить короче. Я хотѣлъ прибавить еще одно: если вы не объясните мнѣ, въ чемъ дѣло, то видите меня въ послѣдній разъ. Ожидаю вашего рѣшенія.

Въ лицѣ ея, казалось, не осталось ни кровинки; черные глаза, горѣвшіе такимъ яркимъ огнемъ, потускнѣли; лицо исказилось, какъ у ребенка, который собирается заплакать; но дрожащія губы не издали никакого звука.

Онъ пристально смотрѣлъ ей въ глаза, медленно опуская листокъ въ карманъ.

— Итакъ, прощайте!—сказалъ онъ тихо и сдѣлалъ движеніе, намѣреваясь уйти. Изъ ея груди вырвался глухой крикъ, точно стонъ раненаго на́-смерть звѣря. Еще мгновеніе—и она лежала на его груди, прижимая свои губы къ его губамъ, обнимая его съ бѣшенствомъ и силой пантеры. Онъ отвѣчалъ на ея поцѣлуи съ дикою радостью побѣдителя.

Они еще стояли обнявшись, когда кто-то постучалъ въ дверь, и Анна вырвалась изъ рукъ Гартмута.

— Тише!—прошепталъ онъ.

Сдѣлавъ надъ собой страшное усиліе, она оправилась съ быстротой, удивившей даже его. Она провела раза два платкомъ по лицу, которое теперь пылало, между тѣмъ какъ онъ снова вытащилъ изъ кармана бумагу. Улыбнувшись этой находчивости, она бросила на него еще взглядъ, пылавшій любовью, и крикнула твердымъ голосомъ:—Войдите!

Дверь тихо отворилась, и Смитъ появился на порогѣ.

— Милости просимъ! — воскликнула Анна: — вы приходите какъ нельзя болѣе кстати. Этотъ господинъ допрашиваетъ меня о моихъ издержкахъ за прошлый мѣсяцъ. Можете себѣ представить, какъ это мнѣ пріятно. Итакъ, господинъ Зелькъ, передайте отцу то, что̀ я сказала, и впередъ не берите на себя такихъ порученій!

Она, смѣясь, махнула ему рукой; Гартмутъ тщательно сложилъ листокъ, поклонился и сказалъ веселымъ тономъ:

— Я знаю, миссъ Куртисъ, что вы съумѣете отдѣлить посла отъ его порученія.

Затѣмъ онъ вѣжливо поздоровался съ Смитомъ и вышелъ изъ комнаты.

— Садитесь, Смитъ!—сказала Анна.—Еслибы я знала, что̀ такое мигрень, то сказала бы, что сегодня страдаю мигренью. Несносная погода!

— Однако,—возразилъ Смитъ,—сегодня вы смотрите веселѣе, чѣмъ въ послѣдніе дни. Я очень радъ этому. Когда являешься съ просьбой, пріятно найти того, къ кому обращаешься, въ хорошемъ настроеніи духа.

— Боже мой! — воскликнула Анна:—вы прежде обходились безъ такихъ длинныхъ предисловій. Это должно быть что-нибудь очень важное. Разумѣется, дѣло идетъ о Ральфѣ.

— Дѣло идетъ о Ральфѣ,—подтвердилъ Смитъ:—и это нѣчто важное, очень важное, отъ чего, какъ я убѣжденъ, зависитъ его жизнь.

Анна вздрогнула.

— Зависитъ его жизнь! Что̀ же это такое? Я вамъ сказала, что сегодня я въ нервномъ настроеніи.

— Пожалуйста, не будьте въ такомъ настроеніи, — сказалъ Смитъ,—и сдѣлайте такое же веселое лицо, какъ раньше. Такъ мнѣ будетъ легче. Скажите, Анна, неужели васъ ничто не поражало въ Ральфѣ за это послѣднее время — послѣ вечера у Илиціусовъ? Вы не замѣтили въ немъ странной перемѣны?

— Боже мой!—нетерпѣливо отвѣчала Анна:—почему вы не скажете прямо: Ральфъ влюбился въ Аду Илиціусъ? Да это я давно знаю. И мнѣ кажется, я сдѣлала все, что̀ можетъ сдѣлать любящая сестра, приглашая чуть не ежедневно эту ничтожную особу. Если онъ недостаточно здоровъ, чтобы воспользоваться моей любезностью, такъ вѣдь я въ этомъ не виновата! Не слѣдуетъ быть нездоровымъ, когда влюбляешься.

— И вы дѣйствительно ничего не имѣете противъ женитьбы Ральфа на Адѣ Илиціусъ?

— Она мнѣ не нравится; но вѣдь въ любви не сообразуются со вкусами другихъ людей.

— Все же это несчастіе, если другіе люди—самые близкіе родственники. Но я могу успокоить васъ: Ральфъ не любитъ Аду Илиціусъ.

— Ну, такъ онъ просто боленъ. Вамъ слѣдуетъ обратиться къ доктору. Чего же вы хотите отъ меня?

— Я привыкъ встрѣчать съ вашей стороны участіе, когда дѣло идетъ о Ральфѣ. Сегодня я этого не нахожу. Прекратимъ разговоръ!

Онъ медленно всталъ. Анна поспѣшно протянула ему руку.

— Простите, Смитъ! Сегодня я немного не въ духѣ. По-

жалуйста, сядьте. Я постараюсь быть любезной. Право, я была бы рада, еслибы Ральфъ могъ полюбить—страстно полюбить... Но вы сами говорите, что этого нѣтъ. Что же я тутъ могу сдѣлать?!.

При этихъ словахъ голосъ ея задрожалъ, и Смиту показалось, что въ глазахъ ея блеснули слезы. Онъ поспѣшилъ воспользоваться благопріятнымъ моментомъ и, крѣпко сжавъ ея руку, сказалъ взволнованнымъ голосомъ:

— Постарайтесь, чтобы Марія Альденъ бывала у насъ.

— Ахъ!

Съ этимъ восклицаніемъ она выдернула свою руку изъ руки Смита и откинулась на спинку кресла.

— Такъ вотъ что!—прошептала она.—Странно! Странно! Именно она, которая...

— А вы увѣрены, что не ошибаетесь?—спросила она громко, выпрямившись и глядя прямо ему въ глаза.

— Совершенно,—отвѣчалъ Смитъ.—Не то, чтобы онъ мнѣ признался... да и я зашелъ бы слишкомъ далеко, еслибы сталъ объяснять вамъ, почему я пришелъ къ такому заключенію. Но можете быть убѣждены въ одномъ: я увѣренъ, что не ошибаюсь.

— Право?—сказала Анна:—неужели вы такой глубокій знатокъ человѣческой природы и сердца? Такъ съ вами нужно быть осторожнымъ.

Она засмѣялась. Но смѣхъ ея звучалъ неискренно и болѣзненно отозвался въ чуткомъ ухѣ Смита.

— Такъ вы исполните мою просьбу?—сказалъ онъ.

Отвѣта не было.

— Это вопросъ жизни и смерти для Ральфа,—прибавилъ онъ тихо.

— Очень возможно,—прошептала она:—очень вѣроятно. Истинная любовь всегда вопросъ жизни или смерти. Со мной было бы то же самое, навѣрно, хотя я и не больна, какъ Ральфъ.

— Этого вовсе не нужно,—быстро сказалъ Смитъ.—Я только-что имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ докторомъ Брунномъ. Онъ совершенно увѣренъ, что Ральфъ найдетъ полное возрожденіе въ новой жизни, которая осчастливитъ его сердце. Разумѣется, докторъ, какъ и всѣ, намекаетъ при этомъ на Аду Илиціусъ.

Отвѣта опять не было.

— Ну, Анна?

Мрачное облако на ея лицѣ не разсѣялось. Она судорожно двигалась на креслѣ, какъ бы терзаемая какой-то физической болью. Наконецъ она сказала:

— Кто поручится, что Марія Альденъ приметъ мое приглашеніе? Еслибы ее тянуло сюда, она зашла бы къ намъ и безъ моей просьбы. И подъ какимъ предлогомъ я приглашу ее именно теперь? Вы говорите: всѣ думаютъ, что Ральфъ и Ада неравнодушны другъ къ другу; то же должна думать и Марія. Насколько я понимаю ее, ей это будетъ вовсе не пріятно, также какъ мнѣ или вамъ. Тѣмъ непріятнѣе, чѣмъ лучше она знаетъ свою сестру. Если мы не объяснимъ ей, въ чемъ дѣло, то мое приглашеніе будетъ какъ бы приглашеніемъ присутствовать въ качествѣ свидѣтельницы при непріятномъ дѣлѣ, санкціонировать до нѣкоторой степени это дѣло. Очевидно, этого мы не можемъ желать. Но вы говорите: Ральфъ любитъ ее. Хорошо. Это должно основываться на взаимности, допустимъ. Случай представится у насъ въ домѣ. Я такъ и думала сначала; это мнѣ казалось такъ понятно, естественно. Но Ральфъ своимъ упорнымъ притворствомъ заставилъ меня отказаться отъ этой мысли. Теперь я узнаю истину. Что же я должна сдѣлать? написать Маріи: Ральфъ не любитъ Аду, Ральфъ любитъ васъ. Летите въ его объятія!.. Это невозможно. Я не могу ее пригласить.

— Хотите я напишу ей? Она уже получила отъ меня два письма—раньше, по поводу извѣстнаго вамъ случая.

Снова Анна не отвѣчала, снова судорожно задвигалась въ креслѣ.

— Ну, хорошо,—сказала она, наконецъ:—пишите! Только пусть она не приходитъ на минутку. Это было бы безсмыслицей. Пусть остается у насъ на цѣлые дни, недѣли! Какъ мотивировать такое приглашеніе, это ужъ ваше дѣло.

— Это мое дѣло,—сказалъ Смитъ.—Благодарю васъ отъ всего сердца. Онъ наклонился надъ нею, поцѣловалъ ее въ лобъ и вышелъ изъ комнаты.

XIV.

Никогда еще жизнь не казалась Маріи такой тяжелой и безцвѣтной, какъ въ эти дни. Она пыталась объяснить свое печальное настроеніе вліяніемъ пасмурной погоды, но это не удалось. Ей вспомнились тѣ часы, которые она проводила въ своей комнаткѣ, склонившись надъ шитьемъ, погрузившись въ чтеніе хорошей книги, убаюкиваемая монотоннымъ звукомъ дождя, прислушиваясь къ завыванію вѣтра въ вѣтвяхъ деревьевъ; всегда природа—пасмурная или веселая—все равно, была ея лучшей

подругой въ одиночествѣ, утѣшительницей въ печали, наставницей въ спокойной и непрерывной дѣятельности. Нѣтъ, погода не виновата, да повидимому не виноваты и люди. Родные, которые прежде едва терпѣли ее какъ какой-то почти излишній придатокъ къ семейству, теперь продолжали относиться къ ней съ изысканною вѣжливостью, окружая ее всевозможными знаками вниманія, довѣряя ей свои тайны, хотя бы она вовсе не хотѣла ихъ знать, требуя совѣта, добиваясь ея согласія. Разумѣется, все это было притворство и ложь, холодный разсчетъ эгоистовъ, возлагавшихъ на нее большія надежды въ дѣлѣ съ Куртисами.

Это-то ее и печалило, и возмущало.

Но развѣ она не привыкла видѣть себялюбіе въ основѣ всѣхъ дѣйствій—крупныхъ и мелкихъ—ея семьи? Развѣ могла она указать хоть одинъ поступокъ, проистекавшій изъ чувства безкорыстной любви? хоть одно слово, сказанное безъ задней мысли? Въ общественной и частной жизни—всюду ими руководило только стремленіе къ выгодѣ.

И развѣ не тѣ же самыя мысли и побужденія царили въ обширномъ кругу ея знакомыхъ? Старики въ дѣлѣ соціальныхъ вопросовъ мечтали только о принудительной цеховой системѣ. Новая школа, къ которой принадлежалъ Гербертъ, стояла за драконовскіе законы противъ демократовъ. Регинальдъ и его единомышленники думали, что теперь, какъ и прежде, противъ всего можетъ помочь только грубая сила. Сказалъ ли кто-нибудь изъ нихъ хоть слово, вызванное искреннимъ состраданіемъ къ жалкому положенію бѣдняковъ и обездоленныхъ? Правда, нельзя было отказать имъ въ извѣстномъ профессіональномъ рвеніи, въ извѣстномъ сознаніи долга при отправленіи своихъ обязанностей, но самое представленіе объ этихъ обязанностяхъ возвышалось ли у нихъ когда-нибудь до высокой, чисто-человѣческой точки зрѣнія? Развѣ подкладкой ихъ образа мыслей не было всегда что-то пошлое, банальное, отвратительное себялюбіе въ самыхъ ужасныхъ проявленіяхъ? Да, многіе изъ этихъ тонкихъ господъ, считавшихъ себя безупречными людьми, столпами общественнаго устройства, отличались отъ безпутнаго Гартмута Зелька только тѣмъ, что благоразумно прикрывали свои хищническія поползновенія на карманъ ближняго почтеннымъ флагомъ службы, тогда какъ отверженецъ ничѣмъ не могъ замаскировать своей безумной погони за добычей пирата.

Неужели всегда такъ было на свѣтѣ?

Сохраняя память объ отцѣ, котораго не знала, она особенно

тщательно изучила исторію германской революціи сорокъ-восьмого года,—годъ позора, какъ говорили въ ея семьѣ. Она показалась ей смутной и темной—эта исторія, полная противорѣчій, химерическихъ надеждъ, безумнаго донкихотства, угрюмой неуступчивости, безполезныхъ ссоръ; полная также легкомыслія и непостоянства,—хуже того: жалкой трусости и позорныхъ измѣнъ дѣлу. Но, огорчаясь и оскорбляясь этой печальной путаницей, она встрѣтила тамъ и другія черты—черты истиннаго мужества, непоколебимаго до послѣдняго издыханія, вѣрности убѣжденіямъ, готовой пожертвовать всѣмъ въ пользу любимой идеи. И всѣ эти черты она соединила съ образомъ отца, который бросился въ пропасть революціи, радуясь, что можетъ принести себя въ жертву, и сказала: это былъ человѣкъ! Такого уже не встрѣтишь теперь, когда всеобщимъ кумиромъ является лже-патріотизмъ, прикрывающій только грубое властолюбіе, беззастѣнчивый эгоизмъ, который проявляются и въ частной живни, безстыдно сбрасывая съ себя всякіе покровы.

Поведеніе ея семейства въ теченіе послѣднихъ недѣль представляло какъ нельзя болѣе ясный примѣръ того. Въ сущности, каждый въ семьѣ хотѣлъ бы забрать власть въ свои руки, но пришлось уступить уму и энергіи Герберта, и ему подчинились слабый отецъ—охотно; тщеславная мать—со слезами; Стефанія—съ безпечнымъ легкомысліемъ; Регинальдъ—съ тайными надеждами на месть; Ада, разсчитывавшая извлечь для себя выгоду изъ этого режима—съ радостью.

И если говорить откровенно, развѣ семейство Куртисовъ оказало какое-нибудь противодѣйствіе эгоистическимъ планамъ, составлявшимся противъ него? Развѣ господинъ Куртисъ не обнаруживалъ готовности принять протянутую ему руку Илиціуса? Развѣ дурная погода помѣшала Аннѣ продолжать свои прогулки съ Регинальдомъ? или заставила Ральфа отклонить посѣщенія Ады, которая прежде боялась самаго маленькаго дождика, а теперь нерѣдко пѣшкомъ отправлялась въ улицу Бельвю? Стало быть пламенныя рѣчи Анны о человѣкѣ, котораго она могла бы полюбить, только фразы; высокій трагизмъ міровоззрѣнія Ральфа—только декламація, не помѣшавшая ему влюбиться въ субретку. А симпатичный Смитъ, съ мягкими взорами, съ ангельскимъ языкомъ! Воспоминаніе о немъ огорчало ее сильнѣе, чѣмъ все остальное. Сколько любви, доброты, участія обнаружилъ онъ при первой встрѣчѣ! Какъ заботливо, точно вѣрный рыцарь, охранялъ ее отъ опасности, на-встрѣчу которой она шла! Какой искренностью звучала его просьба не прерывать съ нимъ сношеній!

Онъ не могъ не понимать, какъ обрадовало ее—одинокую, жаждущую любви — это участіе, эта доброта! И что же! вотъ уже нѣсколько недѣль о немъ ни слуху, ни духу! Еслибы она не получила его писемъ, еслибы Ада и Регинальдъ не упоминали о немъ иногда, а главное, еслибъ не горькое чувство въ сердцѣ,— она подумала бы, что это была только грёза, какъ тѣ грёзы, въ которыхъ она, рука объ руку съ небеснымъ образомъ, образомъ отца, гуляла по тѣнистымъ лѣсамъ, по озареннымъ солнцемъ лугамъ и слышала голосъ, который могъ исходить только изъ устъ отца, говорившій, что она его дитя—его единственное, милое, любимое дитя.

„Такъ шуми же, весенній дождь, бушуй, весенній вѣтеръ, въ первый разъ не встрѣчая отклика въ моемъ сердцѣ на свои дикіе аккорды, не возбуждая надежды на то, что все перемѣнится! Не для меня надежда на лѣто съ его веселымъ, благотворнымъ трудомъ, — на осень, которая съ удовольствіемъ озираетъ плоды предыдущихъ трудовъ и готовится къ желанному сну подъ зимнимъ покровомъ. Но какъ утомило меня это безплодное существованіе! Какъ бы мнѣ хотѣлось вырваться изъ этого пошлаго фарса, изъ этой толпы масокъ, которыя скалятъ на меня зубы и считаютъ меня своею! И въ сущности, они правы, разъ у меня не хватаетъ мужества сбросить съ себя шутовскую одежду и жить по своему".

Она вскочила и стала быстро ходить по комнатѣ.

Да, теперь она рѣшилась исполнить это, хотя бы всѣ они пришли въ негодованіе и въ своемъ непониманіи унизили ее еще больше, чѣмъ теперь безсмысленно возвышаютъ. Въ госпиталѣ къ ней еще сильнѣе пристанутъ съ молитвами и хожденіями въ церковь, чѣмъ во время ея испытанія. Начальница была неумолима въ своемъ фанатическомъ ханжествѣ. Пускай! Богъ, которому она не могла молиться въ храмахъ, созданныхъ человѣческими руками, проститъ ей идолопоклонство за ея ревностную работу на безконечномъ полѣ, которое онъ намъ представилъ въ лицѣ бѣднаго, страдающаго человѣчества! А здѣсь, въ этомъ домѣ, не найдется и благовиднаго предлога, чтобы удерживать ее. Конечно, Гербертъ скажетъ, что съ ея уходомъ въ домашнемъ хозяйствѣ водворится прежняя безтолковщина. Но развѣ она устроила это хозяйство? Какую роль играла она? роль рабыни, силы которой безжалостно эксплуатировались! Пусть же научатся обходиться безъ нея. Въ комедіи, которая разыгрывалась между сыновьями и дочерьми Куртисовъ и Илиціусовъ,

она уже сыграла свою роль. Влюбленныя пары могутъ сами позаботиться о счастливомъ исходѣ дѣла. Даже Стефанія не въ правѣ претендовать на ея услуги. Переселеніе ея въ новую квартиру совершилось недѣлей раньше, чѣмъ предполагали. Стефанія говорила, что никогда не чувствовала себя такъ счастливо, такъ удобно. Гербертъ, разумѣется, зналъ, что графъ Карльсбургъ продолжалъ ежедневно бывать у нихъ, даже въ то время, когда Эгонъ находился въ казино съ Регинальдомъ. Марія сдѣлала, что̀ могла: послѣ сцены между братьями откровенно поговорила съ Стефаніей и объяснила ей, почему приняла сторону Герберта. Стефанія сначала заплакала, потомъ надулась, потомъ засмѣялась и въ заключеніе, обнявъ сестру, воскликнула:—Все это глупости, мое сокровище! Сто̀итъ ли ломать голову надъ такими пустяками!

Ну, и прекрасно, она не станетъ больше ломать голову и тѣмъ болѣе сокрушать сердце. Пусть себѣ они пьютъ свой „предательскій напитокъ", какъ выразился Ральфъ въ тотъ незабвенный вечеръ—Ральфъ, который и самъ теперь кончилъ такъ недостойно.

Кто-то постучалъ въ дверь. Паулина, которая при новомъ режимѣ вела себя тише воды, ниже травы, явилась съ письмомъ. Его принесъ слуга Куртисовъ; онъ не зналъ, требуется ли отвѣтъ, и сказалъ, что можетъ подождать, пока фрейлейнъ прочтетъ письмо.

Марія сказала, что позоветъ Паулину, когда будетъ нужно.

Оставшись одна, она посмотрѣла на письмо—адресъ былъ написанъ рукою Смита—съ страннымъ предчувствіемъ, что оно будетъ имѣть рѣшающее значеніе для ея жизни. Въ самомъ дѣлѣ странно. Что̀ тутъ еще рѣшать? Она уже рѣшилась. И что̀ онъ могъ ей писать, кромѣ приглашенія, которое сама Анна полѣнилась написать? Или онъ былъ такъ благоразуменъ, что рѣшился подготовить ее къ двойной помолвкѣ, можетъ быть даже сообщить о ней, какъ о совершившемся фактѣ и, такимъ образомъ, прекратить фарсъ, который разыгрывали съ нею въ ея семействѣ.

И въ то время какъ она это думала, ее снова, сильнѣе чѣмъ прежде, охватилъ страхъ передъ чѣмъ-то ужаснымъ, что̀ заключалось въ письмѣ.

А сдѣлавъ надъ собой усиліе, она оправилась. Что̀ бы тамъ ни было—но слуга ждалъ внизу отвѣта.

Слуга дожидался внизу, любезничая съ Паулиной. Это заня-

тіе было внезапно прервано звонкомъ изъ комнаты фрейлейнъ. Паулина поспѣшила наверхъ и, немного погодя, вернулась.

— Ну?—спросилъ слуга.

— Отвѣта не будетъ. Она сама придетъ сегодня.

Паулина оглянулась кругомъ и прошептала:

— Вы не знаете, что̀ написано въ письмѣ?

— Почему же мнѣ знать!

— Должно быть что̀-нибудь особенное. Она была блѣдна какъ полотно, едва держалась на стулѣ и почти не могла говорить.

Звонокъ изъ комнаты фрау Илиціусъ прервалъ ихъ бесѣду. Паулина бросилась къ своей госпожѣ; Іоганъ надвинулъ поплотнѣе шляпу и отправился въ улицу Бельвю.

А. Э.

ТАРИФНЫЙ ВОПРОСЪ

и

ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ

Окончаніе *).

Отличительное свойство англійскихъ желѣзныхъ дорогъ составляетъ необыкновенная прочность и солидность какъ построекъ, такъ и эксплуатаціи, законность отношеній. Обыкновенный путешественникъ можетъ убѣдиться въ этомъ, глядя на солидные каменные мосты, туннели, водопроводы, станціи и тысячи другихъ подробностей, которыя составляютъ поразительный контрастъ съ американскими желѣзными дорогами и другими. Контрастъ этотъ сдѣлается понятнымъ, если сказать, что стоимость американской мили желѣзныхъ дорогъ не превышаетъ 75 тысячъ метал. руб., тогда какъ англійская обходится болѣе 250 тыс. руб. съ той же мили. Разница эта будетъ еще разительнѣе для американскаго спеціалиста по желѣзнымъ дорогамъ, когда онъ сличитъ условія веденія постоянныхъ дѣлъ при посредствѣ мирныхъ функцій желѣзнодорожной счетной палаты (Railway Clearing House) въ Англіи съ исторіею американскаго исполнительнаго комитета (Joint Executive Committee), преисполненною борьбы и компромиссовъ, составляющихъ отличительную черту этого комитета. Еще болѣе почувствуетъ всякій эту разницу при видѣ той устойчивой силы, съ которою общество или отправители въ Англіи защищаютъ то, что они считаютъ своимъ неотъемлемымъ правомъ, и когда онъ про-

*) См. выше: янв., 175 стр.

тивопоставить имъ взаимное безсиліе американскихъ законодателей относительно обществъ, съ одной стороны—и американскихъ обществъ относительно законодательства, съ другой. Многіе писатели того и этого берега океана приписываютъ такое различіе въ администраціи и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ различію законодательствъ. Но это ошибка. Было бы ближе къ истинѣ сказать, что различіе въ законодательствѣ проистекло изъ различія въ администраціи. Дѣло въ томъ, что въ большинствѣ случаевъ различія системъ администраціи и законодательства являются неизбѣжными результатами промышленныхъ условій обѣихъ странъ, и что политика правительственной власти тутъ не при чемъ.

Желѣзно-дорожныя линіи въ Англіи строились въ виду уже существующаго движенія, съ цѣлью его усилить. Съ увеличеніемъ легкости сообщенія, дѣла сильно увеличились, но преимущественно по тѣмъ линіямъ, гдѣ уже и безъ того существовало движеніе до появленія желѣзныхъ дорогъ; тогда какъ американскія желѣзныя дороги, напротивъ, строились съ цѣлью служить развитію новыхъ торговыхъ линій, новыхъ учрежденій и даже новыхъ городовъ. Англичанинъ строитъ для настоящаго и будущаго; а американецъ—исключительно для будущаго, и этимъ объясняется чисто спекулятивный характеръ американскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Первыя желѣзно-дорожныя линіи въ Англіи имѣли въ виду удовлетворять нуждамъ общинъ, уже пользовавшихся хорошими дорогами и каналами, и въ виду обилія капиталовъ послѣдніе тратились съ большою расточительностью: устанавливали сразу двойной путь, избѣгали крутыхъ поворотовъ и не жалѣли ничего для примѣненія къ ихъ постройкѣ новѣйшихъ изобрѣтеній инженернаго искусства; вслѣдствіе чего съ теченіемъ времени почти не приходилось перестраивать первоначальныхъ линій. Было сдѣлано много улучшеній, но сравнительно мало перестроекъ.

Американскія желѣзныя дороги, напротивъ, строились часто при отсутствіи капитала тамъ, гдѣ почти не существовало никакого торговаго движенія, и гдѣ быстрота предпочиталась солидности и безопасности постройки. Дѣло шло не о томъ, какую строить дорогу, а быть или не быть дорогѣ. Для избѣжанія траншей и насыпей, линію приспособляли къ естественнымъ неровностямъ почвы, что̀ вызывало крутые повороты и спуски. Шпалы клались прямо на почву безъ щебня. Станціи строились такъ, что не были въ состояніи защитить путешественниковъ отъ непогоды. Съ развитіемъ дѣлъ пришлось многое перестраивать почти съизнова, такъ что нерѣдко стоимость перестройки далеко не соотвѣтствовала размѣрамъ первоначально потраченнаго капитала и

нерѣдко его превосходила. Единственнымъ источникомъ капитала въ этихъ случаяхъ являлся выпускъ облигацій. Мало-по-малу не только улучшенія стали производиться на облигаціонные капиталы, но и самыя основныя постройки, тогда какъ акціонерный капиталъ сталъ представлять весьма ничтожную сумму.

Въ Англіи не существуетъ такихъ злоупотребленій, какъ разбавленіе водой (stockwatering) акціонернаго капитала, практикуемаго въ Америкѣ; тамъ соблюдалось строгое соотвѣтствіе между суммою облигаціоннаго и акціонернаго капитала. Администрація желѣзныхъ дорогъ связана большою отвѣтственностью. Тамъ воспрещается правленіямъ желѣзныхъ дорогъ заключать контракты съ предпріятіями, въ которыхъ они лично заинтересованы. Правда, и тамъ случались злоупотребленія довѣріемъ и большія потери капитала. Желѣзно-дорожная горячка въ Англіи въ 1845 году была безумнѣе таковой же въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1871 или 1882 годахъ. Но въ Англіи спекуляція происходила на счетъ риска акціонернаго капитала, а не на счетъ облигаціоннаго капитала, занятаго подъ ложными предлогами. Англійскія линіи устраивались съ самаго начала съ цѣлью выполнять всевозможныя услуги по транспорту. Онѣ не предоставляютъ другимъ компаніямъ части дѣла, какъ-то: спальныхъ вагоновъ, экспрессныхъ и транспортныхъ, а сами выполняютъ всѣ эти разряды службъ до доставки или пріема багажа. Въ городахъ послѣдняя служба выполняется особенно быстро. Товары, полученные въ Ливерпулѣ послѣ полудня для отправки въ Лондонъ, доставляются въ послѣдній ночью и на другой день рано утромъ находятся уже у дверей получателей. Траты на такую доставку огромны и составляютъ весьма значительную часть тарифовъ, взимаемыхъ за товары высшаго разряда. Такимъ образомъ, отсутствіе въ Англіи второстепенныхъ вспомогательныхъ обществъ, каковы спально-вагонныя или экспрессныя,—устраняетъ злоупотребленія, связанныя съ такими обществами. При возникновеніи первыхъ желѣзно-дорожныхъ обществъ въ Англіи разсчитывали ѣздить въ своихъ собственныхъ вагонахъ, подобно тому какъ ѣздили въ своихъ экипажахъ по шоссейнымъ дорогамъ. Разсчеты эти осуществились только относительно громоздкихъ грузовъ, для которыхъ отправители держатъ свои вагоны, несмотря на кучу неудобствъ, проистекающихъ отсюда. Грузоотправители постоянно жалуются на порчу и задержку своихъ вагоновъ; а желѣзно-дорожныя общества недовольны происходящимъ отсюда загроможденіемъ пути и часто невыгодною тратою двигательной силы. Рядомъ съ такими серьезными неудобствами, обычай этотъ придаетъ товарнымъ поѣздамъ Англіи весьма

странный видъ, до смѣшного противорѣчащій солидности и превосходству самой линіи и ея построекъ. Глядя на товарные поѣзда, непосвященный зритель подумаетъ, что общества истощили свои средства на постройку дороги и находятся на краю банкрутства. Но привычки англичанъ до того консервативны, что только на сѣверо-западѣ удалось обществамъ преодолѣть эти трудности.

Устойчивость дѣлъ въ Англіи дозволила почти совершенно избѣжать конкурренціи. Англичане напередъ могли разсчесть приблизительное движеніе линій. И если какое-нибудь общество строитъ линію, съ цѣлью конкуррировать другой линіи, пользовавшейся до сихъ поръ монополіею, то оно впередъ уже знаетъ, какое приблизительное количество товаровъ можетъ отвлечь къ себѣ съ другой линіи. Здѣсь конкурренція носитъ на себѣ менѣе спекулятивный характеръ, чѣмъ въ Америкѣ; и въ случаѣ тарифной войны первая борьба рѣшаетъ дѣло окончательно, тогда какъ въ Сѣверной Америкѣ враждебныя дѣйствія почти никогда не прекращаются. Непродолжительное перемиріе смѣняется новой ожесточенной борьбой черезъ нѣсколько же мѣсяцевъ, вслѣдствіе вновь измѣнившихся условій торговли. Въ Англіи, напротивъ, относительная сила обществъ вполнѣ выяснена разъ навсегда. Можно быть увѣреннымъ, что настоящее распредѣленіе тарифовъ продержится еще, по крайней мѣрѣ, лѣтъ десять, потому что весьма мало вѣроятія, чтобы въ этотъ промежутокъ времени могли возникнуть новые города или завязаться новыя сношенія, которыя могли бы повести къ видоизмѣненію конкурренціи. Еще менѣе вѣроятія, чтобы могли быть построены новыя линіи въ видахъ отвлеченія къ себѣ части выгодъ; по крайней мѣрѣ, ничего подобнаго не было замѣчено за послѣднія тридцать лѣтъ. Точно также англійскимъ желѣзнымъ дорогамъ нечего опасаться внезапнаго измѣненія законодательства или общественнаго мнѣнія. Онѣ могутъ позволить себѣ многое, не подвергаясь риску утратить разъ пріобрѣтенныя права. Наглый отпоръ, съ которымъ были встрѣчены первыя постановленія желѣзно-дорожныхъ коммиссаровъ въ Англіи (Railway commissioners), почти немыслимъ въ Америкѣ. Еслибы американская линія позволила себѣ открыто не подчиняться правильно организованной власти, то вызвала бы цѣлую бурю со стороны публики, и виновные подверглись бы, такъ сказать, „закону Линча“ —общественнаго мнѣнія. Во всякомъ случаѣ, въ Америкѣ самый легкій способъ не покоряться закону, это дѣлать видъ, что вполнѣ ему подчиняешься. Впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ, честно управляемыя американскія желѣзныя

дороги прилагаютъ дѣйствительное стараніе удовлетворить требованіямъ коммиссаровъ, не дожидаясь судебнаго вмѣшательства, подобно Англіи. Во всякомъ случаѣ, никакой законъ не можетъ причинить серьезныхъ убытковъ въ Англіи при существующемъ развитіи и устойчивости ея торговыхъ сношеній. Во-первыхъ, потому что англійскія желѣзныя дороги владѣютъ бо̀льшей силой сопротивленія законамъ, могущимъ причинить имъ вредъ; во-вторыхъ, даже при выполненіи закона, выручка ихъ страдаетъ не такъ сильно, и въ-третьихъ, торговые интересы Англіи не та̀къ зависятъ отъ увеличенія легкости сообщенія желѣзно-дорожнымъ путемъ, вслѣдствіе чего тамъ не вынуждены поощрять устройства новыхъ линій.

Для бо̀льшей наглядности разницы въ протяженіи, стоимости и дохода между желѣзными дорогами Англіи и Америк. Шт. мы приводимъ слѣдующую табличку желѣзныхъ дорогъ въ Англіи и Америкѣ въ 1883 году:

	Великобританія и Ирландія.	Соединенные Штаты.
Длина въ миляхъ	18.681	110.414
Капиталъ (акціи и облигаціи) .	3.815.000.000 ф. ст.	7.478.000.000
Помильная стоимость	204.500	61.800
Валовой сборъ	345.000.000	824.000.000
Помильный	18.500	7.500
Стоимость эксплуатаціи . . .	182.000.000	531.000.000
% сбора	53	$64^2/_3$
Чистая прибыль	163.000.000	293.000.000
Помильная	8.750	2.650
% на капиталъ	4.29	3.92

Въ соединенномъ королевствѣ Великобританіи приходится около 1 мили желѣзныхъ дорогъ на $6^1/_2$ миль территоріи,—нѣсколько менѣе штатовъ Пенсильваніи, Огіо, Индіаны и Иллинойса. Но если разсматривать Англію отдѣльно отъ Шотландіи и Ирландіи, то для нея пропорція эта будетъ выше и сравняется почти съ Массачузетомъ. Помильная стоимость тоже замѣчательно высока, не только по сравненію съ Соединенными Штатами, но еще большей части государствъ Европы, такъ какъ въ послѣдней средняя не превышаетъ 115.000 ф. ст. съ мили (143.750 метал. руб. или около 95 мет. руб. съ версты).

Благодаря свободному притоку капиталовъ, въ Англіи издержки велись на широкую ногу, безъ всякаго соотвѣтствія съ существующими потребностями. Помильная стоимость желѣзныхъ дорогъ росла постепенно и еще въ 1865 году не превышала 200.000 метал. рублей; въ 1872—225.000, а въ 1883 году зашла за 250.000 метал. руб. съ мили. Хотя въ Англіи и не въ обычаѣ „разводить водой“ акціонерный капиталъ, тѣмъ не менѣе есть нѣкоторое осно-

ваніе подозрѣвать, что и тамъ нѣкоторыя общества выдавали дивидендъ изъ капитала, а не изъ чистой прибыли въ послѣднее время, вздувая непомѣрно цифры построекъ и занимая деньги для покрытія издержекъ, которыя должны бы оплачиваться изъ прибыли. Въ общемъ, англійскія желѣзно-дорожныя общества сравнительно не обременены облигаціями, подобно американскимъ. Сумма послѣднихъ на практикѣ не должна была превышать трети акціонернаго капитала; поэтому, несмотря на одинаковое отношеніе чистой прибыли къ капиталу въ обѣихъ странахъ, средняя цифра дивиденда въ Англіи выше и постояннѣе, нежели въ Америкѣ.

Гораздо труднѣе провести сравненіе тарифовъ и службы въ обоихъ государствахъ, потому что англійскія желѣзныя дороги не публикуютъ статистическихъ свѣденій о количествѣ тоннъ-миль, а только о количествѣ проѣзда-миль, лишая, такимъ образомъ, возможности опредѣлить количество тяжестей и количество путешественниковъ. И это не случайность, а характеристическая особенность эксплуатаціи англійскихъ линій. Миля *пробѣга* представляетъ собою единицу желѣзно-дорожной службы, то-есть количество выполненной линіею работы,—работы лично интересной для администраціи, тогда какъ миля-тонна и миля-путешественникъ представляютъ собою единицу общественной службы—работы на публику.

Вся теорія англійской системы исходитъ изъ того принципа, что желѣзныя дороги должны эксплуатироваться, подобно другимъ дѣламъ, на чисто коммерческомъ основаніи, а не въ качествѣ общественной службы. Съ этой точки зрѣнія, общества и отказываются собирать статистическія данныя, имѣющія интересъ не для нихъ лично, а для третьихъ лицъ. Кромѣ того, сравненіе трудно еще и вслѣдствіе огромнаго количества спеціальныхъ тарифовъ. Вообще же тарифъ для путешественниковъ не такъ высокъ въ Англіи, а тарифы грузовъ низшихъ классовъ выше; что касается другихъ грузовъ, то сравненіе вовсе невозможно за отсутствіемъ данныхъ. Тарифы для путешественниковъ 4, 3 и 2 цента (или по 5, $3^3/_4$ и $2^1/_2$ коп. метал. съ $1^1/_2$ верстъ) съ мили. Но бо̀льшая часть движенія происходитъ по тарифу 3-го класса.

До 1870 года въ курьерскихъ поѣздахъ не существовало вагоновъ 3-го класса; теперь же они ходятъ почти со всѣми поѣздами. При этомъ комфортъ такихъ вагоновъ значительно увеличенъ, что̀ много содѣйствовало развитію такого рода движенія. Сравнивая цифры 1878 и 1880 годовъ, мы видимъ, что число пу-

тешественниковъ 3-го класса болѣе, нежели удвоилось, тогда какъ въ 1-мъ классѣ слегка только прибавилось, а во 2-мъ—даже значительно убавилось. Въ 1880 году изъ неимовѣрной массы—541 милліоновъ—путешественниковъ въ одной Англіи (вдвое болѣе противъ Соед.-Шт. за тотъ же годъ) пять-шестыхъ приходится на долю 3-го класса. Поэтому мы немногимъ отклонимся отъ истины, принимая за среднюю движенія въ Англіи по 2 цента съ мили, тогда какъ въ Америкѣ оно около 2,35 цента съ мили, хотя разстояніе, проѣзжаемое тамъ путешественниками, втрое или вчетверо болѣе. Тарифы грузовъ большой стоимости уже потому невозможно сравнивать, что они обнимаютъ собою и стоимость доставки на домъ.

Такъ какъ общая сѣть желѣзно-дорожныхъ линій въ Англіи окончательно консолидирована, то о ней можно разсуждать какъ о законченной. Первоначальная сѣть была наброшена еще въ 1845 году, отличавшемся особою горячкою. Подробности же выяснились только въ слѣдующее десятилѣтіе. Въ основу консолидаціи вошли не параллельныя линіи, а лучевыя. Кромѣ 3-хъ сѣверныхъ обществъ, изъ Лондона ведутъ лучами еще 9 линій. Такого рода направленіе увеличиваетъ взаимность интересовъ и устраняетъ вражду. Конвенціи между соперничающими линіями получали настолько прочный характеръ, что движеніе грузовъ легко приспособилось къ такимъ условіямъ. Исторія первыхъ желѣзнодорожныхъ коалицій въ Англіи темна. Онѣ получили значеніе только 30 лѣтъ тому назадъ и не подвергались такому преслѣдованію, какъ въ Америкѣ, въ виду устойчивости торговли.

Но что̀ всего болѣе заслуживаетъ вниманія въ англійскомъ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ, это—учрежденіе счетной или ликвидаціонной палаты (Clearing-house), имѣющей несравненно болѣе значенія и силы, нежели соотвѣтственный ей *соединенный исполнительный комитетъ* въ Америкѣ. Это вовсе не юридическое учрежденіе; она не занимается ни разборомъ споровъ, ни опредѣленіемъ тарифовъ. Это учрежденіе утверждено оффиціально собственно для того, чтобы придать ему болѣе отвѣтственности, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно представляетъ собою не болѣе, какъ простую счетную машину для распредѣленія счетовъ по перевозкѣ грузовъ. Оно выполняетъ работу американскихъ обществъ перевозки грузовъ большой скорости и многое другое. Но англійское учрежденіе можетъ гораздо лучше американскаго выполнять, напр., наблюденіе надъ количествомъ пробѣга миль каждымъ вагономъ, потому что у него на каждомъ соеди-

нительномъ пунктѣ свои собственные служащіе для провѣрки и прописки вагоновъ, независимо отъ отчетовъ самихъ обществъ. Самая главная его должность состоитъ въ приведеніи въ ясность выручки различныхъ обществъ въ общей перевозкѣ посредствомъ *счетовъ* и *балансовъ*, вмѣсто отдѣльныхъ распредѣленій для каждаго единичнаго раза. Съ этою собственно цѣлью и было установлено это учрежденіе въ 1842 году. Оно росло медленно до 1850 года, а въ настоящее время сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ англійскія желѣзно-дорожныя общества [1]). Оно много содѣйствовало упрощенію классификаціи тарифовъ. Первоначально каждая линія имѣла свою собственную классификацію, но постепенно всѣ перешли къ одной общей системѣ. Нѣкоторые округи признаютъ болѣе выгоднымъ держаться иной классификаціи, но въ виду того, что такія особенности затрудняютъ работу по разсчетамъ, разсчетная палата взимаетъ за это добавочное вознагражденіе, точно также какъ и по спеціальнымъ тарифамъ. Въ случаѣ несогласій по установленію тарифовъ прямого сообщенія между двумя линіями, счетная палата не вмѣшивается, предоставляя спорящимъ улаживать недоразумѣніе.

Вездѣ попытки ввести это учрежденіе увѣнчивались полнымъ успѣхомъ, и только въ Америкѣ не могли осуществиться изъ-за бездны затрудненій, несмотря на старанія нѣкоторыхъ серьезныхъ американскихъ желѣзно-дорожниковъ.

Что касается исторіи законодательства и желѣзно-дорожной политики Англіи, то ее можно раздѣлить на два періода. Первый—отъ 1845—1848 годовъ—характеризуется обсужденіемъ и дѣйствіемъ; второй—съ 1849 года—сліяніемъ.

Первые уставы желѣзныхъ дорогъ были чистые сколки съ уставовъ каналовъ, система которыхъ была гораздо совершеннѣе въ Англіи, чѣмъ въ какой-либо иной странѣ. Въ одномъ недавнемъ парламентскомъ отчетѣ было упомянуто, что $^3/_5$ желѣзно-дорожныхъ дебаркадеровъ Соединеннаго Королевства подвержены конкурренціи водяныхъ путей. Конкурренція послѣднихъ болѣе всего вредила желѣзнымъ дорогамъ; старанія ихъ преодолѣть ее встрѣтили сильное сопротивленіе со стороны каналовъ, возставшихъ въ защиту своей монополіи. Еслибы каналы ограничились только защитою этой монополіи, то, можетъ быть, имъ бы и

---

[1]) Число служащихъ въ немъ 2.000. Сумма сдѣлокъ простирается до 7 мил. въ годъ стоимостью въ 100.000.000 ф. ст.

удалось затормазить желѣзно-дорожное дѣло еще на нѣсколько лѣтъ, но они вмѣстѣ съ тѣмъ такъ сильно прижимали публику, что возмущенное общественное мнѣніе вызвало ускореніе постройки желѣзныхъ дорогъ. Въ 1826 году хартіей разрѣшена была постройка одной изъ важныхъ линій между Ливерпулемъ и Манчестеромъ, уже соединенными между собою двумя каналами. Каналы эти были въ стачкѣ, дѣлали тяжелые поборы и наживали 100 на 100 ежегодно. Несмотря на конкурренцію каналовъ желѣзнымъ дорогамъ, политическіе люди Англіи скоро убѣдились, что желѣзныя дороги, по самому своему свойству, должны носить характеръ монополіи, и потому озаботились принять мѣры къ огражденію публики отъ злоупотребленія такой монополіи, такъ что съ 1829 по 1845 годъ было сдѣлано нѣсколько попытокъ урегулировать желѣзно-дорожное дѣло путемъ законодательства. Гладстонъ принималъ дѣятельное участіе въ преніяхъ, которыя, въ сущности, привели только къ требованію права пересмотра тарифовъ и выкупа дорогъ государствомъ въ будущемъ; на дѣлѣ же заявленія эти остались совершенно платоническими.

Свободная конкурренція оказалась безсильной. Хотя собственно она была допущена не столько вслѣдствіе сознанія необходимости такой конкурренціи, сколько вслѣдствіе того, что масса спекулянтовъ желали строить желѣзныя дороги, а парламентъ не имѣлъ духа отказывать имъ въ концессіяхъ. Къ тому же первыя желѣзно-дорожныя попытки не сопровождались просьбами субсидій, потому что публика и безъ того охотно предоставляла свои капиталы въ распоряженіе желѣзно-дорожнаго дѣла. Требовалось скорѣе задерживать ея рвеніе, нежели поощрять. Нужно прибавить впрочемъ, что въ принципѣ Англія была не противъ субсидій, такъ какъ она разрѣшала ихъ въ Ирландіи, гдѣ ей приходилось оказывать помощь желѣзнымъ дорогамъ.

Въ теченіе всего этого времени конкурренція была чрезвычайная и безпорядочная, такъ что въ 1843 году было 71 отдѣльныхъ линій, въ среднемъ менѣе 45 верстъ длины! Въ 1844 г. средняя длина ихъ не превышала 24 верстъ. Было представлено въ парламентъ, напримѣръ, 11 проектовъ линій по одной и той же долинѣ. Вообще не существовало никакого спеціальнаго закона относительно уставовъ, такъ что каждая линія требовала спеціальнаго закона. Только кризисъ 1847 года, имѣвшій много общаго съ такимъ же въ Соединенныхъ Штатахъ въ томъ же году, излечилъ англійскую публику отъ ея вѣры въ преимущества неограниченной конкурренціи желѣзныхъ дорогъ. Урокъ былъ жестокъ и привелъ къ повороту въ желѣзно-дорожномъ

дѣлѣ, отъ политики конкурренціи къ политикѣ конвенцій. Въ 1845 году былъ представленъ докладъ въ парламентъ относительно вопроса сліяній, причемъ признавалась законность ихъ для линій, служащихъ продолженіемъ другъ другу, а не конкуррентныхъ; но докладъ этотъ не привелъ ни къ чему.

Въ 1853 г. была назначена коммиссія для обсужденія того же предмета подъ главнымъ руководствомъ Кардвеля и Гладстона. Несмотря на ея усилія придти къ чему-нибудь, она ограничилась только выясненіемъ причинъ безпорядка, но не указала средствъ къ ихъ устраненію.

Прежде всего требовалось облегчить дальнимъ вѣтвямъ доступъ къ главнымъ центрамъ, которыми завладѣли линіи, непосредственно соприкасающіяся съ такими центрами, какъ Лондонъ, напримѣръ. Въ этомъ смыслѣ и былъ составленъ проектъ, предъявленный въ парламентъ въ 1854 году. Онъ ограждалъ интересы мѣстныхъ линій, въ смыслѣ доступа ихъ къ прямому сообщенію съ центрами, обязывая главныя линіи оказывать содѣйствіе второстепеннымъ по доставкѣ ихъ грузовъ и воспрещая предпочтенія. Законъ этотъ имѣлъ благотворное вліяніе и послужилъ основою для многочисленныхъ рѣшеній по тарифнымъ вопросамъ. Но онъ не въ силахъ былъ помѣшать сліяніямъ.

Съ 1853 по 1872 годъ парламентъ возбуждалъ много вопросовъ, но не пришелъ ни къ чему, и только новой коммиссіи, образовавшейся въ 1872 году, удалось добиться кое-чего. Она настояла на учрежденіи спеціальной желѣзнодорожной временной коммиссіи съ пятилѣтнимъ срокомъ и обязанностью подробно разсматривать всѣ разнообразные случаи, подлежащіе подчиненію закона 1854 года съ предоставленіемъ ея рѣшеніямъ юридической силы. Кромѣ того ея вѣденію подлежало разсмотрѣніе спорныхъ случаевъ между различными обществами. Законъ этотъ былъ принятъ въ 1873 году подъ названіемъ: „Regulation of railways act 1873“. На основаніи его была составлена коммиссія изъ 3-хъ членовъ, изъ которыхъ одинъ долженъ былъ принадлежать къ желѣзно-дорожному міру и одинъ долженъ былъ быть юристомъ, причемъ каждый изъ членовъ получалъ по 3.000 ф. ст. жалованья. Имъ предоставлялось рѣшать всѣ вопросы, подлежащіе законодательству 1854 года и послѣдующихъ лѣтъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они должны были служить посредниками между обществами во множествѣ случаевъ; принуждать общества устанавливать тарифы прямого сообщенія соотвѣтственно законодательству 1854 года; настаивать на гласности тарифовъ; наблюдать за установленіемъ необременительныхъ расходовъ по нагрузкѣ, и за раз-

ными второстепенными вопросами. По отношенію вопросовъ дѣйствій, рѣшенія ея были окончательныя, но по отношенію вопросовъ права она была подчинена апелляціи, причемъ ею самою рѣшалось, какіе вопросы касаются дѣйствій и какіе вопросы—права. Послѣдующіе законы мало измѣнили ея полномочія.

Коммиссія была составлена изъ весьма способныхъ людей, энергично взявшихся за дѣло, къ общему удовольствію. Когда, въ 1878 г., истекли ея пятилѣтнія полномочія, то всѣ предполагали, что она будетъ обращена въ постоянную; но вмѣсто того, полномочія эти были возобновлены еще на болѣе короткій срокъ, оставляя, такимъ образомъ, ея членовъ въ необезпеченномъ положеніи. Такой оборотъ какъ бы прямо указывалъ на существованіе нѣкотораго неудовольствія. Причины подобнаго оборота дѣла выяснились въ 1881—1882 году во время парламентскаго слѣдствія. Оказывалось, что коммиссія эта была облечена достаточною властью для того, чтобы надоѣдать обществамъ, но не настолько, однако, чтобы оказать существенную услугу публикѣ. Такъ, если коммиссіи удавалось добиться отъ одной желѣзной дороги исполненія своихъ требованій на одной станціи,—зато на другой дѣло продолжалось вестись по прежнему. Напримѣръ, въ дѣлѣ перевозки удобреній въ Эбердинѣ, послѣ продолжительныхъ тяжбъ, желѣзно-дорожный тарифъ былъ признанъ незаконнымъ, вслѣдствіе чего общество понизило тарифъ въ Эбердинѣ, но продолжало въ то же время взимать прежнюю провозную плату на всѣхъ другихъ пунктахъ дороги,—вездѣ, гдѣ не было достаточно сильной организаціи для оказанія отпора. Нашлось возможнымъ также ослабить силу рѣшающаго значенія постановленій коммиссіи по опредѣленію вопросовъ, подлежащихъ ея вѣденію и не подлежащихъ ея компетенціи, тогда какъ это ея право составляло самое значительное ея полномочіе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя жалобы въ коммиссію удовлетворялись не столь медленно и обходились не такъ дорого, какъ въ другихъ судебныхъ учрежденіяхъ, тѣмъ не менѣе все-таки достаточно медленно и дорого для того, чтобы заставить избѣгать обращаться къ нимъ часто. Такъ, въ вышеприведенномъ примѣрѣ эбердинскихъ удобреній, жалобщики, несмотря на выигранное дѣло, потратили болѣе денегъ, нежели выиграли. Всякая болѣе серьезная тяжба вела непремѣнно къ апелляціи, вслѣдствіе чего быстрота и дешевизна рѣшеній коммиссіи утрачивали свой первоначальный характеръ. Косвенные же результаты отъ такого оборота оказались еще того хуже. Жалобщикъ становился человѣкомъ намѣченнымъ, и коммиссія не въ силахъ была защитить его

отъ мщенія обществъ. Города находились не въ лучшемъ положеніи. Жалуются они, напримѣръ, на непомѣрно высокую цѣну, взимаемую за нагрузку на станціи; въ отвѣтъ на это общество тотчасъ же поднимаетъ мѣстный тарифъ 100 на 100 и т. п.

Трудно рѣшить, что̀ слѣдуетъ предпринять въ такихъ случаяхъ. Коммиссары Сѣверной Америки имѣютъ менѣе разносторонней власти, но болѣе власти вообще; зависитъ это отъ того, что въ Америкѣ болѣе боятся неподчиняться ей въ виду силы общественнаго мнѣнія, легко возмущаемаго, тогда какъ въ Англіи это не ведетъ ни къ какимъ опаснымъ послѣдствіямъ, въ виду консервативности и терпѣливости общественнаго мнѣнія. Много различныхъ мѣръ было предложено со всѣхъ сторонъ съ цѣлью устраненія зла. Требовалось учрежденіе должности общественнаго прокурора для того, чтобы избавить одиночныхъ лицъ отъ непріятности вчинять самимъ жалобы; другіе требовали предоставленія этого права торговымъ палатамъ. А нѣкоторые шли еще далѣе и требовали предоставленія означенной коммиссіи права самой опредѣлять разумный тарифъ. Коммиссія и желала бы принять это на себя, но подобное предпріятіе, даже въ предѣлахъ благоразумія и осторожности, ведетъ неизбѣжно къ установленію однороднаго тарифа, каковымъ оказался тарифъ въ движеніи грэнджеровъ. Парламентъ, повидимому, не собирается выполнять какія-либо изъ приведенныхъ требованій, кромѣ развѣ предоставленія торговымъ палатамъ права приносить жалобу.

Но нельзя все-таки лишать всякаго значенія усилія означенной коммиссіи, потому что за девять лѣтъ своего существованія она, въ сущности, произнесла 110 приговоровъ; изъ нихъ только въ 17 случаяхъ потребовалась апелляція, утвердившая въ 11 случаяхъ рѣшенія коммиссіи. Уже самое существованіе такой коммиссіи сдерживало, до извѣстной степени, произволъ желѣзныхъ дорогъ и имѣло свое благотворное значеніе. Большинство жалобъ сводилось или на чрезмѣрно высокій тарифъ, равняющійся чистому вымогательству со стороны желѣзныхъ дорогъ, или на дифференціальные тарифы.

При разрѣшеніи первыхъ концессій опасались только слишкомъ высокихъ тарифовъ, не помышляя вовсе о дифференціальныхъ. Предѣлъ чрезмѣрнымъ тарифамъ думали ограничить опредѣленіемъ максимума, основаннаго на средней стоимости всѣхъ расходовъ желѣзной дороги. Врядъ ли нужно упоминать о томъ, что подобныя предписанія имѣли весьма мало значенія. Начиная съ того, что желѣзныя дороги получили возможность возить гораздо дешевле, нежели предполагалось, и потому всѣ максимумы оказа-

лись слишкомъ высокими и лишены всякаго практическаго значенія. Кромѣ того, вся желѣзнодорожная система значительно видоизмѣнилась по мѣрѣ своего развитія. Всякій, кто только сколько-нибудь изучалъ этотъ вопросъ, начиная съ Моррисона въ 1836 году и кончая парламентскими коммиссіями съ 1872 по 1882-й годъ, долженъ былъ придти къ заключенію, что опредѣленные максимумы никакъ не въ состояніи устранить вымогательство. И въ Англіи не разъ предлагалось понизить тарифы при помощи ограниченія дивиденда; но англичане одарены слишкомъ практическимъ смысломъ, чтобы прибѣгать къ столь безполезной и несправедливой мѣрѣ. Вообще же въ Англіи не столько страдаютъ отъ высокихъ тарифовъ, сколько отъ дифференціальныхъ.

Дифференціальные тарифы являются, какъ уже было выше сказано, слѣдствіемъ конкурренціи; только въ Англіи она ведется не желѣзными дорогами другъ съ другомъ, а водяными путями—моремъ, рѣками и каналами. Парламентская коммиссія 1873 года утверждаетъ, что морской конкурренціи подвергается, по крайней мѣрѣ, три четверти всѣхъ желѣзныхъ дорогъ Соединеннаго Королевства. Такъ что, несмотря на ежегодное уменьшеніе конкурренціи желѣзныхъ дорогъ другъ съ другомъ, жалобы на предпочтенія и дифференціальные тарифы съ каждымъ годомъ ростутъ.

Желѣзныя дороги, съ своей стороны, дѣлаютъ всевозможныя усилія для подавленія такой конкурренціи. Онѣ овладѣли конкуррентными каналами и притомъ не совсѣмъ законными способами. На естественныхъ путяхъ онѣ постарались овладѣть суднами или удобными портами. Утверждаютъ, напримѣръ, что одна только нордъ-истернская линія, прикасающаяся почти ко всѣмъ пунктамъ іоркширскаго берега, съумѣла овладѣть всею морскою линіею. Море свободно, разумѣется, но всѣ дебаркадеры въ рукахъ желѣзной дороги.

Между тѣмъ существуетъ обширная и постоянно увеличивающаяся категорія водяныхъ сообщеній, которыми не можетъ овладѣть желѣзная дорога—это торговые пути между Лондономъ и иностранными государствами. Сѣверныя и западныя желѣзныя дороги пытаются овладѣть частью транспортовъ, идущихъ изъ Америки въ Лондонъ, а южныя дороги требуютъ своей части между столицею и Европою. Желѣзныя дороги ведутъ борьбу не безъ убытка, устанавливая смѣшанную линію по водѣ и рельсамъ, конкуррирующую съ исключительно водянымъ путемъ, который, въ сущности, почти и не длиннѣе этой смѣшанной линіи. Разстояніе между Нью-Іоркомъ и Лондономъ, via Гласго и Ливер-

пуль, почти одинаково, какъ и по Темзѣ. Разстояніе между Булонью и Лондономъ черезъ Фолькстонъ немногимъ короче прямого сообщенія между Булонью и Лондономъ на пароходѣ. Прямое сообщеніе пароходнымъ путемъ до того дешево, что часть, выпадающая на долю желѣзныхъ дорогъ въ смѣшанномъ пути, должна быть самая ничтожная—гораздо ничтожнѣе той, которую приходится платить за такой же пробѣгъ по внутреннимъ путямъ. Такъ, перевозка изъ Гласго въ Лондонъ тонны мяса американскаго быка, убитаго на дебаркадерѣ—45 шил., тогда какъ для шотландскаго мяса цѣна тарифа за перевозку той же тонны—77 шил. Иностранный хмель изъ Булони въ Лондонъ платитъ по 17 шил. 6 пенсовъ за тонну, тогда какъ англійскій хмель платитъ 35 шил. при своемъ отправленіи съ одной изъ промежуточныхъ станцій. Норвежскій лѣсъ перевозится вдвое дешевле англійскаго того же качества. Можно привести до сотни подобныхъ примѣровъ. Весьма естественно, что англійскіе производители полны негодованія за такія различія, и они имъ тѣмъ болѣе чувствительны, что дѣлаются, повидимому, исключительно въ пользу иностранцевъ, какъ бы въ поощреніе чужеземныхъ производителей въ ущербъ своимъ.

Количество спеціальныхъ тарифовъ, въ видахъ развитія новыхъ дѣлъ, возросло почти столько же, сколько и въ Америкѣ. Такъ, напримѣръ, у одной Midland Railroad существуетъ до 30.000 спеціальныхъ тарифовъ. Они рѣдко устанавливаются изъ личнаго фаворитизма, но просто только въ видахъ поощренія извѣстныхъ отраслей производства или извѣстныхъ мѣстностей. Попытки государственнаго контроля надъ дифференціальными тарифами совпали со временемъ сліянія желѣзныхъ дорогъ. На основаніи закона 1845 г. обществамъ разрѣшалось видоизмѣнять размѣръ тарифа въ предѣлахъ максимума, но имъ воспрещалось брать различную цѣну за одну и ту же службу. Это распоряженіе было подтверждено закономъ 1854 года, запретившимъ желѣзнымъ дорогамъ дѣлать несправедливыя и неосновательныя предпочтенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ законъ этотъ предоставлялъ общему суду рѣшать, что̀ собственно составляетъ неосновательное предпочтеніе. Съ своей стороны, судъ, неохотно возложившій на себя эту обязанность, всячески старался сваливать непріятную для него отвѣтственность на другія судебныя учрежденія. Вслѣдствіе чего законъ 1854 г. поставилъ жалобщиковъ въ непріятное положеніе быть отсылаемыми изъ учрежденія въ учрежденіе.

Судъ объявилъ съ самаго начала, что личное предпочтеніе воспрещается, что всѣ отправители должны пользоваться равными

льготами при одинаковыхъ условіяхъ, что желѣзной дорогѣ не возбраняется учреждать сколько угодно спеціальныхъ тарифовъ, но съ тѣмъ, однако, чтобы они одинаково примѣнялись ко всѣмъ безразлично. Судъ постановилъ это съ такою твердостью, что сразу же прекратилъ личный фаворитизмъ, такъ что довольно частыя по этому поводу жалобы до 1854 г.—почти совершенно прекратились съ тѣхъ поръ. Если тарифы и понижались несправедливо, то тайно; въ случаѣ открытія, общества старались улаживать дѣло частнымъ образомъ, выплачивая разницу потерпѣвшей сторонѣ. Уже самая таинственность тарифа служила признакомъ предпочтенія. При разбирательствѣ различныхъ спорныхъ тарифныхъ дѣлъ воспрещалось понижать тарифъ для пунктовъ, пользующихся конкурренціею, а также взимать за часть дороги дороже, нежели за весь путь, или даже брать дороже за одну часть дороги, нежели за другую, если пространства обѣихъ одинаковы, и наконецъ воспрещалось вообще обществамъ получать болѣе прибыли за пробѣгъ части линіи, нежели за всю.

Настоящее положеніе желѣзно-дорожнаго дѣла въ Англіи все еще мало разработано и резюмируется почти исключительно тѣмъ положеніемъ, что желѣзнымъ дорогамъ разрѣшается установлять спеціальные тарифы, съ тѣмъ однако, чтобы они примѣнялись ко всѣмъ лицамъ безразлично, безъ предпочтеній; и въ случаѣ послѣдняго—обязаны уплачивать разницу потерпѣвшему отъ такого предпочтенія. Въ послѣднее время, въ парламентѣ не разъ поднимался вопросъ о видоизмѣненіи желѣзно-дорожныхъ законовъ; подавались билли, которые исчезли безслѣдно вслѣдствіе разныхъ другихъ болѣе серьезныхъ и настоятельныхъ вопросовъ политики; такъ что, въ сущности, вопросъ основательнаго желѣзно-дорожнаго законодательства въ Англіи до сихъ поръ еще остается открытымъ.

Въ противоположность Соединеннымъ Штатамъ и Англіи, континентальная политика Европы всегда стремилась къ тому, чтобы предоставить правительственной монополіи всѣ средства передвиженія, тогда какъ вышеупомянутыя государства придерживаются того правила, что все, по возможности, должно совершаться помимо правительственнаго вмѣшательства. Понятна поэтому та робость, съ которою частныя лица континентальныхъ государствъ приступали къ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. Нѣкоторыя изъ нихъ сомнѣвались даже въ возможности строить желѣзныя дороги безъ иниціативы государства. Государство завѣдывало путями и каналами, управляло почтою въ теченіе вѣковъ. Съ изобрѣтеніемъ те-

леграфа оно приняло и его въ свое завѣдываніе. Естественно было ожидать правительственнаго почина въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ. Но такой инииціативѣ помѣшали финансовыя причины.

Постройка цѣлой системы желѣзно-дорожной сѣти обусловливалась болѣе или менѣе спекулятивной тратою капиталовъ, способной напугать государственныхъ консервативныхъ людей. Маленькія государства съ хорошимъ кредитомъ еще могли предпринимать нѣчто подобное, только никакъ не Франція, Пруссія и Австрія, принявшія систему субсидій. Безъ помощи послѣднихъ невозможно было бы выполнить бо́льшую часть необходимой работы. Взамѣнъ того, государства эти сохранили за собою право государственнаго контроля надъ дорогами.

Такъ что, въ сущности, на европейскую исторію желѣзно-дорожнаго законодательства вліяли скорѣе финансовыя условія означенныхъ странъ, нежели самый характеръ ихъ или желанія самихъ правительствъ. Маленькія государства, каковы Бельгія, напримѣръ, приняли отчасти политику государственной собственности. Большія государства держались политики субсидій и контроля, безъ права дѣйствительной собственности, какъ напримѣръ Франція, большею частію Австрія и позже Италія, тогда какъ Пруссія склонялась болѣе къ бельгійской системѣ. Съ 1870 года началось почти всемірное движеніе въ пользу политики ихъ полной принадлежности государству вмѣсто системы субсидіи и государственнаго контроля, который оказался болѣе затруднительнымъ, а финансовый рискъ гораздо незначительнѣе. А кромѣ того правительства полнѣе оцѣнили важность и значеніе желѣзныхъ дорогъ, какъ элементовъ промышленности и даже національной политики; они почувствовали вмѣстѣ съ тѣмъ, что только полная собственность и непосредственная государственная эксплуатація желѣзныхъ дорогъ можетъ доставить имъ власть, которой они домогались. Излишне прибавлять, что въ желѣзно-дорожной исторіи каждаго изъ государствъ отразился все-таки характеръ каждой національной особенности.

Національный характеръ этотъ особенно обрисовался въ исторіи французскихъ желѣзныхъ дорогъ. Французъ придаетъ болѣе значенія систематическому устройству, нежели независимости, оригинальности и торговымъ соображеніямъ, подобно англичанину. Система дорогъ и каналовъ, существовавшая во Франціи въ 1830 г., всего болѣе подходила французамъ. Карта ихъ путей сообщенія представляла самое удобное расположеніе, соотвѣтственное важности или значенію каждаго департамента или общины. Начер-

чена она была по предписанію въ Парижѣ и выполнена почти съ военною точностью.

Нигдѣ не существовало такого прекраснаго состава инженеровъ для выполненія правительственной программы, подобнаго тому, который существовалъ въ „школѣ мостовъ и шоссе“. Это были первоклассно образованные люди съ весьма высокимъ уровнемъ таланта. Потому, можетъ быть, Франція и не приступала такъ долго къ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, что дороги ея были такъ прекрасны и инженеры такъ искусны. Да и нація не была расположена вовсе предоставлять желѣзно-дорожной системѣ самой выростать и складываться изъ кусочковъ и частицъ. Она желала выполненія полнаго плана—или ничего. Поэтому первымъ ея дѣломъ относительно желѣзныхъ дорогъ (за исключеніемъ нѣсколькихъ желѣзныхъ концессій) былъ наемъ государственныхъ инженеровъ для начертанія общей системы желѣзныхъ дорогъ. Затѣмъ съ 1837 по 1840 г. разсмотрѣны были вопросы собственности и эксплуатаціи; но до 1842 г. не было еще ничего предпринято.

Окончательный планъ былъ принятъ Тьеромъ. Государство должно было вложить по 160.000 фр. на каждый километръ и сдѣлаться собственникомъ самаго пути. Частной же предпріимчивости предоставлялось доставить капиталъ, равный 60.000 фр. на каждый километръ, для пріобрѣтенія рельсовъ, орудій и станцій, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи 40 лѣтъ послѣднія обратились въ окончательную собственность государства. Согласно этому проекту, было разрѣшено 33 концессіи различнымъ обществамъ съ протяженіемъ до 4.000 километровъ. Постройка пошла быстро вплоть до революціи 1848 г., которая ее внезапно пріостановила. Съ восшествіемъ на престолъ Наполеона III въ 1851 г. наступила новая эра дѣятельности, длившаяся до кризиса 1857 года. Дѣятельность эта вызвана была, главнымъ образомъ, видоизмѣненіемъ концессій, вслѣдствіе котораго онѣ стали выдаваться на 99 лѣтъ вмѣсто прежнихъ 40. Еслибы удалось выполнить первый планъ, то въ настоящее время нѣкоторыя линіи должны бы были скоро поступить въ собственность государства, тогда какъ теперь онѣ не перейдутъ къ нему ранѣе половины XX-го столѣтія.

Кризисъ 1857 года произвелъ такую остановку постройки желѣзныхъ дорогъ, что пришлось прибѣгнуть къ новому законодательству. Первоначальныя линіи были начерчены такъ, чтобы избѣжать всякой безполезной траты капиталовъ, причемъ каждая часть находилась въ полномъ соотвѣтствіи съ цѣлымъ.

Само собою разумѣется, что при этомъ исключались параллельныя дороги. И вначалѣ все шло прекрасно. Но мало-по-

малу стали происходить слiянiя, такъ что ко вступленiю на престолъ Наполеона III существовало всего 11 независимыхъ обществъ. Нѣсколько лѣтъ спустя число ихъ не превышало шести, причемъ пять линiй шло отъ Парижа въ различныхъ направленiяхъ, а шестая находилась на крайнемъ югѣ. Каждый владѣлъ монополiею въ своемъ округѣ, такъ что между большими центрами конкурренцiя была почти невозможна. Такого положенiя вещей не встрѣчалось до сихъ поръ нигдѣ, и дѣйствiя его были весьма неблагопрiятны въ промышленномъ отношенiи, потому что оно не поощряло желѣзно-дорожныя компанiи къ развитiю мѣстной торговли при помощи развѣтвленiй. Такъ какъ прямыя торговыя сношенiя давали болѣе дохода, нежели мѣстныя, то предполагалось, что вѣтви ихъ и вовсе не дадутъ. Обезпеченныя главными линiями, общества не заботились о постройкѣ второстепенныхъ. Это и послужило причиною прiостановки построекъ въ 1857 году.

Между тѣмъ новыя постройки были существенно необходимы для развитiя страны, и поэтому государство рѣшилось прибѣгнуть къ гарантiи процентовъ для ихъ поощренiя. Въ 1859 году Франкевилль выработалъ цѣлый планъ въ этомъ направленiи. Старыя линiи, дававшiя доходъ, были оставлены въ прежнемъ положенiи подъ названiемъ старой сѣти. Линiи, не дававшiя прибыли, и еще большее количество непостроенныхъ линiй были помѣщены въ новую сѣть. Каждое изъ шести обществъ должно было предпринять постройку большого количества новыхъ линiй въ своемъ округѣ. Необходимый капиталъ былъ полученъ съ помощью облигацiй, гарантированныхъ правительствомъ въ 4%, съ нѣкоторымъ добавленiемъ для погашенiя al pari. Расходы эти не должны были уплачиваться первою выручкою. Общества не должны были платить по нимъ процентовъ до тѣхъ поръ, пока прибыль ихъ не будетъ превышать прежняго дивиденда обществъ и покрывать нѣкоторые другiе постоянные расходы. Размѣръ такихъ опредѣленныхъ прибылей устанавливался особою спецiальною конвенцiею для каждаго общества отдѣльно. Всякая сумма, превышающая этотъ размѣръ, должна была идти на покрытiе процентовъ по новымъ облигацiямъ или на возмѣщенiе правительственныхъ авансовъ. Общество до тѣхъ поръ не имѣло права увеличивать размѣра своего дивиденда, пока совершенно не выходило изъ своихъ долговъ правительству или не прекращало пользоваться правительственною гарантiею.

По отношенiю перехода желѣзныхъ дорогъ въ собственность правительства черезъ 99 лѣтъ не было сдѣлано никакихъ измѣненiй. Была введена лишь добавочная статья, по которой пра-

вительство по истеченіи 15 лѣтъ получало право выкупа на выгодныхъ для акціонеровъ условіяхъ. Законодательство 1859 года осталось безъ измѣненія до 1884 года для всѣхъ большихъ линій, за исключеніемъ весьма ничтожныхъ добавленій въ 1863, 1868, 1879 годахъ. Система эта въ цѣломъ болѣе благопріятствовала обществамъ, нежели правительству или странѣ. Гарантія облигацій придавала имъ большую цѣнность и ослабляла необходимость въ предпріимчивой эксплуатаціи. Нѣкоторыя общества уплатили свой долгъ правительству и получили чистый барышъ съ линій, постройки которыхъ обошлись имъ безъ малѣйшаго риска. Другія, не надѣясь когда-нибудь выплатить свой долгъ, клали въ карманъ гарантированный дивидендъ, предоставляя правительству уплачивать проценты безъ надежды на ихъ возвращеніе, такъ что эти общества находились въ положеніи: *„орелъ—я выигрываю, рѣшетка—вы проигрываете“*.

Но никакой планъ, скомбинированный въ Парижѣ, не могъ удовлетворить всѣмъ мѣстнымъ требованіямъ. Этимъ объясняется мѣра, принятая въ 1865 г., совершенно не соотвѣтствующая общему плану и духу французскаго законодательства. Благодаря ей, мѣстныя власти получали право широко субсидировать свои мѣстныя линіи. При этомъ предписывалось строить ихъ экономическимъ путемъ такъ, чтобы онѣ представляли собою лишь вѣтви и не могли сливаться въ цѣлыя, прямыя линіи и вредить этимъ монополіи первыхъ обществъ. Но такъ какъ линіи эти строились одинаковой ширины съ главными и такъ какъ съ паденіемъ имперіи запрещеніе сліяній было оставлено, то явилось опасеніе какъ бы отдѣльныя вѣтви не явились соперниками главныхъ, при помощи постройки соединительныхъ вѣтвей. Самая дешевизна этихъ линій увеличивала опасность. Въ 1875 г., одинъ ловкій бельгіецъ Филиппаръ пытался было произвести такой опытъ, удавшійся ему въ его отечествѣ. Но онъ встрѣтилъ сильный отпоръ въ 1876 г. и успѣлъ только вовлечь нѣсколько мѣстныхъ линій въ банкротство, благодаря тому, что отвлекъ ихъ отъ ихъ прямого назначенія—служить лишь мѣстнымъ интересамъ, и не придалъ имъ достаточно силы для конкурренціи съ большими линіями.

Линіи Филиппара дѣлились на двѣ главныхъ группы—одну сѣверную, другую—юго-западную. Первая группа была тотчасъ же поглощена сѣвернымъ обществомъ, самымъ сильнымъ изъ всѣхъ французскихъ обществъ въ финансовомъ отношеніи. Вторая, послѣ цѣлаго года бѣдствій, готова была перейти такимъ же путемъ въ руки орлеанскаго общества, какъ разъ въ то время, когда

поднята была горячая агитація въ пользу непосредственной государственной эксплуатаціи, вслѣдствіе чего и было отвергнуто сліяніе съ орлеанскимъ обществомъ.

Движеніе 1877 г. въ пользу государственной эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ должно быть скорѣе поставлено на счетъ прилива патріотизма. Одни желали придать правительству болѣе гражданской власти, другіе—военной, убѣдившись, какія выгоды извлекла Германія во время войны 1870 г. изъ своего контроля надъ администраціею желѣзныхъ дорогъ. Старанія кн. Бисмарка еще болѣе подчинить правительственной власти желѣзныя дороги внушили и Франціи желаніе послѣдовать его примѣру, и потому юго-западныя линіи перешли въ вѣденіе правительственной администраціи.

Это было только начало. Такъ какъ Германія превосходила Францію на 8.000 лишнихъ километровъ желѣзныхъ дорогъ, то, чтобы не отстать отъ нея, послѣдней понадобилось то же отъ 10 до 15.000 лишнихъ километровъ. Въ виду того, что общества не желали ихъ строить, правительство рѣшило взять ихъ постройку на себя. Фрейсинэ, находившійся тогда во главѣ кабинета, заявилъ о необходимости занять 3 милліарда и, не дожидаясь утвержденія этого кредита, приступилъ къ начертанію подробнаго плана новой линіи. Декретомъ 1879 г. были утверждены весьма обширныя линіи безъ подробной разработки расхода. Обезпечить эти планы въ денежномъ отношеніи было не столь легко, такъ какъ даже французскія палаты усомнились въ цѣлесообразности такого значительнаго расхода. Рѣшено было ограничиться ежегодной постройкой понемногу, при помощи спеціально испрашиваемыхъ кредитовъ. Линіи эти были между собою ничѣмъ не связаны. При выборѣ начальныхъ линій руководствовались болѣе политическими соображеніями, нежели общими широкими интересами. Въ виду ихъ разбросанности по всей странѣ, ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ сдавать ихъ въ аренду на короткіе сроки другимъ большимъ обществамъ.

Не посчастливилось также государству и въ дѣлѣ эксплуатаціи юго-западныхъ дорогъ, принятыхъ имъ въ минуту бѣдствія послѣднихъ. Вмѣсто упроченія своей власти при посредствѣ эксплуатаціи этихъ линій, государство только обезсилилось ими, благодаря ихъ неблагопріятному расположенію и отчужденности отъ Парижа. Попытки связать ихъ съ Парижемъ, при помощи выкупа орлеанской сѣти, не увѣнчались успѣхомъ. Къ тому же и общественное финансовое положеніе не благопріятствовало строительнымъ или выкупнымъ проектамъ. А со смертью Гамбетты,

главнаго защитника правительственной эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, мысль эта была постепенно оставлена, и въ 1884 году, несмотря на сопротивленіе поборниковъ правительственной эксплуатаціи, былъ выработанъ новый планъ, на основаніи котораго: 1) За правительствомъ остался не особенно значительный участокъ юго-западныхъ дорогъ, тогда какъ другія одиночныя линіи въ другихъ участкахъ уступались обществамъ, въ участкахъ которыхъ приходились эти дороги. Взамѣнъ ихъ оно получило незначительное число эксцентрическихъ линій другихъ обществъ, конкуррировавшихъ государству въ его юго-западномъ участкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство отказалось отъ мысли получить линіи, прикасающіяся съ Парижемъ, выговоривъ себѣ только право безпрепятственнаго проѣзда по западнымъ линіямъ. Отказываясь, такимъ образомъ, отъ прямого сообщенія съ Парижемъ, оно отказалось вмѣстѣ съ тѣмъ отъ всякой перспективы сдѣлаться преобладающимъ владыкою въ желѣзно-дорожномъ мірѣ Франціи. 2) Добавочныя необходимыя линіи предоставлено строить желѣзнодорожнымъ обществамъ каждому въ своемъ округѣ, причемъ государство приняло расходы на себя, обязуясь платить не тотчасъ же, а постепенно, по 65 милл. фр. ежегодно, въ теченіе 74 лѣтъ, по истеченіи которыхъ всѣ желѣзныя дороги, согласно условію 1859 г., должны принадлежать государству. На обязанности обществъ должны лежать авансы по постройкамъ, съ правомъ полученія постепенныхъ уплатъ. Протяженіе этихъ новыхъ линій должно составить 11.490 километровъ, такъ что вмѣсто существующихъ 27.443 километровъ желѣзныхъ дорогъ къ январю 1884 г., по окончаніи всей предполагаемой линіи, ихъ должно быть 38.933 километра. 3) Между старыми и новыми линіями не должно существовать различія, потому что государство гарантируетъ каждому обществу минимумъ дохода, получаемаго имъ въ послѣдніе годы. А если сумма этого дохода превышаетъ извѣстную опредѣленную цифру, то двѣ трети излишка должны идти правительству. Послѣднее условіе—не новость во Франціи; только въ прежнихъ договорахъ правительство получало лишь половину излишка. Но предѣльная цифра такъ высока, что почти недоступна. Явно, что всѣ выгоды на сторонѣ желѣзныхъ дорогъ. Если судить съ точки зрѣнія сокращенія безполезной траты капитала, то такое положеніе вещей можно считать полезнымъ; но такъ какъ оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, служитъ препятствіемъ къ постройкѣ новыхъ линій, необходимыхъ для развитія новаго торговаго движенія, то условія эти оказываются дурными. Въ сущности, постройка новыхъ линій, до извѣстной степени выгодная

частнымъ округамъ, по которымъ проходитъ, при дальнѣйшемъ своемъ расширеніи становится убыточной для главныхъ линій, которымъ навязана, потому что не въ силахъ давать доходъ и скорѣе поглощаетъ прибыль главныхъ линій вмѣсто ея увеличенія. Система свободной конкурренціи въ Соед.-Шт. имѣетъ наклонность доводить желѣзно-дорожное дѣло именно до этого послѣдняго предѣла. Французская система, при отсутствіи конкурренціи, не допускаетъ перехода за первый пунктъ, предоставляя обществамъ право пользоваться исключительною монополіею во вредъ публики. Вообще можно сказать, что всѣ нововведенія въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ во Франціи клонились до сихъ поръ къ выгодѣ однихъ только желѣзно-дорожныхъ обществъ: въ 1842 г. — субсидіи; въ 1852 г.— продленіе срока концессіи; въ 1859 г.—гарантія облигацій, а въ 1883 г.—гарантія также и дивиденда. Пользуясь такою монополіею, французскія общества не идутъ на рискъ новыхъ предпріятій подобно американскимъ.

Принимая во вниманіе такую сильную монополію французскихъ желѣзныхъ дорогъ, надобно удивляться тому превосходному правительственному контролю надъ желѣзными дорогами, которымъ отличается Франція. Можно только жалѣть, что вообще частные интересы приносились въ жертву общимъ правиламъ, и личная инниціатива—цѣльности плана.

Тарифный вопросъ былъ далеко не столь важнымъ предметомъ дебатовъ во Франціи, какъ въ другихъ странахъ. Вопросы общаго законодательства желѣзныхъ дорогъ разсматривались скорѣе съ финансовой или политической точки зрѣнія, нежели съ промышленной. Можно даже положительно сказать, что система эта скорѣе препятствовала пониженію тарифа. Справляясь съ цифрами Карла Бома, видимъ, что средняя тонны-километра или путешественника-километра почти не измѣнилась съ годами. Тарифы слегка повышены съ 1872 по 1881 годъ. Въ общемъ, они нѣсколько выше бельгійскихъ и, пожалуй, нѣмецкихъ, и нѣсколько ниже австрійскихъ. Если сравнивать ихъ съ тарифами Соединенныхъ Штатовъ, то послѣдніе выше для путешественниковъ и ниже для товаровъ.

Изъ добавленій къ французскому переводу книги Годлея г. Артура Рафаловича мы видимъ, что тарифный вопросъ настолько назрѣлъ во Франціи, что служилъ предметомъ самыхъ горячихъ дебатовъ въ теченіе четырнадцати сеансовъ, въ мартѣ 1886 года, во французской палатѣ депутатовъ, причемъ рѣшено

было возложить на особую коммиссію пересмотръ тарифовъ, непосредственно связанныхъ съ таможенной системой Франціи.

Неудовольствіе торговли и промышленности здѣсь, какъ и вездѣ, выразилось, главнымъ образомъ, по отношенію дифференціальныхъ тарифовъ, понижавшихся, подобно Америкѣ и Англіи, въ пунктахъ водяной конкурренціи или для иностранныхъ товаровъ тѣхъ же категорій. Послѣднее всего болѣе возмущало мѣстныхъ производителей, на счетъ которыхъ какъ бы поощрялись чужеземные конкурренты. Изъ дебатовъ выяснилось, что вопросъ этотъ не столь простъ и не можетъ быть разрѣшенъ однимъ простымъ уравненіемъ тарифовъ мѣстныхъ отправителей съ чужеземными, такъ какъ были случаи, что повышеніе тарифа для иностранныхъ произведеній вызывало такое же взаимное повышеніе со стороны иностраннаго государства,—повышеніе, въ значительной степени сокращавшее мѣстный отпускъ.

Противоположность характеровъ Германіи и Франціи, проявляющаяся въ каждой исторической чертѣ, не могла не проявиться и въ желѣзно-дорожной системѣ обѣихъ странъ. Во Франціи желѣзныя дороги строились по строго обдуманной системѣ. Онѣ исходили изъ Парижа, какъ центра, и составляли національную сѣть, въ которой каждая часть подчинялась цѣлому, между тѣмъ какъ нѣмецкая желѣзно-дорожная сѣть выросла безъ всякаго цѣльнаго плана. Первыя линіи не доходили даже до Берлина и были выстроены для поддержанія мѣстныхъ интересовъ, подобно всѣмъ мѣстнымъ дорогамъ. Это зависѣло отчасти отъ политическаго устройства страны. Маленькія государства преслѣдовали каждое отдѣльно свои интересы, безъ всякаго вниманія къ національному развитію. Они владѣли достаточною финансовою силою для того, чтобы придерживаться политики государственной эксплуатаціи и для послѣдовательнаго ея осуществленія. Имъ удалось осуществить то, чего не могли добиться нѣкоторые провинціальные города Соединенныхъ Штатовъ, именно постройки желѣзныхъ дорогъ при помощи муниципальной подписки, то-есть они строили желѣзныя дороги въ видахъ мѣстныхъ интересовъ, тамъ, гдѣ торговые были недостаточно сильны для такой постройки. Это повело къ развитію замѣчательнаго повсемѣстнаго однообразія. Но не этимъ маленькимъ государствамъ суждено было, разумѣется, осуществить объединеніе національной политики Германіи и въ экономическомъ отношеніи, а Пруссіи, сдѣлавшейся центромъ этого двойного развитія.

Первая прусская желѣзно-дорожная законодательная мысль состояла изъ комбинаціи французской монопольной системы съ принятымъ, но впослѣдствіи отброшеннымъ Англіею проектомъ системы конкурренціи между различными собственниками подвижнаго состава на одной и той же линіи. Законъ 1838 г. признавалъ монополію обществъ и защищалъ ее въ теченіе тридцати лѣтъ отъ постройки параллельныхъ линій. Но планъ этотъ не былъ столь существенно выполненъ, какъ во Франціи.

Съ 1842 г. была принята система субсидіи не по французскому способу, а въ формѣ гарантіи процентовъ. Впрочемъ при такихъ гарантіяхъ оговаривалось, что въ случаѣ, если государство вынуждено будетъ продолжительно выплачивать такія гарантіи, то по истеченіи извѣстнаго срока оно получало право само эксплуатировать неспособныя линіи. Другія линіи получили косвенную помощь черезъ покупку правительствомъ части акцій, продолжавшейся прогрессивно съ цѣлью пріобрѣтенія дорогъ государствомъ.

Первая правительственная линія, всецѣло построенная и эксплуатируемая правительствомъ, была линія, шедшая отъ Берлина къ русской границѣ, начатая въ 1848 г. съ практическою цѣлью, помимо всякихъ коммерческихъ соображеній. До 1860 г. правительство продолжало строить нѣкоторыя линіи и исподволь покупать большое количество акцій, посвящая на этотъ предметъ спеціальный налогъ на желѣзныя дороги. Со вступленіемъ во власть кн. Бисмарка въ 1861 году, военные вопросы отодвинули на второй планъ всѣ промышленные. Даже желѣзнодорожный налогъ былъ отвлеченъ на другія политическія надобности. Объединеніе Германіи войнами 1866 и 1870 гг. создало новыя торговыя линіи и спросъ на новыя желѣзныя дороги, которыя и строились, большею частію, частными обществами. Прусская администрація была слишкомъ занята соціальными и политическими вопросами для того, чтобы произнести свое окончательное рѣшеніе въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ.

Періодъ, предшествовавшій кризису 1871 года, отличался чисто спекулятивнымъ характеромъ, въ которомъ принимало участіе само правительство. Въ Пруссіи, какъ и въ Бельгіи, правительственныя линіи были просто линіями, принадлежащими государству, но администрируемыя на тѣхъ же началахъ и при тѣхъ же злоупотребленіяхъ, какъ и конкуррирующія съ ними частныя линіи. Такъ продолжалось до 1874 года. Въ эту эпоху желѣзно-дорожная система Германіи представляла систему смѣшанную въ полномъ смыслѣ слова. Маленькія государства владѣли съ

самаго начала большинствомъ желѣзныхъ дорогъ, какъ мы видѣли. Частная предпріимчивость построила соединительныя вѣтви и прямыя линіи. Пруссіи принадлежало около трети желѣзныхъ дорогъ, находящихся на ея территоріи. Нѣкоторыя изъ нихъ она создала съ политическою или стратегическою цѣлью; другія просто пріобрѣтала ради дѣла и, наконецъ, нѣкоторыя она оставила за собою послѣ присоединенія къ ней государствъ, которымъ принадлежали эти желѣзныя дороги. Такое положеніе далеко не удовлетворяло канцлера. Онъ хотѣлъ владѣть полною системою желѣзныхъ дорогъ и ихъ эксплуатаціею. Съ этою цѣлью онъ еще въ 1870-71 годахъ пріобрѣлъ эльзасскія линіи, не желая ихъ оставлять въ рукахъ французскаго общества.

Четыре года спустя, проектъ выкупа всѣхъ нѣмецкихъ дорогъ имперіею, встрѣченный сочувственно въ Пруссіи, былъ отвергнутъ Саксоніею и Баваріею. Но въ 1878-79 гг. кн. Бисмаркъ задумалъ пріобрѣсти хотя прусскія желѣзныя дороги, что̀ приблизительно ему и удалось. Такъ, въ 1878 г., государству принадлежало всего около 3.000 миль желѣзныхъ дорогъ, да около 2.000 миль частныхъ дорогъ эксплуатировалось государствомъ. Затѣмъ онъ не переставалъ постепенно скупать частныя линіи, такъ что въ настоящее время изъ 14.000 миль прусскихъ дорогъ только 1.000 принадлежитъ частнымъ обществамъ, тогда какъ около 13.000 принадлежитъ государству.

Цѣна, уплаченная акціонерамъ, была весьма щедрая и часто очень высокая; такъ напримѣръ, акціонеры желѣзной дороги Берлинъ-Гамбургъ получили болѣе 16% на капиталъ. Это самая высокая цѣна, какая только когда-либо была уплачена за желѣзную дорогу. Покупка совершилась посредствомъ обмѣна акцій на прусскую 4% ренту въ такомъ размѣрѣ, чтобы процентъ вознаграждалъ акціонеровъ за тотъ дивидендъ, который приходился бы на ихъ долю. Сдѣлано это было безъ принужденія и безъ убытка для акціонеровъ. Хотя правительство и имѣло право уплатить по оцѣнкѣ линій, но оно предпочло лучше принести легкую денежную жертву, нежели быть обвиненнымъ въ насиліи.

Въ настоящее время Пруссія представляетъ собою типъ государства-собственника желѣзныхъ дорогъ. До 80.000 служащихъ при нихъ считаются чиновниками гражданской службы. Разсматривая ея эксплуатацію, можно составить себѣ понятіе о приблизительныхъ выгодахъ и неудобствахъ принадлежности желѣзныхъ дорогъ государству.

Развитіе австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ было болѣе или менѣе связано съ таковымъ же въ Германіи. Но измѣненіе политической роли Австріи и бѣдность ея финансовъ вынуждали ее къ меньшей послѣдовательности въ этой политикѣ. Ко времени изобрѣтенія желѣзныхъ дорогъ, Австрія предавалась консерватизму полнаго ханжества. Дворъ и ея государственные люди относились къ этой политикѣ съ недовѣріемъ, находя, что такая быстрота сообщеній носитъ въ себѣ зачатки опаснаго радикализма. И если въ 1836 г. императоръ подписалъ желѣзно-дорожную хартію, то только потому, что „все равно вещи не могутъ оставаться въ прежнемъ положеніи". Но нужно все-таки отдать справедливость Австріи въ томъ, что она первая издала общій желѣзно-дорожный законъ, касавшійся и формы концессій, и гласности тарифа, и его пониженія въ случаѣ превышенія прибыли 15%. Она же гарантировала линіи отъ постройки дорогъ параллельныхъ. Законъ этотъ былъ составленъ въ 1838 г., ранѣе прусскаго и тогда, когда въ Англіи не существовало ничего подобнаго до 1845 года.

По мѣрѣ постройки желѣзныхъ дорогъ австрійское правительство все болѣе убѣждалось въ ихъ полезности и выгодѣ, и потому стало оказывать имъ родительскую нѣжность въ формѣ гарантіи процентовъ или постройки ихъ самимъ государствомъ.

Періодъ дѣятельной постройки желѣзныхъ дорогъ продолжался съ 1840 по 1848 гг. Въ послѣднемъ году революція и венгерскій походъ произвели полную неурядицу въ промышленности. При этихъ обстоятельствахъ Австрія поступила совершенно противоположно Пруссіи. Въ то время какъ послѣдняя старалась помочь желѣзнымъ дорогамъ, скупая ихъ по дешевой цѣнѣ, первая продавала по пониженной. Такъ въ 1853 году она продала много линій за полъ-цѣны противъ ихъ первоначальной стоимости, нисколько не поощряя дальнѣйшей ихъ постройки; вслѣдствіе чего оказалось, что въ 1859 г. многія весьма важныя соединительныя линіи не были окончены и на половину. Такъ что этому обстоятельству можно отчасти приписать пораженіе 1859 г. и отчасти и 1866 г. Затѣмъ послѣдовалъ періодъ безумной спекуляціи, кончившейся кризисомъ 1873 г., обнаружившимъ страшныя злоупотребленія, несмотря на сравнительную полноту австрійскаго законодательства.

Эпоха простраціи, послѣдовавшая вслѣдъ за 1873 г., понудила правительство дѣятельно вмѣшаться въ желѣзно-дорожное дѣло и принять на себя заботу расширенія желѣзно-дорожной сѣти и ея эксплуатаціи. Система эта, никогда не оставлявшаяся

вполнѣ въ Венгріи, была заброшена въ Австріи въ теченіе 20 лѣтъ, а теперь не могла быть выполнена съ достаточною быстротою, благодаря разстроенному финансовому положенію.

Еслибы мы пожелали видѣть полную систему государственныхъ желѣзныхъ дорогъ не только въ настоящемъ и въ будущемъ, но и въ прошломъ, то для этого слѣдуетъ обратиться въ Бельгіи. Ни одно государство въ мірѣ не представляло столько удобствъ для государственной эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ. Благодаря разнообразной промышленной дѣятельности, линіи были обезпечены огромнымъ мѣстнымъ грузомъ и кромѣ того транзитомъ между Англіею и Германіею. Можно было безошибочно начертить главныя линіи въ виду выясненности и опредѣленности промышленныхъ центровъ и главныхъ торговыхъ путей. Постройка была легка вслѣдствіе плоской мѣстности. Условія, въ которыхъ находилось правительство, особенно способствовали наблюденію и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ. Оно было прогрессивно, просвѣщенно, владѣло достаточной централизованной силой и способностью понимать потребности публики. Кредитъ его былъ превосходенъ, и ему было нетрудно получить необходимые капиталы.

Хотя Бельгія находилась на прямомъ пути между Германіею и Лондономъ, тѣмъ не менѣе часть грузовъ шла черезъ Голландію, вслѣдствіе легкости плаванія по Рейну, до самаго устья. Поэтому бельгійское правительство поспѣшило постройкою желѣзныхъ дорогъ въ видахъ отвлеченія части грузовъ отъ Рейна, тѣмъ болѣе, что король Леопольдъ опасался, какъ бы постройкою этой не предупредили его голландскіе капиталисты. Съ 1833 г. принялись за дѣятельную постройку желѣзныхъ дорогъ. Началось съ проведенія линій между главными торговыми пунктами. Частныя компаніи получили разрѣшеніе строить развѣтвленія или соединительныя вѣтви всякій разъ, какъ правительство не хотѣло предпринимать работъ. Во время кризиса 1848 г. правительство выдавало субсидіи нѣкоторымъ частнымъ обществамъ.

Первоначальный планъ былъ законченъ приблизительно въ 1850 г. Къ сожалѣнію, прекрасно начерченный и выполненный планъ для своего времени—оказался уже недостаточнымъ, отсталымъ и неполнымъ съ теченіемъ времени и не соотвѣтствовалъ ни техническимъ, ни законодательнымъ успѣхамъ, достигнутымъ въ другихъ странахъ въ позднѣйшее время.

Покончивши свои первыя линіи въ 1850 году, правительство не предпринимало постройки новыхъ въ теченіе двадцати

лѣтъ. Этимъ бездѣйствіемъ воспользовались частныя лица, вслѣдствіе чего сѣть частныхъ обществъ стала быстро рости. Вмѣсто 200 миль частныхъ линій, существовавшихъ въ 1850 г., въ 1870 г. ихъ оказалось 1.400. Кромѣ того ростъ ихъ сопровождался сліяніемъ въ могущественныя сѣти. Вмѣсто того, чтобы служить простыми развѣтвленіями или питать правительственныя линіи, онѣ обратились въ соперниковъ, оспаривающихъ прямое движеніе грузовъ. Хотя положеніе ихъ было и менѣе благопріятно, тѣмъ не менѣе онѣ были достаточно сильны для дѣятельной конкурренціи. Съ 1856 г. возникаетъ борьба между желѣзными дорогами. Вмѣсто преобладающаго вліянія въ тарифномъ вопросѣ, правительство, извѣстное время, было совершенно безсильно противъ теченія событій и не хуже частныхъ обществъ прибѣгало къ дифференціальнымъ, личнымъ тарифамъ и къ всевозможнымъ спеціальнымъ контрактамъ, и въ этомъ отношеніи, можно сказать, было никакъ не менѣе, если не болѣе, увлечено, чѣмъ частныя общества. Замѣчательно въ самомъ дѣлѣ, что во всякой подобной конкурренціи правительство оказывается даже слабѣе частныхъ обществъ. Теоретически оно имѣетъ право воспретить такую азартную конкурренцію; но на дѣлѣ общественное мнѣніе воспрещаетъ ему прибѣгать въ такихъ случаяхъ къ своей власти. Правительство лишено той эластичности и быстроты дѣйствія, какими отличаются частныя общества въ погонѣ за прибылью; поэтому, несмотря на всю преобладающую выгоду положенія правительственныхъ дорогъ, послѣднія не могли добиться преобладанія въ борьбѣ. Такое положеніе было невыносимо для правительства, потому что лишало его политической независимости, и потому оно рѣшило выкупить нѣкоторыя конкуррентныя линіи и придти въ соглашеніе съ остальными. Всего болѣе было выкуплено дорогъ въ 1873 г. Въ 1874 г. правительству принадлежала половина линій, въ 1880—двѣ трети, а въ настоящее время—$^3/_4$. Судя по результатамъ такого выкупа, всѣ должны согласиться, что они весьма удовлетворительны. Такъ тарифы путешественниковъ ниже тарифовъ всевозможныхъ странъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ линій въ Индіи. Товарный тарифъ ниже всѣхъ остальныхъ странъ Европы и почти равенъ тарифу Соединенныхъ Штатовъ. Но при этомъ нужно замѣтить, что нигдѣ такъ не пользуются капиталомъ, какъ въ Бельгіи. Средняя нагрузка вагоновъ превосходитъ французскую и нѣмецкую, хотя они и одинаковой конструкціи. Слишкомъ большая пропорція расходовъ къ валовому сбору скорѣе въ пользу бельгійцевъ, потому что если страна, въ которой государство владѣетъ желѣзно-

дорожной монополіею, показываетъ слишкомъ слабый процентъ расходовъ по эксплуатаціи, то даетъ этимъ поводъ подозрѣвать, что тарифы несоотвѣтственно высоки, и что промышленные интересы жертвуются въ пользу финансовыхъ.

Годлей обходитъ молчаніемъ исторію желѣзныхъ дорогъ другихъ средне-европейскихъ и сѣверныхъ государствъ или по ихъ малому значенію, или по недостатку матеріала, какъ напримѣръ относительно Россіи [1]), и переходитъ къ системѣ итальянскихъ желѣзныхъ дорогъ, отличающейся своимъ особымъ характеромъ.

Начать съ того, что ни въ одномъ государствѣ желѣзно-дорожный вопросъ не былъ такъ полно изслѣдованъ, какъ въ Италіи, гдѣ въ 1881 г. окончила свои труды итальянская парламентская коммиссія. Въ результатѣ этого изслѣдованія, въ противоположность почти всѣмъ государствамъ Европы, явилось рѣшеніе, что государство не должно эксплуатировать желѣзныя дороги, и что Италіи, собственницѣ своихъ дорогъ, слѣдуетъ немедленно передать ихъ въ руки частныхъ большихъ обществъ. И въ этомъ направленіи были приняты всѣ мѣры для осуществленія такого проэта.

До тѣхъ поръ итальянцами были испробованы всѣ формы отношеній государства къ желѣзнымъ дорогамъ. Три или четыре главныхъ системы были концессіонированы различными правительствами. Однѣ концессіи давались австрійскимъ императоромъ; другія—папою. Правительственное вспоможеніе являлось во всѣхъ видахъ: и въ видѣ гарантіи процентовъ, и денежныхъ авансовъ, субсидій для построекъ, субсидій для эксплуатаціи. Нѣкоторыя линіи строились государствомъ, другія были имъ куплены и уплачены, а другія пріобрѣтены и не уплачены. Были испробованы всевозможные виды администраціи: непосредственная правительственная эксплуатація, сдача въ аренду, участіе въ прибыляхъ. Въ результатѣ все-таки оказалось, что правительство съ трудомъ сводитъ концы съ концами, вслѣдствіе плохой вознаграждаемости желѣзнодорожнаго дѣла въ Италіи. Для уясненія дѣла нужно сказать, что до 1850 г. Италія, будучи раздроб-

---

[1]) Послѣдній пробѣлъ нѣсколько пополненъ во французскомъ переводѣ его книги г-мъ Артуромъ Рафаловичемъ. Но для русскаго читателя это коротенькое дополненіе имѣетъ мало значенія въ виду полноты книгъ г. Головачева: „Исторія желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи“; Чупрова: „Желѣзно-дорожное хозяйство“; Бліоха: „Вліяніе т. ж. дорогъ на экономическое состояніе Россіи“; Георгіевскаго: „Финансовыя отношенія государства и частныхъ ж. дорожныхъ обществъ въ Россіи“, и мн. др.

лена на большое количество мелкихъ государствъ, держалась особой желѣзно-дорожной системы въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ. Системы эти были не только независимы, но совершенно изолированы, такъ что тосканскія линіи не были связаны съ римскими; а послѣднія—съ неаполитанскими: всѣ онѣ представляли не болѣе какъ мѣстныя линіи. Войны 1859 и 1870 гг. положили этому конецъ. Съ тѣхъ поръ принялись за постройку соединительныхъ линій, а это, въ свою очередь, неминуемо привело къ ихъ сліянію. Къ сожалѣнію, вещамъ не предоставили слѣдовать ихъ естественному ходу. Прямое движеніе Италіи идетъ съ сѣвера-запада къ юго-западу, то-есть параллельно центральной цѣпи горъ вдоль всего полуострова. Между тѣмъ прежнее политическое раздѣленіе шло перпендикулярно. Маленькія государства не хотѣли, чтобы ихъ линіи служили звеньями линій прямого сообщенія. Кромѣ того національная гордость играла въ этомъ немалую роль, такъ какъ предпринимателями прямой линіи явились иностранцы. Слишкомъ бѣдная капиталами для того, чтобы самой пуститься въ обширную постройку, Италія боялась все-таки господства чужихъ капиталовъ у себя. Еслибы Ротшильду и Талаботу удалось осуществить свои планы, то Италія владѣла бы могущественной и прогрессивной системой желѣзныхъ дорогъ. Желѣзныя дороги Италіи слились въ 4 вѣтви, причемъ, въ противоположность другимъ государствамъ, сливались конкуррентныя линіи, а не соединительныя. Само собою разумѣется, что это обошлось дороже. Не говоря уже о томъ, что транспортное движеніе становилось безпорядочнѣе, самое управленіе линіями, лишенное единства и общихъ свѣденій о положеніи дѣлъ, утрачивало способность рѣшать, гдѣ и когда можно понизить тарифы для развитія движенія. Между тѣмъ въ Италіи болѣе, чѣмъ во всякой другой странѣ, требовалось самое тщательное и осмотрительное веденіе дѣлъ, въ виду ея бѣдности и трудности выдерживать коммерческіе кризисы, во время которыхъ правительству не разъ приходилось являться на помощь многимъ линіямъ.

Въ самомъ худшемъ положеніи находились линіи Калабріи и Сициліи. Строились онѣ медленно и не могли оплатить расходовъ, такъ что въ 1870 г. правительство было вынуждено взять эти линіи на себя съ предоставленіемъ ихъ эксплуатаціи компаніи, получавшей вознагражденіе въ видѣ % съ валового дохода, такъ какъ расходы уплачивались государствомъ. Валовой доходъ съ мили былъ 10.000 фр., а расходъ составлялъ 15.000 фр. Не въ лучшемъ состояніи находились и римскія линіи. Несмотря

на многія попытки государства помочь имъ денежно, кончилось все-таки тѣмъ, что оно должно было выкупить ихъ на основаніи контракта 1873 г., хотя, стѣсненное въ денежномъ отношеніи, оно окончательно осуществило этотъ планъ лишь въ 1882 году.

Въ болѣе счастливомъ положеніи оказалась южная желѣзная дорога. Она проходила по самымъ бѣднымъ итальянскимъ округамъ, не имѣя ни одного значительнаго города на своемъ пути, и потому ее и считали наименѣе выгодной линіей. Но линія эта была довольно длинна въ прямомъ направленіи транспортнаго движенія и составляла довольно значительную часть сѣти, предполагавшейся Ротшильдомъ и Талаботомъ въ 1863 г. Администрирована она была ловкими людьми, рѣшившимися понизить тарифы, несмотря на сильное сопротивленіе правительства. Усилія ихъ были вознаграждены развитіемъ дѣлъ, превзошедшимъ всѣ ихъ ожиданія. Но вслѣдствіе недоразумѣній, вызванныхъ неудачно составленнымъ контрактомъ, правительство вынуждено было выкупить и эту линію, или, по крайней мѣрѣ, намѣревалось это сдѣлать.

Правительство нашло нужнымъ выкупить и желѣзныя дороги сѣверной Италіи съ переходомъ къ ней этой части австрійскихъ владѣній. Было бы слишкомъ неудобнымъ оставлять въ рукахъ Австріи дороги, проведенныя по итальянской территоріи, вслѣдствіе чего выкупъ ихъ послѣдовалъ въ 1875 г. Эпоху эту можно вообще охарактеризовать торжествомъ государственнаго желѣзнодорожнаго принципа на манеръ Бельгіи или Пруссіи, такъ какъ всѣ бо́льшія общества были вынуждены, по тѣмъ или другимъ причинамъ, отказаться отъ дарованныхъ имъ правъ. Правда, выкупъ многихъ еще не былъ совершонъ, но уже были заключены контракты, на основаніи которыхъ онъ долженъ былъ быть заключенъ современемъ. Вмѣсто того, чтобы приступить немедленно къ эксплуатаціи этихъ желѣзныхъ дорогъ, правительство мѣшкало, вслѣдствіе перемѣнъ въ министерствѣ, а затѣмъ составило цѣлую коммиссію для изслѣдованія вопроса наивыгоднѣйшей эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ. Коммиссія эта потратила около 140.000 фр. на собираніе изслѣдованій, для которыхъ было разослано 200 вопросныхъ пунктовъ въ безчисленномъ количествѣ экземпляровъ всѣмъ лицамъ, такъ или иначе причастнымъ къ желѣзно-дорожному дѣлу. Изслѣдованія эти окончились только въ 1881 году. Въ результатѣ ихъ явилось семь томовъ in 4°. Изъ нихъ въ трехъ были изложены устные отвѣты, въ трехъ—письменные, а седьмой содержалъ самый отчетъ, заканчивавшійся полнымъ признаніемъ

несостоятельности правительственной системы желѣзныхъ дорогъ на томъ основаніи, что правительственный персоналъ служащихъ менѣе заинтересованъ въ успѣхѣ предпріятія и ведетъ поэтому дѣло болѣе небрежно, нежели частные предприниматели. Въ подтвержденіе приводятся линіи сѣверной Италіи, пришедшія въ упадокъ съ переходомъ изъ частныхъ рукъ въ правительственныя.

Такіе выводы побудили итальянскій парламентъ вотировать въ 1884 году слѣдующую резолюцію:

„Желѣзныя дороги должны эксплуатироваться двумя приблизительно равномѣрными обществами въ теченіе 60 лѣтъ, причемъ одному предоставляется эксплуатація сѣверо-западной, а другому юго-западной сѣти [1]). Общества эти должны пріобрѣсти по оцѣнкѣ (минимально 250 мил. фр.) подвижной составъ, принадлежащій государству, съ обязательствомъ содержать его въ исправности на свой счетъ, наравнѣ съ другими расходами по эксплуатаціи, но съ правомъ получать съ государства извѣстный процентъ расходуемой суммы".

Только время можетъ рѣшить, насколько цѣлесообразно такое рѣшеніе вопроса и насколько оправдаетъ оно надежды, итальянскаго правительства

Такимъ образомъ, въ результатѣ исторіи государственной эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ оказывается прежде всего, что сфера правительственной дѣятельности вообще необыкновенно быстро возрастала за послѣднее пятидесятилѣтіе: почтовая дѣятельность увеличилась въ двадцать разъ и поглотила часть транспортовъ скораго движенія; въ правительственномъ же вѣденіи находятся и телеграфы во всѣхъ государствахъ, за исключеніемъ Соед. Шт., и то же стремленіе государства обнаружилось и относительно желѣзныхъ дорогъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ правительственныя желѣзныя дороги представляли исключеніе даже въ центральной Европѣ; теперь же движеніе въ пользу правительственной эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ въ Пруссіи и Бельгіи повліяло и на другія государства, какъ мы видѣли, напримѣръ на Францію, Австрію, Италію. Кромѣ того Бразилія владѣетъ нынѣ частью своихъ желѣзныхъ дорогъ и платитъ субсидіи остальнымъ. Всѣ австралійскія желѣзныя дороги принадлежатъ правительству. Въ Индіи и Канадѣ общественныя субсидіи тоже не рѣдкость. Кромѣ вышеприведенныхъ странъ Европы, исторія которыхъ

---

[1]) Третьему обществу предоставляется эксплуатація сицилійскихъ желѣзныхъ дорогъ, приблизительно на тѣхъ же основаніяхъ.

нами была изложена, правительственныя дороги встрѣчаются еще въ Даніи, Швеціи, Норвегіи, до извѣстной степени въ Голландіи, не говоря уже о мелкихъ германскихъ государствахъ. Политики субсидій и контроля придерживается Испанія и Португалія—и болѣе всего Россія. Въ Россіи государство доставило бо̀льшую часть капиталовъ, истраченныхъ на постройку желѣзныхъ дорогъ, хотя владѣетъ весьма небольшими и сравнительно малозначительными линіями.

Въ такомъ расширеніи своей коммерческой дѣятельности правительства руководились тремя побужденіями:

1) усилить свое политическое вліяніе;

2) восполнить отсутствіе частной предпріимчивости;

3) избѣжать злоупотребленій, связанныхъ съ частною эксплуатаціею.

Это послѣднее побужденіе, всего сильнѣе дѣйствующее въ настоящее время въ Сѣв. Америкѣ, играло всюду второстепенную роль, тогда какъ желаніе расширить сферу своего политическаго, военнаго, гражданскаго или финансоваго вліянія составляло преобладающее побужденіе. Военное могущество составляло почти всегда главную цѣль правительственной системы транспорта, начиная съ аппіевской дороги римлянъ и кончая закаспійской желѣзной дорогой, построенной Россіею въ среднеазіатской пустынѣ. Точно также стремленіе къ централизаціи власти служило главнымъ двигателемъ желѣзнодорожной политики князя Бисмарка. Въ этихъ же цѣляхъ Людовикъ XI, король Франціи, учредилъ первое національное почтовое сообщеніе 400 лѣтъ тому назадъ.

Недостатокъ частной иниціативы не разъ побуждалъ правительства брать на себя починъ въ нѣкоторыхъ промышленныхъ предпріятіяхъ. Такъ было съ каналами и телеграфами и еще болѣе съ желѣзными дорогами, которыя признавались необходимыми для національнаго развитія. Поэтому всѣ государства, за исключеніемъ развѣ Англіи (да и та субсидировала ирландскія желѣзныя дороги), сознавали это и такъ или иначе содѣйствовали желѣзно-дорожному развитію. Даже въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ бывали періоды неограниченныхъ земельныхъ концессій и расточительныхъ муниципальныхъ подписокъ, не говоря уже о попыткахъ правительственной эксплуатаціи въ нѣкоторыхъ штатахъ и о федерально-правительственной эксплуатаціи телеграфа.

Въ настоящее время Соединенные Штаты не чувствуютъ такихъ побужденій, вслѣдствіе избытка частной иниціативы. Желательно скорѣе сократить, нежели расширить вліяніе политической администраціи въ Соединенныхъ Штатахъ. И если подчасъ

чувствуются злоупотребленія настоящей системы частной эксплуатаціи и выражается желаніе къ переходу желѣзно-дорожной и телеграфной эксплуатаціи въ руки правительства, то это въ единственной надеждѣ, что она положитъ предѣлъ такимъ злоупотребленіямъ.

Нѣтъ существенныхъ основаній предполагать, чтобы правительственные желѣзно-дорожные тарифы могли отличаться отъ тарифовъ частныхъ обществъ, такъ какъ и тѣ, и другіе должны эксплуатироваться на основаніи одинаковыхъ коммерческихъ принциповъ, какъ это и было не разъ доказано въ смѣшанныхъ системахъ желѣзныхъ дорогъ, гдѣ правительственныя дороги конкуррируютъ съ частными. Такъ еще пятнадцать, двадцать лѣтъ тому назадъ бельгійскія и германскія правительственныя желѣзныя дороги только тѣмъ и отличались отъ частныхъ, что сборъ съ нихъ шелъ въ казну. Что касается ихъ отношеній къ публикѣ, то онѣ работали не столько въ видахъ общественнаго блага, сколько въ видахъ денежнаго барыша. Да это и неизбѣжно въ виду того, что плательщики податей не дозволятъ тамъ правительству терять деньги или получать менѣе барыша, а соперничающее съ нимъ частное общество будетъ получать бо̀льшіе барыши. И если послѣднее работаетъ для полученія большей прибыли, то правительственная линія должна слѣдовать тому же примѣру и даже, можетъ быть въ нѣсколько замаскированномъ видѣ,—заставлять платить себѣ все, что̀ только можетъ вынести торговля. Въ этомъ собственно и преимущество, и невыгоды смѣшанной системы. Съ одной стороны, она гарантируетъ чисто коммерческое начало эксплуатаціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ она препятствуетъ правительству эксплуатировать желѣзныя дороги соотвѣтственно болѣе широкимъ общественнымъ интересамъ, худымъ или хорошимъ. Такое стѣсненіе свободы дѣйствія, можетъ быть, и было главною причиною того, что конкурренція частныхъ линій казалась столь невыносимой Бельгіи и Германіи.

Не будучи ничѣмъ связано, государство можетъ добиваться различныхъ цѣлей, вмѣсто обязанности стремиться только къ наибольшей реализаціи барышей. Правительственное предпріятіе можетъ администрироваться на основаніи четырехъ слѣдующихъ принциповъ: 1) въ качествѣ налога; 2) въ видахъ ихъ коммерческой прибыли; 3) въ видахъ покрытія издержекъ; 4) въ видахъ общественной пользы, безъ вниманія къ вопросу издержекъ.

1) Правительственное предпріятіе обходится дороже частнаго. Есть тому примѣры въ Америкѣ. Въ Европѣ они весьма часты въ видѣ соляной и табачной монополіи тамъ, гдѣ создавались не столько

въ видахъ общественной пользы, сколько вслѣдствіе удобнаго способа облагать тяжелымъ налогомъ.

2) Правительственное предпріятіе ведется на основаніи системы, принятой во всѣхъ частныхъ предпріятіяхъ, то-есть въ видахъ наибольшей прибыли. Такъ, по крайней мѣрѣ, бываетъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ государство является конкуррентомъ частныхъ лицъ, какова напримѣръ вышеупомянутая смѣшанная желѣзно-дорожная система, или когда отправка посылокъ по почтѣ соперничаетъ съ транспортными обществами. При отсутствіи такой конкурренціи и при правительственной монополіи, второй принципъ непримѣнимъ. А когда государственная монополія старается выручить наивозможно болѣе денегъ, то прибыль эта является уже не коммерческимъ барышемъ, а просто налогомъ.

3) Третій принципъ есть система дорожной пошлины, гдѣ тарифъ взимается на основаніи стоимости службы. Словомъ, это общепринятый принципъ во всѣхъ государственныхъ предпріятіяхъ. При этомъ стараются, прежде всего, покрыть издержки, насчитывая или не насчитывая процентовъ. При высчитываніи почтовой службы, не насчитываютъ обыкновенно процентовъ въ виду ничтожности расхода. Въ европейскихъ государствахъ, и преимущественно въ Англіи, стараются по возможности извлечь нѣсколько болѣе покрытія расходовъ по службѣ. Въ Соединенныхъ Штатахъ —обыкновенно менѣе. Но въ предпріятіяхъ, требующихъ большой затраты капитала, Штаты тоже стараются покрыть и проценты, какъ напримѣръ при телеграфахъ, желѣзныхъ дорогахъ, маякахъ и многихъ другихъ случаяхъ.

Бо̀льшая часть правительственной дѣятельности далеко не промышленная и потому не стремится покрыть расходы. Она учреждается для общественной пользы, какова, напримѣръ, юстиція, полиція, народное образованіе и гигіена. Департаменты эти не могутъ выручать барышей; плательщики податей обязаны покрывать расходы по нимъ. Естественно поэтому, что ни первый, ни послѣдній изъ вышеприведенныхъ принциповъ не можетъ служить руководителемъ въ дѣлѣ правительственной желѣзно-дорожной эксплуатаціи. Мы не можемъ обратить ее въ налогъ, ни въ безвозмездную службу. Въ первомъ случаѣ, она бы представлялась налогомъ на торговлю, чего слѣдуетъ избѣгать; во второмъ — налогомъ на общество въ пользу торговыхъ нуждъ—чего опять никакъ не слѣдуетъ допускать [1]). Такъ что выборъ остается

[1]) Не всегда можно, впрочемъ, избѣжать такой альтернативы. Субсидія, во всѣхъ ея видахъ, представляетъ въ сущности налогъ на всю націю въ пользу торговли, которая иначе не могла бы существовать.

между вторымъ и третьимъ принципомъ, то-есть между вопросомъ прибыли и вопросомъ дорожной пошлины, обозначившими двѣ различныя системы государственныхъ желѣзныхъ дорогъ. Первая, болѣе старая, являлась преобладающею при конкурренціи частныхъ линій съ государственными. Она преобладала въ Бельгіи до 1870 г., въ Пруссіи—до 1875, и еще въ настоящее время преобладаетъ въ Австріи. При такого рода системѣ эксплуатаціи правительство придерживается тарифовъ частныхъ линій, то-есть дифференціальныхъ контрактовъ, безъ всякихъ поползновеній устанавливать тарифъ сообразно со стоимостью службы.

Система дорожной пошлины служитъ основнымъ принципомъ. Въ этомъ смыслѣ были составлены первые тарифы въ Бельгіи. Но первыя попытки выходили слишкомъ грубыми, и отъ нихъ отказались въ 1850 году, причемъ въ 1867 г. обнаружилось явное намѣреніе вернуться къ этой же системѣ. Въ томъ же году нассауское княжество приняло на своихъ дорогахъ тарифъ, прямо основанный на стоимости движенія. Четыре года спустя та же попытка осуществилась, только въ болѣе обширномъ видѣ, въ Эльзасѣ и Лотарингіи, откуда распространилась на западъ и сѣверъ и имѣла сильное вліяніе на тарифную систему всей Германіи. Въ Эльзасѣ и Лотарингіи такая система установилась совершенно случайно, съ переходомъ этихъ провинцій къ Германіи, когда ихъ желѣзными дорогами принялись распоряжаться германскія военныя власти.

Не имѣя времени размышлять о болѣе цѣлесообразномъ тарифѣ, за множествомъ другихъ, болѣе серьезныхъ дѣлъ, они просто установили помильную плату съ каждыхъ сто фунтовъ, а другую—съ цѣлаго вагона. Это была такъ-называемая система pro-rata въ ея голомъ видѣ, безъ всякихъ попытокъ къ классификаціи, кромѣ той, что болѣе дорогіе товары отправлялись по цѣнѣ посылокъ, а менѣе цѣнные—по цѣнѣ вагона. Эта такъ-называемая естественная система перешла на линіи, граничащія съ Эльзасомъ-Лотарингіею въ 1872, въ баденское герцогство въ 1873 г., въ Венгрію въ 1874 г. Перевозочная цѣна всякаго товара составлялась изъ опредѣленной суммы для покрытія станціонныхъ расходовъ, независимо отъ разстоянія, и кромѣ того изъ помильной платы для покрытія расходовъ тяги.

Въ этой формѣ система эта не особенно распространилась, но имѣла значительное вліяніе на тарифы другихъ частей Германіи. Она была въ значительной степени принята въ Баваріи въ 1874 году. Въ 1877 была предпринята реформа германскаго тарифа. Ея тарифъ отличается отъ естественной системы, глав-

нымъ образомъ, различною степенью классификаціи, что имѣетъ весьма важное практическое значеніе. Въ суммѣ, сравнивая тарифы Германіи и Франціи, оказывается, что, за исключеніемъ 5 и 10.000 тоннъ груза, перевозка громоздкихъ товаровъ гораздо дороже въ Германіи, чѣмъ во Франціи. Австрія приняла приблизительно ту же систему, не вдаваясь, впрочемъ, слишкомъ въ cost-of-service (стоимость службы). Такъ въ Германіи помильная плата остается всегда неизмѣнной, тогда какъ въ Австріи помильная плата для большихъ разстояній сбавляется. Тѣмъ не менѣе въ обоихъ государствахъ не могли избѣжать спеціальныхъ тарифовъ, несмотря на старанія Германіи отъ нихъ избавиться. Она вынуждена примѣнять ихъ особенно къ грузамъ, перевозимымъ на большія разстоянія; въ Австріи же исключенія приняты въ самомъ обширномъ размѣрѣ.

Система тарифовъ, основанная на стоимости службы, составляетъ собственно самую характерную черту правительственной эксплуатаціи. Принята она была въ теоріи, какъ самая основательная, и на практикѣ надѣялись извлечь изъ нея много добра. Насколько оправдались такія предположенія, можно видѣть уже изъ того, что строго придерживаться теоріи оказалось невозможнымъ въ виду различной цѣнности товаровъ, изъ которыхъ самые громоздкіе и малоцѣнные не могли выносить сравнительно для нихъ высокихъ тарифовъ. Вслѣдствіе этого даже въ Эльзасѣ должны были дѣлать исключенія для каменнаго угля и нѣкоторыхъ другихъ малоцѣнныхъ грузовъ первой необходимости, къ которымъ невозможно бы было примѣненіе общаго тарифа, такъ какъ это равнялось бы полному прекращенію перевозки означенныхъ товаровъ. Допущеніе такихъ исключеній неизбѣжно связано съ отступленіемъ отъ принципа: основывать тарифы на стоимости службы.

Что касается теоріи разстояній, то она требуетъ, чтобы каждый грузъ уплачивалъ опредѣленную сумму, независимо отъ количества пробѣга, для покрытія станціонныхъ расходовъ, и затѣмъ еще помильную плату для покрытія расходовъ движенія. Строго придерживаясь такой теоріи, приходилось наносить ущербъ какъ движенію на короткихъ разстояніяхъ, такъ и на длинныхъ. Въ послѣднемъ случаѣ она сокращала перевозку товара на дальніе рынки, а въ первомъ дороговизна станціонныхъ расходовъ вовсе прекращала перевозку нѣкоторыхъ товаровъ и передвиженіе на короткихъ разстояніяхъ и тѣмъ задерживала развитіе болѣе значительной торговли.

Это поняли власти, и потому, для избѣжанія сокращенія мѣст-

наго передвиженія, удешевили станціонные расходы, не соображаясь съ теоріею. Для поддержанія же убыточнаго движенія на дальнихъ разстояніяхъ, Бельгія и Австрія, напримѣръ, установили подвижную таблицу тарифовъ, понижающихся постепенно для большихъ разстояній. Можетъ быть это и надлежащая политика, тѣмъ не менѣе она представляетъ полное отреченіе отъ основного принципа этихъ государствъ и переходъ къ принципу: заставлять платить, сколько можетъ выдержать торговля.

Пруссія не приняла подвижной таблицы тарифовъ, но до 1880 г. она поступала такъ же, только въ иномъ видѣ. Такъ движеніе на длинныхъ разстояніяхъ поощрялось сложной системой спеціальныхъ тарифовъ для вывозной, ввозной и транзитной торговли. Это не были вредные спеціальные контракты съ грузоотправителями, но всякая отрасль товаровъ имѣла свой особый тарифъ, одинаково примѣнимый ко всѣмъ заинтересованнымъ въ интернаціональной торговлѣ.

Но въ 1879 г. произошелъ переворотъ, вслѣдствіе перехода кн. Бисмарка къ чисто протекціонной политикѣ. Прежде увеличеніе пошлины на иностранные товары связывалось съ болѣе или менѣе соотвѣтственнымъ пониженіемъ желѣзно-дорожныхъ тарифовъ, представлявшимъ противовѣсъ таможенному повышенію. Теперь, для устраненія такого противовѣса, рѣшено было отбросить политику спеціальныхъ тарифовъ для международной торговли. Болѣе всего пострадала отъ этого Австрія, потому что бо̀льшая часть ея вывозной торговли направлялась или въ Пруссію, или черезъ Пруссію въ другія страны. И такъ какъ торговля не могла вынести увеличенія перевозной цѣны, то часть грузовъ, вмѣсто того, чтобы направляться къ сѣверу черезъ Пруссію, направилась на югъ къ Тріесту и Средиземному морю. Нашлось еще и другое средство помочь затрудненію. Такъ какъ Эльба течетъ отъ австрійской границы по сердцу Пруссіи до Гамбурга, то, направляя пароходы по Эльбѣ, Австрія получала цѣлую собственную рельсовую и водяную линію, совершенно независимую отъ соприкосновенія съ прусскими линіями. Пользуясь баварскими линіями, находившимися внѣ прусскаго контроля, Австрія получила возможность перевозить товары до Рейна, откуда направляла ихъ въ Голландію, Бельгію и Англію. Потеря прямого движенія оказалась чувствительной для прусскихъ желѣзныхъ дорогъ. И потому правительство вынуждено было отказаться отъ крайнихъ мѣръ и старалось перейти къ частному компромиссу съ Австріею; но послѣдняя отвергла его. Тогда пришлось прибѣгнуть къ репрессаліямъ. Установлено было соглашеніе съ дунайскими пароход-

ными обществами съ цѣлью лишить австрійскія дороги прусскихъ грузовъ, такъ что австрійскія желѣзныя дороги, въ связи съ прусскими водяными путями, и прусскія желѣзныя дороги, въ связи съ австрійскими водяными путями, представляли любопытное зрѣлище взаимной борьбы, внесшей не мало смуты и безурядицы въ оба лагеря; но ни одной изъ сторонъ не удалось принудить иностранную торговлю оплачивать расходы внутренней. Все это покончилось недавно обоюднымъ соглашеніемъ.

Явно, что даже самая полная правительственная власть не въ силахъ поколебать торговыхъ законовъ произвольнымъ установленіемъ желѣзно-дорожныхъ цѣнъ. Итакъ оказывается, что усилія установить тарифы на основаніи стоимости службы привели лишь къ компромиссу, хотя и нельзя отрицать такихъ важныхъ результатовъ, какъ устраненіе самыхъ опасныхъ формъ спеціальныхъ контрактовъ, тайныхъ предпочтеній и еще худшихъ злоупотребленій, практикуемыхъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ при этомъ ускользаютъ многія преимущества американскихъ дорогъ, какъ-то: быстрота развитія и дешевизна тарифовъ.

Настоящіе принципы, служащіе основою прусской системы, были ясно изложены правительствомъ въ 1879 г. и суть слѣдующіе: 1) опредѣленность тарифа; 2) его одинаковость; 3) устраненіе дурныхъ косвенныхъ дѣйствій его; 4) устраненіе возможности къ подкупу.

Все это далеко отъ установленія тарифа на основаніи стоимости службы—принципа весьма непрактичнаго, такъ какъ онъ скорѣе поддерживаетъ высокіе тарифы, нежели ихъ удешевляетъ. Отъ этого всего болѣе страдаетъ торговля дешевыми громоздкими продуктами, вслѣдствіе невозможности покрывать своими прибылями постоянные расходы дороги, помимо расходовъ тяги, которые она окупаетъ. Теряетъ отъ этого также и дорога, такъ какъ помимо самого сокращенія движенія тяжелыхъ грузовъ, дающихъ все-таки небольшую прибыль, является необходимость возвышать тарифы другихъ, болѣе цѣнныхъ и менѣе громоздкихъ товаровъ для того, чтобы покрыть убытки, причиняемые сокращеніемъ движенія громоздкихъ товаровъ. Это не теорія, а исторія. Пониженіе тарифовъ въ Соединенныхъ Штатахъ и Бельгіи, хотя бы и подъ вліяніемъ усиленной конкурренціи и въ эпоху систематическаго старанія установить желѣзно-дорожные тарифы соотвѣтственно стоимости службы, привело только къ торговому развитію этихъ странъ,—тогда какъ усилія установить тарифъ

соотвѣтственно стоимости службы необходимо связаны съ политикой субсидій.

Вообще же Годлей, какъ мы упоминали, противникъ государственной эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ. Несмотря на очевидно благопріятные результаты такой эксплуатаціи въ Германіи и Бельгіи, онъ приводитъ противъ нея много возраженій, сущность которыхъ нельзя считать вовсе неустранимой. Такъ напримѣръ, на доводы въ пользу прусской системы, въ томъ смыслѣ, что тамъ подвижной составъ утилизируется полнѣе, что съ ней связана меньшая потеря капитала,—такъ какъ новыя постройки приспособлены съ бо́льшимъ смысломъ и вниманіемъ къ нуждамъ страны, чѣмъ сокращается стоимость содержанія желѣзныхъ дорогъ,—Годлей возражаетъ, что хотя вагоны и нагружаются полнѣе въ Германіи, но зато чаще остаются въ бездѣйствіи. А относительно новыхъ построекъ онъ говоритъ, что хотя, владѣя огромной силой, государству и легче ихъ выполнять, тѣмъ не менѣе оно, будто бы, гораздо медленнѣе частныхъ лицъ способно взвѣсить важность новыхъ линій и болѣе подвержено финансовымъ ошибкамъ въ этомъ отношеніи. А главное, правительство всегда легче переплатитъ за работы сравнительно съ частными администраціями, въ подтвержденіе чего Годлей и приводитъ неудачи правительственныхъ желѣзныхъ дорогъ въ Италіи. Успѣхи прусской системы Годлей всецѣло приписываетъ превосходной организаціи прусскаго персонала служащихъ. Но и тутъ его пугаетъ почему-то неимовѣрное число желѣзно-дорожныхъ служащихъ (до 80.000 человѣкъ, не считая рабочихъ и случайныхъ вольнонаемныхъ).

Защитники правительственной эксплуатаціи утверждаютъ, что перевозочныя средства правительства будутъ тратиться не въ разсчетѣ на барышъ, но въ видахъ общей пользы; что при правительственной системѣ устранится спекуляція и безполезная трата капитала; что не будетъ строиться двухъ линій тамъ, гдѣ требуется всего одна; что капиталъ будетъ вкладываться туда, гдѣ принесетъ наибольшую пользу странѣ; наконецъ, что эта система избавитъ отъ произвола капиталистовъ, облагающихъ публику исключительно въ своихъ собственныхъ интересахъ,—и приводятъ примѣръ почты, у которой для всѣхъ равно дешевая плата, удобство и полная гарантія отъ всякихъ вымогательствъ, точно та́кже какъ и при правительственныхъ телеграфахъ.

Въ отвѣтъ на эти доводы Годлей приводитъ мнѣніе итальянской коммиссіи, которая признала полную непригодность правительственной эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ.

Вполнѣ признавая заслуги итальянской коммиссіи и рекомендуя

собранный ею матеріалъ къ свѣденію лицъ, желающихъ подробно изслѣдовать всѣ вопросы за и противъ правительственной эксплуатаціи, мы, въ виду нѣкоторыхъ успѣховъ Пруссіи и Бельгіи, не можемъ вполнѣ соглашаться съ мнѣніемъ Годлея и итальянской коммиссіи, такъ какъ неудачи правительственной системы въ Италіи произошли, главнымъ образомъ, отъ несовершенства персонала и отъ отсутствія предпріимчивости и энергіи служащихъ. Разумѣется, пройдетъ много времени, прежде нежели у другихъ націй выработается въ цѣломъ обществѣ тотъ духъ дисциплины и сознанія своихъ обязанностей и отвѣтственности передъ обществомъ, какимъ отличается прусскій служебный персоналъ, но никакъ нельзя отрицать возможности приближенія къ такимъ идеаламъ и въ другихъ странахъ. Постоянное усовершенствованіе всѣхъ прочихъ государственныхъ функцій, а не однѣхъ желѣзно-дорожныхъ, всегда и вездѣ весьма выгодно дѣйствуетъ на выработку въ обществѣ и на укорененіе въ немъ духа разумной дисциплины и сознанія каждымъ своихъ обязанностей передъ обществомъ.

Д. Тороховъ.

* * *

Въ дѣтствѣ часто злой кошмаръ
Отягчалъ мой сонъ глубокій.
То блуждалъ я, одинокій,
Въ мѣстѣ, полномъ грозныхъ чаръ;
То лежалъ я, недвижимый,
И во мракѣ врагъ незримый
Надвигался на меня,
Настигалъ въ злорадствѣ дикомъ,
Налегалъ на грудь... И я
Просыпался съ тяжкимъ крикомъ...

О, теперь кошмаръ иной
Давитъ грудь тоской безумной,
Не во снѣ, не въ часъ ночной—
Наяву и въ полдень шумный.
Эти недруги—друзья,
Рядъ случайный встрѣчъ докучныхъ
И та мутная струя
Праздныхъ дѣлъ, досуговъ скучныхъ,
Сонныхъ ласкъ притворный жаръ,
Равнодушныя измѣны,—
Вы страшнѣе, чѣмъ кошмаръ,
Будни вѣчныя безъ смѣны!
Какъ въ кошмарѣ дни влачу,
Рвусь очнуться, задыхаюсь,
Но теперь я не кричу
И—увы!—не просыпаюсь...

Н. Минскій.

ВЪ ГЛУШИ
АМЕРИКИ

Бытовые очерки.

Окончаніе.

IX.—„Пальметтовый Листокъ" *).

— Ну, моя милая, какъ-то мы съ тобой будемъ жить да добро наживать?—говорилъ Парсонъ своей невѣстѣ, сидя съ нею на диванѣ. — Срокъ моимъ долгимъ вакаціямъ истекаетъ; пора подумать о томъ, какъ намъ устроиться. Полагаю, я поправился достаточно, чтобы снова приняться за работу.

— Опять въ этотъ противный госпиталь, въ которомъ ты схватилъ страшную болѣзнь?—спросила Мэри.

На это докторъ только пожалъ плечами.

— Какъ люди солидные,—говорилъ весело Парсонъ,—мы должны посчитать, много ли у насъ въ карманѣ. Вѣдь деньги—всему основаніе. Вотъ моя банковая книжка. Посчитаемъ, сколько у насъ на-лицо.

Они насчитали, что у доктора хранится въ банкѣ около тысячи долларовъ.

— Такъ вотъ, миссъ Гигія, какой домъ (home) вы можете устроить своему мужу на тысячу долларовъ?

— Не безпокойтесь, докторъ, устроимся отлично, особенно

---

*) См. выше: янв., стр. 59.

если принять въ соображеніе, что и у меня банковый счетецъ не меньше вашего.

Дѣвушка достала банковую книжку изъ комода и подала своему жениху.

— Какъ! такъ я женюсь не на безприданницѣ? Очень пріятный сюрпризъ, могу васъ увѣрить. Но все-таки это досадно. Я все думалъ показать тебя Говарду и сказать: „смотрите, какое сокровище я себѣ нашелъ, хотя и безприданницу". А тутъ смотрите: цѣлая тысяча!

Молодые люди весело смѣялись.

— Я рада ѣхать въ Филадельфію теперь же, ты это знаешь; но Доддъ говорилъ мамѣ что-то о санитаріи. Ты не думаешь, что стоитъ попробовать?

— Такъ тебѣ жаль разстаться съ своимъ гнѣздышкомъ на полянкѣ, посреди пальметто?

— Это само собой, но я—ты еще не знаешь—практическій человѣкъ: я придерживаюсь правила: „чѣмъ больше, тѣмъ лучше".

— Такъ ты полагаешь, что мы тутъ деньги сдѣлаемъ? Я отъ этого не прочь; на какихъ-нибудь полгода, ради пробы, я еще могу остаться здѣсь въ этой глуши, когда моя Гигія со мной. Только смотри, не прожить бы намъ здѣсь нашихъ денегъ. Ты не боишься?

Женихъ нѣжно обнялъ свою невѣсту.

Раздался стукъ въ дверь.

— Войдите!—отвѣчали оба вмѣстѣ.

— А, милости просимъ, — радушно привѣтствовала Мэри гостя, молодого человѣка съ загорѣлымъ лицомъ и смѣлымъ, открытымъ взглядомъ. — Докторъ Парсонъ, мистеръ Вильямсъ, нашъ мѣстный адвокатъ, настоящій флоридецъ,—представляла дѣвушка другъ другу доктора и адвоката.

— Я слышалъ о васъ, докторъ, много хорошаго, — началъ адвокатъ скороговоркой;—Доддъ въ восторгѣ отъ васъ. Вотъ и я пришелъ познакомиться и отчасти посовѣтоваться съ вами, только не подумайте—не по вашей профессіи. О, нѣтъ, я, какъ видите, слава Богу, здоровъ. Нѣтъ, мнѣ приходитъ въ голову новое дѣло. Доддъ этотъ шагаетъ быстро впередъ, это мѣсто сильно ростетъ. Вотъ и миссъ Блюмъ съ своей матушкой тоже не мало помогаютъ этому. Здѣсь будетъ городъ; онъ быстро выростетъ, и я хочу рости съ нимъ. Я, видите ли, докторъ, живу въ 15 миляхъ отсюда; у меня тамъ прекрасный апельсиновый садъ и уютный домикъ. Кстати, буду счастливъ видѣть васъ обоихъ у себя.

Ахъ, да! простите, я и позабылъ поздравить васъ, миссъ Блюмъ, съ счастливымъ и важнымъ событіемъ въ вашей жизни.

Адвокатъ всталъ, сдѣлалъ глубокій поклонъ и крѣпко пожалъ руку Мэри и доктору.

— Одно жаль, докторъ: вы увозите отъ насъ полезнѣйшаго члена нашего маленькаго общества; библіотека, хоръ, клубъ— все это она завела у насъ.

— Вы дѣлаете честь моему выбору, — замѣтилъ докторъ, улыбаясь.

— Я вотъ не знаю, кому она можетъ поручить свое дѣло: достойныхъ кандидатокъ, кажется, нѣтъ.

— А Лиззи Гринъ?—замѣтила Мэри.—О, она скоро заставитъ васъ позабыть обо мнѣ.

— Лиззи Гринъ славная дѣвушка, но у нея нѣтъ иниціативы; впрочемъ, еслибы она могла поддержать ваше дѣло, то мы и за это ей были бы благодарны. Но я хочу поговорить о своемъ дѣлѣ. Я переѣзжаю сюда, куплю у Додда домикъ и открою свою контору. Но такъ какъ здѣсь люди живутъ смирно, рѣдко дерутся и мало ссорятся, то нашему брату работы мало. Вотъ я и задумалъ заняться близкимъ моей профессіи дѣломъ.

— Открыть газету?—сказала Мэри, улыбаясь.

— Вы откуда это знаете? — съ удивленіемъ спросилъ адвокатъ: — я объ этомъ еще никому, кромѣ Додда, не говорилъ. Ахъ, да, вы это по вдохновенію, какъ подобаетъ небожителямъ. Простите, докторъ, но здѣсь всѣмъ извѣстно, что вы перекрестили миссъ Мэри въ Гигію. И спасибо вамъ за это: теперь здѣсь знаютъ, что̀ означаетъ Гигія и что̀ такое гигіена, а до этого времени, увѣряю васъ, мало кто объ этомъ даже слыхалъ. Но возвратимся къ моей газетѣ,—продолжалъ сыпать словами адвокатъ.—Это будетъ „Пальметтовый Листокъ“. Я, конечно, не ожидаю, что мой „Листокъ“ въ первый же годъ покроетъ всѣ расходы на него, но я разсчитываю на будущее—мы вѣдь народъ будущаго.

— Извините, — возразилъ докторъ, — но мнѣ кажется, что жить именно въ настоящую минуту и притомъ во всю ширь силъ и средствъ — вотъ черта, рѣзко отличающая нашъ народъ отъ другихъ.

Адвокатъ задумался.

— Конечно, вы правы,—заговорилъ онъ черезъ минуту,— правы относительно цѣлаго народа, но я имѣлъ въ виду собственно нашихъ піонеровъ. Мы здѣсь піонеры, — не такъ ли, миссъ Блюмъ? Мой „Листокъ“ будетъ первой газетой въ нашемъ

графствѣ. Если я съумѣю затронуть интересы жителей нашего графства, тогда мое дѣло въ шляпѣ. Разумѣется, я и не думаю о томъ, чтобы нашу газету когда-либо читали въ большихъ городахъ другихъ штатовъ; нѣтъ, быть ôрганомъ именно нашего графства — вотъ моя цѣль и мечта. Я пришелъ къ вамъ, докторъ, посовѣтоваться или, вѣрнѣе, попросить васъ вотъ о чемъ. Доддъ говоритъ, что вы изучаете эту мѣстность съ медицинской точки зрѣнія и даже предполагаете открыть здѣсь санитарій. Вы меня безконечно обязали бы, еслибы соблаговолили помѣстить свои медицинскія замѣтки въ нашей газетѣ, а я, съ своей стороны, буду посылать „Листокъ" безплатно въ медицинскіе колледжи и извѣстнѣйшимъ врачамъ, по вашему указанію.

— Этотъ Доддъ куетъ не только горячее желѣзо, но, кажется, и тѣ микроскопическія частицы, что летаютъ въ атмосферѣ, — отвѣчалъ докторъ, смѣясь. — Мои замѣтки о температурѣ, вѣтрѣ, дождѣ и т. д. онъ принимаетъ за изученіе страны съ медицинской точки зрѣнія! Это слишкомъ много сказано! Но ваше предпріятіе, мистеръ Вильямсъ, мнѣ очень нравится, и я радъ служить вамъ, чѣмъ могу.

Адвокатъ горячо пожалъ руку доктору.

— Надѣюсь, миссъ Блюмъ, и вы не откажетесь сообщить мнѣ впослѣдствіи для „Листка" исторію нашей летучей библіотеки, клуба и хора.

— Сочту пріятнымъ долгомъ составить вамъ три очерка, если только съумѣю,—весело отвѣчала та.

— Вотъ и прекрасно! —говорилъ адвокатъ-журналистъ;— я могу, слѣдовательно, поздравить себя съ двумя сотрудниками; Доддъ—третій; его зять, Кукъ—четвертый; но это еще только начало нашего редакторскаго штаба.

— Гдѣ же ваша типографія?—спросилъ докторъ, улыбаясь.

— О, моя типографія уже ѣдетъ сюда,—отвѣчалъ адвокатъ.— Недавно я познакомился въ главномъ городѣ нашего штата съ опытнымъ наборщикомъ; онъ переселился сюда по болѣзни; у него есть печатный станокъ; я и пригласилъ этого наборщика. Кромѣ того, тутъ у насъ есть одинъ молодой шведъ,—чистое воплощеніе янки: способенъ, дѣятеленъ, честолюбивъ; онъ хочетъ начать свою карьеру съ роли наборщика, мечтая, вѣроятно, въ свое время сдѣлаться Франклиномъ.

— Это навѣрно Джонъ Лиліенквистъ,—замѣтила Мэри.

— Именно,—подтвердилъ адвокатъ.

— Типографія готова,—сказалъ докторъ:—а могу спросить о программѣ вашей газеты?

— Сейчасъ я разъясню вамъ свою программу, планъ и политику,—весело отвѣчалъ адвокатъ, вынимая изъ бокового кармана свернутый листъ бумаги.—Вотъ форматъ моего еженедѣльнаго „Листка". Половина первой страницы и четвертая страница отводятся подъ объявленія. На второй половинѣ первой страницы будутъ помѣщаться вѣсти, во-первыхъ, о томъ, что̀ творится въ нашей республикѣ, — важнѣйшія событія, конечно; во-вторыхъ — что̀ творится въ нашемъ штатѣ, — тутъ уже поподробнѣе; что̀ творится въ мірѣ — это читатели найдутъ на третьей страницѣ, разумѣется, только самыя выдающіяся событія. Вся вторая страница, за исключеніемъ одного столбца редакторскихъ замѣтокъ, будетъ посвящена мѣстнымъ дѣламъ; если не хватитъ мѣста, перейдемъ и на третью страницу; на третьей же страницѣ я имѣю въ виду печатать или, вѣрнѣе, перепечатывать коротенькіе разсказы и повѣсти, что̀ поинтереснѣе. О мірѣ мы узнаемъ изъ нью-іоркскаго „Herald'a", о странѣ—изъ „Herald'a" же и изъ вашингтонской „Star"; о нашемъ штатѣ—изъ лучшихъ джаксонвильскихъ газетъ, а уже о мѣстныхъ дѣлахъ придется собирать вѣсти самолично. Листокъ сто̀итъ два доллара въ годъ; плата для мѣстныхъ жителей по четвертямъ; отдѣльные нумера по пяти центовъ. Въ первые два-три мѣсяца я буду разсылать „Листокъ" всѣмъ болѣе или менѣе зажиточнымъ окрестнымъ жителямъ, а тамъ посмотримъ, кто захочетъ быть регулярнымъ подписчикомъ. Вотъ и все.

Адвокатъ всталъ и сталъ прощаться.

— Прошу не забыть, господа сотрудники, обѣщанныхъ статей; онѣ мнѣ потребуются для первыхъ же нумеровъ.

— А премію имѣете въ виду объявить?—спросила его Мэри.

— Какую премію?—возразилъ адвокатъ, недоумѣвая.

— Да такую, напримѣръ: кто доставитъ „Пальметтовому Листку" двухъ годовыхъ подписчиковъ, тотъ будетъ получать „Листокъ" безплатно цѣлый годъ или же сто визитныхъ карточекъ. Это вызоветъ стариковъ и молодежь на соревнованіе: однимъ захочется показать свое вліяніе и получать газету даромъ, а другимъ лестно будетъ имѣть у себя визитныя карточки, точь-въ-точь какъ у городской молодежи.

— Вотъ геніальная мысль!—воскликнулъ адвокатъ.—Тысячу разъ спасибо. Непремѣнно напечатаю это объявленіе на первой же страницѣ.

Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ этой бесѣды, въ субботу подъ вечеръ, у лавки Додда съѣхалось десятка два фермеровъ; въ этотъ день они обыкновенно закупали провизію на недѣлю, получали

почту, посылку, а иной просто пріѣзжалъ послушать новостей. На этотъ разъ почта оказалась необыкновенно обширной: каждый фермеръ получилъ по пакету не только для себя, но и для сосѣдей. Каждый изъ нихъ сейчасъ же открылъ свой пакетъ.

Передъ жителями поселенія красовался первый нумеръ „Пальметтоваго Листка". Кто читалъ съ восторгомъ, кто съ удивленіемъ и всѣ съ интересомъ, такъ какъ дѣло касалось ихъ самихъ. Въ объявленіяхъ стояли все знакомыя имена. Вотъ „Докторъ Бинкъ, врачъ и хирургъ; лекарства безплатно". Вотъ Доддъ, предлагающій всевозможные товары по нью-іоркскимъ цѣнамъ, платящій за апельсины дороже всѣхъ и самый дешевый коммиссіонеръ. Вотъ адвокатъ Вильямсъ, предлагающій свои услуги вести всякія дѣла во всѣхъ судахъ; но переводъ его конторы въ поселеніе Доддъ былъ новостью для многихъ изъ нихъ. Вотъ отель Кларка и бордингъ-гаусъ миссисъ Блюмъ. Вотъ частная школа миссъ Блюмъ для дѣтей; тамъ же уроки піано. А вотъ и совсѣмъ новость: „Санитарій доктора Генри Парсона изъ Филадельфіи. Приглашаются больные легкими и другими хроническими болѣзнями на зимній сезонъ. Отель въ самой здоровой и теплой мѣстности, у Кристальнаго озера". На послѣдней страницѣ фермеры нашли массу разнообразныхъ объявленій и по поводу каждаго они перекидывались словами между собою.

— Послушайте, сосѣдъ, — говорилъ уже знакомый намъ Линдквистъ фермеру Паркеру:—Смитсъ, оказывается, уже купилъ кузницу у Додда; вотъ въ объявленіи сказано, что онъ „собственникъ кузницы". О, онъ быстро идетъ въ гору.

— Кто въ гору, а кто подъ гору, — отвѣчалъ Паркеръ: — вотъ французъ Ландо продаетъ свою апельсиновую рощу. Эй, Ландо!—закричалъ онъ проходившему мимо французу:—вы зачѣмъ продаете свою рощу?

— Почему нѣтъ?—отвѣчалъ тотъ, мѣшая французскія фразы съ англійскими:—есть много богатыхъ джентльменовъ; если дадутъ мнѣ пять тысячъ долларовъ наличными, то я у васъ же могу купить рощу еще получше за три тысячи. Не правда ли?

И французъ, хитро улыбаясь, пошелъ далѣе.

Показался адвокатъ-журналистъ Вильямсъ: ему страшно хотѣлось послушать, что̀ толковали фермеры о его газетѣ. Онъ шелъ по направленію къ лавкѣ. Его сейчасъ же замѣтили.

— Мистеръ Вильямсъ!—закричалъ ему Линдквистъ:—вотъ мой долларъ, за полгода впередъ.

— Трижды ура! мистеру Линдквисту, первому плательщику-

подписчику на знаменитую газету „Пальметтовый Листокъ"!— закричалъ Джонни Лиліенквистъ, давно уже шнырявшій между фермерами и, по просьбѣ своего шефа, прислушивавшійся къ общественному мнѣнію.

— Въ контору бы надо... — замѣтилъ Вильямсъ:—со мной нѣтъ ни расписокъ, ни книги.

— Ну, чтò за церемоніи!—замѣтилъ Линдквистъ:—берите деньги, пока даютъ.

— Это, конечно, дѣло, но когда у меня будетъ нѣсколько сотъ и даже тысячъ подписчиковъ, то, пожалуй, этакъ всѣхъ не упомнишь...—смѣясь отвѣчалъ адвокатъ.—Эй, Джонни!—крикнулъ онъ своему репортеру, наборщику, типографу, клерку:—принеси-ка сюда книгу.

— Возьмите и мой долларъ, что-ли...—сказалъ скупой Паркеръ, поморщившись.

Чрезъ двѣ-три минуты Вильямсъ уже вписывалъ подписчиковъ, получалъ деньги и выдавалъ расписки.

— Чтò вы тутъ дѣлаете, на площади?—спросилъ Вильямса Парсонъ, подъѣхавшій къ лавкѣ вмѣстѣ съ Мэри. Мэри, дружески кивнувъ головой адвокату, ушла въ лавку.

— Господа фермеры тяжелы на подъемъ, не хотѣли пойти въ мою контору, такъ вотъ контора пришла къ нимъ,—отвѣчалъ тотъ, смѣясь.—Записываю подписчиковъ, какъ видите.

— И прекрасно дѣлаете. Кстати вотъ занесите и мое имя.— Докторъ смялъ двѣ долларовыхъ ассигнаціи и бросилъ ихъ Вильямсу...

— Это ложь!—кричалъ одинъ гигантъ-фермеръ, подступая къ Вильямсу и потрясая „Листкомъ".—Ложь! говорю я вамъ.

— Да въ чемъ дѣло?—спрашивалъ редакторъ, нимало не смущаясь.

— Это чистая ложь!—прогремѣлъ фермеръ въ третій разъ. Затѣмъ онъ продолжалъ спокойнѣе:—вы тутъ написали, что „въ прошлый сезонъ Поль А. Скоттъ представилъ на базаръ арбузъ въ 63 фунта, самый большой арбузъ, когда-либо выращенный въ нашемъ графствѣ". Ложь! говорю я. У меня арбузы были далеко больше Скоттовскихъ, а я еще не имѣлъ арбуза и въ 60 фунтовъ. Держу пари въ 25 долларовъ, что мои арбузы тяжеловѣснѣе Скоттовскихъ.

— Какъ же это вы, мистеръ Гарди, будете взвѣшивать прошлогодніе арбузы?—насмѣшливо замѣтилъ Доддъ, тихо подошедшій къ толпѣ.

Гарди видимо смутился, но Парсонъ пришелъ къ нему на помощь:

— Я понимаю такъ: мистеръ Гарди чрезъ „Пальметтовый Листокъ“ предлагаетъ мистеру Скотту пари въ 25 долларовъ, что у него родятся арбузы тяжеловѣснѣе. Дѣло рѣшить можно въ слѣдующій сезонъ. Такъ вѣдь?

— Пожалуй, такъ...—отозвался Гарди.

— На такое пари Скоттъ не обратитъ и вниманія,—замѣтилъ Доддъ:—ужъ предлагать пари, такъ давайте круглую цифру, ставьте сто долларовъ.

— А сто, такъ сто!—сердито отозвался Гарди.

Эта сцена произвела сильное волненіе между фермерами: шутка сказать, сто долларовъ ставитъ ихъ сосѣдъ почти-что на карту! Всю слѣдующую недѣлю они толковали между собою объ этомъ пари; при встрѣчѣ другъ съ другомъ они вытаскивали изъ кармана сложенный „Листокъ“, тыкали на замѣтку о вѣсѣ Скоттовскихъ арбузовъ и пускались въ долгія разсужденія о томъ, кто выиграетъ пари. Фермеры даже раздѣлились на двѣ партіи по этому вопросу и между нѣкоторыми изъ нихъ состоялись второстепенныя пари на малыя суммы. Этотъ арбузный споръ совершенно затопилъ собою кровавое пораженіе русскихъ подъ Плевной, о чемъ сообщалось въ томъ же нумерѣ „Листка“, въ отдѣлѣ иностранныхъ новостей; фермеры также какъ бы не замѣтили описанія грандіозной стачки въ Пенсильваніи, гдѣ желѣзно-дорожные рабочіе сожгли станцію, разнесли рельсы и даже прогнали вооруженную милицію. Даже вопросъ о прорытіи канала на югѣ Флориды, и тотъ на этотъ разъ не занималъ нашихъ фермеровъ такъ сильно, какъ споръ о вѣсѣ арбузовъ, произрастающихъ въ графствѣ Орэнджъ, въ поселеніи Доддъ. Такъ жгучи для мѣстныхъ обитателей вопросы объ ихъ собственныхъ интересахъ. Эту истину Вильямсъ постигъ теперь совершенно и далъ себѣ слово никогда не упускать ея изъ виду. Такъ, почти безсознательно, онъ проникъ въ секретъ успѣха американской журналистики.

Возвращаясь домой, Мэри передала возжи Парсону, а сама погрузилась въ чтеніе „Листка“.

— Смотрите, Генри, чтѷ редакторъ говоритъ по поводу вашей статьи: „Съ величайшимъ удовольствіемъ мы обращаемъ вниманіе читателей на статью доктора Парсона о климатѣ нашей мѣстности. Авторъ принадлежитъ къ числу талантливѣйшихъ врачей Филадельфіи. Недавно онъ живетъ между нами, а между тѣмъ его имя благословляютъ уже многіе. Мы смѣло предска-

зываемъ ему полный успѣхъ въ его научно-филантропическомъ предпріятіи, мы вѣримъ въ процвѣтаніе его санитарія".

— Да, было бы недурно, — замѣтилъ Парсонъ, — еслибы „научно-филантропическое предпріятіе" въ слѣдующій сезонъ принесло „одному изъ талантливѣйшихъ врачей Филадельфіи" тысячу-другую.

— А вотъ что̀ онъ говоритъ обо мнѣ: „Всѣ мы знаемъ миссъ Мэри Блюмъ какъ прекрасную пѣвицу и совершенную лэди, какъ основательницу нашей летучей библіотеки и нашего клуба и какъ даровитую регентшу церковнаго хора; теперь она является въ новой роли—въ качествѣ писательницы. Она пишетъ такъ же хорошо, какъ хорошо поетъ и играетъ".

— Ну, что-жъ, это только правда,—отозвался докторъ.

— Ахъ, онъ противный!—воскликнула Мэри.—Смотрите, что̀ онъ говоритъ по поводу нашего обрученія: „Молодые люди! краснѣйте, стыдитесь, кусайте себѣ локти! Смотрите, какой перлъ вы упустили изъ рукъ! Знаете-ли, что наша очаровательная миссъ Мэри Блюмъ скоро будетъ украшать собою филадельфійское общество подъ именемъ миссисъ докторъ Парсонъ".

Мэри продолжала читать „Листокъ" до самаго дома.

Появленіе „Листка" взволновало окрестныхъ обитателей далеко болѣе, чѣмъ даже построеніе церкви. Впрочемъ это и понятно: различіе въ религіозныхъ вѣрованіяхъ значительно охлаждало ихъ интересъ въ общемъ дѣлѣ; но по отношенію къ газетѣ даже разница во взглядахъ и мнѣніяхъ гражданъ помогала дѣлу. Фермеры чувствовали, если еще и не сознавали ясно, что у нихъ общественное мнѣніе приняло опредѣленную, осязательную форму и что такъ или иначе отнынѣ имъ придется считаться съ этой новой силой.

X.—Глушь преобразуется въ городъ.

Въ первомъ же нумерѣ своего „Листка" Вильямсъ прямо объявилъ: „намъ слѣдуетъ возвести свое поселеніе въ городъ". Это положеніе онъ горячо поддерживалъ и развивалъ почти въ каждомъ нумерѣ. Малѣйшее проявленіе новой дѣятельности давало ему основаніе настаивать на этой излюбленной мечтѣ Додда, а такихъ проявленій въ послѣдніе полгода было немало.

Вслѣдъ за самостоятельной кузницей, которая мало-по-малу становилась и желѣзной лавкой, появилось столярное, плотничье, каретное заведеніе, открытое четырьмя шведами, строившими

церковь. Они образовали между собою своеобразную компанію: заведеніемъ они владѣли сообща, въ разныхъ доляхъ; двое, а иногда трое изъ нихъ работали „въ городѣ", какъ они выражались, а одинъ или двое, по-очереди, оставались на фермѣ и присматривали за всѣмъ хозяйствомъ, хотя фермы и оставались личною собственностью. Всего болѣе имъ приходилось чинить и строить фермерскія телѣги; они зарабатывали прекрасно.

Затѣмъ въ поселеніе Доддъ перебрался сапожникъ Готтманнъ. Этотъ нѣмецъ-мечтатель вздумалъ сдѣлаться фермеромъ, взялъ 120 акровъ казенной земли, прожилъ свои небольшія деньги, а его апельсиновая роща была только въ зародышѣ. „Бѣда не приходитъ одна", говорятъ; у Готтманна умерла жена, оставивъ ему трехъ малолѣтнихъ сиротъ. Нѣмецъ чуть было не сошелъ съ ума; говорятъ даже, что разъ фермеры вынули его изъ петли въ лѣсу. Какъ бы то ни было, но онъ пережилъ свое горе. Доддъ принялъ въ немъ горячее участіе, ободрилъ его, посовѣтовалъ ему не продавать своей земли, а пока выростетъ роща— заняться своимъ ремесломъ. Такъ тотъ и сдѣлалъ. Въ одномъ изъ нумеровъ „Листка" фермеры прочитали такое объявленіе: „Сапожникъ Готтманнъ, въ поселеніи Доддъ, шьетъ сапоги и ботинки на заказъ, продаетъ готовые, почтительнѣйше приглашаетъ патроновъ". Готовые-то сапоги Готтманнъ бралъ у Додда. Онъ заработывалъ свой хлѣбъ всего болѣе починкой старыхъ фермерскихъ сапогъ.

Французу Ландо необыкновенно повезло. Его объявленіе попало на глаза одному филадельфійскому банкиру, жену котораго профессоръ Говардъ посылалъ во Флориду на цѣлый годъ. Банкиръ рѣшилъ купить у француза рощу и поручилъ это дѣло д-ру Парсону и адвокату Вильямсу; эти, съ своей стороны, пригласили на совѣтъ Додда. Мадамъ Ландо пронюхала, въ чемъ дѣло, и строго-на-строго заказала мужу не брать ни за что на свѣтѣ менѣе пяти тысячъ, хотя ихъ роща стоила не болѣе двухъ съ половиной, много, много — трехъ тысячъ. Коммиссіонеры объѣздили мѣстность кругомъ, осмотрѣли всѣ рощи, но болѣе подходящей, чѣмъ роща француза, не нашли. Правда, у шведовъ за пять тысячъ можно было купить рощу старше и съ большимъ количествомъ плодовыхъ деревьевъ; но бѣда въ томъ, что то были только хорошія рощи—и только, а у француза были и тѣнистыя аллеи, и клумбы рѣдкихъ цвѣтовъ, и орнаментальные кустики, словомъ—онъ какъ будто нарочно билъ болѣе на внѣшній видъ, чѣмъ на выгодную сторону, а именно такая роща и требовалась въ данномъ случаѣ. Напрасно Доддъ злился, на-

прасно онъ убѣждалъ француза взять настоящую цѣну; поддерживаемый огненными взглядами своей супруги, французъ стоялъ на своемъ.

— Monsieur le banquier est riche, et moi, je suis pauvre,— твердилъ онъ вмѣсто всякихъ аргументовъ.

Вильямсъ откровенно написалъ банкиру, въ какомъ положеніи было дѣло, и просилъ инструкцій; въ отвѣтъ онъ получилъ чекъ на пять тысячъ на имя Ландо, а другой чекъ въ тысячу долларовъ на свое имя; при этомъ банкиръ поручилъ адвокату немедленно построить небольшую красивую виллу въ томъ мѣстѣ, гдѣ укажетъ д-ръ Парсонъ.

Это дѣло сильно взволновало всѣхъ окрестныхъ жителей. Доддъ, Вильямсъ, Парсонъ, Гринъ, Ландо, шведы-плотники были прямо заинтересованы; дамы съ нетерпѣніемъ ждали банкирши, желая взглянуть на ея наряды, но, кажется, всѣхъ болѣе были взбудоражены фермеры, смѣявшіеся до сихъ поръ надъ французомъ за его дорожки, цвѣточки и кустики. Одинъ за другимъ они заѣзжали къ нему, осматривали его мѣстность, какъ будто они никогда ея не видали, почесывали у себя за ухомъ и все твердили: „пять тысячъ! а, пять тысячъ! возможно-ли?“ А французъ все подтрунивалъ надъ ними да передразнивалъ ихъ.

— „Не нужно дорожки! не нужно цвѣточки“! Dites moi, qui est fou à present?

Французъ распорядился своими деньгами такъ: двѣ тысячи съ половиной—настоящую цѣну рощи—онъ оставилъ себѣ и сейчасъ купилъ на нихъ прекрасную молодую рощу у Линдквиста, а другія двѣ съ половиной тысячи онъ отдалъ женѣ; та немедленно купила домикъ у Додда на собственное имя и открыла модный магазинъ.

Она выписала изъ Нью-Іорка красивую восковую дамскую головку, смастерила сама бюстъ и убирала свою „даму“, выставленную въ окнѣ, по послѣдней модѣ. „Дама“ мадамъ Ландо пользовалась вниманіемъ „Листка“ ничуть не менѣе другихъ мѣстныхъ не-восковыхъ дамъ.

Мадамъ Ландо не замедлила выписать къ себѣ своего брата, ювелира, котораго нью-іоркскіе ювелиры почему-то не могли или не хотѣли оцѣнить. Мосье Дюреръ—такъ звали брата мадамъ Ландо—если и не былъ настоящимъ мастеромъ-ювелиромъ, то, во всякомъ случаѣ, обладалъ талантомъ въ одномъ направленіи: замѣтить оригинальную вещичку, сдѣлать какую-нибудь диковинку онъ былъ большой мастеръ. Пріѣхавъ къ сестрѣ, онъ сейчасъ же перезнакомился со всѣми, не исключая и негровъ.

Серьги, перстни, браслеты, брошки, часовыя цѣпочки—все это онъ изучалъ на всѣхъ съ любовью спеціалиста. На одной старухѣ-негритянкѣ онъ замѣтилъ старинныя серебряныя серьги очень красивой формы, вымѣнялъ ихъ на новыя и продалъ одной богатой ювелирной фирмѣ въ Нью-Іоркѣ, для образца, за сто долларовъ; на эти деньги онъ пристроилъ комнату къ дому своей сестры и открылъ ювелирную лавочку или, вѣрнѣе, лавочку курьезныхъ вещей: цѣпочки, серьги, браслеты изъ аллигаторовыхъ зубовъ, чучелы маленькихъ аллигаторовъ съ открывающимся ртомъ и поворачивающимися глазами, чучелы зеленыхъ попугаевъ, трости изъ апельсиннаго и лимоннаго деревьевъ, коробочки изъ черепахи и десятки другихъ курьезныхъ вещей онъ дѣлалъ и быстро продавалъ заѣзжимъ туристамъ.

Докторъ Бинкъ, по совѣту Парсона, покинулъ свою ферму, переселился въ городъ и открылъ аптеку; онъ забралъ у Додда всѣ до единаго лекарства, а также косметическій товаръ. Съ этого времени у него и медицинская практика пошла шибче. Теперь онъ сталъ давать совѣты у себя на дому безплатно, но зато прописывалъ лекарства подороже.

Разъ какъ-то въ конторѣ Вильямса загорѣлись газеты, наброcанныя на полъ цѣлой грудой. Пожаръ затушили. Вильямсъ поплатился только старыми газетами, нѣсколькими стульями да окнами, но этотъ случай навелъ жителей на мысль о необходимости организовать волонтерскую пожарную команду.

У Мэри Блюмъ набралось до двухъ десятковъ учениковъ обоего пола. На этомъ поприщѣ пасторъ Джаксонъ попробовалъ было конкуррировать съ нею, но, оказалось, и въ глуши родители держались обще-американскаго мнѣнія, что обученіе не должно носить сектантскій характеръ, а должно быть чисто свѣтскимъ. Школа была открыта въ одномъ изъ пустыхъ домиковъ Додда (предложенныхъ безвозмездно), куда Мэри ежедневно пріѣзжала на три часа. Столы и скамьи ей пришлось заказать шведамъ на свой счетъ.

Потомъ явилась прачешная, устроенная въ лѣсу какими-то четырьмя заѣзжими женщинами. Скоро прачешная пріобрѣла дурную репутацію.

Наконецъ, неожиданно для Додда, открылось еще одно заведеніе, котораго онъ страшился пуще грѣха смертнаго—кабакъ!

— На Доддъ-авеню кабакъ!—восклицалъ онъ.—Какой стыдъ! какое великое зло для этой мѣстности! и я прозѣвалъ! продалъ землю неизвѣстному человѣку, подставному лицу этого развратника Бутлера. Быть обмануту мальчишкой!

Напрасно Доддъ такъ сильно нападалъ на себя: дѣло было сдѣлано слишкомъ просто, чтобы возбудить какое-либо подозрѣніе. Муръ, молодой фермеръ изъ южанъ, человѣкъ женатый, переселился въ поселеніе Доддъ, купилъ за безцѣнокъ двадцать акровъ земли, повидимому никуда негодной, и усердно занялся огородничествомъ. Доставлять въ Нью-Іоркъ раннюю зелень—вотъ что было его планомъ. Доддъ даже обрадовался такому переселенцу, такъ какъ огородничество было сравнительно новымъ дѣломъ въ той мѣстности. Этотъ самый Муръ покупаетъ у Додда домикъ на наличныя. Чрезъ нѣкоторое время домикъ Мура преобразился въ кабакъ. По случаю этого событія Бутлеръ задалъ своимъ пріятелямъ попойку; цѣлую ночь въ кабакѣ раздавались пѣсни, громкій говоръ и брань.

Съ этого времени въ поселеніи Доддъ частенько, особенно по ночамъ, уже не было мертвенной тишины. Подъ покровомъ ночи нѣкоторые фермеры, особенно неженатые, вылѣзали изъ лѣсу и шли въ кабакъ, какъ бы по запаху водки, а тамъ отъ кабака недалеко было и до прачешной.

Доддъ приходилъ въ отчаяніе. Онъ все соображалъ, какъ отдѣлаться отъ кабака. Пробовалъ онъ купить домъ у Мура, да тотъ не хотѣлъ или, вѣрнѣе, не могъ продать безъ позволенія Бутлера; а тотъ о продажѣ и слышать не хотѣлъ. Судомъ нельзя было ничего подѣлать. Добыть приговоръ поселянъ? но поселеніе еще не было юридической единицей. Между тѣмъ санитарій Парсона шелъ успѣшно, тамъ было много больныхъ. Въ интересахъ мѣстности непремѣнно нужно было избавиться отъ безобразнаго кабака. Тогда Доддъ рѣшился поспѣшить съ преобразованіемъ своего поселенія въ городъ. Какъ ловкій политикъ, онъ образовалъ свою партію, и когда большинство окрестныхъ жителей было на сторонѣ Додда, въ „Листкѣ“ появилось объявленіе, приглашавшее поселянъ на митингъ по чрезвычайно важному дѣлу. Въ передовой статьѣ редакторъ говорилъ:

„Громадное большинство окрестныхъ жителей желаютъ возвести это поселеніе въ городъ. Нѣтъ никакихъ легальныхъ и другихъ препятствій къ этому. Мы напередъ предсказываемъ рѣшеніе, къ которому придутъ наши сограждане: у насъ будетъ городъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и больше порядка и благочинія въ этой мѣстности“.

Митингъ былъ многолюденъ. Доддъ предложилъ Вильямса въ предсѣдатели, Кларка—въ секретари. Въ своей рѣчи Вильямсъ очертилъ постепенный ростъ поселенія. „До сихъ поръ,—закончилъ онъ,—у насъ во всемъ была частная иниціатива; каждый дѣй-

ствовалъ по своему усмотрѣнію, но постепенно у насъ народилось много общихъ интересовъ, завѣдывать которыми слѣдуетъ всему обществу. Школа, дороги, порядокъ и благочиніе, обо всемъ этомъ намъ нужно позаботиться сообща, а для этого намъ нужно объявить свое поселеніе городомъ".

Громкое „ура" служило отвѣтомъ на эту рѣчь. Линдквистъ предложилъ сейчасъ же вотировать вопросъ, но Доддъ воспротивился этому.

— Вопросъ, нами обсуждаемый, очень важенъ, — сказалъ онъ,—а потому желательно, чтобы высказались и тѣ граждане, которые, быть можетъ, имѣютъ свои резоны противъ обращенія этого поселенія въ городъ".

Поднялся Бутлеръ и началъ говорить съ пыломъ южанина:

— Или свобода вамъ надоѣла, что вы хотите завести у себя начальство—мэра, старость и полицейскихъ? („Слушайте!"—закричалъ Муръ.) Иль вы уже такъ разбогатѣли, что считаете возможнымъ удѣлить нѣсколько тысячъ долларовъ на содержаніе городской администраціи? Теперь ваши подати ничтожны, а объявите себя городомъ, и васъ разорятъ городскими поборами! Развѣ вамъ не извѣстно, сколько самозванныхъ городовъ въ нашей странѣ продается съ молотка за общественные долги? Скажите пожалуйста, какія выгоды вы получите отъ города? Вы построили церковь и безъ города; отчего же вы не можете построить школу и содержать дороги въ порядкѣ? Вы скажете: вы сами будете управлять своимъ городомъ. Полагаю, и нью-іоркцы всегда были того же мнѣнія, а все-таки Твидъ обокралъ ихъ на 12 милліоновъ долларовъ! Мнѣ сдается, вамъ разставляютъ какую-то хитрую ловушку. Берегитесь вашихъ благодѣтелей!

Рѣчь Бутлера, покрытая рукоплесканіями его собутыльниковъ, произвела сильное впечатлѣніе и на простыхъ фермеровъ, не совсѣмъ ясно представлявшихъ себѣ права и обязанности горожанъ.

— Еще кто не скажетъ ли намъ рѣчи противъ города?— спрашивалъ предсѣдатель съ худо скрываемой презрительной улыбкой.

Охотниковъ не нашлось. Тогда поднялся Доддъ. Онъ говорилъ спокойно, убѣдительно, разбивая рѣчь Бутлера по пунктамъ.

— По словамъ мистера Бутлера оказывается, что свобода обитаетъ только въ лѣсу да въ поселеніяхъ. Господа, это необыкновенная новость. Вы вѣрно до сихъ поръ и не подозрѣвали, что жители Вашингтона, Нью-Іорка, Бостона, Филадельфіи и десятковъ тысячъ другихъ нашихъ городовъ—люди не свободные, а какіе-то рабы своихъ мэровъ и полицейскихъ (громкій

смѣхъ). Ораторъ говорилъ о дорогомъ содержаніи городской администраціи. Это слова безъ всякаго основанія. Въ такихъ маленькихъ городахъ, какъ нашъ, администрація, т.-е. мэръ, служитъ безплатно, изъ чести. Въ доказательство вотъ вамъ десятокъ конституцій малыхъ городовъ нашего же штата (конституціи пошли по рукамъ публики). Все, что получаетъ мэръ, это судебныя издержки съ тяжущихся; вамъ извѣстно, что мэръ пользуется правами мирового судьи. Полицейскихъ вы можете совсѣмъ не заводить,—это въ вашей власти. Если вы рѣшите имѣть одного полисмена, то на этотъ предметъ, по примѣру сосѣднихъ городовъ, вы можете обложить налогомъ, во-первыхъ, всѣ вывѣски, а затѣмъ поземельную и другую собственность, по своему усмотрѣнію. Никто не можетъ обложить васъ даже одноцентовымъ налогомъ, если того вы сами не захотите. Церковь наша построена по добровольной подпискѣ и вамъ извѣстно, что у насъ каждый платилъ, сколько хотѣлъ, хотя на митингѣ была рѣшена извѣстная норма подписки; принуждать къ этому никто не могъ. Но что вы подѣлаете со школой? тутъ ужъ нужно платить каждому свою долю. Починку дорогъ тоже нельзя взвалить на добровольцевъ. Были случаи, что города продавались съ аукціона. Но кому не извѣстно, что это случалось только съ обанкротившимися городами, затѣвавшими общественныя постройки не по карману. Полагаю, мы еще не доросли до городскихъ театровъ, водопроводовъ, банковъ и т. д. Но у насъ уже появились случаи, гдѣ легальному голосу горожанъ должны подчиняться единичныя личности, чтобы предотвратить самоуправство. Вамъ, конечно, извѣстно, при какихъ условіяхъ пускаютъ въ ходъ деготь и перья, прибѣгаютъ къ суду Линча?

Послѣднія слова Доддъ сказалъ грознымъ голосомъ, глядя прямо на Бутлера. Водворилась тишина. Фермеры возбужденно перешептывались между собою, кивая на Бутлера.

— Между нами,—началъ предсѣдатель,—проживаетъ около года гражданинъ знаменитаго города Филадельфіи. Интересно послушать его мнѣніе по нашему вопросу. Докторъ Парсонъ, будьте такъ добры, скажите намъ, что лучше: неорганизованное поселеніе или благоустроенный городъ?

— О всякомъ дѣлѣ, господа, — началъ Парсонъ,—можно разсуждать теоретически и практически. Вы слышали уже довольно теорій—здравыхъ и нездравыхъ. Я приведу вамъ два-три практическихъ случая. Вотъ лежитъ опасно больная; цѣлый день она металась въ страшномъ жару; ея мужъ и докторъ цѣлый день не отходили отъ нея; они давали успокоительныя лекарства, про-

хладительные напитки; наконецъ, по заходѣ солнца, больная начала успокоиваться и засыпать; мужъ и докторъ стали радоваться счастливому повороту болѣзни. Вдругъ раздается громкая пѣсня пьяной компаніи! Больная проснулась въ испугѣ, снова начала метаться. Докторъ затворилъ окна, стало душно въ комнатѣ, но пѣсни и ругательства все-таки слышны.—„Развѣ нельзя остановить этого?"—спрашиваетъ мужъ. „Можно,—отвѣчаетъ докторъ,—но шерифъ живетъ за 20 миль отсюда"—.„У меня есть свой шерифъ поближе,—отвѣчалъ джентльменъ. Онъ выхватилъ револьверъ и, какъ бѣшеный, побѣжалъ вонъ изъ комнаты. Чрезъ минуту до доктора доносилась брань, а затѣмъ все стихло. Джентльменъ возвратился блѣдный, дрожа отъ волненія.—„Разогналъ негодяевъ вотъ этимъ",—сказалъ онъ доктору. Послѣ этого не было пѣсенъ, но на утро у доктора было двое больныхъ: мужъ тоже слегъ, безпокойство, безсонница, наконецъ полуночная сцена—все это сломило и его; на третій день послѣ этого докторъ, по требованію джентльмена, перевезъ больныхъ въ другое мѣсто. И это, господа, не единичный случай. Теперь можете себѣ представить...

Но доктору не дали продолжать. Фермеры забушевали. Они требовали именъ и, повидимому, сейчасъ же готовы были сдѣлать расправу съ безобразниками. Вильямсъ, Доддъ, Гринъ употребляли всѣ усилія, чтобы успокоить публику.

— Это безчеловѣчіе, безобразіе! позоръ и вредъ всей мѣстности! — кричали голоса.

— Порядокъ, господа!—кричалъ Вильямсъ громче всѣхъ.— Вотъ затѣмъ намъ и нуженъ городъ, чтобы не допускать подобныхъ безобразій.

— Городъ! городъ!—кричали голоса:—послѣ уже расправимся съ безобразниками.

Такъ доктору и не пришлось продолжать свою рѣчь. Стали баллотировать. Оказалось, три-четверти голосовъ были за городъ.

— Поздравляю васъ, господа, съ городомъ!—воскликнулъ предсѣдатель.

Въ публикѣ тоже поздравляли другъ друга съ этимъ важнымъ событіемъ.

На слѣдующихъ двухъ митингахъ была обсуждена конституція города Пальметто—такъ окрестили новый городъ по настоянію Додда (хотя многіе голоса были за названіе города именемъ Додда: Доддвиль),—а затѣмъ обычнымъ порядкомъ новый городъ былъ утвержденъ властями штата. Докторъ Бинкъ былъ избранъ первымъ мэромъ города Пальметто.

Теперь Доддъ намѣревался легальнымъ образомъ покончить съ двумя противными ему и публикѣ заведеніями, но, какъ читатель увидитъ ниже, онъ былъ избавленъ отъ этихъ непріятныхъ хлопотъ.

XI.—Флоридскій Алкивіадъ.

Разъ послѣ обѣда Парсонъ и Мэри вздумали угостить гостей санитарія концертомъ. Не успѣли они сыграть и первую пьесу, какъ на дворѣ показалась легкая, изящная коляска, но безъ сѣдока, а только съ негромъ-кучеромъ. Сейчасъ же Бобъ вошелъ въ парлёръ и подалъ доктору письмо. Тотъ пробѣжалъ его, молча подалъ своей невѣстѣ; она сильно встревожилась. Извинившись предъ гостями, они оба вышли.

— Поѣхать?—спрашивалъ докторъ.

— Нѣтъ, лучше не ѣздить,—сказала Мэри въ раздумьѣ.

— Въ чемъ дѣло?—спросила миссисъ Блюмъ, подходя къ нимъ.—Я вижу, у насъ на дворѣ коляска Бутлера. Чтò ему тутъ нужно?

— Приглашаетъ меня,—отвѣчалъ Парсонъ:—говоритъ, что серьезно боленъ; да вотъ Мэри совѣтуетъ не ѣздить...

— И умно дѣлаетъ. Помилуйте! Какъ можно на него полагаться? Онъ вѣдь золъ на васъ за ту рѣчь... Онъ успѣлъ уже поссориться и съ докторомъ Бинкомъ, и съ докторомъ Фланаганомъ; тѣ отказались лечить его. Какъ знать, чтò у него на умѣ? Вѣдь онъ сорвиголова...

— Я скажу, чтобы онъ сюда пріѣхалъ,—рѣшилъ докторъ.—Мы съ Бобомъ легко справимся съ нимъ,—добавилъ онъ, шутя.

Чрезъ полчаса послѣ этого въ комнату Парсона вошелъ стройный, высокій молодой человѣкъ съ лихорадочной краской на красивомъ лицѣ южнаго типа. Не дожидаясь приглашенія, онъ тяжело опустился на стулъ.

Докторъ занялъ другой стулъ противъ своего посѣтителя—Бутлера.

— Я серьезно боленъ,—заговорилъ Бутлеръ,—а вы не хотѣли пріѣхать ко мнѣ... Вы поступили противъ своего долга и закона... Васъ можно подъ судъ...

— Говорите мнѣ только о своей болѣзни,—прервалъ его докторъ спокойно, но рѣшительно.

— Такъ вотъ, смотрите!—и Бутлеръ плюнулъ на коверъ; его слюна была окрашена кровью.

— Послушайте, мистеръ Бутлеръ!—заговорилъ докторъ твер-

дымъ, но нѣсколько взволнованнымъ голосомъ:—къ чему эти грубыя выходки? Развѣ вы не знаете, какъ джентльменъ долженъ вести себя?

— Это вы насчетъ ковра? Заплачу втрое!—дерзко отвѣчалъ Бутлеръ и вытянулъ толстый портъ-монэ.

— Еслибы не эта кровь, я выпроводилъ бы васъ вонъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій,—сказалъ докторъ, сдвигая брови.

— Меня? вонъ?—запальчиво спросилъ Бутлеръ.—Да я васъ...

Какъ молнія, Парсонъ выхватилъ свой револьверъ и уставилъ его прямо въ лицо Бутлеру.

— Только двиньтесь, и я всажу вамъ пулю въ лобъ!—проговорилъ онъ, сверкая глазами и смотря прямо въ лицо Бутлеру.

Такъ прошло нѣсколько секундъ. Бутлеръ чувствовалъ себя совершенно уничтоженнымъ. Сначала въ немъ поднялась ярость, но вмигъ она смѣнилась чувствомъ глубочайшаго стыда; ему было больно сознавать, что его третируютъ какъ бѣшеную собаку, и онъ допускалъ даже, что такъ и слѣдовало съ нимъ поступать: вѣдь и теперь при немъ тоже былъ заряженный револьверъ. Въ глубинѣ души Бутлеръ не былъ дурнымъ человѣкомъ; если онъ въ послѣднее время и велъ себя безобразно, то это онъ дѣлалъ „въ пику“ маленькому обществу Пальметто, которое сразу отшатнулось отъ него за его сравнительно неважные, но открытые проступки.

По выраженію лица Бутлера докторъ какъ будто прочиталъ, что̀ творилось въ его душѣ; онъ спокойно отвелъ свою руку прочь и положилъ револьверъ на столъ.

— Возьмите у меня револьверъ,—проговорилъ въ волненіи Бутлеръ.

Докторъ вздрогнулъ, но сейчасъ же овладѣлъ собою.

— Вотъ видите, куда вы идете!—грустно сказалъ Парсонъ.—А вѣдь я увѣренъ, вамъ самимъ часто бываетъ противно смотрѣть на свою жизнь. Вы вздумали мстить обществу... и чѣмъ же это кончится?

Крупныя слезы показались на глазахъ Бутлера и медленно скатились по его горячимъ щекамъ.

— Будемъ друзьями, Бутлеръ!—горячо сказалъ Парсонъ, протягивая ему свою руку.

— Вы спасаете меня, докторъ!—отвѣчалъ Бутлеръ, глухо рыдая. Лихорадка, сцена съ револьверомъ, наконецъ неожиданное дружеское обращеніе съ нимъ доктора—все это сильно взволновало его.

— Обратите свою энергію, другъ мой, по другому направ-

ленію, и вы увидите, что всѣ дружески протянутъ вамъ руки,—говорилъ докторъ съ жаромъ.—Заводить кабаки, поддерживать какихъ-то прачекъ, задавать ночныя пирушки, водить компанію съ какими-то темными личностями—все это недостойно васъ, все это навѣрно противно вамъ самимъ. Бросьте же все это, пока еще не поздно.

Докторъ налилъ стаканъ воды, пустилъ въ него какихъ-то капель и, подавая Бутлеру, сказалъ:

— Выпейте, успокойтесь, а потомъ поѣдемъ къ вамъ. Тамъ посмотримъ, чтò нужно дѣлать...

Бутлеръ вынулъ свой револьверъ и положилъ на столъ; затѣмъ онъ досталъ носовой платокъ, намочилъ его водой и дрожащею рукою принялся чистить кровавое мѣсто на коврѣ.

— Оставьте!—сказалъ докторъ.

— Нельзя! такое свинство... ваши могутъ замѣтить.

Чрезъ минуту „новые друзья" уже мчались по направленію къ лучшей апельсиновой рощѣ въ Пальметто.

Прошло болѣе часа томительнаго времени для Мэри. Наконецъ Парсонъ возвратился.

— Ну, что?—спрашивала она, глубоко вздыхая, точно гора свалилась съ ея плечъ.

— Ты права: онъ—отчаянная голова, но, въ сущности, добрый малый... Это „флоридскій Алкивіадъ". Онъ, видишь ли, чувствовалъ себя обиженнымъ, вотъ и бушевалъ... Чрезъ недѣлю онъ будетъ совершенно здоровъ и, вотъ увидишь, по старому приличенъ.

— Какимъ это средствомъ ты его вылечилъ?

— Гомеопатическимъ, моя милая, гомеопатическимъ!—расхохотался докторъ, но не счелъ нужнымъ разсказать сцену съ револьверомъ. Съ своей стороны, Мэри тоже умолчала о томъ, какъ она сама дрожала, точно въ лихорадкѣ, и какъ ея мать съ Бобомъ сторожили въ корридорѣ, пока Бутлеръ былъ у доктора.

Чрезъ двѣ недѣли Бутлеръ разсчиталъ Мура и выпроводилъ его вонъ. Затѣмъ, ночью, онъ созвалъ въ кабакъ своихъ собутыльниковъ въ послѣдній разъ, чтобы сказать имъ своеобразное „прости": предъ ихъ глазами онъ перебилъ всѣ бутылки съ ромомъ, виски и джиномъ, и всѣ боченки съ пивомъ, элемъ и портеромъ. Боченки были даже сожжены.

— Ты съ ума сошелъ!—твердилъ Гукъ, ближайшій собутыльникъ Бутлера.

— Былъ очень близокъ къ тому, да опомнился,—рѣзко отвѣчалъ Бутлеръ.

На слѣдующее утро въ городѣ Пальметто не оказалось ни кабака, ни прачешной. По порученію Бутлера, прачекъ съ ихъ скарбомъ отвезли за двадцать миль и оставили тамъ въ поселеніи. Бутлеръ заранѣе пригрозилъ имъ „дегтемъ и перьями", еслибы онѣ вернулись въ Пальметто.

Покончивъ съ разрушительной работой, Бутлеръ горячо принялся созидать. На свой счетъ онъ построилъ хорошенькій деревянный домъ и вмѣстѣ съ землею подарилъ его городу для школы.

Въ одинъ изъ четверговъ, съ разрѣшенія миссисъ и миссъ Блюмъ, докторъ Парсонъ привезъ Бутлера въ собраніе „зеленыхъ попугаевъ". Сначала Бутлеръ сильно стѣснялся, но, видя непритворную любезность со стороны Мэри и особенно Бетти Гринъ, которая и прежде интересовалась имъ далеко болѣе другихъ дамъ, онъ мало-по-малу вошелъ въ свою колею.

— Вѣдь вотъ любо смотрѣть теперь на Бутлера,—обратилась миссисъ Блюмъ къ доктору, когда публика разошлась по домамъ: — теперь онъ опять смотритъ настоящимъ джентльменомъ. Знаете-ли, какъ жилъ онъ прежде, около двухъ лѣтъ? Разъ негръ всадилъ въ него съ дюжину крупной дроби; въ другой разъ его же сотоварищъ прострѣлилъ ему руку; разъ онъ самъ прострѣлилъ одного негра, въ другой разъ онъ чуть не перерѣзалъ горла одному бѣлому... Сколько ему стоили всѣ эти исторіи— трудно сказать. Адвокаты, доктора—все это платилъ онъ... Да, кому и богатство не въ провъ. Отецъ оставилъ ему апельсиновую рощу, приносящую болѣе трехъ тысячъ дохода...

— Ничего,—отвѣчалъ докторъ:—умается, женится, перемѣнится. Вотъ Бетти все простила ему...

— Такъ и вы замѣтили это?—разсмѣялась миссисъ Блюмъ.

XII.—Пальметто заколыхалось.

Вскорѣ Бутлеру представилась возможность не только помириться съ Доддомъ, но и пріобрѣсти его расположеніе. Настало время выборовъ. Доддъ былъ назначенъ кандидатомъ въ конгрессъ, въ палату представителей. Въ такое жаркое время Доддъ не могъ пренебрегать такимъ способнымъ и свободнымъ отъ работы человѣкомъ, какъ Бутлеръ.

Не безъ задней цѣли Доддъ посѣтилъ однажды „клубъ зеленыхъ попугаевъ". Собраніе было въ самомъ разгарѣ. Бутлеръ былъ въ наилучшемъ расположеніи духа, и не мудрено: въ тотъ вечеръ Бетти Гринъ оживила его лучшія мечты.

Молодежь затѣяла игру въ „да или нѣтъ“. Лицо, назначенное оракуломъ, должно было отвѣчать „да“ или „нѣтъ“ на вопросы, написанные на бумажкахъ, но содержаніе которыхъ оракулу не сообщалось. Тутъ смѣху не было конца. Бетти была оракуломъ.

Улучивъ удобный моментъ, Бутлеръ тихо спросилъ Бетти: „да или нѣтъ?“ Бетти отвѣчала: „да“, и затѣмъ освѣдомилась о вопросѣ.

— Мой вопросъ написанъ въ глубинѣ моего сердца,—тихо отвѣчалъ Бутлеръ, жадно глядя ей въ глаза.

Дѣвушка вспыхнула, но ничего не сказала болѣе.

— Вы вольны перемѣнить свой отвѣтъ,—настаивалъ онъ:—да или нѣтъ?

— Довольно съ васъ и одного отвѣта,—сказала та и отошла къ группѣ молодежи.

И дѣйствительно, Бутлеръ былъ вполнѣ доволенъ однимъ коротенькимъ „да“; онъ чувствовалъ себя на девятомъ небѣ; онъ никогда еще не былъ такъ веселъ, какъ въ этотъ вечеръ.

Въ дверяхъ показался Доддъ.

— Милости просимъ, мистеръ Доддъ!—обратилась Мэри къ гостю:—своимъ посѣщеніемъ вы дѣлаете большую честь нашему клубу.

— Я большой охотникъ до хорошаго хорового пѣнія,—отвѣчалъ тотъ,— а вашъ хоръ, какъ можно судить по вашему пѣнію въ церкви, сильно улучшился за послѣднее время.

— Очень рада слышать доброе слово. Дамы и господа! споемъ что-нибудь для многоуважаемаго и, надѣюсь, въ скоромъ времени „достопочтеннаго“ [1]) мистера Додда,—обратилась Мэри къ членамъ клуба.

Она сѣла къ піано и заиграла національный гимнъ „Колумбія“. Послѣ первой строфы и Доддъ началъ подтягивать.

— Вы поете баса, такъ потрудитесь сѣсть поближе къ мистеру Бутлеру,—сказала ему Мэри съ привѣтливой улыбкой.

— Радъ вашей компаніи, мистеръ Бутлеръ,—тихо обратился Доддъ къ своему недавнему врагу, подвигая къ нему свой стулъ.

Бутлеръ крѣпко и долго трясъ руку Додда, глядя ему въ лицо съ нѣмою благодарностью.

Пѣніе продолжалось. За гимномъ слѣдовали веселыя пѣсни. Когда публика разбилась на группы, Доддъ вызвалъ Бутлера на веранду. Зная хорошо характеръ Бутлера, полковникъ прямо высказалъ свое дѣло.

---

[1]) Honorable—титулъ членовъ конгресса, судей, губернаторовъ и т. д.

— Мистеръ Бутлеръ! мы были большими врагами, будемъ теперь большими друзьями. Я нуждаюсь въ вашей помощи: сослужите мнѣ службу теперь, а въ будущемъ—вѣдь ваша карьера еще впереди—я тоже къ вашимъ услугамъ. Вы знаете, я баллотируюсь въ конгрессъ; вы могли бы агитировать въ мою пользу...

Бутлеръ былъ сильно польщенъ такою просьбою; въ глубинѣ души онъ боялся, что во время выборовъ Доддъ обойдетъ его презрительнымъ молчаніемъ; поэтому онъ теперь внутренно торжествовалъ.

— Мистеръ Доддъ, располагайте мною!—сказалъ онъ горячо.

— Я попрошу у васъ многаго: предъ выборами Вильямсъ сдѣлаетъ поѣздку по штату; вотъ еслибы и вы присоединились къ нему...

— Съ Вильямсомъ? отлично! поѣду и съ Вильямсомъ.

Нужно замѣтить, что Бутлеръ соперничалъ съ Вильямсомъ въ ораторскомъ искусствѣ. Если адвокатъ превосходилъ его обширностью свѣденій (Вильямсъ кончилъ курсъ въ юридическомъ колледжѣ, а Бутлеръ дальше „грамматической школы“ не пошелъ), зато, по общему мнѣнію, Бутлеру принадлежала пальма первенства относительно собственно краснорѣчія. Защищать кандидатуру Додда не нужно было большой эрудиціи, поэтому Бутлеръ сразу подумалъ, что, въ сущности, это будетъ поѣздка не Вильямса, а его, Бутлера, и о немъ всѣ газеты будутъ толковать далеко болѣе, чѣмъ объ адвокатѣ.

Доддъ какъ будто понялъ тайныя мысли своего собесѣдника.

— Да и вамъ лично, вашимъ талантамъ это будетъ отличной пробой,—замѣтилъ онъ.

Доддъ и Бутлеръ возвратились въ парлёръ.

— Миссъ президентъ, лэди и джентльмены!—воскликнулъ Бутлеръ, становясь въ ораторскую позу.—Скоро юнѣйшій изъ городовъ нашего вѣчно цвѣтущаго штата оживится и всколыхнется. Подобно тому, какъ даже небольшой камень, брошенный на гладкую поверхность хрустальнаго озера, возбуждаетъ волны, достигающія самыхъ береговъ, такъ и нашъ, хотя еще только народившійся, городъ Пальметто возбудитъ широкія волны народнаго энтузіазма, которымъ суждено распространиться по всему штату и унести отъ насъ въ Вашингтонъ многоуважаемаго полковника Додда. Да здравствуетъ будущій членъ конгресса, мистеръ Доддъ изъ Пальметто!

Громкое „ура“ было отвѣтомъ на импровизированную рѣчь, которая появилась въ слѣдующемъ нумерѣ листка и которою,

можно сказать, началась избирательная горячка въ Пальметто и его окрестностяхъ.

— Да вы, Бутлеръ, рождены ораторомъ!—воскликнулъ докторъ съ энтузіазмомъ, протягивая свою руку Бутлеру.

— А вы, докторъ, предназначены занимать президентское кресло въ пенсильванскомъ университетѣ!—отвѣчалъ ораторъ.

— Я протестую, господа!—заявила Мэри съ усмѣшкой:—не превращайте нашего „клуба зеленыхъ попугаевъ" въ „клубъ взаимнаго обожанія".

— Кстати, не пора ли попугаямъ на гнѣзда? — замѣтила Бетти, взглянувъ на свои миніатюрные золотые часы, показывавшіе ровно десять.

Публика стала расходиться по домамъ.

Со дня назначенія Додда кандидатомъ въ конгрессъ, „Пальметтовый Листокъ" сдѣлался, такъ сказать, его оффиціальнымъ органомъ: въ каждомъ нумерѣ, на каждой страницѣ имя Додда красовалось крупнѣйшимъ шрифтомъ; его добродѣтели, общественныя и мѣстныя заслуги, его образцовое умѣнье вести дѣла, его „прирожденное свойство вести людей впередъ", его безупречная семейная жизнь—все это подробно разбиралось и ставилось на видъ всѣмъ гражданамъ. Статьи „Листка" о Доддѣ перепечатывались во всѣхъ газетахъ штата, а нѣкоторыя изъ нихъ попали даже въ вашингтонскія и нью-іоркскія газеты. Вмѣстѣ съ тѣмъ, популярность самой газеты сразу выросла, какъ грибъ, послѣ дождя. Республиканскія газеты по обычаю, находили темныя пятна и въ „блестящемъ демократическомъ кандидатѣ", какимъ выставляли Додда демократическія газеты; но это только больше возбуждало редакцію „Пальметтоваго Листка".

Предъ отъѣздомъ Вильямса и Бутлера, въ Пальметто былъ устроенъ громадный митингъ. Въ субботу вечеромъ, подъ открытымъ небомъ, у лавки Додда собрались граждане Пальметто и окрестностей. Три повозки, поставленныя рядомъ, образовали импровизированную платформу для ораторовъ; на четвертой повозкѣ помѣстились негры-музыканты: одинъ съ громадной мѣдной трубой, другой съ кларнетомъ, Бобъ съ барабаномъ, да еще два негра со скрипками. Еще на двухъ повозкахъ, установленныхъ стульями, помѣстились дамы. Кругомъ по деревьямъ и зданіямъ были развѣшены китайскіе разноцвѣтные фонарики.

Начинало темнѣть. Вдругъ раздался пушечный выстрѣлъ; это Смитсъ выпалилъ изъ занятой у стоявшаго у пристани пассажирскаго парохода небольшой мѣдной пушки. Толпа фермеровъ встрепенулась и навострила уши. Вотъ взвизгнула ракета

и огненной змѣей взвилась вверхъ—это Джонни Лиліенквистъ открылъ фейерверкъ; за первой ракетой полетѣла другая, третья. Вотъ вся сцена приняла волшебный пурпурный цвѣтъ; разноцвѣтные шары римскихъ свѣчъ полетѣли чрезъ головы публики. За новымъ пушечнымъ выстрѣломъ раздались звуки оркестра, а вмѣстѣ съ тѣмъ выступила процессія изъ лавки Додда. За Джонни, несшимъ громадный транспаранъ съ надписью: „правительство для народа, а не народъ для правительства", шли попарно: Доддъ и Бинкъ, Вильямсъ и Бутлеръ, Парсонъ и Кукъ, Гриммъ и Стонъ, пасторъ Джонсонъ и Линдквистъ, и нѣсколько болѣе выдающихся фермеровъ. Шествіе замыкалъ собою гигантъ-фермеръ Гарди, несшій американскій флагъ. Всѣ эти лица помѣстились на трехъ повозкахъ.

Д-ръ Бинкъ, по праву мэра, призвалъ публику къ порядку и открылъ митингъ короткою рѣчью:

— Дамы и господа! Вамъ извѣстно, что нашъ многоуважаемый согражданинъ, полковникъ Артуръ Доддъ, назначенъ кандидатомъ въ конгрессъ.

Фермеры, уже достаточно возбужденные пальбой, фейерверкомъ и музыкой — явленіями, крайне необычайными въ ихъ глуши, усердно прокричали „ура" разъ десять.

— Я знаю, господа, — продолжалъ Бинкъ, — что еслибы только отъ насъ зависѣлъ выборъ, то мистеръ Доддъ сегодня же былъ бы причисленъ къ числу „отцовъ отечества"; но мы—не штатъ; намъ нужно, по мѣрѣ силъ каждаго, агитировать между нашими сосѣдями въ пользу нашего кандидата. Какъ это сдѣлать, объ этомъ вамъ скажутъ люди, умѣющіе говорить лучше меня. Я имѣю честь и удовольствіе представить вамъ будущаго члена конгресса—Додда!

На этотъ разъ фермеры уже безъ всякаго приглашенія разразились громогласными криками.

— Дорогіе мои сограждане и сосѣди! — началъ Доддъ.— Полагаю, каждому изъ васъ приходилъ въ голову вопросъ: „зачѣмъ Додду вздумалось въ конгрессъ?" Не знаю, какъ вы рѣшили этотъ вопросъ; но, полагаю, мнѣ больше извѣстны резоны Додда (въ публикѣ раздался смѣхъ), и я скажу вамъ о нихъ откровенно. О денежныхъ выгодахъ не можетъ быть и рѣчи: что̀ я получу въ Вашингтонѣ (если, конечно, я попаду туда), то я и проживу тамъ же, а мои дѣла здѣсь, конечно, не могутъ улучшиться въ мое отсутствіе. Властолюбіе? Нѣтъ, сосѣди мои, въ этомъ я не грѣшенъ; да въ такомъ случаѣ, пожалуй, я долженъ бы былъ добиваться губернаторскаго мѣста. Просто често-

любіе, желаніе засѣдать съ „отцами отечества"? И опять нѣтъ: каждому изъ васъ извѣстно, что на долю перваго человѣка въ деревнѣ выпадаетъ больше почестей, чѣмъ на долю послѣдняго человѣка въ столицѣ. Сограждане! я слыву между вами за опытнаго, здравомыслящаго, дѣлового человѣка.

— Держу пари, вы будете лучшимъ дѣловымъ человѣкомъ во всей толпѣ конгрессменовъ!—грянулъ Гарди.

— Въ хозяйствѣ страны, какъ и въ частномъ хозяйствѣ,—продолжалъ Доддъ, — требуются опытные дѣловые люди, а у насъ дѣла штатовъ ввѣряются главнымъ образомъ адвокатамъ. Это, по моему, серьезная ошибка. Сограждане! теперь вы знаете мой секретъ: я хочу попробовать ввести чисто дѣловую политику въ управленіе нашею страною. Вотъ моя цѣль и амбиція. Если вы одобряете мою цѣль, то поработайте въ мою пользу.

Доддъ сѣлъ среди громкихъ кликовъ одобренія.

— Лэди и джентльмены!—началъ свою рѣчь скороговоркой Вильямсъ.—Прежде всего скажите мнѣ: желаете ли вы послать мистера Додда въ конгрессъ?

— Да! да! да!..—загудѣли фермеры въ отвѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ вамъ слѣдуетъ не только подать свои голоса въ его пользу, но и вербовать ему сторонниковъ среди своихъ сосѣдей и знакомыхъ. Если вы сдѣлаете это, если вы растолкуете своимъ сосѣдямъ, что лучше Додда намъ не сыскать представителя, то вашъ кандидатъ навѣрно будетъ избранъ. А я и мой другъ Бутлеръ беремся растолковать всему штату, кто такой мистеръ Доддъ. Мы скажемъ всѣмъ и каждому, что онъ истый американецъ, никогда не забывавшій правила: „самъ живи и другимъ давай жить"; что онъ съумѣлъ образовать городъ безъ всякой искусственной горячки: у насъ нѣтъ золота, хотя только дуракъ не съумѣетъ превратить нашихъ чудныхъ апельсиновъ въ золото; у насъ нѣтъ керосина, хотя и безъ того мы не сидимъ въ потьмахъ; у насъ нѣтъ сѣти желѣзныхъ дорогъ, хотя и безъ того мы не отрѣзаны отъ остального міра. Господа! Я не хочу сказать, что мистеръ Доддъ кормитъ и поитъ насъ,—слава Богу, каждый изъ насъ имѣетъ голову и пару рукъ,—но я все-таки скажу, что многими нашими удобствами мы обязаны энергіи, труду и предпріимчивости м-ра Додда. Друзья! Страна нуждается въ такихъ дѣловыхъ людяхъ, какъ м-ръ Доддъ, поэтому пошлемъ его въ конгрессъ.

— Въ конгрессъ его! въ конгрессъ!—вторили голоса.

Поднялся Бутлеръ.

— Кто изъ васъ не видалъ молодой матери, ласкающей

своего первенца, гордой своимъ ребенкомъ, олицетворяющимъ всѣ ея завѣтныя мечты? И чѣмъ эта мать не пожертвуетъ для счастія и успѣха въ жизни своего первенца? Молодая мать—это вы, граждане юнаго города Пальметто! И у васъ есть дорогой первенецъ: это—мистеръ Артуръ Доддъ, вашъ первый кандидатъ на высокую общественную должность. Можно ли сомнѣваться въ томъ, что для успѣха своего первенца вы употребите всѣ свои усилія?

— Мои руки и голова къ его услугамъ!—прогремѣлъ м-ръ Гарди, съ трескомъ ударяя кулакомъ о козлы.

— Вотъ и моя правая рука!—закричалъ Линдквистъ.

— И моя! и моя! и моя!—пронеслось вихремъ по толпѣ, причемъ руки, одна другой тяжеловѣснѣе, поднимались и потрясались въ воздухѣ.

— Сограждане! -- продолжалъ Бутлеръ, все болѣе и болѣе оживляясь. — Мать несказанно счастлива, когда ея сына всѣ хвалятъ, ставятъ другимъ въ примѣръ. А развѣ мы, граждане Пальметто, развѣ мы не будемъ радоваться, когда имя м-ра Додда изъ Пальметто, представителя штата Флориды, будетъ произноситься съ похвалой по всей странѣ, отъ Флориды до Калифорніи, отъ Великихъ озеръ до Мексиканскаго залива?! (Крики—„браво!“ „ура!“.) Вездѣ скажутъ: „Честь и хвала городамъ, которые даютъ такихъ образцовыхъ гражданъ, какъ мистеръ Доддъ изъ Пальметто! Смотрите-жъ, сограждане, чтобы не заслужить намъ старыхъ упрековъ, что, молъ, „лѣсные тараканы“ еще не доразвились до пониманія общественныхъ интересовъ!

— Мы имъ покажемъ, что мы—американскіе граждане и не хуже другихъ, хотя и живемъ въ глуши,—прогремѣлъ Гарди.

— Не хуже! не хуже!—понеслось по толпѣ.

Музыканты заиграли „Колумбію“. Мэри Блюмъ, сестры Гринъ и другія дамы запѣли подъ музыку, къ общему удовольствію публики. Тѣмъ временемъ Доддъ, Вильямсъ и другіе рѣшили покончить митингъ, чтобы оставить фермеровъ въ хорошемъ возбужденномъ настроеніи, хотя, по первоначальной программѣ, предполагалось, что и пасторъ Джонсонъ, и Гринъ, и Стонъ скажутъ короткія рѣчи.

— Поработаемъ же, сограждане, въ интересѣ нашего многоуважаемаго кандидата, а теперь я объявляю митингъ закрытымъ.

— Трижды „ура“ въ честь будущаго конгрессмена Додда изъ Пальметто!—закричалъ фермеръ Гарди.

Дружное и долгое „ура“ понеслось по толпѣ. Граждане

стали расходиться, но многіе изъ нихъ подходили къ Додду, жали ему руку и обѣщали свое содѣйствіе.

На слѣдующій день Вильямсъ и Бутлеръ уѣхали. Вильямсъ получилъ отъ Додда порядочный кушъ на расходы; но Бутлеръ съ гордостью заявилъ Додду: „я самъ въ состояніи платить свои расходы".

Вскорѣ послѣ митинга случилось маленькое событіе, взволновавшее гражданъ Пальметто и потѣшившее цѣлый штатъ. Флоридскій губернаторъ Джонсъ, снова назначенный кандидатомъ на ту же должность, пріѣхалъ въ Пальметто, чтобы посовѣтоваться съ Доддомъ насчетъ выборовъ. Губернатору что-то не спалось; еще до восхода солнца онъ всталъ, одѣлся и отправился въ ближайшій лѣсъ стрѣлять изъ револьвера въ цѣль. Губернаторскіе выстрѣлы разбудили кузнеца Смитса, который, между прочимъ, на время принялъ на себя обязанность блюстителя порядка въ городѣ, то-есть констэбля. Долго не думая, констэбль отправился на мѣсто преступленія.

— Я арестую васъ, сэръ!—заявилъ онъ невѣдомому ему нарушителю конституціи города Пальметто.—У насъ запрещено стрѣлять въ чертѣ города.

— Очень жалѣю, что я нарушилъ ваши правила; я готовъ понести заслуженную кару.

Но такъ какъ незнакомецъ отказался тутъ же уплатить штрафъ—пять долларовъ, то констэбль пригласилъ его къ мэру.

— Какъ поживаете, господинъ губернаторъ? — привѣтствовалъ арестанта м-ръ Доддъ, вышедшій изъ своего дома.

— Очень плохо, м-ръ Додъ, очень плохо!—отозвался губернаторъ, едва удерживаясь отъ смѣха.—Кстати, не согласитесь ли поручиться предъ констэблемъ, что я не убѣгу отъ суда?

— Что!? — воскликнулъ Доддъ съ удивленіемъ.

Пока губернаторъ разсказывалъ исторію своего преступленія и ареста, Смитсъ готовъ былъ сквозь землю провалиться.

— Pereat mundus, fiat justitia! не такъ ли, мистеръ констэбль?—обратился губернаторъ съ улыбкой къ Смитсу.—Пойдемъ же на судъ!

Д-ръ Бинкъ уже открылъ свою аптеку; туда и отправились губернаторъ, Доддъ и Смитсъ.

— Чѣмъ могу служить господину губернатору?—спросилъ докторъ-мэръ.

— Намъ нужны не пилюли и порошки, а судъ и расправа,— отвѣчалъ губернаторъ.

Несчастный Смитсъ долженъ былъ доложить мэру свое дѣло.

— Такъ какъ это первый вашъ проступокъ и притомъ ненамѣренный, то вы избавляетесь отъ штрафа. Вы свободны, мистеръ Джонсъ.

— Благодарю васъ, господинъ мэръ. А теперь позвольте спросить: по какому праву констэбль хотѣлъ оштрафовать меня безъ суда?

— Констэбль!—закричалъ мэръ не шутя:—сколько разъ я твердилъ вамъ, что вы не имѣете права своевольно штрафовать! Наконецъ я принужденъ оштрафовать васъ самихъ. Пять долларовъ!

Смитсъ, поморщившись, заплатилъ штрафъ.

— Теперь видите, констэбль, что власть — палка о двухъ концахъ!—замѣтилъ губернаторъ Смитсу, оставляя аптеку.

Это событіе было подробно описано въ „Пальметтовомъ Листкѣ", а оттуда, подъ заглавіемъ „Губернаторъ подъ арестомъ", было перепечатано во всѣхъ газетахъ штата и даже въ нѣкоторыхъ газетахъ другихъ штатовъ. При этомъ демократическія газеты не преминули комментировать, что „сознаніе долга и законности настолько глубоко развито въ нашемъ многоуважаемомъ губернаторѣ, достопочтенномъ Джонсѣ, что онъ безъ малѣйшаго протеста подчинился констэблю даже едва возникающаго городка".

Смитсъ, волей-неволей, сдѣлался героемъ дня въ городѣ Пальметто, хотя самъ онъ скорѣе раздѣлялъ мнѣніе тѣхъ изъ согражданъ, которые обзывали его просто „дуракомъ".

Джонни Лиліенквистъ, временно олицетворявшій собою редакцію „Листка", едва успѣвалъ перепечатывать отзывы (конечно, только благопріятные) о кандидатѣ Доддѣ и объ агитаціи, производимой Вильямсомъ и Бутлеромъ. Про Вильямса газеты говорили, что онъ выказываетъ способности ловкаго политическаго организатора, а Бутлеру пророчили, что изъ него разовьется недюжинный ораторъ. Какъ бы то ни было, но „волна народнаго энтузіазма", хлынувшая изъ Пальметто, унесла-таки Додда въ Вашингтонъ.

XIII.—Прощай, глушь!

Граждане Пальметто были въ восторгѣ по случаю удачныхъ выборовъ. Они гордились высокою честью, выпавшею на долю ихъ согражданина. Никогда они не читали газетъ такъ усердно, какъ во время послѣднихъ выборовъ; чуть не каждый изъ нихъ регулярно получалъ „Листокъ". Все, что̀ говорилось тамъ объ ихъ кандидатѣ, усердно читалось и обсуждалось.

Доддъ считалъ своею обязанностью такъ или иначе отблагодарить своихъ согражданъ за ихъ содѣйствіе. Онъ рѣшилъ устроить праздникъ на славу. Въ „Пальметтовомъ Листкѣ“ появилось такое открытое письмо:

„Любезные граждане Пальметто, старые и молодые, обоего пола! Покорнѣйше прошу васъ пожаловать ко мнѣ въ отель, въ слѣдующую субботу, въ 12 часовъ дня. Засвѣтло мы покатаемся по озеру, дѣти поиграютъ въ рощѣ, а вечеромъ молодежь повеселится въ залѣ отеля. Всѣхъ прошу почтить меня своимъ посѣщеніемъ. Фраки и парижскія дамскія платья необязательны. Приходите всѣ!

„Вашъ другъ и согражданинъ,

„Артуръ Доддъ“.

Въ отвѣтъ на это радушное приглашеніе, въ назначенное время чуть не всѣ окрестные фермеры пріѣхали со своими семьями. Всѣ были одѣты по праздничному. Тутъ была оригинальная смѣсь костюмовъ: на ряду съ платьемъ послѣдней моды, выписаннымъ изъ Нью-Іорка и Филадельфіи, виднѣлись костюмы домашняго покроя изъ простѣйшей матеріи. Хозяинъ праздника, по костюму, намѣренно не отличался отъ простыхъ фермеровъ.

Публика раздѣлилась на двѣ партіи: дѣти съ нѣкоторыми матерями и бабушками остались въ рощѣ при отелѣ, гдѣ было разбито нѣсколько шатровъ; въ одномъ изъ нихъ, подъ присмотромъ миссисъ Блюмъ, хранились груды пряниковъ, печеній и конфектъ; тамъ же стояли ведра лимонаду и боченки пива. Джонни Лиліенквистъ управлялъ играми, а миссисъ Блюмъ то-и-дѣло угощала дѣтей сластями и лимонадомъ. Фермерши пили пиво, грызли орѣшки и жевали пряники.

Остальная публика помѣстилась на двухъ пароходахъ, нанятыхъ Доддомъ для праздника. Подъ возбуждающимъ вліяніемъ свѣжаго влажнаго вѣтра, сейчасъ же раздались пѣсни, и началась пляска подъ звуки негритянской музыки. Фермеры, понавѣдавшись разъ-другой въ буфетъ, развязали языки и пустились въ нескончаемые толки обо всемъ на свѣтѣ, а всего болѣе о прошлыхъ выборахъ. Внимательный слушатель подмѣтилъ бы, что за эти выборы многіе фермеры въ первый разъ постигли, что и ихъ скромный голосъ имѣетъ, такъ сказать, національное значеніе.

— Послушайте, сосѣдъ,—говорилъ Паркеръ, обращаясь къ Линдквисту:—вѣдь это мы посылаемъ Додда въ конгрессъ, а те-

перь нашъ Доддъ будетъ рѣшать дѣла всей страны. Не чудное ли это дѣло?

— Точно, чудное дѣло, хотя и вполнѣ натуральное,—отвѣчалъ Линдквистъ: — не даромъ же наша страна слыветъ за „страну самодержцевъ".

На одномъ изъ пароходовъ красовался серебряный кубокъ — призъ, назначенный побѣдителю въ гонкѣ на парусныхъ лодкахъ; а на другомъ по рукамъ ходили дамскіе золотые часы въ бархатномъ футлярѣ—это призъ побѣдительницѣ изъ дамъ-гребцовъ.

Раздались продолжительные свистки паровиковъ. Публика высыпала на палубу на обоихъ пароходахъ.

— Вонъ они! вонъ! — указывали фермеры на три паруса, бѣлѣвшихъ вдали. Это Вильямсъ, Бутлеръ и Парсонъ пускались на состязаніе. Доддъ во всеуслышаніе объяснилъ, что состязавшіеся направятся къ пристани, а пароходы будутъ идти вслѣдъ за ними. Вотъ три лодки приблизились къ пароходамъ и стали рядомъ.

— Готовы?—спросилъ Доддъ, держа револьверъ въ рукѣ.

— Готовы!—отвѣчали сразу три голоса.

Раздался выстрѣлъ, и лодки пустились въ путь. Уже черезъ нѣсколько минутъ каждый изъ фермеровъ составилъ себѣ понятіе о томъ, кто побѣдитъ. По американскому обычаю, они сейчасъ же пустились въ пари различныхъ размѣровъ.

— За Вильямса я отвѣчаю лучшимъ муломъ!—крикнулъ Гарди. —Что̀ вы скажете на это, Линдквистъ?

— Что̀ ты, Марія, скажешь на это?—спросилъ Линдквистъ жену.

Гарди подмигнулъ фермерамъ на мужа и жену; фермеры громко разсмѣялись; Линдквистъ тоже весело смѣялся.

— Вы не понимаете, въ чемъ дѣло,—объяснилъ онъ фермерамъ:—представьте себѣ—я проиграю, и если жена дастъ теперь согласіе, то не будетъ имѣть права бурчать на меня,—вотъ въ чемъ дѣло!

— Ужъ много я бурчу на тебя!—огрызнулась Марія, толкнувъ мужа локтемъ.—Мистеръ Гарди слишкомъ разлакомился на большія пари. Да куда ни шло, рискнемъ и мы муломъ,—въ первый и въ послѣдній разъ въ жизни. Вильямсъ-то, кажется мнѣ, останется въ хвостѣ.

Это крупное пари подлило масла въ огонь: возбужденіе фермеровъ росло; всѣ они съ напряженіемъ слѣдили за лодками, лавировавшими то вправо, то влѣво, такъ какъ вѣтеръ дулъ съ боку. Чѣмъ ближе была цѣль, тѣмъ возбужденнѣе ста-

Бобъ, въ синемъ съ металлическими пуговицами сюртукѣ, явился въ качествѣ дирижера танцевъ. Заиграла доморощенная музыка, и начался кадриль въ 12 паръ сразу.

— Какъ вамъ, докторъ, нравится здѣшнее общество?—спросила съ добродушной улыбкой миссисъ Дрексель, танцуя съ Парсономъ.

— Оно очень занимаетъ меня, какъ нѣчто совсѣмъ новое для меня: я вѣдь, знаете, немножко натуралистъ,—отвѣчалъ тотъ весело.

— А меня оно, признаюсь, очень потѣшаетъ: такой странной смѣси, въ одномъ и томъ же залѣ, я въ жизнь свою не видала. Согласитесь сами: вотъ лэди и джентльмены по одеждѣ и по манерамъ,—а вотъ, вѣроятно, чисто фермерская публика. Джентльменовъ я, кажется, всѣхъ знаю, кромѣ того стройнаго молодого человѣка — чистый типъ южанина старыхъ временъ.

— Это здѣшній Алкивіадъ, мистеръ Бутлеръ.

— А вы уже успѣли прилѣпить къ каждому изъ нихъ научный ярлычокъ?—спросила дама, смѣясь.—А скажите, пожалуйста, какой ярлычокъ прилѣпленъ къ тому юношѣ, который скачетъ какъ наэлектризованный?

— Это „будущій Франклинъ", Джонни Лиліенквистъ.

Разспросъ продолжался далѣе, и миссисъ Дрексель узнала въ точности, въ какомъ обществѣ находилась она.

Кадриль кончился. Чрезъ нѣсколько минутъ музыканты заиграли веселый мотивъ. Джонни, какъ подстрѣленный, вскочилъ и понесся галопомъ съ дѣвушкой въ бѣломъ ситцевомъ платьѣ; сначала они неслись кругомъ обширнаго зала, а затѣмъ дѣвушка кружилась на одномъ мѣстѣ, а Джонни скакалъ вокругъ нея, высоко держа свою руку и едва касаясь ея пальцевъ. Этотъ простой танецъ былъ исполненъ съ такой граціей, что миссисъ Дрексель первая начала аплодировать, подавъ тѣмъ сигналъ къ самымъ дружнымъ рукоплесканіямъ. По ея просьбѣ, Мэри Блюмъ представила ей молодыхъ танцоровъ—Джонни съ его сестрой Ольгой, служившей горничною у миссисъ Кларкъ.

— Я никогда еще не видала этого танца,—говорила банкирша горничной.—Поучите меня.

— О, это такъ просто! Джонни, танцуй съ миссисъ Дрексель!—скомандовала сестра брату.

Джонни не безъ волненія приблизился къ роскошной дамѣ и робко обнялъ ее; но когда заиграла веселая музыка, онъ позабылъ свой страхъ и гордо помчался съ милліонершей, развѣвая ея длиннымъ шлейфомъ; когда же дѣло дошло до главной фи-

гуры, то онъ опять сробѣлъ, боясь наступить на шлейфъ: онъ пятился все далѣе и далѣе отъ дамы и, наконецъ, съ позоромъ оставилъ ее одну. Миссисъ Дрексель разсмѣялась.

— Не быть вашему Джонни Франклиномъ!—сказала она Парсону, который подошелъ къ ней, чтобы подвести ее къ ближайшему креслу.

— Послушай, Джонни!—заговорили сразу плотники-шведы:— ты не долженъ обращать вниманіе на шлейфъ, если миссисъ Дрексель сама пригласила тебя танцовать.

— Легко вамъ говорить это со стороны, — оправдывался Джонни:—кто изъ васъ рѣшится хладнокровно порвать платье, стоющее, быть можетъ, больше всей вашей мастерской?

Этотъ аргументъ былъ такъ силенъ, что ни одинъ изъ четырехъ плотниковъ не нашелся что̀ возразить. Этотъ разговоръ велся вслухъ самой миссисъ Дрексель, и та смѣялась до слезъ.

Музыка заиграла вальсъ, и съ дюжину паръ закружились по залу.

Смѣтливая Ольга сбѣгала за стаканомъ лимонаду для раскраснѣвшейся банкирши.

— За ваше здоровье! — сказала та Ольгѣ привѣтливо. — Какъ мнѣ нравится эта дѣвушка: у нея такой милый, открытый взглядъ! — сказала она миссъ Блюмъ, когда Ольга отошла.

— Нравится? такъ возьмите ее къ себѣ,—отвѣчала та, сразу сообразивъ всѣ выгоды службы у добрѣйшей банкирши.—Она сирота... она будетъ служить вамъ вѣрно и честно, а потомъ вы можете устроить ея судьбу.

— Ваша мысль мнѣ очень нравится. Такъ будьте добры уже до конца — устройте мнѣ это дѣло... Докторъ правъ, у васъ, *миссъ Парсонъ*, иниціативы на дюжину людей.

Мэри сильно покраснѣла; тогда только миссисъ Дрексель замѣтила свою ошибку.

— Простите меня, что я *такъ* васъ назвала: но, признаюсь, я не могу вспоминать о васъ иначе, какъ вмѣстѣ съ вашимъ будущимъ супругомъ. Кстати: когда же, наконецъ, состоится ваша поѣздка въ Филадельфію?

— Скоро, очень скоро,—отвѣчала Мэри, еще болѣе конфузясь.

— О, какой же вы еще ребенокъ! и славный ребенокъ!— воскликнула милліонерша. — Дайте мнѣ слово, миссъ Мэри, что въ Филадельфіи вы будете приходить ко мнѣ за̀просто, по-дружески, вотъ какъ здѣсь, въ Пальметто; я не хочу имѣть васъ въ числѣ скучныхъ оффиціальныхъ знакомыхъ.

— Вы очень добры, миссисъ Дрексель, и я непремѣнно воспользуюсь вашимъ приглашеніемъ.

Мистеръ Доддъ, какъ любезный хозяинъ, то-и-дѣло переходилъ отъ одной группы гостей къ другой; онъ былъ особенно ласковъ съ фермершами; онъ не только зналъ всѣхъ ихъ лично, но зналъ и всѣ ихъ домашнія дѣла; со многими онъ танцовалъ.

Въ десять часовъ вечера гости приглашены были въ столовую, гдѣ стояли груды разныхъ печеній, саладу изъ курицы и морскихъ раковъ, и мороженое, кофе, шоколадъ и красное вино. Ольга, миссисъ Кларкъ, миссисъ Кукъ, сестры Гринъ и Мэри Блюмъ прислуживали гостямъ. Впрочемъ Доддъ относился только къ миссисъ Дрексель чисто какъ къ гостьѣ; остальныхъ же онъ третировалъ по-дружески, какъ „своихъ людей“.

— Будьте какъ дома, господа!—обращался онъ къ молодымъ фермерамъ.

Послѣ закуски снова начались танцы и пѣсни. Гости разошлись по домамъ около 12 часовъ ночи. Когда Доддъ, на прощанье, благодарилъ миссисъ Дрексель за ея участіе въ праздникѣ, она отвѣчала:

— Могу васъ увѣрить, мистеръ Доддъ, что давно мнѣ не приходилось такъ искренно и просто веселиться.

На третій день послѣ этого праздника состоялась скромная свадьба доктора Парсона и Мэри Блюмъ. Докторъ торопился въ Филадельфію, такъ какъ его назначили адъюнктъ-профессоромъ.

Въ три часа по-полудни съѣхалось въ церкви все пальметтовское общество, включая и миссисъ Дрексель. Лиззи Гринъ, окруженная другими членами хора, въ первый разъ заняла мѣсто у органа. Скоро затѣмъ появились въ церкви докторъ Парсонъ и Мэри Блюмъ. Невѣста была въ бѣломъ атласномъ платьѣ, а женихъ—во фракѣ. Пасторъ Джонсонъ встрѣтилъ молодыхъ и сейчасъ же приступилъ къ короткой церемоніи вѣнчанія.

— Я провозглашаю васъ мужемъ и женою. Кого Богъ соединилъ вмѣстѣ, тѣхъ да не разлучитъ ни одинъ человѣкъ! — закончилъ пасторъ.

И пока хоръ пѣлъ гимнъ, мужчины и дамы горячо поздравляли молодыхъ съ великимъ событіемъ въ ихъ жизни.

Изъ церкви гости отправились въ домъ миссисъ Блюмъ, гдѣ былъ приготовленъ роскошный обѣдъ. Въ числѣ гостей былъ докторъ Фланаганъ, купившій „санитарій“ за 500 долларовъ.

Почти каждый изъ гостей сдѣлалъ подарокъ новобрачнымъ. Миссисъ Дрексель еще наканунѣ прислала Мэри дюжину серебряныхъ столовыхъ ложекъ и дюжину чайныхъ, а доктору—пре-

красные золотые часы. Доддъ подарилъ приборъ хирургическихъ инструментовъ и чайный сервизъ, а его дочь подарила доктору шляпу собственной работы, изъ пальметтовыхъ волоконъ. Бутлеръ подарилъ апельсиновую трость (срѣзанную въ собственной рощѣ) съ золотой ручкой и брошку—малахитоваго попугая съ брилліантовыми глазами; обѣ вещи были работы француза Дюрера. „Клубъ зеленыхъ попугаевъ" подарилъ пару чучелъ зеленаго попугая, усѣвшихся подъ пальметтовымъ листкомъ. Члены летучей библіотеки дали Мэри на память альбомъ съ карточками и автографами всѣхъ членовъ. Камертонъ, торчащій изо рта маленькаго чучела-аллигатора, былъ сувениромъ отъ церковнаго хора.

За обѣдомъ, продолжавшимся не болѣе часа, пили шампанское и говорили рѣчи.

— Друзья мои, лэди и джентльмены! — говорилъ Доддъ.— Сегодня нашъ городъ справляетъ вторую побѣду. Выборъ вашего покорнаго слуги въ конгрессъ—наша первая побѣда; выходъ нашей несравненной Мэри Блюмъ замужъ за всѣми нами любимаго доктора Парсона—наша вторая побѣда. Да, сограждане, мы должны гордиться и второю побѣдой. Докторъ Парсонъ, по своему образованію и общественному положенію, принадлежитъ къ избранному меньшинству знаменитаго города Филадельфіи. И что же? гдѣ онъ нашелъ подругу жизни, вполнѣ достойную его?— У насъ, въ Пальметто! Будемъ откровенны, друзья! Скажите: чѣмъ Мэри Блюмъ не пара доктору Генри Парсону? Развѣ она не обладаетъ всѣми тѣми качествами, которыя дѣлаютъ женщину очаровательной и жену—обожаемой? И это наша глушь взростила такой пышный, благоухающій цвѣтокъ!.. Счастіе и долгая жизнь новобрачнымъ! Выпьемъ за ихъ здоровье!

Бокалы были шумно выпиты. Докторъ всталъ и сказалъ:

— Благодарю васъ, дамы и господа, за себя и *свою жену*— какое счастіе имѣть право сказать это!—благодарю васъ за ваши сердечныя поздравленія. Могу васъ увѣрить, что самое пріятное воспоминаніе о васъ и вашей глуши останется у меня на всю жизнь. Еще разъ благодарю васъ!

Вскорѣ послѣ обѣда молодые, уже переодѣтые, вышли изъ дому, осыпанные рисомъ съ мелкой серебряной монетой, а Анни бросила имъ вслѣдъ одну изъ старыхъ туфель Мэри. Молодые сѣли въ коляску и, въ сопровожденіи всѣхъ гостей, отправились на пристань, гдѣ ихъ уже ждалъ капитанъ Юнгъ со своимъ пароходомъ.

Миссисъ Блюмъ, улыбаясь сквозь душившія ее слезы, простилась съ дочерью и зятемъ.

— Будьте счастливы!—проговорила она и залилась горючими слезами; она чувствовала себя теперь совсѣмъ одинокой.

Пароходъ двинулся въ путь. Стоя на палубѣ, докторъ со своей молодой женой долго смотрѣли на группу людей, стоявшихъ на пристани и быстро утопавшихъ въ дали и вечернемъ мракѣ.

— Прощай, глушь!—воскликнулъ докторъ.—Я вѣчно тебѣ буду благодаренъ...

Онъ крѣпко обнялъ гибкій станъ своей жены, напрасно старавшейся заглушить свои рыданія.

XIV. — Дома.

— Моя дорогая Гигія! пойдемъ полюбуемся на тропическую природу,—приглашалъ Парсонъ свою жену на слѣдующее утро: — почемъ знать, быть можетъ, не скоро придется намъ опять видѣть ее.

Они вышли на палубу и, усѣвшись въ неуклюжихъ, но удобныхъ деревянныхъ креслахъ, стали осматриваться кругомъ.

— Какъ я былъ очарованъ этою роскошною зеленью полтора года тому назадъ, когда я плылъ въ вашу глушь на этомъ самомъ пароходѣ! Я и не думалъ тогда, что возвращаться домой мнѣ придется вдвоемъ...

— „Не добро человѣку одному!“ — вставилъ свое слово словоохотливый капитанъ, незамѣтно приблизившійся къ молодымъ. —Простите, что я такъ безцеремонно вмѣшался въ вашъ разговоръ; но я, въ качествѣ хозяина, явился только пожелать вамъ обоимъ добраго утра и еще много такихъ же свѣтлыхъ и счастливыхъ утръ, какъ сегодняшнее.

Молодые поблагодарили капитана и пригласили его сѣсть съ собою.

— А помните, докторъ, какъ полтора года тому назадъ вы боялись умереть съ тоски въ этой глуши; помнится мнѣ, я тогда же увѣрялъ васъ, что тутъ вы найдете всѣ интересы городской жизни; а вы нашли даже то, чего и въ Филадельфіи не могли сыскать. Не такъ ли? Да, не въ однѣхъ только душныхъ оранжереяхъ бываютъ рѣдкіе цвѣты; ростутъ они и дико, на просторѣ... Но мнѣ нужно позаботиться о завтракѣ.

Спустя полчаса, капитанъ пригласилъ своихъ гостей къ завтраку. Завтракъ былъ на славу.

Выпивъ за здоровье новобрачныхъ и свое, капитанъ снова налилъ бокалы и сказалъ:

— Теперь, мои друзья, я предлагаю выпить за процвѣтаніе нашей глуши. Пусть большіе города славятся науками, искусствами, промышленностью, торговлею и жизнью, несущеюся съ быстротою курьерскаго поѣзда; но, друзья, и далекая глушь имѣетъ свои прелести и даже преимущества: здѣсь люди ростутъ проще и живутъ человѣчнѣе. Скажите, докторъ, беспристрастно: много ли вы видали въ Филадельфіи такихъ дѣвушекъ, прекрасныхъ и здоровыхъ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ ваша очаровательная жена?

— Клянусь, что моя Гигія выше всякаго сравненія!—вскричалъ докторъ весело.

— Такъ вотъ выпьемъ же за процвѣтаніе глуши: пусть она остается такою, какъ есть, какъ можно дольше!

Капитанъ и докторъ дружно осушили бокалы; но Мэри, чуть хлебнувъ, поставила свой бокалъ, замѣтивъ:

— Я немножко увлеклась и выпила цѣлыхъ два бокала этого прекраснаго вина; я и не сообразила, что это—настоящее французское вино, а не наша доморощенная шипучка, которую можно пить безнаказанно цѣлыми стаканами; а теперь мнѣ кажется, что вы, капитанъ, и Генри, кружитесь около меня, какъ въ вальсѣ.

— А что-жъ! мы и въ самомъ дѣлѣ протанцуемъ вамъ вальсъ! вы только наигрывайте намъ...

Къ вечеру пароходъ остановился въ Джаксонвиллѣ. Капитанъ Юнгъ самъ распорядился перегрузкой вещей доктора и его жены на большой пароходъ, дѣлающій рейсы между Джаксонвиллемъ и Филадельфіей. Капитанъ Питерсъ, старый знакомый доктора, отвелъ молодымъ лучшую каюту; въ ней уже стояло два букета розъ — съ карточками доктора Говарда и капитана Питерса.

— Какъ это хорошо!—восклицалъ капитанъ Юнгъ:—вашъ путь, мои друзья, дѣйствительно усѣянъ розами.

— Капитанъ, когда будете въ Филадельфіи, то знайте, что нашъ домъ къ вашимъ услугамъ! — говорилъ докторъ, прощаясь съ нимъ.

— Благодарю васъ, дорогой капитанъ, за все, за все! — горячо сказала Мэри;—не забывайте попрежнему навѣщать маму.

— Ну, прощайте и будьте счастливы! — поспѣшно отвѣчалъ капитанъ и быстро зашагалъ внизъ по помосту, на песчаный берегъ.

До сихъ поръ онъ и самъ не подозрѣвалъ, до какой степени была дорога ему эта простосердечная дѣвушка, съ неизмѣнной

свѣтлой улыбкой на ея красивомъ личикѣ и съ привѣтливымъ словомъ на устахъ. Бывая въ поселеніи Доддъ, онъ нерѣдко заходилъ въ бордингъ-гаузъ потолковать съ миссисъ Блюмъ и побалагурить съ Мэри. Ему стало грустно при мысли о томъ, что онъ уже не будетъ видѣть тамъ веселаго личика Мэри и слышать ея серебристаго смѣха.

Большой пароходъ двинулся въ путь; скоро онъ вышелъ изъ устья Сентъ-Джонсъ рѣки и врѣзался въ сине-зеленыя волны океана. Скоро берегъ Флориды потонулъ въ морской синевѣ, и молодые отправились внизъ въ свою каюту.

Четыре дня пароходъ плылъ на сѣверъ, въ виду материка; снова докторъ перезнакомился съ пассажирами и снова бесѣдовалъ съ ними о разныхъ предметахъ.

— А помните, докторъ, вопросъ, заданный вами полтора года тому назадъ: почему Соединенные Штаты счастливѣе всѣхъ другихъ странъ?—спросилъ капитанъ Питерсъ Парсона.

— Отлично помню; помню и вашъ отвѣтъ, капитанъ. Теперь, побывавъ въ глуши и присмотрѣвшись къ тамошней жизни, я могу съ полною увѣренностью сказать, что вы вполнѣ правы. Да, американцы живутъ дѣйствительно *для себя*; никто не мѣшаетъ имъ заниматься, чѣмъ и какъ угодно, никто не отнимаетъ у нихъ плодовъ ихъ труда; а при такихъ условіяхъ вполнѣ естественно, что каждый стремится впередъ, насколько хватаетъ силъ и умѣнья.

Капитанъ вкратцѣ передалъ пассажирамъ различныя рѣшенія, предложенныя полтора года тому назадъ на вопросъ Парсона, и, къ своему удивленію, снова нашелъ защитниковъ всѣхъ тѣхъ рѣшеній. Одинъ произносилъ панегирикъ республикѣ; другой пересчитывалъ необычайныя естественныя богатства страны; третій восхищался безпримѣрнымъ подборомъ американскаго народа, обнимающаго людей изъ всѣхъ расъ и націй. Какъ и прежде, споръ былъ долгій и оживленный.

Мистеръ Бергманъ, бывшій нѣмецъ, семидесятилѣтній старикъ, долго и молча слушалъ споръ; наконецъ и онъ рѣшилъ сказать свое слово.

— Дамы и господа! — началъ старикъ съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ.—Послушайте, что̀ скажетъ вамъ старый часовщикъ. На своемъ вѣку не одну сотню стѣнныхъ часовъ сдѣлалъ я, поэтому я знаю, что̀ требуется, чтобы часы были вполнѣ хороши, то-есть вѣрны, крѣпки и красивы. Назовете ли вы часы прекрасными, если футляръ у нихъ—верхъ артистическаго искусства, а механизмъ плохой? Конечно, нѣтъ! Кто изъ васъ будетъ

настолько простъ, чтобы заказать циферблатъ изъ дорогой эмали, стрѣлки — изъ чистаго золота, а механизмъ — желѣзный ручной работы? Нѣтъ, господа и дамы, въ хорошихъ часахъ всѣ части —до самаго послѣдняго винтика--должны быть сдѣланы хорошо и изъ хорошаго матеріала. Государство—это тоже часы; каждый гражданинъ — часть одного и того же государственнаго механизма. Если тутъ у васъ невѣжество, тамъ нищета, въ третьемъ мѣстѣ скопленіе труда милліоновъ у одного лица, здѣсь слишкомъ много власти, тамъ безправіе... Скажите, развѣ можетъ исправно дѣйствовать такая государственная машина?. Я живу здѣсь двадцать-пять лѣтъ, а прежде я жилъ въ Пруссіи. И на родинѣ я былъ часовщикомъ. Налоги у насъ были тяжелые, но это бы еще не бѣда; но не однѣхъ денегъ требуетъ у насъ тамъ государство,—дай ему еще твою плоть и кровь! Трехъ сыновей я тамъ потерялъ: двое были убиты, а третій и хуже того — испортился въ войскѣ и сдѣлался позоромъ семьи.

Старикъ остановился на минуту подъ тяжестью грустныхъ воспоминаній.

— Бросилъ я родину,—продолжалъ онъ,—и переселился въ Америку съ женою и малыми дѣтьми. Налоги здѣсь ничтожные; чтò я заработывалъ, то и оставалось дома, а главное—всѣ мои сыновья были при мнѣ. Мой домъ сталъ полной чашей, мои дѣти —моей радостью и гордостью. Докторъ Парсонъ говоритъ, что и въ глуши Флориды онъ нашелъ тѣхъ же независимыхъ, счастливыхъ гражданъ, какъ и въ его родной Филадельфіи; а я скажу вамъ, что на моей родинѣ и въ глухихъ деревушкахъ идутъ тѣ же тяжелые поборы деньгами и людьми, какъ и въ Берлинѣ. Да, въ Пруссіи я жилъ для государства, а здѣсь я живу для себя!—закончилъ старикъ внушительно.

На четвертый день, подъ вечеръ, пароходъ остановился у одной изъ пристаней Филадельфіи.

— Парсонъ, другъ мой милый! вы ли это? Здравствуйте, миссисъ Парсонъ!—кричалъ д-ръ Говардъ съ пристани.

— Здравствуйте, дорогой мой профессоръ. Какъ я радъ опять видѣть васъ!—отвѣчалъ Парсонъ.

Пароходъ причалилъ къ берегу; какъ только былъ положенъ мостикъ, профессоръ съ легкостью юноши взбѣжалъ на пароходъ.

— Да какъ же вы, докторъ, поправились! Просто картина здравія! Очень радъ видѣть васъ, дорогая миссисъ Парсонъ!

— И я рада видѣть васъ, докторъ; я давно считаю васъ своимъ другомъ,—отвѣчала Мэри.

— И прекрасно дѣлаете... такъ и слѣдуетъ. Но ѣдемъ! Жена ждетъ насъ... У меня здѣсь своя карета.

Чрезъ нѣсколько минутъ пара сытыхъ вороныхъ помчала карету профессора по широкой, гладко вымощенной улицѣ.

— Ну, теперь познакомимся поближе!—весело обратился д-ръ Говардъ къ своей сосѣдкѣ.—Прежде всего дайте взглянуть на васъ: точно ли вы въ правѣ носить имя нашей богини?

Мэри слегка покраснѣла отъ пристальнаго взгляда д-ра Говарда, но смотрѣла ему прямо въ глаза, безъ всякой манерности.

Чудный цвѣтъ изящнаго овальнаго лица, скромный открытый взглядъ, стыдливый румянецъ, роскошный бюстъ, не изуродованный тѣснымъ корсетомъ, простой, но со вкусомъ сшитый нарядъ— все въ Мэри очень понравилось разборчивому по части женской наружности профессору.

— Съ своей стороны и я поддерживаю назначеніе васъ въ Гигіи,—заявилъ профессоръ.

Новая волна румянца на щекахъ молодой женщины служила очевиднымъ доказательствомъ, что приговоръ опытнаго профессора былъ лестенъ ей.

Парсонъ съ большимъ удовольствіемъ видѣлъ, что его жена сразу пріобрѣла сердечное расположеніе его уважаемаго друга; но онъ сильно сомнѣвался, чтобы жена и дочь Говарда радушно встрѣтили его жену.

Миссисъ Говардъ была дочь извѣстнаго судьи и крупнаго политикана, и, быть можетъ, потому она мечтала выдать свою дочь, стройную, высокую, прекрасно образованную и вполнѣ свѣтскую барышню, за одного изъ выдающихся адвокатовъ, которымъ открыта дорога на судейскія, губернаторскія и сенаторскія мѣста. Отецъ, напротивъ, открыто высказался, что зятя лучше д-ра Парсона онъ бы не желалъ. Съ того времени миссисъ Говардъ стала обращаться съ Парсономъ холодно-вѣжливо, а миссъ Говардъ, мечтавшая быть по меньшей мѣрѣ губернаторшей, стала смотрѣть на „какого-нибудь госпитальнаго врача“ даже сверху внизъ. Незадолго до пріѣзда Парсоновъ, генеральный прокуроръ штата Пенсильваніи, мистеръ Стивенсъ, лѣтъ сорока, сдѣлалъ предложеніе миссъ Говардъ, которое и было принято. Эта партія такъ ненравилась Говарду, что онъ даже не хотѣлъ написать о томъ Парсону. Прокуроръ самъ по себѣ былъ порядочный человѣкъ, но отцу казалось, что дочь его выходила замужъ по холодному разсчету.

Карета остановилась у красиваго обширнаго дома, построеннаго изъ бураго песчаника. Дверь была отворена самой миссисъ

Говардъ, статной дамой, въ сѣромъ шолковомъ платьѣ, сшитомъ по послѣдней модѣ. За матерью стояла дочь, миссъ Франки, одѣтая какъ картинка модныхъ журналовъ.

— Добро пожаловать, моя дорогая миссисъ Парсонъ!—привѣтствовала миссисъ Говардъ, цѣлуя ее.—Отъ всего сердца поздравляю васъ, Генри!—обратилась она къ Парсону.

Это старое дружеское „Генри“ Парсонъ понялъ и обрадовался.

— И я поздравляю васъ, миссисъ и докторъ Парсонъ!—привѣтствовала миссъ Говардъ въ свою очередь.

— Я скажу тебѣ, Марта,—весело обратился профессоръ къ своей женѣ, когда они всѣ вошли въ парлёръ:—Генри вовсе не такъ преданъ наукѣ, какъ я воображалъ; согласись сама: только-что съ глазъ моихъ долой, и сейчасъ же за амурныя похожденія.

— Ну, что-жъ, каковъ учитель, таковъ и ученикъ,—отвѣчала та лукаво, припомнивъ, какъ въ былые годы молодой профессоръ бѣжалъ къ ней прямо съ лекціи.

— А, ты всегда уклоняешься отъ главнаго предмета!

— Пусть такъ, но, согласись самъ, „соловья баснями не кормятъ“.—Миссисъ Парсонъ, вы позволите мнѣ проводить васъ наверхъ?

Миссисъ Говардъ обняла одной рукой талію Мэри и направилась съ ней наверхъ, въ комнату, назначенную для гостей. Чрезъ нѣсколько минутъ и Парсонъ послѣдовалъ за своей женой.

Спустя съ полчаса раздался звонокъ, и въ парлёрѣ показались три пожилыхъ джентльмена съ тремя дамами: то были профессора, товарищи Говарда, съ женами. Вслѣдъ за ними явился прокуроръ Стивенсъ.

Пока шли представленія и поздравленія, миссъ Франки съ удивленіемъ осматривала костюмъ Мэри. Мэри была одѣта въ нѣжно-розовое шолковое платье, отдѣланное кружевами и сшитое безъ всякой претензіи на послѣднюю моду, но что̀ особенно поразило Франки, такъ это то, что у Мэри не было ни узкаго корсета, ни малѣйшаго декольтé.

А д-ръ Говардъ просто былъ очарованъ истинно изящной (по его мнѣнію) и совершенно правильной фигурой Мэри: она казалась ему воплощеніемъ здоровья, красоты и граціи.

— А знаете, господа, кого вы видите предъ собою?—обратился онъ къ своимъ коллегамъ:—Гигію! да, Гигію! только костюмъ ея, разумѣется, нѣсколько приноровленъ къ нашему вѣку.

Жены профессоровъ съ снисходительной улыбкой смотрѣли

на своихъ мужей, съ большимъ интересомъ осматривавшихъ воплощенную „богиню здравія“.

— Клянусь Эскулапомъ, вы правы, д-ръ Говардъ!—воскликнулъ старѣйшій изъ профессоровъ, наводившій свои золотыя очки поочередно то на гравюру Гигіи, висѣвшую на стѣнѣ, то на Мэри, краснѣвшую и смѣявшуюся.

— Чудаки эти профессора!—шепнулъ м-ръ Стивенсъ на ухо своей невѣстѣ:—покажи имъ здоровую, недурную деревенскую дѣвушку, и они готовы поклоняться предъ нею, предварительно, разумѣется, обозвавъ ее какимъ-нибудь греческимъ или латинскимъ именемъ.

— Тише, Стивенсъ, вы неправы: она дѣйствительно красива и прекрасно сложена, и если одѣть ее какъ слѣдуетъ, то ею можно залюбоваться.

Мэри никогда еще не видала такъ красиво и богато сервированнаго стола, какъ у Говардовъ. Въ компаніи изысканно вѣжливыхъ, но холодныхъ дамъ Мэри сначала чувствовала себя неловко; но, глядя на веселыхъ и просто державшихъ себя профессоровъ, она пріободрилась, а къ концу длиннаго обѣда уже весело смѣялась при каждой шуткѣ, на которыя старые профессора были очень щедры. Обѣдъ закончился шампанскимъ съ обычными поздравленіями. Затѣмъ дамы ушли въ гостиную, оставивъ мужчинъ выкурить по сигарѣ.

— Чтò новаго скажете намъ, докторъ Парсонъ?—спросилъ профессоръ физіологіи и гистологіи, положивъ свои ноги на кожаный диванъ и наслаждаясь гаванской сигарой.

— Не знаю, будетъ ли то ново для васъ, спеціалиста по гистологіи, но меня во Флоридѣ сильно занимала одна клѣточка.

— Какая это? -съ интересомъ спросилъ гистологъ.

— Совсѣмъ особенная клѣточка,—какъ бы опредѣлить ее? *cellula primitiva reipublicae americanae* (первичная клѣточка американской республики).

Всѣ профессора и прокуроръ высказали желаніе послушать о наблюденіяхъ Парсона.

— То, чтò я сообщу вамъ, господа, быть можетъ, не будетъ ново для васъ, но для меня лично дѣло было ново и крайне интересно, и я готовъ подѣлиться съ вами личными наблюденіями и впечатлѣніями. Чтобы понять жизнь и строеніе сложнаго организма, мы стараемся добраться до его основныхъ, примитивныхъ элементовъ. Наша республика—тоже сложный организмъ; нельзя ясно понять строеніе и жизнь этого организма, не изучивъ его простѣйшихъ элементовъ. Судьба, закинувшая меня въ глушь

Флориды, поставила меня лицомъ къ лицу съ одной изъ первичныхъ клѣточекъ нашей республики, и я, отъ нечего-дѣлать, сталъ наблюдать характерныя свойства этой клѣточки. Протоплазма нашей клѣточки состоитъ изъ различныхъ химическихъ (или національныхъ) элементовъ; приблизительно вотъ ея составъ: американецъ 75, шведъ 10, негръ 10, французъ 3, нѣмецъ 2; громадное большинство элементовъ здороваго качества. Въ клѣточкѣ замѣтно одно крупное ядро и нѣсколько мелкихъ ядрышекъ. Въ первое время моего наблюденія у клѣточки не было даже сформированной оболочки; несмотря на это, клѣточка жила самобытною здоровою жизнью, потому что окружающая среда представляла ей полный просторъ и кругомъ не было вовсе паразитныхъ клѣточекъ. Затѣмъ, на моихъ глазахъ, клѣточка обособилась, обзавелась опредѣленной оболочкой; съ того времени жизнь клѣточки стала, такъ сказать, правильнѣе и наблюдать ее было легче. Изъ важнѣйшихъ свойствъ нашей клѣточки укажу на слѣдующія: клѣточка живетъ вполнѣ самостоятельною жизнью; она сама вырабатываетъ себѣ пищу изъ собственной среды и сама же усвояетъ свою пищу; такимъ образомъ, она ростетъ быстро, постепенно расширяясь по всѣмъ направленіямъ. Между нашей клѣточкой и сосѣдними, какъ безформенными, такъ и уже вполнѣ развившимися, есть свободный обмѣнъ веществъ, но при этомъ наша клѣточка всегда получаетъ назадъ эквивалентъ отпускаемаго вещества; слѣдовательно обмѣнъ не истощаетъ клѣточки, а напротивъ увеличиваетъ ея жизненную энергію. Въ жизни нашей клѣточки, какъ и всѣхъ сосѣднихъ, періодически происходитъ физіологическая пертурбація, когда обмѣнъ веществъ между ними идетъ усиленно; мало того, я самъ наблюдалъ, какъ даже ядро клѣточки выдѣлилось и было усвоено отдаленной, болѣе развитой, центральной клѣточкой, отчего, впрочемъ, наша клѣточка, повидимому, не пострадала, такъ какъ уменьшеніе содержимаго было вознаграждено усиленною дѣятельностью всѣхъ остальныхъ элементовъ. Обратите особенное вниманіе, господа, на тотъ фактъ, что наша клѣточка живетъ для себя, а не для какой-либо другой посторонней клѣточки. Свободная, здоровая среда и жизнь для себя самой—въ этомъ, по моему, весь залогъ безпредѣльнаго роста нашей первичной клѣточки. Возьмите нѣсколько тысячъ подобныхъ же клѣточекъ, въ разныхъ стадіяхъ развитія, и вы получите нашу республику. Но, виноватъ, господа, я, кажется, слишкомъ долго задержалъ васъ здѣсь; пожалуй, наши дамы могутъ обидѣться на насъ,—закончилъ Парсонъ свою импровизированную лекцію, услыхавъ пѣніе Гигіи въ парлёрѣ.

Гистологъ горячо поблагодарилъ Парсона за „прекрасную лекцію“ и поздравилъ Говарда съ пріобрѣтеніемъ „даровитаго адъюнкта“. Мужчины поднялись.

— Одну минуту, докторъ!—обратился прокуроръ къ Парсону:—съ вашей точки зрѣнія, полная автономія—необходимое условіе правильнаго роста большихъ и малыхъ городовъ?

— Совершенно такъ.

— Но чтò справедливо по отношенію къ отдѣльнымъ городамъ, то справедливо по отношенію и къ отдѣльнымъ штатамъ?

— Полагаю, что такъ.

— Слѣдовательно, съ вашей точки зрѣнія, вы доказываете справедливость нашихъ демократическихъ принциповъ, отстаивающихъ полнѣйшую автономію, вопреки республиканскимъ тенденціямъ—усилить центръ и ослабить периферіи. Значитъ, господа профессора, вы и съ каѳедры должны поддерживать нашу демократическую партію.

Профессора, изъ которыхъ двое были республиканцы, съ улыбкой переглянулись между собою, какъ римскіе авгуры, но ничего не возразили прокурору.

Мужчины вошли въ парлёръ.

— Ну, какъ вы нашли ее?—спросилъ Говардъ свою жену, улучивъ удобную минутку.

— Прошла, даже *cum laude*!—отвѣчала та, смѣясь.

Дѣло въ томъ, что еще до пріѣзда новобрачныхъ Говардъ говорилъ своей женѣ шутя, что она сама, Франки и дамы, которыхъ имѣлось въ виду пригласить, непремѣнно станутъ экзаменовать жену Парсона по всѣмъ наукамъ и искусствамъ въ первый же вечеръ. Его предсказаніе дѣйствительно сбылось, хотя экзаменъ и велся въ формѣ салоннаго разговора. Дамы завели рѣчь о литературѣ; оказалось, что Мэри очень начитана. Далѣе зашла рѣчь о музыкѣ; Мэри заявила, что она любитъ музыку; ее попросили сыграть что-нибудь—она безъ аффектаціи не только сыграла, но даже и спѣла одну изъ своихъ любимыхъ пѣсенъ. Дамы значительно и одобрительно переглянулись между собою, а Франки даже расхвалила Мэри самымъ сердечнымъ образомъ. Появленіе мужчинъ положило конецъ экзамену.

Миссисъ Говардъ сѣла къ піано и заиграла патріотическую арію „Колумбія“. Всѣ гости приняли участіе въ пѣніи, хотя молодое тріо—Франки, Мэри и Парсонъ—замѣтно покрывало голоса остальныхъ. Оказалось впрочемъ, что всѣ дамы пѣли сопрано и всѣ мужчины, вслѣдъ за Парсономъ, тенора, а Мэри, какъ опытная регентша, не могла вынести этого. Она сейчасъ же

попросила Франки пѣть сопрано, Парсона—тенора, Говарда—баса, альтъ оставила себѣ, а остальнымъ рекомендовала присоединиться къ одному изъ четырехъ голосовъ. Къ общему удовольствію, хоръ оказался очень удачнымъ.

— Vivat, Гигія!—воскликнулъ гистологъ:—вотъ что значитъ составить рецептъ съ полнымъ знаніемъ дѣла!

Миссисъ Говардъ затѣмъ заиграла веселый вальсъ. Парсонъ съ миссъ Говардъ, д-ръ Говардъ съ миссисъ Парсонъ, Стивенсъ съ одной изъ профессоршъ закружились по мягкому бархатному ковру.

— Послушайте, Говардъ!—сказалъ гистологъ своему коллегѣ, когда тотъ, запыхавшись, сѣлъ съ нимъ рядомъ:—у меня явилась геніальная мысль. Жена Парсона, кажется, совсѣмъ славная и умная женщина, а главное—она еще вовсе не изуродована (какъ наши барыни) ложно цивилизованными замашками. Вотъ такой именно женщины вамъ недоставало. Вы все стоите за реформу и въ женскомъ костюмѣ, и въ домахъ, и въ образѣ жизни. Образуйте „гигіеническое общество“ съ хорошенькимъ президентомъ во главѣ, который могъ бы демонстрировать ваши идеи на дѣлѣ, и ваше предпріятіе быстро пойдетъ впередъ.

— Вотъ именно геніальная идея!—сильно обрадовался Говардъ.— Завтра же я поговорю съ нею объ этомъ!

Но на слѣдующій день онъ видалъ Мэри только за завтракомъ и обѣдомъ. Миссисъ Говардъ возила свою гостью чуть не по всему городу, знакомя ее съ достопримѣчательностями города „братской любви“, начиная съ „Дома независимости“ и кончая университетомъ. А затѣмъ настало хлопотливое время для Парсоновъ: имъ нужно было отыскать подходящую квартиру, купить мебель, посуду и т. д. и устроить свой домашній бытъ.

Разъ д-ръ Говардъ, оставшись съ Мэри наединѣ, развилъ ей обстоятельно свою идею объ устройствѣ „гигіеническаго общества“ и просилъ ее принять на себя роль руководительницы относительно реформы женскаго костюма. Мэри съ восторгомъ отнеслась къ идеѣ общества, но наотрѣзъ отказалась пока отъ всякой видной роли.

— Вы позвольте мнѣ „думать вслухъ“, какъ выражается Генри,—сказала она:—при настоящихъ условіяхъ я скорѣе могу повредить, чѣмъ принести пользу вашему дѣлу, такъ какъ я пока никого и ничего здѣсь не знаю... Мое образованіе крайне недостаточно; я сама едва могу оцѣнить цѣль вашего общества, а не то, чтобы просвѣщать другихъ... Я просто была бы—простите за выраженіе—куклой въ вашихъ рукахъ, и это было бы видно

всѣмъ и смѣшно для всѣхъ. Нѣтъ, дайте мнѣ время осмотрѣться и поучиться. Я уже около года учусь съ Генри анатоміи, физіологіи, химіи и физикѣ. Черезъ полгода я явлюсь къ вамъ на экзаменъ... Тогда посмотримъ... Но это, разумѣется, не мѣшаетъ вамъ теперь же открыть общество.

Д-ръ Говардъ согласился съ основательностью доводовъ Мэри и отложилъ формальное открытіе общества еще на полгода.

— Только смотрите, не перейдите за это время во враждебный намъ лагерь!—замѣтилъ профессоръ шутя.

— Какъ, перестать быть „богиней" и сдѣлаться рабыней глупыхъ модъ? Никогда!—отвѣчала Мэри съ улыбкой.

Между тѣмъ миссисъ Говардъ, съ своей стороны, пробовала-было заняться „шлифованіемъ" Мэри, посовѣтовавъ ей, для начала, отдать опытной модисткѣ передѣлать всѣ свои платья. Мэри поняла, что̀ это значитъ; поэтому скромно, но твердо отвѣчала, что до тѣхъ поръ, пока ея костюмъ нравится ея мужу, она не станетъ, изъ угоды „обществу", слѣдовать модѣ,—тѣмъ болѣе, что это ей не по карману. Миссисъ Говардъ тогда махнула на нее рукой, понявъ, что она принадлежитъ къ „профессорской партіи".

Парсонъ былъ въ восторгѣ отъ своей жены. „Не домъ, а рай земной", по его выраженію, Гигія устроила въ небольшомъ домикѣ, окруженномъ орнаментальными кустиками и плодовыми деревьями. Парсоны выписали изъ Пальметто негритянку Анни, прекрасную кухарку и глубоко преданную „миссъ Мэри", какъ та неизмѣнно называла свою госпожу. Молодой адъюнктъ-профессоръ не могъ налюбоваться своей Гигіей, вѣчно дѣятельной, веселой, порхающей изъ комнаты въ комнату, какъ бабочка, и распѣвающей, какъ птичка. Она продолжала учиться, какъ прилежный студентъ. Мало-по-малу домъ Парсоновъ сдѣлался любимымъ мѣстомъ собранія старыхъ и молодыхъ профессоровъ съ ихъ женами. Гигія сдѣлалась душою этихъ собраній, безъ всякаго усилія со своей стороны. Она пѣла, играла, танцовала, когда ихъ гости были въ веселомъ настроеніи; она слушала внимательнѣе всѣхъ, когда кто-либо изъ профессоровъ бесѣдовалъ на ученую тему; она не стыдилась спрашивать, если что-либо въ разговорѣ ей было непонятно.

Ея образованіе быстро подвигалось впередъ. Чрезъ полгода она удовлетворительно выдержала экзаменъ по анатоміи, физіологіи, химіи и физикѣ, и, на радости, объявила Говарду, что она готова принять участіе въ его обществѣ.

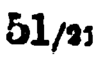
Наконецъ, идея профессора Говарда осуществилась, — ему

удалось образовать „Гигіеническое общество“, въ которомъ миссисъ Парсонъ суждено было играть важную роль. Общество имѣло цѣлью распространять гигіеническія понятія о жилищѣ, образѣ жизни и одеждѣ. Мэри Парсонъ особенно усердно работала въ послѣднемъ отношеніи. Послѣ тщательныхъ совѣщаній съ профессорами, она приготовила гигіеническій корсетъ, стала носить его, нашла его вполнѣ удобнымъ и цѣлесообразнымъ, а потомъ заказала сотню такихъ корсетовъ для продажи. Сверхъ всякаго ожиданія, ея корсеты быстро пошли въ ходъ. Мало-помалу гигіеническія принадлежности дамскаго костюма, приготовляемыя Гигіей, стали появляться въ продажѣ и входить въ употребленіе.

Мэри, однако, не рѣшалась выступить публично, прежде нежели не кончила курса въ женскомъ медицинскомъ колледжѣ, на что̀ ей пришлось потратить два года. Потомъ „докторъ Мэри Парсонъ“, представленная публикѣ профессоромъ Говардомъ, начала рядъ лекцій по гигіенѣ. Филадельфійскія газеты напечатали очень лестный отзывъ о „воплощенной богинѣ Гигіи, явившейся въ лицѣ доктора Мэри Парсонъ, чтобы возстановить изящный и здоровый костюмъ для дамъ, устроить здоровые дома́ для всѣхъ насъ и научить насъ жить гигіенично“. Этотъ отзывъ облетѣлъ всю страну и, какъ отдаленное эхо, отозвался и въ Пальметто, наполнивъ чистою радостью сердца всѣхъ обитателей той глуши.

П. Поповъ.

Нью-Іоркъ.
22 августа, 1888 г.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА МЕМУАРОВЪ

ВО

ФРАНЦІИ

Фаллу, Низаръ, Легуве.

Литература мемуаровъ всегда и вездѣ представляетъ смѣсь эфемернаго, случайнаго, пустого съ важнымъ и характеристичнымъ. Комбинаціи обоихъ элементовъ до крайности разнообразны, но рѣшительное преобладаніе послѣдняго надъ первымъ встрѣчается сравнительно рѣдко. Въ собственномъ прошедшемъ не легко отличить крупное отъ мелкаго, общеинтересное отъ достопамятнаго лишь для одного или для немногихъ. Отсюда неизбѣжность балласта, среди котораго иной разъ приходится не безъ труда отыскивать цѣнныя крупицы. Безъ такихъ крупицъ не обходятся, зато, даже скучнѣйшіе изъ мемуаровъ. Въ жизни самаго заурядваго человѣка почти всегда найдется хоть одинъ моментъ, исполненный значенія, хоть одно воспоминаніе, заслуживающее перейти къ потомству,—а составителями мемуаровъ бываютъ, бо̀льшею частію, не совсѣмъ заурядные или совсѣмъ не заурядные люди. Фаллу, Низаръ, Легуве, съ записками которыхъ мы хотимъ познакомить нашихъ читателей, принадлежатъ скорѣе къ первой изъ этихъ двухъ категорій. Никто изъ нихъ не игралъ первостепенной роли, никто не оставилъ глубокаго слѣда даже въ своей спеціальной области, не говоря уже объ общей исторіи Франціи; но они всѣ, въ свое время, были болѣе или менѣе за-

мѣтны, всѣ стояли болѣе или менѣе близко къ выдающимся событіямъ и личностямъ своей эпохи. Графа Фаллу нѣкоторые писатели готовы даже причислить къ немногимъ истинно-государственнымъ людямъ Франціи XIX-го вѣка. Мы не раздѣляемъ этого мнѣнія—но по отношенію къ человѣку безличному и безцвѣтному оно вовсе не могло бы и образоваться.

Между мемуарами политическихъ дѣятелей одни приближаются къ типу историческихъ изслѣдованій, касаясь преимущественно общеизвѣстныхъ фактовъ, дополняя или объясняя ихъ личными наблюденіями автора и только изрѣдка проникая за кулисы политическаго театра; другіе имѣютъ характеръ болѣе интимный, избѣгаютъ большихъ дорогъ и такъ-называемыхъ Haupt- und Staatsactionen, иллюстрируютъ, главнымъ образомъ, оборотную сторону исторической медали. Мемуарамъ перваго рода угрожаетъ опасность сухости, оффиціальности, безжизненности; они часто граничатъ съ лѣтописью, не имѣя ея наивности, или съ прагматической исторіей, не имѣя ея законченности и полноты. Таковы, напримѣръ, „Воспоминанія" герцога де-Броль, о которыхъ мы говорили, года два тому назадъ, въ „Вѣстникѣ Европы" [1]; таковы записки Гизо (Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps), сѣрый колоритъ которыхъ только изрѣдка уступаетъ мѣсто болѣе яркимъ краскамъ; таковы и недавно вышедшіе въ свѣтъ мемуары графа Фаллу. Громадные два тома переполнены оффиціальными документами, выписками изъ протоколовъ коммиссій, отрывками изъ парламентскихъ рѣчей, письмами къ разнымъ лицамъ. Новаго и любопытнаго во всемъ этомъ гораздо меньше, чѣмъ можно было бы ожидать судя по той роли, которую нѣсколько разъ въ своей жизни игралъ Фаллу. Въ заглавіи своихъ записокъ (Mémoires d'un royaliste) Фаллу называетъ себя роялистомъ, подчеркивая, этимъ самымъ, чисто-политическую сторону своей дѣятельности; съ гораздо бо́льшимъ правомъ онъ могъ бы назвать себя *клерикаломъ* или, по меньшей мѣрѣ, *католикомъ*. Его роялизмъ былъ только однимъ изъ проявленій его религіознаго рвенія; онъ стоялъ за законную монархію въ особенности потому, что видѣлъ въ ней лучшій оплотъ для католической церкви. „Политическая концепція Фаллу,—говоритъ маркизъ де-Кастелланъ въ своемъ „Опытѣ политической психологіи" (Les hommes d'état français du XIX siècle),—основана гораздо больше на идеяхъ, чѣмъ на фактахъ. Онъ стремился внушить грядущимъ поколѣніямъ мысль по преимуществу религіозную; изъ Франціи Воль-

[1]) См. № 10 „Вѣстника Европы" за 1886 г.: „Одинъ изъ дѣятелей реставраціи".

тера, скептической и насмѣшливой, онъ хотѣлъ сдѣлать Францію вѣрующую и покорную авторитету". И дѣйствительно, интересы религіи или, лучше сказать, интересы церкви у Фаллу всегда и вездѣ на первомъ планѣ. Какъ литераторъ, онъ пишетъ „Жизнь Пія V-го", біографіи госпожи Свѣчиной и епископа Орлеанскаго; какъ общественный дѣятель, онъ отдаетъ себя въ распоряженіе католическихъ благотворительныхъ обществъ; какъ государственный человѣкъ, онъ примыкаетъ къ вождямъ „либеральнаго католицизма", Лакордеру и Монталамберу, и открываетъ передъ церковью широкій путь въ наиболѣе важную для нея область—въ область начальнаго обученія. Властная роль Фаллу продолжалась недолго: онъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія менѣе года—но хорошо съумѣлъ воспользоваться обстоятельствами.

Избранію Людовика-Наполеона въ президенты республики способствовала, какъ извѣстно, большая консервативная партія, образовавшаяся въ учредительномъ собраніи изъ монархистовъ всѣхъ оттѣнковъ. Изъ ея среды должно было быть взято первое министерство президента. Легитимистовъ между консерваторами было сравнительно немного; на ихъ долю выпалъ только одинъ портфель, но зато весьма важный именно въ данную минуту—портфель народнаго просвѣщенія. Онъ былъ предложенъ Фаллу, какъ одному изъ молодыхъ членовъ партіи, менѣе извѣстному, чѣмъ Беррье или Монталамберъ, но зато и менѣе подозрительному въ глазахъ республиканцевъ, съ умѣренной фракціей которыхъ совѣтники президента тогда желали еще жить въ мирѣ. Фаллу два раза отказывался отъ портфеля, не довѣряя добрымъ чувствамъ Людовика-Наполеона къ католической церкви; его друзья убѣдили его принять предложенную должность, указывая на то, что вмѣсто легитимистовъ президентъ можетъ, en désespoir de cause, обратиться къ республиканцамъ. Трудно допустить, чтобы первоначальное сопротивленіе Фаллу было серьезно. Вопросы, стоявшіе на очереди, имѣли слишкомъ большое значеніе для воинствующаго католицизма, чтобы его представитель могъ не дорожить мѣстомъ въ министерствѣ. Первый изъ этихъ вопросовъ касался свободы обученія или, иными словами, права духовенства и духовныхъ конгрегацій на участіе въ обученіи народа, на учрежденіе собственныхъ школъ, низшихъ и среднихъ (о свободѣ высшаго образованія въ то время еще не было рѣчи). Моментъ для постановки вопроса былъ выбранъ какъ нельзя лучше. Февральскіе и въ особенности іюньскіе дни 1848 года повергли значительную часть французскаго общества въ паническій страхъ, заставлявшій вездѣ

искать спасенія и спасителей. Однимъ изъ спасителей являлось духовенство, однимъ изъ средствъ спасенія—предоставленіе ему господствующей роли въ народномъ воспитаніи. Буржуазія, недавно еще проникнутая вольтеріанизмомъ, готова была разбить свои прежніе кумиры; ея прирожденный руководитель, Тьеръ, въ половинѣ сороковыхъ годовъ не хотѣвшій и слышать о свободѣ обученія, теперь выражалъ готовность отдать народную школу всецѣло въ завѣдываніе приходскихъ священниковъ. Фаллу и его единомышленникамъ пришлось не столько побуждать, толкать впередъ, сколько сдерживать и останавливать. Конечно, члены коммиссіи, на которую возложена была подготовка законопроекта, были подобраны Фаллу не безъ предвзятой мысли. На шесть представителей университета (въ французскомъ смыслѣ этого слова, т.-е. въ смыслѣ совокупности свѣтскаго педагогическаго персонала) приходилось девять представителей духовенства и католической печати; политическіе дѣятели, приглашенные къ участію въ занятіяхъ коммиссіи, склонялись, бо́льшею частью, на сторону моднаго теченія. Тѣмъ бо́льшаго вниманія заслуживаетъ образъ дѣйствій клерикаловъ. Они могли бы захватить въ свои руки, по меньшей мѣрѣ, все начальное обученіе — но довольствуются провозглашеніемъ свободной конкурренціи, признаніемъ равноправности школъ церковной и свѣтской. „Свобода,—восклицаетъ одинъ изъ нихъ,—дороже всякаго покровительства“. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ основаніи этой умѣренности лежало сознаніе собственной силы, убѣжденіе въ томъ, что господствующая роль будетъ принадлежать духовенству если не de jure, то de facto; знаменательной и достойной подражанія остается, все-таки, рѣшимость католической партіи не прибѣгать къ легальному принужденію, въ которомъ она такъ легко могла усмотрѣть вѣрнѣйшее и ближайшее средство достигнуть цѣли. Соблазнъ былъ тѣмъ болѣе великъ, чѣмъ рѣзче былъ переходъ отъ безсилія къ власти. Чтобы устоять противъ него, нуженъ былъ большой запасъ политическаго такта. Оппозиція, встрѣченная законопроектомъ со стороны ультра-клерикаловъ (о́рганомъ которыхъ была газета „Univers“), еще ярче выставила на видъ благоразуміе Фаллу. Въ другомъ отношеніи министръ и его друзья оказались менѣе разсудительными—и это, повидимому, чувствуетъ самъ Фаллу, потому что ничего не говоритъ въ своихъ мемуарахъ о положеніи, созданномъ имъ для духовенства въ *свѣтской* начальной школѣ. Оставаясь вѣрными своей исходной точкѣ, „либеральные католики“ не должны были подчинять государственную и общинную школу обязательному контролю духовенства; между тѣмъ законъ 1850 года поставилъ началь-

ную школу подъ надзоръ мѣстнаго священника и ввелъ представителей католическаго духовенства какъ въ департаментскіе академическіе совѣты, такъ и въ высшій совѣтъ по дѣламъ народнаго просвѣщенія. Правда, аналогическія права предоставлены были и духовенству другихъ исповѣданій, не исключая іудейскаго; тѣмъ не менѣе, эта сторона „закона Фаллу“ (такъ называется въ общежитіи законъ 15 марта 1850 г.) должна быть признана ошибкой, повредившей, прежде всего, интересамъ самого духовенства. Таково мнѣніе маркиза де-Кастеллана, принадлежащаго къ одной партіи съ Фаллу и высоко цѣнящаго его заслуги. И дѣйствительно, допустивъ вмѣшательство духовенства въ дѣла свѣтской школы, Фаллу подготовилъ вмѣшательство государства въ дѣла школы церковной. Движеніе восьмидесятыхъ годовъ, выразившееся въ такъ-называемомъ законодательствѣ Жюля Ферри, было естественной реакціей противъ избытка завоеваній, сдѣланныхъ католическимъ духовенствомъ въ пятидесятыхъ годахъ. Ни къ чему не привела и обязательность преподаванія религіи въ свѣтской школѣ, созданная усиліями Фаллу. Онъ одержалъ побѣду, но она осталась безъ результата; ожесточивъ противниковъ, она не уменьшила ихъ силы. То же самое слѣдуетъ сказать и о другомъ мнимомъ торжествѣ политики Фаллу—о римской экспедиціи 1849 г. Ея иниціатива принадлежала оффиціально не ему, но его записки свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ способствовалъ ей больше чѣмъ какой бы то ни было другой изъ тогдашнихъ министровъ, больше чѣмъ самъ президентъ республики. И что же? Свѣтская власть папы была возстановлена только для того, чтобы пасть окончательно, и наканунѣ ея паденія произнесенъ былъ въ Римѣ смертный приговоръ надъ самыми задушевными стремленіями Фаллу. Ватиканскій соборъ 1870 г. сдѣлался могилой „либеральнаго католицизма“.

Во время своего короткаго министерства Фаллу могъ считать себя любимцемъ судьбы, доставлявшей ему одинъ успѣхъ за другимъ; недолговѣчность, непрочность этихъ успѣховъ тогда нельзя было еще предвидѣть. Вся послѣдующая дѣятельность Фаллу была, зато, длиннымъ рядомъ пораженій и разочарованій. Онъ разсчитывалъ на примиреніе религіи съ свободой, папства—съ пріобрѣтеніями новѣйшей цивилизаціи; вмѣсто этого ему суждено было быть свидѣтелемъ энциклики и силлабуса, провозглашенія догмата непогрѣшимости, торжества Луи Вельйо надъ Дюпанлу и Лакордеромъ. Онъ надѣялся увидѣть возстановленіе законной монархіи, сліяніе обѣихъ отраслей Бурбонскаго дома, воцареніе

Генриха V-го; вмѣсто этого ему пришлось оплакивать безпримѣрное упорство претендента, вызвавшее цѣлый рядъ крушеній въ виду гавани. Онъ хотѣлъ поставить монархистовъ во главѣ борьбы съ нищетой, уничтоживъ, такимъ образомъ, глубокую пропасть между высшими классами общества и массой народа — и добился только нѣкотораго облегченія нужды въ районѣ своего непосредственнаго круга дѣйствій, въ окрестностяхъ своего анжуйскаго помѣстья. Всего любопытнѣе въ мемуарахъ Фаллу тѣ страницы, которыя посвящены графу Шамбору и ближайшимъ его совѣтникамъ. Нигдѣ, можетъ быть, не обрисовываются такъ ясно причины неудачи, упорно постигавшей всѣ попытки монархической реставраціи. Уже въ концѣ тридцатыхъ годовъ, когда графу Шамбору не было еще двадцати лѣтъ, Фаллу находитъ его въ рукахъ небольшой котеріи, тщательно охраняющей его отъ соприкосновенія съ свѣжимъ воздухомъ. Молодой принцъ приглашаетъ къ себѣ генерала Венсана, начавшаго службу въ республиканскихъ войскахъ и способнаго расширить кругозоръ замкнутаго придворнаго кружка; воспитателю принца, герцогу де-Леви, олицетворяющему собою всѣ предразсудки ультра-легитимизма, удается оттереть генерала и сохранить за собою исключительное вліяніе на своего воспитанника. Медленный, неподвижный, нерѣшительный, онъ сообщаетъ всѣ эти свойства графу Шамбору, и отъ природы уже не особенно смѣлому и энергичному. Вокругъ принца образуется мало-по-малу нѣчто въ родѣ умственнаго карантина, сквозь который пропускается только аппробованное герцогомъ де-Леви. Десять лѣтъ спустя, въ началѣ 1851 г., когда дни февральской республики очевидно были сочтены и неизвѣстно было лишь одно—кому или чему она уступитъ мѣсто, — Фаллу опять встрѣчается съ графомъ Шамборомъ, только-что включившимъ его въ число членовъ тайнаго комитета, служившаго посредникомъ между французскими легитимистами и ихъ отсутствующимъ главою. Онъ убѣждается въ томъ, что принцу сообщаются изъ Франціи совершенно невѣрныя свѣденія. Ему пишутъ о Вандеѣ, готовой водрузить бѣлое знамя, о двухъ стахъ тысячахъ легитимистовъ, ожидающихъ только сигнала, чтобы взяться за оружіе. Всѣ эти сказки идутъ изъ среды тайнаго комитета, раздѣленнаго, несмотря на свою малочисленность, на двѣ враждебныя группы. Во главѣ одной стоитъ герцогъ де-Каръ, дублюра герцога де-Леви, во главѣ другой—знаменитый Беррье. Напрасно Фаллу старается раскрыть глаза Шамбору, доказать ему безнадежность открытаго возстанія, необходимость слiянія съ орлеанистами и уступокъ требованіямъ

времени. Пока Фаллу говоритъ, слова его дѣйствуютъ на принца; но какъ только онъ удаляется, старыя вліянія опять пріобрѣтаютъ всю свою силу. Дѣло доходитъ до того, что у графа Шамбора, какъ у одного изъ его предковъ, Людовика XV-го, оказываются двѣ политики: одна—оффиціальная, гласная, другая—тайная („le secret du roi"), идущая въ разрѣзъ съ первой и торжествующая надъ нею въ рѣшительную минуту. Въ то самое время, когда Беррье и Фаллу говорятъ и подаютъ голосъ, въ законодательномъ собраніи, въ пользу пересмотра конституціи, довѣренный Шамбора, Сенъ-При, воздерживается отъ участія въ голосованіи, а нѣкоторые члены правой присоединяются къ республиканцамъ, отвергающимъ пересмотръ [1]). Декабрьскій переворотъ застаетъ легитимистовъ болѣе разрозненными, болѣе слабыми, чѣмъ когда бы то ни было. Во все продолженіе имперіи графъ Шамборъ дѣлаетъ все зависящее отъ него, чтобы поддерживать эту слабость. Онъ *приказываетъ* своимъ приверженцамъ не принимать никакого участія въ политической жизни, не выступать кандидатами ни въ законодательный корпусъ, ни даже въ генеральные и муниципальные совѣты. Фаллу впадаетъ въ немилость, потому что стоитъ за другую, болѣе активную политику; онъ перестаетъ быть агентомъ графа Шамбора, и письменнымъ его увѣщаніямъ противопоставляется вѣжливый, но упорный и холодный отказъ. Удивляться ли тому, что тридцатилѣтняя жизнь вдали отъ міра, среди небольшой группы покорныхъ, но, въ сущности, тѣмъ болѣе властныхъ слугъ, воспитала въ графѣ Шамборѣ безграничную вѣру въ собственную непогрѣшимость и вмѣстѣ съ тѣмъ неспособность сбросить съ себя привычное иго? Два раза, лѣтомъ 1871 и осенью 1873 года, все было готово для возстановленія монархіи—и оба раза все разбилось объ упрямство графа Шамбора, ни за что не соглашавшагося разстаться съ бѣлымъ знаменемъ. Въ основаніи этого упрямства—таково впечатлѣніе легитимистовъ, напрасно убѣждавшихъ своего короля—лежала вѣра въ сверхъ-естественное внушеніе, устранявшая возможность сомнѣній и колебаній. И дѣйствительно, существованіе подобной вѣры—лучшее объяс-

---

[1]) За пересмотръ конституціи 1848 г. стояли, лѣтомъ 1851 г., съ одной стороны бонапартисты, желавшіе продленія власти президента (Людовика-Наполеона), съ другой—монархисты, разсчитывавшіе на сліяніе обѣихъ линій бурбонскаго дома. Абсолютное большинство высказалось за пересмотръ, но для него необходимо было большинство трехъ четвертей, до котораго не хватило около ста голосовъ; потерявъ надежду на законное переизбраніе, Людовикъ-Наполеонъ рѣшился удержать за собою власть путемъ насилія.

неніе образа дѣйствій, несогласнаго не только съ политическою мудростью, но и съ простымъ здравымъ смысломъ. Фаллу слышалъ отъ Беррье, что Полиньякъ, виновникъ іюльскихъ ордонансовъ, былъ духовидцемъ: онъ воображалъ себѣ, что получаетъ указанія свыше, повелѣвающія ему приступить къ государственному перевороту. Чтò же невѣроятнаго въ томъ, что графъ Шамборъ находился во власти такихъ же иллюзій?.. Какъ бы то ни было, разсказъ Фаллу, до конца оставшагося вѣрнымъ легитимизму, устраняетъ всякое сомнѣніе въ томъ, что главное, если не единственное, препятствіе монархическая реставрація встрѣтила, въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ, въ самомъ Шамборѣ. „Я присутствовалъ при безпримѣрномъ психологическомъ феноменѣ,—замѣтилъ Дюпанлу, возвратясь изъ поѣздки къ графу Шамбору:—никогда еще я не видѣлъ столь абсолютной умственной слѣпоты!“.. „У графа Шамбора нѣтъ будущаго,—сказалъ другой, не менѣе преданный роялистъ:—кто помѣшалъ совершиться чуду, для того оно не повторится“... „Я апеллирую отъ короля къ Богу!“—воскликнулъ въ отчаяніи Шенелонъ, черезъ котораго велись переговоры 1873 года. Онъ упустилъ при этомъ изъ виду французскую пословицу: aide-toi, le ciel t'aidera. Еслибы кто-нибудь до сихъ поръ продолжалъ думать, что окончательное учрежденіе республики въ 1875 г. было политической ошибкой, то записки Фаллу, вмѣстѣ съ другими свидѣтельствами, относящимися къ тому же предмету, должны убѣдить его по меньшей мѣрѣ въ одномъ: что отвѣтственность за эту ошибку упадаетъ не на республиканцевъ.

Мемуары Низара (Souvenirs et notes biographiques) и Легуве (Soixante ans de souvenirs) составляютъ рѣзкій контрастъ съ записками Фаллу [1]). Насколько послѣднія холодны, сухи и односторонни, настолько первые полны жизни и разнообразія. Фаллу почти никогда не выходитъ изъ области политики, свѣтской и церковной; Низаръ и еще болѣе Легуве касаются ея только мимоходомъ. Фаллу повѣствуетъ о томъ, чтò дѣлали и сдѣлали его друзья и противники, но никогда не *показываетъ* ихъ дѣйству-

---

[1]) Низаръ и Легуве родились въ первомъ десятилѣтіи нынѣшняго вѣка; первый недавно умеръ; второй, если мы не ошибаемся, живъ еще до сихъ поръ. Низаръ—авторъ солидныхъ сочиненій по исторіи римской и французской литературы и множества критическихъ статей, въ умѣренно-консервативномъ духѣ; Легуве написалъ нѣсколько комедій и драмъ (въ томъ числѣ, вмѣстѣ съ Скрибомъ, хорошо извѣстную нашей публикѣ „Adrienne Lecouvreur“).

ющими; онъ сообщаетъ матеріалы для ихъ біографій, но не даетъ ихъ характеристикъ. У Низара и Легуве лица, съ которыми имъ приходилось сталкиваться или соприкасаться, составляютъ цѣлую галлерею портретовъ, не всегда, можетъ быть, совершенно схожихъ, но всегда ярко освѣщенныхъ. Отличаясь отъ Фаллу, Низаръ и Легуве не меньше отличаются другъ отъ друга. Легуве—это воплощенное благодушіе; во всемъ и во всѣхъ онъ расположенъ видѣть хорошую, свѣтлую сторону. Низаръ—это воплощенное недоброжелательство; онъ всего лучше замѣчаетъ и всего охотнѣе подчеркиваетъ пятнышки и пятна. Пощаду передъ его судомъ находятъ только личные его друзья, если, притомъ, они не принадлежатъ къ числу людей извѣстныхъ. Легуве многихъ любилъ и почиталъ, но ни передъ кѣмъ не преклонялся до земли; Низаръ не былъ щедръ на симпатію, но передъ Наполеономъ III и императрицей Евгеніей онъ остается до сихъ поръ въ почтительно-придворной позѣ. Конечно, въ культѣ падшей власти всегда есть нѣчто достойное уваженія; но читателямъ невольно приходитъ на мысль, что бонапартизмъ Низара—явленіе чисто случайное. Еслибы его приласкали и возвысили Орлеаны, онъ сдѣлался бы, по крайней мѣрѣ до поры до времени, пламеннымъ орлеанистомъ; еслибы ему отдала справедливость вторая или третья республика, онъ не отказался бы и отъ имени республиканца. Онъ принадлежалъ, повидимому, къ числу тѣхъ натуръ, которыя не могутъ противостоять обаянію власти, въ чьихъ бы рукахъ она ни находилась. Чтобы завоевать такихъ людей, достаточно одной улыбки великихъ міра сего; чтобы упрочить завоеваніе, нужны „вещественные знаки невещественныхъ отношеній". Іюльская монархія виновата тѣмъ, что сдѣлала Низара только директоромъ департамента. Когда онъ являлся въ Тюльери, при Людовикѣ-Филиппѣ, онъ былъ тамъ „менѣе замѣтенъ, чѣмъ любой выскочка финансовъ или торговли". Король не читалъ его книгъ; герцогъ и герцогиня Орлеанскіе только однажды удостоили его разговора. Другое дѣло—имперія. Наполеонъ III не только повысилъ Низара по службѣ, но и приглашалъ его въ Компьенъ, гдѣ неоднократно бесѣдовала съ нимъ императрица. Этого Низаръ забыть никакъ не можетъ, это наполняетъ его благодарностью, подъ вліяніемъ которой у него проявляется иногда качество, наименѣе ему свойственное—наивность. Говоря о своихъ отношеніяхъ къ императору, Низаръ часто выставляетъ самого себя, самъ того не замѣчая, въ свѣтѣ крайне неблагопріятномъ.

Въ 1855 г. французская академія избираетъ въ академики

герцога де-Броль, извѣстнаго политическаго дѣятеля временъ реставраціи и іюльской монархіи. Въ проектѣ вступительной рѣчи герцогъ включаетъ похвалу 18-му брюмера, съ цѣлью оттѣнить косвенное, но достаточно ясное порицаніе 2-го декабря. Низару, какъ очередному директору академіи, приходится приготовить отвѣтъ герцогу де-Броль. Нападенію на декабрьскій переворотъ онъ противопоставляетъ прямую его защиту, возвеличивая Наполеона III-го, какъ „спасителя общества". Академическая коммиссія, на предварительное разсмотрѣніе которой поступаютъ оба проекта, одобряетъ все безъ исключенія въ рѣчи герцога и возстаетъ противъ похвалы 2-му декабря въ рѣчи Низара. Низаръ соглашается исключить похвалу, если герцогъ исключитъ порицаніе—и въ этомъ смыслѣ разрѣшается вопросъ, послѣ долгаго спора, въ которомъ Низара поддерживалъ одинъ Скрибъ (въ академіи преобладали въ то время орлеанисты и легитимисты, враги имперіи). Само собою разумѣется, что пренія, происходившія въ коммиссіи, не остаются тайной. Въ публичномъ засѣданіи академіи рѣчь Низара встрѣчаетъ пріемъ болѣе чѣмъ холодный, почти непріязненный. Панегирикъ имперіи, которымъ онъ замѣнилъ апологію 2-го декабря, выслушивается среди гробового молчанія. Когда онъ кончилъ, никто не подходитъ къ нему, никто не выражаетъ ему сочувствія и одобренія. Онъ ожидалъ, что тѣмъ благосклоннѣе отнесутся къ нему оффиціальныя сферы, но ошибся; тамъ ему ставятъ въ вину недостаточно отрицательное отношеніе къ павшему режиму. На Низарѣ, какъ на директорѣ академіи, лежитъ обязанность представить новаго академика главѣ государства. Во время представленія императоръ не говоритъ Низару ни слова, какъ будто вовсе его не замѣчая [1]). Та же судьба постигаетъ бѣднаго искателя фортуны на вечерѣ у принцессы Матильды. Чтобы поправить дѣло, онъ обращается къ одному изъ каммергеровъ императора, разсказываетъ ему исторію пререканій съ герцогомъ де-Броль; и это средство, однако, не приводитъ къ цѣли. Фонды Низара поднимаются только благодаря счастливой для него непріятности. На одной изъ лекцій его въ Сорбоннѣ (онъ соединялъ въ это время должность члена высшаго совѣта народнаго просвѣщенія съ званіемъ профессора французской литературы) происходятъ безпорядки; многочисленная аудиторія встрѣчаетъ лектора ропотомъ, подражаніемъ крику животныхъ, обидными восклицаніями. Низаръ мужественно выдерживаетъ и эту

---

[1]) Къ самому герцогу де-Броль Наполеонъ III обратился съ слѣдующими словами: „Надѣюсь, что вашъ внукъ будетъ столь же справедливъ къ 2-му декабря, какъ вы—къ 18-му брюмера". „Это рѣшитъ исторія", отвѣтилъ герцогъ.

первую бурю, и неоднократныя ея повторенія; когда полиція арестуетъ главныхъ буяновъ. онъ ходатайствуетъ передъ министромъ юстиціи и самимъ императоромъ о прекращеніи начатаго противъ нихъ судебнаго дѣла. Причиной оскорбленій, нанесенныхъ Низару, былъ переходъ его изъ орлеанистовъ въ бонапартисты; лучшаго патента на благонадежность, съ правительственной точки зрѣнія, нельзя было и требовать—и Низаръ, наконецъ, входитъ въ милость. Его призываютъ къ завѣдыванію высшей нормальной школы; въ началѣ шестидесятыхъ годовъ онъ является даже кандидатомъ въ министры народнаго просвѣщенія, но императоръ предпочитаетъ ему Дюрюи, къ которому Низаръ и относится, зато, съ худо скрытой злобой. Нѣсколько позже Низаръ выказываетъ недостатокъ чутья, удивительный со стороны столь ловкаго человѣка. Когда воспитанники нормальной школы, въ 1867 г., выражаютъ свое сочувствіе Сентъ-Бёву, по поводу либеральной рѣчи, произнесенной имъ въ сенатѣ, Низаръ ошибается въ оцѣнкѣ момента; онъ воображаетъ себѣ, что имѣетъ дѣло, по прежнему, съ авторитарнымъ правительствомъ, и принимаетъ строгія мѣры противъ виновныхъ учениковъ—а правительство оказывается вступившимъ въ фазисъ либеральничанья, и дѣло оканчивается увольненіемъ самого Низара. Скоро, однако, онъ получаетъ другое, высшее назначеніе. Вѣрный системѣ балансированія, характеризующей вторую половину его царствованія, Наполеонъ III призываетъ Низара въ сенатъ—въ тотъ самый сенатъ, гдѣ Сентъ-Бёвъ отстаиваетъ свободу мысли. Еще раньше императоръ посылаетъ Низару свою „Исторію Юлія Цезаря"; Низаръ платитъ за лестный знакъ вниманія хвалебной статьей въ „Монитёрѣ". Въ первоначальномъ наброскѣ этой статьи похвала была обставлена кое-какими оговорками, но изъ окончательной редакціи Низаръ ихъ исключаетъ, по совѣту жены, замѣтившей ему, что „есть случаи, когда не нужно быть слишкомъ правымъ" (il y a des cas où il ne faut pas avoir trop raison). Не наивно ли поступаетъ Низаръ, когда не только приводитъ это обстоятельство въ своихъ запискахъ, но приводитъ его ad majorem gloriam своей жены, какъ доказательство ея мудрости и такта? Не менѣе наивнымъ является Низаръ и при передачѣ своихъ разговоровъ съ императоромъ. Низару ужасно хочется знать, какое впечатлѣніе произвела на императора статья объ „Исторіи Юлія Цезаря". При встрѣчѣ на придворномъ балу онъ рѣшается прямо поставить этотъ вопросъ—и получаетъ уклончивые, полу-насмѣшливые отвѣты, заставляющіе думать, что Наполеонъ либо вовсе не читалъ статьи, либо относился къ ней несерьезно. Низаръ

этого не замѣчаетъ; ничего не значащія фразы въ родѣ: „c'est votre opinion", „je le comprends à merveille" упали изъ устъ вѣнценоснаго автора—и, слѣдовательно, заслуживаютъ быть сохраненными для потомства. Въ другой разъ бесѣда между императоромъ и Низаромъ касается Виктора Гюго. Императоръ выражаетъ удивленіе, что у такого поэта попадаются иногда крайне неудачные стихи. Низару кажется, что Наполеону III пріятно было бы излить желчь противъ автора „Châtiments"; онъ спѣшитъ на-встрѣчу предполагаемому желанію, восклицая: „хорошо было бы, еслибы неудачными стихами исчерпывались всѣ грѣхи В. Гюго!" Императоръ ничего на это не отвѣчаетъ, даже не улыбается; Низаръ, по собственному его выраженію, остается въ неловкомъ положеніи отвергнутаго соблазнителя (j'en fus pour mes avances de tentateur). Одно изъ двухъ: или Низаръ, когда готовилъ къ печати свои записки, не сознавалъ съ достаточною ясностью, какъ некрасива разыгранная имъ роль—или онъ пожертвовалъ собою, чтобы выставить въ яркомъ свѣтѣ великодушіе Наполеона III. Если справедливо послѣднее предположеніе, то Низаръ ошибся въ разсчетѣ; соблазнъ, противъ котораго устоялъ собесѣдникъ Низара, вовсе не былъ такъ великъ, чтобы твердость, выказанная императоромъ, могла считаться дѣйствительной заслугой. Наполеонъ III слишкомъ хорошо зналъ Низара и ему подобныхъ, чтобы высоко цѣнить ихъ усердіе противъ „непріятнаго" писателя.

Восхваляя имперію въ академическихъ и сенатскихъ рѣчахъ, императора—въ газетахъ, Низаръ, очевидно, соприкасался съ политикой; онъ не отказался бы окунуться въ нее и поглубже, еслибы ему былъ предложенъ портфель министра. Это не мѣшаетъ ему проливать слезы надъ великимъ ущербомъ, наносимымъ литературѣ политическою дѣятельностью литераторовъ. Въ подтвержденіе своего тезиса Низаръ ссылается въ особенности на Вилльмена, Сенъ-Маркъ-Жирардена и Вите. Онъ увѣряетъ, что только политика помѣшала этимъ писателямъ создать что-либо крупное и долговѣчное, только политика была причиной умственнаго разстройства, овладѣвшаго однимъ, преждевременной смерти двухъ другихъ. Справедлива ли общая мысль Низара — объ этомъ могутъ быть разныя мнѣнія; но примѣры, имъ приведенные, совершенно бездоказательны. Политическая дѣятельность Вилльмена началась четверть вѣка спустя послѣ литературной; что же мѣшало ему до тѣхъ поръ занять первое мѣсто, какъ критику и историку литературы? Не то ли, что форма всегда перевѣшивала у него содержаніе, краснорѣчивый профессоръ всегда преобладалъ въ

немъ надъ мыслителемъ? То же самое, въ еще бòльшей степени, примѣнимо и къ Вите. и Сенъ-Маркъ-Жирардену, пользовавшимся, притомъ, вынужденнымъ политическимъ досугомъ во все продолженіе второй имперіи (Вилльменъ былъ въ это время старъ и слабъ, хотя и продолжалъ работать). О „преждевременной" смерти Вите и Сенъ-Маркъ-Жирардена не можетъ быть и рѣчи, потому что они оба далеко перешли за рубежъ зрѣлаго возраста, проживъ никакъ не менѣе шестидесяти лѣтъ. Что касается до умственнаго разстройства Вилльмена, то едва ли оно зависѣло *только* отъ неудачъ, понесенныхъ имъ въ качествѣ пэра Франціи и министра народнаго просвѣщенія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стòитъ лишь вспомнить ту главу въ „Choses vues", гдѣ Викторъ Гюго разсказываетъ свою бесѣду съ больнымъ Виллъменомъ; въ помѣшательствѣ послѣдняго очевидно играли роль семейныя несчастья. На другой возможный его источникъ есть указаніе у самого Низара. Въ 1835 г., когда Виллъменъ еще не думалъ о министерскомъ портфелѣ (онъ былъ министромъ въ кабинетѣ Гизо, съ конца 1840 по 1845 г.), онъ просилъ Низара прочесть, въ корректурѣ, только-что написанную имъ статью и сообщить ему свое мнѣніе о ней. Зная самолюбіе Виллъмена и понимая, вмѣстѣ съ тѣмъ, что его не удовлетворитъ одна голословная похвала, Низаръ рѣшился возразить противъ одного только слова, чтобы оттѣнить этимъ самымъ восхищеніе всѣмъ остальнымъ. Такъ онъ и сдѣлалъ—но Виллъменъ не могъ перенести спокойно и самаго невиннаго замѣчанія. „Ужъ не считаете ли вы себя писателемъ?" воскликнулъ онъ презрительно [1]) — и хлопнулъ дверью за Низаромъ, поспѣшившимъ прервать непріятный разговоръ. Нетерпимость къ критикѣ, доведенная до такой крайней степени, очень похожа на болѣзненную раздражительность, зачатки которой очевидно существовали въ Виллъменѣ издавна. Это могло бы расположить Низара къ снисходительности—но мы не видимъ никакихъ слѣдовъ ея въ воспоминаніяхъ его о Виллъменѣ. Онъ пользуется каждымъ случаемъ, чтобы выставить своего бывшаго начальника [2]) въ возможно болѣе неблагопріятномъ свѣтѣ. Виллъменъ является у Низара мелочнымъ, фальшивымъ, явно несправедливымъ; даже комплименты, расточаемые ему, какъ про-

---

[1]) Низаръ былъ уже въ это время авторомъ книги о латинскихъ поэтахъ эпохи упадка, имѣвшей успѣхъ и расхваленной самимъ Виллъменомъ.

[2]) Низаръ былъ директоромъ департамента при трехъ министрахъ народнаго просвѣщенія — Сальванди, Кузенѣ и Виллъменѣ. Хорошо отзывается онъ только о первомъ, открывшемъ ему доступъ къ административной карьерѣ — и притомъ гораздо менѣе талантливомъ, чѣмъ два другіе.

фессору, постоянно отзываются чѣмъ-то кисло-сладкимъ. Совсѣмъ инымъ изображенъ Вилльменъ у Легуве, задача котораго заключается не въ томъ, чтобы выместить давнишнія обиды, а въ томъ, чтобы объяснить послѣдующимъ поколѣніямъ колоссальный, въ свое время, успѣхъ лекцій Вилльмена. Тамъ, гдѣ Низаръ видитъ только дѣланность и напускную чувствительность, Легуве показываетъ искреннюю любовь къ красотѣ, пламенное увлеченіе искусствомъ. Удачно выбранный примѣръ — сравненіе „Смерти Цезаря“ Вольтера съ „Юліемъ Цезаремъ“ Шекспира—знакомитъ насъ наглядно и съ профессорскими пріемами Вилльмена, и съ нейтральной позиціей, которую онъ занималъ между новаторами и приверженцами старины. Злословіе Низара раскрываетъ передъ нами кое-какіе уголки административныхъ и литературныхъ сферъ іюльской монархіи; восторженность Легуве помогаетъ намъ понять главныя теченія тогдашней эпохи. Низаръ совершенно умалчиваетъ о послѣднихъ годахъ жизни Вилльмена, когда негодованіе противъ наполеоновскаго деспотизма вызвало его къ новой дѣятельности и разсѣяло тьму, сгустившуюся надъ его разсудкомъ; Легуве основательно видитъ въ нихъ достойный конецъ славнаго существованія. Столь же различны, по духу, отзывы Низара и Легуве о Ламартинѣ. Низару доставляетъ, повидимому, большое удовольствіе напоминать заброшенность и униженіе, омрачившія старость Ламартина. Онъ ставитъ себѣ въ заслугу, что не отказывалъ Ламартину въ пожатіи руки, когда встрѣчался съ нимъ въ академіи; другіе академики, если вѣрить Низару, избѣгали даже подходить къ поэту, пережившему свою славу. Долги Ламартина Низаръ приписываетъ „фривольнымъ причинамъ“; онъ упрекаетъ его въ неумѣньѣ помириться съ бѣдностью. Легуве признаетъ непрактичность поэта, жалѣетъ о неспособности его справиться съ дѣлами и долгами — но приводитъ примѣры его благотворительности, размахъ которой слишкомъ очевидно не соотвѣтствовалъ его средствамъ и долженъ былъ, рано или поздно, привести его къ разоренію.

То свойство натуры Легуве, которое всего лучше можно характеризовать французскимъ терминомъ: bienveillance universelle, выражается не только въ отзывахъ его о знаменитостяхъ въ родѣ Ламартина или Вилльмена. Отецъ Легуве, оставившій его сиротой на пятомъ году отъ рожденія, принадлежалъ, въ свое время, къ числу извѣстныхъ французскихъ писателей. Его трагедіи („Смерть Авеля“, „Эпихарида и Неронъ“, „Смерть Генриха IV“) имѣли, въ концѣ прошлаго вѣка и началѣ нынѣшняго, большой успѣхъ на главной парижской сценѣ; его поэма: „Le mérite des

femmes“ долго пользовалась громадною популярностью. Когда Легуве-сынъ вступилъ въ жизнь, онъ на каждомъ шагу встрѣчалъ добрую память объ отцѣ—но для массы общества, увлекавшейся восходящими звѣздами романтизма, представитель отжившей классической поэзіи не существовалъ почти вовсе. Легуве началъ съ того, что изучилъ произведенія своего отца—и это предрѣшило отношенія его къ литературѣ. Онъ сталъ искать и находить красоту не только въ томъ, что̀ признано вѣками или прославляется модой, но и вездѣ, не исключая наиболѣе пренебрегаемыхъ литературныхъ періодовъ. Вѣрный этому стремленію и въ своихъ запискахъ, онъ посвящаетъ одну ихъ главу Казиміру Делавиню, котораго затмила слава Гюго и Ламартина, другую—Лемерсье, трагедіи котораго раздѣляютъ судьбу всего написаннаго въ стихахъ во время первой имперіи. Онъ говоритъ подробно объ Эженѣ Сю и Скрибѣ, около которыхъ давно уже водворилась тишина, рѣзко противоположная шуму тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Онъ извлекаетъ изъ архивовъ имена Андріё и Жуи, Дюпати и Бауръ-Лорміана—и нельзя не признать, что весь этотъ трудъ потраченъ не напрасно. Скинуть со счетовъ цѣлыя эпохи, цѣлыя отрасли литературы весьма легко, но гораздо полезнѣе сохранить изъ нихъ все то, что̀ заслуживаетъ сохраненія. Съ особенною любовью Легуве останавливается на тѣхъ чертахъ изъ жизни воскрешаемыхъ имъ авторовъ, которыя показываютъ въ нихъ *людей*, и притомъ людей хорошихъ. Въ Казимірѣ Делавинѣ ярко выступаетъ на видъ задушевное отношеніе къ молодежи, къ начинающимъ литераторамъ; въ Лемерсье—чувство независимости, въ силу котораго другъ перваго консула становится непреклоннымъ противникомъ императора; въ Сю и Скрибѣ—благотворительность, облеченная въ самыя деликатныя формы. Общій фонъ всѣхъ этихъ картинъ, проглядывающій помимо воли автора—безконечная доброта самого Легуве, нашедшаго въ ней главное счастье своей жизни.

Легуве и Низаръ, какъ и Фаллу, были членами французской академіи, о которой въ ихъ запискахъ говорится не мало. Все относящееся къ этому предмету пріобрѣтаетъ особенное значеніе именно теперь, когда извѣстный романъ Додэ (L'immortel) опять поставилъ на очередь вопросъ о raison d'être академіи и академиковъ. Всего меньше матеріала даютъ, въ этомъ отношеніи, записки Фаллу. Онъ принадлежалъ къ числу „политическихъ академиковъ“, избираемыхъ не за литературныя заслуги, а въ видѣ демонстраціи въ пользу извѣстныхъ мнѣній или (еще чаще) противъ извѣстнаго правительства. Во время второй имперіи, какъ

мы уже имѣли случай замѣтить, въ академіи преобладали такъ-называемыя старыя партіи (les vieux partis), враждебныя наполеонизму и расположенныя съ одной стороны къ политической свободѣ, къ парламентарному образу правленія, съ другой—къ католической церкви. Этими двумя теченіями объясняется выборъ герцога де-Броль, герцога де-Ноаль, Лакордера, Дюпанлу, Ж. Фавра, Беррье и самого Фаллу, изъ которыхъ ни одинъ не занималъ виднаго мѣста въ литературѣ. По отношенію къ Лакордеру, Беррье и Ж. Фавру нѣкоторымъ правомъ на избраніе служило выдающееся краснорѣчіе, но въ пользу Фаллу нельзя было привести даже и этого аргумента; онъ владѣлъ словомъ, какъ многіе другіе. О чисто-политическомъ характерѣ его избранія (состоявшагося въ 1856 г.) свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ, приводимый имъ самимъ въ его запискахъ. „Прочтите исторію Пія V,—сказалъ одинъ изъ друзей Гизо, обращаясь къ этому вліятельнѣйшему академику,—и вы увидите, можетъ ли протестантъ подать голосъ за Фаллу". „Такъ какъ я твердо рѣшился подать голосъ за Фаллу,—отвѣтилъ Гизо,—то я не стану читать его книгъ". Такая подготовка къ выборамъ по меньшей мѣрѣ весьма оригинальна... Низаръ и Легуве попали въ академію другимъ путемъ, помимо политическихъ соображеній. Первый былъ выбранъ около 1850 г., когда борьба партій происходила на политической аренѣ и не имѣла еще надобности въ академическомъ убѣжищѣ. Въ первый разъ его кандидатура была заявлена до февральской революціи; надъ нимъ одержалъ тогда верхъ Сенъ-При, мало извѣстный писатель, но крупный аристократъ. Во второй разъ конкуррентами Низара явились Монталамберъ и Альфредъ Мюссе. Между заслугами Монталамбера и Низара разница была невелика, и вѣсы легко могли склониться на сторону послѣдняго, который и получилъ больше голосовъ, чѣмъ первый (16 противъ 12); но что̀ сказать о цифрѣ голосовъ, поданныхъ за Мюссе *(пять)*? Не ясно ли, что въ учрежденіи истинно-литературномъ пораженіе великаго поэта второстепеннымъ ученымъ и мастеромъ громкихъ фразъ было бы совершенно немыслимо? Правда, нѣсколько времени спустя былъ избранъ въ академики и Мюссе; но это было уже незадолго до его смерти, когда онъ почти перестalъ писать... Легуве оказался счастливѣе Низара не только тѣмъ, что былъ выбранъ сразу (въ 1855 г.), но и тѣмъ, что единственнымъ его соперникомъ былъ Понсаръ, развѣ немногимъ его превосходившій дарованіемъ и славой.

И Легуве, и Низаръ, стараются скрасить обычай, требующій

отъ кандидатовъ въ академики посѣщенія всѣхъ будущихъ избирателей; но это не удается ни тому, ни другому. „Развѣ такъ тяжело,—восклицаетъ Легуве,—побесѣдовать по нѣскольку минутъ съ тридцатью-девятью наиболѣе выдающимися людьми данной эпохи?" Въ томъ-то и дѣло, что далеко не всѣ академики могутъ быть названы людьми наиболѣе выдающимися или даже просто выдающимися. Какова бы ни была, въ началѣ XIX-го вѣка, извѣстность Брифо или Бауръ-Лорміана, полстолѣтія спустя, въ моментъ кандидатуры Низара и Легуве, они были до такой степени забыты, что кандидатамъ пришлось спеціально, ad hoc, знакомиться съ ихъ сочиненіями. Хорошо еще, что Легуве чувствовалъ нѣжность ко всему отжившему и ко всѣмъ пережившимъ самихъ себя—но Низаръ, совершенно чуждый этому чувству, неизбѣжно долженъ былъ играть роль, не особенно пріятную и еще менѣе почетную. Онъ изобрѣлъ, для собственнаго оправданія, цѣлую теорію, заключающуюся въ томъ, что кандидатъ въ академики, изучающій сочиненія своихъ судей, *невольно* отдаетъ имъ полную справедливость. А если именно справедливость и требуетъ ихъ осужденія? Откуда взять тогда матеріалъ для комплиментовъ, неизбѣжность которыхъ признаетъ даже сравнительно-независимый Легуве?.. До чего можетъ довести академическая кандидатура, это видно съ особенною ясностью изъ записокъ Низара. Когда онъ вторично явился кандидатомъ, однимъ изъ самыхъ властныхъ академиковъ былъ герцогъ Пакье (Pasquier), министръ во время реставраціи, канцлеръ и президентъ палаты перовъ при Людовикѣ-Филиппѣ. Низаръ дѣлаетъ ему обычный визитъ; Пакье ничего ему не обѣщаетъ, но принимаетъ его благосклонно и приглашаетъ къ себѣ обѣдать. Въ промежутокъ времени между приглашеніемъ и днемъ обѣда соперникомъ Низара выступаетъ Монталамберъ, на сторону котораго всецѣло становится Пакье. Низаръ, ничего не подозрѣвая, является въ назначенный день въ домъ герцога, подходитъ къ хозяину дома, „со всей любезностью и всѣми благодарными улыбками счастливаго кандидата" (j'apportais toute la bonne grâce et tous les sourires reconnaissants d'un candidat qui se croit adopté); но Пакье его какъ будто не видитъ и не слышитъ, не отвѣчаетъ ни слова на его привѣтствіе. Сконфуженный Низаръ хочетъ удалиться, тѣмъ болѣе, что ему становится извѣстной причина перемѣны въ обращеніи Пакье—но его удерживаетъ Барантъ (также академикъ), объясняя, что его уходъ оскорбитъ Пакье (а Пакье развѣ не оскорбилъ Низара?). „Слова Баранта,—говоритъ Низаръ,—меня не убѣдили, но я не

сталъ противъ нихъ спорить; *кандидатъ ни о чемъ не споритъ съ своими избирателями*". Угодливость и приниженность являются здѣсь возведенными въ принципъ, какъ первыя добродѣтели кандидата. Низаръ не только съѣлъ обѣдъ Пакье, приправленный столь изысканною вѣжливостью, но и счелъ нужнымъ разсказать о томъ читателямъ, вѣроятно въ поученіе тѣмъ изъ нихъ, которымъ суждено гдѣ-либо и когда-либо ставить и поддерживать свою кандидатуру.

Ошибочно было бы думать, однако, что въ запискахъ Фаллу, Низара и Легуве отражаются однѣ только непригдядныя для посторонняго зрителя стороны академической жизни. Напротивъ того, мы видимъ здѣсь и лицевую сторону медали. Общее дѣло, соединяющее академиковъ, установляетъ между ними нѣкоторую близость, не вполнѣ устраняемую ни политическими столкновеніями, ни личнымъ соперничествомъ. О своихъ товарищахъ по академіи даже Низаръ отзывается мягче, чѣмъ о другихъ писателяхъ. Легуве нашелъ между ними не только добрыхъ знакомыхъ, но и друзей. Фаллу, благодаря академіи, могъ поддерживать сношенія съ Тьеромъ. Большинство академиковъ относится къ своимъ обязанностямъ добросовѣстно и серьезно; политика, какъ мы уже видѣли, вторгается въ ихъ рѣшенія преимущественно тогда, когда для нея не остается другого мѣста, кромѣ академіи. Съ большимъ интересомъ читается въ запискахъ Низара та глава, въ которой идетъ рѣчь о присужденіи французской академіей, въ 1861 г., большой академической преміи въ 20.000 франковъ [1]). Выборъ предстояло сдѣлать между тремя писателями, совершенно разнородными: романистомъ (Ж. Зандъ), историкомъ (Анри Мартенъ) и философомъ-публицистомъ (Ж. Симонъ). За Ж. Занда стояли въ особенности Мериме, Сентъ-Бёвъ и Жюль Сандо, къ которымъ присоединился и Низаръ. Главными защитниками Анри Мартена были Гизо и Минье, главными защитниками Жюля Симона—Ремюза и Легуве. Господствующей роли въ этомъ разногласіи политическія соображенія, очевидно, не играли; иначе консерваторъ Гизо не сталъ бы на сторону демократа Анри Мартена, монархистъ Ремюза не очутился бы въ союзѣ съ республиканцемъ Легуве, бонапартисты

[1]) Эта премія, учрежденная Наполеономъ III, присуждается, черезъ каждые два года, поочередно одною изъ пяти академій, входящихъ въ составъ французскаго института. На долю французской академіи присужденіе ея выпадало до сихъ поръ три раза, въ 1861, 1871 и 1881 г.; въ послѣдній разъ ее получилъ Низаръ, за „Исторію французской литературы".

Мериме, Сентъ-Бёвъ и Низаръ не высказались бы за автора соціалистическихъ романовъ и редактора бюллетеней Ледрю-Роллена. Рѣшительнаго большинства не получилъ ни одинъ изъ кандидатовъ: за Ж. Занда было подано восемь голосовъ, за А. Мартена и Ж. Симона—по семи, и академія кончила тѣмъ, что присудила премію своему сочлену, Тьеру, за только-что оконченную тогда „Исторію консульства и имперіи“.

Разсказанный нами эпизодъ съ Ж. Зандомъ свидѣтельствуетъ о томъ, что и Низару случалось быть безпристрастнымъ. Въ его жизни есть одинъ эпизодъ, дѣлающій ему еще болѣе чести. Когда онъ былъ очень молодъ, ему не были чужды оппозиціонныя стремленія; къ правительству реставраціи онъ относился враждебно, и даже сражался противъ него на іюльскихъ баррикадахъ. Неудивительно поэтому, что онъ согласился писать въ газетѣ Армана Карреля („National“), когда разница въ литературныхъ мнѣніяхъ заставила его разойтись съ редакціей „Journal des Débats“ (эта газета безусловно поклонялась въ то время Виктору Гюго, а Низаръ съ самаго начала занялъ нейтральное положеніе между классиками и романтиками, склоняясь скорѣе на сторону первыхъ). Сотрудничество Низара въ „National“ продолжалось недолго; его тянуло въ оффиціальныя сферы, противъ которыхъ все рѣзче и рѣзче вооружался Каррель. И все-таки, когда Каррель былъ убитъ на поединкѣ съ Э. Жирарденомъ, Низаръ посвятилъ ему сочувственную статью, напечатанную въ „Revue des deux Mondes“. Это не понравилось тогдашнему первому министру, Моле; онъ нашелъ, что чиновникъ (Низаръ былъ въ то время правителемъ канцеляріи министра народнаго просвѣщенія, Сальванди) не долженъ хвалить оппозиціоннаго писателя. Низаръ хотѣлъ тотчасъ же подать въ отставку; Сальванди удержалъ его отъ этого, предложивъ ему изложить письменно исторію своихъ сношеній съ Каррелемъ. Письмо Низара было прочитано въ совѣтѣ министровъ, одобрено королемъ—и монархистъ, открыто признавшій себя другомъ республиканца, остался на службѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя Низаръ, вѣроятно, поступилъ бы иначе. Съ годами въ немъ все больше и больше развивались два чувства, тѣсно связанныя между собою: суевѣрный страхъ передъ „принципомъ свободы“ — и привязанность къ выгодамъ и удобствамъ выдающагося оффиціальнаго положенія. Вмѣстѣ съ прирожденнымъ нерасположеніемъ къ соперникамъ и совмѣстникамъ, эти чувства и обусловливаютъ собою тотъ мало симпатичный колоритъ, въ который окрашена бóльшая часть записокъ Низара.

Какъ ни глубоко было убѣжденіе Низара въ спасительности и необходимости классическаго образованія, оно не помѣшало ему быть сотрудникомъ министра (Фортуля), затѣявшаго знаменитую систему „бифуркаціи". Прежде всего *мѣсто*, а потомъ уже мнѣнія—таковъ былъ, съ конца тридцатыхъ годовъ, постоянный девизъ Низара. *Интересъ* его мемуаровъ отъ этого нимало не страдаетъ; напротивъ того, именно это дѣлаетъ ихъ характеристичными—и не только для самого Низара, но и для эпохи (конецъ іюльской монархіи и вся вторая имперія), въ большомъ числѣ производившей экземпляры этого типа.

К. Арсеньевъ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РОСПИСЬ

НА 1889 ГОДЪ.

Опубликованная въ началѣ января государственная роспись на 1889 годъ, вмѣстѣ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ министра финансовъ по этой росписи, сведена, *по обыкновенному бюджету*, съ превышеніемъ доходовъ надъ расходами въ суммѣ 4.508.137 рублей. Для лучшаго уясненія себѣ значенія цифръ росписи 1889 г., рядомъ съ ними приведемъ цифры росписей двухъ предшествовавшихъ лѣтъ, сопоставляя съ цифрами росписи 1887 года и цифры исполненія этой росписи:

	по росписи 1887 г.	по исполненію росписи 1887 г.	по росписи 1888 г.	по росписи 1889 г.
Обыкновенныхъ доходовъ	793.118.046	825.886.274	851.767.628	861.313.221 [1]
Обыкновенныхъ расходовъ	829.676.680	832.074.710	851.242.423	856.805.064
	недоборъ въ доходахъ:		излишекъ въ нихъ:	
	36.558.634	6.188.436	525.205	4.508.137

При обсужденіи государственныхъ бюджетовъ прошедшихъ лѣтъ, не раздѣляя господствующихъ взглядовъ на средства, которыми должны быть устранены дефициты по исполненію государственныхъ росписей, мы, однако, не переставали указывать, что прежде всего, тѣмъ или другимъ, но всегда болѣе или менѣе правильнымъ путемъ должно быть установлено равновѣсіе между государственными доходами и расходами, причемъ бюджету такъ-называемыхъ чрезвычайныхъ поступленій и расходовъ отводили весьма ограниченную

[1]) Изъ этихъ цифръ исключены оборотные доходы и расходы. Мы не разъ уже упоминали, что цифры ихъ не болѣе какъ взаимные счеты вѣдомствъ и, составляя лишь повтореніе уже внесенныхъ разъ въ бюджетъ доходовъ и расходовъ, искусственно увеличиваютъ цифры бюджета, не нарушая, впрочемъ, баланса, такъ какъ оборотные доходы исчисляются въ томъ же размѣрѣ, какъ и расходы. По росписи 1888 г., такихъ доходовъ и расходовъ 2.589.587 рублей; по росписи 1889 года—4.149.744 р.

область. По поводу того же вопроса нынѣшнее финансовое управленіе высказывается такъ: „не слѣдуетъ полагать,—говоритъ всеподданнѣйшій докладъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1889 годъ,—что финансовая задача разрѣшена удовлетворительно, пока въ обыкновенномъ бюджетѣ не получится такое превышеніе доходовъ, которое вмѣстѣ съ чрезвычайными поступленіями, помимо кредитныхъ операцій, могло бы покрывать полностью ежегодные чрезвычайные расходы". Впрочемъ неосуществленіе на дѣлѣ такихъ „pia desideria" не препятствуетъ, повидимому, быть довольнымъ и тѣмъ, что „обыкновенный бюджетъ на предстоящій 1889 г., подобно росписи на 1888 годъ, заключается не только безъ дефицита, но съ превышеніемъ обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами, который притомъ вмѣсто полумилліона рублей, выведенныхъ въ бюджетѣ на 1888 годъ, оказывается по росписи 1889 года въ значительно большемъ размѣрѣ и составляетъ 4½ мил. рублей".

Остановимся пока и мы на обыкновенномъ бюджетѣ, цифры котораго выше приведены нами. Доходовъ въ 1889 году ожидается болѣе, сравнительно съ росписью 1888 года, на 9½ м. р., вслѣдствіе приращенія доходовъ по 26 статьямъ росписи приблизительно на 25 м. р., и при уменьшеніи по 9 статьямъ на 15½ мил. рублей. Наиболѣе значительное увеличеніе предполагается: а) по налогу за право торговли (до 2 мил. р.), вслѣдствіе, главнымъ образомъ, дополнительнаго раскладочнаго сбора на предпріятія, содержимыя по документамъ мелочного торга и промысловыхъ и возвышенія цѣны нѣкоторыхъ торговыхъ документовъ; б) по питейному доходу (почти на 5 мил. р.); в) по акцизамъ съ освѣтительныхъ матеріаловъ (на 3 мил. р.) и съ зажигательныхъ спичекъ на 2 мил. р. [1]), соотвѣтственно поступленію этихъ доходовъ въ 1888 году; г) по почтовому доходу (на 2 мил. р.), вслѣдствіе ежегоднаго естественнаго возрастанія этого дохода, а также вслѣдствіе возвышенія съ 1889 г. таксы на заграничную корреспонденцію (на 290 тыс. р.) и установленія новой таксы на вѣсовой сборъ внутри имперіи (на 800 тыс. р.); д) по доходу отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ (на сумму до 4 мил. р.), вслѣдствіе открытія для движенія вновь построенныхъ дорогъ самаро-уфимской, псково-рижской и самаркандскаго участка закаспійской дороги и увеличенія доходности нѣкоторыхъ изъ существовавшихъ.

Главное уменьшеніе предвидится по доходамъ: а) таможенному (на 3½ мил. р.), б) по обязательнымъ платежамъ желѣзныхъ дорогъ, в) по доходамъ разнаго рода (на 4½ мил. р.).

---

[1]) Назначено по росписямъ акциза

	1888 г.	1889 г.
съ освѣтительныхъ нефтяныхъ маслъ . . .	5.000.000 р.	8.024.000 р.
съ зажигательныхъ спичекъ	1.000.000 р.	3.029.000 р.

Изъ упомянутыхъ доходовъ необходимо остановиться на слѣдующихъ:

Питейный доходъ. Онъ внесенъ въ роспись 1889 года въ суммѣ 256.927.880 рублей, болѣе предшествующаго года на 4.790.800 р., но менѣе дѣйствительнаго поступленія 1887 года почти на 700 тыс. рублей, хотя въ 1889 г. акцизъ долженъ поступать по увеличенному съ 1888 г. размѣру на 25 к. съ ведра безводнаго спирта, что̀ съ 25 мил. ведеръ, оплаченныхъ акцизомъ въ 1887 г., составило бы болѣе 6 мил. р. Питейный доходъ, какъ извѣстно, въ послѣдніе годы сталъ обнаруживать сильное и несовсѣмъ понятное колебаніе. Доставивъ въ 1883 году слишкомъ $253^1/_2$ мил. р., онъ въ слѣдующіе три года значительно упалъ, несмотря на то, что акцизъ съ 8 р. съ ведра безводнаго спирта былъ возвышенъ до 9 р., и только въ 1887 году достигъ $257^1/_2$ м. р. Но и здѣсь, если принять объясненіе министерства финансовъ, что 7 мил. р. изъ питейнаго дохода 1887 г. должны считаться принадлежностью 1888 года, окажется не повышеніе, а пониженіе. Такое явленіе, особенно при хорошемъ урожаѣ 1886 и 1887 годовъ, можетъ объясняться лишь тѣмъ, что значительная часть пускаемаго въ народное обращеніе вина ускользаетъ отъ оплаты акцизомъ. Такимъ образомъ, размѣръ питейнаго дохода въ томъ или другомъ году зависитъ отъ того, на чьей сторонѣ окажется перевѣсъ въ борьбѣ акцизнаго и таможеннаго вѣдомства съ нарушителями питейнаго устава. Что это такъ, подтверждается свидѣтельствомъ весьма компетентныхъ вѣдомствъ. Государственный контроль увеличеніе питейнаго дохода въ 1887 году объясняетъ урожаемъ по всей имперіи, а „отчасти уменьшеніемъ ввоза контрабанднаго спирта изъ Пруссіи, вслѣдствіе возвышенія въ ней акциза на спиртъ [1]). Къ сожалѣнію, въ другихъ внутреннихъ нашихъ порядкахъ мы не имѣемъ такого умѣлаго и усерднаго радѣтеля нашихъ интересовъ, какъ Пруссія, а сами, разумѣется, справиться съ ними не можемъ. Подрываетъ же нашъ питейный доходъ не одна контрабанда, но и домашнія нарушенія питейнаго устава. Вотъ что̀, относительно ихъ, читаемъ мы въ недавно вышедшемъ отчетѣ департамента неокладныхъ сборовъ за 1887 годъ: „постоянное увеличеніе числа случаевъ тайнаго винокуренія и нѣкоторыхъ видовъ нарушеній правилъ о торговлѣ напитками (контрабанды), на которое было указано въ отчетахъ за предшествующіе годы, продолжало имѣть мѣсто и въ отчетномъ году. Изслѣдуя причины этого явленія, обнаруживается сама собою непосредственная его связь съ постепенным возрастаніемъ цѣнъ на вино, происходя-

---

[1]) Объяснительная записка къ отчету государственнаго контроля объ исполненіи госуд. росписи за 1887 годъ, стр. 19.

щимъ, въ свою очередь, отъ постепеннаго увеличенія взимаемаго съ вина акциза. Выгода, извлекаемая нарушеніемъ питейнаго устава, увеличивается съ каждымъ годомъ, а сопряженные съ нарушеніемъ рискъ и тяжесть положеннаго за него взысканія остаются неизмѣнными; неудивительно поэтому, что каждое новое увеличеніе акциза на вино имѣетъ своимъ послѣдствіемъ увеличеніе числа случаевъ обнаруженія тайнаго винокуренія и контрабанды. Какъ бы дѣятельность акцизнаго надзора ни была успѣшна,—а успѣшность ея доказывается ежегоднымъ увеличеніемъ числа случаевъ обнаруженія тайнаго винокуренія и контрабанды—это зло искоренить невозможно" [1]).

Все это безусловно справедливо, и можно лишь недоумѣвать, почему министерство финансовъ, въ одномъ изъ своихъ органовъ теоретически такъ хорошо опредѣляющее вредное значеніе высокихъ налоговъ, на практикѣ тѣмъ не менѣе, въ томъ же 1887 году, снова увеличило размѣръ акциза со спирта, и безъ того уже доходившій до крайне высокой цифры 9 р. съ градуса безводнаго спирта. Казна, получившая питейнаго дохода въ 1883 году при восьми-рублевомъ акцизѣ 253½ мил. р., въ слѣдующіе годы стала получать меньше; получила меньше даже въ 1887 году (какъ это показано выше), несмотря на хорошій двухъ-лѣтній урожай; между тѣмъ народъ несомнѣнно, и въ 1886, и въ 1887 году, переплатилъ за вино по 25 мил. р. въ годъ лишнихъ. Исправить прежнюю ошибку, сдѣланную относительно увеличенія акциза на спиртъ, въ настоящее время очень трудно; однимъ пониженіемъ акциза едва ли можно возстановить прежній порядокъ; и контрабанда, и тайное винокуреніе, и искусство заводчиковъ, вопреки акцизному надзору и контрольнымъ снарядамъ, утаивать часть выкуреннаго вина, и искусство обходить другіе питейные уставы—пустили слишкомъ глубокіе корни, благодаря большой преміи за закононарушеніе [2]). Пониженіе акциза, а слѣдовательно и выгодъ, извлекаемыхъ нарушителями питейнаго устава, едва ли сразу замѣтно понизило бы число ихъ; но это не причина идти далѣе по пути возвышенія питейныхъ налоговъ. Во всякомъ случаѣ, исторія этого налога, такъ наглядно выразившаяся въ цифрахъ, можетъ служить поучительнымъ примѣромъ въ обращеніи вообще съ налогами, указывая на опасность слишкомъ натягивать струны.

Цифру питейнаго дохода, внесенную въ роспись 1889 г., мы го-

---

[1]) Отчетъ департамента неокладныхъ сборовъ за 1887 годъ, стр. 148.

[2]) „Лица, торгующія безпатентно, успѣли пріучиться къ осторожности, привыкнуть къ страху, внушенному изданіемъ правилъ 28-го мая 1883 года, и обставляютъ нынѣ свою торговлю такъ, что ее труднѣе обнаружить",—читаемъ мы въ отчетѣ департамента неокладныхъ сборовъ (стр. 168). Равносильныхъ указаній въ этомъ отчетѣ мы могли бы привести еще нѣсколько.

товы считать скорѣе слишкомъ скромною, нежели преувеличенною, но замѣтимъ, что то же мы думали относительно смѣтной цифры 1886 года, вслѣдъ за повышеніемъ акциза на копѣйку съ градуса— и ошиблись: по исполненію росписи оказался недоборъ слишкомъ въ 13 мил. рублей. Свое заключеніе мы основывали на примѣрахъ прежняго времени, когда каждое увеличеніе питейнаго акциза увеличивало питейный доходъ. Такъ напр., возвышеніе акциза съ 7 рублей на 8 съ ведра безводнаго спирта сразу подняло питейный доходъ съ $225^1/_2$ мил. р., полученныхъ въ 1881 году, до 253 мил. р., поступившихъ въ 1882 г., т.-е. на $27^1/_2$ мил. р., какъ разъ на все количество расходовавшагося спирта (около 27 мил. ведеръ). Но то, что̀ повторялось пять-шесть разъ до 1883 года въ теченіе двадцатилѣтія со времени введенія акцизной системы, не повторилось въ періодъ 1885—1887 гг., можетъ не повториться и въ 1889 г. Разсчетъ, основанный на опытѣ и ариѳметикѣ, оказался и можетъ оказаться впредь невѣрнымъ, вслѣдствіе трудно поддающагося измѣренію воздѣйствія экономическихъ законовъ, какъ-то странно дѣйствующихъ въ одномъ направленіи до какого-то непредвидимаго заранѣе предѣла, и начинающихъ реагировать, когда этотъ предѣлъ перейденъ.

Таможенный доходъ исчисленъ въ суммѣ 121 мил. рублей, менѣе противъ росписи 1888 года на $3^1/_2$ мил. р. Но, какъ это и замѣчаетъ министерство финансовъ, такое уменьшеніе только кажущееся, происходящее отъ разнаго курса, по которому металлическія таможенныя поступленія перечисляются въ кредитную валюту. Для 1888 года курсъ былъ принятъ 1 р. 80 коп. кред. за металлическій рубль; для 1889 г. курсъ этотъ опредѣленъ государственнымъ совѣтомъ въ 1 р. 70 коп. за металлическій рубль. Если сопоставить таможенный доходъ росписей 1889 г. съ дѣйствительнымъ поступленіемъ 1887 года, то онъ является въ слѣдующихъ цифрахъ:

	по отчету за 1887:	по росписямъ 1888 г.	1889 г.:
въ кредитныхъ рубл. . .	107.424.898	124.583.000	121.012.500.
„ металл. рубляхъ . . .	64 м. р.	69 м.	71 м. [1]).

Такимъ образомъ, ожидается, что таможенный доходъ 1888 года превзойдетъ на 5 мил. р., а доходъ 1889 г.—на 7 мил. р. поступленіе 1887 года. Ожиданія эти министръ финансовъ во всеподданнѣйшемъ

[1]) Мы переложили въ золотую валюту весь таможенный доходъ, хотя нѣкоторая часть его, милліонъ съ небольшимъ, поступаетъ въ кредитныхъ рубляхъ. Происходящая отъ такой неточности разница такъ незначительна, что не измѣняетъ отношенія между цифрами. Напомнимъ, что курсъ, принятый для 1887 года, былъ 1 р. 67 к. кред. за металлическій рубль.

по росписи докладѣ основываетъ преимущественно на благопріятномъ поступленіи таможенныхъ сборовъ въ 1888 году, вслѣдствіе оживленія внѣшней торговли и улучшенія курса, а также на нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствахъ: ожидаемомъ усиленіи привоза по европейской границѣ байховыхъ чаевъ и на распространеніи таможенныхъ пошлинъ на товары, привозимые къ портамъ Приморской области и по границѣ Закаспійской области. Внѣшняя наша торговля дѣйствительно оживилась въ 1888 году, но, какъ это видно изъ того же доклада министра финансовъ, оживилась отпускная торговля: въ 11 мѣсяцевъ 1888 года вывезено товаровъ на 731 мил. р., противъ 566 мил. р. стоимости вывоза за тотъ же періодъ 1887 года. Привезено же товаровъ за 11 мѣсяцевъ въ 1888 г. на 355 мил. руб., въ 1887 году на 566 мил. р. На основаніи этихъ цифръ слѣдовало бы ожидать не повышенія, а нѣкотораго пониженія таможеннаго дохода. Правда, по свидѣтельству министра финансовъ, поступленіе таможенныхъ пошлинъ за 10 мѣсяцевъ 1888 года превышаетъ поступленія за тотъ же періодъ 1887 года на 5 мил. руб. слишкомъ, но та или другая цифра таможеннаго дохода въ 1888 году нисколько не обезпечиваетъ доходъ 1889 года. Въ таможенныхъ поступленіяхъ постоянно обнаруживаются значительныя колебанія, зависящія преимущественно отъ совершившихся или предполагаемыхъ измѣненій въ таможенномъ тарифѣ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ послѣднее время предположенія росписи о размѣрѣ таможеннаго дохода обыкновенно далеко не оправдывались: въ 1884 г. оказался недоборъ въ 4 мил. рублей; въ 1885 году—въ $11^1/_2$ мил. рублей; въ 1887 г. —въ 8 слишкомъ мил. рублей. Только въ 1886 году доходъ превысилъ предположеніе на 1.700.000 р.; вообще же за 4 года недоборъ составилъ около 22 мил. рублей. Предстоящее усиленіе привоза байховыхъ чаевъ чрезъ европейскую границу,—что̀ увеличиваетъ пошлину на 8 р. съ пуда [1],—основано, очевидно, на возвышеніи съ ноября 1887 г. размѣра пошлины на эти чаи по кяхтинской чайной торговлѣ (съ 11 до 13 р.); но если эта двухъ-рублевая прибавка и измѣнитъ направленіе чайной торговли, то едва ли казна окажется въ выгодѣ, такъ какъ чай въ послѣднее время сталъ излюбленнымъ предметомъ контрабандной промышленности по нашимъ западнымъ границамъ, а для того, чтобы покрыть убытокъ въ пошлинѣ съ одного пуда тайно провезеннаго чая, нужна почти тройная разница между пошлиною на чай иркутской и западно-европейскихъ нашихъ таможенъ. Установленіе таможенныхъ пошлинъ на товары, привозимые въ При-

[1]) Пошлина съ пуда байховаго чая по европейской границѣ—21 р. зол.; по иркутской таможнѣ—13 р. золотомъ.

морскую и Закаспійскую области, едва ли доставитъ, особенно въ первое время, сумму, достаточную даже на содержаніе въ удовлетворительномъ составѣ таможенной и пограничной стражъ. Все сказанное побуждаетъ насъ думать, что сумма таможеннаго дохода, внесенная въ роспись 1889 года, нѣсколько преувеличена, и что ее вѣрнѣе было бы ограничить 115 и даже 110 мил. кредитныхъ рублей.

Нѣкоторое сомнѣніе возбуждаетъ еще цифра предполагаемаго поступленія *по обязательнымъ платежамъ обществъ желѣзныхъ дорогъ*, внесенная въ роспись 1889 года въ суммѣ 41 мил. р., менѣе росписи 1888 года на 6 мил. р. и болѣе дѣйствительнаго поступленія 1887 года на 10 мил. рублей. Если принять въ соображеніе, что въ росписи 1888 г. въ составѣ 47 мил. р. числились 15 мил. р. единовременнаго взноса николаевской желѣзной дороги изъ ея прибылей за прежнее время, то въ цифрѣ 1889 г. окажется не пониженіе, а, напротивъ, повышеніе въ 9 мил. р. противъ росписи 1888 года, объясняемое во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ ожидаемымъ увеличеніемъ дохода по дорогамъ либаво-роменской, юго-западнымъ, московско-брестской и нѣкоторымъ другимъ, но на чемъ основывается это ожиданіе увеличенія—въ докладѣ не объяснено. Наиболѣе удачнымъ годомъ по поступленіямъ отъ желѣзныхъ дорогъ долженъ быть признанъ 1885 годъ, когда ихъ внесено 37 мил. р., но изъ нихъ болѣе 15 мил. р. причиталось за прежнее время,—слѣдовательно платежей за отчетный годъ, исчисляемыхъ по доходности дорогъ, внесено не болѣе 22 мил. рублей. Не превышаетъ этихъ 22 мил. р. и средняя цифра поступленій за десятилѣтіе 1878—1887 гг.; за послѣдніе три года, 1885—1887, она составитъ около 34 мил. р., но это лишь потому, что какъ въ 1885 году, такъ и въ два другіе, вносились недоборы прежнихъ лѣтъ. Слѣдуетъ замѣтить, что дороги должны платить въ казну не то, чтó съ нихъ слѣдовало бы въ возмѣщеніе уплатъ государственнаго казначейства по гарантіи чистаго дохода съ акцій и облигацій, а лишь часть, согласно условіямъ, своего чистаго дохода, причемъ уплаты казнѣ рѣдко превышаютъ половину того, чтó уплачено за желѣзныя дороги казною. Такъ, въ 1887 году въ возмѣщеніе 47 мил. р. расходовъ на этотъ предметъ казны съ дорогъ причиталось по состоянію ихъ доходности, весьма въ этомъ году удачной, всего лишь 26 мил. р. Поступилъ съ нихъ 31 мил. р., но это потому, что были уплачены недоборы прежнихъ лѣтъ; за отчетный же годъ снова поступило не все. Министръ финансовъ указываетъ на значительное увеличеніе валовой выручки желѣзныхъ дорогъ въ 1888 году сравнительно съ двумя предшествующими годами; но, во-первыхъ, превышеніе валовой выручки никакъ не равняется превышенію въ чистомъ доходѣ; во-вторыхъ, 1889 годъ можетъ въ

этомъ отношеніи и не походить на 1888 г., когда, послѣ трехъ-лѣтняго хорошаго урожая у насъ и неурожая въ 1888 г. за-границей, желѣзныя дороги были завалены хлѣбными грузами. Мы полагали бы, что было бы правильнѣе, не основываясь на поступленіяхъ 1888 г., пока еще незавершенныхъ, принять для росписи 1889 г. среднюю цифру поступленій трехъ послѣднихъ лѣтъ, во всякомъ случаѣ весьма благопріятныхъ, т.-е. 34 мил. р., на 7 мил. рублей менѣе противъ внесеннаго въ смѣту.

Только подъ условіемъ указаннаго уменьшенія цифръ по доходу таможенному и по приплатамъ отъ желѣзныхъ дорогъ можно вполнѣ согласиться со словами всеподданнѣйшаго доклада, что доходы по росписи 1889 г. исчислены съ такою осторожностью, при которой поступленіе ихъ можно считать весьма вѣроятнымъ.

Впрочемъ мы не отрицаемъ, что предстоящіе, по нашему мнѣнію, недоборы по двумъ статьямъ могутъ быть покрыты избыткомъ доходовъ по другимъ, по питейному доходу, торговымъ пошлинамъ и пр., особенно если 1889 годъ не окажется неблагопріятнымъ въ экономическомъ отношеніи. Но что̀ возможно, то̀ еще не достовѣрно.

Переходимъ къ расходамъ.

Расходы на 1889 г. исчислены по росписи въ 256.805.084 р., болѣе противъ росписи 1888 года на 5 мил. р. съ небольшимъ. Впрочемъ сравненіе съ росписью еще незаключенной не можетъ имѣть особеннаго значенія. Гораздо полезнѣе сравненіе какъ общей расходной цифры росписи, такъ и цифръ по отдѣльнымъ вѣдомствамъ съ цифрами росписей уже исполненныхъ. Наши государственные расходы, что̀ извѣстно и что̀ вполнѣ нормально, ростутъ съ каждымъ годомъ, за весьма рѣдкими исключеніями. Въ послѣднее десятилѣтіе среднею цифрою этого ежегоднаго возрастанія могутъ быть приняты 15 мил. р. Расходы по росписи 1889 г. противъ росписи послѣдняго отчетнаго года 1887 представляютъ увеличеніе на 25 мил. р., т.-е. по 12½ мил. р. за годъ. Цифра эта, оказываясь весьма близкой къ нормѣ, служитъ до нѣкоторой степени ручательствомъ, что расходы 1889 года дѣйствительно могутъ не выйти изъ предѣловъ, отведенныхъ имъ росписью, тѣмъ болѣе, что въ 1889 г. предвидится значительное сокращеніе расходовъ по такой статьѣ, по которой доходы росли наиболѣе быстро,—именно по системѣ государственнаго кредита. Такъ, по разсчету государственнаго контроля, эти расходы, составлявшіе въ 1878 году около 140 мил. р., возросли черезъ 9 лѣтъ, въ 1887 г.,—съ устраненіемъ разницы, происходящей отъ измѣненія курса по металлическимъ платежамъ и отъ оборотовъ по выкупной операціи и по ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ установленій—на 75½ мил. р., т.-е. на 54%. На 1889 годъ расходы по системѣ государственнаго

кредита исчислены въ суммѣ 272½ м. р., менѣе противъ расхода 1887 года (281 м. р.) на 8½ мил. рублей, притомъ по курсу 1 р. 70 коп. кредитныхъ за металлическій рубль, тогда какъ для счетовъ 1887 г. былъ принятъ болѣе выгодный курсъ: 1 р. 67 коп. кр. за метал. рубль. Это сокращеніе является, главнымъ образомъ, результатомъ исполненной пересрочки суммы капитальнаго долга по банковымъ билетамъ 1-го выпуска на новый 37-лѣтній срокъ.

Изъ другихъ вѣдомствъ наибольшее увеличеніе, въ 9 мил. р., предвидится по министерству путей сообщенія, вслѣдствіе издержекъ эксплуатаціи вновь открытыхъ для движенія въ теченіе двухъ лѣтъ участковъ желѣзныхъ дорогъ и усиленія расходовъ на водяные и шоссейные пути сообщенія.

По военному министерству назначено 215½ м. р., болѣе противъ расходовъ 1887 года на 4½ мил. рублей: увеличены издержки на провіантъ и приварокъ, на денежное довольствіе войскъ, на расходы по пріему новобранцевъ и расходы (на 900 т. р.) по эксплуатаціи закаспійской желѣзной дороги и на содержаніе судовъ аму-дарьинской флотиліи; уменьшены, на обмундированіе и снаряженіе и на приготовленіе оружія, артиллеріи и огнестрѣльныхъ припасовъ. Увеличеніе и уменьшеніе почти балансирують; возросшая же цифра смѣты зависитъ преимущественно отъ 4 мил. рублей (собственно 3.967.769), оставленныхъ въ распоряженіи военнаго вѣдомства *запаснымъ кредитомъ*. Разбирая отчетъ по исполненію государственной росписи 1887 года, мы говорили о предоставленномъ на тотъ годъ военному министерству правѣ остатки по однимъ изъ своихъ смѣтъ и смѣтныхъ подраздѣленій употреблять по другимъ смѣтамъ и подраздѣленіямъ. Судя по внесенію въ смѣту запаснаго кредита можно думать, что и упомянутое право продолжено, а то и другое вмѣстѣ составляетъ какъ бы возвратъ къ нормальнымъ смѣтамъ, существовавшимъ для военнаго вѣдомства въ предшествовавшее десятилѣтіе и отмѣненнымъ ровно десять лѣтъ тому назадъ, въ 1879 году. Увидимъ, къ чему приведетъ этотъ вторичный опытъ, докажетъ ли онъ пользу назначенія по смѣтѣ сверхсмѣтнаго кредита и предоставленія carte blanche въ расходахъ того или другого вѣдомства.

Увеличенные расходы сверхъ того назначены по министерствамъ финансовъ, государственныхъ имуществъ, внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія (на 1½ мил. р.), юстиціи и нѣкоторымъ другимъ. Менѣе назначено по морскому министерству (на 1 мил. р.).

Въ суммѣ 857 мил. р., внесенныхъ расходомъ въ роспись, числится 6 мил. р. расходовъ, не предусмотрѣнныхъ смѣтами, на экстренныя въ теченіе года надобности. Съ 4 мил. р. запасныхъ кредитовъ по военному вѣдомству и 2—3 мил. р., получающихъ значе-

ніе сверхсмѣтнаго фонда, вслѣдствіе права передвиженія кредитовъ, предоставленнаго военному вѣдомству, оказывается источникъ около 12 мил. рублей для удовлетворенія сверхсмѣтныхъ расходовъ. При должной въ нихъ бережливости и при не особенно неблагопріятно сложившихся обстоятельствахъ можно надѣяться, что по исполненію росписи на 1889 годъ между *обыкновенными* государственными доходами и *обыкновенными* же расходами будетъ соблюдено равновѣсіе.

Но равновѣсіе въ обыкновенномъ бюджетѣ значитъ еще не все; есть еще бюджетъ чрезвычайный, по которому исчислено расходовъ 34 мил. рублей; поступленій же предвидится съ небольшимъ 9 м. р., въ томъ числѣ 4 мил. р., освободившихся въ основномъ капиталѣ польскаго банка, который находится въ ликвидаціи, вслѣдствіе слiянія съ государственнымъ банкомъ. Остальные 25 мил. р. должны быть покрыты ожидаемымъ избыткомъ доходовъ по обыкновенному бюджету (4½ мил. р.) и свободной наличностью государственнаго казначейства. Три года тому назадъ, въ статьѣ о государственной росписи на 1886 годъ, говоря о щедромъ назначеніи суммъ по чрезвычайному бюджету (52½ мил. р.) на постройку желѣзныхъ дорогъ и портовъ съ цѣлью, при всеобщемъ застоѣ въ промышленности и торговлѣ, способствовать оживленію хозяйственной дѣятельности и увеличенію заработковъ нуждающагося населенія, мы высказались противъ такого способа поощренія народнаго труда, признавая этотъ способъ недостигающимъ цѣли, и находили, что основное правило какъ частнаго, такъ и государственнаго хозяйства въ трудныя времена—не быть тароватымъ даже на полезные расходы и пуще огня бояться тратъ, польза которыхъ сомнительна и средства для которыхъ притомъ нужно добывать займомъ [1]). Затѣмъ мы не разъ указывали, что бо́льшая часть расходовъ, вносимыхъ въ наши чрезвычайные бюджеты, имѣетъ характеръ не временныхъ, а изъ года въ годъ, въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ, повторяющихся расходовъ, служащихъ для удовлетворенія текущихъ государственныхъ потребностей, и потому должна бы вноситься не въ чрезвычайный, а въ обыкновенный бюджетъ. Нынѣшнее управленіе министерствомъ финансовъ до нѣкоторой степени склоняется къ этому взгляду, какъ это упомянуто въ началѣ нашей статьи. Но намъ кажется, что осуществленіе мысли министра финансовъ, выраженной во всеподданнѣйшемъ докладѣ, о необходимости покрывать чрезвычайные расходы избыткомъ обыкновенныхъ доходовъ, съ присоединеніемъ (дѣйствительныхъ) чрезвычайныхъ поступленій, всего лучше могло бы осуществиться совершен-

[1]) „Вѣстн. Европы“, февраль 1887 г., стр. 883.

нымъ уничтоженіемъ чрезвычайныхъ бюджетовъ, какъ неизбѣжной, ежегодно повторяющейся принадлежности нашихъ государственныхъ росписей, съ сохраненіемъ ихъ только для дѣйствительно *чрезвычайныхъ* случаевъ и обстоятельствъ. Сущность дѣла нисколько не потеряла бы отъ этого, а форма много выиграла бы,—выиграла бы, пожалуй, даже и сущность, побуждая разсматривающія смѣты учрежденія обращать болѣе вниманія на соотвѣтствіе расходовъ съ ожидаемыми средствами. Правда, въ такомъ случаѣ не всегда можно бы было подводить подъ росписями благополучные итоги, но такое соображеніе едва ли можетъ имѣть вѣсъ въ финансовой системѣ государства, равно далекаго и отъ финансовой несостоятельности, и отъ желанія пускать, какъ говорится, пыль въ глаза цифрами своихъ росписей и отчетовъ.

О.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1889 г.

Замѣчанія кіевскаго юридическаго факультета противъ постановленій проекта уголовнаго уложенія, относящихся къ имущественнымъ посягательствамъ. — Расширеніе круга дѣйствій крестьянскаго поземельнаго банка. — Введеніе мировыхъ судебныхъ установленій въ архангельской губерніи.—Наши противники и союзники по вопросу о реформѣ мѣстнаго управленія.

Намъ приходилось уже не разъ говорить о трудахъ редакціонной коммиссіи, составляющей проектъ новаго уголовнаго уложенія. Исполнены, до сихъ поръ, три отдѣла этой работы — общая часть, постановленія о посягательствахъ личныхъ и постановленія о посягательствахъ имущественныхъ; разсмотрѣны, сколько намъ извѣстно, всѣ замѣчанія, сдѣланныя по поводу первыхъ двухъ отдѣловъ. Теперь коммиссія приступила къ обсужденію замѣчаній, относящихся къ имущественнымъ преступленіямъ. Мы имѣли случай ознакомиться съ этими послѣдними замѣчаніями. Они весьма многочисленны и обширны, наполняя собою два большихъ печатныхъ тома. Самая меньшая ихъ часть принадлежитъ періодической прессѣ, самая большая, какъ и слѣдовало ожидать — представителямъ судебнаго вѣдомства; средину занимаютъ возраженія ученыхъ криминалистовъ. Есть замѣчанія, сдѣланныя отдѣльными лицами; есть другія, имѣющія коллективный характеръ, идущія отъ цѣлаго суда, цѣлаго факультета, цѣлой группы прокуроровъ или адвокатовъ. Столь же разнообразно и содержаніе замѣчаній. Одни направлены противъ основныхъ началъ, принятыхъ редакціонной коммиссіей, противъ усвоенныхъ ею пріемовъ; другія касаются только частностей, деталей, отдѣльныхъ выраженій. Одни ставятъ работу редакціонной коммиссіи чрезвычайно высоко; другія не признаютъ за нею никакихъ серьезныхъ достоинствъ. На двухъ противоположныхъ позиціяхъ стоятъ, съ этой точки зрѣнія, иностранные ученые—и юридическій факультетъ кіевскаго универси-

тета. Насколько первые щедры на похвалы, настолько послѣдній расточителенъ на порицанія. „Труды коммиссіи,—пишетъ страсбургскій профессоръ Меркель, — представляютъ собою глубокую и тщательную переработку существующаго матеріала по уголовному праву. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ я не могу не отдать преимущества проекту коммиссіи передъ германскимъ уголовнымъ уложеніемъ". Мюнхенскій профессоръ Гольцендорфъ находитъ, что нѣкоторыя постановленія проекта могутъ служить образцомъ для другихъ законодательствъ. „Обширной группѣ преступныхъ дѣяній противъ имущества,—говоритъ вѣнскій профессоръ Майеръ,—проектъ даетъ широкую постановку, которой нельзя отказать въ новизнѣ и оригинальности, по сравненію съ почти шаблонными дѣленіями и разрядами такихъ посягательствъ въ новѣйшихъ уголовныхъ кодексахъ". Грацскій профессоръ Шютце признаетъ за проектомъ коммиссіи „преимущество передъ законодательствами другихъ странъ", заключающееся, между прочимъ, „въ воздержаніи отъ подражанія чужеземнымъ кодексамъ, отъ произвольнаго и шаблоннаго сочинительства законовъ". Кое-чему, по мнѣнію Шютце, проектъ можетъ научить не только германское законодательство, но и германскую доктрину уголовнаго права. Замѣтимъ, что всѣ эти отзывы—вовсе не комплименты, не фразы; они идутъ рука объ руку съ обстоятельной критикой отдѣльныхъ статей проекта, а иногда и тѣхъ или другихъ руководящихъ мыслей редакціонной коммиссіи. Совсѣмъ иначе смотритъ на проектъ юридическій факультетъ кіевскаго университета. Въ его глазахъ характеристическая черта проекта—„цѣлый рядъ отступленій отъ основныхъ требованій кодификаціи". Коммиссія „нерѣдко совершенно упускаетъ изъ виду господствующія въ русскомъ обществѣ воззрѣнія на право и строитъ законъ на чисто абстрактныхъ началахъ извѣстной доктрины". Она пренебрегаетъ общеупотребительными выраженіями и вводитъ безъ всякой надобности новые юридическіе термины. Она не находитъ нужнымъ „считаться съ фактомъ общаго признанія того или другого положенія всѣми дѣйствующими уголовными кодексами на континентѣ Европы и съ общепринятыми научными взглядами". Она увлекается „совершенно исключительными теоріями, могущими оказаться неприложимыми къ дѣйствительной жизни". Она доводитъ до крайности стремленіе къ упрощенію и сокращенію, вслѣдствіе чего ея проектъ, „въ отношеніи ясности, полноты и опредѣленности, уступаетъ не только новѣйшимъ западно-европейскимъ кодексамъ, но и дѣйствующему уложенію о наказаніяхъ" (!). Она съуживаетъ кругъ наказуемыхъ дѣяній и ослабляетъ силу уголовной репрессіи... Обвиненія, какъ видно, взведены на коммиссію весьма серьезныя. Разсматривая каждое изъ нихъ въ отдѣльности, мы будемъ

присоединять къ нимъ и другія замѣчанія, проникнутыя тѣми же или аналогичными тенденціями.

Противорѣчіе между постановленіями проекта и „господствующими въ обществѣ воззрѣніями“ кіевскій юридическій факультетъ находитъ, прежде всего, въ причисленіи къ группѣ „имущественныхъ поврежденій“ такихъ преступныхъ дѣйствій, на которыя принято смотрѣть съ совершенно иной точки зрѣнія. Сюда относится, во-первыхъ, поврежденіе церковныхъ зданій, предметовъ освященныхъ при богослуженіи, крестовъ, иконъ, могилъ, надгробныхъ памятниковъ. Въ настоящее время—утверждаетъ факультетъ—дѣянія этого рода признаются преступленіями религіозными; коммиссія, безъ всякой надобности, отступаетъ отъ системы, освященной вѣками и наиболѣе соотвѣтствующей народнымъ взглядамъ. Формулируя этотъ обвинительный пунктъ, профессорская коллегія не потрудилась даже навести точную фактическую справку. Еслибы она раскрыла вторую главу двѣнадцатаго раздѣла уложенія, то увидѣла бы, что поджогъ церкви (ст. 1607) и теперь принадлежитъ къ категоріи преступленій противъ собственности, составляя лишь одинъ изъ квалифицированныхъ видовъ зажигательства. Если одно изъ преступныхъ дѣяній, объектомъ которыхъ является церковное имущество, не отнесено дѣйствующимъ закономъ къ разряду преступленій религіозныхъ, то вопросъ, съ такою торжественностью возбужденный факультетомъ, теряетъ, очевидно, всякое принципіальное значеніе. Никого, до сихъ поръ, не возмущало мѣсто, отведенное въ уложеніи о наказаніяхъ поджогу церкви — никого, слѣдовательно, не будетъ возмущать и новый уголовный законъ, если въ немъ сохранится классификація коммиссіи. *Обществу* совершенно все равно, подъ какой рубрикой значится то или другое преступленіе; это можетъ интересовать только профессіональныхъ юристовъ, и притомъ не съ точки зрѣнія „народныхъ взглядовъ“, а исключительно съ точки зрѣнія логической послѣдовательности и практическаго удобства... Но, быть можетъ, перенесеніе нѣкоторыхъ преступныхъ дѣяній изъ одной категоріи въ другую равносильно, въ данномъ случаѣ, уменьшенію ихъ наказуемости? Возраженія факультета вытекаютъ, можетъ быть, изъ той мысли, что религіозный характеръ преступленія, хотя бы только предполагаемый, непремѣнно долженъ имѣть послѣдствіемъ значительное увеличеніе отвѣтственности? Въ такомъ случаѣ факультету слѣдовало бы начать съ осужденія дѣйствующихъ законовъ, по которымъ поврежденіе крестовъ, иконъ, могилъ и надгробныхъ памятниковъ, хотя и отнесенное къ числу религіозныхъ преступленій, наказывается тюремнымъ заключеніемъ (улож. о наказ., ст. 217 и 235). Проектъ коммиссіи

назначаетъ за эти проступки то же самое наказаніе [1]), хотя и причисляетъ ихъ къ имущественнымъ посягательствамъ. Изъ-за чего же весь шумъ, поднятый факультетомъ?.. Предположеніе кіевскихъ юристовъ, что поврежденіе иконы не можетъ имѣть другой цѣли, кромѣ „желанія оскорбить религіозное чувство", также опровергается текстомъ уложенія, различающимъ, въ дѣяніяхъ этого рода, „намѣреніе оказать неуваженіе къ вѣрѣ христіанской" отъ „неразумія или пьянства". Поврежденіе могилъ, по смыслу уложенія, можетъ зависѣть какъ отъ „злобнаго чувства противъ погребенныхъ или ихъ семействъ", такъ и отъ легкомыслія. Итакъ, дѣйствующее законодательство допускаетъ возможность „религіозныхъ преступленій", нисколько не направленныхъ противъ религіи. Устранить такое внутреннее противорѣчіе редакціонная коммиссія безспорно была въ правѣ, и заподозривать ее, по этому поводу; въ разрывѣ съ народными вѣрованіями —болѣе чѣмъ странно. Съ такимъ же правомъ она могла перенести въ разрядъ имущественныхъ посягательствъ и *похищеніе* предметовъ религіознаго почитанія или предметовъ, освященныхъ употребленіемъ при богослуженіи. Въ настоящее время похищеніе этого рода, именуемое святотатствомъ, предусмотрѣно въ раздѣлѣ о преступленіяхъ противъ вѣры—но едва ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ оно совершается подъ вліяніемъ побужденій, ничѣмъ не отличающихся отъ обычныхъ мотивовъ похищенія.

Неправильнымъ и несогласнымъ съ „господствующими воззрѣніями" является, по мнѣнію кіевскаго юридическаго факультета, еще другое распространеніе сферы имущественныхъ поврежденій: включеніе въ нее преступленій общеопасныхъ, напримѣръ поджога. И здѣсь приходится начать съ указанія на дѣйствующее уложеніе, въ которомъ постановленія о зажигательствѣ составляютъ первое отдѣленіе главы „о истребленіи и *поврежденіи* чужого имущества". Вина редакціонной коммиссіи заключается, слѣдовательно, развѣ въ томъ, что къ заглавію тридцать-первой главы проекта: „поврежденіе имущества" она не прибавила словъ: „*и истребленіе*". Допустимъ, что это ошибка— но во всякомъ случаѣ ошибка чисто редакціонная, по поводу которой просто смѣшно говорить о „господствующихъ въ обществѣ воззрѣніяхъ на право". Обществу, какъ и народу, нѣтъ никакого дѣла до технической номенклатуры, лишь бы только ея несовершенства не служили источникомъ безнаказанности преступленій или явной не-

[1]) Разница есть только въ *мѣрѣ* наказанія, но она зависитъ отъ общей системы, принятой коммиссіею. Если минимумъ наказанія въ проектѣ ниже, чѣмъ въ уложеніи, то максимумъ—выше, и слѣдовательно о тенденціозной снисходительности не можетъ быть и рѣчи.

пропорціональности между преступленіемъ и наказаніемъ—а ничѣмъ подобнымъ терминологія, принятая коммиссіею, не угрожаетъ. Можно, конечно, возражать противъ нея и предлагать вмѣсто нея другую, болѣе правильную, но незачѣмъ придавать этому вопросу преувеличенную важность [1]). То же самое слѣдуетъ сказать и о *мѣстѣ* общеопасныхъ преступленій въ системѣ уголовнаго кодекса. Въ практическомъ отношеніи было бы, быть можетъ, болѣе удобно выдѣлить ихъ въ особую главу — но изъ-за этого не стоитъ ломать копій, не стоитъ даже ломать перьевъ. Въ той самой главѣ уложенія, заглавіе которой (объ истребленіи и поврежденіи *чужого* имущества) мы только-что привели, есть статья (1612), карающая поджогъ *собственнаго* (застрахованнаго) имущества—а никто еще, кажется, не утверждалъ, чтобы изъ этой несообразности происходили какіе-либо нежелательные результаты. Еще меньше можно ожидать гибельныхъ послѣдствій отъ слишкомъ распространительнаго толкованія слова: *поврежденіе*. Наказуемость меньшаго зла сама собою предполагаетъ наказуемость бо̀льшаго (конечно, однороднаго); ни одинъ судья въ мірѣ не усомнится примѣнить законъ, карающій *поврежденіе* имущества, къ случаямъ совершеннаго *истребленія* имущества, если послѣднее не предусмотрѣно спеціальнымъ закономъ. Къ уничтоженію цѣлаго нельзя же относиться менѣе строго, чѣмъ къ уничтоженію части.

Въ вину коммиссіи кіевскіе юристы вмѣняютъ, дальше, „отождествленіе понятій о кражѣ, мошенничествѣ и грабежѣ". Чтобы понять это обвиненіе, нужно припомнить текстъ ст. 496 проекта: „виновный въ похищеніи чужого движимаго имущества, съ цѣлью присвоенія, тайно, открыто или посредствомъ обмана, наказывается тюрьмою на срокъ не ниже трехъ мѣсяцевъ". Кражѣ здѣсь соотвѣтствуетъ *тайное* похищеніе, грабежу (или, лучше сказать, одному изъ видовъ грабежа)—похищеніе *открытое*, мошенничеству—похищеніе *посредтвомъ обмана*. Нельзя сказать, слѣдовательно, чтобы всѣ эти три понятія были *отождествлены* коммиссіею; они только подведены ею подъ одно общее наименованіе и подъ одну норму уголовной кары. Въ первомъ нѣтъ ничего новаго; постановленія о грабежѣ, воровствѣ-кражѣ и воровствѣ-мошенничествѣ составляютъ и въ дѣйствующемъ уложеніи

---

[1]) По терминологіи и системѣ проекта,—замѣчаетъ кіевскій юридическій факультетъ,—„умышленное поврежденіе огнемъ дворца Государя Императора будетъ имущественнымъ преступленіемъ, между тѣмъ какъ у виновнаго въ такомъ поврежденіи не можетъ быть иной цѣли, кромѣ политической". Прежде, чѣмъ дѣлать подобныя замѣчанія, факультету слѣдовало бы припомнить, что и дѣйствующее уложеніе (въ той же 1607 статьѣ, въ которой говорится о поджогѣ церкви) относитъ поджогъ царскаго дворца къ имущественнымъ преступленіямъ.

отдѣленія одной главы, озаглавленной: „о похищеніи чужого имущества“. Уравненіе отвѣтственности за всѣ три вида похищенія дѣйствительно является нововведеніемъ, но нововведеніемъ вовсе не столь радикальнымъ, какъ кажется съ перваго взгляда. Наказаніе за простую кражу и по дѣйствующимъ законамъ подходитъ весьма близко къ наказанію за простое мошенничество. Кража на сумму не свыше 300 рублей карается тюремнымъ заключеніемъ на срокъ отъ трехъ до шести мѣсяцевъ; мошенничество на такую же сумму—тюремнымъ заключеніемъ на срокъ отъ одного до трехъ мѣсяцевъ. Еще ближе одно къ другому наказанія за кражу и мошенничество на сумму свыше 300 рублей; первое назначается по четвертой, второе—по пятой степени 31-й статьи уложенія. При томъ просторѣ въ опредѣленіи мѣры наказанія, который предоставляется суду проектомъ коммиссіи, наказаніе за простую кражу можетъ быть доведено до максимальной нормы дѣйствующаго закона, наказаніе за простое мошенничество— низведено *почти* до минимальной его нормы [1]). Весь вопросъ, слѣдовательно, сводится къ тому, необходимо ли установлять для мошенничества и кражи различные предѣлы уголовной кары, другими словами — необходима ли по отношенію къ кражѣ бо́льшая строгость, чѣмъ по отношенію къ мошенничеству. Ни въ мнѣніи кіевскаго юридическаго факультета, ни въ другихъ отзывахъ, также направленныхъ противъ уравненія мошенничества и кражи, мы не нашли — за однимъ исключеніемъ, о которомъ сейчасъ упомянемъ — никакого отвѣта на этотъ вопросъ. Вездѣ встрѣчаются лишь ссылки на иностранныя законодательства, точно разграничивающія различные виды тайнаго похищенія, на развивающуюся въ томъ же смыслѣ исторію нашего уголовнаго права; но отъ того, что́ было, нельзя еще прямо заключать къ тому, что́ должно быть. Попытка обосновать бо́льшую наказуемость кражи, сравнительно съ мошенничествомъ, сдѣлана только двумя изъ числа членовъ особой коммиссіи, выбранной московскими присяжными повѣренными для разсмотрѣнія проекта. „Воръ,—говорятъ они,—совершаетъ преступленіе одинъ, самъ, безъ помощи собственника или владѣльца вещи. Обманутый всегда можетъ упрекнуть себя въ недостаточной осмотрительности; онъ чувствуетъ, а вслѣдъ за нимъ и общество, что извѣстная часть причины, произведшей обманъ, лежитъ какъ бы въ немъ самомъ. Поэтому, онъ и общество не могутъ имѣть того раздраженія на обманщика, какое въ правѣ питать на вора. Необходимость различной наказуемости мошенничества и кражи вытекаетъ и изъ того, что у

---

[1]) Говоримъ—*почти*, потому что по смыслу ст. 496 проекта наименьшимъ наказаніемъ за предусмотрѣнныя въ ней преступленія (при отсутствіи обстоятельствъ, особо уменьшающихъ вину) можетъ быть *шестинедѣльное* тюремное заключеніе.

мошенника и у вора (при равенствѣ другихъ условій) интенсивность преступной воли неравна. Рѣшиться на обманъ для пріобрѣтенія вещи легче, чѣмъ пойти на то, чтобы украсть ее; въ кражахъ рѣзче выступаетъ низость человѣка и его безнравственность, въ обманахъ она является болѣе замаскированною, и не только передъ потерпѣвшимъ, передъ обществомъ, но и предъ самимъ преступникомъ. Воля мошенника почти все время до окончанія преступленія находится какъ бы въ неустойчивомъ равновѣсіи; воръ, уже приступая къ первому акту кражи, долженъ имѣть твердую рѣшимость. Наконецъ, у мошенника, сдѣлавшаго нѣсколько шаговъ по пути преступленія, больше шансовъ придать своимъ дѣйствіямъ видъ непреступности, а это опять-таки указываетъ на возможность имѣть менѣе опасную и преступную волю, совершая преступленіе посредствомъ обмана". Всѣ эти соображенія кажутся намъ вовсе не убѣдительными. „Недостаточная осмотрительность" столь же легко можетъ способствовать кражѣ, какъ и обману — и ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не уменьшаетъ, сама по себѣ, вину похитителя. Изъ двухъ воровъ, вытащившихъ платокъ изъ кармана, едва ли менѣе виновенъ тотъ, которому удобнѣе было это сдѣлать, потому что кончикъ платка виднѣлся снаружи. Изъ двухъ мошенниковъ, совершившихъ однородный обманъ, едва ли менѣе виновенъ тотъ, который имѣлъ дѣло съ человѣкомъ болѣе легковѣрнымъ или болѣе довѣрчивымъ; напротивъ того, простодушіе жертвы часто можетъ служить основаніемъ къ болѣе строгому приговору надъ преступникомъ. Если безнравственность, при мошенничествѣ, является болѣе „замаскированной", чѣмъ при кражѣ (что̀ бываетъ, впрочемъ, далеко не всегда), то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы въ первомъ случаѣ она была менѣе интенсивна. Именно „замаскированность" требуетъ иногда такихъ усилій воображенія, такихъ чудесъ хитрости и ловкости, которыя предполагаютъ большой запасъ преступной воли и большое умѣнье ею пользоваться. „Неустойчивое равновѣсіе" воли, направленной на мошенничество, можно признать развѣ въ смыслѣ готовности къ отступленію, если дальнѣйшая настойчивость представляется опасной; но вѣдь такая же готовность можетъ существовать и у вора, прислушивающагося къ каждому шороху и обращающагося въ бѣгство при малѣйшемъ рискѣ нежеланной встрѣчи. Возможность придать дѣйствіямъ, входящимъ въ составъ преступленія, „видъ непреступности"—скорѣе аргументъ въ пользу болѣе строгаго отношенія къ мошенничеству; въ самомъ дѣлѣ, кто разсчитываетъ на добычу—въ случаѣ успѣха, на безнаказанность—въ случаѣ непредвидѣнныхъ препятствій, тотъ легче рѣшается на преступленіе. Къ этому необходимо прибавить, что въ уголовномъ характерѣ воровства никогда не встрѣчается со-

мнѣній, между тѣмъ какъ мошенничество часто стоитъ на чертѣ пограничной между отвѣтственностью гражданскою и уголовною. Чѣмъ тоньше, а слѣдовательно и опаснѣе обманъ, тѣмъ больше для обманщика шансовъ найти убѣжище по сю сторону этой черты. Мошенничество, обманъ—это по преимуществу преступленія современныя, прогрессирующія, развивающіяся; ихъ многочисленность ростетъ вмѣстѣ съ ихъ разнообразіемъ и сложностью. Мы не выводимъ отсюда, что наказаніе за мошенничество должно быть *выше* наказанія за кражу; но мы не видимъ ни одного серьезнаго аргумента, который говорилъ бы и въ пользу противоположнаго мнѣнія. Наиболѣе правильнымъ кажется намъ именно образъ дѣйствій коммиссіи, подводящей оба вида похищенія подъ одинъ уровень и предоставляющей суду соразмѣрять наказаніе, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, не только съ пріемами, употребленными похитителемъ, но и со всѣми другими обстоятельствами дѣла.

Вполнѣ возможно, по нашему убѣжденію, и другое уравненіе, проектируемое коммиссіею — уравненіе похищенія тайнаго и похищенія посредствомъ обмана (т.-е. воровства-кражи и воровства-мошенничества) съ похищеніемъ открытымъ, если оно не было сопряжено ни съ угрозами, ни съ насиліемъ. Дѣйствующее уложеніе соединяетъ подъ общимъ именемъ *грабежа* два вида похищенія, существенно отличающіеся одинъ отъ другого: похищеніе, сопровождавшееся насиліемъ и угрозами (если они не представляли опасности ни для жизни, ни для здоровья, ни для свободы потерпѣвшаго), и похищеніе *открытое,* т.-е. совершенное въ присутствіи хозяина или другихъ лицъ. Похищеніе перваго рода весьма близко подходитъ къ разбою, съ которымъ проектъ коммиссіи совершенно основательно и соединяетъ его въ одно цѣлое. Ст. 501 предусматриваетъ *всѣ* случаи похищенія, сопряженнаго съ насиліемъ или угрозою; степень опасности, которой подвергался потерпѣвшій, не измѣняетъ квалификаціи дѣйствія, что́, конечно, не мѣшаетъ суду принимать ее въ разсчетъ при опредѣленіи мѣры наказанія. Затѣмъ остается только второй видъ грабежа—похищеніе открытое, безъ насилія и угрозъ, который и приравнивается коммиссіей къ мошенничеству и кражѣ. Отсюда вытекаютъ сами собою два заключенія: *первое*, что кіевскій юридическій факультетъ неправильно приписываетъ коммиссіи уничтоженіе различія между кражей, мошенничествомъ и *грабежемъ*; наиболѣе тяжкая форма грабежа сливается, какъ мы уже видѣли, не съ тайнымъ или обманнымъ похищеніемъ, а съ разбоемъ. *Второе*— что разница между дѣйствующимъ закономъ и проектомъ вовсе не такъ велика, какъ кажется съ перваго взгляда. За простой грабежъ уложеніе назначаетъ наказаніе по третьей степени статьи 31-й, т.-е.

только на одну или на двѣ степени бо́льшее, чѣмъ за кражу или мошенничество на сумму не свыше 300 рублей—и меньшее, чѣмъ за нѣкоторые виды квалифицированной кражи. Въ подведеніи кражи, мошенничества и открытаго похищенія подъ одну норму уголовной репрессіи нѣтъ, слѣдовательно, ничего неслыханнаго, чрезвычайнаго, несообразнаго; необходимо только одно—чтобы въ назначеніи кары за всѣ эти виды похищенія суду былъ предоставленъ такой просторъ, при которомъ возможно было бы примѣнить къ каждой степени виновности соотвѣтствующую ей мѣру наказанія. Удовлетворяетъ ли проектъ этому требованію—мы увидимъ ниже, а теперь приведемъ нѣсколько примѣровъ, подтверждающихъ нашъ основной тезисъ. По улицѣ идетъ голодный бѣднякъ; проходя мимо лотка съ хлѣбнымъ товаромъ, онъ схватываетъ, на глазахъ у продавца, одинъ калачъ и пускается бѣжать, спѣша поглотить свою добычу. Молодой ремесленникъ, оставшійся, вслѣдствіе несчастнаго стеченія обстоятельствъ, безъ работы, попадаетъ въ дурное общество и рѣшается совершить кражу; онъ запускаетъ руку въ карманъ перваго попавшагося прохожаго и вынимаетъ оттуда кошелекъ, въ которомъ оказывается кошелекъ съ триста однимъ рублемъ. Совершенно обезпеченный человѣкъ выманиваетъ у менѣе достаточнаго знакомаго нѣсколько тысячъ рублей, путемъ сообщенія ложныхъ извѣстій и эксплуатаціи довѣрія, основаннаго на старинныхъ и близкихъ отношеніяхъ. По нынѣ дѣйствующему закону, наиболѣе виновнымъ долженъ быть признанъ первый изъ этихъ трехъ преступниковъ, наименѣе виновнымъ—послѣдній; не ясно ли, однако, что на самомъ дѣлѣ ихъ виновность идетъ не въ убывающемъ, а въ возвышающемся размѣрѣ? Не ясно ли, что *воръ*, находящійся въ полной неизвѣстности относительно суммы похищаемыхъ денегъ и ея значенія для собственника, воръ, побуждаемый къ преступленію не столько нуждою, сколько жаждой легкой наживы, гораздо виновнѣе, чѣмъ *грабитель*, нѣсколько дней голодавшій и очень хорошо знающій ничтожную цѣнность схваченнаго имъ предмета? Не ясно ли, наконецъ, что еще больше, чѣмъ воръ, виновенъ обманщикъ, спекулирующій на дружбу, медленно и хладнокровно сплетающій сѣть, въ которую должна попасться довѣрчивая жертва, и спокойно перекладывающій въ свой, безъ того туго набитый карманъ послѣднія, быть можетъ, деньги честнаго труженика? Справедливо ли соразмѣрять отвѣтственность каждаго изъ этихъ похитителей не столько съ дѣйствительною его виновностью, съ дѣйствительно причиненнымъ имъ вредомъ и обнаруженною имъ злой волей, сколько съ опредѣленіями, выведенными изъ внѣшняго различія между способами совершенія преступленій?.. Система, принятая редакціонною коммиссіей, кажется странной только вслѣдствіе своей

новизны; отсюда значительное число вызванныхъ ею возраженій. Есть, однако, и отзывы, высказывающіеся въ ея пользу. „Глава о похищеніи имущества, — говоритъ варшавскій профессоръ Будзинскій,— представляетъ замѣчательный прогрессъ не только по отношенію къ уложенію о наказаніяхъ, но и къ другимъ законодательствамъ. Вполнѣ справедливо сказано въ объясненіяхъ коммиссіи, что объединеніе отдѣльныхъ видовъ имущественнаго хищничества въ одно общее законодательное постановленіе желательно и возможно въ виду ихъ близкаго внутренняго родства и тѣсной ихъ связи по соціальному ихъ значенію". Профессоръ вѣнскаго университета Вальбергъ признаетъ, что „способъ захвата вещи не принадлежитъ къ числу существенныхъ признаковъ состава похищенія". Другой профессоръ, того же университета, Майеръ, находитъ, что объединеніе разныхъ видовъ похищенія „имѣетъ глубокія внутреннія основанія". Еще рѣшительнѣе одобряетъ систему проекта профессоръ грацскаго университета Шютце. Защитники ея нашлись и между практическими юристами, менѣе расположенными, вообще говоря, къ рѣзкимъ перемѣнамъ въ конструкціи уголовнаго закона. Такъ напримѣръ, въ пользу объединенія, проектируемаго коммиссіей, высказались чины прокурорскаго надзора тульскаго окружного суда; ничего не имѣетъ противъ него и прокурорскій надзоръ харьковской судебной палаты и харьковскаго окружного суда, занимающій, по рѣзкости замѣчаній, первое мѣсто послѣ кіевскаго юридическаго факультета... Спорнымъ, въ нашихъ глазахъ, представляется только одинъ вопросъ, возбужденный по поводу ст. 496 проекта: не слѣдуетъ ли выдѣлить изъ нея похищеніе посредствомъ обмана, для того, чтобы соединить его въ одно цѣлое съ другими формами преступнаго обмана? Обсужденіе этого вопроса мы отлагаемъ до другого раза, потому что не хотимъ отвлекаться отъ группы возраженій, сдѣланныхъ кіевскою профессурой.

„Каково бы ни было содержаніе будущаго уголовнаго закона,— читаемъ мы въ отзывѣ кіевскаго юридическаго факультета,—грабежъ и *разбой*, согласно народнымъ воззрѣніямъ, всегда будутъ болѣе наказуемы, чѣмъ кража". Но развѣ коммиссія проектируетъ одинаковую наказуемость этихъ преступленій? Мы уже видѣли, что на одинъ уровень съ кражей и мошенничествомъ она ставитъ только наименѣе тяжкую форму грабежа, а изъ другой, тяжкой его формы образуетъ, вмѣстѣ съ разбоемъ, особую группу преступныхъ дѣяній, подлежащихъ гораздо болѣе строгой уголовной карѣ. Факультетъ обвиняетъ коммиссію въ *смѣшеніи* понятій о вымогательствѣ и разбоѣ. Этого обвиненія мы просто не понимаемъ; вымогательству посвящена въ проектѣ особая статья (532), связанная съ статьей о разбоѣ (501) только одинаковостью наказаній. Или, можетъ быть,

факультетъ находитъ неправильнымъ именно уравненіе отвѣтственности за вымогательство съ отвѣтственностью за разбой? Мы, съ своей стороны, не видимъ причины, почему насиліе, направленное къ отказу отъ *права* на имущество, должно, при равенствѣ другихъ условій, подлежать менѣе строгому наказанію, чѣмъ насиліе, направленное непосредственно къ захвату имущества. Одинаковы, въ обоихъ случаяхъ, и цѣль преступленія, и его опасность, и средства, къ которымъ прибѣгаетъ преступникъ... Если подъ именемъ смѣшенія понятій слѣдуетъ разумѣть, въ данномъ случаѣ, неправильное ихъ опредѣленіе, то съ возраженіями факультета все-таки нельзя согласиться. Коммиссія видитъ различіе между вымогательствомъ и разбоемъ въ объектѣ преступленія (при разбоѣ—имущество in concreto, при вымогательствѣ—право на имущество), факультетъ—въ способѣ дѣйствій. „Въ грабежѣ или разбоѣ,—говорятъ кіевскіе юристы,—субъектъ отнимаетъ вещь посредствомъ насилія или угрозъ настоящею опасностью; въ вымогательствѣ для перехода вещи изъ обладанія собственника въ руки преступника требуется посредствующая дѣятельность потерпѣвшаго, т.-е. послѣдній самъ отдаетъ вещь, подъ вліяніемъ угрозы будущею опасностью". Итакъ, если преступникъ, прицѣлившись въ свою жертву изъ пистолета, собственноручно снимаетъ съ нея всѣ цѣнныя вещи, то это будетъ разбой, а если ихъ сниметъ съ себя и передастъ преступнику, подъ тѣмъ же пистолетнымъ дуломъ, сама жертва, то это будетъ вымогательство? Классическія слова: „кошелекъ или смерть"—слѣдуетъ отнынѣ впредь, по указу кіевскихъ юристовъ, признавать исходящими не отъ „разбойника", а отъ „вымогателя". На какомъ основаніи одна и та же опасность должна считаться въ одномъ случаѣ настоящею, въ другомъ—будущею?.. Если въ вопросахъ этого рода можетъ быть рѣчь о „народныхъ воззрѣніяхъ", то ужъ, конечно, наперекоръ имъ идетъ не коммиссія, а факультетъ. То же самое слѣдуетъ сказать и о дѣйствующемъ нашемъ правѣ; уклоняется отъ него, какъ видно изъ сравненія ст. 1686 уложенія съ ст. 1627, именно кіевская профессура. Иностранныя законодательства, отличающія „Raub" отъ „Erpressung" способомъ дѣйствій преступника, вовсе не заслуживаютъ подражанія, и коммиссія поступила совершенно правильно, отказавшись слѣдовать ихъ примѣру.

За обвиненіемъ коммиссіи въ отступленіи отъ „господствующихъ воззрѣній" слѣдують въ обвинительномъ актѣ кіевскаго юридическаго факультета многіе другіе пункты, которыхъ мы попутно уже касались, и на которыхъ, поэтому, будемъ останавливаться теперь не такъ долго, какъ на первомъ. Мы видѣли уже, говоря о поврежденіи имущества, что коммиссія вовсе не такъ склонна къ ненужнымъ измѣненіямъ въ терминологіи, какъ полагаютъ кіевскіе юристы. Въ

числѣ „новыхъ терминовъ", которые ставятся ей въ вину, мы встрѣчаемъ „похищеніе имущества", „сокрытіе", „захватъ", „истребленіе огнемъ". Все это свидѣтельствуетъ только о незнакомствѣ обвинителей съ дѣйствующимъ уложеніемъ. Неужели факультету не извѣстно, что третья глава двѣнадцатаго раздѣла уложенія озаглавлена: „*о похищеніи* чужого имущества", и слово: *похищеніе* встрѣчается во многихъ статьяхъ этой главы (1627, 1637, 1644, 1658, 1665)? Слово: *сокрытіе* употреблено въ ст. 14 уложенія для опредѣленія понятія объ укрывательствѣ. Въ статьѣ 1603 говорится о *захваченномъ* движимомъ имуществѣ. Слово: *истребленіе* стоитъ въ заголовкѣ той главы, въ составъ которой входятъ постановленія о зажигательствѣ... Обвиненіе въ игнорированіи западно-европейскихъ законодательствъ и научныхъ теорій совпадаетъ, бо̀льшею частью, съ обвиненіемъ въ неуваженіи къ „господствующимъ народнымъ воззрѣніямъ"; для усиленія эффекта одни и тѣ же прегрѣшенія подводятся заразъ подъ двѣ различныя рубрики. Новыми могутъ быть признаны здѣсь только два указанія: на чрезмѣрное расширеніе понятія о злоупотребленіи довѣріемъ и на изъятіе присвоенія имущества изъ числа преступленій, преслѣдуемыхъ въ порядкѣ публичнаго обвиненія. „Злоупотребленіе довѣріемъ"—это только общее наименованіе, предлагаемое коммиссіею, въ заглавіи главы тридцать-четвертой, для множества разнообразныхъ преступленій. Если и допустить, что оно выбрано не совсѣмъ удачно, то ошибка въ оглавленіи не составляетъ еще капитальнаго грѣха противъ науки. Что касается до порядка преслѣдованія въ дѣлахъ о присвоеніи имущества, то можно не соглашаться, въ этомъ отношеніи, съ предположеніемъ коммиссіи, но не слѣдуетъ приписывать ему такого значенія, котораго оно на самомъ дѣлѣ не имѣетъ. Коммиссія, какъ видно изъ объясненія къ ст. 495, вовсе не предрѣшила вопроса о томъ, можно ли предоставить потерпѣвшему прекращеніе однажды начатаго дѣла о присвоеніи; нельзя, слѣдовательно, утверждать—какъ это дѣлаетъ факультетъ,—что дѣла этого рода ставятся въ *исключительную* зависимость отъ усмотрѣнія потерпѣвшаго. Расширеніе круга дѣлъ, производимыхъ въ порядкѣ частнаго обвиненія, неизбѣжно повлечетъ за собою, притомъ, улучшеніе этого порядка—предоставленіемъ, напримѣръ, прокурорскому надзору являться на помощь частному обвинителю.

Увлеченіе „исключительными теоріями", чрезмѣрное стремленіе къ „упрощенію и сокращенію", „обезличеніе преступленій"—все это только варіанты обвиненій намъ уже извѣстныхъ; все это направлено противъ нововведеній коммиссіи въ области поврежденія и похищенія. Остаются, затѣмъ, еще два обвинительныхъ пункта: „съуженіе круга наказуемыхъ дѣяній" и „ослабленіе силы уголов-

ной репрессіи". Первый изъ этихъ пунктовъ рѣшительно ничѣмъ не доказанъ. Факультетъ не называетъ ни одного дѣянія, которое бы исключалось коммиссіею изъ числа наказуемыхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно упускаетъ изъ виду, что коммиссія значительно *расширяетъ* сферу уголовной кары, вводя въ нее, напримѣръ, ростовщичество, шантажъ, многія злоупотребленія, допускаемыя въ кредитныхъ установленіяхъ и акціонерныхъ обществахъ. Что касается до „ослабленія силы уголовной репрессіи", то здѣсь необходимо сдѣлать оговорку. Въ отдѣльныхъ случаяхъ коммиссія, быть можетъ, зашла слишкомъ далеко въ пониженіи мѣры наказанія—но это вовсе не составляетъ отличительнаго, господствующаго свойства ея работы. Можно утверждать, напримѣръ, что, подводя подъ одну статью три различные вида похищенія и значительно уменьшая число обстоятельствъ, квалифицирующихъ похищеніе, коммиссія не должна была ограничивать максимумъ наказанія, установляемаго въ ст. 496, годичнымъ тюремнымъ заключеніемъ; можно находить, что слишкомъ незначительна высшая мѣра наказанія за ростовщичество и за шантажъ. Но въ проектѣ есть и недостатки прямо противоположнаго характера; слишкомъ строга, напримѣръ, вторая часть ст. 496, въ одномъ только случаѣ допускающая, при похищеніи, переходъ отъ тюрьмы къ аресту. Одно дѣло—разбирать, правильно ли, въ каждомъ отдѣльномъ постановленіи закона, соразмѣрено наказаніе съ виною; другое дѣло—возводить усиленную строгость на степень общаго, абсолютнаго требованія. Кіевскій юридическій факультетъ занимается именно послѣднимъ, мало благодарнымъ и еще менѣе симпатичнымъ дѣломъ. „Дѣйствительная жизнь—говоритъ онъ—вызываетъ настоятельную необходимость усиленія уголовной репрессіи, пересмотра уголовнаго законодательства въ смыслѣ усиленія карательныхъ мѣръ борьбы съ нарождающеюся и увеличивающеюся преступностью. Нравственное вырожденіе, особенно въ подростающемъ поколѣніи, дѣлаетъ такіе быстрые успѣхи, что правительства самыхъ просвѣщенныхъ странъ Европы съ тревогою за будущее останавливаются предъ этимъ грознымъ явленіемъ. Правительство Франціи вынуждено было закономъ о рецидивистахъ, три года тому назадъ, сдѣлать починъ въ духѣ реакціи противъ прежняго, крайне снисходительнаго, отношенія законодателя къ преступнику". Французскій code pénal—и крайняя снисходительность! Усмотрѣть внутреннюю связь между этими двумя понятіями могла только мудрость кіевскаго юридическаго факультета. Усиленія преступности мы не отрицаемъ, не отрицаемъ и необходимости борьбы противъ этого явленія; но средствомъ борьбы обостреніе уголовной репрессіи можетъ быть лишь настолько, насколько оно прямо вытекаетъ изъ указаній

жизни или науки. Если существованіе типа „преступнаго человѣка" перестанетъ быть гипотезой, оно можетъ вызвать установленіе особыхъ карательныхъ мѣръ для преступниковъ, признанныхъ неисправимыми; увеличеніе повторяемости преступленій, доказанное статистическими данными, можетъ повлечь за собою усиленіе отвѣтственности для рецидивистовъ, для преступниковъ по ремеслу—но рядомъ съ этими отдѣльными теченіями, заключенными въ свои естественныя границы, могутъ и должны существовать другія, направленныя къ смягченію наказаній, къ облегченію участи преступниковъ.

Чѣмъ же, въ виду всего сказаннаго до сихъ поръ, слѣдуетъ признать возраженія кіевскаго юридическаго факультета противъ проекта редакціонной коммиссіи? Не чѣмъ инымъ, какъ „признакомъ времени". Пересмотръ уголовнаго законодательства въ томъ духѣ, въ какомъ онъ предпринятъ десять лѣтъ тому назадъ и въ какомъ его ведетъ редакціонная коммиссія, представляется, съ извѣстной точки зрѣнія, чѣмъ-то неблаговременнымъ, неумѣстнымъ, точно по ошибкѣ уцѣлѣвшимъ отъ другой эпохи. Къ чему справедливость, когда нужна только энергія? Къ чему мягкость, когда на очереди стоитъ подтягиванье? Къ чему точное соотвѣтствіе между виной и наказаніемъ, если избытокъ строгости можетъ быть только полезенъ? Къ подобнымъ взглядамъ, разъ что они высказываются извѣстными органами печати, наше общество давно уже привыкло; но глубоко печальное впечатлѣніе производитъ появленіе ихъ въ такой сферѣ, которой слѣдовало бы стоять выше и внѣ злобы дня—въ сферѣ университетской науки. Грустно уже и то, когда союзникомъ ретроградныхъ стремленій выступаетъ отдѣльный профессоръ, мечущій громы въ мировой судъ или реабилитирующій „институтъ групповой отвѣтственности"; еще грустнѣе, когда аналогичную роль играетъ цѣлая профессорская коллегія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ это было бы немыслимо; неужели намъ суждено видѣть, какъ это сдѣлается зауряднымъ?

Изъ числа законодательныхъ мѣръ, обнародованныхъ въ послѣднее время, особенно важны двѣ, относящіяся къ крестьянскому поземельному банку и къ мировымъ судебнымъ установленіямъ. Мнѣніемъ государственнаго совѣта, Высочайше утвержденнымъ 5-го декабря прошлаго года, крестьянскому поземельному банку разрѣшено, въ видѣ изъятія, выдавать ссуды для покупки земель, на одинаковыхъ основаніяхъ съ крестьянами, непринадлежащимъ къ крестьянскому сословію землевладѣльцамъ виленской, ковенской, гродненской и минской губерній, а именно мѣщанамъ православнаго исповѣданія и старообрядцамъ. Это второй шагъ къ измѣненію узко-сословнаго

характера дѣятельности банка; въ 1885 г. ему было предоставлено выдавать ссуды нѣкоторымъ категоріямъ мѣщанъ въ губерніяхъ херсонской и подольской. Мы находили уже тогда и продолжаемъ думать теперь, что цѣлесообразнѣе отдѣльныхъ, мѣстныхъ изъятій была бы мѣра болѣе общаго свойства. Главная цѣль банка—помогать пріобрѣтенію земли тѣми, кто воздѣлываетъ ее собственными руками. Какое наименованіе они носятъ, къ какому сословію они причислены—это совершенно безразлично. Наименованіе *крестьянскаго* было присвоено банку, очевидно, не потому, чтобы право на правительственную помощь принадлежало исключительно одному сословію, а потому что громадная масса земледѣльцевъ входитъ въ составъ крестьянства. Въ кругъ дѣйствій банка слѣдовало бы включить, поэтому, всѣ категоріи населенія, по имени отличныя отъ крестьянъ, но на самомъ дѣлѣ тождественныя съ ними по занятіямъ и положенію. Мѣщанинъ-городской обыватель [1]), живущій только хлѣбопашествомъ и разсчитывающій только на рабочую силу свою и своего семейства, гораздо болѣе заслуживаетъ поддержки со стороны крестьянскаго банка, чѣмъ крестьянинъ-деревенскій житель, нанимающій рабочихъ и приближающійся къ типу мелкаго землевладѣльца. Нужно надѣяться, что новѣйшее расширеніе дѣятельности банка не будетъ послѣднимъ, и что дальнѣйшія законодательныя мѣры по этому предмету будутъ свободны отъ вѣроисповѣднаго характера. Если крестьяне въ сѣверо-западномъ краѣ, къ какому вѣроисповѣданію они бы ни принадлежали, имѣютъ право на содѣйствіе банка, то едва ли есть достаточное основаніе отказывать въ этомъ содѣйствіи мѣстнымъ католикамъ-мѣщанамъ, разъ что они рѣшительно ничѣмъ, кромѣ названія, не отличаются отъ крестьянъ.

12-го декабря 1888 г. Высочайше утверждено мнѣніе государственнаго совѣта о введеніи въ архангельской губерніи мировыхъ судебныхъ установленій, отдѣльно отъ общихъ. Отъ прежнихъ мѣръ этого рода новый законъ отличается нѣсколькими существенно-важными особенностями. Мировые судьи не образуютъ мировыхъ съѣздовъ, а подчиняются непосредственно архангельской палатѣ гражданскаго и уголовнаго суда, которая и разсматриваетъ, на правахъ съѣзда, жалобы на рѣшенія и распоряженія мировыхъ судей. На мировыхъ судей возлагается производство предварительныхъ слѣдствій по дѣламъ, подсуднымъ, въ первой степени суда, архангель-

---

[1]) Извѣстно, что во многихъ уѣздныхъ городахъ, особенно въ юго-восточныхъ губерніяхъ, значительная часть населенія занимается только хлѣбопашествомъ, преимущественно на городскихъ земляхъ. Нѣкоторые мѣщане поселились въ окрестностяхъ города, сравнялись съ крестьянами даже по внѣшней обстановкѣ, но все-таки продолжаютъ числиться городскими обывателями.

ской палатѣ. Отзывы, жалобы и протесты на окончательные уголовные приговоры мировыхъ судей и палаты, дѣйствующей въ качествѣ мирового съѣзда, допускаются только въ случаяхъ нарушенія предѣловъ вѣдомства или власти. Отмѣна окончательныхъ гражданскихъ рѣшеній мировыхъ судей и палаты, дѣйствующей въ качествѣ мирового съѣзда, допускается только по просьбамъ о пересмотрѣ рѣшеній и по просьбамъ неучаствовавшихъ въ дѣлѣ лицъ. Мировые судьи предаются уголовному суду по постановленіямъ консультаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной, съ утвержденія министра юстиціи. Все это—рѣзкія отступленія отъ судебныхъ уставовъ, едва ли вызываемыя исключительнымъ положеніемъ архангельской губерніи. Во всѣхъ другихъ губерніяхъ—западныхъ, привислянскихъ, олонецкой, оренбургской,—гдѣ мировые судьи назначаются правительствомъ, они предаются суду, на общемъ основаніи, соединеннымъ присутствіемъ кассаціонныхъ и перваго департаментовъ правительствующаго сената; почему же понадобилось измѣнить порядокъ преданія суду для мировыхъ судей архангельской губерніи? Во всѣхъ губерніяхъ, перечисленныхъ выше, существуетъ кассаціонный порядокъ обжалованія окончательныхъ гражданскихъ рѣшеній, состоявшихся въ мировыхъ учрежденіяхъ [1]); почему же онъ совершенно устраненъ въ архангельской губерніи, и почему кассаціонный порядокъ обжалованія окончательныхъ уголовныхъ приговоровъ заключенъ здѣсь въ столь тѣсныя границы? Мировыхъ съѣздовъ нѣтъ только въ Закавказскомъ краѣ; но ихъ обязанности возложены тамъ на окружные суды, гораздо болѣе близкіе къ мѣстнымъ мировымъ судьямъ, чѣмъ архангельская палата—къ мировымъ судьямъ обширнѣйшей архангельской губерніи. Всѣхъ мировыхъ судей въ этой губерніи будетъ двадцать; слѣдовательно ихъ было бы достаточно для учрежденія четырехъ или пяти мировыхъ съѣздовъ, причемъ нѣкоторые уѣзды могли бы быть соединены въ одинъ мировой округъ. Для тяжущихся и подсудимыхъ гораздо легче и удобнѣе было бы имѣть дѣло съ ближайшимъ съѣздомъ, чѣмъ съ палатой—одной для цѣлой губерніи. Правда, явка сторонъ въ засѣданіе палаты признается для нихъ (за исключеніемъ немногихъ случаевъ) необязательною, теченіе сроковъ по дѣламъ уголовнымъ начинается не съ того времени, когда состоялся приговоръ палаты, а съ того времени, когда онъ сдѣлался извѣстнымъ жалующемуся; но всѣ эти облегчительныя правила, вполнѣ цѣлесообразныя въ виду громадныхъ раз-

[1]) Въ Закавказскомъ краѣ кассаціонной инстанціей для жалобъ на мировыхъ судей и на окружные суды, дѣйствующіе въ качествѣ мировыхъ съѣздовъ, служитъ тифлисская судебная палата; но это измѣненіе подсудности ничего не измѣняетъ въ предѣлахъ и свойствахъ кассаціоннаго производства.

стояній архангельской губерніи, могли бы быть примѣнены и къ мировымъ съѣздамъ... Соединеніе обязанностей мирового судьи съ обязанностями судебнаго слѣдователя, установленное, болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, въ Закавказскомъ краѣ, не было примѣнено съ тѣхъ поръ ни къ одной изъ мѣстностей, гдѣ правительственной власти предоставлялось назначеніе мировыхъ судей; нужно полагать —и для этого предположенія имѣется, дѣйствительно, не мало основаній,—что оно оказалось далеко не успѣшнымъ. Почему же оно теперь вновь появляется на сцену? Можно ли ожидать, что исполненіе одной обязанности не помѣшаетъ исполненію другой? Для удобства населенія необходимо, чтобы мировой судья постоянно—за исключеніемъ дней, проводимыхъ имъ на съѣздѣ или заранѣе назначенныхъ для въѣзда въ участокъ,—находился въ мѣстѣ своего пребыванія; судебный слѣдователь, наоборотъ, безпрестанно долженъ отлучаться въ разные концы своего округа и не можетъ опредѣлить заранѣе ни дня своего отъѣзда, ни дня своего возвращенія. За Кавказомъ мировой судья имѣетъ помощника или помощниковъ, которымъ и можетъ поручить производство слѣдственныхъ дѣйствій; на всю архангельскую губернію полагается только двое добавочныхъ судей. Должность мирового судьи безъ всякаго неудобства и даже съ пользой можетъ быть поручена человѣку молодому, недавно вступившему на службу; слѣдственная часть только тогда будетъ поставлена у насъ какъ слѣдуетъ, когда судебными слѣдователями явятся вездѣ люди опытные, зрѣлые, занимавшіе, по меньшей мѣрѣ, должность товарища прокурора или члена окружного суда. Въ настоящее время судебные слѣдователи находятся у насъ фактически въ зависимости отъ прокурорскаго надзора; при соединеніи этой должности съ обязанностями мирового судьи зависимымъ отъ прокурорскаго надзора окажется и мировой судья, безъ того уже несамостоятельный по способу назначенія, увольненія и преданія суду. Въ виду всего этого, законъ 12-го декабря 1888 г. кажется намъ рѣшительнымъ поворотомъ назадъ, къ до-реформеннымъ порядкамъ. Намъ невольно приходитъ на мысль, не готовится ли что-либо подобное для всей имперіи? Припомнимъ, что въ извѣстной нашимъ читателямъ брошюрѣ Г. А. Евреинова: „Замѣтки о мѣстной реформѣ“, предложеніе замѣнить выборныхъ мировыхъ судей мировыми судьями назначенными идетъ рука-объ-руку съ предложеніемъ возложить на мировыхъ судей производство предварительныхъ слѣдствій. И дѣйствительно, должностныя лица, соединяющія въ себѣ обязанности мирового судьи съ обязанностями судебнаго слѣдователя, не могутъ не быть назначаемы правительствомъ; слѣдственная часть не можетъ быть отнесена къ области мѣстнаго самоуправленія, ея устройство неизбѣжно

должно быть основано на тѣхъ же началахъ, какъ и устройство общихъ судебныхъ мѣстъ. Остаться такимъ, какимъ создали его судебные уставы, мировой судъ можетъ только въ своей настоящей сферѣ дѣйствій, ничѣмъ не усложненной. Съ судебными слѣдователями-мировыми судьями трудно было бы помириться даже въ такомъ случаѣ, еслибы они назначались исключительно изъ числа лицъ, получившихъ высшее юридическое образованіе; но правила 12-го декабря 1888 г. сохраняютъ для мировыхъ судей архангельской губерніи тотъ же образовательный цензъ, какой установленъ для выборныхъ мировыхъ судей (минимумъ его — среднее образованіе *или* трехъ-лѣтняя служба въ такихъ должностяхъ, при исправленіи которыхъ можно пріобрѣсти практическія свѣденія въ производствѣ судебныхъ дѣлъ). Неужели обремененіе разнородными дѣлами, зависимость отъ начальства и невысокое образованіе составляютъ, вмѣстѣ взятыя, такую совокупность условій, которою лучше всего обезпечивается успѣшное отправленіе правосудія?

Отмѣтимъ, кстати, характерную иллюстрацію къ вопросу о назначеніи или выборѣ мировыхъ судей. Коротоякское дѣло возбудило большую радость въ врагахъ выборнаго мирового суда, какъ желанный аргументъ въ пользу ихъ любимой темы; весьма можетъ быть, что оно заставило призадуматься и кое-кого изъ людей нейтральныхъ, но привыкшихъ придавать излишнее значеніе отдѣльнымъ, единичнымъ фактамъ. Теперь равновѣсіе возстановлено; коротоякскому дѣлу можно противопоставить винницкое. Надъ предсѣдателемъ винницкаго мирового съѣзда (каменецъ-подольской губерніи, гдѣ мировые судьи, какъ извѣстно, назначаются правительственною властью) назначено слѣдствіе по обвиненію въ цѣлой массѣ преступленій. „Тутъ есть,—говоритъ „Кіевлянинъ", — и вымогательство, и просто взятка, и неправосудіе, и подлогъ, и превышеніе власти. Упавъ такъ низко самъ, обвиняемый своимъ паденіемъ повлекъ за собою и лицъ, при посредствѣ которыхъ совершалъ преступленія. Простота въ обстановкѣ взятокъ, говорятъ, доходила до того, что въ канцеляріи съѣзда, на рукахъ довѣреннаго писца, хранились бланки заемныхъ расписокъ, съ которыми писецъ при возникновеніи дѣла, когда чувствовалась возможность получить, ходилъ къ той или другой сторонѣ и, получивъ деньги, выдавалъ расписки, вписывая въ нихъ время выдачи, фамилію кредитора и сумму денегъ". Прибавимъ къ этому, что, по свѣденіямъ другой газеты, обвиняемый не получилъ образованія и началъ службу лѣснымъ кондукторомъ... Само собою разумѣется, что мы не выводимъ отсюда никакихъ общихъ заключеній, неблагопріятныхъ для назначенныхъ мировыхъ судей; мы хотимъ только напомнить, что назначеніе, какъ и выборъ—вовсе не абсолют-

ная гарантія противъ ошибокъ со стороны назначающихъ и злоупотребленій со стороны назначаемыхъ.

Та часть декабрьскаго Внутренняго Обозрѣнія, въ которой мы коснулись желательныхъ, съ нашей точки зрѣнія, преобразованій мѣстнаго управленія, вызвала нѣсколько возраженій въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. И газета, и журналъ приписываютъ намъ такую „перемѣну фронта“, которой мы, на самомъ дѣлѣ, никогда не совершали. „*Вѣстникъ Европы*“,—читаемъ мы въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ, — нѣсколько измѣнилъ свой оптимистическій взглядъ на современное положеніе нашей провинціальной жизни. Боровшись цѣлые годы противъ всякой мысли объ усиленіи власти снизу и объ учрежденіи земскихъ начальниковъ, онъ вдругъ теперь самъ заявляетъ о недостаточности мѣстной полиціи, требуетъ *усиленія власти снизу* и предлагаетъ учредить въ уѣздѣ участковыхъ начальниковъ, съ предоставленіемъ имъ заботъ о мѣстномъ благоустройствѣ“. Почти то же самое говоритъ и „Русскій Вѣстникъ“, подчеркивая, какъ нѣчто новое, наши слова о необходимости существенныхъ измѣненій въ устройствѣ мѣстнаго управленія. Конечно, мы не можемъ требовать отъ нашихъ противниковъ основательнаго знакомства съ длиннымъ рядомъ статей, посвященныхъ нами вопросу о мѣстной реформѣ; но зачѣмъ же они говорятъ о томъ, чего вовсе не знаютъ? За административную реформу мы высказывались постоянно. Настоятельность ея признавалась нами и по поводу сенаторскихъ ревизій 1880 г. („В. Европы“ 1880 г., № 10), и по поводу задачъ новаго царствованія (1881 г., № 4), и по поводу учрежденія Кахановской коммиссіи (1881 г., № 12). Не ограничиваясь общими указаніями, мы разрабатывали довольно подробно отдѣльныя стороны защищаемой нами системы; напомнимъ, въ видѣ примѣра, наши замѣтки о всесословной волости („В. Европы“ 1881 г., № 7 и слѣд.), о сельскомъ обществѣ (1884 г., № 11), о преобразованіи земскихъ учрежденій (1881 г., № 8). Мы боролись и боремся много лѣтъ сряду не противъ „усиленія власти“ вообще, а противъ усиленія ея въ извѣстномъ духѣ и смыслѣ, противъ преобладанія сословнаго элемента, противъ соединенія функцій административныхъ и судебныхъ. Мы находили и находимъ, что „общественный порядокъ нигдѣ у насъ не нарушенъ, повиновеніе властямъ вездѣ въ полной силѣ, примѣненіе законовъ не встрѣчаетъ ни прямого, ни пассивнаго противодѣйствія“; но развѣ это значитъ, что у насъ все обстоитъ благополучно и нѣтъ надобности ни въ какихъ перемѣнахъ? Такихъ „оптимистическихъ“ взглядовъ мы всегда были совершенно чужды; изъ положеній, только-

что приведенныхъ, мы выводили только отсутствіе повода „къ созданію множества мелкихъ диктатуръ, къ объявленію внѣ закона девяти десятыхъ населенія Россіи". Безъ сомнѣнія, лучше сохраненіе status quo, чѣмъ неудачная реформа; изъ двухъ золъ всегда предпочтительно меньшее—но это еще не значитъ, чтобы выборъ предстоялъ исключительно между ними, чтобы не было третьяго исхода, т.-е. реформы, соотвѣтствующей требованіямъ времени и потребностямъ народа.

За одинаковымъ началомъ слѣдуютъ, у нашихъ противниковъ, различныя продолженія. По мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей", наша „неожиданная метаморфоза" — не что иное, какъ „простѣйшій эскамотажъ"; предлагаемое нами преобразованіе мѣстнаго управленія не можетъ привести ни къ чему другому, кромѣ безвластія и безначалія. На это мы возражать не будемъ. То, что̀ намъ кажется властью, „Московскимъ Вѣдомостямъ" дѣйствительно можетъ или даже должно казаться анархіей, подобно тому какъ власть, понимаемая въ ихъ смыслѣ, въ нашихъ глазахъ равносильна гнету и произволу... „Русскій Вѣстникъ" идетъ другой дорогой; онъ старается изобличить насъ въ подражательности, въ недостаткѣ демократическихъ тенденцій, въ противорѣчіи съ самими собою. Образецъ, которому мы подражаемъ—это, по словамъ „Русскаго Вѣстника", проектъ Кахановской коммиссіи; оттуда взято нами „всесословное село", оттуда взятъ и участковый начальникъ, носящій тамъ только другое имя—волостеля... Организаціи сельскаго общества мы посвятили въ декабрьскомъ обозрѣніи лишь нѣсколько словъ; болѣе обстоятельно мы говорили объ этомъ предметѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ („В. Европы" 1884 г. № 11), и сказанное нами тогда показываетъ довольно ясно, что мы далеко не во всемъ раздѣляемъ мнѣніе Кахановской коммиссіи. „Русскій Вѣстникъ" упрекаетъ насъ въ томъ, что мы нарушаемъ единство деревенской жизни рѣзкимъ разграниченіемъ сельской общины отъ сельскаго общества, и вносимъ въ село „разлагающее буржуазное начало избирательной интриги", предлагая замѣнить, въ многолюдныхъ селахъ, сельскій сходъ выборнымъ представительствомъ хозяевъ. Консервативному журналу, повидимому, неизвѣстно, что различіе между общиной и обществомъ давно уже создано жизнью и должно быть только признано, регулировано закономъ. Сельское общество, составленное изъ нѣсколькихъ общинъ, не можетъ завѣдывать хозяйственными ихъ дѣлами, по той же простой причинѣ, по которой никто не можетъ распоряжаться чужимъ имуществомъ. Земля, принадлежащая, по уставной грамотѣ или владѣнной записи, одной части общественниковъ, является чужою для остальныхъ общественниковъ, владѣющихъ другою землею, на основаніи другого акта. Неизвѣстны

„Русскому Вѣстнику“ и тѣ безспорныя, крайне серьезныя неудобства, которыя проистекаютъ изъ нынѣшняго сельскаго устройства въ многолюдныхъ селахъ и доходятъ иногда до абсолютной невозможности *законныхъ* рѣшеній, постановленныхъ *законнымъ* сельскимъ сходомъ [1]). Если „буржуазное начало избирательной интриги“ не вкралось до сихъ поръ въ сельскіе сходы, избирающіе и должностныхъ лицъ сельскаго управленія, и членовъ волостного схода (такъ-называемыхъ десятидворныхъ), то мы не видимъ причины, почему оно должно быть къ нимъ привито избраніемъ самого схода—тамъ, гдѣ многочисленность хозяевъ дѣлаетъ *фактически невозможнымъ* примѣненіе существующаго порядка... „Русскій Вѣстникъ“ удивляется даже тому, что мы назвали не-крестьянское населеніе деревень „многочисленнымъ“; чтобы оправдать этотъ эпитетъ, намъ достаточно сослаться на примѣръ села Балакова (самарской губерніи), въ которомъ, въ 1881 г., число пришлыхъ жителей превышало болѣе чѣмъ вдвое число мѣстныхъ крестьянъ.

Участковый начальникъ, о которомъ мы говорили въ декабрьскомъ обозрѣніи, не имѣетъ ничего общаго съ „волостелемъ“, проектированнымъ Кахановскою коммиссіею. Волостель долженъ былъ замѣнить собою волостного старшину и стать во главѣ территоріальной единицы, нѣсколько лишь бóльшей, чѣмъ нынѣшняя волость. Эта единица должна была имѣть исключительно территоріальный характеръ, безъ права самоуправленія и самообложенія. Мы всегда стояли, наоборотъ, за самоуправляющуюся всесословную волость; мы продолжаемъ стоять за нее и теперь. Участковый начальникъ является, въ нашихъ глазахъ, вовсе не преемникомъ волостного старшины, а *членомъ земской управы*, придвинутымъ поближе къ населенію, съ нѣкоторою властью и съ болѣе обширнымъ кругомъ дѣйствій. Самое число проектируемыхъ нами участковыхъ начальниковъ—равное числу лицъ, входящихъ теперь въ составъ уѣздной земской управы, съ прибавкой лишь еще одного (какъ бы взамѣнъ непремѣннаго члена крестьянскаго присутствія),—показываетъ съ полною ясностью, что участокъ, какъ мы его понимаемъ, вовсе не суррогатъ волости. Волостей въ уѣздѣ отъ десяти до двадцати-пяти и болѣе; участковъ, по нашей мысли, было бы не болѣе четырехъ или пяти. Не „либеральнымъ“ и не „демократичнымъ“ кажется „Русскому Вѣстнику“ наше предположеніе объ образовательномъ или служебномъ цензѣ, которому долженъ удовлетворять участковый начальникъ. Мы желали бы знать, что̀ сказалъ бы консерва-

[1]) Рекомендуемъ „Русскому Вѣстнику“ познакомиться хотя бы съ положеніемъ дѣлъ въ Покровской слободѣ (въ новоузенскомъ уѣздѣ самарской губерніи, противъ Саратова), подробно изслѣдованнымъ, въ 1880—81 г., сенаторскою ревизіей саратовской и самарской губерній.

тивный журналъ, еслибы мы предложили предоставить нѣкоторую долю административной власти нынѣшнимъ, часто безграмотнымъ или полуграмотнымъ членамъ уѣздныхъ земскихъ управъ? Не въ правѣ ли онъ былъ бы упрекнуть насъ въ желаніи унизить значеніе власти или въ явномъ непониманіи условій, необходимыхъ для успѣшной ея дѣятельности? Пока земскія управы сохраняютъ свое нынѣшнее положеніе, свой нынѣшній характеръ, мы всегда будемъ возражать противъ примѣненія къ нимъ какого бы то ни было образовательнаго ценза; еще недавно мы говорили въ этомъ смыслѣ противъ мнѣнія барона П. Л. Корфа, выраженнаго имъ въ брошюрѣ: „Ближайшія нужды мѣстнаго управленія". Отстаивая всесословную волость, мы всегда утверждали, что во главѣ ея можетъ быть поставлено всякое грамотное лицо, именно въ тѣхъ видахъ, чтобы званіе волостного старшины оставалось доступнымъ для лицъ крестьянскаго сословія. Совсѣмъ другое дѣло—властное, до извѣстной степени, управленіе такой крупной единицей, какъ участокъ, въ вышеобъясненномъ значеніи слова. Здѣсь безусловно необходима гарантія способности, которую можно найти только въ образовательномъ или служебномъ цензѣ. Быть „либераломъ" или „демократомъ" не значитъ еще быть защитникомъ невѣжества, не значитъ еще думать, что для удовлетворительнаго исполненія сложныхъ административныхъ обязанностей не нужно ни опытности, ни знаній. *Служебный* цензъ понимается нами вовсе не въ смыслѣ пріобрѣтенія извѣстнаго *чина*, а въ смыслѣ занятія должности, могущей подготовить къ званію участковаго начальника. Это—тотъ же цензъ, который открываетъ теперь доступъ къ званію мирового судьи; это—тотъ же цензъ, о которомъ идетъ рѣчь въ любезномъ „Русскому Вѣстнику" проектѣ о земскихъ начальникахъ [1]... Въ противорѣчіи съ самими собою „Русскій Вѣстникъ" обвиняетъ насъ на томъ основаніи, что „вѣроятность удачнаго выбора" мы признаемъ прямо пропорціональной числу кандидатовъ, а между тѣмъ сами ограничиваемъ это число установленіемъ образовательнаго и служебнаго ценза. Неужели мы должны объяснять, что прежде всего необходимо опредѣлить условія для занятія извѣстной должности, а потомъ уже озаботиться пріисканіемъ возможно бóльшаго числа лицъ, изъ среды которыхъ она могла бы быть замѣщаема? Безъ извѣстной степени образованія или служебнаго

---

[1]) На основаніи этого проекта, къ занятію должности земскаго начальника допускаются, между прочимъ, мѣстные дворяне, прослужившіе не менѣе трехъ лѣтъ предводителемъ дворянства, мировымъ посредникомъ, мировымъ судьею или непремѣннымъ членомъ крестьянскаго присутствія. Служба въ первой изъ этихъ должностей совершенно освобождаетъ отъ требованія имущественнаго ценза; служба въ остальныхъ должностяхъ сокращаетъ его на половину.

опыта никто, по нашему убѣжденію, не можетъ быть хорошимъ участковымъ начальникомъ; но развѣ это мѣшаетъ намъ желать увеличенія числа кандидатовъ, удовлетворяющихъ образовательному или служебному цензу? Не остаемся ли мы, наоборотъ, совершенно послѣдовательными, предлагая устраненіе другихъ условій, безъ всякой надобности ограничивающихъ избираемость? Къ такимъ условіямъ принадлежатъ, напримѣръ, слишкомъ высокій имущественный цензъ, слишкомъ позднее земское совершеннолѣтіе (25 лѣтъ), запрещеніе избирать на земскія должности мѣстныхъ землевладѣльцевъ, не принадлежащихъ къ числу гласныхъ земскаго собранія. Представимъ себѣ такое разсужденіе: „кандидатовъ въ мировые судьи теперь у насъ мало, и это затрудняетъ успѣшное избраніе. Другая причина, понижающая уровень мирового института—это недостаточность образовательнаго ценза, которымъ обусловленъ выборъ въ мировые судьи; имущественный цензъ, наоборотъ, слишкомъ высокъ. Нужно повысить первый и понизить послѣдній“. Можно соглашаться или не соглашаться съ этимъ разсужденіемъ, но едва ли кто-либо, кромѣ „Русскаго Вѣстника“, усмотритъ въ немъ что-нибудь похожее на внутреннее противорѣчіе.

Покончивъ съ противниками, перейдемъ къ союзникамъ. Въ № 1 „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права“ за текущій годъ помѣщена весьма интересная статья г. Хрулева: „Мысли провинціала о провинціи“. Мы далеко не во всемъ согласны съ авторомъ, стоящимъ, напримѣръ, за включеніе въ земскія собранія, безъ выборовъ, дворянъ-крупныхъ землевладѣльцевъ, и предлагающимъ учрежденіе территоріальной, не-самоуправляющей волости, съ волостнымъ старшиной по назначенію губернатора; но это не мѣшаетъ намъ признать, что въ его замѣткахъ много основательнаго и дѣльнаго. Къ нѣкоторымъ изъ нихъ мы постараемся еще возвратиться, а теперь скажемъ только, что г. Хрулевъ столь же рѣшительный защитникъ самостоятельности земскихъ учрежденій, сколько рѣшительный противникъ спеціальной, властной опеки надъ крестьянами. Особеннаго вниманія и сочувствія заслуживаютъ слѣдующія слова, идущія въ разрѣзъ не только съ воплями крѣпостниковъ, но и съ жалобами такихъ умѣренныхъ людей, какъ баронъ П. Л. Корфъ: „зная провинцію такъ, какъ знаютъ ее не особенно многіе, мы смѣло утверждаемъ, вмѣстѣ съ массою русскихъ людей, живущихъ въ провинціи и въ деревнѣ, что *жизнь въ уѣздѣ не невозможна*, что въ провинціи *безурядица* не царитъ, что въ провинціи недостаетъ только порядка въ дѣлопроизводствѣ, т.-е. существуетъ *безурядица* въ присутствіяхъ, отъ которой страдаютъ только крестьяне“... Другой отрадный для насъ фактъ заключается въ томъ, что при разсмотрѣніи въ петер-

бургскомъ юридическомъ обществѣ доклада, посвященнаго разбору извѣстныхъ книгъ г. Евреинова и барона П. Л. Корфа, не нашлось почти ни одного голоса въ защиту мѣръ, направленныхъ къ ломкѣ крестьянскаго и земскаго самоуправленія. Вопреки барону Корфу, юридическое общество высказалось противъ введенія въ земскія собранія, безъ выборовъ, крупныхъ землевладѣльцевъ и представителей дворянскаго сословія, противъ преграждения неграмотнымъ и малограмотнымъ крестьянамъ доступа въ земскія управы и въ губернскія земскія собранія; вопреки г. Евреинову, общество высказалось противъ уничтоженія административнаго характера сельскихъ обществъ, противъ возведенія прихода на степень мелкой самоуправляющейся единицы, противъ участковыхъ начальниковъ, назначаемыхъ правительствомъ и соединяющихъ въ себѣ функціи административныя и полицейскія, противъ упраздненія земскихъ управъ и замѣны ихъ смѣшанными уѣздными присутствіями.

ТРЕТІЙ СЪѢЗДЪ РУССКИХЪ ВРАЧЕЙ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Происходившій въ Петербургѣ 3—10 января третій съѣздъ Общества русскихъ врачей, въ память Н. И. Пирогова, отличался большимъ многолюдствомъ и разнообразіемъ преній, а правильная постановка на съѣздѣ и рѣшеніе нѣкоторыхъ принципіально важныхъ вопросовъ не могутъ не имѣть для общества серьезнаго практическаго значенія.

Общее число врачей, записавшихся въ участники 3-го Петербургскаго съѣзда, равнялось 1.648 чел., въ томъ числѣ болѣе 800 чел. приходится на долю Петербурга, до 150 чел. прибыло изъ Москвы, остальные—изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей Россіи. Изъ общаго числа членовъ 3-го съѣзда женщинъ-врачей было 162 чел. (105 живущихъ въ Петербургѣ). Изъ земскихъ врачей записалось на съѣздъ около 200 чел., 60 фабричныхъ, желѣзнодорожныхъ и т. п., около 100 представителей такъ-называемой административной медицины (инспекторы и члены губернскихъ врачебныхъ управъ, уѣздные и городовые врачи) и, наконецъ, 9 фармацевтовъ, согласно новому измѣненію прежняго устава Пироговскихъ съѣздовъ, получившихъ право принимать участіе въ засѣданіяхъ секціи фармаціи и фармакогнозіи.

Всѣ занятія 3-го съѣзда распредѣлены были по 18 секціямъ и 8 субъ-секціямъ, въ которыхъ сосредоточивались доклады по различнымъ спеціальностямъ медицинской науки.

Прежде, чѣмъ мы познакомимся съ практическими результатами минувшаго съѣзда, считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе на общественныя задачи возникшаго въ 1881 г. „Общества русскихъ врачей". Оно учреждено было съ цѣлью разработки, соединенными силами, очередныхъ научно-врачебныхъ и санитарныхъ вопросовъ, имѣющихъ столь большое значеніе при нашихъ обширныхъ пространствахъ, не вполнѣ установившихся взглядахъ на условія санитарно-врачебной дѣятельности въ Россіи и чрезвычайно разнообразной организаціи врачебной помощи населенію.

Самые съѣзды русскихъ ученыхъ имѣютъ вообще за собой чрезвычайно любопытную исторію, отдѣльные эпизоды которой являются весьма характерными для нашей національной розни и непривычки къ коллективному обсужденію тѣхъ или другихъ вопросовъ въ различныхъ отрасляхъ знаній. Въ западной Европѣ ученые съѣзды, возникшіе

впервые въ Швейцаріи, въ 1815 году, мало-по-малу пріобрѣли всеобщее уваженіе и безграничныя симпатіи со стороны отдѣльныхъ лицъ и учрежденій; они въ значительной степени содѣйствовали прогрессу науки и взаимному сближенію ея представителей, причемъ теперь, кромѣ общихъ національныхъ и международныхъ съѣздовъ по естествознанію и медицинѣ, возникло еще множество періодическихъ собраній по самымъ разнообразнымъ спеціальностямъ, начиная съ хирурговъ и кончая гомеопатами. Наоборотъ, въ Россіи ученые съѣзды представляютъ учрежденіе совершенно случайное, неустановившееся вполнѣ, недостаточно оцѣненное русскимъ образованнымъ обществомъ и даже учеными корпораціями. Начало съѣзда русскихъ натуралистовъ относится къ началу 60-хъ годовъ, въ Кіевѣ, при участіи лишь мѣстныхъ ученыхъ, а затѣмъ въ концѣ 1867 г. состоялся въ Петербургѣ первый общій съѣздъ естествоиспытателей, благодаря энергичнымъ стараніямъ ректора с.-петербургскаго университета К. Ѳ. Кесслера и многихъ другихъ. На второмъ съѣздѣ въ 1869 г. въ Москвѣ къ натуралистамъ примкнули болѣе тѣсно и врачи, число которыхъ съ каждымъ годомъ прогрессивно увеличивалось до послѣдняго, седьмого съѣзда, происходившаго въ 1882 г. въ Одессѣ. Преобладаніе врачей на съѣздахъ русскихъ естествоиспытателей представляло не мало неудобствъ. Медицинскія секціи отличались многолюдствомъ, шумностью преній, безсистемностью въ выборѣ вопросовъ для совмѣстнаго обсужденія.

Въ декабрѣ 1885 г. сдѣлана была первая попытка самостоятельнаго сплоченія отдѣльныхъ, разрозненныхъ русскихъ врачебныхъ силъ. Наиболѣе удачной оказалась организація второго съѣзда врачей въ Москвѣ, хотя слѣдуетъ замѣтить, что и здѣсь для разработки многихъ научно-практическихъ вопросовъ точно также не было достаточно времени и надлежащей подготовки. Какъ бы то ни было, бывшіе до сихъ поръ три съѣзда могутъ считаться вполнѣ авторитетными выразителями не только научной дѣятельности русскихъ врачей, но и текущихъ санитарно-врачебныхъ нуждъ Россіи.

„Ученые съѣзды,—замѣтилъ, между прочимъ, проф. С. П. Боткинъ при открытіи 3-го съѣзда русскихъ врачей въ Петербургѣ, въ качествѣ очередного предсѣдателя правленія (другимъ предсѣдателемъ былъ академикъ А. Я. Крассовскій),—не дѣлаютъ открытій, но, оцѣнивая ихъ и популяризируя, они несомнѣнно представляютъ путь къ новымъ и практическимъ завоеваніямъ". На этихъ съѣздахъ, по словамъ избраннаго въ первомъ общемъ собраніи предсѣдателемъ съѣзда проф. Эрисмана, обсуждаются не только вопросы *частные*, вопросы по различнымъ спеціальностямъ медицинской науки, но и вопросы *общіе*, вопросы о возможномъ улучшеніи медицинскаго и санитар-

наго дѣла въ Россіи, о дальнѣйшемъ развитіи нашего сокровища, которому нѣтъ ничего подобнаго въ западной Европѣ—„нашей общественной, земской медицины".

Въ краткомъ обзорѣ намъ невозможно исчерпать, даже въ общихъ чертахъ, содержанія наиболѣе важныхъ и общеинтересныхъ докладовъ. Въ виду этого, остается лишь отмѣтить отдѣльные общественные вопросы, подвергавшіеся обсужденію въ различныхъ секціяхъ съѣзда, а равно и состоявшіяся по нѣкоторымъ изъ нихъ постановленія. Въ секціи фармакологіи и бальнеологіи видное мѣсто занимали доклады о современномъ состояніи русскихъ минеральныхъ водъ и ихъ нуждахъ, о русской народной медицинѣ (народно-врачебныя средства); въ секціи глазныхъ болѣзней—о близорукости въ школьномъ возрастѣ и пр. Въ секціи нервныхъ болѣзней многіе доклады также представляли немаловажный общественный интересъ, какъ напримѣръ объ одной изъ мѣръ для исправленія пьяницъ, о способѣ призрѣнія помѣшанныхъ преступниковъ, о вредномъ вліяніи занятій гипнотизмомъ и т. д. Въ ту же секцію, вѣроятно по недоразумѣнію, попалъ чрезвычайно, впрочемъ, интересный докладъ П. И. Успенскаго—о вредномъ вліяніи неправильнаго положенія туловища. Въ этомъ докладѣ, болѣе умѣстномъ въ секціи гигіены, референтъ, исходя изъ того положенія, что разница между фигурою современнаго человѣка и древними статуями, которыя считаются идеалами красоты, зависитъ отъ ослабленія брюшныхъ и спинныхъ мышцъ, высказалъ вполнѣ справедливое замѣчаніе, что сколько бы ни проповѣдывали противъ корсетовъ, ихъ все-таки будутъ носить до тѣхъ поръ, пока женщины не пріучатся имѣть свою природную талію, чего удобно достигнуть гимнастикою и электричествомъ. Современная постановка туловища, начинающаяся съ самаго ранняго возраста, чрезвычайно вредно вліяетъ на пищевареніе, дыханіе и особенно на кровообращеніе, содѣйствуя, между прочимъ, развитію милліарныхъ, мелкихъ мозговыхъ аневризмовъ.

Общественное значеніе петербургскаго съѣзда въ особенности рельефно обнаруживалось въ засѣданіяхъ секціи по гигіенѣ и общественной медицины, что вполнѣ понятно въ виду спеціальности вопросовъ, внесенныхъ на обсужденіе другихъ отдѣловъ.

Общая секція общественной медицины раздѣлена была впервые на три субъ-секціи: военной, морской и земской медицины, причемъ по нѣкоторымъ вопросамъ происходили совмѣстныя засѣданія съ гигіенической секціею. Уже самыя заглавія указываютъ, насколько важное практическое значеніе должны имѣть коллективныя совѣщанія врачей относительно текущихъ санитарно-врачебныхъ нуждъ Россіи, а именно: объединеніе плановъ санитарныхъ изслѣдованій;

о современномъ назначеніи госпиталей, краткій обзоръ дѣятельности коммиссіи по оздоровленію Россіи, подъ предсѣдательствомъ проф. С. П. Боткина; соглашеніе относительно вполнѣ опредѣленныхъ мѣръ противъ развитія и распространенія заразныхъ болѣзней, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ сельскаго населенія, относительно наилучшихъ способовъ дезинфекціи казармъ и лечебныхъ заведеній, о солидарности дѣйствій строевого и медицинскаго начальства при оказаніи пособія раненымъ и т. д.

Не мéньшаго вниманія заслуживаютъ также доклады: о продовольствіи солдатъ, объ улучшеніи въ народной одеждѣ и жильѣ, о народныхъ чтеніяхъ по предметамъ гигіены и эпидеміологіи, о преподаванія гигіены въ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, о мѣрахъ противъ вреднаго вліянія школы на здоровье учащихся, о педагогикѣ нравственно и физически больныхъ дѣтей; затѣмъ слѣдуютъ доклады по организаціи земской медицины и медицинской отчетности, по вопросамъ о борьбѣ съ эпидеміями въ земско-медицинской практикѣ, по оспопрививанію, земско-аптечному дѣлу, надзору за школами и т. д. Секція по вопросамъ врачебнаго быта не отличалась вообще заранѣе обдуманной программой и подборомъ соотвѣтственныхъ докладовъ, изъ которыхъ наиболѣе оживленныя пренія возбудили вопросы о необходимости измѣненія существующей системы экзаменовъ на степень доктора медицины и о сохраненіи врачемъ тайны больныхъ.

Изъ практическихъ постановленій, принятыхъ въ послѣднемъ общемъ собраніи 3-го съѣзда открытымъ голосованіемъ, признано необходимымъ возбудить предъ правительствомъ слѣдующія ходатайства въ установленномъ порядкѣ: 1) о безотлагательномъ пересмотрѣ врачебнаго устава XIII тома (секція судебной медицины); 2) о скорѣйшемъ введеніи преподаванія гигіены въ высшихъ техническихъ училищахъ и въ учебныхъ заведеніяхъ, приготовляющихъ педагоговъ, признавъ какъ для послѣднихъ, такъ и для преподавательскаго персонала въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ *обязательность экзамена по школьной гигіенѣ;* 3) о производствѣ въ ближайшемъ будущемъ всенародной однодневной переписи.

Кромѣ того, согласно заключенію соединенныхъ секцій общественной медицины и гигіены, общее собраніе постановило: 1) признать въ высшей степени полезнымъ *изданіе сборника по земской медицинѣ*, поручивъ правленію будущаго, 4-го съѣзда заняться этимъ дѣломъ и изыскать необходимыя для изданія сборника средства, уполномочивая правленіе выдать изъ остаточныхъ суммъ нѣкоторую часть, но безъ ущерба для надлежащаго устройства слѣдующаго съѣзда; 2) поставить на очередь вопросъ объ изданіи съѣздомъ пе-

ріодическаго органа, поручивъ правленію 4-го съѣзда разработать этотъ вопросъ, какъ относительно средствъ къ его осуществленію, такъ и относительно програмы изданія.

Послѣднія два рѣшенія вытекали непосредственно изъ доклада, представленнаго временнымъ бюро, избраннымъ на 2-мъ московскомъ съѣздѣ (проф. Эрисманъ, врачи Е. А. Осиповъ, И. В. Поповъ и Н. Ф. Михайловъ), для выясненія организаціи систематической разработки вопросовъ общественной медицины и гигіены очередными съѣздами русскихъ врачей.

Упомянутый докладъ, безспорно, является центромъ тяжести минувшаго съѣзда. Дѣло въ томъ, что основные принципы общественной медицины пока не получили еще повсемѣстно права полнаго гражданства среди русскихъ врачей, замкнувшихся въ тѣсныхъ рамкахъ обыденной практической дѣятельности. Вслѣдствіе этого, предложенія московскаго бюро, на первыхъ порахъ, подали-было поводъ къ случайнымъ недоразумѣніямъ между меньшинствомъ и большинствомъ членовъ съѣзда, какъ указано выше, принадлежащихъ къ числу лицъ, по своимъ служебнымъ занятіямъ и условіямъ быта, слишкомъ далекихъ отъ современныхъ требованій жизни. Какъ бы то ни было, однако, принципіальная сторона вопроса выяснилась, въ концѣ концовъ, болѣе или менѣе рельефно для всѣхъ, и такимъ образомъ устранены были всякая партійность и односторонность, проскальзывавшія въ сужденіяхъ и во взглядахъ нѣкоторыхъ изъ членовъ съѣзда.

На первомъ планѣ въ докладѣ московскаго бюро выдвинута была необходимость привести въ извѣстность *наличное состояніе земской медицины въ Россіи*, чтобы получить вѣрные итоги всему сдѣланному земствомъ въ области попеченія о народномъ здравіи за четверть вѣка его существованія. При всѣхъ существующихъ условіяхъ цѣль эта можетъ быть осуществлена именно всеобщимъ съѣздомъ врачей, ибо она не подъ силу разрозненнымъ попыткамъ частныхъ лицъ и учрежденій.

Содержаніе предполагаемаго сборника свѣденій должно быть таково, чтобы онъ давалъ полное и цѣльное представленіе о земской медицинѣ, чтобы онъ могъ служить опорою для надлежащаго исправленія дальнѣйшаго хода дѣла, чтобы, руководствуясь указаніями опыта, возможно было избѣгать въ будущемъ дѣлавшихся раньше ошибокъ. Онъ долженъ заключать въ себѣ, съ одной стороны, очеркъ послѣдовательной организаціи медицинской помощи населенію земской Россіи въ 34 губерніяхъ и 360 уѣздахъ, а съ другой—обсужденіе и разработку вопросовъ, касающихся литературы по земской медицинѣ.

Такимъ образомъ, содержаніе его распадается на двѣ части: въ одной предполагается сгруппировать фактическія данныя о возникновеніи, ростѣ и настоящемъ состояніи земской медицины; другая будетъ заключать *сводку* различныхъ мнѣній, соображеній и трудовъ по земской медицинѣ, какіе скопились у насъ въ печати со времени учрежденія земства. Эта послѣдняя часть, слѣдовательно, представляетъ библіографическій указатель съ болѣе или менѣе полнымъ изложеніемъ содержанія статей и работъ особенно важныхъ, печатавшихся въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и не имѣющихся уже въ настоящее время въ продажѣ.

Все это, разумѣется, должно сопровождаться общимъ обзоромъ изслѣдованныхъ фактовъ съ анализомъ ихъ, съ краткимъ очеркомъ положенія дѣла попеченія о народномъ здравіи въ до-земское время и, если окажется возможнымъ, съ проведеніемъ параллели между земскими и не-земскими губерніями въ этомъ отношеніи. Матеріалъ для первой части сборника предстоитъ добыть по общей, строго обдуманной программѣ, главнымъ образомъ стараніями мѣстныхъ врачей, изъ губернскихъ и уѣздныхъ управъ, тогда какъ матеріаломъ для второй части послужитъ весь скопившійся въ громадномъ количествѣ запасъ литературныхъ и вообще напечатанныхъ данныхъ по этому предмету.

Далѣе, въ докладѣ московскаго бюро подробно излагаются программа для собиранія свѣденій о земской медицинѣ, самый способъ собиранія этихъ данныхъ, предполагаемые расходы и т. д. Самый меньшій срокъ, который потребуется для осуществленія столь грандіознаго предпріятія, такъ существенно необходимаго въ настоящее время, можно принять въ два года, изъ коихъ первый уйдетъ на собираніе матеріала, его систематику и разныя сношенія по этому предмету, а второй—на окончательную разработку данныхъ, обобщеніе ихъ и печатаніе изданія. По приблизительному разсчету, все это дѣло потребуетъ расхода около 11½ тыс. рублей, которые, какъ есть основаніе думать, не только окупятся продажей сборника, но даже получится несомнѣнно излишекъ, могущій быть издержаннымъ на послѣдующія подобнаго же рода предпріятія.

Изъ другихъ предложеній бюро, избраннаго въ Москвѣ и уполномоченнаго на подготовительную дѣятельность ко времени будущаго 4-го съѣзда русскихъ врачей, имѣющаго быть созваннымъ въ январѣ 1891 года, обращаетъ на себя вниманіе, кромѣ выясненія необходимости изданія съѣздами періодическаго журнала и газеты по общественной медицинѣ, проектъ реорганизаціи будущей дѣятельности Пироговскихъ съѣздовъ. Дѣйствительно, надлежащее регулированіе дѣятельности тысячныхъ съѣздовъ врачей со всей Россіи, съ разно-

образнымъ спеціальнымъ и бытовымъ характеромъ, съ неустановившимися взглядами и располагающихъ слишкомъ краткимъ срокомъ для систематическаго обсужденія столь сложныхъ вопросовъ, представляетъ задачу весьма нелегкую, достижимую лишь путемъ опыта естественнаго успѣха.

Разсматривая дѣйствующій уставъ „Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова",—говорится, между прочимъ, въ упомянутомъ выше докладѣ,—легко убѣдиться, что онъ служитъ нагляднымъ выраженіемъ того, какъ иногда жизненная потребность можетъ превзойти наличныя ожиданія. Послѣ каждаго изъ бывшихъ до сихъ поръ съѣздовъ являлась надобность въ томъ или другомъ измѣненіи руководящей регламентаціи устава. Излагая подробныя соображенія относительно желательнаго веденія дѣла на будущихъ съѣздахъ, бюро 2-го московскаго съѣзда намѣтило всѣ необходимыя условія для радикальной реформы дѣйствующаго нынѣ устава.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что нынѣшнее передвиженіе съѣздовъ поочередно изъ одной столицы въ другую, а затѣмъ и въ другіе большіе города, представляя немаловажныя преимущества, въ значительной степени мѣшаетъ установленію постоянной и опредѣленной организаціи распорядительно-исполнительныхъ, систематическихъ и равномѣрныхъ дѣйствій. Въ виду этого желательно было бы учрежденіе постояннаго центральнаго правленія съѣздовъ, а равно исполнительнаго бюро, причемъ установилась бы столь необходимая преемственность въ дѣятельности съѣздовъ. Между тѣмъ это отсутствіе преемственности издавна составляетъ общій недостатокъ для всѣхъ періодическихъ собраній представителей различныхъ спеціальностей въ Россіи, начиная со съѣздовъ русскихъ натуралистовъ и кончая съѣздами торгово-промышленными, горнозаводскими и т. д.

Далѣе, по предметамъ занятій, Пироговскіе съѣзды должны распадаться на два главныхъ отдѣла, съ расчлененіемъ того и другого на рядъ секцій. Въ одномъ сосредоточиваются вопросы по всѣмъ спеціальнымъ отраслямъ медицины, во второмъ—болѣе или менѣе обособленныя отрасли практическаго примѣненія медицинской науки къ жизни. Въ этотъ отдѣлъ общественной медицины и гигіены входили бы секціи: земской, городской (думской), фабрично-заводской, желѣзно-дорожной, военной, морской медицины, а также секціи по врачебно-бытовымъ вопросамъ и административно-хозяйственнымъ дѣламъ съѣзда.

Заканчивая краткій обзоръ минувшаго съѣзда русскихъ врачей, мы должны упомянуть, что, кромѣ спеціальнаго осмотра устроенной въ Соляномъ Городкѣ врачебно-гигіенической выставки, а также всѣхъ

медицинскихъ учрежденій въ Петербургѣ, — ради чего городскимъ управленіемъ изданъ былъ ко времени открытія съѣзда подробно составленный „Путеводитель",—членамъ 3-го съѣзда были доставляемы всевозможныя удобства, открытъ доступъ для посѣщенія всѣхъ достопримѣчательностей столицы, устроены по подпискѣ товарищескія бесѣды, въ значительной степени способствовавшія сближенію членовъ между собою, соглашенію ихъ по различнымъ вопросамъ и личному знакомству, и т. п. Это сближеніе представляетъ громадную заслугу съѣздовъ непосредственно въ интересахъ разработки научныхъ вопросовъ.

Знаменитый естествоиспытатель и натуръ-философъ Окенъ, помѣстившій въ своемъ журналѣ „Изида" весьма поучительную статью по поводу перваго съѣзда нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей въ Лейпцигѣ въ сентябрѣ 1822 года, указывалъ, между прочимъ, на *разъединенность* германскихъ ученыхъ, трудившихся каждый въ своемъ уголку, на отсутствія научныхъ центровъ и трудовъ, предпринимаемыхъ совокупными силами, на *грубость литературныхъ нравовъ*, происходящихъ отъ недостатка обученія. Лучшимъ средствомъ для устраненія этихъ печальныхъ явленій, долгое время тормазившихъ развитіе германской науки, Окенъ признавалъ учрежденіе съѣздовъ, содѣйствующихъ *личному* знакомству и сближенію германскихъ ученыхъ.

Представители петербургскаго городского и земскаго самоуправленія не пожалѣли матеріальныхъ средствъ для облегченія устройства петербургскаго съѣзда, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ то было два года тому назадъ въ Москвѣ; желѣзно-дорожныя общества предоставили членамъ 3-го съѣзда уступку 50% на проѣздъ въ Петербургъ и обратно; многія гостинницы сдѣлали скидку за предоставленныя въ распоряженіе правленія съѣзда помѣщенія,—все это должно быть занесено въ лѣтописи русской медицинской науки. Есть основаніе думать, что сознаніе въ пользѣ и необходимости періодическихъ съѣздовъ по различнымъ спеціальностямъ для обсужденія очередныхъ и общественно-научныхъ вопросовъ начинаетъ дѣлать успѣхи и у насъ, и, быть можетъ, недалеко то время, когда такое сознаніе еще глубже укоренится въ нашемъ обществѣ, подобно тому, что представляютъ въ этомъ отношеніи всѣ прочія страны западной Европы.

А. П—евъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го февраля 1889.

Кончина австрійскаго кронпринца.—Политическія волненія въ Венгріи.—Германскій парламентъ и князь Бисмаркъ.—Заявленія имперскаго канцлера.—Развязка по дѣлу Геффкена.—Споры Бисмарка съ оппозиціею. — Генералъ Буланже и парижскіе выборы.—Неудачи министерства Флоке и республиканской партіи. — Политическіе софизмы во Франціи. — Буланжисты-радикалы.—Отзывъ въ „Славянскихъ Извѣстіяхъ" новой редакціи о сербскомъ „Уставѣ" декабря 1888 г.

Неожиданная смерть наслѣдника австрійскаго престола, эрцгерцога Рудольфа, возбуждаетъ цѣлый рядъ вопросовъ о будущемъ положеніи Австро-Венгріи. Личность императора въ такой разноплеменной и сложной монархіи имѣетъ чрезвычайно важное значеніе; отдѣльныя народности, входящія въ составъ имперіи, связаны между собою пока единствомъ династіи, и для нихъ весьма существенно знать, въ какую сторону склоняются національныя симпатіи и стремленія будущаго главы государства. Эрцгерцогъ Рудольфъ съумѣлъ заслужить безусловное довѣріе и сочувствіе всѣхъ австрійскихъ народовъ: „лойальные" славяне—чехи, хорваты, словаки и даже боснійскіе сербы—видѣли въ немъ естественнаго покровителя и защитника своихъ историческихъ правъ, ибо онъ говорилъ съ ними на ихъ родномъ языкѣ; мадьяры считали его своимъ, такъ какъ онъ находился въ дружбѣ съ наиболѣе выдающимися представителями венгерской аристократіи и свободно владѣлъ мадьярскимъ языкомъ: австрійскіе нѣмцы также возлагали на него надежды и съ гордостью указывали на его литературныя произведенія, написанныя на прекрасномъ нѣмецкомъ языкѣ и изъ которыхъ печатались иногда отрывки въ распространенныхъ вѣнскихъ газетахъ, напримѣръ въ „Neue Freie Presse", съ полнымъ именемъ автора. Кронпринцу Рудольфу удалось занять именно то положеніе, которое логически вытекало для него изъ трудныхъ и щекотливыхъ обстоятельствъ австрійской имперіи; примирительная и объединяющая роль какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала его личнымъ качествамъ, его разнообразнымъ знаніямъ и способностямъ, даже его художественнымъ вкусамъ. Онъ успѣлъ заручиться извѣстными гарантіями и въ области международной политики; онъ пользовался до послѣдняго времени симпатіями молодого императора Германіи и короля Италіи, а близкія личныя отношенія между монархами представляютъ еще значи-

тельную важность для мирнаго политическаго развитія современной Европы.

Судьба не щадитъ могущественныхъ европейскихъ династій: вслѣдъ за Гогенцоллернами, потерявшими Фридриха III, наступила очередь Габсбурговъ, лишившихся теперь талантливаго и популярнаго представителя. Но германскій кронпринцъ былъ долго боленъ, и кончина его ожидалась заранѣе, тогда какъ ничто не предвѣщало скорой смерти Рудольфа, полнаго силъ и здоровья. Онъ погибъ совершенно внезапно, утромъ 18-го (30) января, послѣ охотничьей экскурсіи, при обстановкѣ довольно загадочной, и гибель его является для Австріи серьезнымъ политическимъ ударомъ. Личность кронпринца обѣщала монархіи прочную и спокойную будущность, насколько можно предвидѣть будущее въ политикѣ; теперь же это будущее покрылось туманомъ, и никто не знаетъ, окажется ли преемникъ императора Франца-Іосифа на высотѣ своей задачи, совмѣщаетъ ли онъ въ себѣ тѣ условія, которыя, какъ казалось, столь счастливо соединялись въ покойномъ наслѣдникѣ, будетъ ли онъ обладать его тактомъ и пониманіемъ, его умѣніемъ завоевывать одинаковое довѣріе и сочувствіе среди различныхъ племенъ Австро-Венгріи. Все это вопросы, которые невольно задаетъ себѣ каждый въ настоящее время, въ Вѣнѣ и Пештѣ, въ Прагѣ и Загребѣ.

Вопросы эти имѣютъ особенно жгучій интересъ, въ виду послѣднихъ событій въ Венгріи. Національное чувство мадьяръ не удовлетворяется даже управленіемъ такихъ испытанныхъ венгерскихъ патріотовъ и государственныхъ дѣятелей, какъ Коломанъ Тисса и его товарищи по министерству; мадьяры возстаютъ противъ „онѣмеченія“ и противъ „иностранныхъ“ вліяній, исходящихъ изъ австрійской столицы, хотя они имѣютъ свое собственное правительство, свой самостоятельный парламентъ и свою особую политическую организацію. Мадьярамъ фактически принадлежитъ господствующее положеніе въ имперіи; они не только пользуются національною автономіею и независимостью въ дѣлахъ внутреннихъ, но оказываютъ руководящее вліяніе и на внѣшнюю политику монархіи, черезъ посредство графа Кальноки, и однако они недовольны и волнуются, обвиняя своихъ министровъ въ чрезмѣрной угодливости по отношенію къ Вѣнѣ. При императорѣ Францѣ-Іосифѣ и кронпринцѣ Рудольфѣ такія волненія не могли считаться опасными; они всегда оканчивались бы мирно, послѣ взаимныхъ уступокъ и компромиссовъ; но такъ ли кончались бы нѣмецко-венгерскіе споры, еслибы австрійскій престолъ занимало лицо, подозрѣваемое въ солидарности съ стремленіями и требованіями нѣмецкой партіи? Для того, чтобы мадьяры, славяне и нѣмцы мирно развивались рядомъ, въ составѣ

одного государственнаго союза, необходима сдерживающая нравственная сила правителя, одинаково близкаго всѣмъ этимъ народностямъ, умѣющаго сохранить равновѣсіе между ними и способнаго подчинять свои личныя чувства сознательнымъ интересамъ и разсчетамъ текущей политики.

Съ какими трудностями сопряжена эта примирительная функція при существующемъ антагонизмѣ національностей, это можно видѣть изъ недавнихъ преній о военномъ законѣ въ венгерской палатѣ депутатовъ. Венгерское министерство, предложившее этотъ законъ, совершило два преступленія, съ точки зрѣнія оппозиціи: во-первыхъ, оно нарушило конституціонныя права парламента, не включивъ въ законопроектъ оговорки о томъ, что по истеченіи установленнаго срока военный законъ долженъ быть вновь вотированъ палатами, и во-вторыхъ,—и это самое главное—оно допустило введеніе офицерскихъ экзаменовъ на „чужомъ", нѣмецкомъ языкѣ, а не на государственномъ, венгерскомъ, единственно обязательномъ въ предѣлахъ Венгріи. Сильное неудовольствіе вызвано также установленіемъ двухгодичнаго срока службы для вольноопредѣляющихся, не выдержавшихъ офицерскаго экзамена по окончаніи перваго служебнаго года. Министру-президенту Коломану Тиссѣ, столь популярному и авторитетному до тѣхъ поръ между мадьярами, пришлось выдержать небывалую еще парламентскую бурю; онъ долженъ былъ выслушивать самыя рѣзкія обвиненія и нападки; его называли измѣнникомъ, нарушителемъ конституціи и народныхъ правъ, исполнителемъ коварнаго плана германизаціи венгерской арміи, и ему не давали даже говорить въ палатѣ. Противъ него поднялось все мадьярское студенчество, собравшееся въ Пештѣ въ громадномъ количествѣ; отъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній страны присланы делегаціи съ рѣшительными протестами противъ „германизаторовъ"; тысячи молодыхъ людей собирались на шумныя сходки, окружали парламентъ, дѣлали восторженныя оваціи ораторамъ оппозиціи и освистывали министровъ и ихъ приверженцевъ.

Дѣло принимало непріятный оборотъ въ смыслѣ международномъ; общественное мнѣніе Венгріи возстало противъ мысли о предполагаемыхъ совмѣстныхъ дѣйствіяхъ съ германскою арміею, подъ командою нѣмецкихъ генераловъ, въ случаѣ войны. Давно уже высказывалось предположеніе, что австрійскія войска будутъ поставлены подъ высшее руководство прусскаго главнаго штаба, передъ началомъ совокупныхъ военныхъ операцій. Объ этомъ говорилось еще въ то время, когда нынѣшній преемникъ графа Мольтке, генералъ Вальдерзе, пріѣзжалъ въ Австрію для осмотра ея арміи и укрѣпленій, чтобы убѣдиться въ степени боевой готовности австрійскихъ вооруженныхъ

силъ. Графъ Вальдерзе, какъ говорили тогда, былъ не совсѣмъ доволенъ результатомъ ревизіи и предложилъ принять извѣстныя мѣры, по соглашенію обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. При существованіи тѣснаго союза между Австріею и Германіею становится весьма вѣроятнымъ, что существуетъ и военная конвенція, опредѣляющая условія совмѣстныхъ дѣйствій на войнѣ. Это можно заключить изъ ряда новыхъ военныхъ законовъ, ежегодно предлагаемыхъ министрами Австро-Венгріи и постепенно увеличивающихъ ея военныя средства, несмотря на отсутствіе видимыхъ поводовъ къ опасеніямъ разрыва съ какою-либо изъ сосѣднихъ державъ. Австрія какъ будто обязалась быть готовою къ извѣстному сроку, чтобы имѣть возможность выступить въ данный моментъ, въ качествѣ равносильной союзницы Германіи. Постановленіе объ офицерскихъ экзаменахъ на нѣмецкомъ языкѣ возбудило у мадьяръ подозрѣніе, что австро-венгерскимъ войскамъ предназначается, быть можетъ, унизительная роль вспомогательной арміи, подъ начальствомъ нѣмецкихъ вождей, причемъ Венгрія вообще можетъ очутиться въ зависимости отъ Берлина. Мадьярскія патріотическія демонстраціи получили характеръ протестовъ противъ военнаго союза съ нѣмцами и противъ чрезмѣрнаго подчиненія германской политикѣ. Это обстоятельство служитъ симптомомъ поворота въ настроеніи венгерской націи, еще недавно видѣвшей въ союзѣ съ Германіею вѣрнѣйшій залогъ своего процвѣтанія и могущества. Такъ какъ противъ нѣмцевъ ратуютъ и славяне, и такъ какъ народныя желанія имѣютъ рѣшающій вѣсъ въ конституціонномъ государствѣ, то союзничество Австріи можетъ оказаться ненадежнымъ и сомнительнымъ для германской имперіи, по крайней мѣрѣ въ военномъ отношеніи. Вѣнская печать старалась загладить непріятное впечатлѣніе, какое могли произвести эти протесты въ Германіи; между прочимъ, „Neue Freie Presse“ находила, что упорство Тиссы можетъ повредить австрійскимъ интересамъ, и что нѣкоторая уступчивость требованіямъ оппозиціи предписывается благоразуміемъ, для избѣжанія серьезныхъ послѣдствій. Въ рядахъ противниковъ министерства дѣйствовали, на этотъ разъ, и вліятельные венгерскіе магнаты, и все движеніе имѣло вообще оттѣнокъ чисто-національный.

Рѣчи въ венгерской палатѣ депутатовъ отличались горячностью и смѣлостью. Въ защиту правительства говорилъ и сынъ премьера, Стефанъ Тисса, которому многіе пророчатъ карьеру министра и замѣстителя отца, на подобіе графа Герберта Бисмарка. Въ засѣданіи 25-го января (нов. ст.), одинъ изъ старыхъ и почтенныхъ представителей крупнаго землевладѣнія назвалъ большинство, послушное министерству, „шайкою измѣнниковъ“, а депутатъ Чатаръ заявилъ, что это большинство состоитъ изъ людей продажныхъ, подкупленныхъ

будто бы щедрыми подачками изъ суммъ казначейства. Графъ Габріель Карольи высказалъ, что военный законопроектъ составляетъ посягательство на самостоятельность Венгріи, и что Тисса долженъ былъ бы сидѣть не на министерской скамьѣ, а на скамьѣ подсудимыхъ. Никакіе международные кризисы, по его мнѣнію, не угрожаютъ странѣ, и мадьяръ пугаютъ Россіею только въ угоду князю Бисмарку. „Народы не хотятъ войны, а желаютъ мира, труда и умственнаго развитія. Все, и въ томъ числѣ военный законъ, предлагается въ видѣ дани нѣмцамъ, которые дрожатъ за свои владѣнія, добытыя силою. Наши государственные люди обезьянничаютъ, подражая Бисмарку до того, что Андраши, Тисса и даже Шехени доставили каждый своего Герберта въ парламентъ, и при слѣдующихъ выборахъ каждый членъ либеральной партіи будетъ считать себя обязаннымъ принести съ собою маленькаго Герберта". Графъ Стефанъ Карольи, братъ предыдущаго, предсѣдатель національнаго клуба и личный другъ кронпринца Рудольфа, обвинялъ Тиссу въ безтактности и въ неуваженіи къ венгерскому народу. Депутатъ Мешени совѣтовалъ членамъ большинства „сойти внизъ въ погребъ и тамъ подавать свои утвердительные голоса, чтобы нація не видѣла, какъ эти люди краснѣютъ отъ стыда". Военный министръ, баронъ Фейервари, едва могъ говорить, среди всеобщаго оппозиціоннаго шума (въ засѣданіи 26 янв.). Онъ пытался смягчить значеніе закона своими комментаріями; по его словамъ, офицерскій экзаменъ будетъ „въ принципѣ" производиться на нѣмецкомъ языкѣ, но подробныя объясненія можно будетъ представлять на языкѣ венгерскомъ. Оппозиція постоянно прерывала министра, который отвѣчалъ на возгласы остроумными и иногда совсѣмъ неожиданными репликами; такъ, одному депутату, служившему прежде въ арміи, онъ громогласно заявилъ, что „онъ не исполнилъ своего долга передъ отечествомъ". Послѣ необычайнаго волненія, вызваннаго этою фразою, всѣ ждали фактическихъ объясненій отъ оратора, и въ палатѣ установилась сравнительная тишина; тогда военный министръ продолжалъ: „да, онъ не исполнилъ своего долга, потому что онъ остался холостякомъ и не доставилъ странѣ потомства, способнаго носить оружіе". Такія выходки смѣшили слушателей, но не убѣждали ихъ въ основательности правительственныхъ доводовъ. Располагая въ парламентѣ надежнымъ большинствомъ, которому даны были самыя успокоительныя увѣренія, министръ-президентъ Тисса обращалъ мало вниманія на краснорѣчіе оппозиціонныхъ дѣятелей, даже такихъ видныхъ, какъ графы Карольи, Апоньи и Зичи; онъ, повидимому, не придавалъ значенія и уличнымъ демонстраціямъ, сборищамъ и протестамъ, рѣшившись во что бы то ни стало провести законъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ выработанъ по соглашенію съ

вѣнскимъ кабинетомъ. Между прочимъ, извѣстный романистъ Морицъ Іокай пробовалъ защитить идею о необходимой дружбѣ съ Германіею, отвергая въ то же время употребленіе нѣмецкаго языка въ мадьярской арміи. „Венгерскій народъ, — говорилъ онъ,—долженъ быть привязанъ къ нѣмцамъ. Когда наши предки явились сюда и заняли эти плодородныя земли, они имѣли предъ собою выборъ, къ какой сторонѣ примкнуть, къ восточной ли Европѣ или къ западной. Вначалѣ казалось, что они примкнули къ востоку; нашъ послѣдній языческій князь принялъ православную восточную вѣру. Еслибы мы тамъ остались до сихъ поръ, здѣсь существовала бы вторая Сербія; мы писали бы кириллицей и пользовались бы великимъ покровительствомъ Россіи (?). Но святой Стефанъ повернулъ насъ къ западу, къ латинскимъ и германскимъ племенамъ. Вся наша миссія привязываетъ насъ къ нѣмецкой націи. Та политика, которой мы слѣдуемъ на востокѣ, можетъ быть проводима нами только при добросовѣстномъ содѣйствіи Германіи. Поэтому наши требованія относительно венгерскаго языка не должны быть истолкованы въ смыслѣ вражды къ нѣмецкому народу. Въ Венгріи нѣтъ непріязни къ нѣмцамъ". Рѣчь Іокая удостоилась одобренія только со стороны правительственной партіи и не была признана убѣдительною даже въ вѣнско-нѣмецкихъ газетахъ; эти газеты не понимали логической связи между дѣйствіями св. Стефана и нынѣшнимъ союзомъ съ германскою имперіею или новымъ военнымъ закономъ. Общія пренія объ этомъ законѣ закончились 26-го января (нов. ст.), послѣ пятнадцати бурныхъ засѣданій; болѣе восьмидесяти ораторовъ участвовало въ обсужденіи проекта, и вопреки всѣмъ усиліямъ оппозиціи министръ-президентъ Тисса одержалъ полную побѣду въ палатѣ депутатовъ; законъ принятъ 29-го (17-го) числа, большинствомъ 267 голосовъ противъ 141. Народное волненіе, однако, не улеглось, и кончина кронпринца Рудольфа дастъ ему, вѣроятно, новую пищу.

Печальное событіе, поразившее династію Габсбурговъ, не можетъ не отразиться на внутреннемъ состояніи и настроеніи австрійскихъ народовъ; мѣстные политическіе кризисы, въ родѣ разыгравшагося въ Венгріи, могутъ сдѣлаться болѣе частыми и острыми, подъ вліяніемъ случайныхъ обстоятельствъ, въ связи съ постоянно возрастающими и недостаточно мотивированными вооруженіями, слишкомъ тягостными для страны. Но высказывать какія-либо положительныя догадки въ этомъ смыслѣ было бы неосновательно уже потому, что въ Австріи общественное мнѣніе имѣетъ законную возможность достигать своихъ цѣлей мирнымъ способомъ, безъ скачковъ и переворотовъ. Такъ, неудержимо стремится къ полной автономіи Чехія, обладающая уже своимъ земскимъ сеймомъ; къ той же цѣли идутъ

хорваты, и современемъ австрійская имперія преобразуется, быть можетъ, въ федерацію равноправныхъ народностей, если не послѣдуетъ внѣшняго столкновенія, могущаго разстроить медленный процессъ внутренняго политическаго развитія Австро-Венгріи.

Въ Германіи ожидалось съ нетерпѣніемъ возобновленіе засѣданій имперскаго сейма, такъ какъ князь Бисмаркъ долженъ былъ мотивировать свой колоніальный проектъ и по этому поводу могъ сказать много любопытнаго о текущей нѣмецкой политикѣ вообще. Имперскій канцлеръ ограничился, однако, полемикою съ двумя ораторами партіи свободомыслящихъ — Евгеніемъ Рихтеромъ и Бамбергеромъ, причемъ сдѣлалъ нѣсколько весьма интересныхъ признаній. Возражая Рихтеру, доказывавшему ненужность и вредъ колоніальныхъ предпріятій, князь Бисмаркъ въ засѣданіи 15-го января (нов. ст.) отозвался весьма рѣзко о прогрессистской печати, „враждебной государству, лишенной отечества, пользующейся всякимъ случаемъ, чтобы повредить имперіи". На это Рихтеръ отвѣчалъ: „Мы, прогрессисты, гордимся тѣмъ, что мы имѣемъ свободную независимую печать въ Германіи, вопреки всему,—печать, которая даже по отношенію къ могущественнѣйшему человѣку въ Европѣ, имперскому канцлеру, сохраняетъ свою независимость и не стѣсняется говорить ему правду. Если канцлеръ интересуется поведеніемъ печати, то онъ имѣлъ бы поводъ обратить вниманіе на образъ дѣйствій оффиціозной прессы, которая дѣйствительно навлекла на себя презрѣніе порядочныхъ людей всего свѣта". Князь Бисмаркъ заявилъ, съ своей стороны, что онъ „вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе Рихтера, что намъ нужна свободная и независимая печать; но въ самомъ ли дѣлѣ свободна и независима та пресса, о которой идетъ рѣчь (т.-е. прогрессистская), это ближе извѣстно Рихтеру, чѣмъ ему, канцлеру. Эта печать не свободна отъ вліянія страха, заботы и другихъ соображеній. Рихтеръ требуетъ, чтобы она всегда была въ состояніи говорить правду; а между тѣмъ мы въ томъ именно и упрекаемъ ее, что она не говоритъ правды". Публичное заявленіе князя Бисмарка, что онъ признаетъ необходимость „свободной и независимой печати", можетъ имѣть нѣкоторый вѣсъ въ глазахъ иноземныхъ его почитателей и подражателей; для самихъ же нѣмцевъ оно только констатируетъ всѣмъ извѣстный существующій фактъ.

Въ засѣданіи 26-го (14) января, говоря о своей обязанности исполнять рѣшенія парламента, всемогущій канцлеръ выразился слѣдующимъ образомъ: „я долженъ подчиниться и дѣйствовать такъ, какъ рѣшило большинство представителей страны. Я не понимаю

тѣхъ, которые противопоставляютъ свое собственное „я" желаніямъ всего народа и его величества. Это я могъ дѣлать, какъ министръ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, когда я опасался, что большинство находится на дурной дорогѣ, какъ это было въ 1862 году; я могъ такъ поступить, имѣя предъ собою проектъ отреченія короля, который говорилъ мнѣ: хотите ли вы содѣйствовать мнѣ, или я долженъ отречься отъ престола? Но изъ-за второстепенныхъ дѣлъ не слѣдуетъ мелочно осуждать то, что разъ рѣшено большинствомъ въ странѣ. Я самъ подчиняюсь. Я не стоялъ за колоніальную политику. Я имѣлъ много возраженій, и только давленіе общественнаго мнѣнія и большинства заставило меня капитулировать и подчиниться, и я могу только посовѣтовать оппозиціи сдѣлать то же самое".

Эти слова о „капитуляціи" передъ общественнымъ мнѣніемъ признаны были бы совершенно невѣроятными въ устахъ даже какого-либо второстепеннаго сановника въ другомъ государствѣ; они показались бы чрезвычайно обидными для власти и возбудили бы толки о подрывѣ ея авторитета. Но князь Бисмаркъ, котораго всѣ боятся въ Европѣ и авторитетъ котораго признается даже его врагами, не считаетъ для себя обиднымъ заявлять о своемъ подчиненіи общественному мнѣнію; онъ, этотъ великій учитель и образецъ для всѣхъ современныхъ государственныхъ дѣятелей, публично проповѣдуетъ теорію подчиненія народнымъ желаніямъ, по крайней мѣрѣ въ обыкновенныхъ внутреннихъ вопросахъ, когда не поставлены на карту жизненные интересы государства. Притомъ онъ допускаетъ несогласіе съ большинствомъ, если министръ видитъ, что послѣднее находится на ложномъ пути; но много ли найдется въ Европѣ министровъ, способныхъ, подобно Бисмарку, видѣть дальше и глубже большинства образованныхъ людей его времени, министровъ, могущихъ опереться на свое дѣйствительное умственное превосходство передъ оппозиціею? И при всемъ томъ, не смотря на допущеніе „свободной печати" и на открыто признаваемое подчиненіе общественному мнѣнію, нигдѣ авторитетъ власти не стоитъ такъ крѣпко и незыблемо, какъ въ Пруссіи.

Много шуму надѣлали въ Европѣ рѣзкіе поступки князя Бисмарка или его органовъ противъ довѣренныхъ лицъ покойнаго императора Фридриха III — нынѣшняго британскаго посланника въ Петербургѣ, сэра Роберта Моріера, и бывшаго нѣмецкаго профессора, консервативнаго тайнаго совѣтника Геффкена. О кампаніи противъ перваго мы говорить не будемъ; она велась чисто-газетными способами, иногда довольно грубыми, подъ главнымъ руководствомъ „Кельнской газеты" и отчасти, быть можетъ, на собственный ея страхъ. Имперскій канцлеръ много разъ заявлялъ, что онъ не отвѣчаетъ за

дѣйствія публицистовъ, считаемыхъ почему-то оффиціозными, и нѣтъ основанія приписывать ему личный починъ въ газетныхъ выходкахъ противъ Моріера, провинившагося будто бы въ передачѣ военныхъ извѣстій маршалу Базену во время войны 1870 года. Гораздо важнѣе и поучительнѣе дѣло Геффкена. Извѣстно, что этотъ ученый дѣятель былъ преданъ суду за напечатаніе дневника Фридриха III въ журналѣ „Deutsche Rundschau". Князь Бисмаркъ нашелъ необходимымъ подвергнуть его судебному преслѣдованію, и въ этомъ согласился съ нимъ императоръ Вильгельмъ II. Высшій имперскій судъ въ Лейпцигѣ подробно разсмотрѣлъ дѣло, и къ великому удивленію лицъ, постоянно толкующихъ о всемогущемъ господствѣ желѣзнаго канцлера въ Германіи и по своему понимающихъ, въ чемъ состоитъ всемогущество—подсудимый былъ оправданъ и отпущенъ на волю. Приговоръ 4-го января (нов. ст.) мотивированъ былъ тѣмъ, что не доказано сознаніе Геффкеномъ преступности и вреда совершеннаго имъ дѣянія. Это оправданіе истолковывалось газетами, какъ чувствительное пораженіе, нанесенное лично имперскому канцлеру, и какъ доказательство несправедливости дѣла, затѣяннаго имъ. Въ видѣ отвѣта на эти толкованія и догадки, князь Бисмаркъ прибѣгнулъ къ исключительной мѣрѣ: съ разрѣшенія императора, онъ обнародовалъ въ „Имперскомъ указателѣ" (отъ 16-го янв. нов. ст.) подробный обвинительный актъ и представилъ подтвердительные судебные матеріалы союзному совѣту, для того — какъ сказано въ императорскомъ указѣ — „чтобы дать возможность правительствамъ и принадлежащимъ къ имперіи лицамъ составить собственное заключеніе объ образѣ дѣйствій имперскаго судебнаго управленія по дѣлу Геффкена". Въ объяснительномъ своемъ рапортѣ канцлеръ указываетъ на попытки враждебной правительству печати „заподозрить безпристрастіе судебнаго вѣдомства въ имперіи" и придать дѣлу характеръ „тенденціознаго преслѣдованія". Разглашеніе данныхъ, послужившихъ основаніемъ къ возбужденію процесса, имѣло поэтому цѣлью убѣдить всѣхъ и каждаго въ томъ, что „имперскія судебныя власти всегда поступали справедливо и сообразно обстоятельствамъ дѣла". Другими словами, предполагалось оправдать передъ публикою поведеніе министерства юстиціи и прокуратуры, предавшихъ Геффкена суду. Косвенно этотъ шагъ означалъ какъ будто порицаніе оправдательнаго приговора высшаго имперскаго суда, причемъ общественное мнѣніе дѣлалось судьею между судебною администраціею и главнымъ судебнымъ учрежденіемъ имперіи. Съ консервативной точки зрѣнія, можно находить слишкомъ смѣлымъ и рискованнымъ такое „обращеніе къ народу" въ дѣлахъ судебныхъ; но уваженіе къ рутинѣ никогда не останавливало князя Бисмарка, и эта склонность его къ демократи-

ческимъ нововведеніямъ, поражающимъ замкнутую канцелярскую бюрократію, должна считаться вполнѣ симпатичною. Германскій канцлеръ не только не боится гласности, но самъ обращается къ ней даже въ такихъ случаяхъ, когда сохраненіе тайны казалось бы безусловно обязательнымъ съ точки зрѣнія робкихъ умовъ. Онъ свободенъ отъ предразсудковъ, связанныхъ съ внѣшнимъ, искусственнымъ и лицемѣрнымъ поддержаніемъ авторитета; онъ предпочитаетъ имѣть въ виду исключительно реальную сущность дѣла. Въ обвинительномъ актѣ противъ Геффкена, напечатанномъ во всѣхъ нѣмецкихъ газетахъ, обращаютъ на себя вниманіе фактическія свѣдѣнія, сообщенныя самимъ подсудимымъ и выставляющія его въ неблагопріятномъ свѣтѣ. Между прочимъ, Геффкенъ разсказалъ, что знаменитые вступительные манифесты императора Фридриха III, вызвавшіе столько восторженныхъ похвалъ и широкихъ ожиданій, были всецѣло составлены имъ, Геффкеномъ, еще въ 1885 году, по порученію покойнаго кронпринца, вслѣдствіе извѣстія о продолжительномъ обморокѣ, случившемся тогда съ престарѣлымъ императоромъ въ Эмсѣ. Это сообщеніе подтверждено было черновыми набросками или копіями упомянутыхъ манифестовъ, найденными въ числѣ бумагъ Геффкена, а также допросомъ свидѣтеля, бывшаго министра Стоша. Съ какою цѣлью и по какимъ побужденіямъ разоблачилъ самъ подсудимый эту исторію, бросающую тѣнь на умершаго монарха, который, повидимому, оказывалъ ему полное довѣріе,—понять трудно. Далѣе, самъ Геффкенъ объяснилъ, что покойный кронпринцъ давалъ ему свой дневникъ только для прочтенія и не уполномочивалъ его ни дѣлать выписки оттуда, ни сообщать содержаніе прочитаннаго кому бы то ни было. Такого разрѣшенія не дала бы и вдова Фридриха III, по предположенію Геффкена. Кронпринцъ выражался не разъ, что его дневникъ никогда не будетъ напечатанъ, такъ какъ въ немъ затронуто слишкомъ много щекотливыхъ политическихъ вопросовъ. Извѣстный писатель Густавъ Фрейтагъ, познакомившись съ дневникомъ, просилъ кронпринца ни въ какомъ случаѣ не разглашать его содержанія, ради собственныхъ его интересовъ и для пользы имперіи; кронпринцъ вполнѣ согласенъ былъ съ этимъ мнѣніемъ. И послѣ всего этого Геффкенъ, человѣкъ вполнѣ компетентный и знающій, рѣшился обнародовать сдѣланныя имъ выдержки, съ нѣкоторыми сокращеніями и пропусками, безъ вѣдома и спроса заинтересованныхъ лицъ. Неизвѣстно, что̀ онъ выпустилъ; но все, что̀ было напечатано, могло только повредить памяти Фридриха III и произвести крайне непріятное впечатлѣніе въ южной Германіи и въ нѣкоторыхъ заграничныхъ государствахъ. Конечно, имперіи не грозила опасность отъ разоблаченія того обстоятельства, что послѣ разгрома французскихъ

армій въ 1870 году въ главной нѣмецкой квартирѣ шли разговоры о насильственномъ подчиненіи южно-германскихъ державъ прусскому владычеству; не было также прямой опасности отъ разглашенія того, что правители Пруссіи были непріятно поражены „преждевременнымъ" шагомъ Россіи относительно Чернаго моря и что по этому случаю Бисмаркъ обозвалъ нашихъ дипломатовъ „глупцами". Но что обнародованіе подобныхъ закулисныхъ свѣденій въ высшей степени неудобно и нежелательно для Германіи,—это долженъ былъ ясно видѣть и понимать такой опытный публицистъ, какъ Геффкенъ. Безцѣльный и никому ненужный поступокъ его не можетъ быть объясненъ иначе, какъ только ненормальнымъ душевнымъ его состояніемъ; и дѣйствительно, послѣ выхода изъ предварительнаго заключенія, онъ поступилъ въ больницу для нервныхъ больныхъ въ Швейцаріи.

Что касается мотивовъ, побудившихъ князя Бисмарка отнестись столь сурово къ бывшимъ единомышленникамъ Фридриха III, то эти мотивы ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, которые когда-то привели къ безпощадному уничтоженію графа Арнима. Несправедливо было бы приписывать такую расправу съ противниками побужденіямъ чисто личнымъ, внушеніямъ мстительности и злобы. Гдѣ не замѣшаны реальние интересы политики, тамъ отсутствуютъ эти качества въ дѣйствіяхъ и рѣчахъ имперскаго канцлера. Никто не причинялъ ему столько личныхъ непріятностей въ парламентѣ и въ печати, какъ предводитель прогрессистовъ, Евгеній Рихтеръ, ведущій съ нимъ систематическую борьбу уже въ теченіе двадцати лѣтъ. И однако могущественый канцлеръ ничего не предпринималъ противъ неутомимаго противника и никогда не придумывалъ какихъ бы то ни было мѣръ для ограниченія или подрыва его оппозиціонной дѣятельности. Онъ довольствуется публичными пререканіями въ палатѣ, упреками въ недостаткѣ патріотизма и добродушными остротами, въ родѣ того, что „Рихтеръ найдетъ еще своего судью" (т.-е. „Richter"). Въ засѣданіи 15-го января, во время преній по колоніальному вопросу, князь Бисмаркъ говорилъ нѣсколько разъ и весьма рѣзко противъ депутатовъ Бамбергера и Рихтера, особенно перваго, который позволилъ себѣ усомниться въ правильности нѣмецкихъ сдѣлокъ съ туземными вождями въ восточной Африкѣ. Рихтеръ упомянулъ о непомѣрномъ „личномъ раздраженіи канцлера, которое, вѣроятно, вызвано разными происшествіями послѣдняго времени" (намекъ на неудачу въ дѣлѣ Геффкена и т. п.). Князь Бисмаркъ возразилъ на это: „Моя раздражительность объясняется великою отвѣтственностью, которая лежитъ на мнѣ. Рихтеръ уже двадцать лѣтъ такъ нападаетъ на меня, что я могу приписать ему страстное отвращеніе къ канцлеру наряду

съ такою же страстною любовью къ отечеству. Еслибы онъ, Рихтеръ, вынесъ столько волненій, сколько я выношу уже много лѣтъ, то онъ не сталъ бы такъ жаловаться на мою раздражительность". Похожи ли эти спокойныя, отчасти ироническія замѣчанія на тонъ самовластнаго, могущественнаго человѣка, склоннаго будто бы къ деспотической нетерпимости? Имперскій канцлеръ споритъ съ депутатами оппозиціи на совершенно равныхъ правахъ; онъ даже далеко уступаетъ имъ въ энергіи и силѣ выраженій. Такъ, депутатъ Бамбергеръ заявилъ, что „инсинуаціи канцлера не только не парламентарны, но и неприличны", и этими рѣзкими словами, повидимому, нисколько не обидѣлся князь Бисмаркъ. Онъ не преслѣдуетъ ни Бамбергера, ни Рихтера, и не думаетъ имъ мстить, а онъ требуетъ осужденія Геффкена, который его лично вовсе не затрогивалъ и не оскорблялъ. Очевидно, мотивы личнаго чувства не играютъ тутъ главной роли. Замѣтимъ еще, что Геффкенъ, по своему направленію и образу мыслей, принадлежалъ къ ультра-консервативной партіи, имѣющей своимъ органомъ „Крестовую газету"; поэтому припутывать къ его имени и къ его дѣлу „жидовствующую партію прогрессистовъ", какъ это дѣлалось въ одной изъ нашихъ газетъ, даже въ телеграммахъ,—значитъ, очевидно, впадать въ забавное недоразумѣніе. Еслибы князь Бисмаркъ пожелалъ наказать наиболѣе враждебныхъ ему „свободомыслящихъ", то онъ, конечно, выбралъ бы для этого жертвою не сотрудника „Крестовой газеты".

Палаты прусскаго земскаго сейма открыты были 14-го января (нов. ст.) тронною рѣчью, въ которой указано, между прочимъ, на блестящее состояніе государственныхъ финансовъ и на благопріятное экономическое положеніе страны. Сумма вкладовъ въ сберегательныхъ кассахъ увеличилась вдвое въ теченіе послѣдняго десятилѣтія и превысила на 200 милліоновъ сумму прошлаго года; она доходитъ теперь до 2.700 милліоновъ. Правительство обѣщаетъ внести проектъ закона объ общемъ подоходномъ налогѣ, который долженъ замѣнить собою нынѣшнюю устарѣлую систему классныхъ налоговъ, причемъ имѣется въ виду расширить существующія льготы для людей съ недостаточными средствами.

Къ парламентской республиканской партіи во Франціи вполнѣ примѣнимо изреченіе: quos deus perdere vult, prius dementat. Оппортунисты, радикалы и само министерство Флоке дѣлали все, что̀ отъ нихъ зависѣло, для доставленія блистательной побѣды своему непримиримому врагу, генералу Буланже, на выборахъ въ Парижѣ, 27-го (15-го) января. Смѣлый и предпріимчивый организаторъ новой „національной партіи", послѣ крупныхъ избирательныхъ успѣховъ въ

департаментахъ, пожелалъ испытать счастье въ самой столицѣ Франціи. Случай представился: умеръ малоизвѣстный парижскій депутатъ Гюдъ, и желанная вакансія открылась. Началась лихорадочная и шумная избирательная кампанія, богатая интересными эпизодами, столкновеніями, газетными выдумками и нелѣпостями.

Противники Буланже сразу рѣшили, что необходимо придать этимъ выборамъ характеръ борьбы между республикою и диктатурою, и что всѣ вѣрные республиканцы должны соединиться для отраженія опаснаго претендента. Для достиженія этого единства между республиканцами всѣхъ оттѣнковъ въ общей борьбѣ противъ будущаго диктатора, постановлено было назначить кандидата изъ среды радикаловъ, человѣка, враждебнаго большинству умѣренныхъ республиканцевъ. На общемъ конгрессѣ республиканской партіи департамента Сены, происходившемъ 6-го января (нов. ст.), удалось провести радикальную кандидатуру, при содѣйствіи министерства Флоке. Парламентскіе оппортунисты подчинились весьма неохотно, съ разными оговорками и возраженіями; это недовольство ихъ затихло, по крайней мѣрѣ въ печати, уже только къ концу избирательнаго періода. Что интересы республики долженъ былъ олицетворять собою радикальный дѣятель, а не оппортунистъ, это совершенно понятно и естественно при крайней непопулярности оппортунистовъ въ народѣ и при радикальныхъ тенденціяхъ программы противника. Но, установивъ вѣрный принципъ, республиканцы, съ Клемансо и Флоке во главѣ, возъимѣли удивительную и непостижимую идею—противопоставить любимцу толпы, блестящему генералу Буланже, никому невѣдомую дотолѣ личность бывшаго школьнаго учителя, превратившагося въ водочнаго заводчика и попавшаго на должность предсѣдателя генеральнаго совѣта Сенскаго департамента. Въ довершеніе всего, этотъ скромный дѣятель, внезапно выдвинутый изъ тьмы неизвѣстности въ качествѣ единственнаго „кандидата республики", оказался съ самою неудачною фамиліею, какую можно было придумать при данныхъ обстоятельствахъ. Фатальное имя Жака вызывало повсюду недоумѣніе и насмѣшки; это имя само собою напрашивалось на игривые каламбуры и остроты. На улицахъ стали распѣваться пѣсенки: „Frère Jacques, dormez-vous?" Припѣвы, въ родѣ „pauvre Jacques", давали благодарный матеріалъ для изобрѣтательности уличныхъ поэтовъ и газетчиковъ. Многіе говорили, что ихъ хотятъ заставить подавать голоса за имя безъ фамиліи, за какого-то Якова, не помнящаго родства. Старый республиканскій патріотъ, Анатоль де-ла Форжъ, счелъ даже нужнымъ отпарировать это возраженіе, заявивъ, что дѣйствительно надо подавать голоса за голое имя... республики. Но сопоставленіе республики съ Жакомъ и противопоставленіе этого Жака ге-

нералу Буланже было до того неправдоподобно, что съ самаго начала дѣло правительственныхъ республиканцевъ было испорчено въ конецъ. Нужно только удивляться ослѣпленію этой партіи, которая какъ будто умышленно поставила борьбу въ самыя неблагопріятныя для себя условія и продолжала упорно вѣрить въ возможность успѣха.

Республиканскія газеты ежедневно и неустанно твердили публикѣ, что дѣло идетъ о выборѣ между республикою и ея врагами, и что имя Жака означаетъ республику; но публика, вѣроятно, до конца не могла проникнуться мыслью о Жакѣ и едва ли принимала въ серьезъ усердные софизмы газетныхъ публицистовъ. Солидный „Temps", изо дня въ день, съ утомительнымъ однообразіемъ доказывалъ великую опасность кандидатуры Буланже и великое превосходство кандидатуры Жака, хотя послѣдній далеко не пользовался симпатіями газеты, о чемъ каждый разъ напоминалось читателю, для лучшаго подтвержденія излагаемой теоріи. На предложеніе вотировать за республику въ лицѣ какого-то случайнаго ея представителя каждый избиратель могъ отвѣтить очень просто: мы теперь призваны выбирать не республику вообще, а опредѣленнаго кандидата, могущаго служить выразителемъ стремленій, требованій и ожиданій французской столицы; такимъ представителемъ Парижа не можетъ быть разбогатѣвшій водочный заводчикъ, по имени Жакъ. Умѣренныя и радикальныя правительственныя газеты приводили въ пользу своего кандидата такіе доводы, которые могли только оттолкнуть большинство населенія. Газеты убѣждали вотировать за Жака для того, чтобы не измѣнять установившагося хода дѣлъ, чтобы все осталось по старому, чтобы не произошло потрясеній и кризисовъ, неизбѣжно связанныхъ съ кандидатурою Буланже. Въ то время какъ буланжисты обѣщали внести нѣчто новое въ жизнь республики, толковали о широкихъ улучшеніяхъ и реформахъ, о сокращеніи расходовъ на бюрократію, объ устраненіи всякихъ злоупотребленій и хищеній, республиканцы не предлагали ничего другого, кромѣ поддержанія существующаго status quo, которымъ народныя массы ни въ какомъ случаѣ не могутъ удовлетвориться. Безнадежная пустота програмы республиканскаго кандидата особенно бросалась въ глаза, въ сравненіи съ широковѣщательными, краснорѣчивыми и самоувѣренными воззваніями генерала Буланже. При постоянномъ взаимномъ обмѣнѣ избирательныхъ заявленій и отвѣтовъ, преимущество всегда оставалось на сторонѣ предполагаемаго диктатора. Злосчастный Жакъ повторялъ въ своихъ афишахъ одно и тоже; онъ отождествлялъ себя съ республикою, и никто этому не вѣрилъ; онъ пророчилъ новый седанскій погромъ и непріятельское нашествіе въ случаѣ торжества мятежнаго генерала, — и эти пророчества казались мало остроумными; онъ предсказывалъ ги-

бель народной свободы, если не выберутъ его, Жака,—и толпа проходила равнодушно мимо этихъ фантазій. Афиши Буланже не упоминали о Жакѣ, а указывали на необходимость очищенія республики отъ приставшихъ къ ней паразитовъ, говорили о правахъ народа, пренебрегаемыхъ парламентскими дѣльцами, и пускали въ ходъ громкія фразы, способныя вліять на умъ и сердце французскаго избирателя. Флокѐ и Клемансò, вмѣстѣ съ ихъ единомышленниками и союзниками, обнаружили во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ поразительное непониманіе общественной психологіи французовъ; въ то же время они выказали свою полнѣйшую бездарность, неспособность подняться выше узкаго сектантскаго кругозора той или другой партіи. Главнымъ и сильнѣйшимъ обвиненіемъ противъ Буланже они считали его скрытый союзъ съ противниками республики, его готовность соединиться съ бонапартистами и клерикалами, его коварную программу „открытой для всѣхъ національной партіи". Они не замѣчали, что въ этомъ именно множествѣ разнородныхъ элементовъ, недовольныхъ существующими порядками, заключается сильнѣйшее обвиненіе противъ самихъ республиканцевъ, противъ оппортунистовъ и радикаловъ, не съумѣвшихъ привлечь на свою сторону рабочее населеніе и оттолкнувшихъ отъ республики всѣ консервативные элементы общества. Всѣ ошибки господствующей партіи, всѣ грѣхи смѣнявшихся республиканскихъ министерствъ послужили теперь на пользу генералу Буланже. Имя послѣдняго сдѣлалось лозунгомъ для французовъ, стремящихся къ чему-то новому и свѣжему, къ замѣнѣ безцвѣтныхъ парламентскихъ честолюбцевъ болѣе яркими и рѣшительными людьми. Они идутъ за человѣкомъ, которому выпало на долю сдѣлаться предметомъ легенды, и который, безъ сомнѣнія, не въ силахъ будетъ оправдать ихъ ожиданія. Политическая карьера его, представляющая нѣчто въ родѣ неудержимаго тріумфальнаго шествія, создана исключительно отсутствіемъ даровитыхъ государственныхъ людей въ рядахъ республиканцевъ и низведеніемъ политической дѣятельности на степень безплодной рутины.

Результатъ горячей избирательной борьбы въ Парижѣ извѣстенъ: Буланже выбранъ громаднымъ большинствомъ голосовъ (244.000 противъ 162.000, поданныхъ за Жака). Правительство и республиканская партія, желавшія связать съ этими выборами судьбу республики, вопреки здравому смыслу,—очутились теперь въ положеніи побѣжденныхъ, благодаря своей близорукой и ничѣмъ неоправдываемой тактикѣ. Республика продолжаетъ жить, не смотря на неудачу Жака, и лучшимъ доказательствомъ этой жизненности является то замѣчательное спокойствіе, съ какимъ произведены были выборы 27-го января. Прочность республики не зависитъ отъ личностей, присте-

гивающихъ къ ней свое имя, а опредѣляется совокупностью условій и обстоятельствъ, которыя сложились въ нынѣшней Франціи въ пользу широкаго демократическаго режима. Генералъ Буланже въ сотый разъ повторяетъ, что онъ „искренній республиканецъ", и составъ ближайшихъ его политическихъ друзей и помощниковъ имѣетъ, дѣйствительно, республиканскій и даже радикальный оттѣнокъ. Бонапартисты и консерваторы помогаютъ ему издали и сочувственно слѣдятъ за его успѣхами, ожидая отъ него, какъ отъ генерала, установленія болѣе твердой охранительной власти. Но непосредственныхъ связей между этими партіями и генераломъ Буланже не существуетъ уже потому, что этого не допустили бы нынѣшніе радикальные сотрудники его, окружающіе его тѣсно сплоченною группою. Вырваться изъ этого круга будетъ ему довольно трудно и даже рискованно: въ числѣ его горячихъ приверженцевъ есть и такіе, какъ корсиканскій депутатъ Сузини, который нѣсколько разъ заявлялъ публично, что онъ собственноручно убьетъ генерала, если послѣдній вздумаетъ измѣнить республикѣ.

Новая редакція „Славянскихъ Извѣстій", общая съ газетою „Свѣтъ", дебютировала на дняхъ, между прочимъ, корреспонденціею изъ Бѣлграда, въ которой, по мнѣнію „Извѣстій", „весьма живо и правдиво описывается перемѣна въ общественномъ настроеніи въ отношеніи короля Милана. Король, удачно разрѣшивъ вопросъ о великой скупщинѣ и новомъ „Уставѣ" — сдѣлался снова весьма популяренъ въ Бѣлградѣ". Вотъ слова самого корреспондента „Славянскихъ Извѣстій":

„Народъ былъ въ смущеніи по поводу ссоры Милана съ супругой, но когда королева взяла своимъ адвокатомъ Пирочанца, ея дѣло было въ народѣ проиграно. И въ эту минуту является король Миланъ съ своимъ воззваніемъ и уставомъ. Этимъ плѣнилъ онъ всѣ сердца и вся народная любовь къ нему возвратилась. Напредняки хотѣли „насиліемъ и ложью" выбрать своихъ. И тутъ король, какъ настоящій честный сербъ, защитилъ право народа — свободные выборы. И оказалось, что при свободѣ выбора народъ не выбралъ ни одного напредняка. Я былъ, — пишетъ корреспондентъ, — въ засѣданіи скупщины, когда король прочелъ свою рѣчь и подписалъ уставъ. Отъ радости и восторга всѣ плакали. Его популярность не имѣетъ границъ. 1888 годъ закончился самымъ лучшимъ подаркомъ всему народу. Всѣ партіи и всѣ сердца на сторонѣ короля, исключая напредняковъ и австрійцевъ, но ихъ почти и нѣтъ. Теперь начался

новый 1889 годъ, съ самыми свѣтлыми надеждами. Всѣ ожидаютъ добра".

Нижеслѣдующая замѣтка знакомитъ, впрочемъ, читателя непосредственно съ внутреннимъ содержаніемъ упоминаемаго въ корреспонденціи новаго сербскаго „Устава" и вмѣстѣ объясняетъ причины, почему ранѣе осени нынѣшняго года всякая полная его оцѣнка была бы преждевременна, а разсужденія о вліяніи „Устава" на дальнѣйшую судьбу Сербіи — гадательны. Написать подобный уставъ и искренне—твердою рукою ввести его въ жизнь—не одно и то же: все зависитъ отъ послѣдняго.

НОВАЯ СЕРБСКАЯ КОНСТИТУЦІЯ.

Въ послѣдніе дни истекшаго 1888 года принятъ былъ великою скупщиною въ Бѣлградѣ уставъ, т.-е. конституція, для королевства Сербіи [1]), составленный учредительнымъ комитетомъ по соглашенію всѣхъ трехъ главныхъ партій, предводительствуемыхъ тремя лицами, которыя и подписались на проектѣ въ качествѣ вице-президентовъ комитета: Ристичъ (либералы), Гарашанинъ (напрядники, т.-е. прогрессисты) и Груичъ (радикалы). Хотя въ новомъ уставѣ сказано, что со дня его обнародованія теряетъ уже силу конституція 29 іюня 1869 г., но такъ какъ уставъ составляетъ только начало переустройства страны, которое должно быть довершено: 1) изданіемъ не позже мая 1889 г. новаго избирательнаго закона, по которому будутъ происходить новые выборы въ первую будущую обыкновенную скупщину 14-го сентября 1889 г., и 2) изданіемъ цѣлаго ряда новыхъ законовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію первой будущей скупщины, которой засѣданія откроются только 1-го октября 1889 г. (законы объ отвѣтственности министровъ, объ административномъ дѣленіи страны, о печати, о государственномъ контролѣ, о дѣлопроизводствѣ въ скупщинѣ и державномъ совѣтѣ, о публичныхъ собраніяхъ и всякаго рода обществахъ), то тѣмъ и создается почти на цѣлый годъ переходное состояніе среди спѣшной законодательной дѣятельности. Въ теченіе этого періода можетъ продержаться теперешній кабинетъ Христича, пользующійся личнымъ довѣріемъ короля, прежде чѣмъ власть перейдетъ, по условіямъ парламентскаго правленія, въ руки радикальной партіи, которая, судя по послѣднимъ выборамъ въ великую скупщину, имѣетъ нынѣ преобладающее значеніе въ странѣ [2]). Такимъ образомъ, только въ будущемъ году Сербія будетъ вполнѣ переустроена политически, и явится возможность судить о новыхъ условіяхъ ея государственной жизни. Нынѣшнее же положеніе дѣлъ

---

[1]) Безъ измѣненій текста проекта: „Предлог Устава за краљевину Србију, који је израдио уставотворни одбор. У Београду, штампано у краљевско-српској државној штампарји. 1888° (36 стран. in 4°).

[2]) Названіе партій въ Сербіи: либеральная, прогрессистская и радикальная, не должны быть понимаемы только въ общемъ ихъ смыслѣ; онѣ, отличаясь во внутренней политикѣ, существенно расходятся въ политикѣ международной, и если прогрессисты стремятся сохранить независимость Сербіи путемъ сближенія съ Австріею, то радикалы для той же цѣли предпочитаютъ опираться на Россію,—разумѣется, безъ намѣренія заплатить за услуги своею независимостью.

даетъ лишь возможность къ весьма неполнымъ и предположительнымъ заключеніямъ, почерпаемымъ, главнымъ образомъ, только изъ сопоставленія двухъ во всякомъ случаѣ интересныхъ документовъ: хартіи 29-го іюня 1869 г. и новаго устава—конца 1888 г. Постараемся сдѣлать такое сличеніе обѣихъ конституцій — учрежденной и находящейся въ періодѣ рожденія.

Громадное значеніе получаютъ въ новой конституціи уставныя права сербскихъ гражданъ,—имъ посвящена цѣлая глава 1-я устава (26 §§ изъ общаго числа 204). По уставу, никто не можетъ быть заключенъ подъ стражу безъ предъявленія ему опредѣленія надлежащаго суда о заарестованіи его, если онъ не будетъ задержанъ при совершеніи преступленія; но и въ такомъ случаѣ опредѣленіе о заарестованіи должно быть ему сообщено въ 24 часа послѣ взятія подъ стражу. Никто не можетъ быть ни осужденъ, не бывъ привлеченъ къ суду и выслушанъ, ни наказанъ при несуществованіи запрещающаго дѣянія уголовнаго закона. Смертная казнь отмѣняется за чисто-политическія преступленія, но ей могутъ быть подвергаемы какъ лица, покушавшіяся на жизнь короля и членовъ его дома, такъ и лица, судящіяся за смѣшанныя преступленія и за преступленія, наказываемыя смертью по военнымъ законамъ. Отмѣняется изгнаніе сербскихъ гражданъ изъ отечества. Установляется неприкосновенность жилища и тайна писемъ и телеграммъ, но съ допущеніемъ обысковъ въ домахъ и вскрытія переписки только по опредѣленіямъ суда. Признана неприкосновенность собственности и отмѣнена конфискація. Признана свобода совѣсти, но съ ограниченіемъ, чтобы иновѣрческія исповѣданія не дѣлали между восточными православными прозелитовъ. Признана свобода печати, отмѣнены цензурныя предостереженія и система залоговъ, требуемыхъ отъ издателей, но изданіе политическихъ газетъ обусловлено предварительнымъ разрѣшеніемъ на то власти. Признано право собираться для совѣщаній съ предвареніемъ о томъ власти, если собраніе должно происходить подъ открытымъ небомъ,—и безъ всякой заявки, когда оно дѣлается въ закрытомъ помѣщеніи. Признана свобода преподаванія; первоначальное обученіе объявлено обязательнымъ и въ начальныхъ училищахъ даровымъ. Всякій сербъ въ правѣ сложить съ себя званіе гражданина, если онъ исполнилъ воинскую повинность. Правительство лишено права пожалованія почетныхъ титуловъ въ ущербъ гражданскому равенству.

Наиболѣе крупное измѣненіе предположено въ системѣ выборовъ въ народные представители. По конституціи 1869 г., вліяніе правительства на личный составъ скупщины было громадное, и всякое министерство пользовалось имъ беззастѣнчиво. На каждыхъ трехъ народныхъ представителей—четвертаго назначалъ самъ король. Вы-

боры были двухъ-степенные по сельскимъ округамъ и непосредственные только въ большихъ городахъ. Голосованіе было открытое и производилось устною подачею голосовъ. Новый уставъ отмѣняетъ представителей по назначенію короля и вводитъ выборы непосредственные закрытою подачею голосовъ, по разсчету одного представителя на 4.500 человѣкъ, имѣющихъ избирательное право, то-есть сербовъ мужескаго пола совершеннолѣтнихъ (21 года) и платящихъ не менѣе 15 динаровъ (франковъ) прямыхъ податей. Сверхъ неправоспособныхъ и опороченныхъ судомъ лицъ, не пользуются избирательнымъ правомъ: военные, состоящіе въ дѣйствительной службѣ, чины полиціи и вообще служащіе въ государственной службѣ, кромѣ министровъ и высшихъ лицъ въ администраціи. Выборы производятся на мѣстахъ въ общинахъ, но считаются по округамъ, которыя предположено устроить во всей Сербіи 15, такъ что избиратели всего округа будутъ составлять одну корпорацію и избирать все приходящееся на округъ число представителей. Изъ общаго состава округовъ выдѣляются по производству выборовъ большіе города, изъ коихъ Бѣлградъ избираетъ 4 представителей, Нишъ и Крагуевацъ—по 2, и еще 21 городъ по одному. Отъ народнаго представителя требуется, чтобы онъ былъ сербскій гражданинъ, жилъ постоянно въ Сербіи, имѣлъ 30 лѣтъ и платилъ не менѣе 30 динаровъ (франковъ) прямыхъ податей. Изъ устава не видно, сколько представителей будетъ выбирать каждый округъ, но вѣроятно число это будетъ значительное—до 6 или 8 человѣкъ. Статья 100-ая новаго устава требуетъ, чтобы въ составъ представительства отъ каждаго округа входили по крайней мѣрѣ двое, совмѣщающіе въ себѣ, сверхъ общихъ условій, еще спеціальныя, выражающія образовательный цензъ и заключающіяся въ томъ, чтобы они имѣли свидѣтельства объ окончаніи факультетскаго образованія въ Сербіи или за границей, въ университетѣ или равныхъ имъ по степени высшихъ школахъ, или были когда-нибудь министрами, предсѣдателями или вице-предсѣдателями скупщины, посланниками или дипломатическими агентами, членами державнаго совѣта или пенсіонированными генералами или полковниками. Отмѣтимъ весьма хорошо придуманный способъ составленія списковъ кандидатовъ на выборахъ и предоставленія каждой партіи избирателей, голосовавшихъ по списку, соотвѣтствующаго ея значительности числа представителей. Этотъ способъ пропорціональнаго представительства употребляется въ Бельгіи на городскихъ выборахъ. Каждая сотня избирателей (а въ большихъ городахъ даже и каждые 50 человѣкъ) получаетъ право составить особый списокъ кандидатовъ, имѣетъ свое бюро въ мѣстѣ производства выборовъ и раздаетъ свои списки съ полнымъ числомъ кандидатовъ,

приходящихся на округъ. Положимъ, что на округъ приходится 8 голосовъ, а возможныхъ избирателей 36.000. Голоса сортируются по поданнымъ спискамъ, то-есть по голосовавшимъ партіямъ избирателей, послѣ чего общее число голосовавшихъ, напр. 24.000, дѣлится на число представителей отъ округа, такъ что въ данномъ случаѣ получится ($^{24000}/_{8}$) число 3.000, какъ наименьшее количество голосовъ, дающее отдѣльнымъ спискамъ право на назначеніе представителя. Списки располагаются по относительному большинству поданныхъ на имя голосовъ, и каждый получаетъ на свою долю столько представительскихъ назначеній, сколько разъ наименьшее число, дающее право на назначеніе представителя, содержится въ числѣ голосовавшихъ по тому же списку. Допустимъ, что по одному списку подано 9 т. голосовъ, по другому—6 т., по третьему—5 т., а остальныя 4 тысячи разбились между множествомъ списковъ, изъ которыхъ ни одинъ не дошелъ до требуемаго минимума. Тогда должно произойти такое распредѣленіе голосовъ: изъ перваго списка назначаются 3 представителя ($^{9}/_{3}$), а именно первые, которые на этомъ спискѣ поставлены (остальные отпадаютъ); изъ второго ($^{6}/_{3}$) два—тоже первые по списку; изъ третьяго списка ($^{5}/_{3}$) только одинъ представитель, а затѣмъ остальныя два мѣста достаются несоединившимъ 3.000 голосовъ спискамъ, которые, однако, стоятъ выше всѣхъ остальныхъ по числу поданныхъ голосовъ. Такимъ образомъ, и большинство, и меньшинство будетъ имѣть своихъ представителей въ парламентѣ, или скупщинѣ.

Обыкновенныя скупщинныя собранія назначаются осенью и должны продолжаться не менѣе 6 недѣль. Въ отмѣну существовавшаго по хартіи 1869 г. порядка, предоставлявшаго коронѣ право назначать предсѣдателя народнаго собранія, будущая скупщина будетъ сама избирать предсѣдателей, двухъ вице-предсѣдателей и секретаря. Для дѣйствительности ея постановленій нужно присутствіе половины ея членовъ; рѣшенія могутъ послѣдовать только когда постановлены простымъ большинствомъ голосовъ присутствующихъ членовъ. Голосованіе должно быть открытое (поименное), когда того потребуетъ правительство или двадцать голосовъ. Засѣданія скупщины публичны, но въ видѣ исключенія могутъ быть и закрытыя по требованіямъ предсѣдателя, правительства или десяти членовъ. Законодательная власть принадлежитъ совокупно королю и народному собранію. Король имѣетъ veto absolutum. По хартіи 1869 г. правительству принадлежало исключительное право почина въ законодательствѣ; по новому уставу оба фактора законодательной власти—король и представители—имѣютъ равное право предлагать законопроекты.

Въ новомъ уставѣ поименованъ, какъ наслѣдникъ, королевичъ

Александръ—пятый изъ династіи Обреновичей. Престолъ наслѣдственъ только для мужескаго потомства короля; въ противномъ случаѣ онъ переходитъ въ боковыя линіи по мужескимъ колѣнамъ. Совершеннолѣтіемъ считается для короля и наслѣдника достиженіе 18 лѣтъ. Король присягаетъ на вѣрность уставу, самъ неотвѣтственъ, но правитъ при посредствѣ отвѣтственныхъ министровъ, скрѣпа коихъ на актахъ, отъ него исходящихъ, обязательна. Увеличеніе королевскаго содержанія, liste civile, установленіе податей, принятіе на себя казною долговыхъ обязательствъ—совершаются по постановленіямъ скупщины. Народные представители отвѣчаютъ за свои рѣчи въ народномъ собраніи только передъ собраніемъ и не могутъ быть арестованы безъ разрѣшенія собранія. Они получаютъ отъ казны суточныя деньги и путевыя издержки. Въ слѣдующихъ экстренныхъ случаяхъ созывается правительствомъ великая скупщина въ двойномъ противъ обыкновеннаго числѣ представителей и безъ соблюденія условій образовательнаго ценза, установленныхъ для выборовъ по округамъ: 1) когда надобно рѣшить вопросъ о престолонаслѣдіи; 2) или о назначеніи королевскаго замѣстителя (когда король малолѣтенъ); 3) или измѣнить уставъ королевства; 4) или уступить часть территоріи государства; 5) или, наконецъ, когда король признаетъ необходимымъ созвать и выслушать великую скупщину.

Отвѣчая передъ королемъ и скупщиною за свои дѣйствія, министры могутъ быть предаваемы суду какъ королемъ, такъ и скупщиною по ея постановленіямъ, состоявшимся по большинству $^2/_3$ голосовъ. Дѣла по преступленіямъ министровъ подлежатъ рѣшенію державнаго суда, состоящаго на-половину изъ членовъ державнаго совѣта и на-половину изъ членовъ кассаціоннаго суда. По отношенію къ осужденному министру король не можетъ пользоваться своимъ державнымъ правомъ помилованія безъ согласія скупщины. Никакой членъ державнаго дома не можетъ быть министромъ.

Въ §§, посвященныхъ судебной власти, почти всѣ постановленія сдѣланы по образцу общихъ западно-европейскихъ порядковъ: судьи несмѣняемы и увольняются по достиженіи 60 лѣтъ; но въ способѣ ихъ назначенія произошла по новому уставу та существенная перемѣна, что магистратура пополняетъ свои вакантныя мѣста посредствомъ выбора на ваканціи двойного числа кандидатовъ, представляемыхъ королю для назначенія на каждую должность одного изъ двухъ избранныхъ кандидатовъ.

Точно такимъ же порядкомъ комплектуется и главный контроль, состоящій изъ предсѣдателя и членовъ, назначаемыхъ скупщиною изъ двойного числа кандидатовъ, предлагаемыхъ державнымъ совѣтомъ.

Въ Сербіи, гдѣ нѣтъ ни сената, ни верхней палаты, нѣкоторыя

функціи этого недостающаго третьяго фактора законодательной власти исправляемы были державнымъ совѣтомъ, который изготовлялъ законопроекты, давалъ обязательно заключенія по всѣмъ предложеніямъ въ законодательномъ порядкѣ, разрѣшалъ натурализацію иностранцевъ, отчужденіе частной собственности на пользу общественную, былъ высшимъ административнымъ судомъ и судомъ для разрѣшенія всякихъ пререканій между властями. Этотъ совѣтъ сохранилъ и теперь свое прежнее значеніе и предметы вѣдомства, но по новому уставу король подѣлился съ скупщиною своимъ правомъ комплектовать его. Изъ 16 членскихъ мѣстъ въ совѣтѣ король предлагаетъ на 8 мѣстъ двойной списокъ кандидатовъ на выборъ скупщинѣ и самъ выбираетъ 8 членовъ изъ двойного списка кандидатовъ, представляемыхъ на эти мѣста скупщиною. Кандидаты должны имѣть 35 лѣтъ, 10 лѣтъ государственной службы и ученый университетскій дипломъ. Званіе члена пожизненное. Король назначаетъ изъ числа членовъ предсѣдателя и вице-предсѣдателя на три года.

Наиболѣе смѣлыя измѣненія предположены, но только въ самыхъ общихъ чертахъ — въ мѣстныхъ учрежденіяхъ. Сербія дѣлилась и прежде на округа, округа—на *срезы*, а срезы (соотвѣтствующія франц. arrondissements)—на общины. Въ округѣ и срезѣ господствовалъ до сихъ поръ бюрократическій порядокъ, и только общины представляли самоуправляющіяся думы или земскія собранія, съ киетомъ, соотвѣтствующимъ французскому мэру, но болѣе самовластнымъ, во главѣ. По новому уставу, въ каждомъ округѣ должна быть заведена окружная скупщина, избирающая изъ среды своей постоянный окружный *отборъ*, то-есть, по нашему, управу.

Таковы мѣстныя автономныя установленія въ отдѣльныхъ частяхъ государства, и такова новыми гарантіями снабженная система центральнаго представительства. И то, и другое король принялъ и на всѣ измѣненія согласился, несмотря на значительное ограниченіе его власти сравнительно съ прежнею конституціею 1869 года, что̀, конечно, при однихъ условіяхъ можетъ значительно облегчить ему управленіе страною, а при другихъ—сдѣлать его несравненно болѣе затруднительнымъ. Впрочемъ между подписаніемъ устава и его исполненіемъ лежитъ пока чуть не цѣлая бездна, и 1-ое октября 1889 г. въ наше время быстрыхъ перемѣнъ и неожиданныхъ оборотовъ дѣлъ и вещей—еще весьма отдаленный моментъ. Qui vivra—verra.

В. Д.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го января, 1889.

— *Записки Никиты Ивановича Толубѣева* (1780—1809). Рукопись изъ собранія А. А. Титова. Изданіе редакціи историческаго журнала „Русская Старина". Спб. 1889.

Наша литература мемуаровъ продолжаетъ разростаться: вышедшія теперь „Записки Толубѣева" доставляютъ матеріалъ, которымъ очень подорожитъ будущій историкъ нашего быта конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка. Имя Толубѣева неизвѣстно ни въ исторіи, ни въ литературѣ и не могло быть извѣстно, такъ какъ это былъ человѣкъ заурядный и съ весьма скромнымъ общественнымъ положеніемъ. Записки его нашлись совершенно случайно. Рукопись ихъ— повидимому, единственная рукопись самого автора съ небольшой припиской какого-то пріятеля объ его жизни — куплена была на толкучемъ рынкѣ въ Нижнемъ, на ярмаркѣ 1886 года, г. Титовымъ, извѣстнымъ собирателемъ рукописей и владѣльцемъ огромнаго собранія ихъ въ Ростовѣ ярославскомъ. Біографія Толубѣева могла быть извлечена только изъ его собственныхъ записокъ. Онъ принадлежалъ къ старому дворянскому роду, который ко времени жизни автора разбился на множество мелкопомѣстныхъ вѣтвей; родиной Толубѣева была орловская губернія. Предки его были все военные люди; самъ онъ, по весьма распространенному тогда обычаю, также началъ съ военной службы, принималъ участіе въ кампаніяхъ 1805—1807 года, въ 1808 г. женился и вышелъ въ отставку штабсъ-капитаномъ, а затѣмъ служилъ по дворянскимъ выборамъ въ нижегородской губерніи, гдѣ, кажется, было у него за женой небольшое имѣньице. Онъ умеръ, какъ полагаютъ, въ концѣ тридцатыхъ годовъ. Такова была несложная біографія. При всемъ томъ записки его исполнены историческаго интереса. Толубѣевъ былъ мало приготовленъ къ писательству: его школьное ученіе ограничилось „народнымъ училищемъ"

екатерининскихъ временъ, но онъ стремился къ образованію и продолжалъ учиться, будучи офицеромъ. Средства его были очень маленькія; поступая на службу, онъ получилъ отъ отца вмѣстѣ съ благословеніемъ только пятьдесятъ рублей — больше по бѣдности отецъ не могъ дать—и сберегъ эти деньги до самаго производства въ офицеры, когда на эту сумму онъ могъ экипироваться. На службѣ это былъ человѣкъ весьма усердный, трудолюбивый, исполнительный, и такъ какъ, кромѣ того, онъ былъ грамотнѣе своихъ товарищей, то обыкновенно его и назначали ординарцемъ къ разнымъ начальствующимъ лицамъ, а наконецъ, онъ былъ полковымъ и бригаднымъ адъютантомъ.

Очевидно, что такой человѣкъ долженъ былъ писать не мудрствуя лукаво, и въ этомъ именно заключается достоинство его записокъ. Дѣйствительно, онъ разсказываетъ обыкновенно весьма просто, иногда нѣсколько болтливо на манеръ знаменитаго Андрея Тимоѳеевича Болотова; только изрѣдка, какъ напримѣръ на самыхъ первыхъ страницахъ, въ родѣ введенія, онъ пускается въ общія разсужденія, и онѣ мало у него клеятся, какъ, впрочемъ, нерѣдко бывало у грамотниковъ конца XVIII-го вѣка, пока не совершена была Карамзинская реформа въ литературномъ языкѣ, научившая говорить попроще. Вмѣстѣ съ содержаніемъ разсказовъ, и этотъ старомодный языкъ Толубѣева носитъ на себѣ колоритъ времени. Содержаніе записокъ относится, конечно, къ той ближайшей средѣ, которая окружала автора: сначала это—жизнь деревенская, потомъ военная служба въ кавалерійскомъ полку, со всѣми ея тогдашними особенностями и тягостями; тонъ разсказа простой, не безъ добродушнаго юмора. Въ цѣломъ получается много типическихъ подробностей стариннаго быта въ средѣ мелкаго служилаго дворянства.

Особенно любопытно въ запискахъ Толубѣева, и весьма рѣдко въ литературѣ нашихъ мемуаровъ, то, что онъ съ любовью останавливается на картинахъ сельской жизни того времени, среди которой онъ провелъ годы своего дѣтства. Крѣпостное право въ ближайшей обстановкѣ Толубѣева практиковалось, кажется, довольно мягко; онъ особенно настаиваетъ на томъ, что населеніе ихъ околотка было очень *веселое*. Патріархально-бытовая и народно-поэтическая старина была, кажется, еще въ полномъ цвѣту. Вотъ, напримѣръ, небольшой отрывокъ изъ его довольно подробнаго разсказа о деревенскихъ работахъ, обычаяхъ и увеселеніяхъ.

„Не зналъ я причины тому, что народъ того небольшого селенія тогда отличался отъ всѣхъ на большое пространство окружающихъ сосѣдей своихъ другихъ селеній своею веселостію. Шатаясь по разнымъ мѣстамъ Россіи и сопредѣльныхъ государствъ, не случалось

мнѣ видѣть, гдѣ бы подобные имъ поселяне такъ искусно и охотно выдѣляли между трудовъ и необходимаго покоя особые часы для увеселенія... Если взять началомъ года первое октября, время рабочее, въ которое у нихъ производятся затопки конопляныхъ стеблей для вымачиванія, чтобы взять съ нихъ пеньку, которая тогда по добротѣ своей отправлялась чрезъ разныя мѣста въ Англію, и молотьба разнаго хлѣба, которую они всегда старались сократить къ зимѣ, когда необходимо расчищать на токахъ снѣгъ, иногда выше человѣческаго роста навѣяннаго; въ то время они, вставши за нѣсколько часовъ до свѣта, обмолачиваютъ каждый по овину, а семьянистые по два. Весь день мужчины и женщины въ безпрерывной работѣ до самаго сумерка, но, несмотря на то, окончá все и помолясь Богу на мѣстѣ окончанія трудовъ, они не преминутъ хотя на короткое время собраться на улицѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и нерѣдко и въ одномъ, и хотя не поютъ уже пѣсенъ, но зато тамъ у нихъ другія занятія: рѣзвости малолѣтнихъ, разсказы стариковъ, неприкѣтный отчетъ въ дневныхъ трудахъ взрослыхъ и тому подобное... Пѣсни у нихъ разсортированы на военныя, молодецкія, уличныя, хороводныя, свадебныя, разныя величальныя: для стариковъ и старушекъ, для заслуженныхъ, для женатыхъ и замужнихъ, для дѣвицъ, для холостыхъ и для вдовыхъ мужчинъ и женщинъ съ обозначеніемъ во всѣхъ каждаго величаемаго лица состоянія, даже и поповъ величать есть у нихъ особыя пѣсни, а также и относящіяся къ монахамъ и монахинямъ; особыя также на разные случаи: свиданій, разставаній отправляющихся на войну, о разной участи, постигшей ихъ тамъ,—сіи особенно съ претрогательными голосами,—о возвращающихся съ войны, радостныя, печальныя и даже плачевныя. И во всѣхъ тѣхъ пѣсняхъ голоса такъ искусно приноровлены къ воспѣваемымъ въ нихъ предметамъ и обстоятельствамъ оныхъ, что не меньше самыхъ словъ дѣлаютъ выраженія. Имѣя въ памяти по множеству на всякій предметъ или случай однородныхъ пѣсенъ, они искусно выбираютъ такія, которыя почти совершенно объясняютъ свойства и обстоятельства воспѣваемаго предмета или лица, даже и образъ жизни онаго прошедшаго и настоящаго времени, особенно въ отсутствіи тѣхъ лицъ, ибо въ присутствіи они поютъ такія, въ которыхъ меньше выражается образъ житія величаемаго, дабы не оскорбить онаго вмѣсто величанія ни *полусловомъ*, которое могло бы напомянуть какой непріятный, хотя ему одному извѣстный, поступокъ или случай, ни излишнею лестью. Сговорныхъ и свадебныхъ пѣсенъ у нихъ такъ много, что они, пѣвши безпрестанно при всѣхъ многоразличныхъ свадебныхъ обрядахъ приличныя каждому пѣсни, за безчестье себѣ считаютъ спѣть на одной свадьбѣ два раза одну

пѣсню. А какъ по тамошнему (а можетъ быть, и повсемѣстному) обычаю, невѣсты какъ будто должны при нѣкоторыхъ обрядахъ плакать, то они въ предшествіи таковыхъ обрядовъ поютъ такія пѣсни, коихъ слова и голоса невольно приводятъ въ слезы не одну невѣсту, которая и безъ того оплакиваетъ разлуку съ родителями и будущую еще неизвѣстную свою участь, но даже всѣхъ постороннихъ, тутъ находящихся, сколь бы ни былъ кто одаренъ дубовыми чувствами, ибо и изъ самихъ пѣвицъ, при всей привычкѣ къ голосамъ и словамъ тѣхъ трогательныхъ пѣсенъ, многія продолжаютъ пѣніе, какъ говорится, сквозь слезы. Такъ они проводятъ вечера за работою, какъ будто затверживая множество пѣсенъ, отъ старыхъ къ молодымъ передаваемыхъ" (стр. 13—15).

Толубѣевъ продолжаетъ и дальше свой разсказъ о деревенской жизни того времени, который является почти единственнымъ эпизодомъ этого рода въ нашей старой литературѣ. Потомъ, такимъ же образомъ, обстоятельно и добродушно, онъ разсказываетъ о своей военной службѣ, что́ опять даетъ интересную картину нравовъ — именно то, чѣмъ могутъ быть важны воспоминанія скромныхъ и незамѣтныхъ людей, какъ этотъ авторъ. Къ сожалѣнію, записки остались недоконченными.

— *И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г.* Историческая монографія *В. Н. Витевскаго.* Выпускъ первый. Съ приложеніемъ герба дворянъ Неплюевыхъ и портрета И. И. Неплюева съ его факсимиле. Казань, 1889.

Въ 1873 году исполнилось сто лѣтъ со смерти Неплюева, извѣстнаго „птенца" Петра Великаго, и г. Витевскій, чтобы напомнить жителямъ Оренбурга о заслугахъ этого историческаго человѣка, много работавшаго нѣкогда въ особенности для этого края, прочелъ о немъ нѣсколько публичныхъ лекцій, напечатанныхъ тогда же въ „Уральскихъ войсковыхъ вѣдомостяхъ". Такъ какъ до этого дѣятельность Неплюева еще не вызвала особаго изслѣдованія, лекціи г. Витевскаго были замѣчены и сочувственно приняты въ литературѣ, что́ и побудило автора продолжать свою работу надъ этимъ предметомъ. Г. Витевскій занялся изученіемъ архивнаго матеріала, который оказался въ Тургайскомъ областномъ архивѣ, гдѣ хранятся дѣла старой „Оренбургской экспедиціи". Кромѣ того, онъ обратился къ одному изъ потомковъ Неплюева и также получилъ отъ него нѣкоторыя свѣдѣнія и фамильныя преданія. При новомъ, весьма обильномъ, запасѣ данныхъ прежній трудъ, конечно, показался автору неудовлетворительнымъ, и онъ предпринялъ настоящее изслѣдованіе уже въ го-

раздо болѣе обширномъ размѣрѣ. Настоящая книга (больше 10 листовъ въ большую восьмушку) есть начало труда, который въ цѣломъ составитъ, по предположенію автора, не менѣе трехъ выпусковъ, т.-е. большой томъ.

Мы имѣли случай говорить о трудахъ г. Витевскаго по исторіи Уральскаго края, гдѣ онъ частью шелъ по слѣдамъ Желѣзнова. Къ своей настоящей задачѣ авторъ отнесся съ большой старательностью и, кромѣ архивныхъ документовъ, изучилъ и то, что̀ могла представить печатная историческая литература. Біографію Неплюева онъ излагаетъ со всѣми подробностями, какія могъ добыть: начиная съ происхожденія рода Неплюевыхъ, онъ разсказываетъ исторію его ближайшей семьи, его ученье въ новыхъ школахъ Петровскаго времени и за границей (въ Амстердамѣ, Венеціи, Кадиксѣ), возвращеніе въ Россію, короткую службу во флотѣ, въ Петербургѣ, назначеніе русскимъ резидентомъ въ Константинополь и дальнѣйшую служебную карьеру до назначенія въ Оренбургскій край, управленіе которымъ составляетъ, вмѣстѣ съ его дипломатической службой въ Константинополѣ, извѣстнѣйшія историческія заслуги Неплюева.

Какъ случается почти всегда, лицо, составляющее предметъ жизнеописанія, дѣлается для автора героемъ чего бы то ни было: политической мудрости, военнаго искусства, общественныхъ добродѣтелей; въ сомнительныхъ случаяхъ біографъ обыкновенно превращается въ адвоката. Такъ случилось и здѣсь. Въ жизни Неплюева есть такой сомнительный пунктъ—участіе, вмѣстѣ съ знаменитымъ Ушаковымъ, въ слѣдствіи надъ Волынскимъ. Какое это было слѣдствіе и какіе были его результаты — извѣстно. Авторъ признаетъ, что, „къ величайшему сожалѣнію, Неплюевъ былъ вынужденъ принять участіе въ дѣлѣ Волынскаго по волѣ Остермана“. При этомъ автору встрѣтилось, повидимому, не вполнѣ точное показаніе Карновича въ извѣстной книгѣ его о „Замѣчательныхъ богатствахъ частныхъ лицъ въ Россіи“, что „въ эпоху доносовъ, слѣдствій, ссылокъ и конфискацій живились обыкновенно достояніемъ обвиненнаго его слѣдователи и судьи. Такъ, паденіе и казнь Волынскаго послужили основаніемъ богатству Неплюевыхъ, такъ какъ Ивану Ивановичу Неплюеву, бывшему въ числѣ слѣдователей по дѣлу Волынскаго, а также и исполнителемъ состоявшагося надъ нимъ приговора, по ходатайству графа Остермана, были пожалованы въ Малороссіи волость Ропская и мѣстечко Быково съ 2.000 крестьянскихъ дворовъ. Имѣніе это приносило ему 30.000 р. ежегоднаго дохода по тогдашнему курсу. Императрица Елизавета Петровна отняла у него это имѣніе“. Г. Витевскій (стр. 89 и дал.) дѣлаетъ соображеніе: „Ясно, что здѣсь рѣчь идетъ объ основателѣ Оренбурга“,—соображеніе совершенно излиш-

нее, потому что другого Неплюева не было,—и затѣмъ приходить въ благородное негодованіе: „*считаемъ нравственною обязанностью* снять съ почтенной памяти Ив. Ив. Неплюева это несправедливое обвиненіе Карновича, въ виду возстановленія исторической истины, тѣмъ болѣе, что мертвые лишены возможности самозащиты“ (!). Далѣе, „говоря откровенно“, г. Витевскій находитъ, что книга Карновича написана при недостаточномъ знакомствѣ съ фактами, не чужда извѣстной тенденціозности и даже „нѣкоторой сатирической окраски“, чего не должна допускать строгая исторія (которою занимается г. Витевскій). Не нужно было, конечно, никакой особенной „откровенности“ для того, чтобы указать ошибки исторической книги, если онѣ въ ней есть: сдѣлать это—обязательно для того, кто замѣтилъ эти ошибки. Авторъ опровергаетъ показанія Карновича какъ относительно принадлежности упомянутыхъ имѣній Волынскому, такъ и относительно доходности имѣній Волынскаго вообще и, наконецъ, о самомъ пожалованіи. Имѣнія обѣщаны были Неплюеву императрицей Анной по другому случаю и пожалованы были ему уже правительницей Анной Леопольдовной, и такого огромнаго „ежегоднаго“ дохода Неплюевъ получать не могъ, потому что владѣлъ этими имѣніями только четыре мѣсяца. Быть можетъ, Карновичъ и сдѣлалъ ту ошибку, которую авторъ счелъ нравственной обязанностью опровергнуть, и взвелъ на Неплюева „несправедливое обвиненіе“; но самъ г. Витевскій взвелъ на Неплюева другое, вѣроятно болѣе справедливое и гораздо болѣе тяжкое обвиненіе. Вотъ его слова: „Можно съ увѣренностью сказать: осмѣлься кто-нибудь въ одиночку и открыто защищать Волынскаго, во время суда надъ нимъ, ему бы пришлось такъ же, какъ и „конфидентамъ“ Волынскаго, проститься съ жизнью на Сытномъ рынкѣ 27-го іюня 1740 года. Въ ужасную эпоху иноземнаго (?) правительства въ Россіи, чтобы уцѣлѣть самому, нужно было сдѣлаться *или шутомъ, или злодѣемъ*, въ угоду и къ выгодѣ временщиковъ; кто не могъ быть шутомъ, подобно Голицыну, Волконскому и Апраксину, тотъ дѣлался, хотя бы невольно и на время, злодѣемъ,—таково было время, таковы нравы! Можно ли послѣ всего этого обвинять въ смерти Волынскаго Неплюева, какъ недобросовѣстнаго слѣдователя по его дѣлу?“ (Стр. 95.) Итакъ, надо было сдѣлаться или шутомъ, или злодѣемъ?

Какъ мы сказали, авторъ старательно выполнялъ свое изслѣдованіе, но оно несвободно отъ недостатковъ, какими нерѣдко отличаются новѣйшія монографическія работы этого рода, именно излишествомъ ненужныхъ подробностей. Мы сочли бы такими продолжительныя разсужденія о дворянскихъ генеалогіяхъ (въ началѣ книги), гдѣ авторъ повторяетъ новыя изслѣдованія объ этотъ предметѣ; или изло-

женіе дѣла Волынскаго, которое въ послѣднее время подробно разсказывалось нѣсколько разъ и очень можетъ считаться извѣстнымъ, и т. н. Мы обратили бы вниманіе и на стилистическіе недостатки изложенія, которые въ послѣднее время начинаютъ, къ сожалѣнію, очень распространяться. Напримѣръ, на первыхъ стровахъ авторъ говоритъ: „Съ тѣхъ поръ, какъ государственная исторія Россіи, въ тѣсномъ смыслѣ, уступила свое мѣсто исторіи народной и общественной жизни, стали обращать серьезное вниманіе и на изученіе дѣятельности отдѣльныхъ лицъ“ и т. д.: какъ государственная исторія „уступила мѣсто“ народной—не совсѣмъ ясно. Дальше: „Никто не будетъ оспаривать и того, что Россія имѣла не мало замѣчательныхъ людей въ прошедшихъ вѣкахъ ея исторіи и особенно въ XVIII вѣкѣ; во многихъ ея *могилахъ* (?!) покоится прахъ самыхъ энергическихъ и добросовѣстныхъ работниковъ на родной нивѣ“ и пр.

Не лишнее было бы говорить менѣе вычурно.

— *Отчетъ* Императорской Публичной Библіотеки за 1886 годъ. Спб., 1888.

Отчеты Публичной Библіотеки приносятъ обыкновенно не мало свѣденій о новыхъ фактахъ для русской исторіи и исторіи русской литературы, кромѣ свѣденій о постоянномъ обогащеніи ея по разнымъ отдѣламъ общей литературы. Въ настоящемъ отчетѣ спеціалисты по изученію нашей письменной и печатной старины также найдутъ новые факты въ пріобрѣтеніяхъ Библіотеки: нѣсколько рукописей (старѣйшія XIV—XV вѣка), нѣсколько старопечатныхъ изданій или чрезвычайно рѣдкихъ, или совѣмъ неотмѣченныхъ библіографами; далѣе — разные рукописные сборники и документы, относящіеся къ XVIII вѣку; наконецъ, нѣкоторые матеріалы изъ очень недавняго прошедшаго.

Между прочимъ, цѣлый рядъ рѣдкихъ изданій, недостававшихъ въ Библіотекѣ, пріобрѣтенъ былъ ею изъ распродажи знаменитой нѣкогда библіотеки для чтенія Смирдина. Послѣ того какъ разорился этотъ извѣстный книгопродавецъ, игравшій немалую и почтенную роль въ матеріальныхъ отношеніяхъ нашей литературы тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, его богатая библіотека для чтенія, соперничавшая съ отдѣломъ русскихъ книгъ Публичной Библіотеки, стала переходить изъ рукъ въ руки. Ея значеніе, какъ рѣдкаго собранія старой литературы (впрочемъ пополнявшагося постоянно и новыми книгами), или не было понято ея послѣдними владѣльцами, которые не съумѣли имъ воспользоваться, или происходила слишкомъ извѣстная у насъ борьба съ „равнодушіемъ публики“, которая не пользо-

валась достаточно всѣмъ составомъ библіотеки,—словомъ, это богатое книгохранилище, которое бывало великою помощью для занимавшихся исторіею русской литературы, кончило тѣмъ, что попало къ г. Киммелю въ Ригу и продавалось въ разбивку. Даже послѣ того, какъ это книгохранилище подвергалось въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ всякимъ растратамъ, Публичная Библіотека получила возможность „пополнить изъ нея отдѣленія книгъ на церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ многими недостававшими въ нихъ сочиненіями, особенно вышедшими въ прошедшемъ столѣтіи".

Не перечисляя многихъ любопытныхъ рукописей, поступившихъ въ Библіотеку, укажемъ собраніе юридическихъ актовъ 1668—1725 гг., пожертвованное г. Василевымъ (стр. 15—16): эти акты большею частію принадлежали псковскому помѣщику конца XVII и начала XVIII вѣка, Рокотову, и, представляя всякаго рода документы по владѣнію землями, по крестьянскимъ и инымъ хозяйственнымъ дѣламъ, заключаютъ не мало матеріала для объясненія быта и отношеній землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ того времени. Изъ XVIII в. интересно собраніе писемъ разныхъ лицъ къ А. Д. Меньшикову; собраніе автографовъ Потемкина. Изъ рукописей новѣйшаго времени —„Замѣчанія о войнѣ 1812 года" Ермолова, представляющія варіанты съ ихъ печатнымъ изданіемъ; далѣе: „сборникъ разныхъ записокъ и статей, найденныхъ въ бумагахъ Ѳ. Л. Переверзева, бывшаго въ 1850-хъ годахъ членомъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, затѣмъ директоромъ департамента податей и сборовъ, а въ началѣ 1860-хъ годовъ сенаторомъ шестого департамента сената въ Москвѣ", гдѣ находится, между прочимъ, „письмо А. И. Герцена къ императору Александру Николаевичу объ уничтоженіи крѣпостной зависимости крестьянъ и дарованіи свободы слова", и сочиненіе Герцена „объ аристократіи, въ особенности русской" (стр. 34). Укажемъ также рукопись, представляющую сокращеніе тѣхъ лекцій, которыя читаны были Ѳ. И. Буслаевымъ покойному цесаревичу Николаю Александровичу.

Изъ рукописей иностранныхъ интересны „Подлинныя предписанія главныхъ начальниковъ полиціи де-Сартина и Леноара начальствующимъ лицамъ Бастиліи за 1774 годъ", содержащія въ себѣ разнаго рода распоряженія касательно лицъ, заключенныхъ въ Бастиліи. На 1-мъ л. сдѣлана слѣдующая замѣтка: „Trouvé dans la Bastille le 15 Juillet 1789, le second jour de sa prise".

Въ приложеніяхъ къ „Отчету" помѣщены „Замѣтки о нѣкоторыхъ церковно-славянскихъ старопечатныхъ книгахъ", г. И. Бычкова, который предположилъ сообщать здѣсь свѣденія о книгахъ этого рода, имѣющихся въ Библіотекѣ, но до сихъ поръ или совсѣмъ не-

извѣстныхъ библіографамъ, или описанныхъ недостаточно или невѣрно.

—*Гердеръ*, его жизнь и сочиненія. Р. Гайма. Перевелъ съ нѣмецкаго В. Н. *Неведомскій*. Томъ второй. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 1888.

Мы имѣли случай говорить о первомъ томѣ этого изданія [1]); въ настоящей книгѣ біографія Гердера закончена. Раньше мы указывали большой историческій интересъ сочиненія Гайма; скажемъ опять, что для потребностей русскаго читателя оно можетъ показаться слишкомъ изобильнымъ такими частностями, которыя не имѣютъ особой важности и, пожалуй, могли бы отсутствовать и въ самомъ подлинникѣ но за всѣмъ тѣмъ оно богато чрезвычайно любопытными данными не только для біографіи самого Гердера, но и для изображенія цѣлой эпохи нѣмецкаго просвѣщенія въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія. Эта эпоха—времена Лессинга, Гердера, Гёте, Шиллера, Виланда, Канта и т. д.—отразилась своими многоразличными вліяніями и въ нашей литературѣ, и русскій читатель найдетъ здѣсь источники многихъ идей, которыя нѣкогда владѣли лучшими умами и нашего общества, и въ которыхъ лежатъ глубокіе корни современнаго мышленія и общественныхъ направленій.

Сама по себѣ, эта эпоха въ высшей степени интересна глубокимъ возбужденіемъ нравственно-общественныхъ вопросовъ въ такихъ условіяхъ, гдѣ общество, еще продолжавшее жить въ старыхъ бытовыхъ рамкахъ крупнаго и мелкаго феодальнаго абсолютизма, имѣло слишкомъ мало возможности для реальной самостоятельной дѣятельности. Но это не мѣшало совершаться могущественному перевороту въ области мысли, искусства, идей нравственныхъ, и Гердеръ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ его дѣятелей. По общественному положенію это былъ только пасторъ; но этотъ пасторъ, ученый и поэтъ, стоялъ въ ряду съ лучшими умами и величайшими талантами тогдашняго нѣмецкаго просвѣщенія, гдѣ были также и его личные друзья; въ своихъ трудахъ онъ самъ былъ и поэтомъ, и мыслителемъ, и историкомъ, и церковнымъ проповѣдникомъ, и въ союзѣ съ первостепенными силами нѣмецкой литературы велъ то великое дѣло гуманнаго просвѣщенія, которое было могущественнымъ воспитательнымъ средствомъ какъ для самого нѣмецкаго общества, такъ, можно сказать, для всего европейскаго просвѣщеннаго міра. Мы упоминали прежде, что, напримѣръ, вліяніе идей Гердера отразилось даже въ новѣйшемъ возрожденіи славянскихъ народностей и литературъ: знаменитые „Голоса народовъ“ были однимъ изъ первыхъ возбужденій,

---

[1]) См. Литер. Обозрѣніе, „В. Е.“ 1888, мартъ.

изъ которыхъ развивался интересъ къ народной поэзіи и мысль о нравственномъ правѣ каждой народности на существованіе. „Патріотизмъ Гердера, — замѣчаетъ Гаймъ, по одному частному поводу (стр. 597),—сводился къ заботамъ объ интересахъ всего человѣчества; его протестантизмъ сводился къ такимъ христіанскимъ понятіямъ, которыя не составляли исключительной принадлежности какого-нибудь одного вѣроисповѣданія. Онъ указывалъ на то идеальное единомысліе, которое должно соединять всѣхъ христіанъ, независимо отъ различія ихъ исповѣданій“; въ своихъ „Христіанскихъ сочиненіяхъ“ онъ старался охарактеризовать именно этотъ „чистый духъ христіанства, отъ котораго отваливается такъ много тряпья, иными принимаемаго за настоящее христіанство“,—между прочимъ, онъ нападаетъ на „слабыя стороны своей собственной церкви, на неуклюжія внѣшнія формы протестантскаго культа, на господствующій въ немъ безразсудный произволъ, на нерадивое невѣжество и гнусное безстыдство многихъ протестантскихъ наставниковъ“. Понятно, что церковная исключительность не только была чужда ему, но онъ отвергалъ ее въ принципѣ, какъ дѣло недостойное христіанства. Эти мысли не оставались для него только отвлеченнымъ правиломъ, и, напримѣръ, когда сдѣланъ былъ доносъ на теологическій факультетъ іенскаго университета съ обвиненіями въ вольнодумствѣ и когда предлагалось организовать высшую полицію для надзора за университетскимъ преподаваніемъ и возстановить цензуру надъ профессорскими произведеніями, Гердеръ энергически протестовалъ противъ какого бы то ни было полицейскаго вмѣшательства, которое считалъ частью излишнимъ, частью безполезнымъ, и, наконецъ, недостойнымъ въ отношеніи къ ученому учрежденію. „Даже отъ самыхъ осторожныхъ предупредительныхъ мѣръ Гердеръ ничего не ожидаетъ кромѣ вреда, потому что публично выраженное этимъ способомъ недовѣріе уронило бы внѣшнее достоинство университета, а внутри университетскихъ стѣнъ ввело бы привычку подслушивать, подсматривать и писать клеветническіе доносы“ (стр. 599). Возвышенный проповѣдникъ христіанства, ученіе котораго выражалось для него въ общечеловѣческой любви, онъ былъ врагъ вѣроисповѣдной нетерпимости и вмѣстѣ съ тѣмъ защитникъ свободы науки.

Переводъ г. Невѣдомскаго исполненъ весьма обстоятельно. Мы сдѣлали бы одно замѣчаніе: Гаймъ писалъ для своихъ соотечественниковъ, хорошо знакомыхъ съ подробностями исторіи нѣмецкой литературы; такого знакомства нельзя, разумѣется, ожидать отъ читателей русскихъ, и въ виду этого русскому переводчику не излишне было бы прибавлять хотя бы самыя краткія указанія относительно мало извѣстныхъ у насъ лицъ нѣмецкой литературы конца прошлаго

извѣстныхъ библіографамъ, или описанныхъ недос..ныя нѣмецкія вѣрно.

у г. Невѣдомскаго

реводѣ.

—*Гердеръ*, его жизнь и сочиненія. Р. Гайма. Пер

домскій. Томъ второй. Изданіе К. Т. Со

Мы имѣли случай говорить о г ... жизни столицы. М. И. *Пыляева*.

настоящей книгѣ біографія Герде

большой историческій интересъ

для потребностей русскаго чи ... иковъ уже въ XVIII вѣкѣ, и

изобильнымъ такими частно ... ворить о новѣйшей его исторіи въ

ности и, пожалуй, могли б ... шедшее Петербурга представляетъ,

но за всѣмъ тѣмъ оно ... интересъ, потому что именно съ нимъ

не только для біографі ... рія Петровскихъ преобразованій, возник-

лой эпохи нѣмецкаг ... ныхъ нравовъ, обычаевъ, учрежденій: от-

нынѣшняго столѣтія ... ходились по Россіи бытовыя нововведенія,

Шиллера, Виланда ... болѣе курьезныя явленія новыхъ нравовъ.

ными вліяніями ... ческаго описанія Петербурга существуетъ гро-

здѣсь источник ... вныхъ документахъ, и въ мемуарахъ людей

умами и наш ... вѣка, и въ разсказахъ иностранныхъ путешествен-

современнаг ... іальныхъ описаніяхъ Петербурга, которыхъ суще-

Сама ... длинный рядъ, наконецъ въ общей литературѣ, заклю-

возбужд ... подробностей о петербургской жизни прошлаго и ны-

условія ... тія. Самая исторія можетъ быть излагаема съ различ-

выхъ ... зрѣнія: это можетъ быть или внѣшняя исторія возник-

сли ... и распространенія города, или исторія статистическая, или

но ... бытовая. Авторъ настоящей книги имѣлъ въ виду особливо

в ... го рода исторію, которая, безъ сомнѣнія, представляетъ и

...льшій интересъ для обыкновеннаго любознательнаго читателя:

...столько же исторія города, сколько исторія нравовъ и бытовыхъ

...леній, совершавшихся въ Петербургѣ и отсюда расходившихся

по Россіи. Планъ книги не совсѣмъ опредѣленный: авторъ то при-

держивается порядка топографическаго, то хронологическаго. Начавъ,

напримѣръ (въ первой главѣ), съ основанія Петербурга, онъ говоритъ

о первыхъ строеніяхъ, объ усиленномъ заселеніи города, о Лѣтнемъ

садѣ, адмиралтействѣ, разсказываетъ „рабочій день Петра I“, приво-

дитъ численность Петровскаго флота, а затѣмъ передаетъ исторію

адмиралтейства до новѣйшихъ временъ. Дальше (во второй главѣ)

онъ разсказываетъ исторію Александро-Невской Лавры съ ея осно-

ванія и до нѣкоторыхъ фактовъ новѣйшаго времени. Затѣмъ слѣ-

дуетъ домикъ Петра Великаго, опять Лѣтній садъ, причемъ описы-

вается домашняя жизнь Елизаветы, Екатерингофъ и пр. Въ пятой

главѣ описывается „Петербургъ при императорѣ Петрѣ II“, но тутъ

...я о пожарахъ при Екатеринѣ II, о пожа[
...I году, о пожарѣ Зимняго дворца при им[
...стой говорится о наводненіяхъ—въ XV[
...; но въ главѣ седьмой и восьмой г[
...ратрицы Елизаветы, въ главѣ дев[
...торыя подробности изъ временъ Екат[
...ятая опять возвращается къ времена[
...днимъ словомъ, топографическій порядокъ
...шивается съ хронологическимъ, причемъ н[
...ечно, ни тотъ, ни другой. Мы не поставили [
... вину автору: заговоривъ о какой-либо мѣстност[
старину, авторъ естественно могъ увлекаться ж[
...е разсказать ея дальнѣйшую судьбу, а съ другой сто[
...вуетъ необходимость собирать вмѣстѣ бытовыя черт[
...ремени; но, во всякомъ случаѣ, для читателя было бы у[
для достоинства книги полезнѣе, еслибы авторъ съумѣлъ вы[
хронологическую послѣдовательность событій. Для историка [
собрать характеристическія черты разныхъ историческихъ [
чѣмъ разбрасывать ихъ по болѣе мелкимъ исторіямъ како[
дворца, сада, театра и т. п.

Для своей книги авторъ воспользовался довольно значит[
матеріаломъ, важнѣйшее изъ котораго онъ указываетъ в[
примѣчаніяхъ,—но въ размѣрахъ и планѣ своего сочине[
конечно, далеко не исчерпалъ даже извѣстныхъ въ печати [
ловъ, и о многомъ почерпаетъ свѣдѣнія изъ вторых[
Кромѣ русскихъ и иностранныхъ сочиненій, относящихся [
мету, онъ указываетъ въ ряду своихъ источниковъ и „[
разсказы петербургскихъ старожиловъ". Въ указаніи ист[
есть неточности и неполноты, которыхъ полезно было б[
жать: если только авторъ дѣлаетъ цитату, смыслъ ея [
въ томъ, чтобы читатель могъ провѣрить показаніе или [
названномъ сочиненіи большее количество подробностей; по[
цитаты и требуется точность. Но что, напримѣръ, значитъ ци[
„см. Миллера: Sammlung russ. Geschichte"? Это Sammlung со[
восемь толстыхъ книгъ—неужели читатель долженъ переры[
восемь томовъ, чтобы отыскать указываемое свѣденіе? Въ цит[
авторъ пишетъ: „см. Устрялова: Исторія Петра Великаго, [
скаго: Петербургская старина"; но „Исторія" Устрялова е[
шое, многотомное сочиненіе, а „Петербургская старина" есть [
ная статья, о которой читатель въ громадномъ большинс[
чаевъ не знаетъ, гдѣ ее искать. Въ цитатѣ 20-й и 33-й авто[
лаетъ читателя къ „Очерку быта великорусскаго народа", [

рова, опять не указавши страницъ, и читатель, если желаетъ воспользоваться цитатой, обязывается пересмотрѣть цѣлое, тоже немалое сочиненіе. Въ цитатѣ 79-й авторъ пишетъ: „Scherer, ч. 1, стр 125"—цитата становится совершенно безполезной за отсутствіемъ даже названія книги этого Шерера. Цитата 88-я: „см. „Семейство Разумовскаго", соч. А. Васильчикова"—не говоря о неточности заглавія, книга г. Васильчикова есть опять большое, многотомное сочиненіе, въ которомъ читатель обязывается самъ отыскивать требуемое свѣдѣніе. Можно было бы привести еще рядъ подобныхъ безполезныхъ цитатъ, присутствіе которыхъ не прибавляетъ достовѣрности сочиненію и безплодно для читателя. Нѣкоторыя показанія автора грѣшатъ неточностью, которой можно было бы избѣжать; напр., въ цитатахъ 118-й и 177-й, гдѣ говорится о масонскихъ ложахъ и о мнимомъ принятіи въ ложи императора Павла, и т. д.

Несмотря на подобныя неточности и ошибки въ цитатахъ, а иногда и въ самомъ изложеніи, книга г. Пыляева можетъ служить интереснымъ популярнымъ чтеніемъ, тѣмъ больше, что разсказъ сопровождается большимъ количествомъ рисунковъ, заимствованныхъ изъ старыхъ гравюръ и картинокъ. Въ настоящемъ изданіи цѣна книги значительно понижена.—А. П.

— *Народное образованіе въ свіяжскомъ уѣздѣ* казанской губерніи за 1887-88 учебный годъ. Казань, 1888.

Эта книга составляетъ отчетъ земскихъ членовъ свіяжскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, А. В. Васильева и А. В. Карташева, состоящихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, членами свіяжскаго отдѣленія епархіальнаго училищнаго совѣта. Уже это совмѣщеніе должностей свидѣтельствуетъ о томъ, что въ свіяжскомъ уѣздѣ нѣтъ антагонизма между обоими главными видами начальной школы. И дѣйствительно, церковно-приходскія школы развиваются здѣсь рядомъ съ земскими, спокойно и миролюбиво; земство ассигнуетъ небольшую сумму на поддержку церковно-приходскихъ школъ (1.000 рублей, при земскомъ школьномъ бюджетѣ почти въ пятнадцать тысячъ), управленіе церковно-приходскими школами не старается искусственно увеличить ихъ число въ ущербъ земскимъ школамъ. Двѣ школы въ уѣздѣ считались почему-то церковно-приходскими, будучи на самомъ дѣлѣ земскими; отдѣленіе епархіальнаго совѣта вошло съ ходатайствомъ о перечисленіи ихъ въ земскія. Зданіе, въ которомъ помѣщалась одна изъ церковно-приходскихъ школъ, отдано епархіальнымъ совѣтомъ подъ *земскую* школу. Одинъ изъ благочинныхъ принимаетъ

дѣятельное участіе въ постройкѣ зданія для *земской* школы. Предсѣдателемъ отдѣленія епархіальнаго совѣта назначается протоіерей, нѣсколько лѣтъ бывшій земскимъ членомъ уѣзднаго училищнаго совѣта; оба учрежденія, завѣдующія школами, вполнѣ довѣряютъ другъ другу, и уѣздный училищный совѣтъ предлагаетъ земскому собранію распространить на преподавателей церковно-приходскихъ школъ право получать изъ земскихъ суммъ премію (по 3 рубля) за каждаго ученика, оканчивающаго полный учебный курсъ. Число земскихъ школъ постоянно ростетъ; въ учебномъ 1887-88 г. открыта вновь одна школа, въ учебномъ 1888-89 г. должно быть открыто еще четыре. Вновь открытая школа „тотчасъ же привлекла весьма большое число дѣтей и пользуется расположеніемъ мѣстнаго населенія, нанявшаго для нея особаго сторожа и предложившаго мѣсто для сада и огорода". Не мѣшало бы принять все это къ свѣденію порицателямъ и отрицателямъ земской школы, „опаснымъ друзьямъ" школы церковно-приходской.

Свіяжскій уѣздъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, гдѣ всего лучше поставлено дѣло народнаго образованія. Почти всѣ сколько-нибудь значительныя поселенія отстоятъ отъ существующихъ школъ не дальше чѣмъ на 1—2 версты. Изъ 138 селеній, населенныхъ православными, 83 имѣютъ школы (считая въ этомъ числѣ, впрочемъ, и школы грамотности, въ свіяжскомъ уѣздѣ пользующіяся большою заботливостью земства и училищнаго совѣта). Изъ числа мальчиковъ школьнаго возраста посѣщаютъ школу болѣе половины. По числу получившихъ свидѣтельства на льготу, свіяжскій уѣздъ занимаетъ первое мѣсто во всей казанской губерніи, хотя по населенію онъ значительно уступаетъ почти всѣмъ остальнымъ. Изъ числа 39 учителей и учительницъ земскихъ школъ, 22 окончили курсъ въ учительской семинаріи или въ земской учительской школѣ, 11—въ другихъ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; свидѣтельство на званіе народнаго учителя имѣютъ и всѣ остальные, между тѣмъ какъ изъ 19 учителей церковно-приходскихъ школъ 8 не имѣютъ даже и такихъ свидѣтельствъ.

— *Н. Горбовъ*. Основы обученія русскому языку въ народной школѣ. Кіевъ, 1888.

Авторъ этой брошюры пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность сначала какъ послѣдователь г. Рачинскаго, посвятившій себя, тотчасъ по окончаніи университетскаго курса, дѣлу народнаго обученія, потомъ какъ составитель статей и корреспонденцій, направленныхъ противъ свѣтской начальной школы. Въ „Основахъ обученія русскому языку"

онъ является просто педагогомъ, совѣты котораго, основанные на личномъ опытѣ, заслуживаютъ вниманія со стороны всѣхъ интересующихся народнымъ образованіемъ, все равно, какой бы типъ начальной школы они ни признавали наиболѣе желательнымъ. Тенденціозность, составлявшая до сихъ поръ отличительную черту всего выходившаго изъ-подъ пера г. Горбова, замѣтна здѣсь только въ двухъ-трехъ мѣстахъ, когда онъ, напримѣръ, въ сотый разъ называетъ нашу свѣтскую школу „сколкомъ" съ нѣмецкой, „насквозь проникнутой протестантскимъ раціонализмомъ", или признаетъ „идеаломъ" синодальную программу церковно-приходской школы (на самомъ дѣлѣ, однако, расходясь съ нею весьма значительно). Основныя мысли г. Горбова заключаются въ слѣдующемъ. Начальная школа должна дать своимъ ученикамъ умѣнье читать сознательно и пересказывать прочитанное, но такъ-называемое объяснительное чтеніе не должно вдаваться въ крайности, часто наблюдаемыя теперь въ свѣтской школѣ; не нужно, напримѣръ, терять время на разспросы о смыслѣ словъ, которыя навѣрное понятны всякому крестьянскому мальчику; не нужно также требовать непремѣнно „полныхъ отвѣтовъ" (т.-е. отвѣтовъ, въ которыхъ заключалось бы повтореніе вопроса). При обученіи письму необходимо знакомить учениковъ, по возможности, съ грамматикой. Этимологическія ошибки важнѣе, чѣмъ орѳографическія, потому что больше затрудняютъ пониманіе написаннаго; предупрежденіе первыхъ должно быть главнымъ предметомъ стараній учителя. Не слѣдуетъ напирать больше всего на диктовку; гораздо полезнѣе пріучать учениковъ къ самостоятельнымъ письменнымъ упражненіямъ—къ сочиненіямъ на простыя, совершенно доступныя для нихъ темы, къ составленію писемъ и т. п. Безусловно новаго въ этихъ положеніяхъ нѣтъ ничего; мѣры, рекомендуемыя г. Горбовымъ, примѣняются и теперь въ нѣкоторыхъ земскихъ школахъ; но къ важнѣйшимъ задачамъ начальнаго обученія не мѣшаетъ возвращаться почаще—и притомъ въ аргументаціи автора не мало справедливаго и убѣдительнаго. Представимъ себѣ, однако, церковно-приходскую школу, въ которой преподаваніе организовано по системѣ г. Горбова, и спросимъ себя, много ли будетъ въ ней общаго съ церковной школой прежняго, начетническаго типа? Очевидно—почти ничего. Прежняя церковная школа или вовсе не давала своимъ ученикамъ умѣнья читать по-русски, или останавливала ихъ на чтеніи чуть не по складамъ, механическомъ и безсознательномъ. Не понимали они, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, и богослужебныхъ, церковно-славянскихъ книгъ, на которыхъ сосредоточивалось ихъ обученіе. Излагать свои мысли на бумагѣ они едва ли могли; объ изученіи грамматики, конечно, не было и рѣчи. Мы настаиваемъ на этомъ въ виду тѣхъ

своеобразныхъ похвалъ церковно-приходской школѣ, которыя выставляютъ ее „возсозданіемъ древней, простой, немудрой начетнической школы“ [1]). Нѣтъ, новая церковно-приходская школа, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ она возвышается надъ уровнемъ школы грамотности и хоть сколько-нибудь удовлетворяетъ требованіямъ г. Горбова,— состоитъ въ непосредственномъ родствѣ не съ начетнической школой, а со школой земской, столь неблагодарно унижаемой поклонниками модныхъ теченій. Отъ земской школы церковно-приходская школа заимствуетъ свои лучшіе педагогическіе пріемы, свои лучшія стремленія. Земская школа пустила въ оборотъ мысль о необходимости *сознательнаго* чтенія; земская школа уничтожила *механическое* обученіе грамотѣ и доказала возможность развитія въ ученикахъ привычки къ самостоятельному труду. Даже ея ошибки—замѣченныя и исправленныя, впрочемъ, ею самою,—пошли въ прокъ новой церковной школѣ. Чтобы исполнить программу г. Горбова, церковно-приходская школа должна сдѣлать еще одинъ шагъ къ сближенію съ свѣтской: двухъ-лѣтній курсъ ученья долженъ быть замѣненъ въ ней трехъ-лѣтнимъ... Еслибы брошюра, нами разбираемая, вышла безъ имени автора и еслибы изъ нея было исключено нѣсколько словъ на стр. 3 и 22, всякій читатель приписалъ бы ее одному изъ дѣятелей свѣтской школы, желающему дальнѣйшаго развитія и усовершенствованія ею созданныхъ пріемовъ. Хорошо было бы, еслибы и на будущее время безспорныя дарованія г. Горбова прилагались къ плодотворной разработкѣ тѣхъ вопросовъ, которые одинаково важны для всѣхъ видовъ начальнаго обученія, а не къ обостренію антагонизма, вреднаго не для одной только земской школы.—К. К.

— *П. А. Соколовскій.* Ссудо-сберегательныя товарищества въ Россіи по отзывамъ литературы. Изданіе С.-Петербургскаго отдѣленія комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. Спб., 1889.

Книга г. Соколовскаго даетъ несравненно больше, чѣмъ обѣщаетъ заглавіе: это не только весьма цѣнный и обстоятельный разборъ всего матеріала, представляемаго нашею спеціальною литературою и журналистикою по вопросу о мелкомъ земледѣльческомъ кредитѣ, но и первый серьезный опытъ группировки собранныхъ фактовъ и мнѣній, съ указаніемъ правильнаго метода изслѣдованій и съ изложеніемъ главныхъ основъ программы для собиранія фактическихъ свѣдѣній о

[1]) См. ниже, въ Общественной Хроникѣ, записку директора народныхъ училищъ черниговской губерніи.

задолженности крестьянъ. Обзоръ литературы о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ составляетъ только часть труда, хотя и довольно значительную по объему (стр. 99—247); остальныя двѣ части книги касаются положенія у насъ мелкаго сельскаго кредита вообще, независимо отъ дѣятельности означенныхъ товариществъ.

Почтенный авторъ, извѣстный своими изслѣдованіями по исторіи сельской общины и по различнымъ вопросамъ крестьянскаго землевладѣнія, отнесся къ своей задачѣ съ замѣчательною добросовѣстностью и знаніемъ дѣла. Въ послѣднемъ отдѣлѣ книги, наиболѣе интересномъ и поучительномъ, г. Соколовскій излагаетъ результаты земскихъ статистическихъ изслѣдованій о крестьянскомъ кредитѣ по нѣкоторымъ губерніямъ, анализируетъ эти данныя и сообщаетъ вытекающіе изъ нихъ выводы, которые придаютъ всему вопросу о задолженности крестьянъ вполнѣ фактическую и широкую постановку. Эта часть работы автора (стр. 247—292) имѣетъ самостоятельное значеніе и заслуживаетъ особеннаго вниманія лицъ, интересующихся судьбами нашего крестьянскаго землевладѣнія и хозяйства. Къ книгѣ приложены статистическія таблицы, составленныя авторомъ на основаніи земскихъ и частныхъ изслѣдованій.—Л. С.

Въ теченіе января мѣсяца поступили въ редакцію слѣдующія книги и брошюры:

Акинфіевъ, И. Я. Растительность Екатеринослава въ концѣ перваго столѣтія его существованія. Екатериносл. 89. Стр. 238. Ц. 2 р.

Андріевичъ, В. К. Сибирь въ XIX столѣтіи. Ч. 1 (1796—1806 г.). Спб., 1889. Стр. 298. Ц. 1 р. 50 к.

Аѳанасьевъ, Г. Е. Двѣ публичныя лекціи. О Маріи Стюартъ. Одесса. 89. Стр. 111. Ц. 85 к.

Байронъ. Донъ-Жуанъ, перев. П. А. Козлова. 2 т. Спб., 89. Стр. 331 и 345. Ц. 4 р.

Баранцевичъ, К. С. Новые разсказы. Спб., 89. Стр. 445. Ц. 1 р. 50 к.

Беккарія. О преступленіяхъ и наказаніяхъ. Перев. съ итальян., съ этюдомъ о значеніи Беккаріи въ наукѣ и въ исторіи русск. законодательства, С. Я. Бѣликова. Харьковъ, 89. Стр. 232. Ц. 1 р.

Брикнеръ, А. Матеріалы для жизнеописанія гр. Н. П. Панина (1770—1837 г.). Ч. 1. Спб., 88. Стр. 319. Ц. 3 р.

Бураковскій, С. Опытъ разбора главнѣйшихъ произведеній А. С. Пушкина. Новгородъ, 89. Стр. 91. Ц. 60 к.

Венгеровъ, С. А. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Вып. 15. Спб., 1889. Ц. 35 к.

Вишневскій. С. М. О сохраненіи здоровья, книжка для простого народа. Ч. 1, 2 и 3. Каз. 89. Ц. 30 к.

Водовозова, Е. Н. Жизнь европейскихъ народовъ. Т. I. Жители юга. Съ 26 рис. Изд. 4-е. Спб. 88. Стр. 597. Ц. 3 р. 75 к.

Гольдшмидтъ, М. Разсказы о любви. Перев. съ дат. Г. Любомудрова. М. 89. Стр. 131. Ц. 1 р.

Гольцевъ, В. А. Воспитаніе, нравственность, право. М. 89. Стр. 164. Ц. 1 р.

Гранстремъ, Э. Вдоль полярныхъ окраинъ. Съ картою и 58 рис. Спб., 89. Ц. 1 р.

Гуровъ, А. В. Геологическое описаніе полтавской губерніи. Харьковъ, 1888. Стр. 1010.

Дабѣжа, А. О воспитаніи слѣпыхъ. Одесса, 88. Стр. 30. Ц. 15 к.

Дѣдловъ (В. Л. Кигнъ). Приключенія и впечатлѣнія въ Италіи и Египтѣ. Замѣтки о Турціи. Спб., 88. Стр. 482. Ц. 2 р.

——— Мои этюды. Спб., 89. Стр. 470. Ц. 1 р. 25 к.

Житецкій, П. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII-мъ в. Ч. 1. Кіевъ, 89. Стр. 102. Ц. 2 р.

Зелинскій, В. Зрительный диктантъ, самодиктованіе и самоисправленіе. М. 89. Стр. 100. Ц. 40 к.

Изюмовъ, Д. Череповецкій на 1889 г. календарь. Череповецъ, 88. Стр. 98. Ц. 30 к.

Короленко, В. Д. Невольный убійца, разсказъ. Спб. 88. Стр. 48. Ц. 10 к.

Красовскій, А. Оперативное акушерство, со включеніемъ ученія о неправильностяхъ женскаго таза. Съ 276 политип. Изд. 4-е. Спб., 89. Стр. 703. Ц. 5 р.

Кусковъ, П. А. Наша жизнь, стихотворенія. Спб., 89. Стр. 250. Ц. 1 р. 50 к.

Лавелэ, Эм. Балканскій полуостровъ. Перев. Н. Е. Васильева. Стр. 214, 411 и 488. М. 89. Ц. 6 р.

Матвѣевъ, А. А. Къ вопросу объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ южной Россіи. III. Археологія. Одесса, 84. Стр. 100.

Менделевичъ, Р. А. Молодые побѣги, стих. М. 89. Стр. 112. Ц. 50 к.

Миропольскій, С. Учебникъ грамоты для молодыхъ солдатъ. Спб., 89. Стр. 111. Ц. 15 к.

Мищенко, Ѳ. Г. П. Галаганъ (некрологъ). Кіевъ, 88. Стр. 22.

Немировичъ-Данченко, В. Монахъ, романъ. Спб., 89. Стр. 205. Ц. 1 р.

Острогорскій, В. Изъ міра великихъ преданій, разсказъ для юношества. Изд. 2-е. М. 88. Стр. 181.

Раменскій, Н. Докторъ Сафоновъ, этюдъ. М. 1889. Стр. 188. Ц. 1 р.

Реклю, Эл. Земля и люди. Всеобщая географія. Сѣверная Африка, бассейнъ Нила. Съ 57 рис. Спб., 89. Стр. 543. Ц. 8 р.

Ремезовъ, Н. В. Очерки изъ жизни дикой Башкиріи. Быль въ сказочной странѣ. Изд. 2-е. М. 89. Стр. 306. Ц. 2 р.

Симоновъ, Л. руководство къ обойному мастерству и оклейкѣ обоями. Съ 124 рис. Спб., 89. Стр. 160. Ц. 1 р. 50 к.

Соколовскій, П. А. Ссудо-сберегательныя товарищества въ Россіи по отзывамъ литературы. Спб., 89. Стр. 292.

Станюковичъ, К. М. Не столь отдаленныя мѣста, ром. изъ сибирской жизни. Спб., 89. Стр. 297. Ц. 1 р. 50 к.

Судейкинъ, Вл. Очеркъ организаціи поземельнаго кредита въ Англіи, Германіи, Австро-Венгріи и Франціи. Спб. 88. Стр. 108.

Трубачевъ, С. Пушкинъ въ русской критикѣ. 1820-80 г. Спб., 89. Стр. 400. Ц. 2 р.

Хэкъ-Тьюкъ, Духъ и тѣло, дѣйствіе психики и воображенія на физическую природу человѣка. М. 88. Стр. 391. Ц. 2 р. 50 к.

Шенрокъ, В. Ученическіе годы Гоголя. Біограф. замѣтки. М. 87. Стр. 130. Ц. 75 к.

Щетининъ, П. В. Къ вопросу объ искорененіи нищенства. Спб., 89 Стр. 23. Ц. 10 к.

Яковлева, Н. В. Петербургскіе эскизы. Спб., 89. Стр. 368. Ц. 1 р. 50 к.

Ясинскій, А. Н. Исторія Великой хартіи въ XIII-мъ стол. Кіевъ, 88. Стр. 61.

Феерчакъ, П. Очеркъ литературнаго движенія угорскихъ русскихъ. Одесса, 88. Стр. 42.

— Дешевая Библіотека: Н. М. Карамзинъ, Исторія госуд. Россійскаго, т. I; А. Бѣжецкій, Сраженіе, Разстрѣленный, Нарочный, Испытаніе волонтеровъ. Спб., 88. Ц. по 15 к.

— Законы о евреяхъ. Сборникъ извлеченій изъ свода зак. росс. имп. дѣйствующихъ о евреяхъ постановленій. Харьковъ, 89. Стр. 290.

— Записки Н. И. Толубѣева. Изд. „Русск. Стар." Спб., 89. Стр. 158.

— Ежегодникъ для учителей начальныхъ училищъ, церковно-приходскихъ школъ и т. д. Сост. М. Овчинниковъ, инсп. училищъ нижегородской губерніи. М. 89. Стр. 141. Ц. 75 к.

— Предлог Устава за краљевину Србиіи, коіи іе израдио уставотворни одбор. У Београду. 1888. Стр. 36 in-4°.

— Русскіе дѣятели въ портретахъ, изданныхъ ред. истор. журн. „Русск. Старины". Т. III. Спб., 89. Стр. 199. Ц. 4 р.

— Сводъ матеріаловъ по изученію экономическаго быта государственныхъ крестьянъ Закавказскаго края. Т. IV. Тифлисъ, 88. Стр. 564 и 328.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

— *Principes de politique* par *Gaston Bergeret.* Paris, 1889.

Книга Бержерé представляетъ оригинальную попытку совмѣстить объективные пріемы Монтескьё съ насмѣшливымъ скептицизмомъ Макіавелли. Это весьма характерный продуктъ современнаго французскаго настроенія, разочарованнаго въ настоящемъ и недовѣрчиваго къ будущему. Авторъ анализируетъ различныя формы общественнаго строя и государственнаго управленія, съ точки зрѣнія индифферентнаго наблюдателя, для котораго политика служитъ лишь предметомъ любопытства. „Въ томъ, чтò называютъ политическими мнѣніями,— говоритъ онъ въ концѣ своего интереснаго трактата,—замѣчаются въ дѣйствительности только вкусы. Можно отдавать предпочтеніе принципу власти или требованіямъ народа, смотря по естественному родству съ тою или другою стороною; но безполезно было бы доказывать, что одинъ изъ этихъ двухъ элементовъ важнѣе другого, или можетъ существовать самъ по себѣ. Въ природѣ нѣтъ ничего, чтò не было бы необходимо, и нельзя утверждать, что одна вещь выше или ниже другой; существуютъ только вещи различныя, одинаково нужныя для той цѣли, которая имъ свойственна. Наблюдая ходъ событій на всемъ пространствѣ земного шара и въ теченіе столѣтій, мы видимъ не мало политическихъ переворотовъ, но не видимъ, чтобы совершились какія-либо перемѣны въ природѣ людей. Политическая организація народовъ много разъ преобразовывалась до основанія; административное устройство подвергалось измѣненіямъ менѣе глубокимъ; общественный строй измѣнялся еще въ меньшей степени; человѣкъ остается все тотъ же. Невольно приходится заключить, что всѣ эти соціальные, политическіе и административные вопросы, изъ-за которыхъ люди спорятъ и дерутся съ первыхъ временъ исторіи, суть только простыя проявленія коллективной дѣятельности. Быть можетъ, истина заключается въ томъ, что всѣ учрежденія и всѣ правительства стòютъ другъ друга, что въ обществѣ, какъ и въ природѣ, все существующее должно существовать, и что въ явленіяхъ, называемыхъ прогрессомъ или упадкомъ, нужно видѣть лишь необходимыя перемѣны общественнаго состоянія, безразличныя въ концѣ концовъ для общаго хода человѣческой жизни".

Эту теорію *безразличія* авторъ проводитъ очень тонко, не останавливаясь передъ самыми смѣлыми парадоксами и софизмами. Собственные идеалы Бержере, насколько можно судить по нѣкоторымъ его разсужденіямъ, склоняются на сторону власти и авторитета, а не народа. Авторъ съ самаго начала устанавливаетъ противоположность между властью и населеніемъ, причемъ на первый планъ выдвигаетъ элементъ силы. Онъ отрицаетъ значеніе добровольнаго согласія при образованіи человѣческихъ обществъ и группъ. „Люди всегда подчиняются необходимости: отецъ даетъ семейный законъ дѣтямъ, которыя не могли бы жить безъ него; вооруженная сила диктуетъ политическій законъ безоружнымъ жителямъ, нуждающимся въ ея покровительствѣ. Даже при заключеніи формальнаго договора сильнѣйшій налагаетъ свои условія на слабѣйшихъ. Всѣ контракты совершаются по львиному способу, хотя это названіе примѣняется только къ тѣмъ изъ нихъ, въ которыхъ насиліе выражается слишкомъ явно".

Такъ какъ авторъ разсуждаетъ вполнѣ отвлеченно, безъ всякихъ упоминаній объ историческихъ фактахъ и о литературѣ предмета, то его афоризмы кажутся часто бездоказательными и произвольными. „Власть,—по его словамъ,—основываетъ и поддерживаетъ государство; когда она исчезаетъ, государство исчезаетъ вмѣстѣ съ нею (?), и народъ группируется иначе". Въ видѣ гипотезы, авторъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ первоначальное происхожденіе политической власти. Два человѣка живутъ вмѣстѣ и между ними возникаетъ споръ, который можетъ рѣшиться только силою. „Пока обѣ силы будутъ болѣе или менѣе равны, война будетъ продолжаться. Какъ только одна одолѣетъ другую, тотчасъ же водворится миръ на основѣ рабства; явится господинъ надъ рабомъ, если слабѣйшій остался въ живыхъ. Предположимъ, что существуетъ еще третій человѣкъ; двое, соединившись, побѣдятъ третьяго, и тогда будетъ одинъ рабъ у двухъ господъ. Послѣдніе не долго будутъ жить въ согласіи, и каждый изъ нихъ старается обезпечить себѣ поддержку раба противъ соперника. Рабъ, призванный выбрать себѣ господина и возведенный на степень избирателя, не останавливается на мысли, что его силы, соединенныя съ силами болѣе слабаго изъ спорящихъ, могли бы одержать верхъ надъ сильнѣйшимъ; онъ предпочитаетъ прямо примкнуть къ болѣе сильному. Побѣжденный соперникъ настолько еще силенъ, что можетъ добиться для себя благопріятныхъ условій, при вступленіи въ союзъ съ господиномъ; онъ становится его подданнымъ. Къ этому ядру первобытнаго общества присоединяются люди, ищущіе защиты и вступающіе въ ряды или подданныхъ, или рабовъ, смотря по цѣнности своихъ возможныхъ услугъ. Господинъ, основатель государства, представляетъ собою власть, около которой группируется масса поддан-

ныхъ и рабовъ, т.-е. народъ. Позднѣе, когда господинъ нуждается въ содѣйствіи подданныхъ или рабовъ, онъ даетъ имъ привилегіи и вольности, но народъ всегда имѣетъ предъ собою существовавшую ранѣе его власть".

Фантастичность этого объясненія бросается въ глаза каждому. Авторъ много разъ повторяетъ свое основное положеніе, что власть принадлежитъ силѣ, и что народъ есть только толпа, прибѣгающая подъ охрану сильнаго, т.-е. властелина; онъ не поясняетъ только, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать превосходство силы отдѣльнаго лица надъ народомъ:—долженъ ли „основатель государства" обладать преимуществами великана, чтобы побѣдить и держать въ повиновеніи своихъ первыхъ подданныхъ, или же правительственная сила образуется изъ элементовъ самого населенія, причемъ она не связана уже неразрывно съ личностью того или другого дѣятеля? Въ послѣднемъ случаѣ, очевидно, падаетъ вся теорія противопоставленія силы—народу въ государствѣ. Между тѣмъ это противопоставленіе принимается авторомъ, какъ безспорная аксіома, изъ которой дѣлается цѣлый рядъ выводовъ. Правда, авторъ признаетъ, что сами представители власти принадлежатъ къ народу, и что нельзя дѣлить государство на двѣ разнородныя группы лицъ; но тѣмъ не менѣе онъ постоянно беретъ это дѣленіе за исходную точку своей аргументаціи.

Само собою разумѣется, что, стараясь быть вполнѣ объективнымъ и абстрактнымъ, Бержере не могъ однако отрѣшиться отъ спеціальныхъ впечатлѣній и интересовъ, касающихся современнаго состоянія Франціи. Онъ мечтаетъ объ авторитетѣ власти и склоненъ преувеличивать его творческую силу, потому что этотъ авторитетъ слишкомъ слабъ въ нынѣшней республикѣ; онъ съ ироніею отзывается о притязаніяхъ народа на управленіе государствомъ. „По народному мнѣнію,—говоритъ онъ,—всѣ должны управлять, кромѣ только власти, которая одна должна быть управляема. Не имѣя возможности достигнуть этого результата, народъ доставляетъ себѣ нѣкоторое удовлетвореніе тѣмъ, что выбираетъ себѣ самое худшее правительство, чтобы легче мстить государству за непріятную необходимость быть управляемымъ; но онъ (народъ) освобождается отъ одной власти только для того, чтобы подпасть подъ другую". Функціи власти и народа рѣзко разграничиваются авторомъ; дѣло правительства—дѣйствовать, а народа—критиковать (и исполнять исправно свои податныя и прочія повинности?). Своеобразные доводы приводятся Гастономъ Бержере въ пользу общественныхъ вольностей: „власть можетъ безъ всякой для себя опасности обезпечить народу всю ту свободу критики, какой онъ домогается, ибо эта свобода есть для народа источникъ слабости". Правительство „совершенно напрасно препятствуетъ иногда

свободѣ слова; когда всѣ хотятъ говорить, остается очень мало слушающихъ". Первое возбужденіе быстро проходитъ; „публика теряетъ охоту слушать, и ораторы остаются безъ аудиторіи". Полная свобода печати имѣла бы не больше неудобствъ, чѣмъ свобода слова; „газеты стали бы такъ многочисленны и плохи, что не могли бы оказывать уже никакого вліянія". Когда всякій можетъ издавать газету и печатать въ ней что угодно, самыя необычайныя разсужденія проходятъ незамѣченными. Поэтому „интересъ власти состоитъ въ томъ, чтобы существовало безконечное число газетъ, и чтобы никакой гарантіи не требовалось отъ журналистовъ; тогда правительство имѣло бы совершенно безсильныхъ противниковъ".

Авторъ откровенно излагаетъ программу власти въ духѣ холоднаго маккіавелизма. „Власть благопріятствуетъ развитію сильныхъ, удѣляя слабымъ только то, что требуется для нихъ чувствомъ человѣчности; она покровительствуетъ больше образованію богатствъ, обезпеченію безопасности честныхъ людей и культурѣ избранныхъ умовъ, чѣмъ улучшенію участи бѣдныхъ, бездѣльниковъ, неграмотныхъ, полагая, что послѣднихъ всегда будетъ достаточно, тогда какъ первыхъ необходимо поощрять и умножать. Съ этой точки зрѣнія нѣтъ пользы для государства (для власти?) въ томъ, чтобы всѣ умѣли читать и писать; для него полезно имѣть нѣсколькихъ геніальныхъ людей". Верхніе и средніе классы „благосклонно отдаются задачѣ улучшенія быта рабочихъ, который такимъ образомъ безостановочно улучшается (?) на счетъ высшихъ сословій, а между тѣмъ классы исчезаютъ въ дѣйствительности". Правительство должно заботиться о бѣдныхъ, ради своихъ политическихъ интересовъ; но, напримѣръ, устройство больницъ не достигаетъ цѣли, такъ какъ „больные суть наименѣе опасные изъ всѣхъ бѣдняковъ, и не съ ихъ стороны можно бояться волненій (!)". Безполезно „облегчать нищету, когда она очень распространена; это только поддерживаетъ ее. Давая бѣднымъ средства къ жизни, мы способствуемъ рожденію новой толпы бѣдствующихъ; еслибы предоставить дѣло природѣ, она сама устранила бы избытокъ населенія". Бездушное резонерство автора производитъ иногда впечатлѣніе чего-то напускного, искусственнаго. Онъ высказывается въ пользу „сосредоточенія многихъ состояній въ рукахъ одного лица, которое получило бы огромную силу и могло бы (!) дѣлать изъ нея хорошее употребленіе". Онъ защищаетъ даже тѣлесныя наказанія, находя ихъ цѣлесообразными и полезными во многихъ случаяхъ. Говоря о налогахъ, онъ замѣчаетъ не безъ остроумія, что „когда нужно заставить народъ платить подати, изъ него съ трудомъ извлекаются скудные платежи; когда же предоставляютъ ему самому вотировать налоги, нѣтъ почти такихъ суммъ, которыхъ нельзя было бы полу-

чить". Если въ народѣ возникнутъ волненія, то „власть должна разогнать бунтующихъ съ безпощадною суровостью, причемъ оказалось бы много убитыхъ и раненыхъ, но не было бы плѣнныхъ" (!); могли бы пострадать и невинные, но ихъ было бы все меньше, потому что „любопытные отвыкли бы интересоваться зрѣлищемъ, которое стало опаснымъ" (а случайные прохожіе и проѣзжіе, попавшіе въ толпу?). Хороши „принципы политики" для французовъ третьей республики, ко времени празднованія столѣтняго юбилея „принциповъ 1789 г."!

Несправедливо было бы, однако, причислить Бержере къ сознательнымъ реакціонерамъ; онъ просто скептикъ-индифферентистъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ стоитъ за самыя смѣлыя реформы; онъ предлагаетъ, между прочимъ, допустить заключеніе срочныхъ браковъ по контрактамъ, такъ какъ множество дѣвушекъ не находитъ мужей только вслѣдствіе нежеланія мужчинъ связываться на всю жизнь, а охотниковъ заключать союзы на время оказалось бы несравненно больше. „Люди очень строго относятся къ женщинѣ, которая отдается случайно и секретно за небольшую сумму денегъ; гораздо снисходительнѣе судятъ женщину, которая отдается за крупное состояніе; а ту, которая отдается публично на всю жизнь одному человѣку въ обмѣнъ за постоянное общественное положеніе, уважаютъ превыше всѣхъ другихъ. Съ наибольшею же строгостью осуждаютъ женщину, которая отдалась безкорыстно и подверглась тяжелымъ обязательствамъ материнства". Для этой послѣдней весьма многочисленной категоріи срочные браки, по мнѣнію автора, представляли бы благополучный исходъ. Остается только неяснымъ, какъ въ этихъ случаяхъ поступить съ дѣтьми.

Разсуждая о парламентахъ, авторъ даетъ оригинальное опредѣленіе толпы, въ отличіе ея отъ собранія. „Толпа есть сборище людей, стоящихъ на ногахъ; когда тѣ же люди сидятъ, это уже собраніе". Одинъ фактъ совмѣстнаго присутствія „измѣняетъ умы людей; сто человѣкъ думаютъ вмѣстѣ совсѣмъ иначе, чѣмъ они думаютъ въ отдѣльности". Такихъ афоризмовъ, иногда довольно мѣткихъ, встрѣчается много въ книгѣ Бержере. „Власть—говоритъ онъ, напримѣръ, — можетъ дѣлать не мало ошибокъ и *даже* превосходныхъ вещей, не вызывая неудовольствія народа, пока послѣдній пользуется достаточнымъ благосостояніемъ безъ особеннаго богатства. Та же власть будетъ низвергнута подъ ничтожнымъ предлогомъ, безъ всякаго предварительнаго спора о какомъ бы то ни было точномъ предметѣ, —если народъ нуждается въ средствахъ существованія или обладаетъ избыткомъ средствъ. Въ первомъ случаѣ онъ дѣлаетъ революцію, чтобы жить; во-второмъ—онъ дѣлаетъ ее, чтобы развлечься". Авторъ подробно объясняетъ, какія развлеченія доставляются публикѣ поли-

тическими переворотами, и почему каждое поколѣніе хочетъ имѣть свою собственную революцію. „Прежде и очень долго наиболѣе забавляла французскій народъ — война. Но это развлеченіе можно доставлять ему только при двухъ условіяхъ: нужно, чтобы война была счастливая, а это не всегда осуществимо, и нужно еще, чтобы правительство вело войну съ малымъ количествомъ солдатъ, что уже сдѣлалось абсолютно невозможнымъ". Оттого любимымъ занятіемъ толпы стали внутренніе перевороты. Часто власть карается обществомъ именно за тѣ дѣйствія, которыя совершены были по настоянію народа; въ этихъ случаяхъ „правительство находится въ положеніи человѣка, который слѣдовалъ внушеніямъ своей жены и въ случаѣ неудачи этихъ совѣтовъ долженъ отъ нея первой выслушивать самые горькіе упреки". Власть слабѣетъ по мѣрѣ того какъ усиливается и возвышается народъ; монархія абсолютная переходитъ въ конституціонную, которая уступаетъ мѣсто президентской республикѣ (гдѣ глава правительства избирается народомъ на извѣстный срокъ); затѣмъ устанавливается конституціонная демократія, при которой президентъ назначается палатами, и, наконецъ, водворяется владычество абсолютной демократіи, когда народъ дѣйствуетъ непосредственно черезъ своихъ выборныхъ агентовъ, снабженныхъ ограниченными и точно опредѣленными полномочіями. „Революція дѣлается какъ бы хроническою, и глава исполнительной власти, будучи смѣняемымъ избранникомъ парламента, который часто обновляется въ своемъ составѣ, становится вѣрнымъ отраженіемъ перемѣнчивой воли народа". Оставаясь безпристрастнымъ теоретикомъ, авторъ допускаетъ, что такой порядокъ вещей можетъ оказаться благопріятнымъ для внутренняго народнаго развитія и процвѣтанія. Но, — продолжаетъ онъ, — „если внутреннее состояніе народа улучшается, то государство разрушается": здѣсь опять-таки государство смѣшивается съ правительствомъ и противопоставляется народу, какъ нѣчто постороннее и даже чуждое ему.

Бержере возражаетъ противъ республиканской теоріи „народнаго верховенства". Совокупность гражданъ извѣстной страны не можетъ имѣть верховной власти по той простой причинѣ, что „не оставалось бы никого, къ кому эта власть могла бы прилагаться; можно было бы сказать, что народъ свободенъ, но нельзя называть свободу верховенствомъ, ибо нѣтъ верховенства безъ подвластныхъ". Въ дѣйствительности, говоря о верховенствѣ народа, „имѣютъ въ виду господство большинства"; это господство, по мнѣнію автора, есть дѣло фактической силы, а не права, — тѣмъ болѣе, что изъ состава большинства исключаются женщины и несовершеннолѣтніе: въ голый принципъ числа вносится элементъ способности къ пользованію из-

бирательными правами, а способность можно понимать и шире, и уже, въ примѣненіи не только къ женщинамъ, но и къ мужчинамъ. Авторъ въ этомъ случаѣ какъ будто играетъ словами. Не трудно было бы ему самому замѣтить, что верховенство обозначаетъ высшую власть не надъ лицами, а надъ общенародными, государственными дѣлами и интересами,—власть рѣшать независимо и окончательно всякіе вопросы внутренней и внѣшней политики. Въ этомъ смыслѣ верховная власть существуетъ точно также и въ республикѣ.

Интересенъ взглядъ Бержере на будущность международныхъ отношеній. Онъ почему-то вѣритъ въ неминуемость всемірнаго владычества одной какой-нибудь націи, которой удастся, послѣ великихъ войнъ, подчинить себѣ всѣ народы земного шара и утвердить такимъ образомъ прочный всеобщій миръ. Основанія и мотивы такого взгляда не сообщаются авторомъ, который вообще пренебрегаетъ фактами; онъ разсуждаэтъ исключительно отъ себя, a priori, не подкрѣпляя своихъ изреченій никакими историческими или литературными указаніями. Это послѣднее обстоятельство дѣлаетъ книгу Бержере скорѣе сборникомъ политическихъ афоризмовъ и парадоксовъ, чѣмъ серьезнымъ научнымъ трактатомъ о принципахъ политики.

II.

— *Histoire diplomatique de la troisième République* (1870—1889), par *Edmond Hippeau*. Paris, 1889.

Авторъ этого обширнаго и весьма интереснаго труда излагаетъ не только исторію, но и положительную программу внѣшней политики Франціи. Онъ началъ свою работу „подъ покровительствомъ и съ одобренія Гамбетты“, къ которому былъ близокъ (какъ видно изъ введенія, стр. 6—7). Эта солидарность съ воззрѣніями знаменитаго государственнаго человѣка, а также личныя связи автора со всѣми выдающимися политическими дѣятелями республиканской партіи и многолѣтнее участіе его въ журналистикѣ по вопросамъ международной дипломатіи, придаютъ книгѣ Эдмонда Гиппó особенное значеніе. Нѣкоторые эпизоды разсказываются со словъ непосредственныхъ участниковъ событій—министровъ и дипломатовъ республики; изложеніе вообще ведется очень живо, причемъ оцѣнка прошлаго дѣлается всегда въ связи съ интересами настоящаго и будущаго.

Истинная національная традиція Франціи, по мнѣнію автора, заключается въ стремленіи ея къ естественнымъ границамъ—къ занятію лѣваго берега Рейна, завоеваннаго въ эпоху революціи и утраченнаго „преступнымъ честолюбіемъ“ Наполеона I. Тѣмъ не менѣе

французская политика должна имѣть рѣшительно миролюбивый характеръ и не допускать никакихъ рискованныхъ предпріятій для достиженія цѣли. Гиппо̀ не предается иллюзіямъ насчетъ способовъ осуществленія своихъ надеждъ; онъ разсчитываетъ на такія международныя комбинаціи и замѣшательства, при которыхъ Франція получитъ возможность предъявить свои права и требованія безъ всякаго риска, съ большими шансами на успѣхъ. „До конца настоящаго столѣтія,—говоритъ Гиппо́,—произойдетъ еще не мало перемѣнъ въ Европѣ, и мы знаемъ, чего требовать въ обмѣнъ, когда къ намъ обратятся за содѣйствіемъ. Мы твердо рѣшились только не отдаваться первому желающему и дѣйствовать лишь вполнѣ сознательно. И кто знаетъ? Быть можетъ, сама Германія возъимѣетъ мысль, при наступленіи настоятельной нужды, предложить намъ примиреніе? Въ исторіи встрѣчались случаи, еще болѣе странные, и ничто не позволяетъ намъ думать, что этого не случится съ нами".

Авторъ рѣзко критикуетъ образъ дѣйствій французской дипломатіи, которая безъ малѣйшей для себя пользы увлекалась то призракомъ русскаго союза, то воображаемымъ сближеніемъ съ Англіею. Герцогъ Деказъ мечталъ сблизиться съ Россіею, когда послѣдняя была еще „вѣрнѣйшею союзницею Пруссіи"; результатомъ этого было обостреніе восточнаго вопроса, приведшее къ русско-турецкой войнѣ, при косвенномъ содѣйствіи князя Бисмарка. Такой успѣхъ „нѣмецкой политики" былъ подготовленъ, по словамъ автора, неумѣлымъ и безтактнымъ поведеніемъ герцога Деказа, который во время извѣстнаго кризиса въ 1875 году взывалъ къ вмѣшательству Россіи уже послѣ того, какъ опасность войны миновала, и когда недоразумѣнія закончились категорическими заявленіями германскаго канцлера. Шумное оффиціальное заступничество князя Горчакова оскорбило Бисмарка, побудило его искать союза съ Австріею и надолго испортило франко-германскія отношенія. Въ переговорахъ по восточнымъ дѣламъ Франція играла ненужную и неблагодарную роль; она подавала голосъ за-одно съ Россіею, возбуждая недовѣріе берлинскаго кабинета,— „вмѣсто того, чтобы согласиться съ своею естественною союзницею, Англіею, и сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ съ политикою Австріи и Италіи". Тогда составленъ былъ планъ низвергнуть Деказа, подъ руководствомъ Тьера, наиболѣе авторитетнаго противника русскаго союза. Тьеръ „считалъ, что Франція должна современемъ усвоить политику забвенія прошлаго, и что лучшимъ средствомъ обезоружить вражду Германіи было бы предложеніе ей сблизиться на извѣстныхъ условіяхъ, давъ ей вѣрную гарантію нашихъ (французскихъ) миролюбивыхъ намѣреній. Я не могу здѣсь сказать больше,— прибавляетъ Гиппо̀,—но можно угадать остальное". Тьеръ не до-

ждался паденія Деказа и умеръ вскорѣ послѣ образованія реакціоннаго министерства 16-го мая, „унеся съ собою тайну той внѣшней политики, которую онъ съумѣлъ бы проводить на дѣлѣ, еслибы пагубныя честолюбія не отняли у него власть". Позднѣе, на берлинскомъ конгрессѣ, Ваддингтонъ и Санъ-Валье вели уже „англійскую политику", содѣйствовали „униженію Россіи и пересмотру парижскаго трактата", безъ всякой надобности для Франціи и вопреки ея интересамъ. Повидимому, авторъ возлагаетъ главныя свои надежды на будущій споръ между Германіею и Россіею, который считается почему-то неминуемымъ: тогда Франція предложить свои условія и, смотря по обстоятельствамъ, примкнетъ къ той или другой сторонѣ.

Гиппо „не желаетъ окончательнаго раздѣла Турціи" и предпочитаетъ вѣрить въ постепенное распаденіе и переустройство Австріи. Онъ представляетъ себѣ въ слѣдующемъ видѣ политическую карту Европы „въ двадцатомъ вѣкѣ". Чехія, Румынія съ Трансильваніею, великая Сербія съ боснійскими землями, Болгарія съ Румеліею, Греція съ Македоніею и Албаніею и, наконецъ, Венгрія войдутъ въ составъ новой Австріи, центръ которой будетъ въ Византіи. Черногорія, Хорватія, Далматія и Истрія также, вѣроятно, примкнутъ къ этой дунайской федераціи, о которой мечталъ Кошутъ. Нѣмецкія провинціи, Тироль, Каринтія, Силезія и второстепенныя нѣмецкія государства составили бы новую германскую имперію, которая, быть можетъ, имѣла бы свой центръ въ Вѣнѣ, но которая скорѣе тяготѣла бы къ Франкфурту-на-Майнѣ. Пруссія, лишенная своихъ рейнскихъ областей, потеряла бы еще Познань, которая вмѣстѣ съ Краковомъ отдана была бы Польшѣ, возстановленной въ видѣ автономнаго государства, подъ верховною властью Россіи (стр. 562—3). Какая роль выпала бы на долю Россіи въ этой пестрой и мало правдоподобной комбинаціи, которая однако не могла бы осуществиться безъ ея участія,—этого авторъ не объясняетъ. Франція должна занять свое естественное мѣсто „во главѣ латинскихъ народовъ"; для этого она должна, между прочимъ, примириться съ Италіею и поддерживать съ нею дружбу. Мимоходомъ затрогиваются и текущія внутреннія дѣла Франціи; такъ, въ одномъ мѣстѣ авторъ упоминаетъ о „мятежномъ солдатѣ", которымъ такъ много и усердно занимаются теперь французы. Нельзя не согласиться съ заключеніемъ Гиппо, что „иностранная политика республики не нашла еще своихъ Ришельё, Шуазелей и Талейрановъ".

Наиболѣе интересны для насъ, конечно, тѣ отдѣлы книги, въ которыхъ обсуждаются отношенія Франціи къ Россіи и къ восточному вопросу (стр. 110—217 и 558—580). Книга снабжена безцвѣт-

нымъ предисловіемъ Эмиля Ворижа, который подчеркиваетъ „научную“ тенденцію автора и вспоминаетъ о Гамбеттѣ только для того, чтобы сообщить о заимствованіи послѣднимъ экономической части програмы, изложенной въ Бельвиллѣ,—изъ элементарнаго учебника его, Ворижа.

III.

— *L'évolution de la propriété*, par *Ch. Letourneau*. Paris, 1889.

Докторъ Летурно́ пріобрѣлъ уже значительную извѣстность своими трудами по соціологіи и этнографіи. Въ 1880 году онъ издалъ сочиненіе „La sociologie d'après l'ethnographie“—собраніе интереснѣйшихъ данныхъ о соціальномъ бытѣ человѣчества на различныхъ ступеняхъ развитія, преимущественно же о бытѣ дикихъ народовъ. Позднѣе онъ занялся болѣе обстоятельною разработкою вопросовъ, которымъ посвящены спеціальные отдѣлы этой книги; онъ поочередно составилъ, такимъ образомъ, особые трактаты о нравственности, о бракѣ и семьѣ, и наконецъ о собственности—„L'évolution de la morale“, „L'évolution du mariage et de la famille“ и „L'évolution de la propriété“. Теперь авторъ обѣщаетъ еще книгу о развитіи политической жизни и правительственныхъ формъ. Достоинства всѣхъ этихъ работъ заключаются почти единственно въ богатствѣ фактическаго матеріала, собраннаго весьма старательно и распредѣленнаго въ систематическомъ порядкѣ. Научные взгляды самого Летурно примыкаютъ къ теоріи развитія или „эволюціи“ Герберта Спенсера и представляютъ мало оригинальнаго; большею частью они основаны на произвольныхъ или преждевременныхъ обобщеніяхъ, которыя только мѣшаютъ точному анализу фактовъ.

Летурно приводитъ много свѣдѣній о собственности у животныхъ, у дикарей, у первобытныхъ племенъ республиканскихъ и монархическихъ, о семейной собственности у малайцевъ, о собственности въ великихъ варварскихъ монархіяхъ, въ древнемъ Египтѣ и Абиссиніи, въ Китаѣ, Индо-Китаѣ, Японіи, у берберовъ, семитовъ, азіатскихъ арійцевъ, въ древней Греціи и Римѣ, въ варварской Европѣ и при феодальномъ режимѣ, о наслѣдствѣ у разныхъ народовъ, о торговлѣ, долгахъ и монетѣ. Книга заканчивается размышленіями о „прошломъ и будущемъ собственности“. Уже изъ этого перечисленія можно видѣть, что читателю дается матеріалъ очень богатый и разнообразный. Но способъ разработки этихъ данныхъ не можетъ

быть признанъ удовлетворительнымъ по слѣдующимъ тремъ причинамъ.

Во-первыхъ, подъ именемъ собственности авторъ смѣшалъ въ одну кучу такіе разнородные предметы, какъ обладаніе движимымъ имуществомъ, землевладѣніе, право распоряженія женою, дѣтьми и рабами,—тогда какъ для правильности выводовъ необходимо было выдѣлить поземельныя права, имѣющія свою особую исторію, и разсмотрѣть ихъ отдѣльно отъ прочихъ имущественныхъ правъ, оставивъ также въ сторонѣ семейныя отношенія. Судьбы землевладѣнія тѣсно связаны съ политическими перемѣнами и обстоятельствами въ жизни народовъ; право на землю нигдѣ не смѣшивалось съ другими видами имущественныхъ правъ, и теоретикъ, допускающій такое смѣшеніе, неизбѣжно впадаетъ въ крупныя ошибки и недоразумѣнія. То, что примѣнимо къ поземельной собственности, не имѣетъ смысла относительно движимыхъ имуществъ, и наоборотъ; а между тѣмъ Летурно безразлично излагаетъ факты, касающіеся всякихъ вообще видовъ собственности, и дѣлаетъ заключенія, относящіяся въ сущности только до извѣстной категоріи правъ и чаще всего — правъ поземельныхъ. Напримѣръ, выводы о переходѣ предметовъ изъ общественнаго владѣнія въ частное и о вытѣсненіи общиннаго духа индивидуалистическимъ, касаются очевидно землевладѣнія, а не правъ на движимыя вещи, никогда не принадлежавшія общинѣ.

Во-вторыхъ, авторъ примѣняетъ современныя понятія къ условіямъ первобытной жизни, вслѣдствіе чего получается значительная путаница въ объясненіи фактовъ. Онъ находитъ, напримѣръ, „главныя черты государственнаго соціализма" у дикихъ обитателей Новой Каледоніи (стр. 100), у которыхъ нѣтъ еще государства; онъ говоритъ о „поземельной собственности" даже у животныхъ. У первобытныхъ племенъ онъ отыскиваетъ монархію, республику, феодализмъ и тому подобныя учрежденія старой Европы. Онъ дѣлаетъ рискованныя сближенія и параллели, вмѣсто того, чтобы анализировать и объяснять явленія; такъ, въ римскомъ взглядѣ на извѣстные предметы собственности (res mancipi) онъ замѣчаетъ сходство съ „понятіемъ" животныхъ о собственности, какъ о вещи, могущей быть схваченною и съѣденною. И это сходство онъ основываетъ на томъ, что слово „mancipi" происходитъ отъ *manus* и *capere* (т.-е. взять рукою)! Такихъ поверхностныхъ и легковѣсныхъ заключеній не мало въ книгѣ Летурно.

Въ-третьихъ, авторъ удѣлилъ главное вниманіе дикимъ народамъ, о которыхъ сообщаетъ подробности, не относящіяся даже вовсе къ предмету изслѣдованія, а развитію собственности въ „вар-

варской" Европѣ посвящено лишь около 50 страницъ изъ всего тома въ пятьсотъ страницъ (т.-е. десятая доля!). Въ этой же главѣ о „варварской" Европѣ отведено ровно десять страничекъ такимъ предметамъ, какъ поземельная собственность у славянъ, наше общинное землевладѣніе и общинный бытъ въ Европѣ (стр. 383—393). Почти столько же мѣста занимаетъ описаніе современнаго поземельнаго строя въ различныхъ государствахъ Европы (стр. 485—497). При такихъ условіяхъ разсужденія автора имѣютъ скорѣе характеръ бѣглыхъ набросковъ и замѣтокъ, чѣмъ серьезныхъ „соціологическихъ" изысканій.

Весьма неясенъ основной взглядъ Летурно на принципъ поземельной собственности и на ея будущую организацію. То онъ говоритъ о непреложномъ и повсюду проявляющемся „законѣ", по которому собственность фатально должна проходить извѣстные фазисы развитія, отъ коллективной формы до чисто-индивидуальной;—то онъ доказываетъ необходимость возрожденія духа солидарности и общественности, вопреки указанному „закону эволюціи", безъ всякаго однако намека на способы, какъ этого достигнуть. Онъ не вѣритъ въ возможность возстановить или поддержать общину, такъ какъ это „пережитая стадія развитія", съ предвзятой эволюціонной точки зрѣнія; но онъ возстаетъ и противъ односторонняго индивидуализма, разрушающаго общинные порядки. „Нужно установить, безъ сомнѣнія, режимъ, основанный на чувствѣ солидарности,—говоритъ онъ, —но такой, въ которомъ дано законное (какое же?) мѣсто индивидуализму и даже конкурренціи, возбуждающей дѣятельность населенія и не позволяющей ему опуститься, впасть въ летаргію" (стр. 500). И больше ничего! Авторъ упоминаетъ, правда, о какомъ-то будущемъ „утопическомъ" устройствѣ общества и указываетъ на одну желанную „утопію" — на прогрессивный налогъ съ наслѣдствъ (!), могущій будто бы постепенно поглощать частные доходы и направить ихъ въ казну, откуда посыплются благодѣянія на общество; но эта крайне наивная мысль, основанная на традиціонной вѣрѣ въ спасительную силу всемогущей бюрократіи, доказываетъ только, что можно быть хорошимъ антропологомъ и очень плохимъ соціологомъ и экономистомъ.—Л. С.

IV.

— Les hommes d'état français du XIX siècle. Essai de psychologie politique, par *le marquis de Castellane*. Paris, 1888.

Книга Кастеллана—явленіе во многихъ отношеніяхъ замѣчательное. Авторъ—католикъ и консерваторъ, но это не мѣшаетъ ему отдавать справедливость Таллейрану и Гамбеттѣ. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ онъ принадлежалъ къ числу самыхъ рьяныхъ партизановъ монархической реставраціи; теперь онъ проповѣдуетъ примиреніе съ республикой. Съ этой точки зрѣнія его этюды интересны, какъ признакъ времени; но они далеко не лишены значенія и сами по себѣ, хотя основная мысль автора не выдерживаетъ критики. Онъ признаетъ *государственными людьми* только тѣхъ политическихъ дѣятелей, которые, обладая собственною государственною идеей, проводятъ ее въ настоящее и будущее своего народа, даютъ направленіе государству, увлекаютъ его за собою, хотя бы даже и въ сторону отъ прямого пути. Не имѣетъ права на это имя, слѣдовательно, ни одинъ изъ тѣхъ, чья работа проходитъ безслѣдно и безплодно. Таковы, напримѣръ, Виллель и Мартиньякъ, Гизо и Эмиль Олливье, Фрейсинэ и Жюль Ферри. Министровъ конституціонная и республиканская Франція имѣла много, слишкомъ много, но государственными людьми—въ томъ смыслѣ, въ какомъ этотъ титулъ принадлежитъ Гладстону, Кавуру, Бисмарку—могутъ считаться изъ нихъ только пятеро: Таллейранъ, Фаллу, Тьеръ, Руэръ и Гамбетта. Выставивъ этотъ тезисъ въ предисловіи, Кастелланъ самъ колеблетъ его заключительными выводами отдѣльныхъ этюдовъ. „Фаллу,—читаемъ мы въ предисловіи,—создалъ *клерикализмъ*, т.-е. ассоціацію религіи съ государствомъ. Онъ такъ переплелъ ихъ между собою, что раздѣленіе ихъ, несмотря на всѣ усилія, до сихъ поръ не совершилось". Въ статьѣ, спеціально посвященной Фаллу, Кастелланъ говоритъ уже совершенно другое. „Фаллу не былъ, собственно говоря, великимъ государственнымъ человѣкомъ; его политическая концепція была осуждена на безплодіе, потому что его исходная точка была фальшива; онъ старался соединить несоединимое—свободу и нравственный порядокъ". И въ самомъ дѣлѣ, что̀ это за государственный человѣкъ, всѣ предпріятія котораго обрушиваются на его собственную партію, на его собственное дѣло? Если понимать подъ именемъ „клерикализма" ассоціацію религіи и государства, то создалъ ее, притомъ, вовсе не Фаллу; она существовала еще при старомъ режимѣ и была торжественно возстановлена конкордатомъ 1802 г. Та разновидность

клерикализма, за которую ратовалъ Фаллу, также была не его личнымъ произведеніемъ; авторское на нее право принадлежитъ Лакордеру, Дюпанлу, Монталамберу [1]... „Тьеръ,—продолжаетъ Кастелланъ въ предисловіи,—обучилъ своихъ согражданъ политическому и соціальному скептицизму; гдѣ теперь у насъ вѣрующіе?“ Хорошъ „государственный человѣкъ“, всѣ заслуги котораго ограничиваются проповѣдью скептицизма! Какъ бы ни было велико значеніе скептицизма въ наукѣ, въ государственной жизни онъ не можетъ создать ничего прочнаго. Такъ смотритъ на дѣло и самъ Кастелланъ. „Съ 1830 по 1873 г.,—говоритъ онъ въ статьѣ о Тьерѣ,—Тьеръ постоянно принималъ участіе въ важнѣйшихъ дѣлахъ своей страны. Чтó же остается отъ этого вмѣшательства? Ни одного изъ тѣхъ учрежденій или законовъ, которыми обусловливается жизнь цѣлыхъ поколѣній“... „Руэръ,—сказано въ предисловіи,—развилъ у насъ жажду матеріальныхъ наслажденій—и Франція конца XIX вѣка только ими и озабочена“. И этотъ патентъ на званіе государственнаго человѣка мотивированъ болѣе чѣмъ оригинально—и вмѣстѣ съ тѣмъ не вполнѣ справедливо. Жажду матеріальныхъ наслажденій культивировала во Франціи уже іюльская монархія (припомнимъ знаменитыя слова Гизо: enrichissez-vous!); Руэръ и Наполеонъ III хотя и шли гораздо дальше, но все-таки слѣдовали данному уже примѣру. Вѣрный своей манерѣ, Кастелланъ и здѣсь, впрочемъ, разрушаетъ одной рукой сдѣланное другою; въ статьѣ о Руэрѣ онъ называетъ его „очень маленькимъ государственнымъ человѣкомъ“, „послѣднимъ (по достоинству) государственнымъ человѣкомъ“, и низводитъ его на степень орудія въ рукахъ Наполеона III. Свободными отъ внутренняго противорѣчія оказываются, въ концѣ концовъ, только сужденія автора о Таллейранѣ и Гамбеттѣ. Прежде чѣмъ остановиться на нихъ, замѣтимъ, что *такихъ* государственныхъ людей, какъ Фаллу или Руэръ, Франція XIX-го вѣка представляетъ вовсе не мало. Отнюдь не ниже ихъ стоятъ, напримѣръ, тѣ политическіе дѣятели временъ реставраціи, которые пытались водворить во Франціи англійскіе конституціонные порядки (Деказъ, де-Серръ, Мартиньякъ); отнюдь не ниже ихъ стоятъ и Казиміръ Перье, де-Бройль, Гизо, наложившіе свою печать на всю эпоху іюльской монархіи. Если въ активъ Фаллу ставится законъ 15-го марта 1850 г., то съ гораздо бóльшимъ правомъ слѣдуетъ поставить въ активъ Гизо законъ 1833 г., положившій начало, во Франціи, свѣтской начальной школѣ.

Заслуги Таллейрана маркизъ де-Кастелланъ опредѣляетъ такъ: „Таллейранъ привилъ намъ вкусъ къ свободѣ и понятіе о патріотизмѣ, все относящемъ къ цѣлому, а не къ отдѣльной личности“.

---

[1]) О Фаллу см. выше, въ статьѣ: „Новѣйшая литература мемуаровъ во Франціи“.

Почему здѣсь приписывается одному человѣку заслуга нѣсколькихъ поколѣній — этого авторъ не объясняетъ и въ отдѣльной статьѣ о Талейранѣ; но попытка реабилитаціи того, чье имя столько разъ выставлялось синонимомъ отступничества или индифферентизма, представляется, тѣмъ не менѣе, весьма интересной. Заслуги бывшаго епископа Отёнскаго въ первые годы революціи освѣщены Кастелланомъ очень ярко и едва ли не вѣрно; нужно только помнить, что рядомъ съ Талейраномъ дѣйствовала тогда цѣлая плеяда замѣчательныхъ людей и что надъ всѣми ими возвышался Мирабо. Оправдать Талейрана въ угодничествѣ передъ первымъ консуломъ и императоромъ Кастеллану удалось не вполнѣ; но обстоятельства, уменьшающія его вину, указаны съ большимъ искусствомъ. Особенно высоко цѣнитъ авторъ дѣятельность Талейрана на вѣнскомъ конгрессѣ—и это понятно, потому что въ области иностранной политики маркизъ де-Кастелланъ больше всего стоитъ на почвѣ прошлаго. Для него существуютъ здѣсь только узко понятые интересы Франціи; права другихъ націй игнорируются имъ всецѣло. Въ Гамбеттѣ, по той же причинѣ, Кастелланъ видитъ прежде всего страстнаго патріота; но не на этомъ одномъ основано его преклоненіе передъ умершимъ трибуномъ. Признавая Гамбетту—уже безъ всякихъ оговорокъ—истиннымъ государственнымъ человѣкомъ, Кастелланъ называетъ его апостоломъ демократіи, доставившимъ ей побѣду надъ „буржуазизмомъ [1]). Спасеніе Франціи Кастелланъ видитъ въ возвращеніи къ политикѣ Гамбетты, въ сліяніи всѣхъ партій и всѣхъ сословій подъ знаменемъ республики и народа. Бывшій оруженосецъ графа Шамбора провозглашаетъ безсиліе монархистовъ и убѣждаетъ ихъ прекратить борьбу, всего болѣе вредную именно для интересовъ охраненія и порядка. Дополненіемъ къ книгѣ Кастеллана служитъ любопытная статья, напечатанная имъ, 1-го января нынѣшняго года, въ „Nouvelle Revue“, подъ заглавіемъ: „1789—1889; les conservateurs“. Современные консерваторы—такова руководящая мысль этой статьи—должны вдохновиться великимъ примѣромъ консерваторовъ 1789 г.; они должны понять, что для нихъ, какъ и для ихъ предшественниковъ, обязательно самоотверженіе и самопожертвованіе. Выборъ предстоитъ только между республикой и цезаризмомъ; напрасны всѣ попытки найти третій выходъ. Будущность принадлежитъ демократіи; нужно стать демократомъ, если не по сердечному порыву, то по убѣжденію. Отъ дальнѣйшаго упорства монархистовъ Кастелланъ ожидаетъ та-

[1]) Кастелланъ различаетъ весьма удачно буржуазію отъ буржуазизма; буржуазія — это общественный классъ, достойный уваженія, буржуазизмъ—это совокупность мелкихъ, тщеславныхъ и эгоистичныхъ стремленій, свойственныхъ извѣстнымъ котеріямъ.

кихъ же гибельныхъ послѣдствій, къ какимъ привело ослѣпленіе консерваторовъ 1791 года.

V.

— *Alfred Darimon*. Histoire d'un jour. La journée du 12 juillet 1870. Paris, 1888.
— *Hector Pessard*. Mes petits papiers. Deuxième série, 1871—73. Paris, 1888.

Альфредъ Даримонъ принадлежалъ къ числу знаменитыхъ нѣкогда *пяти* (les cinq)—т.-е. пяти депутатовъ, составлявшихъ, съ 1857 по 1863 г., всю оппозицію въ покорномъ законодательномъ корпусѣ Наполеона III-го. И тогда Даримонъ блисталъ не столько собственнымъ, сколько отраженнымъ свѣтомъ; самъ онъ говорилъ и дѣйствовалъ мало, но на него упадала часть ореола, которымъ были окружены Ж. Фавръ, Э. Пикаръ и Э. Олливье. Сойдя со сцены, Даримонъ никакъ не можетъ помириться съ поглотившимъ его мракомъ — и выпускаетъ въ свѣтъ, отъ времени до времени, воспоминанія о счастливыхъ дняхъ своей политической дѣятельности. Въ одной книгѣ (Histoire de douze ans, 1857—69) онъ описываетъ ее вкратцѣ, въ четырехъ другихъ, соединенныхъ общимъ именемъ: „Histoire d'un parti", излагаетъ ее подробно, чуть не день за днемъ. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ нѣтъ и признаковъ таланта, но они не вовсе лишены интереса, потому что касаются интересныхъ людей и интересной эпохи. То же самое можно сказать и о послѣднемъ произведеніи Даримона — исторіи того дня, который рѣшилъ безповоротно франко-германскую войну 1870—71 г. 12-го іюля французское правительство получило депешу, увѣдомлявшую его объ отказѣ принца Леопольда Гогенцоллернскаго отъ испанскаго престола. Первое впечатлѣніе, произведенное ею на министровъ, на законодательный корпусъ, на императора, было вполнѣ миролюбивое—но нерѣшительность Эмиля Олливье, безразсудство герцога Граммона, шовинизмъ бонапартистскаго большинства, закулисныя придворныя вліянія скоро испортили все дѣло. Благопріятная минута была упущена, и война сдѣлалась неизбѣжной.

„Mes petits papiers" Пессара—воспоминанія журналиста о двухъ смутныхъ годахъ, отдѣляющихъ возстаніе коммуны отъ низверженія Тьера. Пессаръ стоялъ довольно близко къ президенту республики, имѣлъ случай заглядывать за политическія кулисы—и воспользовался этимъ для накопленія массы анекдотическаго матеріала, часто пустого, иногда довольно любопытнаго. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ воспоминанія Пессара могутъ служить дополненіемъ къ мемуарамъ Фаллу, о которыхъ говорится въ настоящей книжкѣ нашего журнала.

Пессаръ, какъ и Фаллу, былъ свидѣтелемъ траги-комическихъ эпизодовъ, которыми сопровождалась, въ 1871 г., неудачная попытка реставраціи Бурбоновъ — но первый, конечно, стоялъ къ нимъ не такъ близко, какъ послѣдній, и смотрѣлъ на нихъ съ совершенно другой точки зрѣнія. Мнѣніе Пессара о Тьерѣ во многомъ совпадаетъ съ мнѣніемъ Кастеллана; маленькіе факты, сообщаемые хроникеромъ, хорошо укладываются въ широкую картину, нарисованную публицистомъ. Таковы, напримѣръ, административныя способности Тьера, его умѣнье и желанье входить во всѣ детали управленія; онъ могъ бы быть, — замѣчаетъ Пессаръ, — образцовымъ столоначальникомъ, дѣльнымъ директоромъ департамента, пожалуй даже хорошимъ генераломъ... Роялисты, недовольные такъ-называемой „измѣной“ Тьера, клеймили его именемъ sinistre vieillard. Не послужило ли это имя образцомъ для прозвища: „роковой старикъ“, даннаго петербургскимъ органомъ ретроградной прессы одному изъ самыхъ симпатичныхъ дѣятелей прошлаго царствованія?—К. К.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го февраля 1889.

Походъ изъ Чернигова противъ земской школы и земской учительской семинаріи.— Усмотрѣніе и законъ. — Неожиданная варіація на тэму: „Всуе законы писать, когда ихъ не хранить".—Авторитетныя свидѣтельства противъ „добраго стараго времени" и въ пользу новыхъ учрежденій.—С. А. Юрьевъ †.

Мѣсяцъ тому назадъ мы начали нашу хронику описаніемъ земскаго похода противъ земской школы, и теперь намъ приходится обратить вниманіе прежде всего на такое же явленіе. Въ одномъ изъ тѣхъ провинціальныхъ изданій, о самомъ существованіи которыхъ почти никто въ Петербургѣ не знаетъ—въ „Черниговскихъ Епархіальныхъ Извѣстіяхъ" (1888 г., № 20)—мы случайно нашли любопытную записку, представленную министру народнаго просвѣщенія, въ прошломъ году, самимъ директоромъ народныхъ училищъ черниговской губерніи, а слѣдовательно и земскихъ,—г. Ждановичемъ. „Церковно-приходскія школы черниговской губерніи,—говоритъ г. Ждановичъ,—существуютъ не на бумагѣ, а въ дѣйствительности; онѣ пришлись по душѣ и полюбились народу нашему. Охотно въ богатыхъ селахъ онъ берется за постройку домовъ для этихъ училищъ, охотно даетъ средства на ихъ поддержку, съ полнымъ довѣріемъ посылаетъ въ эти школы дѣтей своихъ и искренно умиляется, слушая въ церкви хоровое пѣніе и клиросное чтеніе ихъ... При открытіи церковно-приходскихъ школъ мы не блуждали относительно того направленія, которое слѣдовало дать имъ, какъ это было при открытіи школъ земскихъ; мы знали, что исконный духъ благочестія нашего народа, потрясенный до нѣкоторой степени въ недальнемъ прошломъ разными безпутствами и противорѣчіями нашей исторіи и нашему народному міровоззрѣнію, требовалъ религіозной пищи и нравственнаго назиданія, и именно на этихъ началахъ мы создали нашу новую, церковно-приходскую школу или, лучше сказать, мы возсоздали нашу древнюю, простую, немудрую начетническую школу, воспитывающую много столѣтій благочестіе и патріотизмъ нашего великаго народа. Возсоздавая нашу древнюю школу, мы исправили и одинъ недостатокъ оной: именно, прежній схоластизмъ начетнической школы мы замѣнили усиленнымъ воспитаніемъ сердца въ чисто христіанскомъ духѣ... Не то было при основаніи нашихъ начальныхъ народныхъ училищъ

другихъ наименованій, *особенно земскихъ*; позабывши типъ нашей стародавней церковной школы, мы принялись основывать наши новыя народныя училища по образцу западно-европейскихъ протестантскихъ, съ ихъ анализомъ, воспитывающимъ разсудокъ, а не сердце, и съ ихъ натуръ-философіею, а потому совершенно противныхъ православной вѣрѣ и нашему народному міровоззрѣнію. Наши непрошенные радѣтели народнаго образованія—земскіе дилеттанты-педагоги, слѣпые послѣдователи взглядовъ барона Корфа, старались навязать нашей земской школѣ массу различныхъ утилитарныхъ знаній... Скоро понялъ русскій простолюдинъ простымъ своимъ смысломъ всю непригодность новой земской школы и сталъ къ ней холоденъ; новая же церковно-приходская школа возбудила его симпатіи и сразу оттѣнила все *непотребство* (!) и всю *ядовитость* (!) несродной намъ натуръ-философской школы (т.-е. земской)... Правда, не всѣ священники обнаружили и самоотверженіе, и смыслъ, необходимые для великаго дѣла; но мало-по-малу примѣръ немногихъ ретивыхъ дѣятелей достаточно направилъ дѣятельность другихъ, и теперь есть уже довольно прекрасныхъ церковно-приходскихъ школъ". Дальше г. Ждановичъ высказывается за открытіе новыхъ церковно-приходскихъ школъ, съ пособіемъ „если не отъ земства, то хотя бы отъ правительства", и предлагаетъ, въ видахъ покрытія необходимыхъ на то расходовъ, *закрыть* (!) второй классъ во всѣхъ двухъ-классныхъ сельскихъ училищахъ губерніи (числомъ 21), *закрыть* (!) учительскія семинаріи (кромѣ инородческихъ) и *уничтожить* (!) инспекцію фабричныхъ школъ, возложивъ ея обязанности на инспекторовъ народныхъ училищъ (къ числу ихъ принадлежитъ и самъ авторъ), съ небольшой надбавкой къ ихъ нынѣшнему содержанію. Расходъ на второй классъ двухъ-классныхъ сельскихъ училищъ г. Ждановичъ признаетъ не только непроизводительнымъ, но и *вреднымъ*, такъ какъ пребываніе въ этомъ классѣ, „окончательно отъучивъ дѣтей отъ домашнихъ трудовъ, ведетъ только къ подготовкѣ мелкихъ безнравственныхъ адвокатовъ, волостныхъ писарей и сельскихъ кулаковъ разныхъ видовъ и типовъ". Учительскія семинаріи ненужны потому, что „чувствуется уже сильно избытокъ въ предложеніи учительскаго труда, и дальнѣйшее существованіе семинарій только увеличитъ число людей, недовольныхъ своимъ положеніемъ". Что касается до инспекціи фабричныхъ школъ, стоющей правительству около 400 тысячъ рублей, то она „составлена бо́льшею частью изъ бывшихъ воспитанниковъ технологическаго института (т.-е. людей, понимающихъ фабричное дѣло) и во многихъ отношеніяхъ не удовлетворяетъ своей цѣли".

Таково содержаніе записки г. Ждановича—документа по истинѣ единственнаго въ своемъ родѣ. Нетрудно замѣтить, что заключи-

тельный ея выводъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ предшествующимъ посылкамъ. Чтобы быть логичнымъ, директору народныхъ училищъ слѣдовало бы предложить совершенное упраздненіе народныхъ училищъ, какъ школъ свѣтскихъ, съ ихъ „непотребствомъ" и „ядовитой натуръ-философіей", и передачу ихъ всецѣло въ завѣдываніе духовенства. Въ самомъ дѣлѣ, какое право на существованіе могутъ имѣть школы, къ которымъ холодно и недовѣрчиво относится народъ, школы, „противныя православной вѣрѣ и народному міровоззрѣнію", школы, зараженныя *непотребствомъ* и *ядовитостью*—продуктами „несродной намъ натуръ-философіи"? Не ясно ли, что нужно поспѣшить закрытіемъ такихъ вредоносныхъ, „непотребныхъ" учрежденій, въ особенности разъ что рядомъ съ ними открываются и процвѣтаютъ церковно-приходскія училища, не оставляющія желать ничего лучшаго?.. Замѣчательнѣе же всего при этомъ то, что такой безнадежно-дурной отзывъ о свѣтскихъ начальныхъ школахъ идетъ отъ лица, поставленнаго во главѣ этого же самаго школьнаго дѣла и отвѣтственнаго за его результаты, ибо г. Ждановичъ, какъ правительственный директоръ, наблюдалъ и за земскими школами; но не свидѣтельствуетъ ли именно это о правдивости отзыва? чтобы осудить, вмѣстѣ съ другими и больше другихъ, самого себя, не нужно ли быть глубоко убѣжденнымъ въ справедливости осужденія? Повидимому, да—но почему же, въ такомъ случаѣ, записка г. Ждановича написана въ торжествующемъ, мажорномъ тонѣ? Такъ ли говорятъ, обыкновенно, кающіеся въ своихъ грѣхахъ или ошибкахъ? Не думаетъ ли г. Ждановичъ, что его участіе въ завѣдываніи свѣтскими народными училищами искуплено вполнѣ его преклоненіемъ предъ новымъ типомъ начальной школы? Не потому ли онъ и употребляетъ постоянно мѣстоименіе: *мы*, все равно, говоритъ ли онъ о школахъ свѣтскихъ или церковно-приходскихъ, не состоящихъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія?.. Какъ бы то ни было, мы должны защитить г. Ждановича противъ его собственныхъ обвиненій. Мы вполнѣ убѣждены, что въ школахъ, которыми онъ до сихъ поръ управлялъ и управляетъ, нѣтъ никакого „непотребства" и никакой „ядовитости"; мы вполнѣ убѣждены, что народъ чувствуетъ къ нимъ довѣріе и уваженіе. Наше убѣжденіе основано, во-первыхъ, на соображеніяхъ общаго свойства. Мы знаемъ, что надъ всѣми вообще свѣтскими начальными школами имперіи неоднократно произносился такой же огульный приговоръ, какой произносится г. Ждановичемъ надъ свѣтскими школами черниговской губерніи—и знаемъ также, что никогда и нигдѣ этотъ приговоръ не былъ подтвержденъ достовѣрными фактическими данными. Мы знаемъ, что дѣйствительность вездѣ доказывала и доказываетъ противное, что мнимое недовѣріе народа къ

свѣтскимъ школамъ не мѣшаетъ ни переполненію ихъ учащимися, ни постоянному увеличенію ихъ числа, съ большими и вполнѣ добровольными затратами со стороны крестьянъ. Мы знаемъ, что средняя цифра учащихся въ церковно-приходской школѣ до сихъ поръ значительно уступаетъ средней ихъ цифрѣ въ школѣ свѣтской. Мы знаемъ, что обученіе церковному пѣнію и чтенію развивается и преуспѣваетъ не въ одной только церковно-приходской школѣ. Мы знаемъ, что „натуръ-философія", отжившая свое время даже въ Германіи, никогда не проникала въ русскую народную школу. Мы знаемъ, что дирекція и инспекція свѣтскихъ начальныхъ училищъ учреждены спеціально для охраненія школы отъ вредныхъ стремленій—и грѣшатъ, въ большинствѣ случаевъ, скорѣе избыткомъ, чѣмъ недостаткомъ усердія. По отношенію же къ черниговской губерніи у насъ имѣются, во-вторыхъ, и нѣкоторыя частныя свѣденія. Правда, они касаются только одной мѣстности (въ нѣжинскомъ уѣздѣ) — но нѣтъ ни малѣйшаго повода думать, чтобы она рѣзко отличалась отъ прочихъ. Въ одномъ изъ селъ, составляющемъ центръ этой мѣстности, цѣлыхъ три свѣтскихъ школы (двѣ земскія и одна министерская двухъ-классная), въ которыхъ учится 310 человѣкъ—больше, чѣмъ то слѣдовало бы по вмѣстимости школьныхъ помѣщеній. Учителя этихъ школъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ сформировали два хора пѣвчихъ и сверхъ того обучили *всѣхъ* учащихся пѣнію главныхъ молитвъ, входящихъ въ составъ литургіи. Въ этой же мѣстности существуютъ три церковно-приходскія школы. Одна находится въ самомъ селѣ и имѣетъ около двадцати учениковъ, бо́льшею частью изъ числа тѣхъ, которые, за недостаткомъ мѣстъ, не попали въ двухъ-классное училище. Преподаетъ въ ней молодой крестьянинъ, окончившій двухъ-классное училище, потому что изъ пяти причетниковъ (при двухъ церквахъ) ни одинъ не можетъ быть учителемъ, а у священниковъ едва находится время на преподаваніе закона Божія въ трехъ мѣстныхъ училищахъ. Во второй церковно-приходской школѣ, находящейся въ сосѣднемъ селеніи, учениковъ также около двадцати, а третья только-что открыта; ни въ одной изъ нихъ учащіеся не составляютъ хора, который бы могъ пѣть въ церкви. Что́ же изъ этихъ фактовъ, близко знакомыхъ г. Ждановичу, укладывается въ картину, имъ нарисованную?

Обратимся теперь къ предложеніямъ, прямо формулированнымъ въ запискѣ г. Ждановича. Двухъ-классныя сельскія училища состоятъ, какъ извѣстно, въ *исключительномъ* вѣденіи дирекціи и инспекціи начальныхъ училищъ. Если они не удовлетворяютъ своему назначенію въ черниговской губерніи и не даютъ своимъ ученикамъ прочныхъ нравственныхъ устоевъ, то кто же виноватъ въ этомъ, какъ не г. Ждановичъ?

Не лучше ли было бы постараться поднять ихъ уровень, чѣмъ прямо рекомендовать ихъ закрытіе? Двухъ-классныя сельскія училища—почти единственныя учебныя заведенія, въ которыхъ можетъ продолжать ученье любознательный, способный крестьянскій мальчикъ. Городскія училища отъ него, большею частью, слишкомъ далеки, да и курсъ въ нихъ продолжительнѣе на цѣлый годъ; гимназіи и прогимназіи для него недоступны, реальныя училища переполнены лучше приготовленными учениками. Уничтожить двухъ-классныя сельскія училища, значило бы обречь всю массу подростающаго крестьянства на низшую степень образованія и лишить деревню тѣхъ услугъ, которыя могутъ оказать ей болѣе интеллигентные дѣятели, взятые изъ собственной ея среды. Далеко не всѣ окончившіе курсъ въ двухъ-классномъ училищѣ бросаютъ земледѣльческія занятія, далеко не всѣ становятся адвокатами, волостными писарями и кулаками; въ этомъ, безъ сомнѣнія, убѣдился бы и г. Ждановичъ, еслибы занялся, вмѣсто составленія „прожектовъ", собраніемъ точныхъ свѣденій о судьбѣ бывшихъ учениковъ двухъ-классныхъ училищъ. Значительную ихъ часть онъ нашелъ бы, по всей вѣроятности, въ учительской семинаріи, по отношенію къ которой двухъ-классныя училища являются какъ бы приготовительными классами, или на учительскихъ мѣстахъ въ начальныхъ школахъ, не исключая и церковно-приходскихъ (примѣръ этому мы видѣли выше). Развѣ наша деревня не нуждается, притомъ, въ сколько-нибудь порядочныхъ сельскихъ и волостныхъ писаряхъ—и развѣ бывшіе ученики двухъ-классныхъ училищъ, занимающіе эти должности, уступаютъ обычному ихъ персоналу? Развѣ крестьянинъ, умѣющій понять статью закона и написать прошеніе или жалобу, непремѣнно долженъ стать „мелкимъ безнравственнымъ адвокатомъ"? Развѣ темная, безграмотная масса не можетъ найти въ немъ, наоборотъ, честнаго и толковаго совѣтника, въ которомъ она такъ часто и такъ настоятельно нуждается?.. Что касается до учительскихъ семинарій, то не во всѣхъ же начальныхъ школахъ преподаваніе находится уже теперь въ рукахъ лицъ, спеціально къ нему подготовленныхъ. Напротивъ того, преподавателей, не имѣющихъ даже свидѣтельства на званіе народнаго учителя, насчитывается еще весьма много, особенно въ церковно-приходскихъ школахъ,—а число школъ постоянно ростетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается запросъ на учителей и учительницъ. Неужели такой моментъ представляется благопріятнымъ для упраздненія учительскихъ семинарій? Скажемъ болѣе—онѣ никогда не перестанутъ быть полезными, потому что всегда будутъ необходимы новыя силы, для замѣны уставшихъ и сходящихъ со сцены. Возможенъ, въ будущемъ, развѣ вопросъ о сокращеніи числа семинарій, если оно перестанетъ соотвѣтствовать требованію... Еще болѣе стран-

нымъ кажется намъ третье предложеніе г. директора народныхъ училищъ. Въ основаніи его лежитъ, прежде всего, совершенное незнаніе того, о чемъ онъ говоритъ. Г. Ждановичъ полагаетъ, что учрежденная недавно фабричная инспекція есть не что иное, какъ *инспекція фабричныхъ школъ*! Изъ этой первой ошибки проистекаютъ и другія. Г. Ждановичъ никакъ не можетъ понять, почему мѣста фабричныхъ инспекторовъ предоставляются бывшимъ ученикамъ технологическаго института; ему кажется, что обязанности фабричной инспекціи безъ всякаго неудобства могли бы быть возложены на инспекторовъ народныхъ училищъ. Но кто выступаетъ реформаторомъ въ сферѣ совершенно ему чуждой, тотъ долженъ, по меньшей мѣрѣ, ознакомиться съ основными чертами ея устройства. Г. Ждановичу неизвѣстно, что надзоръ за фабричными школами— далеко не единственная и даже не главная обязанность фабричной инспекціи; онъ не понимаетъ, что для исполненія важнѣйшихъ ея задачъ необходимы спеціальныя свѣдѣнія по технологіи или, по медицинѣ и гигіенѣ; ему неизвѣстны ни отчеты фабричныхъ инспекторовъ, давно уже появившіеся въ печати, ни даже законы 1882, 1884 и 1886 гг., опредѣляющіе назначеніе и кругъ дѣйствій фабричной инспекціи. Даже пребывая въ такомъ незнаніи, онъ могъ бы догадаться, что недаромъ же призвано къ жизни новое обширное учрежденіе, что должны же быть у него какія-либо особыя цѣли, которыхъ не въ силахъ были достигнуть другіе органы власти. Неужели, притомъ, инспектора народныхъ училищъ въ черниговской губерніи имѣютъ такъ мало занятій, что легко могутъ соединить съ ними еще другую отрасль дѣятельности? Это болѣе чѣмъ невѣроятно; инспектора народныхъ училищъ, сколько-нибудь добросовѣстно относящіеся къ своему призванію, вездѣ завалены работой, и едва ли черниговская губернія, какъ бы ограничены ни были требованія, какъ бы слабъ ни былъ надзоръ мѣстной дирекціи, составляетъ исключеніе изъ общаго правила... Трудно допустить, чтобы самъ авторъ записки вѣрилъ въ осуществимость своихъ предложеній; трудно допустить, чтобы фабричная инспекція, учительскія семинаріи, двухъ-классныя сельскія училища казались ему какими-то карточными домиками, готовыми рухнуть подъ напоромъ двухъ-трехъ фразъ, бездоказательныхъ или явно невѣрныхъ. Онъ хотѣлъ, повидимому, только одного— выразить свою все превозмогающую преданность церковно-приходской школѣ, и мимоходомъ указать источникъ проектируемой имъ „небольшой“ надбавки къ жалованью инспекторовъ народныхъ училищъ. Пожалѣемъ о трагической судьбѣ должностного лица, сочувствующаго исключительно одной категоріи народныхъ школъ—и вы-

нужденнаго, силою обстоятельствъ, много лѣтъ управлять школами другого типа, исполненными „ядовитости" и „непотребства".

Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что ни передъ чѣмъ не останавливающаяся ревность добровольцевъ церковно-приходской школы вовсе не соотвѣтствуетъ намѣреніямъ высшей духовной власти. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ обнародованное недавно разъясненіе св. синода, относящееся къ случаямъ передачи земскихъ школъ въ вѣденіе духовенства. Духовное начальство, въ силу этого разъясненія, только тогда въ правѣ принять въ свое завѣдываніе земскія школы уѣзда—при уменьшеніи расхода на нихъ со стороны земства,—когда можетъ вполнѣ разсчитывать, что и при мéньшихъ издержкахъ школы эти съ успѣхомъ и пользой послужатъ дѣлу народнаго образованія. Итакъ, напрасны надежды тѣхъ земскихъ дѣятелей, которые—подобно изображеннымъ нами въ предыдущей хроникѣ—разсчитываютъ достигнуть однимъ ударомъ двухъ цѣлей: попасть въ самую средину моднаго теченія и значительно сократить земскую смѣту. Высшая духовная власть озабочена, какъ и слѣдовало ожидать, не однимъ только увеличеніемъ *числа* церковно-приходскихъ школъ, но и правильной ихъ постановкой, невозможной при грошовыхъ затратахъ на ихъ содержаніе.

Намъ случилось недавно прочесть слѣдующій печатный *приказъ* черниговскаго губернатора волостнымъ старшинамъ черниговской губерніи: „Изъ имѣющихся у меня свѣденій видно, что весьма многія сельскія общества уклоняются отъ назначенія жалованья сельскимъ старостамъ, вслѣдствіе чего на эту должность, требующую усиленныхъ занятій и довольно отвѣтственную, идутъ лишь худшіе люди въ обществѣ. Въ виду этого и на основаніи 123 ст. общаго положенія, приказываю волостнымъ старшинамъ настоять надъ сельскими обществами, чтобы каждому сельскому старостѣ непремѣнно было назначено жалованье не менѣе 36 рублей въ годъ". Раскрываемъ общее положеніе о крестьянахъ и находимъ въ ст. 123 буквально вотъ что̀: „Назначеніе жалованья или *иного вознагражденія* лицамъ, служащимъ по выбору или по найму, *предоставляется непосредственному усмотрѣнію обществъ*, отъ которыхъ зависитъ избраніе и наемъ тѣхъ должностныхъ лицъ". Приказъ, *основанный* на ст. 123, оказывается, такимъ образомъ, прямо ей противорѣчащимъ. Еслибы назначеніе жалованья сельскому старостѣ было обязательно для сельскаго общества, оно, конечно, не было бы предоставлено „непосредственному усмотрѣнію" общества; отъ общества не зависѣло бы назначить старостѣ, вмѣсто жалованья, какое-либо „иное возна-

гражденіе". Еще меньше можетъ быть рѣчь объ установленіи, помимо воли общества, какой-либо минимальной нормы жалованья. Ссылка губернаторскаго „приказа" на ст. 123 составляетъ для насъ, поэтому, неразрѣшимую загадку. Мы знаемъ, что административныя распоряженія далеко не всегда остаются на законной почвѣ, но мы не помнимъ случая, когда самое нарушеніе закона мотивировалось бы именно нарушаемымъ закономъ... Не совсѣмъ легко вообразить себѣ и положеніе волостныхъ старшинъ, приступающихъ къ исполненію приказа. Хорошо, если сельскія общества уступятъ производимымъ „надъ ними" настояніямъ; а если нѣтъ? Какой отвѣтственности подвергнется сельскій сходъ, не желающій отказаться отъ своего законнаго права? Какая мѣра взысканія будетъ принята по отношенію къ волостному старшинѣ, не съумѣвшему добиться исполненія приказа? Изъ какого источника будетъ производиться жалованье сельскому старостѣ? Вѣдь губернаторъ не имѣетъ, сколько намъ извѣстно, права дѣйствовать на счетъ міра, особенно для покрытія расхода необязательнаго для общества. Въ данномъ случаѣ едва-ли можно даже говорить о цѣли, которою оправдывалось бы средство. Жалованье въ 36 рублей едва ли представляется гарантіей, обезпечивающей удачный выборъ сельскихъ старостъ. Три рубля въ мѣсяцъ— не такая сумма, которая могла бы побудить къ принятію должности, „требующей усиленныхъ занятій и довольно отвѣтственной" (правильнѣе было бы сказать: *весьма* отвѣтственной и до крайности хлопотливой). Если на должность сельскаго старосты идутъ лишь „худшіе люди", то причину этому слѣдуетъ искать не въ недостаточномъ вознагражденіи, а въ томъ печальномъ, безправномъ положеніи деревенскихъ должностныхъ лицъ, о которомъ шла рѣчь въ одномъ изъ недавнихъ нашихъ внутреннихъ обозрѣній.

Столь же мало согласнымъ съ закономъ, какъ и только-что приведенный нами „приказъ", кажется намъ недавнее распоряженіе новгородскаго губернатора по вопросу объ открытіи въ городѣ Тихвинѣ городской публичной библіотеки. Устройство такихъ библіотекъ прямо отнесено закономъ (городов. полож. ст. 2 пун. 4) къ предметамъ вѣдомства городского общественнаго управленія. Отъ губернской администраціи зависитъ, безспорно, утвержденіе или неутвержденіе лица, на обязанность и отвѣтственность котораго предполагается возложить завѣдываніе библіотекой; но едва ли губернаторъ въ правѣ просто отказать городу въ просьбѣ объ открытіи библіотеки, безъ указанія причинъ, а слѣдовательно и безъ предоставленія возможности устранить эти причины. Въ Тихвинѣ около семи тысячъ жителей, четыре учебныхъ заведенія; можно только удивляться, что городъ такъ поздно рѣшился устроить у себя библіотеку—но еще

непонятнѣе препятствія, встрѣченныя имъ при исполненіи этого намѣренія. Нельзя же допустить, чтобы въ цѣломъ Тихвинѣ не нашлось ни одного лица, къ которому могли бы отнестись съ довѣріемъ и городское управленіе, и губернская администрація. Во всякомъ случаѣ нужно было бы сначала поискать такого лица, и только тогда прибѣгнуть къ отказу, когда поиски оказались бы напрасными... Если въ черниговской губерніи слишкомъ широко раздвигается область „приказа", въ новгородской губерніи—область запрещенія, то причина этому одна и та же: упадокъ авторитета закона въ глазахъ самой мѣстной администраціи, въ виду чего слабѣетъ уваженіе къ закону и въ обществѣ. Одна чашка вѣсовъ всегда взлетаетъ наверхъ, когда быстро опускается другая.

Каково же было наше удивленіе, когда мы встрѣтили на дняхъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 15)—въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", всегда готовыхъ защищать всякое властное нарушеніе закона—статью (правда, не передовую) съ слѣдующимъ эпиграфомъ, заимствованнымъ изъ Петровскаго регламента 1722 г.: „Всуе законы писать, когда ихъ не хранить или ими играть какъ въ карты, прибирая масть къ масти, чего нигдѣ въ свѣтѣ такъ нѣтъ, какъ у насъ было, а отчасти и еще есть!" Дѣйствительно, эти слова сказаны точно сегодня, и наглядное подтвержденіе ихъ даетъ, между прочимъ, статья, во главѣ которой они поставлены. Рѣчь идетъ о порядкахъ на почтовыхъ трактахъ, о неправильномъ стѣсненіи такъ-называемой ѣзды *на домихъ*, столь драгоцѣнной для людей съ небольшими средствами. Такая ѣзда преслѣдуется почтосодержателями, опирающимися на свои контракты съ казною, а контракты, въ свою очередь, составляютъ повтореніе „кондицій", утвержденныхъ начальникомъ главнаго управленія почтъ и телеграфовъ [1]). По смыслу этихъ кондицій нарушеніемъ правъ почтосодержателей является перевозка проѣзжающихъ, со стороны частныхъ возчиковъ, не только на *сдаточныхъ* лошадяхъ, но и на *домихъ*, между тѣмъ какъ законъ (ст. 99 устава о наказ., налаг. миров. суд.) запрещаетъ одну лишь перевозку на сдаточныхъ лошадяхъ. Авторъ статьи совершенно правильно возстаетъ противъ „трогательной", но явно незаконной заботливости почтоваго вѣдомства объ интересахъ своихъ контрагентовъ, и возлагаетъ всѣ свои надежды на справедливость мировыхъ судей. „Насъ, русскихъ,—читаемъ мы въ концѣ статьи,—часто и не безъ основанія упрекаютъ въ недостаткѣ чувства законности; но что же требовать отъ общества, которое то-и-дѣло сталкивается лицомъ къ

---

[1]) Отвѣтственность за точность этихъ фактовъ мы оставляемъ на „Московскихъ Вѣдомостяхъ".

лицу съ фактами нарушенія и обхода законовъ даже со стороны казенныхъ управленій?" И московская реакціонная газета печатаетъ все это безъ всякихъ возраженій и оговорокъ?! Où donc la vérité va-t-elle se nicher?

Гостьей „Московскихъ Вѣдомостяхъ" истина, къ сожалѣнію, остается недолго; ея нѣтъ уже и слѣда въ передовой статьѣ (№ 19), посвященной нашему январьскому Внутреннему Обозрѣнію. Мы, будто, утверждали, если вѣрить московской газетѣ, что всѣ предсѣдатели и члены земскихъ управъ работаютъ безвозмездно! Само собою разумѣется, что ничего подобнаго мы никогда не говорили; мы указывали только на массу безвозмезднаго труда, вызваннаго на свѣтъ земскими учрежденіями, и приводили, въ видѣ примѣра, дѣятельность земскихъ членовъ училищныхъ и врачебныхъ совѣтовъ. Эту дѣятельность московская газета называетъ „необременительною"; но это названіе подходитъ къ ней развѣ тогда, когда она существуетъ только по имени (что, безъ сомнѣнія, иногда бываетъ). Едва ли можно считать необременительнымъ цѣлый рядъ поѣздокъ въ городъ, иногда издалека, для участія въ засѣданіяхъ совѣтовъ, цѣлый рядъ разъѣздовъ по уѣзду, для посѣщенія школъ и для производства испытаній—разъѣздовъ по дорогамъ испорченнымъ весенней распутицей, съ переправами черезъ разлившіяся рѣки, съ ночлегомъ гдѣ попало, съ продолжительнымъ сидѣньемъ въ душныхъ избахъ, въ которыхъ слишкомъ часто помѣщаются земскія школы. Отчеты земскихъ членовъ училищныхъ совѣтовъ разростаются иногда до обширныхъ размѣровъ и представляютъ собою полную картину народнаго образованія въ уѣздѣ [1]). А между тѣмъ работой въ училищныхъ и врачебныхъ совѣтахъ далеко не исчерпывается безвозмездный трудъ земскихъ дѣятелей. Чего-нибудь да стоитъ уже участіе въ земскихъ собраніяхъ, въ ревизіонныхъ и другихъ коммиссіяхъ, поглощающее не только дни, но и недѣли, и требующее, сплошь и рядомъ, продолжительнаго пребыванія въ чужомъ городѣ, сопряженнаго съ немалыми расходами. А исполненіе разныхъ порученій земскаго собранія, въ качествѣ санитарныхъ попечителей, завѣдывающихъ дорожными участками и т. п.? А усиленная работа во время общественныхъ бѣдствій, напримѣръ во время неурожая, когда мѣстные землевладѣльцы помогаютъ управѣ въ опредѣленіи числа нуждающихся и въ раздачѣ пособій? Что бы ни говорили „Московскія Вѣдомости", имъ никогда не удастся доказать, что земское и городское самоуправленіе не спо-

---

[1]) См. выше, въ Литературномъ Обозрѣніи, замѣтку объ отчетѣ земскихъ членовъ свіяжскаго уѣзднаго училищнаго совѣта.

собствовало развитію въ нашемъ обществѣ почти вовсе чуждой ему до тѣхъ поръ привычки трудиться безъ вознагражденія, на общую пользу. Въ до-реформенное время не получали жалованья предводители дворянства, почетные смотрители хлѣбныхъ магазиновъ, почетные попечители учебныхъ заведеній—но многіе ли изъ нихъ считали нужнымъ что-нибудь дѣлать, и многіе ли не ожидали награды за свое служебное бездѣйствіе?.. „Московскія Вѣдомости" говорятъ объ „общей суммѣ неправильно израсходованныхъ или расхищенныхъ земскихъ денегъ", какъ о чемъ-то чудовищномъ, далеко перевѣшивающемъ сумму безкорыстнаго земскаго труда. Не пора ли было бы, однако, перейти отъ бездоказательныхъ фразъ къ точнымъ фактическимъ даннымъ? Если судить по сообщенію, сдѣланному въ послѣднемъ засѣданіи петербургскаго юридическаго общества, предположенія московской газеты не имѣютъ ничего общаго съ дѣйствительностью. Сумма земскихъ растратъ, по словамъ Н. А. Хвостова, со ставляетъ, за все время существованія земскихъ учрежденій, не болѣе 300 тысячъ рублей, причемъ половина этой суммы приходится на долю одной орловской губерніи—не потому, чтобы орловское земство отличалось особою безнравственностью, а потому, что одна изъ *двухъ* совершившихся тамъ растратъ достигаетъ очень крупной цифры. Желательно было бы знать, многимъ ли меньше, за тотъ же періодъ времени, сумма растраченныхъ дворянскихъ капиталовъ? А до введенія земскихъ учрежденій не бывало развѣ никакихъ злоупотребленій при расходованіи земскихъ сборовъ? Ихъ только не легко было раскрыть, потому что тѣ немногіе представители дворянства, которые серьезно относились къ повѣркѣ земскихъ расходовъ, рисковали отдачей подъ надзоръ полиціи или административной ссылкой въ отдаленныя губерніи. Чтó скрывалось во мракѣ канцелярской тайны, объ этомъ даетъ понятіе слѣдующій фактъ, приведенный А. Д. Шумахеромъ въ томъ же засѣданіи юридическаго общества. На постройку моста черезъ одинъ изъ черноморскихъ лимановъ было ассигновано, въ сороковыхъ годахъ, нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Отчеты объ исполненіи постройки были представлены куда слѣдуетъ, но на самомъ дѣлѣ мостъ построенъ не былъ. Когда это сдѣлалось извѣстнымъ, императоръ Николай повелѣлъ произвести строжайшее слѣдствіе, результатъ котораго выразился въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: „нѣтъ моста—нѣтъ денегъ—нѣтъ виновныхъ". Такіе факты не мѣшаетъ вспоминать почаще всѣмъ laudatoribus temporis acti, которыхъ теперь развелось необыкновенно много.

Истекшій мѣсяцъ былъ вообще неблагопріятенъ для противниковъ земскаго самоуправленія. Въ петербургскомъ юридическомъ обществѣ замѣчательную рѣчь въ защиту земства произнесъ А. Д. Шу-

махеръ, одинъ изъ самыхъ заслуженныхъ государственныхъ дѣятелей, близко знакомый съ исторіей образованія и развитія земскихъ учрежденій. Въ Одессѣ двадцатипятилѣтіе земства было отпраздновано торжественнымъ обѣдомъ, на которомъ первый тостъ былъ провозглашенъ херсонскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Въ Москвѣ состоялся такой же обѣдъ, съ участіемъ всѣхъ предводителей дворянства. Наибольшее впечатлѣніе произвела здѣсь рѣчь кн. А. А. Щербатова (бывшаго московскаго городского головы), благонамѣренность котораго едва ли рѣшатся заподозрить даже реакціоннѣйшіе органы реакціонной печати. „Пять лѣтъ тому назадъ,—такъ началъ кн. Щербатовъ,—я покинулъ земскую дѣятельность, но не отъ равнодушія къ ней; моя любовь къ земству и теперь такъ же горяча, какъ въ молодости. Это даетъ мнѣ право говорить о прошедшемъ, связать его съ настоящимъ и будущимъ. Не одни мы, но сама исторія скажетъ: вѣчная память императору Александру II за всѣ его реформы!.. Не панегиристомъ земскихъ учрежденій я выступаю; я люблю ихъ такъ много, что не въ состояніи имъ кадить и превозносить ихъ не въ мѣру. Въ самой организаціи земскихъ учрежденій могутъ и должны быть измѣненія, но не дай Богъ, чтобы вмѣстѣ съ улучшеніями дотронулись до корня этого живого дерева... Въ дѣйствительности земство не находится въ оппозиціи правительству. Есть столкновенія, есть недоразумѣнія между той и другой стороной, но гдѣ же ихъ нѣтъ и развѣ они не существуютъ между разными вѣдомствами и министерствами?.. *Плохую услугу оказываютъ нашей странѣ тѣ консерваторы, которые возбуждаютъ правительство противъ земства.* Зачѣмъ поддерживать вражду къ органамъ самоуправленія русскаго народа? Правительство смѣло можетъ опираться на нихъ; тогда всѣ временныя недоразумѣнія между правительствомъ и обществомъ исчезнутъ, и жизнь пойдетъ своимъ путемъ". Не можетъ быть, чтобы такая рѣчь прошла безслѣдно; если она не будетъ услышана теперь, то о ней вспомнятъ позже и увидятъ въ ней дѣйствительное выраженіе русскаго общественнаго мнѣнія, органомъ котораго напрасно старается прослыть реакціонная пресса.

Между „разными извѣстіями", печатаемыми мелкимъ шрифтомъ на послѣднихъ газетныхъ страницахъ и ускользающими отъ вниманія большинства читателей, попадаются иногда факты, далеко не лишенные значенія. Таково, напримѣръ, сообщеніе о томъ, что двое изъ числа бывшихъ подсудимыхъ по коротоякскому дѣлу (гг. Савеловъ и Троцкій) выбраны, вслѣдъ за окончаніемъ дѣла, губернскимъ

земскимъ собраніемъ [1])—первый въ почетные, второй въ участковые мировые судьи, а дворянскимъ собраніемъ—первый въ уѣздные предводители, второй въ кандидаты къ предводителю. Наоборотъ, одинъ изъ свидѣтелей обвиненія, баллотировавшійся въ участковые мировые судьи, получилъ, въ томъ же губернскомъ собраніи, 30 неизбирательныхъ шаровъ противъ 20 избирательныхъ. Что̀ скажутъ по этому поводу газеты, осыпавшія бранью оправдательный вердиктъ присяжныхъ по коротоякскому дѣлу? Не такъ же неотразимо было обвиненіе, по крайней мѣрѣ въ одной своей части, если оно не поколебало довѣрія къ подсудимымъ ни въ земской, ни въ дворянской сферѣ—а гдѣ же ручательство въ томъ, что остальныя части обвиненія были несравненно сильнѣе?

Другой фактъ, никѣмъ, кажется, до сихъ поръ не замѣченный, заимствуется нами изъ обвинительнаго акта по дѣлу Звѣздочетова. „Княгиня Голицына,—читаемъ мы въ этомъ документѣ,—опасаясь неблагопріятнаго исхода дѣла на судѣ (ею и ея сыномъ предъявленъ былъ искъ о недѣйствительности духовнаго завѣщанія покойнаго ея мужа), обратилась къ административной власти съ ходатайствомъ о предложеніи Стадлеръ (швейцаркѣ, въ пользу которой составлено было завѣщаніе) покончить дѣло миромъ. Непосредственные переговоры съ Стадлеръ и ея повѣреннымъ велъ начальникъ московскаго губернскаго жандармскаго управленія, который и увѣдомилъ Голицыныхъ о согласіи Стадлеръ выдать имъ за отказъ отъ иска сто тысячъ рублей". Но мы не знаемъ, на основаніи какого закона административная власть можетъ принимать на себя посредничество между тяжущимися сторонами, по просьбѣ одной изъ нихъ, съ цѣлью склоненія другой къ миру? Если подобное посредничество и признается возможнымъ, то удобно ли поручать его такому лицу, одно появленіе котораго можетъ возбуждать мысль о понужденіи? Извѣстно, что въ прежнее время третье отдѣленіе—или, отъ его имени, подчиненные ему чины корпуса жандармовъ,—нерѣдко вмѣшивалось въ гражданскіе процессы и быстро достигало ихъ прекращенія, къ великому удовольствію одной изъ сторонъ, къ великому огорченію другой; но этотъ обычай давно отошелъ въ область прошлаго. Приведенная нами цитата изъ обвинительнаго акта доказываетъ какъ будто противное. Объяснять неудобства особыхъ „внушеній", идущихъ со стороны административной власти, мы считаемъ излишнимъ; замѣтимъ только, что они устраняютъ равно-

---

[1]) Губернское земское собраніе выбираетъ мировыхъ судей въ тѣхъ случаяхъ, когда они не могли быть выбраны въ уѣздномъ собраніи. Въ данномъ случаѣ уѣзднымъ выборамъ помѣшала, вѣроятно, малочисленность коротоякскаго земства, о которой мы недавно говорили.

правность между сторонами, столь существенную для правильнаго отправленія правосудія—устраняютъ ее какъ потому, что не всякій рѣшится обратиться къ исключительнымъ путямъ и средствамъ, такъ и потому, что не для всякаго они окажутся доступными.

Заключить нашу хронику намъ опять приходится некрологомъ. Мѣсяцъ тому назадъ скончался въ Москвѣ С. А. Юрьевъ, основатель „Бесѣды" и „Русской Мысли", талантливый переводчикъ Шекспира и испанскихъ драматурговъ, авторъ многихъ замѣченныхъ въ свое время журнальныхъ статей, одинъ изъ главныхъ организаторовъ пушкинскаго празднества 1880 г. Все это сдѣлало его извѣстнымъ всему русскому образованному обществу, но особенною популярностью онъ пользовался въ Москвѣ, гдѣ прошла вся его жизнь. Онъ являлся тамъ одною изъ тѣхъ центральныхъ фигуръ, около которыхъ группируются не только кружки, но цѣлыя поколѣнія. Нужно прочесть статью, посвященную его памяти А. Н. Веселовскимъ (въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ", № 358), чтобы понять, чѣмъ былъ для московскаго интеллигентнаго общества С. А. Юрьевъ, и что̀ оно въ немъ потеряло. О значеніи такихъ людей нельзя судить по количеству и качеству ихъ произведеній; гораздо сильнѣе они дѣйствуютъ всею своею личностью, дѣйствуютъ на умы и сердца—и одно ихъ имя, произнесенное много лѣтъ спустя послѣ ихъ смерти, вызываетъ во всякомъ ихъ знавшемъ то впечатлѣніе, о которомъ говоритъ въ „Рудинѣ" Лежневъ, вспоминая умершаго друга молодости: „точно въ грязной и темной комнатѣ раскупорена забытая стклянка съ духами".

ИЗВѢЩЕНІЯ.

Сборъ пожертвованій на сооруженіе въ Москвѣ памятника Николаю Васильевичу Гоголю.

Въ дни празднованія въ Москвѣ открытія памятника Пушкину, 8-го іюня 1880 года, во второе торжественное засѣданіе Общества Любителей Россійской Словесности, было постановлено Обществомъ ходатайствовать чрезъ г. московскаго генералъ-губернатора о разрѣшеніи открыть всенародную подписку на памятникъ Гоголю. Это ходатайство было благосклонно принято въ Бозѣ почившимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ, и Его Величество 1-го августа 1880 года всемилостивѣйше соизволилъ разрѣшить Обществу Любителей Россійской Словесности открыть повсемѣстную подписку въ Россіи на сооруженіе въ Москвѣ памятника Гоголю.

Къ первому января 1889 года къ казначею Общества поступило пожертвованій 31.163 руб. 68¼ к.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ПЕРВАГО ТОМА.

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ, 1889.

Книга первая. — Январь.

Книга вторая. — Февраль. стр

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

въ **1889** г.

(Двадцать-четвертый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Янв.	Іюль	Янв.	Апр.	Іюль	Окт.
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза . .	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — **1 р. 50 к.**

Примѣчаніе.—Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ, въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года, въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается—**безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Съ перваго января открыта подписка на 1889 годъ.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ:* 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 2 лин., 7; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Невск. пр., 14, и А. Ф. Цинзерлинга, Невск. пр., 46, противъ Гостин. Двора;—въ *Москвѣ:* 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.—*Иногородные* и *иностранные*—обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично—въ Контору журнала.—Тамъ же принимаются ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адрессъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адресса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адресса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе—40 коп.— 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

